ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ

Выпуск 43

52-я научная конференция

Общество и государство в Китае

Том LII

Москва
2023

INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PROCEEDINGS OF THE CHINA DEPARTMENT

Issue 43

52th scientific conference

Society and State in China

Volume LII

Moscow
2023

俄羅斯科學院
東方學研究所

華部叢書

第43期

第52屆學術會議

中國社會與國家

卷五十二

莫斯科
2023

УДК 94 (510)
ББК 63.3 (Кит)
О-28

Серия «Учёные записки Отдела Китая»

Редакционная коллегия
д-р филос. наук, проф. *А. И. Кобзев* (главный редактор),
канд. филос. наук *Н. В. Руденко* (ответственный секретарь),
канд. ист. наук *С. В. Дмитриев* (зам. главного редактора),
д-р *П. Адамек* (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д-р *Г. Йегер* (Henrik Jäger, Германия), канд. ист. наук *М. В. Корольков*,
канд. филос. наук *Н. А. Орлова*, проф. *А. Роше* (Alain Rocher, Франция),
канд. ист. наук *Э. А. Синецкая*, канд. ист. наук *Е. С. Скрыпник*

Составитель и ответственный редактор *А. И. Кобзев*

Редактор *Н. В. Руденко*

Рецензенты
д-р филос. наук *И. В. Белая*, канд. ист. наук *В. А. Перминова*

Издание подготовлено при участии
канд. искусствоведения *Т. Б. Будаевой*

Рекомендовано
Учёным советом Института востоковедения РАН

О-28 **Общество** и государство в Китае. Т. LII / Редколл.: А. И. Кобзев, гл. ред. [и др.] ; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук, Отд. Китая. – Москва : ИВ РАН. – 2023. – 754 с. : ил., табл. – (Учёные записки Отдела Китая ; вып. 43, ISSN 2227-3816).

ISBN 978-5-907671-00-3

52-й том материалов ежегодно проводимой с 1970 г. научной конференции «Общество и государство в Китае» содержит результаты новейших синологических исследований, главным образом в области источниковедения, литературы и искусства, политики и экономики, а также истории взаимоотношений России и Китая. Помимо этого, сборник включает раздел «Научная жизнь», юбилейные поздравления и мемориальные публикации, посвящённые выдающимся китаеведам, ветеранам отдела Китая ИВ РАН Г. В. Мелихову (1930–2019) и Н. П. Свистуновой (1930–2022).

УДК 94 (510)
ББК 63.3 (Кит)

ISSN 2227-3816
ISBN 978-5-907671-00-3

© Редколлегия, 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Источниковедение

В. Б. Виногродская
«Координатные составные слова» в тексте на вэньяне и в переводе 8

И. С. Колнин
Сравнение текста *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров») с сохранившимися фрагментами первого издания *Дао и чжи* 島夷誌 в *Минь шу* 閩書 («Книга [местности] Минь») 20

А. Б. Зотова
«Женский “Лунь юй”»: чему учили женщину Поднебесной? 43

П. А. Лапин
Организатор нового образования в цинском Китае Жун Хун и первые китайские учащиеся в США (1871–1881) 54

Литература и искусство

Р. В. Берёзкин
Автобиографические черты в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю (1070 г.) (перевод с предисловием) 72

П. М. Ткач
Проблема новой интерпретации романа Ши Найаня «Речные заводи» 107

П. С. Одинокова
Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна 136

И. Б. Бурдонов
Путь стихотворения «Свет над морем»: от Ли Хуа до Гумилёва, по временам и странам 150

Н. А. Дорофеева
Вертинский в китайской эмиграции 205

Политика и экономика

С. Г. Андреева
От дипломатии к войне: некоторые аспекты японо-китайских отношений по поводу Кореи в начале 1890-х гг. 249

А. Г. Ларин, А. В. Лукин
Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения 297

В. А. Перминова
«Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и её влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века.....341

А. В. Афонасьева
Об аппарате КНР по работе с китайской диаспорой 371

С. Н. Жилкибаев
Режим контрсанкций КНР и РФ: экономико-правовой анализ..... 387

Китай и Россия

А. А. Астайкин
«Не успеша бо исполчитися противу имъ»:
князья Руси, половцы и монголы в походе
и битве на реках Калках (1223 г.) 399

С. В. Дмитриев
Битва на Калке (1223) в китайском летописании
(к вопросу об основных закономерностях и этапах
изучения истории Монгольской империи в старом Китае) 448

А. В. Акулич
«Применительно к местным условиям государственной
и гражданской жизни китайцев»: празднования лунного Нового года
и Пасхи в период расцвета православного миссионерства
в Китае (1900–1917 гг.) 534

Е. Н. Наземцева
Из истории русского православия в Синьцзяне:
сложная судьба храма в г. Урумчи 561

А. И. Кобзев
Гибель Титаника советского китаеведения 577

Научная жизнь

Н. В. Руденко
Осенний синологический симпозиум: обзор конференции
«История, культура и язык Китая» (ИВ РАН, 27–28 октября 2022 г.) 601

А. И. Кобзев
Квадратура Круглова, или Новые похождения Чичикова 620
Приложение. Рецензия на статью «Бытийно-динамические понятия
традиции Ицзина и модель их лингвокультурологического анализа» ... 633

О. А. Масловец
Псевдопрофессионализм и психопатия 638
Приложение 1. Служебная записка О. А. Масловец от 23.12.2021 646
Приложение 2. Служебная записка О. А. Масловец от 10.01.2022 647
Приложение 3. Служебная записка О. А. Масловец от 18.02.2022 649
Приложение 4. Приказ № 78-К от 18.01.2022 651
Приложение 5. Приказ № 758-К от 10.03.2022 652
Приложение 6. Отчёт Контрольно-ревизионной комиссии
Ассоциации преподавателей китайского языка 653

Т. Г. Завьялова
Мемуар 660
Приложение 1. Рецензия Т. Г. Завьяловой, Ю. А. Азаренко,
Н. Ш. Николаевой на учебник: Рихтер Цзягу, Круглов В. В.
«Дипломатия. Китайский язык» 663
Приложение 2. Рецензия А. В. Семенова на учебник Рихтер Цзягу,
Круглова В. В. «Дипломатическая служба. Китайский язык» 666

Сафин Т. А.
Огласить нельзя зачитывать:
об апелляции на защиту В. В. Круглова 677
Приложение 1. Отзыв С. В. Дмитриева на диссертацию В. В. Круглова .. 685
Приложение 2. Отзыв Н. В. Руденко на диссертацию В. В. Круглова 688
Приложение 3. Отзыв Т. А. Сафина на диссертацию В. В. Круглова 698
Приложение 4. Заключение диссертационного совета
по защите диссертации В. В. Круглова 701
Приложение 5. Апелляция Т. А. Сафина
на решение диссертационного совета 702
Приложение 6. Заключение апелляционной комиссии
о результатах рассмотрения обращения Т. А. Сафина 704

Поздравляем

К 60-летию Валентина Цуньлиевича Головачёва 706
К юбилею Ларисы Петровны Черниковой 709

In Memoriam

Л. П. Черникова
Китаевед, сотрудник Института востоковедения
Г. В. Мелихов (жизнь, работа, исследования) 713
Дмитриев С. В.
Наталия Павловна Свистунова (12.06.1930–6.09.2022) 737

Contents 749

目录 752

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

ORCID: 0000-0002-3878-1282

В. Б. Виногродская[*]

«Координатные составные слова» в тексте на вэньяне и в переводе

Аннотация. В статье рассматривается синтаксическая и семантическая структура двуслогов с сочинительной связью между иероглифами в вэньяне. Подобные «координатные составные слова», или КСС (кит. *ляньхэши хэчэнцы*), являются частью базовых механизмов организации традиционного китайского текста, выступая в качестве минимального контекста, способствующего разрешению грамматической и семантической неопределённости синтагмы. КСС используются и в современном русском языке, но представляют собой периферийное явление с очень узкой сферой приложения. Выраженная неизоморфность КСС во флективном русском и изолирующем древнекитайском языке проявилась в серой зоне межъязыкового взаимодействия как на уровне теоретического описания, так и в практике перевода. На русский язык КСС вида «АВ» могут переводиться как словосочетания вида «А и В», композиты вида «А-В» или другим словом/словосочетанием, передающим обобщающее или переносное значение исходного КСС. Так как ни одна из распространённых моделей перевода («инь-ян», «инь и ян», «единство противоположностей») не отражает в достаточной мере семантических и синтак-

[*] ***Виногродская Вероника Брониславовна,*** канд. филол. наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения культуры Китая Института Китая и современной Азии РАН (Москва), banbanpo@gmail.ru

© Виногродская В. Б., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

сических особенностей координатных биномов, их перевод требует особого внимания к степени допустимых искажений в зависимости от цели перевода того или иного текста.

Ключевые слова: вэньянь, композит, координатные составные слова, ляньхэши хэчэнцы, текст, перевод

Veronika B. Vinogrodskaya[*]

Coordinative Compound Words in Classical Chinese and in the Russian Translation

Abstract. The paper deals with the syntactic and semantic structure of compounds with a relation of coordination between the two characters or "coordinative compound words" (*lianheshi hechengci*) in Classical Chinese. They constitute one of the basic structural patterns of traditional Chinese text and provide minimal grammatical and semantic context in a phrase. Coordinative compound words with two independent constituents are a rather peripheral phenomenon in the modern Russian. Due to the marked difference of those compounds in Russian as an inflected language from the Ancient Chinese which is an isolating language, they seem to fall into the gray zone of cross-language interaction in theoretical description as well as in translation practice. A compound "AB" can be translated into Russian as a word collocation "A and B" or a compound word "A-B" or as a completely different word/collocation that represents an abstract or figurative meaning of the original compound. Since none of the translation options ("yin-yang", "yin and yang", "unity of opposites") adequately reflects the linguistic characteristics and the overall usage of coordinative compounds, they require special attention when dealing with the translation of a particular text for a particular purpose.

Keywords: Classical Chinese, composite word, coordinative compound word, lianheshi hechengci, text, translation

Снятие семантической и грамматической неопределённости иероглифа происходит в контексте и за счёт таких языковых механизмов, как порядок языковых единиц и связи между ними,

[*] ***Vinogrodskaya Veronika Bronislavovna***, Ph. D. (Philology), Leading Research Associate, Center for the Study of Chinese Culture, Institute of China and Contemporary Asia (Moscow), banbanpo@gmail.ru

служебные единицы с грамматическим значением, всевозможные параллелизмы и подобия, а также в немалой степени благодаря владению дискурсом, то есть интерпретации высказывания в более широком семантическом контексте.

Одним из таких важных структурных механизмов является выделение из контекста двух соседних иероглифов в языковую единицу, функционирующую в качестве слова или словосочетания (в зависимости от критериев описания и устойчивости единицы). В отечественном китаеведении такие сложения могут называть «биномами» по количеству составляющих или «композитами» по способу словообразования. В традиционной китайской филологии они обычно толковались в комментариях, грамматически как самостоятельный феномен описаны только в 1898 г. в первой китайской грамматике «Ма-ши вэнь тун» 馬氏文通 (варианты перевода: «Всеобщее постижение текстов г-на Ма» / «Объяснение правил письменного языка господина Ма»)[1], а лексикографически начинают рассматриваться только с 1915 г., когда издаётся толковый словарь «Источник слов» («Цы юань» 辞源) и оформляется само понятие «словарная статья», в отличие от прежних лексикографических описаний, ориентированных на иероглиф (*цзы* 字).

В современной китайской лингвистике также продолжаются споры о статусе полнозначных двусложных композитов в вэньяне, но обычно в практических целях их называют «составными словами» (*хэчэнцы* 合成詞, *фухэцы* 复合詞; англ. compound) и далее переходят к классификации по типу синтаксических связей между составляющими:

1) подчинительные: *тянь ся* 天下 «под небом», перен. «поднебесная»; 百姓 *бай син* «сто фамилий», перен. «простой народ»;

2) сочинительные: *цао-му* 草木 «травы-деревья»; *ши-у* 事物 «дела-вещи», перен. «всё существующее»;

3) «глагол-дополнение»: *чжи ши* 执事 «управлять делами», «управитель»; *сы мин* 司命 «ведающий жизнями», перен. «врач»;

[1] Об основных положениях грамматической теории Ма Цзяньчжуна 馬建忠 (1844–1900) подробнее см. [Кирюхина 2019].

4) «подлежащее-сказуемое» (предикативные): *дун чжи* 冬至 «зима наступает», зимнее солнцестояние; *коу чи* 口吃 «рот ест», «заикаться».

Далее рассматриваются композиты 2-го типа – с сочинительной связью между иероглифами, которые, вне зависимости от того, идёт ли речь о древнекитайском или о современном китайском языке, о вэньяне или о байхуа, в современной китайской лингвистике обозначаются как «координатное составное слово», или КСС (*ляньхэши хэчэнцы* 联合式合成词; англ. coordinative compound word, coordinate compound).

В отечественном китаеведении в грамматических описаниях вэньяня подобные биномы упоминают в разделах по морфологии: «Лексика и словообразование» [Яхонтов 1965, с. 34][2], «Морфосинтаксические сведения» [Старостин, Старостин 2020, с. 20][3], в основном ограничиваясь рассуждениями о статусе подобных образований (слово или словосочетание) и не классифицируя их. С. Е. Яхонтов в примерах вообще не приводит КСС, ограничиваясь 1-м типом с подчинительной связью [Яхонтов 1965, с. 34]. Для самих китайцев: «The coordinate compound is an indispensable part of Chinese» [Jiang Yingdi 2018, p. 232], как в вэньяне, так и в байхуа. В последние десятилетия КСС исследуются довольно детально и результативно, особенно в контексте конкретных классических произведений [Jiang Yingdi 2018, p. 237–238].

При описании КСС наиболее значимы такие параметры, как семантическая структура, значение, порядок элементов, степень устойчивости. По семантической структуре возможны расхождения в подробности классификаций от двух (антонимы и синонимы) до четырёх типов. Здесь приводится «средний» вариант

[2] «В древнекитайском встречаются также сочетания однослогов, значение которых не выводится (или не целиком выводится) из значения их составных частей и которые при переводе должны рассматриваться как единое смысловое целое».

[3] «Идиоматические двусложные сочетания, значение которых не выводится автоматически из значений их составных компонентов. <…> В силу неразвитости продуктивной словообразовательной морфологии именно на эти «биномы» (вопрос о том, считать ли их словами или словосочетаниями, для Д. я. остаётся столь же открытым, как и для современного китайского) возлагается основная функция образования новых значений в Д. я.». В цитате «Д. я.» – аббревиатура «древнекитайский язык».

с тремя типами: (1) антонимы, (2) синонимы или близкие по значению, (3) одного семантического класса, аспекты одного явления[4].

(1) антонимы:

шэн-шуай 盛衰 «расцвет-упадок»,

бэнь-мо 本末 «корень-вершина», «начало-конец»;

(2) синонимы или близкие по значению:

ай-лянь 爱怜 «любить-жалеть»,

цзы-цай 资财 «средства-состояние»;

(3) разные аспекты одного явления:

хоу-фэй 后妃 «императрицы-наложницы» (императора),

е-чжу 冶铸 «плавка-литьё», перен. «воспитание»,

юань-лю 源流 «источник-поток», «происхождение-развитие».

Итоговое значение бинома может по-разному соотноситься со значениями исходных элементов:

AB ≈ A + B (приблизительное равенство сумме значений составляющих):

фу-цян 富强 «богатый+могущественный»,

цзи-сун 记诵 «запоминать вслух+декламировать наизусть»;

AB = C (расширение или обобщение и полное идиоматическое переосмысление значения):

фан-юань 方圆 «квадратный+круглый» = «окрестности»,

шэ-цзи 社稷 «Шэ (божество или алтарь земли) + Цзи (божество злаков) = «алтари Шэ-Цзи» = «государство»;

AB = A/B (регулярное или контекстное смещение значения в сторону одного из элементов):

сы-шэн 死生 «смерть+жизнь» = «смерть» (или «жизнь»),

цзо-си 作息 «трудиться-отдыхать» = «трудиться» (*чжоу-е цинь цзо-си* 昼夜勤作息 «днём-ночью усердно трудиться»[5]).

Порядок составляющих КСС в основном демонстрирует значительную степень устойчивости, хотя и здесь нет жёстких правил: в отдельных композитах перестановки практически не случаются,

[4] Synonymous compounds, related compounds and opposite [Jiang Yingdi 2018, p. 232].

[5] «Древнее стихотворение, написанное жене Цзяо Чжунцина» (*Гу ши вэй Цзяо Чжунцин ци цзо* 古诗为焦仲卿妻作) из поэтической антологии сер. VI в. «Новые напевы нефритовой башни» (*Юй тай синь юн* 玉台新咏).

и, наоборот, возможны, хотя скорее в виде исключений, сочетания, допускающие почти свободную перестановку:

Позиция неизменна	*инь-ян* 阴阳, *тянь-ди* 天地 «Небо-Земля»
Меняется позиция, не меняется значение	*гуй-шэнь* 鬼神 «духи-божества» (частотно) vs *шэнь-гуй* 神鬼 «божества-духи» (реже)
Меняется позиция при другом значении	*юань-фан* 圆方 «круглое-квадратное», перен. «мир» vs *фан-юань* 方圆 «квадрат-круг», перен. «окрестности»
Статистически почти равнозначно[6]	*ань-цзи* 案几 «столы» и *цзи-ань* 几案 «столы»

В целом степень устойчивости – и формальной, и семантической – представляет собой континуум, на одном конце которого жёстко и однозначно выделяющиеся в контексте частотные композиты, а на другом – сам механизм, позволяющий легко создавать окказиональные словосочетания со всей полнотой реализации возможных значений в тексте. При этом тип связи в подавляющем большинстве случаев воспринимается однозначно, но в некоторых случаях также может интерпретироваться по-разному – и как сочинительный, и как подчинительный тип связи между составляющими. Например, в случае *шань линь* 山林 – и как напрашивающийся «горный лес» (*шаньшан дэ линьму* 山上的林木), и как «горы-леса» (*шань юй линь* 山与林)[7]. Чаще всего контекст разрешает синтаксическую многозначность, но иногда даже в комментаторском и академическом дискурсах сосуществуют разные понимания вплоть до казусов с интерпретацией названия канонического конфуцианского произведения *Лунь-юй* 论语 [Кобзев 2015, с. 234–243].

В текстах КСС употребляется свободно, в меньшей мере в сюжетном повествовании и заметно чаще – в тексте типа рассуждения:

[6] То есть в текстах встречаются и в обоих порядках без связи с контекстом.

[7] «По велению совершая жертвоприношения горам-лесам, потокам-водоёмам, для жертвенных животных не использовать самок» 命祀山林川泽，牺牲毋用牝 («Записки о ритуале» *Ли цзи* 礼记, глава «Полунные указы» *Юэ лин* 月令).

易与天地准，故能弥纶天地之道。
仰以观于天文，
俯以察于地理，
是故知幽明之故。
原始反终，
故知死生之说。
精气为物，
游魂为变，
是故知鬼神之情状。[8]

В вышеприведённом примере из 4-го чжана «Привязанных слов» (*Си цы* 系辞), комментария к «Канону перемен», со структурной разбивкой с выделением синтагм и параллелизмов подчёркнуты КСС: *тянь-ди* 天地 «небо-земля», *ми-лунь* 弥纶 «дополнить-упорядочить», *ю-мин* 幽明 «тёмное-освещённое», *сы-шэн* 死生 «смерть-жизнь», *гуй-шэнь* 鬼神 «духи-божества», *цин-куан* 情状 «состояние-положение». В этом же отрывке также представлен использованный в параллельных конструкциях «готовый материал» для таких КСС как *ян-фу* 仰俯 «обращаться вверх-вниз» (*ян* – «поднимать голову вверх», *фу* – «опускать голову вниз»), *гуань-ча* 观察 «созерцать-наблюдать», *ши-чжун* 始终 «начало-конец», «постоянно».

Пример из ещё более специализированного текста – «Основные значения «Чжоуских перемен»» (*Чжоу и бэнь и* 周易本义), комментария Чжу Си (1130–1200) к 9 *чжану* «Привязанных слов»:

鬼神(1)，谓凡奇偶(2)生成(3)之屈伸(4)往来(5)者。[9]

В этом определении понятия «духи-божества», помимо глагола и служебных слов, все лексические единицы компонуются в КСС: *гуй-шэнь* 鬼神 «духи-божества», *цзи-оу* 奇偶 «нечётное-чётное», *шэн-чэн* 生成 «порождение-завершение», *цюй-шэнь* 屈伸

[8] Относительно буквальный перевод: «Перемены с Небом-Землёй соотнесены, потому способны дополнять-упорядочивать Дао Неба-Земли. Обращаясь вверх, созерцают узоры Неба, обращаясь вниз, созерцают паттерны Земли, потому-то понимают причины тёмного-освещённого. Основываясь в начале, возвращаются в конец, потому понимают учение смерти-жизни. Эссенциальное ци действует как сущности, блуждающие души-хунь действуют как изменения, потому-то понимают состояния-положения духов-божеств».

[9] Относительно буквальный перевод: «Духи-божества – определяет всегда то, когда порождение-завершение нечётного-чётного сгибает-распрямляет ушедшее-грядущее».

«сгибать-распрямлять», *ван-лай* 往来 «ушедшее-грядущее». Такое концентрированное использование КСС также вполне нейтрально в качестве вывода из пассажа, где изложение велось с опорой на параллелизмы, в данном случае подробно демонстрировалось содержание «нечётного-чётного» в терминах «порождение-завершение» и *бянь-хуа* 变化 «изменение-трансформация».

Для демонстрации возможностей встраивания КСС в синтагму приведём пример из «Текста тысячи иероглифов» (*Цянь цзы вэнь* 千字文, VI в.) – текста из одной тысячи неповторяющихся иероглифов, организованных в четырёхсложные рифмованные строки. Первое четверостишие «Цянь цзы вэнь» состоит только из КСС – 8 биномов, организованных в 4 строки-синтагмы:

	Оригинал	Подстрочник	
1	(1)天地(2)玄黄，	(1) Небо-Земля	(2) (иссиня-)чёрно-желта
2	(3)宇宙(4)洪荒。	(2) Пространство-время	(4) безбрежно-отдалённо
3	(5)日月(6)盈昃，	(5) Солнце-Луна	(6) полная-закатное
4	(7)辰宿(8)列張。	(7) Светила-созвездия	(8) расставлены-расправлены

Реальное распределение связей между составляющими хорошо демонстрирует «слитно-раздельное» существование этих лексических единиц, которые в тексте проявляют себя одновременно и как одно общее понятие, и как два отдельных конкретных:

Небо → (иссиня-)чёрное, Земля → жёлтая[10]

Пространство → огромно, время → протяжённо

Солнце → закатное (и рассветное), Луна → полная (и ущербная)

Светила → расставлены (в ряд), созвездия → расправлены (по поверхности)

Перекрёстная связь, как в третьей строке, встречается редко и здесь объясняется стихотворным форматом текста. И в целом это пример из искусственного текста, созданного в период господства жёсткого параллельного стиля, но он удерживает свою

[10] Вся синтагма указывает также на неисчерпаемое разнообразие мира. Философское кино-музыкальное эссе «Барака» (1992) о невероятной красоте и многообразии нашей планеты в Китае локализован под названием «Тянь-ди сюань-хуань» (天地玄黄, букв. «Небо-Земля чёрно-желта»).

популярность среди пропедевтических текстов, особенно у занимающихся каллиграфией, до сих пор. Помимо стихотворных (поэтических и мнемонических) форматов КСС распространены в текстах типа рассуждение, где изложение также очень часто ведётся за счёт сложной структурной организации с использованием параллелизмов.

Один из распространённых способов использования КСС в тексте – флуктуация между однослогом в параллельных конструкциях и биномом. Например, в 19-й главе «Ли цзи», «Записки о музыке» (*Юэ цзи* 乐记), изложение о музыке (*юэ* 乐) ведётся в связке с ритуалом (*ли* 礼). Иероглиф *юэ* используется 157 раз, *ли* – 86 раз, а КСС 礼乐 *ли-юэ* «ритуал-музыка» встречается 23 раза. В нижеприведённом отрывке выделены в блоки параллелизмы с участием *ЮЭ* и *ЛИ*:

论伦无患，ЮЭ之情也；
欣喜[11]欢爱，ЮЭ之官也。
中正无邪，ЛИ之质也；
庄敬恭顺，ЛИ之制也。
若夫 ЛИ-ЮЭ(13)之施于金石，越于声音，用于宗庙社稷，
事乎山川鬼神，则此所与民同也。

王者　功成作ЮЭ，
　　治定制ЛИ。
　　其功大者其ЮЭ备，
　　其治辩者其ЛИ具。
　　干戚之舞非备ЮЭ也，
　　孰亨而祀非达ЛИ也。
　　五帝殊时，不相沿ЮЭ；
　　三王异世，不相袭ЛИ。
　　ЮЭ极则忧，
　　ЛИ粗则偏矣。
　　及夫敦ЮЭ而无忧，
　　ЛИ备而不偏者，其唯大圣乎？

天高地下，万物散殊，而ЛИ制行矣。
流而不息，合同而化，而ЮЭ兴焉。

[11] Подчёркнуты другие КСС, ещё 12.

春作夏长，仁也；秋敛冬藏，义也。
仁近于ЮЭ，
义近于ЛИ。
ЮЭ者敦和，率神而从天，
ЛИ者别宜，居鬼而从地。
故圣人 作ЮЭ以应天，
制ЛИ以配地。
(14)ЛИ-ЮЭ明备，天地官矣。[12]

Так как глава посвящена музыке, то в параллельных комплексах в начальных синтагмах в подавляющем большинстве появляется «музыка», а вторым членом – «ритуал», но в форме КСС всегда используется порядок «ритуал»-«музыка». В текстах типа рассуждение этот механизм организации сверхфразовых единств с выделением отдельных понятий в составе параллелизмов и слияния этих понятий в одно обобщающее является стилистически нейтральным.

Итак, с одной стороны, композиты типа КСС обычно даже не упоминаются в грамматических описаниях вэньяня, но в текстах

[12] Относительно буквальный перевод: «Суждения-отношения не повреждены – это состояние музыки; веселье-счастье и симпатия-любовь – это функция музыки. Срединность-прямота не искажены – это существо ритуала; торжественность-уважение, почтительность-послушание – это производное ритуала. И если ритуал-музыка исполняются на металле-камне, переносятся в голос-звук, используются на алтарях Шэ-Цзи храмов предков, служат духам-божествам гор-потоков, то в этом месте есть единство с народом.

Правители, свершив деяние, создают музыку, утвердив управление, производят ритуал. У кого деяния велики, у того музыка в полноте; у кого управление устроено, у того ритуал целостен. Танец щитов-топоров – не совершенная музыка, варить и приносить в жертву – не всеобъемлющий ритуал. Разные времена пяти императоров не следовали музыке друг друга; разные поколения трёх правителей не перенимали ритуал друг у друга. Музыка в своих крайностях ведёт к печали; ритуал, становясь грубым, ведёт к отклонениям. Превозносить же музыку так, чтобы не было печали, а ритуал был в полноте и не отклонялся, это разве дано не одним лишь великим совершенномудрым?

Небо высоко, Земля низка, десять тысяч вещей рассеиваются-обособляются, и ритуал производит осуществление. Всё течёт и не останавливается, согласуется-сообщается и трансформируется, и музыка процветает в этом. Весна творит, лето растит – человечное; осень собирает, зима хранит – должное. Человечное приближает к музыке, должное приближает к ритуалу. В музыке превозносится гармония – ведётся божествами и следует Небу; в ритуале различается соответствующее – полагаются на духов и следуют Земле. Поэтому совершенномудрые люди создавали музыку, будучи в резонансе с Небом, производили ритуал, становясь под стать Земле. Ритуал-музыка во всей ясности-полноте, и Небо-Земля исполняют свои функции».

на вэньяне они благодаря частотности, продуктивности в образовании обобщающих и переносных значений и своей роли в сверхфразовых единствах играют заметную роль в создании структуры и фактуры текста и, как следствие, в организации дискурса.

В то время как композиты первого типа с подчинительной связью воспринимаются нами довольно легко и неплохо «ложатся» на целевой русский язык по моделям привычных словосочетаний, ССС одновременно озадачивают и оставляют значительную долю свободы переводчику. Так название трактата и понятие *чжун-юн* 中庸 переводится как «Средина и постоянство», «Учение о середине», «Следование середине», «Срединное-обыкновенное» [Конфуцианский трактат 2003, с. 5], «Срединное и неизменное» и даже как «золотая середина». То есть древнекитайское ССС (АВ) на русском становится или словосочетанием с союзом «и» («А и В»), или совершенно другим словом/словосочетанием, передающим обобщающее понятие (С), или, реже, также координатным сложносоставным словом («А-В»).

В академической описательной и нормативной «Русской грамматике» ССС не выделяются в отдельную группу, но рассматриваются как частный случай «сложных слов с сочинительным (равноправным) отношением основ», которые «называют предмет, совмещающий в себе признаки, характеристики предметов, явлений, названных мотивирующими словами» [Русская грамматика 1982, с. 239], но пишутся с дефисом вместо более обычного интерфикса: «лесОстепь» vs «кресло-кровать») [Русская грамматика 1982, с. 250]. Это такие слова, как «школа-интернат», «плуг-сеялка», «плащ-палатка», «офис-студия», «джаз-рок», «дочки-матери», «сын-подросток», «Бог-Троица», «бог-сын», «пространство-время».

В русском языке этот способ словообразования с полным сохранением исходных словоформ хотя и продуктивен, но мало распространён по сравнению с другими категориями сложных слов: «В количественном отношении самую большую группу составляют слова с определительными отношениями между компонентами, входящими в их состав» [Гурчиани 2009, с. 15]. Кроме того, эти слова имеют довольно узкую область применения, в основном указывая на совмещение разных функций в одном

понятии, редко служа источником обобщающих, абстрактных и переносных значений, в отличие от китайских КСС. При этом ни одна из моделей перевода («инь-ян», «инь и ян» или описательная как «единство противоположностей») не позволяет отразить в достаточной мере семантические и синтаксические особенности координатных композитов и их поведение в синтагме и в сверхфразовом единстве, поэтому их перевод требует особого внимания к степени допустимых искажений в рамках неизбежного выбора между стратегиями доместикации и форенизации, так как стиль мышления в равной мере складывается из содержательных и формальных аспектов организации информации.

Источники и литература

1. Гурчиани 2009 – *Гурчиани М. Т.* Композиты в русском языке новейшего периода. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Казань, 2009. Электронная библиотека диссертаций Dissercat.com. URL: https://www. dissercat.com/content/kompozity-v-russkom-yazyke-noveishego-perioda (дата обращения: 15.03.2021).

2. Кирюхина 2019 – *Кирюхина Л. В.* Об основных положениях грамматической теории Ма Цзяньчжуна // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 1. С. 32–36.

3. Кобзев 2015 – *Кобзев А. И.* Зазеркалье отечественной китаистики, или Спрут с глинозёма, будды-грибы и козлиная песнь // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2015. С. 213–288.

4. Конфуцианский трактат 2003 – Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / Сост. А. Е. Лукьянов, отв. ред. М. Л. Титаренко. М.: Восточная литература, 2003.

5. Русская грамматика 1980 – Русская грамматика: в 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведов / Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М: Наука, 1980–1982.

6. Старостин, Старостин 2020 – *Старостин Г. С., Старостин С. А.* Древнекитайский язык. URL: https://www.academia.edu/841543/Древнекитайский_язык_Old_Chinese_Language_ (дата обращения: 15.03.2021).

7. Яхонтов 1965 – *Яхонтов С. Е.* Древнекитайский язык. М.: Наука, 1965.

8. Jiang Yingdi 2018 – *Jiang Yingdi, Yu Yonglian, Liu Zhiying.* A Semantic Study of Coordinate Compounds in Chinese // 32nd Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation. Hong Kong, 1–3 December 2018. URL: https://www.aclweb.org/anthology/Y18–1027.pdf (дата обращения: 15.03.2021).

ORCID: 0000-0003-0084-0272

И. С. Колнин[*]

Сравнение текста *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров») с сохранившимися фрагментами первого издания *Дао и чжи* 島夷誌 в *Минь шу* 閩書 («Книга [местности] Минь»)

Аннотация. В статье сравниваются два издания сочинения Ван Даюаня – фрагменты из *Дао и чжи*, сохранившиеся в форме цитат и пересказов в *Минь шу*, и современное комментированное издание *Дао и чжи люэ*, в котором учтены разночтения и разнописи всех дошедших до нас предшествующих изданий памятника, за исключением этого. *Дао и чжи* первоначально было написано в качестве приложения к местной хронике г. Цюаньчжоу, после чего Ван Даюань вернулся в свой родной город Наньчан, где самостоятельно напечатал сочинение ещё раз. Все ныне сохранившиеся издания *Дао и чжи люэ* восходят именно ко второму отдельному изданию. В ходе сопоставления было обнаружено, что композиционно два разных издания вряд ли сильно отличались друг от друга, однако Ван Даюань явно отредактировал и, скорее всего, дополнил свой труд перед его повторным самостоятельным изданием.

Ключевые слова: *Дао и чжи люэ*, *Дао и чжи*, Ван Даюань, *Минь шу*, Хэ Цяоюань, Цюаньчжоу, Пэнху

Ilia S. Kolnin[**]

Comparison of the Text of *Daoyi zhilüe* 島夷誌略 ("A Brief Account of Island Barbarians"; 1349/1350) with the Surviving Fragments of the First Edition of *Daoyi zhi* 島夷誌 Preserved in *Min shu* 閩書 ("The Book of Min"; 1619)

[*] ***Колнин Илья Сергеевич***, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), minmi98@yandex.ru

[**] ***Kolnin Ilia Sergeevich***, Junior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), minmi98@yandex.ru

© Колнин И. С., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Abstract. The present article compares two different editions of Wang Dayuan's treatise: the fragments of *Daoyi zhi* preserved in quotations and retellings in the *Min shu*, and the modern annotated publication of *Daoyi zhilüe* which takes into consideration the discrepancies and variations in all surviving editions except the abovementioned one. *Daoyi zhi* was originally written as a supplement to the local gazetteer of Quanzhou. Later, Wang Dayuan returned to his birthplace of Nanchang where he independently published his treatise once again. All the extant editions of *Daoyi zhilüe* can be traced back to the second separate edition. Through the comparison, it was discovered that structurally the two editions are unlikely to have differed significantly from one another. Nevertheless, Wang Dayuan definitely revised and probably supplemented his work prior to its second separate edition.

Keywords: *Daoyi zhilüe*, *Daoyi zhi*, Wang Dayuan, *Min shu*, He Qiaoyuan, Quanzhou, Penghu

Введение

В эпоху Юань (1279–1368) было написано лишь одно сочинение, целиком посвящённое описанию заморских стран и при этом дошедшее до наших дней. Им является *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров»; 1349/1350; далее ДИЧЛ) авторства Ван Даюаня 汪大淵 (перв. пол. XIV в. – 1350 или позже), торговца родом из г. Наньчан 南昌 провинции Цзянси, который лично совершал плавания в моря, был внимательным путешественником и даже сочинял стихи о посещённых местах. ДИЧЛ состоит из 99 глав, в каждой из которых описывается одна географическая локация (страна, город, порт и прочее) и ещё одной главы, где из более ранних источников собраны описания нескольких мифических стран, в которых, по признанию автора, он не был. Сочинение Ван Даюаня уникально для своего времени, оно является самым ранним дошедшим до нашего времени китайским историко-географическим сочинением, описывающим заморские страны, информация в котором представляет личный опыт и наблюдения автора, за исключением последней главы, которую Ван Даюань выделяет отдельно и указывает источники заимствования представленных сведений, что также повышает ценность ДИЧЛ.

В 1349 г., когда Ван Даюань находился в г. Цюаньчжоу 泉州 провинции Фуцзянь – порту, из которого он отплывал и в который он возвращался, *даругачи*[1] Цюаньчжоу Се Юйли 偰玉立 (1290–1365) повелел У Цзяню 吴鑒 (XIV в.), местному чиновнику и уроженцу г. Фучжоу 福州, возглавить создание местной хроники *Цинъюань сюйчжи* 清源續志 («Продолжение описания [области] Цинъюань», ок. 1351 г.; область Цинъюань соответствует современному г. Цюаньчжоу), в состав которой было решено включить и сочинение Ван Даюаня, первоначально носившее название *Дао и чжи* 島夷誌 («Описание островных варваров»). Впоследствии в 1351 г. Ван Даюань вернулся в Наньчан, где самостоятельно осуществил ещё одно ксилографическое издание своей работы[2]. В связи с тем, что местная хроника была утеряна, нам доступны лишь издания, восходящие к отдельному ксилографу ДИЧЛ (второму изданию). Однако не так давно в своей статье, посвящённой Восточному морскому пути из Китая на Тайвань и далее на Филиппины и Индонезийский архипелаг, немецкий учёный Р. Птак обратил внимание на более позднюю местную хронику минского времени *Минь шу* 閩書 («Книга [о местности] Минь»; впервые опубликована в 1629 г.) авторства Хэ Цяоюаня 何喬遠 (1558–1632), в которой он обнаружил процитированные фрагменты из ДИЧЛ [Ptak 2016a]. В связи с тем, что его работа главным образом была посвящена использованию Восточного морского пути в эпоху Сун (960–1279) и рассмотрению информации из ДИЧЛ, которая могла быть переписана из более раннего сунского источника, сопоставление сохранившихся фрагментов с современным академическим изданием ДИЧЛ не было проведено[3].

---

[1] Представитель хана на управляемых территориях.

[2] Подробнее об изданиях памятника см. [Колнин 2021].

[3] К настоящему момент существует два наиболее референтных академических изданий ДИЧЛ. Первое из них было выполнено известным японским учёным, специалистом в области истории и исторической географии Китая Фудзитой Тоёхати 藤田豊八 (1869–1929). Оно вышло в 1914 г., затем было перепечатано в Пекине в 1935 г. См. [Фудзита Тоёхати 1935].

Второе было подготовлено китайским географом Су Цзицином 蘇繼廎 (1891–1973) и издано уже после его смерти в 1981 г., затем перепечатано в 2000 г. Это издание более полное и доскональное, оно включает в себя все известные предисловия и послесловие Ван Даюаня, использует широкий пласт зарубежной и справочной литературы. В данной работе использовалось именно это издание: [Су Цзицин 2000].

Эти сведения также не учтены ни в одном из существующих комментированных и аннотированных изданий ДИЧЛ. Данная статья призвана восполнить этот пробел[4].

Хэ Цяоюань и *Минь шу*

Хэ Цяоюань родился в современном уезде Цзиньцзян 晋江 г. Цюаньчжоу. В 1586 г. он успешно сдал государственные экзамены и получил учёную степень *цзиньши* 進士, после чего в 1589 г. был назначен на пост *чжуши* 主事 («ведающий делами») Юньнаньского управления Министерства наказаний (*Синбу Юньнаньсы* 刑部雲南司), затем с 1591 по 1596 г. занимал различные должности в Министерстве церемоний (*Либу* 禮部), где он в том числе отвечал за даннические отношения с заморскими странами. Во время Имджинской войны (1592–1598) он дважды выступал против признания Японии вассалом Китая (т. е. фактически за разрыв дипломатических отношений с Японией) и разрешения Японии торговать с Китаем [Swope 2009, pp. 198, 208]. В 1596 г. из-за халатности своего подчинённого Хун Вэньхэна 洪文衡 (1560–1622), который при написании текста о пожаловании титула пропустил свой чин и фамилию, Хэ Цяоюань был обвинён в непочтительности при написании доклада ко двору, разжалован и выслан из столицы. На следующий год скончалась его жена, Хэ Цяоюань вернулся домой соблюдать траур и остался на родине на более чем 20 лет. Это продолжительное время Хэ Цяоюань занимался сбором информации о родной провинции Фуцзянь и литературным творчеством. Именно в этот период была написана *Минь шу*. Хэ Цяоюань был оправдан и вернулся на службу в 1620 г. лишь на три года: уже в 1623 г. он серьёзно заболел и остаток жизни провёл дома, где скончался в 1632 г. [Чэнь Юаньюань 2017, с. 4–8].

Сама *Минь шу* была закончена в 1620 г. и впервые опубликована в 1629 г., состоит из 22 разделов и 154 *цзюаней*. Хотя её обычно приписывают к жанру *дифан чжи* 地方志 («местные опи-

[4] Нами также была опубликована англоязычная статья на схожую тему, однако в ней основной акцент был сделан на сам трактат *Минь шу* и описание иноземцев в нём. См. [Kolnin 2022].

сания (хроники)»; в английской историографии известны под термином «local gazetteers»), структура *Минь шу* не похожа на другие *дифан чжи*, которые обычно включают в себя описания от более крупных к мелким административным единицам внутри местности. В *Минь шу*, напротив, последовательность повествования идёт по тематическим блокам: так, 1–31 *цзюани* именуются *фанъюй чжи* 方域志 («Описание краёв»), 32–37 *цзюани – цзяньчжи чжи* 建置志 («Описание учреждений») и т. д., а уже внутри этих блоков идёт подразделение по географическому признаку (уезды, волости и т. д.). Таким образом, первично именно содержание, а география вторична.

Оригинальное издание 1629 г. ныне хранится в Пекинской библиотеке. Современное аннотированное издание *Минь шу*, выпущенное в 1994 г. и используемое в данном исследовании, основывается именно на нём.

Глава *Дао и чжи* в *Минь шу*

Информация из трактата *Дао и чжи* содержится в одноимённом 146 *цзюане Минь шу Дао и чжи*. В нём приведены описания нескольких стран: *Люцю* 琉球 (в данном памятнике – юг Тайваня), *Бони* 浡泥 (северная оконечность о. Борнео), *Мала* 麻剌 (предположительно о. Кабарруян рядом с муниципалитетом Болинао на о. Лусон, Филиппины, или же рядом с г. Пагадиан на о. Минданао, Филиппины)[5], *Жибэнь* 日本 (Япония), *Люйсун* 吕宋 (о. Лусон, Филиппины) и «[Страна] людей – варваров восточной окраины» (*дунфань ижэнь* 東蕃夷人), про которых сказано, что «неизвестно, откуда они пошли, живут на морских островах за Пэнху» 不知所自始，居澎湖外洋海島中. При этом часть из описываемых стран отсутствует в дошедшем до нас тексте *Дао и чжи люэ* (*Мала*, *Жибэнь* и «Восточные люди-варвары»). Во многих из этих описаний приводятся прямые цитаты из минских и более ранних источников с их указанием.

[5] Локализация топонимов проведена по книге [Чэнь Цзяжун, Се Фан, Лу Цзюньлин 1985].

После этих описаний идёт своеобразное авторское повествование, начинающееся со слов «Учитель Хэ сказал» 何子曰 (такая же преамбула сопровождает каждое послесловие тематического блока). В нём Хэ Цяоюань пишет, что в сунское время в Цюаньчжоу было учреждено [Управление] торговых кораблей (*шибо* 市舶), чтобы сообщаться со всеми иноземцами, и что в старых описаниях (*цзючжи* 舊志) описаны различные страны, после чего идёт перечисление их имён. Интересно отметить, что среди перечисленных 28 стран присутствуют нигде более не встречающиеся: *Сюэфэнцзюйлунь* 雪峰俱輪 и *Пили* 琵離 (возможно, о. Бали). Транскрипции названий многих стран графически отличаются от представленных в *Дао и чжи люэ* и *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех окраин», 1225)[6]. Эти факты наталкивают на мысль, что Хэ Цяоюань, вероятно, пользовался и другими, ныне утраченными источниками.

Далее Хэ Цяоюань обращается непосредственно к трактату *Дао и чжи* [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362]:

> «*Юаньский У Цзянь из Саньшаня для начальника [области] Цюань[чжоу] Се Юйли отредактировал* Цинъюань сюйчжи*, я получил из семьи друга лишь один том [из] него, называется "Дао и чжи", все сто стран, о которых сказано в "Описании", сообщаются с [областью] Миньчжун*[7]».
> 元三山吴鑒為泉守偰玉立修《清源續志》，余於友人家僅得其一本，曰《島夷志》，志所載凡百國，皆通閩中者.

Как следует из этого отрывка, в издании *Дао и чжи* из *Цинъюань сюйчжи* было описано 100 стран. Значит, весьма вероятно, что *Дао и чжи люэ*, дошедшее до нас, и *Дао и чжи* из *Цинъюань сюйчжи*, находившееся в распоряжении Хэ Цяоюаня, обладали схожей 100-главной структурой, если только под выражением «сто стран» Хэ Цяоюань не подразумевал «великое множество», что в данном случае, с нашей точки зрения, маловероятно.

---

[6] *Чжу фань чжи* является самым авторитетным сунским историко-географическим сочинением о заморских землях к югу от Китая. Оно было написано Чжао Жугуа 趙汝适 (1170–1231), который занимал пост инспектора Управления торговых кораблей (*шибосы* 市舶司) в г. Цюаньчжоу.

[7] Миньчжун 閩中 – то же самое, что и область Минь, т. е. Фуцзянь.

Затем в *Минь шу* цитируется фрагмент *Дао и чжи* из главы *Сань дао* 三島 («Три острова»; Филиппины), а также пересказываются отдельные сведения из глав *Тута* 土塔 («Земляная пагода»[8]; недалеко от г. Негапатам (Нагапаттинам), Индия) и *Гулидимэнь* 古里地悶 (о. Тимор). Информация из них с небольшими изменениями почти дословно повторяет соответствующие фрагменты из *Дао и чжи люэ*. В случае с главой *Саньдао* был проведён параллельный перевод и сравнение цитаты фрагмента этой главы в *Минь шу* и аналогичного фрагмента в современном издании ДИЧЛ, результат которого представлен ниже[9]. Два последующих фрагмента были сопоставлены аналогичным образом. Отличающиеся фразы в оригинале и переводе специально выделены жирным шрифтом.

Фрагмент главы *Саньдао* из *Дао и чжи* в *Минь шу*		**Фрагмент главы *Саньдао* из ДИЧЛ**	
其載三島國有云：【國男子嘗經紀泉州，	О стране Саньдао в нём сказано: «Мужчины [этой] страны некогда вели дела в Цюаньчжоу,	男子嘗**附舶**至泉州經紀，	Мужчины некогда **присоединялись к судам** и достигали Цюаньчжоу для ведения дел,
罄其資囊，	истощали свои денежные мешки,	罄其資囊，	истощали свои денежные мешки,
以文其身。	чтобы [украсить] узорами свои тела.	以文其身。	чтобы [украсить] узорами свои тела.
歸其國，	[Затем, когда] возвращались в свою страну,	既歸其國，	Затем, [когда] возвращались в свою страну,

[8] Китайская пагода в Нагапаттинаме существовала вплоть до середины XIX в. и была одним из важнейших мест паломничества этнических китайцев в Индии. Подробнее о китайской пагоде в г. Нагапаттинам см., например, [Guy 1994].

[9] Эти и другие фрагменты из ДИЧЛ переводились на английский язык в начале XX в. выдающимся американским дипломатом и востоковедом У. В. Рокхиллом (1854–1914), однако в современной зарубежной историографии его перевод считается устаревшим. См. перевод соответствующего фрагмента в [Rockhill 1915, p. 269].

Перевод выполнен по следующим изданиям: [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362; Су Цзицин 2000, с. 23].

國人以其至唐國貴之,	**Люди [этой] страны за то, что они достигли танского государства[10], почитали их,**	См. ниже	
待以尊長之禮,	**встречали [их] ритуалом уважения старших[11],**	**則國人以尊長之禮待之,**	**то люди [этой] страны встречали [их] ритуалом уважения старших,**
延之座,	приглашали на [высшее] место,	延之**上**坐,	приглашали на **высшее** место,
雖父老不得爭焉】。	даже старейшины [и те] не могли соперничать [с ними]».	雖父老**亦**不得**與**爭焉。	даже старейшины **и те** не могли соперничать **с [ними]**.
См. выше		**習俗以其至唐,**	**В привычках и обычаях – раз он (человек. –** *И.К.*) **достиг танского [государства],**
		故貴之也。	**потому [должно] почитать его.**

Как видно из представленных переводов, в целом текст обеих версий текстов Ван Даюаня отличался друг от друга, но незначительно. Явно заметна последующая обработка текста: некоторые сведения расширены (добавлен фрагмент о том, что мужчины «присоединяются к судам и достигают Цюаньчжоу»), некоторые, наоборот, переставлены в другое место (в ДИЧЛ фраза аналогичная «Люди [этой] страны за то, что они достигли танского государства, почитают их» помещена в конец повествования, как бы завершая описание этого явления). В словосочетании про встречу вернувшихся из плавания мужчин подобающим вождю ритуалом

[10] Под «танским государством» подразумевается Китай. Эпоха Тан (618–907) считается одним из пиков развития китайской цивилизации, в связи с чем и в современном языке используются термины, в которых под «Тан» подразумевается Китай, например «чайнатаун» – *танжэньцзе* 唐人街 (дословно «улица танских людей»). В данном случае иероглиф *го* 國 был переведён как «государство», в других местах в отношении зарубежных стран он переводится как «страна».

[11] Также может пониматься как «ритуалом, подобающим вождю». В ДИЧЛ часто встречается словосочетание *цючжан* 酋長 в значении «вождь», возможно иероглиф *цзунь* 尊 – это описка вместо *цю* 酋.

изменена грамматическая структура. Также присутствует разнопись иероглифа *цзо* 座/坐 (сидение, место, трон; сидеть), которая, вероятно, могла быть допущена неосознанно во время переписывания сочинения. С другой стороны, добавление иероглифа *шан* 上 (верх) позволяет трактовать и переводить это словосочетание несколько по-иному: «Приглашают сесть наверху (выше)».

После фрагмента из главы *Саньдао* в *Минь шу* также даётся краткий пересказ отдельных сюжетов из двух других глав *Дао и чжи*. Хэ Цяоюань приводит информацию про китайскую пагоду в главе *Тута*, её высоту и воспроизводит вырезанный на ней китайский текст, зафиксированный в том же виде и в ДИЧЛ [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362; Су Цзицин 2000, с. 285]:

Фрагмент главы *Тута* из *Дао и чжи* в *Минь шу*		**Фрагмент главы *Тута* из ДИЧЛ**	
有土塔國，	Есть страна *Тута* («Страна земляной пагоды»),	–	
國中有土磚甃塔，	**в стране** есть облицованная земляными кирпичами пагода,	有土磚甃塔，	Есть облицованная земляными кирпичами пагода,
其高數丈。	**её** высота – несколько *чжанов*[12].	高數丈。	высота – несколько *чжанов*.
刻漢文云：	**Выгравированные китайские письмена** гласят:	**漢字書**云：	**Надпись китайскими знаками** гласит:
「咸淳三年八月畢工。」	«В 8-й месяц 3-го года [эры] Сяньчунь (1267 г. – *И.К.*) закончены работы [по строительству пагоды]».	「咸淳三年八月畢工。」	«В 8-й месяц 3-го года [эры] Сяньчунь закончены работы [по строительству пагоды]».

Затем, по-видимому, Хэ Цяоюань добавляет свои размышления:

> «*Похоже, это надпись, сделанная нашим человеком / нашими людьми*».
> 盖我人為之書.

[12] *Чжан* 丈 – китайская мера длины, приблизительно равна 3,33 м.

Под «нашим человеком» Хэ Цяоюань, очевидно, подразумевал уроженца провинции Фуцзянь или вообще китайца.

От оригинального текста современного издания ДИЧЛ приведённый фрагмент из *Минь шу* отличается незначительно: добавлено уточнение «в стране» *го чжун* 國中, иероглиф «её» *ци* 其, перефразировано одно словосочетание (выгравированные китайские письмена гласят» *кэ хань-вэнь юнь* 刻漢文云 вместо «надпись китайскими знаками гласит» *хань-цзы шу юнь* 漢字書云).

После этого следует пересказ сведений о распущенных нравах женщин в стране *Гулидимэнь*, о том, что многие достигшие той страны заболевают и умирают, и, наконец, рассказ про плавание команды некоего У Чжая 吳宅 в те места [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362; Су Цзицин 2000, с. 209][13]:

Фрагмент главы *Гулидимэнь* из *Дао и чжи* в *Минь шу*		**Фрагмент главы *Гулидимэнь* в ДИЧЛ**	
有古里地閟，	Есть *Гулидимэнь*,	–	–
其國淫濫，	**эта страна** безнравственная и распутная,	**風俗**淫濫，	**[Их] обычаи** безнравственные и распутные,
兼婦不恥，	**вдобавок** женщины бесстыдные,	婦不**知**恥，	женщины **не знают** стыда,
至者**多**染死。	достигающие [этой страны] **многие** заражаются хворями и умирают.	至者染疾**多**死。	достигающие [этой страны] заражаются хворями и **многие** умирают.
泉州吳宅有百餘人貿易其間，	**У цюаньчжоуского У Чжая было сто с лишним людей, торговавших среди здешних [мест],**	**昔泉之吳宅發舶梢眾百有餘人到彼貿易**。	**Некогда цюань[чжоуский] У Чжай отправил корабль со ста с лишним моряками на борту прибыть туда торговать,**
既畢，	по окончании	既畢，	по окончании
死者十八九，	умерших было – из [каждого] десятка восемь-девять [человек],	死者十八九，	умерших было – из [каждого] десятка восемь-девять [человек],

[13] Этот фрагмент в переводе У. В. Рокхилла см. [Rockhill 1914, p. 258–259]. Глава *Гулидимэнь* также была повторно переведена Р. Птаком на английский язык с учётом новых исследований и используя издание Су Цзицина, см. [Ptak 1983, p. 37].

間存一二,	среди [них] выжили один-два [из десяти],	間存一二,	среди [них] выжили один-два [из десяти],
類羸弱乏力,	**все** истощённые и ослабевшие,	**而多**羸弱乏力,	**и многие** были истощёнными и ослабевшими,
隨風回舶。	по ветру вернулись на корабле.	**駕舟**隨風回舶。	**правя судном**, по ветру вернулись на корабле.
安瀾之夜,	**В ночи, когда волны были спокойны,**	**或時風恬浪息**	**[По прошествии] некоторого времени ветер утих и волны прекратились,**
–	–	黃昏之際	около сумерек
則狂魂**游**蕩,	обезумевшие души-*хунь*[14] **скитались** и блуждали,	則狂魂蕩唱,	обезумевшие души-*хунь* блуждали и пели,
唱歌**搖櫓**。	пели песни и **гребли вёслами.**	歌**舞不已**。	песни и **танцы не кончались**.
夜**半或時**添炬燁燿,	В **полночь на некоторое время** [к этому] добавлялись факелы, ярко сверкающие;	夜**則**添炬曄燿,	Ночью **же** [к этому] добавлялись факелы, ярко сверкающие,
使人魄游而膽寒。	[это] заставляло человеческие души-*по*[15] скитаться и дрожать от страха.	使人魂游而膽寒。	[это] заставляло человеческие души-*по* скитаться и дрожать от страха.

Вся информация опять же взята из аналогичной главы в ДИЧЛ, однако здесь уже значительно больше изменений, нежели во фрагменте из описания страны *Tyma*, кроме того, пересказываемые фрагменты не последовательны, а взяты из разных частей главы, однако при этом, вероятно, Хэ Цяоюань собрал их в единый нарратив:

1) В ДИЧЛ вместо «их страна безнравственная и распутная» *ци го инь лань* 其國淫濫 сказано «[их] обычаи и нравы безнравственные и распутные» *фэн су инь лань* 風俗淫濫.

[14] Души-*хунь* 魂 – имеются в виду янские души, отвечающие за дух человека (эмоции, ментальные процессы).

[15] Души-*по* 魄 – имеются в виду иньские души, отвечающие, напротив, за тело человека (различные физиологические процессы). Вероятно, в этой истории намеренно используются два вида душ, чтобы показать сначала утрату душевной, а затем физической оболочки членами команды.

2) В фрагменте про женщин убран иероглиф *цзянь* 兼 («вдобавок») и вместо «бесстыдные (не стыдятся)» написано «не знают стыда».

3) Переставлен иероглиф *до* 多 («многие»): «достигающие [этой страны] многие заражаются хворями и умирают» *чжи-чжэ до жань цзи сы* 至者多染疾死 и «достигающие [этой страны] заражаются хворями и многие умирают» *чжи-чжэ жань цзи до сы* 至者染疾多死.

4) Сильнее всего изменено повествование о плавании корабля У Чжая в эти места и последовавшие события. Как и в случае с другими фрагментами, смысл пересказанной информации не претерпел серьёзных изменений, однако есть некоторые значительные изменения, например добавлена информация про то, что обезумевшие души гребут вёслами. Эти сведения отсутствуют в ДИЧЛ.

После чего следует завершающий комментарий Хэ Цяоюаня [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362]:

> «*[Что касается] прочих [стран], то [в "Дао и чжи"] говорится об их обычаях, нравах и местной продукции*».
> 而其他則載其風俗土物。

Это весьма интересное замечание в отношении содержания ДИЧЛ. Такое резюме со стороны Хэ Цяоюаня соответствует и дошедшему до нас тексту ДИЧЛ, в котором Ван Даюань в действительности уделяет специальное внимание именно обычаям и нравам местного населения.

В завершение апеллирования к *Дао и чжи* Хэ Цяоюань делится своими размышлениями по поводу описанных стран и торговли в регионе [Хэ Цяоюань 1995b, с. 4362]:

> «*Что же до этих ста стран, похоже, все они – страны Великого Западного океана*[16]*. К нынешнему же [времени] товары Великого Западного океана полностью переместились на Люйсун, и, когда я ходил на рынок, по [этой] причине уже не было вновь того взаимообращения [с иноземцами] как во времена*

[16] Да Сиян 大西洋 (Великий Западный океан) – собирательный термин традиционной китайской географической традиции, который примерно соответствует современному Индийскому океану.

Юань. Потому я ныне описал всех варваров Люцю, Бони, Мала, Во, и только[17]».
夫是百國者，蓋皆大西洋之國也。於今則大西洋貨物盡轉移至呂宋，而我往市，以故不復相通如元時矣。乃余兹所志琉球、浡泥、麻剌、倭諸夷耳。

Бросаются в глаза несколько интересных особенностей содержания этого *цзюаня*. Во-первых, все страны, описания которых представлены Хэ Цяоюанем в начале *цзюаня*, и все страны, которым даётся характеристика в конце, находятся на Восточном морском пути или же на востоке от Китая. Восточный морской путь брал своё начало в Цюаньчжоу и условно представлял собой следующий маршрут: архипелаг Пэнху – юг Тайваня – Лусон, после чего было возможно два дальнейших пути следования: вдоль северной оконечности о. Борнео и далее к о-вам Суматра, Ява, или южной оконечности Малаккского п-ова, или же на юг к о-вам Минданао, Сулу и ещё южнее к Молуккским о-вам, архипелагу Банда и другим небольшим островам Малайского архипелага[18].

Страны, располагавшиеся на Восточном морском пути, привлекли внимание автора из-за его коммерческих интересов. Как видно из перевода выше, Хэ Цяоюань специально отмечает, что Лусон активно торгует с Китаем и что все товары Великого Западного океана переместились туда. Кроме того, автор отмечает, что по его личным наблюдениям, «ныне» (в позднюю Мин) на рынке в Цюаньчжоу гораздо меньше товаров и, вероятно, поставщиков, чем было в эпоху Юань. Похоже, автор связывает оскудение ассортимента товаров на рынке именно с нарушением взаимодействия со странами на Восточном морском пути, который играл важную роль в морской торговле с Китаем в эпохи Юань и Мин[19].

[17] Древнее название Японии в китайских источниках.

[18] Детальная карта маршрутов Восточного морского пути представлена в статье Р. Птака [Ptak 1998, p. 270].

[19] Р. Птак считает, что значимость Восточного морского пути могла быть велика уже в эпоху Сун, так как уже тогда существовало сунское сочинение *Дао и чжи* которое, как полагает Р. Птак, во многом могло служить базой для написания юаньского *Дао и чжи люэ*. Подробнее см. [Ptak 2016b, p. 55].

Описания Пэнху в *Минь шу*

Помимо раздела об островных варварах в *Минь шу* присутствует описание ещё одной страны, представленной и в ДИЧЛ, – Пэнху. Однако оно находится в совсем другом месте – в разделе «Описание краёв», 7-м *цзюане*, посвящённом уезду-*сянь* Цзиньцзян 晉江縣 области-*фу* Цюаньчжоу 泉州府 [Хэ Цяоюань 1995a, с. 179]. Такое расположение логично, ведь из главы о Пэнху в ДИЧЛ известно, что архипелаг Пэнху был подчинён именно этому уезду, следовательно, он воспринимался как территория Китая и поэтому описывается в *Минь шу* не в разделе об островных варварах. В *цзюане* сначала даётся краткая характеристика области Цюаньчжоу и уезду Цзиньцзян, после чего описываются различные горы и острова этого уезда, и наконец в самом конце *цзюаня* рассказано про острова-*юй* Пэнху 澎湖嶼. Автор пишет следующее [Хэ Цяоюань 1995a, с. 179]:

> *«[Эти] острова – ворота в Цюаньчжоу и Синхуа[20]. Прежде люди оборонялись здесь от Люцю, а ныне изгоняют отсюда Во, есть дозорные войска, охраняющие [острова]».*
> 嶼為泉州、興化門戶。昔人於此防琉球，而今於此放倭，有汛兵守焉。

Затем следует извлечение описания Пэнху из ныне утраченного памятника *Сун чжи* 宋志 («Описание Сун») – Р. Птак в своей статье полагает, что под *Сун чжи* имеется в виду некая местная хроника Цюаньчжоу эпохи Сун [Ptak 2016a, p. 206]. Само словосочетание *Сун чжи*, кроме того, можно воспринимать не как имя собственное конкретного памятника, а как указание на некое «сунское описание». Приводим перевод [Хэ Цяоюань 1995a, с. 179][21]:

> *«Острова Пэнху лежат посреди огромного океана, звеньев-островов [всего] тридцать шесть. Люди часто переселяются и живут на них, из травяных циновок и тростника делают хижины. Выдвигают годами великих, чтобы [те]*

[20] Синхуа 興化 – ныне уезд в г. Фучжоу.

[21] В статье Р. Птака также представлен перевод этого фрагмента на немецкий язык., см. [Ptak 2016a, p. 203–204].

были старейшинами над ними, не копят жён[22]*, возделывают [землю] и ловят рыбу в качестве занятия, издавна искусны в пастьбе, [имеют] чертовски огромных коз, [которые] рассеяны [повсюду] и питаются среди горных долин, каждой надрезают ухо, чтобы отметить [их]. Ведущие судебные тяжбы обретают решение в уезде Цзиньцзян. [Что до] торговли вне области, ежегодно [прибывает] несколько десятков судов; [Пэнху] – внешняя область Цюань[чжоу]. Тамошние люди, когда наступает ночь, не осмеливаются разжигать огонь, так как рядом Люцю, боятся, что они завидят дым и придут учинить разбой. Когда Ван Чжунвэнь*[23] *был начальником области, [он] попросил дополнить гарнизон [Пэнху] морскими войсками из форта Юннин*[24] *[для несения] сторожевой службы».*

澎湖嶼，在巨浸中，環島三十六。人多僑寓其上，苫茅為舍。推年大者長之，不蓄妻女，耕漁為業，雅宜放牧，魁然巨羊，散食山谷間，各勞耳為記。有爭訟者，取决於晉江縣。府外貿易歲數十艘，為泉外府。其人入夜不敢舉火，以為近琉球，恐其望煙而來作犯。王忠文為守時，請添屯永寧寨水軍守禦。

После чего следует цитата описания Пэнху из *Дао и чжи* [Хэ Цяоюань 1995a, с. 179; Су Цзицин 2000, с. 13][25]:

Фрагмент главы Пэнху из *Дао и чжи* в *Минь шу*		**Фрагмент главы Пэнху из ДИЧЛ**	
島分三十有六，	Островной [архипелаг] разделён на тридцать шесть [островов],	島分三十有六，	Островной [архипелаг] разделён на тридцать шесть [островов],
巨細相間，	огромных и крохотных, одни меж других,	巨細相間，	огромных и крохотных, одни меж других,

[22] Т. е. не вступают в брак.

[23] Ван Чжунвэнь 王忠文 – посмертное имя Ван Шипэна 王十朋 (1112–1171), известного южносунского политического деятеля и литератора. Он был начальником округа Цюаньчжоу в 1168–1169 гг.

[24] Форт-*чжай* Юннин 永寧寨 располагается в районе Чэнхай 澄海 городского округа Шаньтоу 汕头 в провинции Гуандун.

[25] Перевод главы Пэнху на английский язык был опубликован Л. Г. Томпсоном в статье о первых китайских источниках о тайваньских аборигенах, см. [Thompson 1964, p. 167–168].

坡隴相望，	склоны и насыпи смотрят друг на друга,	坡隴相望，	склоны и насыпи смотрят друг на друга,
有七澳居其間，	есть семь бухт, располагающихся среди них,	乃有七澳居其間，	есть лишь семь бухт, располагающихся среди них,
各得其名。	каждая получила своё название.	各得其名。	каждая получила своё название.
自泉州順風二晝夜可至。	Из Цюаньчжоу с попутным ветром за два дня и [две] ночи можно достичь.	自泉州順風二晝夜可至。	Из Цюаньчжоу с попутным ветром за два дня и [две] ночи можно достичь.
有**土**無木，	Есть **земля**, нет деревьев,	有**草**無木，	Есть **трава**, нет деревьев,
土瘠不宜禾稻。	земли неплодородные, не подходят для злаков и риса.	土瘠不宜禾稻。	земли неплодородные, не подходят для злаков и риса.
泉人結茅為屋居之。	Люди из Цюань[чжоу], сплетая тростник, делают жилища, живут в них.	泉人結茅為屋居之。	Люди из Цюань[чжоу], сплетая тростник, делают жилища, живут в них.
氣候常暖，	Климат постоянно тёплый,	氣候常暖，	Климат постоянно тёплый,
風俗樸野，	обычаи простые и дикие,	風俗樸野，	обычаи простые и дикие,
人多眉壽。	люди часто [доживают до] преклонного возраста[26].	人多眉壽。	люди часто [доживают до] преклонного возраста.
男女穿布杉，	Мужчины и женщины носят тканевые рубахи,	男女穿**長**布杉，	Мужчины и женщины носят **длинные** тканевые рубахи,
繫以土布。	оборачивают [нижнюю часть тела] местными тканями[27].	繫以土布。	оборачивают [нижнюю часть тела] местными тканями.
煮海為鹽，	Выпаривая морскую [воду], делают соль,	煮海為鹽，	Выпаривая морскую [воду], делают соль,

[26] Также возможен перевод «[Среди] людей много долгожителей».

[27] Су Цзицин считал, что под «местными» в данном случае подразумеваются ткани из Китая [Су Цзицин 2000, с. 15]. Скорее всего, здесь всё же имеются в виду ткани местного производства.

釀秫為酒，	сбраживая клейкий рис, делают вино,	釀秫為酒，	сбраживая клейкий рис, делают вино,
採魚蝦螺蛤以佐食，	собирают рыбу, креветок, моллюсков, устриц в качестве дополнительной пищи,	採魚蝦螺蛤以佐食，	собирают рыбу, креветок, моллюсков, устриц в качестве дополнительной пищи,
爇牛糞以爨**焚**，	жгут коровий навоз для готовки пищи на огне,	牛糞以爨，	[используют] коровий навоз для готовки пищи [**на огне**],
魚膏為油。	рыбий жир [используют] как масло.	魚膏為油。	рыбий жир [используют] как масло.
地產胡麻、	Местная продукция: кунжут[28],	地產胡麻、	Местная продукция: кунжут,
綠豆。	зелёные бобы[29].	綠豆。	зелёные бобы.
山羊之孳生數萬為羣，	Потомство горных коз рождается [количеством] в несколько десятков тысяч, образуют стада.	山羊之孳生數萬為羣，	Потомство горных коз рождается [количеством] в несколько десятков тысяч, образуют стада.
家以烙毛刻角為記，	Семейства клеймят шкуры и гравируют рога, чтобы отметить [их],	家以烙毛刻角為記，	Семейства клеймят шкуры и гравируют рога, чтобы отметить [их],
晝夜不收，	днём и ночью не собирают [в загоны],	晝夜不收，	днём и ночью не собирают [в загоны],
各遂生育。	каждое [животное само] рождает и взращивает [потомство].	各遂**其**生育。	каждое [животное само] рождает и взращивает **своё** [потомство].
上商興販，	**Высшие** (старшие? – *И.К.*) купцы бойко торгуют,	**工**商興販，	**Ремесленники** и купцы бойко торгуют,
以廣其利。	чтобы расширить свою выгоду.	以樂其利。	чтобы порадоваться своей выгоде.
地隸泉州晉江縣。	[Эта] земля подчинена Цюаньчжоускому уезду Цзиньцзян.	地隸泉州晉江縣。	[Эта] земля подчинена Цюаньчжоускому уезду Цзиньцзян.

[28] *Хума* 胡麻 – кунжут индийский (Sesamum indicum).

[29] *Люйдоу* 綠豆 – маш (Phaseolus aureus).

至元間立巡檢司，	В [эру правления под девизом] Чжиюань 至元 (1264–1294. – *И.К.*) учредили *сюньцзяньсы*[30],	至元間立巡檢司，	В [эру правления под девизом] Чжиюань (учредили *сюньцзяньсы*,
以週歲額辦鹽課中統錢鈔一十錠二十五兩，	на полный год установлена норма соляного налога: 10 *дин*[31] и 25 *лян*[32] бумажных денег [эры правления под девизом] Чжунтун 中統 (1260–1263. – *И.К.*),	以週歲額辦鹽課中統錢鈔一十錠二十五兩，	на полный год установлена норма соляного налога: 10 *дин* и 25 *лян* бумажных денег [эры правления под девизом] Чжунтун,
別無科差。	других обложений и пошлин нет.	別無科差。	других обложений и пошлин нет.

При сопоставлении процитированного фрагмента и описания Пэнху в ДИЧЛ было выявлено, что они практически идентичны, всего удалось обнаружить семь незначительных отличий:

1) В *Дао и чжи* отсутствует иероглиф *най* 乃 («лишь») перед фразой «Есть [лишь] семь бухт».

2) В описании полей и местности вместо иероглифа *цао* 草 («трава») в *Дао и чжи* стоит иероглиф *ту* 土 («земля»). Замена «земли» на «траву» выглядит вполне оправданно, так как фраза «есть земля, нет деревьев» *ю-ту у му* 有土無木 выглядит несколько странно, во всём остальном памятнике говорится о качестве земли (или полей), а не о её наличии/отсутствии, так как в том или ином виде присутствует она везде.

3) В описании верхней одежды в *Дао и чжи* отсутствует иероглиф *чан* 長 («длинный») применительно к полотняным рубахам.

4) Предложение про использование навоза построено несколько по-другому: «Жгут коровий навоз для готовки пищи на

[30] *Сюньцзяньсы* 巡檢 – управление патрулирования и инспекции, в том числе ответственное за сбор соляного налога. Первый китайский правительственный орган, учреждённый на о-вах Пэнху.

[31] *Дин* 錠 – мера веса, а также единица измерения (номинал) бумажных денег в эпоху Юань.

[32] *Лян* 兩 – аналогично с *дин* являлась мерой веса и единицей измерения бумажных денег. 50 *лян* примерно равнялись одному *дин*, при этом один *лян* составлял около 37,3 г серебра. Подробнее о бумажных деньгах в эпоху Юань и единицах их измерения см. [Vogel 2012, p. 89–106].

огне» *жо ню фэнь и цуань фэнь* 爇牛糞以爨焚. При этом аналогичное предложение из ДИЧЛ опять же использует другую грамматическую конструкцию, более краткую и простую для восприятия: «Используют коровий навоз для готовки пищи [на огне]» *ню фэнь и цуань* 牛糞以爨.

5) Пропущен иероглиф *ци* 其 («их, свои») в предложении «каждое [животное само] рождает и взращивает [потомство]».

6) Вместо *гун шан* 工商 («ремесленники и купцы») в *Дао и чжи* написано *шан шан* 上商. Скорее всего, в *Дао и чжи* была допущена описка.

7) Сразу же за этим фрагментом текста говорится «чтобы порадоваться своей выгоде» *и лэ ци ли* 以樂其利. В *Дао и чжи* эта же фраза звучит несколько по-иному: «чтобы расширить свою выгоду» *и гуан ци ли* 以廣其利.

В целом, как видно из анализа, ситуация с главой о Пэнху из *Дао и чжи* в сравнении с текстом в ДИЧЛ примерно аналогична с фрагментом из главы о *Саньдао*: присутствуют перефразы, изменения грамматического строя отдельных словосочетаний, добавления, замена отдельных иероглифов, в некоторых случаях иероглифы были просто опущены.

Однако следует отметить ещё одну особенность этой главы в *Дао и чжи*: цитата описания Пэнху в *Минь шу* прерывается на словах «[Эта] земля подчинена цюаньчжоускому уезду Цзиньцзян». В ДИЧЛ после этого дана информация об учреждении поста станового пристава во второй половине XIII в., а также есть сведения о норме соляного налога. С чем может быть связано отсутствие этих данных в *Дао и чжи*? Наиболее вероятно, что Ван Даюань после своего возвращения в Наньчан решил несколько дополнить своё сочинение, в том числе за счёт официальных сведений, и нашёл эту информацию в официальных документах – но Хэ Цяоюань имел в своём распоряжении первое издание текста, в котором отсутствовали эти сведения.

В отличие от описаний Пэнху в *Дао и чжи* и ДИЧЛ, описание этого архипелага в *Сун чжи* значительно отличается от них, хотя отдельные фрагменты и были воспроизведены в «Описаниях островных варваров» (число островов, жилища из тростника,

выпас коз и их метки, боязнь зажигать костры ночью в связи с набегами с *Люцю*). При этом и в этих элементах есть отличия: в *Сун чжи* из тростника только крыши жилищ, в то время как согласно тексту ДИЧЛ жилища делают целиком из тростника; в *Сун чжи* сказано, что отметины козам наносились на уши, в то время как согласно ДИЧЛ им клеймили шкуры и вырезали отметины на рогах.

Р. Птак полагает, что описание Пэнху было добавлено в местную хронику Цюаньчжоу эпохи Сун (*Сун чжи*) из сунского трактата *Дао и чжи*, который был приложением к ней аналогично ДИЧЛ внутри *Цинъюань сюйчжи*. Это выглядит правдоподобно, так как схожая общая структура этих двух описаний (в особенности упоминание исторических событий в конце обеих глав) и их цитирование друг за другом в *Минь шу* косвенно указывают на некое «родство» между ними. Если это так, то вероятно, что более ранняя хроника области Цюаньчжоу, а вместе с ней и сунское *Дао и чжи* не были утеряны (как минимум частично) до поздней Мин. В таком случае в минских каталогах под *Дао и чжи* также могло подразумеваться именно сунское *Дао и чжи*. И тогда, вероятно, Ван Даюань действительно мог иметь сунское ДИЧ в качестве образца.

Однако если принять эту точку зрения, весьма странно, что Хэ Цяоюань цитирует это сочинение именно под названием *Сун чжи*, а не *Дао и чжи*, как он делал в аналогичном случае с приложением к юаньской хронике. Возможно, это сделано для того, чтобы избежать путаницы, но в таком случае гораздо логичнее и лучше было бы назвать их «сунское *Дао и чжи*» и «юаньское *Дао и чжи*» соответственно. Кроме того, все цитаты *Дао и чжи* в минских источниках взяты именно из юаньского сочинения авторства Ван Даюаня. Всё это позволяет не согласиться с Р. Птаком и предположить, что под *Сун чжи* имеется в виду иное сочинение, не связанное с «Описаниями островных варваров». Схожесть описаний Пэнху в *Сун чжи* и *Дао и чжи*, в свою очередь, можно объяснить тем, что они скорее соответствуют жанру *дифан чжи*, а не историко-географических описаний заморских стран в связи с тем, что архипелаг Пэнху мыслился как территория, подконтрольная Китаю. Если бы под *Сун чжи* действительно подразумевалось сун-

ское *Дао и чжи*, описывающее заморские страны, наверняка Хэ Цяоюань использовал бы информацию из него значительно чаще, не ограничиваясь лишь одной цитатой. С другой стороны, можно предположить, что в распоряжении Хэ Цяоюаня был лишь фрагмент сочинения и в связи с этим из него была использована лишь одна цитата без точного наименования источника («Описание Сун», также можно перевести как «сунское описание»), однако, на наш взгляд, это менее правдоподобно.

Заключение

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что фрагменты из первого издания *Дао и чжи*, сохранившиеся в форме цитат в *Минь шу*, слабо отличаются от аналогичных фрагментов из *Дао и чжи люэ*, из чего можно сделать вывод, что два издания памятника, скорее всего, имели лишь незначительные различия в плане своего содержания, при этом второе издание, предположительно, было полнее по сравнению с первым. На наш взгляд, *Сун чжи*, скорее всего, не имело прямого отношения к *Дао и чжи* и, вероятно, являлось неким *дифан чжи* эпохи Сун, в котором, возможно, даже не описывались заморские страны. Особый интерес Хэ Цяоюаня к *Дао и чжи*, вероятно, вызван тем, что этот труд впервые в китайской историографии подробно описывает страны Юго-Восточной Азии и Индонезийского архипелага с позиции торговых интересов, в особенности страны на Восточном морском пути, при этом его сведения уникальны, так как записаны на основе лично виденного Ван Даюанем. Неслучайно Хэ Цяоюань обращается именно к главам о Пэнху, Филиппинах, о. Тимор и Нагапаттинаме – первые три топонима являлись важными пунктами на Восточном морском пути, а фрагмент о китайской пагоде близ Нагапаттинама, вероятно, призван показать, насколько далеко заплывают китайские паломники и торговцы, в особенности уроженцы провинции Фуцзянь, что автор специально подчёркивает своим комментарием.

Глава *Дао и чжи* в трактате Хэ Цяоюаня помимо цитирования и пересказывания фрагментов из сочинения Ван Даюаня содер-

жит и ценные сведения о восприятии стран Юго-Восточной Азии и торговли с ними южноминьским чиновником первой половины XVII в., однако это тема для отдельной работы.

Источники и литература

1. Колнин 2021 – *Колнин И. С.* О различных изданиях и наименованиях труда Ван Даюаня, аутентичности источника и сочинениях с похожими названиями // Общество и государство в Китае. Т. 51. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2021. С. 100–112.

2. Guy 1994 – *Guy J.* The Lost Temples of Nagapattinam and Quanzhou: a Study in Sino-Indian Relations // Silk Road Art and Archaeology. 1994. Vol. 3. P. 291–310.

3. Kolnin 2022 – *Kolnin I. S.* Southeast Asian «Island Barbarians» as Perceived by a Fujian Official He Qiaoyuan 何喬遠 (1558–1632) in the Late Ming Dynasty // Ming Qing Yanjiu. 2022. Vol. 16. P. 30–59.

4. Ptak 1983 – *Ptak R.* Some References to Timor in Old Chinese Records // Ming Studies. 1983. Vol. 17. P. 37–48.

5. Ptak 1998 – *Ptak R.* From Quanzhou to the Sulu Zone and beyond: Questions Related to the Early Fourteenth Century // Journal of Southeast Asian Studies. 1998. Vol. 29. No. 2. P. 269–294.

6. Ptak 2016a – *Ptak R.* Die Penghu-Inseln während der Song-Epoche. Notizen zum ‚Song zhi-Fragment' im *Min shu* und zu anderen Quellen // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. 2016. Vol. 166. No. 1. P. 195–218.

7. Ptak 2016b – *Ptak R.* The Sea Route between Taiwan and the Philippines in Chinese Texts (c. 1100–1600): New Questions Related to an Old Theme // Journal of Asian History. 2016. Vol. 50. No. 1. P. 47–71.

8. Rockhill 1915 – *Rockhill W. W.* Notes on the Relations and Trade of China with the Eastern Archipelago and the Coast of the Indian Ocean during the Fourteenth Century. Part II // T'oung Pao. 1915. Vol. 16. No. 2. P. 236–271.

9. Swope 2009 – *Swope K. M.* A Dragon's Head and a Serpent's Tail: Ming China and the First Great Asian War, 1592–1598. Norman: University of Oklahoma Press, 2009. 398 p.

10. Thompson 1964 – *Thompson L. G.* The Earliest Chinese Eyewitness Accounts of Formosan Aborigines // Monumenta Serica. 1964. Vol. 23. P. 163–204.

11. Vogel 2012 – *Vogel H. U.* Marco Polo Was in China: New Evidence from Currencies, Salts and Revenues. Leiden: Brill, 2012. 643 p.

12. Су Цзицин 2000 – Су Цзицин 蘇繼廎. Дао и чжи люэ цзяоши 島夷誌略校釋 (*Дао и чжи люэ* со сверкой и пояснениями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2000. 434 с.

13. Фудзита Тоёхати 1935 – *Фудзита Тоёхати* 藤田豊八. Дао и чжи люэ цзяочжу 島夷誌略校注 (*Дао и чжи люэ* со сверкой и комментариями). Пекин: Госюэвэньку 國學文庫, 1935. 175 с.

14. Хэ Цяоюань 1995a – *Хэ Цяоюань* 何喬遠. Минь шу цзяодяньцзу 閩書校點組 (Сверенная, [снабжённая] пунктуацией и организованная *Минь шу*). Ди и цэ 第一冊 (1-й том). Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ 福建人民出版社, 1995. 1–1004 с.

15. Хэ Цяоюань 1995b – *Хэ Цяоюань* 何喬遠. Минь шу цзяодяньцзу 閩書校點組 (Сверенная, [снабжённая] пунктуацией и организованная *Минь шу*). Ди у цэ 第五冊 (5-й том). Фучжоу: Фуцзянь жэньминь чубаньшэ 福建人民出版社, 1995. 3705–4542 с.

16. Чэнь Цзяжун, Се Фан, Лу Цзюньлин 1985 – *Чэнь Цзяжун* 陈佳荣, *Се Фан* 谢方, *Лу Цзюньлин* 陆峻岭. Гудай Наньхай димин хуэйши 古代南海地名汇释 (Собрание древних топонимов Южных морей с пояснениями). Пекин: Чжунхуа щуцзюй 中华书局, 1985. 1120 с.

17. Чэнь Юаньюань 2017 – *Чэнь Юаньюань* 陈媛媛. Вань Мин Хэ Цяоюань цзи ци сысян чутань 晚明何乔远及其思想初探 (Предварительное исследование Хэ Цяоюаня и его идей в позднюю Мин) / Шоши сюэвэй луньвэнь 硕士学位论文 (Магистерская диссертация). Сямэнь дасюэ 厦门大学 (Сямэньский университет), 2017. 46 с.

ORCID: 0000-0003-1705-4139

А. Б. Зотова[*]

«Женский “Лунь юй”»: чему учили женщину Поднебесной?

Аннотация. Статья посвящена дидактическому тексту для женщин «Нюй “Лунь юй”», написанному в эпоху Тан. В исследовательской литературе положение женщины древнего и средневекового Китая традиционно рассматривалось сквозь призму модели семейного уклада. Для понимания истинного положения женщины своей эпохи необходимо изучить, какие ей прививали ценности и идеалы. Трактат состоит из наставлений, которых должны были придерживаться женщины, чтобы стать добродетельными супругами и мудрыми матерями.

Ключевые слова: Китай, роль женщины, образование, «Женское “Четверокнижие”»

Anastasia B. Zotova[**]

Women’s Analects: What was a Woman Taught in the Celestial Empire?

Abstract. The article is devoted to the didactic text for women «Women’s Analects», written during the Tang dynasty. In research literature, the position of women in ancient and medieval China has traditionally been viewed through the prism of the family model. In order to understand the true position of women during this era, it is necessary to study the values and ideals instilled to them. The treatise consists of guidance that women had to adhere to in order to become virtuous spouses and wise mothers.

Keywords: China, the role of a woman, education, “Female Four Books”

---

[*] ***Зотова Анастасия Борисовна***, студентка философского факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва), stasyzotova@yandex.ru

[**] ***Zotova Anastasia Borisovna***, Undergraduate Student, Department of Philosophy, Russian State University of Humanities (Moscow), stasyzotova@yandex.ru

© Зотова А. Б., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Традиционному китайскому обществу (как и любому другому) необходимо было регулировать нормы морали и обучать жён и дочерей. Именно этим целям и служили трактаты, которые позднее были объединены в так называемое «Женское “Четверокнижие”» («Нюй “Сы шу”» 女四書). Оно (по крайней мере, формально) было написано женщинами для женщин и являлось основой женского традиционного образования [Мыльникова 2012, с. 300]. Данное собрание состоит из следующих текстов: 1. «Нюй цзе» 女誡 («Женские заповеди»). Автор – Бань Чжао 班昭 (ок. 49 – ок. 120), сестра историка Бань Гу 班固 (32–92). 2. «Нюй “Лунь юй”» 女論語 («Женский “Лунь-юй”»). Автор – Сун Жо-синь 宋若莘. Текст составлен во время правления императора Ли Ко 李适 (780–805)[1]. 3. «Нэй сюнь» 內訓 («Наставления внутренних [покоев]»). Автор – императрица Сюй 徐 (1362–1407), жена минского императора Чжу Ди 朱棣[2]. 4. «Нюй фань цзе лу» 女範捷錄 («Краткие записи о женских образцах»). Автор – госпожа Лю (Люши 劉氏) – мать минского конфуцианского учёного Ван Сяна 王相 (1470–1518).

«Нюй “Сы шу”» было впервые опубликовано в 1624 г. во времена правления минского императора Чжу Ю-цзяо[3] 朱由校 [Чжунго да шудянь 1994, с. 507]. Оно стало комплексом учебных материалов для женщин, получивших широкое распространение.

Трактаты, входящие в «Нюй “Сы шу”» также широко применялись для обучения и вне Китая. В 1408 г. китайское правительство передало японскому посланнику «Наставления внутренних [покоев]». Позже в Японию в 1656 г. передали уже, судя по названию, полный сборник, в котором, однако, не было «Кратких записей о женских образцах», но был «Женский “Канон сыновней почтительности”» (*Нюй сяо цзин* 女孝經), который был написан в эпоху Тан женой некоего Чэнь Мяо 陳邈 госпожой Чжэн

[1] Император Тан 唐 в 779–805 гг. Храмовое имя Дэ-цзун 德宗. Годы жизни 742–805.

[2] Император Мин 明 (1402–1424). Храмовое имя Чэн-цзу 成祖. Годы жизни 1360–1424.

[3] Император Цин 清 (1620–1627). Храмовое имя Си-цзун 僖宗. Годы жизни 1605–1627.

(Чжэн-ши 鄭氏). Это показывает, что состав сборника мог варьироваться.

Что касается изданий «Женского “Четверокнижия”», здесь стоит отметить ксилографическое издание 1624 г., а также несколько печатных изданий эпохи Цин (1892, 1898, 1900) во времена правления императора Айсинь Гйоро Цзай-тяня[4] (*Айсинь Цзюэло Цзайтянь* 愛新覺羅載湉) [Чжунго да шудянь 1994, с. 507], что доказывает, что «Нюй “Сы шу”» было актуальным сборником для женского образования в течение долгого времени – практически до последних лет старого Китая – и неоднократно переиздавалось.

В настоящей статье уделим внимание трактату с самым конфуцианским названием – «Нюй “Лунь юю”», написанному в период правления под девизом Чжэнь-юань 貞元 (785–805) императора Ли Ко.

Разумеется, говоря о трактате, нельзя не упомянуть о его авторе. Это Сун Жо-синь, также известная как Сун Жо-хуа 宋若華 (вероятно, наличие второго имени обусловлено сходством иероглифов *синь* 莘 и *хуа* 華). Точный год её рождения неизвестен, умерла в 820 году, была одной из пяти дочерей. Родом из Цинъяна 清陽, Бэйчжоу 貝州 (ныне уезд Цинхэ 清河, провинция Хэбэй). Вместе со своей младшей сестрой Сун Жо-чжао 宋若照 служила при дворе императора, писала стихи [Чжунго да шудянь 1994, с. 507].

К большому сожалению, её стихи не дошли до нашего времени. Она написала десять частей трактата «Нюй “Лунь юй”». После смерти Сун Жо-хуа её сестра Сун Жо-чжао сосредоточилась на редактировании трактата. Ей же, видимо, принадлежит авторство двух глав, но каких – неизвестно. Стоит отметить, что хоть сёстры и учили других девушек, как необходимо вести себя будучи замужней женщиной, сами в браке они никогда не состояли. Всю свою жизнь они посвятили служению императорскому двору и интеллектуальной карьере.

Как и в случае с иными дидактическими текстами такого рода, не исключена вероятность того, что трактат мог быть напи-

[4] Император Цин (1875–1908). Годы жизни 1871–1908.

сан мужчиной, а авторство сёстрам было приписано для большего доверия среди женской аудитории.

Текст поделён на двенадцать глав, в каждой из которых рассматривается важная сторона жизни китайской женщины:

- 1 глава «Утверди [свою] персону» («Ли шэнь» 立身);
- 2 глава «Учись изготовлять» («Сюэ цзо» 學作);
- 3 глава «Учись благопристойности» («Сюэ ли» 學禮);
- 4 глава «Рано вставай» («Цза оци» 早起);
- 5 глава «Служи отцу и матери» («Ши фу му» 事父母);
- 6 глава «Служи свёкру и свекрови» («Ши цзю гу» 事舅姑);
- 7 глава «Служи мужу» («Ши фу» 事夫);
- 8 глава «Наставляй сыновей и дочерей» («Сюнь нань нюй» 訓男女);
- 9 глава «Веди семейные [дела]» («Ин цзя» 營家);
- 10 глава «Принимай гостей» («Дай кэ» 待客);
- 11 глава «[Будь] спокойной и мягкой» («Хэ жоу» 和柔);
- 12 глава «Блюди сдержанность» («Шоу цзе» 守節).

Основное предназначение девушки – выйти замуж. И если главная задача женщины заключалась в служении мужчине, то всю предшествующую замужеству жизнь она должна была готовиться к этому служению. Этим объясняется тот факт, что большая часть наставлений посвящена именно замужней женщине – *фу жэнь* 妇人.

Огромное внимание в «Женском “Лунь юе”» уделяется тому, как необходимо женщине держать себя, чтобы стать примером образцовой жены. Уже в первой главе «Нюй “Лунь юя”» мы встречаем ряд наставлений на эту тему:

凡為女子，先學立身，立身之法，惟務清貞[5]。
Каждый, кто является женщиной,
сначала учится утверждению себя,
способ утвердить собственную персону –
заботиться только о чистоте и целомудрии[6].

Помимо общих наставлений, в главе присутствуют вполне конкретные правила того, как стоит себя вести:

[5] Здесь и далее текст источника взят из [Сун Жо-синь].

[6] Здесь и далее перевод выполнен автором при содействии редакторов настоящего сборника.

坐莫動膝，立莫搖裙。喜莫大笑，怒莫高聲。
Сидя, никогда не двигай коленями,
Стоя, никогда не тормоши юбку.
Радуясь, никогда громко не смейся,
Гневаясь, никогда не повышай голос.

男非眷屬，莫與通名。女非善淑，莫與相親。
[Если] мужчина не является членом семьи,
Никогда не сообщай ему имени.
[Если] женщина не является доброй и целомудренной,
Никогда с ней не сближайся.

Очевидно, что основные принципы, которых должна была придерживаться женщина, находясь в обществе, – это умение держать себя в определённых рамках, быть сдержанной в проявлении чувств и эмоций, умеренной в общении.

Помимо поведения кажется необходимым указать также на то, как должна была выглядеть китайская женщина. Отдельной главы, посвящённой облику и уходу за собой, в трактате не имеется, но некоторые линии этого сюжета мы всё же можем проследить. В главе «Рано вставай» (4), описывается утренний туалет, который должна совершить женщина перед тем, как начать работать по дому:

凡為女子，習以為常。五更雞唱，起著衣裳。
Каждый, кто является женщиной,
Привычку к [такому] делает постоянной.
[Когда] в пятую стражу[7] петухи поют,
Поднимайся, надевай одежду верхнюю и нижнюю.

盥漱已了，隨意梳妝。
Вымыв [руки] и прополоскав [рот],
По [своему] умыслу причешись и накрасься.

Стоит обратить внимание, что даже в таких, казалось бы, обыденных вещах, как утренний подъём, звучит призыв к совершению определённого установленного порядка и соблюдению *должного* поведения.

[7] Время с 3 до 5 часов утра.

Уже в первых строчках главы «Учись изготовлять» (2) мы видим, что добродетельная жена прежде всего должна уметь искусно управляться с домашними делами:

凡為女子，須學女工。紉麻緝苧，粗細不同。
Всякому, кто является женщиной,
Следует учиться женской работе.
Скручиванию конопли и прошиванию [полотна из] рами[8]
Толщины-тонкости неодинаковой.

車機紡織，切勿匆匆。看蠶煮繭，曉夜相從。
Вращая [ткацкий] механизм при прядении и ткачестве,
Ни в коем случае не спеши.
Смотри за гусеницами шелкопряда, вари коконы,
С рассвета до ночи следуй [этой заботе].

И действительно, с самого рассвета и до поздней ночи женщина находится в заботах. Ткачество, вышивка, изготовление одежды – вот лишь малая часть того, какими искусствами рукоделия должна была владеть китайская жена. Показателен тот факт, что накануне свадьбы в доме жениха выставлялось приданое невесты, среди которого непременно находились образцы рукоделия невесты, призванные продемонстрировать её мастерство и тонкий вкус [Крюков и др. 1984, с. 187]. Позор накладывался на женщину, которая не следит за одеждой своих домочадцев:

不貪女務，不計春秋。針線粗率，為人所攻。
Не скупись на женскую работу,
Невзирая на [прожитые] вёсны и осени.
Иголка и нить [ежели] груба и небрежна –
Станет объектом нападок людей.

Конечно, всё это не единственные заботы по дому. Хорошая хозяйка не только искусная рукодельница, но и отличный кулинар, который балует своих домашних вкусными блюдами, не забывая при этом следить за порядком на кухне:

摩鍋洗鑊，煮水煎湯。

[8] Род многолетних травянистых и древесных растений семейства крапивные.

Отполируй кастрюли, отмой котлы,
Вскипяти воду и свари суп.

安排蔬菜，炮豉春姜。隨時下料，甜淡馨香。
Приготовь овощи,
Вываривай бобовый соус, толки [корень] имбиря.
Согласно своевременности клади ингредиенты,
[Придавая блюду] сладость-пресность и благоухающий аромат.

Важно отметить, что судя по количеству информации о ручном труде, целевая аудитория трактата – не только образованные аристократки. Значит, и в семьях среднего класса женщин также учили, они умели читать (или заучивали это наизусть – рифмованный текст, разбитый по частям, вполне позволяет это сделать).

Помимо рутинной домашней работы, будь то рукоделие или готовка, женщину учили тому, что в ведении быта она должна была придерживаться принципов экономии, бережливости и всегда благоразумно расходовать ресурсы, которые есть у неё в распоряжении:

營家之女，惟儉惟勤。勤則家起，懶則家傾，
Женщина, которая ведает семейными [делами],
И экономна, и трудолюбива.
[Если] трудолюбива, тогда семья возвышается,
[Если] ленива, тогда семья кренится [к падению].

От рассудительности женщины в ведении хозяйства, также, как и от мудрости мужчины в управлении делами, зависело будущее семьи:

莫教失落，擾亂四鄰。夫有錢米，收拾經營。
Не заставляй разочаровываться,
Не наводи беспорядки у соседей по четырём [сторонам].
У мужа есть деньги и рис –
Возьми в обработку, веди хозяйство.

Видим, что роль женщины в семье никак нельзя назвать второстепенной. Муж и жена дополняли друг друга, как инь дополняет ян и наоборот. Делами, которыми ведала женщина, не занимался муж; жена, в свою очередь, не могла выполнять мужские обязанности. Супруг должен был материально обеспечивать свою

семью, заниматься различными вопросами вне дома. Жена же должна не просто выполнять работу по дому, её учили мудрости в управлении домашними делами. Более того, благодаря раскопкам в Дандан-Ойлыке[9] (*Даньданьуликэ* 丹丹烏里克, это место процветало с VI в. как поселение вдоль южной ветви Великого шёлкового пути до его оставления в конце VIII в. [Баумер 2009]) мы располагаем примерами договоров купли-продажи земли, недвижимости, договоров о денежных ссудах, об аренде садов, а также о найме рабочей силы, налоговыми отчётами из Чанъани 長安, подписанными женщинами – главами семей [История китайской цивилизации 2020, с. 610], что, безусловно, отражает масштаб участия женщин в хозяйственной деятельности.

Много внимания в трактате уделяется также отношениям женщины с ближайшими родственниками. Когда жена вступает в дом супруга, на неё возлагаются определённые обязанности. Помимо работы по дому и управления хозяйством ещё более важными, если не основными, обязанностями являются служение мужу и его родителям, а также рождение и воспитание детей.

После того как женщина выходила замуж и покидала отчий дом, непререкаемым авторитетом для неё становились свёкор и свекровь. Именно поэтому важно было научить женщину, как правильно обходиться с родителями супруга. Наставлениям на эту тему посвящена шестая глава «Нюй “Лунь юя”».

Прежде всего, женщину учили, что родители мужа – главные в доме. В любой ситуации необходимо было помнить об их комфорте и удобстве:

> 供承看養，如同父母。敬事阿翁，形容不睹，
> Подносить, подавать, заботиться и питать,
> Словно отца и мать.
> Почтительно служить свёкру,
> В лицо [ему] не смотреть.

[9] Раскопки в заброшенном поселке Дандан-Ойлык в пустыне Такла-Макан начались в 1896 г. Там были обнаружены ценные артефакты, в том числе рукописи, расписные деревянные панели и настенные росписи. Исследование было проведено в 2006 г., однако большая часть археологического объекта до сих пор остаётся неисследованной.

Воспитание и наставление детей – обязанность наравне со служением мужу и уходом за свёкром и свекровью. Мать участвовала в обучении не только девочек, но и мальчиков. Она давала наставления дочерям, а также контролировала обучение сыновей. В «Нюй “Лунь юе”» глава 8 посвящена тому, как именно нужно воспитывать детей. Как только сын достигал возраста, когда он способен обучаться, мать должна была позаботиться о найме наставника:

訓誨之權，亦在於母。男入書堂，請延師傅。
Право [на] поучения и наставления
Также находится у матери.
[Когда] сын [начинает] ходить в книжный зал,
Проси нанять [ему] наставника-воспитателя.

Женщина контролировала процесс обучения, ведь любой матери хотелось для своего сына чиновничьей должности [Мыльникова 2014, с. 81]. Дочь же необходимо было научить смирению и повиновению (она ведь также будущая жена). Баловство, глупость и своеволие строго наказывались:

稍有不從，當加叱怒。
[Если] хоть в малом не слушается,
Должно добавить брани и гнева.

Безусловно, процесс обучения и воспитания влияет на все стороны развития личности. Достаточно посмотреть, чему считали необходимым научить человека, чтобы понять, какие стороны жизни были наиболее важными для обучающегося по мнению учителей, какого человека они хотели видеть перед собой по окончании обучения.

Многие наставления трактата направлены, прежде всего, на ограничение сферы интересов женщины семьёй и домом, однако предъявляемые к супруге высокие требования оставляли женщинам возможность в определённой мере осознавать себя личностью, что не могло не сказаться на их отношении к своей роли в духовной и социальной жизни. Женщина не была бесправной, наоборот, от неё ждали мудрого руководства. Рождение детей, особенно сыновей, помогало женщине стать причастной к власти в семье. С возрастом её положение только укреплялось: когда женщина

становилась свекровью, в её самовластное распоряжение попадала вся женская половина дома, дети не могли её ослушаться. Здесь наглядным примером будет классическое произведение песенного фольклора «Павлины летят на юго-восток» («Кунцюэ дуннань фэй» 孔雀東南飛): молодой чиновник не смог противиться авторитету матери, отослал неугодную (матери) жену, не вынес утраты и повесился. Видимо, проще было покончить с собой, чем пойти против воли родительницы. Можно сказать, что эта власть была своеобразной платой за те страдания и принижения, которые испытывала женщина в молодости.

На протяжении многих веков сыновья в Китае считались главной наградой для родителей, ведь только они могли поддержать родителей и помогать им в старости. Только сыновья имели право исполнять ритуалы почитания предков, могли продолжить семейный род и прославить фамилию, получить образование и принести достаток в семью. Девочки же были гостьями в родном доме. Родители всегда помнили, что в один день девушка выйдет замуж и навсегда покинет отчий дом. Именно поэтому важно было научить, как быть идеальной супругой и добродетельной матерью. Рассмотренные нами примеры наставлений показывают, насколько это тяжёлый труд – быть женой. Подобные письменные свидетельства помогают нам даже спустя тысячелетия воссоздать не только жизнь и быт жителей Китая, но и, что, возможно, даже важнее, миропонимание и мироощущение китайцев. Благодаря изучению «Нюй “Лунь юя”» мы можем увидеть важность роли женщины в доме. Она не просто занимается тяжёлым трудом, но и заботится о множестве различных аспектов, связанных с семьёй и домом, начиная от обеда и уборки и заканчивая образованием детей и приёмами гостей.

Источники и литература

1. Баумер 2009 – *Баумер К.* Следы в пустыне. Открытия в Центральной Азии М.: Вече, 2009 // Электронная библиотека Litrus.net. URL: https://litrus.net/book/read/169822?p=47 (дата обращения: 20.04.2021).

2. Гулик 2000 – *Гулик Р. В.* Сексуальная жизнь в древнем Китае. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000.

3. История китайской цивилизации 2020 – История китайской цивилизации. Т. 1–4. Т. 3. От династий Суй и Тан до середины правления династии Мин (581–1525). М: Шанс, 2020.

4. Крюков и др. 1984 – *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). М.: Главная редакция восточной литературы; Наука, 1984.

5. Мыльникова 2014 – *Мыльникова Ю. С.* Правовое положение женщин в истории средневекового Китая (VII–XIII века). СПб.: НП-ПРИНТ, 2014.

6. Мыльникова 2012 – *Мыльникова Ю. С.* Четверокнижие для женщин (Нюй сы шу 女四书) // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2012. С. 300.

7. Чжунго да шудянь 1994 – Чжунго да шудянь 中国大书典 («Свод великих книг Китая»). Пекин: Чжунгошудянь 中国书典, 1994.

8. Сун Жо-синь – *Сун Жо-синь* 宋若莘. Нюй «Лунь юй» 女論語 (Женский «Лунь-юй») // Электронная библиотека китайских текстов Chinese Text Project. URL: https://ctext.org/ wiki.pl?if=gb&res=443333 (дата обращения: 01.10.2021).

П. А. Лапин[*]

Организатор нового образования в цинском Китае Жун Хун и первые китайские учащиеся в США (1871–1881)

Аннотация. С целью изучения новых научных теорий и технологий цинские власти в 70-х гг. XIX в. организовали командирование в США нескольких групп китайских учащихся. Приобретённые знания и умения имелось в виду использовать в интересах реализации в китайской империи реформ, а также модернизации китайской традиционной системы образования.

Это был первый опыт организации Китаем образовательной деятельности за рубежом. Несмотря на политическую поддержку цинского двора, стабильное финансирование, а главное, наличие объективных потребностей в подготовке новых кадров, отправка китайских учащихся в США оказалась неудачной. Влиятельная часть высшего маньчжурского чиновничества, опасаясь распространения среди китайских молодых людей во время их длительного пребывания в США новых политических идей и представлений, отхода от традиционных ценностей, к началу 80-х гг. XIX в. склонило монарха принять решение отозвать всех ранее выехавших в США китайских учащихся назад на родину, не дав им завершить обучения.

Ключевые слова: Цинская империя, китайские студенты в США, международное образование, гуманитарные связи, реформы в образовании

Pavel A. Lapin[**]

Rong Hong, the Organizer of a New Education in China, and the first Chinese students in the USA (1871–1881)

[*] ***Лапин Павел Андреевич***, канд. ист. наук, советник по культуре Посольства России в Китае (Пекин, КНР), waijiao2000@mail.ru

[**] ***Lapin Pavel Andreevich***, Ph. D. (History), Cultural Counselor of the Russian Embassy to China (Beijing, PRC), wajiao2000@mail.ru

© Лапин П. А., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Abstract. The Qing Court organized several groups of Chinese students to study in the USA, in order to promote the new systems of studying advanced scientific theories and the best practices in the 1870's. The authorities planned to use the knowledge and skills of these students in the interest of the reforms in the Chinese Empire, including modernization of traditional Chinese system of education.

It was the first experience of educational activities abroad organized by China. In spite of the Qing Court's political support, stable financing and objective needs to train new experts the sending of the Chinese students to the USA failed. Chinese conservative officials were afraid of spreading the new political ideas and concepts among Chinese youth during their study in the USA and deviation from the traditional values, and they asked the monarch to withdraw the students who went to the USA back to China before they completed the course of study.

Keywords: Qing Empire, Chinese students in the USA, international education, humanitarian ties, reforms of the educational systems

Командирование китайских учащихся в США занимает важное место в истории гуманитарных связей Цинской империи с внешним миром в Новое время. Это был первый опыт организации Китаем образовательной деятельности за рубежом, заложивший прочную основу для установления долгосрочных контактов с ведущими зарубежными учебными центрами в будущем в интересах изучения мирового передового опыта.

Инициатором отправки китайских учащихся в Америку стал первый китайский выпускник американского вуза – Йельского университета, известный общественный деятель, дипломат и организатор нового образования в Китае Жун Хун 容闳, Yung Wing (1828–1912)[1]. Находясь в США, он глубоко проникся идеями важности

[1] Жун Хун родился в 1828 г. в уезде Сяншань 香山 (совр. г. Чжуншань 中山) провинции Гуандун. В 1841 г. в Макао поступил в открытую по линии Лондонского миссионерского общества протестантскую школу имени Роберта Моррисона (Robert Morrison School), которой руководил американский проповедник, выпускник Йельского университета Самуэль Р. Браун (Samuel Robbins Brown). В 1847 г. Жун Хун, а также двое других учащихся этой школы Хуан Шэн 黄胜 и Хуан Куань 黄宽 вместе с семьёй Браунов выехали в США, где были определены на учёбу в религиозную Академию Монсона (Monson Academy). Впоследствии в 1848 г. Хуан Шэн по состоянию здоровья вернулся обратно в Китай, а Хуан Куань в 1850 г. покинул Америку и перебрался в Англию, где продолжил своё обучение. В итоге в США остался лишь один Жун Хун, который в 1850 г. успешно поступил в Йельский университет (окончил в 1854 г.) [Чжунго цзяоюй чжиду тунши 2000, т. VI, с. 165; Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997, с. 83–84].

западного практического образования, выступал за его адаптацию к китайским реалиям и повсеместное внедрение в империи в интересах развития общества и усиления государства: «Поскольку я ходил далеко за многие моря, [то] испытал на себе цивилизованное образование… посредством внедрения наук западных краёв в Китае [можно] сделать так, что Китай с каждым днём будет приближаться к состоянию цивилизованности, богатства и мощи» 予既远涉重洋, 身受文明之教育. 以西方之学术, 灌输入中国, 使中国日趋于文明富强之境 [Жун Хун 1981, с. 23].

После возвращения в Китай в 1854 г. Жун Хун начал активно продвигать идею организации отправки молодых людей в США на учёбу. В 1863 г. он сблизился с одним из лидеров китайских реформ Цзэн Гофанем 曾国藩 (1811–1872), которому в 1870 г.[2] изложил свои представления относительно реализации этой идеи. Жун Хун предлагал ежегодно в течение четырёх лет за счёт государственных ассигнований командировать в США сроком на 15 лет по 30 молодых подданных (в общей сложности 120 человек) в возрасте 12–15 лет. При этом первую и вторую делегации предлагалось считать экспериментальными, и если такая образовательная деятельность доказала бы свою эффективность, практику командирования имелось в виду продолжать [Жун Хун 1981, с. 86–87].

Идеи Жун Хуна получили высокие оценки в среде реформаторов. В сентябре 1871 г. Цзэн Гофань совместно с Ли Хунчжаном 李鸿章 (1823–1901), занимавшим тогда пост наместника двора в столичной провинции Чжили (*Чжили цзунду* 直隶总督), направил императору Тунчжи[3] доклад «Поданное на высшее имя прошение с установлениями об устройстве отбора и отправки отроков в Америку для прохождения обучения» (*Цзоу сюаньпай ютун фу мэй ие баньли чжанчэн чжэ* 奏选派幼童赴美肄业办理章程折) с приложением плана командирования, состоящего из 12 статей [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986,

[2] Цзэн Гофань с 1870 г. занимал пост наместника двора в Лянцзяне (*Лянцзян цзунду* 两江总督). В то время регион включал две провинции – Цзяннань 江南 (в состав входили современные провинции Цзянсу и Аньхой) и Цзянси, а также город Шанхай.

[3] Император Цзайчунь 载淳 (1856–1875) правил под девизом Тунчжи 同治 в 1861–1875 гг.

с. 112–115][4]. Монарх утвердил представленный документ, дав указание незамедлительно приступить к его реализации[5].

После проведения подготовительных работ в июле 1872 г. первая группа китайских учащихся в количестве 30 человек отправилась в США[6]. Делегацию возглавил Чэнь Ланьбинь 陈兰彬 (1816–1895), один из хорошо известных чиновников из числа умеренных консерваторов, ставший первым куратором китайского студенчества в США, а с 1878 г. – первым посланником Китая в США[7]. Его заместителем был назначен Жун Хун, с 1878 г. также получив-

---

[4] Юридическим основанием для командирования китайских подданных в США в учебных целях послужили положения подписанного летом 1868 г. в Вашингтоне между Китаем и США Договора Бурлингейма (Burlingame Treaty, дополнил китайско-американский Тяньцзиньский договор 1858 г.), в котором, в частности, указывалось, что «впоследствии [если] китайцы вознамерятся поступать в американские большие и малые государственные школы для изучения любых видов искусств, необходимо обеспечить им льготный приём одинаково с народами лучших государств» 嗣后中国人欲入美国大小官学学习各等文艺, 须照相待最优国之人民一体优待 [Чжунвай цзю юэчжан хуэйбянь 1957, с. 263].

[5] В основу «Прошения» были положены первоначальные идеи Жун Хуна, ранее оглашённые им Цзэн Гофаню. Все издержки по командированию молодых китайских подданных относились на счёт китайской казны [Чоубань и у шимо 2008, цз. 82, с. 3325–3327].

[6] Как говорилось, это был первый опыт организации поездки китайских детей по официальной линии за рубеж на учёбу, что в том числе предполагало проведение большой разъяснительной работы в среде родителей. В то время самым надёжным способом роста по карьерной лестнице продолжала оставаться экзаменационная система *кэцзюй*, которой доверяли больше, чем обещаниям устроителей поездки в США о получении нового и мало кому понятного образования. «В то время аристократические родовитые кланы считали почётным соревноваться с помощью экзаменов. За морями за мириадами *ли* ветра и волны коварны и злы, не было готовых велеть сыновьям отправиться в странствие на учёбу» 时阀阅之族, 竞以科为荣, 海外万里, 风波险恶, 莫肯令子弟游学, – описывал настроения среди местной интеллигенции современник событий некий Чжан Цзунъюань [Учэн Чжан Цзунъюань 1904, с. 27]. В этих условиях добиться разрешения родителей отпустить сыновей, которые в традиционном обществе считались главной опорой семьи, в дальние «варварские» края было крайне сложно. Жун Хуну пришлось предпринять значительные усилия, чтобы укомплектовать первую группу. С целью поиска претендентов он объехал Гуанчжоу, был вынужден посетить в то время португальский Макао и британский Гонконг [Yung Ying-Yue 2006, с. 83].

[7] Чэнь Ланьбинь в 1853 г. получил высшую учёную степень *цзиньши*, в связи с чем был назначен на должность в академии Ханьлиньюань 翰林院. В 1870 г. был рекомендован Цзэн Гофанем на должность кандидата в старшие делопроизводители (*хоубу чжуши* 候补主事) в Министерстве наказаний (*Син бу* 刑部). В 1875 г. получил назначение посланником в США, но приступил к исполнению обязанностей лишь в 1878 г. [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 149].

ший пост заместителя китайской дипломатической миссии в США [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 149].

Командирование первых китайских учащихся в США стало важнейшим событием в области международной образовательной политики Китая. 5 августа 1872 г. «Шанхайская газета» (*Шэнь бао* 申报) вышла с большой статьёй «Предложение о плане мероприятий по командированию изучающих западные науки в Америку для прохождения обучения» (*Ни сисюэшэн фу мэйго ие ши'и* 拟西学生赴美国肄业事宜议) [Ни сисюэшэн фу мэйго ие ши'и и 1872, № 83, 02.07.1872, л. 1]. В Пекине поездку рассматривали как важную «часть большой программы, нацеленной на самоусиление путём создания западных технологий – машин, огнестрельного оружия, судоверфей, железных дорог и телеграфных линий» [Yung Ying-Yue 2006, с. 78]. Эта же тема стала весьма обсуждаемой и в американских деловых кругах. 15 августа уже в газете The New York Times был размещён материал «Учащиеся государства Цин прибыли в Сан-Франциско», в котором сообщалось, что «приехавшие вчера 30 цинских учеников очень молоды… Трое преподавателей из цинских чиновников сопровождают их[8]. Правительство Великой Дайцинской империи выделило миллион долларов на обучение этих учащихся» 昨天到达这里的30名清国学生都非常年轻. 有3名身为清国官员的教师陪同着他们. 大清国政府拨出了100万美元用于这些学生的教育 [Диго дэ хуэйи «Нююэ шибао» ваньцин гуаньча цзи 2001, с. 85–86]. И в будущем интерес американской публики к приезжавшим в США китайским учащимся не иссякал. «Мы, мальчики, которые приехали на учёбу при содействии цинского правительства и под покровительством американского орла, стали объектами некоторого интереса прессы. Многие репортёры брали у нас интервью», – в частности, в 1873 г. отмечал по прибытии в Сан-Франциско один из учащихся второй студенческой миссии Ли Эньфу 李恩富 [Yan Phou Lee 1887, с. 106].

С учётом утверждённых императором инструктивных документов в 1873 г. в США выехала вторая ученическая делегация,

[8] Первым представителем был Чэнь Ланьбинь, вторым – Жун Хун, третий был преподаватель китайской словесности Е Сюйдун 叶绪东 [Се Чанфа 2006, с. 7].

на следующий год третья и наконец последняя, четвёртая, отправилась в США в 1875 г. [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо. Янъу юньдун шици цзяоюй 2007, с. 927–928]. В общей сложности, как и планировалось, за четыре года в Америку китайские власти командировали 120 молодых людей для прохождения обучения в различных американских учебных заведениях[9].

Перед отправкой в США претенденты проходили годовой курс общей учебной подготовки в открывшейся в Шанхае в 1871 г. по рекомендации Жун Хуна школе – Китайском бюро по выезду за моря (*Чжунго чуян цзюй* 中国出洋局) [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 139][10]. Цель учебного заведения заключалась в организации общеобразовательной подготовки молодых людей перед выездом в США. В зависимости от подготовки слушателей знакомили с основами английского языка[11].

В мае 1875 г. за несколько месяцев до отправки последней делегации учеников в США с должности куратора китайских учащихся в США был освобождён Чэнь Ланьбинь, на его место был назначен также чиновник-консерватор, член академии Ханьлиньюань Оу Элян 区谔良 [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо. Янъу юньдун шици цзяоюй 2007, с. 906–907]. Обращает на себя внимание, что при назначении кураторов власти действовали весьма осмотрительно, умело маневрируя между придворными борющимися группировками прогрессистов и консерваторов. Двор

[9] Имеющиеся данные позволяют определить возраст и места проживания в Китае командированных в США в 1872–1875 гг. китайских учащихся. Самому старшему из учащихся было всего 16 лет, младшему – 10 лет, средний возраст составлял 12–14 лет. Подавляющее большинство претендентов были выходцами из прибрежных и экономически развитых провинций Китая – современных Гуандуна (70,8%), Цзянсу (17,5%), Чжэцзяна (6,6%), Шаньдуна, Фуцзяни, Аньхоя. При этом почти вся делегация была укомплектована выходцами из первых трёх провинций (114 человек) [Гу Вэйсин 2004, с. 240–241; Люсюэ цзяоюй: чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 1980, с. 34–47; Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 129–134].

[10] Для нужд подготовительного отделения в Шанхае было выделено здание близ иностранных концессий на улице Шаньдунлу 山东路. Первым руководителем отделения был назначен некий Лю Кайшэн 刘开生, его заместителем – У Цзыши 吴子石. Были приглашены по три учителя китайского и английского языков [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 139].

[11] Занятия начинались в 6 утра и продолжались до 9 вечера, английскому обучали два часа в день – с 4 до 6 часов вечера [Лу цзюй ие чжанчэн 2013, с. 353].

позволял молодым подданным изучать западные науки в современном американском обществе, в котором царили свобода мышления и волеизъявления, принимал идеи прогрессистов Ли Хунчжана и Цзэн Гофаня об улучшении обучения, но одновременно на должность куратора учащихся уже второй раз назначал высокого сановника из числа консерваторов, обладавшего большим авторитетом в столичных властных кругах, который должен был пресекать любые проявления вольнодумства в китайской студенческой среде и всячески поддерживать симпатию молодых китайцев к классическому учению. Не исключено, что в назначении консерваторов на такую важную контрольную должность прослеживалось и желание двора, который в целом поддерживал обучение за рубежом, блокировать нападки со стороны придворной консервативной партии в целом, представители которой включались в процесс управления этими важными процессами и всегда могли оказать на них влияние.

Китайские учащиеся направлялись в Америку в два штата – Коннектикут и Массачусетс[12], их размещали в американских семьях по два-три человека [Ши Ни 2000, с. 275]. Такое распределение позволяло создавать благоприятную среду для языковой практики, одновременно давало возможность снизить психологическое давление на детей, впервые выехавших далеко за пределы родины. Для организации пребывания китайских подданных в США в 1874 г. в штате Коннектикут Жун Хун открыл Канцелярию по работе с китайскими студентами, обучающимися в США (*Чжунго люсюэ шиусо* 中国留学事务所, букв. «Канцелярия по работе с китайскими [студентами], остающимися обучаться [в Америке]») [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо, 1986, с. 119].

В соответствии с учебным планом подростки в течение пяти-шести лет после прибытия в США должны были освоить курс

[12] В этих двух штатах располагались основные американские вузы, где впоследствии преимущественно имелось в виду организовать обучение китайских учащихся, – прежде всего хорошо известный Жун Хуну Йельский университет, находившийся в штате Коннектикут, а также расположенные в штате Массачусетс Массачусетский технологический институт, Гарвардский университет, Колледж Амхёрста (Amherst College) и Вустерский политехнический институт (Worcester Polytechnic Institute).

начальной школы и поступать в среднюю школу. После этого с учётом потребностей в подготовке практических кадров для новых отраслей в Китае выпускники средних школ, скорее по разнарядке, распределялись в колледжи по наиболее востребованным специальностям [Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997, с. 87]. Например, в 1877 г. среди учащихся первой и второй очереди (1872 и 1873 г.) более 50 человек обучались в средней школе и 18 поступили в вузы [Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997, с. 87]. Один из учащихся, Чжань Тянью 詹天佑 (1861–1919), прибывший в США в 1872 г., в 1878 г. прошёл серию сложных вступительных экзаменов[13] и поступил на учёбу в Научную школу Шеффилда (Sheffield Scientific School) Йельского университета [Ши Ни 2000, с. 275–276]. В 1878 г. Ли Хунчжан направил в США указание определять слушателей для изучения наиболее перспективных для Китая новых специальностей – горного дела, механики и машинного производства, кораблестроения, почтовой связи, а также военных и промышленных специальностей [У Ни 1997, с. 25–26].

С учётом требований пекинских властей урочные дисциплины, которые китайские слушатели осваивали в рамках общего курса американских учебных заведений, дополнялись разбором китайских классических произведений, в том числе трактатов «Канон сыновней почтительности» (*Сяо-цзин* 孝经), «Великое учение» (*Да-сюэ* 大学), «Пятиканоние» (*У-цзин* 五经), а также «Эдикты святомудрого с расширенными наставлениями» (*Шэнъюй гуансюнь* 圣谕广训 [Гу Вэйсин 2004, с. 244][14]. Обучение классическим дисциплинам и китайскому языку было организовано в упоминавшейся выше Канцелярии по работе с китайскими студентами, по указанию которой учащиеся объединялись в группы и прибывали в Канцелярию на учёбу сроком на две недели [У Ни 1997, с. 23].

[13] Претенденты сдавали английский язык, латынь, геометрию, тригонометрию, арифметику, алгебру, географию, историю США [Ши Ни 2000, с. 275].

[14] Тогда же китайские представители в США начали предпринимать первые попытки знакомства местных жителей с китайской классической культурой. В 1878 г. Жун Хун при содействии директора библиотеки Йельского университета А. Ван Наме (A. Van Name) учредил лекторий по китайскому языку и литературе, а для нужд библиотеки обеспечил закупку в Китае и доставку в США 1237 томов китайских книг, часть которых до сих пор хранится в этом вузе [Ши Ни 2000, с. 138].

Китайские молодые люди усердно учились, старались воспользоваться возможностью нахождения в США для расширения своих знаний. Местные наставники и руководители учебных заведений давали им высокие оценки. Так, президент Йельского колледжа Ной Портер (Noah Porter, 1871–1886; годы жизни 1811–1892) касательно обучавшихся в его учебном заведении китайских учащихся как-то сообщал в цинское Главноуправляющее ведомство по делам всех государств (*Цзунли гэго шиу ямэнь* 总理各国事务衙门)[15]: «Направленные Вашим государством молодые учащиеся после прибытия в США все могли благополучно воспользоваться этим временем, дабы изучать науки, в силу чего результаты прогресса во всякого рода дисциплинах – крайне выдающиеся» 贵国派遣之青年学生, 自抵美以来, 人人能善于其光阴, 以研究学术. 以故于各种科学之进步, 成绩极佳 [Жун Хун 1981, с. 108][16]. Подростки принимали активное участие в общественной жизни США. В ходе проведения в г. Филадельфии Всемирной выставки[17] 21 августа 1876 г. был организован показ произведений, подготовленных китайскими учащихся в американских школах, – картины, написанные в традиционном стиле *гохуа*, с изображением людей, природы [Ли Гуй 1980, с. 14, 105]. Главным событием вместе с тем стала организованная 24 августа встреча прибывшей из Пекина делегации и обучавшихся в США китайских учащихся с президентом США Улиссом С. Грантом (1822–1885) [Там же, с. 107].

Тем не менее в начале 1880-х гг. в высших политических кругах Пекина развернулась серьёзная дискуссия о целесообразности нахождения молодых китайских подданных в США и изучения ими западных наук в ущерб китайской классике. Представители консервативного крыла высшего чиновничества призывали отказаться от идеи командирования молодёжи в США во избе-

[15] Ведомство выполняло внешнеполитические функции. Было учреждено в 1861 г.

[16] Перевод фрагментов текстов с вэньяня выполнен при содействии редакторов.

[17] Выставка проводилась с 10 мая по 10 ноября 1876 г. и была приурочена к 100-летию принятия Декларации независимости США. Для участия в мероприятиях выставки США посетила представительная китайская делегация [ПИА КНР. 06–02–004–000011–0083. Л. 1].

жание негативного влияния на неё со стороны чуждой политической культуры и идеологии. «Китайский этикет и учёность пока ещё [им] совсем неведомы, [они] всецело посвятили себя западным наукам, поэтому есть опасения, что впоследствии в китайской науке настанет большая и общая неразбериха с нормами», – весьма скептически сообщалось в цитированной выше газете «Шэньбао» 中国礼貌学问尚无所知，而专从事于西学，则恐后来于中学大相忤格 [Цзай лунь сюй сюань сюэшэн чуян, № 3139, 24.01.1882, л. 1]. На этом фоне назначенный в 1880 г. инспектором по делам китайских учащихся в США служащий академии Ханьлиньюань У Цзяшань 吴嘉善 (1818–1885)[18] начал требовать от китайских слушателей уделять ещё большее внимание изучению классических произведений и церемониала.

В апреле 1880 г. У Цзяшань составил новый план обучения, ограничивавший возможности китайских учащихся в изучении западных наук, что натолкнулось на их значительное сопротивление [Ши Ни 2000, с. 139–141]. Несколько студентов в знак протеста против старого уклада отрезали длинные косы, которые они носили в том числе в знак покорности китайцев перед маньчжурами. Куратор начал усиливать давление на учеников, жаловался на них пекинским властям. «Учащиеся в США всецело любят изучать дела спортивные и развлекательные американцев, времени на учёбу [тратят] мало, а времени на развлечения [тратят] много, некоторые к тому же подражают американцам, вступают в разные тайные общества… По причине того, что [учащиеся] изучают дисциплины зловредных учений, некоторые поступают в воскресные школы, поэтому из учеников уже большая половина обратилась к учению Иисуса» 学生在美国，专好学美国人为运动游戏之事，读书时少而游戏时多，或且效尤美人，入各种秘密社会… 因为习耶教科学，或入星期学校，故学生已多半数入耶稣教 [Жун Хун 1981, с. 104]. В конце доклада китайский чиновник предлагал «вер-

[18] Как и Чэнь Ланьбинь, принадлежал к консервативному крылу китайского высшего чиновничества. В 1852 г. на государственных экзаменах получил высшую учёную степень *цзиньши* и назначение на должность *шуцзеши* 庶吉士 (состоящий при академии, букв. «во всём благостный муж») академии Ханьлиньюань [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986, с. 150].

нуть [китайских] учащихся из США [в Китай], [и если это] можно было бы сделать днём раньше, [то] государство [стало бы] на день раньше счастливее» 撤回留美学生，能早一日施行，既国家早获一日之福 [Жун Хун 1981, с. 104].

Консерваторы подвергали критике и само содержание обучения: получаемые студентами на уровне колледжей и университетов знания в области математики, биологии, астрономии, химии, машинной техники, горного дела были якобы не применимы в самом Китае вследствие отсутствия или слабого развития там этих отраслей [У Ни 1997, с. 28]. Усугублял положение ещё и тот факт, что в какой-то момент и американская администрация начала ограничивать права китайских учащихся на получение нужного им образования, в частности запретив им поступать в местные военно-морские учебные заведения [Жун Хун 1981, с. 106]. Возможно, эти ужесточения были также связаны с пересмотром в 1880 г. Договора Бурлингейма, который практически запрещал китайскую иммиграцию в США.

Глубокие разногласия как идеологического плана, так и в области организации учебного процесса привели к тому, что с февраля 1881 г. пекинские власти начали всё более настойчиво говорить о возможном отзыве всех ранее выехавших в США китайских учащихся назад в Китай[19].

Столь серьёзное решение китайских администраторов оказалось неожиданным как для самих китайских учеников, так и американских властей и представителей образовательного сообщества. Упоминавшийся выше президент Йельского колледжа Ной Портер обратился к Главноуправляющему ведомству по делам всех государств с письмом, в котором указал, что молодых учащихся «вовсе не стыдно [считать] представителями народа великого государства, [они] достойны быть [сочтены теми, кто] преумножает славу Вашего драгоценного государства… Сегодня внезапно решено приказать [учащимся] возвращаться на родину, разве это не достойно великого сожаления? Для учащихся сей-

[19] Подробнее о конфликте по организации обучения китайцев в США в этот период см., например [Фань Байчуань 2003, с. 637–643].

час как раз самое важное время» 并不愧为大国国民之代表, 足为贵国增荣誉也. 今乃忽有召令回国之举, 不亦重可惜耶？夫在学生方面, 今日正为最重要时期 [Люсюэ цзяоюй: чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 1980, с. 69]. По просьбе американского писателя Марка Твена (1835–1910) 24 февраля 1881 г. к китайским властям обратился бывший президент США Улисс С. Грант, который также выражал сожаление в связи с возможным возвращением китайских молодых людей обратно в Китай [Цянь Ган, Ху Цзинцао 2006, с. 66]. За китайских учащихся вступались и простые учителя, а также американские семьи, в которых долгое время проживали китайские подданные. Значительные убытки несла и китайская казна от отзыва студентов из США, так как на тот момент на их обучение было уже израсходовано 1,6 млн лянов серебра [Гу Вэйсин 2004, с. 253][20].

Сам Жун Хун также пытался договориться с высокими властями в Пекине не отзывать учащихся, но какой-то серьёзной поддержки со стороны поборников обучения китайцев в США так и не получил[21]. «То, сударь, за что Вы ратуете, явно противостоит китайским старым учениям. [В настоящее] время правительство ещё пуще придерживается старого: [если] отдельному человеку сдерживать их натиск, боюсь, не хватит сил дать отпор», – отчаянно в своём дневнике писал Жун Хун, видимо цитируя переписку с кем-то из своего окружения, посвящённого в дела 君所主张, 与中国旧学说显然反对. 时政府又甚守旧, 以个人身当其冲, 恐不足以抵抗反动力 [Жун Хун 1981, с. 104].

Несмотря на все попытки остановить возвращение учащихся из США, 8 июня 1881 г. последовало указание за подписью китайского монарха на доклад *Цзунли ямэня* «выехавших за океан [китайских] учащихся всех без исключения вернуть назад [в Китай]»

[20] Это был значительный объём средств, так как, например, в 1891 г. на развитие вообще всего образования в империи было выделено лишь 2,23 млн лянов серебра [Цзинь Линьсян, Чжао Хуэйкэ 2002, с. 10]. Серебряный лян (*инь лян* 银两) – мерный слиток серебра, повсеместно использовавшийся в торговых делах в Китае. В международных расчётах применялся так называемый таможенный лян, вес которого составлял 37,68 г / 1 лян серебра.

[21] Ещё в 1872 г. умер Цзэн Гофань, который активно содействовал выезду учащихся в США и при жизни умело противостоял консерваторам.

[Янъу юньдун 1961, с. 166]. В общей сложности были отозваны 94 из 120 ранее отправленных в США учеников (26 из них либо уже ранее вернулись в Китай, либо умерли в США) [Люсюэ цзяоюй: чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 1980, с. 71]. При этом доподлинно можно определить учебный статус лишь 92: двое из них – Чжань Тянью и Оуян Гэн 欧阳赓 – к тому времени получили полное высшее образование, окончив Йельский университет, 43 являлись студентами разных американских вузов[22], оставшиеся – учащимися американских школ [Чжунго цзяоюй ши яньцзю. Цзиньдай цзюань 2009, с. 43]. В том же году в Шанхае было закрыто Китайское бюро по выезду за моря.

После возвращения китайских студентов на родину местная интеллигенция пыталась проанализировать причины, побудившие власти принять такое решение. В «Шанхайской газете» в январе 1882 г. вышла редакционная заметка на эту тему: «Ученики обучались в Америке много лет, только-только стали намечаться заметные успехи, как тут же отозвали [их] – весьма достойно сожаления. Кроме того, говорят, что после выезда учеников за океан и до сих пор так и неизвестно, чему они [там] учились. Также говорят, что в связи с созданием в Китае в последние годы телеграфа, имелась потребность в людях, управлявших [работами], для чего [учащиеся] специально были возвращены для помощи во всех делах, [связанных] с электрическим кабелем. Мнения на сей [счёт] различны» 学徒辈在美国学习有年, 甫将著有成效, 而遽行召回, 颇为可惜. 更有谓, 学徒出洋之后, 至今究未知其所学何如. 又有谓, 因中国近年创设电报, 经理需人, 故特召回, 使之襄理电线诸事. 其说不一 [Цзай лунь сюй сюань сюэшэн чуян, № 3139, 24.01.1882, л. 1]. В целом китайская элита отрицательно отзывалась о решении двора отозвать учащихся. Так, известный

[22] Большинство – 20 человек – тогда проходили учёбу в Йельском университете, трое – в Колумбийском, двое – в Гарварде, пятеро – в Политехническом институте Ренсселера (Rensselarer Polytechnic Institute). По одному-двое китайских студентов обучались также в Массачусетском технологическом институте, Лафейеттском колледже (Lafayette College), Колледже Амхёрста, Вустерском политехническом институте, Университете Брауна (Brown University), Технической школе Стивенов (Stevens School of Technology), Университете Лихай (Lehigh University), Университете Джона Гопкинса (John Hopkins University) [Чжунго люсюэ тунши. Вань цин цзюань 2013, с. 112].

цинский мыслитель и педагог Чжэн Гуаньин 郑观应 (1842–1922) в своём труде «Опасные слова эпохи расцвета» (*Шэн ши вэй янь* 盛世危言) с сожалением отмечал: «Полным числом [учащихся всех] вернули назад, что весьма достойно сожаления. Обучались уже по восемь-девять лет, наука о счёте и принципы письменной культуры – всё превосходно. В то время должны были выбрать наиболее тех из них, кто лучше всего совмещал бы [достоинства] характера и [успехи в] учении для зачисления каждого по отдельности в университет, где каждый осваивал бы одно мастерство. Не прошли бы и четыре года дополнительного труда – непременно был бы зримый [результат]. Как же могло случиться так, что, ступив на мелководье, вдруг остановились, вызвав насмешки внутри и вовне [страны]? Японские учащиеся и по сей день постоянно обучаются в Британии, Америке, Германии и России» 全数遣回, 甚为可惜. 既已肄业八、九年, 算学文理俱佳, 当时应择其品学兼优者, 分别入大学堂, 各习一艺, 不过加四年工夫, 必有可观, 何至浅尝辄止, 贻讥中外. 日本肄业英、美、德、俄之学生, 至今尚络绎不绝 [Чжэн Гуаньин 1998, с. 86].

Несмотря на то, что многие из отправленных в США учащихся не смогли получить там полного образования, в Китае их ожидали неплохие перспективы трудоустройства, что подтверждало большую потребность в подобных специалистах. В апреле 1885 г. Ли Хунчжан доложил императору о распределении вернувшихся из США учащихся, большинство которых были направлены в качестве работников или стажёров на новые технические производства [Ху Дэхай 2002, с. 122–123][23]. Некоторые из бывших выпускников заняли высокие государственные

[23] В этом же докладе Ли Хунчжан просил в качестве поощрения повысить в рангах некоторых вернувшихся из США учащихся [Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо. Янъу юньдун шици цзяоюй 2007, с. 911–912]. По общим данным, порядка шестидесяти бывших учащихся американских учебных заведений после возвращения были распределены на предприятия горной и тяжёлой промышленности, в железнодорожную отрасль, сферы технической связи, например телеграф [Люсюэ цзяоюй: чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 1980, с. 71]. Большой вклад в проектирование и строительство железнодорожных мостов и тоннелей внёс упоминавшийся выше Чжань Тянью, который сразу после возвращения из США был назначен на должность инженера Тяньцзиньской железнодорожной компании [Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997, с. 88].

и дипломатические посты[24] или являлись организаторами нового образования в Китае[25].

Решение цинского двора отозвать всех учащихся из США продемонстрировало сильные позиции консервативного чиновничества в решении внешнеполитических задач, неготовность властей организовать изучение новых западных наук, принять хотя бы в адаптированном виде новое практическое иностранное образование, видя в этом угрозу каноническому образованию и науке. Вместе, с тем с точки зрения организации системной отправки учащихся за рубеж, приобретённый опыт оказался весьма ценным, причём не только для организации обучения учащихся в других зарубежных государствах, но и их более масштабного командирования в США в начале XX в. В 1909 г. цинский двор приступил к реализации так называемой «боксёрской» стипендиальной программы обучения в США («*Гэнцзы пэйкуань*» *люмэй* “庚子赔款”留美, букв. «обучение [китайцев] в США [в счёт] “контрибуции [волнений года] Гэн-цзы”»), позволявшей на длительную перспективу наладить обучение своих подданных в этом государстве[26].

Источники и литература

1. Гу Вэйсин 2004 – *Гу Вэйсин* 顾卫星. Вань Цин инъюй цзяосюэ яньцзю 晚清英语教学研究 (Исследования преподавания английского

[24] Например, бывший студент Колумбийского университета Тан Шаои 唐绍仪 (1862–1939; командирован на учёбу в США в 1874 г.) в марте 1912 г. занял высокий пост премьер-министра в кабинете временного президента Китайской Республики Юань Шикая 袁世凯 (1859–1916). Лян Дуньянь 梁敦彦 (1857–1924; командирован напрямую в 1873 г. в Йельский университет) в 1907 г. получил пост министра внешних дел (*Вай у бу шаншу* 外务部尚书), а в 1914 г. – должность министра путей сообщения Пекинского правительства (*Бэйцзин чжэнфу цзяотун бу цзунчжан* 北京政府交通部总长). В 1903 г. посланником в США был назначен Лян Чэн 梁诚 (1864–1917, направлен на учёбу в США в 1875 г.), обучавшийся в США в частном учебном заведении – Академии Филлипса (Phillip's Academy). Подробнее о жизни и деятельности Лян Чэна см. [Ло Сянлинь 1979, с. 3–6].

[25] Например, Тан Гоань 唐国安 (1858–1913, обучался в Йельском университете) стал одним из основателей ведущего в государстве вуза – Университета Цинхуа, в 1912 г. был назначен его первым ректором [Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997, с. 88].

[26] По китайско-американским договорённостям программа была рассчитана до 1940 г., хотя фактически была свёрнута в 1929 г. Стипендией в общей сложности воспользовались чуть более 1,2 тыс. учащихся из Китая.

языка в поздние годы Цин). Сучжоу: Сучжоу дасюэ чубаньшэ 苏州大学出版社, 2004. 373 с.

2. Диго дэ хуэйи 2001 – Диго дэ хуэйи: «Нююэ шибао» вань Цин гуаньча цзи 帝国的回忆 “纽约时报” 晚清观察记 (Воспоминание об империи: записки с обозрением [эпохи] поздней Цин в газете «Нью-Йорк таймс»). Пекин: Шэнхо, душу, синь чжи саньлянь шушэ 生活, 读书, 新知三联书社, 2001. 469 с.

3. Жун Хун 1981 – *Жун Хун* 容宏. Си сюэ дун цзянь цзи 西学东渐记 (Записи о проникновении западных наук на Восток). Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ 湖南人民出版社, 1981. 125 с.

4. Ли Гуй 1980 – *Ли Гуй* 李圭. Хуанью дицю синь лу 环游地球新录 (Новые хроники кругосветных путешествий). Чанша: Хунань жэньминь чубаньшэ 湖南人民出版社, 1980. 159 с.

5. Ло Сянлинь 1979 – *Ло Сянлинь* 罗香林. Лян Чэн дэ чуши мэйго 梁诚的出使美国 (Дипломатическая миссия Лян Чэна в США) / Цзиньдай чжунго шиляо цункань сюйбянь 近代中国史料丛刊续编 (Продолжение собрания исторических материалов по Китаю в Новое время). Вып. 68. Т. 674. Тайбэй: Вэньхай чубаньшэ 文海出版社, 1979. 374 с.

6. Лу цзюй ие чжанчэн 2013 – Лу цзюй ие чжанчэн 沪局肄业章程 (Установления об обучении в Шанхайском управлении) / Юэр чуян 幼儿出洋 (Выезд детей за моря) // Бэйян цзиши 北洋纪事 (Исторические записи о северных приморских [районах Китая приморских частях северных провинций Китая). Кн. 12 / Вань Цин сы бу цункань 晚清四部丛刊 (Собрание [литературы] поздней Цин по четырём разделам). Издание 10. Т. XXXIII. Тайчжун: Вэньтингэ тушу юсянь гунсы 文听阁图书有限公司, 2013. С. 353–354.

7. Люсюэ цзяоюй: Чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 1980 – Люсюэ цзяоюй: Чжунго люсюэ цзяоюй шиляо 留学教育. 中国留学教育史料 (Обучение за рубежом. Исторические материалы по обучению китайцев за рубежом). Т. I. / Ред. Лю Чжэнь 刘真. Тайбэй: Тайбэй голи бяньи гуань 台北国立编译馆, 1980. 580 с.

8. Ни сисюэшэн фу мэйго ие ши'и и 1872 – Ни сисюэшэн фу мэйго ие ши'и и 拟西学生赴美国肄业事宜议 («Предложение о плане мероприятий по командированию изучающих западные науки в Америку для прохождения обучения»») // Шэньбао 申报 (Шанхайская газета). № 83. 02.07.1872.

9. ПИА КНР – Первый исторический архив КНР.

10. Се Чанфа 2006 – *Се Чанфа* 谢长法. Чжунго люсюэ цзяоюй ши 中国留学教育史 (История обучения китайцев за рубежом). Тайюань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ 山东教育出版社, 2006. 224 с.

11. У Ни 1997 – *У Ни* 吴霓. Чжунго жэнь люсюэ шихуа 中国人留学史话 (Исторические рассказы об обучении китайцев за рубежом). Пекин: Шанъу иньшу гуань 商务印书馆, 1997. 204 с.

12. Фань Байчуань 2003 – *Фань Байчуань* 樊百川. Цинцзи дэ янъу синьчжэн 清季的洋务新政 (Политика [за освоение] заморских дел во время Цин). Т. I. Шанхай: Шанхай шудянь чубаньшэ 上海书店出版社, 2003. 697 с.

13. Ху Дэхай 2002 – *Ху Дэхай* 胡德海. Чжунго цзаоци лю Мэй сюэшэн фань го хоу дэ цяньчэн, ши'е юй цзецзюй 中国早期留美学生返国后的前程、事业与结局 (Перспективы, деятельность и итоги возвратившихся в Китай первых китайских учеников, проходивших обучение в США) // Ганьсу шэхуэй кэсюэ 甘肃社会科学 (Общественные науки [провинции] Ганьсу). 2002. № 5. С. 122–125.

14. Цзай лунь сюй сюань сюэшэн чуян 1882 – Цзай лунь сюй сюань сюэшэн чуян 再论续选学生出洋 (Вновь о продолжении отбора учащихся для поездки за моря) // Шэньбао 申报 (Шанхайская газета). № 3139. 24.01.1882.

15. Цзинь Линьсян, Чжао Хуэйкэ 2002 – *Цзинь Линьсян, Чжао Хуэйкэ* 金林祥, 赵会可. Вань Цин синьши цзяоюй цзинфэй буцзу юаньинь фэньси 晚清新式教育经费不足原因分析 (Анализ причин недостатка финансирования образования нового типа в позднюю Цин) // Ляонин дасюэ сюэбао (цзяоюй кэсюэ бань) 辽宁大学学报 (教育科学版) (Вестник Ляонинского университета. Серия «Образование и наука»). 2002. № 2. С. 10–14.

16. Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 1997 – Цзиньдай чжунси вэньхуа цзяолю шилунь 近代中西文化交流史论 (Труды по истории культурных обменов Китая с Западом в Новое время) / Ред. Юй Юйхэ 于语和, Гэн Лянчэнь 庚良辰. Тайюань: Шаньси цзяоюй чубаньшэ 山西教育出版社, 1997. 279 с.

17. Цянь Ган, Ху Цзинцао 2006 – Цянь Ган 钱钢, Ху Цзинцао 胡劲草. 120 мин Цинчао ютун фу Мэй люсюэ дэ цяньцянь хоухоу 120 名清朝幼童赴美留学的前前后后 (Отправка 120 отроков в США для обучения во время Цин с самого начала до самого конца) // Цзюэцэ юй синьси 决策与信息 (Решения и информация). 2006. № 5. С. 64–67.

18. Учэн Чжан Цзунъюань 1904 – Учэн Чжан Цзунъюань 乌程章宗元 (Чжан Цзунъюань [из уезда] Учэн). Мэйчжоу люсюэ сяоши 美洲留学小史 (Исторические очерки об обучении в Америке) // Мэйчжоу люсюэ баогао 美洲留学报告 (Доклады об обучении в Америке). Шанхай: Шанхай цзосиньшэ 上海作新社, 1904. С. 27–81.

19. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 1986 – Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзяосюэ цанькао цзыляо 中国近代教育史教学参考资料 (Учебные справочные материалы по истории образования в Китае в Новое время). Т. I / Ред. Чэнь Сюэсюнь 陈学恂. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ 人民教育出版社, 1986. 774 с.

20. Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо 2007 – Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Янъу юньдун шици цзяоюй 中国近代教育史资料汇编. 洋务运动时期教育 (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование периода движения [за освоение] заморских дел). / Ред. Гао Шилян 高时良. Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ 上海教育出版社, 2007. 1033 с.

21. Чжунго цзяоюй чжиду тунши 2000 – Чжунго цзяоюй чжиду тунши 中国教育制度通史 (Общая история системы образования в Китае). Т. VI / Ред. Цзинь Линьсян 金林祥, гл. ред. Ли Гоцзюнь 李国钧, Ван Фаньчжао 王炽照. Цзинань: Шаньдун цзяоюй чубаньшэ 山东教育出版社, 2000. 450 с.

22. Чжунго цзяоюй ши яньцзю 2009 – Чжунго цзяоюй ши яньцзю. Цзиньдай фэнь цзюань 中国教育史研究. 近代分卷 (Исследования истории образования в Китае. Раздел: Новое время). Т. VI / Ред. Тянь Чжэнпин 田正平. Шанхай: Хуадун шифань дасюэ чубаньшэ 华东师范大学出版社, 2009. 433 с.

23. Чжунвай цзю юэчжан хуэйбянь 1957 – Чжунвай цзю юэчжан хуэйбянь, 1689–1901 中外旧约章汇编, 1689–1901 (Сборник старых [международных] соглашений Китая с зарубежными государствами в 1689–1901 гг.). Т. I. Пекин: Шэнхо, душу, синь чжи саньлянь чубаньшэ 生活, 读书, 新知三联出版社, 1957. 1046 с.

24. Чоубань и у шимо 2008 – Чоубань и у шимо.Тунчжи чао 筹办夷务始末, 同治朝 (Полное [изложение] сведений по организации дел с варварами в правление Тунчжи). Т. IX. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 2008. С. 3255–3656.

25. Чжэн Гуаньин 1998 – *Чжэн Гуаньин* 郑观应. Шэн ши вэй янь 盛世危言 (Опасные слова эпохи расцвета). Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ 中州古籍出版社, 1998. 552 с.

26. Ши Ни 2000 – *Ши Ни* 石霓. Гуаньнянь юй бэйцзюй – вань Цин лю мэй ютун минъюнь поуси 观念与悲剧 – 晚清留美幼童命运剖析 (Идеи и трагедия: анализ судеб отроков, обучавшихся в США в позднюю Цин). Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 2000. 299 с.

27. Янъу юньдун 1961 – Янъу юньдун 洋务运动 (Движение [за освоение] заморских дел). Т. II. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1961. 625 с.

28. Yan Phou Lee 1887 – *Yan Phou Lee*. When I was a boy in China. Boston: D. Lothrop Comp., 1887. 111 p.

29. Yung Ying-Yue 2006 – *Yung Ying-Yue*. The Chinese Education Mission in the 1870s: Comparison with the Chinese students in Japan in the 1900s // Цзиньдай Чжунго лю сюэ шэн лунь вэньцзи (Сборник статей о китайских учащихся за рубежом в Новое время 近代中国留学生论文集) / Ed. by Joseph S. P. Ting, Chow Kai-wing, Wong Yin-Lee. Hong Kong: Hong Kong museum of History, 2006. P. 78–89.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

ORCID: 0000-0003-1924-8535

Р. В. Берёзкин[*]

Автобиографические черты в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю (1070 г.) (перевод с предисловием)

Аннотация. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳) относится к числу лучших произведений Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072), одного из самых известных мастеров китайской классической прозы. Оно тем не менее мало известно в отечественном китаеведении и ещё не переводилось на русский язык. В этой работе представлен его первый перевод на русский язык с предисловием, которое объясняет особенности этого произведения и его значение в китайской классической литературе. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» представляет собой редкий образец шутливой «идеализированной» автобиографии, относящийся к зрелой стадии развития этой формы. Истоки её можно обнаружить в творчестве Тао Юаньмина 陶淵明 (365–427) и литераторов эпохи Тан, которые также создали подобные «жизнеописания». Вместе с тем «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести», в котором представлены с некоторыми деталями увле-

[*] ***Берёзкин Ростислав Владимирович,*** канд. филол. наук, Ph. D., старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований, Фуданьский университет (Шанхай, КНР); старший научный сотрудник Института востоковедения РАН (Москва), berezkine56@yandex.ru

© Березкин Р. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

чения Оуян Сю, обладает большой оригинальностью в сравнении с предшествующими «жизнеописаниями», в чём выражается индивидуальность литератора. Таким образом, Оуян Сю внёс вклад в развитие традиционной формы автобиографической литературы в средневековом Китае.

Ключевые слова: идеализированная автобиография, китайская классическая проза, Оуян Сю, литература и писатели эпохи Сун

Rostislav V. Berezkin[*]

Autobiographical Features in the "Biography of the Hermit One Among Six" by Ouyang Xiu (1070): Translation with Preface

Abstract. The "Biography of the Hermit One Among Six" (*Liuyi jushi zhuan* 六一居士傳) belongs to the best prosaic works by Ouyang Xiu 歐陽修 (1007–1072), one of the most famous masters of Chinese classical prose. This piece is not well-known in the Russian sinology, and it still has not been yet translated into Russian. This work presents the first Russian translation of the "Biography of the Hermit One Among Six" with introduction that presents the special features of this text and explains its significance in the history of Chinese classical literature. The "Biography of the Hermit One Among Six" by Ouyang Xiu constitutes a rare example of playful "idealized" autobiography which belongs to the mature stage of development of this form in Chinese literature. This literary form can be traced back to the prose by Tao Yuanming 陶淵明 (365–427) and several Tang-dynasty literati, who also created similar autobiographies. At the same time, the "Biography of the Hermit One Among Six" possesses significant originality in comparison with the previous "biographies", which expressed individuality of Ouyang Xiu. In this way he contributed to the development of the traditional forms of autobiographic literature in medieval China.

Keywords: "idealized" autobiography, Chinese classical prose, Ouyang Xiu, Song-dynasty literature and literati

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳) относится к числу лучших произведений Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072), одного из самых известных

[*] ***Berezkin Rostislav Vladimirovich***, Ph. D. (Philology), Senior Research Fellow, National Institute for Advanced Humanistic Studies at Fudan University (Shanghai, PRC); Senior Research Associate, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), berezkine56@yandex.ru

мастеров китайской классической прозы[1]. Оуян Сю (второе имя Юншу 永叔, посмертное имя Вэньчжун 文忠), великий поэт и прозаик эпохи Сун (960–1279), был в то же время и крупным политическим деятелем, и историком[2]. Его имя достаточно хорошо известно и отечественному читателю; существуют исследовательские работы о разных аспектах его творчества на русском языке [Серебряков 1979, с. 207–246; Алимов, Серебряков 2004, с. 71–76; Алимов 2006, с. 373–377; 2009, с. 244–260; Лапина, Бонч-Осмоловская 2016, с. 769–772; и др.][3]. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» тем не менее относится к числу мало известных в отечественном китаеведении произведений Оуян Сю. В то время как зарубежные исследователи уже давно обратили внимание на этот текст[4], он ещё не переводился на русский язык. В этой работе представлен его первый перевод на русский язык с предисловием, которое объясняет особенности этого произведения и его значение в китайской классической литературе.

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» принадлежит к форме литературы, которую можно условно обозначить как шутливую автобиографию. «Отшельник Один из Шести» – псевдоним Оуян Сю, который в этом тексте объясняется следующим образом: «У меня в доме хранится книг десять тысяч свитков; собраны тексты сохранившихся [древних] надписей на бронзе и камне начиная от трёх династий – тысяча свитков; есть один цинь; есть одна доска для [игры в] ци; и часто я ставлю [там] один кувшин вина». Отшельник проводит свою старость среди этих пяти вещей, поэтому становится «шестым».

«Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» было написано Оуян Сю в 1070 г. (как следует из даты, поставленной в конце этого текста), когда ему было уже 64 года. В 1067 г. поэт в очеред-

---

[1] Оригинал см. [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 634–636].

[2] Оуян Сю был редактором «Новой книги (т. е. истории. – *Р.Б.*) Тан» (*Синь Тан шу* 新唐書) и «Новой истории Пяти династий» (*Синь Удай ши* 新五代史).

[3] См. также исследования на англ. яз.: [Locke 1951; Liu 1967; Egan 1984].

[4] См., например, [Bauer 1990, p. 293–296; *Каваи Ко:дзо:* 1996, с. 108–114; Сунь Цзунъин 2016; Ван Ин 2017]. Пер. на англ. яз. Р. Эгана и Р. Хегеля, см. [Egan 1984, p. 223–224; Mair 1994, p. 591]; пер. на нем. яз. см. [Bauer 1990, p. 293–294].

ной раз попал в опалу и получил назначение на должность в провинции – правителя области Бочжоу 亳州 (современная провинция Аньхой), а затем – Цинчжоу 青州[5]. Конфликт с центральной властью был вызван в первую очередь несогласием с новым курсом реформ Ван Аньши 王安石 (1021–1086). Оуян Сю решительно выступил против одного из нововведений, а именно так называемого «закона [о ссуде] на ранние всходы» (*цинмяо фа* 青苗法)[6], и запретил проводить эту реформу на территории подконтрольной ему области.

В девятой луне 1070 г. Оуян Сю был переведён на должность правителя области Цайчжоу 蔡州 (современная провинция Хэнань), где, по-видимому, и было создано «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести». Через год после вступления в эту должность Оуян Сю вышел в отставку и поселился в области Инчжоу 潁州 (современный Фуян 阜陽 в провинции Аньхой). Об этих намерениях Оуян Сю и говорит в своём «жизнеописании»[7]. В Инчжоу он провёл последние месяцы своей жизни; поэт умер в 1072 г.

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» следует рассматривать как произведение завершающего периода творчества Оуян Сю; можно сказать, что это итог его творческих исканий. Вместе с тем текст написан в рамках старинной традиции, которая восходит ещё к величайшему поэту Китая Тао Юаньмину 陶淵明 (или Тао Цяню 陶潛, 365–427)[8]. Тот создал шутливую автобиографию «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив» (*У-лю сяньшэн чжуань* 五柳先生傳, ок. 415 г.), которая, несмотря на свой небольшой объём (всего 200 иероглифов), стала одним из самых знаменитых его прозаических произведений и вместе с тем – образцом для последующих текстов подобного

[5] Основным источником о жизни Оуян Сю является его жизнеописание в «Истории Сун» (*Сун ши* 宋史) [Тото 1997, цз. 319, с. 10377–10381]; см. также [Liu 1967; Franke 1976, vol. 2, p. 808–816; Лю Дэцин 1995; Алимов 2009, с. 244–254; Лапина, Бонч-Осмоловская 2016, с. 769–772].

[6] Об этой и других реформах Ван Аньши см., например [Liu 1959].

[7] Известно, что Оуян Сю подал прошение об отставке ещё в 1068 г. [Тото 1997, цз. 319, с. 10381].

[8] О его творчестве и влиянии на последующее развитие китайской литературы см. [см. Эйдлин 1967, с. 7–131; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 554–575].

жанра[9]. Похожие «автобиографии» были также созданы литераторами Юань Цанем 遠粲 (420–477) – «Жизнеописание Господина Прекрасных Добродетелей» (*Мяо-дэ сяньшэн чжуань* 妙德先生傳)[10], Ван Цзи 王績 (второе имя Угун 無功, 590–644) – «Жизнеописание Господина Пяти *Доу* [Вина]» (*У-доу сяньшэн чжуань* 五斗先生傳)[11], Бо Цзюйи 白居易 (772–846) – «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» (*Цзуй-инь сяньшэн чжуань* 醉吟先生傳)[12] и Лу Гуймэном 陸龜蒙 (? – ок. 881) – «Жизнеописание Господина из Пули» (*Пули сяньшэн чжуань* 浦里先生傳)[13].

В этих произведениях можно найти только отдельные автобиографические черты, и они далеки от европейских представлений о форме и содержании автобиографии. В них представлен скорее идеал китайского литератора, нежели реальная личность, поэтому их можно характеризовать как «идеализированную автобиографию». Японский исследователь Каваи Ко:дзо: 川合康三, который специально изучал произведения подобного рода, предлагает для этой формы термин «воображаемое эго» (*ко: аритайварэ* かく(= こう) ありたい我れ) [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 67]. Чтобы анализировать особенности «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», мы должны сравнить его с другими похожими произведениями в классической литературе, прежде всего с «Жизнеописанием Господина [под Сенью] Пяти Ив», которое можно признать программным в этом жанре[14], а также «Жизнеописанием Госпо-

[9] Оригинал см. в [Тао Юаньмин 1996, с. 420–424]; см. также [Эйдлин 1967, с. 30–33; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 560–561].

[10] Текст этого произведения (или только сохранившаяся до нашего времени его часть) включена в жизнеописание Юань Цаня в «Книге (т. е. истории. – *Р.Б.*) Сун» [*Сун шу* 宋書]), см. [Шэнь Юэ 1997, цз. 49, т. 5, с. 2230–2231].

[11] Оригинал см. в [Цюань Тан вэнь 2002, цз. 132, т. 2, с. 799], пер. на англ. яз. [Warner 2003, p. 103]. Ван Цзи был известным литератором в конце периода Суй (581–618) – начале Тан (618–907), оказавшим значительное воздействие на развитие художественной традиции при Тан; о нём см., например [Кравцова, Алимов 2014, т. 2, с. 955–959].

[12] Оригинал см. в [Бо Цзюйи 1988, т. 6, с. 3782–3783]. Перевод на русский язык с комментарием см. [Березкин 2021]; см. также [Mair, Berezkin 2009].

[13] Оригинал см. в [Цюань Тан вэнь 2002, цз. 801, т. 6, с. 4958–4959].

[14] Истоки подобной традиции жизнеописания можно проследить в более раннюю эпоху; её предшественниками стали «биографии» идеальных или даже вымышленных персонажей, созданные в эпохи Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), Вэй (220–265) и Цзинь (265–316), см. [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 70–72; Bauer 1990, p. 156–157].

дина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» и «Жизнеописанием Господина из Пули», более близкими по времени написания к тексту Оуян Сю[15]. Несмотря на многие общие черты, существуют и значительные различия в этих произведениях.

Преемственность между этими текстами проявляется уже в самих названиях: так, «Отшельник Один из Шести» сопоставим с прозвищами предшественников, в особенности с теми, в которых присутствуют числительные, – «Господином [под Сенью] Пяти Ив» и «Господином Пяти *Доу* [Вина]». Тем не менее выбор такого прозвища несомненно оригинален, причём автор ставит себя на уровень своих пяти любимых вещей (или категорий вещей), что в целом нехарактерно для классической литературы. В этом случае возможно увидеть влияние буддизма, который настаивает на преодолении различения субъекта и объекта в познании (восприятии) мира, ведущем к просветлению. В философии Махаяны понятие «я» считается иллюзорным, а различие субъекта и объекта отрицаются [Торчинов 2002, с. 87–89][16]. «Отшельник» рассматривает себя в ряду своих излюбленных предметов (развлечений), что придаёт им особый онтологический статус. Этот не явно выраженный религиозный (буддийский) подтекст в сочетании с термином «отшельник», который часто употребляется в буддийском контексте (также как перевод санскр. упасака – верующий мирянин, последователь буддизма, не принявший пострижения), при этом в целом соответствует духу эпохи, так как буддизм продолжал оказывать воздействие на творчество сунских литераторов, даже при том что они его часто критиковали (в том числе и Оуян Сю) [Мартынов 1982, с. 87–89].

Кроме того, значительно отличается стиль начальных строк произведения. Так, в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» говорится: «[Этот] господин, не знаю, откуда [он про-

[15] «Жизнеописание Господина Пяти *Доу* [Вина]» стоит несколько особняком от этих произведений, так как в нём мало конкретики в отношении деталей жизни поэта. Вероятно, это связано и с маленьким объёмом этого текста (в нём всего 160 слов-иероглифов). По этой причине здесь он подробно не рассматривается.

[16] Принцип отрицания различия между субъектом (личностью) и объектом (окружением) лежит и в основе практики Чань, см. [Гуревич 2001, с. 83–85].

исходил], и также неизвестны его фамилия и второе имя[17]. У [его] дома было пять ивовых деревьев, и от них образовалось [его] прозвище» (先生不知何許人也，亦不詳其姓字。宅邊有五柳樹，因以為號焉)[18]. Такой подход стал типичным для подобного рода произведений. С одной стороны, он создаёт шутливый тон для последующего повествования, в котором литератор намеренно скрывается под маской своего идеализированного альтер-эго. Этот приём можно рассматривать как пародию на официальные жизнеописания исторических деятелей, которые начинались с указания имени и места происхождения человека, его чинов и званий. С другой стороны, подобные строки выражают позицию автора, в которой отвергаются чины и даже официальное имя как нечто незначительное, на первый план выходит личная жизнь и увлечения персонажа. Исследователи китайской автобиографической литературы, в том числе немецкий учёный В. Бауэр, также отмечают здесь возможное влияние даосской философии, так как идеи «отсутствия имени» («неназванности»), самодостаточности индивида, а вместе с тем пренебрежения к титулу и чиновничьей карьере можно в конечном счёте возводить к таким ранним памятникам даосов, как «Канон Пути и благодати» (*Дао дэ цзин* 道德經, ок. VII–V вв. до н. э.) и «[Трактат] Учителя Чжуана» (*Чжуан-цзы* 莊子, IV–III вв. до н. э.) [Bauer 1990, p. 294–295][19].

Схожие намерения автора присутствуют в расширенном вступлении в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи», которое явно моделируется по образцу произведения Тао Юаньмина: «[Что касается] Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи, [то я] забыл его фамилию и второе имя, [его родной] край и деревню, должность и титул, и так в забытьи,

[17] Второе имя традиционно присваивалось по достижении совершеннолетия. Например, вторым именем Бо Цзюйи было Бо Лэтянь 白樂天.

[18] Все русские переводы цитат в этой работе – автора статьи.

[19] Как известно, философия даосизма оказала огромное влияние на развитие теории литературного творчества в Китае [Алексеев 2002, т. 2, с. 7–8; Сторожук 2010, с. 283–316]. Темы ранних даосских сочинений прослеживаются и в ранних образцах биографий вымышленных или идеализированных персонажей, созданных при Хань, Вэй и Цзинь [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 49–54]; некоторые даосские мотивы появляются и в творчестве Тао Юаньмина.

[я и сам] не знаю, кто я есть [на самом деле]» 醉吟先生者，忘其姓字、鄉里、官爵，忽忽不知吾爲誰也[20]. Хотя здесь Бо Цзюйи приоткрывает маску, сообщая читателю, что речь пойдёт о нём самом; он констатирует, что дальше представит свой идеализированный образ. На него похоже и начало гораздо более раннего «Жизнеописания Господина Прекрасных Добродетелей», где по мере создания образа литературного персонажа начинают проступать автобиографические черты [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 72]. Явное продолжение этого приёма, идущего от Тао Юаньмина, мы находим и в тексте Лу Гуймэна: «Господин из Пули, не знаю, откуда [он происходил]. Люди видели его пашущим [на поле] в Пули, поэтому [так его] и прозвали» 甫里先生者，不知何許人也，人見其耕於甫里，故云.

Первые строки «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», напротив, представляют отход от этого стиля, они звучат более конкретно, упоминают и старое прозвище поэта, и некоторые детали его биографии, по которым он может быть идентифицирован читателем: «“Отшельник Один из Шести” сначала был сослан в Чушань [и тогда] взял себе прозвище “Пьяный старец”. [Когда же он] стал старым, дряхлым и больным, [он] собрался уйти на покой и [поселиться] на берегу реки Иншуй; тогда [он] снова изменил своё прозвище на “Отшельник Один из Шести”». Здесь идёт речь о периоде ссылки Оуян Сю в 1045 г., который характеризуется как один из самых плодотворных в его творческой биографии [Egan 1984, p. 7][21]. Тогдашнее прозвище поэта вошло в название другого знаменитого прозаического текста – «Записки о беседке Пьяного старца» (*Цзуйвэн тин цзи* 醉翁亭記, в переводе академика В. М. Алексеева – «В беседке пьяного старца»)[22]. Таким

[20] В старом Китае было принято говорить о себе в третьем лице, но здесь такое обращение явно использовано как литературный приём: автор как бы примеряет на себя литературную маску и тут же её отбрасывает. При этом следует отметить и возможное влияние буддийских идей об иллюзорности понятий «я» и «сам», которые уже упоминались выше (известно, что Бо Цзюйи придавал большое значение буддизму, о чём упоминает и в своём «жизнеописании»).

[21] Наряду с периодом его первой ссылки в Илин 夷陵 (пров. Хубэй) в 1036–1039 гг.

[22] Пер. на русск. яз. см. [Алексеев 1958, с. 302–304, Алексеев 2012, т. 2, с. 218–220]; пер. на англ. яз. см. [Egan 1984, p. 214–215].

образом, в начале «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести» сопоставляются два периода жизни литератора.

В 1045 г. опала Оуян Сю была связана с провалом так называемых реформ годов Цинли (*Цинли синь чжэн* 慶歷新政), которые пытался осуществить Фань Чжунъянь 范仲淹 (989–1052), его старший единомышленник и покровитель. В результате придворных интриг Оуян Сю был обвинён в кровосмесительной связи с племянницей, жившей с детских лет в его доме (затем это обвинение было опровергнуто за отсутствием доказательств), поэт был сослан в область Чучжоу 滁州 (современный город Чучжоу в пров. Аньхой). Там он провёл два года, после чего последовали переводы в Янчжоу 揚州 (пров. Цзянсу), а в 1049 г. – в Инчжоу. Прошло пять лет, прежде чем Оуян Сю получил возможность вернуться ко двору. В эти годы опалы у него появилось свободное время, в которое он обратился к созданию шутливой «развлекательной» литературы. Одним из любимых мест его отдыха стала «Беседка Пьяного старца» у подножия горы Ланъе 琅琊 в Чучжоу, которой также посвящено его стихотворение (см. Приложение 2)[23]. Помимо «Записок о беседке Пьяного старца», в этот период были написаны и другие знаменитые произведения Оуян Сю, например «Записки о беседке Изобилия и радости» (*Фэнлэ тин цзи* 豐樂亭記; в переводе В. М. Алексеева – «О моём павильоне Роскошного Довольства») и др.[24] Впечатления периода жизни в Чучжоу, как и псевдоним «Пьяный Старец», нашли отражение и в творчестве Оуян Сю более позднего периода.

«Отшельник Один из Шести» также стал известным псевдонимом Оуян Сю в последние годы его жизни. Так, он появляется в книге «Разговоры о стихах Одного из Шести» (*Лю-и ши-хуа* 六一詩話), являющейся важной вехой развития классической поэтики Китая; её определяют как первое произведение в жанре *шихуа* (название которого можно перевести как «рассуждение о стихах»), также развивавшегося в эпоху Сун[25]. «Разговоры о стихах

[23] Беседка, связанная с именем Оуян Сю, была восстановлена на прежнем месте в Чучжоу в современный период.

[24] Пер. на русск. яз., см. [Алексеев 2012, т. 2, с. 234–237].

[25] Пер. на русск. яз. и исследование см. [Алимов 2009, с. 300–327].

Одного из Шести» были созданы Оуян Сю в Инчжоу в 1071 г., уже после отставки со службы[26]. Смена псевдонима раскрывает эволюцию литератора, в нём выражается его стремление (по крайней мере декларируемое) отрешиться от государственных дел и уйти на покой, поселившись в поместье на берегу реки Иншуй 潁水. Поэт решил обосноваться в этой местности ещё во время службы в Инчжоу в 1049 г.; впоследствии он купил там землю и выстроил поместье.

Разочарование в служебной карьере, усталость от официальных приёмов и административной работы ясно выражена в следующих строках «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести»: «Тем не менее я часто волнуюсь, что не смогу в полной мере насладиться радостью от них (пяти своих увлечений. – *Р.Б.*); дела света приносят мне много усталости. [Самые] большие из них – две: экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей] утомляют моё тело снаружи; заботы, страхи, думы и печали утомляют моё сердце внутри. Они заставляют моё тело даже без болезней уже истощаться; а [моё] сердце ещё до старости преждевременно ослабеть. А до сих пор когда же у меня было [свободное] время на эти пять вещей?» Оуян Сю выражает желание поселиться на лоне природы, чтобы там предаваться своим увлечениям. Этой мечте Оуян Сю фактически не дано было осуществиться, так как в отставке он прожил совсем недолго.

Таким образом, текст Оуян Сю начинается с некоторых фактов из жизни литератора, что уже встречалось в предшествующих жизнеописаниях, например в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» Бо Цзюйи говорится: «Будучи чиновником, Господин странствовал [по свету] тридцать лет, а с приближением старости вышел в отставку и поселился в окрестностях Ло[яна]» 宦遊三十載，將老，退居洛下. Ещё больше автобиографических подробностей можно найти у Лу Гуймэна. Тем не менее «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» имеет значительное отличие от предшественников по форме, так как оно строится по принципу диалога между главным персонажем

[26] Собрание произведений Оуян Сю также носит название «Сборник [произведений] отшельника» (*Цзюйши цзи* 居士集), что намекает на его поздний псевдоним.

и его гостем. Эта форма не встречается в других «жизнеописаниях», но весьма обычна для древних философских сочинений, а также од-*фу* 賦, развивавшихся начиная с ханьского времени (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), см., например [Меньшиков 2007, с. 40–57].

Несмотря на индивидуальность каждого из этих текстов, созданных великими литераторами Китая, в них также прослеживаются общие темы, включающие литературу (чтение), вино, природу, музыку. При этом набор увлечений в каждом из «жизнеописаний» варьируется. Так, в числе своих увлечений Оуян Сю на первое место ставит чтение и упоминает свою обширную библиотеку. Эту черту можно проследить начиная с «Жизнеописания Господина [под Сенью] Пяти Ив», где чтение также появляется уже в начальных строках: «[Он] любил читать, но не искал [в книгах] глубокого понимания, и каждый раз, когда [он что-нибудь] осознавал [из прочитанного], то приходил в восторг и забывал о еде» 好讀書，不求甚解，每有會意，便欣然忘食. Бо Цзюйи в своей автобиографии упоминает стихи других поэтов: даже когда он путешествовал по округе, «[он] брал в паланкин цитру и подголовник, [а также] несколько свитков со стихами Тао и Се», т. е. Тао Юаньмина и Се Линъюня 謝靈運 (385–433), также знаменитого поэта, который считается зачинателем китайской пейзажной лирики (舁中置一琴一枕，陶、謝詩數卷). Чтение серьёзной литературы (комментирование классиков) стоит на первом месте в произведении Лу Гуймэна: «Господин по природе [своей] был был грубым и праздным и не [признавал] ограничений и сдержанности, любил читать книги древних совершенномудрых людей» 先生性野逸無羈檢，好讀古聖人書. Лу Гуймэн также сообщает о составлении своей библиотеки, в чём близок к жизнеописанию Оуян Сю: «Хотя [книг] в [его] собрании было мало, все [они были] изысканные, достоверные, истинные и выверенные, и можно было [их] дать другим [почитать]» 所藏雖少，咸精實正定，可傳借人. Таким образом, хотя тема чтения и собирания книг является общей для всех этих «жизнеописаний», в ней также проявляется оригинальность авторов.

Несомненно, одной из центральных общих тем для всех текстов является винопитие. В произведении Оуян Сю вино упомина-

ется только однажды, в составе его пяти увлечений[27]. Тем не менее в этом он опирается на старинную литературную традицию, которая ярко проявляется в творчестве Тао Юаньмина. Так, в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» говорится: «По натуре [своей он] был пристрастен к вину. [Его] семья была бедна, [он] не мог часто доставать [вино]. Родные и старинные друзья знали о такой его [природе] и время от времени, бывало, поставят вина и пригласят его [в гости]. [А он] придёт [к ним], станет пить, выпьет всё до конца, стараясь обязательно напиться. Когда же он напьётся пьян, так и уходит, никогда не раздумывая, остаться ли [ему гостить] или уйти» 性嗜酒，家貧不能常得，親舊知其如此，或置酒而招之。造飲輒盡，期在必醉，既醉而退，曾不吝情去留. В творчестве Тао Юаньмина в целом тема вина играет особо важную роль, опьянение связывается с жизнью в отставке, идеалом «возвращения к садам и полям», становится метафорой духовной свободы [см. Эйдлин 1967, с. 24–27, 268–351; Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 569–572]. По словам В. М. Алексеева, «поэзия вина в Китае… описывает опьянение как идеал сверхчеловека и сверхпоэта, освобождающегося от уз грубой земли…» [Алексеев 2002, т. 1, с. 261]. В этой области Тао Юаньмин также имел предшественников: тема вина появляется ещё у даосских мыслителей, а затем развивается в творчестве литераторов эпох Вэй и Цзинь, в особенности у «семи мудрецов из бамбуковой рощи» (*чжу линь ци сянь* 竹林七賢), а именно Жуань Цзи 阮籍 (210–263), Цзи Кана 嵇康 (223–263) и Лю Лина 劉伶 (ок. 225 – ок. 280) [Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 477–493]. Эти поэты оказали огромное влияние на последующее развитие китайской литературы, включая и форму шуточной «автобиографии»; вино обычно представляется в ней как источник вдохновения.

Тема винопития становится центральной в «Жизнеописании Господина Пяти *Доу* [Вина]» Ван Цзи; она появляется сразу

[27] Мы придерживаемся традиционного перевода кит. слова *цзю* 酒 как «вино», учитывая, что в русском языке «вино» может обозначать и алкогольные напитки в целом. Следует иметь в виду, что в традиционном Китае это слово относилось не к виноградному вину, а к алкогольным напиткам, изготовленным из зерна, см. [Алексеев 2002, т. 1, с. 261].

в имени главного персонажа: «однажды за раз он выпил пять *доу*[28] [вина], поэтому взял себе такое прозвище» 嘗一飲五斗，因以為號焉. Также присутствует вино и в прозвище Бо Цзюйи – «Господин, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи»; тема винопития развивается в его «жизнеописании» с ссылками на классиков начиная от «[Трактата] Учителя Чжуана» и в особенности – на Лю Лина: «Опьянение и декламация [стихов] следовали друг за другом, словно в круговороте. Отсюда достиг он [осознания того, что] жизнь[29] [вся] наша – [словно] сон[30], а знатность и богатство – [словно] облака[31]. [Он] сделал пологом своим небо, а сиденьем – землю[32], так что и сотня лет могла пройти в одно мгновенье, и в сладостном блаженстве, в полном забытьи [он] не ведал, что скоро наступит старость» 醉吟相仍，若循環然。繇是得以夢身世，雲富貴，幕席天地，瞬息百年，陶陶然，昏昏然，不知

[28] В переводе на современные меры получается более 50 л (1 *доу* равен 10,3 л), имеется в виду баснословный объём [Каваи Ко:дзо: 1996, с. 77].

[29] Дословно «телесное (или физическое) пребывание в мире».

[30] Представление о человеческой жизни как о сне происходит из даосских памятников, см., например, «[Трактат] Учителя Чжуана» [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 1b, с. 104–105, 112]; русск. пер. см. [Малявин 2004, с. 69, 71]. Сходные представления широко пропагандируются также в буддизме. Особое распространение эти взгляды получают в прозе периода Северных и южных династий и Тан, см. [Алимов, Кравцова 2014, т. 2, с. 1027–1030].

[31] Аллюзия на «Беседы и суждения», гл. 7 (*Шу эр* 述而 ([Я] передаю и)), 16: «Учитель сказал: “Есть грубую пищу, пить воду, согнуть локоть – и спать на нём, – в этом тоже есть радость. Не по справедливости – и стать богатым и знатным – для меня это подобно мимолётным облакам”» 子曰：飯疏食飲水，曲肱而枕之，樂亦在其中矣。不義而富且貴，於我如浮雲 [Лунь юй чжу шу 2000, с. 100], см. также [Переломов 2004, с. 182].

[32] Цитата из «Гимна благой силе вина» (*Цзю дэ сун* 酒德頌) Лю Лина, в переводе Л. Н. Меньшикова (1926–2005):

Есть на свете наставник – великий человек;
Это Небо и эта Земля для него – словно дома околица;
Десять тысяч веков для него – как мгновенья пора,
Эти солнце и месяц для него – как просветы оконные;
Эти восемь пространств для него – как пути вкруг двора.
Где проходит он, нет ни следов, ни дорог.
Где поселится, нет ни лачуг, ни домов.
И шатром ему небо, и подстилкой – Земля.
Куда мысли стремятся, идти он готов [Меньшиков, 2007, с. 71–72].

有大人先生，以天地為一朝，萬期為須臾。日月為扃牖，八荒為庭衢。行無轍跡，居無室廬。幕天席地，縱意所如 [Вэньсюань 1987, цзюань 47, с. 887]. См. также перевод В. М. Алексеева [Алексеев 2006, т. 1, с. 220–221].

老之將至. Тема винопития появляется и в «Жизнеописании Господина из Пули», где говорится, что он поначалу так любил вино, что повредил своё здоровье, и в последующем, хотя сам отказался от вина, всё равно выставлял его для своих гостей. «Господин из Пули» стал предпочитать чай вину, таким образом чай выступает как бы заместителем алкогольных напитков; он также приносит поэту удовольствие и вдохновение.

Другая общая тема четырёх жизнеописаний – жизнь на лоне природы. Хотя она и раскрывается без особых подробностей в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив» (возможно, из-за краткости текста), она подспудно проявляется в описании жизни героя, живущего в отставке в сельском доме. Природа присутствует в самом его прозвище – «Господин [под Сенью] Пяти Ив», образованного от пяти деревьев, росших у его дома. Тема природы происходит также из общего контекста творчества Тао Юаньмина, где сельские пейзажи играют большую роль, недаром в Китае он стал известен как «поэт полей и садов». Так, тема природы выражена в его самых известных произведениях, включающих цикл стихов «Возвращаюсь к жизни в полях и садах» (*Гуйтянь юань цзюй* 歸田園居, ок. 405 г.) [Эйдлин 1967, с. 208–214][33]. В другом программном произведении Тао Юаньмина «Строфы о возвращении [домой]» (*Гуйцюй лай си цы* 歸去來兮辭, ок. 406 г., в пер. В. М. Алексеева – «Домой, к себе. Напевные строфы») говорится:

> Деревья, зеленея, стремятся к расцвету,
> Источник, журча, начинает [свой] бег.
> Познавая то, как обретают [своё] время[34] мириады созданий,
> Ощущаю ход и завершение моей [собственной] жизни.
> 木欣欣以向榮，泉涓涓而始流。
> 善萬物之得時，感吾生之行休。[35]

[33] См. также [Кравцова, Алимов 2014, т. 1, с. 561–564].

[34] Очевидно, имеется в виду развитие в соответствии с их сроком, гармония природы.

[35] В. М. Алексеев предложил следующий перевод этих строк: «Деревья, красуясь, приветливо-нежно цветут предо мною. Поток начинает свой бег немолчным журчаньем струи. Умело я буду смотреть на природу в её мириадах форм, как каждая тварь там найдёт себе время и место, а чувством, всем сердцем своим пойму, где мой жизненный путь и как он прервётся в конце» [Алексеев 1958, с. 177].

Жизнь в гармонии с природой описывается с бóльшими подробностями в «идеализированных автобиографиях» танского времени. Так, Бо Цзюйи начинает «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» с рассказа о саде в своём поместье и далее говорит о том, что путешествовал по окрестностям в поисках красивых пейзажей. В «Жизнеописании Господина из Пули» упоминаются прогулки на лодке, что было связано с географическими особенностями той местности, где он жил. Пули был расположен в области Сунцзян 松江 (современный городок Лучжи 甪直 округа Сучжоу 苏州 в провинции Цзянсу) – месте, которое славится своими водными путями.

В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» мы не найдём таких подробных описаний, но тема природы завуалированно присутствует и в нём. Так, в нём есть следующая фраза: «…если однажды Сын Неба в милости сжалится надо мной и подарит мне мои кости [в моё распоряжение], так я смогу вместе с этими пятью вещами возвратиться к [своим] полям и хижине, надеюсь осуществить свои давние намерения», то есть автор выражает стремление к жизни на лоне природы, вдали от городской суеты. Выражение «поля и хижина» здесь явно является скрытой аллюзией на творчество Тао Юаньмина, о котором говорилось выше. Собрание записок (*бицзи* 筆記) Оуян Сю также носит название «Записи вернувшегося к полям» (*Гуй тянь лу* 歸田錄)[36]. При этом выражение «возвращение к полям» восходит к заглавию оды Чжан Хэна 張衡 (78–139), поэта эпохи Хань[37]. В ней противопоставляется придворная жизнь и жизнь учёного отшельника на природе – тема, которая в дальнейшем развивается в китайской классической литературе.

В то же время в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» говорится и об увлечениях, которые были свойственны именно ему и не встречаются в предшествующих текстах, в чём проявляются автобиографические черты произведения. Одно из них – коллекционирование образцов каллиграфии, которое

[36] Пер. на русск. яз. и исследование см. [Алимов 2009, с. 254–299].

[37] Русск. пер. В. М. Алексеева см. [Алексеев 2006, т. 1, с. 196–197].

Отшельник Один из Шести ставит на второе место среди своих увлечений. По его словам, это были копии древних надписей; вероятно, имеются в виду эстампажи, сделанные с надписей на стелах и других предметах. Всего он собрал около тысячи таких свитков. Действительно, известно, что Оуян Сю серьёзно занимался исследованиями в области археологии и эпиграфики (*цзиньши-сюэ* 金石學) – его сочинение «Записи о собранных древностях» (*Цзи гу лу* 集古錄, 1063 г.) включает эпиграфические памятники (надписи на камнях, утвари, стенах храмов и др.) начиная с эпохи Чжоу (XI–III вв. до н. э.) и до эпохи Тан [Алимов 2006, с. 377]. Это занятие литератора, несомненно, было связано с духом эпохи, так как период Сун известен созданием обширных частных коллекций разнообразных предметов искусства [Кравцова 2004, с. 301–302].

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» представляет не только индивидуальные особенности автора, но и черты эпохи. Они заметны и в жизнеописаниях танского времени, например Бо Цзюйи упоминает свой интерес к буддизму, который пользовался особенной популярностью при Тан, а Лу Гуймэн отмечает своё пристрастие к чаю, который также стал частью культуры китайских интеллектуалов именно в этот период. Про героев «жизнеописаний» Бо Цзюйи и Лу Гуймэна уже нельзя сказать, что это люди, живущие вне времени, как «Господин [под Сенью] Пяти Ив» у Тао Юаньмина: «Хмелея за чаркой [вина], слагать стихи и так радоваться своим устремлениям! Это человек [времён правящего] рода Ухуая или человек [времён правящего] рода Гэтяня?» 酣觴賦詩，以樂其志。無懷氏之民歟？葛天氏之民歟？, где Ухуай и Гэтянь – имена мифических правителей, соотносимых с глубокой древностью. В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», как и в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» и «Жизнеописании Господина из Пули», персонажи представлены в историческом контексте эпохи, что придаёт этим текстам ещё большую ценность в плане биографичности.

Также присутствует в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» и тема музыки, которая воплощена в цитре (цине) – одном из пяти любимых предметов этого персонажа. Музыка не упоминается в «Жизнеописании Господина [под Сенью] Пяти Ив»,

тем не менее из ранних жизнеописаний Тао Юаньмина известно, что игра на цине составляла одно из его увлечений [Эйдлин 1967, с. 25–27]. В то же время музыка играет важную роль в «Жизнеописании Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи», где неоднократно говорится об игре на цине: [Господин] всегда делал так: сначала смахивал [пыль] со жбана для вина, а затем открывал ларец, [в котором он хранил] стихи. Когда же стихотворство и винопитие были в разгаре, то сам принимался играть на цитре, настраивал её на тональность *гун*[38] и играл один раз [мелодию] “Осенние думы”» 必爲之先拂酒罍，次開詩篋。詩酒旣酣，乃自援琴，操宮聲，弄秋思一遍. Далее идёт речь о других музыкальных представлениях – исполнении придворных мелодий «Из радуги [яркий] наряд, из [сверкающих] перьев убор» (*Ни шан юй и* 霓裳羽衣) домашним оркестром из слуг и пении новых куплетов-*цы* на мелодию «Ветви тополя и ивы» (*Ян-лю чжи* 楊柳枝) певицами, которых он также содержал. Эти детали в произведении Бо Цзюйи придают ему яркую индивидуальность, так как говорят об особых условиях жизни поэта в отставке, а также составляют приметы исторической эпохи – распространение популярной музыки и танцев в домах чиновников-литераторов. Похожие черты мы находим и в произведении Оуян Сю. В числе других предпочтений, упоминающихся в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», но не встречающихся в предшествующих «жизнеописаниях» – игра в облавные шашки (*вэйци* 圍棋), которые у нас более известны под их японским названием *го*[39].

Ещё одним отличием «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести» от предшествующих произведений является отсутствие темы творчества (поэзии). Ко времени его создания она стала непременной частью образа литератора, пребывающего в отдохновении от служебных обязанностей. Тон опять же задаёт «Жизнеописание Господина [под Сенью] Пяти Ив», в котором говорится: «[Он] часто сочинял прозу для собственной забавы, в которой очень бы [хотел всем] показать свои устремления, и забы-

[38] Первая ступень китайского пятиступенного лада.

[39] Подробнее об этих увлечениях Оуян Сю см. [Сунь Цзунъин 2016, с. 86–90].

вал задуматься [над тем], удачно вышло или нет. И так до конца своей [жизни]» 常著文章自娛，頗示己志。忘懷得失，以此自終. Ему вторят и жизнеописания танских литераторов. Например, Бо Цзюйи пишет: «Так он провёл целые десять лет, за эти дни он сложил больше тысячи стихов и за эти годы приготовил[40] несколько сотен *ху* вина[41], но [стихи] сочинённые, как и [вино], приготовленное до и после этого десятилетия, [в это число] не входят» 如此者凡十年，其間日賦詩約千餘首，歲釀酒約數百斛，而十年前後賦釀者不與焉. В «Жизнеописании Господина из Пули» также говорится: «Господин, живя на покое, развлекал себя [сочинением] прозы, и даже [пребывая] в грусти и печали, в болезни и горести, по-прежнему, [даже если] в нужде не было средств к существованию и на десять дней, никогда не прекращал [сочинять даже] на время» 先生平居以文章自怡，雖幽憂疾痛中，落然無旬日生計，未嘗暫輟. Вероятно, тема сочинительства не затрагивается в «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести», поскольку она и так очевидно занимала важное место в жизни Оуян Сю.

В этой связи мы можем сравнить «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» с более ранним произведением Оуян Сю – «Записками о беседке Пьяного старца» (см. Приложение 1). Между ними много общих тем, но при этом можно сказать, что второе дополняет первое. В «Записках о беседке Пьяного старца» появляются поэтические описания природы четырёх времён года, которые можно отнести к числу лучших в подобных произведениях китайской литературы; также подробно раскрывается тема винопития (источник, около которого построена беседка «старца», носит название «винного»[42], и из него берут воду, чтобы изготавливать алкогольные напитки); упоминаются застольные игры, в том числе и облавные шашки. Тема винопития соединяется здесь с темой любования пейзажем, отдыхом на лоне природы: «[При этом] помыслы

[40] В минских и цинских изданиях собраний сочинений Бо Цзюйи также вместо слова «год» (*суй*) стоит *жи* 日 (дни), и тогда смысл также «в эти дни», «за это время», как и в первой части фразы; см. [Бо Цзюйи 1988, т. 6, с. 3785].

[41] Один *ху* в эпоху Тан соответствовал 59,44 литра.

[42] В общепринятых вариантах этого текста Оуян Сю; в вариантах текста присутствует разночтение, см. Приложение 1.

Пьяного старца не заключаются в вине, но в [красоте] здешних гор и вод. Эту радость гор и вод [он] воспринял [всем] сердцем и перенёс её в вино». Некоторые из этих же тем раскрываются также в стихотворении «Надпись для беседки Пьяного старца в Чучжоу» (*Ти Чучжоу Цзуйвэн тин* 題滁州醉翁亭) (см. Приложение 2).

Вместе с тем в «Записках о беседке Пьяного старца» говорится о творчестве как об особом удовольствии лирического героя: «Однако птицы знают [только] радость гор и леса, но не знают радостей людей; а люди [только и] знают радость гулять, следуя за правителем, но не знают, что правитель испытывает радость от их радости. [И тот, кто], опьянев, может вместе с ними радоваться, а протрезвев, может изложить [её] в [своём] сочинении, это [и есть] правитель области». Таким образом, мы понимаем, насколько важную роль творчество (стихотворство и сочинение прозы) играло в частной жизни Оуян Сю.

На первый взгляд, «Записки о беседке Пьяного старца» представляют собой развлекательную литературу, посвящённую описанию досуга. Тем не менее возможны различные интерпретации идей этого произведения, которые были представлены в работах китайских литераторов эпох Мин (1368–1644) и Цин (1644–1911) [Lian 2001]. Так, особенно выделяется мысль о том, что Пьяный Старец испытывает радость от радости окружающих. Она может быть сопоставлена со знаменитым отрывком из конфуцианской классической книги «[Трактат] Учителя Мэна» (*Мэн-цзы* 孟子, IV–III вв. до н. э.), в которой говорится, что правитель должен разделять радости с народом (подчинёнными)[43]. Таким обра-

[43] Эта мысль высказывается в следующем отрывке: «[Мэн-цзы] сказал [лянскому Хуэй-вану]: «Если бы Ваша, ван, любовь к музыке была сильна, [государство] Ци было бы близко к [благоустройству]. Современная музыка следует музыке древности». [Ван] сказал: «Могу ли я услышать [об этом]? [Мэн-цзы] сказал: «[Вы] один радуетесь музыке или с другими радуетесь музыке, что [из этого] радостнее?» [Ван] ответил: «Лучше уж с другими». [Мэн-цзы] сказал: «С немногими радуетесь музыке или со многими радуетесь музыке, что [из этого] радостнее?» [Ван] ответил: «Лучше уж со многими». 曰：「王之好樂甚，則齊其庶幾乎！今之樂猶古之樂也。」曰：「可得聞與？」曰：「獨樂樂，與人樂樂，孰樂？」曰：「不若與人。」曰：「與少樂樂，與眾樂樂，孰樂？」曰：「不若與眾。」 После последующего рассуждения Мэн-цзы делает вывод: «Ныне если [Вы], ван, будет радоваться вместе с народом, то будете ваном!» (т. е. настоящим правителем. – *Р.Б.*) (今王與百姓同樂，則王矣) [Мэн-цзы; Лян Хуэй-ван 2, 8], см. также [Мартынов, Зограф 2000, т. 2, с. 25–27].

зом, даже во время отдыха литератор обращался к конфуцианским идеям, очевидно отмечая, что он в это время не перестаёт размышлять о работе совершенного администратора. В «Жизнеописании Отшельника Одного из Шести» подобного настроя уже нет; оно посвящено сугубо частным интересам и удовольствиям поэта.

Что касается стиля и языка, которым написано «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести», то следует отметить, что в нём Оуян Сю следует своим основным творческим установкам. С его именем связано возрождение «движения за возврат к древности» (*фу гу* 復古), предполагавшее использование простого стиля, характерного для произведений, созданных при Хань и ранее [Locke 1951, part 2, p. 1–77; Liu 1967, p. 141–154; Алимов 2009, с. 252–253]. В этом Оуян Сю в основном опирался на опыт танских литераторов, в первую очередь Хань Юя 韓愈 (768–824). «Древний стиль» в прозе противопоставлялся изощрённой форме параллельной прозы (*пяньли вэнь* 駢儷文), которая была особенно популярна в эпоху Северных и Южных династий и в начале Тан. Оуян Сю был противником использования этого стиля в прозаических сочинениях, и это как его заслугу отмечали более поздние литераторы эпохи Сун[44]. «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» можно назвать образцом такой безыскусной прозы. Тем не менее в нём также есть литературные аллюзии: например, открытая отсылка к притче Чжуан-цзы о человеке, который боялся собственной тени; также используется выражение из той же книги «[играть мелодии] в полях великого простора» (*Дунтин чжи е* 洞庭之野): «Пусть даже будут исполнять «Девять созвучий» в полях

[44] См., например, высказывание южносунского литератора Лу Ю 陸游 (1125–1209) из его дневника «Записки о поездке в Шу» (*Жу Шу цзи* 入蜀記): «В [годы правления] нынешней династии сочинения Яна и Лю завладели [всей] Поднебесной, дошли до варваров *ди* и *и*; всё [это было написано в стиле] *пяньли*». Когда же появился князь Оуян [Сю], после [него этот стиль] был выметен без остатка. Впоследствии, хотя среди продвинувшихся [в учении] мужей одни [пишут] искусно, другие грубо, [однако] большинство [их] приближается к древней [простоте]. [Сочинения же], подобные этой стеле (стела храма Тоутосы в Учане времени Южной Ци. – *Р.Б.*), нынешние люди не могут даже дочитать до конца: сидя тут же засыпают… Стало быть, можно сказать, что заслуга господина Оуян [Сю] велика». 本朝楊、劉之文擅天下，傳夷狄，亦駢儷也。及歐陽公起，然後掃蕩無餘。後進之士，雖有工拙，要皆近古。如此碑者，今人讀不能終篇，已坐睡矣……則歐陽氏之功，可謂大矣 [Лу Ю, цз. 4, 19], русск. пер. Е. А. Серебрякова см. [Серебряков 1968, с. 59].

великого простора…» [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 10, с. 15–16; цз. 5b, с. 96][45]. Эти отсылки к «[Трактату] Учителя Чжуана» привносят в «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» некоторые элементы даосской философии – стремление к простоте и естественности, жизни в гармонии с природой и своими устремлениями, равнодушие к мирской славе, знатности и богатству, – хотя в этом случае и не ярко выраженные.

Также следует отметить шутливый и оптимистический тон «Жизнеописания Отшельника Одного из Шести», который нечасто встречается в подобных произведениях китайской классической прозы. Автор с надеждой ждёт отставки, когда он сможет полностью посвятить себя своим любимым занятиям, даже болезни и старость не омрачают его радости от жизни в творческом отдохновении. Идиллические картины жизни пожилого литератора в сельском поместье, наполненной различными интеллектуальными развлечениями, можно сравнить с подобными мотивами в европейской и русской литературе намного более позднего времени (XVIII–XIX вв.), где спокойная жизнь на лоне природы, вдали от городской суеты и служебных обязанностей, также стала считаться идеалом для поэтов и писателей.

Таким образом, «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» Оуян Сю представляет собой редкий образец шутливой «идеализированной» автобиографии, относящийся к зрелой стадии развития этой формы. Истоки её можно обнаружить в творчестве Тао Юаньмина и танских литераторов, которые также создали подобные «жизнеописания». Вместе с тем «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» обладает большой оригинальностью в сравнении с предшествующими «жизнеописаниями», в чём выражается индивидуальность литератора. В этом произведении, несмотря на его небольшой объём, явно проступают автобиографические черты; при этом можно проследить и отсылки к буддийской и даосской мысли, необычные для его предшественников. Оуян Сю сделал вклад в развитие традиционной формы автобиографической литературы в средневековом Китае. «Жизнеописа-

[45] Русск. пер. см. [Малявин 2004, с. 295–296, 156].

ние Отшельника Одного из Шести» также связано с более ранним творчеством Оуян Сю, в нём можно обнаружить отсылку к «Запискам о беседке Пьяного старца», более известному у нас произведению шутливой развлекательной прозы. Сравнение показывает общность тем и настроения этих двух текстов, которые вошли в золотой фонд классической китайской литературы.

Перевод «Жизнеописание Отшельника Одного из Шести» (*Лю-и цзюйши чжуань* 六一居士傳)[46]

Отшельник Один из Шести сначала был сослан в Чушань [и тогда] взял себе прозвище «Пьяный Старец». [Когда же он] стал старым, дряхлым и больным, [он] собрался уйти на покой и [поселиться] на берегу реки Иншуй; тогда [он] снова изменил своё прозвище на Отшельник Один из Шести.
六一居士初謫滁山，自號醉翁。既老而衰且病，將退休於潁水之上，則又更號六一居士。

Один из гостей как-то спросил [его]: «Один из шести, – что [Вы] подразумеваете [под этим]?» Отшельник сказал: «У меня в доме хранится книг десять тысяч свитков; собраны тексты сохранившихся [древних] надписей на бронзе и камне начиная от трёх династий[47] – тысяча свитков; есть один цинь[48]; есть одна доска для [игры в] ци[49]; и часто я ставлю [там] один кувшин вина». Гость сказал: «[Но всё] это будет только одним среди пяти [увлечений], как же так?» Отшельник сказал: «[Если считать] со мной, господином, стареющим среди этих пяти [вещей], это разве не будет считаться «одним из шести»?»

[46] Перевод сделан с текста, приведённого в «Полном собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 634–636].

[47] Три династии – обобщённое название трёх древнейших периодов истории китайского государства Ся, Шан и Чжоу, которые считались золотым веком в китайской традиции.

[48] Цинь 琴 – традиционный музыкальный инструмент, на русский язык обычно переводится как «цитра».

[49] Ци 棋 – имеются в виду *вэйци* 圍棋.

客有問曰：「六一，何謂也？」居士曰：「吾家藏書一萬卷，集錄三代以來金石遺文一千卷，有琴一張，有棋一局，而常置酒一壺。」客曰：「是爲五一爾，奈何？」居士曰：「以吾一翁，老於此五物之間，是豈不爲六一乎？」

Гость, смеясь, сказал [ему]: «Вы разве хотите бежать от [своего] имени и всё время меняете своё прозвище? Это то, как Чжуан-цзы высмеивал того [человека], который боялся тени и бежал на солнечный свет[50]. Я увижу, как Вы будете быстро бежать, задыхаться и умрёте от жажды, но не сможете убежать от [своего] имени». Отшельник ответил: «Я ведь знаю, что невозможно бежать от имени, но также знаю, что не следует бежать от него. То, что я взял это [новое] имя, – всего лишь хотел с помощью него отразить свою радость».

客笑曰：「子欲逃名者乎，而屢易其號。此莊生所誚畏影而走乎日中者也。余將見子疾走大喘渴死，而名不得逃也。」居士曰：「吾固知名之不可逃，然亦知夫不必逃也。吾爲此名，聊以志吾之樂爾。」

[50] В «[Трактате] учителя Чжуана», глава «Рыбак» (*Юй фу* 漁父), есть следующая притча, которая появляется в разговоре Конфуция с рыбаком: «Конфуций с опечаленным видом вздохнул, дважды поклонился, поднялся и сказал: “Меня, Цю, дважды изгоняли из Лу, [мне пришлось] скрыться из Вэй, [на меня] повалили дерево в Сун, [я] был осаждён между Чэнь и Цай. Я, Цю, не знаю, в чём [мои] ошибки и почему [я] столкнулся с этими четырьмя [случаями] клеветы?” Лицо гостя стало печальным: “О, как трудно вразумить тебя! [Однажды] был человек, который боялся [собственной] тени, ненавидел [свои] следы и [решил] бежать от неё. Но чем больше [он] поднимал ноги [и шёл], тем больше следов оставлял [за собой]; [он] бежал всё быстрей, но тень не оставляла [его] тело. Ему казалось, что [он] всё ещё медлит, [и он] бежал [ещё] быстрее без остановки, [его] силы иссякли, и [он] умер. [Он] не понимал, что оставаясь в тени, [он] бы избавился от своей тени, оставаясь в покое, [он] прекратил бы [оставлять] следы; вот как [он] был глуп! Ты разбираешь понятия человечности и долга, вникаешь в границы подобного и различного, наблюдаешь за изменениями движения и покоя, ищешь меру в том, что получаешь и отдаёшь, упорядочиваешь чувства приязни и неприязни, приводишь к согласию радость и гнев, а едва не [попал в ситуацию, когда тебе] не избежать [беды]. Прилежно совершенствуй себя, бдительно храни подлинное в себе, вернись [к себе], передав дела [другим] людям; так ничто не будет утруждать [тебя]! Ныне [если ты] сам не совершенствуешь себя, а требуешь этого от других, не [одно] ли это внешнее?”»

孔子愀然而歎，再拜而起曰：「丘再逐於魯，削跡於衛，伐樹於宋，圍於陳、蔡。丘不知所失，而離此四謗者何也？」客悽然變容曰：「甚矣子之難悟也！人有畏影惡跡而去之走者，舉足愈數而跡愈多，走愈疾而影不離身，自以為尚遲，疾走不休，絕力而死。不知處陰以休影，處靜以息跡，愚亦甚矣！子審仁義之間，察同異之際，觀動靜之變，適受與之度，理好惡之情，和喜怒之節，而幾於不免矣。謹修而身，慎守其真，還以物與人，則無所累矣。今不修之身而求之人，不亦外乎！」 [Чжуан-цзы цзи ши 1985, цз. 10, с. 15–16], русск. пер. в целом следует переводу В. В. Малявина [Малявин 2004, с. 295–296].

Гость спросил: «Какова же эта [Ваша] радость?» Отшельник ответил: «Разве можно вполне описать мою радость? Когда я наслаждаюсь [этими] пятью вещами; [пусть] впереди будет гора Тайшань, [я её] не замечу; [если] внезапный гром ударит в столб [дома], [я его] не испугаюсь. Пусть даже будут исполнять «Девять созвучий» в полях великого простора[51] или [если] станешь обозревать великую битву в Чжолу[52], сравнения с ними не будет достаточно, чтобы описать мою радость и привольность. Тем не менее я часто волнуюсь, что не смогу в полной мере насладиться радостью от них; дела света приносят мне много усталости. [Самые] большие из них две: экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей][53] утомляют моё тело[54] снаружи; заботы, страхи, думы и печали утомляют моё сердце внутри. Они заставляют моё тело даже без болезней уже истощаться; а [моё] сердце – ещё до старости преждевременно ослабеть. А до сих пор когда же у меня было

[51] «Девять созвучий» (*Цзю цзоу* 九奏) – древняя мелодия, изобретение которой связывалось с мифическими правителями древности. В дальнейшем это название употреблялось в отношении придворной музыки более позднего времени, см. Ханьюй да цыдянь 2007, т. 1, с. 313]. «Великий простор» – дословно «просторный зал» (*дун тин* 洞庭). Это выражение происходит из «[Трактата] Учителя Чжуана» (глава «Движение Неба», или «Круговорот Небес» [*Тянь юнь* 天運]): «Бэймэнь Чэн вопрошал у Хуанди (Жёлтого Императора), сказав: «Вы, владыка, исполнили мелодию *сяньчи* в полях великого простора. Впервые услышав её, я испугался, снова услышав её, успокоился, а под конец, услышав её, пришёл в смятение. [Я долго] молчал в волнении и не [мог] прийти в себя» 北門成問於黃帝曰：帝張咸池之樂於洞庭之野，吾始聞之懼，復聞之怠，卒聞之而惑，蕩蕩默默，乃不自得 [Чжуан-цзы 1985, цз. 5b, с. 96]. Комментатор Чэнь Сюаньин 成玄英 толковал это место как «[всё пространство] между небом и землёй, это не [озеро] Дунтин, которое есть "великий простор"» (天地之間，非太洞之洞庭也). В переводе Малявина это тем не менее передаётся как «просторы у озера Дунтин» [Малявин 2004, с. 156, 371]. Здесь мы следуем толкованию древних китайских комментаторов, хотя возможен альтернативный перевод «исполнять Девять созвучий в полях у [озера] Дунтин». Под Дунтином здесь, вероятно, следует понимать не озеро Дунтин в современном Хубэе, а озеро Тайху 太湖 в Цзянсу (Дунтин – его древнее название).

[52] Чжолу 涿鹿 – уезд в современной провинции Хэбэй, где, по преданию, произошла битва между Жёлтым императором и Чию 蚩尤 в глубокой древности, см. [Юань Кэ 1987, с. 95–97]. Там же, по одной из версий древних памятников, Чию и был казнён Хуанди [Юань Кэ 1987, с. 103]. Эпизоды с обозрением сражения как особого зрелища также встречаются в классических книгах, например в *Цзо-чжуани* 左傳 («Летопись Цзо»), см. [Egan 1984, p. 249].

[53] Нефритовый жезл (*юй гуй* 玉圭) и печать со шнуром (*инь шоу* 印绶) – всё это непременные атрибуты чиновника, символы чиновничьей должности.

[54] Дословно «форму».

[свободное] время на эти пять вещей?» Хоть [это и] так, я уже просил о себе при дворе в течение трёх лет[55], и если однажды Сын Неба в милости сжалится надо мной и подарит мне мои кости [в моё распоряжение], так я смогу вместе с этими пятью вещами возвратиться к [своим] полям и хижине, надеюсь осуществить свои давние намерения. Это то, к чему я стремлюсь!

客曰：「其樂如何？」居士曰：「吾之樂可勝道哉！方其得意於五物也，太山在前而不見，疾雷破柱而不驚；雖嚮九奏於洞庭之野，閱大戰於涿鹿之原，未足喻其樂且適也。然常患不得極吾樂於其間者，世事之爲吾累者衆也。其大者有二焉，軒裳珪組勞吾形於外，憂患思慮勞吾心於內，使吾形不病而己悴，心未老而先衰，尚何暇於五物哉？雖然，吾自乞其身於朝者三年矣，一日天子惻然哀之，賜其骸骨，使得與此五物皆返於田廬，庶幾償其夙願焉。此吾之所以志也。」

Гость в ответ, усмехнувшись, сказал: «Вы знаете, что экипажи, одеяния, [нефритовые] жезлы и шнуры [для печатей] утомляют ваше тело, но не знаете, что пять вещей, [которые вы любите], утомляют ваше сердце?» Отшельник ответил: «[Это] не так! Утомление от тех давно досаждает [мне], и [я] много печалюсь; утомление от этих скоро проходит, [оставляя мне] счастье, а не горести. Что же я из них выберу, [по-вашему]?» Тогда вместе с гостем он поднялся [с места] и, пожимая его руку, громко смеясь, сказал: «Оставим это! Нисколько не стоит сравнивать [их]!»

客復笑曰：「子知軒裳珪組之累其形，而不知五物之累其心乎？」居士曰：「不然。累於彼者已勞矣，又多憂；累於此者既佚矣，幸無患。吾其何擇哉？」於是與客俱起，握手大笑曰：「置之，區區不足較也。」

Договорив, [он опять] сказал со вздохом: «Ведь чиновник, когда молод, служит; а когда стареет, уходит на покой; и есть такие, [кто для этого] не дожидается семидесяти [лет]!» Я издавна завидовал таким, это первая [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. Некогда я использовался [на чиновничьем поприще] в [своё] время, но по окончании [службы меня] не хвалили [за успехи], это вторая [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. В те времена [я]

[55] То есть просил об отставке.

был достаточно крепок, но теперь [я] стар и болен, поэтому мне сложно заставлять своё тело [трудиться][56]. [Если я] буду стремиться к чрезмерным почёту и жалованию, тем [я] нарушу свои давние устремления и «сам съем свои слова»; это третья [причина, по которой мне] следует уйти [в отставку]. У меня есть три [причины, по которым мне] следует уйти [в отставку]; и даже если бы [у меня] не было [этих] пяти вещей, мне положено было бы уйти [со службы]. О чём же ещё говорить?
已而歎曰：「夫士少而仕，老而休，蓋有不待七十者矣。吾素慕之，宜去一也。吾嘗用於時矣，而訖無稱焉，宜去二也。壯猶如此，今既老且病矣，乃以難彊之筋骸，貪過分之榮祿，是將違其素志而自食其言，宜去三也。吾負三宜去，雖無五物，其去宜矣，復何道哉！」

В седьмой день девятого месяца третьего года под девизом Синин Отшельник Один из Шести сам записал.
熙寧三年九月七日，六一居士自傳。

Приложение 1

«Записки о беседке Пьяного старца» (Цзуй-вэн тин цзи 醉翁亭記)[57]

Вокруг Чу[чжоу] – повсюду горы[58]. На их юго-западных вершинах леса́ и ущелья особенно красивы, и обозревая их, [можно заметить] одну цветущую и выделяющуюся гору – это Ланъе. Если идти в гору шесть или семь *ли*, постепенно станет слышен журчащий звук воды; [поток], извергающийся между двух вершин, – это «Винный источник»[59]. А где вершины

[56] Дословно «мышцы и кости».

[57] Перевод сделан с текста, приведённого в «Полном собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 2001, т. 2, с. 576–577]. В ряде изданий указывается, что текст был создан в 6-м году правления Цинли 慶歷, т. е. в 1046 г.

[58] Область Чучжоу находилась в восточной части современной провинции Аньхой. На самом деле горы, а именно гряда Ланъе, о которой здесь идёт речь, расположены только с одной стороны от города. То, что горы окружают его со всех сторон, – поэтическое преувеличение.

[59] Нянцюань 釀泉 – дословно «Источник для изготовления вина». В некоторых изданиях используется название Жанцюань 讓泉, что дословно означает «уступленный, отпущенный» источник, что, видимо, связано с тем, что поток вырывается в месте, где расступаются две скалы, см. [Оуян Сю 1986, т. 1, с. 276].

повернут и дорога обогнёт [их, там] будет беседка, что раскинулась, как крылья [птицы], над источником; это беседка Пьяного старца. Кто же строитель [этой] беседки? – То был горный монах по имени Чжисянь[60]. А кто ей дал [такое] имя? – То правитель [этой] области так называл себя.

Правитель области с гостями приходил сюда пить [вино], и [хотя он] мало пил, но сразу же пьянел, а потому [как из всей компании] он был самый пожилой[61], [он] взял прозвание себе «Пьяный Старец». [При этом] помыслы Пьяного Старца не заключаются в вине, но в [красоте здешних] гор и вод[62]. Эту радость гор и вод [он] воспринял [всем] сердцем и перенёс её в вино[63].

環滁皆山也。其西南諸峰，林壑尤美。望之蔚然而深秀者，琅琊也。山行六七里，漸聞水聲潺潺，而瀉出於兩峰之間者，釀泉也。峰回路轉，有亭翼然臨於泉上者，醉翁亭也。作亭者誰？山之僧曰智僊也。名之者誰？太守自謂也。太守與客來飲於此，飲少輒醉，而年又最高，故自號曰醉翁也。醉翁之意不在酒，在乎山水之間也。山水之樂，得之心而寓之酒也。

И вот, когда солнце восходит – туман в лесу рассеется; когда облака возвращаются [к себе домой], утёсы и пещеры погружаются во мглу; [все эти] перемены тьмы и света – утро и вечер в горах. Дикие цветы распускаются и [источают] тонкий аромат; прекрасные деревья зелены, дают густую тень; ветер с инеем чисты в вышине; вода прозрачная[64], и камни выступают[65] –

---

[60] Это имя переводится как «мудрый бессмертный» (или «небожитель»), у Алексеева образно – «с умом, ушедшим от земли».

[61] Дословно «высок годами».

[62] Дословно «пребывают между [здешних] гор и вод».

[63] То есть перенёс свои чувства в винопитие; восхищение от красоты природы – в пирушки.

[64] В ряде изданий вместо слова «чистый, прозрачный» (*цин* 清) стоят слова «высыхает» (*хэ* 涸) или спадает (*ло* 落), тогда перевод будет звучать как «вода спадает (высыхает), и камни выступают вверх».

[65] Выражение «вода спадает (высыхает), и камни выступают [вверх]» (*шуй ло ши чу* 水落石出) употребляется как переносное в современном языке. В оригинале у Оуян Сю оно относилось к природному процессу – обмелению ручья, но в последующие периоды использовалось в значении «тайное становится явным». В переносном смысле это выражение употребляется уже в южносунских текстах [Ханьюй да цыдянь 2007, т. 2, с. 3105].

это [смена] четырёх сезонов в горах[66]. С утра идёшь туда, а вечером возвращаешься домой, [пусть и] не сходны пейзажи четырёх сезонов[67], но радость от них неисчерпаема!
若夫日出而林霏開，雲歸而巖穴暝，晦明變化者，山間之朝暮也。野芳發而幽香，佳木秀而繁陰，風霜高潔，水清而石出者，山間之四時也。朝而往，暮而歸，四時之景不同，而樂亦無窮也。

А вот и те, что с поклажей на спине поют в дороге; путники отдыхают под деревьями. Те, кто [ушёл] вперёд, зовут [отстающих], а те, кто [идут] сзади, отвечают [им]. Согбенные [старики шагают] и за руки ведут [детей][68]; идут туда-обратно [по тропам] непрерывно – это жители Чу[чжоу] странствуют [в горах].
至於負者歌於途，行者休於樹，前者呼，後者應，傴僂提攜，往來而不絕者，滁人遊也。

[Старец] приходит к ручью и ловит рыбу: ручей глубок, а рыба жирная; из [воды] источника делает вино: вода ароматна, а вино прозрачное[69]. Деликатесы гор и дикие овощи в беспорядке лежат перед [гостями], это пир у правителя области. Радость в опьянении на пиру не в [звуках] струн и бамбука[70]; [но вот] кто-то стреляет и [в цель] попадёт[71] или выиграет в шашки-*и*[72]; [тут штрафные] чарки и

---

[66] Сочетание «четыре времени» (*сы ши* 四時) может иметь значение как «четыре времени суток», так и «четыре времени года».

[67] Здесь, очевидно, имеются в виду четыре времени суток, а не четыре времени года, как в предыдущем случае.

[68] Алексеев перевел эту фразу как «согнувшись, как горбун-урод, несут, несут». В этом переводе мы следуем современным китайским комментариям, см. также англ. переводы Р. Игана и Р. Хегеля [Egan 1984, p. 216; Mair 1994, p. 591].

[69] В некоторых вариантах в этой фразе иероглифы переставлены местами: «источник чистый, а вино ароматное» *цюань ле эр цзю сян* 泉洌而酒香.

[70] Имеются в виду струнные и духовые музыкальные инструменты, духовые инструменты изготавливались из бамбука.

[71] Очевидно, здесь речь идёт о специальной застольной игре, изобретённой Оуян Сю. На мишени были изображены девять животных, а бирки, соответствующие каждому из них, распределялись между гостями. Когда стрела попадала в одно из животных, игрок, у которого была соответствующая бирка, выпивал чарку. Бирки, упоминаемые далее, также, вероятно, относятся к этой игре, см. [Egan 1984, p. 247].

[72] Игра *и* 弈 – древнее название облавных шашек *вэйци* 圍棋.

бирки[73] лежат в беспорядке. [Один] встаёт, [другой] сидит, и все кричат, шумят, в этом – веселье всех гостей[74]; а тот, кто с бледным лицом и седыми волосами, расслабленно расположился между ними – это правитель области запьянел.
臨谿而漁，谿深而魚肥；釀泉為酒，泉香而酒洌；山肴野蔌，雜然而前陳者，太守宴也。宴酣之樂，非絲非竹，射者中，弈者勝，觥籌交錯，起坐而諠譁者，眾賓懽也；蒼顏白髮，頹然乎其間者，太守醉也。

Но вот закончен пир, вечернее солнце [садится] за гору, и тени людские рассеиваются и смешиваются; правитель возвращается домой, а гости следуют [за ним]. Лес покрывается темнотой, и птичьи голоса [доносятся] сверху и снизу; гуляющие ушли, а птицы рады. Однако птицы знают [только] радость гор и леса, но не знают радостей людей; а люди [только и] знают радость гулять, следуя за правителем, но не знают, что правитель испытывает радость от их радости[75]. [И тот, кто], опьянев, может вместе с ними радоваться, а протрезвев, может изложить [её] в [своём] сочинении, это [и есть] правитель области. А кто правитель области? Это Оуян Сю из Лулина[76].
已而夕陽在山，人影散亂，太守歸而賓客從也。樹林陰翳，鳴聲上下，遊人去而禽鳥樂也。然而禽鳥知山林之樂，而不知人之樂；人知從太守遊而樂，而不知太守之樂其樂也。醉能同其樂，醒能述以文者，太守也。太守謂誰？廬陵歐陽修也。

---

[73] Бирки (*чоу* 籌) – вероятно, имеются в виду счётные бирки чарок (*цзючоу* 酒筹), используемые в застольных играх.

[74] Возможный альтернативный перевод фрагмента: «Радость разгара пира – не [инструменты] струнные, не [инструменты] бамбуковые: метатели [стрел] попадают [в цель], игроки в шашки-*и* выигрывают, кубки и бирки друг с другом вперемешку, [люди] встают и садятся, шумят-галдят; это – веселье множества гостей». – *Ред.*

[75] В ряде вариантов в этой фразе отсутствует слово *эр* 而.

[76] Лулин 廬陵 – название древнего округа в уезде Цзичжоу 吉州 (район современного города Цзиань 吉安 в провинции Цзянси); это было место, откуда происходила семья Оуян Сю [Toto 1997, цз. 319, с. 10377, см. также Алимов 2009, с. 244]. В жизнеописании Оуян Сю из 10-томной «Истории Китая» неправильно указано, что этот округ находился в провинции Сычуань [Лапина, Бонч-Осмоловская 2014, с. 769].

Приложение 2

Надпись на беседке Пьяного старца в Чучжоу (*Ти Чучжоу Цзуй-вэн тин* 題滁州醉翁亭)[77]

Сорок лет ещё не считаются старостью,
И Пьяный старец по случаю пишет стихи.
В опьянении [я] забываю о мириадах вещей,
Разве тут мне вспомнить о своих годах?
[Ведь я] только люблю поток под беседкой,
[Он] льётся из нагромождения скал.
Звук [его] таков, будто [он] падает с неба,
[Он] струится перед двумя стрехами [беседки].
[Вода] вливается в каменистый ручей,
Скрытый источник добавляет [своё] журчанье.
Шум [воды] не мешает людскому разговору,
Он зво́нок не в пример трубкам и струнам[78].
Разве он не столь прекрасен, как звуки от шёлка и бамбука?
Но шёлк и бамбук не сравнятся с ним в мощи [звука].
Поэтому [я] часто приношу [сюда] вино,
Издалека уже [слышу] журчание [потока].
Дикие птицы смотрят на то, как пьянею,
Облака над ручьём оставляют меня поспать.
Горные цветы только и могут [мне] улыбаться,
[Они] не знают, как разговаривать со мной.
И только ветер, веющий с утёсов,
Обдувает меня, возвращая к трезвости[79].
四十未為老，醉翁偶題篇。
醉中遺萬物，豈復記吾年？
但愛亭下水，來從亂峰間。
聲如自空落，瀉向兩簷前。
流入巖石溪，幽泉助涓涓。
響不亂人語，其清非管絃。

[77] Перевод сделан с текста, приведённого в «Собрании сочинений» Оуян Сю [Оуян Сю 1986, т. 1, с. 367].

[78] Имеются в виду музыкальные инструменты, как и далее – «струны (или шёлк) и бамбук» (материалы, из которых их делали).

[79] Последнее слово *син* 醒 многозначно, может подразумевать как трезвость, так и пробуждение.

豈不美絲竹，絲竹不勝繁。
所以屢攜酒，遠步就潺湲。
野鳥窺我醉，溪雲留我眠。
山花徒能笑，不解與我言。
惟有巖風來，吹我還醒然。

Источники и литература

На русском языке

1. Алексеев 1958 – *Алексеев В. М.* (пер.). Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева / Под ред. Л. З. Эйдлина. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958.

2. Алексеев 2002 – *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе / Сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002.

3. Алексеев 2006 – Шедевры китайской классической прозы в переводах академика В. М. Алексеева. М.: Восточная литература, 2006.

4. Алимов 2008 – *Алимов И. А.* Оуян Сю // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 3. Литература. Язык и письменность. М.: Восточная литература, 2008.

5. Алимов 2009 – *Алимов И. А.* Лес записей. Китайские авторские сборники в очерках и переводах. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009.

6. Алимов, Кравцова 2014 – *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2014.

7. Алимов, Серебряков 2004 – *Алимов И. А., Серебряков Е. А.* Вслед за кистью. Материалы к истории сунских авторских сборников бицзи. Исследования, переводы. Часть II. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004.

8. Березкин 2020 – *Березкин Р. В.* «Жизнеописание Господина, [Который Любил] Выпить и Читать Стихи» поэта Бо Цзюйи (838 г.) и традиция китайской автобиографии (перевод с предисловием // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368–389.

9. Гуревич 2001 – *Гуревич И. С.* (вступ. статья, пер. с кит., коммент. и граммат. очерк). Линь-цзилу. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

10. Кравцова 2004 – *Кравцова М. Е.* История искусства Китая. Краснодар-М.: Лань, 2004.

11. Лапина, Бонч-Осмоловская 2016 – *Лапина З. Г., Бонч-Осмоловская О. А.* Знаменитые сановники, мыслители, деятели культуры эпохи

Сун // История Китая с древнейших времён до начала XXI века. Т. IV: Период Пяти династий, империя Сун, Государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279). М.: Наука, 2016, с. 767–801.

12. Малявин 2004 – Чжуан-цзы: Даосские каноны / Перевод, вступит. статья, коммент. В. В. Малявина. М.: Астрель, 2004.

13. Мартынов 1982 – *Мартынов А. С.* Буддизм и конфуцианцы: Су Дун-по (1036–1101) и Чжу Си (1130–1200) // Буддизм, государство и общество в странах Центральной и Восточной Азии в средние века. М.: Наука, ГРВЛ, 1982.

14. Мартынов, Зограф 2000 – *Мартынов А. С., Зограф И. Т.* (пер.). Классическое конфуцианство. Т. 2: Мэн-цзы, Сюнь-цзы. СПб-М.: Нева, Олма-Пресс, 2000.

15. Меньшиков 2007 – *Меньшиков Л. Н.* Китайская поэзия в переводах Льва Меньшикова / Пред. И. Ф. Поповой; отв. ред. И. А. Алимов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007.

16. Переломов 2004 – *Переломов Л. С.* (ред.). Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. и коммент. А. И. Кобзева и др. М.: Восточная литература РАН, 2004.

17. Серебряков 1979 – *Серебряков Е. А.* Китайская поэзия X–XI вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

18. Серебряков 1968 – *Серебряков Е. А.* (пер.) Лу Ю. Поездка в Шу. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968.

19. Сторожук 2010 – *Сторожук А. Г.* Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. СПб.: Береста, 2010.

20. Торчинов 2002 – *Торчинов Е. А.* Философия буддизма Махаяны. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002.

21. Эйдлин 1967 – *Эйдлин Л. З.* Тао Юань-мин и его стихотворения. М.: ГРВЛ, 1967.

22. Юань Кэ 1987 – *Юань Кэ.* Мифы Древнего Китая. Изд. 2-е, испр. и доп. Пер. с кит. М.: ГРВЛ, 1987.

На западных языках

1. Bauer 1990 – *Bauer W.* Das Antlitz Chinas. Die autobiographische Selbstdarstellung in der chinesischen Literatur von ihren Anfängenbisheute. Münich: Carl Hanser, 1990.

2. Egan 1984 – *Egan R. C.* The Literary Works of Ouyang Xiu (1007–1072). Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

3. Franke 1976 – *Franke H.* (ed.). *Sung Biographies.* Wiesbaden: Steiner, 1976.

4. Lian 2001 – *Lian Xianda*. The Old Drunkard Who Finds Joy in His Own Joy – Elitist Ideas in Ouyang Xiu's Informal Writings // Chinese Literature: Essays, Articles, Reviews. № 23. 2001. P. 1–29.

5. Liu 1959 – *Liu J. T. S.* Reform in Sung China; Wang An-shih (1021–1086) and His New Policies. Harvard: Harvard University Press, 1959.

6. Liu 1967 – *Liu J. T. S.* Ou-Yang Hsiu, an Eleventh Century Neo-Confucianist. Stanford: Stanford University Press, 1967.

7. Locke 1951 – *Locke M. A.* The Early Life of Ou-Yang Hsiu and His Relation of the Rise of the Ku-wen Movement of the Sung Dynasty. PhD dissertation. London: University of London, 1951.

8. Mair 1994 – *Mair V. H.* (ed.). The Columbia Anthology of Traditional Chinese Literature. New York: Columbia University Press, 1994.

9. Mair, Berezkin 2009 – *Mair V. H., Berezkin R.* Autobiographical Features in Bai Juyi's 'Biography of the Maestro of Mellow Versification' // Text, Performance, and Gender in Chinese Literature and Music: Essays in Honor of Wilt Idema. Leiden: Brill, 2009. P. 23–44.

10. Warner 2003 – *Warner D. X.* A Wild Deer Amid Soaring Phoenixes: the Opposition Poetics of Wang Ji. Honolulu: University of Hawaii Press, 2003.

На китайском и японском языках

1. Бо Цзюйи 1988 – *Бо Цзюйи* 白居易. Бо Цзюйи цзи цзяньчжу 白居易集箋注 (Собрание сочинений Бо Цзюйи с толкованиями и комментариями) / Ред. Чжу Цзиньчэн 朱金城. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ上海古籍出版社, 1988.

2. Ван Ин 2017 – *Ван Ин* 王瑩. Оуян Сю цзычжуань дэ сюйши цзицяо юй чжэсы июнь 歐陽修自傳的敘事技巧與哲思意蘊 (Приёмы повествования и философский смысл автобиографии Оуян Сю). Чжэнчжоу дасюэ сюэбао (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 鄭州大學學報（哲學社會科學版） (Журнал Чжэнчжоуского университета: Философия и общественные науки). Т. 50. № 4. 2017. С. 85–90.

3. Вэньсюань 1987 – *Сяо Тун* 蕭統 (ред.), *Ли Шань* 李善 и др. (коммент.) Лю чэнь чжу вэньсюань 六臣注文選 («Литературный изборник» с комментариями шести сановников). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1987.

4. Каваи Ко:дзо: 1996 – *Каваи Ко:дзо:* 川合康三. Тю: гоку но дзидэн бунгаку 中国の自伝文学 (Китайская автобиографическая литература).

Токио: Со: бунся 創文社, 1996 (кит. пер.: Чжунго дэ цзычжуань вэньсюэ 中國的自傳文學 / Кит. пер. *Цай И* 蔡毅. Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ 中央編譯出版社, 1998).

5. Луньюй 2000 – Луньюй чжу шу 論語注疏 («Беседы и суждения» с примечаниями и комментариями-вставками) / ред. Чжу Ханьминь 朱漢民 // Шисань цзин чжушу 十三經注疏 (Тринадцатиканоние с комментариями). Пекин: Бэйцзин дасюэ чубаньшэ 北京大學出版社, 2000.

6. Лу Ю – *Лу Ю* 陸游. Жу Шу цзи 入蜀記 (Записки о поездке в Шу) // Чжунго чжэсюэ шу дяньцзыхуа цзихуа 中國哲學書電子化計劃 (Проект оцифровки философских книг Китая). URL: https:// ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=326328 (дата обращения 17.07.2022).

7. Лю Дэцин 1995 – *Лю Дэцин* 刘德清. Оуян Сю чжуань 歐陽修傳 (Биография Оуян Сю). Харбин: Хаэрбинь чубаньшэ 哈爾濱出版社, 1995.

8. Мэн-цзы – Лян Хуэй-ван ся 梁惠王下 (Лянский Хуэй-ван, [часть] нижняя) // Мэн-цзы 孟子 ([Трактат] Учителя Мэна) // Чжунго чжэсюэ шу дяньцзыхуа цзихуа 中國哲學書電子化計劃 (Проект оцифровки философских книг Китая). URL: https://ctext.org/mengzi/liang-hui-wang-ii/ (дата обращения: 20.03.2022).

9. Оуян Сю 1986 – *Оуян Сю* 歐陽修. Оуян Сю цюань цзи 歐陽修全集 (Полное собрание [сочинений] Оуян Сю). Пекин: Чжунхуа шудянь 中華書店, 1986 (Репринт издания 1936 г.).

10. Оуян Сю 2001 – *Оуян Сю* 歐陽修. Оуян Сю цюань цзи 歐陽修全集 (Полное собрание [сочинений] Оуян Сю) / Ред. Ли Иань 李逸安. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2001.

11. Сунь Цзунъинь 2016 – *Сунь Цзунъинь* 孫宗英. Ши «Люи»: Оуян Сю жичан шэнхо дэ синьтай чжуаньсян цзи лиши каоча 釋“六一”: 歐陽修日常生活的心態轉向及歷史考察 (Объяснение «Одного из Шести»: изменение отношения к повседневной жизни у Оуян Сю и историческое исследование). Чжэцзян сюэкань 浙江學刊 (Научный журнал Чжэцзяна). 2016. № 05. С. 85–96.

12. Тао Юаньмин 1996 – *Тао Юаньмин* 陶淵明. Тао Юаньмин цзи цзяоцзянь 陶淵明集校箋 (Собрание [сочинений] Тао Юаньмина, выверенное и с комментариями) / Ред. Гун Бинь 龔斌. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ 上海古籍出版社, 1996.

13. Тото 1997 – *Тото* 脱脱 и др. (ред.). Сун ши 宋史 (История Сун) // Эршисы ши 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

14. Ханьюй да цыдянь 2007 – Ханьюй да цыдянь: соиньбэнь 漢語大詞典：縮印本 (Большой словарь китайского языка: компактное изда-

ние)/ Ред. Ло Чжуфэн 羅竹風. Шанхай: Шанхай цышу чубаньшэ 上海辭書出版社, 2007.

15. Цюань Тан вэнь 2002 – Цюань Тан вэнь (Полное [собрание] танской прозы) 全唐文 / Сост. Дун Гао 董誥, ред. Сунь Инкуй 孫映逵. Тайюань: Шаньси цзяоюй чубаньшэ 山西教育出版社, 2002.

16. Чжуан-цзы 1985 – Чжуан-цзы цзи ши 莊子集釋 («[Трактат] Учителя Чжуана» с собранием пояснений) / Сост. Го Цинфань 郭清藩, ред. Ван Сяоюй 王孝魚. В сер. «Синь бянь чжу цзы цзичэн» 新編諸子集成 (Заново составленное «Собрание всех Учителей»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1985.

17. Шэнь Юэ 1997 – *Шэнь Юэ* 沈約 и др. (ред.). Сун шу 宋書 (Книга Сун) // Эршисы ши 二十四史 (Двадцать четыре [династийные] истории). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1997.

ORCID: 0000-0001-5582-0602

П. М. Ткач[*]

Проблема новой интерпретации романа Ши Найаня «Речные заводи»[**]

Аннотация. Статья посвящена анализу некоторых аспектов сюжета романа Ши Найаня (施耐庵, 1296–1372) «Речные заводи» («Шуйхучжуань» 水滸傳, букв. «Повествование о берегах вод»). Рассматриваются три проблемы, которые позволяют взглянуть на роман с новых, ранее неисследованных ракурсов. В первой части автор обращается к вопросу благородства героев. Благородство китайского разбойника спорно, непостоянно и не распространяется на «чужих». Во второй части будут разобраны традиционные враги главных героев романа, в числе которых были не только чиновники и правительственные войска, но и представители местных землевладельческих элит. В третьей части будет анализироваться суть восстания героев: встречающееся в научной литературе определение восстания как антиправительственного крестьянского движения, судя по всему, не отражает характера событий произведения.

Ключевые слова: «Речные заводи», Ши Найань, Сун, китайская литература, китайский роман, восстание

Petr M. Tkach[***]

The Problem of a New Interpretation of Shi Nai'an's Novel «The Water Margin»

Abstract. The article is devoted to the analysis of some aspects of the novel of Shi Nai'an (施耐庵, 1296–1372) «The Water Margin» («Shuihuzhuan»

[*] ***Ткач Пётр Максимович***, студент Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, peter.tkatch@gmail.com

[**] Автор выражает признательность С. В. Дмитриеву за помощь при написании настоящей статьи.

[***] ***Tkach Petr Maksimovich***, Undergraduate Student, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, peter.tkatch@gmail.com

© Ткач П. М., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

水滸傳). The author considers three theses that allow us to begin the study of the novel from new, previously unexplored angles. In the first part, the author addresses the problem of the dignity of the characters. The dignity of the Chinese outlaw is debatable, impermanent, and does not extend to «outsiders». The second part will analyze the traditional enemies of the novel's protagonists, which included not only officials and government troops, but also representatives of local landowning elites. The third part will analyze the essence of the heroes' uprising: the definition of the uprising as an anti-government peasant movement that may be found in the scientific literature does not reflect the real nature of the events.

Keywords: «The Water Margin», Shi Nai'an, Song, Chinese literature, Chinese novel, rebellion

Классическая литература Китая на протяжении долгого времени вызывает интерес не только у китайских исследователей, но и за рубежом. Наиболее известные произведения объединяются в «Четыре великих именитых творения» (*Сы да мин чжу* 四大名著), в число которых входит и роман Ши Найаня (施耐庵, 1296–1372) «Речные заводи» («Шуйхучжуань» 水滸傳, букв. «Повествование о берегах вод»). В России они были переведены [Панасюк 1954; Рогачёв 1955; Рогачёв, Колоколов 1959; Панасюк 1958], не раз проводились текстологические исследования [Пан 2008; Рифтин 1970, 2004, 2006][1]. В данной статье мы хотели бы обратиться к трём проблемам, которые не нашли должного отражения в российской научной литературе.

Главным объектом нашего исследования является роман «Речные заводи», написанный, как считается, в третьей четверти XIV в. Ши Найанем. Роман появился в результате художественно-литературной обработки устных сказаний о восстаниях в эпоху Сун (960–1276 гг.). В середине 1119 г. на территории современной провин-

[1] Первая часть монографии Пан Ина посвящена истории создания романа «Речные заводи», его связи с реальным восстанием, а также проблеме авторства романа, вторая часть состоит из его статей по текстологическому исследованию романа Цао Сюэциня 曹雪芹 (1715–1763) «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэн» 紅樓夢). Упомянутые работы Б. Л. Рифтина рассматривают различные версии романа Ло Гуаньчжуна 羅貫中 (1330–1400) «Троецарствие» («Сань го янь и» 三國演義, букв. «[Популярное] переложение смысла "[Описания] трёх царств"»), теорию романа и его иллюстрации.

ции Шаньдун[2] вспыхнуло восстание, возглавленное мелким чиновником уездной управы Сун Цзяном (宋江, ?–1122/1124). Укрывались же восставшие в горах Ляншань 梁山 на территории сегодняшнего уезда (*сянь* 縣) Ляншань 梁山 той же провинции. В 12-м месяце 1119 г. против них были высланы правительственные войска, но восстание продолжало набирать обороты, лишь в 1122 г. над ними была одержана победа. В 1124 году Сун Цзян был отравлен собственными соратниками [История Китая с древнейших времён… 2016, с. 264].

Несмотря на подавление выступления, восстание стало темой для многочисленных произведений устного народного творчества: сказов, стихов и песен. Их продолжали создавать на протяжении XII–XIV веков. Фактически реальные события породили собой народные легенды, а роман «Речные заводи» стал переходной формой между фольклорно-эпическим повествованием и романом [Бокщанин, Непомнин 2015, с. 94].

Благородство разбойника из «Речных заводей»

«Услышать имя – не то, что увидеть лицо, увидеть лицо лучше, чем услышать имя. Справедливый муж – *тися*, примите [положенные] по этикету [приветствия]»[3] 聞名不如見面，見面勝似聞名。義士提轄受禮 [Ши 2018, с. 56]. Подобным образом Ши Найань описывает сцены знакомства и дальнейшего взаимоотношения между 108-ю главными героями на протяжении всего романа. В первой части статьи мы хотели бы обратиться к проблеме благородства персонажей романа. Изысканные манеры и исключительно высокие моральные качества героев, которые представляются нам по ходу прочтения романа, не вполне отражают реальность произведения, в которой эти персонажи существуют. В науч-

[2] В годы империи Сун на территории современного Шаньдуна в 997 г. была образована область (*лу* 路) Цзиндун 京東, в 1072 г. разделена на Восточную область (*Цзиндун дун-лу* 京東東路) и Западную область (*Цзиндун си-лу* 京東西路). События романа разворачивались на землях Восточной области.

[3] У А. П. Рогачёва: «Примите, благородный герой, моё самое искреннее уважение. Правильно говорится: “Никакая молва не заменит личного знакомства”» [Ши 2008, т. 1, с. 65]. *Тися* – чин эпохи Сун, гражданский или военный инспектор-контролёр, букв. «держащий в руках управление».

ной литературе также встречается утверждение, что персонажи романа являются героями: «Но в романе они показаны как настоящие герои: они отважны, готовы прийти на помощь людям, попавшим в беду, им присуще чувство независимости и внутренней свободы; их бунт против властей благороден, так как направлен против царящего в мире зла и несправедливости» [Воскресенский 2008, с. 98]. В романе благородство, как правило, обозначается словами *и-ци* 義氣 («справедливый дух»), обладатель такого качества мог называться «выдающимся героем» (*хао-цзе* 豪傑), «благодеятельным человеком» (*энь-жэнь* 恩人), а также «славным молодцем» (*хао-хань* 好漢). На примере нескольких ключевых персонажей романа мы попытаемся разобрать проблему благородства героев и доказать своё утверждение о том, что благородство китайского разбойника спорно, непостоянно и не распространяется на «чужих».

Во-первых, благородство разбойника было сугубо «внутрицехового» рода и закреплялось за ним после совершения ряда лихих или своенравных действий, на которые бы не решился простой обыватель[4]. Анализ примеров из романа стоит начать с лидера восставших Сун Цзяна, второе имя (*цзы* 字) которого было Гунмин 公明. Стоит обратить внимание на его прозвища: Своевременный Дождь (*Цзи-ши Юй* 及時雨), Взывающий к Защите Справедливости (*Ху Бао-и* 呼保義), Третий Чёрный Молодец, Почтительный к Родителям и Справедливый (*Сяо-и Хэй-сань-лан* 孝義黑三郎) и Чёрный Сун Цзян (*Хэй Сун Цзян* 黑宋江)[5]. Некоторые из прозвищ, а именно Своевременный Дождь, Третий Чёрный Господин, Почтительный к Родителям и Справедливый и Чёрный Сун Цзян, он получил ещё во время своей службы писарем в уездном управлении Юньчэна (*Юньчэн ясы* 鄆城押司)[6]. В тот период его действительно можно было бы назвать благородным человеком (или, по крайней мере, порядочным – в общепринятом, обывательском

[4] Мы следуем определению благородства по словарю русского языка под редакцией А. П. Евгеньевой: «Высокие нравственные качества; величие, возвышенность» [Словарь русского языка 1999].

[5] А. П. Рогачёв переводит *Цзи-ши Юй* как «Благодатный дождь», *Ху Бао-и* как «Охраняющий справедливость». Народ прозвал Сун Цзяна Чёрным «из-за того, что у него лицо чёрное, тело низкое» 為他面黑身矮 [Ши 2008, с. 226].

[6] Ныне – уезд городского округа Хэцзэ 菏澤 провинции Шаньдун.

смысле этого слова): он всегда помогал попавшим в беду людям, был почтителен к старшим, на службе был ответственным и бескорыстным, а также симпатизировал и заводил дружбу с вольными людьми (это считалось одной из добродетелей Сун Цзяна). Но однажды его любовница Янь Поси 閻婆惜 узнала о его переписке с разбойниками из лагеря в Ляншане, после чего начала шантажировать его и угрожать сдать властям. Во время ссоры Сун Цзян убил её, а затем был задержан властями и отправлен в ссылку. В итоге он оказался в стане Ляншань и возглавил его, так как был широко известен среди вольного люда. Под его руководством осуществлялся набор в разбойники, планировались и проводились военные операции. Он также освобождал своих соратников из заключения, брал в плен командиров правительственных войск и убивал несправедливых начальников областей. Все его деяния одобрялись остальными героями, а эпизод с участием Янь Поси вызывал их сочувствие. Именно за разбойническую деятельность, а не за чиновническое прошлое он получил прозвище Взывающий к Защите Справедливости, которое появлялось в романе лишь два раза в самом конце произведения.

Второй ключевой персонаж, действия которого также можно неоднозначно оценивать, это Лу Чжишэнь Развратный Монах (*Лу Чжишэнь Хуа Хэшан* 魯智深花和尚)[7]. До присоединения к лагерю восставших он служил *тися* в управе города Вэйчжоу (*Вэйчжоу цзин-люэ фу ти-ся* 渭州經略府提轄)[8], славился своим крутым и вспыльчивым характером. После избиения местного мясника («и снова ударил раз кулаком, [попал] прямо в висок, и так, словно провёл моление о [погибших на] воде и суше: [все] гонги-*цин*, тарелки-*бо*, колокольчики-*нао* разом зазвучали» 又隻一拳，太陽上正著，卻似做了一個全堂水陸的道場：磬兒、鈸兒、鐃兒一齊響 [Ши 2018, с. 50])[9] ему пришлось сбежать из города, после чего он

[7] А. П. Рогачёв переводит *Хуа Хэшан* как «Татуированный монах».

[8] Во времена империи Сун – особый округ в составе провинции Хунань, ныне не существует.

[9] У А. П. Рогачёва: «…он ударил мясника кулаком в висок так, что у того в голове разом начали бить металлические била, медные тарелки и цимбалы, словно совершалось даосское заупокойное богослужение по всем душам умерших на суше и на воде» [Ши 2008, т. 1, с. 59].

стал монахом в буддийском монастыре на горе Утайшань 五臺山. В монастыре он продолжал буйствовать: пьянствовал, крушил монастырское имущество, нападал на монахов, из-за этого настоятелю пришлось выгнать его. Прежде чем он смог добраться до монастыря Дасянго-сы 大相國寺 в Восточной столице (*Дунцзин* 東京)[10], Лу Чжишэнь неоднократно вступал в конфликты с жителями деревень и местными бандами. В Дасянго-сы его назначили сторожем монастырских огородов. Пока он занимал этот пост, он познакомился с местными бездельниками, а также с другим главным героем романа – Линь Чуном Головой Барса (*Линь Чун Бао-цзы Тоу* 林沖豹子頭)[11]. Вскоре он покинул Восточную столицу и вместе с Ян Чжи Темномордным Зверем (*Ян Чжи Цин-мянь Шоу* 楊志青面獸) основал собственный разбойничий лагерь на горе Эрлуншань 二龍山 в области Цинчжоу 青州[12] (это происходит в 17-й главе романа)[13]. В следующий раз он появился в 58-й главе, к его лагерю также присоединился У Сун Путник (*У Сун Синчжэ* 武鬆行者)[14] (сюжеты про У Суна войдут в основу другого не менее известного, хотя и более позднего романа – «Цветы сливы в золотой вазе» («Цзинь пин мэй» 金瓶梅)), в этой же главе Лу Чжишэнь вместе со своим станом присоединился к восставшим из Ляншань.

Примерно похожая ситуация обстоит почти со всеми другими главарями из лагеря в Ляншань. Каждый из них когда-то имел мирное дело, на досуге занимался упражнениями с оружием. Совершив преступление (как правило, по случайности и/или в нетрезвом виде), они вынуждены были бежать и промышлять разбоем. Именно поэтому их поступки никогда не встречали осуждения

[10] В настоящее время – город Кайфэн 開封 провинции Хэнань.

[11] А. П. Рогачёв переводит *Бао-цзы Тоу* как «Барсоголовый».

[12] В настоящее время – городской уезд городского округа Вэйфан 潍坊 провинции Шаньдун.

[13] В нашем исследовании мы используем текст романа издания «Эннеагон Пресс» 2008 г., которое, в свою очередь, является репринтом второго издания 1959 г. По нему, пролог считается первой главой, в других же изданиях нумерация начинается уже после пролога. Именно поэтому в издании «Эннеагон Пресс» всего 71 глава, в других же изданиях – 70.

[14] А. П. Рогачёв переводит *Синчжэ* как «Странствующий монах»», а *Цин-мянь Шоу* как «Черномордый зверь».

среди таких же беглецов, а противодействие со стороны властей всегда воспринималось как нечто несправедливое, низкое и подлое. Ниже будет дана таблица с кратким описанием историй некоторых героев и их пути к преступной жизни.

Таблица 1

Имя героя	Занятие в мирной жизни	Преступление	Вступление в Ляншань
Сун Цзян	Писарь в уездном управлении	Убил любовницу Янь Поси	В 41-й главе был спасён от казни, присоединился к лагерю
Лу Чжишэнь	*Тися* в городе Вэйчжоу	В драке убил по неосторожности мясника Чжэна 鄭	В 58-й главе его лагерь на горе Эрлуншань вливается в Ляншань
У Сун	–	В пьяном виде убил в драке по неосторожности чиновника	В 58-й главе вместе с Лу Чжишэнем
Ли Куй 李逵	Крестьянин, тюремный стражник	Убил человека	В 41-й главе вместе с тремя разбойниками присоединился к стану
Пэй Сюань Железнолицый Кунму (*Пэй Сюань Темянь Кунму* 裴宣鐵面孔目)[15]	Мелкий чиновник	Был несправедливо осуждён, клеймён и сослан	В 44-й главе вместе со своим станом присоединяется к Ляншаню

Также стоит отметить презрение разбойников из романа к нормам общепринятого поведения. В первую очередь, это действия героя по имени Ли Куй Чёрный Вихрь (*Ли Куй Хэй Сюаньфэн* 李逵黑旋風). Однажды он поругался с Сун Цзяном, так как тот не хотел посылать его вместе с остальными в поход против правительственных войск. Ночью он выбрался в одиночку из лагеря

[15] У А. П. Рогачёва *Темянь Кунму* 鐵面孔目 – «Справедливый судья» и «Судья с железным лицом». *Кунму* – чин эпохи Сун, служащий архива.

и отправился в сторону Линчжоу 凌州[16], чтобы убить двух находившихся там полководцев. По пути он проголодался и, хотя у него не было с собой никаких денег, решил остановиться в деревенском кабаке. Отобедав и выпив, он собрался уходить, но его остановил Хань Бо-лун 韓伯龍, который тоже был разбойником из Ляншань, но из-за многочисленных забот в лагере не имел возможности познакомиться со всеми вольными людьми. Ли Куй сделал вид, что оставил один из своих топоров в качестве залога, после чего «Хань Бо-лун, не зная об этих замыслах, протянул руку, чтобы взять [топор]. [Топор был] поднят рукой Ли Куя, [Хань Бо-лун] был ударен топором в лоб – [Ли Куй как будто] разрубил нарыв» 韓伯龍不知是計，舒手來接。被李逵手起，望面門上隻一斧，肷瘩地砍著 [Ши 2018, с. 883][17]. Работники кабака в страхе разбежались, а Ли Куй ограбил его и поджёг. Ситуация, в которую попал Ли Куй, довольно проста и понятна: он решил во что бы то ни стало получить бесплатно услугу. Даже не попытавшись разобраться в ситуации, он решает убить своего «обидчика» и отправиться дальше по своим делам.

В другом эпизоде, в котором также участвует Ли Куй, происходит следующее. Однажды Сун Цзян, Ли Куй, Дай Цзун Духоподобно Летающий Наставник (*Дай Цзун Шэнь-син Тай-бао* 戴宗神行太保)[18] и Чжан Шунь Белая Лента в Волнах (*Чжан Шунь Лан-ли Бай-тяо* 張順浪裏白條) вместе пировали в трактире. Они выпивали, ели рыбный суп и беседовали о разном. Во время разговора вошла девушка лет шестнадцати, отвесила четыре глубоких поклона и начала петь. Так она прервала рассказ Ли Куя, после чего тот разозлился и дал ей затрещину в лоб. Девушка потеряла сознание, лишь после того, как ей оказали помощь слуги, она при-

[16] Ныне – Линчэн 陵城, район городского подчинения городского округа Дэчжоу 德州 провинции Шаньдун.

[17] У А. П. Рогачёва: «Хань Бо-лун, ничего не подозревая, протянул руку, чтобы взять его. Но Ли Куй в этот момент взмахнул топором и с такой силой ударил Хань Бо-луна по голове, что череп у него раскололся пополам» [Ши 2008, т. 2, с. 606].

[18] А. П. Рогачёв переводит *Шэнь-син Тай-бао* как «Волшебный скороход», а *Лан-ли Бай-тяо* как «Белая лента в воде». В первом томе «Исторических записок» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145/135 – ок. 87) Р. В. Вяткин предлагает переводить *тайбао* как «великий воспитатель» [Сыма 1972, т. 1, с. 425].

шла в себя, они же и заметили, что у неё на лбу был сорван кусочек кожи. Её родители также находились в трактире, но когда они увидели, что её обидчиком был Ли Куй, они не решились начать ссору с разбойниками. Проблему решил Сун Цзян: он выслушал историю их семьи и убедил мать не обращаться к властям с жалобой на разбойников в обмен на денежное вознаграждение.

Отличным примером также послужит история четы Чжан Цина Огородника (*Чжан Цин Цай-юань-цзы* 张青菜園子) и Матушки Ночные Вилы (*Сунь Эрнян Му Е-ча* 孙二娘母夜叉), которые держали свой кабак[19]. Впервые о них рассказывает Лу Чжишэнь, которому посчастливилось с ними познакомиться. Когда он проходил мимо местечка Шицзыпо 十字坡 в округе Мэнчжоу 孟州[20], Сунь Эрнян отравила его, когда тот остановился в их заведении. Ей не удалось убить его, так как вовремя вернулся её муж Чжан Цин, которому очень понравились его посох и кинжал. Чжан Цин понял, что перед ним вольный человек, которому нельзя дать умереть, и дал ему противоядие, после чего они побратались, а Лу Чжишэнь ещё прожил у них четыре дня, после чего продолжил свой путь. В следующий раз на их кабак наткнулся У Сун, который шёл вместе с двумя стражниками под конвоем в место ссылки. Они также остановились в их кабаке, пили много вина, ели мясо и *маньтоу*, которые им подала Сунь Эрнян. Стражники не глядя поглощали их, а У Сун решил осведомиться, из чего сделана их начинка, так как «увидел, что в начинке этого *маньтоу* было несколько волосков, один [из которых] походил на те волосы, что обычно [растут] у человека на месте [для отправления] малой нужды, вот поэтому стал подозревать и опасаться» 見這饅頭餡內有幾根毛，一象人小便處的毛一般，以此疑忌 [Ши 2018, с. 361][21]. Тут на них начало действовать отравленное вино, стражники потеряли сознание, а У Сун лишь притворился. В короткой схватке он победил женщину, свалил её на пол, и тут к ним подоспел Чжан Цин. После знакомства он рассказал У Суну

[19] А. П. Рогачёв переводит *Му Е-ча* как «Людоедка».

[20] В настоящее время Мэнчжоу является городским уездом городского округа Цзяоцзо 焦作 провинции Хэнань.

[21] У А. П. Рогачёва: «… увидал в начинке несколько волосков, что, судя по виду, должны расти у человека в паху, вот и вспомнил эти рассказы» [Ши 2008, т. 1, с. 449].

историю их семьи. Какое-то время назад Чжан Цин занимался разбоем. После неудачной попытки ограбления старика он завёл с ним дружбу и ушёл жить в город, где спустя некоторое время женился на его дочери. Дочерью старика и была Сунь Эрнян, она также унаследовала от отца навык приготовления пищи из людей. Потом они уехали, построили свой кабак в Шицзыпо, где заманивали к себе путников, убивали их, а потом продавали их мясо под видом говядины (остатки уходили в начинку для *маньтоу*). У Сун также побратался с Чжан Цином, несколько дней пировал в их кабаке вместе со своими стражниками. Только потом он отправился дальше в Мэнчжоу, а чета вскоре присоединилась к лагерю Лу Чжишэня.

Случай, который произошёл с Линь Чуном, также подтверждает наше утверждение об амбивалентности благородства разбойников. Пока он был заключённым в Цанчжоу 滄州[22], он служил сторожем складов с военным фуражом. Однажды к Линь Чуну пришли его враги и сожгли склады, надеясь таким образом убить его. Ему посчастливилось находиться в другом здании, когда склады горели неподалёку. Линь Чун нашёл трёх убийц и расправился с ними, после чего вынужден был бежать. Спустя несколько часов он наткнулся на хижины, в которых крестьяне охраняли закрома с рисом. Они впустили Линь Чуна и разрешили ему отогреться у их очага. Когда он попросил крестьян поделиться с ним вином, они сказали, что у них и так его мало, даже самим не хватает. Линь Чун не унимался, продолжал требовать дать ему вина, на что ему крестьяне сказали: «Уходи так уходи, а если не уйдёшь – придёшь сюда висеть» 去便去，不去時將來吊在這裡 [Ши 2018, с. 142][23]. Линь Чун разозлился, насадил на свою пику горящее полено из очага и сунул его в лицо старому крестьянину, у которого вмиг загорелись усы и борода. Все крестьяне разбежались, после чего ему удалось насладиться вином в одиночестве. Захмелев, он вышел из хижины и продолжил свой путь. Прошёл он всего ничего, и тут на него налетел порыв ветра, который свалил его в канаву. Линь Чун настолько опьянел, что уже не мог самостоятельно выбраться оттуда. Через

[22] Сейчас Цанчжоу является городским округом в провинции Хэбэй.

[23] У А. П. Рогачёва: «Уходи-ка отсюда подобру-поздорову. Не уйдёшь, так останешься висеть на этой балке под потолком» [Ши 2008, т. 1, с. 172].

какое-то время к нему подошла толпа крестьян с дубинами, связала его и увела в поместье к своему господину.

Эпизод с участием Ян Сюня Больного Гуань Со[24] (*Ян Сюн Бин Гуань Со* 楊雄病關索), Ши Сю Третьего Мужа, Выбрасывающего Жизнь (*Ши Сю Пань-мин Сань-лан* 石秀拚命三郎)[25] и Ши Цяня Блохи на Барабане (*Ши Цянь Гу-шан Цзао* 時遷鼓上蚤) также подтверждает наше утверждение. Они втроём направлялись в Ляншань, по пути решили остановиться на ночлег в деревне неподалёку от поместья Чжуцзячжуан 祝家莊 (Поместье семьи Чжу)[26]. Когда на дворе все слуги разошлись спать, Ши Цянь спросил у разбойников, не хотят ли они мяса, и предъявил им большого петуха в котле. На вопрос, откуда он его взял, Ши Цянь рассказал, что нашёл его за домом в клетке, вытащил его оттуда, затем отнёс его к реке, где и зарезал его. После этого он принёс к ней котел и сварил в нём петуха. Его друзья со смехом оценили его предложение, вспомнили его ремесло (Ши Цянь был вором) и приступили к еде. Утром слуга постоялого двора обнаружил пропажу и котёл с супом, между ним и разбойниками начался конфликт, так как этот петух будил их каждое утро. «Только глядят – с постоялого двора к ним выбежали, «[помахивая] красными прутьями» (т. е. обнажённые. – *П. Т.*), трое-пятеро детин» 隻見店裡赤條條地走出三五個大漢來 [Ши 2018, с. 624–625] на помощь слуге, которые начали с разбойниками драку, но не смогли одолеть их, слуге же досталось: «[так] ударили в лицо, [что оно] опухло, и звука подать не мог» 一掌打腫了臉，作聲不得 [Ши 2018, с. 625][27]. После этого разбойники спокойно поели, оде-

[24] Гуань Со 關索 (также встречается другое имя Хуа-Гуань Со 花關索) – вымышленный фольклорный персонаж, сын полководца Гуань Юя 關羽 (?–220). Ему приписывается участие в войнах периода Троецарствия (*Сань-го шидай* 三國時代, 220–280) на стороне царства Шу 蜀, впервые упоминается в песеннике «Жизнеописание Хуа Гуань Со» («Хуа Гуань Со чжуань» 花關索傳). Также является персонажем романа «Троецарствие», в нём он описывается как умелый воин, помогает Чжугэ Ляну 諸葛亮 осуществить поход против южного царства Наньмань 南蠻.

[25] У А. П. Рогачёва: Ян Сюн Злой Гуань Со и Ши Сю Отчаянный.

[26] В настоящий момент деревня Яньпо 岩坡 уезда Фэй 费 городского округа Линьи 临沂 провинции Шаньдун.

[27] У А. П. Рогачёва: «В тот же миг из дома выскочили пять огромных голых парней» [Ши 2008, т. 2, с. 244]; у А. П. Рогачёва: «…успел ударить его в лицо, и оно так вздулось, что парень не мог и рта открыть» [Ши 2008, т. 2, с. 244].

лись, собрали свои вещи и украли из постоялого двора себе по мечу. Перед тем, как уйти, Ши Сю также поджёг двор. После четырёхчасового пути по тракту их настигла толпа из двухсот человек. В ходе короткого боя Ши Цяня схватили крюками и уволокли, а Ян Сюн и Ши Сю смогли скрыться и вернуться в стан Ляншань, где рассказали обо всём произошедшем. Этот случай также показывает вольных людей из «Речных заводей» не в лучшем свете – не как благородных разбойников, а как простых бандитов: в бытовой ссоре они не только потеряли своего соратника, но и нанесли ущерб местному населению в районе поместья Чжуцзячжуан.

Подводя итог этой части исследования, хотелось бы резюмировать приведённые эпизоды. Отрывки из романа «Речные заводи» показывают нам, что благородство разбойников из стана в Ляншань распространялось только на таких же вольных людей, они же и могли оценить его. Когда герои произведения оказывались вне стен своего лагеря, то сразу же начинали совершать многочисленные преступления. В них проявлялась настоящая сущность их вольницы – несмотря на все частые разговоры о благородстве и справедливости, все герои по-прежнему оставались обычными преступниками. Интересно сравнить героев романа с персонажами произведений таких известных писателей, как А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов, которые прекрасно объясняют образ жизни подобных людей. В «Архипелаге ГУЛАГе» А. Солженицын пишет: «Так легки пути блатных в лагере: один шумок, одно предательство, дальше бей и топчи! Мне возразят, что только [суки] идут занимать должности, а “честные воры” хранят воровской закон. А я сколько не смотрел на тех и других, не замечал, чтобы одно отребье было благороднее другого. Воры выламывали у эстонцев золотые зубы кочергой. Воры (в КрасЛаге, 1941 год) топили литовцев в уборной за отказ отдать им посылку. Воры грабили осуждённых на смерть. Воры шутя убивают первого попавшегося однокамерника, чтобы только затеять новое следствие и суд, пересидеть зиму в тепле или уйти из тяжёлого лагеря, куда уже попали. Что ж говорить о такой мелочи, как раздеть-разуть кого-то на морозе? Что говорить об отнятых пайках? Нет уж, ни от каменя плода, ни от вора добра. Теоретики ГУЛага

возмущались: кулаки (в лагере) даже не считают воров настоящими людьми (и тем, мол, выдают свою звериную сущность). А как же принять их за людей, если они сердце твоё вынимают и сосут? Вся их "романтическая вольница" есть вольница вурдалаков» [Солженицын 2006, т. 2, с. 352–353]. В очерке В. Шаламова «Жульническая кровь» мы находим такие слова: «Все люди мира, по философии блатарей, делятся на две части. Одна часть – это "люди", "жульё", "преступный мир", "урки", "уркаганы", "блатари", "жуки-куки" и т. п. …Другая – фраера, то есть "вольные"… Ложь, обман, провокация по отношению к фраеру, хотя бы к человеку, который спас блатаря от смерти, – всё это не только в порядке вещей, но и особая доблесть блатного мира, его закон… Лживость блатарей не имеет границ, ибо в отношении фраеров (а фраера – это весь мир, кроме блатарей) нет другого закона, кроме закона обмана – любым способом: лестью, клеветой, обещанием… Дать честное слово вора фраеру, обмануть его, а затем растоптать клятву и нарушить её – это воровская доблесть, предмет хвастливых россказней где-нибудь на тюремных нарах… Любая кровавая подлость в отношении фраера оправдана и освящена законами блатного мира. Но в отношении к своим товарищам вор, казалось бы, должен быть честен. К этому зовут его блатные скрижали, и жестокая расплата ждёт нарушителей "товарищества"» [Шаламов 1998, т. 2, с. 11–40]. Другую аналогию можно провести с феноменом казачества – с конца XV – первой половины XVI в. в «ничейных» южных степях России появлялись первые «многочисленные "воровские" казаки», которые чаще всего были «беглые, чаще бывшие преступники, источником существования которых были разбой, постоянные набеги…» [Каминский 2010, с. 144].

Примеры показывают нам, что разбойники считали равными себе и уважали лишь других разбойников – люди, не занимающиеся «защитой справедливости» (т. е. простые люди) не только не вызывали у них уважение, но и могли стать жертвой на пути у вольного человека.

Противники разбойников «Речных заводей»

Как известно, помимо правительственных войск[28] основными врагами героев из «Речных заводей» были чиновники в лице начальников областей. В пример можно привести борьбу с начальником области Цинчжоу Мужуном 慕容[29]. Во время атаки на город разбойники не только убили его, но и «всей семье *чжифу* Мужуна, старым и малым, отрубили головы, описали и конфисковали имущество семьи и распределили между войском» 把慕容知府一家老幼盡皆斬首，抄扎家私，分俵眾軍 [Ши 2018, с. 772][30]. Но в этой части статьи мы хотели бы выявить ещё один тип противников героев произведения: это влиятельные городские (или деревенские) семьи и кланы. На нескольких примерах мы докажем этот тезис.

Во-первых, в качестве примера можно привести борьбу героев романа против влиятельной семьи Цзэнов 曾 из города Цзэнтоуши 曾頭市[31]. Конфликт между ними начался из-за лошади: конокрад по имени Дуань Цзинчжу Пёс с Золотой Шерстью (*Дуань Цзинчжу Цзинь-мао Цюань* 段景住金毛犬)[32] украл коня по кличке Освещающий Ночь Яшмовый Лев (*Чжао е юй ши цзы* 照夜玉獅子) и отправился в Ляншань, где хотел преподнести его в качестве подарка Сун Цзяну и присоединиться к стану. Когда он проходил через Цзэнтоуши, коня отобрали члены семьи Цзэнов. Дуань Цзинчжу протестовал, что везёт его в подарок Сун Цзяну, на что те так обругали его, что Дуань Цзинчжу даже не смог пересказать их слова главе стана. После его рассказа Сун Цзян отправил в город на разведку Дай Цзуна. Он собрал информацию про

[28] В романе основные столкновения героев с правительственными войсками происходили в следующих главах: 55–57, 60–67.

[29] Нам неизвестно, почему А. П. Рогачёв переводил 慕容 как «Му Юн», а не «Мужун».

[30] У А. П. Рогачёва: «уничтожили всю семью и всех родственников начальника области Му Юна, забрали всё его имущество и разделили между бойцами» [Ши 2008, т. 2, с. 447].

[31] Вымышленный город; в романе располагался в юго-западной части округа Линчжоу провинции Шаньдун.

[32] А. П. Рогачёв переводит *Цзинь-мао Цюань* как «Рыжий пёс».

всех членов семьи Цзэн и их помощниках, а также узнал, что в городе «собрано пять-семь тысяч людей и коней, устроен частокол, построено больше пятидесяти засадных колесниц» 聚集着五七千人马，扎下寨栅，造下五十余辆陷车 [Ши 2018, с. 793][33]. Когда между войсками из Ляншаня и Цзэнтоуши начались многочисленные стычки, в ходе одной из них был ранен стрелой в лицо глава стана Чао Гай Небесный Царь с Пагодой в Руках[34] (*Чао Гай То-та Тянь-ван* 晁蓋托塔天王). После этого вражда между ними на время остановилась, в 68-й главе романа она снова начинается. По её итогам была истреблена вся семья Цзэнов, их помощники (Ши Вэньгуну 史文恭, который также служил у семьи Цзэнов, разбойники рассекли грудь и принесли его сердце в жертву духу Чао Гая), а город Цзэнтоуши был разграблен.

Второй пример также ярко иллюстрирует отношения между героями произведения и местными семьями. Ранее мы уже упоминали эпизод, где несколько разбойников сжигают постоялый двор семейства Чжу 祝. Им принадлежала вся местность в округе в 300 *ли*. «Перед поместьем, за поместьем живёт пять-семь сотен семейств. Все они арендаторы, на каждый дом выдано по две [алебарды] *пудао*» 莊前莊后有五七百人家，都是佃戶，各家分下兩把朴刀與他 [Ши 2018, с. 623][35]. Именно в это поместье увели пойманного Ши Цяня. Оно располагалось недалеко от утеса Дулунган 獨龍崗, кроме него на двух других холмах располагались ещё два поместья: на западном было поместье Хуцзячжуан 扈家莊 (Поместье семьи Ху), а на восточном Лицзячжуан 李家莊 (Поместье семьи Ли)[36]. Из-за нахождения в непосредственной близо-

[33] У А. П. Рогачёва: «уже стояло наготове войско численностью до семи тысяч человек, которые расположились лагерем и заготовили более пятидесяти боевых колесниц» [Ши 2008, т. 2, с. 476].

[34] Прозвище Чао Гая также переводится как «Небесный царь Вайшравана». Вайшравана (санскр. Vaiçravaṇa/Vaishravana – «Яснослышащий») – буддийский богзащитник Севера, один из Четырёх Великих Правителей (санскр. Cāturmahārājika). А. П. Рогачёв переводит *То-та Тянь-ван* как «Небесный князь».

[35] У А. П. Рогачёва: «Вокруг их поместья живёт до семисот семейств. Все они арендуют земли хозяина Чжу, и на каждый дом выдано по два меча» [Ши 2008, т. 2, с. 242].

[36] В настоящее время обе деревни также находятся в городском округе Линьи провинции Шаньдун.

сти от лагеря Ляншань поместья заключили между собой союз, по которому обязались помогать друг другу в случае опасности. Самым защищённым поместьем было Чжуцзячжуан: «с четырёх сторон – виток широкой протоки. То поместье было построено прямо на утёсе, имело трёхъярусные стены, все валы, сложенные из грубого камня, высотой примерно в два *чжана*. Спереди и позади – пара ворот в поместье и пара подвесных мостов. Внутри стен четырёхугольное [пространство], полностью покрытое халупами и лавками. Под [каждой из] четырёх [стен] были понатыканы пики, мечи [и другое] оружие. В надвратных башнях были расставлены боевые барабаны и медные гонги» 四下一遭闊港。那莊正造在岡上，有三層城牆，都是頑石壘砌的，約高二丈。前后兩座莊門，兩條吊橋。牆裡四邊，都蓋窩鋪，四下裡遍插著槍刀軍器，門樓上排著戰鼓銅鑼 [Ши 2018, с. 631][37]. Случай с постоялым двором Сун Цзян решает использовать в качестве повода для нападения на это поместье. Кроме того, он хочет укрепить боевой дух стана, пополнить запасы продовольствия и привлечь в ряды Ляншаня известного среди разбойников Ли Ина Орла Бросающегося к Небу (*Ли Ин Пу-тянь Дяо* 李應撲天雕)[38], который также владел поместьем Лицзячжуан. Войско разбойников лишь с третьего раза смогло захватить Чжуцзячжуан, после разграбления они получили большую добычу: «Живьём взяли человек четыреста-пятьсот, захватили более пятисот хороших коней, живыми увели коров и баранов – и не упомнить их числа» 生擒得四五百人，奪得好馬五百余疋，活捉牛羊不記其數 [Ши 2018, с. 670][39]. Поместье Хуцзячжуан также не смогло избежать такой участи. Несмотря на соглашение о союзе между главой семьи и Сун Цзяном, Ли Куй вместе со своим отрядом ворвался в боевом трансе в поместье, после чего перебил всю семью Ху, разграбил его и поджёг. Лишь благодаря Ли

[37] У А. П. Рогачёва: «было окружено широким рвом. Кроме того, оно было обнесено трёхъярусной стеной из дикого камня высотой примерно в два чжана. К передним и задним воротам вели подъёмные мосты. В стене были бойницы, где хранилось оружие: копья, мечи и прочее. А в башнях находились гонги и барабаны» [Ши 2008, т. 2, с. 252].

[38] У А. П. Рогачёва: «Орёл, взмывающий к облакам».

[39] У А. П. Рогачёва: «В плен было взято человек четыреста-пятьсот; увели более пятисот хороших коней, а коров и овец без счёта» [Ши 2008, т. 2, с. 304].

Ину поместью Лицзячжуан удалось пережить нападение разбойников. Ли Ин также будет вынужден присоединиться к главарям стана в Ляншань.

Эти примеры показывают нам, что помимо традиционных противников в лице представителей власти восставшие из Ляншань также сражались против местной неофициальной элиты. Сюжет романа демонстрирует нам, что фактически именно подобные поместья и небольшие города были способны дать организованный отпор разбойникам: пример трёх поместий показывает нам, насколько нелегко им было справиться с эффективным союзом и обороной. Это также позволяет нам предположить, что борьба разбойников с землевладельческой элитой отражала обычную ситуацию для средневекового Китая: на местах лишь она обладала реальной властью, в то время как официальные чиновники могли располагать крайне ограниченным репрессивным инструментарием, которого явно было недостаточно для подавления крупномасштабных восстаний.

Определение вида восстания в романе «Речные заводи»

Идеологические ограничения, господствовавшие в годы Советского Союза, не позволяли рассматривать персонажей романа в ракурсе обыкновенных (пусть и ярких) преступников. Герои и их конфликт с властями описывался как борьба угнетённых классов с феодальным гнётом, считалось, что в романе описано антиправительственное крестьянское восстание, даже крестьянская война.

БСЭ даёт следующее определение крестьянской войне: «гражданская война угнетённых классов и сословий города и деревни против класса феодалов и феодального крепостнического государства. Явилась открытым проявлением борьбы крепостнических и антикрепостнических тенденций исторического развития всей страны, носителями которых были, с одной стороны, феодалы и, с другой – крестьяне, горожане и промежуточные слои населения. К. в. была вызвана резким обострением классовых противоречий в результате сильного ухудшения экономического, социаль-

ного и юридического положения народных масс» [БСЭ 1973, т. 13, с. 398–399]. В своём послесловии к роману А. П. Рогачёв пишет: «…повстанцы наносили по феодальному строю настолько сильные удары, что нередко ставили господствующие классы в весьма затруднительное положение… Большим достоинством романа следует считать реалистическое описание крестьянской войны. На протяжении всего романа автор подчёркивает мысль о том, что вынужденные выступить против гнёта и жестокости феодального строя, повстанцы ставят своей целью борьбу только против злостных и жадных чиновников… Повстанцы – и сам Сун Цзян, и выходцы из угнетённых сословий, и отверженные из господствующих классов, волею судеб заброшенные в лагерь Ляншань…» [Ши 2008, т. 2, с. 676–678]. Л. В. Симоновская также называет восстание Сун Цзяна крестьянским восстанием: «С древнейших времён в истории Китая отмечено множество массовых народных восстаний. Повстанцы – рабы, крестьяне, горожане – свергали императорские династии, истребляли жесточайших своих угнетателей, брали города и занимали целые области, добиваясь установления на земле нового, счастливого порядка. Ещё резче и отчётливей прозвучал лозунг уравнения имущества богатых и бедных в крестьянской войне в Сычуани в конце X и начале XI в. Он повторился в городских восстаниях северо-востока, в борьбе повстанцев в Чжэцзяне и Фуцзяни, в опоэтизированном, овеянном легендами восстании Сун Цзяна (XII в.), которое стало темой общеизвестного романа «Речные заводи» [Симоновская 1958, с. 3–4]. Г. Я. Смолин тоже считает выступление Сун Цзяна крестьянским движением: «Так, уже в подробном, занимающем многие страницы, показе повседневного быта повстанческого лагеря, в раскрытии душевных переживаний действующих лиц – отнюдь не ходульных героев, в описании их разнообразных практических действий (удалых походов и набегов) нашли выражение, пусть в подчас в преувеличенной степени, черты и настроения крестьянской вольницы, запечатлён свойственный данному восстанию, как и многим другим средневековым народным движениям, разбойный оттенок» [Смолин 1974, с. 455–456]. Нужно отметить, советские исследователи признавали, что восстание не было выдающимся собы-

тием во внутриполитической жизни Китая тех лет: «В самом деле, из приведённой выше сводки сохранившихся до нашего времени сообщений источников нетрудно заключить, что восстание Сун Цзяна как реальный исторический факт, строго говоря, не представляло собой сколько-нибудь крупного по масштабам и социально-политическому воздействию события. Скорее оно явилось заурядным эпизодом в истории антифеодальных выступлений крестьянства Сунской империи, каких было немало…» [Смолин 1974, с. 454]. Фактически лишь появление романа «Речные заводи» позволило запечатлеть это малозначительное событие в культуре Китая. В третьей, заключительной части статьи мы попытаемся доказать, что восстание, помимо того, что, конечно, не обладало масштабами крестьянской войны, не только имело некоторые параправительственные черты, но и не являлось по сути крестьянским.

Первое, на что мы обращаем внимание, это происхождение некоторых лидеров стана, которое не позволяет говорить о восстании как о крестьянском выступлении. В заключительной 70-й главе произведения проходит распределение постов в Ляншань. Сун Цзян был главой стана и командиром всех военных отрядов (о его происхождении мы будем говорить ниже). Один из высших постов получают Чай Цзинь Маленький Вихрь (*Чай Цзинь Сяо Сюаньфэн* 柴進小旋風) и Ли Ин: они стали заведовать казной и продовольственными складами. Они оба принадлежали к представителям местных элит – Чай Цзинь являлся потомком императора Чай Жуна (柴榮, 921–959, правил в 954–959, Ши-цзун 世宗), второго правителя государства Поздняя Чжоу (*Хоу Чжоу* 後周), а Ли Ин владел поместьем Лицзячжуан. Цай Фу Железные Руки (*Цай Фу Те Бибо* 蔡福鐵臂膊) и Цай Цин Цветок (*Цай Цин И-чжихуа* 蔡慶一枝花) стали отвечать за наказания и казни. До присоединения к восставшим братья служили в тюрьме: Цай Фу был смотрителем и палачом, а Цай Цин – надзирателем. Сяо Жана Писаря Святомудрые Руки (*Сяо Жан Шэн-шоу Шу-шэн* 蕭讓聖手書生) назначили на пост ведения переписки лагеря, изготовления приказов о мобилизации и перемещения отрядов. Цзинь Дацзянь Мастер Нефритовая Рука (*Цзинь Дацзянь Юй-би Цзян* 金大堅玉臂匠)

стал ведать изготовлением бирок и печатей лагеря. До того как присоединиться к разбойникам, Сяо Жан был известным каллиграфом, а Цзинь Дацзянь – умелым резчиком по камню. Под предлогом работ в монастыре оба мастера были обманом завлечены в разбойничий стан. Пэй Сюань Железнолицый Кунму назначался на пост уполномоченного по военно-судебным вопросам, а именно вознаграждения за заслуги и установление мер наказания за преступления. Он происходил из судейской семьи, был широко известен среди народа своей честностью и неподкупностью. После конфликта с новым жадным начальником был клеймён и сослан, по пути в ссылку его конвой был перебит разбойниками, после чего тот стал возглавлять их лагерь. Цзян Цзин Духоподобный Счетовод (*Цзян Цзин Шэнь Суаньцзы* 蒋敬神算子) начал отвечать за ведение учёта ценностей, продовольствия, а также приёма и выдачи их. Цзян Цзин провалил экзамен на учёную степень, после чего был вынужден взяться за оружие, славился искусным владением каллиграфией и счётом. Хоу Цзянь Обезьяна Загребущие Руки (*Хоу Цзянь Тун-би Юань* 侯健通臂猿)[40] помимо изготовления одежды стал отвечать за производство знамён и полотнищ. До присоединения к Ляншань служил портным в доме чиновника. Некрестьянское происхождение этих героев говорит само за себя. Большинство персонажей представляются скорее деклассированными элементами, которым после совершения преступления попросту некуда было пойти. Жёсткая иерархия в стане показывает нам высокую степень организованности восставших.

Но может быть, среди других разбойников были лица с крестьянским происхождением? В ходе перевода А. П. Рогачёв назвал Сун Цзяна и его семью «зажиточными крестьянами»: «Теперь вернёмся к Сун Цзяну. Он происходил из зажиточной крестьянской семьи. Зачем же в их доме было устроено подземное убежище?» [Ши 2008, т. 1, с. 352]. В оригинале читаем: «Говоря о Сун Цзяне, то был бы он усадебным крестьянином, [то] как же у него [мог] быть бы такой подвал?» «且说宋江他是个莊农之家，如何有这地窖子？»

[40] Прозвища ряда героев А. П. Рогачёв переводит иначе: *И чжихуа* – «Одинокий цветок», *Шэн шоу шу шэн* – «Волшебный писарь», *Юй би цзян* – «Чудесный гравёр», *Шэньсуаньцзы* – «Волшебный счётчик», *Тун би юань* – «Обезьяньи руки».

[Ши 2018, с. 283]. Далее автор романа рассказывает нам, что во времена империи Сун крупным чиновникам жилось легко, так как двор был коррумпирован, а на все посты назначались только родственники или богачи. У мелких служащих была непростая жизнь – за любой проступок их могли клеймить и сослать в далёкое место, а имущество описать и конфисковать. В подобных подземных убежищах служащий порой мог переждать свои бедствия. В 22-й главе романа Сун Цзян как раз прятался в таком подвале, в то время как в его доме находились стражники. Соответственно, автор полагает, что будь Сун Цзян крестьянином, то такой подвал ему был бы не нужен – это часть неспокойной жизни чиновничества.

Тем не менее по происхождению Сун был как раз из крестьян, об этом позволяет судить описание Сун Цина Железного Веера (*Сун Цин Те Шаньцзы* 宋清鐵扇子), младшего брата Сун Цзяна: «Потом, был братец, прозванием было Железный веер Сун Цин, [он] сам и его отец Сун *тайгун* занимались в деревне земледелием, проводили жизнь, ведая несколькими полями и садами» 下有一个兄弟，唤做鐵扇子宋清，自和他父亲宋太公在村中务农，守些田园过活 [Ши 2018, с. 226][41]. Таким образом, семья Сунов действительно была крестьянской, но, вероятно, достаточно зажиточной – имела собственные «несколько полей и садов» и могла себе позволить дать по крайней мере одному из сыновей образование (без него Сун Цзян никак не мог стать чиновником). Из всей его семьи крестьянином можно назвать только Сун Цина и его отца, однако тот не играл большой роли в сюжете романа. Но с точки зрения классового подхода (как и с точки зрения автора романа), Сун Цзян уже не мог считаться крестьянином, так как по своему роду деятельности относился к сословию чиновников.

Среди других персонажей мы можем найти разбойников крестьянского происхождения, которые жили в деревне (или родились там), но неизвестно, занимались ли они земледелием. Первый

[41] У А. П. Рогачёва: «У Сун Цзяна был младший брат по имени Сун Цин, по прозвищу “Железный веер”. Он жил в деревне со своим старым отцом, занимался сельским хозяйством и никогда не покидал деревни. Жили они на то, что получали со своего поля и огорода» [Ши 2008, т. 1, с. 278]. *Тайгун* 太公 – отец, также используется как вежливая форма обращения к чужому отцу.

герой, крестьянское происхождение которого нам известно, это Ли Куй. Он был родом из деревни (*цунь* 村) Байчжан 百丈, уезда Ишуй 沂水, области Ичжоу 沂州[42]. После совершения убийства в деревне он бежал и поселился в городе Цзянчжоу 江州[43], где начал служить стражником в местной тюрьме. Братья Юань (Юань Сяо-эр Тайсуй, Обосновавшийся на Земле (*Юань Сяо-эр Ли Ди Тайсуй* 阮小二立地太歲), Юань Сяо-у Второй Муж Короткая Жизнь (*Юань Сяо-у Дуань-мин Эр-лан* 阮小五短命二郎), Юань Сяо-ци Живой Яньло (*Юань Сяо-ци Хо Янь-ло* 阮小七活閻羅))[44] жили в деревне Шицзе 石碣[45], занимались рыболовством и тайными перевозками на озёрах у Ляншань. Другой разбойник по имени Тао Цзун-ван Девятихвостая Черепаха (*Тао Цзун-ван Цзю-вэй Гуй* 陶宗旺九尾龜) происходил из крестьянской семьи из города Гуанчжоу 光州[46]. Ши Юн Каменный Полководец (*Ши Юн Ши Цзянцзюнь* 石勇石將軍) был родом из области (*фу* 府) Дамин 大名[47], жил за счёт азартных игр. Герой по имени Бай Шэн Дневная Крыса (*Бай Шэн Бай-жи Шу* 白勝白日鼠) жил в деревне Аньлэ 安樂[48], постоянных занятий не имел. Всего, как мы видим, лишь семь персонажей романа были из крестьян, но даже и до превращения в разбойников они не занимались земледелием – перед нами классические деклассированные элементы. Оснований говорить о крестьянской природе выступления у нас, таким образом, нет, хотя, конечно, стан Ляншань не ограничивался 108 героями романа.

---

[42] В настоящее время деревни с таким названием в уезде Ишуй провинции Шаньдун нет, область Ичжоу была расформирована в 1913 г.

[43] В настоящее время город Цзюцзян 九江 провинции Цзянси.

[44] Прозвища братьев у А. П. Рогачёва: *Ли Ди Тайсуй* – «Бессмертный», *Дуань-мин Эр-лан* «Недолговечный», *Хо Янь-ло* «Свирепый князь ада». *Тайсуй* (букв. «Великий год») – в мифологии Китая занимает место бога времени, покровитель Юпитера (Суйсин 歲星). *Яньло* (санскр. Yama-rāja) – буддийский правитель ада, судья в загробном мире.

[45] В настоящее время деревня Бэйцзичэн 北吉城 волости (*сян* 鄉) Цзюсянь 舊縣 уезда Дунпин 東平 провинции Шаньдун.

[46] Ныне уезд Хуанчуань 潢川 городского округа Синьян 信陽 провинции Хэнань.

[47] В настоящее время уезд Дамин 大名 городского округа (*ши* 市) Ханьдань 邯鄲 провинции Хэбэй.

[48] Вероятнее всего, деревня сегодня является частью посёлка (*чжэнь* 鎮) Лоучжуан 樓莊 уезда Цао 曹 городского округа Хэцзэ провинции Шаньдун.

Второе, о чём мы хотели бы сказать, это жёсткая иерархия, которая существовала в лагере Ляншань. После смерти Чао Гая Сун Цзян стал полноправным главарём, приказы которого были обязательными для всех разбойников в лагере, а его авторитет – непререкаем. Это также отразилось в каменной плите, которая была послана Небом разбойникам в конце романа. Все 108 главных героев подразделялись на 36 звёзд-*тяньган* (*Тяньган сань-ши лю син* 天罡三十六星) и 72 звезды-*диша* (*Диша ци-ши эр син* 地煞七十二星)[49]. Разделение показывало иерархию в лагере: к 36 звёздам отнеслись наиболее важные персонажи романа, они обладали бóльшим авторитетом, чем персонажи, которые были отнесены к земным звёздам.

При этом не стоит забывать, что Сун Цзян неоднократно утверждал, что он не борется против императора. В романе Ли Куй дважды предлагает ему прорваться с боем в столицу, перебить всех сановников и захватить трон. Другие разбойники были вынуждены успокаивать Ли Куя, а Сун Цзян так гневался из-за его слов, что даже терял дар речи. Также вспомним главного антагониста произведения – это сановник Гао Цю 高俅. В романе Гао Цю представляется главным злодеем: он неоднократно строит козни против главных героев, отправляет под суд под вымышленным предлогом, а также является инициатором отправки против Ляншань правительственных войск. Интересно, что в последующей классической литературе Китая сохраняется подобное отношение к восставшим и Гао Цю. В романе XVII века «Цветы сливы в золотой вазе», который начинает своё повествование с рассказа о том, как У Сун убивает на перевале тигра, есть такие слова: «Так вот, в годы под девизом Мира и Порядка сунский император Хуэйцзун доверился четвёрке преступных сановников – своим фаворитам Гао Цю, Ян Цзяню, Тун Гуаню и Цай Цзину, которые навлекли на Поднебесную великую смуту. Люди забросили свои занятия, народ попал в безвыходное положение. Кишмя кишели разбойники. Взволновались живущие под Большой Медведицей, всполошился двор Вели-

[49] *Тяньган сань-ши лю син* и *Диша ци-ши эр син* А. П. Рогачёв перевёл как «Небесные» и «Земные звёзды».

ких Сунов и весь мир. Во всех концах империи поднялись разбойники: Сун Цзян – в Шаньдуне, Ван Цин – в Хуайси, Тянь Ху – в Хэбэе и Фан Ла – в Цзяннани. Эти самозванцы величали себя князьями, громили округа, грабили уезды, жгли и убивали. Только Сун Цзян в своих деяниях не расходился с велением Неба: искоренял неправедных, убивал продажных чиновников-казнокрадов, злодеев и клеветников» [Цветы сливы в золотой вазе 1994, т. 1, с. 83]. В этом и заключается суть восстания Сун Цзяна: император Китая является священной фигурой, но его окружают одни подлые чиновники, которые постоянно портят нашу жизнь, против них мы и сражаемся. Основываясь на анализе противников разбойников и вида восстания, мы также делаем вывод, что их движение не только не было крестьянским – оно фактически является антикрестьянским: среди лидеров восстания почти не было крестьян, немалое место в романе уделяется описанию борьбы разбойников с крупными землевладельческими семьями, они же часто вступают в мелкие конфликты с жителями деревень, нередко герои романа грабят крестьян (упоминавшиеся ранее примеры с участием Линь Чуна и Ли Куя подтверждают это). Лозунги борьбы за справедливость тут остаются не более чем лозунгами.

Основным же выводом в этой части является наше утверждение о том, что движение из романа «Речные заводи» является не крестьянским выступлением, а разбойничьей шайкой со своим собственным станом (укреплённым лагерем) в Ляншань. Советские же исследователи, опираясь на господствовавшую марксистскую идеологию, считали его одним из проявлений классовой борьбы, что не отражало реального характера событий и противоречило авторскому замыслу.

Заключение

В заключение мы попытаемся дать ответ на такой вопрос: если разбойники из Ляншань совсем не положительные герои, то почему рассказы о них столь популярны? Есть несколько причин, которые могут объяснить популярность романа «Речные заводи», а также историй про Сун Цзяна и других вольных людях.

Во-первых, невысокое происхождение большей части героев историй. Слушатели историй о Сун Цзяне видели в них понятных себе людей, которые были похожего происхождения и могли буквально встретиться читателю/слушателю на улице. В романе также присутствует ряд героев со знатным происхождением и интеллектуальных занятий, но это никак не влияло на общую популярность сюжетов о повстанцах и взаимоотношения внутри стана, так как все разбойники были связаны общим делом – к тому же, конечно, приключения принцев и аристократов, которые водят дружбу с простолюдинами, – сюжет ничуть не менее интересный.

Во-вторых, это лихость и своенравие героев. Они позволяли себе открыто выступать против несправедливых служителей власти (например, противостояние Линь Чуна с сановником Гао Цю, У Суна с чиновником Чжаном 張) и совершать преступления и даже злодейства, на которые бы не решился простой обыватель. Постоянная жизнь в бегах, которая была лишена ежедневных проблем, нравилась слушателям – они такую жизнь позволить себе не могли (и, скорее всего, и не хотели бы – но послушать про это им было интересно).

В-третьих, это корпоративность восставших. Несмотря на элитарный, закрытый характер стана в Ляншань, к ним мог присоединиться каждый, кто был готов бороться против «несправедливости». В стане вольный человек попадал в группу единомышленников, ему досталась бы доля от всех походов разбойников, он становился благородным (для своих). Если в пути он говорил, что принадлежит к лагерю Сун Цзяна, то многие встречные не посмели бы переходить дорогу такому человеку. В условиях общей беззащитности простого человека перед государством или криминалитетом членство в подобном объединении спасает и даёт некую гарантию на более счастливую и обеспеченную жизнь. Корпоративность восстания из Ляншань схожа с таким криминальным сообществом как мафия. А. Н. Сухов считает, что мафия – это «корпоративность, согласованность действий во имя групповых интересов» [Сухов 2013, с. 99]. В. В. Волков отмечает социокультурные корни мафии, которые также заметны в романе «Речные заводи»: «…всё поведение мафиозо или мужчины, стремящегося им стать, было

подчинено фанатической заботе о чести, завоеванию уважения в глазах сообщества путём использования насилия, а также контроля за соблюдением традиционных моральных норм и запретов. Это позволяло достигать высокого статуса, источником которого был объём общественного уважения, что в свою очередь позволяло занять господствующую политическую позицию» [Волков 2004, с. 20]. По мнению В. Волкова, любой человек, вне зависимости от профессии, мог стать членом мафии, что также подтверждает сходство стана разбойников с мафиозным сообществом: «…мафиозо мог иметь любой профессиональный статус. Формально он мог быть арендатором, пастухом, врачом, охранником или даже крестьянином, но благодаря своему поведению и соблюдению кодекса чести он становился "уважаемым человеком" и мог отправлять важнейшие политические функции (об этом ниже), постепенно меняя содержание деятельности, источник дохода и совершая восходящую мобильность» [Волков 2004, с. 20].

В-четвёртых, персонажи «Речных заводей» обладают самыми разнообразными навыками и умениями. Кто-то из героев умеет обращаться с боевыми топорами, плётками или копьём, некоторые же владеют в совершенстве даосской магией. Какому слушателю не будет интересно послушать про летающих воинов?

Популярности романа также способствовал тот факт, что он полностью написан на повседневном языке *байхуа* 白話 – что для литературы традиционного Китая было скорее исключением. При этом в художественном переводе А. П. Рогачёва (также, конечно, неслучайно) стиль языка романа заметно деформирован – грубые, даже вульгарные обороты, которыми изобилует повествование (это заметно даже по немногочисленным примерам, использованным нами в данной статье), в переводе старательно сглажены – таким образом, теряется явно предусмотренный автором контраст между стилем повествования и напыщенными, изысканными речами самих разбойников (особенно в беседах между собой). Конечно, такой «солёный» язык обладал живостью и яркостью, что не могло не способствовать росту популярности произведения.

Из анализа произведения также можно сделать вывод, что роман «Речные заводи», который чаще всего относится к авантюрно-

приключенческому произведению, можно также отнести и к криминальному жанру. Совокупность таких особенностей как наличие множества персонажей-преступников, описания их преступлений, реакций властей на них, вероятно, делает роман «Речные заводи» древнейшим китайским криминальным романом, однако этот вопрос требует специального, отдельного исследования. Герои произведения и их «заслуги» являются отнюдь не положительными, тем не менее они не перестают быть интересными для читателей.

Заканчивая статью, необходимо обобщить вышесказанное. В первой части мы затронули проблему благородства разбойника в романе «Речные заводи» – приведя примеры из произведения и аналогии мы пришли к выводу, что персонажи являются обычными преступниками, а не благородными героями. Далее мы выявили новый тип их противников, которые выступают в качестве представителей местной землевладельческой элиты. В третьей части мы уточняли тип восстания разбойников и пришли к выводу, что советское определение восстания является ошибочным, а разбойники даже занимаются антикрестьянской деятельностью. В заключительной части мы коснулись вопроса популярности романа и привели доводы, которые могут её объяснить. Всё это позволяет нам взглянуть на роман с новых ракурсов, а также начать его новую интерпретацию.

Источники и литература

1. Бокщанин, Непомнин 2015 – *Бокщанин А., Непомнин О.* Лики Срединного царства. Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. М.: Ломоносовъ, 2015. 432 с.

2. БСЭ 1973 – Большая Советская Энциклопедия: в 30 томах / Гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е / Т. 13. Конда-Кун. М.: Советская энциклопедия, 1973. 608 с.

3. Волков 2004 – *Волков В. В.* Мафия в зеркале социологии // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 3. С. 16–34.

4. Воскресенский 2008 – *Воскресенский Д. Н.* Повествовательная проза на языке байхуа // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / Ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература 2008. С. 93–109.

5. История Китая с древнейших времён… 2016 – История Китая с древнейших времён до начала XXI века: в 10 т. Т. IV. Период Пяти династий, империя Сун, государства Ляо, Цзинь, Си Ся (907–1279) / Отв. ред. И. Ф. Попова. М.: Наука – Восточная литература, 2016. С. 264.

6. Каминский 2010 – *Каминский Ф. А.* Казачество как специфичное явление отечественной истории // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 5. С. 144–147.

7. Панасюк 1954 – *Ло Гуань-чжун.* Троецарствие: роман в 2-х томах / Пер. В. А. Панасюка под ред. В. С. Колоколова. Подгот. текста, предисл. и коммент. Б. Л. Рифтина. М.: Государственное изд-во художественной лит-ры, 1954. 1584 с.

8. Пан 2008 – *Пан Ин.* Текстология китайского классического романа («Речные заводи» и «Сон в красном тереме») / Ред. Е. А. Серебряков. Составитель Т. А. Пан. СПб.: Нестор-История, 2008. 351 с.

9. Рифтин 1970 – *Рифтин Б. Л.* Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае: Устные и книжные версии «Троецарствия». М.: Наука, 1970. 482 с.

10. Рифтин 2004 – *Рифтин Б. Л.* Теория китайского романа: «Правила чтения "Троецарствия" Мао Цзун-гана» // Памятники литературной мысли Востока. М.: ИМЛИ РАН, 2004. 464 с. С. 335–382.

11. Рифтин 2006 – *Рифтин Б. Л.* Эпопея «Троецарствие» в иллюстрациях XVI–XVII вв. // Слово и мудрость Востока. М.: Наука, 2006. 582 с. С. 365–388.

12. Симоновская 1958 – *Симоновская Л. В.* Великая крестьянская война в Китае. 1628–1645 гг. М.: Учпедгиз, 1958. 111 с.

13. Словарь русского языка 1999 – Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: http://feb-web.ru/ feb/mas/mas-abc/default.asp (дата обращения 30.07.2022).

14. Смолин 1974 – *Смолин Г. Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины – первой четверти XII в. М.: Наука, 1974. 556 с.

15. Солженицын 2006 – *Солженицын А. И.* Архипелаг ГУЛАГ. 1918–1956. Опыт художественного исследования. III–IV. Екатеринбург: У-Фактория, 2006. 560 с.

16. Сухов 2013 – *Сухов А. Н.* Организованная преступность и коррупция // Человек: преступление и наказание. 2013. № 3. С. 99–101.

17. Сыма 1972 – *Сыма Цянь.* Исторические записки («Ши Цзи»): в 9 т. Т. 1 / Пер. с кит. и коммент. Р. В. Вяткина и В. С. Таскина; под общ. ред. Р. В. Вяткина; вступ. ст. М. В. Крюкова. М.: Наука, 1972. 440 с.

18. Рогачёв 1959 – *У Чэн-энь.* Путешествие на Запад. В 4-х томах / Пер. с кит., вступ. ст. и прим. А. Рогачёва; перевод стихов под ред. А. Адалис и И. Голубева. М.: Государственное изд-во художественной лит-ры, 1959. 1920 с.

19. Панасюк 1958 – *Цао Сюэцинь.* Сон в красном тереме: роман в 2 т. / Пер. с кит. В. Панасюка. М.: Художественная литература, 1958. 1760 с.

20. Цветы сливы в золотой вазе 1994 – Цзинь, Пин, Мэй, или Цветы сливы в золотой вазе: Роман. В 4-х т.: Пер. с кит. / Пер. В. С. Манухин и др.; сост. и отв. ред. А. И. Кобзев; вступит, ст. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, А. Д. Дикарёва и др.; прим. Д. Н. Воскресенского, О. М. Городецкой, В. С. Манухина и др. Иркутск: Улисс, 1994. Том 1. 1994. 448 с:

21. Шаламов 1998 – *Шаламов В. Т.* Собрание сочинений в четырёх томах. Т. 2. М.: Художественная литература, Вагриус, 1998. С. 11–40.

22. Ши 2008 – *Ши Найань.* Речные заводи. Роман в 2 томах / Пер. А. П. Рогачёва. Серия «Классическая китайская литература». М.: Эннеагон Пресс, 2008. 548 с., 688 с.

23. Ши 2018 – *Ши Найань* 施耐庵. Шуйхучжуань 水滸傳 («Речные заводи»). Пекин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ 人民文学出版社, 1997. 1314 с.

ORCID:0000-0001-7945-8353

*П. С. Одинокова**

Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна

Аннотация. В статье представлен перевод на русский язык трактата «Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна» («Юй чуан мань би» 雨窗漫筆), написанного одним из известных живописцев эпохи Цин Ван Юаньци 王原祁 (1642–1715). Трактат интересен как образец эстетической мысли ортодоксального направления живописи и может стать ключом к пониманию творчества Ван Юаньци.

Ключевые слова: Ван Юаньци, «Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна», Юй чуан мань би, эпоха Цин, китайская живопись

*Polina S. Odinokova***

Scattered Notes at a Rainy Window

Abstract. The article presents the Russian translation of the treatise “Scattered Notes at a Rainy Window” (Yu chuang man bi 雨窗漫筆) written by the Qing artist Wang Yuanqi (王原祁, 1642–1715). The treatise is of interest as an example of the Early Qing Orthodox School aesthetic thought and could be the key to understanding Wang Yuanqi’s painting.

Keywords: Wang Yuanqi, Scattered Notes at a Rainy Window, Yu chuang man bi, Qing, Chinese traditional painting

Трактат «Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна» (далее «Записки») написан художником начала Цин Ван Юаньци 王原祁 (1642–1715). Ван Юаньци начал рисовать и изучать

* ***Одинокова Полина Сергеевна***, преподаватель Высшей школы культурной политики и управления в гуманитарной сфере МГУ им. М. В. Ломоносова, polina.odinokova@gmail.com

** ***Odinokova Polina Sergeyevna***, Lecturer, Higher School of Policy in Culture and Administration in Humanities, Moscow State University, polina.odinokova@gmail.com

© Одинокова П. С., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

живопись ещё в детстве под руководством своего деда Ван Шиминя 王時敏 (1592–1680), известного мастера пейзажа. В двадцать девять лет выдержал экзамены на высшую учёную степень *цзиньши* и впоследствии сделал успешную карьеру чиновника – был избран членом академии Ханьлинь[1], занимался экспертизой и оценкой живописи и каллиграфии из дворцового собрания, составлял каталоги произведений и выполнял живописные работы по заказу императора.

Ван Юаньци работал в жанре пейзажа, его основным творческим методом стало «подражание древности» (*фан гу* 仿古). Воспитанный в духе традиций Дун Цичана 董其昌 (1555–1636)[2], он был приверженцем теории двух школ и искал вдохновения в живописи мастеров Южной школы (南宗 *Нань цзун*)[3]. Вместе с Ван Шимином и двумя другими художниками-однофамильцами, Ван Цзянем 王鑑 (1609–1677) и Ван Хуэем 王翬 (1632–1717), его традиционно включают в группу «Четыре Вана» (*Сы Ван* 四王)[4].

Точное время написания «Записок» неизвестно. Специалисты считают, что Ван Юаньци создал их не позднее 1705 г., когда ему было уже 64 года [Цзян 2010, с. 46]. Текст состоит из десяти абзацев, поэтому трактат также известен под названием «Десять положений о живописи» («Лунь хуа ши цзэ» 論畫十則). Ван Юаньци довольно традиционен, за основу «Записок» он берёт «Шесть зако-

[1] Академия Ханьлинь (*Ханьлинь шуюань* 翰林書院, досл. «лес кистей») в старом Китае совмещала функции культурного учреждения, императорской канцелярии и органа идеологического контроля. В эпоху Цин (1644–1911) при академии Ханьлинь осуществлялась подготовка сборников, антологий, словарей, энциклопедий.

[2] Дун Цичан – великий каллиграф, художник и теоретик живописи конца эпохи Мин (1368–1644), настаивал на особом значении художественного опыта прошлого, был наставником Ван Шиминя.

[3] На художественные круги XVII–XVIII вв. большое влияние оказала теория о разделении живописи на Южную и Северную школы (*Нань-бэй цзун* 南北宗), одним из авторов которой был Дун Цинчан. Деление было заимствовано у буддийского учения *чань*, однако проводилось не по географическому принципу. Начиная с эпохи Тан великих мастеров прошлого поделили на две школы. Несмотря на неочевидность критериев, на основе которых проводилось разделение, такая попытка переосмысления истории пейзажной живописи была принята многими художниками и теоретиками и получила широкое распространение в последующие эпохи. Сам Дун Цичан называл себя последователем Южной школы, благодаря его авторитету, с конца эпохи Мин большое внимание уделялось развитию традиций её мастеров.

[4] Термин «Четыре Вана» впервые появился в трактате Шэн Даши 盛大士 «Заметки о странствиях лёжа [среди] гор и долин» («Си шань во-ю лу» 谿山臥游錄) в XIX в.

нов [живописи]» (*лю фа* 六法)[5], выдвинутых в V в. художником и теоретиком живописи Се Хэ 謝赫, и ставит задачу растолковать их подрастающим поколениям художников. Особое внимание Ван Юаньци уделяет пятому закону, который говорит о важности композиционного построения произведения. Для того чтобы разъяснить основы композиции пейзажа, он впервые вводит в теорию живописи термин «драконовые вены» (*лун май* 龍脈)[6], заимствованный из *фэншуй* 風水 [Чжао 2010, с. 43].

Текст трактата публиковался в таких изданиях, как «Различные сочинения из Лоудуна» («Лоудун цза чжу» 婁東雜著)[7], «Собрание сочинений из палат Цуйлангань» («Цуйлангань гуань цуншу» 翠琅玕館叢書)[8], «Восемнадцать оценок живописи из павильона Циншоу» («Циншоу гэ ду-хуа ши-ба чжун» 清瘦閣讀畫十八種)[9], «Избранные рассуждения о живописи» («Лунь хуа цзияо» 論畫輯要).

На английский язык трактат был переведён шведским историком искусства Освальдом Сиреном [Siren 2005, p. 202–208]. На русский язык перевод отдельных фрагментов «Записок» выполнен С. Н. Соколовым-Ремизовым [Соколов-Ремизов 2000, с. 215–216].

Автор выражает благодарность редактору сборника, канд. филос. наук Н. В. Руденко за советы и ценные замечания при работе над данной статьёй.

Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна 雨窗漫筆

Шесть законов [живописи] древние обсудили в [мельчайших] подробностях. Однако, боюсь, последующие поколения

[5] «Шесть законов живописи» были сформулированы Се Хэ в трактате «Заметки о категориях старинной живописи» («Гу хуа пинь лу» 古畫品錄). Каждый закон представляет отдельный этап творческого процесса: 1. Одухотворённый ритм живого движения; 2. Структурный метод пользования кистью; 3. Соответствие изображения роду вещей; 4. Применение красок сообразно с объектом; 5. Соответственное расположение вещей; 6. Следование древности, копирование [Завадская 1975, с. 304].

[6] «Драконовыми венами» геоманты в Древнем Китае называли перепады горного рельефа.

[7] Серия издавалась в период Даогуан (1820–1850).

[8] Издано в 1888 г.

[9] Издано в 1900 г.

[художников] скованы предубеждениями, всё ещё не раскрыли [их] смысл[10], сомневаются и строят догадки, извращают [их суть][11]. Сегодня [возьмусь изложить] в общих чертах, как [на пространстве свитка] располагать [формы], [а также] работать кистью и тушью и наносить цвета, в соответствии с тем, как мне когда-то рассказывал покойный Фэнчан[12], и своё скромное мнение [тоже выскажу], чтобы представить [все] преимущества и недостатки[13]. После что было постигнуто [мною], полагается записать [в виде] беглых заметок[14].

六法，古人論之詳矣。但恐後學拘局成見，未發心裁，疑義意揣，翻成邪僻，今將經營位置，筆墨設色大意，就先奉常所傳及愚見言之，以識甘苦。後有所得，當隨筆錄出。

***

В конце эпохи Мин в живописи имелись скверные школы с порочной практикой, Чжэ[цзянская] – самая [худшая из них][15]. Что касается Умэньской[16] и Юньцзяньской[17] [школ и их] корифеев, таких как Вэнь [Чжэнмин][18] и Шэнь

[10] Смысл (*синь цай* 心裁) – букв. «сердечная выкройка».

[11] Извращают [их суть] (*фаньчэн се-пи* 翻成邪僻) – букв. «переворачивают [исходный смысл] до зловредного отклонения».

[12] *Фэнчан* 奉常 (церемониймейстер в императорском храме предков) – одно из прозвищ деда Ван Юаньци, которое он получил, потому что служил в Жертвенном приказе (*Тай-чан сы* 太常寺, букв. – Храм великого постоянства) при храме предков императора.

[13] Преимущества и недостатки (*гань ку* 甘苦) – букв. «сладости и горести».

[14] Беглые заметки (*суй би* 隨筆) – букв. «записанное следом», литературный жанр, эссе небольшого объёма, написанные в свободном стиле под вдохновением или по воспоминаниям.

[15] Чжэцзянская живописная школа, или школа Чжэ (*Чжэцзян хуа-пай* 浙江畫派), – школа живописи эпохи Мин (1368–1644), действовавшая в 1368–1566 гг., представители которой развивали традиции художников-академистов Южной Сун (1127–1279).

[16] Умэньская живописная школа, или школа У (*Умэнь хуа-пай* 吳門畫派), – школа живописи эпохи Мин, представители которой жили и работали в г. Сучжоу 蘇州 и развивали традиции мастеров эпох Сун (960–1279) и Юань (1271–1368).

[17] Юньцзянь – старое название Сунцзяна. Сунцзянская живописная школа (*Сунцзян хуа-пай* 松江畫派) – школа живописи конца эпохи Мин, которую возглавил Дун Цичан.

[18] Вэнь Чжэнмин 文徵明 (1479–1559) – каллиграф и поэт, один из известных мастеров живописи эпохи Мин.

[Чжоу][19], а также великого мастера Дун [Цичана], [то] подделки смешались [с их подлинниками], [старые] ошибки порождали [новые] ошибки, что привело к разрастанию пороков. Скверные привычки [живописных] школ Гуанлина[20] и Байся[21] ничем не отличаются от Чжэ[цзянской][22]. Имеющему устремления [в искусстве] кисти и туши следует их остерегаться.

明末畫中有習氣惡派，以浙派為最。至吳門雲間，大家如文沈，宗匠如董，贋本混淆，以訛傳訛，竟成流弊。廣陵白下，其惡習與浙派無異。有誌筆墨者，切須戒之。

***

«Замысел опережает кисть»[23] – вот главный секрет живописи! Когда занимаешься живописью и взялся за трубчатый [стержень кисти], необходимо пребывать в умиротворении, праздности, уюте и покое, полностью избавиться от вульгарных мыслей[24], [следует] молчаливо встать напротив шёлкового полотна, сконцентрировать дух и успокоить пневму, осмотреть верх и низ, разобраться, где левая и правая [половины], что будет внутри полотна, а что снаружи, [где пройдут] приходящие и уходящие дороги. [Нужно, чтобы] «в сердце[25] возник законченный [образ] бамбука»[26], а затем уже обмакивать кисть в тушь и [в задумчивости её] посасывать. Сначала [следует] утвердить энергопо-

[19] Шэнь Чжоу 沈周 (1427–1509) – художник, каллиграф и поэт, один из величайших живописцев эпохи Мин.

[20] Гуанлин – старое название Янчжоу 揚州.

[21] Байся – старое название Нанкина.

[22] Некоторые исследователи считают, что в этом отрывке содержится критика известного мастера живописи начала Цин Шитао 石濤 (1642–1707), который последние годы своей жизни провёл в Янчжоу [Сунь 2002, с. 85–86].

[23] Данное положение было вынесено в VI в. Ван Вэем 王維 в трактате «Рассуждения об изображении гор и вод» («Хуа шань шуй лунь» 畫山水論).

[24] Полностью избавиться от вульгарных мыслей (*сао-цзинь су чан* 掃盡俗腸) – букв. «вымести полностью вульгарное нутро».

[25] В сердце (*сюн* 胸) – букв. «в груди».

[26] Формула «в сердце возник законченный [образ] бамбука» (*сюн ю чэн-чжу* 胸有成竹) впервые появляется в эссе известного теоретика искусства Северной Сун Су Ши 蘇軾 (1037–1101) «Запись о нарисованном Вэнь Юйкэ склонившемся бамбуке из долины Юньдан» («Вэнь Юйкэ хуа Юньдан гу янь чжу цзи» 文與可畫篔簹谷偃竹記).

токи[27], а потом разграничить структуру [композиции], следом распределить разреженное и плотное, далее отделить тёмное от светлого. [Необходимо] варьировать удары [кистью], чтобы восток взывал, а запад [ему] откликался. [Тогда, подобно тому как] вода сама собою прокладывает русло и естественным путём собирается в озёра, [живопись] пропитает [всё] с исчерпывающей полнотой, без сомнений!
意在筆先，為畫中要訣。作畫於搦管時，須要安閑恬適，掃盡俗腸，默對素幅，凝神靜氣，看高下，審左右，幅內幅外，來路去路，胸有成竹，然後濡毫吮墨，先定氣勢，次分間架，次布疏密，次別濃淡，轉換敲擊，東呼西應，自然水到渠成，天然湊拍，其為淋漓盡致無疑矣。

Если не иметь хоть сколько-нибудь твёрдых убеждений, беспокоиться о выгоде и славе, [стремиться] лишь угодить зрителям, распределять и расставлять деревья и скалы, нагромождать одно за другим, манерно [заполнять] всё полотно [свитка], замысел [будет] рыхлым, это и есть [творение] вульгарной кисти. Нынешние люди не знакомы с принципами живописи, только и овладели [умением передавать] внешнее сходство. [Теперь живопись, написанную] сочными штрихами тёмной тушью, называют естественной, [написанную] тонкими штрихами бледной тушью, называют возвышенной и свободной, [а живопись, написанную] яркими красками деликатной кистью, называют великолепной. Однако принижать мудрость [предшествующих поколений] всегда неправильно. [Ведь] в итоге у древних расположение [форм] плотное, а [их] кисть и тушь свободны, нынешние люди располагают [формы] небрежно, а [их] кисть и тушь скованы. [Если] отнестись к вышесказанному с [должным] вниманием, то слащавость, несообразность, вульгарность

[27] Энергопотоки (*ци ши* 氣勢) – букв. «положения пневмы-*ци*». Данный вариант перевода в своё время был предложен В. Г. Белозёровой. *Ши* является одной из ключевых категорий китайского искусства. В теорию живописи она была привнесена из трактатов по каллиграфии. В. Г. Белозёрова определяет *ши* следующим образом: «Термин *ши* фиксировал конфигурации пространственного распределения энергии (*ци*)». Из-за разницы в культурной традиции сложно найти адекватные аналоги для перевода *ши* на европейские языки. Специалист по китайской эстетике Гао Цзяньпин считает, что его следует оставлять без перевода [Белозёрова 2013, с. 75–83].

и косность[28] не [потребуется] устранять – устранятся сами собою.

若毫無定見，利名心急，惟取悅人，布立樹石，逐塊堆砌，扭捏滿幅，意味索然，便為俗筆。今人不知畫理，但取形似，筆肥墨濃者，謂之渾厚；筆瘦墨淡者，謂之高逸；色豔筆嫩者，謂之明秀。而抑知皆非也。總之古人位置緊而筆墨鬆，今人位置懈而筆墨結。於此留心，則甜邪俗賴，不去而自去矣。

***

В живописи драконовые вены[29], открытие и закрытие[30], подъёмы и спуски хоть и наличествуют в древних законах [живописи], но не указывались [прежде в трактатах]. [Ван] Шигу[31] раскрыл и осветил [эти понятия], последующие поколения учеников знают, чему тщательно следовать. Однако, на мой взгляд, [если] не разобраться в двух словах – телесной сущности (*ти*) и деятельном проявлении (*юн*), учащемуся в итоге не с чего будет начать. Драконовые вены в живописи являются источником энергопотоков, [они бывают] косые и прямые, цельные и разрозненные, прерывистые и непрерывные, скрытые и явные – это и называется телесной сущностью. [Когда] открытие и закрытие [пронизывают свиток]

---

[28] Слащавость, несообразность, вульгарность и косность (*тянь, се, су, лай* 甜、邪、俗、賴) – четыре основных порока живописи, которые обозначил в трактате «Секреты написания гор и вод» («Хуа шань шуй цзюэ» 畫山水訣) юаньский мастер пейзажа Хуан Гунван 黃公望 (1269–1354).

[29] В Китае изгибы, подъёмы и спуски горных хребтов сравнивали с извивающимся телом дракона, а перепады горного рельефа в геомантии называли «драконовыми венами» и считали, что они могут оказывать влияние на судьбу и благополучие. Прообразами гор в китайских пейзажах были реально существующие горы, художники верили, что изображенные в пейзажах «драконовые вены» могут определять их судьбу, поэтому стремились передать не только внешний облик гор, но и благоприятный характер «драконовых вен». Таким образом понятие «драконовые вены» вошло в живописную практику [Чжао 2010, с. 40–41].

[30] Бинарные оппозиции «открытие» (*кай* 開) и «закрытие» (*хэ* 合) используются в живописи для описания композиции. Минский художник Шэнь Цзунцянь 沈宗騫 (1736–1820) считал, что на вертикальном свитке «открытию» соответствует его нижняя половина, с которой начинает художник, а верхняя половина, где он подводит итоги и заканчивает работу, соотносится с «закрытием». Пань Тяньшоу 潘天壽 (1897–1971) проводил параллель между «открытием» и «закрытием» в живописи и началом и окончанием литературного произведения, подробнее см. [Чжоу 2011, с. 198].

[31] Прозвище Ван Хуэя.

сверху донизу, «хозяева» и «гости»[32] отчётливы, то сходятся вместе, то разбредаются, горные пики кружат, дороги петляют, облака смыкаются, а воды разделяются, всё происходит отсюда. [Когда] подъёмы и спуски от ближнего к дальнему на переднем и заднем [планах] отчётливы, то возносятся ввысь, то выстраиваются вровень, [все] наклоны согласованы [друг с другом], а вершины, склоны и подножия гор[33] имеют равное значение, это и называется деятельным проявлением. Если знать о существовании драконовых вен, но не различать открытие и закрытие, подъёмы и спуски, это непременно приведёт к скованности и утрате энергопотоков. Если знать о существовании открытия и закрытия, подъёмов и спусков, но не основывать [их] на драконовых венах, это всё равно что заботясь о детях, потерять мать. Поэтому [если] сильно выворачивать драконовые вены – [это] породит изъяны, [если] открытия и закрытия закупорены [и] неглубоки – [это тоже] породит изъяны, [если] подъёмы и спуски неповоротливы [и] прерываются – [это также] породит изъяны.

畫中龍脈，開合起伏，古法雖備，未經標出。石穀闡明，後學知所矜式。然愚意以為不參體用二字，學者終無入手處。龍脈為畫中氣勢源頭，有斜有正，有渾有碎，有斷有續，有隱有現，謂之體也。開合從高至下，賓主曆然，有時結聚，有時澹蕩，峰回路轉，雲合水分，俱從此出。起伏由近及遠，向背分明，有時高聳，有時平修，欹側照應，山頭、山腹、山足，銖兩悉稱者，謂之用也。若知有龍脈，而不辨開合起伏，必至拘索失勢。知有開合起伏，而不本龍脈，是謂顧子失母。故強扭龍脈則生病，開合逼塞淺露則生病，起伏呆重漏缺則生病。

[Если] на всём свитке есть открытие и закрытие, [то] и в [каждой его] части также будут открытия и закрытия. [Если] на всём свитке есть подъёмы и спуски, [то] в [каждой его] части тоже будут подъёмы и спуски. Особое мастерство

[32] «Гости» и «хозяева» (*бинь чжу* 賓主) – один из приёмов построения композиции, впервые упоминается в трактате Ван Вэя «Рассуждения об изображении гор и вод». «Гости» и «хозяева» зависят от жанра произведения: так, в пейзаже «хозяевами» являются горы и воды, а «гостями» – деревья, камни, облака, туманы, люди, животные, постройки. В жанре «изображения людей», напротив, горы и воды являются «гостями», а люди – «хозяевами».

[33] Вершина, склон и подножие горы (*шань тоу, шань фу, шань цзу* 山頭、山腹、山足) – букв. «голова, брюхо и стопа горы».

заключается в переходах, соединениях, откликах и передачах, [благодаря которым] ограничивается излишнее и восполняется недостающее, драконовые [вены] становятся то косыми, то прямыми, то цельными, то разрозненными, то скрытыми, то явными, то прерывистыми, то непрерывными, оживают на пространстве [картины] – лишь тогда бывает подлинная живопись. Если суметь исходя из этого проникнуть [в самую суть], то маленькие фрагменты накопятся и образуют большие, как [в таком случае] не достичь пределов мастерства!
且通幅有開合，分股中亦有開合。通幅有起伏，分股中亦有起伏。尤妙在過接應帶間，製其有餘，補其不足，使龍之斜正渾碎，隱現斷續，活潑潑地於其中，方為真畫。如能從此參透，則小塊積成大塊焉，有不臻妙境者乎！

***

Создавая картину, следует всего лишь уделять внимание энергопотокам и внешним контурам, [для этого] не обязательно искать красивые пейзажи, также не обязательно ограничиваться старыми набросками. Если обретёшь метод для открытия и закрытия, подъёмов и спусков, то внешние контуры и энергопотоки тотчас соединятся, тогда в переходах и изломах горной системы искусный пейзаж возникнет естественным образом [и] непреднамеренно совпадёт с древними законами [живописи]. При изображении деревьев также имеются [определённые] законы структуры, то же самое [касается и деревьев], образующих леса.
作畫但須顧氣勢輪廓，不必求好景，亦不必拘舊稿。若於開合起伏得法，輪廓氣勢已合，則脈絡頓挫轉折處，天然妙景自出，暗合古法矣。畫樹亦有章法，成林亦然。

***

Копирование живописи не сравнится с её созерцанием. [Если вдруг вам] повстречалась подлинная работа древнего [мастера], [её следует], стремясь вверх, изучать и доискиваться. [Необходимо] рассмотреть, каков [её твёрдо] определённый замысел, как устроена композиция, как [то] появляются, [то] исчезают из вида [дороги], каковы побочное и главное, как расставлены и расположены [предметы], как работает кисть, как нанесена слоями тушь[34],

[34] Нанесена слоями тушь (*цзи мо* 積墨) – букв. «накоплена тушь».

[тогда вы] непременно обретёте для себя [в картине] некое выдающееся место, [которому при должном упорстве] и сами [после] длительного [времени] сможете соответствовать.

臨畫不如看畫。遇古人真本，向上研求，視其定意若何，結構若何，出入若何，偏正若何，安放若何，用筆若何，積墨若何，必於我有一出頭地處，久之自與吻合矣。

***

Древних [мастеров] Южной Сун и Северной Сун в каждую [эпоху] подразделяют на семейства. Однако внутри одного семейства каждый по-своему применяет драконовые вены, по-своему использует открытия и закрытия, подъёмы и спуски. Это является ключом, [благодаря которому] стиль[35] обретает силу, [его] нельзя не обдумать тщательно. К примеру, полную [первозданную] неразделённость [и] величие изначальной пневмы Дун [Юаня][36] [и] Цзюй[жаня][37] из [достойных] людей никто не смог постичь [от начала до конца]. Четыре мастера конца юаньской эпохи все самостоятельно изучали [их опыт]. У Шаньцяо[38] драконовые вены в большинстве [имеют] извивающийся облик, [а] у Чжунгуя[39] происходят из прямых [движений] кисти, у каждого [они] имеют ответвления и соединения, и следует доискиваться их сочетаний. Цзыцзю[40] же ни от чего не отрекался, ни к чему не был привязан, применяя – не применял, не применяя – применял, по сравнению с двумя [предыдущими] мастерами [его живопись] обладает своеобразием. Юньлинь[41] достиг наи-

[35] Стиль (*ци вэй* 氣味) – букв. «аромат пневмы».

[36] Дун Юань 董源 (900?–962?) – один из известнейших пейзажистов эпохи Пяти империй (907–960). В своих пейзажах использовал точки и штриховку «растрёпанная конопля» (*пима цунь* 披麻皴).

[37] Цзюйжань 巨然 (будд. монашеское имя, подлинное имя неизвестно) – ведущий художник-пейзажист X в., учился живописи у Дун Юаня.

[38] Шаньцяо 山樵 – прозвище Ван Мэна 王蒙 (1308–1385), известного мастера живописи эпохи Юань.

[39] Чжунгуй 仲圭 – второе имя У Чжэня 吳鎮 (1280–1354), известного мастера живописи эпохи Юань.

[40] Цзыцзю 子久 – второе имя Хуан Гунвана.

[41] Юньлинь 雲林 – псевдоним известного мастера эпохи Юань Ни Цзаня 倪瓚 (1301–1374).

высшей чистоты[42], в его уравновешенности и простоте есть благородство, а в краткости и лапидарности – утончённость и великолепие, в композиции и работе кистью [он] также вышел далеко за пределы [обыденного], среди четырёх [юаньских] мастеров [его живопись] принадлежит к первой категории исключительных [творений]. Покойный Фэнчан более всего черпал [творческие] силы из [живописи] Ни [Цзаня] и Хуан [Гунвана]. В своё время [он] глубоко обсуждал [их произведения] до мельчайших деталей, [так я] старательно разузнал то, что стало подспорьем в оценке и наслаждении [живописью].

古人南宋北宋，各分眷屬。然一家眷屬內，有各用龍脈處，有各用開合起伏處，是其氣味得力關頭也，不可不細心揣摩。如董巨全體渾淪，元氣磅礴，令人莫可端倪。元季四家，俱私淑之。山樵用龍脈多蜿蜒之致，仲圭以直筆出之，各有分合，須探索其配搭處。子久則不脫不粘，用而不用，不用而用，與兩家較有別致。雲林纖塵不染，平易中有矜貴，簡略中有精彩，又在章法筆法之外，為四家第一逸品。先奉常最得力倪黃，曾深言源委，謹識之，為鑒賞之助。

***

[Когда] работаешь кистью, избегай вертлявости, мягкости, твёрдости, избегай при тяжести неповоротливости, избегай при поспешности хаоса, избегай при ясности и чистоте лоска, избегай при густоте и смешанности беспорядка, также недопустимо намеренно выписывать красивые штрихи, намеренно нагромождать штрихи. Следует действовать легко и непринуждённо, через светлое проникать в тёмное, величественное [следует] сохранять, от слащавого и вульгарного – избавляться, тонкое и слабое – восполнять, а неповоротливое и тяжёлое – сокрушать. Также следует браться за кисть пребывая [в состоянии] между сосредоточенностью мысли и рассредоточенностью, тогда, выписывая изгибы и изломы, [подобные] коньку на кровле, не станешь её слугой. Приёмы туши и кисти [должны соответствовать] друг другу внешне и внутренне. Закон пяти [оттенков]

[42] Достиг наивысшей чистоты (*сяньчэнь бу жань* 纖塵不染) – букв. «ни пылинкой не был загрязнён».

туши[43] не подразумевает двусмысленности. В сущности, [закон] «одухотворённый ритм живого движения»[44] всецело в этом и заключается.

用筆忌滑、忌軟、忌硬，忌重而滯，忌率而混，忌明淨而膩，忌叢雜而亂。又不可有意著好筆，有意去累筆。從容不迫，由淡入濃，磊落者存之，甜俗者刪之，纖弱者足之，板重者破之。又須於下筆時，在著意不著意間，則觚棱轉折，自不為筆使。用墨用筆，相為表裏。五墨之法，非有二義。要之氣韻生動，端在是也。

***

Нанесение цвета – это то же, что и приёмы кисти, приёмы туши. Смысл в том, [чтобы цветом] восполнить недочёты кисти и туши [и] показать их изящество. Нынешние люди не понимают этой мысли, [в их живописи] и цвет, и кисть и тушь существуют сами по себе, не согласованы с положением гор и вод, не проникают в основу шёлка[45], видны лишь аляповатые красные и зелёные [пятна][46], достойные неприязни и отвращения, и только. Только не столь важно овладеть цветом, сколь важно овладеть пневмой, в тени и свете, ближнем и дальнем [она] постепенно пробудится и покажется, тогда цвет выступит из пневмы, не текучий [и] не застылый, естественно образует переплетения, [и] никак нельзя в [этом] деле следовать поспешному сердцу. Что касается тени и света, ясности и мглы, сияния утра и вечернего тумана, видов гор-

[43] Пять оттенков туши впервые упоминаются в трактате Чжан Яньюаня 張彥遠 (812/815–874/907) «Записи о прославленных художниках минувших эпох» («Лидай мин хуа-цзи» 歷代名畫記). Шкала туши включает в себя следующие оттенки: сухая тушь (*цзяо мо* 焦墨), тёмная, или густая, тушь (*нун мо* 濃墨), тяжёлая (*чжун мо* 重墨), или влажная, тушь (*ши мо* 濕墨), бледная тушь (*дань мо* 淡墨), светлая, или прозрачная, тушь (*цин мо* 清墨).

[44] Первый закон живописи Се Хэ допускает различные варианты толкования, поэтому его можно перевести по-разному. Здесь приводится перевод, выполненный Е. В. Завадской. В. В. Малявин переводит первый закон как: «созвучие энергий в движении жизни». Также существует множество других вариантов перевода на европейские языки, подробнее см. [Завадская 2001, с. 348–351].

[45] В основу шёлка (*цзюаньсу чжи гу* 絹素之骨) — букв. «в [самые] кости шёлка».

[46] В традиционной китайской живописи насчитывается пять основных цветов: чёрный, красный, зелёный, белый, жёлтый. Сочетание красного и зелёного цветов является контрастным и встречается довольно часто, особенно в жанре «цветы и птицы». Применение контрастных сочетаний требует от художника определённого вкуса и навыков.

ных отрогов и лесных пейзажей, то [здесь] тем более необходимо проявить сердечное [внимание]. Бледные и насыщенные [цвета] повсюду [должны] сочетаться, это обретается в сердце и не может определяться [каким бы то ни было] сложившимся законом.

設色即用筆用墨，意所以補筆墨之不足，顯筆墨之妙處。今人不解此意，色自為色，筆墨自為筆墨，不合山水之勢，不入絹素之骨，惟見紅綠火氣，可憎可厭而已。惟不重取色，專重取氣，於陰陽向背處，逐漸醒出，則色由氣發，不浮不滯，自然成文，非可以躁心從事也。至於陰陽顯晦，朝光暮靄，巒容樹色，更須於平時留心。淡妝濃抹，觸處相宜，是在心得，非成法之可定矣。

***

[Когда] создаёшь картину, в ней одинаково важны [внутренний] принцип, пневма и привлекательность, [та картина, которая] не обладает этими тремя [качествами], не войдёт в категорию утончённых, искусных, божественных [или] исключительных [творений]. Поэтому необходимо в обыденном стремиться к необычайному, в шёлковую вату завернуть железо[47], [а] пустое и наполненное [должны] порождать друг друга. Испокон веков художники встречались, чтобы друг с другом сопоставить законы, [если у мастера] не было ни малейшей мысли помимо сказанного, в таком случае говорили, [что у него] пневма грубого невежды. Если ученик уже ступил на путь [живописи] и стремится день за днём непрерывно совершенствовать своё мастерство[48], [он] должен среди строк и в [штрихах] туши мочь то, что [другие] не могут, и не мочь того, что [другие] могут, тогда [он] овладеет секретами[49] [живописи] эпох Сун и Юань и не сможет хоть сколько-нибудь удовлетвориться.

---

[47] В шёлковую вату завернуть железо (*мянь ли го те* 綿裏裹鐵) – готовое выражение (*чэнъюй* 成語), подразумевается, что несмотря на мягкий облик, в живописи должна присутствовать сила и решительность.

[48] Непрерывно совершенствовать своё мастерство (*гань тоу жи цзинь* 竿頭日進) – букв. «наконечник шеста ежедневно продвигать [в высоте]».

[49] Секретами (*саньмэй* 三昧) — букв. «самадхи», термин используемый в буддийской философии, обозначает состояние сосредоточенности сознания, впоследствии стал применяться в теории живописи в значении «секрет», «самая суть», подробнее см. [Чжоу 2011, с. 146].

作畫以理氣趣兼到為重，非是三者，不入精妙神逸之品。故必於平中求奇，綿裏裹鐵，虛實相生。古來作家相見，彼此合法，稍無言外意，便雲有傖夫氣。學者如已入門，務求竿頭日進，必於行間墨裏，能人之所不能，不能人之所能，方具宋元三昧，不可稍自足也。

Источники и литература

1. Белозёрова 2013 – *Белозёрова В. Г.* Роль категории *ши* в теории китайской каллиграфии и живописи // Восток, 2013. № 5. С. 75–83.

2. Ван Юаньци – *Ван Юаньци* 王原祁. Юй чуан мань би 雨窗漫笔 (Разрозненные записки [о живописи] у дождливого окна) // Электронная библиотека текстов на китайском языке Chinese Text Project. URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter= 811752&remap=gb (дата обращения: 21.12.2020).

3. Завадская 1975 – *Завадская Е. В.* Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975.

4. Завадская 2001 – *Завадская Е. В.* Слово о живописи из Сада с горчичное зерно. М.: Издательство В. Шевчук, 2001.

5. Соколов-Ремизов 2000 – *Соколов-Ремизов С. Н.* Восемь янчжоуских чудаков: из истории китайской живописи XVIII века. М.: ГИИ, 2000.

6. Сунь 2002 – *Сунь Шичан* 孙世昌. Шитао ишу шицзе 石涛艺术世界 (Мир искусства Шитао). Шэньян: Ляонин мэйшу чубаньшэ 辽宁美术出版社, 2002.

7. Цзян 2010 – *Цзян Чжицинь* 蒋志琴. Цун «Юйчуанмань би» дэ цзегоу кань Ван Юаньци дэ хуасюэ гуань 从“雨窗漫笔”的结构看王原祁的画学观 (Взгляд на теорию живописи Ван Юаньци через структуру «Разрозненных записок [о живописи] у дождливого окна») // Шу хуа шицзе 书画世界 (Мир каллиграфии и живописи). 2010. № 3. С. 45–47.

8. Чжао 2001 – *Чжао Цибинь* 赵启斌. Шаньшуй гэцзюй юй лунмай циши 山水格局与龙脉气势 (Структура пейзажа и энергопотоки драконовых вен) // Дуннань вэньхуа 东南文化 (Культура юго-востока). 2001. № 3. С. 40–45.

9. Чжоу 2011 – *Чжоу Цзиинь* 周积寅 (ред.) Чжунго хуалунь да цыдянь. 中国画论大词典 (Большой словарь теории китайской живописи). Нанкин: Дуннань дасюэ чубаньшэ 南京东南大学出版社, 2011.

10. Siren 2005 – *Siren O.* The Chinese on the Art of Painting: Texts by the Painter-Critics, from the Han through the Ch'ing Dynasties. N.Y.: Dover Publications, 2005.

ORCID: 0000-0001-9539-7853

И. Б. Бурдонов[*]

Путь стихотворения «Свет над морем»: от Ли Хуа до Гумилёва, по временам и странам

Аннотация. В статье прослеживается в обратном хронологическом порядке история одного стихотворения. Китайский переводчик, профессор Нанькайского университета Гу Юй 谷羽 обратил на него внимание, выполняя перевод неоконченной поэмы Николая Гумилёва «Два сна. Китайская поэма». Это встроенное стихотворение, озаглавленное «Стихи, прочитанные Тен-Веем». Сам Гумилёв указал, что это перевод с французского из книги Жюдит Готье (Judith Gautier) «Яшмовая книга» (Le Livre de jade), вышедшей в Париже в 1867 г. и переизданной в 1902 г. Там это стихотворение называется «Лунный свет в море» (Le Clair de lune dans la mer) и объявляется переводом с китайского стихотворения некоего Li-Su-Tchon (в издании 1867 г.) или Li-Oey с указанием китайских иероглифов *Ли Вэй* 李巍 (в издании 1902 г.). Однако такого поэта в Китае не было. Между тем японский исследователь Рю: Кэн 劉娟 изучал происхождение стихотворения Акутагавы Рюноскэ 芥川龍之介 «Лунный свет» (*Гэкко:* 月光) из книги «Пастельный дракон» (*Пасутэру но рю* パステルの龍). Это стихотворение также указано как перевод с французского того же стихотворения из книги Ж. Готье, которое переводил Н. Гумилёв. По мнению Рю: Кэна, автором китайского оригинала был танский поэт Ли Хуа 李華 (714–774). Учитывая, что перевод Ж. Готье весьма вольный и неполный (не переведена примерно треть китайского стихотворения), в конце статьи даётся русский подстрочник этого стихотворения, сделанный Гу Юем, и два поэтических перевода, выполненные автором статьи и Наталией Орловой.

Ключевые слова: перевод с китайского языка, Гу Юй, Николай Гумилёв, Жюдит Готье (Judith Gautier), Акутагава Рюноскэ, Ли Хуа

---

[*] ***Бурдонов Игорь Борисович***, д-р физ.-мат. наук, главный научный сотрудник отдела технологий программирования Института системного программирования РАН им. В. П. Иванникова (Москва), igorburdonov@yandex.ru

© Бурдонов И. Б., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

И. Б. Бурдонов[*]

The Path of One Poem: from Li Hua to Gumilyov, Through Times and Countries

Abstract. The article traces the history of one poem in reverse chronological order. Gu Yu 谷羽, a Chinese translator and a professor at Nankai University drew attention to this poem while translating Nikolai Gumilyov's unfinished poem "Two Dreams. Chinese poem". It is a built-in poem entitled «Verses read by Ten-Wei». Gumilev himself pointed out that this is a translation based on French from Judith Gautier's book "Le Livre de Jade", published in Paris in 1867 and republished in 1902. There this poem is called "Moonlight in the Sea" (Le Clair de Lune Dans la Mer) and is declared to be a translation from the Chinese of a poem by a certain Li-Su-Tchon (in the 1867 edition) or Li-Oey 李巍 (in the 1902 edition). However, there was no such poet in China. Japanese researcher Ryu Ken studied the origins of Akutagawa Ryunosuke 芥川龍之介 "Moonlight" (*yue guang* 月光) from the book "Pastel Dragon" (*pasuteru no ryu* パステルの龍). This poem is also indicated as a translation from French of the same poem from the book of J. Gaultier, which was translated by N. Gumilev. According to Ryu Ken, the Tang poet Li Hua 李華 (715–766) was the author of the Chinese original. Considering that J. Gaultier's translation is very free and incomplete (about a third of the Chinese poem has not been translated), this papers provides a Russian word-for-word translation of this poem by Gu Yu and two poetic translations made by present author and Natalia Orlova.

Keywords: translation from Chinese, Gu Yu, Nikolay Gumilev, Judith Gautier, Akutagawa Ryunosuke, Li Hua

Переводчик Гу Юй

4 января 2021 г. я получил письмо от профессора Гу Юя, в котором он пишет: «Сегодня перевел ещё одно интересное стихотворение поэта Гумилёва. Посылаю Вам посмотреть рукопись и прошу сделать замечания».

Справка [Гу Хэн-дун 2021; Нанькай цзяошоу 2019; Китайская академия перевода 2017; Институт иностранных языков 2019]: Гу

[*] ***Burdonov Igor Borisovich,*** Dr. Hab. (Physics and Mathematics), Chief Research Associate, Department of Programming Technology, V. P. Ivannikov Institute of System Programming RAS (Moscow), igorburdonov@yandex.ru

Юй 谷羽 (настоящее имя Гу Хэн-дун 谷恒东) – профессор Нанькайского университета в г. Тяньцзинь (КНР). Родился в 1940 г. в провинции Хэбэй. В 1965 г. окончил Нанькайский университет и стал преподавателем. В конце 70-х гг. начал читать лекции по русской литературе и переводить русскую поэзию. В конце 80-х гг. год стажировался в Ленинградском университете. В начале 90-х гг. вступил в Союз писателей города Тяньцзинь. В 2013 г. стал членом Санкт-Петербургского городского союза писателей. Издал сборники переводов с названиями: «Сборник стихотворений Пушкина» (*Пу-си-цзинь ши-сюань* 普希金诗选), «Любовная лирика Пушкина» (*Пу-си-цзинь ай-цин ши-сюань* 普希金爱情诗选), «Триста стихотворений русских поэтов» (*Э-ло-сы мин-ши 300 шоу* 俄罗斯名诗300首), «Полное собрание басен Крылова» (*Кэ-лэй-ло-фу юй-янь цюань-цзи* 克雷洛夫寓言全集), «Сборник стихотворений Фета» (*Фэй-тэ ши-сюань* 费特诗选), «Сборник стихотворений Бальмонта» (*Ба-эр-мэн-тэ ши-сюань* 巴尔蒙特诗选), «Сборник стихотворений Брюсова» (*Бу-лю-со-фу ши-сюань* 布留索夫诗选), «Сборник стихотворений Бунина» (*Бу-нин ши-сюань* 布宁诗选), «Сборник стихотворений Цветаевой» (*Цы-вэй-та-е-ва ши-сюань* 茨维塔耶娃诗选), «Сборник стихотворений Перелешина» (*Бе-ле-ле-шэнь ши-сюань* 别列列申诗选), «Сборник стихотворений Гамзатова» (*Га-му-цза-то-фу ши-сюань* 伽姆扎托夫诗选), «Сборник стихотворений Рождественского» (*Ло-жи-цзе-сы-тэ-вэнь-сы-цзи ши-сюань* 罗日杰斯特文斯基诗选). Перевел биографию Лихачёва и его «Письма о прекрасном и добром» (*Шань юй мэй шу-цзянь* 善与美书简), биографию Марины Цветаевой и др. В 1999 г. был награждён Министерством культуры РФ медалью Пушкина за многолетнюю литературную деятельность в области сближения культур России и Китая. Совместно с русскими синологами и поэтами переводил китайские древние и современные стихотворения с китайского на русский язык. В России вышли сборники «Три вершины, семь столетий», «Контуры ветра», «Сон о море» и др. [Три вершины 2017; Контуры ветра 2018; Чжан Цзыян 2019; Ли Бо 2019; Танские строфы 2019; Сунские стансы 2019; Юаньские напевы 2019; Современная поэзия 1 2020; Современная поэзия 2 2020; Современная поэзия поэтесс 2020].

Рис. 1. Гу Юй

Мы познакомились с Гу Юем сначала заочно 11 января 2019 г. Он нашёл в интернете мои стихи на китайские темы и начал их переводить. Так завязалась наша переписка. На сегодняшний день мы послали друг другу больше тысячи писем. Гу Юй перевел триста моих стихотворений.

В письме Гу Юя от 4 января 2021 г. речь шла о неоконченной поэме Николая Гумилёва (1886–1921) «Два сна». Тогда Гу Юй перевёл первый «сон». Я нашёл в интернете и послал ему русский текст второго «сна», который Гу Юй перевёл 6 января.

Николай Гумилёв. Поэма «Два сна»

В разных изданиях эта поэма имела разные названия: сначала – «В Китае» [Гумилёв Автограф 1], потом – «Два сна» [Гумилёв 1923, с. 115; Гумилёв 1926, с. 3; Гумилёв 1964, с. 249] или «Два сна» с подзаголовком «Китайская поэма» [Гумилёв Автограф 1; Гумилёв Автограф 2; Гумилёв 1999, с. 180; Гумилёв Два сна]. История этой поэмы довольно запутанная.

Датируется зимой-весной 1918 г. [Гумилёв 1923, с. 125]

Замысел «китайской поэмы» возник у Гумилёва, скорее всего, в Лондоне и Париже в момент работы над переводами из китайских поэтов, вошедшими позже в книгу «Фарфоровый павильон» [Гумилёв 1999, с. 435]. В Париже он был с июля 1917 г. по январь 1918 г., там познакомился с художниками М. Ф. Ларионовым (1881–1964) и Н. С. Гончаровой (1881–1962). В Лондоне Гумилёв был недолго перед Парижем, в июне 1917 г., и после Парижа, с января по апрель 1918 г.

Рис. 2. Николай Гумилёв

В Россию Гумилёв вернулся с уже завершённым текстом, по крайней мере первой главы [Гумилёв 1999, с. 437]. Сохранился рукописный автограф 1 в старой орфографии [Гумилёв Автограф 1]. Предполагалась публикация в издательстве «Творчество», принадлежавшем С. А. Абрамову. «Заглавие вычеркнуто другой рукой и заменено заглавием «Два сна. Китайская поэма» [Гумилёв 1999, с. 435]. «При приёме рукописи в работу, возможно, было проведено её обсуждение, результатом которого стала коррекция предложенного текста… Возможно также – хотя и достаточно спорно –

что название текста… было предложено Блоком» [Гумилёв 1999, с. 437]. Потом Гумилёв переписал (уже в правилах новой орфографии) текст, который и был принят к печати [Гумилёв Автограф 2], а сам продолжил работу над поэмой – и завершил её (если верить Георгию Иванову[1]) полностью [Гумилёв 1999, с. 437].

Затем текст «оказался утрачен»: либо уничтожен самим Гумилёвым (что маловероятно), либо потерян при разъездах с квартиры на квартиру в 1918–1920 гг. П. Н. Лукницкий[2] упоминает о некой рукописи «Двух снов», которая была передана во второй половине 1918 г. К. И. Чуковскому для публикации в «детском издательстве», где «затерялась». Возможно, текст был изъят при обыске [Гумилёв 1999, с. 437].

Так или иначе, Георгий Иванов, разбиравший архив Гумилёва после гибели поэта, нашёл только небольшой фрагмент, который и попал в «Посмертный сборник» 1922 г. Уже в следующем году вышло второе издание [Гумилёв 1923]; в примечании Иванов пишет: «Отрывок из детской поэмы (1918). Была написана целиком. Утрачена при жизни поэта» [Гумилёв 1923, с. 125]. Через пять лет, уже за границей, Иванов публикует второй фрагмент. В 1935 г. «Посмертный сборник» издан в Шанхае третьим изданием [Гумилёв 1935].

В 1964 г. в Вашингтоне Глеб Струве[3] публикует второй том четырёхтомного собрания сочинений Гумилёва, в который помещает отрывки из поэмы [Гумилёв 1964, с. 249–252]. В 1999 г. в Москве выходит третий том [Гумилёв 1999] десятитомного полного собрания сочинений Гумилёва, где также есть отрывки из поэмы «Два сна» [Гумилёв 1999, с. 180–185], а также подробные сведения об истории создания и публикации поэмы [Гумилёв 1999, с. 268–270, 435–438].

---

[1] Георгий Владимирович Ива́нов (1894–1958) – русский поэт, прозаик и публицист, переводчик, критик. Один из крупнейших поэтов русской эмиграции. Друг Гумилёва. Вместе с Гумилёвым был участником «Петроградской боевой организации Таганцева», при этом остался неразоблачённым.

[2] Павел Николаевич Лукницкий (1902–1973) – русский советский прозаик, поэт, журналист, собиратель материалов об Анне Ахматовой и Николае Гумилёве.

[3] Глеб Петрович Стру́ве (1898–1985) – русский поэт, литературный критик и литературовед, переводчик. Сын философа, историка, экономиста, общественного и политического деятеля П. Б. Струве.

Сравнение текстов поэмы «Два сна»

В таблице 1 сравниваются различные автографы и издания поэмы. Для 1-го «сна» за основу взят автограф 2 [Гумилёв Автограф 2], по которому печатался текст поэмы в третьем томе [Гумилёв 1999, с. 180–185] десятитомного полного собрания сочинений 1999 г. Для второго «сна» за основу взят текст из «Посмертного сборника» 1923 г. [Гумилёв 1923, с. 115–118], воспроизводимый в разделе «Другие редакции и варианты» [Гумилёв 1999, с. 268–270] в третьем томе десятитомного полного собрания сочинений 1999 г. Строки соответствуют строфам. Серым цветом помечены строфы, отсутствующие в том или ином тексте, перечёркнуты строфы 1-го «сна», отличающиеся от автографа 2, тёмно-серым помечены три строфы встроенного стихотворения, о котором речь пойдёт дальше.

Таблица 1

Сравнение различных текстов поэмы «Два сна»

№ строфы	**Автограф 1** **В Китае** начало поэмы	**Автограф 2** **Два сна** Китайская поэма	**Посмертный сборник** Г. Иванов Петроград 1923 **Два сна**	**2-й т. Собр. Соч. в 4-х т.** Г. Струве Вашингтон 1964 **Два сна** газета «Возрождение» Париж. 26.8.1926 **(сон 1)**
сон 1				
1.				
2.				
3.				
4.				
5.				
6.				
7.				
8.				
9.				
10.				
11.				

Продолжение табл. 1

12.				
13.				
14.				
15.				
16.				
17.				
18.				
19.				
20.				
21.				
22.				
23.				
24.				
25.				
26.				
27.				
28.				
29.				
30.				
31.				
32.				
33.				
34.				
35.				
36.				
37.				
38.				
сон 2				
1.				
2.				
3.				
4.				
5.				
6.				
7.				
8.				
9.				
10.				

Окончание табл. 1

11.				
12.				
13.				
14.				
15.				
16.				
17.				
18.				

Содержание поэмы «Два сна»

Появление «китайской поэмы» связано с определёнными эстетическими взглядами Гумилёва, которые он сформулировал в интервью Бечхоферу[4] в 1917 г. в Лондоне [Гумилёв 1999, с. 438]:

«Новая поэзия ищет простоты, ясности и точности выражения. Любопытно, что все эти тенденции невольно напоминают нам лучшие произведения китайских писателей, и интерес к последним явно растет в Англии, Франции и России».

О чём эта поэма?

Георгий Иванов не случайно назвал её «детской». Её главными героями являются дети: девочка по имени Лай-Це и мальчик по имени Тен-Вей. Ещё там есть домашний дракон, пять столетий охраняющий семью Лай-Це, в подземелье томится злодей, «за дерзость прозванный Манчжуром», отцы девочки и мальчика, китайские мандарины, принимают посла Тонкина (это Северный Вьетнам), Тен-Вей читает им стихи, девочка шалит, а посол успокаивает смущённого её шалостью отца, говоря:

Здесь, в мире горестей и бед,
В наш век и войн и революций,
Милей забав ребячих – нет,
Нет глубже – так учил Конфуций.

Это первый сон. А во втором сне Лай-Це выспрашивает дракона о приснившемся ей крокодиле, пристаёт к отцу с расспросами

[4] Карл Эрик Бечхофер (1894–1949) – британский журналист и писатель, адвокат-барристер. Встречается также передача его фамилии как Бехофер, Бехгофер, Бичхофер.

об Индии, вместе с Тен-Веем они играют, уходят всё дальше мимо опушки, мимо квадратов рисовых полей, через лесные просеки, и где-то там, в кустах, Лай-Це встречает как бы свою копию, девочку по имени Муаяни. И завершающие строки:

Она скользит среди растений,
Лай-Це за ней, они бегут,
И вот их принимают тени
В свой зачарованный приют.

Нужно отметить, что это имя, Муаяни, сохранилось только в четверостишии на отдельном листке бумаги в архиве Глеба Струве, а в самих двух снах поэмы этого имени нет. На том же листке из архива Струве есть ещё одно четверостишие [Гумилёв 1964, с. 249] и план поэмы из 10 глав [Гумилёв 1964, с. 342; Гумилёв 1999, с. 436], где также встречается имя Муаяни.

Таблица 2

План поэмы «Два сна» из архива Г. Струве

А в лёгком утреннем тумане
Над скалами береговыми
Ещё переливалось имя,
Звенело имя Муаяни.
Глава I. Утро. Домашний дракон, мальчик, мандарин.
Глава II. Сон о Муаяни.
Глава III. Печаль. Разговор об Индии (золотая гора). Дракон недоволен.
Глава IV. Приключения Муаяни.
Глава V. Побег Ю-Це [впоследствии Лай-Це. – *И.Б.*] с лодочниками.
Глава VI. Встреча с Муаяни. Возвращение.
Глава VII. Жизнь в павильоне.
Глава VIII. Возвращение Ли-Бо.
Глава IX. Опять сон о Муаяни (единорог и принц).
Глава X. Свадьба.
Вся в женских рифмах.

Из этого плана видно, что сохранившиеся две главы – это только начало поэмы. Кроме того, задумка написать всю поэму в женских рифмах[5] не была осуществлена [Гумилёв 1964, с. 342–343; Гумилёв 1999, с. 436].

[5] Женская рифма – рифма, в которой ударение падает на предпоследний слог рифмующихся слов

Два разных стихотворения

Но нас сейчас будет интересовать не вся поэма, а только небольшое встроенное стихотворение — то, которое читает Тен-Вей. Если сравнить два рукописных автографа 1 и 2, то мы увидим, что в этом месте в них даны два совершенно разных стихотворения:

Таблица 3

Два разных стихотворения

Автограф 1	Автограф 2: Стихи, прочитанные Тен-Веем
На карминные ущелья пролился огонь луны.	Луна уже покинула утёсы,
Покрывало водопада сплыло с серого утёса,	Прозрачным море золотом полно,
Лунный отсвет – точно воды, воды точно небеса,	И пьют друзья на лодке остроносой,
Холод утра воровато входит в сердце ненюфара.	Не торопясь, горячее вино.
Сон спокоен, лодка-лист легка,	Смотря, как тучи лёгкие проходят
Слабый ветер, рябь дрожит слегка,	Сквозь лунный столб, что в море отражён,
Вплоть до утра, берег-государь,	Одни из них мечтательно находят,
Двигай осень в шумы тростника.	Что это поезд богдыханских жён;
Воздух солнечный скрывает дождь осенний,	Другие верят – это к рощам рая
В туче тёмной слышен грохот запоздалый,	Уходят тени набожных людей;
Звук источника проглочен тёмным камнем,	А третьи с ними спорят, утверждая,
Прелесть солнца холодна в зелёных соснах.	Что это караваны лебедей.

Эти два стихотворения объединяют только темы луны, воды, утёса и туч или облаков. К тому же приписка «Стихи, прочитанные Тен-Веем» есть только во втором автографе. Но это не значит, что второе стихотворение написано позже первого. Более того, оно написано даже раньше самой поэмы. Как так может быть?

Альбом из архива Г. П. Струве (далее альбом)

Дело в том, что эти стихи появляются в рукописном альбоме [Гумилёв Альбом], в который Гумилёв мелким, тщательным почерком вписал 76 стихотворений. Названия выделены красными чернилами. Обложка – акварель работы Н. Гончаровой с её подписью и датой: 1916 г. [Гумилёв 1964, с. 273, обложка между с. 144–145].

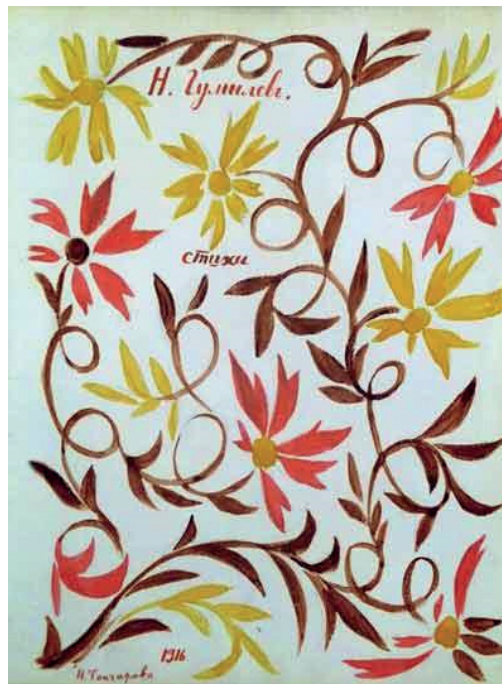

Рис. 3. Обложка «Альбома Струве». Акварель Н. Гончаровой

В это время Гончарова жила уже в Париже, но Гумилёв ещё был на фронте, некоторые стихи в альбоме помечены 1917 г. [Гумилёв 1964, например, с. 153], в котором он и встречался с Гончаровой [Гумилёв 1964, с. 323], так что тут некоторая загадка с датой.

Вот в этом альбоме и появляются первый раз «Стихи, прочитанные Тен-Веем», но под другим заглавием: «Лунный свет».

Текст отличается от того, который позже будет вписан в автограф 2. В табл. 4 различия отмечены жирным шрифтом.

Таблица 4

Два варианта одного стихотворения

Альбом. «Лунный свет»	Автограф 2
Луна уже покинула утёсы,	Луна уже покинула утёсы,
И море как серебряный поднос,	**Прозрачным море золотом полно,**
Друзья сидят на лодке остроносой,	**И пьют друзья** на лодке остроносой,
И жадно пьют горячее вино.	**Не торопясь,** горячее вино.
Смотря, как **тучки по утесам бродят**,	Смотря, как **тучи лёгкие проходят**
Сквозь **сонный мрак луною озарён**,	Сквозь **лунный столб, что в море отражён**,
Одни из них мечтательно находят,	Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жён;	Что это поезд богдыханских жён;
Которые там странствуют, блистая	**Другие верят – это к рощам рая**
Одеждой белоснежною своей;	**Уходят тени набожных людей;**
Другие с ними спорят, утверждая,	**А третьи** с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.	Что это караваны лебедей.

В этом альбоме отмечено, что стихотворение является переводом стихотворения Жюдит Готье, которое, в свою очередь, является переводом китайского стихотворения. Автором этого китайского стихотворения у Гумилёва назван Ли-Су-Чан. Кто такая Жюдит Готье и кто такой Ли-Су-Чан?

Жюдит Готье

Жюдит Готье (1845–1917) — французская поэтесса и романист. Дочь Теофиля Готье (1811–1872) [Judith Gautier]. Её называли китайской императрицей парижских салонов; она считалась музой Вагнера, Бодлера, Малларме, любовницей Виктора Гюго [Judith Gautier; Durá 1 2011]. Стала первой женщиной – членом Гонкуров-

ской академии[6] (второй куверт) в 1910 году [Judith Gautier; Осьминина 2018, с. 298]. В тот же год была награждена орденом Почётного легиона [Journal officiel 1910].

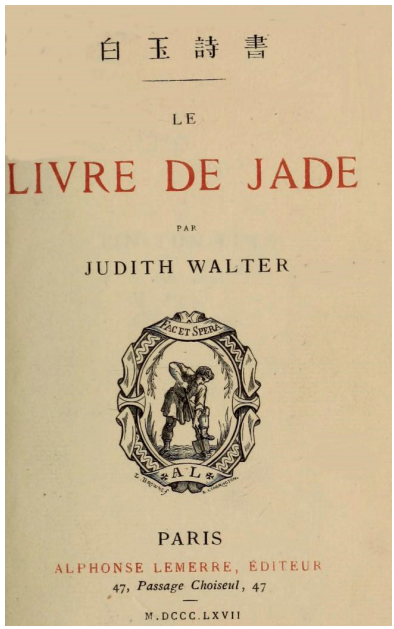

Рис. 4. Жюдит Готье

Жюдит начала изучать китайский язык в 1862 г., Теофиль Готье нашёл для неё учителя, китайца Дин Дунь-лина 丁敦齡. В 1867 г. (в возрасте 22 лет!) она выпустила первое издание «Яшмовой книги» под псевдонимом Judith Walter и с посвящением Дин Дунь-лину, «китайскому поэту» [Осьминина 2018, с. 298]. Оно включало 71 стихотворение на французском и указывалось, что это переводы китайских стихотворений разных авторов [Walter 1867]. Переиздано в 1902 г. под настоящим именем Жюдит Готье [Gautier

[6] Гонкуровская академия – литературное общество, основанное в 1900 г. по завещанию Эдмона де Гонкура (1822–1896), составленному в 1896-м, в котором он присоединялся к пожеланию своего умершего ранее брата Жюля. Гонкуровская академия ежегодно вручает премию за «творческое открытие в прозе, появившейся в этом году», каждому члену общества должно быть предоставлено равное вознаграждение.

1902]. Книга расширена до 110 стихотворений. На титуле заявлено, что публикация содержит переводы поэзии с китайского языка. Название по-китайски *Бай-юй Ши-шу* 白玉詩書 («Книга стихов из белой яшмы») сокращено до *Юй шу* 玉書 («Яшмовая книга»). Ниже –обложки этих изданий (рис. 5, 6).

白 玉 詩 書

LE

LIVRE DE JADE

PAR

JUDITH WALTER

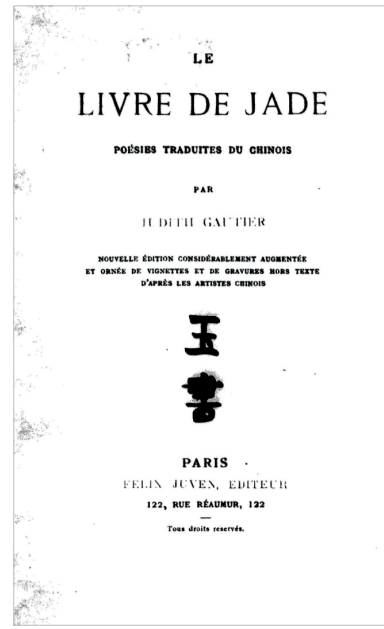
PARIS

ALPHONSE LEMERRE, ÉDITEUR

47, Passage Choiseul, 47

M.DCCC.LXVII

Рис. 5. «Яшмовая книга» 1867 г.

LE

LIVRE DE JADE

POÉSIES TRADUITES DU CHINOIS

PAR

JUDITH GAUTIER

NOUVELLE ÉDITION CONSIDÉRABLEMENT AUGMENTÉE ET ORNÉE DE VIGNETTES ET DE GRAVURES HORS TEXTE D'APRÈS LES ARTISTES CHINOIS

玉

書

PARIS

FELIX JUVEN, ÉDITEUR

122, RUE RÉAUMUR, 122

Tous droits reservés.

Рис. 6. «Яшмовая книга» 1902 г.

Оценка «Яшмовой книги» и её значение

К моменту первого издания в 1867 г. во Франции д'Эрве де Сен-Дени[7] выпустил переводы танской поэзии «Poésies de l'époque

[7] Мари-Жан-Леон Лекок, барон д'Эрве де Юшеро, маркиз д'Эрве де Сен-Дени (1822–1892) – известный в XIX в. французский интеллектуал, филолог, синолог-самоучка, третий заведующий кафедрой китайского языка Коллеж де Франс (1874–1892), с 1878 г. – действительный член Академии надписей и изящной словесности (Académie des Inscriptions et de Belles-Lettres). Наставник археолога и синолога Эдуара Шаванна (1865–1918), передавший последнему заведование кафедрой в Коллеж де Франс.

des Thang» («Стихи эпохи Тан») в 1862 г. Позже в 1896 г. С. Куврёр[8] (1835–1919) перевёл на французский язык древний «Канон стихов» (*Ши цзин* 詩經). Эти переводы по своему качеству не то чтобы отличаются от переводов в «Яшмовой книге» Жюдит Готье – они несопоставимы [Осьминина 2018, с. 297].

Академик В. М. Алексеев (1881–1951) отнёс переводы д'Эрве де Сен-Дени к «образцам точнейших и обстоятельнейших переводов» [Осьминина 2018, с. 297]. Тексты Сен-Дени снабжены предисловием и комментарием переводчика к каждому стихотворению, отсылкой к имеющимся переводам на английский язык. А книгу Готье Алексеев отнёс к категории «переводов-фальсификаторов», «экзотических переводов». Дело в том, что Готье трансформирует текст.

Вывод Алексеева: «…помимо знатоков китайского языка на эти же "переводы" устремились и незнающие язык и побуждаемые, очевидно, экзотикой вроде Юдифь Готье. Как и можно было представить, последние оказались бóльшими китайцами, чем сами китайцы, упорно стараясь договорить то, чего китаец не сказал. Сочинительство под китайца госпожи Готье оказало влияние на поэтическую продукцию поэтов экзотистов (например, "Фарфоровый павильон" Н. С. Гумилёва), которые, чувствуя ведущую их руку, дают себе, конечно, ещё бóльшую волю: так создаётся экзотика китайщины (chinoiserie)» [Осьминина 2018, с.297].

В 2006 г. переводчик и исследователь Фердинанд Стоке (Ferdinand Stocès) подверг сомнению аутентичность китайских источников французских переводов Готье: по его данным, в издании 1902 г. 22 из 110 стихотворений и правда были переводами с китайского, 25 были «заимствованы» из переводов Эрве де Сен-Дени или вдохновлены ими, остальные – вариации на китайские темы [Stocès 2006; Осьминина 2018, с. 299]. Примечательно, что в изданиях «Яшмовой книги» после 1902 г. (1928 г. и 1933 г.) снят гордый подзаголовок «Стихи, переведённые с китайского Жюдит Готье» [Stocès 2006]. Ф. Стоке писал: «В самом деле, многие стихи из "Яшмовой книги" были переведены и переперевedены на различ-

[8] Серафин Куврёр (1835–1919) – французский миссионер-синолог, специалист по лексикографии и переводу. Монах Ордена иезуитов. Дважды удостоен синологической награды Жюльена (1891, 1895).

ные языки компиляторами, часто более заботящимися о поэзии, чем синологи, и именно эту "китайскую" поэзию широкая публика начала любить» [Stocès 2006; Осьминина 2018, с. 304]. Так же считает и японский исследователь Рю: Кэн (Ryu Ken) [Ryu Ken 2018, p. 3]: «80% стихов в "Яшмовой книге" следует понимать как собственное творение мадам [Готье]».

Тем не менее именно европейская понятность в сочетании с азиатской экзотикой определили популярность сборника Ж. Готье. Эта книга впервые представила китайскую поэзию во Франции широкой публике и была широко переведена за границей. Есть большая доля истины в словах испаноязычного блогера Мануэля Дурá [Durá 1 2011]: «Любая история восприятия китайской культуры и литературы на Западе должна быть сосредоточена на фигуре Жюдит Готье и малоизвестного китайского литератора, который определил её жизнь: её наставника и учителя Дин Дунь-лина».

Готье и Дин Дунь-лин

В издании «Яшмовой книги» 1902 г. [Gautier 1902, p. 45] к французскому написанию имени Дин Дунь-лина «Tin-Tun-Ling» добавлены китайские иероглифы 丁敦齡. Он родился в Кантоне в 1830 г. (здесь и далее по [Durá 1 2011; Tin-tun-ling; Лю Чжи-ся 2013]). Получил низшую учёную степень *сюцая* 秀才. Остальная часть его жизни в Китае известна мало, но есть один факт, который кажется неоспоримым: жизнь Дин Дунь-лина была в опасности, и изгнание было его единственным способом избежать верной смерти. Мюриэль Детри, преподаватель общей и сравнительной литературы в Университете «Париж III Новая Сорбонна» (Paris 3 – Sorbonne-Nouvelle) утверждает, что Дин Дунь-лин наверняка был замешан в восстании тайпинов [Détrie 1989, p. 305; Yu 2007, p. 480; Durá 1 2011].

С помощью французского миссионера Жозефа Мари Каллери (1810–1862) Дин Дунь-лин обращается в христианство, и они вместе перебираются из Китая во Францию. Они хотят составить французско-китайский словарь, но через несколько недель после прибытия в Париж Каллери умирает и Дин Дунь-лин остаётся без средств к существованию.

Тут-то его и встречает Теофиль Готье, берёт жить к себе в дом и делает наставником своей дочери. Это был не просто альтруистический акт, Теофиль Готье сам увлекался всякой экзотикой, в том числе и Китаем.

Жюдит, которой тогда было 17 (или 18) лет, вскоре обнаружила, что, несмотря на свою внешность, в душе она китаянка, и не просто китаянка, а ни много ни мало «реинкарнация китайской принцессы» [Durá 1 2011; Tin-tun-ling]. Конечно, это было не нарушение психики, а скорее игра творческого воображения юной девушки, увлечённой экзотикой далёкой страны. Дин Дунь-лину была поставлена трудная задача: он должен был стать не только наставником Жюдит, учителем китайского языка и культуры и проводником в воображаемых путешествиях по Китаю, но и освободить душу китаянки, застрявшую в теле француженки. Миссия, которую Теофиль Готье доверил своей дочери, была не менее сложной: «Разгадай этого жёлтого человека и узнай, что скрывает его загадочный мозг».

Рис. 7. Дин Дунь-лин. Париж. 1869 г.

Рис. 8. Теофиль Готье

Дин Дунь-лин стал известен в парижских кругах, но лишь как некая экзотика. По словам Мануэля Дура, как цветок лотоса в петлице модников, которые гуляли с черепахами по улицам Парижа; ещё одна диковина *шинуазри*, которыми украшали себя вращающиеся в литературных кругах. Его называли «китаец Теофиля Готье». Кроме этого, о нём мало что известно. Лишь один раз он приобрёл короткую, но нежелательную известность: был арестован по обвинению в двоежёнстве. За несколько лет до этого он женился на некой Кэролайн Джули. Когда она узнала, что в Китае у её мужа есть ещё одна жена, она решила урегулировать этот вопрос в суде. Жюдит Готье выступила свидетелем и предоставила перевод китайского юридического текста, где было сказано: если в течение трёх лет муж не получал известий от своей жены, брак терял силу. Интересный случай сравнительного правоведения.

Дин Дунь-лин умер в 1886 г., но и после его смерти Ж. Готье оставалась верна своему учителю. Сюзанна Мейер-Зундель[9] рассказывала, что в последние годы Жюдит почти каждый день вспоминала уроки китайского и истории о стране из своих фантазий, которыми таинственный китайский учитель освещал её юность.

Жюдит Готье и Хам Нги[10]

На рис. 9 фотография общего надгробного камня Ж. Готье и С. Мейер-Зундель с надписями китайскими иероглифами. История этих надписей очень интересна. Можно было бы подумать, что они связаны с Дин Дунь-лином, но это не так (разве что сам факт использования китайских иероглифов). На самом деле надписи связаны с последним (после Вагнера) увлечением Жюдит Готье.

Этим увлечением стал Вьетнам, а точнее император Хам Нги – восьмой император Вьетнама из династии Нгуен (1872–1943, здесь и далее [Нгуен Нгок Зяо 2008; Hugot 2019]). Он правил всего один

[9] Сюзанна Мейер-Зундель (1882–1971), подруга и ученица Жюдит Готье, с которой Жюдит Готье провела последние годы своей жизни в своём доме в Сент-Эногате, которой в 1917 г. завещала этот дом и с которой у неё, возможно, была любовная связь [Judith Gautier].

[10] Редколлегия и автор выражают глубокую признательность Е. В. Гордиенко за помощь в редактуре данного раздела. – *Ред.*

год (со 2 августа 1884 г. по 19 сентября 1885 г.). 4 июля 1885 г. вспыхнуло общенациональное восстание против французов, которое было быстро подавлено, а Хам Нги и его сподвижники скрылись в джунглях Лаоса. Пока они вели партизанскую войну против французских оккупационных сил, французы низложили Хам Нги и возвели на престол его брата Донг Кханя. В ноябре 1888 года Хам Нги был схвачен французами и 12 декабря 1888 года сослан в Алжир.

Рис. 9. Могила Жюдит Готье

В Алжире Хам Нги стал художником и скульптором [Нгуен Нгок Зяо 2008; Фам Чонг Тянь 2015]. Он писал картины в технике западной живописи, но с вьетнамским колоритом. Был близким другом Родена. Его картины и скульптуры были выставлены впервые – и, возможно, единственный раз – в Париже в 1926 году. Татьяна Щепкина-Куперник[11] встретилась в Алжире с Хам Нги, подружилась с ним и написала очерк «Принц Ли Тзонг» [Никулин 2004, с. 10, 151–157].

[11] Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874–1952) – русская и советская писательница, драматург, поэтесса и переводчица.

Рис. 10. Хам Нги

Жюдит Готье познакомилась с Хам Нги 12 июня 1900 года. Сохранились письма, которыми они обменивались друг с другом. Судя по этим письмам, между ними завязалась нежная дружба. Можно предположить, что Жюдит влюбилась в Хам Нги. Она посылает ему стихи, в том числе акростихи, в которых по первым буквам прочитывались слова «Prince d' Annam» (принц Аннама[12]), «Teu Soune» (так иногда Хам Нги писал своё личное, не тронное имя Ты Суан) и даже «Bouddha» (Будда) [Hugot 2019].

Но всё же Жюдит старше на 27 лет, и Хам Нги женится на французской алжирке по имени Марсель Лалоэ 4 ноября 1904 г. У них было трое детей: принц Минь Дык, принцесса Ньы Май и принцесса Ньы Ли. Тем не менее Ж. Готье и Хам Нги продолжают переписываться и встречаться. Хам Нги несколько раз приезжает

[12] Анна́м (кит. Аньнань 安南 «Умиротворённый юг»), также Протекторат Аннам – невьетнамское наименование территории, занимавшей северную часть современного Вьетнама в период китайской колонизации (679–757 и 766–866) и центральную часть современного Вьетнама в период французской колонизации Индокитая 1887–1945 гг.

к Жюдит в Сент-Эногат вместе с семьёй и проводит там несколько летних месяцев. Когда Жюдит умирает, Хам Нги пишет Сюзанне Мейер-Зундель: «...моя боль настолько сильна, что я не могу поверить, что нашего изысканного друга больше нет». А на следующий год он присылает Сюзанне эпитафию в китайских иероглифах, которую размещают на надгробном камне.

В правом верхнем углу написано 日來天 – «Солнце восходит в небо». Этими словами Хам Нги выражает своё отношение к Жюдит Готье. А в левом нижнем углу надпись в два столбца нуждается в специальной расшифровке. В правом столбце надпись 我麻依嘉 имеет вьетнамскую транскрипцию *нга ма и зя* (в южном диалекте *зя* произносится как *йа*). Слово *нга* (我, в транскрипции Палладия *во*) означает «я» или «моей». Следующие три слова – фонетическая транслитерация прозвища «Майя», которым некоторые из ближайших друзей Жюдит Готье называли её в последние годы её жизни. В левом столбце надпись 子春拜 транскрибируется как *ты суан баи*. Ты Суан – имя Хам Нги. Иероглиф *баи* 拜 означает «кланяться», «преклоняться», «с почтением» и т. п. Всё вместе можно перевести так: «Здесь покоится Майя, ей кланяется Ты Суан» или, буквальнее, «Кланяюсь моей Майе. Ты Суан» [Нгуен Нгок Зяо 2008; Hugot 2019].

После смерти Жюдит дружбу с Хам Нги поддерживала Сюзанна Мейер-Зундель вплоть до его смерти, а после смерти Сюзанны надгробный камень стал общим для неё и Ж. Готье.

Стихи Дин Дунь-лина

Но вернёмся к «Яшмовой книге». В издании 1867 г. написано: «эта книга посвящена Дин Дунь-лину». Более того, в оба издания, 1867 и 1902 гг., включены три стихотворения самого Дин Дунь-лина. Его имя идёт в одном ряду с именами великих поэтов: Ли Бо (Бай) 李白 (701–762/763), Ду Фу 杜甫 (712–770), Су Ши 蘇軾 (1037–1101), Ли Цин-чжао 李清照 (1084–1155) и др. Это, конечно, вызвало недоумение у китайцев. Известный учёный Цянь Чжун-шу 钱锺书 (1910–1998) писал: «Дин Дунь-лин не знает стыда» (из письма Гу Юя автору статьи, см. также [Цянь Чжун-шу 1998, с. 373; Цянь Чжун-шу 2020, глава 9]).

Но суровая оценка Цянь Чжун-шу – не окончательный приговор. В 2013 г. учёный и литератор Лю Чжи-ся 刘志侠 публикует пространную статью о жизни Дин Дунь-лина во Франции, которую завершает такими словами: «Он не герой, не великий писатель и не гений. Если бы у других учёных был его опыт, они могли бы добиться больших достижений, но случайность истории позволила ему сыграть неожиданную роль. Он был похоронен в чужой стране за тысячи миль от родины, и его могила давно потеряна. Хотя его имя записано в истории французской литературы, китайцам он не знаком. Пришло время восстановить его истинный образ на основе реальных исторических документов, чтобы его душа, живущая за границей, могла вернуться на родину» [Лю Чжи-ся 2013].

Об этом мне написал профессор Гу Юй и добавил от себя: «Теперь мне кажется, Дин Дунь-лин нормальный человек и неплохой учитель китайского языка. Он также поэт и писатель. Он создал даже три пьесы и выступал со сцены. У китайцев есть поговорка *цзянь-тин цзэ мин, пянь-тин цзэ ань* 兼听则明，偏听则暗 (выслушиваешь всесторонне – тогда просветляешься, выслушиваешь однобоко – тогда помрачаешься). Когда я ознакомился со статьёй Лю Чжи-ся, у меня возник новый взгляд. Цянь Чжун-шу необязательно всегда прав, хоть он и мастер».

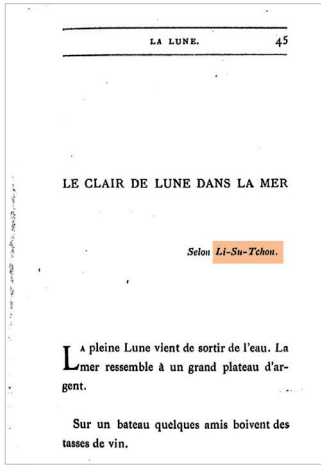
И европейцами стихи Дин Дунь-лина не воспринимались как нечто постороннее. Одно из них перевёл на русский язык Игорь Северянин (1887–1941) [Северянин 1912].

Таблица 5

Стихотворение Дин Дунь-лина

Judith Gautier **L'ombre des feuilles d'oranger** *Selon Tin-Tun-Ling.*	**Игорь Северянин** **Тень апельсинной ветки** *Из Тин-Тун-Линг*
La jeune fille qui travaille tout le jour dans sa chambre solitaire est doucement émue si elle entend tout à coup le son d'une flûte de jade; Et elle s'imagine qu'elle entend la voix d'un jeune garçon.	Одиночила в комнате девушка. Взволновали её звуки флейты, – Голос юноши в них… Голос, чей ты? О, застынь в напряжённой мечте ушко!

À travers le papier des fenêtres, l'ombre des feuilles d'oranger vient s'asseoir sur ses genoux; Et elle s'imagine que quelqu'un a déchiré sa robe de soie.	Чья-то тень на колени к ней падает, – Из окна апельсинная ветка. «Разорвал кто-то платье мне метко», Грезит девушка с тайной отрадою… Веймарн, мыза «Пустомержа». Август 1912

LA LUNE. 45

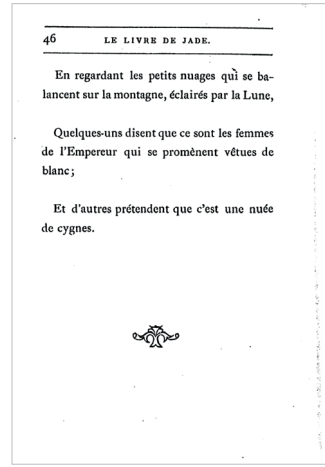
LE CLAIR DE LUNE DANS LA MER

Selon Li-Su-Tchou.

La pleine Lune vient de sortir de l'eau. La mer ressemble à un grand plateau d'argent.

Sur un bateau quelques amis boivent des tasses de vin.

Рис. 11. Первая страница (1867 г.)

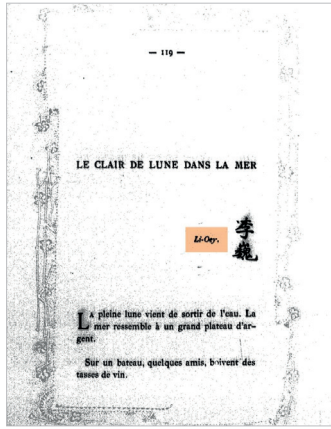
46 LE LIVRE DE JADE.

En regardant les petits nuages qui se balancent sur la montagne, éclairés par la Lune,

Quelques-uns disent que ce sont les femmes de l'Empereur qui se promènent vêtues de blanc;

Et d'autres prétendent que c'est une nuée de cygnes.

Рис. 12. Вторая страница (1867 г.)

— 119 —

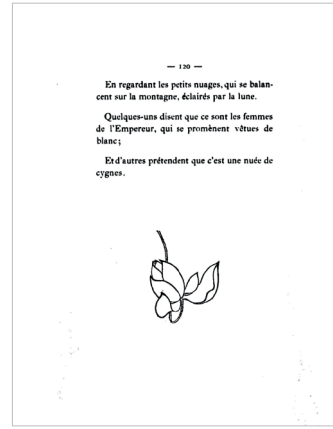
LE CLAIR DE LUNE DANS LA MER

Li-Ogy. 李龜

La pleine lune vient de sortir de l'eau. La mer ressemble à un grand plateau d'argent.

Sur un bateau, quelques amis, boivent des tasses de vin.

Рис. 13. Первая страница (1902 г.)

— 120 —

En regardant les petits nuages, qui se balancent sur la montagne, éclairés par la lune.

Quelques-uns disent que ce sont les femmes de l'Empereur, qui se promènent vêtues de blanc;

Et d'autres prétendent que c'est une nuée de cygnes.

Рис. 14. Вторая страница (1902 г.)

Но нас будет интересовать то стихотворение, которое переводил Н. Гумилёв. Выше представлены страницы двух изданий «Яшмовой книги» со стихотворением «Лунный свет в море». Обратите внимание, что имена китайского автора в этих изданиях указаны разные: Li-Su-Tchon и Li-Oey.

Стихотворение Ж. Готье и перевод Гумилёва

Гумилёв с уважением относился к отцу Жюдит Теофилю Готье, считая его одним из «краеугольных камней» эстетики акмеизма: «Готье для этой жизни нашёл в искусстве достойные одежды безупречных форм» [Гумилёв 1964, с. XIV–XV; Леонтьева 2017, с. 80]. Гумилёв перевел «Эмали и камеи» Теофиля Готье, так что выбор «Яшмовой книги» объясняется не только любовью к экзотике [Осьминина 2018, с. 298, Гумилёв 1999, с. 379].

Гумилёв был знаком на практике с китайской иероглифической письменностью, о чём свидетельствует Н. А Энгельгардт, тесть Гумилёва по его второй жене Анне Энгельгардт: «Помню ёлку у поэта, где был, между прочим, известный писатель Корней Иванович Чуковский. Гумилёв читал мне две песни поэмы, которая потом пропала. Это были две картины: Китай и Индия. Поэма была необыкновенно талантлива. Поэту удалось уловить дух и всю противоположность культуры Китая и Индии. Я заинтересовал его Китаем настолько, что он взял у меня несколько уроков китайских иероглифов» [Пороль 2019, с. 697].

Таблица 6

Стихотворение Ж. Готье и Н. Гумилёва

Ж. Готье. Лунный свет в море (подстрочник)	**Гумилёв. «Лунный свет»** № 284 в альбоме
1. Полная луна только что вышла из воды.	1. Луна уже покинула утёсы,
2. Море похоже на большое серебряное блюдо.	2. И море как серебряный поднос,
3. На лодке несколько друзей пьют вино из чаш.	3. Друзья сидят на лодке остроносой И жадно пьют горячее вино.

4. Глядя на маленькие облака, которые балансируют на горе, освещённые луной, 5. Некоторые говорят, что это жёны императора, которые прогуливаются, одетые в белое; 6. А другие утверждают, что это облако лебедей.	4. Смотря, как тучки по утёсам бродят, Сквозь сонный мрак луною озарён, 5. Одни из них мечтательно находят, Что это поезд богдыханских жён; Которые там странствуют, блистая Одеждой белоснежною своей; 6. Другие с ними спорят, утверждая, Что это караваны лебедей.

Сравнив подстрочник французского текста Жюдит Готье и стихотворение Гумилёва в альбоме, мы видим, что перевод Гумилёва довольно точный.

Загадка автора китайского оригинала

Но кто же китайский автор стихотворения, которое переводила Жюдит Готье? И существовал ли он вообще или это выдумка Жюдит или её учителя Дин Дунь-лина?

В издании 1867 г. он обозначен как Li-Su-Tchon: у Гумилёва – Ли Су Чан. Но такого поэта не существовало, в китайском языке вообще нет иероглифа с транскрипцией tchon или даже chon. Видимо, Гумилёв пользовался изданием 1867 г. или каким-то другим изданием, но, во всяком случае, до 1902 г., поскольку там автор обозначен как Li-Oey. Там же приведены китайские иероглифы его имени 李巍, которые читаются по-китайски как *Ли Вэй*.

Но кто такой Ли Вэй? Иногда указывается, что это поэт эпохи Тан (618–907) [Леонтьева 2017, с. 81]. Именно такой вопрос мне задал Гу Юй 7 января, написав: «Вчера искал долгое время в сети интернет, к сожалению, ничего не получилось». Гу Юй искал по китайским иероглифам 李巍. Тогда я решил поискать по записи латиницей Li Oei.

Не сразу, но я нашёл статью японского исследователя – Рю: Кэн [Ryu Ken 2018]. Это его доклад «Ryunosuke Akutagawa's «Pastel Dragon» (芥川龍之介「パステルの龍」) – Classical China depicted through Imagism» («Пастельный дракон» Акутагавы Рюноскэ: Классический Китай, отражённый в имажизме) на совместном симпозиуме городского университета г. Осака и Иллинойского универ-

ситета США, который назывался «Акцент на японской культуре» и проходил 6 марта 2018 г. в Иллинойсе.

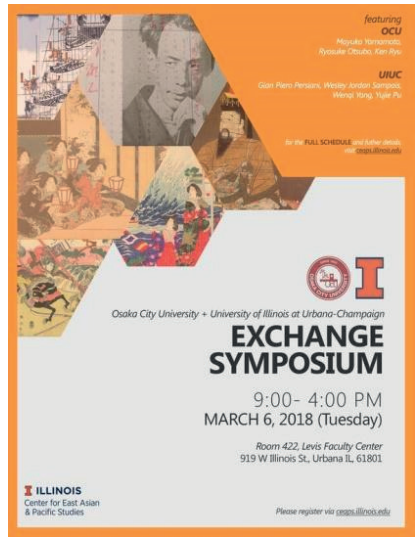

Рис. 15. Симпозиум Осака-Иллинойс

Акутагава Рюноскэ в Шанхае

Доклад Рю: Кэн посвящён сборнику из пяти западных стихотворений, которые в 1922 г. перевёл на японский язык Акутагава Рюноскэ 芥川 龍之介 (1892–1927). Это произошло во время болезни писателя, когда он жил в Шанхае.

Сборник Акутагавы Рюноскэ получил название «Пастельный дракон». Бытует мнение, что Акутагава не владел французским языком, поэтому читал французскую книгу в английском переводе. Неясно, перевёл ли Акутагава стихотворение на основе оригинального французского текста «Яшмовой книги» или использовал переводы на английский. Ко времени написания «Пастельного дракона» было выпущено три книги переводов на английский стихов из «Яшмовой книги». Однако стихотворение «Лунный свет в море», по словам Рю: Кэна, есть только в составе книги

«Китайская лирика из “Яшмовой книги”», которую, весьма вероятно, Акутагава и использовал [Ryu Ken 2018, p. 1]. Первое издание этой книги было выпущено в 1918 г. в Лондоне [Whitall 1918 a] и Нью-Йорке [Whitall 1918 b], в переводе на английский, который сделал Джеймс Уайталл (James Whitall), стихотворение называлось «Moonlight» – «Лунный свет».

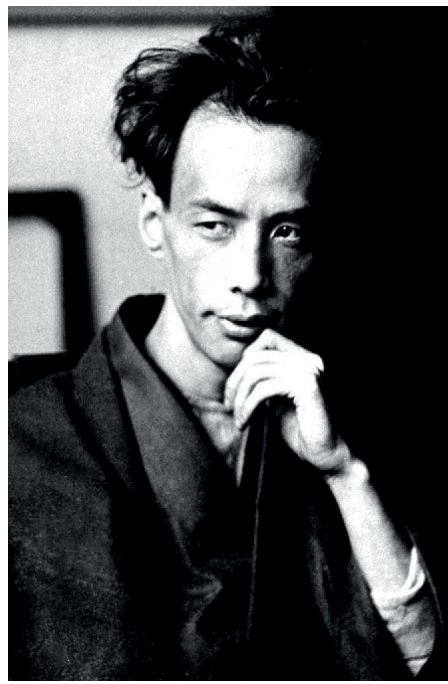

Рис. 16. Акутагава Рюноскэ

В табл. 7 – французское стихотворение Ж. Готье и английский перевод Д. Уайталла, в табл. 8 – переводы Д. Уайталла и Акутагавы Рюноскэ, в табл. 9. – подстрочники стихотворений Ж. Готье и Акутагавы Рюноскэ; подстрочник с японского сделан по моей просьбе Петром Савченко (Travelling Haiku Sketcher, как он себя представляет); в табл. 10 – стихотворение Н. Гумилёва из альбома и подстрочник Акутагавы.

Таблица 7

Стихотворения Ж. Готье и Д. Уайталла

Жюдит Готье	Джеймс Уайталл
Le Clair de lune dans la mer *Li-Su-Tchon* (1867), *Li-Oey* (1902)	**Moonlight** *Li-Oey*
1. La pleine Lune vient de sortir de l'eau.	1. The full moon rises out of the water;
2. La mer ressemble à un grand plateau d'argent.	2. the sea becomes a plate of silver.
3. Sur un bateau quelques amis boivent des tasses de vin.	3. On a boat friends drink cups of wine,
4. En regardant les petits nuages qui se balancent sur la montagne, éclairés par la Lune,	4. and they watch the little moonlit clouds hover above the mountain.
5. Quelques-uns disent que ce sont les femmes de l'Empereur qui se promènent vêtues de blanc;	5. Some say – the white-robed wives of the Emperor,
6. Et d'autres prétendent que c'est une nuée de cygnes.	6. others – a flock of swans.

Таблица 8

Стихотворение Ж. Готье и Акутагавы Рюноскэ

Джеймс Уайталл	Акутагава Рюноскэ
Moonlight *Li-Oey*	「月光」----Judith Gautier---- ジュディ・ゴーティエ
1. The full moon rises out of the water;	1. 満月は水より出で、
2. the sea becomes a plate of silver.	2. 海は銀［しろがね］の板となりぬ。
3. On a boat friends drink cups of wine,	3. 小舟には、人々盞［さかづき］を干し、
4. and they watch the little moonlit clouds hover above the mountain.	4. 月明りの雲、かそけきを見る。山の上に漂ふ雲。
5. Some say – the white-robed wives of the Emperor,	5. 人々あるひは云ふ、---- 皇帝の白衣の后と、
6. others – a flock of swans.	6. あるひは云ふ、---- 天［あま］翔る鵠［くぐひ］のむれと。

Таблица 9

Подстрочники Ж. Готье и Акутагавы Рюноскэ

Жюдит Готье	*Акутагава Рюноскэ*
Le Clair de lune dans la mer *Li-Su-Tchon (1867),* *Li-Oey (1902)*	***«Лунный свет».*** ***– Жюдит Готье***
1. Полная луна только что вышла из воды.	1. Полная луна выходит из воды,
2. Море похоже на большое серебряное блюдо.	2. море становится подобным серебряному подносу.
3. На лодке несколько друзей пьют вино из чаш.	3. В лодочке люди чарку осушают
4. Глядя на маленькие облака, которые балансируют на горе, освещённые луной,	4. и видят, как смутно проявляются облака лунного света. Над горами – плывущее облако.
5. Некоторые говорят, что это жёны императора, которые прогуливаются, одетые в белое;	5. Люди то говорят, что это жёны императора в белых одеждах,
6. А другие утверждают, что это облако лебедей.	6. то говорят, что это стая лебедей парит в небе.

Акутагава понимал, что переводит не с китайского оригинала, а с английского перевода, который сам есть перевод с французского. Он говорил, что в стихах Жюдит Готье «Китай – это Китай и одновременно не Китай» [Ryu Ken 2018, p. 3]. Это можно понять как китайскую утопию, которую Жюдит создала и назвала «Китаем». Но и Акутагава имел свой утопический мир, в котором он бродил.

Мы видим, что перевод Акутагавы такой же точный, как и перевод Гумилёва (сравнение в таб. 8). Его особенностью является только слово *касокэки* かそけき — это архаизм, который трудно перевести на русский язык. Что-то вроде «тусклый, туманный, нечёткий, размытый, эфемерный». Это слово описывает что-то существующее, но очень слабое или расплывчатое. В подстрочнике выбрано слово «смутно» (проявляются). Это соответствует строке Гумилёва «Сквозь сонный мрак луною озарён».

Таблица 10

Стихи Н. Гумилёва и подстрочник Акутагавы Рюноскэ

Николай Гумилёв	Акутагава Рюноскэ
«**Лунный свет**» № 284 в альбоме	**«Лунный свет»**
1. Луна уже покинула утёсы,	1. Полная луна выходит из воды,
2. И море как серебряный поднос,	2. море становится подобным серебряному подносу.
3. Друзья сидят на лодке остроносой, И жадно пьют горячее вино.	3. В лодочке люди чарку осушают,
4. Смотря, как тучки по утесам бродят, Сквозь сонный мрак луною озарён,	4. и видят, как проявляются облака лунного света. Над горами – плывущее облако.
5. Одни из них мечтательно находят, Что это поезд богдыханских жён;	5. Люди то говорят, что это жёны императора в белых одеждах,
5/6. Которые там странствуют, блистая Одеждой белоснежною своей;	
6. Другие с ними спорят, утверждая, Что это караваны лебедей.	6. то говорят, что это стая лебедей парит в небе.

Ли Хуа – автор китайского оригинала

После этого японский исследователь Рю: Кэн пишет: «Используя содержание переведённого стихотворения в качестве руководства, я нашёл стихотворение под названием *Хай шан мин* 海上明 («Свет над морем») поэта середины эпохи Тан Ли Хуа 李華 (715–766, по другим данным 714–774), которое, похоже, может быть оригиналом для перевода Акутагавы “Лунный свет”».

Далее он пишет: «В свете этого кажется, что таинственный поэт Жюдит, Ли-Оэй, на самом деле Ли Хуа. Французское обозначение Li-Su-Tchon, которое появляется в первом издании, могло происходить от Ли Ся-шу 李遐叔, китайского звучания китайского вежливого имени Ли Хуа. Вежливое, или второе, имя *цзы* 字 давалось при достижении совершеннолетия: у Ли Хуа это имя было Ся-шу 遐叔.

Рис. 17. Ли Хуа

Ли Хуа – писатель и поэт времён империи Тан, уезд Цзаньхуан 贊皇 округа Чжаоцзюнь 趙郡 (сейчас является частью провинции Хэбэй)[13]. На двадцать третьем году правления императора Сюань-цзуна 玄宗 (685–762, правил 712–756) под девизом Кайюань 開元 (713–741), т. е. в 735 г., получил высшую учёную степень *цзинь-ши* 進士. Во второй год правления под девизом Тяньбао 天寶 (742–756), т. е в 743 г., сдал экзамен *бо-сюэ хун-цы* 博學宏詞 (обширная учёность, грандиозное словотворчество[14]), здесь и далее см. [Ли Хуа вэньсюэцзя 2021; Tien 2009, p. 32; Хо Сюйдун 2011, с. 1744–1746]. Его первые назначения были второстепенными, в том числе *Ми-шу шэн цзяо-шу лан* 秘書省教書郎 — служитель в Приказе секретных/потаённых документов[15]. В 752 г. Ли

[13] Академик В. М. Алексеев пишет, что Ли Хуа «уроженец Баохуана, что в Чжаочжоу» [Алексеев 2003, с. 222], иероглифы не указаны. Скорее всего, это ошибка, возможно издателей (издание посмертное), должно быть «Цзаньхуана».

[14] Экзамены *бо-сюэ хун-цы* были введены в эпоху Тан в 731 г., они отличались от обычных и проводились редко. В конце эпохи Тан из 344 *цзиньши* только 34 выдержали *бо-сюэ хун-цы*, т. е. 10% [Бо сюэ 2014]. В их число входит и Ли Хуа.

[15] Приказ секретных документов функционально совпадает с понятием «библиотека». В. М. Рыбаков переводит как «[Приказ] Потаенных документов, или императорская библиотека» [Рыбаков 2009, с. 209].

Хуа был назначен *цзянь-ча юй-ши* 監察御史 – расследующий державный наблюдатель, чиновник основного 8-го низшего ранга [Рыбаков 2009, с. 295], что ввело его в центральное правительство и было связано с инспекционными поездками по провинциям. Его принципиальное отношение к исполнению своих обязанностей в конечном итоге вызвало конфликт с кликой канцлера (*цзай-сян* 宰相)[16] Ян Го-чжуна 揚國忠 (умер в 756). Это привело к его переходу на должность, которая лучше использовала бы его ревностно-честное отношение — *ю бу-цюэ* 右補闕 – исправитель упущений в праве («правый цензор»)[17]. Его работа заключалась в том, чтобы проверять ошибки в документах, исходящих непосредственно от престола. Впоследствии он также занимал должности *ши-юй-ши* 侍御史 – дежурного цензора[18] и *юань-вай-лан* 員外郎 – сверхштатного помощника[19] в *Ли бу* 吏部 – министерстве чинов[20]. Ли Хуа находился при дворе до начала восстания Ань Лу-шаня 安祿山 (ок. 703–757) в 755 г.[21]

Во время мятежа Ань Лу-шаня Ли Хуа был вынужден служить придворным чином (*шэ жэнь* 舍人[22]) в государственной канцелярии («фениксовы палаты» *фэн гэ* 鳳閣), тем самым оказавшись насильно вовлечённым в дела заговорщиков. После того как мятеж Ань Лу-шаня был подавлен, его понизили в должности до *сы-ху цань-цзюнь* 司戶參軍 – участвующего [в решении] гарнизонных

---

[16] По В. М. Рыбакову, *цзай-сян* 宰相 – «правительствующий сподвижник» [Там же, с. 131 и далее].

[17] По В. М. Рыбакову, *бу-цюэ* 補闕 – «восполнитель упущенного, чиновник сопровождающего 7-го высшего ранга» [Там же, с. 243].

[18] По В. М. Рыбакову, *ши-юй-ши* 侍御史 — «державный наблюдатель-служитель, чиновник сопровождающего 6-го низшего ранга» [Там же, с. 294].

[19] По В. М. Рыбакову, *юань-вай-лан* 員外郎 – «приданный мóлодец, чиновник сопровождающего 6-го высший ранга» [Там же, с. 213], также «младший заведующий» [Там же, с. 217].

[20] По В. М. Рыбакову, *Ли бу* 吏部 – «Чиновная часть» [Там же, с. 215].

[21] Ань Лушань – китайский военачальник (*цзедуши* 節度使) согдийского происхождения, который возглавил масштабное восстание с целью свержения царствующей династии в империи Тан и захватил её столицу Чанъань. Мятеж длился с 16 декабря 755 г. по 17 февраля 763 г. при трёх танских императорах (9, 10 и 11-й): Сюань-цзуне 玄宗 (685–762, правил 712–756), Су-цзуне 肅宗 (711–762, правил 756–762), Дай-цзуне 唐代宗 (727–779, правил 762–779).

[22] По В. М. Рыбакову, *шэ жэнь* – «домочадец» [Там же, с. 193].

[вопросов по делам] управления подворьями[23] – в Ханчжоу. В 765 г. из-за ревматического артрита он уходит в отставку, а затем под предлогом болезни удаляется от мира в уезде Шаньян 山陽 (ныне городской округ Хуайань 淮安 в провинции Цзянсу) и становится буддистом.

Академик В. М. Алексеев пишет о Ли Хуа [Алексеев 2002, с. 518; Ли Хуа 2020, с. 243]: «Он… стал проповедовать труд, воздержание и скромность во всём, вплоть до сознательной и нарочитой бедности, и кончил жизнь свою в буддийском монашестве, охладев ко всему, в том числе и к поэзии. Однако он успел написать около 30 цзюаней (свитков, книг) прекрасных стихотворений и прозаических шедевров, дошедших до нас, но в Европе неизвестных (как видно хотя бы из перевода[24], совершенно незаслуженно). Прославился как прозаик. Написал к собраниям сочинений своих друзей несколько предисловий, в которых высказал собственные литературные взгляды. Ли Хуа – один из весьма многочисленных поэтов расцвета (поэзии) в VIII веке, но весьма малоизвестный в Европе (пожалуй, только по “Плачу на древнем поле сражений”)». Этот «Плач» В. М. Алексеев перевёл прозой[25].

Как эссеист Ли Хуа имел такую же известность, как Сяо Ин-ши 蕭穎士 (707–758), оба они известны в мире как «Сяо [и] Ли» 蕭李 [Ли Хуа 2021]. Вместе с ним и другими он числится предшественником движения *гу вэнь* 古文 – «[за возвращение к] древней словесности».

В то время было так много талантливых людей, что не приходится удивляться, когда у того или иного персонажа обнаруживаются друзья или родственники в ряду знаменитых танских учёных-литераторов. Ли Хуа был современником великих поэтов Ду Фу и Ли Бо. С Ли Бо они обменивались стихами и эссе. У Ли Бо есть

[23] По В. М. Рыбакову, *сы-ху цань-цзюнь* 司戶參軍 – «соучастник, ведающий подворными делами чиновник сопровождающего 7-го низшего ранга» [Там же, с. 459].

[24] Ли Хуа. Плач на древнем поле сражений [Ли Хуа 2020, с. 62–66].

[25] В примечаниях Алексеев пишет: «Это произведение я здесь даю именно в своём переводе, несмотря на несколько уже появившихся его переводов на другие языки (лат., нем., англ., франц., яп.), ибо, по-моему, в этих переводах нет доказательной точности и достаточного для литературного шедевра литературного тона» [Алексеев 2002, с. 516].

стихи, которые иногда считаются посвящёнными Ли Хуа. Переводчик С. Торопцев называет два таких стихотворения: 1) 753 г.: *Сюаньчжоу Се Тяо лоу цзянь-бе цзяо-шу шу Юнь* 宣州謝朓樓餞別校書叔雲 [Ли Бай Сюаньчжоу 2021], в переводе С. Торопцева «За прощальным вином на башне Се Тяо в Сюаньчэне напеваю стихи дяде Хуа, текстологу[26]» [Торопцев 2009, с. 214], и 2) 759 г.: *Пэй цзу-шу син-бу-ши-лан Е цзи чжун-шу Цзя шэ-жэнь Чжи ю дун-тин у шоу* 陪族叔刑部侍郎曄及中書賈舍人至游洞庭五首 [Ли Бай Пэй 2021], в переводе С. Торопцева «Вместе с дядей Хуа, шиланом[27] из Ведомства наказаний[28], и Цзя Чжи, письмоводителем Государственного секретариата[29], катаемся по озеру Дунтин» [Ли Бо 2005, с. 105]. Когда Ли Бо умер, Ли Хуа якобы написал эпитафию, в которой были ставшие знаменитыми слова *цзи юй жэнь эр моу юй тянь* 奇於人而侔於天 (букв. «Странен людям и равен Небу») [Ли Хуа 2021], в пер. С. Торопцева «Он был больше, чем земной человек, он был равен Небу» [Торопцев 2009, с. 280]. По одной из версий, Ли Хуа умер в первый год периода Дали 大歷 (766–779) во время правления императора Дай-цзуна, т. е. в 766 г., по другой версии – в 774 г.

Предыдущий абзац содержит ряд спорных утверждений и вызывает ряд вопросов, ставших предметом оживлённых дискуссий. Ответам посвящён следующий раздел статьи.

Четыре вопроса и одно стихотворение о Ли Хуа

Вопрос первый: кому посвящены упомянутые выше стихи Ли Бо? В названии первого стихотворения (о башне Се Тяо) упомянут не Ли Хуа, а некий «дядя Юнь» – *шу Юнь* 叔雲. В энциклопедии Байду (*Бай-ду бай-кэ* 百度百科) есть статья «Ли Юнь» 李云 (雲 – традиционная форма 云) [Ли Юнь 2021], там указано, что это и есть Ли Хуа, поскольку в сборнике избранных придворных од эпохи

[26] По В. М. Рыбакову, *цзяо-шу* 校書 – «сверщик, чиновник основного 9-го низшего ранга» [Рыбаков 2009, с. 256].

[27] По В. М. Рыбакову, *ши-лан* 侍郎 – «мóлодец-служитель, чиновник основного 4-го высшего ранга» [Там же, с. 216].

[28] По В. М. Рыбакову, *син-бу* 刑部 – «Судебная часть» [Там же, с. 215].

[29] По В. М. Рыбакову, *чжун-шу* 中書 – сокр. от *чжун-шу-шэн* 中書省 – «Надзор Срединных документов» [Там же, с. 248].

Сун (960–1279) *Вэнь-юань ин-хуа* 文苑英華 (Пышные цветы садов литературы) это стихотворение называется «Сопровождая императорского цензора дядю Хуа, поднимаюсь в дом с песней» (*пэй-ши-юй шу Хуа дэн-лоу гэ* 陪侍御叔華登樓歌). *Шу Хуа* 叔華 можно понимать и как совмещение имени-*мин* (Хуа 華) и имени-*цзы* (Сяшу 遐叔). Некий Е Ман 野莽 [Е Ман 2014] предполагает, что Ли Хуа звали Ли Юнь, когда он был простым 校書郎 *цзяо-шу-лан*, букв. «сверяющим тексты чиновником» (текстологом[30]), а в 11-м году Тяньбао 天寶 (742–756) он был повышен до *цзянь-ча юй-ши* 監察御史, букв. «надзирающего цензора» (столичного цензора[31]) и сменил имя на Хуа 華. Однако Е Ман не подтверждает это предположение ссылками на источники, например в «Книге о Тан» (*Тан-шу* 唐書) ничего такого нет.

В названии второго стихотворения (об озере Дунтин) тоже упомянут не Ли Хуа, а некий «дядя шилан ведомства наказаний по имени Е» (*цзу-шу син-бу ши-лан Е* 叔刑部侍郎曄). Этот Ли Е 李曄 действительно был дядей Ли Бо, хотя, скорее всего, не родным, судя по употреблению иероглифов *цзу-шу* 族叔 – сородич отцовского поколения (возрастом моложе отца), в том числе двоюродный, троюродный и т. д. дядя, хотя это может быть и просто вежливым «дядя» [БКРС 1984, т. 3, с. 677]. Однако это не Ли Хуа, а совсем другой человек [Ли Е 1995]. Ошибка С. Торопцева, может быть, связана с похожестью иероглифов *Е* 曄 и *Хуа* 華.

Вопрос второй: правда ли, что Ли Хуа был дядей Ли Бо? Фамилия у них одинаковая – Ли 李. Но людей с такой фамилией в Китае было очень много даже в средние века. Если Ли Хуа дядя Ли Бо или просто его родственник, то странно, что в различных биографиях Ли Бо и Ли Хуа об этом нет ни слова. К тому же Ли Хуа на 13 или 14 лет младше Ли Бо (хотя так бывает у дяди и племянника). Е Ман [Е Ман 2014] пишет, что генеалогическое древо Ли Бо было исследовано на 18 поколений, но никакого общего предка Ли Бо и Ли Хуа не просматривается, и приходит к

[30] По В. М. Рыбакову, *цзяо-шу-лан* 校書郎 – «мóлодец для сверки документов, чиновник сопровождающего 9-го высшего ранга» [Там же, с. 249].

[31] По В. М. Рыбакову, *цзянь-ча юй-ши* 監察御史 – расследующий державный наблюдатель, чиновник основного 8-го низшего ранга [Там же, с. 295].

выводу, что Ли Хуа не может быть родным дядей (младшим братом отца) *цинь-шу* 親叔 Ли Бо, в лучшем случае лишь каким-то очень дальним родственником. Слово «дядя» записано иероглифом *шу* 叔, который действительно означает «дядя», но также «дядюшка», «дяденька» и т. п. Наконец, в имя-*цзы* Ли Хуа, Ся-шу 遐叔, входит тот же иероглиф *шу* 叔. Так что Ли Бо мог написать «дядя», имея в виду, что они с Ли Хуа однофамильцы и теоретически могут иметь общего предка, а также шутливо обыграть его имя-*цзы*.

Вопрос третий: правда ли, что Ли Хуа написал эпитафию Ли Бо? Если речь идёт об эпитафии, упомянутой выше, и если верить исследованию в [Ли Цзы-лун 2004], то ответ отрицательный: эта эпитафия признана сунской подделкой.

Вопрос четвёртый: когда умер Ли Хуа? Во многих текстах о Ли Хуа в качестве даты смерти указан 766 г. Откуда взялась эта дата? Биография Ли Хуа в «Новой книге о Тан» (*Синь тан шу* 新唐書) и текст панегирика чиновнику и писателю-прозаику Лян Су 梁肅 (753–793) в сборниках «Вся проза [эпохи] Тан» (*Цюань Тан вэнь* 全唐文) и *Вэнь-юань ин-хуа* утверждают, что Ли Хуа умер в 766 г.

Однако другие документы содержат данные, противоречащие этой дате. Некоторые из сочинений Ли Хуа явно были написаны после 766 г. Кроме того, в «Сунских жизнеописаниях достойных монахов» (*Сун гао сэн чжуань* 宋高僧傳) сказано, что Ли Хуа проживал в храме Дамин (Да-мин-сы 大明寺) в 4-й год Дали 大歷 [Сун гао сэн чжуань, п. 41], т. е. в 769 г., а панегирик Лян Су был заказан литератору и чиновнику Ду-гу Цзи 獨孤及 (725–777) в то время, когда тот был префектом Чанчжоу 常州, и эту должность он занял в 774 г. [Там же, п. 35; Tien 2009 p. 31]. Поэтому дата смерти 766 г. представляется сомнительной, и 774 г. в настоящее время указывается чаще.

Другое остроумное доказательство основано на иероглифике: в танских манускриптах формы записи иероглифов «начальный» (*юань* 元) и «девятый» (*цзю* 九) иногда очень похожи. Поэтому по ошибке вместо «девятый год Дали» (*Да-ли цзю нянь* 大歷九年), т. е. 774 г., написали «начальный год Дали» (*Да-ли юань нянь* 大歷元年), т. е. 766 г.

В «Discursive Resources and Collapsing Polarities: The Religious Thought of Tang Dynasty Scholar-Officials» Дэвид Тянь пишет: «Ссылаясь на работы Хуан Тянь-пэна [黃天朋], Инь Чжун-вэня [尹仲文] и Канда Кийтиро: [神田喜一郎], Сильвио Вита [Vita 1988, p. 100] утверждает, что наиболее вероятная гипотеза состоит в том, что Ли Хуа умер в 774 году» [Tien 2009, p. 31]. К этому же выводу приходят и некоторые китайские исследователи, например Ван Вань-сян 汪晚香 [Ван Вань-сян 1989]. В словаре *Цыхай* 辞海 («Море слов») издания 2010 г. уже указаны даты жизни Ли Хуа 715–774 [Цы-хай 2010, с. 1110].

Есть и ещё одно общее соображение: деятельность Ли Хуа на поприще буддизма. В 765 г. Ли Хуа из-за болезни уходит в отставку и обращается к буддизму. Если он умер в 766 г., получается, что буддистом он был всего год. И это странно, поскольку в истории буддизма Ли Хуа оставил значительный след[32] [Vita 1988]. Он писал памятные тексты для буддистского духовенства, записи для местных учреждений, эпитафии и жертвенные молитвы [Tien 2009, p. 34, 35, 37]. И оставался в душе поэтом, если судить, например, по такому высказыванию в надписи на стеле, которую он написал для Хуай Жэня 懷仁 (669–751): «Двое врат, Чань и Виная[33], подобны левому и правому крыльям [одной и той же птицы]» (*чань-люй эр мэнь жу цзо-ю-и* 禪律二門，如左右翼) [Цюань Тан вэнь, 320(321), 9]. Так что 766 г. можно было бы считать символической «смертью для мира», знаменующей уход в буддизм[34].

В процессе написания этой статьи история Ли Хуа подвигла меня на сочинение стихотворения, которое Гу Юй перевёл (немного вольно) на китайский язык.

---

[32] Это соображение не может служить строгим доказательством, так как какие-то тексты Ли Хуа мог писать до отставки.

[33] Чань 禅 – будд. «созерцание», также школа китайского буддизма, сложившаяся в период V–VI вв. в процессе соединения махаянского буддизма с традиционными учениями Китая. Виная (кит. Люй 律) – свод правил и распорядка буддийской монашеской общины (сангхи), зафиксированный в канонических сочинениях (Трипитаке).

[34] Это требует дополнительных исследований: 1) применяли ли китайцы в отношении буддийских монахов эпохи Тан или ранее выражение «смерть для мира» или аналогичное ему; 2) в каком именно году Ли Хуа стал буддийским монахом: очевидно, не ранее 765 г., когда он вышел в отставку, но возможно, что позже.

Таблица 11

Стихи И. Бурдонова
и перевод на китайский язык Гу Юя

Ли Хуа	李華
Старый чиновник и старый поэт Оставил стихи и службу, В обители горной нашёл приют, Потому что поверил Будде. И в хронике пишут вполне разумно, Что он заболел и умер. Но пальцы, скрюченные артритом, Всё ещё держат кисть, Чтоб написать перевод с санскрита Сутр друзьям-монахам. Такая теперь у него ещё одна жизнь. 26.02.2021	当官的诗人上了年纪， 不再写诗，辞去官职， 在一座山寺找到归宿， 信奉佛学，诚心诚意。 有些史书上写得明白， 他晚年多病与世长辞。 虽然其手指弯曲如钩， 依旧像往昔擅长运笔， 他为相识的友好僧侣， 翻译梵文的佛学经卷， 使他的生命至今延续。 2021，2，27 谷羽译

Стихотворение Ли Хуа. Сравнение с переводом Ж. Готье

В табл. 12 – стихотворение Ли Хуа, подстрочник и перевод Жюдит Готье. Видно, что первая половина стихотворения Ли Хуа переведена довольно точно. «Срединная луна» – это перевод бинома *чжун юэ* 中月: *чжун* 中 – середина / внутри, *юэ* 月 – луна. Жюдит не перевела также слово *цю* 秋 (осенняя, осень). *Цю чжун юэ* 秋中月 – «луна внутри осени». Второе отличие: вместо золотого зеркала – серебряный поднос. Хотя слово «вино» у Ли Хуа отсутствует, но «нефритовый чайник» – это как раз чайник для вина, к которому и относится, по-видимому, слово *цин* 清 (чистый, прозрачный). *Сань шань* 三山 – букв. три горы, под ними обычно понимаются три мифические священные горы: Пэнлай 蓬莱, Фанчжан 方丈 и Инчжоу 瀛洲, служащие обителями бессмертных. «Млечного пути» у Жюдит нет, но он и у Ли Хуа передан иносказательно, и всё же у Жюдит понятно, что небо ночное, поскольку горы освещены луной.

Таблица 12

Стихотворения Ли Хуа и Ж. Готье (подстрочники)

李華 海上生明月	**Ли Хуа Над морем рождается светлая луна** (подстрочник Гу Юя)	**Жюдит Готье Лунный свет в море**
1. 皎皎秋中月, 團團海上生。	1. Светло-светлая луна внутри осени, Кругло-круглая рождается над морем.	1. Полная луна только что вышла из воды.
2. 影開金鏡滿, 輪抱玉壺清。	2. Отражение раскрывает полноту золотого зеркала. Диск охватывает чистоту нефритового чайника.	2. Море похоже на большое серебряное блюдо. На лодке несколько друзей пьют вино.
3. 漸出三山岜, 將凌一漢橫。	3. Постепенно выступает цепь трёх гор, Вот-вот вознесётся горизонталь одной Хань[-реки][35].	3. Глядя на маленькие облака, которые качаются над горой, освещённой луной,
4. 素娥嘗藥去, 烏鵲繞枝驚。	4. Су-э пригубила лекарство и ушла. Вороны и сороки кружат [вокруг] ветки, переполошились.	4. Некоторые говорят, что это жёны императора ходят в белых одеждах;
5. 照水光偏白, 浮雲色最明。	5. Сияние освещённых вод всё белеет. Цвет плывущих облаков совсем светлеет.	5. А другие утверждают, что это лебединое облако.
6. 此時堯砌下, 蓂莢自將榮。	6. В этот час у ступеней [дворца императора] Яо Благодатная трава сама по себе вот-вот [пышно] расцветёт.	

А вот вторая часть стихотворения не только не переведена, но и не пересказана. Только отдельные образы у Жюдит перекликаются с тем, что есть у Ли Хуа.

Су-э 素娥 (букв. Белая Луна) – это богиня (фея) Луны, которую чаще называют Чан-э 嫦娥. Она, как известно, была женой стрелка И (Хоу И 后羿), выпила эликсир бессмертия, подаренный мужу богиней запада Си-ван-му 西王母 (букв. Царица-Мать Запада), и вознеслась на небо.

[35] *Хань хэн* 漢橫 (ханьская горизонталь) означает «Млечный путь».

Вороны и сороки *у цюэ* 烏鵲 означает также просто «сороки». Скорее всего, это намёк на миф о Пастухе и Ткачихе, которые превратились в соответствующие созвездия и теперь могут встречаться только раз в году, когда они оба появляются на небе, а сороки слетаются и строят из своих хвостов мост, по которому влюблённые идут друг к другу. Косвенно это подтверждается тем, что иероглиф *чжи* 枝 (ветка) может употребляться вместо омонимичного иероглифа *чжи* 肢 (конечность) и под этим может пониматься хвост сороки. Тогда вместо «кружат [вокруг] ветки» может быть перевод «обвязывают хвосты», строя сорочий мост. Возможно, тем самым указана дата написания стихотворения (или дата событий, описываемых в нём): встрече Пастуха и Ткачихи посвящён праздник *Ци-си цзе* 七夕節 (букв. праздник Седьмой ночи), также известный как «Сорочий праздник», который приходится на 7-й день 7-й луны. Это соответствует периоду *Ли-цю* 立秋 – «Начало осени» в сельскохозяйственном солнечном календаре *эр-ши-сы цзе-ци* 二十四節氣 (двадцать четыре сезона), что согласуется с «осенней луной» в первой строке. Поскольку «начало осени» – это не «середина осени» (праздник середины осени Чжун-цю цзе 中秋節 приходится на 15-й день 8-й луны), в первой строке иероглиф *чжун* 中 переведён как «внутри».

Вороны-сороки исчезли в переводе, неожиданно превратившись в лебедей. Белая вода и совсем светлые облака у Жюдит стали белыми одеждами императорских жён, которых Гумилёв вполне законно перевёл как «богдыханские жёны», а Акутагава – как «жёны императора».

Откуда же взялись эти жёны императора? Их след можно найти у Ли Хуа в предпоследней полустроке из пяти иероглифов, где речь идёт о легендарном императоре Яо 堯 (2376–2255 до н. э.). Император есть, но никаких жён, конечно, у Ли Хуа нет. Зато вместо жён императора есть трава *мин цзя* 蓂莢 (благодатная трава). Другие встречающиеся названия *жуй цао* 瑞草 (чудесная трава) и *ли цзя* 歷莢 (букв. календарный стручок), или *ли цао* 歷草 (букв. календарная трава). Эту траву называют «благодатной травой ступеней Яо» – *Яо цзе мин цзя* 堯階蓂莢. Согласно легенде, она росла

на три *чи* 尺 (примерно 69 см[36]) ниже ступеней перед дворцом императора Яо. Каждый день начиная с первого дня лунного месяца вырастает один стручок, а с шестнадцатого дня на закате опадает один стручок. Если в лунном месяце меньше 30 дней, один стручок остаётся к следующему новолунию. Император Яо смотрел на эту траву, чтобы узнать день лунного месяца [Фэн-шань; Мин цзя 2018].

На основе этой легенды в эпоху Восточная Хань 東漢 (25–220) учёный Чжан Хэн 張衡 (78–139) изобрёл астрономическое и хронометрическое устройство *жуй-лунь мин-цзя* 瑞輪蓂莢 (благодатные стручки счастливого колеса) [Мин цзя 2018]. Чжан Хэна сопоставляют с Птолемеем на Западе, а ещё он создал жанр семисловных стихов, который позже стал классическим.

Рис. 18. *Мин цзя* 蓂莢 (благодатная трава) [Мин цзя 2018]

[36] О трёх *чи* есть упоминания в связи с «благодатными стручками счастливого колеса» Чжан Хэна, жившего в эпоху Восточная Хань. Если размер *чи* выбрать равным 23,04 см, каким он был в то время [Кроль, с. 224], то получится 69,12 см.

Наиболее близок к стихотворению Жюдит Готье перевод Гумилёва из альбома. Но это более ранний вариант, а окончательный вариант – в автографе 2 (табл. 13). И вот что интересно: во 2-й строке у Гумилёва сначала (в альбоме) был серебряный поднос, как и у Жюдит Готье (серебряное блюдо), но потом он исправил на «золото» и добавил «прозрачное». А это значит, что он, не видя оригинала, угадал, что у Ли Хуа «золотое зеркало» *цзинь-цзин* 金鏡. И Гумилёв как будто чувствовал, что у Жюдит Готье что-то упущено, и вставил две строки по сравнению со своим же первым (альбомным) вариантом. Но тут он, конечно, не угадал: написал не о благодатной траве, а о тенях набожных людей, уходящих к рощам рая. В то же время эта отсылка к прошлому (раз «тени», значит люди уже умерли, это все когда-либо умершие люди) и к священному («рощи рая») похожа на отсылку у Ли Хуа к древним и священным (поскольку тогда был «золотой век») временам императора Яо. Так что немножко Гумилёв угадал: не буквально, но похоже по смыслу.

Таблица 13

Окончательный вариант стихотворения Н. Гумилёва

Луна уже покинула утёсы,
Прозрачным море **золотом** полно,
И пьют друзья на лодке остроносой,
Не торопясь, горячее вино.

Смотря, как тучи лёгкие проходят
Сквозь лунный столб, что в море отражён,
Одни из них мечтательно находят,
Что это поезд богдыханских жён;

Другие верят – это к рощам рая
Уходят тени набожных людей;
А третьи с ними спорят, утверждая,
Что это караваны лебедей.

Гу Юй написал мне: «Французская переводчица занималась переводом танской поэзии в очень вольном стиле по собственному разумению, а Гумилёв переводил её стихи очень серьёзно, почти шаг за шагом. По-моему, можно винить в неточном переводе французскую переводчицу, Гумилёва обвинить не в чем». О значении переводов и вольных фантазий Гумилёва на темы китайской поэ-

зии скажем словами современного китайского исследователя Ян Миня: «Мы считаем, что стихотворения Н. С. Гумилёва стали своеобразным “ключом”, открывшим русскому читателю Китай» [Ян Минь 2017].

На этом путь китайского стихотворения… нет, не завершается, а продолжается во всевозможных отголосках, которые были, есть и будут. И то, что эти стихи Ли Хуа в Китае помнят и сегодня, демонстрирует каллиграфия Лункэн-жэня 龙坑人. Это современный каллиграф, его настоящее имя Чжан Цзянь-хуа 张建华, родом из села Лункэн 龙坑 около г. Юйяо 余姚 провинции Чжэцзян, председатель Юйяоской ассоциации работников литературы и искусства.

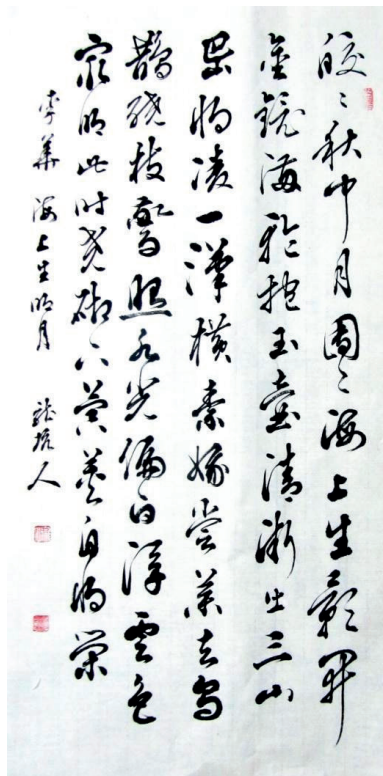

Рис. 19. Стихотворение Ли Хуа. Каллиграфия Лункэн-жэня

В заключение приведём два поэтических перевода оригинального стихотворения Ли Хуа (табл. 14) и акварель автора статьи «Светлая Луна поднимается над морем» (рис. 20), навеянную стихотворением Ли Хуа.

Таблица 14

Два поэтических перевода стихотворения Ли Хуа

李華 **海上生明月**	**Игорь Бурдонов** **Светлая луна поднимается над морем**	**Наталия Орлова** **Над морем всплывает ясная луна**
1. 皎皎秋中月, 團團海上生。	Светло-светлая осенняя срединная луна, Кругло-круглая над морем поднимается она,	На сломе осени пресветлая луна Над морем круглым кругом восплыла –
2. 影開金鏡滿, 輪抱玉壺清。	Чудится, зеркальным золотом полна, Чайником нефритовым прозрачного вина.	Златое зеркало сиянием полно, В сосуде яшмовом прозрачное вино –
3. 漸出三山岛, 將凌一漢橫。	Медленно всплывает над тройной горой, Чтобы пересечься с небесною рекой.	Над троегорьем медленно скользит, Пересекая росчерк Млечного Пути.
4. 素娥嘗藥去, 烏鵲繞枝驚。	Чанъэ ушла пригубить колдовской настой, А сороки в страхе кружат над листвой.	Вкусив настой, Чанъэ уж в небесах, Вспугнув сорок, дремавших на ветвях.
5. 照水光偏白, 浮雲色最明。	Под луною светится бледная вода, И плывут, светлея, в небе облака.	И блики стали на воде белы, И облака плывущие светлы.
6. 此時堯砌下, 蓂莢自將榮。	В этот час Тан Яо наблюдал с крыльца: Дивно колосится волшебная трава.	С крыльца спустился Яо в этот час – Трава волшебная на славу поднялась!

За помощь в написании этой статьи хочу поблагодарить Н. А. Орлову, профессора Гу Юя и профессора Хао Эрци 郝尔启, редколлегию и особенно Н. В. Руденко, в процессе обсуждения с которым статья значительно улучшилась и дополнилась, а также Е. В. Гордиенко за помощь в редактуре раздела о Хам Нги.

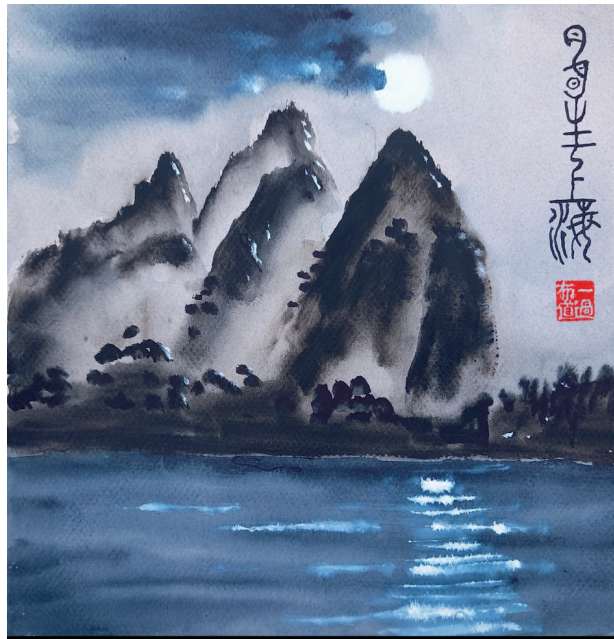

Рис. 20. И. Бурдонов «Светлая Луна поднимается над морем»

Источники и литература

Тексты о Гу Юе

1. Гу Хэн-дун 2021 – Гу Хэн-дун 谷恒东 // Китайская интернет-энциклопедия Байду (*Бай-ду бай-кэ* 百度百科). URL: https://baike.baidu.com/item/谷恒东 (дата обращения: 26.02.2021).

2. Нанькай цзяошоу 2019 — Нанькай цзяошоу Гу Хэн-дун (Гу Юй) хо 2018 нянь-ду Чэнь Цзы-ан цюань-го ши-гэ фань-и-цзя цзян 南开教授谷恒东（谷羽）获 2018 年度陈子昂全国诗歌翻译家奖 (Нанькайский профессор Гу Хэн-дун [Гу Юй] выиграл ежегодную Государственную премию переводчиков поэзии [имени] Чэнь Цзы-ана 2018) // Веб-сайт Ассоциации выпускников Нанькайского университета. URL: http://nkuaa.nankai.edu.cn/info/1070/ 2935.htm (дата обращения 26.02.2021).

3. Китайская академия перевода 2017 – Чжун-го фань-и янь-цзю-юань 中国翻译研究院 (Китайская академия перевода). Гу Юй цянь-сюнь дэ фань-и-цзя | и мин-цзя 谷羽：谦逊的翻译家 | 译名家 (Гу Юй: скромный переводчик | мастер перевода) // Интернет-портал Sohu.com (*Соу-ху* 搜狐). URL: https://www.sohu.com/a/124386349_488902 (дата обращения: 26.02.2021).

4. Институт иностранных языков 2019 – NK вай-юань NK 外院 (Институт иностранных языков NK). «Та юй Нанькай» | Гу Хэн-дун: та юй Нанькай э-юй дэ гу-ши 《他与南开》 | 谷恒东：他与南开俄语的故事 («Он и Нанькай» | Гу Хэн-дун: Его история с русским языком в Нанькае) // Интернет-портал Sohu.com (*Соу-ху* 搜狐). URL: https://www.sohu.com/a/346007582_661124 (дата обращения: 26.02.2021).

Книги на русском языке, в которых Гу Юй выступил в качестве переводчика и/или составителя (с 2017 г.)

1. Три вершины 2017 – Три вершины, семь столетий. Антология лирики средневекового Китая / Пер. С. А. Торопцев. Сост. С. А. Торопцев, Гу Юй // СПб.: Гиперион, 2017. 352 с.

2. Контуры ветра 2018 – Контуры ветра. Современная поэзия Китая / Пер. Гу Юй, Б. Мещеряков, С. Торопцев, А. Филимонов, Н. Черныш. Сост. Гу Юй // СПб.: Гиперион, 2018. 192 с.

3. Чжан Цзыян 2019 – *Чжан Цзыян*. Сон о море / Пер. Н. А. Буровцев, Н. Черныш, Гу Юй // СПб.: Гиперион, 2019. 128 с.

4. Ли Бо 2019 – Стихотворения Ли Бо. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. С. Торопцев. Сост. Гу Юй, С. Торопцев // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2019. 199 с.

5. Танские строфы 2019 – Танские строфы. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. С. Торопцев. Сост. Гу Юй, С. Торопцев // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2019. 297 с.

6. Сунские стансы 2019 – Сунские стансы. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. С. Торопцев. Сост. Гу Юй, С. Торопцев // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2019. 273 с.

7. Юаньские напевы 2019 – Юаньские напевы. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. С. Торопцев. Сост. Гу Юй, С. Торопцев // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2019. 261 с.

8. Современная поэзия 1 2020 – Современная поэзия 1. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. Б. Мещеряков, А. Филимонов, С. Торопцев, Н. Черныш, Гу Юй. Сост. Гу Юй // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2020. 264 с.

9. Современная поэзия 2 2020 – Современная поэзия 2. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. Б. Мещеряков, А. Филимонов, С. Торопцев, Н. Черныш, Гу Юй. Сост. Гу Юй // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2020. 225 с.

10. Современная поэзия поэтесс 2020 – Современная поэзия поэтесс Китая. Хрестоматия. Серия «Поэзия Китая. Параллельные китайско-русские тексты» / Пер. Н. Черныш, А. Филимонов, С. Торопцев, Б. Мещеряков, И. Бурдонов, Гу Юй. Сост. Гу Юй // Тяньцзинь: Tianjin University Press. 2020. 233 с.

Тексты Николая Гумилёва

1. Гумилёв Альбом – *Гумилёв Н. С.* Альбом Струве.

2. Гумилёв Автограф 1 – *Гумилёв Н. С.* Автограф 1. Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 1 (С. А. Абрамова). К. 1. Ед. хр. 21.

3. Гумилёв Автограф 2 – *Гумилёв Н. С.* Автограф 2. Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 1 (С. А. Абрамова). К. 5. Ед. хр. 6.

4. Гумилёв 1923 – *Гумилёв Н. С.* Посмертный сборник. 2-е изд. // Петроград: Мысль, 1923 // Национальная электронная библиотека (НЭБ). URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_BIBL_A_05290415/ (дата обращения: 26.02.2021).

5. Гумилёв 1926 – *Гумилёв Н. С.* Два неизданных отрывка Н. С. Гумилёва // Газета «Возрождение». Париж. 26 августа 1926. С. 3 // Библиотека Принстонского университета URL: https:// historicperiodicals.princeton.edu/historic/?a=d&d=vozrozhdenie19260826-01&e=-------en-20--1--txt-txIN------- (дата обращения: 26.02.2021).

6. Гумилёв 1935 – *Гумилёв Н. С.* Посмертные стихи. Книга первая. Шанхай: Гиппокрена. 1935.

7. Гумилёв 1964 – *Гумилёв Н. С.* Собрание сочинений. Т. II // Вашингтон: Изд-во книжного магазина Victor Kamkin, Inc. 1964 // «Вторая литература» : Электронный архив зарубежья имени Андрея Синявского. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/ gumilev_sobranie_ sochineny_tom2_1964__ocr.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

8. Гумилёв 1999 – *Гумилёв Н. С.* Полное собрание сочинений в десяти томах. Том третий. Стихотворения. Поэмы (1914–1918) // М.: Воскресенье. 1999 // Некоммерческая электронная библиотека ImWerden. URL: https://imwerden.de/pdf/gumilev_ pss_tom03_1999_text.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

9. Гумилёв Два сна – *Гумилёв Н. С.* Два сна (Китайская поэма) // Поэтический портал «Оллам – Стихи». URL: https:// ollam.ru/classic/rus/gumilev-nikolay/dva-snakitayskaya-poema (дата обращения: 26.02.2021).

Тексты о Гумилёве

1. Леонтьева 2017 – *Леонтьева А. Ю.* «Два сна. Китайская поэма» Н. С. Гумилёва в аспекте художественной синологии // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник восточного центра. 2017. № 19. С. 79–82 // Научная электронная библиотека Elibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id= 29116647 (дата обращения: 26.02.2021).

2. Пороль 2019 – *Пороль П. В.* Образ дракона в поэзии Н. Гумилёва: китайский подтекст // Вестник РУДН. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2019. Т. 24. № 4. С. 691–703 // Научная электронная библиотека «КиберЛенинка». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-drakona-v-poezii-n-gumileva-kitayskiy-podtekst (дата обращения: 26.02.2021).

3. Ян Минь 2017 – *Ян Минь*. Китай в творчестве Н. С. Гумилёва // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія Філологія. Соціальні комунікації. 2017. Т. 28 (67). № 2. Український Гумільовський збірник (Випуск 1). С. 95–98 // URL: http://www.philol.vernadskyjournals.in.ua/journals/2017/2_2017/19.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

Тексты Жюдит Готье

1. Walter 1867 – *Walter J*. Le Livre de jade. Paris: A. Lemerre, 1867 // Вебресурс Bibliothèque nationale de France «BNF Gallica». URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5459967d.texteImage (дата обращения: 26.02.2021).

2. Gautier 1902 – *Gautier J*. Le Livre de jade. Paris: F. Juven, 1902 // Вебресурс Bibliothèque nationale de France "BNF Gallica". URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54709460.texteImage (дата обращения: 26.02.2021).

Тексты о Жюдит Готье и Дин Дунь-лине

1. Осьминина 2018 – *Осьминина Е. А.* Жюдит Готье как культуртрегер (французские переложения китайских стихов в русской поэзии) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 11(804). С. 295–304 // Научная электронная библиотека Elibrary.ru. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37197292& (дата обращения: 26.02.2021).

2. Северянин 1912 – *Северянин И.* Тень апельсинной ветки. 1912 // Гуманитарный просветительский проект, посвящённый культуре России «Культура.РФ». URL: https://www.culture.ru/poems/28134/ten-apelsinnoi-vetki-iz-tin-tun-ling (дата обращения: 27.02.2021).

3. Цянь Чжун-шу 1998 – *Цянь Чжун-шу* 钱钟书. Тань и лу 谈艺录 (Записи бесед об искусстве). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1998.

4. Цянь Чжун-шу 2020 – *Цянь Чжун-шу* 钱钟书. Тань и лу 谈艺录 (Записи бесед об искусстве) // Сетевая дисковая сеть «Дяо сэ пань ван» 调色盘网. URL: https://www.tspweb.com/key/谈艺录是什么体裁.html (дата обращения: 27.09.2021).

5. Лю Чжи-ся 2013 – Лю Чжи-ся 刘志侠. Дин Дунь-лин дэ фа-го суй-юэ 丁敦龄的法国岁月 (Французские годы Дин Дунь-лина) // Шу чэн 书城 (Книжный город). 2013. № 9. С. 39–49 // Китайская социальная сеть «Доубань» 豆瓣. URL: https://www.douban. com/group/topic/171762202/ (дата обращения: 22.10.2021).

6. Judith Gautier – Judith Gautier // Сайт «Общества Теофиля Готье» (la Société Théophile Gautier). URL: http://www.theophilegautier.fr/judith-gautier (дата обращения: 26.02.2021).

7. Tin-tun-ling – Tin-tun-ling // Сайт «Общества Теофиля Готье» (la Société Théophile Gautier). URL: http://www.theophilegautier.fr/tin-tun-ling/ (дата обращения: 26.02.2021).

8. Journal officiel 1910 – Journal officiel de la République française. Lois et décrets. 30 decembre 1910 // Веб-ресурс Bibliothèque nationale de France «BNF Gallica». URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/ bpt6k2022263r/f27.image (дата обращения: 27.09.2021).

9. Durá 1 2011 – *Durá M*. Ding Dunling, el chino de Gautier. Ч. 1. 2.01.2011 // Интернет-блог «China en su tinta». URL: http://www. chinaensutinta.com/2011/01/ding-dunling-el-chino-de-gautier-1.html (дата обращения: 26.02.2021).

10. Durá 2 2011 – *Durá M*. Ding Dunling, el chino de Gautier. 2011. Часть 2. 11.01.2011 // Интернет-блог «China en su tinta». URL: http://www. chinaensutinta.com/2011/01/ding-dunling-el-chino-de-gautier-2.html (дата обращения 26.02.2021).

11. Stocès 2006 – *Stocès F*. Sur les sources du Livre de Jadede Judith Gautier (1845–1917) (Remarques sur l'authenticité des poèmes) // Revue de littérature comparée. 2006. № 3 (319). P. 335–350 // Комплексная онлайн-коллекция франкоязычных публикаций в области общественных наук и гуманитарных наук «Cairn International Edition». URL: https://www.cairn. info/revue-de-litterature-comparee-2006-3-page-335.htm (дата обращения: 27.09.2021).

12. Détrie 1989 – *Détrie M*. Le livre de jade de Judith Gautier: Un livre pionnier. Revue de litterature compare. 1989. № 63. P. 301–324.

13. Yu 2007 – *Yu P.* «Your Alabaster in This Porcelain»: Judith Gautier's «Le livre de jade». Publications of the Modern Language Association of America. 2007. Vol. 122. № 2. P. 464–482 // Цифровая библиотека «JSTOR». URL: https://www.jstor.org/stable/ 25501716 (дата обращения: 27.09.2021).

Тексты о Жюдит Готье и Хам Нги

1. Никулин 2004 – *Никулин Н. И.* Россия и Вьетнам: отражение в литературе ранних этапов взаимного знакомства // Восток в русской литературе XVIII – начала XX века. Знакомство. Переводы. Восприятие. – М: Институт мировой литературы им. Горького РАН, 2004 // Электронная библиотека ИМЛИ РАН. URL: http://biblio.imli.ru/images/abook/russliteratura/gromova_opul_skaya_l_d_vostok_v_russkoy_literature_xviii_nac.pdf (дата обращения: 27.02.2021).

2. Фам Чонг Тянь 2015 – Фам Чонг Тянь (Phạm Trọng Chánh). Tử Xuân Hàm Nghi (1872–1942) vị vua lưu đày thành nghệ sĩ (Ты Суан Хам Нги (1872–1942) король становится художником) // Веб-форум для обмена идеями молодыми вьетнамцами в области экономики, политики, культуры и общества «Diễn đàn Thế kỷ» URL: https://www.diendantheky.net/2016/01/ts-pham-trong-chanh-tu-xuan-ham-nghi.html (дата обращения: 22.10.2021).

3. Нгуен Нгок Зяо 2008 – *Нгуен Нгок Зяо* (Nguyễn Ngọc Giao). Hàm Nghi nghệ sĩ (Художник Хам Нги) // Интернет-журнал культуры, науки, политики для демократического и развитого Вьетнама «Diễn Đàn Forum». URL: https://www.diendan.org/phe-binh-nghien-cuu/ham-nghi-nghe-si (дата обращения: 27.02.2021).

4. Hugot 2019 – *Hugot A. le G.* Judiet Gautier et Ham Nghi. Quelques pages tirées de la thèse d'Amandine Dabat // Веб-ресурс «Cercle National Richard Wagner–Paris» объединяет любителей Рихарда Вагнера. URL: https://www.cnrw-paris.org/forums/topic/judith-gautier-et-ham-nghi-quelques-pages-tirees-de-la-these-damandine-dabat (дата обращения: 27.02.2021).

Тексты об Акутагаве Рюноскэ

1. Ryu Ken 2018 – *Ryu Ken* 劉娟. Ryunosuke Akutagawa's «Pastel Dragon» （芥川龍之介「パステルの龍」） – Classical China depicted through Imagism // Osaka City University + University of Illinois Exchange Symposium: Focus on Literature. March 6, 2018, University of Illinois // Цифровая среда доступа к учёбе и исследованиям штата Иллинойс IDEALS. URL: https://www.ideals. illinois.edu/bitstream/handle/2142/102976/Ryu_Script2018.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

2. Whitall 1918 a – *Whitall J.* Chinese Lyrics from the Book of Jade. Judith Gautier // London: Erskine Macdonald. 1918. P. 48.

3. Whitall 1918 b – *Whitall J.* Chinese Lyrics from the Book of Jade. Judith Gautier // N. Y.: B. W. Huebsch, 1918. P. 53 // Цифровая библиотека «HathiTrust Digital Library». URL: https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=-mdp.39015008924261

Произведения Ли Хуа

1. Ли Хуа 2020 – *Ли Хуа*. Плач на древнем поле сражений. Строфы // Чистые и ровные мелодии. Традиционная китайская поэзия / Пер. с кит., предисл. и коммент. В. М. Алексеева. СПб.–М.: Пальмира, 2020. С. 62–66; 243–246.

2. Ли Хуа Хай-шан – *Ли Хуа* 李華. Хай-шан шэн мин-юэ 海上生明月 (Над морем рождается светлая луна) // Веб-ресурс Chinese ancient poetry (*Ду гу-ши цы ван* 读古诗词网). URL: https:// fanti.dugushici.com/ancient_ proses/7015 (дата обращения: 26.02.2021).

3. Ли Хуа 2017 – *Ли Хуа* 李華. Хай-шан шэн мин-юэ 海上生明月 Над морем рождается светлая луна) / Каллигр. Лун Кэн-жэнь 龙坑人 // Информационно-развлекательный веб-портал Sina.com (*Синь-лан* 新浪). Блог Лун Кэн-жэня. URL: http://blog.sina.com.cn/s/ blog_72525f0e0102xxac. html (дата обращения: 26.02.2021).

4. Цюань Тан вэнь – Цюань Тан вэнь 全唐文 (Вся проза [эпохи] Тан). Цзюань 320 // Онлайн-библиотека «Chinese Text Project». URL: https://ctext.org/wiki.pl?if=en&chapter=493715 (дата обращения: 02.10.2021).

Тексты о Ли Хуа

1. Ли Хуа 2021 – Ли Хуа (Тан-дай вэньсюэцзя) 李华 (唐代文学家) (Ли Хуа [Танский литератор]) // Интернет-энциклопедия Байду (Бай-ду бай-кэ 百度百科). URL: https://baike.baidu.com/item/李华/7890176 (дата обращения: 01.03.2021).

2. Ли Хуа вэньсюэцзя 2021 – Ли Хуа (вэньсюэцзя) 李华 (文学家) (Ли Хуа [литератор])) // Википедия, свободная энциклопедия. URL: https:// zh.wikipedia.org/wiki/李華_(文學家) (дата обращения: 26.02.2021).

3. Хо Сюй-дун 2011 – *Хо Сюй-дун* 霍旭东. Ли-дай цы-фу цзянь-шан цы-дянь 历代辞赋鉴赏辞典 (Словарь оценок *цы* и *фу*). Пекин: Шан-у инь-шу-гуань гоцзи ю-сянь гунсы 商務印書館国际有限公司, 2011. 3311 с. // Цифровая библиотека «Zlibrary». URL: https://ru. kr1lib.org/book/16522365/ dd311e (дата обращения: 26.02.2021).

4. Ли Юнь 2021 – Ли Юнь (Тан-чао саньвэньцзя) 李云（唐朝散文家） (Ли Юнь [Танский прозаик]) // Интернет-энциклопедия Байду (Бай-ду бай-кэ 百度百科). URL: https://baike.baidu.com/item/李云/127717 (дата обращения: 26.02.2021).

5. Алексеев 2002 – *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. Кн. 1 / Сост. М. В. Баньковская, отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002.

6. Алексеев 2003 – *Алексеев В. М.* Постоянство пути: Избранные танские стихотворения / Пер. В. М. Алексеев. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2003.

7. Бо сюэ 2014 – Бо сюэ хун цы кэ 博学宏词科 (Экзамен «Обширная учёность, грандиозное словотворчество») // Интернет-энциклопедия Соу-гоу (Соу-гоу бай-кэ 搜狗百科). URL: https://baike.sogou.com/v181507943.htm (дата обращения: 26.02.2021).

8. Рыбаков 2009 – *Рыбаков В. М.* Танская бюрократия. Часть 1.: Генезис и структура. СПб.: Петербургское востоковедение, 2009 // Сайт издательства «Петербургское Востоковедение». URL: https://rybakov.pvost.org/pdf/ryb-1.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

9. Tien 2009 – *Tien D. W.* Discursive Resources and Collapsing Polarities: The Religious Thought of Tang Dynasty Scholar-Officials. A dissertation submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in The University of Michigan 2009 // Библиотека Мичиганского университета. URL: https://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/62310/tiend_1.pdf (дата обращения: 26.02.2021).

Ли Бо и Ли Хуа

1. Ли Бай Сюаньчжоу 2021 – *Ли Бай* 李白. Сюаньчжоу Се Тяо лоу цзянь-бе цзяо-шу шу Юнь 宣州谢朓楼饯别校书叔云 (Проводы дяди Юня, текстолога, на башне Се Тяо в Сюаньчжоу) // Интернет-энциклопедия Байду (Бай-ду бай-кэ 百度百科). URL: https://baike.baidu.com/item/宣州谢朓楼饯别校书叔云 (дата обращения: 01.03.2021).

2. Ли Бай Пэй 2021 – *Ли Бай* 李白. Пэй цзу-шу син-бу-ши-лан Е цзи чжун-шу Цзя шэ-жэнь Чжи ю дун-тин у шоу 陪族叔刑部侍郎晔及中书贾舍人至游洞庭五首 (Пять стихотворений [о том, как] сопровождая дядю Е, *ши-лана* из Министерства наказаний, и Цзя [Чжи], *шэ-жэня* из [Надзора] срединных документов, добрались странствовать по озеру Дунтин) // Интернет-энциклопедия Байду (Бай-ду бай-кэ 百度百科). URL: https://baike.baidu.com/item/陪族叔刑部侍郎晔及中书贾舍人至游洞庭五首 (дата обращения: 01.03.2021).

3. Ли Бо 2005 – *Ли Бо*. Пейзаж души: «Поэзия гор и вод» / Пер. С. А. Торопцев. СПб.: Азбука-классика, 2005. // Электронная библиотека «Литмир». URL: https://www.litmir.me/br/?b= 149751&p=14 (дата обращения: 01.03.2021).

4. Торопцев 2009 – *Торопцев С. А.* Жизнеописание Ли Бо – Поэта и Небожителя. М.: ИДВ РАН, 2009 // Сайт ИДВ РАН. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/zhizneopisanie_li_bo.pdf (дата обращения: 01.03.2021).

5. Е Ман 2014 – *Е Ман* 野莽. Сянь-жэнь дэ ю-чоу хэ и ши эр ти чжи ми 仙人的忧愁和一诗二题之谜 (Скорбь небожителя и загадка двух заголовков одного стихотворения) // Информационно-развлекательный

веб-портал Sina.com (Синь-лан 新浪). Блог Е Мана. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_3e4260500102v693.html (дата обращения: 01.03.2021).

6. Ли Е 1995 – Ли Е 李晔 // Ли Бай да цы дянь 李白大词典 (Большой словарь Ли Бо) / Гл. ред. Юй Сянь-хао 郁贤皓. Наньнин: Гуанси цзяоюй чубаньшэ 广西教育出版社, 1995. С. 198.

7. Ли Цзы-лун 2004 – *Ли Цзы-лун* 李子龙. Ли Хуа «Гу Хань-линь сюэ-ши Ли Цзюнь му-чжи бин сюй» бянь-вэй 李华《故翰林学士李君墓志并序》辨伪 (Определение фальсификации «Присовокуплённого предисловия к эпитафии Ли Цзюня, почившего учёного мужа [академии] Хань-линь» Ли Хуа) // Веб-ресурс Ixueshu.com (*Ай сюэ шу* 爱学术). URL: https://www. ixueshu.com/h5/document/d03a829994d4ee570f28ce46826f1a7f318947a18e7f9386.html (дата обращения: 02.10.2021).

8. БКРС 1984 – Большой китайско-русский словарь, т. 3. «Наука», Главная редакция восточной литературы, М.: 1984.

Дата смерти Ли Хуа

1. Сун гао сэн чжуань – Сун гао сэн чжуань 宋高僧傳 (Жизнеописания сунских достойных монахов). Цзюань 14 // Онлайн-библиотека «Chinese Text Project». URL: https://ctext.org/ wiki.pl?if=en&chapter=269110 (дата обращения: 02.10.2021).

2. Ван Вань-сян 1989 – *Ван Вань-сян* 汪晚香. Ли Хуа цзу-нянь као 李华卒年考 (Исследование года смерти Ли Хуа) // Хубэй шифань сюэюань сюэбао: чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань 湖北师范学院学报：哲学社会科学版 (Вестник Хубэйского педагогического университета: серия «философия и социальные науки»). 1989. № 2. С. 33–36 // Вэйпу чжун-вэнь цикань фуу пинтай 维普中文期刊服务平台 (Платформа обслуживания китаеязычной VIP-периодики). URL: http://113.31.19.9/Qikan/Article/Detail?id= 3001451820 (дата обращения: 02.10.2021).

3. Цы-хай 2010 – Цы-хай 辞海 (Море слов). Шанхай: Цы-шу чубаньшэ 辞书出版社, 2010.

4. Vita 1988 – *Vita S.* Li Hua 李華 and Buddhism // Tang China and Beyond: Studies on East Asia from the Seventh to the Tenth Century / Forte A. (ed.). Kyoto: Istituto Italiano di Cultura Scuola di Studi sull'Asia Orientale, 1988. P. 97–124.

Тексты о «стручке Яо» — благодатной траве

1. Фэн-шань – Фэн-шань 封禪 (Благодарение небу и земле) // Бай-ху тун дэ лунь 白虎通德論 (Проницающие благодать суждения [из зала] Белого тигра). // Онлайн-библиотека Chinese Text Project. URL: https://ctext.org/bai-hu-tong/feng-chan (дата обращения: 26.02.2021).

2. Мин цзя 2018 – Мин цзя 莫荚 (Благодатная трава) // Веб-ресурс о китайской нечистой силе «Чжи-яо» 知妖 (Познание нечисти). URL: https://www.cbaigui.com/post-3088.html (дата обращения: 26.02.2021).

3. Кроль 1982 – *Кроль Ю. Л., Романовский Б. В.* Опыт систематизации традиционной китайской метрологии // «Страны и народы Востока» / Под общ. ред. Д. А. Ольдерогге. Вып. XXIII. Дальний Восток (История, этнография, культура). М.: Наука, ГРВЛ. 1982 // Сайт Института восточных рукописей РАН. URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/journals/SNV_23_1982_17_kroll_romanovsky.pdf (дата обращения: 02.10.2021).

ORCID: 0000-0003-1137-4537

Н. А. Дорофеева[*]

Вертинский в китайской эмиграции

Аннотация. Статья является пятой в цикле «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции». В данной статье рассказывается о китайском периоде эмиграции певца Александра Вертинского, который явился заключительным этапом его 22-летней эмиграции в разных странах. Период пребывания певца в Китае длился с 1935 по 1943 г.

Отражены эпизоды из творческого и жизненного пути Вертинского в Китае, основные события и изменения в судьбе в этот период вплоть до возвращения на родину.

Исследования проведены с использованием материалов Государственного архива Хабаровского края, опубликованных работ по данной теме, библиотечных фондов, интернет-ресурсов.

Ключевые слова: эмиграция, репатриация, Китай, певец, артист-эмигрант, Александр Вертинский

Natalya A. Dorofeeva[**]

Vertinsky in Chinese Emigration

Abstract. This is the fifth article in the cycle "The Fate of Russian Artists in Chinese Emigration". It explores the Chinese period of emigration of singer Alexander Vertinsky, which was the final stage of his 22-year emigration in different countries. The period of the singer's stay in China lasted from 1935 to 1943.

The article analyzes the Vertinsky's life and work in China, the main events and changes in his career during this period until his return to his homeland.

The research is based on materials from the State Archive of the Khabarovsk Kray, published works on this topic, library collections, and Internet resources.

---

[*] ***Дорофеева Наталья Адольфовна***, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), donata@list.ru

[**] ***Dorofeeva Natalya Adolfovna***, Junior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), donata@list.ru

© Дорофеева Н. А., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Keywords: emigration, repatriation, China, singer, emigrant artist, Alexander Vertinsky

Список сокращений

КВЖД – Китайская Восточная железная дорога
Желсоб – Железнодорожное собрание КВЖД в Харбине
ГАХК – Государственный архив Хабаровского края
БРЭМ – Бюро российских эмигрантов в Маньчжурской империи

Вступление

Статья является заключительной в цикле работ автора о судьбах артистов в китайской эмиграции. В первой статье [Дорофеева 2016] была изложена восстановленная автором биография цыганской танцовщицы Берты Червонной (Ираида Борисовна Ершова-Воробьёва) и её партнера Илико Казбека (Илико Николаевич Мерабишвили), во второй [Дорофеева 2017] – певицы Марии Александровны Садовской и её супруга – журналиста и писателя Михаила Архиповича Суганова-Талызина, в третьей [Дорофеева 2019] – певицы Софьи Реджи (Софья Александровна Ченцова), в четвёртой [Дорофеева 2020] – певцов братьев Мунцевых: старшего Леонида Александровича и младшего Евгения Александровича, который пел сольно и дуэтом со своей супругой Верой Менари, солисткой оперетты.

В данной статье рассказывается о китайском периоде эмиграции известного поэта и певца Александра Николаевича Вертинского. Вертинский не жил в Харбине или другом населённом пункте Маньчжурии, где на каждого жителя во время японской оккупации было заведено личное дело в БРЭМ с анкетами, заполненными ими собственноручно. Тем не менее в архиве имеется дело Вертинского, в котором собраны в основном доносы на него. Автором использовались также мемуары и воспоминания очевидцев и людей, общавшихся в Китае с Вертинским, а также результаты поисков отдельных исследователей, проведённых в последние годы.

В статье изложены отдельные эпизоды из концертной деятельности певца в Китае, поэтического и песенного творчества этого периода, работы и публикации в печатных изданиях Шанхая, события из личной жизни. Кроме того, в статье нашли отражение некоторые перипетии и препятствия, возникавшие на пути возвращения певца Вертинского на родину.

До сих пор героями исследований автора на тему «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции» были неизвестные или забытые имена. Александра Николаевича никак нельзя отнести ни к тем, ни к другим. Сольные концерты Вертинского всегда проходили с аншлагом. Нередко он выступал с другими артистами, о которых шла речь в предыдущих статьях: Бертой Червонной, Софьей Реджи, Евгением Мунцевым и Верой Менари. В ходе восстановления биографий этих артистов появлялась информация и архивные материалы о жизни в Китае Вертинского. Данная статья, написанная с использованием этих материалов, освещает отдельные эпизоды из творческой и личной биографии Вертинского в китайский период эмиграции (1935–1943).

Начало эмиграции в Китае

Китай стал завершающим этапом эмигрантской жизни Александра Николаевича Вертинского, начало которой было положено в 1920 г. Тогда с потоком беженцев, покидающих страну на переполненных пароходах по Чёрному морю, он отправился из Крыма в Турцию, где в Константинополе им был приобретён греческий паспорт на имя Александра Вертидиса. С этим паспортом Вертинский жил в Европе и гастролировал по миру, и только в Греции ни разу не был. Историю своего превращения в «грека» Вертинский рассказал в своих мемуарах «Дорогой длинною»:

> *Вскоре возле меня стал вертеться маленький юркий театральный человечек – русский грек, некий Кирьяков. У него родилась идея повезти меня в Румынию, главным образом в Бессарабию, где было коренное русское население и где можно было на мне заработать. Выбирать было не из чего. Я искренне обрадовался его предложению и стал готовиться*

> *к отъезду. Вскоре у меня появился греческий паспорт, купленный Кирьяковым за сто лир, на имя греческого подданного, рождённого в городе Киеве, – Александра Вертидиса (так переделал мою фамилию предприимчивый Кирьяков для большего сходства с Грецией). О родителях было сказано, что отец из Афин, а мать с Украины. В общем, выходил недурной коктейль. С благодарностью вспоминаю об этом человеке. Что бы я делал, если б не он? И не только в тот момент, но и в дальнейшем. Как-никак, но с этим паспортом я объехал чуть не полсвета, минуя все эмигрантские затруднения. На прощанье симпатичный чиновник, продавший мне паспорт, сказал: «Можете ездить по всему свету, только старайтесь никогда не попадать в Грецию, а то у вас его моментально отберут!». Этот завет я помнил всю жизнь. Вероятно, поэтому я так и не видел Греции* [Вертинский 1991, с. 137–138].

С этим паспортом Вертинский жил в Европе и гастролировал по миру.

В Китай Александр Николаевич прибыл в конце 1935 г., завершив гастроли в Америке и контакты с Голливудом. Он писал: «Был конец октября, когда я решил уехать в Китай. Огромный японский пароход “Чичибу Мару”[1] увозил меня из Сан-Франциско…» [Вертинский 1991, с. 267].

Свой первый большой концерт в Китае Вертинский дал в конце 1935 г. в престижном концертном зале шанхайского театра «Лайсеум»[2] (рис. 1).

Вызывают доверие воспоминания современницы пребывания Вертинского в Шанхае, журналистки и поэтессы Юстины Крузенштерн-Петерец, побывавшей на первом концерте Вертинского в Шанхае. Воспоминания её под названием «Вертинский на Востоке» были опубликованы в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1972 г. Слово Юстине Владимировне:

---

[1] Титибу-мару 秩父丸 – японский пассажирский лайнер. Сменил несколько названий: Титибу Мару (1930–1939), Камакура-мару 鎌倉丸 (1939–1943). Затонул во время Второй мировой войны.

[2] Театр «Лайсеум» (кит. Ланьсинь 蘭心, англ. Lyceum) – построен в Шанхае в 1931 г. Неофициальный центр русской культуры во французской концессии. В 1953 г. переименован в Шанхайский художественный театр, в 1991 г. возвращено историческое название, в 2004 г. здание реставрировано.

Рис. 1. Здание театра «Лайсеум» в 1931 г.

Свой первый большой концерт Вертинский дал лишь в конце 1935 года в «Лайсеуме». Этот небольшой, изящный театр, рассчитанный всего на 600 мест, принадлежал Обществу любителей драматического искусства, в котором преобладали англичане. Сами хозяева ставили там один-два спектакля в год. По воскресеньям там играл симфонический оркестр, в остальное же время театр сдавался, главным образом, русским предприятиям – оперетте или балету. Арендовать зал в этом театре было нелегко, и в первый раз Вертинскому удалось получить его лишь для дневного концерта.

«Консерваторская группа» – серьёзные певцы и музыканты предсказывали концерту провал. Против Вертинского были и политические круги, считавшие, что его песенки разлагают молодёжь. … Младоросская газета «Новый путь»[3]*, в которой я тогда сотрудничала, попросила меня рецензиро-*

[3] Газета «Новый путь» – официальный орган движения младороссов в Шанхае. Младороссия – эмигрантское русское социал-монархическое движение (1920–1940). В 1935 г. в Париже была создана Младоросская партия, называвшая себя «второй советской партией».

вать этот концерт именно потому, что я не была, подобно многим моим коллегам, «отравлена» Вертинским.

Когда поднялся занавес, в публике поморщились. На рояль была наброшена белая с красными цветами кантонская шаль, сверху был водружён букет цветов. Совсем не в стиле чопорного «Лайсеума».

Вертинский пел все свои старые вещи – и «Маленькую балерину», и «Бразильский крейсер», и «Мадам, уже падают листья», – всё, что мы тысячи раз слышали и на пластинках, и в исполнении других певцов, – но тут было совсем другое. Это было даже не пенье, – скорее жалоба на то, что в мире всё так скучно и неудачно.

Голос артиста – слабый и надтреснутый, падал порой до чуть слышного бормотанья, и тем не менее, каждое его слово, произнесённое хотя бы шёпотом, хватало за сердце. Замечательны были и мимика, так преображавшая некрасивое, совиное лицо Вертинского и выразительность его рук.

Это был артист в полном смысле слова, творивший собственное, особое искусство…

Это был какой-то калейдоскоп, в котором у публики голова шла кругом. Аплодисменты превращались в овацию, артист бисировал без конца, и потребовалось несколько настойчивых «административных» звонков, чтобы закончить концерт. Расходясь, все спрашивали друг у друга – когда будет следующий.

Редакция моя была очень разочарована, узнав о бешеном успехе Вертинского. Когда же я громко заявила, что сама от него без ума, мне сухо ответили: «В таком случае рецензии не требуется» [Крузенштерн-Петерец 1972].

По-своему рассказывает об этом концерте Владимир Александрович Слободчиков[4]. Само появление певца было встречено долго

[4] Слободчиков Владимир Александрович (1913–2007) – бывший харбинец, жил в Шанхае, по образованию юрист, участник литературного объединения «Чураевка», писал стихи, печатался в сборниках, увлекался мелодекламацией. В 1953 г. был арестован и вывезен в СССР. Освобождён из лагеря после смерти Сталина как невиновный, позже жил в Москве. Автор нескольких научных работ, учебника французского языка, биографической книги «О судьбе изгнанников печальной». Собрал коллекцию редких русских книг, изданных в Китае, которую передал в 2003 году Российской государственной библиотеке.

не смолкавшими аплодисментами. Вертинский действительно начал концерт с известных песен, в их числе: «Лиловый негр», «Сероглазый король», «Пани Ирена». Далее Слободчиков пишет:

Но затем прозвучало что-то новое, что взволновало почти задремавшие эмигрантские чувства и обожгло болью сегодняшнего дня. Вертинский спел:

Тут шумят чужие города
И чужая светится звезда…
Надо жить, не надо вспоминать,
Чтобы больно не было опять <…>

В этом окружении по-новому, свежо прозвучала уже известная шанхайцам песнь "Молись, кунак":

Молись, кунак, в стране чужой
Молись, кунак, за край родной.
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил.

Пускай теперь мы лишены
Родной семьи, родной страны,
Молись, кунак, чтобы Господь
Послал нам сил всё побороть!

И после таких, тревожащих душу слов Вертинский спел только что им сочинённое, проездом через Сан-Франциско:

…Что пора остановиться,
Как-то где-то отдохнуть
И спокойно согласиться,
Что былого не вернуть.

И ещё понять беззлобно,
Что свою, пусть злую, мать
Всё же как-то неудобно
Вечно в обществе ругать.

Зал затих без аплодисментов, и Вертинский, тонкий художник, понял момент размышления и без промедления объявил «Палестинское танго» и запел. <…> Сразу повеяло какой-то светлой прозрачностью, и зал, очнувшись, загремел аплодисментами [Слободчиков 2005, с. 204–205].

Харбин

В январе и феврале 1936 г. с огромным успехом прошли гастроли Вертинского в Харбине. Афиши на круглых тумбах притягивали, как магнитом: «Концерты Вертинского в зале "Железнодорожного собрания"». С репертуаром Вертинского русские эмигранты в Китае были знакомы по выступлениям очень популярных харбинских певцов Кармелинского[5] и Моложатова[6], исполнявших «песни Пьеро» талантливо и без прямого подражания автору. Каждый русский харбинец мечтал попасть на концерт «живого» Вертинского, голос которого до сих пор они слышали только на пластинках. Каждый мечтал, но не каждый мог – билеты были слишком дорогими для эмигрантов. Наталия Ильина[7], в будущем коллега Вертинского и писательница, а на тот момент любимая ученица руководителя театральной студии «ДИКС» Катерины Корнаковой-Бриннер, бывшей артистки МХАТа и ученицы К. С. Станиславского, смогла попасть на концерт только благодаря Катерине Ивановне. Впечатления и эмоции переполняли слушателей в зале! Впрочем, так бывало всегда и везде, когда на сцене – Вертинский. «Какой актер! – говорила в антракте Катерина Ивановна. – Руки гениальные! Каждая песенка – маленькая пьеса, чувствуете?» [Ильина 1991, с. 191].

О выступлениях Вертинского в Харбине вспоминает Елизавета Николаевна Рачинская[8] в мемуарах «Калейдоскоп жизни».

[5] Кармелинский (Лунёв) Александр Захарович (1894–1938) – оперный певец. В Харбине пел в опере, затем стал концертировать, исполняя арии, романсы и песенки Вертинского, пользуясь большим успехом. В 1935 г. уехал в СССР, в 1938 г. арестован и расстрелян, как многие вернувшиеся из Китая русские эмигранты.

[6] Моложатов Леонид Михайлович (1908–1980) – певец, баритон. Пел в Харбинской опере, успешно концертировал. В концертах исполнял арии, русские песни, романсы и песни Вертинского.

[7] Наталия Иосифовна Ильина (1914–1994) – русская писательница, публицист и журналистка, критик. В 1920 г. эмигрировала с семьёй в Харбин, с 1936 г. работала журналисткой в газете «Шанхайская заря». Затем организовала сатирический еженедельник «Шанхайский базар» (выходил до 1941 г.). В 1947 г. репатриировалась в СССР, окончила Литературный институт в Москве. Автор художественно-мемуарных книг «Возвращение», «Дороги и судьбы» и других.

[8] Рачинская Елизавета Николаевна (1904–1993) – поэтесса, прозаик, мемуарист. Училась в Харбинском железнодорожном училище, в 1926 г. окончила Юридический факультет. Выпустила поэтический сборник «Ключи» (Харбин, 1926). После 1956 г. жила в Австралии и Англии. Автор мемуарных книг «Перелётные птицы» (Сан-Франциско, 1982), «Калейдоскоп жизни. Воспоминания» (Париж, 1990).

Рачинская рассказывает о своих впечатлениях, ведь она была и в зале, и на парадном банкете, причём её место за столом оказалось рядом с артистом:

> *Десять концертов дал у нас Вертинский. Он познакомил нас со своим новым репертуаром и ещё один раз выступил в костюме Пьеро со своими старыми песенками, которые показались нам уж очень незамысловатыми.*
>
> *Вертинский поразил дам своим элегантным парижским фраком тёмно-синего цвета. Его повсюду по городу возил Е. С. Кауфман, владелец газеты «Заря», и вероятно по его просьбе для Вертинского в доме Резниковых*[9] *был устроен парадный ужин. Он ужасно «тонил»*[10]*, вполне усвоив себе манеры знаменитости. За столом я сидела рядом с ним, и он, видимо довольно избалованный женским вниманием, всё звал меня зайти к нему в "Модерн": "Посидим, поговорим, почитаем стихи…" Но я не соблазнилась: на мой взгляд, он держался слишком самоуверенно… Как артист, он мастерски владел паузой, искусством выразительного жеста, пленял тонким эротизмом и ностальгической тоской о чём-то далёком-несбывшемся или недоступном и навеки утраченном.*
>
> *Надолго запомнились несложные, но чем-то пленявшие мелодии его песенок…* [Рачинская 1990, с. 113].

Воспоминания различных людей об одном и том же событии различаются, им присущ субъективизм, но каждый рассказ очевидца имеет свою ценность. Однако все мнения сходятся в одном: Вертинского принимали восторженно.

В Харбине устраивались концерты и в последующие годы, иногда сольные, иногда сборные с участием других артистов. В рассказе[11] бывшей харбинской балерины Нины Чесменской о тан-

[9] Известное в Харбине семейство Резниковых: дочь Наталья – поэтесса, отец Семён Яковлевич – адвокат, мать – Людмила Самойловна (урождённая Кауфман), заведовала редакцией журнала «Рубеж».

[10] Вероятно, Рачинской показалось, что Вертинский манерничал, хотя это было его естественное поведение.

[11] Нина Андреевна Чехович-Чесменская-Марон (28.03.1915–29.10.2017) в последние годы своей жизни проживала в Америке. С ней регулярно общался по телефону коллекционер-меломан из Екатеринбурга С. Л. Пестов. Автор статьи через Пестова попросила балерину рассказать о Берте.

цовщице Берте Червонной прозвучало: «Из Шанхая в Харбин часто приезжала Берта Червонная, всегда с Вертинским и Лёвой Дадиани».

Доносы

В русском Харбине легче было собирать русские залы. Но в это время в Харбине уже хозяйничали японцы, и все русские были, так сказать, под контролем или «под колпаком» у БРЭМа[12].

Почти в каждом жителе подозревали шпиона, а гастролирующие по разным городам и странам артисты в первую очередь попадали под прицел доносчиков. В фонде БРЭМ архива ГАХК сохранились доносы и на Берту Червонную, и на Марию Садовскую, и на многих других артистов. Не избежал этой участи и Вертинский.

Отслеживали каждый его шаг в Харбине и харбинские фашисты[13]. Доносом от 29 января 1936 г. [ГАХК, л. 2] (см. ил. 2) утверждается еврейское происхождение Вертинского на основании того, что он-де был принят в масонскую ложу «Звезда Сиона» в Париже 22 года назад, а в эту ложу могут быть приняты только евреи.

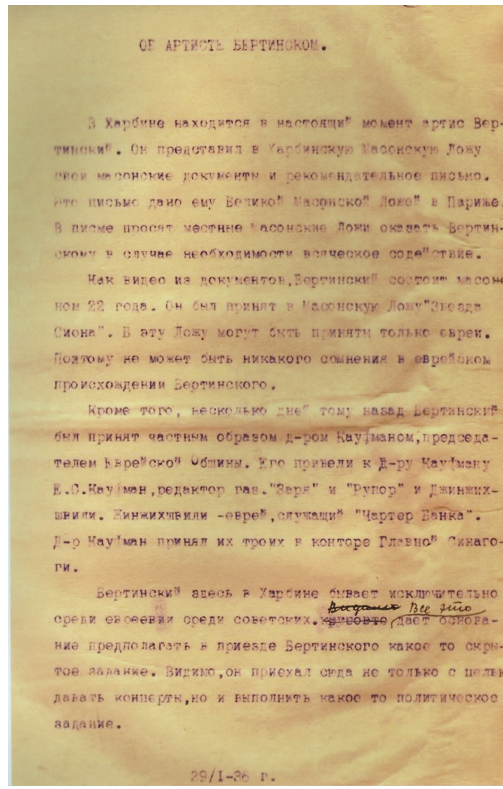
Контролируются все встречи певца. Вот, например, докладывается о встрече Вертинского с доктором Кауфманом в конторе Главной синагоги [ГАХК, л. 2] (см. рис. 2). Встреча происходила в присутствии другого Кауфмана, Евгения Самойловича, директора-издателя нескольких периодических изданий в Харбине, Шанхае, Тяньцзине.

В Харбине действовали национальные общины: грузинская, армянская, украинская, тюркская, белорусская, многие другие и еврейская в том числе. Доктор Кауфман являлся председателем

[12] Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской Империи (БРЭМ) – организация, созданная японцами в 1934 г. на территории Маньчжурии. В задачи бюро входило объединение русской эмиграции с целью проведения под японским контролем антисоветской агитации и разведывательной работы.

[13] Харбинские фашисты – члены Русской фашистской партии. Эта политическая партия образовалась в среде русской эмиграции в Харбине на базе профашистских молодёжных организаций в 1931 г. Члены этой партии рассматривали фашизм как благо для России.

еврейской общины. Доносчик отмечает, что в Харбине Вертинский бывает исключительно среди евреев и среди советских, и отсюда делает вывод, что Вертинский приехал не просто на гастроли, а имеет какое-то политическое задание.

ОБ АРТИСТЕ ВЕРТИНСКОМ.

В Харбине находится в настоящий момент артис Вертинский. Он представил в Харбинскую Масонскую Ложу свои масонские документы и рекомендательное письмо. Это письмо дано ему Велико" Масонско" Ложе" в Париже. В письме просят местные масонские Ложи оказать Вертинскому в случае необходимости всяческое соде"ствие.

Как видно из документов, Вертинский состоит масоном 22 года. Он был принят в Масонскую Ложу "Звезда Сиона". В эту Ложу могут быть приняты только евреи. Поэтому не может быть никакого сомнения в еврейском происхождении Вертинского.

Кроме того, несколько дне" тому назад Вертинский был принят частным образом д-ром Кауфманом, председателем Еврейско" Общины. Его привели к Д-ру Кауфману Е.С.Кауфман, редактор газ."Заря" и "Рупор" и Джинжихашвили. Жинжихашвили -еврей, служащий "Чартер Банка". Д-р Кауфман принял их троих в конторе Главно" Синагоги.

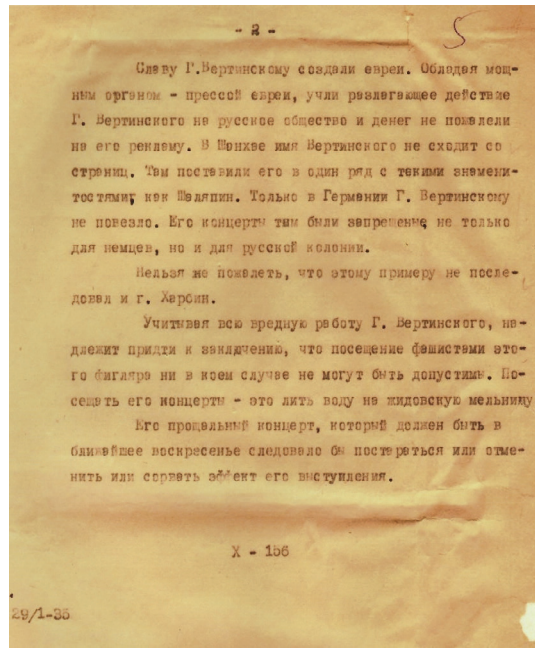
Вертинский здесь в Харбине бывает исключительно среди евреев среди советских. ~~Харбине~~ Все это дает основание предполагать в приезде Вертинского какое то скрытое задание. Видимо, он приехал сюда не только с целью давать концерты, но и выполнить какое то политическое задание.

29/I-36 г.

Рис. 2. Донос «Об артисте Вертинском» [ГАХК, л. 2]

Другая «докладная записка» утверждает, что «славу Вертинскому создали евреи. Обладая мощным органом – прессой, евреи учли разлагающее действие Вертинского на русское общество и денег не пожалели на его рекламу. В Шанхае имя Вертинского не сходит со страниц. Там поставили его в один ряд с такими знаменитостями как Шаляпин» [ГАХК, л. 5] (см. рис. 3). Далее в ней идут

призывы к членам Русской фашистской партии в Харбине бойкотировать концерты Вертинского, а «его прощальный концерт, который должен быть в ближайшее воскресенье, следовало бы постараться или отменить, или сорвать эффект его выступления».

- 2 -

Славу Г.Вертинскому создали евреи. Обладая мощным органом - прессой евреи, учли развлекающее действие Г. Вертинского на русское общество и денег не пожалели на его рекламу. В Шанхае имя Вертинского не сходит со страниц. Там поставили его в один ряд с такими знаменитостями, как Шаляпин. Только в Германии Г. Вертинскому не повезло. Его концерты там были запрещены не только для немцев, но и для русской колонии.

Нельзя не пожалеть, что этому примеру не последовал и г. Харбин.

Учитывая всю вредную работу Г. Вертинского, надлежит придти к заключению, что посещение фашистами этого фигляра ни в коем случае не могут быть допустимы. Посещать его концерты - это лить воду на жидовскую мельницу.

Его прощальный концерт, который должен быть в ближайшее воскресенье следовало бы постараться или отменить или сорвать эффект его выступления.

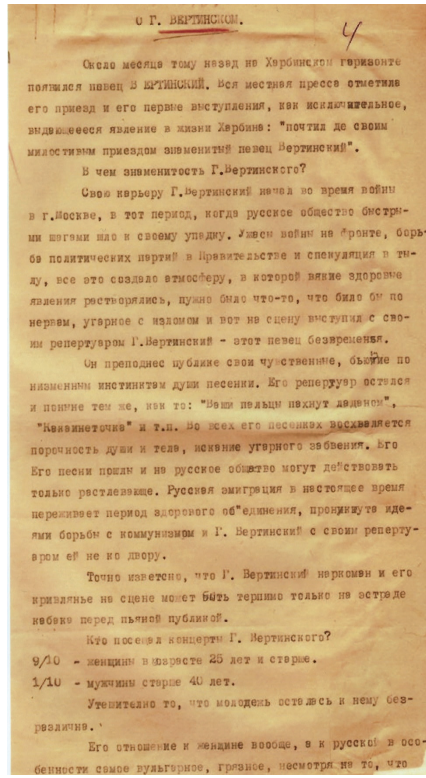
Х - 156

29/1-35

Рис. 3. Из доноса о Вертинском [ГАХК, л. 5]

Но даже в доносах отмечалось, что «вся местная пресса отметила его приезд и его первые выступления, как исключительное, выдающееся явление в жизни Харбина: “почтил-де своим милостивым приездом знаменитый певец Вертинский”» [ГАХК, л. 4] (см. рис. 4).

Об успехе Вертинского доносчик пишет с явной издёвкой, затем устраивает разнос репертуару Вертинского и делает вывод: «Русская эмиграция в настоящее время переживает период здорового объединения, проникнута идеей борьбы с коммунизмом и г. Вертинский с своим репертуаром не ко двору» [ГАХК, л. 4] (см. рис. 4).

О Г. ВЕРТИНСКОМ. 4

Около месяца тому назад на Харбинском горизонте появился певец В ЕРТИНСКИЙ. Вся местная пресса отметила его приезд и его первые выступления, как исключительное, выдающееся явление в жизни Харбина: "почтил де своим милостивым приездом знаменитый певец Вертинский".

В чем знаменитость Г.Вертинского?

Свою карьеру Г.Вертинский начал во время войны в г.Москве, в тот период, когда русское общество быстрыми шагами шло к своему упадку. Ужасы войны на фронте, борьба политических партий в Правительстве и спекуляция в тылу, все это создало атмосферу, в которой явные здоровые явления растворялись, нужно было что-то, что било бы по нервам, угарное с надломом и вот на сцену выступил с своим репертуаром Г.Вертинский - этот певец безвременья.

Он преподнес публике свои чувственные, бьющие по низменным инстинктам души песенки. Его репертуар остался и поныне тем же, как то: "Ваши пальцы пахнут ладаном", "Кокаинеточка" и т.п. Во всех его песенках восхваляется порочность души и тела, искание угарного забвения. Его песни пошлы и не русское общество могут действовать только растлевающе. Русская эмиграция в настоящее время переживает период здорового об"единения, проникнута идеями борьбы с коммунизмом и Г. Вертинский с своим репертуаром ей не ко двору.

Точно известно, что Г. Вертинский наркоман и его кривляние на сцене может быть терпимо только на эстраде кабаке перед пьяной публикой.

Кто посещал концерты Г. Вертинского?

9/10 - женщины в возрасте 25 лет и старше.

1/10 - мужчины старше 40 лет.

Утешительно то, что молодежь осталась к нему безразлична.

Его отношение к женщине вообще, а к русской в особенности самое вульгарное, грязное, несмотря на то, что

Рис. 4. Из доноса о Вертинском [ГАХК. л. 4]

Шанхай. Встречи с Шаляпиным

После гастролей в Харбине в январе-феврале 1936 г. Вертинский вернулся в Шанхай, где вскоре состоялись его встречи с Фёдором Ивановичем Шаляпиным (1873–1938). Дружеские отношения Шаляпина и Вертинского начались после их знакомства в Париже, гастрольные маршруты их часто пересекались: так, в 1935 г. оба гастролировали в Америке, а в 1936 г. – в Китае. «В марте 1935 года Шаляпин вместе с Рахманиновым, Фокиным, мхатовцами аплодировал А. В. Вертинскому в нью-йоркском Таун-холле» [Дмитриевский 2014].

В Шанхае первая встреча певцов состоялась 25 февраля 1936 г. на приёме, который устроили Шаляпину «хламовцы»[14]. Следующая встреча, оказавшаяся последней, состоялась после возвращения Шаляпина с гастролей по Северному Китаю и концертов в Харбине[15] в том числе. В Шанхай артист прибыл 8 апреля, концерт был назначен на 15 апреля, а на 12 апреля пришлось в 1936 г. Пасхальное воскресенье. В эти дни состоялась встреча Шаляпина с Вертинским и знакомство молодого аккомпаниатора Шаляпина, Жоржа Годзинского (1914–1994), со знаменитым певцом Вертинским, чем Жорж гордился. Причём тогда ещё все считали, что Вертинский тоже совершает турне по Дальнему Востоку, как и Шаляпин [Горбунов 2002, с. 330].

Оба артиста всегда относились друг к другу с уважением и обоюдным восхищением талантом другого. Это подтверждает и автор книги о Шаляпине, вышедшей в серии «Жизнь замечательных людей»: «Фёдор Иванович ценил редкостную стилистическую законченность его “ариеток”, изысканный эстетизм, за внешним изяществом которого пронзительно и трепетно звучала трагическая правда живого чувства. …Вертинский навестил Шаляпина в гостиничном номере. Фёдор Иванович хрипло кашлял, кутался в шарф. “Всем своим обликом и позой он был похож на умирающего льва, – вспоминал Вертинский. – Острая жалость к нему и боль пронзили моё сердце. Точно чувствуя, что я больше никогда его не увижу, я опустился около его кресла на колени и поцеловал ему руку”» [Дмитриевский 2014].

Шаляпин в эту встречу подарил Вертинскому свой портрет с дарственной надписью: «Великому сказителю земли русской Александру от странника Фёдора» [Савченко 1996, с. 86].

Шанхай. Концертные площадки

Лучшим местом для сольных концертов Вертинского в Шанхае был театр «Лайсеум», а для ежедневных выступлений – попу-

[14] «ХЛАМ» – общество русских эмигрантов в Китае, объединявшее художников, артистов, литераторов, музыкантов.

[15] Концерты в Харбине прошли в зале кинотеатра «Американ» («American») 16, 19 и 21 марта 1936 г.

лярные кабаре и ночные клубы «Ренессанс»[16], «Аркадия»[17], «Шехерезада», «Кавказ», «Роз-Мари» и другие. На короткое время появилось у Вертинского и собственное кабаре «Гардения»[18].

«Лайсеум»

В театре «Лайсеум» состоялся первый концерт Вертинского в китайской эмиграции, о котором рассказано выше. Красивое здание театра, построенное в 1931 г., являлось центром русской культуры во Французской концессии Шанхая. Двухуровневый зрительный зал вмещал много зрителей. На сцене «Лайсеума» выступали оперная и балетная труппы, играл симфонический оркестр.

В 1939 г. в прекрасном зале этого театра состоялся весенний гала-концерт, в котором приняли участие: Александр Вертинский, танцовщица Берта Червонная и певица Софья Александровна Реджи. Приведём выдержку из программы этого концерта, которой поделился коллекционер-филофонист, исследователь из Екатеринбурга Сергей Леонидович Пестов. Он, в свою очередь, скопировал её с оригинальной программы, обладателем которой был другой коллекционер, поклонник Вертинского.

ТЕАТР ЛАЙСЕУМ
26 апреля 1939 г.
весенний гала
КОНЦЕРТ
Первое отделение
А. Н. ВЕРТИНСКИЙ
1. «Piccolo-bambino»
2. «Джимми-пират»
3. «Ревность»

[16] «Ренессанс» (кит. «Вэнь-и фусин» 文藝復興, англ. «Renaissance») – ресторан в Шанхае, обиталище русских эмигрантов в 1930–40-е гг. В настоящее время здание снесено, на его месте расположен торговый центр.

[17] «Аркадия» («Arcadia») – самое большое кабаре и ресторан в «русском Шанхае». Располагалось в бывшей вилле «Кенлион» сотрудника компании H. M. Schultz & Co. Артура Дабельштайн. Год постройки – 1906, открытие состоялось 6 апреля 1937 г. В настоящее время снесено.

[18] «Гардения» («Gardenia») – бывшее кабаре певца Александра Вертинского в Шанхае. Год основания – 1937. В настоящее время ожидает сноса, скрыто современными постройками.

С. А. РЕДЖИ выступает с обширным репертуаром
БЕРТА ЧЕРВОННАЯ исп.[олняет] «Молитва Шамиля» – кавказский танец
Второе отделение
А. Н. ВЕРТИНСКИЙ
1. «Маленькая балерина»
2. «Мадам, уже падают листья»
БЕРТА ЧЕРВОННАЯ исп.[олняет] «Цыганскую таборную пляску»
С. А. РЕДЖИ выступает со своим обширным репертуаром
Конферансье В. Кларин
Оркестр п/у А. И. Шевцова

«Гардения»

После воспоминаний о первом концерте Вертинского в шанхайском театре «Лайсеум» Юстина Крузенштерн-Петерец рассказывает и о «Гардении»:

> *Следующий концерт тоже прошёл с аншлагом и это подало Вертинскому несчастную мысль открыть своё кабаре. Деньги Вертинский получил от одного французского банкира, через свою приятельницу, «даму полусвета».*
>
> *«Гардения», так называлось кабаре, была обставлена роскошно: стены затянули голубым шёлком, по углам расставили редкие растения, пригласили страшно дорогого шефа-кулинара, буфет снабдили самыми изысканными заграничными винами.*
>
> *Расчёт делался на иностранных тузов, но что им было, этим тузам, до песен нашей тоски? Русской же публике «Гардения» была не по зубам – выбросить за один вечер сотню долларов рядовой эмигрант не мог – для многих эта сумма равнялась месячному жалованью.*
>
> *«Подождём, пока он придёт петь к нам в Ренессанс», – говорили русские. Так и случилось. «Гардения» прогорела. Весь её инвентарь пошёл с молотка, даже старый балахон Пьеро, в котором Вертинский выступал очень редко. От всех этих неприятностей артист сбежал в Циндао [青島] – отдыхать на пляже. А осенью, вернувшись в Шанхай, он подписал контракт с «Ренессансом», где ему, кроме гонорара, предоста-*

вили и стол. Гонорар был, очевидно, скромным, – Вертинский перестал быть гастролёром, стал «своим», своему можно было платить меньше. Вертинский злился, клял всё на свете, но назад в Европу возвращаться не думал.

Мне пришлось интервьюировать Вертинского лишь раз, в этом самом «Ренессансе» [Крузенштерн-Петерец 1972].

Рис. 5. Кабаре «Гардения» (инициалы Вертинского видны на двери клуба) [Князева 2018]

О короткой жизни кафе «Гардения» и авторе идеи его создания рассказала и Лидия Владимировна Вертинская[19]. Одной из поклонниц артиста, боготворившей Вертинского, пришла в голову мысль «открыть ночной клуб и пригласить великолепного Вертинского совладельцем» [Вертинская 2005, с. 44], что и было сделано. Финансировал это мероприятие американец, богатый покровитель Буби[20], как все звали эту даму. Она мечтала освободить своего кумира от хлопот.

По описанию Лидии Владимировны, «…Буби: худощавая, элегантная, стильная блондинка с чёрными глазами. Буби обожала

[19] Лидия Владимировна Вертинская (урождённая Циргва́ва, 1923–2013) – жена А. Н. Вертинского, советская и российская киноактриса и художник.

[20] О Буби Фоминых не удалось найти более подробных биографических данных.

поэзию, знала многое наизусть и любила декламировать… Непревзойдённым она считала чтение стихов, артистизм Вертинского» [Вертинская 2005, с. 44–45] (см. рис. 6).

Арендовали здание, пригласили лучший джаз-оркестр, танцоров, акробатов.

8 апреля 1937 г. состоялось открытие клуба «Гардения». У входа выросла толпа, и далеко не все гости смогли пробиться внутрь, где хозяин лично приветствовал их, дефилируя в безупречном фраке со свежесрезанной гарденией в петлице и смешивая коктейли «а-ля Вертинский». Всё было поставлено на широкую ногу [Князева 2018].

Но именно это, а также отсутствие соответствующего опыта привели к финансовому краху «Гардении». После состоявшегося суда Буби уехала в Гонконг, а Вертинскому пришлось идти в «Ренессанс».

Рис. 6. Буби Фоминых и Александр Вертинский (на переднем плане), предположительно в «Гардении» [Вертинская 2005, с. 102]

«Ренессанс»

Этот кабаре-ресторан надолго стал основным пристанищем Вертинского в Шанхае. Известная в эмигрантских кругах цыганская танцовщица Берта Червонная создала в «Ренессансе» свой цыганский хор и сама выступала с танцами. Александр Николаевич часто пел с цыганами.

В течение шести лет довелось выступать Вертинскому с Бертой Червонной и в «Ренессансе», и в других кабаре и ресторанах. Об их совместных выступлениях в Шанхае рассказывают номера еженедельника «Кстати» короткими сообщениями такого типа: «“Кавказ”, 774, Av. Joffre, тел. 79918, Александр Вертинский с хором цыган Шуры Петрова. Неподражаемая Берта Червонная в своих танцах. Оркестр Вл. Ульштейна. Знаменитые шашлыки! Лучшая кухня в городе. Обеды с 12 часов дня» [Шанхайская Заря 1943] или: «“Renaissance” Александр Вертинский. Берта Червонная. Цыгане. Ежедневно блины» (см. рис. 7) [Кстати 1940, № 11, с. 22].

Рис. 7. Афиша, Журнал «Кстати», Шанхай, 9 марта 1940, № 11 [Кстати 1940, № 11, с. 22]

Юстина Крузенштерн-Петерец вспоминала:

В “Ренессансе” Вертинский устроился прочно. Ресторан пристроил ещё один зал, с эстрадой: там цены были дороже, хотя слушать Вертинского можно было и из первого. Так или иначе, в часы выступлений артиста оба зала были полны – публика никогда не уставала от своего певца [Крузенштерн-Петерец 1972].

Новый зал назвали «Ампирным», открытие состоялось в октябре 1939 г. Объявление об открытии «Ампирного зала» в журнале «Кстати» от 28 октября 1939 г. включало факсимиле Александра Вертинского (см. рис. 8) [Кстати 1939, № 31].

Рис. 8. Афиша об открытии Ампирного зала в Ренессансе в журнале «Кстати» 1939 г. [Кстати 1939, № 31]

Кроме Ампирного зала, в тёплое летнее время «Ренессанс» привлекал публику своим уютным зелёным садом с иллюминацией (см. рис. 9) [Кстати 1940, № 29].

Рис. 9. Афиша «Ренессанс. Сад открыт и иллюминован. Фонтан, много зелени», журнал «Кстати» [Кстати 1940, № 29]

Иногда Вертинский пел с цыганами, иногда без них, со своим музыкальным ансамблем (см. рис. 10) [Кстати 1939, № 35]. Об этом ансамбле он рассказывал в одном из интервью: «Лидером оркестра является скрипач Шварцлендер – это новый для Шанхая скрипач из Европы, но не беженец. Это один из даровитых русских музыкантов. У рояля будет Аркадий Вебер, совершенно незнакомый Шанхаю тяньцзинский пианист. Кроме того, в оркестре – лучший на Дальнем Востоке гитарист Герман Бартен, игравший когда-то у меня в "Гардении". С этим гитаристом я буду исполнять цыганские романсы… и нельзя обойти молчанием помощь А. Я. Рихтера, который изумительно быстро и точно записывает мелодии» [Вертинский 1991, с. 550].

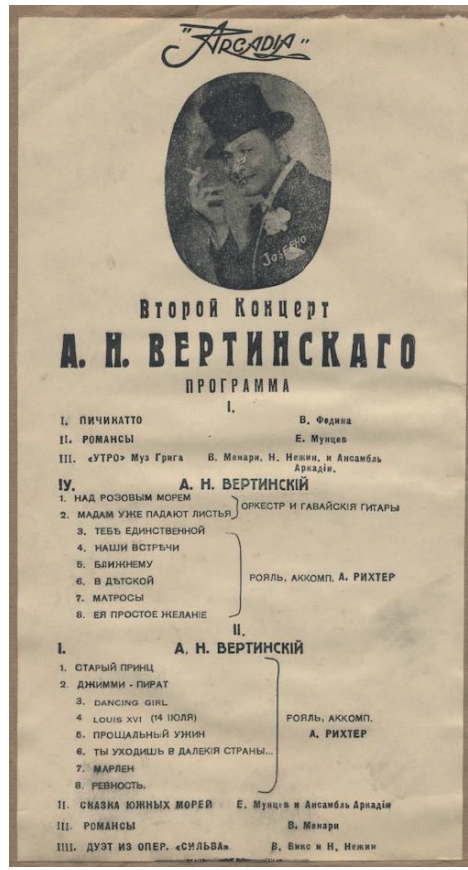

Рис. 10. Афиша о выступлении Вертинского с ансамблем в Ренессансе [Кстати 1939, № 35]

«Аркадия»

В 1940 году в шанхайском кафе «Аркадия» состоялся концерт, названный в афише «Второй концерт А. Н. Вертинского» (см. рис. 11). По предложению Вертинского в концерте приняли участие Евгений Мунцев и его жена Вера Менари. Солисты оперетты Менари и Мунцев обычно и в концерты вводили дуэты из оперетт, но в этот раз программа была иная. В первом отделении Евгений

Мунцев пел романсы, а Вера Менари совместно с Н. Нежиным[21] и ансамблем «Аркадия» – музыкальный номер «Утро» Эдварда Грига (1843–1907). Во втором отделении Вера Менари исполняла романсы, а Евгений Мунцев с ансамблем «Аркадия» – «Сказку южных морей» [Князева 2019].

"ARCADIA"

Второй Концерт

А. Н. ВЕРТИНСКАГО

ПРОГРАММА

I.

I. ПИЧИКАТТО — В. Федина

II. РОМАНСЫ — Е. Мунцев

III. «УТРО» Муз Грига — В. Менари, Н. Нежин, и Ансамбль Аркадіи.

IУ. А. Н. ВЕРТИНСКІЙ

1. НАД РОЗОВЫМ МОРЕМ
2. МАДАМ УЖЕ ПАДАЮТ ЛИСТЬЯ — ОРКЕСТР И ГАВАЙСКІЯ ГИТАРЫ
3. ТЕБЪ ЕДИНСТВЕННОЙ
4. НАШИ ВСТРѢЧИ
5. БЛИЖНЕМУ
6. В ДѢТСКОЙ — РОЯЛЬ, АККОМП. А. РИХТЕР
7. МАТРОСЫ
8. ЕЯ ПРОСТОЕ ЖЕЛАНІЕ

II.

I. А. Н. ВЕРТИНСКІЙ

1. СТАРЫЙ ПРИНЦ
2. ДЖИММИ - ПИРАТ
3. DANCING GIRL
4. LOUIS XVI (14 ІЮЛЯ) — РОЯЛЬ, АККОМП. А. РИХТЕР
5. ПРОЩАЛЬНЫЙ УЖИН
6. ТЫ УХОДИШЬ В ДАЛЕКІЯ СТРАНЫ...
7. МАРЛЕН
8. РЕВНОСТЬ.

II. СКАЗКА ЮЖНЫХ МОРЕЙ — Е. Мунцев и Ансамбль Аркадіи

III. РОМАНСЫ — В. Менари

IIII. ДУЭТ ИЗ ОПЕР. «СИЛЬВА» — В. Бико и Н. Нежин

Рис. 11. Программа Второго концерта А. Н. Вертинского, Шанхай, кабаре «Аркадия», 1940 г. [Князева 2019]

[21] К сожалению, не удалось найти данные об артисте с именем или псевдонимом Н. Нежин.

Вероятно, не только «Утро», но и «Сказка южных морей» явились вариациями с текстом на отдельные музыкальные номера из музыки Эдварда Грига к спектаклю по драме Генрика Ибсена (1828–1906) «Пер Гюнт». Первоначально в музыке к спектаклю было 23 номера. Премьера спектакля состоялась в 1876 г., музыка к нему была столь красива и популярна, что через 10 лет Грига убедили на её основе сделать инструментальную сюиту, чтобы она звучала независимо от спектакля – в концертах. В сюиту вошли темы восьми номеров.

Вертинский исполнил в концерте песни, написанные в разное время, на свои слова[22] и на стихи других авторов[23]. Прозвучавшая в числе первых «Мадам, уже падают листья» была записана на пластинку фирмой Parlophon[24] в Европе в 1930–1933 гг., благодаря чему уже разнеслась по миру и была знакома поклонникам Вертинского в среде русской эмиграции в Китае. А песня «Тебе единственной» на стихи А. Блока была написана только в этом году (1940).

Шёл 1940 год, июль, Вторая мировая война ещё не докатилась до нашей страны, а во Францию уже вошли немцы. Любимый Вертинским Париж оккупирован, и Александр Николаевич вводит в концерт песню «Louis XVI (14 июля)»[25], написанную в 1939 г. на стихи Михаила Волошина.

Необычна история создания стихов для этой песни. В 1917 г. Волошин написал композицию из двух стихотворений о французской революции: одно о взятии Бастилии, второе – о взятии Тюильри. Композиция называется «Две ступени» и посвящается Марине Цветаевой (1892–1941). Первое стихотворение написано

[22] «Мадам, уже падают листья» (1930 г.), «Джимми-пират» (1934 г.), «Dancing girl» (1937 г.), «Louis XVI (14 июля)» (1939 г.), «Прощальный ужин» (1939 г.), «Марлен» (1935 г.).

[23] «Над розовым морем» (1925 г., сл. Г. Иванов), «Тебе единственной» (1940 г., сл. А. Блок), «Наши встречи» (сл. В. Кривич), «Ближнему» (сл. В. Смоленский), «В детской» (сл. В. Инбер), «Матросы» (сл. Б. Даев), «Ея простое желанье» (сл. А. Ахматова), «Старый принц» (сл. Л. Зилов), «Ты уходишь в далёкие страны» (сл. Л. Никулин), «Ревность» (1939 г., сл. С. Рамм).

[24] Фирма грамзаписи Parlophon (Германия – Англия – Франция), основана в 1923 г.

[25] Эта песня появлялась в программах под разными названиями: «Louis XVI», «14 июля», «Людовик XVI».

под впечатлением от одной короткой фразы из дневника короля Людовика XVI: «14 июля 1789 г. – ничего». Именно оно привлекло внимание Вертинского и в 1939 г. стало песней «14-е июля».

Об этой песне коротко сказал сам автор:

> *В песенке «Людовик XVI» говорится о короле и Французской революции. 14 июля король мирно охотился в своих лесах и ничего не знал о мятеже в Париже. Он спокойно записал в дневник: «14 июля – ничего». Он подразумевал – ничего не убито на охоте, но зато он потерял в этот день трон, страну и голову* [Вертинский 1991, с. 549].

Оперетта

В Шанхае при театре «Лайсеум» с 1935 г. работала опереточная труппа. Труппа была создана в 1931 г. в антрепризе А. К. Карпи[26] прибывшим в Харбин из СССР артистом оперетты Валентином Валиным[27], но уже в 1932 г. антреприза перебралась в Шанхай. Вертинский решил попытаться разнообразить свою артистическую жизнь участием в опереттe. Дирекция театра с радостью пошла на эксперимент, но артисты труппы недоумевали, ведь всем было известно о такой особенности речи известного певца, как заметное грассирование. Вертинскому предложили роль графа Данилы в опереттe «Весёлая вдова». Партию Ганны исполняла жена Валентина Валина, примадонна труппы Екатерина Орловская.

«Она была молода, необыкновенно красива и обаятельна, пикантна, имела превосходную фигуру, а главное – её музыкальные способности можно назвать уникальными… Голос её отличался необыкновенной красотой и особым тембром», – вспоминал Виталий Серебряков, музыкант из джаз-оркестра Олега Лундстрема [Крыловская 2013].

Настал день премьеры с Вертинским в главной роли. Мнения о «графе Даниле» были разные. Приведём два из них.

---

[26] Биографические данные неизвестны.

[27] Валин Валентин Евгеньевич (настоящая фамилия Катхе) – артист, режиссёр. Артистическую карьеру начал в 1916 г. в Казанском Большом театре, выступал в опереттe в СССР (до и после эмиграции) и в Китае.

Юстина Владимировна Крузенштерн-Петерец, хотя и отметила, что «Данило в исполнении Вертинского был… безукоризненно элегантен», в целом раскритиковала певца в этом жанре:

> *Пробовал Вертинский и оперетту. Ему дали петь графа Данилу в «Весёлой вдове». Тут он провалился – не хватало голоса, не подходила сама манера пения, не подходила и внешность: хотя ему было тогда немногим больше пятидесяти, он уже сильно обрюзг и образ молодого влюблённого графа у него не вышел. Вертинский и сам это понял, но юмористически заметил: «По крайней мере, я показал, как нужно носить фрак»* [Крузенштерн-Петерец 1972].

Иным было мнение одного из первых биографов Вертинского. Владимир Гаврилович Бабенко не только изучал архивные материалы, но и общался[28] с людьми, близко знавшими Вертинского, в том числе и с Валентином Валиным. Бабенко пишет:

> *И вот на сцену вышел высокий, статный, исполненный благородства граф Данило в безукоризненно сидящем фраке. Вся его жизнь на сцене была пронизана тонким юмором, который Вертинский как никто умел донести до зрителя. Александр Николаевич филигранно отделал все номера и дуэты своей партии. Образ получился выпуклым, ярким. Это была, несомненно, лучшая актёрская работа в спектакле* [Бабенко 1989].

Не один сезон пел Вертинский в «Весёлой вдове», ездил с труппой на гастроли, в частности в Циндао. За это время у него сложились дружеские отношения с Валиным. Труппа распалась, вероятно, в 1937 г. [Бабенко 1989]. На этом прекратилась и карьера Вертинского в оперетте.

Чувство русское тоски[29]

Вертинский ехал в Китай на гастроли. «Он рассчитывал пробыть в Шанхае с полгода и вернуться в Западную Европу, где, может

[28] Автор выразил глубокую благодарность сотрудникам ЦГАЛИ, архива ЛГИТМиК, а также М. Б. Брохесу, В. Е. Валину, В. С. Рутминскому, С. Л. Пестову и всем, кто оказал помощь в поисках фактического материала, положенного в основу настоящей книги [Бабенко В. Г.].

[29] Из стихотворения А. Вертинского «О нас и о Родине», 1935 г.

быть, наступит потепление политического климата…» [Бабенко 1989]. Первые концерты в Харбине, Шанхае, Тяньцзине проходили с огромным успехом, несмотря на дорогие билеты. Но ажиотаж вокруг них постепенно спадал. От предложений Голливуда снять фильм о его судьбе Вертинский окончательно отказался, т. к. сценарий должен быть на английском языке, который ему и не нравился, и не давался к изучению [Савченко 1996, с. 111–112].

В Европе политическая ситуация не становилась лучше. Всё было зыбко, нестабильно, и, переиначив известные слова А. С. Пушкина, можно сказать, что уже через год пребывания Вертинского в Китае «русская тоска им овладела понемногу». В ноябре 1936 г., находясь с концертами в Тяньцзине, артист писал главному редактору «Шанхайской зари» Л. В. Арнольдову, к которому испытывал расположение:

> *Мой дорогой друг,*
>
> *У меня сегодня скверно на душе, и я решил написать вам, потому что вы единственный человек в этой жёлтой стране, с которым я могу разговаривать и который меня понимает. У меня завелись в душе вши. Это от поездки, от вагонов, людей, городов… От всей этой запаршивелой эмиграции… От Харбина… От грязных отелей, скучных людей… затхлых суждений и взглядов… лицемерия… пошлости… А эмиграция это не кто оторвались от левого берега и правого не нашли, – не доплыли до него*[30] [Попова 2003].

Вертинский гастролировал с сольными концертами и в других городах Китая с русским населением, но часто их устраивать было невозможно, просто нерентабельно. Жизнь эмигрантов в Китае была несравнимо сложней, трудней и безденежней, чем в европейских странах. Сольные концерты в престижных залах

[30] Автор публикации этого письма историк-архивист Светлана Попова даёт пояснение: «Машинописный текст письма Вертинского Арнольдову обнаружен в одном из дел фонда В. Л. Бурцева, известного деятеля русской политической эмиграции, в парижское агентство которого “Унион” в 1918–1919 гг. поступали из Омска телеграммы информационного характера о гражданской войне в Сибири. В машинописном варианте, бережно перепечатанном, возможно, самим Арнольдовым, сохранены все грамматические и интонационные особенности письма Вертинского (ГА РФ. Ф. 5802. ОП. 1. Д. 2148. Л. 95)».

случались уже не так часто. Порой артисту, осыпаемому цветами и овациями в концертных залах Европы, Палестины, Америки, приходилось брать шанхайского рикшу и ехать в какое-нибудь заурядное ночное заведение, бар или кафешантан, ехать в ночь и в дождь. Постоянного места проживания у немолодого певца не было: то отель, то съёмные комнаты. Сохранился один из отелей, где проживал какое-то время Александр Николаевич, сейчас (2019 г.) это апартаменты «Линкольн», напротив Шанхайской библиотеки [Князева 2018].

Издание сборников песен Вертинского в Китае

В китайской печати были изданы два сборника песен Вертинского. Один из них ещё в 1930 г., до приезда сюда их автора и исполнителя; второй, вероятно, позже, уже при участии Вертинского, в Шанхае. О нём вспоминал В. А. Слободчиков:

> *Любвеобильные дамы помогли Вертинскому издать большой крупноформатный сборник его песен и стихов. Сборник был немедленно раскуплен и уже в Шанхае стал библиографической редкостью. Мне удалось сохранить один экземпляр. У меня также есть небольшой сборник песен Вертинского, изданный в Харбине в 1930 году* [Слободчиков 2005, с 209].

В Библиотеке имени Гамильтона Гавайского университета имеются оба эти сборника, и оба под названием «Песенки Вертинского»: малый, харбинский – на 24 страницы [Полански 2002, с. 58, п. 92][31] и большой, шанхайский – на 47 страниц [Полански 2002, с. 58, п. 91][32]. Кроме того, в этой библиотеке имеется интересный сборник: «Любимые песенки»[33]. Сборник включает тексты новых песен и романсов популярных харбинских певцов Л. Вительса,

[31] Песенки Вертинского. – 2-е изд. – Харбин: Зигзаги, А. Ф. Любавина, 1930. – 24 с.: портр., рекл.

[32] Песенки Вертинского. – [Шанхай?]: Родина. Б. г. – 47 с.

[33] Любимые песенки: Сб. (песен А. Вертинского, Л. Вительса, И. Грановской, А. Кармелинского, М. Садовской, Е. Селинской и А. Шеманского) / Сост. А. Петров-Полишинель. – Харбин. Тип. Н. А. Френкеля. [1930]. – [28] с.: ил., портр., рекл. На обложке назв.: «Любимых артистов. Либретто новейших песен и романсов».

И. Грановской, А. Кармелинского, М. Садовской, Е. Селинской и А. Шеманского [Полански 2002, с. 104] (см. ил. 14). В его составе 28 страниц с иллюстрациями, портретами и рекламой. Сборник выпущен в 1930 году, до приезда Вертинского в Китай ещё целых пять лет, однако издателем включены также тексты песен этого знаменитого певца. В составе сборника 15 песен Вертинского, 9 – Садовской, 8 – Кармелинского и по 3–4 песни других певцов. О каждом артисте на целый разворот сборника была размещена статья о его творчестве.

Рис. 12. Сборник песен А. Вертинского, издательство «Зигзаги» (из коллекции С. Л. Пестова, г. Екатеринбург) [Вертинский. Новые песенки]

Рис. 13. Реклама в журнале «Зигзаги», Харбин, № 43, 24 октября 1936 г. [Зигзаги 1936, № 43]

Рис. 14. Из каталога «Русская печать в Китае, Японии и Корее» Патриции Полански [Полански 2002, с. 104].

Содержание сборника:

А. Вертинский: Песенка о моей жене, Femme Raffinee, О всех усталых, Ты успокой меня, В синем далёком океане, Бразильский крейсер, Испано-Сюиза, Лиловый негр, Я сегодня смеюсь над собой, Полукровка, Сероглазый король, Письмо к даме, Концерт Сарасатэ, Ракель Меллер, Джонни.

Л. Вительс: Серенада Дон Жуана, Отчего?, Сомнение.

И. Грановская: Очки, Дорогой длинною, Ведь жизнь одно мгновенье, Женихи, Маркиза и король, Медовый, аметистовый.

А. Кармелинский: Умирали розы, Принцесса Ирена, Под наркозом, Это было недавно, Снежинка, Моя звезда, Скомканный платочек, Серный эфир.

М. Садовская: Всё понятно и проверено, Мы только знакомы, Тени минувшего, Дайте веселья, Эй, гитара, спой в последний раз!, Дни за днями катятся, Эх, улетело былое, Часы считать, Марш авиаторов.

Е. Силинская: За добрый совет, Песня, Кабы знала я…

А. Шеманский: У ярких звёзд я взял мерцанье, Отдай мне эту ночь, Не верь!, Твои.

Песни, написанные в Китае

Практически о каждой стране эмиграции у Вертинского есть песня, посвящённая ей или навеянная ею: «В степи молдаванской», «Пани Ирена», «Палестинское танго». Китай тоже должен

был оставить музыкальный след в его репертуаре. И в самые первые дни пребывания в Шанхае артист устроил встречу с местными поэтами. Об этом рассказал В. А. Слободчиков [Слободчиков 2005, с. 202, 209–210]. К этому времени почти все члены известной «Чураевки»[34], харбинского сообщества поэтов и литераторов, перекочевали в Шанхай. На встрече певец сказал, что будет рад написать песни на слова местных поэтов. Вскоре, уже в 1936 г., Михаил Волин[35] предложил Вертинскому сразу несколько стихотворений, из них Александр Николаевич сразу выбрал одно – «Игуменья». Эту песню он пел в своём недолговременном кафе «Гардения», всегда отмечая, что текст песни написан шанхайским поэтом Михаилом Волиным. Песня прочно вошла в репертуар, а позже в 1943 г. родилась ещё одна песня на стихи Михаила Волина – «Дорогая пропажа».

Песни, написанные в Китае, отражали не только состояние души Вертинского, но и жизнь эмигрантов. Стали популярными две песенки Вертинского, написанные им, что называется, с натуры. В барах и танцзалах Шанхая появились у бедных русских молодых эмигранток новые профессии: «бар-гёрлс» и «дансинг-гёрлс». Эти девушки были обязаны составлять компанию одиноким посетителям баров и танцзалов. Песни о судьбе этих девушек Вертинский так и назвал: «Бар-гёрлс» и «Дансинг-гёрлс»[36].

Сейчас в нашем XXI веке не каждый знает, что это за профессия. Михаил Николаев, бывший житель Шанхая, приехал в 2002 г. из Америки на свидание с городом своей молодости. Во время встречи в «Русском клубе в Шанхае» он объяснял суть этих профессий. Правда, вспоминая, он их объединил в одну:

---

[34] «Чураевка» – объединение русских творческих сил Харбина, главным образом молодых литераторов, примечательное явление культурной жизни Харбина. Основано в 1926 г. по инициативе педагога и поэта Алексея Алексеевича Грызова (псевдоним А. Ачаир, 1896–1960). В Харбине существовало до 1934 г. С изменением политической ситуации русские эмигранты из Харбина уезжали в Шанхай – появился термин «шанхайская Чураевка».

[35] Михаил Волин (псевдоним) – поэт-эмигрант. Настоящее имя Володченко Михаил Николаевич (1914–1997). Отец его был секретарём посольства Российской империи в Монголии, в конце XIX века семья переехала в Китай, где родился Михаил. Публиковать стихи начал с 16 лет, являлся членом «Чураевки», в 1949 г. эмигрировал в Австралию.

[36] «Bar-girls», «Dancing girls».

Необходимо чётко разделить два понятия: нельзя смешивать так называемых «дансинг-герлз» и проституток. Это совершенно разные профессии. «Дансинг-герл» зарабатывали немного, всё зависело от того, где они танцевали. В этой профессии всё было просто: нужно привлечь как можно больше клиентов в танцзал и кружиться с ними весь вечер, исполняя обязанности весёлой партнёрши. В конце такого вечера девушки так уставали, что ни о каких предложениях и думать не могли. Попробуйте, потанцуйте несколько часов! В таких известных ресторанах и барах, как «Метрополь» и «Парамаунт», на девушек-танцовщиц был большой спрос, поскольку было больше богатой китайской клиентуры. Там девушки за танец получали так называемый «тикет-данс» (билет), причём щедрые китайцы могли купить много билетов для одной девушки. Кроме того, «дансинг-гёрлз» зарабатывали тем, что побуждали клиентов покупать напитки, за продажу которых девушки получали определённый процент. Сами девушки чаще пили чай, не спиртное. В больших ресторанах работали приличные девушки (а позднее наряду с русскими стали работать и китаянки), которые тоже ничего лишнего себе не позволяли. В противном случае они могли лишиться места, ибо большие рестораны дорожили своей репутацией. У этих девушек существовало и «разделение труда» – например, за баром девушки получали деньги с того количества «дринков»[37]*, на которые могли раскошелиться их клиенты. Естественно, клиенты покупали напитки и для девушек, и для их подруг* [Черникова 2002].

За восемь эмигрантских лет в Китае Вертинским написано около 50[38] песен, из них на слова Вертинского и при его соавторстве – около 26. Не все творения получили громкую известность и сохранили долгую песенную жизнь, как например: «Прощальный ужин» (1937 г.), «Над розовым морем» (1936 г.), «Я – маленькая балерина» (1938 г.), «Как хорошо без женщин, без фраз…» (1940 г.)

[37] Drink (англ.) – от «пить, выпивать», в данном случае «спиртной напиток».

[38] Списки песен Вертинского с указанием авторов, даты и места написания составлялись автором статьи в своё время по разным источникам, в том числе по интернет-ресурсам, которые уже удалены из Сети по разным причинам.

Многие песни не были записаны на пластинки и теперь живут только на бумаге.

Тоска по Родине находила выражение в стихах и песнях и в начале пребывания в Шанхае, и тем более с началом Второй мировой войны. Появились песни «О нас и о Родине» (1935 г.), «Чужие города» (1936 г.), «Наше горе» (1942 г.), «Иная песня» (1943 г.).

Работа в печати

В Шанхае издавались русские эмигрантские газеты и журналы, в которых довелось работать и Вертинскому. Периодические издания выпускались различных направлений и содержания. В круг близких знакомых Вертинского быстро вошли издатели и редакторы: Е. С. Кауфман, Л. В. Арнольдов и другие.

Редакция газеты «Шанхайская заря»[39], где редактором был Арнольдов, находилась напротив кафе «Ренессанс», в котором Вертинский пел и по договору с владельцем имел свой стол в ресторанном зале. В «Ренессансе» случайно состоялось знакомство певца с журналисткой «Шанхайской зари» Наталией Ильиной[40]. Вскоре Ильина оказалась в числе создателей еженедельной газеты «Шанхайский базар»[41].

Газетка была маленькая, рекламно-информационного характера и совершенно аполитичная. Чтобы привлечь читателей, решили печатать в ней материалы развлекательного типа – анекдоты, юморески. Для этого и была приглашена Наталья Ильина, уже известная своими фельетонами и острым языком.

С момента нападения Германии на СССР эмигрантское общество в Шанхае разделилось на два лагеря: «пораженцы» и «обо-

[39] «Шанхайская заря» – эмигрантская газета, основанная в 1925 г. журналистом М. С. Лембичем. Главный редактор – китаевед и журналист Л. В. Арнольдов.

[40] См. примеч. 7.

[41] «Шанхайский базар» (1940–1941) – еженедельная сатирическая газета. Издатель и главный редактор А. П. Григорьева. Редактор Н. И. Ильина. С момента объявления войны Германии на СССР газета принимает ярко выраженную патриотическую направленность, начинает остро враждовать с инакомыслящими эмигрантскими изданиями и организациями, в том числе и с «Шанхайской зарёй». В результате «Шанхайский базар» подвергается преследованиям полиции и в 1941 г. прекращает своё существование.

ронцы». «Пораженцы» были за поражение СССР в войне против немцев, а «оборонцы» – за победу СССР. Произошло разделение и в печати: газета «Шанхайская заря» осталась белоэмигрантской, а «Шанхайский базар» стал просоветской газетой. Ильина рассказывает, что однажды в эмигрантской печати появилось совместное заявление «нескольких организаций ("Союз монархистов", "Союз инвалидов" и ещё какие-то "союзы") об их готовности сражаться на стороне немцев за "освобождение России"». Отклик газеты «Шанхайский базар» на эту публикацию был резким и, как признаёт Ильина, некорректным, ибо была в нём фраза примерно такая: «Свиное рыло высунулось и хрюкнуло» [Ильина 1991, с. 220].

Политический отдел французской полиции, а редакция находилась на территории французского сеттльмента Шанхая, в качестве наказания запретил выпуск одного номера газеты. «Но посыпались читательские письма, нашу позицию поддерживающие, и среди них письмо Вертинского» [Ильина 1991, с. 221].

На этой волне совершенно неожиданно для себя издатели «Шанхайского базара» «…приобрели трёх прекрасных сотрудников, присоединившихся из чистого энтузиазма: З. Казакова, Вс. И. Иванов[42] и А. Вертинский. Бывшая драматическая актриса Казакова (псевдоним "Алексей Лохмотьев") вполне квалифицированно и очень едко освещала театральную жизнь Шанхая. Вс. Н. Иванов писал статьи и фельетоны (псевдонимы "Н. Игнатьев" и "Княгиня Мягкая"). Вертинский вёл "Почтовый

[42] Иванов (псевдоним – доктор Финк) Всеволод Никанорович (1888–1971) – писатель, философ, китаевед, фотограф с времён Первой мировой войны, разведчик. Биографы убеждены, что Иванов является прообразом Штирлица в фильме «Семнадцать мгновений весны». В Китае жил в Харбине, Тяньцзине, Шанхае (1922–1945). Редактор русско-китайской официальной газеты «Гун-Бао» («Гун Бао», KUNG PAO, 1926–1937), первый редактор китаеведческого журнала «Вестник Китая», редактор газеты «Наш путь». С 1931 г. официально поступил на работу в советскую газету «Шанхай Геральд», выходившую на английском и русском языках, и получил советский паспорт. С момента получения советского гражданства труды Иванова через ТАСС начали попадать в центральную советскую прессу: «Правду», «Известия» и другие.

На просоветские позиции перешёл в мае 1936 г. Работал в газете China Daily Herald (до 12 октября 1937 г.), публиковался в газете «Новости дня» (1936–1937 гг.), затем стал главным редактором журнала «Мой журнал» (с 7 ноября 1937 г.), выступал на шанхайской радиостанции «Голос Родины». В Шанхае был женат на З. И. Казаковой (третий брак). Вернулся в СССР в феврале 1945 г., жил в Хабаровске, занимался литературной деятельностью.

ящик" ("Нострадамус")[43] и отделы "В своём углу" и "Про всё", их подписывал собственным именем. Мастер застольных бесед, шуток, анекдотов, импровизаций – их-то Вертинский у нас и публиковал. В напечатанном виде, лишённые интонаций, игры лица, жестов, рассказики эти много теряли, но вполне годились как приятно-развлекательное чтение. В "Почтовом ящике", который мы… стремились давать в каждый номер, Вертинский юмористически отвечал на им же самим придуманные читательские письма и произведения», – рассказывает Наталия Ильина [Ильина 199, с. 221].

«Иногда "Нострадамус" подводил, материал не был готов к выходу нового номера, приходилось срочно искать Вертинского. Находили его, конечно, в "Ренессансе" и там же, за столиком в своём углу он писал свои весёлые мелочи в номер» [Ильина 1991, с. 221–222].

Вертинский сотрудничает с советскими организациями: выступает с концертом в Клубе советских граждан, участвует в передаче радиостанции ТАСС «Голос родины», начинает писать свои воспоминания об эмигрантской жизни и публиковать их в просоветской газете «Новая жизнь»[44], издаваемой в 1941–1948 гг.

После возвращения в СССР продолжил эту работу, стараясь запечатлеть то, что сохранила его память, но, к сожалению, рукопись осталась незаконченной. Часть мемуаров под названием «Четверть века без Родины» опубликовал журнал «Москва» в 1962 г. Отредактированная и дополненная стихами, зарисовками, эта книга под новым названием «Дорогой длинною…», которое ей дал Вертинский, увидела свет только в 1991 г.

Женитьба

В Шанхае Вертинский встретил свою диковинно красивую «птицу счастья» и, наконец, обрёл семью. Вся жизнь поэта была наполнена очарованиями, влюблённостями. Уже здесь, в Шан-

[43] В рубрике «Почтовый ящик» ответы на письма читателей помещались от лица некоего «Нострадамуса», за которым скрывался Вертинский.

[44] «Новая жизнь» (Шанхай, 1941–1948) – ежедневная газета, редактор Н. А. Щёголев, издатели М. Н. Кулеш, Чэнь Бин-и.

хае, было сильное увлечение поэтессой и танцовщицей Лариссой Андерсен – и её стихами, и её тонкой красотой. Но чувство артиста осталось безответным.

Своё восхищение стихами Лариссы из её готовящегося к печати сборника «По земным лугам» Вертинский опубликовал в очерке «Ларисса Андерсен» в газете «Шанхайская заря» в 1943 г. [Шанхайская Заря 1943, № 4820].

Ещё раньше был первый брак, заключённый в 1923 г. в Берлине. Встреча с первой избранницей, девушкой из интеллигентной богатой еврейской семьи, произошла в приморском курортном Сопоте во время сольного концерта Вертинского. После бракосочетания Рахиль Яковлевна Потоцкая, которую сам Александр Николаевич называл ласково «Рали», по документам превратилась в Ирен Владимировну Вертидис. Эти данные повторяются всеми источниками практически слово в слово. Но в 2020 г. появились результаты новых исследований, проведённых и опубликованных участниками форума «Дань эпохе» на сайте, посвящённом другому певцу эмиграции – Петру Лещенко (1898–1954). Исследователями выявлено, что фамилия Рали не Потоцкая, а Потольская, что семья её жила в Москве, но после Октябрьской революции вынуждена была бежать от еврейских гонений на Запад. По этой же причине, как предполагают авторы исследований, в Берлине Рахиль сама поменяла имя и отчество на более русскозвучащие. А при регистрации брака сменила только фамилию на Вертидис [Рахиль Потольская – прекрасная Ирена 2020].

Однако дома у новой семьи, по сути, и не было, а были постоянные гастроли Вертинского с очередными увлечениями, влюблённостями. Рали не могла с этим примириться, и много раз они то расходились, то сходились.

Во многих публикациях пишут, что длился этот, так сказать, прерывистый брак в течение примерно шести-семи лет. Но официально он просуществовал 18 лет: с 1923 по 1941 г., согласно свидетельству о разводе из архива певца. При этом, судя по воспоминаниям Юстины Крузенштерн-Петерец и других шанхайцев, Рали приехала в Шанхай вслед за Вертинским и общение пары продолжалось и в Китае:

> *Жена Вертинского, прелестная Ирэн, приехала несколько позже. В первый раз её увидели у заутрени. В воздушном белом платье она казалась молоденькой девушкой. Супруги нежно христосовались* [Крузенштерн-Петерец 1972].

Некоторые из шанхайских современников Вертинского вспоминали, что бывало, когда дела финансовые шли совсем плохо, выручала та же «женулечка-жена»[45]. «Как всегда, когда положение было туго, выручала "женулька". Она была прекрасная бриджистка и по вечерам давала сеансы бриджа в клубах. Даже англичане, о которых говорят, что они рождаются с картами в руках, приходили в восторг от её умной изящной игры. Но англичан, как и американцев, японцы засадили в лагеря для военнопленных, большие клубы закрылись, спрос на "профессоршу бриджа" прекратился. Чтобы как-то сводить концы с концами, Вертинская, обладавшая большим вкусом, завела у себя на дому модный салон для ограниченного числа клиенток» [Крузенштерн-Петерец 1972].

Первый брак был официально расторгнут только перед венчанием с Лидией Владимировной Циргвава. Шанхайским гражданским судом было принято решение о разводе Александра Вертидиса с Иреной Вертидис – с обоюдного согласия обеих сторон. При разводе все трое стали Вертинскими [Бабенко 1989].

26 апреля 1942 г. в Кафедральном православном соборе Шанхая состоялось венчание с девятнадцатилетней Лидией Циргвава, подарившей Вертинскому преданную любовь, «доченек»[46] и семейный дух.

Позже, в марте 1943 г., брак был официально зарегистрирован в советском посольстве в Японии, так как к этому времени японцы уже оккупировали не только Маньчжурию, но и Шанхай. После регистрации брака стал возможен отъезд семьи Вертинского на родину.

---

[45] Строки из Песни Вертинского «Песенка о моей жене», написана в 1930 г.:
«Ты не плачь, не плачь, моя красавица,
Ты не плачь, женулечка – жена.
В нашей жизни многое не нравится,
Но зато в ней столько раз весна!»

[46] Из песни Вертинского «Доченьки» (1945 г.): «Доченьки, доченьки, доченьки мои!..»

Н. Вертинскій женится.

олученных с послѣдней шанхайских газетах на сообщеніе о предстоя- адьбѣ извѣс наго арти ександра Николаевича

ВСѢ, ВСѢ

Вертинскаго, рѣшившаго сочетаться законным браком с од ной бывшей харбинкой.

В сдѣланном архіерейской канцеляріей оглашеніи говорится:

Изъявили желаніе вступить в законный брак уроженец Кіева, Александр Николаевич Вертинскій, неженатый с уроженкой Харбина, Лидіей Владимировной Циргава, дѣвицей.

8 АПР 194-

Рис. 15. Сообщение в газете Шанхая от 8 апреля 1942 г. о бракосочетании А. Вертинского и Л. Циргвава [ГАХК, л. 6.]

Возвращение

В первый раз Вертинский делал попытку вернуться на родину ещё в Польше в 1924 г.[47] по совету полномочного представителя СССР в Польше Петра Лазаревича Войкова[48]. Попытка не увенчалась успехом. Вертинский пишет: «Я, впервые заполнив соответствующие анкеты, обратился с просьбой разрешить мне вернуться на родину. К моему прошению была приложена ещё и личная рекомендация посла, составленная вполне благожелательно для меня. Советское правительство в просьбе моей отказало» [Вертинский 1991, с. 169–170].

Вторая попытка была сделана в 1937 г., по предложению со стороны СССР. Из письма Вертинского Б. В. Белостоцкому[49] от 19 марта 1937 г.:

[47] Вертинский в мемуарах указывает дату 1922 г. Но вероятней дата 1924 г., так как послом в Польше Войков был назначен только в 1924 г.

[48] Войков Пётр Лазаревич (1888–1927) – революционер, советский политический, государственный деятель, член РСДРП с 1903 г., дипломатический работник. В 1924 г. назначен полномочным представителем СССР в Польше.

[49] Белостоцкий Борис В. (он же Пластунов Борис, 1896–1988) – артист Музыкальной студии Московского художественного театра под руководством В. И. Немировича-Данченко. Эмигрировал в Америку, выступал в ресторанах «Садко» (1930–весна 1931), «Арбат» (осень 1931–1932), «Новый Петрушка» (1932–1933), «Усадьба» (1934–1935), «Мезонет рюс» князя Оболенского в отеле «Сент-Реджис» (1935–1936). Солист Хора донских казаков под управлением Сергея Жарова. Пел в церковном хоре.

> *Я еду домой. Я удостоился высокой, до слёз чести – меня единственного из всей эмиграции Родина позвала к себе. Я не просился, не подавал никаких прошений, анкет и пр. Я получил приглашение от ВЦИКа приехать петь на Родину… Я разревелся в кабинете посла – когда меня вызвали в консульство и объявили об этом* [Вертинский 1991, с. 406–407].

Далее в письме Вертинский пишет о том, что поедет он не раньше осени, так как нужно закрыть долги и «многое купить и сшить себе», и для этого он открывает своё кабаре – «Гардения». Всё сложилось иначе: кабаре принесло новые долги и неприятности. Срок уже полученной визы истекал. Но была ещё одна причина того, что Вертинский не смог уехать в 1937 г., – это Рахиль. Их своеобразный брак всё-таки существовал, и Вертинский просил разрешение на выезд на родину с женой. Это подтвердила Лидия Владимировна Вертинская в беседе с писателем Б. А. Савченко, состоявшейся в московской квартире в 1990-е годы: «К числу причин, почему он не смог приехать на родину, можно добавить ещё одну. Приглашение вернуться в 1937 году получил только Александр Николаевич. Но ведь тогда он ещё был женат на Рахиль Яковлевне Потоцкой. Без неё ехать Вертинский сначала не хотел, а ей приглашения никто не давал» [Савченко 1996, с. 133–134].

Таким образом, когда супруги Вертинские, Александр Николаевич и Лидия Владимировна, пришли на приём в Генконсульство СССР весной 1942 г. – это была уже третья попытка певца получить разрешение на поездку на родину.

Свои мысли и душевное состояние во время пребывания в Китае артист выразил в мемуарах: «В Китае я застрял надолго… Близость советской границы рождала в сердце смутные и неясные надежды. Когда началась вторая мировая война и чувство любви к родине особенно обострилось в сердцах всех честных русских людей, надежды эти ещё возросли. Победы советских войск вызвали в душе моей гордость, смешанную со всё усиливавшейся тоской по отечеству…» [Вертинский 1991, с. 267].

В период 1939–1945 гг. Генконсульство СССР в Шанхае было закрыто в связи с японской оккупацией. Паспортные и визовые

вопросы советских граждан в Шанхае решались в Генконсульстве СССР в Японии. Представитель посольства из Токио вёл переписку и приезжал периодически в Шанхай для проведения приёмов граждан, в том числе ходатайствующих о предоставлении советского гражданства.

С 1941 г. представителем посольства был назначен М. И. Иванов (1912–2014). Теперь в его лице под прикрытием служебных консульских дел работал капитан Разведывательного управления Красной Армии. Основное задание Иванова было связано с делом Рихарда Зорге, но ему также было поручено завершить процесс возвращения на родину Вертинского, начатого предшественниками Иванова, офицерами Токийской резидентуры. От них он получил наказ: «Вертинский является большим моральным авторитетом, своего рода «оплотом» русских эмигрантов в Шанхае и его надо вырвать из цепких объятий враждебной части эмиграции» [Болтунов 2017].

На приёме Вертинский обозначил два своих вопроса: первый – окончательное оформление в советское гражданство его супруги, Лидии Владимировны Циргвава, грузинки по национальности; и второй – их поездка в СССР.

Офицер Иванов, конечно, заметил, что артист ставит вопрос именно о «поездке», а не о возвращении на родину, но продолжал выполнять задание. Жизнь эмигранта и гастролёра породила в документах Вертинского «тёмные пятна», среди которых греческий паспорт был не единственным. Вероятно, поэтому желание посольства и МИДа в Москве вернуть на родину певца Вертинского встречало невидимые препятствия, по всей видимости, связанные с НКВД. Так что первый приезд Иванова в Шанхай оказался в этом плане безрезультатным.

Тогда именно он, Михаил Иванович Иванов, «посоветовал Вертинскому обратиться с личной просьбой о возвращении в Советский Союз непосредственно к председателю Президиума Верховного Совета Николаю Швернику или к министру иностранных дел Вячеславу Молотову» [Болтунов 2017].

Письмо Вертинский написал, отправлено оно было Ивановым с дипломатической почтой в МИД СССР, и 10 апреля 1943 года

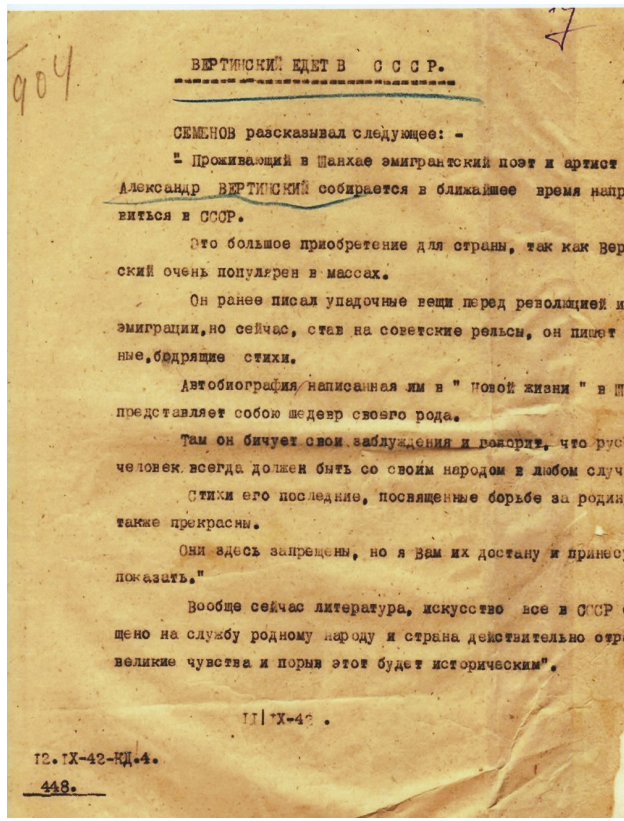
Вертинскому разрешили въезд в Советский Союз с правом проживания в Москве.

Личность Вертинского, артиста и человека, до последнего была под пристальным вниманием различных партий, организаций и простых людей. Имеется в архиве ГАХК документ от типичного осведомителя: он просто сообщает о том, что услышал и от кого. Документ озаглавлен «Вертинский едет в СССР» и датирован 11 ноября 1942 г. Осведомитель пересказывает услышанное им от некоего Семёнова. Приведём документ полностью:

> *Семёнов рассказывал следующее:*
>
> *«Проживающий в Шанхае эмигрантский поэт и артист Александр ВЕРТИНСКИЙ собирается в ближайшее время направиться в СССР. Это большое приобретение для страны, так как Вертинский очень популярен в массах. Он ранее писал упадочные вещи перед революцией и в эмиграции, но сейчас, став на советские рельсы, он пишет чудные, бодрящие стихи.*
>
> *Автобиография, написанная им в "Новой жизни" в Шанхае представляет собою шедевр своего рода. Там он бичует свои заблуждения и говорит, что русский человек всегда должен быть со своим народом в любом случае.*
>
> *Стихи его последние, посвящённые борьбе за родину, также прекрасны.*
>
> *Они здесь запрещены*[50]*, но я вам их достану и принесу показать».*
>
> *Вообще сейчас литература, искусство всё в СССР обращено на службу родному народу и страна действительно отражает великие чувства и порыв этот будет историческим»*[51] [ГАХК, л. 7].

[50] Документы, подтверждающие официальное запрещение исполнения отдельных песен Вертинского в Китае, автором не обнаружены. Попытаемся дать объяснение этой фразе в доносе. Политическая обстановка в Китае в это время очень сложная: Китай находится под оккупацией Японии, Япония в сложных отношениях с СССР, которые завершились войной в августе 1945 г. Донос написан в 1942 г., в Харбине (Маньчжурия), где власть японской оккупации была особенно жёсткой. Все русские эмигранты находились под пристальным вниманием Бюро российской эмиграции в Маньчжурии, созданном японскими властями. Большая часть эмигрантов была настроена против большевизма в России, и с началом войны между Германией и Советским Союзом эти настроения резко обострились. Поэтому новые песни Вертинского о Родине в опасности, о Родине страдающей бойкотировались этой частью эмигрантов.

[51] Орфография и стилистика документа сохранены.

ВЕРТИНСКИЙ ЕДЕТ В СССР.

СЕМЕНОВ рассказывал следующее: -

" Проживающий в Шанхае эмигрантский поэт и артист Александр ВЕРТИНСКИЙ собирается в ближайшее время направиться в СССР.

Это большое приобретение для страны, так как Вертинский очень популярен в массах.

Он ранее писал упадочные вещи перед революцией и эмиграции, но сейчас, став на советские рельсы, он пишет чудные, бодрящие стихи.

Автобиография написанная им в " Новой жизни " в Шанхае представляет собою шедевр своего рода.

Там он бичует свои заблуждения и говорит, что русский человек всегда должен быть со своим народом в любом случае.

Стихи его последние, посвященные борьбе за родину, также прекрасны.

Они здесь запрещены, но я вам их достану и принесу показать."

Вообще сейчас литература, искусство все в СССР отдано на службу родному народу и страна действительно отражает великие чувства и порыв этот будет историческим".

12.IX-42-КД.4.

448.

Рис. 16. Из доноса о Вертинском [ГАХК, л.7]

Разрешение на выезд было получено к ноябрю 1943 г., когда в семье уже родилась малышка Марианна. 4 ноября 1943 г. Вертинский со всем семейством (жена, тёща и маленькая дочь) покинул Шанхай. Впереди была встреча с родиной.

Заключение

В своих мемуарах «Четверть века без родины» Вертинский не успел описать период китайской эмиграции. В данной статье отражены отдельные фрагменты из жизни певца в Китае в период

1935–1943 гг. Автор не ставил перед собой задачи полного восстановления жизненного и творческого пути Вертинского в китайской эмиграции, как это было с артистами Бертой Червонной, Софьей Реджи, Евгением и Леонидом Мунцевым [Дорофеева 2016, Дорофеева 2017, Дорофеева 2019, Дорофеева 2020]. При работе над биографиями этих артистов, также оказавшихся в китайской эмиграции, в руках автора оказались документы и материалы, касающиеся Вертинского, которые и были использованы для подготовки данной статьи.

Источники и литература

1. Бабенко 1989 – *Бабенко В.* Г. Артист Александр Вертинский. Материалы к биографии. Размышления. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1989 // Электронная библиотека «КулЛиб». URL: https://coollib.com/b/351726/read (дата обращения: 10.10.2021).

2. Болтунов 2017 – *Болтунов М.* Разрешите мне вернуться домой. Совершенно секретно [Газета]. № 9/398 сентябрь 2017 // Веб-сайт газеты «Совершенно секретно». URL: https://www.sovsekretno.ru/articles/istoriya/razreshite-mne-vernutsya-domoy (дата обращения: 06.02.2021).

3. Вертинская 2005 – *Вертинская Л. В.* Синяя птица любви. М.: Вагриус, 2005.

4. Вертинский 1991 – *Вертинский А. Н.* Дорогой длинною. М.: Правда, 1991.

5. Вертинский. Новые песенки – *Вертинский А.* Новые песенки // Сборник песен А. Вертинского. Харбин: «Зигзаги» А. Ф. Любавина [из коллекции Пестова Сергея Леонидовича, г. Екатеринбург].

6. Вертинский 1930 – *Вертинский А. Н.* Песенки Вертинского. 2-е изд. Харбин: Зигзаги, А. Ф Любавина, 1930. 24 с.

7. Вертинский б. г. – *Вертинский А. Н.* Песенки Вертинского. [Шанхай?]: Родина, б. г. 47 с.

8. ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830 (БРЭМ). Оп. 3. Д. 7559 (Вертинский Александр Николаевич).

9. Горбунов 2002 – *Горбунов Н. И.* Федор Шаляпин в Японии и Китае. М.: ИМЛИ РАН, 2002.

10. Дмитриевский 2014 – *Дмитриевский В. Н.* Шаляпин: Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 2014 // Электронная библиотека «КулЛиб». URL: https://coollib.com/b/276696/read (дата обращения: 10.10.2021).

11. Дорофеева 2016 – *Дорофеева Н. А.* Судьбы российских артистов в китайской эмиграции // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 560–592.

12. Дорофеева 2017 – *Дорофеева Н. А.* «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции: М. А. Садовская и М. А. Суганов» // Общество и государство в Китае. 2017. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН. С. 699–737.

13. Дорофеева 2019 – *Дорофеева Н. А.* «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции. Певица Софья Александровна Реджи» // Общество и государство в Китае. 2019. Т. XLIX. Ч. 3. М.: ИВ РАН. С. 241–268.

14. Дорофеева 2020 – *Дорофеева Н. А.* «Судьбы российских артистов в китайской эмиграции: Певцы Леонид и Евгений Мунцевы» // Общество и государство в Китае. 2020. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН. С. 703–742.

15. Зигзаги 1936 – Зигзаги. № 43, 24 октября 1936 г.

16. Ильина 1991 – *Ильина Н. И.* Дороги и судьбы. М.: Московский рабочий, 1991.

17. Князева 2018 – *Князева К.* Короткая жизнь кабаре Александра Вертинского в Шанхае: Успех и банкротство знаменитого русского эмигранта // Интернет-издание о современном Китае «Магазета». Опубликовано 12.06.2018. URL: https://magazeta.com/arc-gardenia/ (дата обращения: 06.02.2021).

18. Князева 2019 – *Князева К.* Русское кабаре «Аркадия»: конкурсы красоты, бурлеск и фельетон Вертинского. Архитектура Шанхая № 126 // Интернет-издание о современном Китае «Магазета». Опубликовано 17.04.2019. URL: https://magazeta.com/arc-arcadia (дата обращения: 16.04.2020).

19. Крузенштерн-Петерец 1972 – *Крузенштерн-Петерец Ю. В.* «Вертинский на Востоке». Новое русское слово [Газета]. Нью-Йорк, 1972 // Блог А. Е. Крылова.URL: https://ae-krylov.livejournal. com/33020.html (дата обращения: 14.11.2020).

20. Крыловская 2013 – *Крыловская И. И.* Екатерина Орловская: звезда оперетты Шанхая // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ekaterina-orlovskaya-zvezda-operetty-harbina-i-shanhaya/viewer (дата обращения: 10.10.2021).

21. Кстати 1939 № 31 – Кстати. № 31 от 28 октября 1939 г. Шанхай, 1939.

22. Кстати 1939 № 35 – Кстати. № 35 от 25 ноября 1939 г. Шанхай, 1939.

23. Кстати 1940 № 11 – Кстати. № 11 от 9 марта 1940 г. Шанхай, 1940.

24. Кстати 1940 № 29 – Кстати. № 29 от 13 июля 1940 г. Шанхай, 1940.

25. Полански 2002 – *Полански П.* Русская печать в Китае, Японии и Корее. Каталог. М.: Пашков дом, 2002.

26. Попова 2003 – *Попова С. С.* Эмиграция – это не правый берег // Литературная газета. № 6 (5911). 12–18 февраля 2003.

27. Рахиль Потольская – прекрасная Ирена 2020 – Рахиль Потольская – прекрасная Ирена (Первая жена Александра Вертинского): их соединили музыка и время // Веб-сайт, посвящённый Петру Лещенко. Опубликовано 07.07.2020. URL: https://petrleschenco. ucoz.ru/forum/34–972–1 (дата обращения: 10.10.2021).

28. Рачинская 1990 – *Рачинская Е. Н.* Калейдоскоп жизни. Париж: YMCA–PRESS, 1990.

29. Савченко 1996 – *Савченко Б. А.* Эстрада ретро. М.: Искусство, 1996.

30. Слободчиков 2005 – *Слободчиков В. А.* О судьбе изгнанников печальной. М.: Центрполиграф, 2005.

31. Черникова 2002 – *Черникова Л. П.* Вспомнить всё: с такой мечтой приехали в город своей молодости русские «шанхайцы» // Веб-сайт Русского клуба в Шанхае. Опубликовано 30.10.2002. URL: https://www.russianshanghai.com/articles/interview/post470 (дата обращения: 06.02.2021).

32. Шанхайская Заря 1943 – Шанхайская Заря. № 5908 от 2 мая 1943 г. Шанхай, 1943.

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

ORCID: 0000-0002-0883-3133

С. Г. Андреева[*]

От дипломатии к войне: некоторые аспекты японо-китайских отношений по поводу Кореи в начале 1890-х гг.

Аннотация. В статье на основе архивных материалов рассматриваются некоторые особенности японо-китайских отношений в начале 1890-х гг. в связи с ситуацией в Корее, а также приводится анализ значимости действий Китая и Японии в дипломатической сфере в контексте последующих событий на Дальнем Востоке.

Ключевые слова: архивные материалы, дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Япония, Ли Хунчжан, Ито Хиробуми

Svetlana G. Andreeva[**]

From the diplomacy to a war: Certain Aspects of the China-Japan Relations with Regards to Korea in the Early 1890s

Abstract. This article is based on the archival materials and presents the description of some aspects of political relations between China and Japan in

[*] ***Андреева Светлана Геннадиевна***, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), surfgrid-to@list.ru

[**] ***Andreeva Svetlana Gennadyevna***, Ph. D. (History), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), surfgrid-to@list.ru

© Андреева С. Г., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

connection with the situation in Korea in the early 1890s. It also provides the analysis of the significance of China's and Japan's diplomatic activities in the context of the later events in the Far East.

Keywords: archive materials, diplomacy, international relations, China, Korea, Japan, Li Hong-zhang, Ito Hirobumi

В последней трети XIX в. регион Дальнего Востока был одним из эпицентров, по сути, межцивилизационных контактов, выражавшихся как во взаимодействии, так и в противостоянии, прежде всего, разумеется, в сфере политики и экономики. Чрезвычайная насыщенность рассматриваемого периода разнообразными политическими явлениями обусловливалась довольно резкой активизацией примерно в рассматриваемое время ряда стран, в которых цепь внутриэкономических, а также внутри- и внешнеполитических событий ознаменовала процессы внутренней трансформации, которую в той или иной форме и на том или ином уровне переживали эти государства. Эти процессы, естественно, определяли и общую «картину», а также характер межгосударственного взаимодействия в указанном регионе, неизбежно приводя к разного рода столкновениям и конфликтам. Стоит отметить, что главными «действующими лицами» на данной политической «сцене», хотя и с разными «степенями свободы» и возможностью манёвра, были несколько стран: Великобритания, Российская империя, Китай, Япония и Корея.

Вот, например, как описывают сложившуюся в то время в регионе специфическую ситуацию китайские исследователи: «Рассмотрим архитектонику международной политики на Дальнем Востоке накануне японо-китайской войны. Англия [стремилась] непосредственно поддерживать [свои] политические и экономические преимущества на Дальнем Востоке. Россия, граничащая с Китаем и Кореей, обладала рядом географических преимуществ. [Поэтому] соперничество великих держав на Дальнем Востоке шло главным образом между двумя государствами – Англией и Россией. Главной задачей дальневосточной политики Англии было сдерживание России, поэтому Китай и Япония рассматривались ею как силы, которые можно использовать в качестве буфера в деле

противостояния с Россией. Ввиду этого [Англия] не желала, чтобы между Китаем и Японией возникла война, так как были опасения, что китайско-японская война даст России шанс начать агрессию на Дальнем Востоке. Впрочем, в плане отношения к Китаю и Японии чаша весов для английского правительства больше склонялась в сторону Японии. Поскольку, с точки зрения Англии, Япония представляла собой единственную державу, способную противостоять России на Дальнем Востоке, позиция Англии [состояла в том, чтобы] подталкивать цинское правительство идти на уступки Японии, чтобы путём признания захвата Японией Кореи избежать войны.

Использование России для сдерживания Японии являлось последовательным дипломатическим методом Ли Хунчжана[1], и он обращался к России с просьбой взять на себя посреднические функции. Для России главным направлением экспансии в дальневосточном регионе была Корея и северо-восток Китая. Это вело к конфликту со стремлениями Японии к захвату Кореи и северо-восточного Китая. При этом, однако, [он] беспокоился, что однажды Япония захватит Корею, что создаёт опасность для собственных интересов [Китая] на Дальнем Востоке, поэтому [Ли Хунчжан] также надеялся с помощью посредника сдержать Японию. Однако когда Япония оккупировала Корею, несмотря на гарантии об "отсутствии намерений", Россия тут же заявила, что она придерживается позиции невмешательства в корейский вопрос, и к тому же она беспокоилась, что если в рамках посредничества она склонится в сторону Китая, то это вновь может подтолкнуть Японию к Англии и тем создастся выгодная для последней ситуация. Основная тенденция внешней политики Японии состояла в том, чтобы, используя противоречия, существующие между Англией и Россией, добиться того, чтобы и Англия, и Россия при возникновении войны между

[1] Ли Хунчжан (李鸿章, 1823–1901) – один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: губернатора столичной провинции Чжили (*Чжили цзунду* 直隶总督), государственного канцлера (*Бэй-ян тун-шан дачэнь* 北洋通商大臣, или *Бэй-ян дачэнь* 北洋大臣 – «Министр по торговым делам северных провинций [Китая]») и т. д. В последние десятилетия правления цинской династии во многом руководил внешней политикой Китая.

Китаем и Японией сохраняли нейтралитет. И именно этой внешнеполитической цели в целом удалось достичь. Тем не менее дипломатия Ли Хунчжана, предусматривавшая "использование [одних] варваров для управления [другими] варварами" (*и и чжи и* 以夷制夷), в конечном счёте не принесла тех плодов, на которые он рассчитывал» [Юй, Се 2005, с. 390].

Важно отметить, что несмотря на то, что в ряде случаев споры и разногласия между отдельными странами могли доходить до демонстрации военной силы (хотя и в ограниченных условиями конкретной ситуации масштабах), всё же основным способом урегулирования конфликтных ситуаций следует считать дипломатию. В рамках данной статьи хотелось бы остановиться на некоторых аспектах дипломатических контактов трёх, пожалуй, главных действующих лиц в дальневосточной политике накануне японо-китайской войны (1894–1895), а именно: Китая, Японии и Кореи.

Период 1880-х – начала 1890-х гг. в указанных странах оказался исключительно насыщенным разнообразными внешне- и, прежде всего, внутриполитическими событиями. Значимые изменения на мировой арене и непосредственно в дальневосточном регионе запускали или способствовали ускорению трансформации внутри отдельных государств. При этом характер и специфика такой трансформации определялись очень многими факторами, в том числе размерами страны и её географическим положением, особенностями исторического и культурного развития, наличием или отсутствием политической и экономической самостоятельности и т. д. И в этом смысле каждая из стран в рассматриваемом нами «трио» в указанный период представляла собой весьма специфический вариант государственного развития, особенности которого обусловливали возможности функционирования и формы реагирования на внешние «вызовы». Применительно к этим трём государствам эти факторы определили роли, которые им выпало играть в общей ситуации на Дальнем Востоке, и, вероятно, с известной долей неизбежности обеспечили именно тот вариант формирования и развития событий, который в конечном счёте привёл и к японо-китайской войне 1894–1895 гг. и в целом

к радикальным изменениям статуса и положения этих государств на мировой арене в последующие годы.

Нетипичная международная ситуация в регионе в обозначенный период была сформирована во многом специфичностью и определённой противоречивостью – с европейской точки зрения – внешней политики Цинской империи. Китай, раздираемый многочисленными внутриполитическими и экономическими проблемами, вынужденный отстаивать свои государственные интересы не только дипломатическим путём, но и в ходе военных действий, причём нередко одновременно на разных направлениях, тем не менее в целом, несмотря на давление внешних сил и обстоятельств, стремился поддерживать и воспроизводить сложившуюся за многие века систему и методы своей имперской дипломатии, существенным принципом которой была вышеупомянутая концепция *и и чжи и*. В рассматриваемое время одним из главных, а фактически и единственным объектом этой традиционной дипломатической системы являлась Корея – давний официальный вассал китайской империи.

В контексте данной статьи важно учитывать два существенных обстоятельства: во-первых, тот факт, что, несмотря на различные внешние факторы, Китай в отношении Кореи всегда старался действовать как сюзерен в том смысле, в каком это было предусмотрено традиционной «даннической» системой. Т. е., говоря упрощённо, вассалитет Кореи имел больше статусное значение, чем фактическое: Китай, хотя формально (в сакральном плане) и «утверждал» кандидатуру нового корейского правителя, но в реальности во внутренние дела Кореи не вмешивался, обеспечивая ей лишь защиту и покровительство в действительно серьёзных ситуациях. И в том числе и благодаря этому влияние и авторитет Китая в Корее вплоть до японо-китайской войны 1894–1895 гг. оставались действительно значительными. И во-вторых, именно внешняя политика Китая, стремившегося, в том числе путём применения концепции *и и чжи и*, сохранить свои позиции сюзерена Кореи и вообще «ведущего» государства на Дальнем Востоке, во многом способствовала формированию того «феномена» международного положения Кореи, а также тех противоречий и кон-

фликтов, которые в конечном счёте привели к разрушению традиционной дипломатической системы Китая и складыванию в дальневосточном регионе новой конфигурации сил.

Фактически благодаря действиям Китая и, прежде всего, канцлера Ли Хунчжана в отношении Кореи была сформирована уникальная, с точки зрения внешней политики и дипломатии, ситуация. По инициативе и при содействии Ли Хунчжана в 1880-е гг. Корея заключила договоры с рядом западных держав, в которых она формально признавалась независимым и самостоятельным государством. Таким образом Ли Хунчжан надеялся обеспечить защиту Кореи, поскольку, по его мысли, иностранные державы должны были «сдерживать» друг друга. При этом Китай не отказывался от своего положения покровителя Кореи. Однако именно эта двусмысленность создала для «заинтересованных» держав возможность в зависимости от конкретной ситуации либо исходить из «независимого» положения Кореи, либо обращаться к Китаю как к её сюзерену, тем самым поворачивая этот концептуальный казус в своих интересах.

Необычность сложившегося в отношении Кореи положения отмечали многие современники – иностранные дипломаты и политики. В частности, характерный «разбор» ситуации находим в работе известного британского дипломата и государственного деятеля Дж. Н. Керзона[2] “Problems of the Far East” («Проблемы Дальнего Востока»).

Анализируя своеобразное положение, в котором оказалась Корея, Керзон именовал её “shuttlecock among nations” – «игрушка-воланчик (предмет разногласий и споров. – *С.А.*) между державами». В частности, он писал: «Я использую это выражение как точно описывающее положение Кореи относительно различных держав, имеющих своих представителей в её столице, которые относятся к ней с совершенно различных и в целом несовместимых точек зрения в зависимости от их собственных интересов или предубеждений и в руках которых она поочерёдно – нет, даже одно-

[2] Джордж Натаниэл Керзон (George Nathaniel Curzon, 1859–1925) – английский политик и государственный деятель, вице-король Индии (1899–1906), министр иностранных дел Великобритании (1919–1924).

временно – оказывается под покровительством, вводится в заблуждение с помощью лести, запугивается и получает поощрение. Во всём мире однозначно не существует более необычное политическое положение, чем положение этой страны, которая сама заявляет о себе как о независимой и зависимой и может представить убедительное подтверждение в поддержку любой из этих версий, и в отношении которой внешние державы претендуют на положение сюзерена, на контроль, протекторат, альянс, режим наибольшего благоприятствования или формального равноправия, и для каждого варианта предлагается солидное обоснование.

Это любопытное состояние дел возникло, прежде всего, из особого географического положения её как спорной территории между Китаем, Россией и Японией; а во-вторых, из противоречивой политики, реализуемой вышеназванными державами в моменты расчёта или тревоги в отношении позиции или притязаний других. Путём изучения соответствующих позиций, которые занимает или на которые претендует [каждая страна] из этого трио, являющихся главными действующими лицами международной драмы, для которой Корея, независимо от её воли, является сценой, в то время как прочие нации либо играют второстепенные роли в той же пьесе, либо занимают места заинтересованных наблюдателей в зрительском зале, представляется возможным распутать клубок, созданный остроумием или хитростью сильного за счёт слабого» [Curzon 1894, с. 198–199].

Далее, описывая сложившуюся специфическую ситуацию, Керзон отмечает: «Вплоть до момента массовой расправы с французскими миссионерами в Корее в 1866 г. претензии Кореи на независимость никогда серьёзно не выдвигались. И в настоящее время среди всех народов мира этот вопрос был поставлен самими китайцами. […] Обнаружив свою ошибку и осознав, что иностранца, уже раз получившего возможность вмешаться в корейские дела по своему усмотрению (*proprio motu*), невозможно будет отстранить от установления более близких отношений [с Кореей], Китай попытался исправить свою оплошность, поощрив различные державы к установлению договорных отношений с Кореей на основе независимости, при этом надеясь, очевидно, что их взаимная

подозрительность будет препятствовать формированию доминирующего влияния любой из них. […] Таково было иррациональное положение, в которое Китай своей политикой, направленной на попытку нейтрализации Кореи, загнал себя и своё вассальное государство» [Curzon 1894, с. 213–217].

Двусмысленность Китая в отношении Кореи Керзон характеризует следующим образом: «Если Китай – это государство-сюзерен, он обладает […] правом отправить войска в Сеул в случае возникновения волнений […], в то время как Япония соответствующего права не имеет; при этом любое соглашение между Китаем и другой державой, предусматривающее отказ от этого права, означает и отказ от всех его соответствующих претензий. Если же Китай не является государством-сюзереном, то на какое же право он может претендовать, кроме того, которое в случае войны получает любая воюющая сторона, обладающая достаточной силой для реализации этого права, чтобы отправить войска в Корею?» [Там же, с. 218–219].

В то же время Керзон подчёркивает, что Китай, во многом благодаря своевременным и продуманным мерам, предпринятым Ли Хунчжаном, как в политической сфере (оказание корейскому правительству прямого военного содействия в ходе попыток государственных переворотов в этой стране), так и в области экономики (предоставление Корее финансовой и продовольственной помощи, налаживание работы таможни и т. д.), сумел в известной степени не только компенсировать допущенные дипломатические ошибки, но и значительно укрепить свои позиции в Корее.

И в качестве «проявления» несомненного авторитета и влияния Китая в Корее Керзон называет особое положение в Сеуле китайского представителя Юань Шикая[3]: «[…] каждый член иностранного дипломатического корпуса в Сеуле, хотя и публично провозглашал себя представителем своего суверенного государства при союзном и равноправном дворе, прекрасно знал, кто здесь реально является “главным”. Китайский резидент, человек гро-

[3] Юань Шикай (袁世凯, 1859–1916) – один из крупнейших военных, государственных, политических деятелей конца эпохи Цин – начала периода Китайской Республики (1912–1949). С 1885 г. по 1894 г. занимал должность представителя Китая в Корее.

мадной энергии и способностей, по имени Юань Шикай [фактически] занимает положение "майордома" (Major of the Palace), без ведения которого ничего и без чьего согласия мало что делается. Единственный среди иностранных представителей он имеет право сидеть на аудиенции у короля. Его резиденция, охрана и публичные выезды относятся к числу достопримечательностей Сеула. Разнообразные поборники академической теории независимости Кореи один за другим исчезли со сцены, а китайский резидент остаётся. Он вновь и вновь назначается на свою должность […], и даже после того, как в 1893 г. в газетах появилось официальное сообщение о его назначении на пост *даотая*[4] Вэньчжоу в Китае, было ощущение, что его невозможно удалить из Сеула, и он остался. Он – один из немногих китайцев, с которым я встречался и который поразил меня как своей искренностью, так и своим влиянием» [Curzon 1894, с. 220–221].

Характеризуя непосредственные отношения между Китаем и Кореей, Керзон отмечает, что: «политика Ли Хунчжана, хотя и лишь в незначительной степени основана на канонах логики или международных обычаях, не была безуспешной. Каждый логический промах (*faux pas*) был в конечном счёте компенсирован каким-то практическим успехом. Если он сначала отказывался наказывать Корею за нападения на миссионеров и иностранцев, то тем самым он сумел и избежать ответственности за эти жестокие действия. Если он разрешил Корее – вассалу Китая – заключить договоры с иностранными державами, то он в то же время подтвердил своё право выступать в качестве посредника […]. Следовательно, он может заявлять о том, что таким способом он использовал интересы иностранных держав в качестве противовеса всего лишь двум соперникам, которых Китай серьёзно опасается в Корее, т. е. Японии и России» [Curzon 1894, с. 221–222].

Оценивая фактическое крайне сложное и неоднозначное положение Кореи в контексте международных отношений, Керзон подчёркивает, что она «противостоит с трудом сдерживаемой алчности России, невероятной скрытой силе Китая и тщеслав-

[4] *Даотай* 道臺 – начальник округа (эпоха Цин).

ным интересам Японии. Самостоятельно она абсолютно неспособна успешно противостоять любой из этих трёх держав, хотя её государственные деятели не лишены способностей, необходимых, чтобы "натравить" их друг на друга. Её внутренняя природная слабость в действительности составляет её единственную силу, поскольку если бы она обладала достаточной силой, чтобы создать собственный альянс, обладающий значительным весом, она могла бы поддаться искушению предпринять некоторые действия, которые бы однозначно привели к её окончательному поглощению. Те безрассудные люди, которые из своих корыстных мотивов разглагольствуют о её независимости, тем самым предлагают ей подписать собственный смертный приговор. В одиночку она имеет сил не больше, чем младенец; в то же время пока её три великих соседа продолжают бдительно наблюдать друг за другом, Корея, лежащая между ними, может избежать вооружённых действий со стороны любой из них. Теперь же, когда двумя из этих трёх стран брошен вызов друг другу[5], её территориальная целостность, в отношении которой все три государства, по сути, взяли на себя обязательства, практически превращается в ничто, и восстановить эту целостность будет трудно» [Curzon 1894, c. 231].

В то же время, по мнению Керзона, «единственная надежда для Кореи на продолжение существования как национального государства заключается в сохранении и поддержании её связи с Китаем, которая является желательной с учётом сочетания истории, политики и природных факторов и которая, кроме того, предлагает единственную гарантию для восстановления и сохранения мира. Китай поддерживал жизнеспособность [Кореи] в течение 500 лет, и тень Китая на заднем плане всегда была единственным устойчивым элементом в туманной картине её ничтожной политики» [Curzon 1894, c. 232].

Приведённые выше оценки в целом разделяли многие иностранные дипломаты, работавшие на Дальнем Востоке и имевшие представление о расстановке сил в регионе.

[5] Цитируемая работа Керзона была подготовлена и опубликована практически к началу японо-китайской войны 1894–1895 гг., поэтому речь в данном случае идёт об усилении противостояния между Китаем и Японией.

Например, практически аналогичным образом «роль» Кореи оценивал российский дипломатический представитель в Токио М. А. Хитрово[6] (14/26 мая 1893 г.): «Корея, конечно, составляет самую слабую и чувствительную струну в политике мира и спокойствия на крайнем Востоке, и в этом вопросе даже **ничтожное обстоятельство может вызвать неожиданные по размерам последствия** (выделено мной. – *С.А.*)» [АВПРИ, ф. Миссия в Пекине, оп. 761, д. 273, л. 319].

В этом контексте и хотелось бы рассмотреть своеобразный политический «казус», возникший внутри и вокруг Кореи в конце 80-х – начале 90-х гг. Речь пойдёт о, по сути, вполне рядовом и малозначимом случае, неожиданно оказавшемся триггером цепи событий и взаимодействия на межгосударственном уровне и известном как «дело о запрете на вывоз зерновых»[7]. По мнению ряда исследователей, это дело, начинавшееся как обычный вопрос из области внешней торговли, переросло в реальную внешнеполитическую проблему и стало одной из причин японо-китайской войны 1894–1895 гг.[8]

Суть дела состояла в следующем.

После того как в 1876 г. Япония, первой из иностранных государств, заключила с Кореей соглашение о дружбе и сотрудничестве, известное как «Канхваский договор»[9], между двумя странами начали развиваться, хотя и преимущественно односторонние, торгово-экономические отношения, которые в дальнейшем получили более детальное оформление в рамках подписанных между двумя сторонами в 1883 г. «Правил торговли японских подданных в Корее»[10]. Существенной частью этих отношений стали

---

[6] Хитрово Михаил Александрович (1837–1896) – российский дипломат, переводчик, в 1893–1896 гг. – посланник в Японии.

[7] В официальных документах рассматриваемого периода эта история обозначена как «дело о запрете [вывоза] зерновых» (яп. *бо: коку рэй дзикэн*; кит. *фан гу лин шицзянь* 防穀令事件).

[8] См., например [Миямото 1945, с. 89–107].

[9] Яп. *Ко:ка дзё:яку*, кор. *Канва тёяк*, кит. *Цзянхуа тяоюэ* 江華条約 – по наименованию места его подписания, корейскому острову Канхвадо 江華島.

[10] Яп. *Тё: сэн кокю ни ойтэ Нихон дзиммин бо: эки но кисоку* 朝鮮國ニ於テ日本人民貿易ノ規則.

закупки японскими торговцами риса и бобовых у корейских крестьян в ряде районов Кореи, где имелись условия для благополучного развития сельского хозяйства и которые поэтому считались в известной мере «житницей» страны. С определённого момента в практику вошло внесение японскими купцами предоплаты за будущий урожай. Вероятно, следует считать, что в той или иной степени для обеих сторон (хотя, прежде всего, разумеется, для японских торговцев, которые, очевидно, перепродавали корейское зерно на внутреннем рынке Японии существенно дороже его покупной стоимости) эти взаимоотношения были выгодными[11].

Формальной причиной рассматриваемой проблемы стали события 1889 г.

Губернатор корейской провинции Хамгёндо на основании случившегося в этом году неурожая, а также мотивируя свои действия обеспечением «продовольственной безопасности» населения Кореи, после соответствующего уведомления центрального правительства в Сеуле объявил временный запрет на вывоз зерновых с подведомственной ему территории. Ввиду аналогичных проблем ещё в некоторых районах корейское правительство в ноябре 1889 г. издало Указ о запрете вывоза зерновых, который должен был действовать в течение одного года.

Эти меры, естественно, вызвали недовольство среди японских торговцев-посредников, которые, потеряв и внесённый аванс, и возможность вывезти зерно, понесли определённые убытки.

В дело вмешался японский представитель в Корее Кавакита Тосисукэ[12], и под давлением Японии указ был вскоре отменён. При этом японской стороной было выдвинуто требование о возмещении Кореей убытков, понесённых японскими купцами. Размер этой компенсации оказался весьма существенным – 146 тыс. йен.

[11] Например, японский исследователь Миямото Матадзи оценивал ввоз корейского зерна как существенное дополнение к производственным мощностям сельского хозяйства Японии [Миямото 1945, с. 92], после реставрации Мэйдзи (1868 г.), переживавшей сложный этап ускоренного экономического и политического развития.

[12] Кавакита Тосисукэ (河北俊弼, 1844–1891) – японский дипломат, 1890–1891 гг. – японский посланник в Корее.

Корейское правительство, основываясь на данных проведённой проверки, настаивало на неправомерности указанной суммы возмещения, соглашаясь оплатить не более 60 тыс. йен.

Соответствующие переговоры между Японией и Кореей, начатые японским посланником Кавакита, были продолжены и его преемником Кадзияма Тэйсукэ[13], однако без какого-либо результата.

Отметим существенную деталь: в течение нескольких лет эти переговоры и само дело в целом развивались достаточно вяло, и, судя по всему, обе стороны относились к рассматриваемому вопросу как к вполне обычной экономической ситуации, не имевшей принципиального, глобального значения (каковой, собственно, эта ситуация изначально и являлась).

Тем не менее положение стало меняться в 1893 г., что, как следует полагать, было связано с переменами и общей активизацией внутриполитической обстановки в Японии.

Жёсткая внутрипарламентская борьба осложнялась не только противоречиями между позициями и определёнными концептуальными разногласиями членов различных политических партий, но и конфликтом интересов между представителями исторически сложившихся влиятельных группировок Тёсю (*Тё:сю: хан* 長州藩) и Сацума (*Сацума хан* 薩摩藩), мнениями относительно роли императора в реальной политической жизни страны и т. д. Кроме того, именно к началу 1890-х гг. в Японии исключительную значимость и влияние набирает общественное мнение, не учитывать которое вряд ли кто-либо из политиков мог себе позволить.

Таким образом, ускоренная модернизация Японии в сфере экономики, внутренней политики и общественной жизни вела к известному «перегреву» ситуации внутри страны, который, по-видимому, должен был найти выход вовне. Как отмечает российская исследовательница М. К. Ковальчук, «XIX век принёс новые заботы, и японская правящая элита вновь обратила свой взор на Корею. На этот раз с успешной японской экспансией на полуостров стали связывать судьбу японской модернизации» [Ковальчук 2005, с. 43].

[13] Кадзияма Тэйсукэ (梶山鼎介, 1848–1933) – японский военачальник эпохи Мэйдзи, политик, дипломат. В 1891–1892 гг. – посланник в Корее.

Общий рост националистических настроений внутри страны, стремление к успешному противостоянию с двумя очевидными конкурентами на Дальнем Востоке – Китаем и Россией, усилия, направленные на пересмотр неравноправных договоров и вывод Японии на лидирующие позиции – всё это заставляло японских государственных деятелей обращать свои взгляды в сторону Кореи как очевидному «средству» геополитической борьбы. В 1890 г. министр внутренних дел Ямагата Аритомо[14] отмечал: «Если мы хотим сохранить национальную независимость и встать в один ряд с великими державами Запада, необходимо сделать шаг вперёд и защитить нашу линию интересов. Очень важно всегда находиться в наиболее выгодной позиции, а не довольствоваться только защитой суверенитета. […] Наша линия интересов проходит в Корее» [Ковальчук 2005, с. 93–94].

К потенциальным противникам Японии на Дальнем Востоке Ямагата закономерно относил Россию, Великобританию и Францию, в то же время высказывая мнение о вероятности конфликта с Китаем: «В настоящее время высокомерная позиция китайцев в Корее, противоречащая интересам Японии, показывает, что рано или поздно нам следует ждать великой войны на континенте» [Ковальчук 2005, с. 94].

В целом если Корея для Японии безусловно являлась «точкой приложения сил», а например, Россия – вполне очевидным источником потенциальной угрозы, то в отношении Китая позиции японских правящих кругов не были столь однозначными.

В отличие от «партии войны», высказывавшейся за энергичные (вплоть до вооружённых) действия на континенте, «партия мира», к которой, принадлежал, прежде всего, Ито Хиробуми[15], настаивала скорее на разумном сближении с Китаем.

Определённые «флуктуации» отношения Японии к Китаю описаны, например, в отчётах российского дипломатического

[14] Ямагата Аритомо (山県有朋, 1838–1922) – японский военачальник, генерал, начальник Генерального штаба армии (1878–1882, 1884–1885, 1904–1905), политический деятель. Министр внутренних дел (1883–1890).

[15] Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) – выдающийся государственный деятель Японии, министр внутренних дел (с 1878 г.), первый (а также пятый, седьмой и десятый) премьер-министр Японии.

представителя в Токио Д. Е. Шевича[16] о его беседах с японским министром иностранных дел Окума Сигэнобу[17] (1888 г.). Так, в разговоре, имевшем место в марте 1888 г., граф Окума по поводу Китая отметил, что «прежнее враждебное отношение этого государства к Японии […] ныне постепенно улучшается благодаря примирительной и мудрой политике, которой следовали за последнее время предшественники его и которой он сам намерен безусловно придерживаться, будучи убеждён в том, что сближение с Китаем составляет для Японии одно из основных условий её благосостояния» [АВПРИ, ф. 150, оп. 529, д. 39, л. 33].

В то же время в отчёте Шевича от начала сентября 1888 г. мы находим следующее описание беседы с японским министром иностранных дел: «"За последнее время, – сказал граф Окума, – китайское правительство, с которым, как Вам известно, мы всячески старались установить дружественные связи, начало снова относиться к нам самым недоверчивым образом не только по поводу своих корейских недоумений, но и на почве торговых сношений с Японией. Так, например, вследствие биржевого повышения цены на японскую медь, в которой так нуждаются китайцы, они заподозрили нас в умышленном желании действовать против китайских интересов, причём явно высказали убеждение, что Япония, чувствуя себя не в силах открыто бороться с постоянно возрастающим могуществом Китая, всячески старается ныне навредить ему на торговой и экономической почве".

По мнению моего собеседника, недавнее появление японской эскадры в китайских и корейских портах также отчасти возбудило подозрительность китайцев, вероятно не понимающих, что японский военный флот имеет точно такое же право, как и морские силы прочих держав, крейсировать где ему угодно и заходить в любые порты дружественных с Японией государств.

[16] Шевич Дмитрий Егорович (1839–1906) – российский дипломат. В 1886–1892 гг. – посланник в Японии.

[17] Окума Сигэнобу (大隈重信, 1838–1922) – японский государственный и политический деятель, дипломат, финансист. 8-й и 17-й премьер-министр Японии. Министр иностранных дел в нескольких кабинетах.

“Подозрительность китайцев, – заключил граф Окума, – не может, однако, помешать нам действовать, как нам удобнее. Мы решились не обращать более на их щекотливость ни малейшего внимания, и морской министр в главе японской эскадры совершит предполагаемое плавание по берегам Кореи и во Владивосток, нисколько не заботясь о том, что об этом будут думать в Пекине”» [АВПРИ, ф. 150, оп. 529, д. 39, л. 164, 164 об].

В то же время в донесении Шевича от начала января 1891 г. приводится следующее описание внутриполитической ситуации в Японии: «[…] с некоторых пор здесь происходит довольно заметный поворот от политики сосредоточенности и уединения к более активной и воинствующей. Направление это обрисовывается пока лишь слабыми чертами и может даже до некоторой степени быть приписано желанию нынешнего Кабинета произвести диверсию в борьбе своей с внутренними затруднениями, коими он окружён. Но это предположение отнюдь не отнимает важности от могущих обнаружиться последствий такого направления. С общественным мнением нельзя шутить безнаказанно, особенно в Японии, где умы склонны к самообольщению, и честолюбивые вожделения находят благоприятную почву.

Из парламентских заявлений японских министров явствует, что Япония будет отныне деятельно заботиться о своих внешних интересах. Министр иностранных дел в своей речи прямо указал на Китай как на единственную державу, с которой сближение возможно и даже необходимо.

С другой стороны, политика Японии по отношению к Корее, по-видимому, также подвергается в настоящую минуту чувствительному изменению в смысле ослабления прежней бдительности её в вопросе о независимости Кореи от Китая.

[…] Кабинет Курода – Окума[18] довершил было дело отчуждения между обеими империями, но после падения этих министров

[18] Речь идёт о правящем кабинете (1888–1889), во главе которого находились премьер-министр Курода Киётака (黒田清隆, 1840–1900) и Окума Сигэнобу в качестве министра иностранных дел. Преемником Куроды на посту премьер-министра стал Ито Хиробуми, что, помимо прочего, обусловило определённые изменения внешнеполитического курса Японии.

мысль о сближении с Китаем снова стала пробиваться здесь под покровительством английского и германского представителей.

[…] К тому же общественное мнение Японии начинает снова высказываться в пользу сближения с Китаем "как единственного способа предотвратить последствия возрастающего влияния России в Корее"» [АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 42, л. 1 об, 2, 2 об].

Подчеркнём, что проблематика взаимоотношений Японии с Китаем, в том числе и в связи с Кореей, сохраняла безусловную актуальность в японской внешней политике вплоть до войны 1894–1895 гг.

Несомненный «накал» внутриполитической обстановки в Японии выразился и в том, что в 1893 г. кабинет во главе с Ито Хиробуми предпринял активные меры к разрешению затянувшейся на несколько лет «корейской проблемы», причём, как представляется, решение этого вопроса было средством к урегулированию сложной внутриправительственной ситуации, а также своего рода ответом на запросы японского общества.

Японское правительство начинает в известной мере заново «формировать» проблему, подводя под неё более конкретное обоснование и усиливая давление на корейскую сторону. В частности, Ито Хиробуми в одном из своих докладов отмечал: «В настоящее время главными оставшимися нерешёнными внешнеполитическими вопросами являются дело о запрете на вывоз зерна из Кореи и вопрос о консульской юрисдикции между Японией и Португалией. Дело об указе о запрете вывоза зерновых [состоит в следующем]: согласно статье 37 Договора о торговле, заключённого между Японией и Кореей в 16-м году Мэйдзи (1883 г.), в случае возникновения каких-либо неблагоприятных обстоятельств, в том числе наводнений, засухи или вооружённых беспорядков, если правительство Кореи имеет намерение на некоторое время прекратить экспорт зерновых, то за один месяц до соответствующего срока местные власти обязаны уведомить японское консульство, и далее есть оговорка о том, что это должно быть сделано. Тем не менее в период с сентября 22-го года Мэйдзи (1889) до апреля следующего года корейское правительство, несмотря на то, что был богатый урожай зерновых и, кроме того, не были соблюдены формальности,

предусмотренные вышеупомянутым договором, без уважительной причины издаёт указ о запрете вывоза зерна, [вследствие чего] экспорт зерновых был остановлен, [тем самым создались] препятствия для перевозки зерновых нашими подданными либо происходило изъятие денег и товаров, которые у них были при себе. Поскольку нашим подданным был причинён огромный ущерб, наше правительство, [естественно], потребовало возмещение убытков на основании нарушений, предусмотренных указанным договором. И хотя [удалось] заставить правительство Кореи отменить этот указ, [но] чтобы [добиться] выплаты компенсации, переговоры продолжались при двух кабинетах – Ямагата и Мацуката, и в конце концов, поскольку ни к какому решению прийти не удалось, дело оказалось отложено вплоть до периода моего пребывания [в качестве главы] Кабинета» [Ито 1942, с. 907].

Таким образом, в качестве обоснования своего иска Япония указывала на нарушение корейской стороной 37-й статьи[19] Правил торговли от 1883 г., а конкретно обвиняла корейцев в том, что они не уведомили своевременно[20] (т. е. за один месяц) японских представителей о планируемом введении запрета на экспорт зерна, как это предусматривалось указанным двусторонним соглашением. Кроме того, несмотря на то, что указанный запрет был корейскими властя-

[19] Статья 37 Правил торговли японских подданных в Корее (1883) имеет следующее содержание: «В случае если в Корее вследствие таких событий, как засуха или вооружённые беспорядки, внутри страны возникнет угроза нехватки продовольствия и корейское правительство выразит намерение на некоторое время запретить вывоз зерна, [оно обязано] за один месяц до этого через местные власти направить [соответствующее] извещение в японские консульства, [чтобы они могли] заблаговременно сообщить об этом находящимся в портах японским купцам, указав им на необходимость соблюдения [этого приказа]. Ввоз и вывоз зерна в равной мере облагается 5% налогом. Тем не менее если стихийное бедствие случится в Корее и будет необходим ввоз, либо если подобное произойдёт в Японии и потребуется вывоз, то в таком случае официальным уведомлением налог на ввоз/вывоз должен быть отменён» [IASA] (отрывок из документа на японском языке представлен в переводе автора).

[20] Хотя, по всей видимости, подобное уведомление всё же имело место. Это, в частности, следует из сообщения российского дипломатического представителя в Корее П. А. Дмитревского (1893), в котором на основании официального сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел на имя японского представителя в Сеуле от 1889 г. утверждается, что президент Коллегии должным образом, согласно статье 37 договора, известил японского представителя, прося объявить о запрете на экспорт японским купцам, однако японский представитель отказался сделать такое объявление, оспаривая необходимость запрета [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 80 об].

ми очень быстро отменён и, соответственно, финансовые потери японских торговцев были не так уж велики, японская сторона в дополнение к первичному требованию выплаты компенсации стала настаивать на необходимости уплаты корейцами процентов, якобы начисленных на невыплаченную ими изначальную сумму долга за все прошедшие годы. При этом японская сторона игнорировала все протесты властей Кореи, в том числе и подкреплявшиеся документально подтверждёнными результатами проверок, проведённых корейскими компетентными органами в связи с данным делом[21].

В целом японские власти, следуя общим националистическим настроениям в обществе, начали усиливать давление на Корею. В 1892 г. правительство Японии направило в Сеул специальную миссию во главе с директором Торгового управления Министерства иностранных дел Хара Такаси[22], который при содействии японского министра-резидента Кадзияма Тэйсукэ провёл переговоры с корейским правительством по согласованию суммы компенсации, однако вскоре миссия была вынуждена вернуться, не добившись желаемого результата. В этой связи российский представитель в Сеуле П. А. Дмитревский[23] замечает, что «эти переговоры также не привели ни к какому результату, но послужили, кажется, поводом к отозванию отсюда г. Кадзияма, как советовавшего своему правительству принять предложение корейцев» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 82].

Предельным выражением давления со стороны Японии стало назначение в Сеул в качестве очередного дипломатического представителя Оиси Масами[24].

---

[21] Полный текст сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел, направленный министру-резиденту 25 февраля / 9 марта 1893 г. в связи с рассматриваемым делом представлен в Приложении 1. Перевод документа был выполнен российским дипломатическим представителем в Сеуле П. А. Дмитревским.

[22] Хара Такаси (原敬, 1856–1921) – японский государственный и политический деятель, дипломат.

[23] Дмитревский Павел Андреевич (1852–1899) – российский дипломат, китаист. В 1891–1895 гг. находился в Корее, где управлял российским дипломатическим представительством в связи с временным отъездом поверенного в делах К. И. Вебера.

[24] Оиси Масами (大石正巳, 1855–1935) – японский политический деятель, член Палаты представителей (нижняя палата парламента Японии). В 1892–1893 гг. – японский министр-резидент в Корее.

Оиси Масами не был профессионально связан с дипломатией, однако с самого начала, фактически начиная с обучения в Школе по определению цели [в жизни] (*Рисси гакуся* 立志学舎) – учебном заведении, созданном представителями Общества по определению цели [в жизни] (*Риссися* 立志社, также «Общество свободомыслящих») – ведущей политической структуры «Движения за свободу и народные права» (*Дзию: минкэн ундо:* 自由民権運動), выступавшей с позиций либерализма, выстраивал карьеру политика. Являлся членом Общества по определению цели в жизни; с 1880 г. – один из основателей и лидеров *Дзию: то:* 自由党 («Либеральная партия»). По причине разногласий с другими партийными лидерами Оиси вышел из *Дзию: то:* и отправился в Америку. По возвращении присоединился к Движению объединения[25] и занял в нём одну из ведущих позиций, находясь в «лагере» Гото Сёдзиро[26]. Являлся главным редактором издания «Политическая дискуссия» (*Сэйрон* 政論), однако был заключён в тюрьму по обвинению в нарушении законодательства о печати. После выхода из тюрьмы по амнистии в 22-м году Мэйдзи (1890) отправился в Англию и по возвращении был назначен на должность министра-резидента в Корею.

Очевидно, что причиной для назначения Оиси Масами на должность дипломатического представителя стали отнюдь не его навыки в области дипломатии, а определённая многоходовая борьба внутри японского правительства и парламента. Как отмечает японский исследователь Фукуда Кадзуя, Оиси Масами «был рекомендован Ито Хиробуми и Иноуэ Каору[27], однако это не значит, что эти два человека были высокого мнения о дипломатических способностях Оиси, это были всего лишь парламентские мероприятия. Оиси занимал твёрдую позицию в отношении

[25] Движение объединения (*Дайдо: данкэцу ундо:* 大同団結運動) – одно из направлений «Движения за свободу и народные права». Действовало в 1886–1891 гг.

[26] Гото Сёдзиро (後藤象二郎, 1838–1897) – японский государственный и политический деятель. Один из лидеров либерального движения. С конца 80-х гг. настаивал на объединении с консервативными элементами в целях разработки внутренней политики, направленной на сохранение стабильности Японии, и внешней политики, формирующей почву для японской территориальной экспансии.

[27] Иноуэ Каору (井上馨, 1836–1915) – японский государственный деятель, министр иностранных дел (1885–1887), заместитель премьер-министра и министр внутренних дел (1892–1894), министр финансов (1898).

Кореи, однако эта позиция была абсолютно лишена дипломатического этикета и вызывала сочувственные улыбки среди посланников других стран. И [проводившиеся им] переговоры также не имели успеха» [Фукуда 2013, с. 329].

Оиси Масами получил достаточную известность благодаря своим националистическим взглядам, которые, в частности, были представлены им в вышедшей в 1892 г. книге «Два главных направления политики Японии» (*Нихон но ни дай сэйсаку* 日本之ニ大政策). Определённая характеристика данной публикации и её автора содержится в сообщении российского поверенного в делах в Сеуле П. А. Дмитревского на имя товарища министра иностранных дел Н. П. Шишкина[28] (24.02.1893): «Сочинение (Оиси Масами. – *С.А.*) издано в прошлом году в Токио и, по-видимому, произвело сильное впечатление в Японии, доставившее автору прямо пост министра-резидента, хотя до сего времени он не занимал никакой официальной должности. […] Автор – демократ, республиканец и русофоб самого сильного оттенка – верный представитель русофобских идей лондонского “Times” и шанхайских английских газет, которыми он широко пользовался для составления своей книги» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 15, 15 об].

Таким образом, вероятно, важной целью Ито Хиробуми при назначении Оиси Масами представителем в Корею была определённая «нейтрализация» радикального «крыла» и установление нужного баланса сил в японском парламенте и правительстве, что обеспечило бы Ито возможность продвигать далее свой политический курс[29]. По всей видимости, в известной мере эти планы удалось реализовать, и Оиси Масами после завершения своей миссии

[28] Шишкин Николай Павлович (1830–1902) – российский государственный деятель. С 1891 г. – товарищ министра иностранных дел. В период с 1891 по 1896 г. неоднократно исполнял обязанности временно управляющего МИД. Министр иностранных дел России в 1896–1897 гг.

[29] В этом контексте приведём цитату из работы японской исследовательницы Кубо Нобуко: «В ноябре 1891 г. (24-й год Мэйдзи) были начаты переговоры по этому делу. В отношении компенсации убытков, которую японская сторона требовала в размере 147 000 йен, корейская сторона выдвинула требование о её существенном снижении – до 60 000 йен. И поскольку ни одна из сторон не хотела уступить, переговоры затянулись на длительный срок. Потерпевшие – торговцы зерном – параллельно с активными действиями по направлению петиций в МИД оказывали давле-

был с почётом принят в Японии, хотя в реальности его работа как дипломата может оцениваться скорее как негативная, а её результаты – сомнительными.

Отметим, что Оиси Масами, командированный в Корею фактически специально для урегулирования «дела о запрете на вывоз зерновых», практически с момента своего прибытия в Сеул занял весьма прямолинейную, некорректную позицию, граничащую с откровенным неуважением по отношению к высшим сановникам и даже к самому правителю Кореи. Такое поведение японского представителя было отмечено как всеми находившимися в то время в Сеуле иностранными дипломатами, так и исследователями данной темы в последующее время. Примечательно в этом контексте следующее «дополнение к портрету» Оиси Масами, содержащееся в докладе российского представителя в Сеуле П. А. Дмитревского (24.02.1893, № 14): «Назначение г. Оиси на пост министра-резидента здесь не изменило его радикальных политических убеждений. По прибытии в Чемульпо на обеде, данном ему японскими купцами в этом порте, и затем в Сеуле, на банкете в честь его также японских только купцов (3 февраля), он произнёс две речи (по полтора часа каждая) политического характера. В обеих он настаивает на необходимости союза Японии, Китая и Кореи, даёт увещания купцам всеми силами стремиться к развитию японской торговли, порицает препятствия, представляемые для этого иностранными купцами, протестует против положения, занятого иностранцами на востоке – положения хозяев и распорядителей,

ние на политические партии, и в декабре 1892 г. (25-й год Мэйдзи) этот вопрос был принят на рассмотрение Парламентом.

Министр иностранных дел Муцу Мунэмицу (1844–1897) на запрос членов Либеральной партии (*Дзиюто:*) касательно дела о компенсации убытков от приказа о запрете вывоза зерновых ответил, что этот вопрос уже решён политически и что затягивание переговоров о сумме компенсации является неизбежным. Однако этот ответ не был принят.

Ито Хиробуми после ухода с поста премьер-министра Кабинета первого созыва занимал должности первого председателя Тайного совета (04.1888 – 10.1889) и первого председателя Верхней палаты (10.1890 – 07.1891), а в августе 1892 г. (25-й год Мэйдзи) был вновь назначен на пост премьер-министра Кабинета. Ито, видевший, что будет трудно продолжать политический курс без понимания со стороны парламента, после консультации с министром иностранных дел Муцу спешно назначил члена Либеральной партии Оиси Масами (1855–1935) министром-резидентом и направил его в Корею» [Кубо 2013, с. 81].

тогда как они только гости, и чтобы возбудить вражду к иностранцам в своих соотечественниках, толкует, что так называемый иностранцами "восточный вопрос" состоит в том, чтобы выказывать презрение иностранцев к народам востока. Речи г. Оиси напечатаны в экстрактах в чемульпоской[30] японской газете […]. В своих речах г. Оиси, по собственному заявлению, принуждён сдерживать себя, чтобы не превысить данные ему правительством инструкции» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 16 об, 17, 17 об].

При этом практически все связывали такой способ ведения дел с отсутствием у Оиси Масами ключевых навыков и практического опыта в области дипломатии. Безусловно, не отрицая значимости и этого фактора, можно также предположить, что подобное поведение и образ действий были, если и не рекомендованы, то вполне ожидаемы определёнными кругами в японском правительстве во главе с Ито Хиробуми. Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что хотя в связи с жалобами корейского правительства на вызывающее поведение японского представителя МИД Японии и направлял Оиси предписания касательно более корректного поведения, однако каких-либо прямых дисциплинарных санкций в отношении его применено не было.

Вот что, в частности, в этой связи отмечал российский дипломатический представитель в Японии М. А. Хитрово (14/26 мая 1893 г., № 25): «[…] Г. Муцу постоянно уверял как бывшего нашего Поверенного в делах, так и меня, что после посланных им г-ну Оиси внушений он, конечно, переменит свой образ действий, постоянно давая нам понять, что и самое назначение г-на Оиси в Сеул имело лишь целью удаление этого беспокойного депутата и публициста из Токио. Но едва ли г. Муцу был вполне чистосердечен во всех этих объяснениях.

Как бы то ни было, за последнее время г. Оиси, которого образ действий нисколько не изменился, наделал порядочно хлопот японскому правительству и чуть-чуть не переполошил весь крайний Восток вызванным им последним японо-корейским инцидентом.

[30] Т. е. в газете, издававшейся в Чемульпо (открытый порт в Корее).

[…] В разговорах министр иностранных дел, хотя и не оправдывая образа действий г-на Оиси, тем не менее, всегда отзывался несколько уклончиво на прямой вопрос: действует ли г-н Оиси в силу данных ему инструкций или в свою голову? С другой стороны, последние резкие выходки японского посланника в Корее случайно или неслучайно совпали с целым рядом побочных обстоятельств, придававших в глазах общественного мнения выходкам этим особенное значение. Поездка в Корею помощника начальника японского Главного штаба генерала Каваками[31], некоторая необычная деятельность в здешних военном и морском ведомствах и, в особенности, шовинизм, проявившийся в некоторой части здешней прессы по поводу неудач, испытываемых японским посланником в Сеуле в его требованиях о вознаграждении японских купцов за якобы понесённые ими убытки вследствие запрещения корейским правительством вывоза из Кореи зерновых продуктов в 1889 г. – всё это вместе взятое и совпавшее с резкими и настойчивыми требованиями г. Оиси, закрепившимися поставленным им корейскому правительству ультиматумом, не могло не произвести некоторого переполоха как в Корее, так и в Китае.

[…] [Г. Муцу] отнюдь не оправдывал действий г. Оиси; напротив, он вполне признавал, что своей резкостью и бестактностью г. Оиси лишь усложнил дело, само по себе вовсе не особенно важное. “Но что же делать? – прибавил он. – Теперь Оиси поставил нас в необходимость его поддерживать; теперь мы можем лишь настаивать на его требованиях; впоследствии же мы разберём его действия и, конечно, уберём его из Кореи, если положение, которое он себе там создал, и неудовольствия, которые он против себя возбудил, окажутся вредными нашим интересам”.

При этом г. Муцу пустился в длинные объяснения тех трудностей, в которые он поставлен настоящим инцидентом. “У нас, – сказал он, – при нашем парламентском режиме всякий вопрос легко превращается в орудие против министерства. Здесь речь идёт о вознаграждении, требуемом не японским правительством,

[31] Каваками Сороку (川上 操六, 1848–1899) – японский генерал, один из ведущих стратегов в императорской армии Японии в ходе японо-китайской войны 1894–1895 гг.

а частными лицами – японскими купцами. Все эти заинтересованные лица вопят против нас, упрекая нас в слабости, в недостаточной энергии при защите наших коммерческих интересов. Мы же со своей стороны готовы были предоставить корейскому правительству всевозможные льготы и помочь ему в заключении возможно выгодного займа для удовлетворения наших купцов уплатой суммы, в сущности, весьма незначительной. Сумма эта, допуская даже все преувеличения, не превышает 70 тыс. йен (около 250 тыс. рублей). Но, к сожалению, ничтожная эта сумма распределяется не между несколькими крупными купцами, на которых можно было бы повлиять, дабы добиться значительной уступки по претензиям, а между целой массой мелких торговцев (их до 40), которые своими воплями волнуют прессу и общественное мнение". "В том-то, – заключил он, – я и обвиняю г. Оиси, что он, быть может, гораздо более гнался за своей личной популярностью в Японии, нежели за достижением серьёзных результатов"» [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 273, л. 318 об-320, 323, 323 об, 324].

Итак, Оиси Масами было поручено форсировать решение «дела о запрете на вывоз зерновых». Вот как описывает эту ситуацию П. А. Дмитревский: «Почти тотчас же по приезду сюда г. Оиси им снова начаты были переговоры по вопросу о возмещении убытков японских купцов в Уонсане[32], причём сумма этих убытков была увеличена на 28 590 долларов в виде процентов на первоначально предъявленный в декабре 1891 года иск в 147 166 долларов. Корейцы, не имея денег уплатить такую сумму, сначала были устрашены настойчивостью г. Оиси, но потом, подбодрившись, обратились за советом к помощнику генерала Лежандра[33] г. Greathouse[34], который на основании публикуемых во всеобщее

[32] *Уонсан* 元山 – кор. Вонсан, яп. Гэндзан/Генсан – город-порт в Корее.

[33] Лежандр (Ле Жандр) Чарльз (Charles William Joseph Emile Le Gendre, 1830–1899) – американский офицер (участник Гражданской войны в США 1861–1865), дипломат. В 1866–1872 гг. – консул США в Сямэне 厦門, Китай. Советник при Министерстве иностранных дел Японии (1872–1875), советник корейского короля Коджона (1890–1899).

[34] Грейтхаус Кларенс Риджли (Greathouse Clarence Ridgley; 1846–1899) – американский журналист, юрист и дипломат. В 1886–1890 гг. – консул США в Йокогаме, Япония. В 1890 г. был нанят в качестве юридического советника корейского правительства.

сведение отчётов таможен в открытых портах Кореи, вычислил, до какой суммы могли простираться убытки японских купцов. […] причём сумма, предложенная корейцами японцам, определилась только в 47 575 долларов.

[…] г. Оиси отказался принять сообщение президента[35] и заявил, что такое сообщение составляет оскорбление японского правительства. Конференции президента с г. Оиси продолжались по 6 и 7 часов зараз, и, отказавшись принять сообщение во второй раз, 27 февраля, г. Оиси заболел, не опустив, впрочем, сообщить своему правительству сущность предложения корейцев. Прилагаемые протоколы, конечно, далеко не вполне обрисовывают поведение г. Оиси на совещаниях. Некоторые наиболее неприличные выходки его не упомянуты из очень естественного чувства стыдливости самих корейцев, которыми протоколы писаны. Г. Оиси угрожал президенту спуском флага Миссии, своим выездом и войной, и когда это не подействовало, выругал его дураком. До и во время совещаний я виделся с президентом несколько раз, и оскорбление, нанесённое ему г-ном Оиси при свидании 26 февраля, произвело на него удручающее впечатление. Я старался подбодрить его, но, по-видимому, президент не был уверен, что некоторые корейские мандарины не поддерживают г. Оиси и не стараются сбить президента с места, интригуя против него в совете короля, и потому третьего дня он подал прошение об отставке. Такой шаг президента объясняется также желанием его выяснить твёрдость своего положения среди своих товарищей. Король вчера отказал ему в отставке, благоприятно отозвавшись о его характере и деятельности, что указывает, что корейское правительство не намерено уступать японцам. Болезнь г. Оиси была притворная, и из частных достоверных сведений мне известно, что он посетил многих корейских мандаринов, инсинуируя против президента и стараясь добиться его отставки. Корейцы, по слухам, намерены перенести ведение дела в Токио и отправить своего посланника туда со специальным поручением вести переговоры по этому делу с японским Министерством иностранных дел» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 82 об-83 об].

[35] Речь идёт о главе Коллегии иностранных дел Кореи.

В исследовании Н. Кубо действиям Оиси даётся следующая характеристика: «Молодой, не обладавший опытом дипломатической работы Оиси Масами, незнакомый с дипломатическими манерами и методами и не имевший никаких контактов в верхушке корейского правительства, оказался в положении, когда ситуация вышла из-под контроля. 4-го апреля Оиси Масами в телеграмме японскому правительству вместе с докладом о положении дел высказал мнение о том, что корейскому правительству необходимо направить ультиматум, а если противная сторона его не примет, то не следует отказываться и от применения военной силы. Получив это послание, министр иностранных дел Муцу в тот же день направил на имя посланника Оиси ответную телеграмму с приказом не предпринимать никаких действий до получения новых указаний» [Кубо 2013, с. 81].

Таким образом, своими действиями японский представитель действительно настроил против себя и корейское правительство, и находившихся в Сеуле иностранных дипломатов. Это отнюдь не способствовало успеху переговорного процесса. И фактически «последней каплей», переполнившей чашу терпения корейцев, стало вызывающее поведение Оиси на аудиенции у короля Кореи.

П. А. Дмитревский по этому поводу приводит следующее описание (отчёт от 06.05.1893, № 37): «Дней десять тому назад прибыла в Сеул партия японцев из 6 человек с генералом Каваками – помощником начальника японского Главного штаба, во главе. 22-го сего апреля по просьбе японского представителя здесь, г. Оиси, им была дана аудиенция у короля. Представлял их его величеству г. Оиси. По окончании аудиенции, когда удалились другие японцы, г. Оиси остался в аудиенц-зале и заявил королю, что он имеет нечто передать ему. На вопрос короля, что он имеет передать, г. Оиси вынул свёрток исписанной бумаги и хотел вручить его королю. Король отказался принять, сказав, что не может принять письменное заявление г. Оиси. Г. Оиси возразил, что он должен передать своё заявление королю по предписанию своего правительства. Его величество ответил, что для письменных сношений с иностранными представителями учреждена в Корее Коллегия иностранных дел, куда и должно адресоваться с заявлениями

по делам. Король предпишет президенту Коллегии иностранных дел точным и тщательным образом разобрать дело, о котором хлопочет г. Оиси, и решить его самым справедливым и беспристрастным образом. Японский представитель сказал на это, что он не может уйти из залы, не передав королю своей рукописи. Король повторил, что не может принять документа, и что если г. Оиси не имеет сказать ничего более, то может удалиться. Г. Оиси настаивал, что он должен передать бумагу. Тогда Вице-президент Коллегии иностранных дел Ким – старик высокого роста с длинной седой бородой и грубым голосом, – сказал г. Оиси, что если Его Величество приказывает ему удалиться, то он должен уйти. Король подтвердил слова Кима, сказав, что г. Оиси может удалиться. Г. Оиси удалился.

Рассказ об этом вечером 22-го же апреля был передан мне генералом Лежандром. Утром 23-го апреля я сообщил содержание его нашему посланнику в Токио по телеграфу. Около полудня 23-го апреля я получил подтверждение рассказа через своего переводчика от президента Коллегии иностранных дел. […] Согласно всем рассказам, король был очень рассержен настояниями г. Оиси, и предложения ему удалиться были даны очень громким и твёрдым голосом.

[…] Король был сильно недоволен ещё тем, что г. Оиси, генерал Каваками и другие японцы явились на аудиенцию в частном платье, а не в мундирах. Никогда прежде японцы этого не делали […]» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 124–125 об].

Японский исследователь К. Фукуда характеризует ситуацию следующим образом: «3 мая Оиси, получивший правительственный приказ потребовать от корейского правительства в течение двух недель дать определённый ответ по делу о запрете вывоза зерновых, на следующий день выказал опрометчивость, [пытаясь] надавить на короля Кореи в ходе аудиенции для получения ответа. Поскольку такое поведение было чрезвычайно грубым, 11-го числа прибывший в Японию корейский поверенный в делах обратился в Министерство иностранных дел [Японии] с соответствующей жалобой» [Фукуда 2013, с. 329]. И далее К. Фукуда приводит следующую запись из дневника японского дипломата Хара Такаси: «Этот

грубый промах стал следствием абсолютного отсутствия опыта в дипломатической сфере» [там же].

Ситуация фактически зашла в тупик. В этих обстоятельствах японский правящий кабинет, стремясь всё-таки избежать прямого военного конфликта, обратился за помощью к Китаю. Как признавал в своём докладе Ито Хиробуми: «Наше правительство, зная о том, что Корея за спиной чувствует поддержку Китая, приняло решение через Оиси провести переговоры с находившимся тогда представителем Цинской империи Юань Шикаем и направило [Оиси] инструкцию, в которой говорилось о необходимости настаивать, что величина компенсации должна составлять 144 000 йен. Оиси, получив эту инструкцию, сразу же встретился с Юань Шикаем и попросил его содействия для воздействия на правительство Кореи, чтобы в кратчайшие сроки разрешить вопрос об указе на запрет вывоза зерновых. Юань Шикай согласился с этим, и к 30-му апреля направил [Оиси] сообщение о том, что корейское правительство в качестве компенсации за запрет на вывоз зерновых из Гэндзана не сможет заплатить больше 60 000 йен, ответственности в связи с запретом на вывоз зерна из района Хванхэдо[36] не признаёт и это решение – окончательное. Также было указано, что китайское правительство уже полностью сделало всё, что необходимо было сделать в данном вопросе, и сверх этого никаких других путей уладить это дело нет» [Ито 1942, с. 909–910].

Юань Шикай, следуя указаниям Ли Хунчжана, пытался, очевидно, добиться какого-то разумного баланса между требованиями японцев и возможностями Кореи. В то же время сам Ли Хунчжан первоначально, видимо, не уделял достаточно внимания этому вопросу, возможно, не считая его по-настоящему важным, а скорее, не желая прямо вмешиваться из опасения перехода дела в открытый конфликт.

Следуя правительственным инструкциям, Оиси передал главе корейской Коллегии иностранных дел ультиматум, устанавливавший предельный срок – две недели, по истечении которого

[36] Хванхэдо 黃海道 – одна из провинций Кореи (на северо-западе Корейского полуострова) почти до середины XX в.

правительство Кореи должно было дать окончательный ответ. Тем не менее корейская сторона продолжала затягивать решение вопроса, и более того, президент Коллегии внезапно ушёл в отставку. Кроме того, корейские власти рассматривали возможность переноса места переговоров, как вследствие непрофессиональных действий японского представителя Оиси, так и в том числе под предлогом начинавшегося в Корее антиправительственного движения Тонхак[37].

Когда установленный срок истёк, Ито Хиробуми, осознавая, что для разрешения проблемы «ничего не остаётся, как в кратчайшие сроки прибегнуть к чрезвычайным мерам» [Ито 1942, с. 910], провёл совещание с министром иностранных дел Муцу Мунэмицу[38], морским министром Сайго Цугумити[39] и рядом других членов Кабинета. 17 мая Оиси было направлено уведомление о его отзыве из Сеула. Как указывал Ито: «[…] Оиси немедленно сообщил корейскому правительству содержание этого приказа и, спустив на [здании] дипломатической миссии государственный флаг, уже [практически] собрался отбыть вместе с сотрудниками посольства, [как] корейское правительство, придя в сильное замешательство, попросило отсрочки на два-три дня. Оиси [согласился] дать отсрочку для получения окончательного ответа до 19 числа. В результате переговоров, проведённых с вновь назначенным президентом Коллегии иностранных дел Нам Чон Чхолем[40], 19-го числа Оиси потребовал признания корейским правительством обязательства по уплате общей суммы в размере 110 000 йен в качестве компенсации убытков, понесённых вследствие принятия указа о запрете на вывоз зерновых. Наше правительство, приняв реше-

[37] Народное движение Тонхак (*Тонхак тан* 東学党) – крупное антиправительственное движение в Корее в 1893–1895 гг.

[38] Муцу Мунэмицу (陸奥宗光, 1844–1897) – японский политик, государственный деятель. В 1892–1896 гг. – министр иностранных дел Японии в правительстве Ито Хиробуми.

[39] Сайго Цугумити (西郷從道, 1843–1902) – японский политик, государственный деятель, военный (генерал, адмирал), член кабинета министров.

[40] Нам Чон Чхоль (南廷哲, 1840–1916) – корейский государственный деятель. В феврале–сентябре 1884 г. был направлен в Тяньцзинь в качестве официального представителя для встречи с Ли Хунчжаном.

ние одобрить этот [вариант], одновременно продолжало подготовку к отправке военных кораблей […]» [Ито 1942, с. 910–911].

Таким образом, для урегулирования ситуации Ито Хиробуми прибегнул к активным мерам по всем дипломатическим направлениям. Ввиду очевидной неэффективности действия Оиси в Сеуле Ито обратился за содействием к Китаю. Соответствующие обращения на имя Ли Хунчжана были направлены японской стороной через китайского посланника в Японии Ли Цзинфана[41] и японского вице-консула в Тяньцзине Аракава Кидзи 荒川己次. 3 мая японский министр иностранных дел Муцу Мунэмицу поручил Аракаве передать Ли Хунчжану письмо от имени Ито Хиробуми, в котором была описана сложившаяся ситуация, отмечалось, что переговоры между Японией и Кореей находятся в тупике, и выражалась надежда, что с помощью Ли Хунчжана удастся достичь «компромисса и мирного окончания дела» [Цюань 2005, с. 2]. «Это письмо в действительности представляло собой телеграмму, отправленную от имени Ито Хиробуми; оригинал письма, составленного на английском языке, подписан «Ваш добрый друг (Your good friend) Ито»; кроме того, также ясно была выражена надежда на скорейший ответ со стороны Ли Хунчжана» [там же].

5 мая Аракава Кидзи нанёс визит Ли Хунчжану и передал ему послание Ито. «Ли Хунчжан пообещал в ближайшее время направить Юань Шикаю инструкцию "исполнить обязанности дружественного государства между Японией и Кореей", чтобы предотвратить "для моего доброго друга графа Ито крушение его надежд"» [Цюань 2005, с. 3] Одновременно Ли Хунчжан телеграммой инструктировал Юань Шикая «дождаться подходящего случая и убедить корейцев дополнительно всё взвесить и завершить это нерешённое дело» [Цюань 2005, с. 3].

11 мая министр иностранных дел Муцу направил вице-консулу Аракава телеграмму, в которой было указано, что до разрешения дела «необходимо по-прежнему полагаться на посредничество Ли Хунчжана». 12 мая Ито Хиробуми направил Ли Хун-

[41] Ли Цзинфан (李经方, 1855–1934) – приёмный сын Ли Хунчжана, дипломат, государственный деятель. В 1890–1894 гг. – китайский посланник в Японии. В 1895 г. от имени китайской стороны подписал Симоносекский договор.

чжану повторную телеграмму, в которой говорилось, что «японская сторона надеется на урегулирование дела о “приказе о запрете на вывоз зерновых” в течение пяти дней, в противном случае японский посланник в Корее “спустит флаг и вернётся на родину”, [и таким образом Япония надеется] принудить корейскую сторону к согласию» [Цюань 2005, с. 3]. Ли Хунчжан убеждал японскую сторону уменьшить давление на корейцев, указывая, что «разве можно из-за столь незначительного дела [допустить] разрушение дружбы между двумя государствами – Японией и Кореей» [Цюань 2005, с. 3], параллельно инструктируя Юань Шикая содействовать переговорам.

Исследователь К. Фукуда приводит следующую любопытную запись из дневника японского дипломата Хара Такаси от 20 мая 1893 г.: «[…] Когда действительно наступает критический момент, к счастью, можно увидеть истинное положение вещей. С одной стороны, поскольку всё выглядело так, словно наше правительство приняло решение категорически требовать возмездия, а с другой стороны, благодаря тому, что Ли Хунчжан направил корейскому правительству секретные рекомендации, [то хотя] действия Оиси включали множество [случаев] нарушения дипломатического этикета, вплоть до [применения] необоснованных угроз, всё же люди, не зная подлинных обстоятельств дела, на основании этой ситуации [полагают, что] действия Оиси были успешными. Древняя история знает достаточно случаев, когда истинное положение вещей так и не становилось известно» [Фукуда 2013, с. 329–330].

Очевидно, что именно благодаря содействию Китая вопрос о возмещении по делу о запрете вывоза зерна удалось согласовать.

19 мая японская и корейская стороны достигли договорённости по «делу о запрете на вывоз зерна». Окончательная сумма компенсации, хотя и оставалась значительной, была существенно снижена и составила 110 000 йен. Помимо определения указанной выше общей суммы возмещения был разработан порядок её выплаты.

«90 000 йен подлежат уплате в качестве компенсации [убытков, причинённых вследствие] указа о запрете вывоза зерна из Гэндзана, [из них] 60 000 йен должны быть выплачены нашему прави-

тельству в течение трёх месяцев, а оставшиеся 30 000 йен – в течение пяти лет.

Другая часть [выплаты], [представляющая собой компенсацию за убытки, понесённые вследствие запрета на вывоз зерна из провинции] Хванхэдо, в размере 20 000 йен подлежит уплате в течение шести лет» [Ито 1942, с. 911].

Вот что в этой связи отмечал в своём рапорте российский представитель П. А. Дмитревский в Сеуле (8/20 мая 1893 г., № 46): «[…] г. Юань получил приказ Ли Хунчжана уговорить корейское правительство согласиться на упомянутую сумму 110 000 долларов, и что король накануне согласился на это. Граф Ито, японский премьер, узнав, что японский ультиматум и застращивания действуют неудовлетворительно на корейцев, опасаясь, что Японии придётся для приведения корейцев к покорности и для поддержания своего престижа прибегнуть к другим, более действительным средствам, чего ранее вовсе не имелось в виду, опасаясь также, что эти более действительные средства могут вызвать решительный протест Китая и других имеющих интересы в Корее держав, и не желая допускать иностранные державы вмешиваться в свои сношения с Кореей и обнаруживать во всеобщее сведение свои дипломатические махинации здесь, через китайского представителя в Токио обратился к Ли Хунчжану с просьбой принять на себя посредничество в решении вопроса о количестве вознаграждения японцев. Ли Хунчжан снёсся с г. Юанем, который, посоветовавшись со здешним правительством, и предложил наибольшую сумму, которую могут заплатить корейцы. Ли телеграфировал о размере её в Токио, и японцы, в виду истечения срока ультиматума, приняли её. Нет сомнения, что принятая сумма оплачивает вполне все потери японцев» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 140 об, 141].

Как отмечает Цюань Хэсю: «…Можно сказать, что этот обмен посланиями имел как для Ито Хиробуми, так и для Ли Хунчжана результатом “выигрыш для обеих сторон”, поскольку Ито Хиробуми с успехом воспользовался влиянием цинского правительства и Ли Хунчжана для урегулирования вопроса между Японией и Кореей, который в течение многих лет оставался неразрешённым, и в то же время Ли Хунчжан благодаря этой ситуации в пол-

ной мере продемонстрировал доминирующее влияние китайского правительства на короля Кореи» [Цюань 2005, с. 3].

В этом контексте отметим, что Япония, а именно Ито Хиробуми, путём разрешения данного дела достигла и другой своей цели, возможно наиболее приоритетной – снижения «активности» радикальной группировки в правительстве. Оиси Масами практически сразу же после проведения финальных переговоров и достижения окончательной договорённости с корейской стороной был отозван в Японию, где, несмотря на очевидно неудачное осуществление дипломатической миссии, был встречен с большими почестями и в его честь состоялся грандиозный приём. Тем не менее вновь на должность представителя в Корее Оиси не был возвращён. Более того, он не был назначен ни на какой другой пост, а получив от Ито Хиробуми определённые средства, отправился в поездку по Европе и Америке. Российский представитель в Сеуле П. А. Дмитревский замечает в этой связи (8/20 мая 1893 г., № 46): «Я полагаю, что неудача японцев послужит на пользу им самим и сделает их менее надменными и своевольными здесь, чем они были прежде. Своими действиями они более и более утрачивают своё влияние здесь и сами вредят своим интересам. Г. Оиси, впрочем, только представитель партии в Японии, находящейся теперь у кормила правления, партии экзальтированных неслыханным прогрессом и величием Японии шовинистов, почти безусловно враждебных нам […] и руководимых враждебными нам иностранными советами. Следовательно, неудача г. Оиси может отразиться и на положении его партии в Японии и дать перевес и возможность принять участие в правительственных делах этой страны более рассудительным людям и лучше понимающим истинное положение дел на востоке» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 142 об].

Японская исследовательница Н. Кубо также подчёркивает ключевую роль Китая и, в частности, Ли Хунчжана в урегулировании рассматриваемой проблемы, неожиданно оказавшейся одним из наиболее продолжительных нерешённых дел в дипломатии: «Дело о приказе на запрет вывоза зерна первоначально представляло собой вопрос о согласовании величины компенсации, подлежащей уплате японским торговцам зерном. Однако когда вну-

три Японии возникло движение за увеличение суммы компенсации, не кто иной, как Кабинет Ито в качестве политической уловки направил одного из представителей "партии войны" Оиси Масами посланником в Корею. Командированный в Корею посланник Оиси, не сумев завоевать доверие корейского правительства, допустил вмешательство китайского представителя Юань Шикая, и поскольку переговоры не продвигались, в конце концов ситуация в своём развитии практически подошла к применению военной силы. На этом этапе правительство Японии не могло отдать посланнику Оиси приказ пойти на компромисс с корейским правительством: необходимо было не только учитывать положение Оиси, который, являясь депутатом парламента, не был членом правительства, но и сохранить достоинство Японии в отношении Кореи. В результате пришлось полагаться на Китай.

Дело было улажено всецело благодаря посредничеству Китая в лице Ли Хунчжана. Ли Хунчжан согласился выступить в роли посредника в ответ на просьбу Ито Хиробуми, с которым он был давно знаком[42], однако Ли стремился уклониться от необходимого вмешательства. Тогда Ито, намекнув на возможность применения военной силы, чего он сам старался избежать, принудил Ли выступить посредником. Таким образом, в деле с приказом о запрете вывоза зерна Япония, в конце концов, воспользовалась влиянием Китая в Корее и тем самым признала приоритетное положение Цинской империи в отношении Кореи» [Кубо 2013, с. 83].

Таким образом, описанную выше сложную ситуацию удалось разрешить, на первый взгляд, вполне благополучно и даже выгодно для её главных участников (для Японии – в плане финансов, для Китая – с точки зрения «общего имиджа» и авторитета). Тем не менее это дипломатическое достижение, по сути, не привело к снижению градуса напряжённости в регионе, а возможно, и напротив, стало ещё одним шагом к открытому вооружённому противостоянию.

[42] Довольно активные деловые контакты установились между Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми примерно с 1885 г. в процессе заключения Тяньцзиньского соглашения («Соглашение Ли – Ито») и в определённой степени продолжались и в последующее время.

И по всей видимости, главные «игроки» – Китай и Япония – осознавали, что расстановка сил на Дальнем Востоке такова, что кризис неизбежен.

Российский дипломатический представитель в Китае А. П. Кассини[43] в своём докладе в Министерство иностранных дел указывал (11 мая 1893 г., № 58): «Затруднения, вызванные в Корее действиями Оиси, временно уладились. Под давлением Китая, опасающегося иностранного вмешательства, Корея согласилась на уплату Японии ста десяти тысяч лян и на оставление Оиси в Сеуле. Последняя уступка, к сожалению, заставляет ждать вскоре новых затруднений. Ли Хунчжан сказал японскому консулу в Тяньцзине, что в случае серьёзных осложнений между Японией и Кореей он опасается вмешательства России, и что тогда Китай не будет в состоянии поддерживать Японию» [АВПРИ, ф. 188, оп. 761, д. 273, л. 304].

Описанные выше события, безусловно, способствовали повороту во внешнеполитическом курсе Японии. Ранее японские власти, несмотря на противоречия, всё же были ориентированы скорее на сохранение контактов с Китаем в целях противостояния потенциальным угрозам со стороны общего врага – России. Однозначное заявление об этом находим, в частности, в упомянутой выше книге Оиси Масами «Два главных направления японской политики»: «С точки зрения ситуации на Востоке, независимость китайской империи и её прогресс в будущем являются не только обязательным [условием] сохранения и поддержания мира в Азии, но и необходимы для укрепления независимости нашей страны. Падение же Цинской империи для нашей страны будет означать утрату её [как] союзника, а для Востока в целом, вероятно, – потерю её как влиятельного [государства]. Именно поэтому обе страны – Япония и Китай, подобно братьям или сёстрам, [должны] помогать друг другу в непредвиденных ситуациях, взаимно дополняя и восполняя недостатки друг друга; у нас нет иного выхода, кроме как содействовать друг другу ради взаимного развития. В частности, наша страна не только рассматривает Китай как необходимый

[43] Кассини Артур Павлович (1835–1919) – российский дипломат, посланник в Китае в 1891–1896 гг.

[объект] с политической точки зрения, [но также] не может не считать [его] в плане торговли [нашим главным] рынком в будущем» [Оиси 1892, с. 56].

Непосредственно после описываемых событий взаимодействие Японии с Китаем некоторое время продолжалось и даже в определённой мере активизировалось.

После ускоренной отставки Оиси Масами с должности министра-резидента дипломатическим представителем Японии в Корее был назначен Отори Кэйсукэ[44], являвшийся в то время министром-резидентом в Китае. Таким образом, японское правительство ликвидировало отдельный пост министра-резидента в Корее, оставив лишь консульские должности. Тем самым Япония фактически отказывалась от признания независимости Кореи.

Этот факт не остался незамеченным другими державами. Вот что в этой связи, в частности, отмечал российский представитель в Корее П. А. Дмитревский (18/30 июля 1893 г., № 88): «…назначение г. Отори – японского посланника в Пекине – представителем микадо[45] также в Сеуле. Первым сообщил мне это известие президент корейской Коллегии иностранных дел, бывший у меня утром 7-го июля. Затем, в то же утро посетил меня г. Heard[46], который получил это известие от одного из членов японской миссии здесь, с объяснением, что назначение г. Отори одновременно представителем Японии в Корее означает отказ японского правительства от попытки помочь Корее восстановить свою самостоятельность и независимость от Китая, признание вассальности Кореи по отношению к Китаю и упразднение дипломатического представительства в Сеуле. Так как сведения эти немедленно стали известны всем в Сеуле, то я посетил японскую миссию, чтобы насколько возможно выяснить достоверность их. К сожалению, временно управляющий японской миссией, подтвердив факт назначения г. Отори,

[44] Отори Кэйсукэ (大鳥圭介, 1833–1911) – японский военный, дипломат. Министр-резидент в Китае в 1889–1894 гг. Параллельно в 1893–1894 гг. – японский дипломатический представитель в Корее.

[45] Микадо 御門 – устаревший термин для обозначения японского императора.

[46] Очевидно, речь идёт об Августине Ф. Херде (Augustine F. Heard, 1827–1905) – американском министре-резиденте и генеральном консуле в Корее (1890–1893).

уклонился дать какие-либо объяснения его и лишь позлорадствовал по поводу унижения, которому подвергаются корейцы со стороны японцев вследствие того, что японское дипломатическое представительство будет иметь постоянную резиденцию в Пекине, а не в Сеуле» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 162, 162 об.].

Наши дипломаты также отметили возросшую активность дипломатических контактов различного уровня между Японией и Китаем. В частности, российский посланник в Пекине А. П. Кассини сообщал (9 июня 1893 г., № 17): «Недавние события в Корее, заставившие заинтересованные в судьбе этой страны державы вновь обратить на неё свои взоры, привели, по-видимому […] к неожиданному результату. Уже несколько времени тому назад по известным симптомам я стал замечать, что между Японией и Китаем совершается довольно оживлённый обмен мыслей по корейскому вопросу. Японский представитель в Пекине г. Отори стал особенно часто видеться с министрами Цзунли-ямэня[47], и в последнее время японский консул в Тяньцзине беспрестанно посещал вице-короля Ли Хунчжана, который раз за разом назначал ему у себя приёмы. Приезд помощника начальника японского Главного штаба генерала Каваками с сопровождающими его офицерами дал новый повод предполагать возникновение между Китаем и Японией секретных переговоров, главная цель коих, очевидно, должна относиться к корейскому вопросу. […] Лишь только генерал Каваками выехал из Пекина в Тяньцзинь, г. Отори поспешил отправиться туда же, т. е., в город, где находится резиденция Ли Хунчжана, которому, как известно Вашему Превосходительству, специально вверено заведывание делами Кореи. Г-н Отори несколько раз имел свидание с вице-королём, причём между ними подолгу обсуждались корейские дела и, в конце концов, судя по известию, полученному мной из Тяньцзиня, их переговоры привели к полному соглашению между Китаем и Японией. После данных рассуждений относительно печального положения внутренних дел Кореи, рас-

[47] *Цзунли-ямэнь* 總理衙門 («Главное управление»), полное наименование *Цзунли гэ го ши-у ямэнь* 總理各國事務衙門 («Главное управление по делам всех государств»), – одно из правительственных учреждений империи Цин. Выполняло функции министерства иностранных дел, существовало с 1861 по 1901 г.

стройства её финансов, слабости и неспособности короля, и опасности, с которой положение это сопряжено для страны, рискующей рано или поздно оказаться добычей её могущественного соседа, собеседники пришли к заключению, что Китаю и Японии как державам, наиболее заинтересованным в судьбе Кореи, следует сообща изыскать средства для предотвращения таковой случайности. Из Тяньцзиня г-н Отори отправился в Сеул и затем в Токио.

Что касается до генерала Каваками, который был принят Ли Хунчжаном довольно холодно при его первом проезде через Тяньцзинь, то на этот раз, напротив, он был осыпан любезностями вице-короля и вместо полного отказа, с которым несколько недель тому назад было встречено его желание посетить расположенные близ Тяньцзиня укрепления и военные учреждения, он получил всё, что пожелает, и что может его интересовать.

Резкий поворот, совершившийся во взглядах китайского правительства на корейский вопрос, заслуживает с нашей стороны самого серьёзного внимания. Чем, в самом деле, можно объяснить, что Китай, который до сих пор всегда восставал против посягательств Японии на Корею и ни под каким видом не допускал вмешательства которой-либо из иностранных держав в дела этого королевства, считая его, теперь больше, чем когда-нибудь, своим вассалом, как объяснить, говорю я, что в настоящее время Китай выказывает готовность вступить по этому предмету в тайное соглашение, основания которого, как можно предполагать, уже положены на этих днях в Тяньцзине. Если факт этот можно чем-либо объяснить, то только тем страхом, в котором, несмотря на наши мирные заявления и спокойный образ действий, с некоторых пор находится китайское правительство, допускающее возможность войны с Россией из-за Памирского вопроса[48] и опасающееся, как бы в таком случае военные действия не распространились далеко за пределы Памиров» [АВПРИ, ф. 150, оп. 493, д. 4, л. 164–165].

[48] «Памирский вопрос» – один из элементов Большой игры. В начале 1890-х гг. Памир стал ещё одним регионом, где существовало противостояние между Россией и Англией. Присоединение Памира к Российской империи произошло в 1895 г. Военные действия и нестабильность в относительно близкой к границам Цинской империи территории в известной степени могли беспокоить и власти Китая.

Тем не менее это относительно тесное взаимодействие между Китаем и Японией было лишь временным. Поворот японской внешней политики в сторону большей активности, прежде всего на континенте, становился всё более очевидным. И, безусловно, немалую роль в этом сыграли события, связанные с делом о запрете на вывоз зерновых. Фактическая неудача японской дипломатии в решении этого вопроса и необходимость обращаться к Китаю в качестве посредника, несмотря на кажущуюся незначительность проблемы, вызвали сильную реакцию в японском обществе. Рост внешнеполитических амбиций Японии уже невозможно было остановить. Как отметил японский исследователь Х. Осава, «новая ситуация, формировавшаяся внутри страны с 1893 до следующего года, состояла в одновременном «взрыве» настроений на решительность и твёрдость в отношении Кореи и Китая, триггером для которого послужило дело о запрете на вывоз зерновых, и развёртывании движения за агрессивную внешнюю политику с целью пересмотра договоров с европейскими странами и США» [Осава 1998, с. 87].

Приложение I

АВПРИ, ф. 195, оп. 529, д. 42, л. 110, 110об, 111, 111об, 112, 112об, 113, 113об, 114, 114об, 115, 115об.

Перевод сообщения президента корейской Коллегии иностранных дел японскому министру-резиденту от 25 февраля / 9 марта 1893 г.

Я имел честь получить сообщение Ваше от 13 февраля 1893 г. с приложениями и вполне ознакомился с содержанием оного. В ответ имею честь сообщить, что осенью 1889 г. бывший президент Коллегии иностранных дел Мин[49] получил донесение г. Чжо,

[49] Мин Эн Си (闵应植, 1844–1903) – крупный государственный деятель Кореи. В рассматриваемый период помимо прочего возглавлял так называемую Коллегию иностранных дел (кор. Эйсё 礼曹) – орган государственной власти в Корее, занимавшийся вопросами ритуала и церемоний, а также дипломатическими делами (т. е. некий аналог китайского Министерства церемоний *Ли-бу* 禮部). В деле о запрете на вывоз зерновых Мин Эн Си в отношении требований Японии занимал жёсткую позицию.

начальника провинции Хамгёндо, с уведомлением о случившемся в провинции неурожае и с просьбой известить о запрещении вывоза хлеба. На основании права, предоставленного Коллегии действующими в настоящее время трактатами между Японией и Кореей, за месяц ранее было сообщено (Вашей Миссии), что запрещение вступит в силу в конце 10-го месяца того же года. Но бывший Ваш представитель Кондо[50] не согласился издать объявления о том (Вашим купцам) для соблюдения, выставляя множество препятствий к тому, и усиленно просил о снятии запрещения, так что бывший президент счёл за лучшее уступить, и в 12-м месяце того же года послал предписание о снятии запрещения, а также представил доклад о наказании главных чиновников провинции за ослушание предписаниям. Наше правительство после этого смотрело на это дело как на решённое, и бывший президент Мин 23-го числа 3-го месяца (в апреле) 1890 г. сообщил об окончании дела Вашему представителю Кондо, который не сделал против того никаких возражений. Но неожиданно по прошествии двухлетнего срока 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г. Ваш бывший министр-резидент Кадзияма вдруг представил отношение и список по давно уже решённому делу и усиленно потребовал вознаграждения убытков. Переговоры по этому поводу продолжались целый год, но не приводили ни к какому результату, а требования и настояния продолжали сыпаться на нас самые поспешные и неотложные. Хотя наше правительство смотрело на такие действия как на совершенно неожиданные, тем не менее ввиду важности сношений между двумя государствами и с целью выказать особенное дружелюбие, бывший президент Мин 23 июля прошлого года (1892) обратился с предложением уплатить вознаграждение в уменьшенном размере. Наше правительство не желало точного расследования по этому делу и, терпеливо снося незаслуженные неприятности, чтобы укрепить связи между обоими государствами, само признало такое решение дела самым надлежащим. Между тем по истечении двух месяцев Ваш прежний представитель г. Кадзияма полу-

[50] Кондо Масуки (近藤眞鋤, 1839–1892) – врач, дипломат. С 1870 г. консул в Корее. На протяжении 20 лет являлся поверенным в делах в Корее.

чил из Министерства иностранных дел ответ на наше предложение с уведомлением, что трудно сократить по разным отделам представленный счёт и что нет причин для самого малейшего уменьшения в требуемом вознаграждении. Так как в ноте Вашего министра иностранных дел было уведомление о командировании чиновника для совместного обсуждения дела, то бывший президент Мин приготовил ответ на ноту, передал его прибывшему чиновнику Хара для доставки, с тем чтобы прекратить с этого времени разные препирательства и в указанный срок решить надлежащим образом дело. Но в то время, когда мы ещё ожидали благоприятного ответа, получено было снова Ваше сообщение по делу с приложенными счетами, а также последовали наши переговоры. Могли ли мы не принять особенные меры для обеспечения вечного укрепления дружественных отношений? Я теперь рассмотрю по пунктам представленные Вами требования.

1) В первой статье двух счетов, полученных нами при сообщении Вашего бывшего представителя г. Кадзияма, значатся суммы в 48 597 долларов и в 2433 доллара как потери, понесённые вашими купцами Кадзияма и другими вследствие ареста товаров и денег и насильного захвата их. Относительно этой статьи Коллегия иностранных дел несколько раз командировала чиновников для точного и подробного расследования, и утверждения Ваших купцов оказались большей частью бездоказательными. Посланный на следствие чиновник снова недавно представил счёт, по которому жители провинции Хамгёндо в течение осени и зимы 1889 г. продали японским купцам крупного гороха всего в количестве 18 004 мешков, что, считая мешок по таможенной оценке в 1 доллар 10 центов, составляет сумму в 19 804,40. Относительно количества гороха следственный чиновник призывал продавцов для подробного и обстоятельного допроса и получил точные и подлинные показания, которые и представил на рассмотрение в отдельном приложенном к донесению реестре. Поэтому наше правительство положительно не может принять за верные эти большей частью бездоказательные статьи убытков в том виде, в каком они представлены в реестре Ваших купцов как подлежащие возмещению. В то же время если мы примем за норму расчёт нашего следственного чиновника относительно

следующего вознаграждения, то он едва ли удовлетворит претензии Ваших купцов. Я колеблюсь принять твёрдое решение, ибо слишком много времени прошло со дня запрещения вывоза хлеба до дня предъявления претензий Вашей миссией, и положительно трудно вполне ясно расследовать дело. Поэтому я командировал чиновника собрать подробные сведения из отчётов Уонсанской таможни о количестве вывезенного гороха по сезонам за 1888, 1889 и 1890 гг. и только что получил эти сведения. Из них видно, что в течение зимнего сезона 1888 г. гороха вывезено 28 811 мешков, за зимний сезон 1889 г. вывезено 18 708 мешков, и за зимний сезон 1890 г. вывезено 5036 мешков. Из сравнений этих количеств оказывается, что количество, вывезенное в течение зимнего сезона 1890 г., далеко уступает количеству, вывезенному за таковой же сезон 1889 г., а вывоз 1888 г. превышает вывоз 1889 г., когда вывоз хлеба был запрещён, только на 10 000 мешков. Вывоз гороха за весенний сезон 1888 г. равняется 15 444 мешкам, за тот же сезон 1889 г. – 36 551 мешку, и 1890 г. – 53 499 мешкам.

Сравнивая эти количества, находим, что вывоз 1890 года был самый большой и превышает отдельно взятые количества вывоза в зимние сезоны в несколько раз, а вывоз зимнего сезона 1889 года, когда вывоз хлеба был запрещён, превышает на 34 691 мешок. Вышеупомянутые количества все приведены в таможенных отчётах, составляют точные доказательства и гораздо яснее и определённее расчётов, представленных японскими купцами и нашими следственными чиновниками. Я, президент, желаю удовлетворить обе стороны, и из сезонов за три года избрав за норму самое большое количество вывоза за весенний сезон 1890 г. и исключив из него количество, вывезенное в зимний сезон 1889 г. – 18 708 мешков, остающееся количество – 34 791 мешок – или круглым числом 35 000 мешков, предлагаю принять за сумму потерь Ваших купцов зимой 1889 г. вследствие запрещения вывоза. При оценке мешка в $1.10 это количество будет представлять сумму 38 500 долларов, которая и должна удовлетворить потери Ваших купцов. Я полагаю, что моя оценка – самая справедливая и удовлетворительная, и если Вы будете настаивать на сумме расчёта Ваших купцов, а я – на расчёте, представленном мне следственным чиновником, то я опасаюсь, что

дело не кончится и такие настояния не приведут нас к согласному и справедливому решению дела.

2) По второму пункту двух счетов значатся суммы в $27 386 и $596 – как убытки, понесённые г. Кадзияма и другими японскими купцами вследствие замедления в перевозке, причинённого запрещением вывоза. Товар, запрещённый к вывозу зимой 1889 года, представляет собой горох, вывезенный весной 1890 г. Коллегия иностранных дел сообщением осенью 1889 года определила запретить вывоз в конце 10 месяца этого года, а в 12-м месяце этого же года запрещение было отменено, и следовательно, замедление могло произойти только на два месяца. Если замедление произошло относительно всего количества вывезенного весной 1890 г. гороха, то это количество равнялось только 53 499 мешкам или на деньги – сумме 58 848 долларов 90 центов. Принимая за норму обыкновенный процент, взимаемый японским банком в Чемульпо с нашего правительства, т. е. 0,04% с доллара в день, или 1,2% в месяц, или с каждых $10 000 по $120 в месяц, проценты на сумму $58 848 в течение двух месяцев составят $1412,3736, и сумма $27 920, показанная в двух счетах как потери вследствие замедления вывоза, представит собой проценты указанного размера на капитал более 200 000 долларов и за целый год. Совершенно поэтому непонятно, как произведён Вами расчёт, и нашему правительству трудно согласиться на уплату по нему.

3) По третьей статье двух счетов значатся суммы в $15 806 и $611 – как расходы на необходимые издержки купцов. По моему мнению, когда у японских купцов случаются какие-либо важные дела, то эти дела должны быть своевременно обсуждаемы и решаемы Вашей Миссией и нашим правительством, причём купцам не требуется делать никаких других лишних расходов, и если Ваши купцы, не жалея своих денег, совершенно напрасно давали их другим, то разве должно заставлять наше правительство платить за это? Поэтому положительно трудно для нас возместить убытки по этой статье.

4) По четвёртой статье двух счетов значатся суммы $49 652 и $2085 как проценты на потерянные японскими купцами капиталы. Запрещение вывоза последовало в конце 10-го месяца 1889 г.,

а Ваш бывший представитель, г. Кадзияма, прислал сообщение со списками убытков 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г., времени между этими двумя событиями протекло, считая и добавочный месяц, 26 месяцев. Вашей Миссии следовало бы сделать заявление по этому делу в течение трёх месяцев, и нашей Коллегии иностранных дел было бы легко тогда же расследовать дело. Но Ваша Миссия лишь по истечении двух лет и двух месяцев, не пригласив ранее расследовать дело, вдруг представила счёты с громадными процентами и с требованием уплаты. Нашему правительству тем более трудно было признать себя обязанным уплатить вознаграждение. Притом какое бы то ни было важное дело, в каком порте оно не случилось бы, никогда не было задерживаемо так долго. Не сообщивший о деле сначала и ранее сообщения притом встречавшийся, самолично только сосчитав громадные проценты за целые годы, требует их уплаты с другого. Если будет выставлено предлогом, что на точный расчёт потребовалось много времени, то это зависело от японского правительства, а не от нашего. Если бы заявление сделано было только по истечении 10 лет, то счёт процентов, наверное, достиг бы нескольких сотен тысяч долларов, и тогда также пришлось бы потребовать с нашего правительства вознаграждения за всё время до срока уплаты. Разве это было бы законно и справедливо?

5) В последней статье обоих счетов на конце написано: до тех пор, пока сумма денег не будет уплачена, должны быть взысканы следующие за всё время проценты. Так как все вышеизложенные статьи счетов оказываются неточными, то Коллегия ещё не решила, как надлежащим образом окончить дело. Что касается указания, что деньги не были уплачены в должное время, и проч., то мы ещё не знаем, с кого и за какое время должны быть взысканы проценты.

Затем в Вашем отдельном счёте приведена сумма в $28 590 с объяснением, что она представляет проценты на исковую сумму за время с 1-го декабря 1891 г. по 30 января 1893 г. Но так как представленный Вашим бывшим представителем г. Кадзияма счёт вообще не точен и так как наше правительство не может согласиться на уплату вознаграждения в том количестве, в каком оно

требуется Вами в вышеизложенных статьях, то и уплатить приводимую Вами сумму процентов ваше правительство решительно не может признать себя обязанным. По-моему, президента, мнению, сумма, которую нашему правительству следует возместить, должна состоять из стоимости вышеприведённого количества вывоза гороха $38 500 и процентов за замедление вывоза в количестве $1412, 3736, а всего $39 912, 3736; затем к этому следует присоединить проценты на эту сумму со дня заявления Вашего бывшего представителя г. Кадзияма 8 числа 11-го месяца (в декабре) 1891 г. по 7 число 2-го месяца (12/24 марта) настоящего года, всего, считая и добавочный месяц, за 16 месяцев – по 1,2% в месяц, – $7663,1 757 312. Общий итог всего вознаграждения будет равняться тогда $47 575,5 493 311. Этот уменьшенный и точный расчёт очень ясен и доказателен. Я, президент, решил немедленно сделать распоряжение об ассигновании этой суммы как следующей к возмещению, и если Вы, г. министр-резидент, согласны с моим расчётом, то я буду покорнейше просить Вас заранее распределить упомянутую сумму между потерпевшими купцами, чтобы возбудить их упавший дух, и надеюсь, что Вы ответите мне и укажете срок, когда передать деньги и тем сохранить в целости наши дружественные отношения. Если же Вы будете не согласны с моим предложением и вследствие наших дальнейших переговоров произойдёт замедление в выдаче, то считаю долгом уведомить Вас, что начиная с сего числа наше правительство не будет считать себя обязанным платить проценты, какого бы рода они не были.

Сокращения

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

1. Ито 1942 – Ито: Хиробуми дэн 伊藤博文傳 (Биография Ито Хиробуми). Т. 2. Токио: То: сё: ся 統正社, 1942.

2. Ковальчук 2005 – *Ковальчук М. К.* Эволюция японского экспансионизма в Корее в 60–90 гг. XIX века. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2005.

3. Кубо 2013 – *Кубо Нобуко* 久保伸子. Ито: Хиробуми то Мэйдзи Нихон но Тё: сэн сэйсаку 伊藤博文と明治日本の朝鮮政策 (Ито Хиробуми и политика Японии эпохи Мэйдзи в отношении Кореи). Докторская диссертация. Муниципальный университет Китакюсю (Китакю: сю: сирицу дайгаку дайгакуин 北九州市立大学大学院), 2013.

4. Миямото 1945 – *Миямото Матадзи* 宮本又次. Бо: коку рэй дзикэн то ниссин сэнсо: 防穀令事件と日清戦争 (Дело о запрете вывоза зерновых и японо-китайская война) // База данных Университета Кюсю (九州大学学術情報リポジトリ (Кю: сю: дайгаку гакудзюцу дзё: хо: риподзитори)/ Kyushu University Institutional Repository. Издание: «Экономические исследования» (Кэйдзайгаку кэнкю: 經濟學研究). 1945. 13(1). С. 89–107. URL: https://catalog. lib.kyushu-u.ac.jp/opac_download_md/4355394/1301_p089.pdf. (дата обращения: 12.04.2022).

5. Оиси 1892 – *Оиси Масами* 大石正己. Нихон но ни дай сэйсаку 日本之ニ大政策 (Два главных направления японской политики). Токио: Изд-во Аоки Судзандо 青木嵩山堂, 1892 // Национальная библиотека парламента (Кокурицу Коккай тосёкан 国立国会図書館). URL: https://dl.ndl.go.jp/info: ndljp/pid/783629/1 (дата обращения: 20.04.2022).

6. Осава 1998 – *Осава Хироаки* 大澤博明. Мэйдзи дзэнки но Тё: сэн сэйсаку то то: го: рёку 明治前期の朝鮮政策と統合力 (Корейская политика и интеграционные силы в начале эпохи Мэйдзи) // Нэмпо: сэйдзи гаку 年報政治学 (Ежегодное издание Японской ассоциации политических наук). 1998. Т. 49 // База научных публикаций J-STAGE, Агентство по науке и технологии Японии (Japan Science and Technology Agency).URL: www.jstage. jst.go.jp/ article/nenpouseijigaku1953/49/0/49_0_71/_pdf/-char/en (дата обращения 24.03.2022).

7. Фукуда 2013 – *Фукуда Кадзуя* 福田和也. Дай сайсё: Хара Такаси 大宰相•原敬 (Великий министр Хара Такаси). Токио: Дайниппон инсацу кабусики гайся 大日本印刷株式会社, 2013. Электронная версия. URL: https://books.google.ru/books?id=CTTh 5fventsC&printsec=frontcover (дата обращения: 20.03.2022).

8. Цюань 2005 – *Цюань Хэсю* 权赫秀. Ли Хунчжан юй Итэн Бовэнь ванлай шусинь као 李鸿章与伊藤博文往来书信考 (Исследование переписки Ли Хунчжана и Ито Хиробуми) // Чжэцзян сюэкань 浙江学刊 (Издание Чжэцзянского университета). 2005. № 2 // База данных ксерокопий печатных изданий Народного университета Китая. URL: http://rdbk1.ynlib.cn:6251/qw/Paper/ 293980#anchorList (дата обращения: 05.04.2022)

9. Юй, Се 2005 – *Юй Хэпин* 虞和平, *Се Фан* 谢放. Чжунго цзиньдай тунши 中国近代通史 (Общая новая история Китая). Т. 3. Цзаоци сяньдайхуа дэ чанши 早期现代化的尝试 (1865–1895) (Ранние попытки модернизации (1865–1895)), 2005, Нанкин: Цзянсу жэньминь чубаньшэ 江苏人民出版社.

10. Curzon 1894 – *Curzon G. N.* Problems of the Far East (Проблемы Дальнего Востока). Лондон, Longmans, Greenand Co., 1894. Электронная версия. URL: https://books.google.ru/books?id= NN_4PHhZs8wC (дата обращения: 07.02.2022).

11. IASA – 朝鮮國ニ於テ日本人民貿易ノ規則 Tё: сэн коку ни ойтэ Нихон дзиммин бо: эки но кисоку (Правила торговли японских подданных в Корее) // 戦前日本政治外交文書(1945年8月14日以前〉Сэндзэн Нихон сэйдзи гайко: бунсё (1945 нэн хати гацу дзю: ёкка и дзэн) (Политические и дипломатические документы Японии довоенного периода (до 14.08.1945)) // データベース「世界と日本」Дэ: та бэ: су «Сэкай то Нихон» (База данных «Мир и Япония»), Институт перспективных исследований Азии (Institute for Advanced Studies on Asia (IASA)), Токийский университет. URL: https://worldjpn.grips.ac.jp/documents/texts/pw/18830725.O1J. html (дата обращения: 07.03.2022).

ORCID: 0000-0002-1962-2892

А. Г. Ларин, А. В. Лукин[*]

Жизнь Цзян Цзинго в СССР и становление его мировоззрения[**]

Аннотация. В статье на основе новых архивных данных и литературы рассматривается влияние жизни китайского и тайваньского политического деятеля Цзян Цзинго в СССР на становление его мировоззрения и его возможное воздействие на дальнейшую государственную деятельность. Исследуются сложные перипетии взаимодействия элементов традиционных китайских учений, различных течений коммунистической идеологии и доктрин Гоминьдана в процессе формирования взглядов будущего лидера Тайваня. Делаются предварительные выводы о возможном воздействии таких элементов пережитого Цзян Цзинго в СССР, как партийно-хозяйственное строительство, внутрипартийная борьба, преследования политических противников и репрессии, на практику его дальнейшей работы в Китае, а после ухода сил Гоминьдана с материка – и на Тайване.

Ключевые слова: Цзян Цзинго, Китай, СССР, КПК, Гоминьдан

Alexander G. Larin, Alexander V. Lukin[***]

Chiang Ching-kuo's Life in the USSR and the Formation of His Worldview

Abstract. The article studies the impact of the experience of life in the USSR on the world-view and political activities of the Chinese and Taiwanese

---

[*] ***Ларин Александр Георгиевич***, канд. филол. наук, независимый исследователь (Москва), aleklarin@yandex.ru

Лукин Александр Владимирович, д-р ист. наук, заведующий Международной лабораторией исследований мирового порядка и нового регионализма Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», и. о. научного руководителя Института Китая и современной Азии РАН (Москва), avlukin@hse.ru

[**] Исследование в части А. В. Лукина выполнено при финансовой поддержке РФФИ и КАОН в рамках научного проекта № 21–514–93002.

[***] ***Larin Alexander Georgievich,*** Ph. D. (Philology), Independent Researcher (Moscow), aleklarin@yandex.ru

Lukin Alexander Vladimirovich, Dr. Hab. (History), Head of International Laboratory on World Order Studies and the New Regionalism, HSE University (Moscow), Acting Scientific Director of Institute of China and Contemporary Asia RAS (Moscow), avlukin@hse.ru

© Ларин А. Г., Лукин А. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

political leader Chiang Chin-kuo. Basing of both archival materials and the existing literature the authors analyse the mechanism of complicated interaction of the traditional Chinese teachings, various trends of Communist ideology and the Kuomintang doctrine in the development of the ideas of the future Taiwan leader. They arrive at some preliminary conclusions about the possible influence of these elements of Chiang Chin-kuo's experience in the Soviet Union, including his work as a Communist representative in several industries, the political struggle, and repressions on his future work, first in Mainland China, and later in Taiwan.

Keywords: Chiang Chin-kuo, China, USSR, CCP, the Kuomintang

Будущий тайваньский лидер Цзян Цзинго (蔣經國, 1910–1988) приехал на учёбу в СССР в 1925 г. в возрасте 15-ти лет и оставался там до 1937 г. Его жизнь и идейное развитие в этот период не могли не повлиять на его дальнейшую жизнь, и, следовательно, на судьбы Китайской Республики на Тайване. При этом они теснейшим образом связаны с событиями как в СССР, так и в его родном Китае. Сами обстоятельства его жизни в СССР исследованы неплохо, однако вопросу связи между его идейной эволюцией и политико-идеологической борьбой в двух странах до сих пор уделялось недостаточно внимания. Данная статья частично заполняет этот пробел и намечает возможные пути дальнейших исследований в этом направлении.

В марте 1925 г. в Пекине умер основатель и лидер китайской партии Гоминьдан (*Чжунго гоминь-дан* 中國國民黨, буквально: Партия китайской нации) Сунь Ятсен (Сунь Чжуншань 孫中山, 1866–1925), вооружённые формирования которой вместе с союзными милитаристами к тому времени контролировали лишь южную провинцию Гуандун и часть соседней Гуанси. В своём политическом завещании, продиктованном на смертном одре, Сунь Ятсен выразил надежду на поддержку коммунистической Москвы и на приближение дня, «когда Советский Союз будет приветствовать свободный и сильный Китай как своего друга и союзника и оба государства пойдут рука об руку как союзники в великой борьбе за освобождение угнетённых всего мира» [Шэн 2009, с. 26].

Сунь Ятсен не был ни марксистом, ни тем более коммунистом. Как все китайские революционеры, он стремился объединить

Китай и возродить его влияние в мире, утраченное в XIX в., как он считал, из-за империалистической политики ведущих мировых держав и антинародного курса маньчжурских правителей империи Цин. Сотрудничество с другими странами и их помощь он рассматривал как инструмент достижения этой цели. Он пытался обращаться и к другим державам, но там достаточного отклика не нашёл: единый и мощный Китай никому не был нужен. Кроме Москвы, где он нашёл понимание, так как, согласно большевистской теории, угнетённые народы колоний и полуколоний, к которым относился Китай, боровшиеся с империализмом за национальную независимость и объединение, были естественными союзниками социалистического СССР в его борьбе с капиталистическими державами и за приближение мировой коммунистической революции [Лукин 2007, с. 162–168]. С 1923 г. советские большевики и контролировавшийся ими Коммунистический интернационал (Коминтерн), в который входили пробольшевистские партии разных стран мира, оказывали Гоминьдану существенную помощь, выражавшуюся в направлении военных и гражданских советников, помощи в обучении кадров, финансовой и военной помощи [Юркевич 2013, с. 225–250]. Одной из частей этой помощи стало открытие в 1925 г. в Москве Университета трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (УТК) для подготовки кадров Гоминьдана. По соглашению с Сунь Ятсеном членов созданной в 1921 г. Коммунистической партии Китая (КПК) обязали вступить в Гоминьдан на индивидуальной основе. Это соглашение коммунисты называли созданием «Единого фронта», а в Гоминьдане – «допуском» членов КПК в Гоминьдан (*жун дан* 容黨). В 1928 г. после разрыва Единого фронта китайский сектор созданного ещё в 1921 г. только для коммунистов Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ) был объединён с УТК в Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК), который Цзян уже и заканчивал.

Решение о создании университета было принято в Москве уже менее чем через месяц после смерти лидера Гоминьдана [ВКП(б), Коминтерн… 1994, с. 539]. На фоне разворачивавшейся национально-освободительной борьбы в Китае оно имело целью не только расширить масштабы подготовки китайских кадров,

уже имевшей место в работавшем с 1921 г. Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ). «Цель Университета Сунь Ятсена, – отмечал главный политический советник ЦИК Гоминьдана и представитель ИККИ в Китае М. М. Бородин (1884–1951), – помочь всем студентам понять идеологию господина Сунь Ятсена для того, чтобы продолжить его работу и завершить китайскую национальную революцию» [Спичак 2012, с. 77]. Усадив рядом за парты членов КПК и Гоминьдана, дав им одних и тех же советских профессоров, Москва хотела способствовать углублению сотрудничества этих двух революционных партий в соответствии с принятой коммунистами в 1924 г. стратегией «единого фронта». Из обеих партий в Китае было отобрано по конкурсу 340 человек, ещё 30 как родственников вождей добавили без экзаменов и среди них Цзян Цзинго – сына командира 1-го корпуса руководимой Гоминьданом Национальной революционной армии (НРА) Чан Кайши (Цзян Цзеши 蔣介石, 1887–1975) [Спичак 2012, с. 80].

Согласно биографам Цзян Цзинго, он сам выступил с инициативой поехать в СССР. Точно его мотивы неизвестны, но, скорее всего, пятнадцатилетний подросток, как и все в его окружении, был заражён революционными идеями. Отец колебался, но решил его поддержать [Taylor 2000, pp. 25–26]. Понять, почему один из руководителей Гоминьдана направил в Москву своего единственного в то время сына, невозможно без рассмотрения ситуации, в которой он в то время находился. Чан Кайши заручился доверием Сунь Ятсена в 1922 г., когда гуандунский милитарист генерал Чэнь Цзюнмин (陳炯明, 1878–1933) поднял мятеж в Гуанчжоу и Сунь вместе с Чаном вынуждены были укрыться на канонерской лодке «Юнфэн» 永豐. В следующем году Чан Кайши был назначен членом военного совета Гоминьдана, и Сунь Ятсен направил его на несколько месяцев в СССР для обучения и ведения переговоров о помощи. После возвращения Чан Кайши в Гуанчжоу на острове Вампу (Хуанпу 黄埔) на советские деньги была создана одноимённая военная академия для подготовки кадров гоминьдановской Национальной революционной армии, и Чан стал её начальником.

Таким образом, на момент смерти Сунь Ятсена Чан Кайши был его доверенными лицом и одним из основных военных руко-

водителей Гоминдана. Он также был ключевой фигурой в организации советской помощи [Юркевич 2013, с. 61–79]. В то же время он не только ещё не был лидером Гоминьдана, но до 1926 г. даже не входил в его руководящий орган – Центральный исполнительный комитет (ЦИК). Амбициозный Чан Кайши уже в то время начал проводить курс на получение власти в Гоминьдане, опираясь на армию, над которой надо было установить личный контроль, ограничивая влияние советских военных советников. Задача эта была противоречива: ему нужно было завоевать доверие Москвы, одновременно укрепляя собственную власть, на которую претендовали также активно продвигаемые Москвой китайские коммунисты, пытавшиеся установить контроль над Гоминьданом. Направить единственного сына на учёбу в Москву представлялось логичным шагом для достижения доверия Коминтерна без особых уступок ему внутри Китая [Галицкий 2002, с. 22]. К тому же сын этот был от первой жены, с которой Чан развёлся несколько лет назад, собираясь жениться на новой возлюбленной Сун Мэйлин (宋美齡, 1897–2003) – сестре жены Сунь Ятсена Сун Цинлин (宋慶齡, 1893–1981).

О том, что такой возможностью заручиться доверием Коминтерна пользовались и другие лидеры Гоминьдана, говорит то, что на учёбу в УТК были отправлены также дети и родственники будущего члена ЦИК Шао Лицзы (邵力子, 1882–1967), будущего президента КР Ли Цзунжэня (李宗仁, 1891–1969), дипломата Чэнь Южэня (陳友仁, 1878–1944), генералов Чжан Факуя (張發奎, 1896–1980), Дэн Яньда (鄧演達, 1895–1931), Гу Чжэнлуня (谷正伦, 1889–1953), Фэн Юйсяна (馮玉祥, 1882–1948) и других.

Естественно, в СССР китайских революционеров обучали в основном премудростям советского марксизма. Организация учёбы с целью подготовки профессиональных революционеров была делом новым и далеко не лёгким. Борцы за новый Китай в большинстве своём обладали лишь поверхностными теоретическими знаниями, у многих даже общеобразовательный уровень был низким. С другой стороны, не хватало марксистской литературы на китайском языке, не было приспособленных к китайской специфике учебных программ, недоставало разработок по совре-

менной восточной проблематике, которые можно было бы положить в основу лекционных курсов. Поэтому преподавателям пришлось уже в ходе учебного процесса составлять учебные пособия, переводить на китайский язык массу учебных материалов, труды классиков марксизма, выступления руководителей ВКП(б) и т. п. В переводческой работе активно участвовали и сами студенты – те, кто имел достаточную для этого подготовку.

Для занятий с китайскими студентами привлекались лучшие преподавательские кадры Москвы, известные советские китаеведы (подробнее см. [Панцов 2001, с. 240–241]). Рядом с ними работали и китайские революционеры, в большинстве – вчерашние студенты того же УТК. Параллельно с преподаванием была развёрнута интенсивная научно-исследовательская работа с целью совершенствования лекционных материалов. Сознавая значимость того контингента иностранных борцов за революцию, который воспитывался в Москве, в стенах названных выше университетов нередко выступали руководящие работники Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б), в том числе И. В. Сталин (1878–1953), Л. Д. Троцкий (1879–1940), Н. И. Бухарин (1888–1938), Н. К. Крупская (1869–1939), представители КПК в ИККИ, приезжавшие в Москву видные деятели КПК и Гоминьдана [Спичак 2012, с. 94–95].

Учебные планы в УТК им. Сунь Ятсена, как и в Коммунистическом университете трудящихся Востока, строились таким образом, чтобы дать китайским студентам основательный теоретический багаж для предстоящей революционной работы. Так, на первом курсе изучались русский язык, история развития общественных формаций, история китайского революционного движения, история революционных движений на Западе и Востоке, история ВКП(б), экономическая география, политическая экономия, партийное строительство, военное дело и некая дисциплина, именуемая «Газета» (подробнее см. [Панцов 2001, с. 241]).

Не подлежит сомнению, что Цзян, приехав в СССР в пятнадцатилетнем возрасте, не имея устойчивых взглядов, но желая, как и все тогда, «возродить» Китай, попал под влияние советского марксизма. На приезжавших в СССР революционно настроенных китайцев эта страна должна была производить глубокое впечатле-

ние: огромная страна, недавно освободившись от гнёта империализма благодаря (как утверждалось) приходу к власти трудящихся, она не только активно развивалась (нэп был в полном разгаре), но и помогала другим угнетённым странам сделать то же самое. К тому же Цзян сразу начал общаться с коммунистической элитой, которая ещё была полна энтузиазма. Поначалу он жил у старшей сестры самого недавно умершего лидера русской революции В. И. Ленина Анны Ильиничны Елизаровой-Ульяновой (1864–1935), у которой и позаимствовал свою русскую фамилию Елизаров. Имя и отчество Николай Владимирович он взял у самого вождя мирового пролетариата Ленина (Николай был одним из его псевдонимов). Это было необходимо, так как в УТК было принято брать русские имена.

Жизнь студентов в материальном отношении была крайне скромной, но Цзян Цзинго (Елизаров) довольствовался тем, что имел, тем более что видел, как трудно живут люди вокруг. Он много занимался, усердно изучал русский язык и постепенно хорошо овладел им. Он увлекался политикой и много занимался общественной работой, постоянно выступал на собраниях, писал статьи и стал членом редколлегии университетской стенгазеты «Хун цян» 紅牆 («Красная стена»), делал доклады о положении в Китае перед массовыми аудиториями за пределами университетских стен.

В политическом плане жизнь китайского студенчества была наполнена конфликтами. На неё оказывали сильное влияние сложный ход революции в Китае, перипетии взаимоотношений между Гоминьданом, Компартией Китая и ВКП(б), а также фракционная борьба внутри этих партий, в первую очередь борьба между сторонниками Сталина и Троцкого, которая по мере её углубления захватила и китайских студентов. Оно и неудивительно: речь шла о жизненно важных проблемах, о разных взглядах на мировую революцию и на революцию в Китае, о выборе правильной стратегии для революционных сил.

Елизаров-Цзян Цзинго быстро нашёл своё место в этой мозаике. Уже в декабре 1925 г., т. е. всего через несколько недель после приезда в Москву, он подал заявление в ячейку китайского комсомола при университете, был принят в эту организацию и скоро

стал одним из её наиболее активных членов. Напомним, что по пути в Москву во время остановки в Шанхае Цзян Цзинго вступил в Гоминьдан; двойная партийность в определённых формах допускалась правилами существовавшей в тот период коалиции Гоминьдана и КПК… Что же касается выбора между сталинизмом и троцкизмом, то Елизаров стал на сторону троцкистов, при том что их было явное меньшинство (примерно 30 человек, т. е. 10% в августе 1927 г. [Панцов 2001, с. 254]).

Чтобы яснее понять причины выбора, сделанного Елизаровым, и его последующее поведение, мы должны рассмотреть развитие событий в Китае и реакцию на них Москвы. Ещё в 1923 г. во время переговоров в СССР Чан Кайши представил план объединения Китая военным путём, разработанный Сунь Ятсеном. СССР предлагалось организовать прогоминьдановскую армию на территории Внешней Монголии, которая ударила бы в южном направлении, а на соединение с нею пошла бы гоминьдановская армия из Гуандуна. Москва согласилась предоставить военную помощь, но план наступления с Севера не приняла, опасаясь международных осложнений. По той же причине советские военные советники не рекомендовали и решительное наступление с юга, предлагая в ближайшее время сконцентрироваться на укреплении позиций и подготовке армии [Юркевич 2013, с. 72–74]. Чан Кайши же стремился как можно быстрее идти на север, разумно полагая, что кроме возможности осуществления мечты всех китайских революционеров по объединению страны, крупная военная операция под его руководством будет способствовать укреплению его позиций в партии и государстве.

Идею скорейшего начала Северного похода Чан Кайши отстаивал на прошедшем в январе 1926 г. Втором съезде Гоминьдана, где он был избран членом ЦИК, а затем – членом его постоянного комитета, то есть вошёл в высшее руководство партии. В то же время социальную программу съезда определяли коммунисты и находившиеся в союзе с ними левые гоминьдановцы. Во второй половине марта он предпринял первую попытку отодвинуть коммунистов от власти: несколько сотен членов КПК были обвинены в организации военного переворота и арестованы.

Ситуация для Москвы была неприятная, но рвать отношения с Чан Кайши из-за неё не стали, так как это подорвало бы весь курс Москвы на создание единого фронта, в рамках которого коммунисты должны были захватить власть внутри Гоминьдана, а не бороться с ним открыто. Для достижения этой цели им рекомендовалось действовать в союзе с левыми гоминьдановцами, а Чан Кайши всё ещё считался ближе к левым [Панцов 2001, с. 136–138]. Такова была позиция правившего тогда блока Сталина–Бухарина. Однако китайский вопрос был поднят на щит «левой оппозицией», сторонники которой, прежде всего Л. Д. Троцкий, сделали его одним из пунктов критики сталинского руководства. Троцкий утверждал, что курс на единый фронт КПК и Гоминьдана был неверен с самого начала и что китайские коммунисты должны были проводить собственную линию, не боясь спровоцировать реакцию империалистических держав, с тем чтобы помочь рабочим развитых стран совершить коммунистическую революцию [Панцов 2001, с. 150].

В результате доминирующей позиции сталинского большинства в советском Политбюро в этот раз отношения с Чан Кайши не были разорваны. Между тем летом 1926 г. Чан Кайши стал формальным лидером Гоминьдана. В июле он занял должности председателя Постоянного комитета ЦИК и главнокомандующего НРА, соединив власть военную и партийную. За несколько месяцев он стабилизировал обстановку на юго-востоке страны и начал Северный поход. Советские специалисты не только не возражали, но и оказывали всемерное содействие. СССР также помог восстановить боеспособность союзной Чан Кайши Национальной армии Фэн Юйсяна, который осенью 1926 г. вступил в союз с НРА и поддержал её действия. В СССР поход изображался как национально-демократическая революция. В газетах описывали успешные бои с проимпериалистическими милитаристами, на предприятиях проходили митинги в поддержку НРА.

Поначалу в поддержке левой оппозиции не было ничего криминального. Левые в то время были всё более теснимым, но ещё не гонимым меньшинством в большевистской партии. Хотя сторонники оппозиции в целом были в меньшинстве, среди партий-

ных интеллигентов и молодёжи их было довольно много. Её лидерами были известные и авторитетные члены партии, в том числе – из высшего партийного руководства. Г. Е. Зиновьев (1883–1936) был членом Политбюро ЦК ВКП(б) до июля, а Председателем Исполкома Коминтерна – до октября 1926 г., Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев (1883–1936) оставались членами Политбюро до октября 1926 г. Троцкий сохранял пост члена Исполкома Коминтерна до сентября 1927 г. Ещё в марте 1926 г. ему было поручено возглавить комиссию Политбюро для выработки рекомендаций по политике СССР на Дальнем Востоке (в основном в отношении Китая и Японии) [Панцов 2001, с. 158]. Из ЦК все трое были исключены только в конце октября 1927 г. Ректором УТК до начала апреля 1927 г. был К. Б. Радек (1885–1939) – видный партийный деятель и сторонник Троцкого.

Ректор Карл Радек, ранее член ЦК РКП(б) и секретарь Коминтерна, читал в университете курс истории революционного движения в Китае и часто обсуждал ход событий в Китае со своими студентами, особенно с Елизаровым. Согласно многим свидетельствам, он пользовался исключительным уважением и любовью большинства студентов [Панцов 2001, с. 361, сн. 70]. Как отмечал сам Цзян Цзинго, его влияние сыграло заметную роль в том, чтобы отдать предпочтение троцкизму [Цзян 1991, с. 69–70]. Другие преподаватели – сторонники троцкизма также не уклонялись от острых вопросов студентов, давали им читать оппозиционную литературу, тогда как в глазах преподавателей-сталинистов такие вопросы сами по себе уже были крамолой.

Молодые троцкисты не ставили своей целью создать собственную организацию. Они вели идеологическую и пропагандистскую работу, освещая в первую очередь китайскую проблематику, но не отказываясь и от внутрисоюзных и международных тем. Они обращались и к ЦК КПК, куда они пересылали переведённую с русского оппозиционную литературу, и к студенческой аудитории, интенсивно занимаясь индивидуальной устной агитацией, выступая на собраниях и в стенной печати. Цзян Цзинго, например, «в одной из своих статей (она носила характерное название: “Я никогда не говорил ‘да’!”) призывал студентов не бояться выска-

зывать оппозиционные настроения, активно бороться против сталинской линии. В другой статье ("Китайская национальная революция и Коммунистическая партия Китая") он резко критиковал политику КПК, руководство которой, как он считал, шло на поводу у Москвы» [Панцов 2001, с. 256].

Столкновения политических позиций в УТК носили далеко не академический характер. Общественная жизнь университета с самого начала была наполнена сведением личных счётов, интригами, доносами. Собственно, она и не могла быть другой, поскольку воспроизводила атмосферу коммунистической страны, создавшей университет и управлявшей им. Примечательно, что студенты – а среди них были люди и молодые, и вполне зрелого возраста, прошедшие у себя на родине многолетнюю партийную закалку, – восприняли предложенный им в Москве стиль отношений как должное и легко усвоили его. Знакомство с архивными документами, отмечал российский историк-китаевед К. В. Шевелёв (1947–2003), «позволяет ставить вопрос не о том, кто повинен в фабрикации тех или иных дел, а о том, кто не виновен в этом. Их, к сожалению, меньшинство» [Шевелёв 2000].

Атмосфера в университете ещё более накалилась после того, как в конце 1926 г. Сталин и его последователи в руководстве компартии усилили наступление на сторонников Троцкого и начали втягивать в свою борьбу китайских студентов [Панцов 2001, с. 249]. К баталиям стали подключаться сталинисты-преподаватели, находившиеся в то время в Москве представители ЦК КПК, а также органы безопасности. Интересно, что Елизаров, насколько можно судить по архивным документам и воспоминаниям современников, никогда не опускался до участия в замешанных на политике интригах и склоках.

События весны 1927 г. в Китае резко усилили противостояние в УТК и отразились на позиции Цзян Цзинго и других китайских студентов. 21 марта 1927 г. подразделения НРА подошли к Шанхаю, союзные Гоминьдану коммунисты подняли там восстание рабочих, благодаря чему на следующий день город был взят. В СССР взятие Шанхая было воспринято как значительная победа революционных сил. Ведущий советский поэт-большевик В. В. Маяковский

(1893–1930) в специальном стихотворении писал, что лучшей поэзией в это время могут быть только слова «Товарищи! Рабочими и войсками Кантона взят Шанхай!» [Маяковский 1968, с. 60].

Через несколько дней был взят и расположенный неподалёку Нанкин, где Чан Кайши разместил своё правительство. Естественно, китайские студенты УТК, как коммунисты, так и гоминьдановцы, радовались этим событиям. Но тут случилось неожиданное. Используя ультиматум Англии, США, Японии, Франции и Италии, требовавших наказать виновных в гибели иностранцев при взятии Нанкина, Чан Кайши начал репрессии против коммунистов. 12 апреля начались аресты и казни, были распущены органы и организации, находившиеся под контролем коммунистов, в том числе городское правительство. Затем те же акции распространились на другие города, которые контролировали силы Чан Кайши.

На некоторое время эти действия раскололи Гоминьдан. В Ухане было создано альтернативное «левое» правительство во главе с Ван Цзинвэем (汪精衛, 1883–1944), на которое пыталась опереться Москва, но вскоре и оно пошло на соглашение с Чан Кайши.

Для Москвы эти события стали неожиданными. Разногласия с Чан Кайши далее скрывать было невозможно. «Прогрессивного», «левого» главнокомандующего и лидера национально-демократической революции пришлось резко переименовать в предателя и агента крупной буржуазии. Отношения с Гоминьданом, представитель которого только в январе 1927 г. был введён в Президиум Коминтерна с правом совещательного голоса, были разорваны [Панцов 2001, с. 146]. 21 апреля в «Правде» появились тезисы для пропагандистов, в которых говорилось: «Переворот Чан Кайши знаменует собой отход национальной буржуазии от революции, нарождение центра национальной контрреволюции и сделку правых гоминьдановцев с империализмом против китайской революции». Точки над «i» были, таким образом, поставлены.

В университете им. Сунь Ятсена между тем шла подготовка к Первомаю, и для демонстрантов был приготовлен большой портрет Чан Кайши. Теперь портрет убрали подальше, и начались митинги, участники которых гневно осуждали бывшего «крас-

ного генерала». ТАСС распространил заявление Елизарова – Цзян Цзинго, в котором тот по идейным соображениям отрёкся от отца. Однокашник Николая пишет: «После этого заявления, куда бы мы ни пошли, нам встречались люди, которые с большим интересом спрашивали нас: “Где сын Чан Кайши?” За один день он стал известной и даже знаменитой фигурой» [Шэн 2009, с. 139].

Нет смысла гадать, был ли неординарный поступок Елизарова обусловлен высокими идейными соображениями или же то был вынужденный шаг, совершённый под диктовку работавших в Коминтерне китайских коммунистов. Заметим только, что он был совершён семнадцатилетним юношей, неожиданно попавшим в экстремальные условия и совершенно выбитым из колеи. Как и некоторые другие китайские комсомольцы, он «особенно остро переживал трагедию коммунистического движения в Китае» [Панцов 2001, с. 252]. Заметим также, что в СССР вскоре стало обычной практикой принуждать жену и детей человека, который был репрессирован как контрреволюционер, отказываться от родственных связей с ним.

В своих мемуарах он пишет, что, окончив в апреле 1927 г. университет, он вместе с группой своих товарищей стал добиваться возвращения на родину, однако представители КПК в Москве воспрепятствовали этому, посчитав, что его возвращение будет равнозначно усилению позиций Чан Кайши, и порекомендовали ему продолжать учёбу в Советском Союзе.

Елизаров был не единственным из детей высокопоставленных родителей, кого не хотели отпускать в Китай: задержать в СССР отпрысков китайской элиты было выгодно с политической точки зрения. Вот часть письма ректора университета им. Сунь Ятсена П. А. Мифа (1901–1939) и секретаря университетского парткома в адрес оргбюро ЦК ВКП(б), написанного в январе 1928 г.:

> В связи с проводимым Университетом составлением партийных и учебных характеристик нами выявлен целый ряд студентов, пребывание которых в Университете как с партийно-политической, так и с учебной точек зрения является абсолютно нецелесообразным. В числе этих намеченных к исключению студентов находятся: Фэн Ци-го (Соби-

нов), Фэн Фу-нэн (Нежданова) – дети генерала Фына и Чжао Сянь-дин – Мотылькова – дочь генерала Чжао Шу-и, комкора, одного из сподвижников Фэна.

Собинов – комсомолец, вступил в Москве, партийно-политическими вопросами не интересуется, партийно не выдержан (сторонник оппозиции), недисциплинирован, связан с Гоминьданом и китайским консульством. Нежданова и Мотылькова в политическом отношении ничего из себя не представляют, очень молоды. Мотылькова – жена студента Лю Хуэй (Уншлихта), арестованного оперотделом ОГПУ… Всем троим дана характеристика по учебной линии как балласта. Принимая во внимание всё изложенное и учитывая общеполитические условия, считаем необходимым в отношении всех троих принять меры к тому, чтобы задержать их в СССР в качестве заложников [РГАСПИ, ф. 530, оп. 1, д. 34, с. 6].

Между тем с Фэн Фунэн у Цзяна был роман. В некоторых внутренних документах её называли его женой. Однако отношения их не сложились, причём, как впоследствии писал сам Цзян, по политическим причинам. На партийном собрании 8 марта 1930 г. он говорил: «Связь с дочерью Фына: она получает задание от своего отца и хочет политически обработать меня. Я тогда хотел её политически обработать. От этого, конечно, ничего не вышло. По советам комсомольской организации я порвал с ней связь» [Галицкий 2002, с. 28]. Конечно, такое описание романтических отношений было в стиле времени, однако явно имевшее место вмешательство в личную жизнь вряд ли могло добавить Цзяну позитивных впечатлений об СССР.

Вскоре, однако, детям Фэн Юйсяна было позволено вернуться на родину – в отличие от младшего Чана, получившего при окончании университета такую характеристику: «…а) выдержанность: в вопросах русской и китайской революции – активный сторонник оппозиции; б) дисциплинирован; в) в текущей партийной жизни разбирается поверхностно; г) тактическую партийную линию проводить не может… Примечание: очень способный товарищ, из которого может вырасти хороший партийный работник, но ещё совершенно не оформившийся, нуждающийся в низовой

и трудной работе под крепким руководством» [РГАСПИ, ф. 550, оп. 1, д. 2, с. 267].

Жизнь Цзян Цзинго разом переменилась. Переписка с родными прервалась, и он оказался отрезанным от Китая, если не считать приходивших с опозданием китайских газет и журналов. Из баловня судьбы он объективно превратился в заложника, на судьбе которого скрестились интересы различных политических сил, отнюдь не всегда благоприятные для него самого.

С этого момента образ Елизарова-Цзян Цзинго как бы раздваивается. По одним документам, это – не знающий сомнений борец за коммунизм, солдат великой армии мировой революции, хладнокровно жертвующий родственными связями ради великих идеалов и счастливый своей судьбой. По другим он – жертва, карта, которую разыгрывают между собой влиятельные политические силы. В этом качестве он подвергается постоянному давлению, испытывает самые неожиданные превратности судьбы.

Из документов первого рода наиболее характерны анкета и автобиография, составленные Елизаровым при вступлении в ВКП(б) в 1936 г. Автобиография цитируется ниже. Из материалов второго рода самые интересные – его мемуары «Мои дни в Советской России», черновой вариант которых составил часть большого отчёта, написанного в 1937 г. сразу после возвращения Цзян Цзинго в Китай. Впервые «Мои дни» были опубликованы на английском языке в 1989 г. в качестве приложения к книге Р. Клайна[1] о Цзян Цзинго [Cline 1989] (см. [Юй 1998])[2].

С нашей точки зрения, вторая версия значительно ближе к истине, однако, думается, в жизни Елизарова можно найти элементы обеих гипотез, а на самом деле она была богаче и сложнее, чем любая из них[3]. Об искренности Цзян Цзинго в осуждении отца, о том, что это не было просто актом конформизма, свидетельствует тот факт, что он не продемонстрировал конформизма

[1] Р. Клайн в 1958–1963 гг. возглавлял отделение ЦРУ в Тайбэе и тесно общался с Цзян Цзинго, который и предоставил ему свои записи для публикации.

[2] Мы пользовались тайваньским изданием этой книги: [Цзян 1991].

[3] Это подтверждается и архивными розысками тайваньских исследователей (см. [Юй 1998]).

в другом вопросе: он не перешёл на позиции сталинского большинства, но, наоборот, ещё более укрепился в своём троцкизме. Тайваньская исследовательница УТК Юй Миньлин считает возможным, что Цзян Цзинго, попав в России в «атмосферу нарастающей левизны, присоединился к мнению, что его отец “предал” революцию, и решил пока не возвращаться» [Юй 1998, с. 117].

«Предательство» Гоминьдана многими китайскими студентами было воспринято как провал всей китайской политики сталинского руководства. Те, кто сохранил верность Гоминьдану, были отправлены на Родину как «правые». Но среди «левых», сочувствовавших коммунистам, популярность получила критика китайской политики Москвы «левой оппозицией». Именно в это время многие из них стали троцкистами.

Этот идейный поворот хорошо описал один из «левых» студентов и одновременно представитель Гоминьдана в ИККИ Шэн Юэ (盛岳, 1907–2007): «Как я подозреваю, после всех этих событий немногие из студентов УТК им. Сунь Ятсена сохранили ощущение, что для мудрого проведения революционного курса в Китае надо непременно полагаться на Коминтерн или советских руководителей. Высокий авторитет, которым пользовались среди нас Сталин и Бухарин, был сильно поколеблен. Такое состояние дел, конечно, было благоприятным для студентов и преподавателей, которые симпатизировали Троцкому. Они могли представлять позиции Троцкого в ходе критики Сталина и Коминтерна, и спорить с ними отваживалась лишь горстка лояльных сторонников Коминтерна. Именно этот момент стал первым толчком к появлению в УТК троцкизма, и среди тех, кто продвигал в то время дело Троцкого, был Цзян Цзинго» [Шэн 2009, с. 148].

Симпатии китайских студентов к платформе «левой оппозиции» по китайскому вопросу также понятны. Левые выступали за более активную, даже бескомпромиссную помощь китайской революции без оглядки на ситуацию в СССР. Левые и сталинисты не расходились в том, что «национально-демократическое» движение в колониях и полуколониях является естественным союзником социалистического СССР в борьбе с западным империализмом. Однако Троцкий и его сторонники подчёркивали междуна-

родное значение этих движений, которым необходимо оказывать содействие для скорейшего успеха мировой революции. «Нужно уметь сочетать восстание индусских крестьян, стачку носильщиков в портах Китая, политическую пропаганду буржуазных демократов Гоминьдана, борьбу корейцев за независимость, буржуазно-демократическое возрождение Турции, хозяйственную и культурно-воспитательную работу в Советских республиках Закавказья, нужно уметь всё это идейно и практически связать с работой и борьбой Коммунистического Интернационала в Европе», – говорил он в апреле 1924 г. [Троцкий 1924, с. 35].

Сталин же делал упор на приоритет интересов СССР как базы мировой революции, ради которых можно иногда идти на некоторые уступки и компромиссы в отношении местной борьбы. В практической политике это выражалось в бескомпромиссной поддержке троцкистами быстрейшего перехода к самостоятельной деятельности местных компартий, их прихода к власти и решения коммунистических задач: обобществления экономики, борьбы с местными капиталистами и некоммунистическими партиями и т. п. Сталинисты же выступали за более осторожный курс и активную поддержку местными коммунистами «национально-демократических» партий типа Гоминьдана, которые, будучи более сильными, могли принести больше пользы внешнеполитическим целям Москвы.

Сталин объяснял свою осторожность тем, что такие страны, как Китай, гораздо менее развиты, чем Россия, и коммунистические цели там ставить рано. Он исходил из того, что мировая революция отодвигается на длительный срок, в течение которого обязанность коммунистов всех стран – защищать СССР как базу мирового социализма. Являлась ли эта позиция просто стремлением оправдать свою власть или реалистичной стратегией выживания коммунизма в условиях неясности сроков мировой революции – тема для отдельного анализа. Но она, безусловно, гораздо больше авантюристического троцкизма привлекала социальную базу сталинского режима: новую коммунистическую бюрократию, которой мысль умереть за эфемерную мировую революцию нравилась гораздо меньше планов пользоваться своим привиле-

гированным положением и спокойно строить социализм в одной отдельно взятой стране. Что касается китайских и вообще иностранных революционеров, стремившихся победить прежде всего в своих странах, то их, столь же естественно, гораздо больше привлекал троцкизм, призывавший Москву оказывать им содействие несмотря ни на что.

В одном из документов оппозиционеров говорилось: «Китайскую революцию ЦК рассматривает только как способ нанесения максимального ущерба империалистам как врагам СССР. Это политика не Коминтерна, а НКИД» [Панцов 2001, с. 19]. Такая критика была близка китайским коммунистам, старейший лидер которых Ли Дачжао (李大釗, 1889–1927), например, с одобрением писал: «Можно понять, что Троцкий рассматривал русскую революцию как бикфордов шнур мировой революции. Русская революция всего лишь одна из революций в мире, неисчислимые народные революции ещё поднимутся друг за другом» [Ли 1989, с. 160].

Подобные дискуссии велись в Москве не только по китайскому вопросу. Ещё ранее СССР оказал значительную помощь кемалистской Турции и тем самым во многом способствовал её сохранению как независимого государства. Расчёт был на то, что Анкара займёт антизападную позицию, которую она на время и заняла. Однако укрепившись у власти, турецкий лидер Мустафа Кемаль Ататюрк (1881?–1938) в 1923 г. запретил местную компартию. Несмотря на это, Москва продолжила сотрудничество с Анкарой. Позднее Сталин по тем же геополитическим мотивам пошёл на соглашение с гитлеровской Германией, проводившей репрессии против коммунистов. Для левых это означало предательство местных коммунистов и мировой революции. Антикоммунистический «переворот» Чан Кайши привёл к радикализации как советских оппозиционеров, так и их китайских сторонников в УТК, так как позволил обвинить сталинское руководство в серьёзном провале и говорить о верности предупреждений лидеров левых [Панцов 2001, с. 193].

Для Цзян Цзинго это было время трудного поиска истины, углубления и подтверждения своих взглядов. Архивные документы свидетельствуют, что он со своими товарищами обращался

за разъяснениями к преподавателям-троцкистам, изучал полученную у них оппозиционную литературу [Панцов 2001, с. 252].

Цзян Цзинго активно выступал на оппозиционных собраниях, в университетской стенгазете, где критиковал Москву и КПК, которая, по его мнению, шла у неё на поводу, призывал не бояться выступать с оппозиционными мнениями. И, наконец, выступил публично. Об этом в воспоминаниях поделился участник оппозиции И. М. Павлов (Хорошев, 1904–1991): «В день 10-й годовщины Октябрьской революции, 7 ноября 1927 года, в 8 часов утра тысячи студентов заполнили двор старого здания Московского университета на Моховой улице. С крыльца университета зазвучали первые речи. С приветственной речью "от имени китайских трудящихся масс" выступил одетый в кожаную куртку комсомолец-студент китайского университета в Москве им. Сунь Ятсена, приёмный[4] сын Чан Кайши – Елизаров. Восторженно встреченный слушателями, Елизаров на русском языке произнёс темпераментную и зажигательную оппозиционную речь. Толпа бушевала» [Павлов 2001, с. 88–89].

Демонстрация оппозиционеров 7 ноября напугала сталинское руководство и была использована им для разрешения прямых репрессий. До этого хотя сторонников оппозиции критиковали и всё активнее отстраняли от руководящих постов, исход внутрипартийной борьбы был ещё далеко не ясен, оппозиционные взгляды ещё не были запрещены, и, естественно, никто не мог предположить, что через десять лет за них будут расстреливать. К концу года оппозиционеров начали исключать из партии, а наиболее активных отправлять в ссылку или даже в тюрьмы.

Подход к китайским студентам тоже стал гораздо жёстче. Отношения между Москвой и гоминьдановским правительством резко ухудшились. Московская партячейка Гоминьдана была распущена, студенты-члены ГМД стали покидать СССР. Советские власти отпускали их неохотно, затягивали отъезд, а после того как ЦИК ГМД в сентябре 1927 г. официально разорвал отношения с УТК, ОГПУ арестовало почти всех оставшихся гоминьдановцев,

[4] Так в тексте.

в том числе тех, кто уже выехал из Москвы, но ещё не успел пересечь границу [Спичак 2012, с. 85–86]. Всего 239 из общего числа 562 покинули УТК [Запись беседы… 1987, с. 22–25], однако около 50 гоминьдановцев не выполнили приказ своего ЦИК: они продолжили обучение в университете, и многие из них выразили желание вступить в комсомол и компартию [Yu 1995, p. 79] (цит. по: [Спичак 2012, с. 85]). Это был результат усилий студентов-коммунистов, которые при поддержке советских товарищей по идеологии целенаправленно вели работу среди своих однокашников-гоминьдановцев, стараясь перетянуть их на свою сторону.

С другой стороны, как признавали сами руководители КПК, немало вернувшихся на родину выпускников УТК перешло на сторону Гоминьдана или занимали троцкистские позиции [РГАСПИ, ф. 530, оп. 1, д. 57, л. 34, 109] (цит. по: [Спичак 2012, с. 121]), и это также вряд ли способствовало смягчению отношения стоявших у власти сталинистов к желавшим репатриироваться, но задержанным в России китайским студентам. Короче говоря, было очевидно, что жизнь в условиях сталинской диктатуры загоняет Елизарова в тупик.

Однако, оставшись волею судьбы в чужой стране, Николай не потерял оптимизма и не собирался капитулировать. Питая с детства интерес к военной службе, он подал заявление в военную школу особого назначения, был принят туда курсантом, а окончив её, в августе 1927 г. [Галицкий 2002, с. 64][5] послан на учебу в Ленинград в Военно-политическую Академию им. Толмачёва. Эти и все последующие назначения производились по рекомендации или по крайней мере с согласия китайской секции Коминтерна.

Два с половиной года, проведённые Елизаровым в Академии им. Толмачёва, дали ему возможность серьёзно изучить не только разные отрасли военной науки (в том числе стратегию, которую преподавал маршал Тухачевский), но и политику, экономику, философию. Елизаров прекрасно учился, написал интересный доклад о тактике партизанской войны, публиковал статьи в научных журналах.

[5] В тайваньской биохронике Цзян Цзинго приведена другая дата: 3 октября 1928 г. (см. [Запись событий жизни… 1992, с. 35]).

Много места в его жизни по-прежнему занимала общественная работа. Он был избран в комсомольское бюро Академии, а в 1929 г. стал кандидатом в члены ВКП(б). Годом раньше он объявил о своём разрыве с троцкистами. Как объясняет Елизаров в своих воспоминаниях, он предпринял эти шаги по совету друзей, чтобы укрепить своё положение в чужой стране, и этот совет нельзя не признать вполне разумным, хотя, по мнению кое-кого из его товарищей, он просто «испугался троцкистской нашей активной работы» [Панцов 2001, с. 265]. Как раз на время его учебы в Москве пришёлся пик и эпилог ожесточённой битвы Сталина и его приверженцев с «троцкистско-зиновьевским блоком» (1926–1927). Сталинисты одержали полную победу. Троцкий с группой ближайших сторонников был выслан в Алма-Ату (1928 г.), а на следующий год – за границу. Но острая борьба за власть в партии и стране продолжалась, сопровождаясь поголовными чистками в учреждениях и на предприятиях и массовыми репрессиями, причём ярлык троцкизма по-прежнему играл в ней роль самой страшной «чёрной метки». В таких обстоятельствах придерживаться троцкистских взглядов было равносильно самоубийству, и даже иметь небольшое пятно троцкизма в биографии было крайне опасно. До антикоммунистического переворота Чан Кайши тесное сотрудничество Гоминьдана с компартиями Китая и России служило для Елизарова залогом его неприкосновенности, но после событий 12 апреля 1927 г. он, как мы уже говорили, превратился в бесправного заложника, политическая ценность которого признавалась не всеми, особенно после разрыва дипломатических отношений между СССР и Китаем в 1929 г. в связи с известным конфликтом на КВЖД. Кое-кто из коммунистов готов был принести младшего Цзяна в жертву личным карьерным амбициям, продемонстрировав на его примере свою бдительность в борьбе с врагами.

В декабре 1927 г. в этой обстановке и возникло так называемое «дело землячества Цзянсу–Чжэцзян»[6], которое стоит вкратце пересказать здесь как яркий пример нравов, царивших в то время в школах Коминтерна. Дело было от начала до конца сфабрико-

[6] Подробнее см. [Спичак 2012, с. 109–117].

вано преподавателем-переводчиком, членом парткома УТК Чэнь Шаоюем (陳紹禹, он же Ван Мин 王明, 1904–1974) и ректором университета сталинистом П. А. Мифом, обнаружившими «подпольную контрреволюционную организацию» студентов – выходцев из названных провинций. Затем к расследованию привлекли ОГПУ. Сначала подозреваемых было несколько человек, но вскоре следователь Б. Я. Менис собрал компромат уже на 22 студентов из разных вузов и сделал заключение: задача членов организации – «захват партийного руководства китайского студенчества, ориентируя его на поддержку оппортунистических вождей киткомпартии – Чэнь Дусю, поддерживать связь с правогоминьдановцами, захват влияния в военных школах. Преступная, антипартийная деятельность полностью устанавливается документными делами. Нужен арест и дознание» [РГАСПИ, ф. 530, оп. 4, д. 3, л. 20] (цит. по [Спичак 2012, с. 111]).

Цзян Цзинго был включён Чэнь Шаоюем в число руководителей «землячества», как только Чэнь начал плести свой заговор. В самом деле, Цзян был родом из провинции Чжэцзян; в начале пребывания в Москве он увлекался троцкизмом; мало того, они с приятелями имели обыкновение ссужать друг другу небольшие суммы денег на бытовые нужды и в шутку именовали себя «кассой взаимопомощи». Чэню и Мифу потребовалось добавить немного фантазии, чтобы превратить эту «кассу» в фонд, созданный «землячеством» в преступных контрреволюционных целях.

Затем эта история была доведена до сведения находившегося в то время в Москве представителя ЦК КПК, члена Президиума ИККИ Сян Чжунфа (向忠發, 1880–1931), а тот попытался привлечь к «делу» внимание вождей ВКП(б) Сталина и Бухарина, но из этих попыток ничего не вышло. Удачнее были попытки инициаторов «дела» обратиться в ИККИ и ОГПУ с требованием покончить с опасной крамолой. В результате четверо студентов были арестованы, некоторые были исключены из партии или комсомола, 34 курсанта были исключены из военных вузов [Спичак 2012, с. 113; Yu 1995]. В конце концов дело дошло до Политбюро ЦК ВКП(б) и Центральной контрольной комиссии. Партколлегия ЦКК на своём заседании 10 августа 1928 г. под председательством круп-

ного партийного деятеля Е. И. Ярославского (188–1943) «в присутствии нескольких десятков китайских и русских товарищей» вынесла постановление, которое полностью оправдывало членов «землячества Цзян–Чжэ» и объявляло «дело о кассе взаимопомощи землячества» «ликвидированным». Миф и Чэнь Шаоюй ещё накануне, учитывая обстановку, сняли свои обвинения (что не помешало, однако, Чэнь Шаоюю через несколько лет вернуться к «делу»).

Надо сказать, хотя Цзян Цзинго и значился в числе предводителей «землячества», фактически интриги вокруг этой организации его не затронули сколько-нибудь заметным образом. Ему, в отличие от других виртуальных «предводителей», сотрудники ОГПУ не учиняли допросы. Наверное, его происхождение всё-таки защищало его. Окончив с отличием Академию в июне 1930 г., он обратился к советским властям с просьбой отпустить его на родину или направить служить в Красную армию. Однако ни одна из этих просьб не была выполнена – как считал Цзян, из-за противодействия, опять-таки, китайской секции Коминтерна. Но и со стороны советской власти полноценное доверие было ему, так сказать, «не положено». В характеристике на Елизарова, составленной на третьем курсе Академии, осторожно отмечалось: «Политически развит хорошо. В партийной работе активен. В силу молодости, отсутствия практической работы и социального происхождения посылать сразу в Китай на ответственную работу не следует. Желательно послать на год на производство» [РГАСПИ, ф. 550, оп. 1, д. 10, л. 23.].

Так оно и произошло. Военная карьера Цзян Цзинго в России на этом закончилась. После двух томительных месяцев вынужденного безделья он направлен в Международную ленинскую школу (МЛШ – учебное заведение Коминтерна, предназначенное для обучения среднего и высшего кадрового состава иностранных коммунистических партий), однако в сопроводительных документах указывалось, что по постановлению Восточного секретариата ИККИ он на два года должен быть направлен на производство [Галицкий 2002, с. 79].

Цзян совершил ознакомительную поездку на Украину и в Закавказье, перенёс тяжёлую болезнь. В МЛШ он впервые,

кажется, получил отрицательную характеристику: «Не понимает действительность положения киткомпартии и китайской революции, не может оказать помощи руководителю в практическом руководстве по проведению лозунга “национализация” в жизнь» [РГАСПИ, ф. 531, оп. 1, д. 21, л. 19] (цит. по [Спичак 2012, с. 157])[7].

А затем его судьба превратилась в цепь неожиданных и крутых перемен, ограниченных, однако, более или менее низкими должностями на различных производствах, далёких от его квалификации и профессиональных интересов. Была ли это назначенная ему последовательная форма «партийной закалки»? Или в руководящих инстанциях просто не было ясности насчёт того, что делать с молодым иностранцем – обладателем необычного политического статуса, чтобы не нажить неприятностей? Отправка в провинцию на производство проштрафившегося студента, получившего, скажем, много критических замечаний в ходе партийной чистки, с тем чтобы там он поднабрался от рабочих идеологического здоровья, не была экзотикой в практике коминтерновских школ.

В октябре 1930 г. он был послан на завод «Динамо» учеником слесаря с крохотной зарплатой, недостаточной даже для пропитания, и вынужден был подрабатывать на стороне. В 1931 г. его направили в расположенную между Москвой и Рязанью деревню Большое Жоково, где, согласно выданной ему характеристике, в качестве уполномоченного от РК ВКП(б) в течение трёх месяцев во время осенне-посевной и хлебозаготовочной кампаний «вполне самостоятельно осуществлял на месте партийное руководство над сельсоветами и 4-мя правлениями колхозов» [Галицкий 2002, с. 94].

И на заводе, и в деревне Елизарову удавалось умелым и честным трудом завоевать доверие окружающих и укрепить своё положение. В октябре 1932 г. Елизарову пришло распоряжение вернуться из деревни в Москву, а в 1933 г. он попал в качестве рабочего на золотые прииски на Алтае, где провёл в изнурительном труде и лишениях девять тяжелейших месяцев. Это было уже чем-то

[7] Речь, вероятно, идёт о курсе на национализацию банков и предприятий иностранных государств, проводившемся в это время в контролировавшихся коммунистами советских районах Китая.

вроде ссылки, из которой, однако, он смог досрочно вернуться благодаря образцовому поведению и трудовым успехам. Только после того, как в 1933 г. Елизаров поступил на Уральский завод тяжёлого машиностроения в Свердловске, жизнь его постепенно стала налаживаться. Так писал Цзян в своей автобиографии 1937 г., объясняя эти перипетии, раз за разом понижавшие его социальный статус, враждебным отношением к себе со стороны представителей КПК в Коминтерне, с которыми не мог не считаться ЦК ВКП(б)[8]. Впрочем, вряд ли этот источник следует считать объективным, так как его очевидной целью было оправдаться за свои коммунистические взгляды перед отцом и его новыми союзниками.

В автобиографии, которую Цзян написал в 1936 г. при приёме в партию и которая ещё в меньшей степени является объективной, так как писалась для советских властей, вся цепь событий выглядела несколько по-иному:

> После окончания академии Коминтерн посылает меня для работы на завод рядовым рабочим, для того чтобы я получил пролетарскую закалку, которая необходима была для моего дальнейшего воспитания. Я пошёл работать на завод с большим желанием. После годичной работы на заводе я написал заявление в Коминтерн с просьбой послать меня работать в колхоз. В колхозе непосредственно работал председателем и вместе с колхозниками выполнял полевую работу.
> Завод и колхоз являются огромной жизненной, большевистской школой для меня. Я работал на заводе и в колхозе с большим желанием и подъёмом. Я работал и учился у рабочих и колхозников, учился у руководителей партийной организации. В 1932 году по решению политсекретариата ИККИ я был послан ЦК ВКП(б) в распоряжение Уралобкома ВКП(б). Обком послал меня работать на Уралмашзавод» [ЦДОО СО, ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 5].

Между тем Цзян не знал, что в начале 30-х годов лишь тончайшая грань отделяла его от возвращения в Китай! Москва предложила обменять его на арестованного в Шанхае советского раз-

[8] Подробное описание этих событий см. [Цзян 1991, с. 76 и далее]. В российских архивах сведений о его работе на Алтае пока не найдено.

ведчика Я. М. Рудника (1894–1963), проживавшего там с супругой-сотрудницей под именем Хилэра Нуланса [Taylor 2000, pp. 58–59; Litten 1994]. Предложение было передано через вдову Сунь Ятсена Сун Цинлин, несомненно действовавшую по поручению Москвы. Чан посоветовался с женой. Их супружество длилось уже четыре года, но детей не было, и Сун Мэйлин стояла за то, чтобы согласиться на сделку. Однако Чан после тяжёлых раздумий отказался [Taylor 2000, p. 59]. Сделка не состоялась. Цзян Цзинго-Елизаров ещё на несколько лет остался в России.

Уралмаш, одна из крупнейших индустриальных строек первой пятилетки, служил в то время чем-то вроде места почётной ссылки, куда в ходе политической борьбы группа Сталина потихоньку с дальним прицелом убирала из столицы кадры, в той или иной мере связанные с оппозицией. Для человека, находящегося в опале, попасть на Уралмаш казалось далеко не худшим вариантом. Существует гипотеза, будто бы мысль попроситься в Свердловск на строительство нового завода Елизарову подал А. М. Горький (1868–1936), который находился в дружеских отношениях с секретарём парткома завода Л. Л. Авербахом (1903–1937), в прошлом – известным комсомольским деятелем, редактором ряда газет и журналов, одним из основателей Всероссийской ассоциации пролетарских писателей. Известно, что Елизаров был знаком с Горьким, а на Урале сблизился с Авербахом. Любопытная версия того, как Цзян Цзинго на улице познакомился с самим Горьким, содержится в воспоминаниях Цзяна [Сюй 1988, с. 46].

На Уралмаше Елизаров работал сначала заместителем начальника цеха по кадрам, а с 1934 г. – заместителем и исполняющим обязанности главного редактора заводской многотиражки «За тяжёлое машиностроение». Он оказался хорошим газетчиком. Свердловский журналист М. Банников, работавший под началом Елизарова ответственным секретарём газеты, вспоминал впоследствии: «Коля показывал себя грамотным, искусным руководителем, способным, например, диктовать “с колёс” целые статьи. Бывало, редакционное утро начиналось с того, что заглядывал к своему ответсеку, спрашивал о готовящемся номере. И если оставалась на полосе “дыра”, то успокаивал: “Ничего, я сам забью

её". Коммунисты типографии и редакции на партсобраниях хвалили Елизарова: "По его инициативе наша газета сейчас не опаздывает, стала работать лучше"» [Зайцев 1990][9].

Газета «За тяжёлое машиностроение» посвящала свои страницы главным образом заводским делам, но иногда на основании присылаемых из Москвы пропагандистских материалов рассказывала о важнейших международных событиях. Елизаров писал о Китае, где революция к этому времени вступила в новый этап – советского движения, этап вооружённой борьбы коммунистов против господства Гоминьдана. Гражданская война разворачивалась в сельских районах южного и центрального Китая, куда коммунисты переместились после серии неудачных попыток поднять восстания в городах.

В Екатеринбурге в редакции газеты «За тяжёлое машиностроение» нам удалось найти в старых подшивках газеты номера со статьями Елизарова на эту тему. Вот отрывок из одной его статьи, опубликованной в 1934 г.:

> «С конца 1929 г. мы имеем два Китая: советский Китай, которому принадлежит будущее, и гоминьдановский Китай, отходящий в прошлое.
> За короткий период советское движение стало крупным политическим фактором, миллионные массы рабочих и крестьян под руководством китайской компартии начали устанавливать советскую власть. Из отдельных сельских советов, расположенных в разбросанных районах, образовалось мощное государство – республика с общей площадью 1 848 180 кв. километров, а территория уже устойчивых советских районов составляет 681 355 кв. километров. По отношению к территории устойчивых районов территория Германии составляет 68,7 проц., Англии (без колоний) 35,5 проц., Японии – 55,9 проц.» [За тяжёлое машиностроение… 1934а].

Ещё одно из выступлений Елизарова в том же 1934 г. было посвящено седьмой годовщине Кантонской коммуны:

[9] О жизни Цзян Цзинго-Елизарова в Свердловске см. также публикации С. Алексеева и В. Зайцева, Г. Каеты, Г. Максимова: «Уральский рабочий» от 12.10.1988, 16.12.1990, 25.05.1993.

> «11 декабря 1927 года рабочие и трудящиеся города Кантона под руководством китайской коммунистической партии подняли первое знамя советов в полуколониальных странах.
> В лозунгах Кантонской коммуны от имени захвативших власть рабочих и крестьян на всю страну было заявлено о гегемонии пролетариата, о советах как о форме демократической диктатуры пролетариата и крестьянства…
> Кантонская коммуна пала, но пусть помнят враги, что её дело живёт и развивается. Вместо гоминьдановского Китая будет Китай советский, где будут хозяевами страны рабочие и крестьяне.
> В случае войны империалистов против родины социализма – СССР китайские рабочие и крестьяне под руководством китайской компартии, со знаменем кантонской коммуны выступят все как один на защиту СССР!» [За тяжёлое машиностроение… 1934b].

Установить с достаточной точностью, что именно Цзян Цзинго думал в этот период, верил ли в то, что пишет, и до какой степени, довольно сложно. Но мы точно знаем, что он с самого начала не поддерживал сталинизм и после поражения троцкизма, вероятно, находился в процессе разочарования в советской системе в целом. Как известно из других примеров, этот процесс должен был быть долгим, и трудно сказать, на каком его этапе он дошёл до логического конца и Цзян стал выполнять некоторые правила игры просто для того, чтобы не быть арестованным. Как будет показано нами ниже, положительные оценки по крайней мере некоторых аспектов советской системы сохранялись у него уже после того, как он возвратился в Китай.

Как ни загружен был Елизаров делами в газете, его, обладателя незаурядного темперамента, хватало и на большую общественную работу. Его фамилия часто встречается в протоколах партсобраний того времени: то он делает доклад об организации охраны огородов, то говорит о выплате рабочим задержанной зарплаты, то выступает в прениях по вопросу о чистке в партии. При этом стилистика его выступлений вполне соответствует моменту. Он говорит резко и безапелляционно, кругом видит врагов и вредителей: «Коммунист Бабин опоздал на 20 минут, Павлов после пьянства

не вышел на работу. Лебедев сломал станок и скрыл это… Классовый враг действует в наших рядах!» «Наш инженерно-технический персонал стоит в стороне от политической работы цеха. Товарищ Молотов сказал, что не может быть инженеров и техников, которые не участвуют в политической и общественной жизни. А наши инженерно-технические работники собраний не посещают! Надо с этим решительно бороться!» Но выступал он и более практично: критиковал то, что «плохо организован быт рабочих», или предлагал создать добровольную дружину для охраны огородов, «а то картошку с них уже всю почти выкопали» [Джапаков 2002].

Не без влияния, вероятно, Л. Л. Авербаха, который в своё время был ответственным секретарём главной редакции многотомного издания «Истории заводов и фабрик», Елизаров взялся за написание истории Уралмашзавода и к моменту отъезда в Китай успел, как будто бы, много написать и даже подготовить к печати. К сожалению, найти эти материалы не удалось. В свободное время Николай охотно ездил с товарищами за город отдыхать, участвовал в вечеринках, где, по воспоминаниям товарищей, развеселившись, исполнял кавказские танцы с ножом в зубах и пел русские песни. Побывал с женой на черноморском курорте по путёвке, выданной заводом.

Трудолюбивый, умный, энергичный, общительный – таким помнят Елизарова те, кто был с ним знаком. Вдобавок он был образованным человеком, и уже одно это вызывало уважение к нему среди массы малограмотных людей, прибывших на строительство «завода заводов», а затем трудившихся в его цехах. М. С. Аникеева, в прошлом учётчица в одном из цехов Уралмаша, муж которой Ф. П. Аникеев, будучи комсоргом цеха, познакомил Цзяна с его будущей женой и семья которой потом дружила с его семьёй, в 1990 г. с восхищением рассказывала одному из авторов этих строк о том, какой популярностью пользовались лекции Елизарова о международном положении, каким он был простым и приветливым в обращении.

На заводе Николай познакомился с токарем Фаиной Ипатьевной Вахревой (1916–2004). Она была, по воспоминаниям знавших её людей, «девочка очень скромная, умная, все к ней хорошо отно-

сились». Фаина была сиротой. Она только что окончила ремесленное училище и жила вдвоём со старшей сестрой. «Фаина лучше всех понимала моё положение, в трудные моменты проявляла сочувствие и протягивала руку помощи», – вспоминал впоследствии Елизаров-Цзян Цзинго. В марте 1935 г. Фаина и Николай поженились, а в декабре у них родился первенец – сын Алан (Цзян Сяовэнь 蒋孝文, 1935–1989). В сентябре 1935 г. на закрытом партсобрании типографии и редакции газеты «За тяжёлое машиностроение» принимается решение об утверждении акта проверки кандидата в члены ВКП(б) Елизарова [Джапаков 2002]. Окружённый всеобщим уважением и доброжелательностью, Елизаров в ноябре 1936 г. подал заявление о приёме в партию, в котором написал: «…Мой отец Чан Кайши является изменником и предателем великой китайской революции и в настоящее время глава китайской чёрной реакции. С первого момента его измены я вёл борьбу против него…». В декабре он был принят в ВКП(б) [Джапаков 2002].

Однако то была лишь одна, доступная взглядам окружающих сторона жизни Елизарова. Помимо неё, существовала, судя по всему, и другая, невидимая сторона, доставлявшая ему тяжелейшие переживания. В 1934 г., пишет Цзян Цзинго в своих мемуарах, начальник Уральского управления НКВД вызвал его в свою канцелярию: «Китайское правительство требует Вашего возвращения… Вы должны написать заявление в Министерство иностранных дел о том, что не желаете возвращаться». Спустя несколько дней начальник управления «сообщил мне, что один из секретарей китайского посольства желает побеседовать со мной, и потребовал, чтобы я затем изложил ему содержание беседы. Вскоре беседа состоялась. Кроме секретаря, в ней участвовали ещё двое, один из которых, китаец, сидел в соседней комнате. Конечно же, я не посмел высказать своё желание вернуться на родину» [Цзян 1991, с. 84].

То, что этот эпизод действительно имел место, косвенно подтверждается воспоминаниями, которыми поделился с одним из авторов бывший коллега Елизарова по газете А. П. Панфилов (1912–1996). По его словам, в те годы по редакционным комнатам ходила такая история: «К Николаю приезжали посыльные от отца. Зашли к нему в кабинет. О чём разговаривали, Николай не расска-

зывал, но шила в мешке не утаишь, мы всё равно узнали. Они всячески уговаривали его вернуться, а тот отказался наотрез, накричал на них. Они говорят: напишите письменный отказ – как доказательство, что мы у Вас были. Что ж, он и написал – вроде бы даже что-то очень резкое» [Беседа А. Г. Ларина… 1990а].

Цзян Цзинго написал письмо матери, которое в феврале 1936 г. было опубликовано в «Ленинградской правде» и в сокращённом виде перепечатано в ряде изданий, в том числе за рубежом [Denny 1936, p. 12]. В нём он писал, что обрёл своё счастье в борьбе за счастье всего человечества, что он будет смело идти дорогой китайской революции. Он объяснял матери, какие замечательные люди коммунисты, вновь резко критиковал действия отца, обвиняя его заодно в грубом обращении с женой. Называл СССР своим отечеством и призывал к борьбе за независимость Китая, за создание советской власти в Китае. В конце он писал, что будет очень рад встретиться с матерью в любой стране, если она сможет выехать из Китая.

Это письмо, в котором сын обращается к родной матери, малограмотной женщине, на казённом языке газетных передовиц, производит странное впечатление: трудно отделаться от мысли, что оно составлено под чужую диктовку. В дневнике же Цзян Цзинго рассказывает, как ему «выкручивали руки» сотрудники Коминтерна, добиваясь, чтобы он подписал подготовленный ими текст. «На четвёртый день я не выдержал давления и согласился подписать черновик при условии, что добавлю от себя фразу: “Если вы хотите повидаться со мной, приезжайте в Западную Европу, там мы сможем встретиться”. Я рассуждал так: если мои родственники пришлют мне письмо, в котором позовут меня в Европу, то я смогу воспользоваться им, чтобы покинуть СССР» [Цзян 1991, с. 84].

Но встреча в Европе не состоялась. В последующие 1936–1938 гг. атмосфера всеобщей подозрительности и выискивания врагов в СССР накалилась до предела. Страну накрыла широкая волна репрессий. Никто не чувствовал себя в безопасности. О том, чтобы выпустить Елизарова в Европу, не могло быть и речи.

В это время китайская делегация и некоторые преподаватели китайских школ Коминтерна энергично действовали в уни-

сон с общесоюзной репрессивной кампанией и не упускали из поля зрения своих бывших студентов, в какой бы точке страны они ни находились. Ещё в 1931 г. в Москву вернулся Чэнь Шаоюй, теперь в новом статусе – члена Политбюро ЦК КПК и главы делегации КПК в Коминтерне – и с новым псевдонимом Ван Мин. Он вновь вытащил на свет свой любимый козырь – дело «землячества Цзян-Чжэ» – и как его продолжение представил вниманию ИККИ и органов НКВД новый плод своих политических спекуляций – «шпионскую группу Чугунова»[10]. В «шпионской группе» значился и Цзян Цзинго. Под настойчивым давлением Ван Мина Чжоу Давэнь и ещё три китайских товарища, работавшие на Дальнем Востоке, в 1937 г. были арестованы, а в 1938–1939 гг. казнены.

В водоворот событий в Свердловске оказались вовлечены близкие к Елизарову люди. Главной мишенью кампании на Уралмаше стал его приятель Е. В. Цетлин (1898–1937), заведующий бюро технического обслуживания, а прежде – председатель ЦК РКСМ, заведующий секретариатом Н. И. Бухарина. Пострадал и Авербах, ставший к тому времени секретарём райкома [За тяжёлое машиностроение… 1937b]. Вскоре оба были арестованы и расстреляны. Между тем Авербах был не только товарищем Елизарова, но и дал ему рекомендацию для вступления в партию.

Тут же обнаружилось, что газета «За тяжёлое машиностроение» «не развернула должным образом освещения методов предательской контрреволюционной работы Цетлина», и 5 января 1937 г. бюро райкома постановило: «Освободить временно исполняющего обязанности редактора газеты тов. Елизарова от занимаемой должности» [За тяжёлое машиностроение… 1937a]. Он был переведён на должность заместителя заведующего организационным отделом горкома. Но на районной партконференции 7–11 февраля уже зазвучали слова о связи Елизарова с троцкистами [Джапаков 2002].

Это грозило арестом. Однако его поддержало партийное руководство области и города: первый секретарь обкома ВКП(б)

[10] Владимир Васильевич Чугунов – русское имя Чжоу Давэня (周大文, 1903–1938), главного редактора китаеязычной газеты «Гунжэньчжилу» (Рабочий путь) в Хабаровске, ранее – председателя Всекитайского студенческого союза.

И. Д. Кабаков (1891–1937), уже разжалованный к тому времени из 1-го во 2-е секретари Свердловского горкома М. В. Кузнецов (1900–1937) и заведующий отделом партийных кадров горкома И. А. Кормилов (1899–1938) [Агеев, Иглин 1989].

Все трое через несколько месяцев были арестованы и расстреляны. Помогали ли они Цзяну из дружеских чувств или по указанию из Москвы, сказать сложно. Возможно, в Москве относительно Цзяна уже имелись иные планы, чем в отношении его партийных руководителей.

К счастью для Цзян Цзинго, в этот момент произошли крупные перемены в международных отношениях на Дальнем Востоке. Ввиду угрозы японской агрессии отношения между правительствами СССР и Китая стали опять налаживаться, при активном содействии Советского Союза Гоминьдан и китайская компартия вновь пошли на сотрудничество. В этих условиях возымели своё действие и просьбы Елизарова-Цзян Цзинго о направлении в Китай, и усилия Чан Кайши, добивавшегося возвращения сына на родину.

Решение отпустить Елизарова-Цзян Цзинго на родину принималось на высшем уровне. 3 марта 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) без голосования постановило: «Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен» [АПРФ, ф. 3, оп. 68, д. 146, л. 15].

М. С. Аникеева рассказывала: «Как-то Николай поехал в Москву – сказал, его вызывает ЦК. Он и раньше туда часто ездил, привозил нам, бывало, гостинцы. На этот раз вернулся и говорит: “Давайте прощаться. ЦК посылает меня в Китай с заданием: повернуть отца в нашу сторону”. И уехал со всей семьёй. А потом пришла телеграмма, и мы по этой телеграмме встретили Елизаровых на вокзале, повидались последний раз, когда они ехали в Китай» [Беседа А. Г. Ларина… 1990b]. Это было в марте 1937 г. Через месяц Цзян Цзинго должно было исполниться двадцать семь лет.

В апреле 1937 г. он покинул СССР, отправившись в Китай на теплоходе из Владивостока. Совершенно неясно, как бы сложилась его судьба, если бы он этого не сделал. Уже в июле 1937 г. неким Сухим на него был написан личный донос в Свердловский

горком, в котором перечислялись всевозможные грехи: связи с Авербахом, Цетлиным и другими подозрительными деятелями, беседы с иностранными корреспондентами, создание контрреволюционной организации и даже пьянство [ЦДОО СО, ф. 161, оп. 6, д. 322, л. 6]. К чему нужно было писать всё это про человека, уже бывшего за границей, не совсем понятно. Возможно, автор об этом не знал.

Интересно, что и сам Цзян Цзинго-Елизаров уже по пути на родину отправил из Владивостока письмо в родную газету, обращая её внимание на то, что у директора завода Л. С. Владимирова (1895–1938) брат арестован как троцкист [ЦДОО СО, ф. 153, оп. 1, д. 120, л. 143–145]. Такие доносы в то время часто вели к репрессиям. Владимиров, крупный организатор производства, был арестован в сентябре 1937 г. и в январе следующего года расстрелян. Чем объясняется этот поступок Цзян Цзинго, уже находившегося неподалёку от границы, сказать сложно. Возможно, это было одним из условий его отъезда, поставленных органами, искавших подхода к Владимирову. Мог он и специально мстить Владимирову за то, что тот был одним из активных участников кампании критики Цзяна в феврале, что могло привести к его аресту. А может быть, он хотел продемонстрировать свою лояльность для того, чтобы его выезду не стали препятствовать в последний момент. Так или иначе, этот эпизод многое говорит о людях и обстановке в СССР в то время, как и о самом Цзян Цзинго.

Впоследствии Цзян Цзинго называл годы, прожитые им в СССР, «самым тяжёлым периодом своей жизни». Вероятно, так оно и было. Но едва ли можно согласиться с утверждениями тайваньских авторов, будто бы «двенадцать лет, проведённых им в России, остались без всякой награды, если не считать того, что он нашёл там жену и узнал неприглядную правду о коммунизме» [Free China Review… 1978, p. 12]. Действительно, орденов Елизаров не получал, хотя был премирован часами как «проделавший огромную работу на развёртывании конкретного соцсоревнования в самом крупном цехе завода». А «за организацию первой штурмовой коммунистической бригады, созданной для ликвидации прорыва», имя Елизарова было занесено в Красную книгу ударников

[Ефимова 1982, с. 63]. Но дело даже не в этом. Он получил в СССР основательное образование, овладел несколькими специальностями, приобрёл опыт руководства, пусть и скромный, – разве всё это ничего не стоит?

Что же касается «познания правды о коммунизме», то тут не всё так просто. Противоречивость и неполнота материалов, имеющихся в нашем распоряжении, субъективность любых мемуарных источников не позволяют однозначно судить, насколько глубоким и скорым было разочарование Елизарова в идеях коммунизма. В СССР в период его становления, подъёма, а потом застоя и упадка имели место и безусловная преданность социализму, и его полное отрицание, и различные промежуточные варианты, когда теневые стороны действительности подвергались более или менее глубокому анализу, более или менее резкому осуждению, но в любом случае рассматривались как временные, случайные, а может быть, и неизбежные отклонения от благородных, а потому неоспоримых идеалов коммунизма в процессе их осуществления. Российская интеллигенция накопила немалый опыт выработки взглядов подобного рода – разнообразных версий «критической веры» в марксистско-ленинско-сталинскую теорию построения светлого социалистического сегодня и ещё более светлого коммунистического завтра.

Возможно, Елизаров во время жизни в СССР в конце концов пошёл дальше в отрицании коммунистических идей. В любом случае следует, видимо, признать, что испытания, выпавшие на его долю, вкупе с тем негативным, что он мог наблюдать с близкого расстояния, остудили его юношеский романтический энтузиазм, побудили к критическим раздумьям, а впоследствии способствовали эволюции в сторону антикоммунизма.

Интересным вопросом остаётся, как именно повлияла жизнь в СССР на взгляды Цзян Цзинго и его дальнейшую деятельность в Китае. Вопрос этот непростой не только потому, что по этой теме трудно найти достоверные источники, но и из-за того, что нелегко выяснить, что именно нового узнал он в СССР. Ведь судьбы российских и китайских революционеров и их идеи были так переплетены, что ситуация в СССР была известна многим китайцам, хотя,

вероятно, и не так хорошо, как Цзяну, проведшему там более десятилетия и видевшему самую адскую эпоху сталинского террора.

Очевидные свидетельства влияния жизни в СССР на дальнейшую деятельность Цзяна уже описаны. Например, стиль его докладов о политической работе или выполнении планов развития или заголовки статей, которые ничем не отличались от советских: «Партия – душа революционной армии», «В борьбе, жертвуя собой, выполним трёхлетний план» и т. п. [Цзян 1981]. По содержанию они тоже мало отличались от его же статей в советских газетах (за исключением, конечно, смены партии) [Ларин 1994, с. 142–143]. Другой пример: организация Цзяном системы политкомиссаров в армии и политической учёбы военных кадров в период его пребывания в должности начальника Главного политического управления Министерства обороны, на которую он был назначен в 1950 г. [Taylor 2000, p. 194–195]. Однако здесь надо иметь в виду, что Цзян внедрял советский опыт не на пустом месте. Гоминьдан в целом с 1923 г. строился по образцу коммунистической партии, многие его члены так же, как и Цзян, учились в СССР. Цзян мог заимствовать какие-то элементы с большим знанием дела, но в целом и без него Гоминьдан, его оргструктура и методы работы долгое время сильно походили на коммунистические. Даже обращались члены партии друг к другу так же, как и коммунисты: «товарищ» (*тунчжи* 同志).

Различия с коммунистами, конечно, были, но они, скорее, относились к программе, к целям, хотя и здесь первоначально было много общего. И здесь в более общем плане встаёт несколько вопросов. Например, связан ли как-то опыт жизни Цзян Цзинго в СССР с тем, что именно он начал демократизацию на Тайване. С одной стороны, известно, что Тайвань, особенно после захвата материковой части коммунистами, стал позиционировать себя как «Свободный Китай», где лишь временно, в соответствии с учением д-ра Сунь Ятсена, введено военное положение. Но почему именно Цзян Цзинго отменил его и разрешил реальную многопартийность? Конечно, важнейшую роль здесь сыграли внутренние обстоятельства и давление Запада, в особенности США. С другой стороны, можно вспомнить, что одним из лозунгов троцкистов

была внутрипартийная демократия, к которой они начали призывать, оказавшись в оппозиции. Конечно, они не выступали за демократизацию в западном смысле, партийная демократия – это лишь разрешение дискуссий внутри партии. Но в то же время именно идеи Троцкого с его критикой сталинской «диктатуры секретариата» стали исходной точкой возникшей внутри коммунистического движения теории нового правящего класса в коммунистических странах, впервые выдвинутой югославским коммунистом М. Джиласом (1911–1995), а от неё – к коммунистическим реформаторам: еврокоммунистам в западной Европе, а в советском блоке – к «Пражской весне» и, в конечном счёте, горбачевским гласности и перестройке. В этом направлении развивались идеи многих советских реформаторов коммунизма. Конечно, тайваньская интеллектуальная история отличалась от советской, однако вполне вероятно, что многие подходы Цзян Цзинго, в особенности после того, как он близко, на собственном опыте увидел в СССР результаты господства сталинского «нового класса», развивались сходным образом. Однако когда именно Цзян окончательно стал антикоммунистом, сказать сложно. После отъезда из СССР он утверждал, что он был им чуть ли ни с самого начала.

В 1955 г. в беседе с американским журналистом Р. Мартином он говорил: «Я был настроен антикоммунистически ещё в России. Поэтому меня и направили в Сибирь и на Урал. Я не был там свободен. Сталин не разрешал мне вернуться в Китай до восстановления отношений между Россией и Китаем. Я посвятил себя делу уничтожения коммунизма» [Галицкий 2002, с. 81]. Однако даже здесь он не говорит, когда именно в России он стал антикоммунистом. Кроме того, следует иметь в виду, что быть троцкистом и антикоммунистом – совсем не одно и то же. Цзяна действительно могли отправить из Москвы как бывшего троцкиста в связи с отсутствием доверия, но это не значит, что он к тому времени уже разочаровался в коммунизме в целом.

Многочисленные свидетельства очевидцев говорят о том, что коммунизм, по крайней мере в его троцкистском варианте, он воспринимал всерьёз. Даже уже в 1947 г. в письме его жены сестре – А. И. Вахревой (1899–1976), – написанном из Китая, сооб-

щается, что они с мужем и ещё несколькими друзьями, учившимися в СССР, собираются встречать 30-ю годовщину Октябрьской революции и «выпивать за вас и за процветание Родины» [Галицкий 2002, с 156]. Конечно, подобные слова могли писаться для того, чтобы письмо дошло (большинство из них конфисковывались советскими властями и не доходили до адресата) или чтобы у получателя не было проблем. Но, возможно, Цзян тогда всё ещё считал революцию 1917 г. позитивным событием. Второй интересный вопрос – это истоки создания на Тайване рыночной экономики. Как известно, общественный идеал, к достижению которого первоначально стремился Чан Кайши, основываясь на идеях Сунь Ятсена, теоретики Гоминьдана называли обществом *да-тун* 大同 («великое единение»). В этом идеальном обществе, названным термином классической китайской философии, вся собственность должна быть обобществлена, преодолены различия между богатыми и бедными, а труд должен служить всему обществу, а не являться трудом ради заработной платы. Тогда будет осуществлён принцип «народного благоденствия» (*миньшэнчжуи* 民生主義) – третий из трёх принципов Сунь Ятсена: национализм (*миньцзучжуи* 民族主義), народное правление (*миньцюаньчжуи* 民權主義) и народное благоденствие.

В период антияпонской и гражданской войн, используя чрезвычайную ситуацию, Чан Кайши пытался приблизиться к этому идеалу, постоянно увеличивая долю государственной собственности и роль государства в экономике [Меликсетов 1977, с. 202–212]. После поражения на материке и отхода на Тайвань, под давлением американцев и собственных экономистов, считавших, что этот курс был одной из причин недовольства населения, не поддержавшего Гоминьдан, Чан начал увеличивать роль частного сектора, при этом сохраняя контроль государства над ведущими секторами экономики, индикативное планирование и значительную роль государственных инвестиций в перспективные отрасли. Для обоснования этой политики он выдвинул концепцию общества *сяо-кан* 小康 (среднего достатка[11]) как первого шага к дости-

[11] Букв. «малого благополучия». – *Ред.*

жению общества *да-тун*. На этапе *сяо-кан* частная собственность объявлялась приемлемой и даже полезной, «товары производятся ради прибыли, а люди трудятся ради получения заработной платы» [Чан, 1954].

С теорией *сяо-кан* (термин также позаимствован из классической философии), Чан Кайши выступил уже в начале 50-х гг. [Меликсетов 1977, с. 236–237]. С конца 60-х гг., будучи премьером, а затем президентом, Цзян Цзинго активно проводил её в жизнь, сохраняя значительную роль государства и при этом развивая частное предпринимательство. Об этом он говорил, например, в административном отчёте премьера четвёртому пленуму ЦИК Гоминдана в 1973 г., где он заявил, что отстаиваемая им экономическая система основывается на свободном предпринимательстве, но при этом согласуется с идеалами общества Великого единения [Free China Weekly… 1973, p. 4–5]. Именно под его руководством, по официальному признанию, в 70-е гг. правительство осуществило так называемые «Десять крупных строительных проектов» («Ши да цзяньшэ» 十大建設) и «Двенадцать планов строительства» («Ши-эр сян цзяньшэ цзихуа» 十二項建設計畫), успех которых, согласно официальному президентскому сайту, «внёс вклад в быстрое экономическое развитие, социальную стабильность и благосостояние страны, подготовив почву для осуществления экономического рывка» [Синсяньхоу…].

Интересно, что с самого начала экономических реформ на материке тот же термин *сяо-кан*, естественно без ссылок на Чан Кайши, стал использовать лидер китайских коммунистов Дэн Сяопин, который учился в УТК в одно время с Цзян Цзинго и хорошо знал его. Дэн Сяопин, конечно, не мог не быть знаком с гоминьдановскими теориями. Логичнее предположить, что он хорошо изучил опыт реформ на Тайване и использовал их, в том числе и в плане терминологии. Но об обратном влиянии Гоминьдана на коммунистов здесь можно говорить лишь частично. Дело в том, что вся аргументация концепции «*сяо-кан – да-тун*», введение этапа *сяо-кан* как начального этапа продвижения к *да-тун*, на котором возможны элементы рыночной экономики и частнопредпринимательского эгоизма, очень сильно напоминают боль-

шевистскую идею «переходного периода» к коммунизму, давшую возможность осуществить в Советской России новую экономическую политику (НЭП). Идея этого периода как раз и заключалась в осуществлении экономического рывка, сохраняя за государством «командные высоты экономики», но опираясь и на частную инициативу в сельском хозяйстве и мелкой промышленности. Целью этого рывка, с точки зрения коммунистической теории, было догнать передовые экономики мира, так как именно в передовых странах рабочие должны осуществить всемирную коммунистическую революцию. Полное схождение концепций *сяо-кан* и «переходного периода» можно наблюдать в современной идеологии китайских коммунистов, которые считают целью «начального периода строительства коммунизма», на котором разрешены частная собственность и рыночная экономика, достижение уровня среднего достатка *сяо-кан*.

Это, конечно, не означает, что Цзян Цзинго позаимствовал идею *сяо-кан* из СССР. Скорее, можно говорить о том, что попытки теоретиков Гоминьдана и КПК легитимировать рыночные реформы путём реинтерпретации понятий традиционной китайской философии были практически идентичными и на ход мысли и тех и других существенное влияние оказала ленинская концепция нэпа, хорошо известная Цзян Цзинго по опыту жизни в СССР.

Троцкизм, которым восхищался одно время Цзян Цзинго, выступал против нэпа, за быстрейшее огосударствление экономики и ускоренную «сверхиндустриализацию» за счёт крестьянства. Однако, оставаясь в СССР в 30-е гг., Цзян Цзинго не мог не видеть, что, расправившись с левой оппозицией, Сталин фактически взял на вооружение её экономическую программу. Видел он на собственном опыте и то, к каким катастрофическим последствиям это привело как в промышленности, так и в деревне. В Гоминьдане также многие считали, что политика огосударствления стала одной из причин отказа народа националистам в поддержке в период гражданской войны.

Критика сталинизма была возможна не только с левых, но и с правых позиций. Переход к рыночным реформам на Тайване был результатом не только давления Вашингтона, но и осмысле-

ния неудачных советских и гоминдановских попыток ускорить развитие путём огосударствления экономики. И, возможно, неслучайно многие учившиеся в СССР китайские троцкисты, вернувшись на родину, перешли на сторону Гоминьдана, Цзян Цзинго здесь отнюдь не исключение [Галицкий 2002, с. 215]. Опыт жизни в сталинском СССР вполне мог привести к пониманию того, что правый подход более продуктивен и какие-то реформы в стиле советского нэпа, но более последовательные, Тайваню необходимы. О том, что такой путь идейного развития вполне вероятен для китайских революционеров, говорит и то, что к тем же выводам в конечном счёте пришли и китайские коммунисты на материке. Конечно, точные ответы на все эти вопросы могут быть найдены только в результате дальнейших исследований.

Источники и литература

1. Агеев, Иглин 1989 – *Агеев С., Иглин А.* Так кто же он, Елизаров? // На смену! 1989. 14 янв.

2. АПРФ – Архив Президента Российской Федерации.

3. Беседа А. Г. Ларина 1990a – Беседа А. Г. Ларина с А. П. Панфиловым. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.

4. Беседа А. Г. Ларина 1990b – Беседа А. Г. Ларина с Марией Семёновной Аникеевой. Свердловск, 1990 г. Из личного архива автора.

5. ВКП(б), Коминтерн… 1994 – ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. I. ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае. 1920–1925: Документы. М.: АО «Буклет», 1994.

6. Галицкий 2002 – *Галицкий В. П.* Цзян Цзинго: трагедия и триумф сына Чан Кайши. М.: РАУ – Университет, 2002.

7. Джапаков 1989 – *Джапаков А.* Уральские корни президента Тайваня // Урал. 2002. № 7. С. 77–189.

8. Ефимова 1982 – *Ефимова Т.* Уралмашевцы. Десять заводских пятилеток. Литературно-документальная летопись. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1982.

9. За тяжёлое машиностроение… 1934a – За тяжёлое машиностроение. Свердловск, 27.11.1934.

10. За тяжёлое машиностроение… 1934b – За тяжёлое машиностроение. Свердловск, 12.12.1934.

11. За тяжёлое машиностроение… 1937a – За тяжёлое машиностроение. Свердловск. 06.01.1937.

12. За тяжёлое машиностроение… 1937b – За тяжёлое машиностроение. Свердловск. 08.02.1937.

13. Зайцев 1990 – *Зайцев В.* Коля Елизаров – президент Тайваня // Вечерний Свердловск. 26.02.1990.

14. Запись беседы… 1987 – Бай Юй сяньшэн фанвэнь цзилу 白瑜先生訪問紀錄 (Запись беседы с г-ном Бай Юем). Тайбэй: Чжунъян яньцзю юань цзиньдай ши яньцзюсо 中央研究院近代史研究所, 1987. С. 22–25.

15. Ларин 1994 – *Ларин А. Г.* Цзян Цзинго в России // Современный Тайвань / Отв. ред. и сост. Иванов П. М. Иркутск: Улисс, 1994.

16. Ли 1989 – *Ли Дачжао.* Избранные произведения. М.: Наука, 1989.

17. Лукин 2007 – *Лукин А. В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад, АСТ, 2007.

18. Маяковский 1958 – *Маяковский В. В.* Лучший стих / Маяковский В. В. Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. С. 60.

19. Меликсетов 1977 – *Меликсетов А. В.* Социально-экономическая политика гоминьдана в Китае: 1927–1949. М.: Наука, 1977.

20. Павлов 2001 – *Павлов И. М.* 1920-е: революция и бюрократия. Записки революционера. СПб.: XXI век, 2001.

21. Панцов 2001 – *Панцов А. В.* Тайная история советско-китайских отношений. Большевики и китайская революция (1919–1927). М.: Муравей-Гайд, 2001.

22. РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

23. Синсяньхоу – Синсяньхоу лижэньцзунтун. Ди 6–7 Цзян цзунтун 行憲後歷任總統.第6~7任蔣總統經國先生. Президенты после введения конституционного правления. Президент господин Цзян Цзинго (6-й и 7-й сроки) // Интернет-сайт президента Китайской Республики (Тайваня). URL: https://www.president.gov.tw/Page/85 (дата обращения: 10.05.2022).

24. Спичак 2012 – *Спичак Д. А.* Китайский авангард Кремля. Революционеры Китая в московских школах Коминтерна (1921–1939). М.: Вече. 2012.

25. Сюй 1988 – *Сюй Су* 徐甦. Цзян-Сун да цзяцзу 蔣宋大家族 (Большие кланы Цзянов и Сунов). Шэньян: Ляонин жэньминь чубаньшэ 辽宁人民出版社, 1988.

26. ЦДОО СО – Центр документации общественных организаций Свердловской области.

27. Цзян 1981 – Цзян цзунтун Цзинго сяньшэн яньлунь, чжушу, хуэйбянь 蔣總統經國先生言論著述彙編 (Речи, статьи, записки г-на президента Цзян Цзинго). Т. 1. 1940–1948, Т. 2. 1949–1952). Тайбэй: Лимин вэньхуа шиегу фэнью сянь гунсы 黎明文化事業股份有限公司, 1981.

28. Троцкий 1924 – *Троцкий Л. Д.* Перспективы и задачи на Востоке. Речь на трёхлетнем юбилее Коммунистического Университета Трудящихся Востока 21 апреля 1924 г. / Троцкий Л. Д. Запад и Восток. Вопросы мировой политики и мировой революции. М.: Красная новь, 1924.

29. Цзян 1991 – *Цзян Цзинго* 蔣經國. Во цзай Суляньдэ жицзы 我在蘇聯的日子 (Мои дни в Советском Союзе) / Цзян Цзинго сяньшэн цюаньцзи. И цзюань 蔣經國先生全集. 一卷 (Полное собрание сочинений Цзян Цзинго. Т. 1). Тайбэй, Синчжэн юаньсинь вэньцзюй 行政院新聞局, 1991.

30. Чан 1954 – *Чан Кайши* / *Цзян Цзеши* 蔣介石. Миньшэн чжуи юйлэ лян пянь бушу 民生主義育樂兩篇補述 (Дополнительное описание двух разделов принципа народного благоденствия – образование и отдых) / Цзунтун Цзян гунсы сяняньлунь цзунцзи 總統蔣公思想言論總集 (Сборник высказываний господина президента Чана [в области] мысли), 1954 // Интернет-сайт Китайского образовательного фонда. URL: http://www.ccfd.org.tw/ ccef001/index.php?option=com_content&view=article&id=535:0002–4&catid=110&Itemid=256 (дата обращения 10.05.2022).

31. Шевелёв 2000 – *Шевелёв К. В.* К вопросу об отражении китайской тематики в «Биографическом справочнике Коминтерна» // Научно-информационный бюллетень Российской государственный архив социально-политической истории. 2000. № 2 (12) (специальный).

32. Шэн 2009 – *Шэн Юэ*. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция. Воспоминания / Пер. с англ. Л. И. Головачёвой и В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН: Крафт+, 2009.

33. Юй 1998 – *Юй Миньлин* 余敏玲. Эго данъаньчжундэ лю Су сюэшэн Цзян Цзинго 俄國檔案中的留蘇學生蔣經國 (Цзян Цзинго – студент в СССР. По [материалам] российских архивов) // Цзиньдай ши янцзюсо цзикань 近代史研究所集刊 (Сборник Института Новой истории). Июнь 1998. № 29.

34. Юркевич 2013 – *Юркевич А. Г.* Москва – Кантон, 1920-е. Помощь СССР Гоминьдану и две стратегии объединения Китая. М.: Вариант, 2013.

35. Cline 1989 – *Cline Ray S.* Chiang Ching-Kuo Remembered: The Man and His Political Legacy. Washington, D.C.: United States Global Strategy Council, 1989.

36. Denny 1936 – *Denny H.* Son Repudiates Chiang Kai-Shek // The New York Times. February 12, 1936.

37. Free China Review – Free China Review. 1978. Vol. 28. № 5. P. 12.

38. Free China Weekly – Free China Weekly. 1973. № 45. P. 4–5.

39. Litten 1994 – *Litten Frederick S.* The Noulens Affair // The China Quarterly. June 1994. Vol. 138. P. 492–512.

40. Taylor 2000 – *Taylor J.* The Generalissimo's Son: Chiang Ching-kuo and the Revolutions in China and Taiwan. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 2000.

41. Yu 1995 – *Yu Min-ling L.* Sun Yat-sen University in Moscow: 1935–1930. Department of History, New York University. January 1995. Unpublished manuscript.

ORCID: 0000-0002-6626-7395

В. А. Перминова[*]

«Обновление» памяти об антияпонской войне в Китае и её влияние на отношения между Пекином и Токио в 90-е гг. XX века

Аннотация. Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли политико-экономических факторов, а также государства и негосударственных акторов в «обновлении» памяти о войне в Китае в 1990-е гг. и самом начале 2000-х. В работе исследуется влияние исторической памяти на отношения между Пекином и Токио в период реализации политики «патриотического воспитания» китайской молодёжи, когда был отмечен значительный рост националистических и антияпонских настроений в КНР.

Ключевые слова: Китай, Япония, японо-китайские отношения, вопросы исторического прошлого, «патриотическое воспитание», международные отношения

Vera A. Perminova[**]

"New Remembering" of the War of Resistance in China and its Influence on Relations Between Beijing and Tokyo in 1990s

Abstract. The article deals with the approaches to interpreting China's war of resistance against Japan in the Chinese society, including the role of economic and political factors and state and non-government actors in "renewing" collective memory in China at the end of the XX and in the early XXI century. The author analyzes influence of historical memory on the relations between Beijing and Tokyo during the realization of "patriotic education" in China when nationalistic and anti-Japanese sentiments took place.

[*] ***Перминова Вера Александровна***, канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), verger177@yandex.ru

[**] ***Perminova Vera Alexandrovna***, Ph. D. (History), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), verger177@yandex.ru

© Перминова В. А., 2023; © ФГБУН ИВ РАН 2023

Keywords: China, Japan, Sino-Japanese relations, problems of historical past, "patriotic education", international affairs

Проблемы исторического прошлого являются одним из важнейших факторов, осложняющих японо-китайские отношения на протяжении последних десятилетий. Вопросы, связанные с интерпретацией событий Второй мировой войны и, в частности, японо-китайской войны 1937–1945 гг., всё ещё остаются весьма болезненными для КНР. Призывы к Токио признать ответственность за агрессию и военные преступления Японской империи в Азии в первой половине XX в. то приглушаются на волне улучшения японо-китайских отношений, то вновь актуализируются, повышая уровень напряженности двусторонних отношений до критического. Такие сложные взаимоотношения обусловлены не только политическими и экономическими факторами, но и особенностями сложившейся у народов этих двух стран исторической памяти о военных событиях прошлого.

На формирование коллективной памяти о войне в китайском обществе повлияла, с одной стороны, особая внешнеполитическая ситуация, сложившаяся после окончания Второй мировой войны, – разделение мира на два противоборствующих блока – и, с другой стороны, политика властей, направленная на скорейшее восстановление торгово-экономических связей с Японией[1]. Вплоть до 1980-х годов вопросы исторического прошлого были намеренно «приглушены» китайскими властями, чтобы они не препятствовали развитию двустороннего сотрудничества и не стали помехой в нормализации отношений между Пекином и Токио в 1972 г. Вместе с тем даже после восстановления дипломатических отношений окончательного примирения между странами и восстановления доверия друг к другу так и не произошло. В условиях меняющейся международной политической обстановки и в процессе изменения экономической роли этих стран в азиатском регионе нерешенные проблемы исторического прошлого стали чаще появляться на повестке японо-китайских отношений. Если до 1990-х гг. вопросы истории были

[1] Подробнее о формировании коллективной памяти о войне сопротивления в КНР в 1950–70-е гг. см.: [Перминова 2021].

в тени более насущных проблем того времени (в частности, «советской угрозы»), то по мере того, как дискурс «холодной войны» терял свою актуальность, память о войне и связанные с ней противоречия в двусторонних отношениях стали проявляться всё чётче.

Статья посвящена изучению особенностей восприятия китайцами событий антияпонской войны, роли политико-экономических факторов, а также государства и негосударственных акторов в «обновлении» памяти о войне в Китае в 1990-е гг. и самом начале 2000-х (до вступления Ху Цзиньтао 胡锦涛 в должность председателя КНР в 2003 г.). В работе исследуется влияние исторической памяти на отношения между Пекином и Токио в период реализации курса на усиленное «патриотическое воспитание» китайской молодёжи, когда был отмечен значительный рост националистических и антияпонских настроений в КНР. Именно в этот период проблемы исторического прошлого превратились в серьёзный фактор во взаимодействии между странами, который стал принципиальным образом сказываться на выстраивании политического диалога и впоследствии (к началу XXI в.) привел к осложнению тесных торгово-экономических связей между Китаем и Японией. Лишь с приходом к власти Ху Цзиньтао была предпринята попытка «гармонизации» отношений с Токио, когда принципиальная позиция китайской стороны по поводу трактовки военных событий на некоторое время сменилась более гибким подходом, направленным на «преодоление проблем прошлого»[2].

В данной статье мы ограничимся рассмотрением коллективной памяти о войне, характерной лишь для материковой части Китая, оставив «за скобками» восприятие военных событий жителями Тайваня, находившегося под колониальным управлением Японской империи с 1895 по 1945 гг. Проблема исторической памяти на Тайване заслуживает отдельного рассмотрения, поскольку подходы к оценке колониального прошлого и внешней политики Японии в годы войны, распространённые на острове, значительно отличаются от тех, что приняты в материковом Китае.

[2] Подробнее о влиянии проблем исторического прошлого на японо-китайские отношения в XXI в. см.: [Перминова 2020].

Тайвань в силу ряда факторов до сих пор остается единственным регионом, где не принято акцентировать внимание на негативных сторонах колониального периода[3].

Актуализация проблем исторического прошлого в 90-е гг. XX века

На появление проблем исторического прошлого на международной повестке в 1990-е гг. повлиял ряд факторов, в числе которых важное место занимает внешнеполитический – это окончание «холодной войны» и связанная с этим неопределённость в системе безопасности стран в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В отношении Японии этот период связан с укреплением военно-стратегических связей с США, со стремлением играть на международной арене более активную политическую роль, соответствующую её экономическому развитию, намерением избавиться от «синдрома проигравшей нации» и построить более тесные отношения со своими соседями, не будучи обремененной виной за события прошлого. Именно политический аспект во взаимодействии со странами, подвергшимися агрессии со стороны Японии в годы войны, вышел на передний план с началом поиска Токио своей новой глобальной роли в 1990-х гг. Как указывает Д. В. Стрельцов, в период «холодной войны» японская экономика была в основном ориентирована не на региональные связи внутри АТР, а на глобальные экономические отношения – в первую очередь на рынок США [Стрельцов 2022, с. 211]. В этот период Токио менее всего нуждался в политическом примирении с азиатскими странами, поскольку мог поддерживать с ними экономические связи, не прибегая к каким-либо политическим заявлениям и к серьёзному переосмыслению событий прошлого. Пассивности в вопросе примирения с соседними странами способствовала и внутриполитическая обстановка. Либерально-демократическая партия Японии, находившаяся у власти на протяжении нескольких десятилетий, выработала особый подход к решению проблем, связанных с наследием военных лет, – он

[3] Подробнее об исторической памяти на Тайване и проблемах исторического прошлого в японо-тайваньских отношениях см.: [Перминова 2022].

заключался в том, что Япония должна сохранить за собой лидерство в Азии, основанное на экономическом и социокультурном превосходстве благодаря успешной адаптации западной модели развития и быстрому преодолению отсталости, характерной для большинства стран азиатского региона. Иными словами, Япония должна была «вернуться» в Азию посредством установления тесных экономических связей и стать локомотивом, который выведет остальные страны региона из состояния отсталости [Стрельцов 2022, с. 210–211]. По сути, эта концепция перекликается с идеей построения в Азии Великой сферы сопроцветания[4], популярной в Японии в начале 1940-х гг., однако лишённой антизападной риторики.

В Китае в это время продолжалась реализация политики «реформ и открытости». Определённые успехи страны в восстановлении экономики позволили многим экспертам предполагать возвышение КНР как экономической державы на рубеже XX–XXI вв. Амбициозные планы Китая и его претензии на региональное лидерство, обусловленные стремительным развитием промышленности и внешней торговли, нашли отклик и в китайском обществе. Испытывая гордость за свою страну в связи с экономическими успехами в 1980–90-х гг., китайские исследователи и СМИ смогли с большей уверенностью заявлять об исторической несправедливости в отношении Китая, апеллируя к событиям военного времени. В ситуации, когда в Японии наметилась тенденция постепенного экономического спада, а в Китае, наоборот, стремительного роста, обе страны претендовали на роль ведущей экономики в регионе и обе чувствовали себя вполне уверенно, чтобы не идти на серьёзный компромисс по отношению друг к другу [Moore 2010, p. 285; Rose 2005, p. 6].

Несмотря на то, что японо-китайские отношения были нормализованы ещё в 1972 г., оставался ряд вопросов, который не затрагивался в период послевоенного урегулирования, однако получил широкую огласку в конце XX-го столетия на фоне меняющейся ситуации в Азии. К числу таких вопросов относится про-

[4] Великая восточноазиатская сфера сопроцветания (*да дун я гун жун цюань* 大東亜共栄圏) – внешнеполитическая концепция, базирующаяся на идеях паназиатизма, была официально провозглашена в Японской империи в 1940 г.

блема утилизации химического оружия, оставленного японцами в Северо-Восточном Китае (по оценкам китайской стороны было оставлено примерно 2 млн снарядов, по подсчётам японской – не более 700 тыс. [Семин 2008, с. 62]). После того, как в 1997 г. вступила в силу Конвенция о химическом оружии[5], Япония признала необходимость принятия практических мер по уничтожению этих запасов, однако ввиду сложности процесса утилизации и больших объемов оставленного токсичного вещества была уничтожена лишь часть оставленного химического оружия [Семин 2008, с. 62–63]. Помимо этой проблемы большой резонанс получили новые, ранее мало известные населению факты о проведении опытов с бактериологическим оружием японским отрядом 731 над военнопленными. Особую актуальность приобрели и другие эпизоды японского вторжения в Китай, которые отличались особой жестокостью, в частности Нанкинская резня. На фоне подъёма национального самосознания во многих азиатских странах стали чаще озвучиваться требования компенсаций японской стороной этим странам за ущерб в ходе военной агрессии. В этот же период отмечается повышенное внимание мирового сообщества к защите прав человека и, в частности, прав женщин, что вывело проблему «женщин для утешения»[6] на международный уровень.

Некоторые учёные характеризуют начало 1990-х гг. как период кардинальных изменений в отношении к событиям прошлого, в частности к наследию Второй мировой войны и истории колониального господства Японии. Произошла «глобализация памяти», которая состояла в том, что многие вопросы исторического прошлого, которые ранее не привлекали внимание мирового сообщества, в последнее десятилетие XX в. вышли на передний план и способствовали актуализации проблемы национального примирения. Одним из факторов актуализации этих вопросов стал рост национального самосознания, вызванный многочисленными этни-

[5] Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и его уничтожении. Подписана в январе 1993 г., в Японии была ратифицирована в апреле 1997 г.

[6] «Женщины для утешения» (*вэйань фу* 慰安妇) – женщины, которые были принуждены работать в японских военных борделях (т. н. «станциях для утешения» *вэйань со* 慰安所) в период Второй мировой войны.

ческими конфликтами начала 1990-х гг. (на территории бывшего СССР, Югославии) [Стрельцов 2022, с. 213–214; Dian 2017, p. 88]. Повышенное внимание к тематике Второй мировой войны было вызвано также объединением Германии и принципиальной позицией германского руководства в отношении собственного военного прошлого. Успех Берлина в достижении примирения с соседними странами обусловил ожидания примиренческой линии во внешней политике и от Токио, который, в свою очередь, тоже должен был продемонстрировать критическое переосмысление агрессивных действий страны в военные годы. Морально-этическое измерение во взаимоотношениях между странами в 1990-е гг. стало играть особую роль в японо-китайских отношениях и отношениях этих стран с остальными государствами АТР. В случае с Японией это проявилось в том, что она должна была стать «ответственной державой», «совесть» которой в отношении военного прошлого была бы чиста для того, чтобы претендовать на политическое лидерство [Стрельцов 2022, с. 214]. В случае с Китаем это выразилось в том, что КНР стала позиционировать себя как страну, имеющую моральное превосходство над Японией (в прошлом – агрессором) и обладающую моральным правом претендовать на экономическое лидерство в Азии. Страны, входящие в сферу влияния КНР, в таком случае объединялись бы посредством коллективной памяти о японской агрессии [Denton 2007b, pp. 2–3].

В период либерализации политической и социально-экономической жизни в Китае в 1980–90-е гг. происходило переосмысление собственной истории. Дополнительным фактором, который способствовал такому переосмыслению, стал пересмотр оценок событий Японо-китайской и Второй мировой войны в Японии. В 1980-е гг. произошло два события, инициированные японской стороной, которые стали отправной точкой для роста напряженности в двусторонних отношениях, – это внесение поправок в японские учебники истории в 1982 г.[7] и визит премьер-министра Накасонэ Ясу-

[7] В новой редакции учебников содержалась принципиально новая оценка ряда исторических событий, основанная на приукрашивании политики японских властей в 1930–40-е гг. XX в., в частности действия японской армии в период Тихоокеанской войны были названы не «агрессией» (*циньлюэ* 侵略), а «продвижением» (*цзиньчу* 進出).

хиро 中曽根康弘 в храм Ясукуни (яп. *Ясукуни-дзиндзя* 靖國神社) в 1985 г.[8] В ответ на «забвение истории» японской стороной власти Китая стали прилагать усилия, направленные на «восстановление исторической справедливости», что в 1990-е гг. постепенно переросло в полномасштабную кампанию по обновлению всей системы образования в стране, нацеленную на воспитание китайской молодёжи в духе патриотизма и гордости за свою страну.

«Обновление» памяти о войне в КНР в 1990-е гг.: «виктимизация» Китая и начало «патриотического воспитания»

Многие учёные отмечают значительные изменения в образе Китая и китайского народа в период борьбы с японскими захватчиками, который в 1980–90-х гг. стал транслироваться властями посредством СМИ и нового, «патриотически ориентированного» образования [Coble 2007, pp. 402–403; Coble 2011, pp. 396–397; Denton 2007b, pp. 1–3; Gries 2004, pp. 43–45; Mitter 2000, pp. 281–282; Rui 2015, p. 29; Waldron 1996, p. 947; Wang 2012, p. 784]. Ранее, в эпоху Мао Цзэдуна, центральное место в памяти о войне занимал героизм, проявленный китайским народом в борьбе против Гоминьдана и японских агрессоров, а КПК представлялась как главная сила, которая смогла сплотить китайский народ перед внешней угрозой и в итоге одержать победу над коррумпированными и некомпетентными властями Гоминьдана. В этом случае китайская нация представлялась в первую очередь как нация-победитель. Однако несколькими десятилетиями позднее, с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг. на передний план вышла «виктимизация» (от англ.

[8] В синтоистском святилище Ясукуни, как считают японцы, покоятся души воинов, которые отдали свою жизнь за Японию. Китайская сторона считает посещение японскими официальными лицами этого храма проявлением безответственной позиции относительно событий своего военного прошлого, поскольку там почитаются в том числе и те люди, которые были признаны Международным военным трибуналом для Дальнего Востока военными преступниками (в том числе класса «А»).

Визит премьер-министра в Ясукуни был расценен китайской стороной как неуважение к чувствам народов Азии, подвергшихся японской агрессии, ещё и потому, что он состоялся 15 августа – в день, когда в Японии отмечается окончание Второй мировой войны.

victim – «жертва») Китая – образ страны, жители которой представлялись в первую очередь как жертвы агрессии. Ряд исследователей видят в этом явлении прямую связь с идеологией, которая также претерпела изменения в эпоху «реформ и открытости» под руководством Дэн Сяопина [Callahan 2006; Denton 2007b; Waldron 1996; Wang 2012]. Идея классовой борьбы постепенно теряла свою актуальность по мере развития рыночных отношений в китайской экономике, поэтому на смену её должна была прийти не менее значимая для всего народа проблема, которая объединяла бы всех жителей Китая. Этой идеей стала коллективная память о японо-китайской войне. Память о тяжёлых событиях, которые пришлось пережить китайскому народу в военное время (иными словами, «общая травма»), стала мощным фактором, сплотившим население всей страны и создавшим прочную основу для укрепления национального самосознания и формирования «новой китайской идентичности»[9]. Историк Ван Чжэн указывает на прямую связь между исторической памятью и национальным самосознанием, поскольку именно коллективная память о событиях прошлого является основой, на которой формируется чувство принадлежности человека к конкретному обществу и, в более широком смысле, к той или иной нации. Поэтому неслучайно в периоды кризиса самоидентичности (в случае с КНР – кризиса идеологии) общество вновь обращается к собственному прошлому в поисках фундамента, на котором могли бы базироваться новое самосознание и «новая идентичность» [Wang 2012, pp. 785–787]. Определение новой самоидентичности и переосмысление собственного прошлого, в свою очередь, неразрывно связаны с проблемой легитимности власти – в периоды нестабильности, по мнению Ван Чжэна, власть должна консолидировать общество и подтвердить своё право на управление этим обществом [Wang 2012, p. 787]. В случае с Китаем эта проблема стояла особенно остро после разгона демонстраций на площади Тяньаньмэнь 天安门 в 1989 г., когда страна была, казалось, на пороге новой международной изоляции.

[9] О «виктимизации» Китая и связанным с этим явлением поиском новой самоидентичности см.: [Denton 2007b, pp. 1–2, 6–7; Gries 2004, p. 70; Mitter 2000, pp. 280–281; Rui 2015, p. 29–30; Wang 2012, p. 785].

Важным инструментом консолидации общества стало обновленное историческое образование, которое должно было показать, через какие потрясения и унижения пришлось пройти китайскому народу, прежде чем страна смогла начать своё возрождение после победы коммунистической революции под руководством КПК. Центральной идеей здесь выступала концепция «национального унижения» Китая («века национального унижения»[10]), согласно которой все беды и страдания китайского народа, перенесённые им в середине XIX – середине XX в., были обусловлены главным образом иностранным вмешательством. Примечательно, что подобная идея не была популярна в эпоху Мао Цзэдуна[11], поскольку главной причиной бедственного («полуколониального и полуфеодального») положения страны являлась некомпетентность и коррупция властей (цинских правителей и Гоминьдана) [Wang 2012, p. 789]. Теперь же «внешний фактор» переместился на передний план, поэтому главной ролью КПК стало сплочение нации перед внешней опасностью и окончательная победа над иностранными захватчиками, что, наконец, позволило стране получить независимость и положило конец столетнему «национальному унижению». Японо-китайская война 1937–1945 гг. в этом контексте представлялась как один из наиболее тяжёлых эпизодов длительной борьбы с иностранным вмешательством: «Победа в войне [сопротивления] является окончательной точкой в борьбе китайского народа не только против японских захватчиков, она также внесла важный вклад в борьбу против фашизма и стала завершением столетней борьбы Китая с иностранным вмешательством. Война положила конец столетнему унижению Китая, после чего стало возможно возрождение китайской нации» [Цзю няньцзи лиши цзяокэшу 2002, с. 65], цит. по: [Rui 2015, p. 35].

[10] «Век национального унижения» (*бай нянь го чи* 百年国耻), букв. «столетний позор государства» – термин, которым обозначают период, начавшийся с серии неравноправных договоров цинского Китая с западными державами во второй трети XIX в. и завершившийся с созданием Китайской Народной Республики в 1949 г.

[11] Как замечает историк Вильям Каллахан, за период 1947–1990 гг. среди научных публикаций на китайском языке (из фондов Национальной библиотеки Китая) практически нет работ, посвященных проблеме «национального унижения» Китая [Callahan 2006, p. 185].

Усиление внимания к проблематике борьбы с внешними захватчиками с началом «виктимизации» Китая в конце 1980–90-х гг. проявилось в создании множества новых памятников и мемориалов, которые напоминали не только о героизме китайских солдат, но и о страданиях, которые пришлось пережить людям в военное время. К их числу относятся такие крупные музейные комплексы, как Мемориальный музей памяти жертв Нанкинской резни (*цинь хуа жи цзюнь наньцзин да туша юйнань тунбао цзиняньгуань* 侵华日军南京大屠杀遇难同胞纪念馆) (г. Нанкин, открыт в 1985 г.), Музей войны сопротивления китайского народа японским захватчикам (*Чжунго жэньминь кан жи чжаньчжэн цзиняньгуань* 中国人民抗日战争纪念馆) (г. Пекин, 1987 г.), Музей истории 18 сентября (*Цзю и ба лиши боугуань* 九一八历史博物馆) (г. Шэньян, 1992 г.). Некоторые учёные отмечают существенную разницу во внешней архитектуре памятников и внутреннем обустройстве музеев, которые были созданы до 1980-х гг., и тех мемориалов, которые появились лишь в последние десятилетия XX в. [Buruma 1999; Denton 2007a, p. 248; Mitter 2000, p. 285]. Если памятники в эпоху Мао Цзэдуна – это, как правило, устремлённые ввысь стелы, где на барельефах изображены физически сильные люди, готовые дать отпор врагу, то более поздние мемориальные комплексы отличаются асимметрией, отсутствием стройности архитектурных форм и композиций с изображением героев. Новые мемориалы погружают посетителя в некий хаос, отсутствие порядка в организации пространства, что можно трактовать как проявление бессмысленности и одновременно жестокости постигших людей бедствий [Denton 2007b, p. 13]. Взяв в качестве примера Мемориальный комплекс в память о жертвах Нанкинской резни, открытый в 1985 г., Кирк Дэнтон описывает его как довольно тяжёлое для восприятия пространство – оно наполнено тяжёлыми с психологической точки зрения символами (в частности, нестройные и асимметричные скульптуры погибших, изображение умирающих матери и ребенка и проч.), что, несомненно, вовлекает посетителя в те давно ушедшие события и заставляет сопереживать. Внутреннее обустройство музея и все экспозиции представляют собой не просто демонстрацию артефактов, а некое «эмоциональное простран-

ство», которое заставляет ещё раз переосмыслить все военные события, в том числе и преступления японской армии в Китае. Если мемориалы 1950–60-х гг. – это памятники доблести и славы, то мемориальные комплексы 1980–90-х гг. – это напоминание о смерти и страданиях, где сделан акцент на варварстве японских захватчиков [Denton 2007b, pp. 11, 13–14].

Очевидно, что одним из важнейших мотивов создания подобных мемориалов было намерение пробудить чувство патриотизма у населения. Демонстрация наиболее «травматичных» эпизодов истории должна была стать наглядным подтверждением того, что вплоть до середины XX в. Китай находился в угнетённом положении, когда был вынужден испытывать «национальное унижение» со стороны иностранных захватчиков, что, в свою очередь, должно было укрепить у населения чувство гордости за страну, наконец вставшую на путь экономического восстановления. Таким образом, военные эпизоды в китайской истории середины XIX – середины XX вв. – теперь не просто давно ушедшие в прошлое события, а вековая история страданий и последующего постепенного возрождения всей китайской нации, которое продолжается до сих пор под руководством КПК. Памятная надпись, оставленная Цзян Цзэминем 江泽民 (1926–2022) во время открытия Музея войны сопротивления после его реконструкции в 1997 г., прекрасно отражает суть проводимой тогда просветительской политики: «[Будем] высоко держать знамя патриотизма, воспитывать людей посредством истории, развивать китайский национальный дух и возрождать Родину» 高举爱国主义旗帜，以史育人；弘扬中华民族精神，振兴祖国 [Чжунго жэньминь кан Жи… 2008].

Основные принципы обновленного образования, основой которого стало воспитание молодёжи в духе патриотизма, содержатся в двух базовых документах, принятых по инициативе Цзян Цзэминя и опубликованных в августе 1991 г.: «Общие принципы усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории Китая и страноведения» 中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要 [Гоцзя цзяовэй… 1991] и «Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привле-

чением [в процесс обучения] культурных памятников» 关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知 [Гуаньюй чунфэнь юньюн… 1991]. В документах особенно подчеркивалась важность обязательного посещения студентами и школьниками всех возрастов исторических музеев, мемориальных комплексов и мест боевой славы. Как указано ещё в одном директивном документе, опубликованном в 1994 г. («Принципы реализации патриотического воспитания» 爱国主义教育实施纲要), все эти мероприятия должны быть непосредственно включены в учебный процесс так, чтобы посещение музеев и мест боевой славы в памятные даты стало бы своего рода «живым учебником», из которого молодёжь «черпала бы знания по истории и проникалась духом патриотизма и гордостью за свою страну» [Айгочжуи цзяоюй… 2021]. В 1995 г. было выбрано 100 объектов, которые должны были стать «базами патриотического воспитания» (*айгочжуи цзяоюй цзиди* 爱国主义教育基地), обязательными для посещения учащимися, военнослужащими и государственными служащими. Из числа этих объектов 40 – места воинской славы, где китайские солдаты сражались с иностранными захватчиками, а также мемориальные комплексы и исторические музеи, из которых половина посвящена исключительно японо-китайской войне 1937–1945 гг. [Wang 2012, p. 794] Со временем количество таких объектов увеличивалось, дополнительные «базы патриотического воспитания» как провинциального, так и общегосударственного уровня были анонсированы в 2001, 2005 и 2009 гг. Хотя экскурсии в исторические музеи и поездки к местам боевой славы входили в школьное обучение и ранее, однако позиционирование этих мероприятий в качестве одного из важнейших методов «патриотического воспитания» в официальных документах произошло только в 1990-е гг. Создание официального каталога подобных «баз», их систематизация и расширение списка объектов свидетельствует об особом внимании властей к историческому образованию молодёжи.

Подобные выездные уроки, дополнившие занятия в классе, обновленная учебная программа по историческим дисциплинам, усиленное внимание общественности и СМИ к преступлениям японской армии в период военных действий в Азии, несомненно,

сказывались на росте националистических настроений в 1990-е гг. Есть предположение, что именно кампания «патриотического воспитания» (*айгочжуи цзяоюй* 爱国主义教育) стала основным фактором, который способствовал росту антизападных и антияпонских настроений в стране в конце XX – начале XXI вв.[12] Неслучайно основные участники акций протеста – молодёжь, период обучения которой попал на конец 1980-х – 1990-е гг. Это те люди, которые не были участниками либо свидетелями военных событий прошлого и у которых отношение к внешнему миру и, в частности, к Японии было сформировано в рамках действующей системы «патриотического воспитания». В этих же условиях у них сформировалась и память о войне сопротивления (некоторые исследователи называют её «новой памятью о прошлом» [Rui 2015, p. 29–30]). К этому также следует добавить экономический фактор – чувство гордости за свою страну, обусловленное определёнными успехами Китая в сфере экономики, что, вкупе с особым вниманием общества к проблематике Второй мировой войны и связанной с этим «виктимизацией» Китая, приводило к ещё большей неуступчивости по отношению к японской стороне.

Неудовлетворённость позицией Токио по вопросам исторического прошлого и готовность Пекина предпринять меры в ответ на «забвение истории» японской стороной прослеживается и в заявлениях руководства КНР. Из речи Цзян Цзэминя во время его беседы с премьер-министром Японии Обути Кэйдзо 小渊惠三 в период государственного визита председателя КНР в Токио в ноябре 1998 г.: «…Приходится с сожалением отметить, что в Японии периодически происходят инциденты, когда отдельные исторические факты искажаются либо вовсе не признаются. Всё это оскорбляет чувства народов, подвергшихся в прошлом агрессии, и вредит двусторонним связям. Китай отстаивает справедливые оценки исторических событий и выступает за выработку политической основы японо-китайских отношений (имеется в виду борьба

[12] 1999 г. – массовые акции протеста в ответ на бомбардировки посольства КНР в Белграде, 2005 г. – акции протеста в связи с заявкой Японии на вступление в Совет Безопасности ООН, 2012 г. – массовые протесты после национализации Японией островов Дяоюй-дао 钓鱼岛 / Сэнкаку-сётo: 尖閣諸島.

с гегемонизмом и осуждение агрессии Японской империи в Азии. – П*рим. авт.*). В сложившихся условиях Китай не может не предпринять необходимые ответные меры. […] Надеемся, что Япония сможет сдержать те силы, которые пытаются исказить историю и не признают очевидные исторические факты» [Цзян Цзэминь фанвэнь… 2001]. Наиболее известные высказывания Цзян Цзэминя о необходимости помнить свою историю и учитывать события прошлого при выстраивании современных взаимоотношений со странами: «[следует] извлекать урок из истории и смотреть в будущее» (*и ши вэй цзянь, мянь сян вэйлай* 以史为鉴，面向未来, букв. – «воспринимая историю как [поучительное] зерцало, обращаться лицом в будущее»), «твердая память о прошлом – лучший советчик для будущего» (*цянь ши бу ван, хоу ши чжи ши* 前事不忘，后事之师, букв. – «прежних дел незабвение – дел последующих учитель»)[13].

Впрочем, кампания «патриотического воспитания» и усиленное внимание к преступлениям японской армии во время войны не всегда встречали одобрение в китайском обществе. Некоторые учёные и преподаватели вузов выступали с критикой обновленной программы исторического образования, указывая на однобокость в освещении многих событий. Одним из первых и наиболее активных критиков обновления учебников по истории являлся профессор Университета им. Сунь Ятсена Юань Вэйши 袁伟时, который выступал против переписывания текстов учебников с целью добавить больше примеров патриотизма в тех случаях, где это было не вполне уместно с исторической точки зрения (в частности, Юань Вэйши критиковал определение Боксерского восстания (1898–1901) как «выдающегося проявления патриотизма», подчеркивая, что в учебниках умалчивается о разбоях и преступлениях участников этого восстания [Юань Вэйши… 2010])[14].

Реакция японской общественности на проведение в Китае политики «патриотического воспитания» была резко отрицатель-

[13] Речь Цзян Цзэминя по случаю празднования 30-летия нормализации японо-китайских отношений: [Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го… 2002].

[14] Некоторые заметки этого ученого в газете «Чжунго циннянь бао» 中国青年报 («Китайская молодёжь»), где было опубликовано большинство его работ, были впоследствии отозваны [Wang 2008, p. 801].

ной. Позднее, когда весной 2005 г. в КНР прошли масштабные антияпонские демонстрации, министр иностранных дел Нобутака Матимура 町村信孝 напрямую связывал рост националистических и антияпонских настроений в Китае с политикой «патриотического воспитания», развернутой в 1990-е гг. [Halloran 2005]. В японских СМИ указывалось, что программа «патриотического образования» базируется исключительно на антияпонской пропаганде, основанной на «раздувании» проблем исторического прошлого [Hanabusa 2005]. Согласно социологическим опросам газеты «Асахи», более 80% японцев считали, что случившиеся протесты были вызваны новой образовательной кампанией в КНР. Опросы более позднего периода также свидетельствуют о том, что значительная доля населения Японии связывает проблемы в японо-китайских отношениях с «антияпонским образованием в Китае»[15].

Подобная оценка политики «патриотического воспитания» часто встречается в работах западных учёных [Callahan 2006; Sneider 2013], однако китайские исследователи пытаются опровергнуть мнение, что именно просветительская политика властей оказалась решающим фактором, повлиявшим на рост национализма в Китае [Е Цзычэн… 2005; Qian et. al. 2017]. Авторы приходят к выводу, что официальная пропаганда и дополнительные уроки «патриотического воспитания» в школе имели незначительный эффект[16]. По результатам социологических опросов, проведенных в школах и вузах Китая, гораздо большее влияние на формирование памяти о войне у молодежи оказывала семья (воспоминания родственников о войне) и информация из интернета. Как подчеркивают авторы статьи «Приводит ли историческое образование к росту

[15] Подробную информацию о проведенных опросах, а также о восприятии Китая в Японии в связи с актуализацией проблем исторического прошлого см.: [Кульнева 2019].

[16] По мнению авторов статьи, основные причины такого явления следующие: изменение формы и содержания учебников истории не является столь критичным для реального учебного процесса, поскольку всё зависит от фактического использования этих материалов учителем во время аудиторных занятий; возможности учителя передать студентам определённую модель восприятия тех или иных событий ограничены; молодые люди, будучи активными пользователями интернета, в большей мере подвержены его влиянию, поэтому скорее доверяют не учителю, а информации из сети Интернет [Qian et. al. 2017, p. 199].

национализма в Китае?», политика «патриотического воспитания» хотя и оказала определённое влияние на восприятие военных событий молодежью (в основном за счёт «выездных уроков» на «базы патриотического воспитания»), однако было бы ошибочным полагать, что только она обусловила рост национализма в КНР. Эта политика оказалась скорее катализатором процессов, происходивших в стране в то время [Qian et. al. 2017, p. 209–210].

Место исторической памяти в японо-китайских отношениях 1990-х гг.

Если 1980-е гг. в КНР можно считать периодом переосмысления собственной истории в связи с пересмотром событий военного времени в Японии, то в 1990-е гг. обвинения в адрес Токио в том, что страна до сих пор не «раскаялась» в военных преступлениях, «выбеляет» историю своего военного вторжения и теперь вновь может стать площадкой для восстановления милитаризма, стали озвучиваться всё чаще. В итоге, в силу ряда политических и экономических факторов как внутреннего, так и внешнего характера, а также в условиях реализации «патриотически-ориентированного» образования, последнее десятилетие XX в. и начало XXI в. были отмечены явным ростом националистических, а вслед за этим и антияпонских настроений. Однако при этом, запустив кампанию по «обновлению» памяти о войне сопротивления в 1980-е гг., к концу 1990-х гг. китайское руководство уже не могло полностью контролировать нарастающие антияпонские настроения в обществе, которые теперь уже были не вполне выгодны для государства из-за осложнения отношений с Японией [Reilly 2004, p. 277].

Одним из примеров «раскручивания» проблем истории, которое не исходило напрямую от государства, но при этом получило большой отклик как внутри страны, так и за рубежом, – это появление в середине 1990-х гг. т. н. «историков-активистов», публиковавших в огромном количестве материалы о японской агрессии (исследователи указывают, что эти учёные проживали не только на территории Китая, но и за его пределами и были автономны друг от друга) [Chan 2018, p. 46; Reilly 2004, p. 277]. Хотя нельзя сказать, что

власти КНР высказывались против этих публикаций, однако говорить о государственном заказе на такие исследования тоже не приходится. Яркими примерами резонансных зарубежных публикаций могут служить выход в США монографии американской журналистки А. Чан «Изнасилование Нанкина: забытый Холокост Второй мировой войны» в 1997 г. [Chang 1997] и публикация в Германии в том же году (на английском языке – в 2000 г.) дневника немецкого коммерсанта И. Рабе «Правда о Нанкине» [The Good German of Nanking 2000], которые были сфокусированы на описании преступлений японской армии в период войны[17]. Обе книги имели большой резонанс в США (книга А. Чан стала бестселлером), практически сразу после их публикации они были переведены на японский язык. Примечательно, что критика японскими «историками-ревизионистами» указанных работ практически сразу натолкнулась на ответную критику со стороны учёных из США и Европы, которые обвинили японских исследователей в «отрицании Холокоста по-японски» [Молодяков 2011, с. 271]. В результате роста антияпонских настроений в США и особого внимания СМИ к преступлениям японской армии ассамблея штата Калифорния в 1999 г. приняла резолюцию, где требовала от Токио озвучить новые извинения за Нанкинскую резню и выплатить компенсации пострадавшим [Молодяков 2011, с. 270].

Ещё одним подтверждением того, что руководство КНР далеко не всегда являлось инициатором антияпонской риторики, может служить начатая в 1991 г. кампания с требованием выплатить компенсации странам Азии за ущерб в ходе военной агрессии. Некоторые учёные подчёркивают, что эта кампания была инициирована неправительственными структурами за пределами Китая [Jian 2007, p. 25]. Более того, власти КНР не поддержали эту идею – в 1992 г. ВСНП отклонило законопроект с требованием от Японии выплатить китайской стороне 180 млрд долл. в качестве компенсаций за ущерб в ходе войны [Семин 2008, с. 61–62]. Негосударственные средства массовой информации и интернет-пространство также нередко становились площадкой для выражения мнения разного рода акти-

[17] Подробный анализ этих работ см.: [Молодяков 2011, с. 268–273]. См. также: [Касимова 2016].

вистов, которые озвучивали требования о компенсациях жертвам японской агрессии (в т. ч. бывшим «женщинам для утешения»).

Примечательно, что как раз в этот период внешнеполитический курс Токио стал в большей мере направлен на восстановление доверия со странами Восточной Азии после резких протестов этих стран по поводу произошедших в 1980-х гг. инцидента с учебниками и визитом Я. Накасонэ в Ясукуни. Стремление руководства навсегда покончить с «неудобными» вопросами прошлого, которые создавали негативный образ Японии за рубежом и отрицательно сказывались на взаимоотношениях с соседними странами, проявилось в беспрецедентном шаге – «политике извинений», когда в течение всего последнего десятилетия XX в. представителями властей в разной форме были озвучены извинения за действия Японской империи в первой половине XX в. Самыми полными из них стали «извинения Мураямы» – заявление премьер-министра Мураямы Томиити 村山富市, озвученное им по случаю пятидесятилетней годовщины окончания войны на Тихом океане в августе 1995 г.

1992 г. стал знаковым в истории японо-китайских отношений – в этом году состоялся первый за многовековую историю связей между Китаем и Японией визит японского императора Акихито 明仁 в КНР, прошедший 23–28 октября. Его приезд был приурочен к 20-летию нормализации отношений между Токио и Пекином, так что визит императора в эту памятную дату и озвученные им извинения за страдания, которые пришлось пережить китайскому народу в период войны, позволили говорить об «особом» характере двусторонних связей [92 нянь Жибэнь тяньхуан… 2019]. Впрочем, несмотря на высокую миссию визита Акихито в Пекин, его приезд сопровождался провокациями с китайской стороны вблизи спорных островов Дяоюй-дао/Сэнкаку, которые в феврале того же года Пекин официально включил в состав страны согласно Закону КНР о территориальных водах и прилегающих к ним зонах 中华人民共和国领海及毗连区法[18]. Так что говорить о полной

[18] Данный закон был принят 25 февраля 1992 г., он определял, что Тайвань и все прилегающие к нему острова, в том числе Дяоюйдао/Сэнкаку, являются частью территории КНР. Принятие этого закона вызвало негативную реакцию со стороны Токио, который потребовал отменить или изменить его [Кульнева 2022, с. 188].

и окончательной нормализации японо-китайских отношений даже по прошествии 20 лет после подписания межправительственного соглашения было рано.

Предпринятые Японией усилия по улучшению отношений со странами Азии пришлись на период, когда в Китае продолжали нарастать антияпонские настроения, вызванные возобновлением внимания к военным событиям и связанным с этим ростом национализма. Можно сказать, что инерция этой волны недовольства в связи с «раскрученными» вопросами прошлого оказалась слишком большой для того, чтобы разом приостановить охлаждение японо-китайских отношений и восстановить взаимное доверие. Помимо этого, важным фактором, который препятствовал потеплению японо-китайских отношений, стали опасения Японии по поводу угрозы со стороны КНР после проведённых ею ядерных испытаний в 1995 г.[19] Китайская сторона, в свою очередь, осталась недовольна действиями Токио – Япония выступила с критикой ядерных экспериментов и приостановила выдачу грантов по линии официальной помощи развитию (ОПР)[20]. Напомним, что Китай всегда воспринимал ОПР как должное и после приостановки грантов указывал, что предоставляемая Японией экономическая помощь не сопоставима с тем ущербом, который был нанесён в период войны[21]. Такой подход, очевидно, не мог способствовать японо-китайскому сближению.

В 1996 г. вновь стала актуальна проблема суверенитета над островами Дяоюй-дао/Сэнкаку после того, как японское правительство приняло решение о введении 200-мильной особой эко-

[19] В 1995–1996 гг. произошла временная эскалация военной активности в зоне Тайваньского пролива – в период подготовки президентских выборов на Тайване вооружённые силы КНР провели учебные пуски боевых ракет вблизи пролива, после чего США в качестве ответной силовой демонстрации направили в эту зону боевые корабли.

[20] Официальная помощь в целях развития (ОПР) – оказание Японией помощи развивающимся странам АТР (гранты, займы, техническая помощь), реализовывалась с середины 1950-х гг. и выполняла роль дополнения к послевоенным репарациям. КНР начала получать ОПР с 1979 г. после подписания Договора о мире и дружбе между Японией и Китаем (1978 г.), вплоть до 1996 г. Китай являлся основным реципиентом ОПР. Помощь была прекращена в марте 2022 г.

[21] О роли ОПР в японо-китайских отношениях в 1980–2000-х гг. см.: [Ковригин 2012].

номической зоны вокруг Японии, таким образом вновь подтвердив свои претензии на спорные острова. Обострение ситуации в Тайваньском проливе в 1995–1996 гг.[22] также негативно сказалось на двусторонних отношениях. Неоднозначность позиции японской стороны в отношении Тайваньского вопроса всегда воспринималась чувствительно в Китае. Власти КНР традиционно считают поддержку Токио особого статуса Тайваня и присоединение острова к числу районов, на которые с 1997 г. распространяется ответственность японо-американского альянса[23], одним из факторов роста антикитайских настроений среди тайваньцев. В ситуации, когда «Пекин стремится к "мирному объединению", а Тайбэй – к "мирному расколу"» [Чугров 2014, с. 134], Япония предпочитает воздерживаться от прямых заявлений по поводу статуса КР, которые могли бы осложнить тесные японо-тайваньские отношения. Хотя тайваньский вопрос сам по себе не имеет прямого отношения к проблемам интерпретации японской агрессии в материковой части, однако китайская сторона нередко увязывает двойственность позиции Токио по этому вопросу с ответственностью за военные преступления. Такая связь становится дополнительной основой для антияпонских настроений в КНР на основе чувств патриотизма и национализма (когда Япония представляется как страна, не только не желающая отвечать за ошибки прошлого, но и препятствующая законному воссоединению материка с островом, который когда-то находился под её колониальным управлением[24]). По поводу отношения Токио к «тайваньской проблеме» Цзян Цзэминь отмечал, что «позиция Японии в отно-

[22] В 1995–1996 гг. произошла временная эскалация военной активности в зоне Тайваньского пролива – в период подготовки президентских выборов на Тайване вооружённые силы КНР провели учебные пуски боевых ракет вблизи пролива, после чего США в качестве ответной силовой демонстрации направили в эту зону боевые корабли.

[23] В 1997 г. были приняты новые «Руководящие принципы сотрудничества США и Японии в сфере обороны», в соответствии с которыми Тайвань входил в число «окружающих Японию районов» и, таким образом, попадал в зону ответственности альянса за безопасность в АТР.

[24] Тайвань был передан Японии по условиям Симоносекского договора после завершения китайско-японской войны 1894–1895 гг. и находился под её колониальным управлением до окончания Второй мировой войны.

шении тайваньского вопроса противоречит интересам китайской нации. […] Хотя Япония уважает позицию КНР в отношении того, что Тайвань – это неотъемлемая часть Китая, в позиции японской стороны ещё есть определённые ошибки, касающиеся понимания тайваньского вопроса» [Цзян Цзэминь фанвэнь… 2001].

Неоднозначность позиции Токио проявлялась и в общих оценках японской политики первой половины XX в. – несмотря на извинения, которые неизменно озвучивало руководство страны, часть правоконсервативных парламентариев и крупных чиновников выступали с заявлениями, расходящимися с официальной линией. Наглядным примером того, что японская элита была отнюдь не однородна в своих оценках не только событий прошлого, но и проводимой властями «политики извинений», может служить тот факт, что в день, когда премьер-министр Т. Мураяма приносил извинения за японскую агрессию, несколько министров посетили храм Ясукуни. Такие действия японской стороны вселяли сомнения в китайском обществе по поводу искренности приносимых извинений[25].

Некоторое потепление в отношениях Японии и КНР, казалось, намечалось в 1997–1998 гг., когда Токио предпринял попытку наладить диалог с Пекином. Инициатива исходила от премьер-министра Хасимото Рютаро 桥本龙太郎, выдвинувшего концепцию «евразийской дипломатии», в рамках которой в отношении Китая были определены четыре принципа: «взаимопонимание, активизация диалога, расширение сотрудничества и совместная деятельность по строительству нового мирового порядка» [Семин 2008, с. 9]. В период 1997–1998 гг. прошло несколько встреч на высоком уровне, в том числе визит Р. Хасимото в Пекин в сентябре 1997 г., приуроченный к 25-летию восстановления японо-китайских отношений, и официальный визит Цзян Цзэминя в Токио в ноябре 1998 г., когда отмечалась 20-я годовщина подписания Договора о мире и дружбе. Несмотря на целый ряд усту-

[25] О роли синтоистского святилища Ясукуни в жизни японского общества и проблеме посещения этого храма во внутриполитическом дискурсе см.: [Кульнева 2020; Молодякова 2017]. О восприятии озвученных японской стороной извинений и связанном с этим недопониманием между Пекином и Токио см.: [Кульнева 2021].

пок японской стороны в отношении Китая[26], все встречи проходили трудно – сроки визитов часто переносили из-за невозможности согласовать текст готовившихся к подписанию документов. Как отмечает А. В. Семин, несмотря на активное экономическое сотрудничество между странами в 1990-е гг., политический диалог практически не приводил ни к каким результатам: «двусторонние переговоры топчутся на месте, движения вперёд не происходит, отсутствует какой-либо прогресс в разрешении целого ряда давних проблем» [Семин 2008, с. 47].

Визит в Токио Цзян Цзэминя в ноябре 1998 г., ставший первым официальным визитом председателя КНР после нормализации отношений, не оправдал ожиданий и вызвал неоднозначную реакцию как в Японии, так и в Китае. Вопросы истории снова дали о себе знать – китайская сторона настаивала на конкретизации подхода японских властей относительно военного прошлого и статуса КР, ожидая извинений, аналогичных тем, что были озвучены Южной Корее во время визита президента Ким Дэ Чжуна в Японию в том же году. Японская сторона, в свою очередь, утверждала, что извинения Китаю уже были принесены в совместном заявлении 1972 г. и отказалась фиксировать их в тексте готовящейся к подписанию Совместной декларации о стремлении к партнёрству в духе дружбы и сотрудничества. Важно отметить, что в тот момент Цзян Цзэминь не готов был гарантировать, что при выполнении просьбы китайской стороны проблемы прошлого не будут подниматься в будущем [Батакова 2017, с. 62–63]. Ещё на этапе подготовки визита в Токио он настаивал на том, что «по вопросам исторического прошлого никакого “последнего слова” быть не может» [Green 2001, 97 цит. по: Стрельцов 2022, с. 221]. Подчеркивая важность урегулирования вопросов политического харак-

[26] Перед визитом Р. Хасимото в Пекин в 1997 г. Токио объявил о намерении содействовать вступлению КНР во Всемирную торговую организацию (ВТО), японская сторона также дала согласие на финансирование строительства завода по утилизации химических боеприпасов, оставленных Японией на территории Китая после окончания Второй мировой войны. В процессе переговоров Токио объявил о готовности возобновить безвозмездную помощь китайской стороне, замороженную после ядерных испытаний КНР, а также предоставить кредиты (около 200 млрд иен) взамен приостановленной ОПР [Семин 2008, с. 43].

тера, во время самой встречи Цзян Цзэминь указывал, что «одна из главных проблем в отношениях между Японией и Китаем – это различие в трактовках событий прошлого» [Цзян Цзэминь фанвэнь… 2001].

Во время визита в Токио явно обозначилась и проблема оценки жертв японской агрессии. Со времени окончания Второй мировой войны официальная оценка потерь, понесенных Китаем во время войны сопротивления, повышалась китайскими властями несколько раз. В 1998 г. Цзян Цзэминь оценил количество погибших в войне в 35 млн человек[27], что в три раза больше тех оценок, которые озвучивала КПК в начале 1950-х гг. (около 9,3 млн человек)[28] [Coble 2007, p. 404]. Японская сторона трактует рост заявляемых Пекином потерь как антияпонскую пропаганду и манипулирование общественным мнением.

Из-за множества разногласий, возникших в ходе переговоров между китайской и японской сторонами, итоговая декларация так и не была подписана, а текст документа был подготовлен к публикации лишь после завершения переговоров. Встреча лидеров Японии и Китая в 1998 г. стала свидетельством того, что вопросы, касающиеся трактовки событий прошлого, могут серьёзным образом повлиять на политический диалог между странами.

«Политика извинений» 1990-х гг. породила в японском обществе надежды на окончательное примирение со странами Восточной Азии, однако в силу ряда обстоятельств, перечисленных выше, эти ожидания не оправдались, что вызвало критику со стороны консервативно настроенной части общества. Неготовность китайской стороны навсегда закрыть вопрос, касающийся извинений Токио за военное прошлое, приводило к определённой «усталости от извинений», которая стала всё сильнее проявляться в японском обществе. Становясь порой «разменной монетой» в урегулировании отношений между Японией и КНР, вопрос об извине-

[27] Этих же оценок КНР придерживается до сих пор.

[28] Эти подсчёты наиболее близки к тем оценкам, которые были приведены китайской стороной в официальной статистике за период 1937–1943 гг., – жертвами японо-китайской войны за эти шесть лет стали 7 млн 760 тыс. человек [Чжунго дуй Жи чжаньши… 1946].

ниях стремительно терял морально-этическую коннотацию и превращался в «дипломатическую рутину» [Стрельцов 2022, с. 220–221, 228]. Не получив долгосрочного эффекта от «десятилетия извинений», японская сторона стала склоняться к мнению, что такая стратегия оказалась ошибочной и даже контрпродуктивной, поскольку с этого момента вопросы исторического прошлого были выведены на уровень международной проблемы.

Подводя итоги, можно сказать, что «обновление» памяти об антияпонской войне в Китае, начавшееся в 1980-е гг. как переосмысление собственной истории, в 1990-х гг. переросло в полномасштабную кампанию по «восстановлению исторической справедливости», что проявилось, в частности, в обновлении исторического образования в стране и особой просветительской политике, нацеленной на воспитание китайской молодёжи в духе патриотизма и гордости за свою страну. В результате, в силу ряда политических и экономических факторов, как внутреннего, так и внешнего характера, а также в условиях реализации «патриотического воспитания», рубеж XX и XXI вв. был отмечен ростом националистических, а вслед за этим и антияпонских настроений в КНР.

Нерешённость проблем, связанных с интерпретацией событий военного прошлого, и неудачи в японской политике «примирения» с целью навсегда покончить с «неудобными» вопросами истории привели в дальнейшем к осознанию властями и обществом двух стран того, что необходимо сменить парадигму в отношениях со своим визави. В случае с Японией это проявилось в желании отойти от «мазохистского» понимания собственной истории и начать выстраивать отношения с соседними странами без оглядки на своё прошлое. В случае с КНР перемена подхода к двусторонним отношениям состояла в том, что китайское руководство стало более жёстко отстаивать свои позиции (это проявилось в первую очередь в территориальном споре вокруг островов Дяоюй-дао/Сэнкаку), активно привлекая к проблемным аспектам японо-китайских отношений мировое сообщество.

Источники и литература

На русском языке

1. Батакова 2017 – *Батакова А. А.* Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии с государствами Восточной Азии (конец XX – начало XXI вв.) Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва: МГИМО МИД России, 2017.

2. Касимова 2016 – *Касимова Е. Н.* Нанкинская резня 1937 года в книге Айрис Чжан «Изнасилование Нанкина. Забытый холокост Второй мировой войны» // Общество и государство в Китае. Т. 46. Ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2016. С. 96–99.

3. Ковригин 2012 – *Ковригин Е. Б.* Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию в 1980–2000-х годах. Япония. Ежегодник. 2012. С. 97–122.

4. Кульнева 2019 – *Кульнева П. В.* Место исторической памяти в восприятии Китая японским обществом // Японские исследования. 2019. № 4. С. 103–119.

5. Кульнева 2020 – *Кульнева П. В.* Посещение храма Ясукуни премьер-министром Дз. Коидзуми: взгляд со стороны Китая и Японии // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. № 12 (98). Ч. I. URL: https://history.jes.su/s207987840010323–4–1/ (дата обращения: 28.07.2022).

6. Кульнева 2021 – *Кульнева П. В.* Лингвистические и социокультурные аспекты непонимания между японской и китайской сторонами по вопросам исторического прошлого (на примере извинений государственных лидеров Японии за агрессию в Китае) // Международные отношения и общество. 2021. Т. 3. № 1. С. 16–27.

7. Кульнева 2022 – *Кульнева П. В.* Вопросы исторического прошлого на повестке дня современных японо-китайских отношений. Гл. 5 // Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 161–206.

8. Молодяков 2011 – *Молодяков В. Э.* «Нанкинская резня» и послевоенная Япония // Япония в меняющемся мире. Идеология. История. Имидж. М.: Моногатари, 2011. С. 250–274.

9. Молодякова 2017 – *Молодякова Э. В.* «Проблема святилища Ясукуни»: продолжение следует // Япония: тотальная победа консерваторов. Избранные труды 2000–2016 гг. / Под ред. В. Э. Молодякова, Е. Л. Катасоновой. М.: ИВ РАН, 2017. С. 179–192.

10. Перминова 2020 – *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на современные японо-китайские отношения // Электрон-

ный научно-образовательный журнал «История». 2020. Т. 11. Вып. 12 (98). Часть I [Электронный ресурс]. URL: https://history.jes.su/s207987840010292–0–1/ (дата обращения: 10.09.2022).

11. Перминова 2021 – *Перминова В. А.* Память о войне в Китае и ее влияние на японо-китайские отношения в 50-х – начале 80-х годов XX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2021. Т. 20. № 4: Востоковедение. С. 80–90.

12. Перминова 2022 – *Перминова В. А.* Японское колониальное наследие на Тайване как проблема исторического прошлого. Глава 4 // Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Издательство «Аспект Пресс». 2022. С. 119–160.

13. Семин 2008 – *Семин А. В.* Японо-китайские отношения: состояние, проблемы и тенденции (конец XX – начало XXI века). М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2008.

14. Стрельцов 2022 – *Стрельцов Д. В.* «Дипломатия извинений» в отношениях Японии со странами Восточной Азии. Глава 6 // Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами-соседями / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Аспект Пресс, 2022. С. 207–232.

15. Чугров 2014 – *Чугров С. В.* «Мягкая сила» Японии: китайское направление. Япония в поисках глобальной роли / Под ред. Д. В. Стрельцова. М.: Восточная литература, 2014. С. 127–144.

На китайском языке

1. 92 нянь Жибэнь тяньхуан… 2019–92 нянь Жибэнь тяньхуан шоуцы фан хуа 92 年日本天皇首次访华 (В 1992 году император Японии впервые посетил Китай) // Информационный портал «163.com». 25.03.2019. URL: https://www.163.com/dy/article/EB4K00CP05453U9U.html (дата обращения 27.07.2022).

2. Айгочжуи цзяоюй… 2021 – Айгочжуи цзяоюй шиши ганяо 爱国主义教育实施纲要 (Основные принципы реализации патриотического воспитания) // Информационный портал «Doc88.com». 30.03.2021. URL: https://www.doc88.com/p-55059556040305.html (дата обращения: 28.07.2022).

3. Гоцзя цзяовэй… 1991 – Гоцзя цзяовэй гуаньюй баньбу «Чжун сяо сюэ цзяцян Чжунго цзиньдай, сяньдайши цзи гоцин цзяоюй дэ цзунти ганяо» дэ тунчжи 国家教委关于颁发“中小学加强中国近代、现代史及国情教育的总体纲要”的通知 (Уведомление Государственного комитета просвещения о публикации «Общих принципов усиления [преподавания] в начальной и средней школе Новой и Новейшей истории и страноведения Китая») // Информационный портал «Law.lawtime.cn». 27.08.1991. URL: https://law.lawtime.cn/d527883532977.html (дата обращения: 28.07.2022).

4. Гуаньюй чунфэнь юньюн… 1991 – Гуаньюй чунфэнь юньюн вэньу цзиньсин айгочжуи хэ гэмин чуаньтун цзяоюй дэ тунчжи 关于充分运用文物进行爱国主义和革命传统教育的通知 (Уведомление по поводу реализации образования, [основанного на] патриотизме и революционных традициях со всемерным привлечением [в процесс обучения] культурных памятников) // База данных нормативных правовых актов. 28.08.1991. URL: http://fgcx.bjcourt.gov.cn:4601/law?fn=chl338s826.txt (дата обращения: 28.07.2022).

5. Е Цзычэн… 2005 – Е Цзычэн: чжунго айгочжуи цзяоюй бин фэй фаньжи цзяоюй 叶自成：中国爱国主义教育并非反日教育 (Е Цзычэн: патриотическое образование в Китае вовсе не является антияпонским) // Новости Пекинского Университета. 03.07.2005. URL: https://news.pku.edu.cn/xwzh/129–98040.htm (дата обращения: 28.07.2022).

6. Цзю няньцзи лиши цзяокэшу 2002 – Цзю няньцзи лиши цзяокэшу 九年级历史教科书 (Учебник истории для 9 класса). Книга 4. Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ 人民教育出版社, 2002.

7. Цзян Цзэминь фанвэнь… 2001 – Цзян Цзэминь фанвэнь Жибэнь тань лиши хэ Тайвань вэньти 江泽民访问日本谈历史和台湾问题 (Цзян Цзэминь обсуждает историю и Тайваньский вопрос во время визита в Японию) // Новостное интернет-издание «Taiwan.cn». 10.04.2001. URL: http://www.taiwan.cn/wxzl/zhyyl/jzm/200104/t20010410_35375.htm (дата обращения: 28.07.2022).

8. Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го… 2002 – Цзян Цзэминь: Чжун Жи лян го мэй жэньхэ лию бу юхао бу хэцзо 江泽民:中日两国没任何理由不友好不合作 (Цзян Цзэминь: у Китая и Японии нет причин не [жить] в дружбе и не сотрудничать) // Новостное интернет-издание «Chinanews.com.cn». 22.09.2002. URL: https://www.chinanews.com.cn/2002–09–22/26/225402.html (дата обращения: 28.07.2022).

9. Чжунго дуй Жи чжаньши… 1946 – Чжунго дуй Жи чжаньши суньши чжи гуцзи (1937–1943) 中国对日战事损失之估计 (1937–1943) (Оценка потерь Китая в войне с Японией (1937–1943)). Вып. 24 / Ред. Хань Цитун 韩启桐. Шанхай: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1946. Электронная версия: URL: https://www.modernhistory.org.cn/#/Detailedreading?fileCode=9999_ts_08062566&treeId=176887658&contUrl=https%3A%2F%2Fkrwxk-prod.oss-cn-beijing.aliyuncs.com%2F9999_ts_08062566%2F9999_ts_08062566.json (дата обращения: 27.07.2022).

10. Чжунго жэньминь кан Жи… 2008 – Чжунго жэньминь кан Жи чжаньчжэн цзиняньгуань цзяньцзе 中国人民抗日战争纪念馆简介 (Краткое описание Музея войны сопротивления китайского народа японским [захватчикам]) // Новостное интернет-издание «Finance.cctv.com». 22.09.2008. URL: http://finance.cctv.com/special/C22127/20080922/102723.shtml (дата обращения: 28.07.2022).

11. Юань Вэйши… 2010 – Юань Вэйши: сяньдайхуа юй лиши цзяокэшу 袁伟时：现代化与历史教科书 (Юань Вэйши: модернизация и учебники истории) // Новостное интернет-издание «News.sohu.com». 17.05.2010. URL: http://star.news.sohu.com/20100517/n272166982.shtml (дата обращения: 28.07.2022).

На английском языке

1. Buruma 1999 – *Buruma I.* The Joys and Perils of Victimhood // New York Review of Books. 08.04.1999. URL: https://www.nybooks.com/articles/1999/04/08/the-joys-and-perils-of-victimhood/ (дата обращения: 27.07.2022).

2. Callahan 2006 – *Callahan W. A.* History, Identity, and Security: Producing and Consuming Nationalism in China // Critical Asian Studies. 2006. Vol. 38. No. 2. P. 179–208.

3. Chan 2018 – *Chan Yang.* World War Two Legacies in East Asia. China Remembers the War. London, New York: Routledge, 2018.

4. Chang 1997 – *Chang I.* The Rape of Nanking: the Forgotten Holocaust of World War II. N.Y.: Basic Books, 1997.

5. Coble 2007 – *Coble P. M.* China's "New Remembering" of the Anti-Japanese War of Resistance, 1937–1945 // The China Quarterly. 2007. No. 190. P. 394–410.

6. Coble 2011 – *Coble P. M.* Writing About Atrocity: Wartime Accounts and Their Contemporary Uses // Modern Asian Studies. 2011. Vol. 45. No. 2. P. 379–398.

7. Denton 2007a – *Denton K. A.* Horror and Atrocity: Memory of Japanese Imperialism in Chinese Museums // Re-Envisioning the Chinese Revolution: The Politics and Poetics of Collective Memories in Reform China / Ed. by Lee C. K., Yand G. Stanford: Stanford University Press, 2007.

8. Denton 2007b – *Denton K. A.* Negotiating the Memory of Japanese Imperialism in Chinese Museums // The Asia-Pacific Journal. Japan Focus. 2007. Vol. 5. Is. 10. P. 1–29.

9. Dian 2017 – *Dian M.* Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Oxford: Elsevier, 2017.

10. Green 2001 – *Green M.* Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001.

11. Gries 2004 – *Gries P.* China's New Nationalism: Pride, Politics, and Diplomacy. Berkeley: University of California Press, 2004.

12. Halloran 2005 – *Halloran R.* Land of the Rising Sons // Новостное интернет-издание «South China Morning Post». 16.04.2005. URL:

https://www.scmp.com/article/496754/land-rising-sons (дата обращения: 28.07.2022).

13. Hanabusa 2005 – *Hanabusa Masamichi.* Has China Learned a Lesson? // Новостное интернет-издание «Japantimes.co.jp». 28.04.2005. URL: https://www.japantimes.co.jp/opinion/2005/04/28/commentary/world-commentary/has-china-learned-a-lesson/ (дата обращения: 28.07.2022).

14. Jian 2007 – *Jian Zhang.* The Influence of Chinese Nationalism on Sino-Japanese Relations // China-Japan Relations in the Twenty-First Century: Creating a Future Past? / Ed. by M. Heazle, N. Knight. Cheltenham (UK), Northampton (MA, USA): Edward Elgar Publishing, 2007. P. 15–34.

15. Mitter 2000 – *Mitter R.* Behind the Scenes at the Museum: Nationalism, History and Memory in the Beijing War of Resistance Museum, 1987–1997 // The China Quarterly. 2000. No. 161. P. 279–293.

16. Moore 2010 – *Moore G. J.* History, Nationalism and Face in Sino-Japanese Relations // Journal of Chinese Political Science. 2010. No. 15. P. 283–306.

17. Qian et. al. 2017 – *Qian Licheng, Xu Bin, Chen Dingding.* Does History Education Promote Nationalism in China? A 'Limited Effect' Explanation // Journal of Contemporary China. 2017. Vol. 26. No. 104. P. 199–212.

18. Reilly 2004 – *Reilly J.* China's History Activists and the War of Resistance. History in the Making // Asian Survey. 2004. Vol. 44. No. P. 276–294.

19. Rose 2005 – *Rose C.* Sino-Japanese Relations: Facing the Past, Looking to the Future? London, New York: Routledge Curzon, 2005.

20. Rui 2015 – *Rui Gao.* Cacophonous Memories of the war: Revision of the Official Narrative on the War of Resistance Against Japan in post-Mao China and its Limitations. Chapter 2 // Routledge Handbook of Memory and Reconciliation in East Asia / Ed. by M. Kim. L.: Routledge, 2015. P. 26–46.

21. The Good German of Nanking 2000 – The Good German of Nanking. The Diaries of John Rabe. London: Time Warner Books UK, 2000.

22. Sneider 2013 – *Sneider D.* Textbooks and Patriotic Education: Wartime Memory Formation in China and Japan // Asia-Pacific Review. 2013. Vol. 20. No. 1. P. 35–54.

23. Waldron 1996 – *Waldron A.* China's New Remembering of World War II: the Case of Zhang Zizhong // Modern Asian Studies. 1996. Vol. 30. No. 4. P. 945–978.

24. Wang 2012 – *Wang Zheng.* Never Forget National Humiliation: Historical Memory in Chinese Politics and Foreign Relations. New York: Columbia University Press, 2012.

ORCID: 0000-0003-3573-287X

*А. В. Афонасьева**

Об аппарате КНР по работе с китайской диаспорой

Аннотация. В статье анализируется организационная структура диаспоральной политики КНР. Автор подробно рассматривает пять ключевых организаций, работающих с зарубежными китайцами, реэмигрантами и их родственниками в КНР. В статье приведены данные о центрах помощи китайцам, союзах китайских предпринимателей и иных организациях, через которые КНР работает с соотечественниками за рубежом. В заключении сделан вывод о том, что в КНР уже сформирован мощный и довольно гибкий аппарат для работы с китайской диаспорой.

Ключевые слова: КНР, китайская диаспора, зарубежные китайцы, Канцелярия по делам эмигрантов при Госсовете, Всекитайская ассоциация реэмигрантов, Комитет китайских эмигрантов ВСНП, Комитет Гонконга, Макао, Тайваня и китайских эмигрантов ВК НПКСК, партия Чжигундан

*Alina V. Afonaseva***

About the PRC's Institutions for Working with the Chinese Diaspora

Abstract. The article analyzes the organizational structure of China's policy towards the overseas Chinese affairs. The author examines in detail five key organizations working with overseas Chinese, re-emigrants, and their relatives in the PRC. It also provides data on Chinese aid centers, Chinese Entrepreneurs Unions, and other organizations through which the PRC works

* ***Афонасьева Алина Владиславовна***, канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая Института Китая и современной Азии РАН (Москва), alina-afonasyeva@yandex.ru

** ***Afonaseva Alina Vladislavovna***, Ph. D. (Economics), Leading Research Associate, Center for Socio-Economic Research of China, Institute of China and Contemporary Asia RAS (Moscow), alina-afonasyeva@yandex.ru

© Афонасьева А. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН 2023

with compatriots abroad. It concludes that PRC has already formed a powerful and rather flexible apparatus for working with the Chinese diaspora.

Keywords: The PRC, Chinese diaspora, overseas Chinese, overseas Chinese affairs Office of the State Council, All-China Federation of Returned Overseas Chinese, Overseas Chinese Affairs Committee of the National People's Congress, Committee on Liaison with Hong Kong, Macao, Taiwan, and Overseas Chinese of the NCCPPC, China Zhi Gong Party

Работа с китайской диаспорой является важной частью внешней и внутренней политики КНР. Объектом этой работы являются китайские эмигранты (*хуацяо* 华侨) и этнические китайцы с иностранным гражданством (*хуажэнь* 华人), реэмигранты (*гуйцяо* 归侨) и родственники эмигрантов, этнических китайцев с иностранным гражданством и реэмигрантов (*цяоцзюань* 侨眷, далее – родственники) (Буквальное значение терминов и историю их появления см. [Афонасьева 2022, с. 14–28]). Опыт этой работы насчитывает более 70 лет, но особый размах она получила в годы реформ и открытости (с 1978 г.). Зарубежные китайцы (*хуацяо* и *хуажэнь*) стали первыми иностранными инвесторами в КНР в начальный период реформ, а доля их инвестиций в общем объеме накопленных прямых иностранных инвестиций к настоящему времени оценивается нами в 60% (Рассчитано по: [Чжунго тунцзи няньцзянь 2021; Афонасьева 2013, с. 68]). За счёт пожертвований китайской диаспоры были построены дороги, мосты, больницы, школы и другие объекты инфраструктуры в регионах, относящихся к малой родине (родным местам) эмигрантов (*цяосян* 侨乡). За счёт денежных переводов выросло благосостояние более 30 млн китайских граждан (реэмигрантов и родственников). При активном участии[1] зарубежных китайцев состоялось возвращение в КНР Гонконга и Макао. Зарубежные китайцы активно содействуют КНР в реализации стратегии «выход за рубеж», инициативы «Один пояс,

[1] Зарубежные китайцы оказывали влияние на международное общественное мнение по данному вопросу через подконтрольные им СМИ. Ассоциация зарубежных китайцев Гонконга и Ассоциация реэмигрантов Макао участвовали в подготовке «Основного закона ОАР Гонконг КНР (1990)» и «Основного закона ОАР Макао КНР (1993)» соответственно, а также в проведении различных совместных с КНР мероприятий в этих районах.

один путь», и в борьбе с глобальными вызовами, такими как пандемия COVID-19.

Основную работу с китайской диаспорой в КНР ведёт так называемая центральная пятёрка организаций по делам эмигрантов (*чжунъян у цяо* 中央五侨), далее – центральная пятёрка (см. рис. 1): Канцелярия по делам эмигрантов при Госсовете КНР (*Го-у-юань цяо-у баньгунши* 国务院侨务办公室), Всекитайская ассоциация реэмигрантов (*Чжунхуа цюаньго гуйго хуацяо ляньхэхуэй* 中华全国归国华侨联合会), Комитет китайских эмигрантов ВСНП (*Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй хуацяо вэйюаньхуэй* 全国人民代表大会华侨委员会), Комитет Гонконга, Макао, Тайваня и китайских эмигрантов ВК НПКСК (*Цюаньго чжэнсе Ган-Ао-Тай цяо вэйюаньхуэй* 全国政协港澳台侨委员会) и Китайская партия стремления к справедливости (*Чжунго Чжигундан* 中国致公党) – альтернативный перевод названия данной партии на русский язык – Партия окончательного объединения (доведения до конца единения) Китая был озвучен д-ром филос. наук, проф. А. И. Кобзевым (ИВ РАН) на LII научной конференции «Общество и государство в Китае» 18 мая 2022 г.).

Рис. 1. Организационная схема ключевого аппарата КНР по работе с китайской диаспорой до декабря 2016 г. Составлено автором

С декабря 2016 г. происходит усиление роли ЦК КПК в работе с китайской диаспорой. В соответствии с принятым ЦК КПК «Планом реформы Всекитайской ассоциации реэмигрантов» [Чжунгун чжунъян баньгунтин иньфа… 2016] данная общественная организация официально перешла под общее руководство ЦК КПК (см. рис. 2).

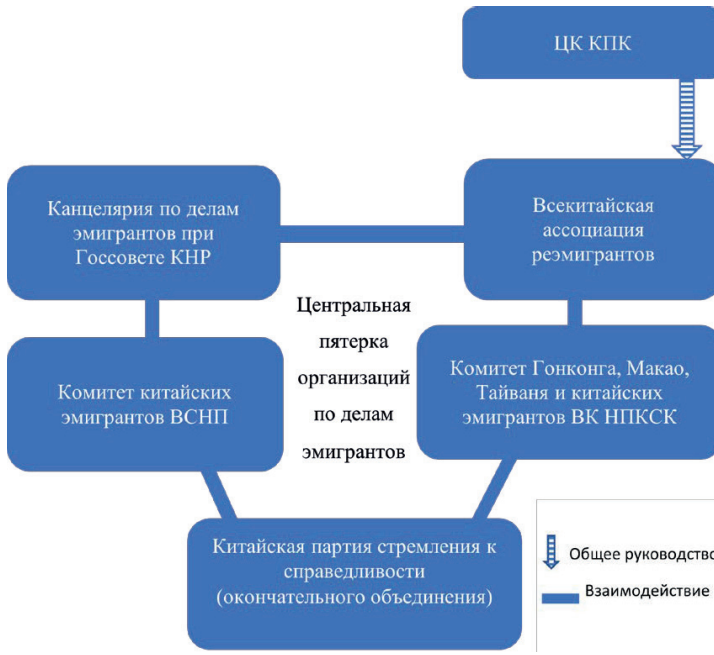

Рис. 2. Организационная схема ключевого аппарата КНР по работе с китайской диаспорой с декабря 2016 г. по март 2018 г. Составлено автором

С марта 2018 г. ЦК КПК фактически берет под полный контроль работу с китайской диаспорой. В соответствии с «Планом углубления реформы партийных и государственных институтов (2018)» [Чжунгун чжунъян иньфа шэньхуа дан… 2018] единое руководство работой с делами китайской диаспоры передано в ведение Департамента Единого фронта ЦК КПК (*Чжунъян тунчжань бу* 中央统战部). А в его структуру вошла, сохранив своё

название, Канцелярия по делам китайских эмигрантов при Госсовете КНР (в структуре Госсовета этого структурного подразделения уже нет) (см. рис. 3).

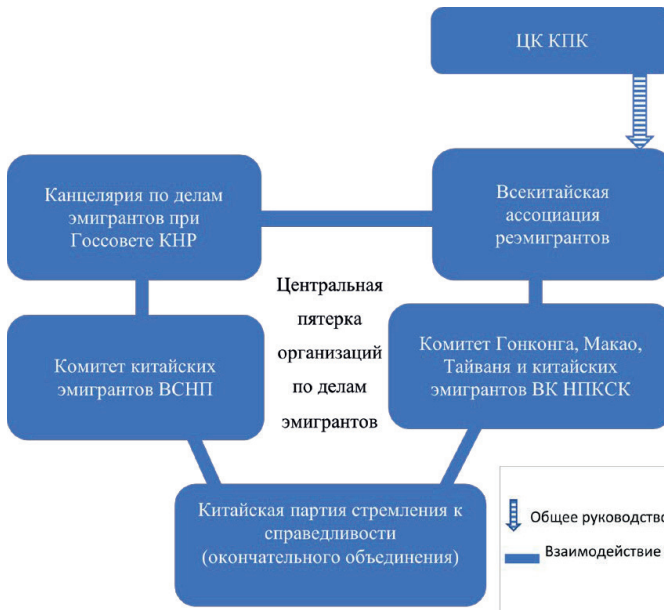

Рис. 3. Организационная схема ключевого аппарата КНР по работе с китайской диаспорой с марта 2018 г. Составлено автором

Рассмотрим подробнее каждую из организаций центральной пятёрки:

1. Канцелярия по делам эмигрантов при Госсовете КНР создана в январе 1978 г. вместо упраздненного в годы «культурной революции» Комитета по делам китайских эмигрантов (*Хуацяо шиу вэйюаньхуэй* 华侨事务委员会) (1949–1970 гг.). Основными функциями Канцелярии после перехода в подчинение Департамента Единого Фронта ЦК КПК являются:

– руководство работой единого фронта за рубежом;
– административная работа с делами китайской диаспоры;
– выработка политики и планов работы с делами китайской диаспоры;

– изучение всех аспектов жизни китайских эмигрантов, реэмигрантов и родственников эмигрантов, этнических китайцев и реэмигрантов и определение направлений работы с ними в КНР и за рубежом;
– координация работы соответствующих органов и общественных организаций, занимающихся проблемами китайской диаспоры;
– установление и поддержание рабочих контактов с общественными организациями Гонконга, Макао и зарубежных китайцев, в том числе с их представителями;
– пропаганда, развитие культурных обменов, популяризация изучения китайского языка.

В структуру Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР входят:

– 8 специализированных департаментов (департамент политики и законодательства; департамент внутригосударственной работы; департамент зарубежных стран (отдел Гонконга, Макао и Тайваня); департамент экономики, науки и техники (отдел координации жалоб); департамент пропаганды; департамент культуры; партийный комитет; департамент кадров);
– территориальные подразделения практически во всех провинциях, автономных районах и городах центрального подчинения, а также на уровне округов, уездов и волостей. В некоторых случаях её функции выполняют местные бюро внешних связей или подразделения местных народных правительств. В отдельных городах, например в Пекине, подразделения Канцелярии имеются практически в каждом районе. Канцелярия активно взаимодействует с посольствами и генконсульствами КНР за рубежом и имеет там своих представителей;
– Служба новостей Китая (*Чжунго синьвэнь шэ* 中国新闻社 China News Service) – работает с 1952 г.;
– Крупнейший информационный портал для зарубежных китайцев – «Сеть китайских эмигрантов» (*Чжунго цяо ван* 中国侨网);

– Журнал «Изучение работы с делами эмигрантов» (*Цяо-у гунцзо яньцзю* 侨务工作研究) – выходит 2 раза в месяц;
– Канцелярии подведомственны три вуза: Цзинаньский университет (*Цзинань дасюэ* 暨南大学) (Гуанчжоу), Университет Хуацяо (*Хуацяо дасюэ* 华侨大学) (Сямэнь, Цюаньчжоу) и Пекинская академия языка и культуры;
– Консультативный комитет зарубежных экспертов Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете (*Го-у-юань цяобань хайвай чжуаньцзя цзысюнь вэйюаньхуэй* 国务院侨办海外专家咨询委员会), членами которого являются выдающиеся учёные, научные работники и предприниматели из разных стран, основанный в 2005 г.

Под эгидой Канцелярии по делам эмигрантов на регулярной основе проводятся как минимум восемь мероприятий для зарубежных китайцев, реэмигрантов и родственников: Всемирный дружеский конгресс сообществ зарубежных китайцев (*Шицзе хуацяо хуажэнь шэтуань ляньи дахуэй* 世界华侨华人社团联谊大会) – проходит с 2001 г.; летнее «Путешествие в Китай для выдающихся молодых потомков китайских эмигрантов из всех стран мира» (*Шицзе хуаи цзечу циннянь хуася син* 世界华裔杰出青年华夏行); Симпозиум зарубежных китайцев по развитию предпринимательства (*Хуацяо хуажэнь чуанъе фачжань цятаньхуэй* 华侨华人创业发展洽谈会) – проходит с 2001 г.; Всемирный форум китайскоязычных СМИ (*Шицзе хуавэнь чуаньмэй луньтань* 世界华文传媒论坛) – проходит с 2001 г.; Всемирный конгресс по обучению китайской письменности (*Шицзе хуавэнь цзяоюй дахуэй* 世界华文教育大会) – проходит с 2009 г.; Всемирный конгресс литературы на китайском языке (*Шицзе хуавэнь вэньсюэ дахуэй* 世界华文文学大会) – проходит с 2014 г.; «Общий [праздник] весны во всем мире (*Сы хай тун чунь* 四海同春, дословно: «Общая весна [в пределах] четырёх морей»)» – проводится за рубежом с 2009 г.; Круглый стол зарубежных китайских предпринимателей-лидеров и мозговых центров этнических китайцев с иностранным гражданством (*Хуа-шан линсю юй хуажэнь чжи-ку юаньчжо хуэйи* 华商领袖与华人智库圆桌会议) в рамках Боаоского азиатского форума – с 2017 г. [Го-у-юань цяо-у баньгунши пиньпай ходун].

2. Всекитайская ассоциация реэмигрантов (ВАР) создана в 1940 г. (первое название: Яньаньская ассоциация *хуацяо* по спасению родины (*Яньань хуацяо цзю-го ляньхэхуэй* 延安华侨救国联合会)), современное название получила в 1956 г. Вплоть до декабря 2016 г. ВАР являлась исключительно общественной организаций реэмигрантов и родственников. С декабря 2016 г. она фактически перешла под общее руководство КПК. Она сохранила за собой роль связующего звена в отношениях партии и правительства с широкими массами соотечественников за рубежом, реэмигрантами и родственниками. Перед ВАР поставили задачу усилить политический, прогрессивный и массовый характер в своей работе с соотечественниками, реэмигрантами и родственниками в КНР и за рубежом. С 2018 г. ВАР была передана одна из основных бывших обязанностей Канцелярии по делам эмигрантов, а именно: поддержание дружеских связей с сообществами зарубежных китайцев. В настоящее время ключевыми функциями ВАР кроме вышеназванных являются: защита прав реэмигрантов в КНР, проведение научных исследований, сохранение культурного наследия зарубежных китайцев.

В структуре ВАР восемь отделов, территориальные отделения во всех провинциях, автономных районах, городах центрального подчинения, в Гонконге, Макао и на Тайване, а также в отдельных районах крупных городов, округах, уездах и волостях, где проживает значительное число реэмигрантов и родственников, восемь подведомственных организаций и восемь общественных организаций (ассоциаций) [Цяолянь цзигоу шэчжи 2018].

Под эгидой ВАР с 2017 г. ежегодно проводится ряд научных и деловых мероприятий для зарубежных китайцев, реэмигрантов и родственников: «Предпринимательский Китай» (*Чуанье Чжунхуа* 创业中华); «Родной Китай» (*Циньцин Чжунхуа* 亲情中华); проект «Любящее сердце эмигранта» (*Цяо ай-синь гунчэн* 侨爱心工程). В 2016–2018 гг. проводились мероприятия в рамках проекта «Нам по пути с правовым Китаем» (*Фачжи Чжунго ни-во тун-син* 法治中国你我同行). А в 2019 г. в различных городах КНР для потомков китайских эмигрантов были организованы молодежные летние лагеря в рамках проекта «Путешествие в поисках [своих] кор-

ней» (*Сюнь-гэнь чжи люй* 寻根之旅) [Чжунхуа цюаньго гуйго хуацяо ляньхэхуэй…].

3. Комитет китайских эмигрантов ВСНП является одним из десяти специализированных комитетов ВСНП. Он был создан в июне 1983 г. по решению первого пленума ВСНП 6-го созыва [Вэйюаньхуэй лиши 2020]. В перерывах между сессиями ВСНП Комитет по китайским эмигрантам подчиняется ПК ВСНП.

Основные функции Комитета:

– изучение, письменная экспертиза и разработка законопроектов по вопросам, касающимся китайских эмигрантов, и предоставление их на рассмотрение ВСНП, ПК ВСНП и другим компетентным органам государственной власти;
– опросы общественного мнения по новым обстоятельствам и важным проблемам, связанным с *хуацяо*, и подготовка предложений для компетентных ведомств по итогам опроса.
– создание специализированных групп для изучения ключевых проблем зарубежных соотечественников, реэмигрантов и родственников и направление отчётов о результатах этих исследований в соответствующие подразделения ПК ВСНП;
– содействие ПК ВСНП в организации проверки правильности исполнения законов, имеющих отношение к *хуацяо*;
– приём зарубежных соотечественников в КНР;
– организация визитов зарубежных соотечественников в КНР, а реэмигрантов и родственников за рубеж для встречи с родными и близкими; развитие международных связей в рамках своих компетенций;
– поддержание контактов с представителями от реэмигрантов в ВСНП и с отделами по делам эмигрантов местных СНП [Вэйюаньхуэй чжицзэ 2020].

В структуре Комитета по китайским эмигрантам ВСНП находится Канцелярия и отдел законодательных предложений. Канцелярия Комитета состоит из секретариата и управления иностранных дел, а отдел законодательных предложений – из бюро законопроектов и исследовательского бюро.

4. Комитет Гонконга, Макао, Тайваня и эмигрантов ВК НПКСК является одним из десяти специализированных комитетов ВК НПКСК. Он был создан в 1949 г. и изначально именовался группой по делам китайских эмигрантов (*хуацяо шиу-цзу* 华侨事务组), своё современное название он получил в марте 1998 г.

Следует напомнить, что сам НПКСК был создан в сентябре 1949 г. как площадка для обмена мнениями по основным вопросам современной политики Китая между КПК, демократическими партиями будущей КНР, китайской диаспорой, бизнесом Гонконга, Макао и Тайваня и общественными организациями. В числе участников учредительного собрания НПКСК было пятнадцать представителей от китайской диаспоры, шесть из которых получили членство в ВК НПКСК 1-го созыва, а один из них, Чэнь Цзягэн[2] стал членом ПК ВК НПКСК. Это указывает на изначально серьёзный подход НПКСК к работе с китайской диаспорой. В структуру НПКСК также входят две организации центральной пятёрки по работе с делами эмигрантов – ВАР и Китайская партия стремления к справедливости (Партия окончательного объединения Китая).

Основные функции Комитета:

– содействие Комитету китайских эмигрантов ВСНП и Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР в разработке и выполнении законов, касающихся китайских эмигрантов;
– изучение новых обстоятельств и проблем в работе с эмигрантами, внесение предложений и замечаний по этим проблемам на рассмотрение центральных и других компетентных органов власти;
– расширение и укрепление связей с китайскими эмигрантами, содействие их сплочению за рубежом, укрепление и расширение единого патриотического фронта;

[2] Чэнь Цзягэн (Тан Ка Ки) 陈嘉庚, 1874–1961. Выдающийся китайских эмигрант из Сингапура, лидер патриотически настроенных китайских эмигрантов, предприниматель, преподаватель, филантроп, владелец нескольких благотворительных фондов. Открыл несколько китайских школ в ЮВА и в пров. Фуцзянь, а также Университет Цзимэй (*Цзимэй дасюэ* 集美大学) и Сямэньский университет. Один из спонсоров Синьхайской революции 1911 г. Организовывал сбор средств и оказывал существенную материальную поддержку Китаю в годы войны сопротивления Японии (1937–1945) и КПК в годы гражданской войны в Китае в 1945–1949 гг.

– мониторинг общественного мнения представителей китайской диаспоры по всем вопросам государственного строительства в КНР и воссоединения родины, предоставление зарубежным китайцам площадки для участия в политической жизни КНР;
– содействие привлечению в КНР зарубежного капитала, кадров и технологий [*Цюаньго чжэнсе Ган-Ао-Тай цяо вэйюаньхуэй*].

5. Китайская партия стремления к справедливости (Партия окончательного объединения Китая, далее – партия Чжигундан) – одна из восьми официальных демократических партий Китая. Партия была создана зарубежными китайскими сообществами 10 октября 1925 г. в Сан-Франциско (США), её первым председателем стал китайский военно-политический деятель Чэнь Цзюнмин (陈炯明, 1878–1933). Исторически партия была тесно связана с одним из тайных китайских обществ – «Красным братством» (*Хун мэнь* 洪门/红门)[3] [Hong, van Dongen и др. 2016, p. 811]. Одной из ключевых её задач была защита законных прав и интересов китайских эмигрантов за рубежом.

Партия Чжигундан сыграла важную роль в налаживании отношений КПК с китайской диаспорой за рубежом после образования КНР и заняла свою нишу в политической жизни страны.

Следует подчеркнуть, что членами партии Чжигундан главным образом являются состоятельные реэмигранты и родственники зарубежных китайцев. Партия входит в состав НПКСК.

[3] «Красное братство» – это одна из антиманьчжурских тайных организаций, появившихся в Китае во времена конца эпохи Мин и начала эпохи Цин (примерно в середине XVII века). После своего образования «Красное братство» основало различные ответвления по всему Китаю. В число этих ответвлений входили также такие организации, как «Общество Неба и Земли» (*Тянь-ди хуэй* 天地会), «Общество старших братьев» (*Гэлао хуэй* 哥老会), «Общество Триады (широко известно как «Триада»)» (*Саньхэ хуэй* 三合会) и «Клан постигающих справедливость / окончательного объединения» (*Чжи-гун тан* 致公堂). «Красное братство» и все его ответвления боролись за сохранение ханьской культуры и традиции и против маньчжурского господства. После Синьхайской революции (1911–1912) они продолжали активно действовать на территории Китайской республики (1912–1949) и распространились за рубежом. В 1925 г. одно из ответвлений «Красного братства» – «Клан постигающих справедливость / окончательного объединения» – было преобразовано в Партию стремления к справедливости / окончательному объединению.

В соответствии со своим уставом она поддерживает связи с китайскими общинами за рубежом, участвует в работе компетентных ведомств по выработке политики в отношении зарубежных китайцев, реэмигрантов и их родственников, содействует защите прав китайских эмигрантов за рубежом и содействует развитию научных, культурных обменов [Чжунго чжигундан чжанчэн].

Кроме функциональных подразделений и пятнадцати специализированных комитетов по различным вопросам организации жизни реэмигрантов и родственников зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР и взаимодействию с зарубежными китайцами и вопросам, связанным с обучавшимися за рубежом китайскими специалистами в структуре ЦК партии Чжигундан находится редакция журнала «Развитие Китая» (*Чжунго фачжань цзачжи* 中国发展杂志), Центр обслуживания учреждений (*Цзигуань фуу чжунсинь* 机关服务中心), благотворительный фонд «Стремление к счастью / Окончательное благополучие» (*Чжи-фу цышань цзицзиньхуэй* 致福慈善基金会) и издательство «Чжунго чжигун» (*Чжунго чжигун чубаньшэ* 中国致公出版社).

Все рассмотренные организации центральной пятёрки взаимодействуют друг с другом в рамках своих компетенций и при необходимости проводят совместные совещания и конференции с целью выработки курса в отношении китайской диаспоры, реэмигрантов и родственников.

К настоящему времени уже создан и работает механизм общего собрания центральной пятёрки организаций, занимающихся делами эмигрантов. Этот механизм доказал свою эффективность в условиях мировой пандемии COVID-19: через него удалось мобилизовать зарубежных китайцев на борьбу с пандемией на родине в декабре 2019 г. – марте 2020 г. и в условиях массовой отмены международных рейсов обеспечить доставку в КНР дефицитных в то время противоэпидемических товаров, медикаментов и медицинского оборудования, закупленного зарубежными китайскими сообществами на собранные ими пожертвования. С марта 2020 г., когда пандемия COVID-19 охватила весь мир, данный механизм уже работал в обратном направлении, а именно организовывал доставку указанных товаров из КНР в страны проживания

китайцев, распределял их между представителями китайской диаспоры, в том числе и для безвозмездной передачи местному некитайскому населению и организациям.

Силами центральной пятёрки в 2015 г. запущено и набирает популярность специальное мобильное приложение для зарубежных китайцев «Цяобао» (侨宝, дословно: сокровище эмигрантов). Это программный продукт Службы новостей Китая – организации, подведомственной Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР. За контент отвечает центральная пятёрка и другие компетентные организации. Цель приложения – создать единое информационное пространство между КНР и китайской диаспорой. Приложение представляет собой многофункциональную сервисную и информационную площадку, охватывающую все стороны жизни зарубежных китайцев и содержащую актуальную информацию о созданных для них условиях в КНР.

Кроме организаций центральной пятёрки в рамках своих компетенций отдельными вопросами, касающимися зарубежных китайцев, реэмигрантов и родственников, занимаются МИД КНР, МОБ КНР (Министерство общественной безопасности) и другие ведомства, а также некоторые демократические партии КНР помимо партии Чжигундан.

Работа организаций центральной пятёрки с китайской диаспорой охватывает все страны и регионы мира, в которых проживают китайцы. На сегодняшний день это около 160 стран Азии, Европы, Америки, Африки, Океании. За рубежом эта работа осуществляется не только через посольства, генеральные консульства КНР и представительства Канцелярии по делам эмигрантов, но и через союзы китайских предпринимателей (СКП) (*чжунхуа цзуншан хуэй* 中华总商会), центры помощи китайцам за рубежом (ЦПК) (*хуа-чжу чжунсинь* 华助中心), а также через многочисленные ассоциации зарубежных китайцев (см. табл. 1), за связь с которыми в настоящее время отвечает ВАР.

Таким образом, в КНР уже создан мощный и довольно гибкий аппарат для работы с китайской диаспорой. С помощью современных цифровых технологий и накопленного опыта конструктивного взаимодействия с соотечественниками КНР практически пол-

ностью контролирует свою диаспору, оказывает ей необходимую поддержку, а главное, оперативно привлекает её ресурсы для реализации крупных проектов в КНР и за рубежом.

Таблица 1

Союзы китайских предпринимателей (СКП), Центры помощи китайцам (ЦПК) за рубежом и сообщества зарубежных китайцев в странах пребывания

Регион	СКП	ЦПК	Сообщества зарубежных китайцев	
			всего	участвуют в инициативе «Один пояс, один путь»
Северо-Восточная Азия	4	5	36	5
Юго-Восточная Азия	12	9	112	89
Южная Азия	–	1	8	8
Центральная Азия	1	2	8	8
Передняя Азия	1	–	17	17
Европа	6	8	126	84
страны ЕС	*3*	*7*	*89*	*62*
страны, не входящие в ЕС	*3*	*1*	*37*	*22*
Африка	9	6	24	23
Северная Америка	2	10	147	12
Латинская Америка	4	8	22	10
Океания	1	6	32	9
Всего:	40	55	532	265

Составлено автором по: [Цайсинь чуаньмэй; Хуа-чжу чжунсинь; Цяо-туань минлу; «И-дай и-лу» хуа-шан цзучжи сецзо…].

Источники и литература

1. Афонасьева 2013 – *Афонасьева А. В.* Зарубежные китайцы – бизнес в КНР: экономическая деятельность зарубежных китайцев и реэмигрантов в КНР в ходе реформ (1979–2010 гг.). М.: ИДВ РАН, 2013.

2. Афонасьева 2022 – *Афонасьева А. В.* Диаспоральная политика КНР: социально-экономическое направление. М.: ИДВ РАН, 2022.

3. Вэйюаньхуэй лиши 2020 – Вэйюаньхуэй лиши 委员会历史 (История Комитета) // Веб-сайт ВСНП. 08.09.2020. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c34472/202009/6f7a05cad0f444f98d4bbc43326d95cb.shtml (дата обращения: 18.03.2022).

4. Вэйюаньхуэй чжицзэ 2020 – Вэйюаньхуэй чжицзэ 委员会职责 (Функции Комитета). Веб-сайт ВСНП. 08.09.2020 URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c34473/202009/e0a27289e6c4482eb532cd756db68f36.shtml (дата обращения: 18.03.2022).

5. Го-у-юань цяо-у баньгунши пиньпай ходун – Го-у-юань цяо-у баньгунши пиньпай ходун 国务院侨务办公室品牌活动 (Мероприятия под эгидой Канцелярии по делам эмигрантов при Госсовете КНР) // Веб-сайт Канцелярии по делам эмигрантов. URL: http://www.gqb.gov.cn (дата обращения: 11.03.2022).

6. «И-дай и-лу» хуа-шан цзучжи сецзо – «И-дай и-лу» хуа-шан цзучжи сецзо ван “一带一路”华商组织协作网 (Сеть сотрудничества организаций зарубежных китайских предпринимателей в рамках «Одного пояса, одного пути») // Информационный портал «Сеть китайских эмигрантов». URL: http://www.chinaqw.com/zhwh2012/index.shtml (дата обращения: 19.03.2022).

7. Хуа-чжу чжунсинь – Хуа-чжу чжунсинь 华助中心 (Центры помощи китайцам) // Информационный портал «Сеть китайских эмигрантов». URL: http://www.chinaqw.com/hzzx (дата обращения: 19.03.2022).

8. Цайсинь чуаньмэй – Цайсинь чуаньмэй 财新传媒 (Цайсинь Медиа). URL: https://www.caixin.com (дата обращения: 19.03.2022).

9. Цюаньго чжэнсе Ган-Ао-Тай цяо вэйюаньхуэй – Цюаньго чжэнсе Ган-Ао-Тай цяо вэйюаньхуэй 全国政策港澳台侨委员会 (Комитет Гонконга, Макао, Тайваня и эмигрантов ВК НПКСК) // Информационный портал «Сеть китайских эмигрантов». URL: http://www.chinaqw.com/news/2005/0919/68/128.shtml (дата обращения: 19.03.2022).

10. Цяолянь цзигоу шэчжи 2018 – Цяолянь цзигоу шэчжи 侨联机构设置 (Учреждения, созданные ВАР) // Веб-сайт Всекитайской ассоциации реэмигрантов. 31.10.2018. URL: http://www.chinaql.org/n1/2018/1031/c419636–30373338.html (дата обращения 17.03.2022).

11. Цяо-туань минлу – Цяо-туань минлу 侨团名录 (Список сообществ эмигрантов) // Информационный портал «Сеть китайских эмигрантов». URL: http://www.chinaqw.com/hqhr/hqhr-hwqt-qtml (дата обращения 19.03.2022).

12. Чжунго тунцзи няньцзянь 2021 – Чжунго тунцзи няньцзянь 2021 中国统计年鉴 2021 (Китайский статистический ежегодник 2021). Табл. 11–13 / Веб-сайт Государственного статистического управления КНР. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2021/indexch.htm (дата обращения: 06.09.2022).

13. Чжунго чжигундан чжанчэн – Чжунго чжигундан чжанчэн 中国致公党章程 (Устав Китайской партии стремления к справедливости / окончательного объединения) / Веб-сайт партии Чжигундан. URL: http://www.zg.org.cn/zgdjj/zgzgdzc/200912/t20091201_8650.htm (дата обращения: 19.03.2022).

14. Чжунгун чжунъян баньгунтин иньфа 2016 – Чжунгун чжунъян баньгунтин иньфа «Чжунго цяолянь гайгэ фанъань» 中共中央办公厅印发“中国侨联改革方案” (Канцелярия ЦК КПК обнародовала «План реформы Всекитайской ассоциации реэмигрантов»). Веб-сайт Госсовета КНР. 12.04.2016. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2016–12/04/content_5142958.htm (дата обращения: 08.01.2022).

15. Чжунгун чжунъян иньфа шэньхуа дан – Чжунгун чжунъян иньфа шэньхуа дан хэ гоцзя цзигоу гайгэ фанъань 中共中央印发深化党和国家机构改革方案 (ЦК КПК обнародовал «План углубления реформы партийных и государственных институтов»). Веб-сайт Госсовета КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/2018–03/21/content_5276191.htm#1 (дата обращения: 08.01.2022).

16. Чжунхуа цюаньго гуйго хуацяо ляньхэхуэй – Чжунхуа цюаньго гуйго хуацяо ляньхэхуэй пиньпай ходун 中华全国归国华侨联合会品牌活动 (Мероприятия под эгидой ВАР) // Веб-сайт Всекитайской ассоциации реэмигрантов. URL: http://www.chinaql.org/GB/419632/index.html (дата обращения: 17.03.2022).

17. Hong, van Dongen 2016. *Hong L., van Dongen E.* China’s Diaspora Policies as a New Mode of Transnational Governance // Journal of Contemporary China. 25:102. Pp. 805–821.

ORCID: 0000-0001-8079-9075

С. Н. Жилкибаев[*]

Режим контрсанкций КНР и РФ: экономико-правовой анализ

Аннотация. В статье автором исследуется в парадигме политэкономического анализа права новейшее законодательство КНР и РФ относительно режима контрсанкций в отношении недружественных и враждебных политических и государственно-правовых мер со стороны иных стран в целях сдерживания и подавления Китая и России путём применения дискриминационных ограничительных мер в отношении граждан и организаций, вмешательства во внутренние дела страны.

Ключевые слова: Китай, Россия, политика, экономика, международные отношения, право, санкции, контрсанкции, внешнеэкономическая деятельность, иностранные инвестиции

Sanat N. Zhilkibaev[**]

China and Russia Counter-Sanctions Regime: Economic and Legal Analysis

Abstract. In the report the author presents political and economic analysis of law to examine the latest legislation of PRC and Russian Federation regarding the regime of counter-sanctions against unfriendly and hostile political and state-legal measures by the foreign countries. These measures are designed to contain and suppress China and Russia by applying discriminatory restrictive steps against citizens and organizations and through the interference in the internal affairs of the countries.

Keywords: China, Russia, politics, economics, international relations, law, sanctions, counter-sanctions, foreign economic activity, foreign investment

---

[*] ***Жилкибаев Санат Нурболович***, аспирант департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), prozrach@mail.ru

[**] ***Zhilkibaev Sanat Nurbolovich***, Ph. D. Student, Department of Legal Regulation of Economic Activity, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moskow), prozrach@mail.ru

© Жилкибаев С. Н., 2023; © ФГБУН ИВ РАН 2023

Одним из способов современного противостояния стран выделяется международно-правовой режим санкций путём применения дискриминационных ограничительных мер в отношении граждан и организаций недружественного государства. Сейчас подобная политика применяется также и к «великим державам» (Россия и Китай), которые могут позволить себе «симметричный ответ» в лице политики контракций.

Подобные радикальные меры экономического протекционизма логичны, реалистичны и исполнимы в системе развитого государственного монополистического капитализма КНР, находящегося в проблемном переходе к новой экономической модели от индустриальной экспортной модели к социально ориентированной информационной модели внутреннего потребления, в условиях мировой экономической депрессии и международной напряжённости, противоборства старой («Вашингтонский консенсус») и новой («Пекинский консенсус») экономической миросистем, становления нового типа глобализации, регионализации и би/многополярного мирового сообщества [Модель развития современного Китая 2019].

Соответственно данной сложной международной и внутренней социально-экономической и общественно-политической обстановке [Хэ Яоминь 2015, с. 223–249] современное китайское государство и право вынуждено в качестве первоочередной задачи развития установить и исполнять комплексную политику и правовое сопровождение национальной безопасности, включая экономическую [Трощинский 2016, с. 37–39; Трощинский 2018, с. 91–126; Бакулина, Кузьмина 2021].

Право в Китае традиционно всегда имело сугубо подчинённый характер диктату экономики и политики государства, в отличие от западного взгляда [Куманин 1990, с. 13–14.]. Поэтому исторически КНР имела опыт контрсанкций в условиях неблагоприятной международной политической обстановки. Так, 28 декабря 1950 г. Государственный административный совет (ГАС) (прообраз современного Государственного совета КНР – Правительства КНР) в условиях участия в Корейской войне на стороне КНДР и СССР и в ответ на решение американского правительства

от 16 декабря 1950 г. о внешнем управлении общественного и частного имущества китайского происхождения издал «Приказ о принятии в управление государством находящегося в Китае американского имущества и о замораживании американских капиталов». Согласно этому акту все капиталы и денежные вклады США в Китае были насильно национализированы [Законодательные акты Китайской Народной Республики 1952, с. 246–258; Гельбрас 2019, с. 23–24; Gu Minkang 2017, p. 7–8].

Закон КНР «О безопасности» от 2015 г. [Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей а] устанавливает общие основы политики, стратегии и тактики государственно-правового обеспечения национальной безопасности. Под последней понимается состояние страны, в которой главенствует государственная власть, суверенитет, единство и территориальная целостность, благосостояние народа, устойчивое экономическое и социальное развитие и другие важнейшие национальные интересы относительно свободны от опасностей, внутренних и внешних угроз, а также способность обеспечить состояние безопасности на стратегическую перспективу.

Обеспечение национальной безопасности согласно законодательству должно быть согласовано с экономическим и социальным развитием. Оно состоит в поддержании социально ориентированной смешанной экономики: социалистической рыночной экономики, включающей продовольственную, энергетическую, финансовую, научно-техническую, экологическую и информационную безопасность.

В законе признаётся руководящая и направляющая роль Коммунистической партии Китая (КПК). Государством установлена коллегиальная система оперативного управления с разделением ответственности согласно отраслям и сферам государственного управления. Законом предусмотрена широкая палитра мер государственного управления: профилактика и противодействие; мониторинг, контроль и надзор за угрозами национальной безопасности, включая оные внешнеэкономического характера. Помимо государства обязанность исполнения политики обеспе-

чения национальной безопасности распространяется на всех лиц и организации на территории Китая.

Во исполнение данного общего закона в силу усиления торгово-экономического противостояния США и КНР летом 2021 г. был принят комплексный закон КНР «О противодействии иностранным санкциям» [Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей b], регулирующий социально-экономический ответ страны в отношении недружественных и враждебных политических и государственно-правовых мер со стороны иностранных стран в целях сдерживания и подавления Китая путём применения дискриминационных ограничительных мер в отношении китайских граждан и организаций и вмешательства во внутренние дела КНР.

Примечательно, что этот закон стал последним и решительным ответом на ранее принятое санкционное антикитайское законодательство западных стран. Ранее Китай ограничивался принятием точечных симметричных и прямо пропорциональных ответных мер (список неблагонадёжных лиц), противодействия необоснованному экстерриториальному применению иностранного законодательства на уровне подзаконных нормативных правовых актов Министерства торговли КНР, ограничиваясь оборонительной тактикой. Однако ныне ситуация накалилась до предела, что вынудило китайскую сторону ответить наступательной тактикой в лице контрсанкционного и санкционного законодательства [Бакулина, Кузьмина 2021; China's New Anti-Foreign Sanctions Law 2021; Chipman 2021; Gigler 2021; Xu Huang, Tang 2021].

Процесс законотворчества также примечателен: Комитет Конституции и законодательства Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) планомерно инициировал процесс создания законопроекта по предложениям депутатов ВСНП, членов Народного политико-консультативного совета Китая (НПКСК), а также неких неизвестных общественных групп, названных«идейными китайскими гражданами» при согласовании текста законопроекта с Политико-юридической комиссией Центрального комитета КПК, Международного комитета ПК ВСНП, Министерства иностранных дел КНР и Министер-

ства торговли КНР, что повлияло на итоговый текст закона в сторону его обобщения и смягчения содержания норм [Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей a; Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей b].

Особо подчёркивается в первых статьях закона его высокая цель в защите национального суверенитета, обоснованности и согласованности с принципами и нормами международного права и системность механизма правового регулирования сложного комплекса общественных международных правоотношений.

Институциональная правоисполнительная системы состоит из тесного взаимодействия Министерства иностранных дел и Министерства торговли КНР при координирующей роли Государственного Совета КНР, чьи решения являются окончательными и безапелляционными.

Законом признаётся широкий список лиц и организаций, прямо или косвенно участвующих в разработке, принятии и осуществлении дискриминационных ограничительных мер, в отношении которых применяются меры противодействия:

1. Лица, причастные к принятию и осуществлению санкций, их супруги и близкие;

2. Высшие руководители или фактические владельцы организаций, причастные к принятию и осуществлению санкций;

3. Организации, в которых лица, включённые в список контрсанкций, являются высшими руководителями, фактическими собственниками и бенефициарами;

4. Материнские, дочерние и аффилированные организации, причастные к принятию и осуществлению санкций.

Среди конкретных мер контрсанкций законом признан открытый и широкий список в отношении вышеуказанных лиц:

1. Отказ в выдаче визы, отказ во въезде, аннулирование визы или депортация лиц из Китая;

2. Опечатывание, арест и замораживание движимого, недвижимого и иного имущества и имущественных прав на территории КНР;

3. Запрещение или ограничение национальным организациям и физическим лицам совершения различных сделок, сотруд-

ничества и другой деятельности с иностранными лицами, причастными к принятию и исполнению санкций против КНР;

4. Другие необходимые меры.

Помимо мер государственных санкций к иностранным враждебным субъектам, китайским гражданам и организациям дано право предъявлять иски к этим иностранным лицам о возмещении ущерба. Ранее государством было принято решение об учреждении Коллегии Верховного Народного Суда КНР по рассмотрению дел, осложнённых иностранным элементом (иностранные лица, объекты прав или место происшествия дела).

В связи со свежестью законодательства практика его исполнения ещё не сложилась. Прежняя практика отличалась точечностью и мягкостью. На это уповает международное бизнес-сообщество, тесно связанное с Китаем. В частности, эксперты международного права советуют практикам международного бизнеса следующее:

1. Оценить свой собственный бизнес и цепочки поставок и оценить потенциальную подверженность противоречивым санкциям других законодательных актов, имеющих отношение к вам;

2. Следить за динамикой в антисанкционном законодательстве КНР и западных стран, актуальными для вашего бизнеса;

3. Пересмотреть и улучшить свою систему соответствия, например воздерживаясь от ведения бизнеса с лицами и организациями, упомянутыми в Списке контрсанкций;

4. Рассмотреть возможность включения оговорок о санкциях в существующие и будущие договоры и проекты соглашений;

5. Разработать план на случай непредвиденных обстоятельств, чтобы свести к минимуму юридические риски и возможные убытки [Бакулина, Кузьмина 2021; China's New Anti-Foreign Sanctions Law 2021; Chipman 2021; Gigler 2021; Xu Huang, Tang 2021].

Итого законодательство КНР здесь устанавливает достаточно широкую и общую систему и структуру государственной защиты национальной безопасности, как в оборонительном, так и в наступательном плане, что характерно для всего китайского права в интересах мобильного управленческого маневрирования в условиях бурно и стремительно изменяющейся политической и эконо-

мической конъюнктуры, что должно быть крайне интересно и поучительно для России.

В качестве сравнения можно привести отечественный опыт. Вооружённый конфликт на Украине с участием России в 2022 г. и усиление комплекса специальных санкций западных стран против российских физических и юридических лиц, российского государства и бизнеса, начатое с 2014 г. в связи с вхождением Крыма в состав РФ, вызвало системный политический и экономический ответ российского государства [Вести.RU a; СПС «Консультант Плюс» a].

Законодательство о национальной безопасности РФ (основы установлены на рубеже конца 2000-х – начала 2010-х гг., комплексное развитие произошло недавно, в 2020–2022 гг.) предусматривает в числе различных мер противодействия угрозам национальной безопасности также меры экономического характера: применение специальных экономических мер [СПС «Консультант Плюс» b].

Под последними специальным законодательством предусмотрен запрет на совершение действий и иные ограничения в отношении иностранного государства и (или) иностранных организаций и граждан, а также лиц без гражданства, постоянно проживающих на территории иностранного государства. Такие меры могут быть направлены на:

1) приостановление реализации всех или части программ в области экономической, технической помощи, а также программ в области военно-технического сотрудничества;

2) запрещение финансовых операций или установление ограничений на их осуществление;

3) запрещение внешнеэкономических операций или установление ограничений на их осуществление;

4) прекращение или приостановление действия международных торговых договоров и иных международных договоров Российской Федерации в области внешнеэкономических связей;

5) изменение вывозных и (или) ввозных таможенных пошлин;

6) запрещение или ограничение захода в порты Российской Федерации судов и использования воздушного пространства Российской Федерации или отдельных его районов;

7) установление ограничений на осуществление туристской деятельности;

8) запрещение или отказ от участия в международных научных и научно-технических программах и проектах, научных и научно-технических программах и проектах иностранного государства [СПС «Консультант Плюс» c].

Также законодательством предусмотрены персональные санкции против лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации, а также лиц, признанных иностранными агентами, относятся:

1) запрет на въезд в Российскую Федерацию;

2) арест на территории Российской Федерации финансовых или иных активов и запрет на любые сделки с собственностью и инвестициями этих иностранных граждан и лиц без гражданства [СПС Гарант a; СПС «Консультант Плюс» d].

Координацию деятельности по обеспечению безопасности осуществляют Президент Российской Федерации и формируемый и возглавляемый им Совет Безопасности, а также в пределах своей компетенции Правительство Российской Федерации, федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления.

Также ограничения накладываются на иностранные инвестиции: устанавливают особый порядок выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений на осуществление (исполнение) каких-либо сделок отечественных резидентов с лицами, связанными с иностранными государствами, которые совершают в отношении российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия и международных валютных операций в рамках внешнеэкономических сделок. Также предварительное согласование с указанной комиссией надлежит в отношении любых сделок коммерческих организаций с иностранными инвестициями, имеющих стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства. Особо оговари-

вается благожелательное расположение комиссии в случае, если сделка осуществляется в рублях и в интересах развития национальной экономики [СПС «Консультант Плюс» е].

В продолжение вышеуказанной политики в апреле 2022 г. был выдвинут законопроект «О внешней администрации по управлению организацией». Внешняя администрация может быть назначена по решению суда в отношении организаций с иностранными инвестициями (более 25% акций (долей), чьи действия/бездействия, будут иметь существенное негативное значение для обеспечения стабильности экономики и гражданского оборота, защиты прав и законных интересов граждан в Российской Федерации в целом или в отдельном субъекте Российской Федерации [СОЗД ГАС «Законотворчество» 2022].

Таким образом, подытоживая вышеуказанное, можно заметить разумность по форме и содержанию китайского законодателя по созданию системы контрсанкций: прямая и чёткая система целеполагания, системы и структуры, делегирование исполнительских полномочий при сохранении общего управления и контроля, смягчение ограничений для общества. Подобного мы, к сожалению, не видим в российском правовом опыте, который лишь ситуативно и отрывочно реагирует на ситуацию ухудшения международного положения страны.

Источники и литература

1. Бакулина, Кузьмина 2021 – *Бакулина П. В., Кузьмина К. А.* Политика экономических санкций КНР: правовое регулирование и правоприменительная практика // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 4. С. 24–38.

2. Гельбрас 2019 – *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. Москва: Квадрига, 2019. 406 с.

3. Законодательные акты Китайской Народной Республики 1952 – Законодательные акты Киайской Народной Республики. Перевод с китайского / Под ред. и со вступ. ст. Ковалёва Е. Ф. М.: Иностранная литература, 1952. 423 с.

4. Куманин 1990 – *Куманин Е. В.* Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990. 160 с.

5. Модель развития современного Китая 2019 – Модель развития современного Китая: оценки, дискуссии, прогнозы / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: МГИМО; Стратегические изыскания, 2019. 736 с.

6. Вести.RU – Обмен санкциями // Сетевое издание «Вести.RU». URL: https://www.vesti.ru/theme/2480 (дата обращения: 12.04.2022).

7. СПС «Консультант Плюс» a – «О продлении действия отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации»: Указ Президента РФ от 20.09.2021 № 534 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_ LAW_395719/ (дата обращения: 12.04.2022).

8. СПС «Консультант Плюс» b – «О безопасности»: федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ (в ред. от 09.11.2020) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/ cons_doc_LAW_108546/ (дата обращения: 12.04.2022).

9. СПС «Консультант Плюс» c – «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»: федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ (в ред. от 01.05.2019) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64883/ (дата обращения: 12.04.2022).

10. СПС «Консультант Плюс» d – «Об ответных мерах визового характера в связи с недружественными действиями иностранных государств»: Указ Президента РФ от 04.04.2022 № 183 // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_ LAW_413676/ (дата обращения: 12.04.2022).

11. СПС Гарант a – «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»: федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ // СПС Гарант URL: https://base.garant.ru/ 70291034/ (дата обращения: 12.04.2022)

12. СПС «Консультант Плюс» e – «Об утверждении Правил выдачи Правительственной комиссией по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации разрешений в целях реализации дополнительных временных мер экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации и внесении изменения в Положение о Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций в Российской Федерации»: Постановление Правительства РФ от 06.03.2022 № 295 (ред. от 26.03.2022) // СПС «Консультант Плюс». URL: http://www.consultant.ru/ document/cons_doc_LAW_ 411065/ (дата обращения: 12.04.2022).

13. СОЗД ГАС «Законотворчество» 2022 – «О внешней администрации по управлению организацией»: Законопроект от 12.04.2022

№ 104796–8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796–8 (дата обращения: 12.04.2022).

14. Трощинский 2016 – *Трощинский П. В.* Правовая система Китая. М.: ИДВ РАН, 2016. 472 с.

15. Трощинский 2018 – *Трощинский П. В.* Эволюция правовой системы Китайской Народной Республики (1949–2018 гг.): историко-правовой аспект (с перечнем действующих законов КНР). М.: Издательский дом ВКН, 2018. 184 с.

16. Хэ Яоминь 2015 – *Хэ Яоминь*. Траектория экономического развития Китая / Пер. с кит. Л. С. Сагандыковой. Пекин: Шанс; М.: Восток-Бук, 2015. 258 с.

17. China's New Anti-Foreign Sanctions Law 2021 – China's New Anti-Foreign Sanctions Law: Understanding Its Scope and Potential Liabilities //Веб-сайт юридической фирмы Morrison Foerster. URL: https://www.mofo.com/resources/insights/210630-chinas-new-anti-foreign-sanctions-law.html (дата обращения: 05.05.2022).

18. Chipman Koty Alexander 2021 – *Chipman K. A.* China's Anti-Foreign Sanctions Law: How Businesses Should Prepare // Информационный портал China Briefing. URL: https://www.china-briefing.com/ news/chinas-anti-foreign-sanctions-law-how-businesses-should-prepare/ (дата обращения: 05.05.2022).

19. Gigler 2021 – *Gigler C.* China's new Anti-Foreign Sanctions Law // Веб-сайт консалтинговой фирмы Rödl & Partner URL: https://www.roedl.com/insights/china-new-anti-foreign-sanctions-law (дата обращения: 05.05.2022).

20. Gu Minkang 2017 – *Gu Minkang*. Understanding Chinese Company Law. Third Edition. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2017. 380 p.

21. Xu Huang, Tang 2021 – *Xu Huang, Tang S.* China Enacts the Anti-Foreign Sanctions Law // Интернет-форум Conflictoflaws.net. URL: https://conflictoflaws.net/2021/china-enacts-the-anti-foreign-sanctions-law/ (дата обращения: 05.05.2022).

22. Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей а – Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя аньцюань фа 中华人民共和国国家安全法 («О безопасности»: Закон КНР [от 1.07.2015]) // Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. URL: https://flk.npc.gov.cn/detail2.html? MmM5MDlmZGQ2NzhiZjE3OTAxNjc4YmY3ZTA2NzA4MmY%3D (дата обращения: 14.04.2022).

23. Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представи-

телей b – Чжунхуа жэньминь гунхэго фань вайго чжицай фа 中华人民共和国反外国制裁法 («О противодействии иностранным санкциям»: Закон КНР от 10.06.2021) // Веб-сайт Справочно-правовой системы Главного управления Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. URL: https://flk.npc.gov. cn/detail2.html? ZmY4MDgxODE3OWY1ZGQ5ZjAxNzlmODllN2ExZDA1ZDM%3D (дата обращения: 14.04.2022).

24. Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей a – Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй сяньфа хэ фалюй вэйюаньхуэй гуаньюй «Чжунхуа жэньминь гунхэго фань вайго чжицай фа (цаоань)» шэньи цзего дэ баогао. 全国人民代表大会宪法和法律委员会关于《中华人民共和国反外国制裁法（草案）》审议结果的报告. (Доклад Комитета по конституции и законодательству Всекитайского собрания народных представителей о результатах обсуждения закона Китайской Народной Республики «О противодействии иностранным санкциям» (проект) // Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/2caf572d7bcb4bf6ac8cc4fbe7ea8cd0.shtml (дата обращения: 05.05.2022).

25. Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей b – Гуаньюй «Чжунхуа жэньминь гунхэго фань вайго чжицай фа (цаоань)» дэ шомин. 关于《中华人民共和国反外国制裁法（草案）》的说明. (Пояснение к закону Китайской Народной Республики «О противодействии иностранным санкциям» (проект) // Веб-сайт Всекитайского собрания народных представителей. URL: http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202106/99804919249244e593383c9da4e39ddf.shtml (дата обращения: 05.05.2022).

КИТАЙ И РОССИЯ

ORCID: 0000-0003-4372-6517

*А. А. Астайкин**

«Не успеша бо исполчитися противу имъ»: князья Руси, половцы и монголы в походе и битве на реках Калках (1223 г.)

Аннотация. В статье рассматриваются события апреля–июня 1223 г. На основе широкого круга исторических источников и литературы автор представляет собственную оригинальную точку зрения относительно этих событий. По его мнению, это была тщательно подготовленная военная кампания монголов, а не случайное поражение князей Южной Руси и половцев после многодневного успешного преследования. Даже само сражение не может считаться «правильным». Реконструкция событий осуществлена на основе объединения и взаимной проверки географических и хронологических данных источников. В исследовании подробно освещается положение противоборствующих лагерей, анализируются причины поражения русско-половецких войск.

Ключевые слова: битва на реках Калках, 1223 г., русское войско, Джэбэ, Субэдэй, кыпчаки (половцы), монголы

---

* ***Астайкин Андрей Анатольевич***, независимый исследователь (Москва), astaykin.andrey@yandex.ru

© Астайкин А. А., 2023; © ФГБУН ИВ РАН 2023

Andrey A. Astaykin[*]

«They Did Not Have Time to Prepare for the Battle»: Princes of Rus', the Polovtsians and the Mongols in the Campaign and the Battle on the Kalka Rivers, 1223 AD

Abstract. The article deals with the events of April–June 1223 on the basis of a wide range of historical sources and literature. The author presents his original perspective on those events. In his opinion, it was a well prepared Mongol military campaign, not an accidental defeat of princes of Southern Rus' and the Polovtsians after the many days of pursuit. The battle itself cannot be seen regular. Reconstruction of events is based on combining and verifying various sources of geographical and historical information. The study explores the position of the opposing camps and thoroughly analyzes the causes of the defeat of Russian-Polovtsians troops.

Keywords: Battle on the Kalka Rivers, 1223, Russian army, Jebe, Subedei, Kipchaks (Polovtsians), Mongols

Свой взгляд на события апреля–июня 1223 г., итогом которых стало тяжёлое поражение русских и половецких (кыпчакских) войск от монгольского отряда на «реках Калках», мне приходилось излагать неоднократно, в виде как текстов, так и исторических карт-реконструкций[1], но только в форме окончательных выводов и без подробного обоснования. В основе этих материалов лежит дипломная работа «Битва на реке Калке», защищённая на истфаке МГУ в 1991 г., рекомендованная к печати, в силу ряда причин не опубликованная, но, как представляется, в аналитической своей части не потерявшая интереса до сегодняшнего дня.

Наиболее важными для темы источниками являются: из русских – самое раннее и важнейшее сообщение Новгородской I летописи старшего извода (вторая половина XIII в.); рассказ сложного состава, восходящий к записи очевидца из Ипатьевской летописи,

[*] ***Astaykin Andrey Anatolyevich***, Independent Researcher (Moscow), astaykin.andrey@yandex.ru

[1] [Астайкин 1993, с. 100–103; Астайкин 1996, с. 445–455; Астайкин 2006 а, с. 219; Астайкин 2006 б, с. 279; Астайкин 2008, с. 236–237; Астайкин 2011, с. 498–499; Астайкин 2012 а, с. 398; Астайкин 2012 б, с. 6–37; Астайкин 2012 в, с. 2–18; Астайкин 2016].

и – в меньшей степени – статья о битве из Лаврентьевской летописи[2]. Известия поздних русских летописей необходимо использовать осторожно; первоначальная информация о событиях там зачастую искажена, а некоторые из сообщаемых сюжетов – о гибели богатырей, о ратных подвигах Александра Поповича – имеют поздний фольклорный характер и явно недостоверны. Эти слова в полной мере относятся и к рассказу о битве на Калке у В. Н. Татищева (1686–1750)[3], который изобилует ошибками и, как кажется, представляет собой переложенный на современный автору язык вариант одного из списков Воскресенской летописи (возможно – Алатырского. В обоих текстах принципиальное изложение событий и очередность передачи отрывков полностью совпадают) с добавлением этнонимов из Никоновской летописи и цифр численности войск неясного (возможно – авторского) происхождения. Наиболее характерной особенностью всех без исключения русских источников, как это будет показано ниже, является описание событий в более выгодном для проигравшей стороны свете. Из арабоязычных восточных источников в первую очередь заслуживает упоминания «Ал-Камил фи-т-т′арих» Ибн ал-Асира (1160–1233 или 1234)[4], персоязычных – «Джами′ат-таварих» Рашид ад-Дина (около 1247–1318)[5]. Важнейший источник, составленный на китайском языке, – это «Юань ши» 元史 («История Юань»); точнее – фрагменты биографий Субэдэя (1176–1248)[6] и Исмаила (?–1255)[7] в ней [Юань ши 2009, с. 228, 223]. Из западноевропейских латинских текстов наибольший

[2] [ПСРЛ, т. III 2000, с. 61–63; ПСРЛ, т. II, стб. 740–745; ПСРЛ, т. I, стб. 445–447].

[3] [Татищев 1995, с. 215–218]. Василий Никитич Татищев – российский историк и крупный администратор (оренбургский и астраханский губернатор), автор первого многотомного труда по истории России.

[4] Исламский историк курдского происхождения, современник и очевидец многих описанных им событий.

[5] [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 26–27; Рашид ад-Ди 2001 б, с. 229]. Рашид ад-Дин Фазлуллах ибн Абу-ль-Хайр Али Хамадани – персидский учёный-энциклопедист и государственный деятель, первый визирь государства Ильханов при Олджейту (1304–1316). Руководитель коллектива историков по созданию названного труда.

[6] Самый известный монгольский полководец эпохи Чингис-хана, по происхождению – сын кузнеца из племени урянкат.

[7] Полководец и государственный деятель Монгольской империи, родом, вероятно, из тюркоязычного племени токуз-гузов Семиречья.

интерес представляет "Hystoria Tartarorum" брата Цезаря де Бридиа[8], русский перевод которой относительно недавно введён в научный оборот [Де Бридиа 2002, с. 235–240].

Интересующие нас события начались в ходе войны монголов против хорезмшаха Мухаммеда (1169–1220 или 1221)[9]. После падения Самарканда 17 марта 1220 г. Чингис-хан (1155 или 1162–1227)[10] сформировал особый отряд во главе с лучшими степными полководцами – темником Джэбэ-нойоном (ок. 1165 – ок. 1224)[11] и тысячником Субэдэй-баатуром, возглавившим авангард отряда[12]. Позже к двум туменам добавился третий – корпус Тукучара/Тугачара (?–1220)[13]. По приказу каана полководцы должны были сначала преследовать бегущего Мухаммеда, «где бы он ни был, даже если он уцепился за небеса» [Ибн ал-Асир 2006, с. 355], а затем – примерно наказать кыпчаков за их гостеприимство к меркитам в 1218 г.[14]

Пройдя по Ирану, Ираку и Азербайджану, разгромив армию грузин, монголы пересекли Дербентский проход на западном побережье Каспия[15], а затем поодиночке разгромили войска алан

---

[8] Монах-францисканец середины XIII в. из Польши или Силезии. Никаких подробностей о нём не известно, даже имя его – предположение.

[9] Ала ад-Дунийа ва-д-Дин Абу-л-Фатх Мухаммад ибн Текеш из огузского рода Бекдили, правитель государства Хорезмшахов со столицами в Гурганже и Самарканде в 1200–1220 гг. Личный враг Чингис-хана.

[10] Подлинное имя – Тэмуджин. Происходил из рода Борджигин монгольской ветви нирунов. Основатель самого крупного континентального государства в истории человечества – Монгольской империи. Выдающийся полководец и государственный реформатор, создатель новых законов.

[11] Простолюдин из племени йисут. Имя дано Чингис-ханом и обозначает «стрела»; подлинное имя – Чжиргоадай/Хиркутай.

[12] [Сокровенное сказание 2002, с. 88–89, 102, 107, 113; Рашид ад-Дин 2001 а, с. 159–160, 181, 194–195; Рашид ад-Дин 2001 б, с. 67, 90, 165, 177–179, 207–214, 220, 225–229, 255–256, 272; Юань ши 2009, с. 225–233, 241–242; Кычанов 1995, с. 90]. Главой похода «Юань ши» считает именно Субэдэя [Юань ши с. 227–228, 241–242], Рашид ад-Дин сообщает, что начальствовал в походе Джэбэ [Рашид ад-Дин, 2001 а, с. 194].

[13] Монгольский полководец, зять Чингис-хана. Происхождение его неизвестно. Убит под стенами Нишапура в ноябре 1220 г.

[14] [Юань ши с. 228]. Меркиты – монголоязычное племя Юго-Западного Забайкалья и Северной Монголии, кровные враги монголов в конце XII – начале XIII века. Разгромлены и были включены в состав Монгольской империи.

[15] [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 17–27; Ибн ал-Асир 2006, с. 346, 355–356, 358–360, 369; Из «Истории завоевателя мира» Джувейни 2003, с. 257; Чингисхан.

и предкавказского кыпчакского объединения во главе с ханом Юрием Кончаковичем (?–1222)[16] в конце 1222 г. По свидельству Ипатьевской летописи, «**приде неслыханая рать, безбожнии Моавитяне, рекомыи Татаръве придоша на землю Половецькоую. Половцемь же ставшимъ. Юрьгии Кончакович бе болиише всихъ Половець. не може стати противоу лицю их бегающи же емоу. и мнози избьени быша. до рекы Днепра**»[17]. Затем Джэбэ и Субэдэй зазимовали на половецких землях, а в январе 1223 г. совершили рейд в Крым, где захватили город Судак [Антонин 1863, с. 601] (вопрос, как монголы достигли города – по суше через Перекоп или по льду Керченского пролива, разрешению не поддаётся).

Как сообщает Новгородская I летопись, татары далее «**проидоша всю страну Куманьску и придоша близъ Руси, идеже зоветься валъ Половьчьскы**»[18]. Вероятно, в конце 1222 или в начале 1223 г. в Галич к князю Мстиславу Удатному (?–1228)[19] прибыл половецкий хан Котян (?–1240 или 1241)[20] с известием о появ-

---

История завоевателя, 2004, с. 96–99 (сверено с Juvaini, 1958, p. 142–149); Рашид ад-Дин 2001 а, с. 194–195; Рашид ад-Дин 2001 б, с. 208–214; Рашид ад-Дин 2003, с. 402–405; Киракос Гандзакеци 1978, с. 137–138; Шихаб ан-Насави 1996, с. 84, 86–87, 92–93, 110–112; Щавелева 2004, с. 359–360; Dlugossii 1973, 215–216].

[16] Половецкий хан, сын хана Кончака. До 1222 г. – предводитель предкавказского половецкого объединения.

[17] «Пришла неслыханная рать на Половецкую землю, безбожные моавитяне, называемые татарами. Половцы же выступили против них. Юрий Кончакович был самым старшим из половцев, не смог оказать им сопротивления и бежал. И многие были были убиты (в бегстве) до Днепра» [ПСРЛ, т. II, стб. 740]. Перевод с древнерусского здесь и далее мой. – *А.А.*

[18] «Прошли всю страну Куманскую и пришли близ Руси (к месту, которое) называется Половецким валом» [ПСРЛ, т. III, с. 62; ПСРЛ, т. I, стб. 446].

[19] То есть «Удачливому», именно так его называет Ипатьевская летопись в сообщении о смерти [ПСРЛ, т. II, стб. 752]. Часто встречающийся вариант прозвища князя «Удалой» – устойчивая историографическая неточность. Происходил из смоленской княжеской ветви Ростиславичей, княжил в Новгороде и Галиче. Участник многочисленных войн, лучший полководец на Руси в начале XIII века, победитель в Липицкой битве 1216 года.

[20] [ПСРЛ, т. II, стб. 717, 746–747, 761, 771; ПСРЛ, т. III, с. 62, 265; ПСРЛ, т. I, стб. 504]. Котян Сутоевич – хан приднепровского объединения Дурут, тесть галицкого князя Мстислава Мстиславича Удатного. Об участии хана в битве на Калках нельзя сказать ничего определённого. В 1237 г. бежал с 40-тысячной ордой в Венгрию. В 1240 или в 1241 г. казнён по подозрению в государственной измене.

лении народа «татар». Он богато одарил князя и предупредил его: «**Нашу землю днесь отъяли, а ваша заутро възята будетъ**»[21]. Мстислав серьёзно отнёсся к этому известию и призвал русских князей собраться в Киеве на общий съезд.

Это событие должно было произойти в середине или второй половине марта 1223 г.[22]

В съезде приняли участие все наиболее значительные русские князья, за исключением Юрия Всеволодовича Владимирского, – Мстислав Романович Киевский (1156 или 1162?–1223)[23], Мстислав Святославич Черниговский (?–1223)[24], галицкий князь Мстислав Мстиславич Удатный, второстепенные – сын киевского князя Всеволод Мстиславич (?–1249)[25], Михаил Всеволодович (1179–1246)[26],

[21] «Нашу землю сегодня отняли, а ваша завтра взята будет» [ПСРЛ, т. III, с. 62].

[22] Сообщение Ипатьевской летописи о княжеском съезде помещено в самом начале статьи 6732 ультрамартовского года «от сотворения мира», который соответствует 15.03.1223–14.03.1224 январского года «от Рождества Христова». Год события (1223) и ультрамартовский счёт Ипатьевской, как и Новгородской I летописей, устанавливаются благодаря сообщению в Лаврентьевской летописи, где под одной статьёй 6731 г. объединены рассказы о битве на Калке и появлении «звезды на западе», то есть кометы Галлея, наблюдавшейся на Руси в сентябре 1222 г. [Субботина, 1910, с. 133–134; Святский, 1915, с. 132–133; Куник, 1854, с. 760–761] Счёт годов, таким образом, в Лаврентьевской – сентябрьский, а статья 6731 года в ней соответствует хронологическому отрезку с 01.09.1222 по 31.08.1223 г. от Р. Х.

К 1223 году все события относит и Ибн ал-Асир (620 г. х., то есть с 04.02.1223 по 23.01.1224 гг.) [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27].

Из новейших работ следует указать на попытку хоть и аргументированного, но излишне усложнённого и потому малоубедительного анализа по датировке событий на Калке у С. В. Цыба [Цыб 2008, с. 217–222; Цыб 2009, с. 240–244]. Показательно, что доказательством года события – 1226 г. – автору служат только собственные умозаключения, а для доказательства даты сражения (16 июля) он ссылается на единственное упоминание в Синодальном списке поздней Типографской летописи.

[23] Князь Псковский, Белгородский и Смоленский. Великий Киевский князь с 1214 г. Имел прозвище «Добрый». Дожил до преклонных лет, убит после трёхдневной обороны своего лагеря на «первой» реке Калке.

[24] Князь Козельский и Черниговский. Погиб при отступлении с поля битвы 1223 г.

[25] Сын Мстислава Романовича Киевского. Князь Пскова, Новгорода, Смоленска. В битве на Калках не участвовал.

[26] Сын черниговского и киевского князя Всеволода Святославича Чермного, в 1223 г. княжил в Переяславле-Русском. После битвы на Калках, в которой не участвовал, – князь Новгорода, Чернигова, Галича и Киева. Был казнён в Золотой Орде за отказ поклониться языческим идолам, причислен к лику святых.

Данило Романович Волынский (1201 или 1202–1264)[27], многие другие, в том числе и половцы, причём «**тогда же великыи кн**[я]**зь Половецкыи кр**[е]**стися Басты**»[28]. Котян обратился к русским участникам совета с такими словами: «**Аще не поможета намъ. мы ныне исечени быхомъ. а вы наоутрее исечени боудете**»[29] и подкрепил их многочисленными дарами скотом и рабынями. Котяна поддержал галицкий князь, доводы которого звучали убедительно: «**Оже мы, братье, симъ не поможемъ, тъ си имуть придатися к нимъ, тъ онемъ больши будеть сила**»[30].

Следует думать, что на съезде было принято решение о военном походе против степняков за пределы Русской земли, оговорены сроки выдвижения дружин из волостей и установлены общие место и время сбора – на Пасху у города Заруба[31]. Возможно, конечной точкой похода было названо местечко Олешье в низовьях Днепра[32].

Для оповещения о сборе войск в русские города были разосланы гонцы. Один из них отправился во Владимир к Юрию Все-

---

[27] Человек непростой судьбы. В начале жизни – князь-изгнанник, борец со своевольным боярством, затем самостоятельный политик, союзник и зять Мстислава Мстиславича Удатного. Последовательно княжил во Владимире-Волынском, Галиче и Киеве. В конце жизни принял королевский титул.

[28] «Тогда же великий князь половецкий крестился Басты» [ПСРЛ, т. II, стб. 741]. Этот владетель упоминается в русском летописании только в этом эпизоде.

[29] «Если не поможете нам, то нас сегодня победили, а вас победят (завтра) утром» [ПСРЛ, т. II, стб. 740–741].

[30] «Если мы, братья(–Рюриковичи), не поможем половцам, то они присоединятся к татарам и станут те сильнее» [ПСРЛ, т. III, с. 62].

[31] Располагался в 2 км к северу от бывшего с. Зарубинцы на правом берегу Днепра, чуть более 80 км ниже Киева, Черкасская область Украины [Беляшевский 1889, с. 210–213; Лебединцев 1889, с. 213–217; Беляшевский 1918, с. 200–201; Куза 1996, с. 174]. Город защищал стратегически важную днепровскую переправу у устья Трубежа, ныне – затоплен водами Каневского водохранилища.

[32] Видимо, только так можно объяснить не вполне уместное упоминание пункта в тексте Новгородской I летописи: после убийства монгольских послов русские князья «поидоша противу имъ; и не дошьдъше Ольшья, и сташа на Днепре. И прислаша к нимъ второе послы Татари…» («пошли против них и остановились на Днепре, не дойдя Олешья. И прислали к ним второе посольство татары» [ПСРЛ, т. III, с. 62]). Олешье – хорошо известный и важный порт, ревностно оберегался великими киевскими князьями. [ПСРЛ, т. II, стб. 196, 465, 505, 522, 735; ПСРЛ, т. I, стб. 205, 340].

володовичу (1188–1238)[33]; по приказу последнего выступил его племянник, ростовский князь Василько Константинович (1208–1238)[34]. Он успел дойти лишь до Чернигова, где и узнал о полном разгроме русских сил [ПСРЛ, т. I, стб. 446–447].

Договорившись о совместных действиях, князья разъехались по своим землям и, как замечает новгородский летописец, «**начаша вои пристраивати, кожьдо свою власть**»[35].

Выдвижение войск к месту сбора следует датировать апрелем. В начале месяца первыми выступили галичане, волынцы и так называемые «выгонцы галицкие»[36], в середине – смоляне. К концу месяца это сделали и остальные русские князья. Пасха в 6731/1223 году приходилась на воскресенье 23 апреля; вероятно, на следующий же день Киев покинула и дружина Мстислава Романовича.

Основные русские силы собрались у Заруба примерно 24–26 апреля. Это 16 князей: Мстислав Романович, зять Мстислава князь Андрей (?–1223)[37], Александр Дубровецкий (?–1223)[38], Мстислав Святославич с сыном (?–1223)[39], Олег Игоревич Курский (?–после 1228)[40], путивльский (?–?) и трубчевский князья (?–после 1232?)[41],

[33] Четвёртый (любимый?) сын Всеволода Большое Гнездо. Великий князь Владимирский с 1212 г., повторно – с 1218 г. Крупный государственный деятель своего времени. Обезглавлен в битве на реке Сить, канонизирован Русской православной церковью.

[34] Сын Константина Всеволодовича, внук Всеволода Большое Гнездо. Ростовский князь. Погиб в монгольском плену после битвы на р. Сить, причислен к лику святых.

[35] «Начали собирать воинов, каждый в своём владении» [ПСРЛ, т. III, с. 62].

[36] То есть бояре и их родственники, изгнанные из Галицкого княжества. Селились в Северном Причерноморье и междуречье Днестра и Дуная.

[37] Упоминается только в «Повести о битве на Калке». Предположительно, князь Туровский.

[38] Никаких подробностей об этом малозначительном князе не известно. Княжил, видимо, в Турово-Пинской земле.

[39] Князь погиб в битве. Точно не известно даже его имя (Юрий или Дмитрий).

[40] Потомок князя Олега Святославича, в 1223 г. – второй по значению среди черниговских князей [Зайцев 1975, с. 114; Зайцев 2009, с. 120]. В сражении выжил.

[41] О путивльском князе ничего не известно, он упоминается только в связи с событиями не реках Калках 1223 г. Трубчевского князя, возможно, звали Святославом Всеволодовичем.

Владимир Рюрикович (1187–1239)[42], Мстислав Мстиславич, Данило Романович, Мстислав Ярославич Немой (?–1225 или 1226)[43], Изяслав Ингваревич (?–1223)[44], Святослав Яневский (или Каневский, ?–1223)[45], Святослав Рюрикович Шумский (?–1223)[46] и Юрий Несвижский (?–1223)[47] с полками из Киева, Чернигова, Смоленска, Галича, Владимира-Волынского, Луцка и других городов. К князьям Руси присоединились половецкие и – возможно – черноклобуцкие[48] контингенты. Численность союзников составила примерно 15–20, может быть – 25–30 тыс. человек, что позволяет хоть и предположительно, но с большой долей вероятности считать поход к Калкам *крупнейшим совместным военным предприятием князей за всю домонгольскую историю Руси*[49].

Сразу же необходимо сделать оговорку: названная выше цифра – условная, *вопрос о количестве обеих армий, участвовавших в событиях 1223 г., окончательному разрешению не поддаётся*. Причиной тому – полная разноголосица источников. Так, относительно численности русских имеем данные от 400 или 500 воинов из Смоленска на Зарубском броде и 1 тыс. человек, с которыми

[42] Происходил из смоленской ветви Ростиславичей. Князь Переяславский и Смоленский. Великий князь Киевский с 1223 и с 1235 гг. Незадолго до смерти попал в плен к половцам, но сумел выкупиться.

[43] Князь Пересопницкий, Галицкий и Луцкий. В битве уцелел.

[44] Княжил в Дорогобуже или на Волыни. Убит в битве 1223 г.

[45] Подробностей об этом князе не сохранилось. Погиб в битве. Назван «Яневьским» в Новгородской I летописи как в старшем, так и младшем изводе [ПСРЛ, т. III, с. 63, 267]. Русские летописи XVI–XVII вв. говорят о нём как о князе киевском, что явная ошибка, или же каневском [ПСРЛ, т. VII, с. 132; ПСРЛ, т. X, с. 92; ПСРЛ, т. XXIII, с. 71; ПСРЛ, т. XXIV, с. 90; ПСРЛ, т. XXV, с. 12; Татищев, 1995, с. 218] Возможно, под именем Святослава Ольговича Киевского Густынская летопись имеет в виду именно его [ПСРЛ, т. XL, с. 116].

[46] Видимо, потомок Ингваря Ярославича, хотя Густынская летопись называет его «Руриковичем» [ПСРЛ, т. XL, с. 116]. Шумск, где он княжил, – удельный центр Владимир-Волынского княжества.

[47] Владел мелким уделом в Туровской волости, погиб в битве.

[48] «Чёрные клобуки» – кочевники-федераты, защитники южных границ Руси.

[49] Обычный состав единолично воюющей княжеской дружины в рассматриваемое время и веком ранее – 300, 500, редко – одна тысяча бойцов. В данном случае имеем полное основание говорить о крупных масштабах события. Излишне напоминать, что создание и поддержание в боеспособном состоянии княжеско-половецкой союзной коалиции как в организационном, так и в материальном плане – задача почти невыполнимая. Текст выделяется мной. – *А.А.*

Мстислав Галицкий переправился на Протолчах[50], до общих потерь более 100 тыс., 160 тыс., 300 тыс. и даже 600 тыс. человек[51].

Численность монгольского отряда, по данным письменных источников, составляла: в Центральной Азии 20 или 30 тыс. человек[52], на Кавказе – 20 или же 120 тыс. человек[53], причём, как утверждается в письме царицы Русудан римскому папе Гонорию III, 25 тыс. монголов там было уничтожено, остальные изгнаны [Патканов 1874, с. 111–112], а после поражения в Волжской Булгарии – 4 тыс. [Ибн ал-Асир 2003, с. 27].

Численность половецких сил не известна, только В. Н. Татищев [Татищев 1995, с. 216] сообщает об обещанном 50-тысячном половецком контингенте; информация эта проверке не поддаётся. Неизвестен качественный состав русской армии (использовались ли в 1223 г. только профессиональные воины[54] или и вспомогательные контингенты тоже – коноводы, возчики припасов и оружия на повозках, обслуга ладей, повара и пр.), нет данных о потерях монголов до калкских событий и способе пополнения этих потерь[55]. *Поэтому любые заключения о размере войск противников можно делать только на основании косвенных свидетельств и только очень приблизительно*.

В этом смысле уместно будет напомнить известное замечание Джованни Плано Карпини (около 1182–1252)[56] о тактике ведения

---

[50] [ПСРЛ, т. III, с. 63; ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 278; ПСРЛ, т. VII, с. 130; ПСРЛ, т. XXIII, с. 70; ПСРЛ, т. XXIV, с. 89].

[51] [Генрих Латвийский 1938, с. 210; Краткий летописец, л. 66об.; Паус, с. 157; Летописец русский, л. 155].

[52] [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 17; Чингисхан. История завоевателя 2004, с. 96; Рашид ад-Дин, 2001 б, с. 209].

[53] [Патканов 1873, с. 2; Картлис цховреба 1859, с. 163].

[54] Можем определённо говорить о том, что войска из Галича, Владимира-Волынского, Курска, Путивля и Трубчевска «придоша коньми», т. е. состояли только из конных дружинников.

[55] Так, известно, что некто Аймаур из рода канглы участвовал в походе Субэдэя и Джэбэ против кыпчаков в 1223 г. [Юань ши 2009, с. 244, прим. 648]. То есть можно допустить, что потери восполнялись. Каким именно образом и в каких количествах – вопрос открытый.

[56] Итальянский монах-францисканец. Первым из европейцев посетил Монгольскую империю (1245–1247) и оставил описание своего путешествия со множеством ценнейших наблюдений.

военных действий у монголов: «и если они видят, что не могут их (своих врагов. – *А.А.*) победить, то отступают вспять к своим, и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают. Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути … А если они видят, что не могут сделать и этого, то *отступают назад на десять или на двенадцать дней пути*. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой … А если случайно противники удачно сражаются, то *татары устраивают им дорогу для бегства, и, как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне*» [Плано Карпини 1997, с. 56]. Точность наблюдения Плано Карпини у историков сомнений никогда не вызывала [Кушкумбаев 2010, с. 10, 34–35], тактика поведения монголов в 1223 г. полностью соответствовала описанному выше, поэтому можем говорить о примерном равенстве сил сторон в этом конфликте, либо же о небольшом численном превосходстве русских и половцев.

Числовое выражение этого равенства – вопрос пока открытый. Думается, предлагаемые здесь условные цифры в 15–20 или же 25–30 тыс. человек со стороны союзников и 15–20 тыс. со стороны Джэбэ и Субэдэя *примерно* должны соответствовать информации источников.

Вернусь к Зарубской переправе. Согласно Ипатьевской летописи, «**оттоудоу же** (из Киева) **придоша м**[е]**с**[я]**ца априля. и придо к реце Днепроу ко островоу Варяжьскомоу и приеха тоу к нимъ. вся земля Половецкая. и Черьниговцемь приехавшимъ. и Кияномъ и Смолняномъ. инем странамъ. всянамъ по соухоу же Днепръ перешедшимъ. яко же покрыти воде быти от множества людии**[57]**. а Галичане и Вол**[ы]**нци. киждо со своими князьми. а Коуряне и Троубчяне и Поутивлици. и киждо**

[57] Два замечания: «всем нам» мог сказать только участник событий, либо же это было записано с его слов; слово «людии», как кажется, – ошибка, по логике рассказа здесь должно быть «лодеи» или «лодии».

со своими князьми. придоша коньми…»[58]. Этот фрагмент нуждается в комментариях. Брод у Заруба был проходим только для конницы, как об этом недвусмысленно сообщает Ипатьевская летопись в статье под 6659/1151 г.: Андрей «**Гюргевичь же и Стославъ Всеволодичь и Половци диции. приехаша к Зароубескомоу бродоу … и тако видивше Половци сторожи Изяславли оже мало их есть. и тако въбредоша на не на конех за щиты и с копьи. и въ броняхъ якоже битися. и покрыша Днепръ от множества вои. а Русь переехаша в лодьяхъ**»[59]. К тому же на Днепре в конце апреля наблюдается паводок, т. е. затоплена левая, низкая сторона реки, изобилующая неудобными для похода притоками [Максимович 1901, с. 141]. Это позволяет заключить: *переход осуществлялся по составленным вместе ладьям с левого на правый, высокий берег реки; по нему же был совершён и поход союзников вдоль течения Днепра*.

Где-то в непосредственной близости от переправы, на так называемом «Варяжском» острове[60], произошла встреча с «десятью мужами»[61] первого монгольского посольства. Летопись так передаёт речь послов: «**Се слышимъ оже идете противу насъ, послушавше Половьць; а мы вашеи земли не заяхомъ, ни городъ вашихъ, ни селъ вашихъ, ни на васъ придохомъ, но придо-**

[58] «Оттуда же пришли в месяце апреле к Варяжскому острову на Днепре. И приехали туда к ним все силы Половецкой земли, черниговцы, киевляне, смоляне и из других земель. Все мы посуху переправились через Днепр, потому что вода была покрыта множеством ладей. А галичане и волынцы пришли со своими князьями, а куряне, трубчане и путивльцы со своими князьями пришли на конях» [ПСРЛ, т. II, стб. 741–742].

[59] Андрей «Юрьевич, Святослав Всеволодович и половцы дикие приехали к Зарубскому броду… И увидели половцы на другом берегу немногочисленную охрану (князя) Изяслава – вошли во брод на конях, со щитами, копьями и в доспехах, как обычно вступают в сражения, и скрылся Днепр от множества воинов. А русские переехали в ладьях» [ПСРЛ, т. II, стб. 425].

[60] В русских летописях этот остров упоминается только в связи с событиями 1223 г. Географически он тесно связан с зарубским бродом [ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 278], но точное его положение установить почти невозможно. Н. С. Арцыбашев полагал, что остров находится «против местечка Мижиричей, … ниже его (Киева. – *А.А.*) к Зарубу, на карте не означено» [Арцыбашев 1838, с. 316, прим. 1987], а Л. А. Сердобольская делала предположение, что «существование острова Варяжского имело место где-то между Витичевым и Зарубом, т. е. примерно верстах в 60–70-ти от Киева на юго-восток по течению Днепра» [Сердобольская 1949, с. 215].

[61] [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 202; ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1, с. 197; ПСРЛ, т. XV, стб. 27].

хомъ Богомъ пущени на холопы и на конюси свое на поганыя Половче; а вы възмите с нами миръ; аже выбежать къ вамъ, а биите их оттоле, а товары емлите к собе: занеже слышахомъ, яко и вамъ много зла створиша; того же деля и мы биемъ»[62].

Здесь союзники совершили первую и самую важную ошибку – приказали умертвить послов. С этого момента в глазах Субэдэя и Джэбэ они должны были предстать в самом неприглядном свете. Источники хранят молчание о причинах и исполнителях этого злодейского акта, возможно, ими были жаждавшие мести за поражение кыпчаки (половцы)[63].

В письменных источниках нет *ни одного* упоминания о намерении монголов вступить в войну с русскими в 1223 г., и потому инцидент с убийством парламентёров, видимо, всё же следует расценивать не только в качестве casus belli (формального повода к войне), но также и инцидента, делающего войну неизбежной.

После убийства послов союзники выступили в почти 400-километровый поход вниз по Днепру. Конные дружины должны были двигаться правым, высоким и удобным берегом реки, пехота (или же только провиант и оружие) – на ладьях. Движение продолжалось 17 дней[64] со средней скоростью около 22–23,5 км в сутки и примерно датируется 26/27 апреля – 12/13 мая.

Видимо, уже тогда в союзной армии обнаружились первые признаки разлада. Дело в том, что на Руси князья традиционно воевали в одиночку, полагаясь лишь на свои дружины, и очень редко – в составе объединённых сил. Для координации действий в таких условиях они должны были на особых советах вырабаты-

[62] «Слышали мы, что вы идете против нас, поверив половцам. А мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сёл ваших. Не на вас пришли, но, по Божьему повелению, пришли на холопов и конюхов своих, язычников-половцев. Заключите с нами мир, если побегут к вам половцы – бейте их, а богатства берите себе. Слышали мы, что и вам они много зла сделали, потому и мы с ними воюем» [ПСРЛ, т. III, с. 62].

[63] [Татищев 1995, с. 216; Карамзин 1988, стб. 143; Погодин с. 29; Пашуто 1968, с. 282; Черепнин 1977, с. 188–189; Греков, Шахмагонов 1986, с. 47].

[64] [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 202; ПСРЛ, т. XV, стб. 27; ПСРЛ, т. XVI, стб. 50; ПСРЛ, т. XLII, 2002, с. 111]. Мне не вполне понятно, почему Н. И. Щавелева полагает, что «в Новгородской IV (летописи) имеется не находящее соответствия в источниках (и даже им противоречащее) известие, что русские дружины двигались к реке Калке 17 дней» [Щавелева 2004, с. 51]. Под этим движением недвусмысленно имеется в виду путь русской армии по Днепру от Заруба до встречи со вторым посольством.

вать решения, обязательные для всех, и неукоснительно им следовать, либо же подчиняться военному авторитету самого способного из своей среды. В 1223 г. такого не случилось. Номинальный глава похода – великий киевский князь Мстислав Романович, хотя и являлся старейшим Рюриковичем, был личностью маловыразительной и не годился для этой роли. По меткому замечанию М. С. Грушевского (1866–1934)[65], Мстислав «не отличался ни выдающимися талантами, ни энергией, по крайней мере ни в чём особенном не обнаружил их, но пользовался доброй славой – суздальский летописец называет его «старым добрым князем» [Грушевский 1891, с. 275].

Роль военного вождя больше подошла бы галицкому князю Мстиславу. Он принадлежал к смоленской линии Ростиславичей и был сыном знаменитого Мстислава Ростиславича Храброго (около 1148 или 1152–1180)[66]. На момент событий князю было около 45–50 лет; всю свою жизнь он провёл в военных походах, отличался как несомненным полководческим дарованием, так и недюжинной физической силой, следовал неписаному кодексу рыцарской чести и был известен благородными поступками. Со многими участниками похода Мстислав Мстиславич состоял в близком родстве, а некоторые владетели, в том числе и двоюродный брат, киевский князь Мстислав Романович, были обязаны ему княжескими престолами[67]. Следует полагать, что роль «второго лица» в княжеской коалиции не могла устроить деятельного Мстислава. Он с самого начала военных действий повёл себя самостоятельно и, вероятно, уже в походе по Днепру заменил предводителя половцев своим доверенным лицом Яруном (Васильевичем?)[68]. 12–13 мая, когда союз-

[65] Украинский и советский историк, профессор Львовского и Киевского университетов. Один из идеологов автономии и независимости Малороссии (украинства).

[66] Новгородский князь, один из лучших русских полководцев второй половины XII века.

[67] [ПСРЛ, т. II, стб. 676–678, 697–698, 731–734, 736–739; ПСРЛ, т. I, стб. 429, 435, 439, 445; ПСРЛ, т. III, с. 51–60].

[68] Авторское предположение: неизвестно, кто привёл кыпчаков к Зарубу, но на Калках ими командовал славянин (?) Ярун. Он впервые упоминается Ипатьевской летописью в статье под 6721/1213 г. в качестве тысяцкого в Перемышле и сторонника Мстислава Удатного. В феврале 1215 г. успешно руководил обороной

ники должны были подходить к днепровским порогам (возможно, – на территории современного города Днепр), появилось второе монгольское посольство: «**А есте послушали Половьчь, а послы наша есте избили, а идете противу нас, то вы поидите; а мы васъ не заяли, да всемъ Богъ**»[69]. Де-факто такое обращение должно было означать официальное объявление войны; несмотря на это (или же благодаря этому), послы были отпущены невредимыми, а русские и половцы продолжили движение вниз по реке.

Между 13–15 мая они достигли острова Большая Хортица и Протолчьего брода[70]. Переправа находилась севернее острова, в черте современного г. Запорожье, и располагалась в самом узком месте Днепра. Яркое описание его в XVII в. оставил Гийом Левас-

---

Ржевы Володимировой на верхней Волге, отбился от численно превосходящих сил юрьев-польского князя Святослава Всеволодовича (1196–1252), затем отличился в стычке со сторожевым отрядом его старшего брата, Ярослава Всеволодовича (1190 или 1191–1246), под Тверью, участвовал в Липицкой битве 1216 г. [ПСРЛ, т. II, стб. 733; ПСРЛ, т. III, с. 55; ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 264] После 1223 г. в летописях упоминаний об этой фигуре нет. И в специальной, и в популярной литературе можно встретить утверждения, что Ярун был половцем и даже ханом [Разин, 1957, с. 217; Каратеев, 1990, с. 68; Голыженков, 1994, с. 34]. До сих пор отсутствует внятное объяснение, по какой причине (из-за убийства монгольских послов?) и когда этот военачальник возглавил войско кочевников. Такое событие, разумеется, нельзя назвать рядовым, а восприятие его кыпчаками, видимо, должно было быть однозначным – как недоверие, унижение и оскорбление.

[69] «Если вы послушали половцев, перебили наших послов и идёте против нас – идите же. А мы вас не трогали, и рассудит нас Бог» [ПСРЛ, т. III, с. 62].

[70] Ранние сообщения Ипатьевской летописи позволяют локализовать эту важную днепровскую переправу очень точно. Так, в статье под 6611/1103 г. говорится: русские князья «поидоша на конихъ и в лодьяхъ. и приидоша ниже порогъ. и сташа въ протолчехъ. и в Хортичимъ острове. і вседоша на коне и пешьци из лодеи выседавше. идоша в поле» («отправились на конях и в ладьях, и пришли ниже порогов, и остановились в Протолчах и на острове Хортица, сели на коней, а пехотинцы покинули ладьи, и пошли все в степь») [ПСРЛ, т. II, стб. 253], а в статье под 6698/1190 г. находим: русская конница «совоукупися с Черными Клобукы. и ехаша в борзе изъездомъ до Протолчии. и тоу заяша стада многа Половецкая. в лоузе в Днепрескомъ. а за Днепръ не лзе бы имъ ехати» («соединилась с черными клобуками и ехали все скоро изъездом до Протолчи, и здесь, в днепровской Луке, захватили многие половецкие стада, а за Днепр нельзя им было ехать») [ПСРЛ, т. II, стб. 671]. Как видно, Протолчи располагались в днепровской Луке, ниже порогов, но выше Хортицы [Середонин 1916, с. 159; Кудряшов 1948, с. 130–131], именно там, где византийский император Константин Багрянородный в своей известной книге «Об управлении империей» (905–959) располагал Крарийскую переправу [Константин Багрянородный 1989, с. 49].

Уточнение делаю в связи с тем, что дословно фразу из сообщения Ипатьевской о движении «выгонцев» весной 1223 г., когда последние «придоша по Днепроу

сер де Боплан (около 1595–1675)[71]: «[в этом месте] я видел, как поляки стреляли из лука с одного берега на другой и стрелы падали далее чем на сто шагов от противоположного берега. Именно здесь самая большая и наиболее удобная татарская переправа, так как тут русло имеет не более 150 шагов, берега очень доступны, а местность открыта, и татары совсем не боятся засад. Эта переправа … называется Кичкас» [Боплан 2004, с 187].

По аналогии с событиями 1103 г. можно полагать, что за пороги русскими был переправлен и ладейный флот.

Примерно к 15 мая союзники должны были достигнуть острова Хортица и встретиться с «выгонцами галицкими» под командованием Юрия Домамирича (?–?) и Держикрая Володиславича (?–?)[72].

К этому времени ясно обозначился раскол в русских станах. О конфликте между Мстиславом Киевским, Мстиславом Галицким и Мстиславом Черниговским Ипатьевская летопись сообщает вполне определённо: при переходе Калки «**Мьстиславоу же и дрогугому Мьстиславоу седящема во станоу не ведоущема. Мьстиславъ** (Удатный) **же не поведа има зависти рад**[и]**. бе бо котора велика межю има**»[73]. По имеющимся летописным данным можно понять поведение и некоторых других князей: так, на момент столкновения с монголами рядом с Мстиславом Романовичем Киев-

(по контексту должно быть «по Днестроу». – *А.А.*). и воиидоша в море. бе бо лодеи тысяща. и воидоша во Днепръ. и возведоша порогы и сташа оу рекы Хорьтице. на бродоу оу Протолчи» («прошли по Дне(ст)ру и вошли в море, была (у них) тысяча ладей, и поднялись к порогам, и стали у реки Хортицы на броде у Протолчи») [ПСРЛ, т. II, стб. 742] следует понимать как «преодолели пороги», «поднялись выше порогов». Исходя из такого понимания текста, В. Г. Ляскоронский предлагал переносить Протолчий брод в район выше порогов и связывал Протолчу с Проточами – реками, текущими параллельно Днепру, ниже Орели [Ляскоронский 1907, с. 70], а, например, А. А. Спицын относил Протолчье к устьям рек Конские Воды [Спицын 1917, с. 37]. Современное название реки – Конка.

Видимо, и в этом случае есть основания предполагать ошибку в тексте летописи: «возведоша порогы» вместо требуемого по смыслу «возведоша къ порогы» или же «возведоша до порогы».

[71] Французский военный инженер на польско-литовской службе, автор капитального труда «Описание Украины».

[72] Воеводы «выгонцев галицких» в 1223 г. Никаких сведений о них русские источники не содержат.

[73] «Мстиславу же и другому Мстиславу, находящихся в лагерях и ничего не знавшим, Мстислав (Удатный) не сообщил из зависти, потому что была между ними большая ссора» [ПСРЛ, т. II, стб. 743].

ским были только два незначительных владетеля; 49-летний Олег Курский с войсками находился рядом с Мстиславом Галицким, а не близ своего непосредственного сюзерена; двоюродный брат первого, Владимир Рюрикович, сподвижник по Липицкой битве, лично обязанный Мстиславу смоленским княжеским престолом в 1215 г. [ПСРЛ, т. VII, с. 129], Калку не переходил, а значит, располагался в каком-то другом месте, отдельно и от киевского, и от черниговского князей. Подобное возможно только в ситуации, когда «старшие» князья начинают выяснять отношения между собой, а «младшие» получают возможность по собственному произволу поддерживать или же, напротив, отказывать в поддержке любой из конфликтующих сторон.

О причинах возникновения ссоры, ввиду полного молчания на этот счёт источников, ничего определённого сказать нельзя. Предположительно, ими могли стать борьба за власть или воинскую «славу», поиск виновных в убийстве монгольских послов или причин назначения русского предводителя у половцев и тому подобное. Ссора произошла, вероятно, за время движения союзников по Днепру, а внешнее выражение своё получила уже перед самым сражением.

При том уровне разведки, который существовал у монголов в XIII веке, Субэдэй и Джэбэ просто обязаны были знать о конфликте. Следует полагать, что для выполнения стратегической задачи по заманиванию неприятеля на противоположный берег реки монголы использовали в том числе и эту распрю.

Первым необдуманный шаг совершил Мстислав Удатный: 15 или 16 мая – со своей дружиной в 1 тыс. воинов [ПСРЛ, т. III, с. 63] и половцами он переправился через Днепр и разгромил сторожевой отряд степняков, «**а прокъ ихъ** (то есть остаток противников. – *А.А.*) **въбеже съ воеводою своимъ Гемябегомь въ курганъ Половьчьскыи, и ту имъ не бы** [по]**мочи, и погребоша воеводу своего Гемябега жива въ земли, хотяще животъ его ублюсти; и ту и налезоша, испросивъше Половьци у Мстислава, и убиша и**»[74].

[74] «А остаток их вбежал с воеводой своим Гемябеком в Половецкий курган. И здесь не было им помощи; закопали воеводу своего Гемябека живого в землю, чтобы сохранить ему жизнь. Здесь отыскали его половцы, выпросили у Мстислава

Второй монгольский отряд – видимо, полностью бездоспешные лучники – устроил перестрелку через Протолчий брод с Даниилом Волынским и другими «молодыми» князьями. Эта перестрелка – не что иное, как намеренная дезинформация, ибо при ширине реки около 150 шагов стрела с левого, низкого, берега достигнет противоположной стороны на излёте и будет совершенно безвредна. Не очень опытные молодые воины, таким образом, получили здесь зримое «доказательство» того, что перед ними слабый противник, пришли в общее возбуждение и фактически вынудили основные русские силы совершить необдуманную переправу через Днепр (16 мая, во вторник)[75]. Затем киевский и черниговский Мстиславы опрокинули монгольскую «сторожу» и «**гнаша в поле далеце секоуще и взяша скоты ихъ. А со стады оутекоша. яко всимъ воемъ наполнитися скота**»[76].

Следует полагать, что эта раздельная переправа у Хортицы – вторая важная ошибка союзников: они добровольно отказались от надёжного оборонительного рубежа, которым является правый, высокий берег Днепра.

и убили» [ПСРЛ, т. III, с. 63]. Аналогии подобного поведения монголов на войне мне не известны, внешне инцидент с этим Гемябеком (?–?) напоминает скорее казнь провинившегося, совершённую в экстремальных условиях, чем попытку сохранить жизнь военачальника (версия). По М. В. Ельникову, событие имело место 25 мая (!) у Саур-Могилы на реке Конке [Ельников 2008, с. 33], недалеко от современного села Юльевка Запорожского района Запорожской области Украины.

[75] «Пришедши же вести во станы яко пришли соуть видетъ олядии Роускыхъ. Слышавъ же Данилъ Романовичь. и гна вседъ на конь. видети невиданьноя рати. и соущии с ними коньници. и инии мнозии князи с нимь гнаша. видити невиденое рати онем же отшедшимъ Юрьги же имъ сказываше. яко стрелци соуть. инии же молвяхоуть. яко простии людье соут[ь] поущеи Половець. Юрьги же Домамиричь. молвяшеть ратници соуть. и добрая вои. приехавъше же сказаша Мьстиславоу Юрьиги же все сказа. и рекшимъ молодымъ княземь. Мьстиславе. и дроугии Мьстиславе не стоита. поидемь противоу имъ» («В лагерях стало известно, что пришли [татары] посмотреть на русские корабли. Слышал [это] Даниил Романович и поскакал на коне посмотреть на незнакомую рать, и всадники, бывшие с ним, и многие князья. Они же [татары] отошли. Юрий же сказал: "[они – хорошие] стрелки [из лука]". Иные же говорили, что они простые люди, хуже половцев. Юрий же Домамирич молвил: "[Они –] ратники и хорошие воины". Приехав к Мстиславу, Юрий всё это рассказал. [А] молодые князи рекли: "Мстислав, и другой Мстислав, не стойте [на месте], пойдем против них"») [ПСРЛ, т. II, стб. 742]. Эта информация, как кажется, имеет отношение к редакторской обработке рассказа в Галицко-Волынской летописи, сделанной в угоду Данилу Романовичу (см. ниже).

[76] «Посекли, и гнали далеко в степь, и захватили [их] скот. А с [остальными] стадами убежали, так что всем воинам досталось много скота» [ПСРЛ, т. II, стб. 743].

На левобережье русские и половцы позволили себе небольшой отдых (16–19 мая); источники о нём умалчивают. Возможно, именно столько времени им потребовалось для переправы флота через пороги и восстановление сил. Последующее решение о преследовании монголов «в Поле» – *третья, роковая для судьбы армии ошибка*. С этого момента они *полностью* отдали инициативу в войне противникам и – фактически – проиграли военную кампанию, а сам разгром на Калках и последующее беспорядочное бегство стали лишь закономерным результатом этого решения.

Затем «**поидоша вси вкупе, по нихъ же идоша 9 днии, и заидоша за Калакъ реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половьци, а сами станомь сташа ту**»[77].

Вопрос о конечной точке маршрута союзников в 1223 г. далеко не так прост. Ещё Н. М. Карамзин (1766–1826)[78] заложил традицию по отождествлению летописной Калки либо с Кальмиусом, либо же с одним из её притоков (что разумно: именно здесь наблюдаем сгусток рек с основой в названии «Кал-»)[79]. В 1907 г. В. Г. Ляскоронский (1859–1928)[80] попытался отождествить Калку с рекой Кильчень, притоком Самары [Ляскоронский 1907, с. 83], но эта точка зрения в науке принята не была. Традиционный взгляд на локализацию реки остался неизменным: Калка – это Кальчик, приток Кальмиуса, либо же сам Кальмиус[81].

---

[77] «Пошли все вместе за ними, шли 9 дней, и зашли за реку Калак, и послали в охранение Яруна с половцами, а сами здесь разбили лагерь» [ПСРЛ, т. III, с. 63].

[78] Крупнейший русский историк и литератор, реформатор русского языка. Автор классической многотомной работы по истории России. Император Александр I (1777–1825) даровал ему почетное звание «историографа российского».

[79] [Карамзин 1988, стб. 143; Наумов 1823, с. 9; Куник 1854, с. 781; Бестужев-Рюмин 1865, с. 8–9; Барсов 1865, с. 87; Погодин 1872, с. 794; Голицын 1877, с. 107; Брун 1880, с. 366 (Кальмиус); Иловайский 1880, с. 360–362; Шмаков 1890, с. 23–25; Брокгауз и Ефрон 1895, с. 51; Череванский 1898, с. 9; Трефильев 1907, с. 366–368; Бранденбург 1908, с. 178, 181–185].

[80] Российский и украинский советский историк, нумизмат, географ, археолог, этнограф и писатель. Профессор Московского университета.

[81] [Катаев 1909, с. 566; Спицын 1917, с. 38; Келтуяла 1911, с. 307 (Кальмиус); Саханев 1915, с. 87; Бочкарев 1946, с. 3; Строков 1949, с. 70; Кудряшов 1954, с. 119; Советская историческая энциклопедия 1965, стб. 858; Плетнева 1975, с. 299; Романов 1982, с. 22; Толочко 1987, с. 168 (карта); Кусков 1989, с. 129 (Кальмиус); Феннел 1989, с. 104; Шпаковский 2003, с. 37; Храпачевский 2004, с. 331; Скрынников 2006, с. 139 (Кальмиус)].

Традиция употребления названия «Калка» в единственном числе восходит к сообщению старшего извода Новгородской I летописи, которая и воспроизводится большинством летописных текстов, а также присутствует и в иностранных источниках: «Юань ши» упоминает реку А-ли-цзи 阿里吉, то есть Алку или Калку [Юань ши 2009, с. 228, прим. DLIX]; у Яна Длугоша (1415–1480)[82] говорится о реке «Калче» (Kalcza) [Щавелева 2004, с. 359]. Однако, не стоит игнорировать также информацию Ипатьевской летописи о *двух* реках со сходными названиями: от Днепра русско-половецкие войска «**идоша 8 дни до рекы Калкы**» и, после короткой стычки с монголами, в которой погиб Иван Дмитриевич (?–1223)[83] и двое его товарищей, «**на прочьне** (то есть другой [Срезневский 1989 б, стб. 1608], следующей по ходу движения русских войск с запада на восток – *А.А.*) **реце Калъке оустретоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя**»[84]. Это сообщение не стоит недооценивать, «другая» (вторая) река Калка упоминается целым рядом памятников[85] или же название реки употребляется во множественном числе[86].

Из рассказов русских летописей, за исключением вовсе не упоминающих этот эпизод Ипатьевской и Лаврентьевской, вытекает, что киевский князь Мстислав трое суток *неподвижно* находился в «месте каменистом» на высоком берегу Калки[87]. На местности в районе скопления гидронимов с основой «Кал-» это место соответствует *единственному* приемлемому району, где наблюдается значительный выход на поверхность гранитных пород, и это –

[82] Польский историк и дипломат, крупный католический деятель второй половины XV века.

[83] Никакой информации об этом Иване русские летописи не содержат.

[84] «Шли 8 дней до реки Калки»; «на другой реке Калке встретили татары половецкие полки и русские» [ПСРЛ, т. II, стб. 743].

[85] [ПСРЛ, т. XXIV, с. 89; ПСРЛ, т. XXVI, с. 68; ПСРЛ, т. XXXIII, с. 63].

[86] [ПСРЛ, т. XXVII, с. 234, 320; ПСРЛ, т. XXXIV, с. 120; ПСРЛ, т. XXXV, с. 120; ПСРЛ, т. XXXVII, с. 29, 164; ПСРЛ, т. XLII, с. 111; ПСРЛ, т. XLIII, с. 85].

[87] [ПСРЛ, т. III, с. 63; ПСРЛ, т. I, стб. 508 (Академический список); ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 203; ПСРЛ, т. V, вып. 1, с. 206; ПСРЛ, т. X, с. 91; ПСРЛ, т. XV, стб. 342; ПСРЛ, т. XVI, с. 153; ПСРЛ, т. XXIII, с. 71; ПСРЛ, т. XXIV, с. 90; ПСРЛ, т. XXV, с. 120; ПСРЛ, т. XXVI, с. 69; ПСРЛ, т. XXXIII, с. 64].

так называемые «Каменные Могилы»[88]. Не остаётся иного, как идентифицировать современную реку Каратыш (в первой трети XVII в. – «Каратош» [Книга Большому чертежу 1950, с. 68]; в XIX и начале XX вв. – «Карата́ш», т. е. «Чёрный камень») с рекой «Калак/Калок», или первой Калкой.

Вторую Калку с большой степенью определённости следует связывать с современной рекой Кальчик («Кал» или «Кала»)[89] – она действительно находится сразу на восток от Каратыша, то есть по ходу движения русских дружин в мае 1223 г.; в названии имеет основу «Кал-» (местные жители называли её Калкой ещё в начале XX в.) [Саханев 1915, с. 87], а также неплохо вписывается в интерпретацию одной интересной археологической находки (разумеется, только в случае её верной атрибуции). Речь идёт о погребении знатного воина, обнаруженном у ОТФ «Куйбышево», к северо-западу от села Малоянисоль Володарского района Донецкой области Украины, на левом берегу верхнего течения Кальчика. Находка сделана случайно весной 1990 г. и представляет собой комплекс из шлема с маской, сабли, обрывков кольчуги, фрагментов костей человека и лошади, стремени, пуговицы и т. д. Публикатор комплекса Э. Е. Кравченко пришёл к выводу, что погибший воин был, вероятно, южнорусским чёрным клобуком, имел высокий социальный статус, а само захоронение было совершено скрытно, без соблюдения всех правил обряда, при экстремальных обстоятельствах. Этими обстоятельствами археолог считал Калкинское побоище 1223 г.[90]

---

[88] [Шмаков 1890, с. 25; Саханев 1915, с. 29]. Версия восходит к мнению местного священника И. Кириакова. Из существующих современных вариантов локализации «места камениста» наиболее интересным мне представляется построение Е. Н. Тарасенко (выходы розового гранита у кургана Могила-Серединовка между селами Тополиное и Шевченко Володарского р-на Донецкой обл.), но даже в нём поле сражения помещено не между двумя реками, а на разных берегах одной, при этом не объяснено, как эта пологая местность позволила Мстиславу Киевскому обороняться в течение трёх суток.

[89] [Книга Большому чертежу 1950, с. 68; Генеральная карта Азовской губернии 1782].

[90] [Кравченко 2003, с. 123–129]. Примечательно отметить, что расположение практически всех [скудных] археологических находок, которые так или иначе могут быть связаны с битвой на Калках, – у Могилы Широкой, плотины Опытной станции, близ заповедника Каменные Могилы, южнее Луганского (см.: [Тарасенко]) – очень показательно: в верховьях Каратыша и Кальчика.

На поле будущей битвы Мстислав Киевский всё время «**не движеся съ места никамо же; сталъ бо бе на горе надъ рекою надъ Калкомъ**»[91], то есть находился на западном, высоком берегу первой Калки. Мстислав же Галицкий, напротив, «**повеле впередъ переити рекоу Калкоу Данилови с полкы… а самъ по немъ переиде**»[92], и это указание Ипатьевской летописи напрямую связано с той второй, «следующей», рекой Калкой, где русские и половцы столкнулись с монголами. То есть на момент начала боевых действий киевского и галицкого князей разделяли не одна река, а минимум *две*. В этом смысле большую важность представляет небольшой фрагмент из «Hystoria Tartarorum» Цезаря де Бридиа, где со слов участников событий рассказывается следующее: «А команы, объединившись со всеми русскими (князьями), бились с тартарами между двумя ручейками – название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода овец».., и они были разгромлены тартарами»[93].

Разделение русских сил произошло после того, как «**стретоша и сторожьеве Татарьскыи сторожемъ же бившимъся с ними. и оубьенъ быс**[ть] **Иванъ Дмитреевичь. иная два с нимъ. Татаром же от**[ъ]**ехавшимъ**»[94]. Предполагаю, что это случилось в верховьях Каратыша и Кальчика, в треугольнике между современными селами Першотравневое, Розовка и Кальчиновка Донецкой области Украины.

Примерно до этого места и следует отсчитывать девять переходов, которые совершили русские войска 20–28 мая 1223 г. О маршруте этого движения источники не сообщили ничего, в литературе неоднократно указывалось, что таковым мог быть высо-

[91] «Никак не двигался с места, стал на верху над рекой Калком» [ПСРЛ, т. III, с. 63].

[92] «Повелел первым перейти реку Калку Данилу с дружиной.., а сам переправился за ними» [ПСРЛ, т. II, стб. 743].

[93] [Де Бридиа 2002, с. 108–109]. Совпадение с информацией Ипатьевской летописи происходит только в том случае, если этот отрывок понимать как указание на пространство, находящееся не между, а на разных берегах двух рек.

[94] «Встретила их татарская охрана. (Русская) стража билась с ними и убиты были Иван Дмитриевич и ещё два (человека) с ним. Татары же отступили» [ПСРЛ, т. II, стб. 743].

кий водораздел рек Вольнянки, Верхней Терсы с притоками Солёной и Широкой, Гайчура и Каменки на севере и Мокрой Московки и Конки с притоками на юге[95], что разумно – этот путь выбирали не князья, а монголы, причём по более поздним данным известно, что в степях Украины кочевники предпочитали передвигаться именно водоразделами (так называемыми *сакмами*. Литература по вопросу обширна[96]). Расстояние между Протолчьим бродом и Розовкой – около 190 км, средняя скорость движения союзных ратей по указанному маршруту должна была составлять примерно 21 км за световой день[97].

Момент окончания девятидневного похода Новгородская I летопись передаёт так: «[союзники] **заидоша за Калакъ реку, и послаша в сторожихъ Яруна с Половьци, а сами станомь сташа ту**»[98]. Сообщение необходимо комментировать. Во-первых, следует обратить внимание, что войска располагаются лагерем и выставляют сторожевое охранение, – это больше похоже на завершение дневного марша и подготовку к ночлегу (остальные варианты объяснения будут либо смешны (полуденный отдых во время военных действий), либо станут противоречить информации источников о том, что Джэбэ и Субэдэй не дали отдохнуть своим врагам[99]). Во-вторых, этот лагерь не один, их несколько (минимум – два): перейдя вторую Калку, Мстислав Галицкий «**Мьстиславоу же и дроугому Мьстиславоу седящема во станоу не ведоущема … не поведа има**»[100]. Мстиславы Киевский и Черниговский, о кото-

[95] [Кудряшов 1954, с. 119; Романов 1983, с. 256 (схема); Тарасенко; Запорожская область 2002, северная часть, Г2-К5].

[96] [Руссов 1876; Багалей, 1887; Новосельский 1948; Книга Большому Чертежу 1950; Восточнославянский мир 2008].

[97] Снижение её по сравнению со скоростью похода по Днепру объясняю как отсутствием реки, позволяющим убыстрять движение пехоты и обозов, так и наличием многочисленного скота, попавшего в руки союзников после переправы на Протолчах и замедлявшего движение в степи.

[98] «Зашли за реку Калак, отправили в охранение Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь» [ПСРЛ, т. III, с. 63].

[99] [Щавелева 2004, с. 205, 359; Dlugossii 1973, p. 216; Stryjkowski 1582, p. 259].

[100] «Мстиславу и другому Мстиславу, находившимся в лагере и ничего не знавшим.., не сообщил им» [ПСРЛ, т. II, стб. 743]. От себя замечу, что в данном случае слово «стан» (лагерь) можно перевести и во множественном числе.

рых идёт речь в отрывке, погибают по-разному; первый после трёхдневной осады своего оборонительного пункта (см. ниже), а второй – во время бегства к Днепру; значит, лагери князей на момент удара монгольской конницы должны были располагаться в разных местах. Смоленский же князь Владимир Рюрикович, выживший в калкской бойне, не упоминается ни с одним из трёх Мстиславов – можем полагать, что он держался в стороне и от союзников, и от основных событий побоища. И, наконец, окончание преследования союзниками монголов следует датировать *28 мая*. Эта дата доказана ещё в 1947 г. [Сердобольская 1947, с. 143], и логика этого доказательства представляется мне безупречной.

Повторю аргументы исследовательницы. Если суммировать данные источников о хронологии событий 1223 г., получается следующая картина: *апрель – сбор русско-половецких войск у Заруба [ПСРЛ, т. II, стб. 741]*, *17 дней похода по Днепру*[101], *один из вторников (мая?) – переправа союзников у Хортицы [ПСРЛ, т. II, стб. 743]*; *8, 9 или 12 дней – преследование русскими монголов*[102]; *30 или 31 мая – поражение на Калке*[103], *3 дня – оборона лагеря Мстислава Романовича*[104], *16 июня – вокняжение Владимира Рюриковича в Киеве*[105] *или же дата самой битвы*[106]. Как несложно заметить,

[101] [ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 202; ПСРЛ, т. XV, стб. 27; ПСРЛ, т. XVI, стб. 50; ПСРЛ, т. XLII, с. 111; ПСРЛ, т. XLIII, с. 85].

[102] 8 – [ПСРЛ, т. II, стб. 743; ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 279; ПСРЛ, т. VII, с. 131; ПСРЛ, т. X, с. 91; ПСРЛ, т. XV, стб. 341; ПСРЛ, т. XX, с. 152; ПСРЛ, т. XXIII, с. 70; ПСРЛ, т. XXIV, с. 89; ПСРЛ, т. XXV, с. 120; ПСРЛ, т. XXVI, с. 68; ПСРЛ, т. XXXIII, с. 63; ПСРЛ, т. XL, с. 116; Татищев, 1995, с. 217]; 9 – [ПСРЛ, т. III, с. 63, 266]; 12 – [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27; Щавелева 2004, с. 205, 359; Dlugossii 1973, p. 216; Stryjkowski 1582, p. 260].

[103] 30 – [ПСРЛ, т. I, стб. 447]; 31 – [ПСРЛ, т. III, с. 63, 267; ПСРЛ, т. XV, стб. 343; ПСРЛ, т. XXX, с. 85; ПСРЛ, т. XL, с. 116].

[104] [ПСРЛ, т. I, стб. 508; ПСРЛ, т. III, с. 63, 266; ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 281; ПСРЛ, т. VII, с. 131; ПСРЛ, т. X, с. 91; ПСРЛ, т. XV, стб. 342; ПСРЛ, т. XX, с. 153; ПСРЛ, т. XXIII, с. 71; ПСРЛ, т. XXIV, с. 90; ПСРЛ, т. XXV, с. 120; ПСРЛ, т. XXVI, с. 69; ПСРЛ, т. XXXIII, с. 64; Татищев 1995, с. 218].

[105] [ПСРЛ, т. XV, стб. 343; ПСРЛ, т. XL, с. 116].

[106] [ПСРЛ, т. I, стб. 509; ПСРЛ, т. IV, ч. 1, с. 203; ПСРЛ, т. VI, вып. 1, стб. 282; ПСРЛ, т. VII, с. 132; ПСРЛ, т. X, с. 92; ПСРЛ, т. XV, стб. 28; ПСРЛ, т. XVI, стб. 50; ПСРЛ, т. XX, с. 153; ПСРЛ, т. XXIII, с. 71; ПСРЛ, т. XXIV, с. 90; ПСРЛ, т. XXV, с. 121; ПСРЛ, т. XXVI, с. 69; ПСРЛ, т. XLII, с. 111; ПСРЛ, т. XLIII, с. 85; Татищев 1995, с. 218].

ключевой в этом ряду следует считать дату второго перехода через Днепр, а она вычисляется вполне уверенно. В мае 1223 г. вторниками были 2, 9, 16, 23 и 30 числа. Из них ввиду явной недостоверности отбрасываются последнее и первые два. Из оставшихся 23 мая, казалось бы, должно соответствовать сообщению о девятидневном движении к Калке, но при этом допущении время сбора дружин у Заруба никак не может иметь место в апреле (23 – 17 = 6 мая). Вторник 16 мая, казалось бы, противоречит летописным данным, но подтверждается сообщениями Ибн ал-Асира и польских историков (16 + 12 = 28 мая – это день поражения Мстислава Галицкого; + 3 = 31 мая – это день смерти Мстислава Романовича). То есть более исправная дата из Новгородской I летописи «**си же злоба сътворися месяца маия въ 31, на святого Еремья**»[107] *имеет в виду неслыханный факт гибели великого киевского князя от рук иноплеменников*, а не само сражение; даты битвы поздних летописей 16 июня (тем более месяцем позже [ПСРЛ, т. XXIV, с. 90, прим. «г»]) явно недостоверны и являются, скорее всего, обычными ошибками при переписывании текстов.

Столь подробное отступление необходимо было для аргументации того простого тезиса, что во второй половине дня 28 мая 1223 г. союзные русско-половецкие рати подошли к устьям Каратыша и Кальчика и после небольшой стычки *раздробили* свои силы: Мстислав Романович Киевский, Андрей и Александр Дубровецкий направились по течению Каратыша на юг, к «Каменным Могилам», а остальные обошли реку с севера по водоразделу – «**заидоша за Калакъ реку**»[108] – и окончательно разделились. Владимир Рюрикович Смоленский держался обособленно; Мстислав Святославич с сыном устроил свой стан совместно с трубчевским и путивльским князьями, а также Святославом Шумским и Юрием Несвижским (первый входил в число галицких и волынских князей, а второй владел уделом на Киевщине, то есть должен был находиться вместе

[107] «Эта беда случилась 31 мая, на память (святого) Иеремии» [ПСРЛ, т. III, с. 63].

[108] «Зашли за реку Калак» [ПСРЛ, т. III, с. 63]. Для проверки вывода рекомендую ознакомиться с данными географических карт или приложенной схемой (сообща союзники двигались с запада на восток примерно в сторону кургана Чёрная могила, затем произошло разделение сил).

с Мстиславом Романовичем). Где именно остановились смоленский князь и черниговская группировка – неизвестно, во всяком случае это должно было случиться между двумя Калками, отдельно друг от друга и от остальных русских дружин. Наиболее крупную коалицию составили сторонники Мстислава Мстиславича Галицкого, которые лагерь не разбивали. Это Данило Романович Волынский, луцкий князь Мстислав Немой, незначительные Изяслав Ингваревич и Святослав Яневский (Каневский?), Олег Курский из черниговских Ольговичей, половцы с Яруном и – возможно – «выгонцы галицкие», а также и чёрные клобуки (?). Мстислав Удатный отдаёт войскам приказ перейти вторую Калку (видимо, где-то в районе современного с. Малоянисоль или же севернее) и отправляет вперёд, «в сторожи», половцев с Яруном. *Русские войска*, таким образом, *растягиваются на полосе глубиной не менее 20 км*, *выходят из зоны прямой видимости и теряют между собой связь. Все последующие события происходят не компактно*, как принято понимать поражение русских и половцев на Калках, *а на обширном участке местности между реками Каратыш и Кальчик*.

Раздробив свои силы, русские совершают четвёртую, фатальную, ошибку. Если судить по поведению монголов при отступлении от Днепра – силы противников примерно равны или союзники немного превосходят монголов числом. После разделения войск *степняки получают трёх-четырёхкратный перевес над каждой отдельной княжеской группировкой*. Кроме того, только часть русских дружин готова к бою. Это самый удобный момент для нанесения удара: Джэбэ и Субэдэй предпринимают быстрое нападение, сбивают кыпчаков и гонят их на русские станы, причём острие удара не случайно приходится сначала на галицко-волынскую, затем черниговскую и только потом – на киевскую группировку. Обычно в войсках, подвергающихся внезапному нападению, молниеносно возникает паника, и они в беспорядке бегут (отдельные очаги сопротивления на общем положении дел уже не сказываются). *Никакого «правильного», то есть заранее спланированного русскими, сражения с предварительным облачением в доспехи и расстановкой на местности воинов в такой ситуации быть не может ни при каких обстоятельствах.*

Традиционное представление о битве на Калках основано, как мне представляется, на излишне прямолинейной или же субъективной интерпретации сообщений источников, особенно – русских летописных. По сути, все они говорят об одном и том же. Новгородская I летопись: русские князья «**заидоша за Калакъ реку, и послаша въ сторожихъ Яруна с Половьци, а сами *станомь* сташа ту. Тъгда же Ярунъ съступися с ними, хотя битися, *и побегоша не успевъше ничтоже, Половцы назадъ, и потъпташа бежаще станы русскыхъ князь, не успеша бо исполчитися противу имъ.* и съмятошася вся…**»[109]; Лаврентьевская летопись: «**А князи Русстии идоша и бишася с ними и побежени быша от них и мало ихъ избы от см**[е]**рти ихже остави судъ жити то ти оубежаша а прочии избьени быша**»[110]. Ибн ал-Асир: «Татары не переставали отступать, а те (русские и половцы. – *А.А.*) гнались по следам их 12 дней, (но) потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них: (для последних это было) *совершенно неожиданно*, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своём превосходстве над ними. *Не успели они собраться к бою,* как на них напали Татары с значительно превосходящими силами…» [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27]; Ян Длугош: «проделав 12 переходов, они (русские) достигли реки Калки, где уже расположили свой лагерь Татары. И тут же Татары, *не дав времени перевести дух*, напали на Русских и Половцев на 17-й день; когда были смяты и обращены в бегство Половцы, *пришли в замешательство*

[109] Перевод на современный русский язык такой: «Зашли за реку Калак, отправили в охранение Яруна с половцами, а сами разбили здесь лагерь. Тогда же Ярун соступился с ними, желая биться, и побежали, ничего не успев, половцы назад и потоптали при отступлении лагери русских князей, не успевших приготовиться к сражению с ними [татарами] … и смешались все» [ПСРЛ, т. III, с. 63]. «Испълчитися» – «снарядиться, изготовиться, укрепиться против» [Срезневский 1989 а, стб. 1140]. В нашем случае речь должна идти о том, что воины не успели или – что вернее – были лишены возможности надеть доспехи (как известно, русские войска передвигались на местности в походном порядке, доспехи и оружие перевозились отдельно), вооружиться, выйти из станов и принять боевое построение – только при этих условиях сражение можно считать «правильным».

[110] «А князья русские шли и бились с ними, и были побеждены от них, и немногие из них избежали смерти. Их же оставил [Божий] суд жить, и они убежали, а остальные были убиты» [ПСРЛ, т. I, стб. 446].

и боевые порядки Русских, и в два дня князья Мстислав Киевский и (лакуна, вероятно – «Мстислав» – *А.А.*) Черниговский были захвачены в плен, *причём началась резня* и, в то время как многие были перебиты, другие разбежались»[111].

Особняком в этом ряду стоит рассказ Ипатьевской летописи о ратных подвигах Даниила Волынского на Калке; он в той или иной форме отразился во многих русских летописях и послужил основой традиционного понимания событий. Процитирую его: «**На прочьне реце Калъке. оусретоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя Мьстиславъ же Мьстиславличь. повеле впередъ переити. рекоу Калкоу Данилови с полкы инемь полкомъ с нимъ. а самъ по немь переиде еха же самъ во стороже. видившоу же емоу полкъ Татарьскыя. приехавъ реч[е] вооружитеся. Мьстиславоу же и дроугому Мьстиславоу седящема во станоу не ведоущема. Мьстиславъ же не поведа има зависти рад[и]. бе бо котора велика межю има. сразившимся полкомъ на место. Данилъ же выеха на передъ. и Семьюнъ Олюевичь. и Василко Гавриловичь. поткоша. в полкы Тотарьскыя. Василкови же сбоденоу бывшю. а самомоу Данилоу боденоу бывшю в перси младъства ради и боуести. не чюяше ранъ бывшихъ на телеси его. бе бо возрастомъ. 18. летъ бе бо силенъ. Данилови же крепко борющися. избивающи Тотары. видивъ то Мьстиславъ. Немыи мневъ яко Данилъ сбоденъ быс[ть] потче и сам в не бе бо моужь и тъ крепокъ. понеже оужика сын Романоу. от племени Володимеря прирокомъ. Маномаха. бе бо великоу любовь имеа ко о[т]цю его. Емоу же пороучивше по смерти свою волость. дая князю Данилови. Татаром же бегающимъ. Данилови же избивающи ихъ своимъ полкомъ. и Олгови Коурьскомоу крепко бившимся. инемъ полкомъ. сразившимся с ними грехъ ради нашихъ. Роускимъ полкомъ побеженымъ бывшимъ.**

[111] [Dlugossii 1973, p. 216]. Известие ошибочно помещено под 1212 г. Тот же отрывок по новому переводу: «Часть русских князей и воинов шла на конях, а часть [плыла] на кораблях, [и так] дошли до Протолчи; там все пересели на коней и через двенадцать переходов достигли реки Калчи, где уже разбили свой лагерь татары. Татары, не дав русским и половцам времени на передышку, немедленно напали на них в семнадцатый день. Когда смятые половцы стали разбегаться, смешиваются и русские полки, и двое князей – Мстислав Киевский и <…> Черниговский – попадают в плен, а после долгой сечи, в которой многие либо пали, либо были пленены, остальные разбегаются» [Щавелева 2004, с. 359].

Данилъ видивъ яко крепцеиши брань належить. в ратных. стрельцемъ ихъ стреляющимъ крепце обрати конь свои на бегъ. оустремления ради противныхъ бежащю же емоу. и вжада воды. пивъ почюти раноу на телеси своемь. во брани не позна ея. крепости ради моужьства возраста своег[о]. бе бо дерзъ и храборъ. от главы и до ногоу его. не бе на немь порока. быс[ть] победа на вси князи Роускыя. тако же не бывало никогда же»[112]. В этом фрагменте настораживают несколько деталей: во-первых, Семён, Василько и Данило бросаются на врагов и тут же двое из них получают раны, с очень большой степенью вероятности – от обычных в этой ситуации монгольских стрел или метательных копий. То есть это сообщение ещё не может служить полноценным свидетельством прямого (боевого) столкновения русских с тяжеловооружённым противником или же следует говорить о скоротечности такого столкновения, каким оно было только что у кыпчаков. Во-вторых, о бегущем с поля боя Даниле летописец говорит, что «от головы и до ноги не было в нём порока», и такая похвала в данных обстоятельствах мне представляется крайне неуместной. В-третьих, само побоище – далеко не самое удачное место для объяснения, почему волынский

[112] «На другой реке Калке встретили татары половецкие полки и русские. Мстислав же Мстиславич (Удатный) приказал первым перейти реку Калку Данилу с дружиной и другому полку, а сам за ним перешёл. Ехал же он в авангард и видел татарское войско, вернулся и сказал: "Вооружайтесь!". Мстиславу же и другому Мстиславу, находившимся в лагерях и ничего не знавшим, Мстислав не сообщил из зависти, потому что была между ними большая ссора. Вступил полк в сражение, и Даниил выехал вперёд, и Семён Олюевич, и Василько Гаврилович бросились на татарское войско. Василько был заколот копьём, а сам Данил был ранен в грудь, но по молодости и дерзости не чувствовал раны на своём теле, ибо был возрастом 18 лет, ибо был силён. Данил же упорно сражался, побивая татар. Видел это Мстислав Немой, подумав, что Данил ранен, сам поскакал на них. Ибо был он человеком сильным, родственником Роману, из потомства Владимира, прозванного Мономахом, и великую любовь имел к отцу (Данила). Ему же после смерти завещал своё владение, дал князю Данилу. Татары же бегали. Данил же избивал их своим полком, и Олег Курский крепко бился другим отрядом. Сразились с ними и, из-за наших грехов, были побеждены русские войска. Видел Данил, что сражение становится жестоким и их лучники стреляют упорно, – поворотил коня своего назад из-за упорства противников и бежал. И захотел воды, пил и почувствовал рану на своём теле, в сражении не заметил её из-за силы и доблести возраста своего, ибо был смел и храбр, от главы и до ноги не было в нём порока. Было поражение всем князьям русским, такого же не бывало никогда» [ПСРЛ, т. II, стб. 743–745]. «Котора» – спор, ссора; «потъкнути» – устремиться, броситься; «събости» – поразить копьём, заколоть, сбросить ударом копья [Срезневский 1989 а, стб. 1300–1301; Срезневский 1989 б, стб. 1302; Срезневский 1989 в, стб. 651–652].

князь имеет право на Луцкую волость. В-четвёртых, возраст Данила указан неверно: в 1223 г. ему было не менее 21 года, а не 18 лет[113]. И в-пятых, фрагмент красочно живописует подвиги молодого и очень незначительного (в 1223 г.) Данилы Романовича, даже называет его по отчеству, но почти ничего не говорит о Мстиславе Галицком, хотя именно последний руководил войсками за второй Калкой. Всё вышеперечисленное заставляет сомневаться в правдивости отрывка и считать его вероятным результатом позднейшей редакторской обработки, что, кстати, по другим поводам неоднократно отмечалось в литературе[114]. Показательно, что при изъятии из рассказа Ипатьевской летописи всех фрагментов о Даниле получается такой текст: «**на прочьне реце Калъке. оусретоша и Тотарове Половецкыя полкы Роускыя … сразившимся с ними грехъ ради нашихъ. Роускимъ полкомъ побеженымъ бывшимъ … Бысть победа на вси князи Роускыя. тако же не бывало никогда же**»[115]. Что примечательно, полученный текст совпадает с версиями событий на Калках из других источников. С другой стороны, факт ранения молодого князя в сражении не мог не быть известным на Руси, видимо, как и остальных подробностей, сообщаемых летописью. Думаю, здесь имеем дело с книжной трактовкой событий в свете, удобном Данилу и его ближайшим родственникам (брату Василько). *Повторюсь: факт «правильного» со стороны русских сражения на Калках не может считаться бесспорным.*

Вернусь к изложению событий. Мстислав Романович разбил свой лагерь под защитой реки Каратыш, на её правом высоком берегу, в «месте каменистом» (вероятно, на территории современного заповедника «Каменные Могилы» на границе Донецкой

[113] Густынская летопись в статье под 6713/1205 г. в описании смерти Романа Мстиславича недвусмысленно сообщает: «И оста по немъ два сына его: Данило, имея летъ 4, и Василко двою летъ» («И после него остались два сына его – Данило четырёх лет и Василько двух лет» [ПСРЛ, т. XL, с. 110], то есть год рождения князя – 1202 или же 1201).

[114] [Лихачев 1949, с. 18; Пашуто 1950, с. 41, прим. 3–4; Эммаусский 1958, с. 77, 79, 88; Свердлов 1963, с. 144; Романов 1983, с. 83–87].

[115] «На другой реке Калке встретили татары половецкие полки и русские … Сразились с ними и, из-за наших грехов, были побеждены русские полки … Было поражение всем князьям русским, такого же не бывало никогда» [ПСРЛ, т. II, стб. 743–745].

и Запорожской областей Украины). Это место представляет собой скалистый район площадью около 3 км² с выходом на поверхность двух гранитных гряд по преимуществу серого и чёрного цветов, над которыми поднимаются девять возвышенностей до 200 м высотой. По описанию археолога В. Саханева, изучавшего этот район в 1910 г., здесь «подъём на вершины крайне тяжёл, так как поверхность камней гладкая и скользкая; нога не имеет упора и срывается, так что в иных местах возможно взобраться на скалы лишь на четвереньках» [Саханев 1915, с. 29]. Вечером 28 мая князь в условиях всеобщего хаоса и паники успел укрепить свой лагерь только «колами»–повозками[116]; был осаждён монгольским отрядом во главе с Цегырканом и Тешуканом[117] и трое суток успешно отбивался от них. Среди осаждающих имелся отряд полукочевых «бродников» (славяноязычное население степей, некоторые исследователи видят в них предшественников казаков. – *А.А.*), предводитель которых дал князьям клятву на кресте сохранить жизнь в случае сдачи. Находясь в безвыходной ситуации и поверив клятве Плоскыни[118], Мстислав Киевский, его зять Андрей и Александр Всеволодович [ПСРЛ, т. XL, с. 116] Дубровецкий сдались в плен. Князей, связав, уложили под дощатый настил, на котором был устроен победный пир. *Трое* пленников нашли здесь бескровную – т. е. гуманную и почётную, с точки зрения степняков, но бесславную и унизительную – для русских – смерть (31 мая)[119].

---

[116] «И ту угоши городъ около себе въ колехъ», то есть «и здесь соорудил укрепление вокруг себя из повозок» [ПСРЛ, т. III, с. 63; Срезневский 1989 а, стб. 1254].

[117] По сообщению Новгородской I летописи, «а у города того оста 2 воеводе Цьгырканъ и Тешюканъ» («а у укрепления того остались два воеводы, Цегыркан и Тешукан» [ПСРЛ, т. III, с. 63]). Под ними, вероятно, следует понимать Субэдэя и Джэбэ, потому как сам обычай устройства победного пира был прерогативой не военачальников среднего уровня, а исключительно руководителей похода (например: [Сокровенное сказание 2002, с. 148–149]). Но древнерусский книжник до неузнаваемости исказил имена монгольских полководцев: вторая половина этих имен («кан», то есть хан) явно свидетельствует о более высоком социальном статусе. Современный венгерский историк Стивен Поу, например, видит здесь изменённые имена самого Чингис-хана и его старшего сына Джучи [Поу 2017, с. 714].

[118] Информации об этом предводителе в летописании нет. Вероятно, он был (православным?) славянином.

[119] Здесь необходимо сделать оговорку: в жизнеописании Субэдея, вошедшем в китайскую династийную историю «Юань ши», говорится об одиночном сражении со старшим и младшим Мстиславами (Ми-чи-сы-лао 密赤思老), которое произошло

Чтобы понять, что случилось с основной частью русской армии в мае–июне 1223 г., уместно напомнить аналогичную ситуацию окружения и разгрома монголами венгерского войска на р. Шайо 11 апреля 1241 г.: «Несчастная толпа венгров, отчаявшись найти спасительное решение, не представляла, что делать. Никто не желал советоваться с другими, но каждый волновался только о себе, будучи не в силах заботиться об общем спасении. Они не защищались оружием от ливня стрел и копий, но, подставив спины, сплошь валились под этими ударами, как обычно падают желуди с сотрясаемого дуба … Тогда оставшиеся воины … всей душой стремились только к бегству … Татары же, видя, что войско венгров обратилось в бегство, как бы открыли им некий проход и позволили выйти, но не нападали на них, а следовали за ними с обеих сторон, не давая сворачивать ни туда, ни сюда. А вдоль дорог валялись вещи несчастных, золотые и серебряные сосуды, багряные одеяния и дорогое оружие. Но татары в своей неслыханной жестокости, нисколько не заботясь о военной добыче, ни во что не ставя награбленное ценное добро, стремились только к уничтожению людей. И когда они увидели, что те уже измучены трудной дорогой, их руки не могут держать оружия, а их ослабевшие ноги не в состоянии бежать дальше, тогда они начали со всех сторон поражать их копьями, рубить мечами, не щадя никого, но зверски уничтожая всех. Как осенние листья, они падали направо и налево; по всему пути валялись тела несчастных, стремительным потоком лилась кровь; бедная родина, обагренная кровью своих сынов, алела от края и до края. Тогда жалкие остатки войска, которыми ещё не насытился татарский меч, были прижаты к какому-то болоту, и другой дороги для выхода не оказалось; под напором татар туда попало множество венгров, и почти все они были поглощены водой и илом и погибли» [Фома Сплитский 1997, с. 108–109].

на реке Калке (А-ли-цзи хэ 阿里吉河) и в результате которого князья попали в плен. Жизнеописание Исмаила (Хэ-сы-май-ли 曷思麦里) добавляет, что захваченный в Железных горах владетель русских Мстислав (Ми-чжи-сы-ла 密只思腊) был доставлен к Джучи и затем казнён [Юань ши 2009, с. 228, 223]. В данном случае просто констатирую несовпадение данных в русских и китайских источниках.

Информация об отступлении русских скудна, но некоторые наблюдения сделать всё же можно. Они отходили в полном беспорядке, будучи разделены на несколько групп (черниговцы, смоляне, галичане и волынцы), двигались в сторону Днепра, но разными маршрутами, оказывали упорное сопротивление[120] и именно при бегстве понесли основные потери (6 из 9 погибших князей, все – из черниговской группировки. Это Мстислав Черниговский с сыном, Святослав Шумский, Юрий Несвижский, Изяслав Ингваревич, Святослав Яневский (или Каневский). Судьбы путивльского и трубчевского князей, а также предводителей «выгонцев» не известны). Условно датировать это отступление можно промежутком с 28 мая по 5 июня или даже на два-три дня раньше того. Больше шансов спастись было у тех, кто в момент атаки Джэбэ и Субэдэя находился при оружии, вне станов или в стороне от главного удара (Мстислава Галицкого, Данило Романовича, Владимира Рюриковича, Мстислава Луцкого и Олега Курского). Первым на Днепре оказался галицкий князь и там, как рассказывает летопись, «**Мьстислав Мьстислалиць переже перебегъ Днепръ, отрея от берега лодье, да не идуть Татари по нихъ, а самъ одва убежа; а прочии вои десятыи приде кождо въ свояси; а иныхъ Половци побиша ис коня, а иного ис порта**»[121]. Если с доверием относиться к сообщению Яна Длугоша, который мог и приукрасить свой рассказ, «когда же всё остальное множество русских, спасаясь бегством, прибыло к кораблям и обнаружило, что они разбиты, они, охваченные горем, что не смогут переплыть волн, ослабленные голодом, погибли там за исключением князей и некоторых их воинов, которые переправились через реки на лодках» [Щавелева 2004, с. 359–360].

[120] Факт подтверждается сообщениями источников. По Ибн ал-Асиру, «обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней» [Из летописи Ибн ал-Асира 2003, с. 27]. По сведениям Ц. де Бридиа, «крови с обоих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении» [Ц. де Бридиа 2002, с. 236]. Согласно Рашид ад-Дину, «они сражались в течение одной недели» [Рашид ад-Дин 2001 б, с. 229], а по замечанию Новгородской I летописи старшего извода, «бысть сеця зла и люта» («была сеча злая и лютая» [ПСРЛ, т. III, с. 63]).

[121] «Мстислав Мстиславич раньше (всех) переправился за Днепр, оттолкнув от берега ладьи, чтобы татары не гнались за ними, а сам едва убежал. А из остальных воинов вернулся один из десятка, а некоторых половцы убили из-за коня, а иных – из-за одежды» [ПСРЛ, т. III, с. 63].

Монголы преследовали отступающих, вероятно, правым берегом Днепра до города Новгород-Святополча (во всяком случае – не Новгорода-Северского, расположенного совсем в другой стороне), к югу от современного с. Витачов, чуть более 40 км ниже Киева; здесь повернули на северо-восток и направились в сторону Волжской Болгарии. На этом калкская операция завершилась (не позднее 16 июня).

Об этой дате можно говорить вполне уверенно, потому что именно 16 июня, когда миновала угроза монгольского вторжения на Русь, в Киеве вокняжился новый великий князь Владимир Рюрикович[122], избежавший смерти и плена на Калках. Подробности его бегства с побоища сообщил только В. Н. Татищев: «Владимир Рюрикович смоленский по разбитии полков их ночью отлучился от Мстислава и, собрав бегусчих своих и других князей войск до 5000, отшёл к Донцу. На котораго гнавшие татара неоднова нападение чинили, но он мужественно их 2 раза победил, много коней и ружья отнял, и был паче безопасен, и коней и писчу войску довольно имел, даже дошёл во область Черниговскую и шёл к Смоленску, не ведая о великом князе Мстиславе Романовиче. Но киевляне, уведав о убиении великаго князя, тотчас на вече избрали по старейшинству Владимира Рюриковича и послали за ним наскоро. Котораго, догнав у Стародуба, прилежно просили, чтоб неумедля пришёл в Киев и принял престол отца своего и оборонил землю Рускую от поганых. Он же хотя тяжко ранен был, но, не преслушав моления их, возвратился в Киев и прибыл иулиа 8-го дня, где принят был с радостию и плачем великим всего народа» [Татищев 1995, с. 219]. Источник сообщения В. Н. Татищева установить не удаётся (собственные догадки?), мне оно представляется весьма сомнительным.

Выводы из калкского урока русскими сделаны не были – это ещё одна, пятая и непростительная ошибка, последствия которой сказались во время нашествия Бату (1205 или 1209–1256)[123] на Русь в 1237–1242 гг., а также и значительно позже.

[122] [ПСРЛ, т. XV, стб. 343; ПСРЛ, т. XL, с. 116].

[123] Второй сын Джучи, внук Чингис-хана. Руководитель Западного похода на кыпчаков, Волжскую Болгарию, Русь и Европу в 1236–1242 гг. Основатель государства Золотая Орда. Имел прозвище «Саин» (Милостивый).

Не следует забывать, что в 1223 г. русским и половцам противостояла лучшая и наиболее боеспособная армия Евразии, – это признаётся всеми без исключения специалистами по военному делу. И если союзники, как это было повсеместно в Центральной Азии, Китае, Корее, Японии, Европе и т. д., не уступали (или почти не уступали) монголам ни выучкой и боевыми качествами профессиональных воинов, ни количеством и разнообразием оружия, то значительно проигрывали в выносливости, боеспособности и дисциплине бойцов. Командный состав армии Чингис-хана от низшего до высшего звена формировался по принципу личной инициативы и заслуг, в отличие от кочевых и оседлых соседей монголов, которые ставили во главу угла знатность и родовитость. Эта конная армия была сведена в однородные и подвижные корпуса-тумены, которые на войне эффективно взаимодействовали как друг с другом, так и с отдельными своими составными частями – тысячами, сотнями и десятками. Передвигаясь без обоза и с заводными лошадьми, вне зависимости от времени суток, монголы могли покрывать фантастические по меркам Средневековья расстояния. Прекрасно налаженные разведка и простые и надёжные средства связи позволяли им неожиданно появляться в любой нужной точке театра военных действий и при необходимости также неожиданно исчезать.

Обучение военному делу у монголов начиналось в раннем детстве, происходило в течение всей жизни и имело прямое отношение к степному институту массовых облавных охот[124], основные принципы которых были перенесены в область войны. Главным условием таких охот являлось идеально слаженное исполнение тактических маневров всей массой участников на обширном пространстве, а конечной целью – *тотальное истребление субъектов охоты*[125]. От малейшей ошибки любого охотника мог зависеть и общий неуспех подобных мероприятий, что в условиях

[124] [Вернадский 1939, с. 43; Хара-Даван 1991, с. 85–86; Кычанов 1995, с. 40, 152–153, 165, 217; Кушкумбаев 2009].

[125] Отмечено в области военного искусства: [Сандаг 1977, с. 40–41; Вернадский 1997, с. 116–126; Храпачевский 2004, с. 160–209, 257–273; Крадин, Скрынникова 2006, с. 418–430].

степи могло привести к голодной смерти не только индивидуума, но и всего коллектива. Поэтому каждый участник обязан был беспрекословно подчиняться жесточайшей дисциплине своих начальников, но также и действовать максимально гибко и эффективно для достижения наилучшего результата.

Поэтому-то в XIII веке в области военной тактики и различного рода уловок и хитростей монголам не было равных среди своих соседей; но даже среди самих монголов никто не мог сравниться в этом искусстве с Субэдэем [Юань ши 2009, с. 226–227, 229–230, 232–233] – вероятным руководителем похода 1220–1223 гг.

В силу вышеизложенного, события апреля–июня 1223 г. имеет смысл излагать не в виде традиционно понимаемого отдельного полевого, «правильного», сражения русских и половцев на реке Калке[126], а как *идеально организованную многодневную степную монгольскую операцию* со следующими основными этапами:

1. Разведывательный этап (апрель 1223 г.) – получение информации об общем сборе русско–половецких войск и близком походе в Дашт-и Кыпчак.

24–26 апреля, близ Заруба на Днепре – монгольское предложение мира и убийство парламентёров.

2. Подготовительный этап (26/27 апреля – 12/13 мая) – изучение местности и выработка плана военных действий. Наблюдение за действиями противника в его походе вдоль течения Днепра: первые признаки разлада среди союзников.

12–13 мая (выше порогов на Днепре?) – открытое объявление войны вторым монгольским посольством.

3. Непосредственно боевые действия. Этап притворного отступления (15/16 мая, о. Хортица – 28 мая, между реками Каратыш и Кальчик):

15–16 мая – выманивание союзников на левый берег Днепра: быстрое поражение отряда Гемябека, намеренно неумелая перестрелка через Протолчий брод и дезинформация противника внешним видом степных воинов, лёгкий захват русскими скота

[126] [Строков 1949, с. 71; Разин 1957, с. 217; Каргалов 1989, с. 67; Голыженков 1994, с. 31, 34–43; Шпаковский 2003, с. 38–40].

во второй стычке с кочевниками. Полный переход инициативы в войне к монголам.

20–28 мая – намеренное бегство к месту будущего разгрома, искусное изнурение сил союзников в походе, возможно – создание условий для усиления противоречий между русскими князьями (?).

28 мая (верховья Каратыша (?) – поражение монгольского передового отряда («сторожи») и усыпление бдительности союзников показным отступлением.

28 мая – начало июня 1223 г. – этап разгрома:

Вторая половина дня 28 мая (верховья Каратыша и Кальчика) – разделение русских сил в результате конфликта между князьями: часть коалиции находится в укреплённых лагерях (Мстислав Киевский, Мстислав Черниговский), часть – верхом (Мстислав Галицкий, Данило Волынский, кыпчаки и др.), войска союзников расходятся примерно на 20 км. Наиболее удобный момент для нанесения удара. Боевое столкновение монголов с кыпчаками на левом берегу р. Кальчик, направление потока бегущих на Мстислава Галицкого и лагерь Мстислава Черниговского, затем – в общем направлении к Днепру. Начало осады лагеря Мстислава Киевского в верхнем течении р. Каратыш.

28–31 мая («Каменные Могилы») – осада укреплённого лагеря Мстислава Романовича. Сдача в плен великого киевского князя, бескровная казнь трёх князей и победный пир монголов.

28 мая – начало июня (до 16 июня) – преследование бегущих до Днепра и причинение им максимального ущерба, убийство 6 князей. Проникновение на территорию Руси до Новгорода Святополча (?) и отход в степь. Окончание боевых действий.

Сокращения

АГУ – Алтайский государственный университет

ЗООИД – Записки Одесского Общества истории и древностей

ЗОРСА – Записки Отдела русской и славянской археологии императорского Русского Археологического общества

ИОРЯС – Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук

КГПИ – Кировский государственный педагогический институт

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

ЛГУ – Ленинградский государственный университет

ПГПИ – Пятигорский государственный педагогический институт

ПСРЛ – Полное собрание русских летописей

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

СА – Советская археология

ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы

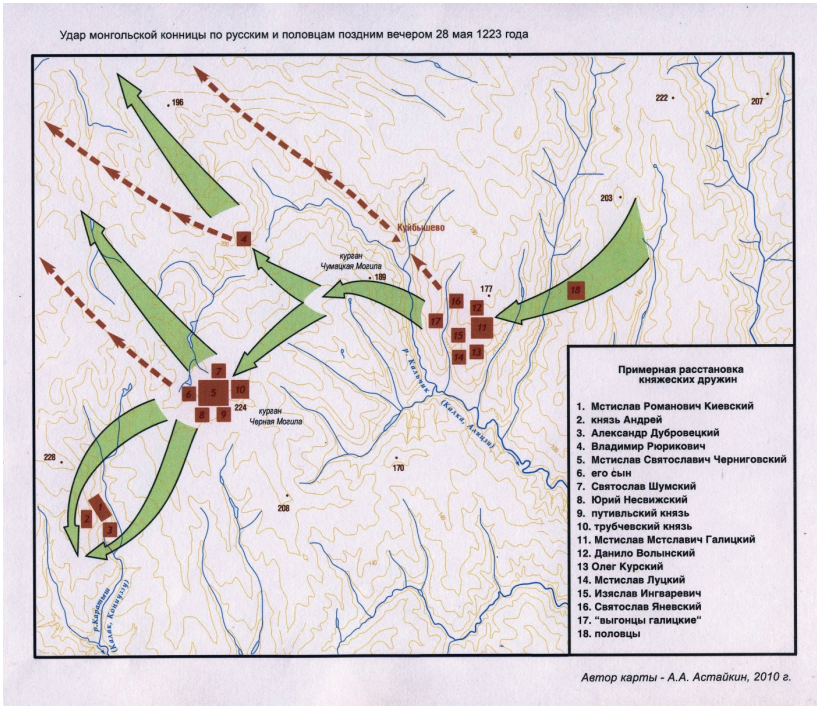

Рис. 1. Разгром русских и половцев
«на Калках» 28 мая 1223 г. (схема)

Источники и литература

1. Антонин 1863 – *Архимандрит Антонин*. Записки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом синаксаре // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V. С. 595–628.

2. Арцыбашев 1838 – *Арцыбашев Н. С.* Повествование о России. М.: Университетская типография, 1838. Т. I. Кн. 2. 323 с.

3. Астайкин 1993 – *Астайкин А. А.* (Андрей Береснев) Монголы и русские: первая кровь. Битва на Калке. Попытка реконструкции // Родина. 1993. № 7. С. 100–103.

4. Астайкин 1996 – *Астайкин А. А.* Первое столкновение русских с монголами // Мир Льва Гумилёва. Арабески истории. Вып. 3–4: Русский разлив. М.: ДИ ДИК; Танаис, 1996. Т. I. С. 445–455.

5. Астайкин 2006 а – *Астайкин А. А.* Русско-половецкие отношения. 6: Союз половцев с Киевом и Галичем. 1196–1236 годы (карта) // Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. Казань–М. – СПб.: Феория; Дизайн. Информация. Картография, 2006. С. 219.

6. Астайкин 2006 б – *Астайкин А. А.* Битва на Калке. 28–31 мая 1223 года (карта) // Атлас Tartarica. История татар и народов Евразии. Республика Татарстан вчера и сегодня. Казань–М. – СПб.: Феория; Дизайн. Информация. Картография, 2006. С. 279.

7. Астайкин 2008 – *Астайкин А. А.* Войны монголов в евразийских степях. Первая половина XIII века (карта) // Большой Атлас истории и культуры Казахстана. Алматы: АБДИ Компани, 2008. С. 236–237.

8. Астайкин 2011 – *Астайкин А. А.* Монгольские походы в Казахстане и Средней Азии. Монгольская империя к 1227 г. (карта) // Большой атлас Казахстана. М. – Алматы: Феория; Дизайн. Информация. Картография, 2011. С. 498–499.

9. Астайкин 2012 а – *Астайкин А. А.* Битва на Калке (карта) // Bulgarica. Время и пространство Болгарской цивилизации. М. – Казань: Феория, 2012. С. 398.

10. Астайкин 2012 б – *Астайкин А. А.* «Не успеша бо исполчитися противу имъ…»: русские и монголы в походе и битве на Калке (апрель–июнь 1223 г.) // Военное дело Улуса Джучи и его наследников: Сборник научных статей. Астана: Фолиант, 2012. С. 6–37.

11. Астайкин 2012 в – *Астайкин А. А.* «И бысть на Калках велика брань»: ещё раз о хронологической и географической реконструкции событий весны 1223 г. // Батыр. Традиционная военная культура народов Евразии. 2012, № 1–2 (4–5). С. 2–18.

12. Астайкин 2016 – *Астайкин А. А.* Битва на Калке: лебединая песнь кованых русских ратей в Степи // Электронный научный журнал «Filo Ariadne». 2016. № 4. URL: filoariadne.esrae.ru/6–101 (дата обращения: 21.07.2020).

13. Багалей 1887 – *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1887. 634 с.

14. Барсов 1865 – *Барсов Н. П.* Материалы для историко-географического словаря России. Вильна: Типография А. Сыркина, 1865. Ч. I. 228 с.

15. Беляшевский, 1889 – *Беляшевский Н. Ф.* Церковище возле дер. Монастырек Каневского у. Киевской губ. // Киевская старина, 1889. Т. XXIV. Январь. С. 210–213.

16. Беляшевский 1918 – *Беляшевский Н. Ф.* Розкопки в Зарубському монастирі // Наше минуле. Киев, 1918. Ч. 2. С. 200–201.

17. Бестужев-Рюмин 1864 – *Бестужев-Рюмин К. Н.* О злых временах татарщины и о страшном Мамаевом побоище. СПб.: Общественная польза, 1864. 64 с.

18. Боплан 2004 – *Гийом Левассер де Боплан.* Описание Украины. М.: Древлехранилище, 2004. 576 с.

19. Бочкарёв 1946 – *Бочкарёв В. Н.* Борьба русского народа с монголо-татарскими завоевателями. Димитрий Донской. М.: Военное издательство Министерства вооружённых сил, 1946. 24 с.

20. Бранденбург 1908 – *Бранденбург Н. Е.* Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга 1888–1902 гг. Работы в губерниях: Киевской, Полтавской, Харьковской, Каменец-Подольской, Екатеринославской, Таврической, Черниговской, Могилевской, Новгородской, Смоленской и в Области войска Донского. СПб.: Товарищество Н. Голике и А. Вильборг, 1908. 234 с.

21. Брокгауз и Ефрон 1895 – Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Типолитография И. А. Ефрона, 1895. Т. XIV. Калака–Кардам. 480 с.

22. Брун 1880 – *Брун Ф. К.* Черноморье. Сборник исследований по исторической географии Южной России. Одесса: Типография Г. Ульриха, 1880. Ч. II. 412 с.

23. Вернадский 1939 – *Вернадский Г. В.* О составе Великой «Ясы» Чингис-хана. С приложением главы о «Ясе» из «Истории» Джувейни в переводе В. Ф. Минорского // Studies in Russian and Oriental History. Bruxelles: Les Editions Petropolis, 1939. 54 с.

24. Вернадский 1997 – *Вернадский Г. В.* Монголы и Русь. Тверь – М.: ЛЕАН; АГРАФ, 1997. 480 с.

25. Генеральная карта 1782 – Генеральная карта Азовской, ныне Екатеринославской губернии, 1782. // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 17.

26. Генрих Латвийский 1938 – *Генрих Латвийский.* Хроника Ливонии // Известия иностранцев о народах СССР. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1938. 607 с.

27. Восточнославянский мир 2008 – Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего Средневековья: Материалы научной конференции. Воронеж: Истоки, 2008. 106 с.

28. Голыженков 1994 – *Голыженков И.* Битва на Калке 31 мая 1223 г. М.: Изограф, 1994. 47 с.

29. Греков 1986 – *Греков И. Б.*, *Шахмагонов Ф. Ф.* Мир истории. Русские земли в XIII–XV веках. М.: Молодая гвардия, 1986. 334 с.

30. Грушевский 1891 – *Грушевский М.* Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев: Типография Университета святого Владимира В. И. Завадского, 1891. 538 с.

31. Голицын 1877 – *Голицын Н. С.* Русская военная история. СПб.: Общественная польза, 1877. Т. I. 250 с.

32. Чингисхан. История завоевателя 2004 – Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад-Дином Ата-Меликом Джувейни. М.: Магистр-Пресс, 2004. 689 с.

33. Донецкая область 2002 – Донецкая область. Топографическая карта. Масштаб 1:200000. Киев: Киевская военно-топографическая фабрика, 2002.

34. Ельников 2008 – *Ельников М.* Золотоординські часи на українських землях. Київ: Наш час, 2008. 176 с.

35. Зайцев 1975 – *Зайцев А. К.* Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 57–117.

36. Зайцев 2009 – *Зайцев А.* К. Черниговское княжество X–XIII вв.: избранные труды. М.: Квадрига, 2009. 226 с.

37. Запорожская область 2002 – Запорожская область. Топографическая карта. Масштаб 1 : 200 000. Киев: Военно-топографическая фабрика, 2002.

38. Ибн ал-Асир 2006 – *Ибн ал-Асир.* Ал-Камил фи-т-та'рих. Полный свод истории. Ташкент: Узбекистан, 2006. 559 с.

39. Из «Истории завоевателя мира» 2003 – Из «Истории завоевателя мира» Джувейни (Тарих-и-джехангушай) // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 257–261.

40. Из летописи Ибн ал-Асира 2003 – Из летописи Ибн ал-Асира // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 11–39.

41. Иловайский 1880 – *Иловайский Д. И.* История России. М.: Типография П. Лебедева, 1880. Т. I. Ч. 2. 578 с.

42. Карамзин 1988 – *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Репринтное воспроизведение издания пятого. М.: Книга, 1988. Книга первая. Т. III. Стб. 141–145.

43. Каратеев 1990 – *Каратеев М.* Битва на Калке // Слово. 1990. № 12. С. 68.

44. Каргалов 1989 – *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI вв. М.: Издательство ДОСААФ СССР, 1989. 334 с.

45. Карта губерний 1857 – Карта губерний: Херсонской, Екатеринославской, Таврической и области Бессарабской, 1857 // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 32.

46. Карта Екатеринославской губернии 1910 – Карта Екатеринославской губернии Мариупольского уезда. СПб.: Картографический завод Ильина, 1910.

47. Карта описанию реки Днепра – Карта описанию реки Днепра и Азовского моря с впадающими в оные реками // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 17.

48. Карта части Украйны – Карта части Украйны с Новороссийскою губернией и Крымом // РГАДА. Ф. 192. Оп. 1. Екатеринославская губерния. Д. 5.

49. Картлис цховреба 1859 – Картлис цховреба (История Грузии). Грузинский текст. Тбилиси, 1859. Т. II., на груз. яз.

50. Катаев 1909 – *Катаев И. М.* Татары и порабощение ими Руси // Русская история в очерках и статьях. М.: Типолитография М. Люндорф, 1909. Т. I. С. 564–575.

51. Келтуяла 1911 – *Келтуяла В. А.* Краткий курс истории русской литературы. СПб.: Типография М. Стасюлевича, 1911. Ч. I. Кн. 2. 938 с.

52. Киракос Гандзакеци 1976 – *Киракос Гандзакеци.* История Армении. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1976. С. 356.

53. Книга Большому Чертежу 1950 – Книга Большому Чертежу. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 229 с.

54. Константин Багрянородный 1989 – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М.: Наука, 1989. 496 с.

55. Кравченко 2003 – *Кравченко Э. Е.* Погребение знатного воина XIII в. на реке Калке // Труды по археологии. Степи Европы в эпоху средневековья. Сборник научных работ. Донецк: Донецкий национальный университет, 2003. Т. 3. Половецко-золотоордынское время. С. 123–129.

56. Крадин, Скрынникова 2006 – *Крадин И. Н.*, *Скрынникова Т. Д.* Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература, 2006. 557 с.

57. Краткий летописец – Краткий летописец // РГАДА. Ф. 181. Оп. 1. Д. 66/89.

58. Кудряшов 1948 – *Кудряшов К. В.* Половецкая степь. М.: Государственное издательство географической литературы, 1948. 170 с.

59. Кудряшов 1954 – *Кудряшов К. В.* О местоположении реки Калки // Вопросы истории. 1954. № 9. С. 118–119.

60. Куза 1996 – *Куза А. В.* Древнерусские городища X–XIII вв. Свод археологических памятников. М.: Христианское издательство, 1996. 256 с.

61. Куник 1854 – *Куник А. А.* О признании 1223 года временем битвы при Калке // Ученые записки Академии Наук по первому и третьему отделениям. СПб., 1854. Т. II. Вып. 5. С. 765–787.

62. Кусков 1989 – *Кусков Е. В.* История древнерусской литературы. М.: Высшая школа, 1989. 301 с.

63. Кушкумбаев 2009 – *Кушкумбаев А. К.* Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. Сравнительно-историческое исследование. Кокшетау: Келешек-2030, 2009. 170 с.

64. Кушкумбаев 2010 – *Кушкумбаев А. К.* История военного дела кочевников Золотой Орды XIII–XV вв. // Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук. Алматы, 2010.

65. Кычанов 1995 – *Кычанов Е. И.* Жизнь Темучжина, думавшего покорить мир: Чингис-хан. личность и эпоха. М.: Восточная литература; Школа-Пресс, 1995. 272 с.

66. Лебединцев, 1889 – *Лебединцев П. Г.* К статье Беляшевского // Киевская старина, 1889. Т. XXIV. Январь. С. 213–217.

67. Летописец русский – Летописец русский // РГАДА. Ф. 181. Д. 351.

68. Лихачев 1949 – *Лихачев Д. С.* Летописные известия об Александре Поповиче // ТОДРЛ. М. – Л., 1949. Т. 7. с. 11–51.

69. Ляскоронский 1907 – *Ляскоронский В. Г.* Русские походы в степи в удельно-вечевое время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб.: Сенатская типография, 1907. 122 с.

70. Максимович 1901 – *Максимович Н. И.* Днепр и его бассейн. История и гидрография реки. Современные материалы по гидрологии Днепра и его главнейших притоков. Киев: Типография С. В. Кульженко, 1901. Кн. 1. 370 с.

71. Наумов 1823 – *Наумов П.* Об отношения российских князей к монгольским ханам от 1224 по 1480 год. СПб.: Типография Департамента народного просвещения, 1823. 83 с.

72. Новосельский 1948 – *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1948. 448 с.

73. Патканов 1873 – История монголов по армянским источникам. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1873. Вып. 1. 140 с.

74. Патканов 1874 – История монголов по армянским источникам. СПб.: Типография императорской Академии Наук, 1874. Вып. 2. 146 с.

75. Паус – Текст, вписанный рукой магистра И. Пауса на вкладных листах // ПСРЛ, Т. XXVII. Прил. II. С. 156–161.

76. Пашуто, 1950 – *Пашуто В. Т.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М.: Издательство АН СССР, 1950. 332 с.

77. Пашуто 1968 – *Пашуто В. Т.* Внешняя политика Древней Руси. М.: Наука, 1968. 474 с.

78. Плано Карпини 1997 – *Дж. дель Плано Карпини*. История монгалов. Г. де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 30–85.

79. Плетнева 1975 – *Плетнева С. А.* Половецкая земля // Древнерусские княжества X–XIII века. М.: Наука, 1975. С. 269–300.

80. Погодин – *Погодин М. П.* Князь Мстислав Галицкий. Б. м., б. г. 34 с.

81. Погодин 1872 – *Погодин М. П.* Древняя русская история. М.: Синодальная типография, 1872. Т. II. 667 с.

82. Поу 2017 – *Поу С.* Последняя кампания и смерть Джебе-нойона // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5. № 4. С. 698–725.

83. ПСРЛ, т. I – ПСРЛ, Т. I. Лаврентьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1997. 496 с.

84. ПСРЛ, т. II – ПСРЛ, Т. II. Ипатьевская летопись. М.: Языки русской культуры, 1998. 647 с.

85. ПСРЛ, т. III – ПСРЛ, Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.: Языки русской культуры, 2000. 720 с.

86. ПСРЛ, т. IV, ч. 1 – ПСРЛ, Т. IV. Ч. 1. Новгородская четвёртая летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 728 с.

87. ПСРЛ, т. IV, ч. 2 – ПСРЛ, Т. IV. Ч. 2. Вып. 1. Новгородская 5-я летопись. Пг.: Типография Я. Башмаков и К°, 1917. 264 с.

88. ПСРЛ, т. V – ПСРЛ, Т. V. Вып. 1. Софийская первая летопись. Л: Издательство Российской Академии наук, 1925. 245 с.

89. ПСРЛ, т. VI – ПСРЛ, Т. VI. Вып. 1 Софийская первая летопись старшего извода. М.: Языки русской культуры, 2000. 312 с.

90. ПСРЛ, т. VII – ПСРЛ, Т. VII. Воскресенская летопись. М.: Языки русской культуры, 2001. 360 с.

91. ПСРЛ, т. X – ПСРЛ, Т. X. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

92. ПСРЛ, т. XV – ПСРЛ, Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М.: Языки русской культуры, 2000. 432 с.

93. ПСРЛ, т. XVI – ПСРЛ, Т. XVI. Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. М.: Языки русской культуры, 2000. 240 с.

94. ПСРЛ, т. XXIII – ПСРЛ, Т. XXIII. Ермолинская летопись. М.: Языки славянской культуры, 2004. 256 с.

95. ПСРЛ, т. XXIV – ПСРЛ, Т. XXIV. Типографская летопись. М.: Языки русской культуры, 2000. 288 с.

96. ПСРЛ т. XXV – ПСРЛ, Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.: Языки славянской культуры, 2004. 488 с.

97. ПСРЛ, т. XXVI – ПСРЛ, Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2006. 432 с.

98. ПСРЛ, т. XXVII – ПСРЛ, Т. XXVII. Никаноровская летопись. Сокращённые летописные своды конца XV века. М.: Языки славянских культур, 2007. 436 с.

99. ПСРЛ, т. XXXIII – ПСРЛ, Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. Л.: Наука, 1977. 250 с.

100. ПСРЛ, т. XXXIV – ПСРЛ, Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М.: Наука, 1978. 304 с.

101. ПСРЛ, т. XXXV – ПСРЛ, Т. 35. Летописи белорусско-литовские. М.: Наука, 1980. 307 с.

102. ПСРЛ, т. XXXVII – ПСРЛ, Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 228 с.

103. ПСРЛ, т. XL – ПСРЛ, Т. 40. Густынская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 202 с.

104. ПСРЛ, т. XLII – ПСРЛ, Т. 42. Новгородская Карамзинская летопись. СПб.: Дмитрий Буланин. 2002. 222 с.

105. ПСРЛ, т. XLIII – ПСРЛ, Т. XLIII. Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.

106. Разин 1957 – *Разин Е. А.* История военного искусства. М.: Воениздат, 1957. Т. 2. 654 с.

107. Рашид ад-Дин 2001 а – *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей в трёх томах. М.: Ладомир, 2001. Т. 1. Кн. 1–2. С. 1–221.

108. Рашид ад-Дин 2001 б – *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей в трёх томах. М.: Ладомир, 2001. Т. 1. Кн. 2. С. 1–315.

109. Рашид ад-Дин 2003 – Извлечение из «Сборника летописей» Рашид ад-Дина // Золотая Орда в источниках. Том первый. Арабские и персидские сочинения. М.: Наука, 2003. С. 400–436.

110. Романов 1982 – *Романов В. К.* Битва при реке Калке и её отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование) // Автореферат диссертации, представленной на соискание научной степени кандидата исторических наук. М. 1982.

111. Романов 1983 – *Романов В. К.* Битва при реке Калке и её отражение в русском летописании (историко-текстологическое исследование) // Диссертация, представленная на соискание научной степени кандидата исторических наук. М., 1983.

112. Русов 1876 – *Русов А. А.* Русские тракты в конце XVII и начале XVIII веков и некоторые данные о Днепре из атласа конца прошлого столетия. Киев: Типография М. П. Фрица, 1876. С. 47–150.

113. Сандаг 1977 – *Сандаг Ш.* Образование единого Монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 23–45.

114. Саханев 1915 – *Саханев В.* Разведка на месте битвы при р. Калке 1224 г. // ЗОРСА. Пг., 1915. Т. XI. С. 22–34.

115. Свердлов 1963 – *Свердлов М. В.* К вопросу о летописных источниках «Повести о битве на Калке» // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы. 1963. № 2. Вып. 1. С. 139–144.

116. Святский 1915 – *Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения // ИОРЯС. Пг., 1915. Т. 20. Кн. 1. 214 с.

117. Сердобольская 1947 – *Сердобольская С. А.* К вопросу о хронологии похода русских князей против татар и битвы на реке Калке // Сборник научных трудов ПГПИ. Ставрополь, 1947. Вып. 1. С. 135–143.

118. Сердобольская 1949 – *Сердобольская Л. А.* К вопросу о месторасположении острова Варяжского на Днепре // Сборник научных трудов ПГПИ. Пятигорск, 1949. Вып. 4. С. 213–217.

119. Середонин 1916 – *Середонин С. М.* Историческая география. Пг.: Типография Главного управления уделов, 1916. 241 с.

120. Скрынников 2006 – *Скрынников Р. Г.* Русская история IX–XVII веков. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2006. 582 с.

121. Советская историческая энциклопедия 1965 – Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 6. Индра–Каракас. Стб. 1022.

122. Сокровенное сказание 2002 – Сокровенное сказание монголов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002. 156 с.

123. Спицын 1917 – *Спицын А. А.* Русская историческая география. Учебный курс. Пг.: Типография Я. Башмаков и К°, 1917. 68 с.

124. Срезневский 1989 а – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Книга, 1989. Т. 1. Ч. 2. Стб. 805–1420.

125. Срезневский 1989 б – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Книга, 1989. Т. 2. Ч. 2. Стб. 853–1802.

126. Срезневский 1989 в – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. М.: Книга, 1989. Т. 3. Ч. 1. Стб. 1–910.

127. Строков 1949 – *Строков А. А.* Военное искусство Руси периода феодальной раздробленности. М.: Воениздат, 1949. Т. I. 343 с.

128. Субботина 1910 – *Субботина Н. М.* История кометы Галлея. СПб.: Общественная польза, 1910. 160 с.

129. Тарасенко – *Тарасенко Е. Н.* Окрестности Розовки до монгольского нашествия. Исторический очерк. Глава 6. Битва на Калке // Исторический сайт «Папакома». URL: http://papacoma.narod.ru/ books/rozovka/ rozovka_6.htm (дата обращения: 24.07.2020)

130. Татищев 1995 – *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Тома II и III. История Российская. Часть вторая. М.: Ладомир, 1995. Т. III. С. 215–218.

131. Толочко 1987 – *Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. Киев: Наукова думка, 1987. 246 с.

132. Трефильев 1905 – *Трефильев Е. П.* Археологическая экскурсия по течению рр. Кальмиуса и Кальчика в пределах Мариупольского уезда, Екатеринославской губернии летом 1904 г. // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. 1905. г. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Собко, 1907. Т. I. С. 366–368.

133. Феннел 1989 – *Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси 1200–1304. М.: Прогресс, 1989. 292 с.

134. Фома Сплитский 1997 – *Фома Сплитский.* История архиепископов Салоны и Сплита. М.: Индрик, 1997. 320 с.

135. Хара-Даван 1991 – *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие. Культурно-исторический очерк Монгольской империи XII–XIV вв. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. 221 с.

136. Храпачевский 2004 – *Храпачевский Р. П.* Военная держава Чингисхана. М.: АСТ; ВЗОИ, 2004. 557 с.

137. Де Бридиа 2002 – Hystoria Tartarorum fratri C. de Bridia. «История татар» брата Ц. де Бридиа // Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 года. СПб.: Евразия, 2002. 478 с.

138. Цыб 2008 – *Цыб С. В.* Когда была битва на Калке (историография вопроса) // Известия АГУ. 2008. № 4/2. С. 217–222.

139. Цыб 2009 – *Цыб С. В.* Когда была битва на Калке // Известия АГУ. 2009. № 4/3. С. 240–244.

140. Череванский 1898 – *Череванский В.* Хронология событий в ходе борьбы России с татаро-монголами. СПб.: Государственная типография, 1898. 42 с.

141. Черепнин 1977 – *Черепнин Л. В.* Монголы на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Европе и Азии: Сб. ст. М.: Наука, 1977. С. 186–209.

142. Шихаб ан-Насави 1996 – *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны). М.: Восточная литература, 1996. 798 с.

143. Шмаков 1890 – *Шмаков И.* Побоище на Калке // Екатеринославские губернские ведомости. 1890. № 60.

144. Шпаковский 2003 – Шпаковский В. В лето 1223-е. Битва на Калке. М.: Восточный горизонт, 2003. 64 с.

145. Щавелева 2004 – *Щавелева Н. И.* Древняя Русь в «Польской истории» Яна Длугоша (Книги I–VI). М.: Памятники исторической мысли, 2004. 495 с.

146. Эммаусский 1958 – *Эммаусский А. В.* Летописные известия о первом нашествии монголо-татар на Восточную Европу // Ученые записки КГПИ. Историко-филологический факультет. Киров, 1958. Вып. 17. Т. 1. С. 59–109.

147. Юань ши 2009 – Юань ши (Официальная хроника династии Юань) // Золотая Орда в источниках. Том третий. Китайские и монгольские источники. Собрание сведений, относящихся к истории Золотой

Орды (Улусу Джучи), из китайских и монгольских источников. М.: Наука, 2009. С. 121–296, 241–242.

148. Juvaini 1958 – *Juvaini*. The History of the World Conqueror by Ala ad-Din Ata-Malik Juvaini. Trans. by John Boyle. Cambridge Mass.: Harvard University Press, 1958. Vol. I. P. 424.

149. Dlugossii 1973 – *Ioannis Dlugossii*. Annales seu cronicae incliti regni Poloniae. Varsaviae, 1973. Lib. VI. P. 215–216. Перевод И. Е. Сурикова (не опубликован).

150. Stryjkowski 1582 – Ktora przedtum nigdy swialta nie widziala. Kronika Polska, Litewska, Żmódska i wszystkiéj Rusi Macieje Stryjkowskiego. Konigsberg, 1582. С. 258–260. Перевод Е. Н. Федотовой (не опубликован).

ORCID: 0000-0002-9988-1789

С. В. Дмитриев[*]

Битва на Калке (1223) в китайском летописании (к вопросу об основных закономерностях и этапах изучения истории Монгольской империи в старом Китае)[**]

Дорогой для меня памяти
Павла Михайловича Кожина (1934–2016),
который почти два десятка лет назад
велел мне написать эту статью

Аннотация. В статье приводятся сведения китайских летописей XIV–XX вв., касающиеся первого европейского похода монголов, эпизодом которого была битва на р. Калке (1223). Анализ освещения событий в череде летописей и хроник позволяет сделать ряд выводов, касающихся особенностей традиционного историописания в Китае и важнейших этапов его трансформации под влиянием западной науки.

Ключевые слова: Калка, монголы, Русь, аланы, половцы, кипчаки, Крым, Китай, летописи, историография, история науки

Sergey V. Dmitriev[***]

The Battle on the Kalka River (1223) in Chinese Chronicles (on the Main Patterns and Stages of the Studies in the History of Mongol Empire in Old China)

[*] ***Дмитриев Сергей Викторович***, канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), sdmitriev@ivran.ru

[**] Мне бы хотелось начать с выражения глубочайшей благодарности и искренней признательности многоуважаемому коллеге Роману Хаутала (Roman Hautala), доценту Университета Улу, Финляндия, без внимания и советов которого данная статья была бы заметно хуже и вообще вряд ли имела бы смысл.

Также я более чем благодарен Н. В. Руденко, чья редакторская зоркость превосходит все меры, указанные человеку. Без него эта статья также не стоила бы публикации.

[***] ***Dmitriev Sergey Victorovich***, Ph. D. (History), Leading Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), sdmitriev@ivran.ru

© Дмитриев С. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Abstract. This article introduces contains the data from Chinese chronicles of XIV–XXth centuries dealing with the first European campaign of the Mongols, part of which was the battle on the Kalka River (1223) where Russians first met Mongols. The analysis of the information in chronicles gives us an opportunity to make some observations on traditional historical writings in China and their transformation under the influence of Western science.

Keywords: Kalka River, Mongols, Russia, Alans, Ossets, Polovtsi, Kipchaks, Crimea, China, chronicles, historiography, history, history of knowledge

Первое (довольно неприятное) знакомство русских с монголами, как известно, произошло в 1223 г. непосредственно перед битвой на р. Калке, и детали этого контакта обычно реконструируются на основе данных русских летописей – что, без сомнения, разумно. Однако стоит отметить, что кое-какая информация об этих событиях может быть обнаружена и в китайских источниках[1]. Не вся она может быть признана ценной, детальной и даже оригинальной – но, без сомнения, учесть её стоит, тем более что анализ сохранения в историографической традиции информации – крайне экзотичной и совершенно не актуальной для китайского автора и читателя – как кажется, может быть полезным для понимания принципов функционирования китайского летописания позднего Средневековья и Нового времени.

Некоторые отсылки к интересующим нас событиям могут быть найдены уже в официальной истории империи Юань «Юань ши» 元史 («История Юань»), составленной в 1369–1370 гг. в 210 *цзюанях* коллективом авторов под руководством Сун Ляня 宋濂 (1310–1381) и Ван И 王禕 (1321–1373) и затем утверждённой императорским указом в статусе официальной/стандартной истории (*чжэн ши* 正史) первым правителем империи Мин (1368–1644) Чжу Юань-чжаном 朱元璋 (1328–1398, император с 1368 г.). Стоит отметить, что этот памятник, во многом благодаря поспешности его создания, как считается, в очень значительной степени состоит из фрагментов оригинальных юаньских документов и записей, часто вовсе не прошедших через какую-либо редактуру, что повышает ценность его сведений.

Наиболее подробное описание этого похода Субэдэя Sobːkidːi (ок. 1175–1248), кажется, содержится в его биографии (цз. 121)[2]:

> 癸未，速不臺上奏，請討欽察，許之。遂引兵繞寬定吉思海，展轉至太和嶺；鑿石開道，出其不意。至則遇其酋長玉裏吉及塔塔哈兒，方聚於不租河，縱兵奮擊，其眾潰走。矢及玉裏吉之子，逃於林間，其奴來告而執之，余眾悉降，遂收其境。又至阿裏吉河，與斡羅思部大、小密赤思老遇，一戰降之，略阿速部而還。欽察之奴來告其主者，速不臺縱為民。還，以聞，帝曰：“奴不忠其主，肯忠他人乎？”遂戮之。
>
> [В год] *гуй-вэй* (2.02.1223–21.01.1224. – *С.Д.*) *Су-бу-тай*[3] подал доклад, прося покарать *цинь-ча*[4], [получил] согласие на это. Затем, ведя воинов, обошёл море *Куань-дин-цзи-сы*[5], осматриваясь и петляя, достиг хребта *Тай-хэ*[6]; [воины] долбили камень, [чтобы] открыть путь, и вышли [там, где] те не ожидали[7]. Достиг [земель] – встретился с тамошними вождями *Юй-ли-цзи*[8] и *Та-та-ха-эром*[9], [которые] как раз собрались на реке *Бу-цзу*[10], пустил воинов в летучую атаку, их толпы[11] рассеялись и бежали. Стрела настигла сына *Юй-ли-цзи*, [он] скрылся среди лесов, его раб[12] пришёл сообщить [об этом], и [благодаря этому Субэдэй] задержал его, остальные толпы полностью сдались, после чего [Субэдэй] взял их пределы. Также достиг реки *А-ли-цзи*[13], встретился с большим и малым *Ми-чи-сы-лао*[14] области[15] *во-ло-сы*[16], единожды сразился [и заставил] их сдаться, прошёл[17] [через] область *а-су*[18] (асы, аланы. – *С.Д.*) и вернулся[19]. Кипчакского раба, который пришёл сообщить о своём хозяине, *Су-бу-тай* отпустил [на свободу], сделав простолюдином. [Когда] вернулся, то, услышав об этом, император сказал: «Раб, который не был верен своему хозяину, готов ли быть верным другому человеку?». После чего казнил его [ЮШ, цз. 121, с. 235].

Как известно, спешка при составлении «Юань ши», в частности, привела к тому, что в этой книге у Субэдэя есть две биографии – авторы были введены в заблуждение иным вариантом транскрипции его имени (*Сюэ-бу-тай* 雪不台). Во второй биографии из 122 цз.[20] также упоминаются интересующие нас события – но, увы, гораздо короче:

十八年，討定欽察，鏖戰斡羅思大小密赤思老，降之。(…)十九年，獻馬萬匹。

В восемнадцатом году [правления Чингис-хана] (2.2.1223–21.1.1224. – *С.Д.*) покарал и утихомирил *цинь-ча*, имел кровопролитное сражение с большим и малым *Ми-чи-сы-лао* [области] *во-ло-сы*, [заставил] их сдаться. В девятнадцатом году (22.01.1224–08.01.1225. – *С.Д.*) преподнёс [правителю] десять тысяч лошадей [ЮШ, цз. 122, с. 237].

Биографии второго командира похода, Джэбэ Jᵻ$ (ок. 1165–1223/1225), в «Юань ши», как ни странно, нет.

Последний текст хроники, где упоминаются эти события (кажется, информация восходит к иному источнику) – биография одного из участников похода, семиреченского тюрка Исмаила (*Хэ-сы-май-ли* 曷思麥裹) (ум. 1255)[21]:

帝遣使趣哲伯疾馳以討欽察。命曷思麥里招諭曲兒忒、失兒灣沙等城，悉降。至谷兒只部及阿速部，以兵拒敵，皆戰敗而降。又招降黑林城，進擊斡羅思於鐵兒山，克之，獲其國主密只思臘，哲伯命曷思麥裹獻諸術赤太子，誅之。尋征康裹，至孛子八里城，與其主霍脫思罕戰，又敗其軍，進至欽察亦平之。軍還，哲伯卒。

Император отправил посланника поторопить *Чжэ-бо* спешно[22] гнать коней, чтобы покарать *цинь-ча*. Приказал *Хэ-сы-май-ли* призвать к осознанию [необходимости покориться] такие города, как *Цюй-эр-тэ*[23] (курды? – *С.Д.*), *Ши-эр-вань-ша* (ширваншаха. – *С.Д.*), [все] полностью сдались. Достигли области *гу-эр-чжи*[24], а также области *а-су*[25], посредством воинов дали отпор врагам, всех в сражениях разбили и [заставили] сдаться. Также [Исмаил] призвал к сдаче город Чёрный Лес (? – *С.Д.*)[26], продвинувшись [вперёд], атаковали *во-ло-сы* в Железных горах (? – *С.Д.*)[27], одолели их, поймали главу их государства *Ми-чжи-сы-ла*[28], *Чжэ-бо* (Джэбэ. – *С.Д.*) приказал *Хэ-сы-май-ли* преподнести его наследнику *Шу-чи* (Джучи. – *С.Д.*), [тот] покарал его[29]. Продолжив, пошли карательным походом на *кан-ли*[30], достигли города *Бо-цзы-ба-ли*[31], сразились с его главой *Хо-то-сы*-ханом[32], вновь разбили его войска, продвинувшись, достигли *цинь-ча* и также усмирили их[33]. [Когда] войска возвращались, *Чжэ-бо* умер[34] [ЮШ, цз. 120, с. 234].

Смутный намёк на участие в походе Джэбэ и Субэдэя есть в биографии Го Бао-юя 郭寶玉[35], цзиньского офицера китайского происхождения, перешедшего на сторону монголов вскоре после нападения последних на чжурчжэньскую империю. В конце его бурной (и весьма беллетризировано изложенной в «Юань ши») биографии, в которой в том числе описывается его участие во многих походах Чингис-хана и его полководцев (взятие Пекина, кампания в землях каракитаев, поход в Хорезм), сказано:

> 從柘柏、速不台二先鋒收契丹、渤海等諸國，有功，累遷斷事官，卒于賀蘭山。
>
> Следовал за двумя «передовыми остриями» *Чжэ-бо* [и] *Су-бутая*, взял все такие государства, как *Ци-дань*, *Бохай*, имел заслуги; утомился [и был] переведён в *дуань-ши гуани*[36], скончался в [горах] Хэланьшань[37] [ЮШ, цз. 149, с. 278].

Датировать кончину героя (и тем более его предполагаемое участие в походе двух полководцев) затруднительно – последняя дата, предшествующая данному сообщению, датирована третьим месяцем года *жэнь-у* 壬午 (14.04 – 12.05.1222 г.) и непонятно, насколько далеко датированное событие (никак не связанное с походом двух полководцев), отстоит от интересующего нас времени. Очевидно, в биографии многое напутано – как мы знаем, «два передовых острия» Джэбэ и Субэдэя были направлены ровно в противоположную сторону от киданей и Бохайского залива. Судя по всему, под Бохаем биограф понимал Каспийское или Аральское моря (или Балхаш?), у которых Го Бао-юй и правда имел возможности отличиться; возможно, такая замена произошла в результате правки – автор или редактор биографии прекрасно знал, что кидани жили неподалёку от Бохая, и исправил «ошибочное» оригинальное название (которое, возможно, было выражено как-то поэтически, а не общеизвестным топонимом).

Учитывая беллетризированность биографии, в принципе трудно утверждать, что Го Бао-юй участвовал в походе двух полководцев – нельзя исключать, что автор биографии (возможно, потомок Го) просто знал об этой славной экспедиции и посчитал соблазнительным вписать своего персонажа в число его участ-

ников. Косвенно этот вариант может быть подтверждён тем, что успехи Го Бао-юя в других походах в биографии отражены гораздо подробнее. И даже если участие Го в экспедиции имело место, совершенно неясно, прошёл ли он с Джэбэ и Субэдэем весь путь, или, например, принимал участие только в погоне за хорезмшахом – но полностью исключать вероятность участия китайского полководца в битве на Калке мы не можем.

В общем, перед нами довольно скудный и ненадёжный источник, но его также стоит учесть – как минимум судя по особой транскрипции имени Джэбэ, перед нами, возможно, следы ещё одной, третьей традиции описания похода, основанной, скорее всего, на семейных преданиях поколений потомков Го Бао-юя, со временем в ряде моментов становившихся всё более цветистыми и затуманенными.

Монгольская история продолжала занимать китайских историков и после[38]. В XVII в. вышла книга Шао Юань-пина 邵遠平 (получил учёную степень *цзиньши* 進士 в 1664 г.) «Юань ши лэйбянь» 元史類編 («История Юань: редакция с разбивкой по категориям[39]»), в 42 *цзюанях*. Книга была оценена довольно высоко (по контрасту с раскритикованной многими «Юань ши»), но в нашем случае её информация не слишком интересна: биография Субэдэя явно повторяет данные более ранней хроники, лишь слегка редактируя их.

> 明年奏，請討欽察。遂引兵繞寬田吉思海，轉至太和嶺，鑿石開道，出不意。至則遇其部長玉里吉及塔塔哈兒，方聚于不租河。縱兵奮擊，眾潰走。遂收其境，又至阿裏吉河，與斡羅思部大、小密赤思老遇，一戰降之。大掠阿速部而還。
>
> На следующий год (1223 – *С.Д.*) [Субэдэй] подал доклад, прося покарать *цинь-ча*. Затем, ведя воинов, обошёл море *Куань-тянь-цзи-сы* (Каспийское. – *С.Д.*), повернув, достиг хребта *Тай-хэ*, долбили камень, чтобы открыть путь, и вышли [там, где те] не ожидали. Достиг [земель] и встретился с тамошними вождями *Юй-ли-цзи* и *Та-та-ха-эром*, [которые] как раз встретились на реке *Бу-цзу*, пустил воинов в летучую атаку, [их] толпы рассеялись и бежали. После [Субэдэй] взял их пределы. Также достиг реки *А-ли-цзи*, встретился с большим

и малым *Ми-чи-сы-лао* области *во-ло-сы*, единожды сразился [и заставил] их сдаться. Сильно ограбил область *а-су* и вернулся [ЮШЛБ, цз. 17, с. 260 (л. 31)].

Схожая ситуация и с биографией Исмаила:

帝遣使趣哲伯疾馳以討欽察。命曷思麥里招諭曲兒忒、失兒灣沙等城，悉來附。至谷兒只部及阿速部，以兵拒敵，皆戰敗。始降又招下黑林城，進克斡羅思於鐵兒山，獲其主密只思臘，獻諸术赤太子，誅之。尋征康里，至孛子八里城，與其主霍脫思可罕戰，敗其軍，進至欽察亦平之。軍還，哲伯卒。

Император отправил посланника поторопить *Чжэ-бо* спешно гнать коней, чтобы покарать *цинь-ча*. Приказал *Хэ-сы-май-ли* призвать к осознанию [необходимости покориться] такие города, как *Цюй-эр-тэ* (курдов? – *С.Д.*), *Ши-эр-вань-ша* (ширваншаха – *С.Д.*), [все] полностью прибыли примкнуть [к империи]. Достигли области *гу-эр-чжи*, а также области *а-су*, посредством воинов дали отпор врагам, всех в сражениях разбили. Сначала подчинили [их], а затем призвали склониться город Чёрный Лес, продвинувшись вперёд, победили *во-ло-сы* в Железных горах, поймали их предводителя *Ми-чжи-сы-ла*, преподнесли его наследнику *Шу-чи*, [тот] казнил его. Продолжив, пошли карательным походом на *кан-ли*, достигли города *Бо-цзы-ба-ли*, сразились с его главой каганом *Хо-то-сы*, разбили его войска, продвинулись до *цинь-ча* и также усмирили их. [Когда] войска возвращались, *Чжэ-бо* умер [ЮШЛБ, цз. 18, с. 263 (л. 3)].

Близка и формулировка пассажа о походе из биографии Го Бао-юя:

復從哲伯、速不台二大將收契丹、渤海諸國，有功。

Вновь следовал за двумя великими полководцами *Чжэ-бо* [и] *Су-бу-таем*, взял все государства *ци-даней* и Бохая, имел заслуги [ЮШЛБ, цз. 18, с. 264 (л. 5)].

Как видим, автор унифицировал транскрипцию имени Джэбэ и чуть видоизменил текст, но не привнёс в него ничего нового.

Поход на Запад кратко отражён в ещё одном довольно лаконичном (24 *цзюаня*) минском труде «Тун-цзянь сюй-бянь» 通鑑

續編 «Продолженное издание “Всепроницающего зерцала”», написанном в начале эпохи Мин Чэнь Цзином 陳桱 в качестве продолжения знаменитого труда историка Сыма Гуана 司馬光 (1019–1086). Несмотря на то что эта книга, в отличие от всех остальных, рассматриваемых нами в данной статье, не посвящена специально истории Монгольской империи, под 16-м годом правления Чингис-хана (т. е. 1221 – впрочем, циклические знаки *гуй-вэй* 癸未 указывают на 1223 г.) в ней содержится следующая запись, приметная прежде всего желанием автора предложить свои версии для имён и этнонимов:

> 蒙古蘇布特滅欽察、烏魯斯、薩里等部，大掠西蕃邊部而還。
> Монгольский *Су-бу-тэ* (Субэдэй. – *С.Д.*) уничтожил такие области, как *цинь-ча*, *у-лу-сы* (русских. – *С.Д.*), *са-ли*[40], сильно ограбил пограничные области западных чужеземцев и вернулся [ТЦСБ, цз. 20, л. 44(а)].

Желание исправить недостатки «Юань ши» (и, вероятно, заслужить почётное звание официальной истории для своего творения[41]) и интерес к монгольской истории не ослабевали и позже, что привело к появлению целого ряда крупных трудов, моделированных по устоявшемуся образцу стандартных историй. Немалую роль сыграл и в чём-то парадоксальный расцвет историко-филологических штудий во времена маньчжурской империи Цин (1644–1912) – вероятно, здесь сказалось как покровительство трона, надеявшегося купить лояльность китайских книжников, так и престижность науки, важная в условиях заметных ограничений чиновной карьеры для китайцев. Самым ранним[42] из таких трудов, кажется, была книга знаменитого специалиста по окраинным народам империи и вообще всему иноземному, одного из идеологов «политики самоусиления» (*цзы-цян юнь-дун* 自強運動) Вэй Юаня 魏源 (1794–1857), красноречиво озаглавленная «Юань ши синь-бянь» 元史新編 – «История Юань: новая редакция» (опубликована в 1905 г.) (в 95 *цзюанях*).

В биографиях Вэй Юань, как и Шао Юань-пин, в основном повторяет предшественников, стараясь (не всегда удачно) разобраться в неясных местах. Оценим его биографию Субэдэя.

十八年速不台請討欽察。遂引兵繞寬田吉思海，展轉至大和嶺，鑿石開道，出其不意。遇其酋長玉里吉及塔哈兒軍於不租河，縱兵奮擊，潰其眾，獲玉里吉之子於林間，餘眾悉降，遂收其境。又至阿里吉河，敗斡羅思部略阿速部而還。

На восемнадцатый год *Су-бу-тай* попросил покарать *цинь-ча*. Затем, ведя воинов, обошёл море *Куань-тянь-цзи-сы*, осматриваясь и петляя, достиг хребта *Да-хэ*[43], долбили камень, чтобы открыть путь, и вышли [там, где] те не ожидали. Встретился с войсками тамошних вождей *Юй-ли-цзи* и *Та-ха-эр* на реке *Бу-цзу*, пустил воинов в летучую атаку, рассеял их толпы, поймал сына *Юй-ли-цзи* среди лесов, остальные толпы полностью сдались, после чего [Субэдэй] взял их пределы. Также достиг реки *А-ли-цзи*, разбил [войска] области *во-ло-сы*, прошёл [через] область *а-су* и вернулся [ЮШСБ, цз. 22, л. 2].

Несколько больше отличается от более ранних текстов биография Исмаила (включённая в состав биографии Джэбэ, которой, отметим, в работах предшественников Вэй Юаня не было):

帝命疾馳進討欽察。哲伯乃遣軍分招旁近各城悉下。惟塔爾只部阿速部以兵拒戰，皆破之。進擊斡羅思於鐵爾山，獲其國主密吉思臘，獻諸朮赤太子，誅之。尋征欽察別部康里國，敗其主霍脫思汗之軍，進平欽察。橫行數萬里，疾如飄風威震西海與速不台相等。師還，哲伯卒於軍時。

Император приказал спешно гнать коней и, продвинувшись, покарать *цинь-ча*. Тогда *Чжэ-бо* отправил войска, разделившись, призвать каждый из окрестных и близлежащих городов к всеобщей сдаче. Только область *та-эр-чжи*[44] [и] область *а-су* посредством воинов дали отпор в сражениях, всех их разгромил. Продвинувшись [вперёд], атаковал *во-ло-сы* в Железных горах, поймал главу их государства *Ми-цзи-сы-ле*, преподнёс его наследнику *Шу-чи*, [тот] покарал его. Продолжив, пошёл карательным походом на иную область *цинь-ча* – государство *Кан-ли*, разбил войска его главы *Хо-то-сы*-хана[45], продвинувшись [вперёд], усмирил *цинь-ча*. Прошёл поперёк[46] несколько десятков тысяч *ли*[47], спешно [гнал коней], подобно стремительному ветру грозно поколебал Западное море наравне с *Су-бу-таем*. Армия вернулась, *Чжэ-бо* умер во время пребывания в войске [ЮШСБ, цз. 22, л. 5].

Поэтический пассаж в конце фрагмента (да и весь фрагмент в целом) кажется вдохновлённым довольно загадочным стихотворением сына Елюй Чу-цая 耶律楚材 (1190–1244) Елюй Чжу 耶律鑄 (1221–1285), которое называется «Кэ-эр-цзе» 科爾結 – что, вероятно, представляет собой транскрипцию какого-то иноземного слова или названия. Приведём его полностью:

初若疾雷威似虎，
復如脫兎速於神。
想當持節為飛將，
秖是如今着翅人。
Вначале –как «стремительный гром»[48], грозны подобно тиграм,
[И] вернулись – «подобны вырвавшимся кроликам»[49] – быстрее духов.
Мечтать стать [теми], кто держит верительные бирки [генералов], быть «летающими полководцами»[50],
[Могут] лишь эти соответствующие современности «знаменитые крылатые люди» [ШСЦИЦ–СКЦШ, цз. 2, л. 5].

В общем, содержание стихотворения вполне понятно – каждый солдат хочет стать генералом и носит в ранце маршальский жезл, равняясь на тех, кто «в одной невероятной скачке прожили свой краткий век». Если бы не странное слово в заглавии, вряд ли оно бы привлекло внимание историков. В издании сборника произведений Елюй Чжу «Шуан-си цзуй-инь цзи» 雙溪醉隱集 «Собрание Пьяного Отшельника [с] Двойного Ручейка» в составе «Сыку цюань-шу» 四庫全書 («Полное [собрание] книг [всех] четырёх хранилищ») (датировано осенью 1781 г., составители и редакторы: Цзи Юнь 紀昀 (1724–1805), Лу Си-сюн 陸錫熊 (1734–1792) и Сунь Ши-и 孫士毅 (1720–1796)) стихотворение снабжено комментарием, согласно которому стих посвящён походу западновэйского (*Си Вэй*, 535–557) и северочжоуского (*Бэй Чжоу* 北周, 557–581) полководца Хань Го 韓果 (514–572) (начинал службу ещё во времена Северной Вэй (*Бэй Вэй* 北魏, 386–534), его биографию см. [ЧШ, цз. 27, с. 2622 (42); БШ, цз. 65, с. 3126 (246)]), а загадочное *Кэ-эр-цзе* – это, «вероятно» (как ни странно), где-то в Хэнани (*гай Хэнань ди е* 盖河南地也: «вероятно, земля в Хэнани») (см. [ШСЦИЦ–СКЦШ, цз. 2, л. 5]). В таком случае, видимо, должны иметься в виду

события 537 г., когда войска Хань Го отличились в Хэнани [ЧШ, цз. 27, с. 2622 (42)], или поход 564 г., в котором отряд под командой Хань Го взял Лоян и героически удерживал его против превосходящих сил Северной Ци (*Бэй Ци* 北齊, 550–577) [ЧШ, цз. 5, с. 2589 (9)].

Почему же комментаторы сочли, что стихотворение касается именно этого генерала? Дело в том, что и в «Книге о Чжоу» (*Чжоу шу* 周書, завершена к 636 г. под руководством Линху Дэ-фэня 令狐德棻 (582–666)), и в «Истории Северных [империй]» (*Бэй ши* 北史, составлена в 643–659 гг. Ли Янь-шоу 李延壽 (VII в.) по материалам его отца Ли Да-ши 李大師 (570–628)) содержится информация о событиях 543 г., когда Хань Го успешно воевал с племенами *цзиху* 稽胡 – потомками *сюнну* 匈奴 (*хунна*), жившими в труднодоступных горных районах Шаньси. *Цзиху*, рассеянные войсками Хань Го, якобы дали ему прозвище «знаменитого крылатого человека» *чжу чи-жэнь* 著翅人. Узнав об этом, Юйвэнь Тай 宇文泰 – регент и фактический правитель Западной Вэй (503–556, у власти с 534 г.), – смеясь, сказал: «Слава знаменитого крылатого человека – разве [это] умаляет “летающего полководца”?» (*чжу чи-жэнь чжи мин, нин цзянь фэй цзян* 著翅人之名，寧減飛將) [ЧШ, цз. 27, с. 2622 (42); БШ, цз. 65, с. 3126 (246)]. «Летающий полководец» в этом контексте, вероятно, отсылка к ханьскому генералу Ли Гуану 李廣 (ум. 119), прозванному *сюнну* «летающим полководцем Хань» (*Хань чжи фэй цзян-цзюнь* 漢之飛將軍) [ШЦ, цз. 109, с. 317; Сыма Цянь, с. 316]. Комплимент, надо отметить, не однозначный – блестящая карьера Ли Гуана закончилась самоубийством после неудачных действий его отряда в ходе грандиозной битвы к Северу от пустыни (*Мо-бэй чжи чжань* 漠北之戰).

Стоит признать, что аллюзии к Хань Го в строках стихотворения Елюй Чжу, пожалуй, бесспорны. Но только ли ему посвящено оно – или с Хань Го и Ли Гуаном сравниваются какие-то иные «крылатые люди»? Не странно ли для поэта времён Юань любоваться полководцами, прославившимися победами над кочевниками, практически предками тех, кто возвысил его отца? И почему они «соответствуют современности», если с их времён до написания стихотворения прошло несколько веков? В издании «Собра-

ния Пьяного Отшельника» в рамках «Ляо-хай цун-шу» 遼海叢書 («Собрание книг Ляохай»[51]) стихотворение снабжено дополнительным комментарием специалиста по монгольской истории Ли Вэньтяня 李文田 (1834–1895):

> 今俄國亞速海西北有地名格烈吉疑即科爾結。«元史 曷思麥里傳»：«至谷兒只部及阿速部»。此科爾結疑即谷兒只，經官臣改定作此三字耳
>
> В нынешней России, к северо-западу от Азовского моря (букв. «Море *а-су*». – *С.Д.*), есть место, именуемое *Гэ-ле-цзи*, подозреваю, что именно [это] и есть *Кэ-эр-цзе*. В «Биографии *Хэ-сы-май-ли*» из «Истории Юань» [сказано]: «Достигли области *гу-эр-чжи*, а также области *а-су*». Это *Кэ-эр-цзе*, подозреваю, именно и есть *гу-эр-чжи*, некогда чиновные сановники (вероятно, имеются в виду редакторы «Сы-ку цюань шу». – *С.Д.*), исправляя и приводя в порядок [текст], создали эти три знака [вместо исходных]! [ШСЦИЦ–ЛХЦШ, цз. 2, л. 4].

Как видим, автор комментария полагает, что стихотворение посвящено походу в Грузию – части западной кампании Субэдэя и Джэбэ – хоть и размещает эту «Грузию» к северо-западу от Азовского моря. Предположение это интересно, хотя и не выглядит хорошо обоснованным. Более того, приняв общее направление мыслей комментатора, можно бы, при некотором желании, увидеть определённое сходство звучания названия стихотворения не с Грузией, а с ещё одним пунктом лихого похода – Калкой. Юаньское чтение 科爾結 (/kʰwɔ rɻˇ kɛt/ [Pulleyblank, p. 172, p. 88, p. 153]) не исключает возможности сопрячь этот термин с Калкой (для которой тем более в биографии Субэдэя в «Юань ши» дан ещё один довольно адекватный вариант), но не с «Овечьей водой» *Хонь ус*; при некоторой доле авантюризма можно видеть в этом *Кэ-эр-цзе* сходство с «землёй *Те-эр шань* / *Хай-эр-сан*» – по догадке Хун Цзюня, название местности, где произошла битва с русскими (подробнее об этом ниже). Конечно, если принять гипотезу комментатора о том, что нынешнее название – это результат редактуры составителей «Сы-ку цюань-шу» (отметим, что систематическое и при этом часто с научной точки зрения вовсе не обоснованное исправление иноязычных имён и топонимов и правда

характерно для редакторской работы составителей этого свода), то смысла в этом авантюризме немного – ведь оригинал всё равно неизвестен. Впрочем, доподлинно о факте замены мы не знаем, а в юаньской фонетике термин кажется довольно продуктивным. Судя по тексту Вэй Юаня, ему привязка стихотворения Елюй Чжу к походу, частью которого была битва на Калке, также казалась вероятной (хотя эксплицитно он об этом и не пишет). Оставим этот сюжет – хотя нам приятно думать, что, возможно, в сокровищнице китайской поэзии есть и стихотворение про битву на Калке.

Биография Го Бао-юя у Вэй Юаня почти дословно повторяет вариант «Юань ши»:

> 後從哲伯、速不台二先鋒收契丹、渤海等諸國，有功。
> Следовал за двумя «передовыми остриями» Чжэ-бо [и] Су-бутая, взял все такие государства, как Ци-дань [и] Бохай, имел заслуги [ЮШСБ, цз. 24, л. 5].

В сочинении Вэй Юаня, помимо биографии Джэбэ, есть и иные новшества – например, цз. 17, озаглавленный «Тай-цзу пин-фу гэ-го» 太祖平服各國 («Все государства, умиротворённые и покорённые Тай-цзу»), в котором собраны сведения о побеждённых Чингис-ханом странах и народах. Часть главы посвящена и нашим проблемам:

> 阿速國者，在尋思千城西北。阿羅思在阿速之北，欽察國又在阿羅思之北。欽察之先世曲出生梭末納至亦納思，世為欽察國主。去中國二萬餘里，夏夜極短，日暫滅即出，冬夜極長，人皆蟄處土室。時蔑里吉酋奔欽察，欽察酋亦納思一名玉里吉，其子忽魯速蠻一名塔塔哈爾。太祖命速不台哲伯討之，及於輝里河，人爇三炬以張聲勢，蔑里吉酋宵遁沙磧。速不台復雷翰重簡精銳萬騎由布罕川必里罕城追入沙磧。無水草地，先發千人為前鋒，繼以大軍。晝夜兼進蔑里吉酋已遁入海。盡獲其輜重，珍寶來獻。遂進討欽察。引兵繞寬甸吉思海，轉至太和嶺，鑿山開道，出其不意。時亦納思已老，國中大亂，其子忽魯速蠻遣使自歸於太祖，而速不台軍已叩其境，遇其酋長父子，方聚兵於布租河，奮擊潰之，又破諸阿里吉河。忽魯速蠻之子班都察舉族迎降。遂收其全境，略阿速部而還。

Есть такое государство [народа] *а-су*, находится к северо-востоку от города *Сюнь-сы-цянь*[52]. [Государство народа] *а-ло-сы* (русских. – *С.Д.*) находится к северу от *а-су*, государство [народа] *цинь-ча* ещё к северу от *а-ло-сы*. [Некто] из прежних поколений *цинь-ча* – *Цюй* – родил *Со-мо-на*, [когда] дошло до *И-на-сы*, из поколения в поколение [этот род был] вождями государства *цинь-ча*. От Китая двадцать с лишним тысяч *ли*, летние ночи крайне коротки, солнце на время гаснет – и сразу выходит[53], зимние ночи крайне длинны, люди все погружаются в спячку, обитают в земляных домах. [В те] времена, когда вождь *ме-ли-цзи* (меркитов. – *С.Д.*) бежал к *цинь-ча*, вождями *цинь-ча* были *И-на-сы,* иными именуемый *Юй-ли-цзи*, [и] его сын *Ху-лу-су-мань*[54], иными именуемый *Та-та-ха-эр*[55]. Тай-цзу приказал *Су-бу-таю* [и] *Чжэ-бо* покарать их, настигли на реке *Хуй-ли*, люди зажгли по три костра, чтобы преувеличить слух о [своей] силе, вождь *ме-ли-цзи* во тьме бежал в пески и камни. *Су-бу-тай* вновь в громовой повозке с грузом[56], отобрав совершенное острие[57] из десяти тысяч всадников, через город *Би-ли-хань* на реке *Бу-хань*, преследуя, вошёл в пески и камни. [Там, в] землях без воды и травы, вперёд отправлял тысячу человек в качестве передового острия, продолжали большим войском. Дни и ночи подряд продвигались [вперёд], вождь *ме-ли-цзи* спрятался, отправился в море. Полностью захватил их повозки с грузом, драгоценностями и сокровищами и прибыл поднести [их императору][58]. Затем, попав на личный приём, [просил] покарать *цинь-ча*. Ведя воинов, обошёл море *Куань-дянь-цзи-сы*, повернув, достиг хребта *Тай-хэ*, долбили камень, [чтобы] открыть путь, и вышли [там, где] те не ожидали. В это время *И-на-сы* был уже стар, в государстве был большой беспорядок, его сын *Ху-лу-су-мань* направил посла, подчиняясь Тай-цзу[59]. Но войско *Су-бу-тая* уже ударило в их пределы, встретившись с их вождями и старейшинами – отцом и сыном, [которые] как раз собрали воинов на реке *Бу-цзу*, пустил воинов в летучую атаку и рассеял их, ещё раз разгромил их на реке *А-ли-цзи*. Сын *Ху-лу-су-маня Бань-ду-ча* (Балтучак. – *С.Д.*) поднёс [трону свой] род и был встречен как покорившийся[60]. Затем [Субэдэй] взял полностью их пределы, прошёл [через] область *а-су* и вернулся [ЮШСБ, цз. 17, л. 23–24].

Таким образом, Вэй Юань пытается свести воедино истории победы над двумя совершенно разными кипчакскими группами, каждая из которых возглавлялась двумя князьями, – и лишь мимоходом упоминает про русских, причём несколько меняя уже привычную для нас форму их именования. Делает он это не случайно, а пытаясь устранить противоречие, создаваемое биографией Исмаила из «Юань ши», где победа над *во-ло-сы* происходит неподалёку от Кавказа: как мы сейчас увидим, старую форму названия он закрепляет за придуманным им кавказским народом. Эта рискованная «русская» конструкция смущает его ничуть не больше, чем только что рассмотренная нами «кипчакская» (только кипчаков он сливает воедино, а русских – разделяет надвое):

> 河西南為五印度，西北為幹[61] 羅思，為欽察，為康里。幹羅思在太和嶺之西南，近裏海。欽察在太和嶺之北，近北海，而康里則欽察之別部，寬甸吉思海在焉。阿速則在幹羅思之東，攻幹羅思兵出入必由之。
>
> К югу от Хэси[62] – Пять Индий[63], к северо-западу – *ганьло-сы*, *цинь-ча*, *кан-ли*. [Область] *ганьло-сы* находится к юго-западу от хребта *Тай-хэ*, вблизи Внутреннего моря. [Область] *цинь-ча* находится к северу от хребта *Тай-хэ*, близ Северного моря, а *кан-ли* – иная область *цинь-ча*, [они] находятся там, где море *Куань-дянь-цзи-сы*[64]. [Область] *а-су* – к востоку от *ганьло-сы*, [и потому при] нападении на *ганьло-сы* воины при входе и выходе [в их земли] непременно проходят через них, [*а-су*][65] [ЮШСБ, цз. 17, л. 22].

Новый этап в изучении монгольской истории начинается с появлением довольно мало известной (увы) работы учёного и дипломата Хун Цзюня, вышедшей в 1897 г.[66] С 1887 по 1892 г. Хун Цзюнь был чрезвычайным послом империи Цин в Европе (Германии, Австрии, России и Голландии); в 1892 г. не вполне удачно участвовал в китайско-русских переговорах о Памире – но, помимо прочего, оставил (к сожалению, неоконченную) работу «Юань ши и-вэнь чжэн-бу» 元史譯文證补 («История Юань: переводы, подтверждения и дополнения»). Работа, кажется, представляет собой одну из первых книг китайской историографии, в значительной степени опирающихся на иноязычные источники, – сразу после

оглавления автор подробно описывает иноземные книги, послужившие ему (обыкновение совершенно необычное для китайского летописания). Упомянуты труды персидских советников монголов – Рашид ад-Дина и Джувейни (1226–1283), секретаря и биографа последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина ан-Насави (ум. 1250), Ибн ал-Асира[67], хивинского хана Абу-л-Гази[68] – и (almost last but certainly not least) знаменитая работа Абрахама Константина Мураджа д'Оссона (1779–1851) «История монголов»[69] [D'Ohsson]. Автор особо отмечает, что тексты первых четырёх авторов были использованы Д'Оссоном (*До-сан* 多桑) (соответственно, не вполне ясно, работал ли Хун Цзюнь непосредственно с оригиналами или был знаком с ними только по крайне подробному пересказу этого великого армянина (и шведского барона)[70]). Также автор упоминает «русского *Бэй-ле-цзинь* 貝勒進» – тюрколога, ираниста и монголиста Илью Николаевича Березина (1818–1896), которого особо хвалит за его перевод труда Рашид ад-Дина (и предисловие к нему) (см. [Березин]), коим он, вероятно, пользовался.

Работа невелика – всего 30 *цзюаней*, многие из которых не написаны или утрачены, и структурно также напоминает стандартные истории. Несмотря на скромное название, задачи работы гораздо шире просто дополнения китайских источников переводами иностранных – перед нами, по сути, первая в Китае попытка создать научную, аналитическую историю эпохи на основании максимального количества данных, найти убедительные варианты разрешения противоречий, содержащихся в источниках. Примеры подобного критического, вполне научного подхода встречались в цинской историографии – но никогда или почти никогда для решения поставленной задачи не привлекался такой объём иностранных источников, не преследовалась цель поверки данных китайских летописей через анализ писаний «варваров». Поэтому роль труда Хун Цзюня в традиционном китайском изучении монгольской истории очень велика, во многом рубежна.

Хун Цзюнь, в отличие от предшественников, довольно подробно останавливается на западном походе Джэбэ и Субэдэя даже в статусной главе раздела *бэнь-цзи* 本紀 («основных записей»):

又入谷魯斤，兵來禦，哲別以五千人設伏，速不台迎戰佯敗，敵追而伏起伏殺其眾三萬。入失兒灣部，破得耳奔特關門，遣使告失兒灣沙速覓鄉導人來。此導者十人至，殺其一為徇不善導路有如此例。入阿蘭部，阿蘭人糾合奇卜察克人來戰無勝負。二將遣告奇卜察克人：“我等皆一類阿蘭為異類。我等當立約議和，不相侵犯，如欲則物皆可致餽”。因厚遺之，奇卜察克人引去，由是戰勝阿蘭，大殺掠。奇卜察克人散歸不為備，二將出不意攻入其部，盡返所遺物，敗眾，多逃入俄羅斯。遂往速達克城，城在海濱與康思但丁諾白爾城相對，敗其眾下其城，遂至俄羅斯界上。奇卜察克人逃入俄者聚集俄兵來攻。二將見其势，盛按兵不動，敵以為怯，亟進而蒙兀兵退，追十二日，蒙兀兵忽回，戰七日之久，盡敗敵眾，掠其地，旋即東返遵帝所命之路而還。

Ещё вошли к *гу-лу-цзинь* (грузинам[71]. – *С.Д.*), воины явились противиться. *Чжэ-бе* посредством пяти тысяч человек устроил засаду, *Су-бу-тай* встретил их в бою и притворился разбитым, враги преследовали [его], и засада поднялась [в бой], убили из их толпы тридцать тысяч [человек][72]. Вошли в область *Ши-эр-вань* (Ширван. – *С.Д.*), были разбиты [у] ворот *Дэ-эр-бэнь-тэ* (Дербента. – *С.Д.*)[73], отправили послов сообщить *ши-эр-вань-ша* (ширваншаху. – *С.Д.*), чтобы тот скорее разыскал проводников по [тем] краям и прислал. Когда эти проводники [в количестве] десяти человек пришли, [то] убили одного из них, чтобы показать [тем, которые вздумают] нехорошо вести по дороге, [что] имеется подобный образец[74]. Вошли в область *а-лань* (аланов. – *С.Д.*), люди *а-лань* объединились с людьми *ци-бу-ча-кэ*[75] (кипчаками. – *С.Д.*) и пришли сражаться – не было ни победы, ни поражения. Два полководца послали сообщить людям *ци-бу-ча-кэ*: «Мы все одного сорта, *а-лань* [же] суть иной сорт. Нам следует установить соглашение и договориться о мире, не нападать и не вредить друг другу. Если хотите, то из вещей всё можем послать в подарок»[76]. Поскольку щедро одарили их, люди *ци-бу-ча-кэ* отвели [войска] и ушли, из-за чего в сражении [монголы] победили *а-лань*, сильно поубивали и пограбили [их]. Люди *ци-бу-ча-кэ* рассеялись и вернулись [восвояси], не предпринимали [мер, чтобы] быть готовыми [к обороне]. Два полководца вышли [там, где те] не ожидали[77], напав, вошли в их область, полностью вернули подарен-

ные вещи, разбили [их] толпы, многие, бежав, вошли [в пределы] России. Затем направились к городу *Су-да-кэ* (Судак. – *С.Д.*), [это] город на морском берегу, напротив города *Каньсы-дань-дин-но-бай-эр* (Константинополь. – *С.Д.*)[78], разбили [их] толпы, [заставили] склониться их город, затем достигли [земель] на границах России. Те люди *ци-бу-ча-кэ*, что, бежав, вошли в Россию, скопив и собрав русских воинов, явились, чтобы напасть. Два полководца, увидев их силу, в полной мере сдержали воинов, чтобы они не двигались, враги, посчитав что [они] робеют, поспешно продвинулись [вперёд], а монгольские воины отступили, преследовали [их] двенадцать дней, [и тогда] монгольские воины внезапно вернулись [к схватке], сражались на протяжении семи дней[79], вконец разбили вражеские толпы, разграбили их земли, тотчас повернули на восток, соблюли путь, указанный императором, и вернулись [ЮШИВЧП, цз. 1 (ся), л. 20б-21а].

Гораздо подробнее события освещены в биографии Джэбэ (биографии Субэдэя, Исмаила и Го Бао-юя отмечены в оглавлении (цз. 19-21), но не были написаны).

復攻下西域各城，入其西北鄰部曰阿特耳倍占、曰角兒只、曰失兒湾戰無堅對。望風皆靡裹海北大部曰奇卜察克，嘗纳逃人索之不與。太祖十六年西域略定，乃命哲別、速不台進軍裹海之西以討奇卜察克軍人。高喀斯山奇卜察克、阿速、撒耳柯思等部集眾來禦。眾寡不敵，復迫於險，乃以甘言誘奇卜察克："我等同類，無相害，意勿助他族以傷同類"。奇卜察克引退軍，既出險敗阿速等兵，追奇察克出不意，突至奮擊，殺其部酋霍灘之弟玉儿格及子塔阿兒。軍東北至浮而嘎河，告捷于太子术赤，請濟師。時术赤已下烏爾鞬，駐軍於裹梅東部，眾多暇，分兵大半往助。
十七冬新兵既至浮而嘎河，冰合遂下阿斯塔拉干，焚掠其城，遇奇卜察克兵，又敗之，軍分為二復引而西。一軍追敗兵過端河，一軍至阿索富海之東南，平撒耳柯思、阿速等部，遂自阿索富海履冰以至黑海入克勒姆之地，大掠而北，两軍復合。霍灘遁入俄羅斯境，乞援於其堵哈力赤王穆斯提斯拉甫。
俄羅斯者，西北之大國也。唐懿宗咸通三年始立國於北海之南，其後拓地益廣南鄰黑海。北宋時俄行封建之制，諸侯王自以其地分畀子孫，國分七十同族，日事争奪。

哈力赤為南俄列邦，其王穆斯提斯拉甫能兵，屢戰勝同族，視蒙古蔑如也。允其妻父之請，遣告計掖甫王穆斯提斯拉甫羅慕諾委翅，集列邦王議兵事。於是扯耳尼哥王穆斯提斯拉甫司瓦托司拉甫勒委翅與南俄諸王，皆至計掖甫，羣議出境迎擊，勿待其至，并告於俄首邦物拉的迷爾王攸利第二，請出兵為授。分運軍糧，自帖尼博耳河特尼斯特河以至黑海东北。哲速二將聞俄羅斯起師，遣使十人，來告：“蒙古所討者奇卜祭克，夙與俄羅斯無釁，必不相犯；蒙古惟敬天與俄教相若，奇卜祭克素與俄有兵怨，盍助我以攻仇人？”俄諸王謂：“先以此言餌奇卜察克，今復餌我，不可信”。殺其使。二將復遣人至謂：“殺我行人，其曲在汝。天奪汝魄，自取滅亡，今以兵來，請决勝負”。庫灘又欲殺之俄人釋歸約戰。

哈力赤王先以萬騎東渡帖尼博耳河，敗蒙古前鋒，獲裨將哈馬貝，殺之。諸王皆隨而東，蒙古軍退，追至喀勒吉河，遇二將大軍。時俄兵八萬二千，分屯南北。南軍為計掖甫、扯耳尼哥等部之兵，北軍為哈力赤等部及奇卜察克兵。哈力赤王輕敵貪功，不謀於南軍，獨率北軍渡河戰于孩耳桑之地，勝負猶未决，而奇卜察克兵，怯敵先退，陣亂，蒙古軍乘之，俄兵大敗，哈力赤等王得脱渡河而西，即沈其舟，後至者不得渡，悉被殺。

俄之南軍不知北軍之戰，亦不知其敗，而蒙古軍猝至。困其營三日不下。誘令納賄行成，俟其出疾攻之，殲鹹無算。獲計掖甫、扯耳尼哥等部之王，縛置於地覆板為坐具，具蒙古將領高坐其上，飲酒歡會，命多壓斃者。哲別令曷思麥里檻致扯耳尼哥王于太子术赤，誅之。是役也俄亡六王、七十侯，兵士十死其九。攸利第二王得請兵信，令其姪遏羅斯托王瓦西耳克康斯但丁諾委翅率眾往助。行至扯耳尼哥聞軍敗，亟引退。是時俄列城皆無備禦，不能為戰守，計惟俟兵至乞降免死，舉國大震。乃蒙古軍西至帖尼博耳河，北至扯耳尼哥城諾拂郭羅特夕尼斯克城而止。是冬端河浮而嘎河冰，合全軍涉冰東。行捷書至太祖行在，命以馬十萬犒師，封术赤於奇卜察克以轄西北之地。十九年甲申术赤西行。哲別、速不台歸太子部兵。自率所部平康里而东返中道哲別卒。

Вновь напали на все города Западного края, вошли в соседствующие с ними на северо-западе области: [одну,] называемую *А-тэ-эр-бэй-чжань* (Азербайджан. – *С.Д.*), [вторую –] называемую *Цзяо-эр-чжи* (Грузия. – *С.Д.*), [третью –] называемую *Ши-эр-вань*, в сражениях [ни от кого] не было твёрдого отпора. Следя за веяниями[80], в полной мере сокрушили

большую область к северу от Внутреннего моря, называемую *ци-бу-ча-кэ*, которые некогда приняли беглецов, [монголы] требовали их [выдачи], но [они] не содействовали. На шестнадцатом году [правления] Тай-цзу (25.1.1221–13.02.1222. – *С.Д.*) Западный край был взят и утихомирен, [император] приказал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю* продвинуть войска на запад от Внутреннего моря, дабы покарать войско и людей *ци-бу-ча-кэ*. В горах *Гао-ка-сы* (Кавказ. – *С.Д.*) такие области, как *ци-бу-ча-кэ*, *а-су*[81], *са-эр-кэ-сы* (черкесы. – *С.Д.*)[82], собрав толпы, явились противиться. Численностью [войск монголы] были не равны врагам, а вернувшись, оказались под угрозой в теснинах и тогда посредством сладких слов [стали] соблазнять *ци-бу-ча-кэ*: «Такие как мы – общего сорта, [между нами] нет взаимного вреда, [мы] полагаем, что не следует помогать другим родам, причиняя страдания [людям] общего [с собой] сорта». *Ци-бу-ча-кэ* отступили и вернули [восвояси] войска, и тотчас же [монголы] вышли из теснин и разбили воинов *а-су* и подобных, преследуя *ци-бу-ча-кэ*, вышли [там, где те] не ожидали, внезапно достигнув, пустились в летучую атаку, убили младшего брата вождя их области *Хо-таня* (Котяна. – *С.Д.*) *Юй-эр-гэ*, а также сына *Та-а-эра*[83]. Войска [отправились] на северо-восток и достигли реки *Фу-эр-га* (Волга. – *С.Д.*), сообщили о победах наследнику *Шу-чи*, просили помощи для армии. [В это] время *Шу-чи* уже [заставил] склониться *У-эр-цзянь* (Ургенч[84]. – *С.Д.*), стоял с войсками в области к востоку от Внутреннего моря, толпы во множестве предавались праздности, [поэтому он] отделил большую половину воинов и направил на помощь[85].

Зимой семнадцатого [года] (13.02.1222–01.02.1223. – *С.Д.*) новые воины уже достигли реки *Фу-эр-га*, [перейдя] по льду, соединились [с войсками, бывшими там ранее], и затем [заставили] склониться *А-сы-та-ла-гань* (Астрахань. – *С.Д.*)[86], сожгли и разграбили тот город, встретились с воинами *ци-бу-ча-кэ*, снова разбили их, [после чего] войска разделились надвое и вновь повели [воинов] на запад. Одно войско, преследуя, разбило воинов [врага] и перешло реку *Дуань* (Дон. – *С.Д.*)[87], одно войско достигло [земель] к юго-востоку от моря *А-су-фу* (Азовское море. – *С.Д.*), усмирила такие области, как *са-эр-кэ-сы* и *а-су*[88]. Затем от моря *А-су-фу* ступали по льду, чтобы

достичь Чёрного моря, и вошли в земли *Кэ-лэ-му* (Крыма. – *С.Д.*)[89], сильно ограбили и отправились на север, [где] два войска вновь соединились. *Хо-тань*, обратившись в бегство, вошёл в пределы России и просил помощи у своего зятя, *вана Ха-ли-чи* (Галича. – *С.Д.*) *Му-сы-ти-сы-ла-фу*[90].

[Государство], которое [именуется] Россией – большое государство Северо-Запада. На третьем году правления [под девизом] Сянь-тун (Всеобщее проникновение) танского И-цзуна[91] (862 г. – *С.Д.*) впервые установили государство к югу от Северного моря, после чего расширили земли и прибавили в обширности, на юге стали соседствовать с Чёрным морем. Во времена Северной Сун (960–1127. – *С.Д.*) русские ввели в действие порядок, основанный на уделах, *ваны-чжухоу* сами из своих земель выделяли пожалования детям и внукам, государство разделилось на семьдесят [уделов, управляемых представителями] одного рода, ежедневно случались распри и захваты[92].

Ха-ли-чи [был одним] из южнорусских государств, его *ван Му-сы-ти-сы-ла-фу* имел способности [в применении] воинов, неоднократно в сражениях побеждал сородичей, смотрел на монголов как на ничтожных. [Он] согласился на просьбу отца жены и послал уведомить *вана Цзи-е-фу* (Киева. – *С.Д.*) *Му-сы-ти-сы-ла-фу Ло-му-но-вэй-чи* (Романовичу. – *С.Д.*)[93], [который] собрал удельных *ванов* обсудить военные дела. И тогда *ван Чэ-эр-ни-гэ* (Чернигова. – *С.Д.*) *Му-сы-ти-сы-ла-фу Сы-ва-то-сы-ла-фу-лэ-вэй-чи* (Святославлич. – *С.Д.*)[94], вместе со всеми южнорусскими *ванами*, все прибыли в *Цзи-е-фу*, совокупно задумали выйти из пределов [и] встречно атаковать, не ждать, пока те придут[95], а также уведомили *вана* главного русского удела – *У-ла-ди-ми-эр* (Владимира. – *С.Д.*) *Ю-ли* (Юрия. – *С.Д.*) Второго[96], прося [его] выслать воинов для помощи.

Разделили [и начали] перемещение войск и провианта, от реки *Тэ-ни-бо-эр* (Днепр. – *С.Д.*) и реки *Тэ-ни-сы-тэ* (Днестр. – *С.Д.*) достигли [земель] к северо-востоку от Чёрного моря. Два полководца, *Чжэ*[*-бе* и] *Су*[*-бу-тай*], услышав, что Россия подняла армии, отправили десять человек[97] послами, прибыв, они сообщили: «Те, кого карают монголы, это *ци-бу-ча-кэ*, ранее [у нас] с Россией не было раздоров, непременно не [следует] нападать друг на друга; монголы именно что почитают Небо, с рус-

ским учением предков взаимоподобно, *ци-бу-ча-кэ* искони с русскими имели войны и [им чинили] обиды, почему бы не помочь нам, напав на врага?»[98] Все русские *ваны* сказали: «Прежде этими словами соблазнили *ци-бу-ча-кэ*, ныне опять заманиваете – нас. Не можем верить»[99]. Убили их послов. Два полководца вновь послали людей, которые, прибыв сказали: «Убил от нас приходивших людей – та кривда на тебе. Небо отберёт у тебя душу, [вы] сами выбрали уничтожение и гибель, ныне приходите с воинами, попросим [Небо] решить, [кто] победит, [кто] потерпит поражение»[100]. *Ку-тань* снова хотел убить их, [но] русские отпустили [их] восвояси и условились о сражении[101].

Ван Ха-ли-чи [шёл] раньше [других] с десятью тысячами всадников[102], переправился на восток через реку *Те-ни-бо-эр*, разбил монгольское передовое остриё, поймал замещающего полководца *Ха-ма-бэя*, убил его[103]. Все *ваны* последовали [за ним] и [отправились на] восток, монгольские войска отступали, [русские,] преследуя [их], достигли реки *Ка-лэ-цзи* (Калки. – *С.Д.*)[104], [где] встретили большое войско двух полководцев. В это время русских воинов было 82 тысячи[105], разделились и разбили лагеря на юге и на севере. В южном войске были воины таких областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*, в северном войске были воины *Ха-ли-чи* и подобных областей, а также [воины] *ци-бу-ча-кэ*[106]. *Ван Ха-ли-чи* низко [оценивал] врагов, был жаден до подвигов[107], не договорился с южным войском, в одиночку во главе северного войска перешёл реку[108] сразиться на земле *Хай-эр-сан*[109]. Победа или поражение были ещё не решены, но воины *ци-бу-ча-кэ*, робея перед врагом, первыми стали отступать, боевые порядки смешались[110], монгольское войско воспользовалось этим, русские воины были сильно разбиты, [*вану*] *Ха-ли-чи* и другим *ванам* удалось удрать, [они] переправились через реку и [бежали] на запад, сразу же утопили свои лодки, и достигшим [берега] после не удалось переправиться, все были убиты[111].

Южное войско русских не знало о сражении северного войска, также не знало об их поражении[112], и монголы внезапно подошли [к ним]. Изматывали осадой их лагерь три дня[113], [те] не сдавались. [Стали] соблазнять [их] возможностью [дать] выкуп и заключить мир, дождались, [пока] те выйдут, [и]

спешно напали на них. Истреблённым и тем, у кого [для подсчёта] были отрезаны уши, не было счёту[114]. Поймали *ванов* таких областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*[115], связав, положили на землю, покрыли досками, сделав приспособления для сиденья, монгольские полководцы и предводители высоко сели сверху, пили вино на радостном собрании – жизни [русских князей] оказались умервщлёнными от большого давления[116]. *Чжэ-бе* приказал *Хэ-сы-май-ли* в клетке преподнести *вана Чэ-эр-ни-гэ* наследнику *Шу-чи*, [тот] казнил его[117]. В этой войне [у] русских погибло шесть *ванов*, семьдесят *хоу*, из воинов и офицеров из [каждых] десяти умерло девять[118].

Ван Ю-ли Второй, получив письмо с просьбой [князей] о воинах, приказал своему племяннику, *вану Э-ло-сы-то* (Ростова. – *С.Д.*) *Ва-си-эр-кэ Кан-сы-дань-дин-но-вэй-чи* (Василько Константиновичу. – *С.Д.*) во главе толп направиться на помощь. По пути, достигнув *Чэ-эр-ни-гэ*, услышали о том, что войско разбито, поспешно отвёл [войска] и отступил[119]. В это время русские города все не были готовы противиться, не могли сражаться и сопротивляться, планировали только ждать, [пока] придут воины [врага], [чтобы тогда] умолять [их о возможности] сдачи, [чтобы тем] избежать смерти. Все государства сильно дрожали от страха[120].

Затем монгольские войска на западе достигли реки *Те-ни-бо-эр*, на севере достигли города *Чэ-эр-ни-гэ* и города *Но-фу-го-ло-тэ Си-ни-сы-кэ* и остановились[121]. В ту зиму реки *Дуань* и *Фу-эр-га* оледенели, [монголы] соединили всё войско [вместе], перешли [реки] по льду и [отправились] на восток[122]. [Во время] похода грамота о победах достигла путевой резиденции Тай-цзу, [который] приказал одарить армию ста тысячами лошадей[123], пожаловал *Шу-чи* [уделом в землях] *ци-бу-ча-кэ*, чтобы подчинить земли северо-запада. В девятнадцатом году *цзя-шэнь Шу-чи* отправился на запад. *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* вернули воинов из части, [предоставленной им] наследником. Сам [*Чжэ-бе*[124]], возглавив вверенные части, усмирил *кан-ли* и повернул на восток[125]. На середине пути *Чжэ-бе* скончался [ЮШИВЧП, цз. 18, л. 1б-4а].

Ещё одним нововведением Хун Цзюня по сравнению с предшественниками стало размещение в своём труде довольно про-

странной и фундированной главки про Россию (см. [ЮШИВЧП, цз. 26 (шан), л. 36–40]), но она посвящена вопросам имён и истории России, к вопросам битвы на р. Калке автор там не возвращается.

Задачу подготовить новую версию стандартной юаньской истории преследовал историк Ту Цзи 屠寄 (1856–1921), чья весьма объёмная (160 *цзюаней*), хотя и незаконченная работа, также созданная по лекалам официальной истории, была впервые опубликована в 1911 г.[126] под названием «Мэн-у-эр ши цзи» 蒙兀兒史記 («“Записи историографа” о монголах»[127]). Как и Хун Цзюнь, автор обращает внимание на наш сюжет в одной из глав «основных записей».

十有七年壬午(…)十一月(…)者別、速別額台帥師踰太和嶺，破阿速諸部同盟軍。(…)
十有八年癸未(…) 三月(…)者別、速別額台襲敗乞卜察兀於不租河。(…) 冬十二月(…)者別、速別額台下阿斯荅剌罕，分軍為二，一軍追乞卜察兀敗眾過端河，一軍別討薛兒客速阿速等部，克之，踐冰涉阿速海，登撒吉剌半島，大掠而北，兩軍復合，進薄乞卜察兀 (…)
十有九年甲申(…)春二月（…）者別、速別額台與乞卜察兀、斡魯速聯軍大戰於阿里吉河上，敗之，殺斡魯速六王、七十侯，乞卜察兀酋霍灘遁。

Семнадцатый год, *жэнь-у* (…) Одиннадцатый месяц (24.11–23.12. – *С.Д.)* (…)*Чжэ-бе*, *Су-бе-э-тай*, ведя войска, перешли хребет *Тай-хэ*, разгромили войска объединённого союза всех областей *а-су*[128]. (…)

Восемнадцатый год, *гуй-вэй* (…) Третий месяц (3.04–1.05. – *С.Д.)* (…) *Чжэ-бе*, *Су-бе-э-тай* внезапно напали и разбили *ци-бу-ча-у*[129] у реки *Бу-цзу*[130]. Зима, двенадцатый месяц (24.12.1223–21.01.1224. – *С.Д.*). (…) *Чжэ-бе*, *Су-бе-э-тай* [заставили] склониться *А-сы-да-цы-хань*[131], разделили войска надвое, одно войско преследовало *ци-бу-ча-у,* разбило [их] толпы и перешло реку *Дуань*, одно войско отдельно покарало такие области, как *сюэ-эр-кэ-су* (черкесов. – *С.Д.*) и *а-су*, одолев их, ступая по льду, перешло море *А-су* (Азовское море. – *С.Д.*), взошло на полуостров *Са-цзи-цы*[132], сильно ограбило и [отправилось] на север, [где] два войска вновь соединились, [и] продвинувшись, дошли до *ци-бу-ча-у*. (…)

Девятнадцатый год, *цзя-шэнь* (…) Весна, второй месяц (21.02 – 21.03. – *С.Д.*) (…) *Чжэ-бе, Су-бе-э-тай* [имели] боль-

> шое сражение с союзными войсками *ци-бу-ча-у* [и] *во-лу-су* (русских. – *С.Д.*) на реке *А-ли-цзи*, разбили их, убили шесть *ванов* и семьдесят *хоу во-лу-су*, вождь *ци-бу-ча-у Хо-тань* бежал [МУЭШЦ, т. 2, цз. 3, л. 27б-29а].

Это сообщение Ту Цзи во многом, очевидно, построено на книге Хун Цзюня. Впрочем, ничем нельзя объяснить приводимую им иную датировку битвы на Калке и завершающее сообщение упоминание о Котяне – и в летописи [Академическая, л. 230, ст. 504], и у Н. М. Карамзина [Карамзин, т. 2, с. 136] (равно как и д'Оссона или О. Вольфа) Котян упоминается только до рассказа о битве – у нас вообще нет информации о его участии в совместном походе (хотя этого стоило бы ожидать). Возможно, это дань отождествлению Котяна с *Хо-то-сы*-ханом, о котором говорил Хун Цзюнь, – в таком случае это упоминание Котяна после битвы может объяснять его упоминание среди последних сообщений биографии Исмаила в «Юань ши».

Гораздо подробнее поход описан в биографии Джэбэ, которая также во многом совпадает с текстом Хун Цзюня.

> 時寬田吉思海北有大部曰乞卜察兀，嘗納我逃人，蔑兒乞穜忽禿赤剌溫，索之，不與。及是西域略定，成吉思汗命哲別、速別額台繞出寬田吉思海西，進討乞卜察兀。歲辛巳軍入太和領。太和領者西域所謂乞兒吉思山也。山徑險阻惟打耳班一門通車騎。我軍方鑿石開道。而乞卜察兀糾合山陰，阿速、薛兒客速諸部來禦。者別、速別額台料眾寡不敵，復迫於險，乃以甘言紿乞卜察兀且賂之金帛謂：“我等同類，無相害意，勿助他族以自殘” 。 乞卜察兀信之，遽謝絕阿速等同盟軍而自引去。我軍既出險踰嶺，敗阿速等兵，出不意，進襲乞卜察兀，其部酋霍灘之弟玉里吉及子塔塔哈兒，方聚於不租河，軍至奮擊，其眾潰走。塔塔哈兒傷矢，逃林間，其奴來告，就執之，餘眾悉降，遂取其地。軍東北，行指亦的勒水，遣使獻捷於皇子拙赤，且請濟師。時拙赤已下兀籠格赤，駐軍兩河間部，眾多暇，分兵太半來援。
> 明年冬新兵既至適，亦的勒水冰合，遂下阿斯荅剌罕，焚掠其城，遇乞卜察兀兵又敗之，分軍為二，引而西。一軍追敗軍過端河，一軍趨阿速海，平薛兒客速阿、速等部。遂自阿速海履冰波黑海登客勒木半島，大掠而北，兩軍復合。霍灘遁入斡魯速，乞援於其壻哈力赤王密赤提思老甫。

斡魯速者，西北之大國也。唐懿宗咸通三年建國於北海之南，其後拓地益廣，南鄰黑海。北宋時彼國行封建之制，諸侯王各據地自擅分畀其子孫，裂為七十國同族，日事內鬨。哈力赤王為斡魯速南部列邦之一，其王密赤提思老甫能兵，屢戰勝同族，視蒙兀兒蔑如也。至是允其婦翁之請遣使告乞瓦王密赤提思老甫羅慕諾委翅，集列王室議兵事，於是扯而尼哥王密赤提思老甫司瓦托勒委翅與南都諸王會於乞瓦，羣議出境迎敵，勿坐致其來，並告首邦兀剌的迷兒王也烈班第二請出兵為援。

分運軍糧，自帖尼博耳、特尼斯特兩河，以至黑海東北。時癸未夏也。者別、速別額台聞斡魯速兵大起，使十人往，告謂：“蒙兀所討者，乞卜察兀，與斡魯速無釁，必不相犯，蒙兀所敬惟天，與貴國宗教相若，乞卜察兀夙與貴國有兵怨，盍助我以攻仇人？”

斡魯速諸王謂：“先以此言餌乞卜察兀，今又來餌我，不可信。”殺其使。二將復遣人往，謂：“殺我行人，理曲在彼。天奪汝魄，自取滅亡，今以兵來，請決勝負。”霍灘又欲殺之，斡魯速人不從釋歸約戰。

於是扯耳尼哥王先以萬騎東，渡帖尼博耳河，敗我前鋒，殺裨將哈馬貝。斡魯速諸王乘勝從之而東，我軍引退，敵追至阿里吉河，遇二將大軍。時斡魯速軍八萬二千，屯南北。南軍為乞瓦、扯耳尼哥等部之兵，北軍為哈力赤等部暨乞卜察兀之兵。哈力赤王輕敵貪功，不謀於南軍，獨帥北軍渡阿里吉，與我軍戰於孩耳桑之地，勝負未決，乞卜察兀兵先怯退，陳亂，我軍乘之，斡魯速兵大潰，哈力赤等王亟渡帖尼博耳河，沈其舟，後至者不得渡，悉被殺。

南軍不知北軍已戰而敗，方待期會，而我軍掩至。困其營三日，不下。誘令納賄行成，俟其出疾攻之，斬馘無算。獲乞瓦、扯耳尼哥等部之王，縛置諸地，覆版為坐具，蒙兀將領列坐其上，置酒高會，酒闌發版，多壓斃。者別令曷思麥里檻致扯耳尼哥王於拙赤行營誅之。是彼也斡魯速亡六王、七十侯，兵士死者什九。

時也烈班第二令其從子遏羅斯托王瓦西耳克康思但丁諾委翅帥眾來助。行至扯耳尼哥聞前軍已敗，急引退。是時斡魯速軍興倉卒，列城戰守未備，舉國大震，惟俟蒙兀軍至乞降免死而已。然蒙兀本無深入之意。軍鋒所及西自帖尼博耳河，北至扯耳尼哥，暨那懷哥羅特，夕尼斯克等城而止。是冬端河、亦的勒二水冰合，全軍踐之東渡。捷書達行在，成吉思詔以馬十萬匹犒師，即命拙赤鎮守乞卜察兀，後竟以其地封之，使轄

西北之境。歲甲申拙赤自寬田吉思海東移軍而西。者別、速別額台歸皇子部兵。自帥所部，平康里而東返。中道者別卒。

[В то] время к северу от моря *Куань-тянь-цзи-сы* была большая область называемая *ци-бу-ча-у*, которые некогда приняли людей, бежавших от нас, – *ме-эр-ци-тун* (меркитов. – *С.Д.*) *Ху-ту* [и] *Чи-ла-вэнь* (Чилаун. – *С.Д.*), [*мэн-у*] требовали их [выдачи], но [*ци-бу-ча-у*] не содействовали. К этому [времени] Западный край был взят и утихомирен, *Чэн-цзи-сы-хань* (Чингис-хан. – *С.Д.*) приказал *Чжэ-бе* [и] *Су-бе-э-таю*, обойдя, выйти [в земли] к западу от моря *Куань-тянь-цзи-сы*, продвинуться и покарать *ци-бу-ча-у*. В год *синь-сы* (25.1.1221–13.02.1222. – *С.Д.*) войска вошли в [область] хребта *Тай-хэ*. Хребет *Тай-хэ* – это то, что в Западном крае называют «горы *Ци-эр-цзи-сы*» (Черкесские. – *С.Д.*)[133]. Горные тропы [полны] теснин и преград, только *Да-эр-бань* (Дербенте. – *С.Д.*) – единственные ворота, [пригодные] для прохода телег и всадников. Как только наши войска продолбили камень, чтобы открыть путь[134], *ци-бу-ча-у* собрались и соединились к северу от гор, все области *а-су*, *сюэ-эр-кэ-су* явились противиться. *Чжэ-бе*, *Су-бе-э-тай* подсчитали, что численностью [войск] не равны врагам, а вернувшись, [монголы бы] оказались под угрозой в теснинах, и [тогда] посредством сладких слов [стали] дурачить *ци-бу-ча-у*, также подкупив их золотом и шелками, говоря: «Мы общего сорта, [между нами] нет стремлений причинить друг другу вред, не следует помогать другим родам, принося посредством этого злодеяния самим себе». *Ци-бу-ча-у* поверили им, сразу же отказались [от прежних договоренностей] и разорвали [отношения] с союзными войсками *а-су* и других областей, а сами отвели [войска] прочь.

Наши войска тотчас же вышли из теснин, перешли через хребет и разбили воинов *а-су* и других, вышли [там, где те] не ожидали, продвинувшись, внезапно напали на *ци-бу-ча-у*, младшего брата вождя их области *Хо-таня* – *Юй-лицзи*, а также сына [*Хо-таня*] – *Та-та-ха-эра*, [которые] как раз собрались на реке *Бу-цзу*[135], войска, достигнув, бросились в летучую атаку, их толпы рассеялись и бежали. *Та-та-ха-эр* был ранен стрелой, скрылся среди лесов, его рабы пришли сообщить [об этом], и потому задержали его, остальные толпы полностью сдались, после чего взяли их земли. Вой-

ска [отправились] на северо-восток, их путь был направлен к реке *И-дэ-лэ* (Идель/Итиль, Волга. – *С.Д.*), послали послов поднести [трофеи] и [сообщить] о победах императорскому сыну *Чжо-чи*, также просили помощи для армии. [В это] время *Чжо-чи* уже [заставил] склониться *У-лун-гэ-чи* (Ургенч. – *С.Д.*), стоял с войсками в области между двумя реками (Амударьёй и Сырдарьёй? – *С.Д.*), толпы во множестве предавались праздности, [поэтому он] отделил большую половину воинов и направил на помощь.

На следующий год зимой, [когда] новые воины уже прибыли [для схватки] с врагом, река *И-дэ-лэ* [уже] покрылась льдом, потому [заставили] склониться *А-сы-да-ла-хань* (Астрахань. – *С.Д.*), сожгли и разграбили тот город, встретились с воинами *ци-бу-ча-у*, снова разбили их, [после чего] разделили войско надвое, повели [их] и [отправились] на запад. Одно войско преследовало разбитое войско [врага] и перешло реку *Дуань*, одно войско устремилось к морю *А-су*, усмирила такие области, как *сюэ-эр-кэ-сы* и *а-су*. Затем от моря *А-су* ступали по замёрзшим волнам Чёрного моря и поднялись на полуостров *Кэ-лэ-му*, сильно ограбили [его] и отправились на север, [где] два войска вновь соединились. *Хо-тань*, обратившись в бегство, вошёл в *Во-лу-су*, просил помощи у своего зятя, *вана Ха-ли-чи Ми-чи-ти Сы-лао-фу*[136].

Во-лу-су – большое государство северо-запада. В третьем году правления [под девизом] Сянь-тун танского И-цзуна основали государство к югу от Северного моря, после чего расширили земли и прибавили в обширности, на юге стали соседствовать с Чёрным морем. Во времена Северной Сун в том государстве ввели в действие порядок, основанный на уделах, каждый [из] *чжухоу-ванов* занял землю, сам владел [и] выделял пожалования своим детям и внукам, раскроили на семьдесят государств, [управляемых представителями] одного рода, ежедневно между ними случались внутренние распри.

Ван Ха-ли-чи[137] был одним из многих государств южной области *Во-лу-су*, его *ван Ми-чи-ти Сы-лао-фу* имел способности [в применении] воинов, неоднократно в сражениях побеждал сородичей, смотрел на *мэн-у* (монголов. – *С.Д.*) как на ничтожных. К этому [времени] согласился на просьбу батюшки своей жены и послал послов уведомить *вана Ци-ва* (Киева. – *С.Д.*)

Ми-чи-ти Сы-лао-фу Ло-му-но-вэй-чи, [который] собрал [представителей] царского дома обсудить военные дела. И тогда *ван Чэ-эр-ни-гэ Ми-чи-ти Сы-лао-фу Сы-ва-то-лэ-вэй-чи*[138], вместе со всеми *ванами* южной области собрались в *Ци-ва* [и] совокупно задумали выйти из пределов [и] встретить врага, [решили, что] не стоит сидеть до того, как те придут, а также уведомили *вана* главного удела – *У-ла-дэ-ми-эр – Е-ле-баня*[139] Второго, прося [его] выслать воинов для помощи. Разделили [и начали] перемещение войск и провианта, от двух рек *Те-ни-бо-эр* и *Тэ-ни-сы-тэ* чтобы достичь [земель] к северо-востоку от Чёрного моря. [В это] время было лето [года] *гуй-вэй*. *Чжэ-бе* [и] *Су-бе-э-тай*, услышав, что воины *во-лу-су* поднялись во множестве, послали к [русским] десять человек, [которые] обратились [к князьям], сообщив: «Те, кого карают монголы, – *ци-бу-ча-у*, с *во-лу-су* [у нас] нет раздоров, конечно, не [стоит] вредить друг другу; то, что монголы именно что почитают Небо, с религией [вашего] драгоценного государства взаимоподобно, *ци-бу-ча-у* искони с [вашим] драгоценным государством имели войны и [ему чинили] обиды, почему бы не помочь нам, напав на врага?»

Все *ваны во-лу-су* сказали: «Прежде этими словами соблазнили *ци-бу-ча-у*, ныне опять пришли соблазнить нас – не можем верить». Убили их послов. Два полководца вновь послали к [русским] людей, [которые] сказали: «Убили от нас приходивших людей – искривление правды на тех. Небо отберёт у тебя душу, [вы] сами выбрали уничтожение и гибель, ныне приходите с воинами, попросим [Небо] решить, [кто] победит, [кто] потерпит поражение». *Хо-тань* снова хотел убить их, [но] люди *во-лу-су* не последовали [его требованиям], отпустили [их] восвояси и условились о сражении.

И тогда *ван Чэ-эр-ни-гэ* раньше [других пошёл] с десятью тысячами всадников на восток, переправился через реку *Те-ни-бо-эр*, разбил наше передовое остриё, убил замещающего полководца *Ха-ма-бэя*[140]. Все *ваны во-лу-су*, воспользовавшись победой, последовали [за ним] и [отправились на] восток, наши войска отводились назад, враг преследуя [их], достиг реки *А-ли-цзи*, [где] встретил большое войско двух полководцев. [В это] время войск *во-лу-су* было 82 тысячи, встали лагерями на юге и на севере. В южном войске были воины таких обла-

стей, как *Ци-ва* и *Чэ-эр-ни-гэ*, в северном войске были воины *Ха-ли-чи* и других областей, вместе с [воинами] *ци-бу-ча-у*. *Ван Ха-ли-чи* низко [оценивал] врагов, был жаден до подвигов, не договорился с южным войском, в одиночку во главе северного войска перешёл [реку] *А-ли-цзи*, сражался с нашими войсками на земле *Хай-эр-сан*, победа или поражение были ещё не решены, [но тут] воины *ци-бу-ча-у* первыми оробели и отступили, боевые порядки смешались, наши войска воспользовались этим, воины *во-лу-су* были сильно рассеяны, [ван] *Ха-ли-чи* и другие ваны поспешно переправились через реку *Те-ни-бо-эр*, утопили свои лодки, достигшим [берега] после не удалось переправиться, все были убиты.

Южное войско не знало, что северное войско уже сразилось и разбито, ждали условленной встречи, и наши войска неожиданно подошли [к ним]. Держали в осаде их лагерь три дня, не склонялись. [Стали] соблазнять [их] возможностью [дать] выкуп и заключить мир, дождались, [пока] те выйдут, [и] спешно напали на них. [Тем, кому] отрубили головы и отрезали [для подсчёта] уши, не было числа. Поймали *ванов* таких областей, как *Ци-ва* и *Чэ-эр-ни-гэ*, связав, положили всех на землю, покрыли досками, сделав [всё] необходимое для сидения, монгольские полководцы и предводители сели сверху, поставили вино и [устроили] высокое собрание, когда вино было на исходе, раскрыли доски – от большого давления [князья] умерли. *Чжэ-бе* приказал *Хэ-сы-май-ли* в клетке преподнести вана *Чэ-эр-ни-гэ Чжо-чи*, [тот] в путевом лагере казнил его. Вот там [у] *во-лу-су* погибло шесть *ванов*, семьдесят *хоу*, из воинов и офицеров умерших [было] из [каждого] десятка девять.

[В это] время *Е-ле-бань* Второй, приказал своему племяннику, вану *Э-ло-сы-то Ва-си-эр-кэ Кан-сы-дань-дин-но-вэй-чи* во главе толп прийти на помощь. По пути, достигнув *Чэ-эр-ни-гэ*, услышал о том, что предыдущее войско уже разбито, торопливо отвёл [войска] и отступил. В это время мобилизация войск *во-лу-су* [проходила] в спешке, города не могли сражаться и сопротивляться, всё государства сильно дрожали от страха, только и ждали прихода войск *мэн-у*, [дабы] умолять [их о возможности] сдачи, [чтобы тем] избежать смерти, только и всего. Однако у *мэн-у* изначально не было мыслей глубоко входить [туда]. То, чего достигло остриё войска, – на западе

начиная с реки *Те-ни-бо-эр*, на севере дошли до *Чэ-эр-ни-гэ*, а также таких городов, как *На-хуай-гэ-ло-тэ* (Новгорода. – *С.Д.*) и *Си-ни-сы-кэ*[141] и остановились. В ту зиму две реки – река *Дуань* [и] *И-дэ-лэ* – сковались льдом, всё войско, ступая по нему, перешло [реки] на восток. Грамота о победах достигла путевой резиденции, *Чэн-цзи-сы* [издал] высочайший указ одарить армию ста тысячами лошадей и тут же приказал *Чжо-чи* оборонять и защищать *ци-бу-ча-у*[142], затем в конце концов пожаловал его этими землями, повелел управлять северо-западными пределами. В год *цзя-шэнь Чжо-чи* из [земель] к востоку от моря *Куань-тянь-цзи-сы* переместил войска и [отправил их] на запад. *Чжэ-бе* [и] *Су-бе-э-тай* вернули воинов из части, [предоставленной им] императорским сыном. Сам [*Чжэ-бе*], возглавив вверенные части, усмирил *кан-ли* и вернулся на восток. На середине пути *Чжэ-бе* скончался [МУЭШЦ, т. 3, цз. 29, л. 2а-4б].

Отдельно (хотя и гораздо короче) те же события отражены и в биографии Исмаила (она содержится в той же главе), в которой заметно влияние как труда Хун Цзюня, так и оригинала из «Юань ши».

汗命二將進軍寬田吉思海西北討乞卜察兀。歲辛巳再入曲兒只，曷思麥里仍為軍鋒，敵眾來禦，者別設伏敗之。以其地多山險，不便行軍，退而東行渡古爾河，破設里汪之沙馬起城，進攻打耳班關門，又破之，即以設里汪土人為導踰太和嶺，敗阿速軍，乘勝破乞卜察兀。明年冬自阿速海履冰渡黑海入於撒吉剌之地，招降客勒木城。又明年乞卜察兀以斡魯速援軍至我軍與戰於鐵兒山之地，大敗之。獲扯耳尼哥王密赤提思老甫司瓦托勒委翅，檻致拙赤誅之。歲甲申奉詔班師，曷思麥里從者別，道經康里部至孛子八里城，與其酋霍脫思罕戰，又敗其軍，自是康里遂平。及者別道卒。

Хан приказал двум полководцам продвинуть войска к [землям] к северо-западу от моря *Куань-тянь-цзи-сы* и покарать *ци-бу-ча-у*. В год *синь-сы* уже вновь вошли в *Цю-эр-чжи* (Грузию. – *С.Д.*), *Хэ-сы-май-ли*, как и раньше, действовал [в] острие войска, вражеские толпы явились противиться, *Чжэ-бе* устроил засаду и разбил их. Поскольку в тех землях много гор и теснин, [там] неудобно идти войскам, [потому] отступили и пошли на восток, перешли реку *Гу-эр* (Кура. – *С.Д.*), разгромили [области] *Шэ-ли-ван* (Ширван. – *С.Д.*) город *Ша-ма-ци*

(Шемаха. – *С.Д.*), продвинулись и напали на ворота заставы *Да-эр-бань*, также разбили их, тут же использовали служилых людей *Шэ-ли-вана* в качестве проводников, чтобы перейти хребет *Тай-хэ*[143], разбили войска *а-су*, воспользовавшись победой, разгромили *ци-бу-ча-у*. На следующий год от моря *А-су*, ступая по льду, переправились через Чёрное море и вошли в земли *Са-цзи-цы*, призвали к сдаче город *Кэ-лэ-му*[144]. Ещё на следующий год *ци-бу-ча-у*, используя помогающие войска *во-лу-су*[145] достигли наших войск и сражались с [ними] в земле Железных гор[146], сильно разбили их. Поймали *вана Чэ-эр-ни-гэ Ми-чи-ти Сы-лао-фу Сы-ва-то-лэ-вэй-чи*, в клетке преподнесли *Чжо-чи*, [тот] казнил его. В год *цзя-шэнь* почтительно получили высочайший приказ вернуть армии, *Хэ-сы-май-ли* следовал за *Чжэ-бе*, по пути прошли через область *кан-ли*[147], достигли города *Бо-цзы-ба-ли*, с их вождём *Хо-то-сы*-ханом сразились, также разбили его войска, с этого времени *кан-ли* были окончательно усмирены. Что касается *Чжэ-бе*, [то он] скончался в пути [МУЭШЦ, т. 3, цз. 29, л. 5а-6а].

Упомянут поход и в биографии Субэдэя – но совсем коротко.

奉命出寬田吉思海西討迪北乞卜察兀等部。語詳者別傳
Почтительно получил приказ выйти [в земли] к западу от моря *Куань-тянь-цзи-сы* и покарать *ци-бу-ча-у* и другие области к северу. Речь [об этом] подробно [ведётся] в жизнеописании *Чжэ-бе* [МУЭШЦ, т. 3, цз. 29, л. 8б].

Несколько фраз можно найти и в биографии Джучи.

遙為者別、速別額台二將，迪北一軍聲援。及二將已出打耳班，踰太和嶺敗阿速、乞卜察兀等軍，使人告捷於拙赤，且請濟師。拙赤分兵大半往助之。(…)甲申者別、速別額台既平乞卜察兀，復敗斡魯速之軍，禽乞瓦部主、扯耳尼哥部主大小密赤思老，獻拙赤，誅。二將東還。
Далеко были два полководца *Чжэ-бе* [и] *Су-бе-э-тай*, севернее одна армия [*Чжо-чи* была] гласной помощью. К [этому времени] два полководца уже вышли из *Да-эр-бань*, перешли хребет *Тай-хэ*, разбили такие войска, как *а-су* и *ци-бу-ча-у*, послали людей сообщить о [своих] победах *Чжо-чи*, также просили помощи для армии. *Чжо-чи* отделил большую половину воинов [и] отправил помочь им. (…) [В год] *цзя-шэнь Чжэ-бе*

> [и] *Су-бе-э-тай* уже усмирили *ци-бу-ча-у,* снова разбили войска *во-лу-су*, взяли в плен главу области *Ци-ва* и главу области *Чэ-эр-ни-гэ* – большого и малого *Ми-чи-сы-лао*[148] [соответственно], поднесли *Чжо-чи*, казнил[149]. Два полководца [отправились] на восток и вернулись [МУЭШЦ, т. 4, цз. 34, л. 3а-3б].

Пассаж из биографии Го Бао-юя несколько отличается от исходного варианта «Юань ши» хотя и основан на нём:

> 又從者別、速別額台二先鋒，收寬田吉思海諸國，有功。經西遼故地歸。
>
> Также следовал за двумя «передовыми остриями» *Чжэ-бе* [и] *Су-бе-э-тая*, взял все государства [у] моря *Куань-тянь-цзи-сы*, имел заслуги. Проехал через бывшие земли Западного Ляо [и] вернулся [МУЭШЦ, т. 12, цз. 59, л. 1а].

Как видим, Ту Цзи наконец исправляет Бохайское море на более ожидаемое Каспийское, а поход против киданей превращает в поездку возвращающегося на покой чиновника через бывшие земли каракитайского государства, и правда поглощённого (при участии Го Бао-юя) в 1218 г. – задолго до похода двух полководцев.

Последняя глава книги Ту Цзи посвящена описанию разных стран. Там есть разделы про кипчаков (в архаичной (использовавшейся, в частности, в «Юань ши») форме транскрипции *цинь-ча*) [МУЭШЦ, т. 8, цз. 160, л. 17а-18б], Россию (в неожиданном для Ту Цзи «добавочном »варианте Вэй Юаня *А-ло-сы*) [МУЭШЦ, т. 8, цз. 160, л. 18б-19а], Болгар (*Бу-ли-а-эр* 不里阿而) [МУЭШЦ, т. 8, цз. 160, л. 19б-21а] и Крым (*Са-цзи-цы*) [МУЭШЦ, т. 8, цз. 160, л. 21а-21б]. Увы, там нет никаких дополнительных данных об интересующих нас событиях – в основном они посвящены проблемам наименований и истории этих стран и народов.

Последним – и, кажется, самым успешным (в некотором смысле) – из авторов, пытавшихся создать новую версию «Юань ши» был Кэ Шао-минь 柯劭忞 (1850–1933). Его грандиозный труд из 257 *цзюаней* – плод 30-летней работы – был завершён в 1920 г., а в 1921 г. был возведён в ранг официальной истории президентом Китайской Республики Сюй Ши-чаном 徐世昌 (1855–1939, президент в 1918–1922) и получил чаемое всей плеядой предшественников Кэ Шао-миня (для своих трудов) название «Новая история Юань»

(«Синь Юань ши» 新元史). Первое издание вышло в 1922 г. Права президента (а не императора) присваивать подобный ранг историческому труду уже тогда ставились под сомнение, да и репутация самого Сюй Ши-чана, как довольно безвластного главы «милитаристского» пекинского режима была далека от безупречной. После победы Северного похода в 1927–1928 гг. практически все решения северного правительства были объявлены компрадорскими и нелегитимными – и конечно, это не могло не отразиться и на статусе труда Кэ Шао-миня. Несмотря на то, что и в Китае, и за рубежом сама книга оценивалась весьма высоко, в признании официального статуса «Новой истории Юань» было отказано. Её публикации в рамках так называемых «Двадцать шести [официальных] историй» («Эр-ши лю ши» 二十六史) довольно редки – гораздо чаще выходят «Двадцать четыре» или «Двадцать пять [официальных] историй» (в число последних в виде исключения добавлена история Цин, не получившая официального статуса ввиду отсутствия инстанции, которая могла бы его присвоить, и потому (несмотря на завершённость) именуемая «Черновиком истории Цин» («Цин-ши гао» 清史稿) – но не «Новой историей Цин» («Синь Цин ши» 新清史).

Обычно именно Кэ Шао-минь считается первым китайским учёным-специалистом по истории Юань, ставшим системно привлекать иностранные источники (см. например, [Установления, с. 173]). Однако, как мы увидим, по крайней мере в рамках нашей проблематики он выглядит довольно вторичным автором, всецело опирающимся на достижения Хун Цзюня.

Как и многие предшественники, Кэ Шао-минь кратко говорит об этом походе уже в «Основных записях».

> 十六年，辛巳(…)遣者別、速不台討康里、奇卜察克等十一部。者別、速不合與奇卜察克兵戰於高喀斯，敗之，獲其部酋之弟玉兒格及其子塔阿兒。(…)
> 十七年，壬午(…)是年，者別、速不台平奇卜察克，其酋遁入斡羅斯。(…)
> 十八年，癸未(…)夏，者別、速不台與斡羅斯戰於喀勒吉河孩兒桑之地，大敗之，獲其計掖甫、扯而尼哥等部酋，檻送術赤誅之。詔以馬十萬匹犒師。(…)

十九年，甲申，夏(…)初，帝遣者別、速不台追蘇爾灘，命之曰：“事定之後，由奇卜察克回至蒙兀兒斯單，與我相見，然後全師東返。”至是，者別、速不台來告捷，請遵前命，覲帝於行在。未幾，者別中道卒。

Шестнадцатый год, *синь-сы* (…) послал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тая* покарать *кан-ли*, *ци-бу-ча-кэ,* [всего] одиннадцать подобных племён. *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* сразились с воинами *ци-бу-ча-кэ* в *Гао-ка-сы*, разбили их. Поймали младшего брата вождя их области – *Юй-эр-гэ*, также его сына *Та-а-эра*. (…)

Семнадцатый год, *жэнь-у*. (…) В этот год *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* усмирили *ци-бу-ча-кэ*, их вождь, обратившись в бегство, вошёл [в пределы] *во-ло-сы*. (…)

Восемнадцатый год, *гуй-вэй*. (…) Летом *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* с *во-ло-сы* сразились на реке *Ка-лэ-цзи* в земле *Хай-эр-сан*, сильно разбили их. Поймали вождей таких их областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*, в клетке доставили *Шу-чи*, [который] казнил их[150]. Высочайшим указом ста тысячами лошадей одарили армию. (…)

Девятнадцатый год, *цзя-шэнь*, лето. (…) Вначале, [когда] император послал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тая* преследовать *су-эр-таня* (султана, имеется в виду хорезмшах Мухаммед. – *С.Д.*)[151], приказывая им, сказал: «После того как дело будет улажено, через *ци-бу-ча-кэ* вернитесь и достигните *Мэн-у-эр-сы-даня* (Могулистана. – *С.Д.*)[152], [тогда] увидитесь со мной. После этого вся армия вернётся на восток». К этому [времени] *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* прибыли сообщить о победах, просили [возможности] следовать прежнему приказу и получить аудиенцию [у] императора в путевой резиденции. Ещё не [прошло] и немного [времени после этого], [когда] *Чжэ-бе* на середине пути скончался[153][СЮШ, цз. 3, с. 377].

Как и у предшественников, несколько строк есть и в биографии Джучи.

十七年，(…) 命哲別、速不台循裹海之西征奇卜察克，留術赤屯於咸海、裹海之間，為二將聲援。十九年，哲別、速不台平奇卜察克，復敗斡羅斯兵，擒其二酋獻於術赤，誅之。

Семнадцатый год, (…) [Чингис-хан] приказал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю,* обогнув Внутреннее море с запада, пойти карательным походом на *ци-бу-ча-кэ*, оставил *Шу-чи* встать лаге-

рем между Солёным морем и Внутренним морем, быть двум полководцам гласной помощью. В девятнадцатом году *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* усмирили *ци-бу-ча-кэ*, не раз разбили воинов *во-ло-сы*, взяли в плен их двух вождей и поднесли *Шу-чи*, [который] казнил их [СЮШ, цз. 106, с. 651][154].

В биографии Субэдэя:

十六年，太祖命速不台與者別進討奇卜察克。循裹河之西入高喀斯山，大破奇卜察克之衆，殺其部酋之弟玉兒格。其子塔阿兒匿於林中，爲奴所告，執而殺之。速不台縱奴爲民，還以聞，太祖曰：“奴不忠於主，肯忠事他人？”並戮之。奇卜察克酋遁入斡羅斯境。速不台、者別引兵至喀勒吉河，與斡羅斯戰於孩兒桑之地，斬獲無算。(…) 初，太祖命速不台、者別以三年爲期，由奇卜察克返至蒙古地，與太祖相見。至是二將凱旋，遵太祖之命而返。

В шестнадцатом году Тай-цзу приказал *Су-бу-таю* и *Чжэ-бе*, продвинув [войска], покарать *ци-бу-ча-кэ*. Обогнули с запада Внутреннее море, вошли в горы *Гао-ка-сы*, сильно разгромили толпы *ци-бу-ча-кэ*, убили младшего брата вождя их области – *Юй-эр-гэ*. Его сын *Та-а-эр* укрылся среди лесов, [но его местонахождение] было сообщено [его] рабом, [монголы] задержали и убили его. *Су-бу-тай* отпустил [на свободу этого] раба, сделав простолюдином, когда вернулся, то, услышав [об этом], Тай-цзу сказал: «Раб, который не был верен своему хозяину, готов ли быть верным другому человеку?» И казнил его[155]. Вождь *ци-бу-ча-кэ* обратившись в бегство, вошёл в пределы *во-ло-сы*. *Су-бу-тай* [и] *Чжэ-бе* отвели войска [и] достигли реки *Ка-лэ-цзи,* с *во-ло-су* сразились в земле *Хай-эр-сан*, обезглавленным и пойманным не было числа. (…) Вначале Тай-цзу приказал *Су-бу-таю* [и] *Чжэ-бе* в трёхлетний срок через *ци-бу-ча-кэ* возвратиться и достигнуть монгольских земель[156], [где] увидеться с Тай-цзу. К этому [времени] два полководца с победной песней возвернулись, следовали приказу Тай-цзу – и возвратились [СЮШ, цз. 122, с. 672].

Несколько подробнее описание в биографии Джэбэ – оно почти полностью представляет собой сокращённое переложение (чаще всего дословное, с использованием предложенных предшественником транскрипций) текста Хун Цзюня.

十六年西域略定，太祖覆命者別與速不台進軍裏海之西，以討奇卜察克。軍入高喀斯山，奇卜察克、阿速、撒耳柯思等部據險邀之。者別以衆寡不敵，乃甘言誘奇卜察克謂：“我等皆同類，無相害意，何必助他族以傷同類？”奇卜察克信其言而退。者別引軍出險敗阿速等部，急追奇卜察克，縱兵奮擊，殺其霍灘之弟玉兒格及其子塔阿兒，告捷於太子朮赤，請濟師。時朮赤駐軍於裏海東，分兵助之。

十七年冬，新軍至，乘冰合，渡浮而嘎河，遂下阿斯塔拉干城。遇奇卜察克兵，又敗之，軍分爲二，懼引而西。一軍追敗兵過端河，一軍至阿索富海之東南，平撒耳柯思、阿速等部，遂自阿索富海履冰以至黑海，入克勒姆之地。兩軍復合。霍灘遁入斡羅斯境，乞援於其婿哈力赤王穆斯提斯拉甫。哈力赤王集斡羅斯南部諸王於計掇甫，議出境迎擊。者別、速不台遣使十人來告：“蒙古所討者奇克察克，與斡羅斯無釁，必不相犯。奇卜察克素與貴國構兵，盍助我以攻仇敵？”斡羅斯諸王謂：“先以此言餌奇卜察克，今復餌我，不可信。”執十人殺之。者別、速不台復遣使謂：“殺我行入，曲在汝。天奪汝魄，自取滅亡。請一戰以決勝負。”庫灘又欲殺之，斡羅斯人釋之，約戰期。哈力赤王先以萬騎東渡帖尼博耳河，敗前鋒裨將哈馬貝，獲而殺之。諸王皆引兵從之。至喀勒吉河，與大軍遇。時斡羅斯軍分屯南北，南軍為計掇甫、扯耳尼哥等部，北軍爲哈力赤等部及奇卜察克之兵。哈力赤王輕敵，獨率北軍渡河，戰於孩兒桑之地，勝負未決，奇卜察克兵先遁，我軍乘之，斡羅斯兵大潰。哈力赤王走渡河，即沉其舟，後至者不得渡，悉爲我軍所殺。南軍不知北軍之戰，亦不知其敗，我軍猝至，圍其壘，三日不下。誘令納賄行成，俟其出，疾攻之，斬馘無算。我軍西至帖尼博耳河，北至扯耳尼哥城及諾拂敦羅特城、夕尼斯克城而止。捷書至太祖行在，詔以馬十萬匹犒師，封朮赤於奇卜察克，以轄西北諸部。

十九年，朮赤西行，者別與速不台歸朮赤部兵，自率所部東返。中道卒。

В шестнадцатом году Западный край был взят и утихомирен, Тай-цзу огласил приказ *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю* продвинуть войска на запад от Внутреннего моря, чтобы покарать *ци-бу-ча-кэ*. Войска вошли в горы *Гао-ка-сы*, такие области, как *ци-бу-ча-кэ, а-су, са-эр-кэ-сы*, заняв теснины, задержали их [продвижение]. *Чжэ-бэ* численностью [войск] был не равен врагам, тогда сладкими словами стали соблазнять *ци-бу-ча-кэ*, говорили: «Такие как мы – все общего сорта, [между

нами] нет стремлений причинить друг другу вред, зачем непременно помогать другим родам, раня [людей] общего [с собой] сорта» *Ци-бу-ча-кэ* поверили тем словам и отступили. *Чжэ-бе* повёл войска, вышел из теснин, разбил [войска] *а-су* и других областей, торопливо преследовал *ци-бу-ча-кэ*, пустил воинов в летучую атаку, убил младшего брата их [вождя] *Хо-таня – Юй-эр-гэ*, также его сына *Та-а-эра*, сообщили о победах наследнику *Шу-чи*, просили помощи для армии. В это время *Шу-чи* стоял с войсками к востоку от Внутреннего моря, отделил воинов помочь им.

В семнадцатом году зимой новые войска прибыли, используя то, что лёд [на реках] сковался, перешли реку *Фу-эр-га* и затем [заставили] склониться город *А-сы-та-ла-гань*. Встретились с воинами *ци-бу-ча-кэ*, снова разбили их, [после чего] войска разделились надвое, остерегаясь, повели [их] и [отправились] на запад. Одно войско, преследуя разбитых воинов, перешло реку *Дуань*, одно войско достигло [земель] к юго-востоку от моря *А-су-фу*, усмирило такие области, как *са-эр-кэ-сы* и *а-су*. Затем от моря *А-су-фу* ступали по льду, чтобы достигнуть Чёрного моря, вошли в земли *Кэ-лэ-му*, [затем] два войска вновь соединились. *Хо-тань*, обратившись в бегство, вошёл в пределы *во-ло-сы*, умолял о помощи своего зятя, *вана Ха-ли-чи Му-сы-ти-сы-ла-фу*. *Ван Ха-ли-чи* собрал всех ванов южных областей *во-ло-сы* в *Цзи-е-фу*, задумали выйти из пределов [и] встречно атаковать. *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* послали десять человек послами, прибыв, они сообщили: «Те, кого карают монголы, это *ци-бу-ча-кэ*, с *во-ло-сы* нет раздоров, непременно не [следует] нападать друг на друга. *Ци-бу-ча-кэ* искони на [ваше] драгоценное государство навлекали воинов, почему бы не помочь нам, напав на врага?». Все *ваны во-ло-сы* сказали: «Прежде этими словами соблазнили *ци-бу-ча-кэ*, ныне опять соблазняете нас – не можем верить». Задержали [этих] десятерых человек, убили их. *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* вновь отправили послов, [которые] сказали: «Убил от нас приходивших людей – кривда на тебе. Небо отберёт у тебя душу, [вы] сами выбрали уничтожение и гибель, просим разок сразиться, чтобы решить, [кто] победит, [кто] потерпит поражение». *Ку-тань*[157] снова хотел убить их, [но] люди *во-ло-сы* отпустили [их] и условились о сроке сражения. *Ван Ха-ли-чи*

> [шёл] впереди с десятью тысячами всадников, переправился на восток через реку *Те-ни-бо-эр*, разбил передовое остриё [и] замещающего полководца *Ха-ма-бэй*, поймал и убил его. Все *ваны,* ведя воинов, последовали [за ним]. Достигли реки *Ка-лэ-цзи*, с большим войском встретились. [В это] время войско *во-ло-сы* разделилось и разбило лагеря на юге и на севере, в южном войске – [воины] таких областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*, в северном войске – [воины] *Ха-ли-чи* и других областей, а также воины *ци-бу-ча-кэ*. *Ван Ха-ли-чи* низко [оценивал] врагов, в одиночку во главе северного войска перешёл реку, сражался на земле *Хай-эр-сан*, победа или поражение были ещё не решены, воины *ци-бу-ча-кэ* первыми обратились в бегство, наше войско воспользовалось этим, воины *во-ло-сы* были сильно рассеяны. [Ван] *Ха-ли-чи* ушёл и переправился через реку, сразу же утопил свои лодки, и достигшим [берега] после не удалось переправиться, все нашими войсками были убиты. Южное войско не знало о сражении северного войска, также не знало об их поражении, и наши войска внезапно подошли [к ним]. Осаждали их валы, [те] три дня не сдавались. [Стали] соблазнять [их] возможностью [дать] выкуп и заключить мир, дождались, [пока] те выйдут, [и] спешно напали на них. Обезглавленным и [тем, у кого для подсчёта] были отрезаны уши, не было счёту. Наши войска на западе достигли реки *Те-ни-бо-эр*, на севере достигли города *Чэ-эр-ни-гэ*, а также города *Но-фу-го-ло-тэ,* города *Си-ни-сы-кэ* и остановились. Грамота о победах достигла путевой резиденции Тай-цзу, [который] приказал одарить армию ста тысячами лошадей, пожаловал Шу-чи [уделом в землях] *ци-бу-ча-кэ*, чтобы подчинить все области северо-запада.
>
> В девятнадцатом году *Шу-чи* отправился на запад, *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* вернули воинов из части, [предоставленной им] *Шу-чи*. Сам [*Чжэ-бе*], возглавив вверенные части, возвратился на восток. На середине пути [*Чжэ-бе*] скончался [СЮШ, цз. 123, с. 673].

Сказано об этих событиях и в биографии Исмаила, также в целом выглядящей как сокращение соответствующего текста – но на этот раз Ту Цзи, поэтому можно отметить отличие некоторых транскрипций от предыдущих фрагментов:

十五年，者別再入曲兒只，曷思麥裏仍爲前鋒。以道路險阻，退而東行，渡古爾河，破設裏汪之沙馬起城，進攻打耳班，逾太和嶺，敗阿速軍，乘勝入奇卜察克。明年冬，自阿速履冰渡黑海，入於撒吉剌之地，招降黑林城。十七年，乞卜察克以斡羅思援軍至大軍，與戰於孩兒桑，大敗之。事具《者別傳》。

В пятнадцатом году *Чжэ-бе* вновь вошёл в *Цюй-эр-чжи*, *Хэ-сы-май-ли*, как и раньше, действовал [в] острие войска. Поскольку пути и дороги [там] узки и опасны, отступили и пошли на восток, перешли реку *Гу-эр*, разгромили город *Ша-ма-ци* в *Шэ-ли-ван*, продвинулись и напали на *Да-эр-бань*, перешли хребет *Тай-хэ*, разбили войска *а-су*, воспользовавшись победой, вошли [в земли] *ци-бу-ча-кэ*. На следующий год зимой от [земель] *а-су*, ступая по льду, переправились через Чёрное море и вошли в земли *Са-цзи-цы*, призвали к сдаче город Чёрный Лес[158]. В семнадцатом году *ци-бу-ча-кэ*, используя помогающие войска *во-лу-су*, достигли большого войска [монголов], вступили в сражение с [ними] в [земле] *Хай-эр-сан*, сильно разбили их. Дело в полной мере [описано в] «Жизнеописании *Чжэ-бе*» [СЮШ, цз. 131, с. 681].

В биографии Го Бао-юя Кэ Шао-минь особенно лаконичен:

從者別、速不台轉戰有功。

Следовал за *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таем*, перемещался в сражениях, имел заслуги [СЮШ, цз. 146, с. 701].

Несмотря на то, что Кэ Шао-минь, как мы видим, указывает на биографию Джэбэ как на наиболее подробный вариант изложения событий, это не совсем так. Последняя глава его труда, девятая из глав «[Описания] внешних государств» («Вай-го» 外國), содержит большой параграф о России, который помимо исторической справки также включает наиболее подробное описание интересующего нас похода.

時太祖已平西域，斡羅斯鄰部曰奇卜察克，納蒙古逃人，太祖索之，不與。十六年，命哲別、速不台進軍里海之西，以討奇卜察克，殺奇卜察克酋霍灘之弟玉兒格及其子塔阿兒。十七年，遂自阿索富海踏冰以至黑海，入克勒姆之地。

霍灘遁入斡羅斯境，乞援於其婿哈力赤王穆斯提斯拉甫。穆斯提斯拉甫能用兵，屢勝同族，視蒙古蔑如也，允其妻父

之請，遣告計掇甫王穆斯提斯甫拉羅慕諾委翅，集列邦議兵事。於是扯耳尼哥王穆斯提斯拉甫司瓦託司拉甫勒委翅與南境諸王皆至計掇甫，議出境迎擊，勿待其至，並告於首邦物拉的迷爾王攸利第二，請出兵爲援。分軍自帖尼博耳河、特尼斯特河以至黑海東北。

哲別、速不台聞斡羅斯起兵，遣使十人來告：“蒙古所討者奇卜察克，夙與斡羅斯無釁，必不相犯。蒙古惟敬天，與汝國宗教相若。奇卜察克素與汝有兵怨，盍助我攻仇人”。諸王謂：“先以此言餌奇卜察克，今復餌我，不可信”。殺其使。二將復遣使至，謂：“殺我行人，其曲在汝，天奪汝魄，自取滅亡。今以兵來請決勝負。”霍灘又欲殺之，斡羅斯人釋之歸，刻期約戰。

哈力赤王先以萬騎東渡帖尼博耳河，敗蒙古前鋒，獲裨將哈馬貝殺之。蒙古軍退，追至喀勒吉河，遇二將大軍。時斡羅斯兵八萬二千分屯南北。南軍爲計掇甫、扯耳尼哥等部之兵，北軍爲哈力赤等部及奇卜察克兵。哈力赤王輕敵貪功，不謀於南軍，獨率北軍渡河，戰於孩耳桑之地。勝負未決，而奇卜察克兵怯敵先退，陣亂，蒙古軍乘之，斡羅斯人大敗。哈力赤等王得脫，渡河而西，即沈其舟，後至者不得渡，悉被殺。南軍不知北軍之戰，亦不知其敗，蒙古軍猝至。攻其營，三日不下。誘令納賄行成，俟其出，疾攻之，殲馘略盡。獲計掇甫、扯耳尼哥等部之王，縛置於地，覆板坐其上，飲酒歡會，多壓斃者。哲別令曷思麥里檻致扯耳尼哥王於太子術赤，誅之。是役也，斡羅斯亡六王、七十侯，兵士十死八九。

攸利第二得請兵信，令其侄遏羅斯托王瓦西耳克康斯但丁諾委翅率兵往援。至扯耳尼哥，聞軍敗，亟引退。是時，列城無備，不能爲戰守，惟俟兵至乞降，舉國大震。而哲別等西至帖尼博耳河，北至扯耳尼哥城、諾拂郭羅特夕尼斯克城而止。是冬，大軍東返。

斡羅斯雖敗於蒙古，境內未遭蹂躪，迨兵退，各部內訌如故，不復慮外患。

[В то] время, когда Тай-цзу уже усмирил Западный край, сопредельная *во-ло-сы* область, называемая *ци-бу-ча-кэ,* приняла людей, бежавших от монголов; Тай-цзу требовал их [выдачи], но [*ци-бу-ча-кэ*] не содействовали. В шестнадцатый год [Тай-цзу] приказал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю* продвинуть войска к западу от Внутреннего моря, чтобы покарать *ци-бу-ча-кэ*, убили младшего брата вождя *ци-бу-ча-кэ Хо-таня* –

Юй-эр-гэ, а также его сына *Та-а-эра*. В семнадцатом году, продвигаясь от моря *А-со-фу,* попирали лёд, чтобы достигнуть Чёрного моря, вошли в земли *Кэ-лэ-му*.

Хо-тань, обратившись в бегство, вошёл в пределы *во-ло-сы*, умолял о помощи своего зятя, *вана Ха-ли-чи Му-сы-ти-сы-ла-фу*. *Му-сы-ти-сы-ла-фу* имел способности в применении воинов, неоднократно побеждал сородичей, смотрел на монголов как на ничтожных, согласился на просьбу отца своей жены, послал уведомить *вана Цзи-е-фу Му-сы-ти-сы-фу Ла-лому-но-вэй-чи,* [который] собрал уделы обсудить военные дела. И тогда *ван Чэ-эр-ни-гэ Му-сы-ти-сы-ла-фу Сы-ва-то-сы-ла-фу-лэ-вэй-чи* вместе со всеми *ванами* южных пределов все прибыл в *Цзи-е-фу*, задумали выйти из пределов [и] встречно атаковать, не ждать, пока те придут, а также уведомили *вана* главного русского удела *У-ла-дэ-ми-эр Ю-ли* Второго, прося [его] выслать воинов для помощи. Разделили войска, [отправились] от реки *Те-ни-бо-эр* [и] реки *Тэ-ни-сы-тэ*, чтобы достичь [земель] к северо-востоку от Чёрного моря.

Чжэ-бе [и] *Су-бу-тай*, услышав, что *во-ло-сы* подняли воинов, отправили десять человек послами, прибыв, они сообщили: «Те, кого карают монголы, это *ци-бу-ча-кэ*, ранее [у нас] с *во-ло-сы* не было раздоров, непременно не [следует] нападать друг на друга; монголы именно что почитают Небо, с учением предков твоего государства взаимоподобно. *Ци-бу-ча-кэ* искони с тобой имели войны и [чинили тебе] обиды, почему бы не помочь нам, напав на людей неприятеля?» Все *ваны* сказали: «Прежде этими словами соблазнили *ци-бу-ча-кэ*, ныне опять соблазняете нас – не можем верить». Убили их послов. Два полководца вновь отправили послов, [которые,] прибыв, сказали: «Убил от нас приходивших людей – та кривда на тебе. Небо отберёт у тебя душу, [вы] сами выбрали уничтожение и гибель, ныне приходите с воинами, попросим [Небо] решить, [кто] победит, [кто] потерпит поражение». *Хо-тань*[159] снова хотел убить их, [но] люди *во-ло-сы* отпустили [их] восвояси, установили сроки [и] условились о сражении.

Ван Ха-ли-чи раньше [других] с десятью тысячами всадников, переправился на восток через реку *Те-ни-бо-эр*, разбил монгольское передовое остриё, поймал замещающего полководца *Ха-ма-бэя*, убил его. Монгольские войска отступали, [рус-

ские,] преследуя [их], достигли реки *Ка-лэ-цзи*, [где] встретили большое войско двух полководцев. В это время воинов *во-ло-сы* было 82 тысячи, разделились и разбили лагеря на юге и на севере. В южном войске были воины таких областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*, в северном войске были воины *Ха-ли-чи* и других областей, а также воины *ци-бу-ча-кэ*. *Ван Ха-ли-чи* низко [оценивал] врагов, был жаден до подвигов, не договорился с южным войском, в одиночку во главе северного войска перешёл реку, сражался на земле *Хай-эр-сан*. Победа или поражение были ещё не решены, но воины *ци-бу-ча-кэ*, робея перед врагом, первыми стали отступать, боевые порядки смешались, монгольское войско воспользовалось этим, люди *во-ло-сы* были сильно разбиты. [*Ван*] *Ха-ли-чи* и другие *ваны* получили возможность удрать, переправились через реку и [бежали] на запад, сразу же утопили свои лодки, и достигшим [берега] после не удалось переправиться, все были убиты. Южное войско не знало о сражении северного войска, также не знало об их поражении, монголы внезапно подошли [к ним]. Напали на их лагерь, [те] три дня не склонялись. [Стали] соблазнять [их] возможностью [дать] выкуп и заключить мир, дождались, [пока] те выйдут, [и] спешно напали на них, уничтожили и отрезали уши [для подсчёта] примерно [всем] до конца. Поймали *ванов* таких областей, как *Цзи-е-фу* и *Чэ-эр-ни-гэ*, связав, положили на землю, покрыли досками и сели сверху, пили вино, [устроили] радостное собрание, [*ваны*] от большого давления умерли. *Чжэ-бе* приказал *Хэ-сы-май-ли* в клетке преподнести *вана Чэ-эр-ни-гэ* наследнику *Шу-чи*, [тот] казнил его[160]. В этой войне [у] *во-ло-сы* погибло шесть *ванов*, семьдесят *хоу*, воинов и офицеров из [каждых] десяти умерло восемь-девять.

Ю-ли Второй, получив письмо с просьбой [князей] о воинах, приказал своему племяннику, *вану Э-ло-сы-то Ва-си-эр-кэ Кан-сы-дань-дин-но-вэй-чи*, возглавив воинов, направиться на помощь. Достигнув *Чэ-эр-ни-гэ*, услышали о том, что войско разбито, поспешно отвёл [войска] и отступил. В это время русские города все не были готовы противиться, не могли сражаться и сопротивляться, планировали только ждать, [пока] придут воины [врага], [чтобы тогда] умолять [их о возможности] сдачи, [чтобы тем] избежать смерти. Все государ-

> ства сильно дрожали от страха. А *Чжэ-бе* и другие на западе достигли реки *Те-ни-бо-эр*, на севере достигли города *Чэ-эр-ни-гэ*, города *Но-фу-го-ло-тэ Си-ни-сы-кэ*[161] и остановились. В ту зиму большое войско отправилось на восток.
> Хотя *во-ло-сы* и были разбиты монголами, внутри [своих] пределов [они] ещё не подверглись вторжению и попранию, когда [монгольские] воины отступили, в каждой области [*во-ло-сы*] междоусобицы [продолжились], как прежде, [*во-ло-сы*] вновь не задумывались о беде, [грозящей] извне [СЮШ, цз. 257, с. 845].

Несколько дополнительных деталей могут быть найдены в той же главе, в разделах (далеко не столь пространных), посвящённых кипчакам и канглы.

> 時亦納思已老，國內大亂，其子忽魯速蠻，與欽察別部酋庫灘弟玉兒格、子塔阿兒及阿速、撒耳柯思等部來拒。大軍入高喀斯山，迫於險，乃甘言誘其諸酋曰：“爾我同類，無相害意，何爲助他族？”忽都速蠻引軍退。哲別、速不台敗阿速等部，又追襲玉兒格、塔阿兒殺之。
> В это время *И-на-сы* был уже стар, внутри государства был большой беспорядок, его сын *Ху-лу-су-мань* вместе с младшим братом вождя иной области *цинь-ча Ку-таня – Юй-эр-гэ* – [и] сыном *Та-а-эром*, а также такими областями, как *а-су* и *са-эр-кэ-сы,* пришли дать отпор. Большое войско вошло в горы *Гао-ка-сы*, оказались под угрозой в теснинах и тогда сладкими словами [стали] соблазнять всех их вождей, говоря: «Вы и мы общего сорта, [между нами] нет стремлений причинить друг другу вред, ради чего помогать другим родам?» *Ху-ду* (sic) *-су-мань* отвёл войска и отступил. *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-тай* разбили [войска] *а-су* и других областей, снова [стали] преследовать и внезапно напали на *Юй-эр-гэ* [и] *Та-а-эра*, убили их [СЮШ, цз. 257, с. 845].

Почти невероятным образом в этом коротком рассказе о кипчаках Кэ Шао-минь во многом возрождает одну из самых рискованных конструкций Вэй Юаня, смешивая сражения с половцами и покорение более восточного ответвления кипчаков, которыми правили *И-на-сы* и *Ху-лу-су-мань* – последний здесь объявляется одним из оппонентов Джэбэ и Субэдэя в Прикавказье. Напомним,

что против такого слияния двух кипчакских объединений вполне аргументированно высказывался ещё Хун Цзюнь.

В разделе о канглы читаем малоинтересную информацию, добавляемую нами исключительно во имя полноты материала.

> 太祖十六年命哲别、速不台討欽察。十九年，乘勝東入康里部，眾迸散，與欽察並爲皇子朮赤封地。
> В шестнадцатом году [правления] Тай-цзу приказал *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю* покарать *цинь-ча*. В девятнадцатом году, воспользовавшись победой, на востоке вошли в область *кан-ли*, [их толпы] разбежались и рассеялись, вместе с [областью] *цинь-ча* стали землями удела императорского сына *Шу-чи* [СЮШ, цз. 257, с. 845].

Итак, какие же могут быть сделаны выводы из наших вигеровских[162], бесчеловечно многоречивых переводов, за которые мы, конечно, нижайше просим прощения у читателя? Полагаю, выводы могут быть разделены на две группы.

Во-первых, что касается исторической информации о походе туменов Джэбэ и Субэдэя на запад, в рамках которого произошло первое столкновение монголов с русскими, необходимо выделить именно данные «Юань ши» – крайне маловероятно, что в более поздних работах китайские авторы привлекали новые китайские источники тех времён (хотя полностью исключать этого нельзя), в основном мы видим попытки новых интерпретаций и реинтерпретаций данных «Юань ши»: иногда с использованием иноземных источников, иногда нет. К «Юань ши» с некоторыми оговорками можно добавить стихотворение Елюй Чжу – это даже более ранний текст, чем хроника, но, увы, его однозначная привязка к нашей тематике затруднительна.

В составе «Юань ши», как кажется, четыре наличествующих текста происходят от трёх независимых друг от друга источников информации, к счастью не подвергшихся совместному анализу составителями летописи, у которых, как мы указывали, для подобного анализа и сверки чаще всего не хватало времени и возможностей. Скорее всего, сообщения «Юань ши» восходят к каким-то записям монгольской эпохи, возможно, составленным тогда биографиям или эпитафиям Субэдэя (к этому источнику восходят обе

его биографии) и Исмаила, а также к семейным преданиям рода Го (возможно, литературно оформленным и приукрашенным приглашённым литератором), – однако эта версия крайне скудна. То, что два основных нарратива, скорее всего, не имеют общего источника, можно предположить исходя из того, что в них заметно различаются транскрипции иноземных слов (например, имени Мстислав), упоминаются разные подробности похода, отличается последовательность событий. Биография Субэдэя ставит поход на асов в конец повествования, а биография Исмаила, как и нужно, в начало; в биографии Исмаила заметно больше подробностей событий, произошедших после столкновения с русскими, а в главе про Субэдэя – деталей первых битв с половцами, о которых автор биографии Исмаила не пишет (в этом тексте кипчаки упоминаются только ближе к концу). Два текста удачно дополняют друг друга даже в ошибках – они в них совершенно разные; оба текста крайне богаты деталями и демонстрируют завидную чуткость в передаче иноземных слов – может быть, можно надеяться, что перед нами обработанные рассказы непосредственных участников событий.

Особенно интересна биография Исмаила – записи иноземных топонимов в ней, как кажется, были сделаны на слух, причём создатель письменной версии при подборе аналогов стремился не только к созвучности, но и к смысловой понятности терминов в китайской передаче – отсюда вполне беллетристически (и даже сказочно) звучащие «Железные горы» и «Чёрный Лес». Если принять предположения, сделанные Хун Цзюнем и Ту Цзи (а нам они кажутся вероятными), то биография Исмаила не только не помещает русских в Закавказье, как считалось раньше, – она сообщает нам о монгольском вторжении в Крым[163] (единственное упоминание в китайских источниках) и содержит название (возможно, половецкое) местности, где происходила битва на Калке[164].

Немалый интерес для русской истории представляет информация о князе Мстиславе, доставленном Исмаилом к Джучи и казнённом там. Обе биографии Субэдэя косвенно скорее подтверждают эту версию, поскольку, конечно, непокорный правитель, казнённый в ставке монарха, имел больше шансов попасть в описания событий, нежели просто убитый в числе многих прочих (осо-

бенно это касается второй биографии, где упоминание Мстислава – вообще единственное имя в описании похода). Хун Цзюнь, а также более поздние авторы, следуя за О. Вольфом, считали, что к Джучи был отправлен Мстислав Черниговский (исключение составляет Кэ Шао-минь, который предполагает, что в клетке навстречу судьбе отправились оба князя – и черниговский, и киевский). Более вероятной кандидатурой, однако, представляется киевский князь, относительно судьбы которого русские летописцы, кажется, не могли знать ничего определённого – собственно, знаменитый фрагмент с монгольским пиром на задыхающихся под досками пленных вполне может оказаться чисто литературной конструкцией[165], призванной драматизировать часть сюжета, относительно которой нет никаких конкретных данных, – свидетелей, которые могли бы видеть это своими глазами, а потом передать весть на Русь, в тот день в монгольском лагере не должно было быть много (на эту роль могли бы претендовать, наверно, только кто-то из бродников Плоскини). Если киевский князь не погиб при пленении, то именно он (очень логично ассоциируемый Хун Цзюнем с «большим» *Ми-чи-сы-лао*; отметим, что на роль «малого» в таком случае гораздо лучше подходит Мстислав Удатный, чем не сыгравший заметной роли в сражении черниговский князь), скорее всего, гораздо лучше подходил для печальной роли побеждённого вождя, которому предстояло предстать перед сюзереном-победителем.

Нельзя не остановиться подробнее на судьбе этих данных в западной исторической науке, что, конечно, не может не вывести нас на вполне элегические размышления о судьбе науки и знания в целом. Впервые данные о плене и казни князя Мстислава были опубликованы в Европе уже почти три века назад более чем авторитетным Антуаном Гобилем, полтора века назад – вновь упомянуты менее почитаемым О. Вольфом – однако и сейчас, кажется, данный факт совершенно не известен специалистам по русской истории (единственное известное нам исключение – статья А. В. Майорова [Maiorov, p. 14]). Как видно, проблемы практически непреодолимых внутрицеховых разграничений, а также невнимания к трудам предшественников, которые часто называют бичом современной гуманитарной науки, появились далеко не вчера.

Вторая группа выводов, вероятно, относится к области интересов не столько историков, сколько специалистов по историографии и китайскому традиционному летописанию, некоторые закономерности функционирования которого в XIV–XX вв. мы постарались проследить на примере описания первого похода монголов в Европу. Особенно хотелось бы отметить следующее.

Во-первых, конечно, невозможно не попасть под обаяние китайской историографической традиции, которая на протяжении нескольких веков постоянно обращалась к истории события, произошедшего за тысячи километров от Китая и для китайской истории не имевшего ни малейшего значения. Тем не менее всё новые и новые поколения историков обращали к нему своё внимание, пытаясь по-новому истолковать имеющиеся данные. Нельзя не отметить и интерес историков к иноземным топонимам, интерпретации которых посвящена большая часть их изысканий и привнесённых новшеств.

Во-вторых, рассмотренный случай довольно ярко демонстрирует характерную особенность официальных историй и текстов, созданных по их лекалам, – это скорее энциклопедии и изборники, чем единые тексты: общая редактура и унификация транскрипций, терминов и даже собственно данных не считались необходимыми даже в тех случаях, когда (в отличие от спешного написания «Юань ши») на это хватало времени. Во многом эта особенность является следствием ещё одной специфичной для жанра черты – сохранения в новых вариантах изложения отличий исходных источников. Переработка и анализ исторической информации ведётся не над всем объёмом знаний – а над конкретным источником (в нашем случае – биографией), который, обрастая комментариями и интерпретациями, всё равно сохраняет сходство с оригиналом и не растворяется в новых исторических трудах, а неизменно остаётся их важной, легко вычленяемой структурной единицей. Пожалуй, это довольно интересный штрих, кое-что говорящий о культуре заимствований и анализа в традиционном китайском летописании.

В-третьих, важной находкой нам видится работа Хун Цзюня, очевидно не просто недооценённая, а незамеченная мировой синологией. Вне Китая нам, кажется, не известно ни одного развёрну-

того упоминания «Юань ши и-вэнь чжэн-бу» и тем более справедливой оценки места этой книги в истории китайского монголоведения и вообще исторической науки (мы будем рады ошибиться). Даже китайские авторы, отмечая важность работы Хун Цзюня с иностранными источниками, кажется, не вполне осознают революционность его подхода. В самом деле, его незаконченная работа разительно отличается от всех других, рассмотренных нами, – как появившихся раньше Хун Цзюня, так и позже – степенью унифицированности данных, по-настоящему научным, критическим подходом к источникам, стремлением верифицировать данные одних текстов, используя другие. На фоне этого подхода, который уже не может быть назван летописным – он вполне научен! – бледнеют даже такие часто отмечаемые новации Хун Цзюня, как внимание к некитайским данным. Именно его изложение интересующих нас событий выглядит наиболее полной и интересной интерпретацией – и последовавшие за ним Ту Цзи и Кэ Шаоминь – многократно более известные и почитаемые! – не сумели добавить к сказанному им почти ничего существенного. Интересным штрихом здесь выглядит доверие этого замечательного учёного к труду фантазёра и дилетанта О. Вольфа (об истинной цене которого Хун Цзюнь, кажется, догадывался – но не мог заставить себя отказаться от замечательных подробностей, содержавшихся только там) – и это, конечно, тоже заставляет нас задуматься о случайностях, которые часто определяют путь науки, и человеческих слабостях, которых не чужды даже великие.

Приложение Ia

Из Ибн ал-Асира (пер. В. Г. Тизенгаузена)

Управившись с мусульманскими владениями в Адзербейджане и Арране, [т. е.] одними овладев, а с другими заключив мир, Татары пошли в землю Грузин, [составляющую] также [одну] из этих областей. Грузины уже успели вооружиться против них, снарядились и выслали большое войско на окраины своих владений, чтобы отразить от них Татар. Пришли к ним Татары и прои-

зошла стычка; Грузины не устояли, а обратились в бегство. Поял их меч и спасся только тот, кто хорошо знал дорогу. Дошло до меня [известие], что убито их около 30,000. Опустошили они [Татары] города их, в которые приходили, разорили их и совершили в них то, что обыкновенно делали.

Когда бежавшие прибыли в Тифлис, где был царь их, то набрали другой отряд и также отправили его против Татар, чтобы не дать им возможности проникнуть во внутреннюю часть владений. Завидели они Татар, когда те уже успели вторгнуться в их земли: не удержали их ни гора, ни ущелие, ни что другое. Видя, что они сделали, они [Грузины] возвратились в Тифлис и покинули [свои] земли. Татары сделали в них, что захотели по части грабежа, разбоя и разорения. Увидев [перед собою] страну с множеством теснин и ущелий, они не отважились углубиться в нее и вернулись оттуда. И напал на Грузин великий страх перед ними, так что я слышал от одного из старшин Грузинских, приехавшего посланником, как он говорил: кто вам скажет, что Татары обратились в бегство или взяты в плен, тому не верьте, а если вам скажут, что они поразили, то поверьте, потому что этот народ никогда не убегает. Взяли мы однажды в плен [одного] из них, так ведь он сбросился с коня, и так ударил себя головою об камень, что умер, но не отдался [живым] в плен.

Управившись с нею [Шемахою], они [Татары] хотели пройти через ущелье, но не могли [сделать] это и отправили посла к Ширваншаху, владетелю Ширванского ущелья, сказать ему, чтобы он прислал к ним посла, для улажения мира между ними. Он отправил десять человек из знатнейших людей своих. Они схватили одного из них и убили его, а остальным сказали: «если вы нам укажите путь, по которому мы сможем пройти, то вам [будет] пощада, если же не сделаете [этого], то мы убьём вас, как убили этого». Те сказали им: «через это ущелье [собственно] нет никакой дороги, но в нём есть место, которое удобнее всех дорог». Они [Татары] пошли с ними на этот путь, перебрались по нему и оставили его позади себя.

Перебравшись через Ширванское ущелие, Татары двинулись по этим областям в которых много народов, в том числе Алланы,

Лезгины и [разные] тюркские племена. Они ограбили и перебили много Лезгин, которые были [отчасти] мусульмане и [отчасти] неверные. Нападая на жителей этой страны, мимо которых проходили, они прибыли к Алланам, народу многочисленному, к которому уже дошло известие о них. Они [Алланы] употребили всё своё старание, собрали у себя толпу Кипчаков и сразились с ними [Татарами]. Ни одна из обеих сторон не одержала верха над другою. Тогда Татары послали к Кипчакам сказать: «мы и вы одного рода, а эти Алланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесём вам денег и одежд сколько хотите; оставьте нас с ними». Уладилось дело между ними на деньгах, которые они принесут, на одеждах и пр.; они [Татары] действительно принесли им то, что было выговорено, и Кипчаки оставили их [Аллан].

Тогда Татары напали на Аллан, произвели между ними избиение, бесчинствовали, грабили, забрали пленных и пошли на Кипчаков, которые спокойно разошлись на основании мира, заключённого между ними, и узнали о них только тогда, когда те нагрянули на них и вторгнулись в землю их. Тут стали они [Татары] нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли.

Услышав эту весть, жившие вдали Кипчаки бежали без всякого боя и удалились; одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских. Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ, и [есть в ней] места тёплые зимою [также] со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря.

Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он [лежит] на берегу Хазарского моря и к нему пристают корабли с одеждами; последние продаются, а на них покупаются девушки и невольники, буртасские меха, бобры, белки и другие предметы, находящиеся в земле их. Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом. Придя к Судаку, Татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими

семействами и своим имуществом взобрались на горы, а некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую, которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана.

Когда Татары овладели землёю Кипчаков и Кипчаки разбрелись, как мы рассказали [выше], то большая толпа из них ушла в землю Русских; это страна обширная, длинная и широкая, соседняя с ними, и жители её исповедуют веру христианскую. По прибытии их к ним, все собрались и единогласно решили биться с Татарами, если они пойдут на них.

Татары пробыли некоторое время в земле Кипчацкой, но потом в 620 году [4 февр. 1223–23 янв. 1224 г.] двинулись в страну Русских. Услышав весть о них, Русские и Кипчаки, успевшие приготовиться к бою с ними, вышли на путь Татар, чтобы встретить их прежде, чем они придут в землю их, и отразить их от неё. Известие о движении их дошло до Татар, и они [Татары] обратились вспять. Тогда у Русских и Кипчаков явилось желание [напасть] на них; полагая, что они вернулись со страху перед ними и по бессилию сразиться с ними, они усердно стали преследовать их. Татары не переставали отступать, а те гнались по следам их 12 дней, [но] потом татары обратились на Русских и Кипчаков, которые заметили их только тогда, когда они уже наткнулись на них: [для последних это было] совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своём превосходстве над ними.

Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары со значительно превосходящими силами. Обе стороны бились с неслыханным упорством, и бой между ними длился несколько дней. Наконец Татары одолели и одержали победу. Кипчаки и Русские обратились в сильнейшее бегство, после того как Татары жестоко поразили их. Из бегущих убито было множество: спастись удалось лишь немногим из них; всё что находилось при них, было разграблено. Кто спасся, тот прибыл в [свою] землю в самом жалком виде, вследствие дальности пути и поражения. Их преследовало множество [Татар], убивая, грабя и опустошая страну, так что большая часть её опустела.

Тогда собрались многие из знатнейших купцов и богачей Русских, унося с собою то, что у них было ценного, и двинулись

в путь, чтобы на нескольких кораблях переправиться через море в страны мусульманские. Когда же они приблизились к гавани, в которую направлялись, то один из кораблей их разбился и потонул; спаслись только люди. Существовал такой обычай, что султану принадлежал тот корабль, который разбивался, и [потому] он забрал с него много вещей. Остальные корабли уцелели. Рассказывал об этом деле участвовавший в нём.

Сделав с Русскими то, что мы рассказали, и опустошив земли их, Татары вернулись оттуда и направились в Булгар в конце 620 года. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них [Татар], встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они [Татары] остались в середине: поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек. Отправились они [оттуда] в Саксин, возвращаясь к своему царю Чингизхану, и освободилась от них земля Кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю. Пресекся было путь [сообщения] с нею с тех пор, как вторглись Татары в неё и не получалось от них [Кипчаков] ничего по части буртасских мехов, белок, бобров и [всего] другого, что привозилось из этой страны. Когда же они [Татары] покинули её и вернулись в свою землю, то путь возобновился, и товары опять стали привозиться, как было [прежде]. Мы сообщили эти известия о Западных Татарах за один раз, чтобы не делать перерыва [Золотая Орда, т. 1, с. 25–27].

Приложение Iб

Из ан-Насави (пер. З. М. Буниятова)

Когда от знатных лиц, упомянутых выше, до Чингиз-хана дошла весть – они сообщили ему, какой страх испытал султан, и уведомили его, как он пал духом, – он снарядил в поход двух предводителей: Джэбэ-нойана и Сюбете-Бахадура с тридцатью тысячами [воинов]. Они перешли реку, направляясь в Хорасан, и рыскали по стране. Угроза была выполнена, и кровопролитие,

грабежи и разрушения были таковы, что ремесленники разбегались в страхе, а земледельцы скитались голые. Было извлечено открытое и закрытое, выжато явное и спрятанное, и не было слышно ни блеяния, ни рёва: лишь кричали совы и отдавалось эхо.

[Люди] стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы [какая-то] орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Абваба, а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на её племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла её, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невредимой и с добычей, погубив при этом пашни страны и приплод скота и поставив её население под острия мечей. И всё это менее чем за два года! [ан-Насави, с. 84].

Приложение II

Из Рашид ад-Дина (пер. О. И. Смирновой)

Оттуда они направились в Гурджистан, а те, приведя войско в [боевой] порядок, приготовились к сражению. Когда они сошлись друг с другом, Джэбе с пятью тысячами людей отправился [в засаду] в одно потаённое место, а Субэдай с войском пошёл вперед. В самом начале сражения монголы бежали; гурджии пустились их преследовать. Джэбэ вышел из засады; их захватили в середину [обоих монгольских отрядов: отступавшего и напавшего из засады] и в один момент перебили тридцать тысяч гурджиев. Оттуда они [монголы] направились к Дербенду Ширванскому, по пути захватили осадою город Шемаху, учинили там поголовное избиение и увели с собою множество пленных. Так как пройти через Дербенд было невозможно, они послали ширваншаху сказать: «Ты пришли несколько человек, чтобы мы заключили мир!» Он прислал десять человек из вельмож своего народа; [одного] из них [монголы] убили, а другим сказали: «Если вы покажете

нам путь через Дербенд, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьём!» Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли. Когда [монголы] дошли до области Алан, где население было многочисленно, то оно совместно с кипчаками сразилось с монгольским войском, и ни одна сторона не одержала верха. Тогда монголы сообщили кипчакам [следующее]: «Мы и вы – одного племени и происходим из одного рода, а аланы нам чужие. Мы с вами заключим договор, что не причиним друг другу вреда, мы дадим вам из золота и одежд то, что вы пожелаете, вы же оставьте нам [аланов]». [Одновременно] они послали кипчакам много [всякого] добра. Кипчаки повернули назад. Монголы одержали победу над аланами и то, что было предопределено судьбою в отношении избиения и грабежа, они то и осуществили. Кипчаки же, полагаясь на заключённый мир, без опасения разбрелись по своим областям. Монголы внезапно напали на них, перебили всех, кого нашли, и взяли назад столько же, сколько отдали [раньше]. Уцелевшая часть кипчаков бежала в страну русов. Монголы зазимовали в той области, которая вся представляла сплошные луга и поросли. Оттуда они напали на город Судак, что на берегу моря, которое примыкает к проливу Константинийэ [Босфору], и взяли тот город, а тамошнее население разбрелось. Затем они напали на страну урусов [Русь] и на находящихся там кипчаков. К этому времени те уже заручились помощью и собрали многочисленное войско. Когда монголы увидели их превосходство, они стали отступать. Кипчаки и урусы, полагая, что они отступили в страхе, преследовали монголов на расстоянии двенадцати дней пути. Внезапно монгольское войско обернулось назад и ударило по ним и прежде, чем они собрались вместе, успело перебить [множество] народу. Они сражались в течение одной недели, в конце концов кипчаки и урусы обратились в бегство. Монголы пустились их преследовать и разрушали города, пока не обезлюдили большинство их местностей. Оттуда монголы ушли и присоединились к Чингиз-хану по той дороге, по которой он возвращался из страны тазиков [Рашид ад-Дин, т. 1, кн. 2, с. 228–229].

Приложение IIIа
Из C. de Bridia (пер. С. В. Аксёнова, А. Г. Юрченко)

Tercius autem excercitus qui ad occidentem iuit cum Tossuc can, [cum] filio Cingis can, subiugauit primo terram que dicitur Terkemen, secundum Biserminos, postea Kangitas, ad ultimum intrauerunt terram Cuspcas, id est Comaniam. Comani autem coadunati cum Ruthenis omnibus pugnauerunt cum Tartaris iuxta duos riuulos – nomen vnius Calc, alterius uero Coniuzzu, id est 'ouium aqua', 'coni' enim [grece] Tartarice 'oues' dicuntur Latine, 'vzzum' vero 'aqua' – et deuicti sunt a Tartaris. Effusus est sanguis ex utraque parte usque ad frenos equorum, sicut qui bello interfuerant referebant. Victis ergo istis Tartari redire ceperunt ad terras proprias et in reditu ceperunt ab aquilone quasdam terras, uidelicet Bastarchos, id est Maiorem Hungariam, que est contigua mari occeano ab aquilone.

Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссук-каном, сыном Чингиса, покорило сперва землю, которая зовётся Теркемен, во-вторых – бисерминов, затем – кангитов, [и] наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими [князьями], бились с тартарами между двумя ручейками – название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода овец», ведь кони по-тартарски означает на латыни *oves* (овцы), а уззу – *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда тартары их победили, то возвратились в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере [Материалы, с. 84; с. 108–109].

Приложение IIIб
Из Генриха Латвийского (пер. С. А. Аннинского)

В тот год (1222. – *С.Д.*) в земле вальвов язычников были татары. Вальвов некоторые называют партами. Они не едят хлеба, а питаются сырым мясом своего скота. И бились с ними татары, и победили их, и истребляли всех мечом, а иные бежали к русским, прося помощи. И прошёл по всей Руссии призыв биться с татарами, и выступили короли со всей Руссии против татар, но нехватило у них сил для битвы и бежали они пред врагами. И пал великий король Мстислав из Киева (Mistoslawe de Kywa) с сорока тысячами воинов, что были при нём. Другой же король, Мстислав галицкий (rex Galatie Mysteslawe), спасся бегством. Из остальных королей пало в этой битве около пятидесяти. И гнались за ними татары шесть дней и перебили у них более ста тысяч человек (а точное число их знает один бог), прочие же бежали. Тогда король смоленский (de Smalenceka), король полоцкий (de Plosceke) и некоторые другие русские короли отправили послов в Ригу просить о мире. И возобновлён был мир, во всём такой же, какой заключён был уже ранее [Генрих, с. 222].

Приложение IIIв
Из Риккардо из Сан Джермано

Rex Ungarie per legatos suos domino papa significat, quod quidam rex Dauit, qui pre sbiter Iohannes dicebatur in uulgari cum infinita gentis multitudine in Ruteia uenerat. Septem anni erant quod de India exiuerat, corpus afferens beati Thome apostoli, et uno die de Ruteis et Plautis occiderant ducenta milia. Ipsorum castra per duas dietas protenduntur: non procedunt nisi in duobus mensibus anni, in Augusto et Septembre. Tempore suo seminant et recolligunt et postea procedunt. Circumcisione et baptismo utuntur: uno se digito signant. Quadraginta cruces habent, et quamlibet secuntur quadraginta milia equitum. Aurum et gemmas pretiosas prò habundantia calcant. Arma de corio habent, que nullo telo perforantur. Quando ueniunt ad aliquas

prouincias, mandant prouincialibus ut mic'tant eia leges suas. Si legem Christi seruantur, seruantur; alioquin occiduntur et terras eorum in seruitutem redigunt. Quod sit eorum propositum nescitur.

Король Венгрии через своих послов указывает владыке папе, что некий король Дауит (Давид. – *С.Д.*), которого в просторечии звали пресвитером Иоанном, прибыл в Рутею (Русь. – *С.Д.*) с бесконечным числом людей. Семь лет, как вышел он из Индии, неся тело блаженного апостола Фомы, и в один день убил двести тысяч рутейцев и плавтов (половцев. – *С.Д.*). Их лагерь простирается на два дня [пути]: они выступают только в два месяца в году, в августе и сентябре. В своё время они сеют и собирают [урожай], а потом продолжают. Применяют обрезание и крещение: осеняют себя одним перстом. У них сорок крестов, и за каждым следует по сорок тысяч лошадей. Золото и драгоценные камнями в изобилии попирают. Имеют доспехи их кожу, которые никакое оружие не пробивает. Когда они приходят в другие провинции, они приказывают провинциям блеснуть своими законами. Если закон Христа соблюдается, он соблюдается; в противном случае их убивают, а их земли обращают в рабство. Какова их цель, неизвестно [Riccardo, p. 110–111].

Приложение IV

Из Киракоса Гандзакеци (пер. Л. А. Ханларян)

О том, как поднялось татарское войско и обратило в бегство грузинского царя

В 669 (1220) году, когда грузины ещё гордились победой, одержанной над мусульманами, у которых они отторгли множество армянских гаваров, нежданно-негаданно появилось огромное множество войск в полном снаряжении и, пройдя быстрым ходом через Дербентские ворота, пришло в Агванк (область в восточном Закавказье близ Каспийского моря. – *С.Д.*), чтобы оттуда проникнуть в Армению и Грузию. И всё, что встречалось им в пути, – людей, скот и вплоть до собак даже – они предавали мечу. Драго-

ценную одежду и иное имущество, за исключением лошадей, они ни во что не ставили. Быстро продвинувшись до Тифлиса, они повернули обратно, пришли в Агванк, к границам города Шамхор (Шемаха. – *С.Д.*). И распространилась о них ложная молва, будто они – моги и христиане по вере, [будто] творят чудеса и пришли отомстить мусульманам за притеснение христиан; говорили, будто есть у них церковь походная и крест чудотворный; и, принеся меру ячменя, они бросают её перед крестом, [затем] оттуда всё войско берёт [корм] для лошадей своих, и [ячмень] не убавляется; а когда все кончают брать, там остаётся ровно столько же. Точно так же и с продовольствием для людей. И эта ложная молва заполнила страну. Поэтому население страны не стало укрепляться, а какой-то светский иерей, собрав прихожан своих, с крестами и хоругвями даже вышел навстречу им. И они предали их мечу – всех перебили. Таким образом, повсюду встречая беззаботных, они истребляли [население] и разорили многие местности. Сами же, упрятав своё имущество в укреплённой местности, называемой Бегамедж (при слиянии Куры и Аракса. – *С.Д.*), что в болотах и топях, расположенных между двумя городами – Партавом (ныне Барда. – *С.Д.*) и Белуканом (также Байлакан, в Арранской области, сейчас на территории Нагорного Карабаха. – *С.Д.*), совершали оттуда стремительные набеги и разоряли многие гавары.

Тогда царь грузинский Лаша (Георгий IV Лаша (1191–1223, правил с 1213). – *С.Д.*) и великий военачальник Иванэ, собрав войско, выступили войной против них и подошли к долине, называемой Хунан (у р. Акстафа (правый приток Куры, течёт в Армении и Азербайджане. – *С.Д.*), ибо там находилось войско неприятеля. Сразились друг с другом и поначалу обратили в бегство неприятеля; но поскольку [другие части] неприятеля находились в засаде, он ударил с тыла и начал сечь грузинское войско. Повернули и выступили против [грузин] и обращённые в бегство [татары] и окружив с той и другой стороны, нанесли великое поражение войску христианскому. Бежали царь и все князья. А неприятель, забрав военную добычу, унёс её в свой стан.

В другой раз собрал царь грузинский войско, ещё более многочисленное, чем в первый раз, и вознамерился дать бой неприя-

телю. А [татары], взяв с собой жён, детей и всё своё имущество, намеревались пройти через Дербентские ворота в свою страну. Но мусульманское войско, находившееся в Дербенте, не пропустило их. Тогда они перевалили через Кавказские горы по неприступным местам, заваливая пропасти деревьями и камнями, имуществом своим, лошадьми и военным снаряжением, переправились и вернулись в свою страну. И звали их предводителя Сабата Багатур [Киракос, с. 137–138].

Приложение V

Из Абу-л-Гази (пер. Г. С. Саблукова)

Монголы вступили в области Нахичеванскую и Адзербайджанскую и, опустошивши их, вошли в Ширван. Взявши десять проводников из Шамахи, они одного из них убили, чтобы устрашить остальных, и этим последним сказали: "если вы не поведёте нас по хорошей дороге, то мы то же с вами сделаем, что сделали с вашими товарищами", и приказали им вести себя; они повели их по Дербендской дороге. В то время эти пути были заняты Кипчаками и Аланами. Субудай-багадур, отправив человека к Кипчакам, говорил им: "вы нам братья, а Аланы нам чужие; не помогайте им, а будьте дружны с нами". При этом посланы были богатые подарки. Кипчаки, склонившись на слова Монголов, отделились от Алан. Когда эти остались безпомощными, Монголы напали на них, поразили, разграбили и пленили. Кипчаки обратились к Руси и, получив от неё вспомогательную рать, пошли на Монголов. Монголы, увидевши их, захотели обмануть их ложным отступлением; Кипчаки подумали, что они бегут от страха, погнались за ними, двенадцать дней преследовали их. Тогда Монголы вернулись назад, напали на них: в продолжение семи дней бились с ними; напоследок их одолели, поразили, истребили. Захватив много добычи и пленников, они с весельем и торжеством возвратились ко двору Чингиз-хана. Доставив богатую добычу, они представили отчёт в своих действиях; хан, с своей стороны, похвалив их подвиги, осыпал их наградами и милостями [Абу-л-Гази, с. 107–108].

Источники и литература

1. Абу-л-Гази – Родословное древо Тюрков, хивинскаго хана Абульгази / В переводе с предисловием Г. С. Саблукова и с примечаниями Н. Ф. Катанова // Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете. [Ч. 1:] Том XXI, вып. 5–6. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1905; [Ч. 2:] Том XXII, вып. 6. Казань: Типо-литография Императорского университета, 1906. XVI + 336 с.

2. Академическая – Полное собрание русских летописей, издаваемое Археографической комиссиею Академии наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 3. Приложения. Продолжение Суздальской летописи по Академическому списку. Указатели. Изд. 2-е. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1928. 67 с.

3. Ан-Насави – *Шихаб ад-дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Издание критического текста, пер. с арабского, предисловие, комментарий, прим. и указ. З. М. Буниятова. (Памятники письменности Востока. CVII.) М.: ИФ «Восточная литература», 1996. 798 с.

4. Бартольд – *Бартольд В. В.* Хорезм // Бартольд В. В. Работы по исторической географии. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. 711 с.

5. Березин – *Рашид-Эддин*. Сборник Летописей. История Монголов. Сочинение Рашид-Эддина. Введение: О турецких и монгольских племенах / Пер. с персидского, с введением и примечаниями И. П. Березина // Записки импер. Археол. общества. 1858. Т. 14; Персидский текст, русский перевод и примечания см.: Труды Восточного отделения Российского Археологического Общества. 1858. Т. V; 1861. Т. VII; 1868. Т. VIII; 1888. Т. XV.

6. БКРС – Большой китайско-русский словарь / Под ред. И. М. Ошанина. Т. 1–4. М.: Наука–ГРВЛ, 1983–1984. 553 с., 1101 с., 1104 с., 1063 с.

7. Галстян – Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII–XIV вв. / Пер. с древнеарм., предисловие, примечания А. Г. Галстяна. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. 155 с.

8. Генрих – *Генрих Латвийский*. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комм. С. А. Аннинского; предисловие В. А. Быстрянского. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1938. XVI+608 с.

9. Джувейни – Чингисхан. История завоевателя мира, записанная Ала-ад Дином Ата-Меликом Джувейни / Пер. с текста Мирзы Мухаммада Казвини Дж. Э. Бойла. Пер. с англ. Е. Е. Харитоновой. М.: ИД Магистр-пресс, 2004. 689 с.

10. Зайцев – *Зайцев И. В.* Астраханское ханство. 2-е изд. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2006. 303 с.

11. Золотая Орда, т. 1 – Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения / Пер. В. Г. Тизенгаузен, сост. Р. П. Храпачевский. М.: [Без издательства], 2003. 448 с.

12. Золотая Орда, т. 3 – Золотая Орда в источниках. Т. 3: Китайские и монгольские источники / Сост., пер. Р. П. Храпачевский. М.: [Без издательства], 2009. 336 с.

13. Карамзин – *Карамзин Н. М.* История государства российского. М: Книжный круг, 1993. Кн. 1–6. Кн. 2 (Том 3). 336 с.

14. Киракос – *Киракос Гандзакеци*. История Армении / Пер. с древнеарм., предисловие и комм. Л. А. Ханларян. М.: Наука–ГРВЛ, 1976. 357 с.

15. Конрад – Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Конрад Н. И. Избранные труды. Синология. М.: ГРВЛ, 1977. 621 с. С. 7–304.

16. Константин Багрянородный – *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. Текст, перевод, комментарий. 2-е изд. / Серия Древнейшие источники по истории Народов СССР. М.: Наука, 1991. 496 с.

17. Коран – Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. М.: НПО Вектор СП, 1991. 399 с.

18. Кычанов 1998 – *Кычанов Е. И.* Субутай-богатур // Кюнеровские чтения. 1995–1997. Краткое содержание докладов / Отв. ред. А. М. Решетов. СПб.: МАЭ РАН, 1998.

19. Кычанов 1999 – *Кычанов Е. И.* Сведения «Юань ши» о завоевании Руси монголами // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Т. XVIII. СПб.: Издательство СПбГУ, 1999. С. 160–169.

20. Кычанов 2002a – *Кычанов Е. И.* О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // Тюркологический сборник 2001: Золотая Орда и её наследие. М.: Издательская фирма «Восточная литература», 2002. С. 75–83.

21. Кычанов 2002b – Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). От Калки до Астрахани. 1223–1556. Казань: Мастер Лайн, 2002. С. 30–42.

22. Лаврентьевская – Полное собрание русских летописей, издаваемое Постоянною историко-археографической комиссиею Академии наук СССР. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 2. Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Изд. 2-е. Л.: Издательство Академии наук СССР, 1927. 103 с.

23. Материалы – Христианский мир и «Великая Монгольская империя». Материалы францисканской миссии 1245 г. / Критический текст, перевод с латыни «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа С. В. Аксёнова

и А. Г. Юрченко. Экспозиция, исследование и указатели А. Г. Юрченко. СПб: Евразия, 2002. 478 с.

24. Новгородская – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А. Н. Насонова. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950. 575 с.

25. Орографическая – Орографическая карта Кавказского края, Учебный атлас Российской империи, Я. Кузнецов, Санкт-Петербург, 1866 год // Веб-сайт «История России в документах». URL: hisdoc.ru/maps/25029/ (дата обращения: 3.06.2020).

26. Рашид ад-Дин – Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Том 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагуров, прим. А. А. Семенов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 221 с.; Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирнова, прим. Б. И. Панкратов, О. И. Смирнова. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. 315 с.; Т. 2 / Пер. с перс. Ю. П. Верховский, прим. Ю. П. Верховский, Б. И. Панкратов. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 253 с.; Т. 3 / Пер. с перс. А. К. Арендса. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1946. 340 с.

27. Сборник – Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Пер. В. Тизенгаузен. Том 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб: Типография Императорской Академии наук, 1884. XVI+ 564 с.

28. Сокровенное сказание – Сокровенное сказание монголов / Пер. С. А. Козина. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1990. 148 с.

29. Татищев – *Татищев В. Н.* Собрание сочинений. Т. 1–8. Т. 3. История Российская, часть вторая (вторая редакция) Главы 19–37. М.–Л.: Наука, 1964. 340 с.

30. Сыма Цянь – *Сыма Цянь*. Исторические записки (Ши цзи). Том VIII / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца, комм. Р. В. Вяткина, А. Р. Вяткина и А. М. Карапетьянца, вступительная статья Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 2002. 510 с.

31. Сюань-цзан – *Сюань-цзан*. Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан (Да Тан си юй цзи) / Пер. с кит., комм. Н. В. Александровой. М.: ИФ «Восточная литература», 2012. 463 с.

32. Установления – Установления о соли и чае / Пер. с кит. Н. П. Свистуновой. М.: Наука, 1975. 279 с.

33. Хаутала – *Хаутала Р.* Ранние джучидские военные кампании и про-толуидские письменные источники // Золотоордынское обозрение (Goldeh Horde Review). 2020, № 8 (4). С. 647–661.

34. Юань-чао би-ши – Юань-чао би-ши (Секретная история монголов). 15 цзюаней. Том I. Текст / Издание текста и предисловие Б. И. Панкратова. (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. VIII.) Москва: Изд-во восточной литературы, 1962.

35. Юрченко – *Юрченко А. Г.* Историческая география политического мира. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XIV вв. СПб.: Евразия, 2006. 640 с.

36. Atwood – *Atwood C. P.* Jochi and the Early Western Campaigns // How Mongolia Matters: War, Law, and Society / Rossabi, Morris (ed.). Leiden; Boston: Brill, 2017. P. 35–56.

37. Bretschneider – *Bretschneider E.* Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the Knowledge of the Geography and History of Central and Western Asia from the 13th to the 17th Century. Vol. I–II. London: Trübner & Co., Ludgate Hill, 1888. 334 p., 352 p.

38. D'Ohsson – *D'Ohsson A. C. M.* Histoire des Mongols depuis Tchinguiz-khan jusqu'à Timour-Lang. Tome 1–4. Tome 1. Paris: Firmin Didot, 1824. 319 p.

39. Gaubil – Histoire de Gentchiscan et de toute la dinastie de Mongous ses successeurs conquérans de la Chine, tirée de l'histoire chinoise / Traduite par le R. P. Gaubil, de la Compagnie de Jésus, Missionnaire à Péking. Paris: Briasson et Piget, 1739. IV+319 p.

40. Geschichte – Geschichte des Russischen Reiches von Karamsin. Nach der 2. Originalausgabe übersetzt. Bd. 1–11. Riga: Hartmann C. J.G., 1820–1833.

41. Histoire – Histoire de l' Empire de Russie / par M. Karamsin; traduite par MM. St. Thomas, Jauffret, et de Divoff. Tom I – XI. Paris: Impr. de A. Belin, 1819–1826.

42. Histoire des Mogols – Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghasi Behadour Khan publiée, traduite et annotée par le Baron Desmaisons. T. I. St.-Péterbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1871; T. II. St.-Péterbourg: Imprimerie de l'Académie Impériale des sciences, 1874.

43. Maiorov – *Maiorov A. V.* The First Mongol Invasion of Europe: Goals and Results // Journal of the Royal Asiatic Society, Series 3 (2021). P. 1–28.

44. Pow, Liao – *Pow S., Liao J.* Subutai: Sorting Fact from Fiction Surrounding the Mongol Empire's Greatest General (with Translations of Subutai's Two Biographies in the Yuan Shi) // Journal of Chinese Military History, no. 7. Leiden: Brill, 2018. P. 37–76.

45. Pulleyblank – *Pulleyblank E. G.* Lexicon of Reconstructed Pronuciation in Early Middle Chinese, Late Middle Chinese, and Early Mandarin. Vancouver: UBC Press, 1991. 488 p.

46. Riccardo – Riccardi de Sancto Germano Notarii Chronica / A cura di Carlo Alberto Garufi. (Rerum Italicarum Scriptores. Tomo VII, Parte II). Bologna: Nicola Zanichelli, 1938. 313 p.

47. The Secret History of the Mongols – The Secret History of the Mongols. A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century / Transl. with

a historical and philological commentary by Igor de Rachewiltz. Vol. I–II. Leiden – Boston: Brill, 2004. cxxvi + 1347 p.

48. Wolff – *Wolff O.* Geschichte der Mongolen oder Tataren, besonders ihres Vordringens nach Europa, so wie ihrer Eroberungen und Einfälle in diesem Welttheile. Breslau: Verlag von Carl Dülfer, 1872. 426 s.

49. БШ – Бэй ши 北史 (История Северных [империй]) / Сост. (*чжуань* 撰) Ли Да-ши 李大師, Ли Янь-шоу 李延壽 // Эр-ши сы ши 二十四史 (Двадцать четыре [официальные] истории). Шанхай: Шанхай «Гу-цзи» чубань-шэ 上海古籍出版社 (Шанхайское издательство «Древняя книга»); Шанхай шу-дянь 上海書店 (Шанхайская книжная лавка), 1995. Т. 1–12. Т. 4. С. 2891–3247.

50. Да Тан – *Сюань-цзан* 玄奘. Да-Тан Си-юй цзи 大唐西域記 (Записки о Западных краях [во времена] Великой Тан) / Пер. и коммент. (*и-чжу* 譯註) Жуй Чуань-мина 芮傳明. Тайбэй: «Тайвань "Гу-цзи" чубань-шэ» гун-сы 台灣古籍出版社公司 (Фирма «Тайваньское издательство "Древняя книга"»), 1997. Т. 1–2. 434 с., 478 с.

51. ДСМГШ – До-сан Мэн-гу ши 多桑蒙古史 (Монгольская история д'Оссона) / Пер. Фэн Чэн-цзюня 馮承鈞. Шанхай: Шан-у инь-шу гуань 商務印書館 (Коммерческая палата книгопечатания), 1934.

52. МУЭШЦ – *Ту Цзи* 屠寄。Мэн-у-эр «Ши цзи» 蒙兀兒史記 («Записи историографа» о монголах). Уцзинь 武進: Ту-ши 屠氏 ([Печатня] господина Ту), б.г. Т. 1–8.

53. МУЭШЦ 1934 – *Ту Цзи* 屠寄。Мэн-у-эр «Ши цзи» 蒙兀兒史記 («Записи историографа» о монголах). Б.м.: б.и., Минь-го эр-ши сань нянь 民國二十三年 (23-й год Республики [1934]). Т. 1–28.

54. СЦ – Ши-и цзя чжу «Сунь-цзы» цзяо-ли 十一家注孫子校理 («Проверенный и поправленный «Сунь-цзы» с комментариями одиннадцати мастеров»). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局 (Китайское книгоиздательство), 1999. 362 с.

55. СЮШ – *Кэ Шао-минь* 柯劭忞. Синь Юань ши 新元史 (Новая история Юань) // Эр-ши лю ши 二十六史 (Двадцать шесть [официальных] историй). Хайкоу: Хайнань чубань-шэ 海南出版社 (Хайнаньское издательство), 1996. Т. 5. С. 371–846.

56. ТЦСБ – *Чэнь Цзин* 陳樫. «Тун-цзянь» сюй бянь 通鑑續編 (Продолженное издание «Всепроницающего зерцала»). Т. 1–15 // Цинь-дин сы-ку цюань-шу 欽定四庫全書 (Высочайше утвержденное полное собрание книг [всех] четырёх хранилищ). Ши бу 史部二 (Раздел «История» II). Бянь-нянь лэй 編年類 (Категория «Летописи»). Пекин: б. и., 1772–1787.

57. ХЦЦИ – Хань-цзы цзы-инь янь-бянь да цзы-дянь 漢字字音演變大字典 (Большой словарь эволюции фонетики китайских знаков) /

Сост. (*бяньчжэ* 編者) Цзян Цзян-шэн 江藍生, Линь Лянь-тун 林連通, Чжэн-Чжан Шан-фан 鄭張尚芳. Наньчан: Цзянси цзяоюй чубань-шэ 江西教育出版社 (Цзянсиское издательство образования), 2012. 2+79+ +2338 с.

58. ЧЦ – Чжуан-цзы цзи-ши 莊子集釋 («Чжуан-цзы» с собранными пояснениями) / Сост. Го Цин-фань 郭慶藩. Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局 (Китайское книгоиздательство), 1997. Т. 1-4. 1121 с.

59. ЧШ – Чжоу шу 周書 (Книга о Чжоу) / Сост. (*чжуань* 撰) Линху Дэ-фэнь 令狐德棻 и др. // Эр-ши сы ши 二十四史 (Двадцать четыре [официальные] истории). Шанхай: Шанхай «Гу-цзи» чубань-шэ 上海古籍出版社 (Шанхайское издательство «Древняя книга»); Шанхай шу-дянь 上海書店 (Шанхайская книжная лавка), 1995. Т. 1–12. Т. 3. С. 2581–2667.

60. ШСЦИЦ–ЛХЦШ – *Елюй Чжу* 耶律鑄。Шуан-си цзуй-инь цзи 雙溪醉隱集 (Собрание Пьяного Отшельника [с] Двойного Ручейка) // Ляо-хай цун-шу 遼海叢書 (Собрание книг Ляохай) / Ред. (*бянь* 編) Цзинь Юй-фу 金毓绂. Шэньян: Ляохай инь-шэ 遼海印社 (Ляохайское печатное общество), 1933–1936. Т. 1–95; т. 48, т. 49.

61. ШСЦИЦ–СКЦШ – *Елюй Чжу* 耶律鑄。Шуан-си цзуй-инь цзи 雙溪醉隱集 (Собрание Пьяного Отшельника [с] Двойного Ручейка). Т. 1–3 // Цинь-дин сы-ку цюань-шу 欽定四庫全書 (Высочайше утвержденное полное [собрание] книг [всех] четырёх хранилищ). Цзи бу у 集部五 (Раздел «Сборники» V). Бе-цзи лэй 別集類 (Категория «Отдельные сборники»). Пекин: Б. и., 1772–1787.

62. ШЦ – *Сыма Цянь* 司馬遷. Ши цзи 史記 (Записи историографа) // Эр-ши сы ши 二十四史 (Двадцать четыре [официальные] истории). Шанхай: Шанхай «Гу-цзи» чубань-шэ 上海古籍出版社 (Шанхайское издательство «Древняя книга»); Шанхай шу-дянь 上海書店 (Шанхайская книжная лавка), 1995. Т. 1–12. Т. 1. С. 1–364.

63. ЮШ – Юань ши 元史 (История Юань) / Сост. (*чжуань* 撰) Сун Лянь 宋濂, Ван И 王禕 и др.) // Эр-ши лю ши 二十六史 (Двадцать шесть [официальных] историй). Хайкоу: Хайнань чубань-шэ 海南出版社 (Хайнаньское издательство), 1996. Т. 5. С. 1–370.

64. ЮШИВЧП – *Хун Цзюнь* 洪鈞. Юань ши и-вэнь чжэн бу 元史譯文證补 («История Юань»: переводы, подтверждения и дополнения). (Юаньхэ 元和: Лу-ши 陆氏 ([Печатня] господина Лу)), Гуан-сюй эр-ши сань нянь 光緒二十三年 (Двадцать третий год [эры правления под девизом] Гуан-сюй (Сияющая последовательность) [1897]). Т. 1–4. 592 с.

65. ЮШЛБ – *Шао Юань-пин* 邵遠平. Юань ши лэй бянь 元史類編 («История Юань»: редакция с разбивкой по категориям). Сучжоу 蘇州: Си-ши сао-е шань-фан 席氏掃葉山房 (Горный кабинет выметенных листьев господина Си), 1795 (?). Т. 1–20.

66. ЮШСБ – *Вэй Юань* 魏源. Юань ши синь бянь 元史新編 («История Юань»: новая редакция). Шаоян 邵陽: Вэй-ши шэнь-вэй тан 魏氏慎微堂 (Зал осторожности в мельчайшем господина Вэя), Гуан-сюй сань-ши и нянь 光緒三十一年 (Тридцать первый год [эры правления под девизом] Гуан-сюй (Сияющая последовательность) [1905]). Т. 1–32.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В арабских источниках довольно подробный (хотя и не всегда правдоподобный) рассказ о битве на р. Калке и иных событиях этого похода содержится у Ибн ал-Асира (1160–1232/1233) (см. Приложение Iа) и ан-Насави (ум. 1249–1250) (см. Приложение Iб).

Что касается источников персидских, то там, кажется, сообщение об этом столкновении содержится только у Рашид ад-Дина (1247–1318), во многом повторяющего (но гораздо менее подробно) сведения Ибн ал-Асира (см. Приложение II).

Некоторые интересные подробности похода и непосредственно сражения описаны и в «Истории тартар» (Hystoria Tartarorum) брата C. de Bridia, участника францисканской миссии в Монголию 1245–1247 гг. (см. Приложение IIIа). Сообщение ценно тем, что, кажется, это единственный из некитайских нарративов, которые основаны на рассказах непосредственных участников похода. Упоминается приход монголов и в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского (см. Приложение IIIб). Информация о сражении, дошедшая до Священной Римской империи, зафиксирована в хронике нотариуса Риккардо из Сан-Джермано (до 1170 – после 1243) (см. Приложение IIIв).

Интересная информация о походе (правда, только в закавказской его части) может быть найдена в армянских летописях (подробнее см. [Галстян]), особенно подробен рассказ Киракоса Гандзакеци (1200/1202–1271) (см. Приложение IV).

Краткий, но во многом самостоятельный рассказ о походе содержится в «Родословии тюрок» хивинского хана Абу-л-Гази Багадур-хана (1603–1664, правил с 1643 г.) (см. Приложение V).

В монгольском «Сокровенном сказании» (чья версия, конечно, была бы наиболее интересной) эта кампания также упоминается, но вскользь, причём автор, кажется, добавляет в число разгромленных монголами врагов противников, с которыми им суждено было встретиться только во времена Западного похода Бату, в 1236–1242 гг. (в котором, впрочем, Субэдэй тоже участвовал): «§ 262. А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен. С таким повелением он отправил в поход Субеетай-Баатура» [Сокровенное сказание, с. 134–135]. Упоминаемые страны и народы – канглы, кипчаки, башкиры, русские, венгры (мадьяры), аланы, саксонцы (или г. Саксин, в низовьях Волги), черкесы, Кашмир, Болгар, венгры («Рарал» у Козина следует читать как «керел» – и это искажённое наименование Венгерского королевства – по титулу правителя (венг. kiràly)), реки Волга и Яик (Урал), Киев (комментарии см. [The Secret History, vol. II, p. 959–960]).

Из новых работ по теме стоит отметить статью А. В. Майорова [Maiorov], где крайне убедительно доказывается гипотеза, что поход Джэбэ и Угэдэя был не авантюрной разведкой боем – но частью стратегического плана похода на Запад, который не был реализован из-за пассивности Джучи (ок. 1182–1225/1227), старшего сына Чингис-хана, которого отец назначил главнокомандующим похода.

[2] Первым переводом фрагмента на европейские языки, судя по всему, стоит считать переложение А. Гобиля (1689–1759), который в своей «Истории Чингис-хана» излагает события кампании, объединяя данные биографий Субэдэя и Исмаила (см.

ниже) [Gaubil, p. 40–41]. Более точный (хотя тоже во многом далёкий от оригинала) перевод был сделан Э. В. Бретшнейдером (1833–1901) [Bretschneider, vol. I, p. 297–298]. На русский язык фрагмент переведён Е. И. Кычановым [Кычанов 1999, с. 161]; позже – Р. П. Храпачевским, см. [Золотая орда, т. 3, с. 225–233], к тому же эта биография (как и вторая биография Субэдэя, см. ниже) переведена в [Pow, Liao, p. 56–58].

[3] Здесь и далее иноземные имена и названия даны в фонетической транскрипции китайского варианта в современном произношении (с применением падежного склонения); в случае необходимости в примечаниях будет приводиться (разумеется, с полным пониманием несовершенства любой фонетической реконструкции и неизбежности фонетической вариативности внутри языка любой эпохи) юаньская фонетика, предлагаемая Э. Пуллиблэнком (1922–2013), выделявшим язык юаньского времени в «ранний *гуань-хуа*» (Early Mandarin) (дано по [Pulleyblank]). Конечно, юаньская реконструкция будет даваться прежде всего для терминов из самого старого источника – «Юань ши» (также составленного уже в эпоху Мин, но по юаньским документам и, вероятно, преимущественно с сохранением исходного написания).

[4] Имеются в виду кипчаки (для причерноморских степей – половцы). Ср. с юаньским 欽察 /kʰim tʂʰɑ̌/ [Pulleyblank, p. 255, p. 47]. Отметим, что это сообщение очевидно противоречит порой встречающемуся в литературе мнению, что поход Субэдэя и Джэбэ был, прежде всего, предпринят с целью поимки хорезмшаха Мухаммеда (1169–1220, правил с 1200) – и неудача в этой главной задаче заставила полководцев продолжить поход, чтобы новыми подвигами загладить свою оплошность в глазах Чингис-хана.

[5] Юаньское 寬定吉思 /kʰɔn tiŋ̀ kɪ̌ sɻ̀/ [Pulleyblank, p. 176, p. 80, p. 140, p. 291]. Обычно трактуется как Каспийское, исходный термин не вполне ясен.

[6] Юаньское 太和 /thɑj` xwɔ̀ / [Pulleyblank, p. 300, p. 123]. Букв. «Великой гармонии». Возможно, искажённое «Кавказ» (хребет сохраняет своё название во всех языках региона), хотя замена первой согласной не вполне понятна. Е. И. Кычанов трактует топоним как «главный Кавказский хребет» [Кычанов 1999, с. 161].

[7] Обстоятельства перехода монголов через Кавказ здесь явно мифологизированы – сюжет прокладывания дороги через горы путём пробивания камня, конечно, отсылает нас, например, к легенде о выходе предков монголов из запертой горами долины Эргунэ-кун – им пришлось расплавить один из горных склонов (см. [Рашид ад-Дин, т. 1., кн. 1, с. 153–155; Абу-л-Гази, ч. 1, с. 30–31]). О популярности мотива говорит нам и кораническая история о злокозненных народах Йаджудж и Маджудж, запертых праведником Зу-л-карнайном (в популярной традиции часто ассоциировавшимся с Александром Македонским) за железной стеной, которую они не могут продырявить, пока не будет на то соизволение Аллаха, – и тогда они вырвутся из заточения и наступят последние дни [Коран, 18: 82–101, с. 186–187; 21: 95–96, с. 204]. Схожие апокалиптические настроения вызвало на Руси и появление монголов Джэбэ и Субэдэя – Лаврентьевская летопись прямо сообщает, что «сии сѹть вышли ис пѹстынѧ Єтривьскїѧ. сѹщи межи въстокомъ. и сѣверомъ. ко скончанїю времѧни. ѥвитисѧ имъ. ѥже загна Гедеwнъ. и попленѧть всю землю. w̃ вьстока и до Єфраита и w̃ Тигръ до Понтиискаго морѧ. кромѣ Єфиwпиѧ. Бг̃ъ же єдинъ вѣсть их» («эти суть те, что вышли из Етривской пустыни, находящейся между Востоком и Севером, им суждено явиться к концу времён, туда же их загнал Гедеон. И захватят всю землю от Востока до Евфрата, и от Тигра до Чёрного моря, кроме Эфиопии. Один Бог знает, кто они»; здесь и далее перевод летописных отрывков, а также французских и немецких цитат наш. – *С.Д.*) [Лаврентьевская, л. 153, ст. 446], – и использование столь схожих сказочных мотивов в очевидно независимых друг от друга древнерусском и китайском рассказе об одних и тех же событиях, конечно, представляет собой поистине сказочное совпадение.

При этом заметим, что преодоление монголами Кавказского хребта довольно подробно описано, например, у Ибн ал-Асира и Рашид ад-Дина – и имеет мало общего с версией «Юань ши». Конечно, воспользовавшись тайной дорогой, под страхом смерти указанной посланцами ширваншаха, монголы и правда вышли к врагам «[там, где] те не ожидали» – но вовсе не потому, что «долбили камень, чтобы открыть путь», а потому, что воспользовались мало кому известным путём. О том, что монголы перешли Кавказ по крайне тяжёлой дороге, поскольку не смогли прорваться через Дербент, пишут и армянские источники, например, Киракос Гандзакеци, указывающий, что монголы настолько опасались погони, что засыпали за собой дорогу камнями, деревьями и даже трупами лошадей.

[8] Юаньское 玉裹吉 /ŋ̀ lĭ̌ kĭ̌/ [Pulleyblank, p. 385, p. 188, p. 140]. Возможно, Юрий (Гюрги) Кончакович, тесть великого князя Ярослава Всеволодовича и дед Александра Невского; согласно Новгородской первой летописи (Старшего извода, Синодальный список), погиб при первом столкновении с только что появившимися в половецких землях монголами [Новгородская, л. 96, с. 62] (согласно Московско-Академической летописи – бежал, не в силах противиться врагу [Академическая, л. 229, ст. 504]).

[9] Юаньское 塔塔哈兒 /tʰaˇ tʰaˇ xɑ́ rɣ́/ [Pulleyblank, p. 299, p. 123, p. 88]. Новгородская первая летопись упоминает вместе с Юрием Кончаковичем ещё одного убитого половецкого князя – Даниила Кобяковича [Новгородская, л. 96, с. 62], но убедительно соотнести его с *Та-та-ха-эром* вряд ли возможно (тем более что Даниил не приходился Юрию сыном).

[10] Юаньское 不租 /puˇ tsu/ [Pulleyblank, p. 43, p. 422]. Оригинал восстановить, кажется, не представляется возможным. Отметим, впрочем, что на юге России и в Украине существует немало рек с описательными названиями Бузулук или Базавлук – от тюрк. «ледяной».

[11] Знак *чжун* 眾 может означать также «народ» или «армия» – но в наших текстах, кажется, в основном используется в качестве несколько пренебрежительного термина, обозначающего войска противника.

[12] Возможно и множественное число – то же касается и сообщения в конце фрагмента.

[13] Юаньское 阿裹吉 /ɔ lĭ̌ kĭ̌/ [Pulleyblank, p. 23, p. 188, p. 140]. Возможно, Калка (или даже Калки). Отметим, что в среднекитайском языке в начале первого слога отмечена крайне подходящая гортанная смычка /ʔa/ [Pulleyblank, p. 23], затем пропавшая – но, возможно, памятная книжникам, составлявшим реляцию. Конечно, в южной Руси есть и река Альта (приток Трубежа) – но она гораздо западнее и, конечно, дневнерусский летописец никогда не стал бы называть Калкой хорошо известную ему Альту (если бы сражение произошло на последней).

[14] Юаньское 密赤思老 /muȷ̀ tʂʰɨ̆ szɻ̀lawˇ/ [Pulleyblank, p. 213, p. 57, p. 291, p. 184]. Под «большим», вероятно, подразумевается, киевский великий князь Мстислав Романович Старый (1156/1162–1223); малым может быть либо галицкий князь Мстислав Мстиславович Удатный (1176–1228), либо черниговский князь Мстислав Святославович (ум. 1223). Впрочем, резоны монголов (или автора сообщения) при распределении «размеров» Мстиславов нам, конечно, неизвестны. Е. И. Кычанов переводит этот фрагмент как «сошлись со старшими и младшими русскими Мстиславовичами» [Кычанов 1999, с. 161], что странно, поскольку среди князей – участников битвы нам, кажется, известен только один Мстиславович – галицкий князь Мстислав Удатный.

[15] Термин *бу* 部, возможно, иногда уместнее будет переводить как «племя», но в ряде случаев этот перевод кажется неудачным, поэтому мы выбрали в качестве общего перевода слово «область», указывающее прежде всего на территорию, а не на население. Вариант этот также не всегда идеален (например, в случае с коче-

вой терминологией, которая могла повлиять на летописца, как известно, первичны именно люди, а не земли, в которых они кочуют), но мы сочли, что единообразие перевода терминов тут важнее.

[16] Юаньское 斡羅思 /[wɔ̂] lɔ́ sz̨/ [Pulleyblank, p. 324, p. 203, p. 291]. Это, конечно, вариант фонетической передачи монгольского *орос* «русский».

[17] Также возможен перевод «разграбил, вторгся» [БКРС, № 2266, т. 2, с. 523].

[18] Юаньское 阿速 /ɔ suˇ/ [Pulleyblank, p. 23, p. 295].

[19] Текст иначе излагает последовательность событий по сравнению с Ибн ал-Асиром, Рашид ад-Дином и русскими летописями (см. [Академическая, л. 229 об., ст. 504]), согласно которым монголы сначала разбили аланов (асов), затем – кипчаков, потом двинулись в сторону русских княжеств и только после этого вернулись обратно, пройдя через низовья Волги.

[20] Эта биография переведена Е. И. Кычановым [Кычанов 1998, с. 43–46], перепечатана в [Юрченко, с. 59–61].

[21] Фрагмент, как мы уже указывали выше, был частично пересказан А. Гобилем [Gaubil, p. 40–41], а также Э. В. Бретшнейдером [Bretschndeider, p. 298–299]. На русский язык фрагмент в основном переведён Е. И. Кычановым [Кычанов 1999, с. 161–162]; позже – Р. П. Храпачевским, см. [Золотая орда, т. 3, с. 222–225].

[22] Букв. «[подобно] больным», т. е. стремительно, забыв о самосохранении.

[23] Юаньское 曲兒忒 /kʰy rɻ [tʰəʃˇ] / [Pulleyblank, p. 260, p. 88, p. 303].

[24] Грузины. Ср. с перс. Gurğān. Армянские источники подробно описывают сражение монголов с грузинским войском, которое, хоть и окончилось поражением христиан и стало причиной скорой смерти царя Георгия IV, всё-таки, кажется, нелегко далось и монголам, которые были вынуждены покинуть Закавказье и уйти на север (также см. [Галстян, с. 23]).

[25] Здесь, как видим, столкновение с асами «на своём месте» – по крайней мере, перед походом на Русь.

[26] *Хэй-линь* 黑林, юаньское /xəʃˇ limˊ/ [Pulleyblank, p. 124, p. 194]. В Закавказье, где основная масса исследователей ищет прототипы этого названия, кажется, не удаётся найти ничего подходящего; ближе прочего Карабах – от тюрко-персидского «Чёрный сад», о действиях монголов в окрестностях которого (Арране) говорит и Ибн ал-Асир, и Киракос Гандзакеци. Однако китайский историк Ту Цзи (о нём ниже) довольно остроумно предполагает, что речь идёт вовсе не о Закавказье, а о Крыме [МУЭШЦ, т. 3, цз. 29, л. 6а]; монголы и правда атаковали Судак после победы над аланами и половцами и накануне русской фазы кампании. Учитывая, что на самом деле пассаж может касаться вовсе не предгорий Кавказа (см. ниже), возможно, это и верно. Кстати, одно из первых бесспорных упоминаний топонима «Крым», кажется, относится как раз к монгольским временам – его можно найти у Рашид ад-Дина [Рашид ад-Дин, т. 2, с. 39].

[27] Легче всего предположить, что подразумевается Кавказ в районе Дербентского прохода, известного как Ворота Александра или (в числе многих иных названий) – Железные Ворота (араб. Bāb al-Hadid, тюрк. Темир капы). В юаньском чтении *теэр* 鐵兒 – /tʰjɛˇ rɻ/ [Pulleyblank, p. 308, p. 88], что может передавать тюркское и монгольское *темир/темер* – «железо», причём как фонетически, так и смыслово. Конечно, победа над русскими (и гипотетический захват «главы их государства» Мстислава) у Дербента произойти не могли, что, как мы увидим, создало много трудностей китайским историкам более позднего времени, пытавшимся как-то выйти из этого трудного положения.

Е. И. Кычанов предполагает, что с этой Железной горой было бы «соблазнительно сопоставить» гору Темиртау в районе Железноводска [Кычанов 1999, с. 162].

Возможно, впрочем, что простой вариант толкования представляет собой ловушку, и перед нами сугубо фонетическая транскрипция (юаньское чтение 鐵兒山 /tʰjɛˇ rɻ ʂan/ [Pulleyblank, p. 308, p. 88, p. 274]) названия (возможно, половецкого) местности, в которой произошла битва с русскими. Такое предположение делает замечательный китайский историк и новатор исторической науки Хун Цзюнь 洪鈞 (1839–1893) [ЮШИВЧП, цз. 18, л. 1б–4а], однако предложенный им вариант реконструкции Хай-эр-сан 孩耳桑, кажется, не указывает ни на один известный нам топоним в районе, где произошла битва (кроме, возможно, повлиявшего на гипотезу Хун Цзюня Херсона, который, как известно, основан более чем на полтысячелетия позже рассматриваемых событий и получил имя от крымского Херсонеса). Увы, не исключено, что название, сообщённое кому-то из участников похода половецким (?) информантом и затем превратившееся во вполне понятные китайскому читателю (пусть и не вполне конкретные) Железные горы, ни в какие иные источники не попало. Конечно, нельзя не вспомнить и C. de Bridia с его *Coniuzzu* («Овечьей водой», совр. монг. *Хонь ус*; стоит отметить удивительную осведомлённость францисканца, чья транскрипция идеально совпадает с транслитерацией написания этих слов в старомонгольском написании (Honi fosO *qoni usu*)) – ещё одним известным нам топонимом, связанным с местом битвы, – однако столь прозрачное монгольское выражение, как кажется, не могло бы поставить в тупик китайского автора того времени.

К слову, кажется, не исключено, что именно это половецкое название могло в русском языке превратиться и в «Калку» (впрочем, реконструкция Хун Цзюня тут заметно ближе к русскому варианту по сравнению с версией «Юань ши», и учитывая, что непонятно, на чём она основана, нельзя исключать некоторой «подгонки под результат»).

А. В. Майоров предполагает, что «железным холмом» монголы могли прозвать холм, на котором стоял последний лагерь киевлян, – за стойкость обороняющихся [Maiorov, p. 14].

[28] Юаньское 密只思臘 /muʲ [tʂɻ] sʐ̩ lâ / [Pulleyblank, p. 213, p. 404, p. 291, p. 181]. Пожалуй, этот вариант транскрипции даже несколько фонетически ближе к исходному имени. Е. И. Кычанов здесь в одной из публикаций также видит «Мстиславича» [Кычанов 1999, с. 162], а в другой – Мстислава [Кычанов 2002b, с. 35].

[29] Данная деталь, пожалуй, из самых интересных в числе сообщений «Юань ши». Хотя в летописи и указано, что Мстислав Старый был среди пленных, задавленных под досками, на которых монголы устроили трапезу, а Мстислав Черниговский с сыном погиб при преследовании монголами русских полков до Днепра [Новгородская, л. 99, с. 63], навряд ли их точная судьба была на Руси известна. Не исключено, что один из князей (вероятнее – киевский великий князь, взятый в плен после осады его укреплённого лагеря, – его статус монголам был, очевидно, понятен и был ближе к характеристике «правитель их государства») погиб не так, как описано в летописи.

Отметим также, что данное сообщение называет главным куратором похода не самого Чингис-хана, а его старшего сына Джучи, которого многие источники (как исламские, так и западные) называют главным руководителем завоевания кипчакских земель (подробнее см. [Maiorov, p. 11–12]). Разночтение с версией, изложенной в биографии Субэдэя, может объясняться тем, что для имперской историографии (и потомков Субэдэя, живших в улусе великого хана) адекватное отражение роли Джучи в кампании не было сколь бы то ни было важной задачей (в отличие от, например, демонстрации близости полководца к Чингис-хану, дававшему ему советы по важным жизненным вопросам).

[30] Юаньское 康裏 /k^{h}aŋ li˘/ [Pulleyblank, p. 171, p. 188]. Канглы – группа племён приаральских степей, известны с раннего средневековья (если не раньше). В описываемое время так называли часть восточных кипчакских родов, кочевавших в Приаралье; именно к числу канглы принадлежала мать хорезмшаха Мухаммеда Теркен-хатун (1150?–1233) – и множество влиятельных военачальников хорезмской армии [Джувейни, с. 330]. Также есть основания (впрочем, кажется, для значительно более ранних времён) связывать их с печенегами (которые, согласно Константину Багрянородному, называли себя кангарами [Константин Багрянородный, с. 159]). О ком повествуется здесь, однозначно сказать трудно. В «Сокровенном сказании» канглы всегда упоминаются через запятую с кипчаками (см. [Сокровенное сказание, § 198, с. 93; § 262, с. 135; § 270, с. 138; § 274, с. 140]).

[31] Юаньское 孛子八里 /pɔ́ tsz̨˘ pa˘ li˘/ [Pulleyblank, p. 40, p. 420, p. 27, p. 188]. Под *ба-ли*, вероятно, скрывается тюркское балык, «город». Какое место имеется в виду, неясно. Е. И. Кычанов трактует это как Бешбалык [Кычанов, 2002a, с. 78; Кычанов 2002b, с. 35], но это маловероятно, поскольку Бешбалык (в северу от Турфана) довольно далёк как от любого из возможных мест проживания канглы, так и от мест, где воевали в это время Субэдэй и Джэбэ, – не говоря уж о том, что он был хорошо знаком китайским авторам и в таком варианте наименования, кажется, нигде не встречается.

[32] Юаньское 霍脫思 /[xwaw˨] t^{h}ɔ˘ sz̨/ [Pulleyblank, p. 136, p. 314, p. 291].

[33] Таким образом, источник помещает победу над кипчаками после сражения с русскими. Это не соответствует данным не только русских, арабских и персидских источников, но и явно противоречит информации из биографии Субэдэя из той же самой «Юань ши». Возможно, имеются в виду восточные кипчаки, на которых монголы могли напасть в ныне казахских степях на обратном пути.

[34] Время и обстоятельства смерти Джэбэ по всей совокупности имеющихся источников не вполне ясны – тем важнее данное сообщение.

[35] Перевод извлечений из биографии, в том числе интересующего нас отрывка, см. [Золотая Орда, т. 3, с. 250-251].

[36] Букв. «чиновник, решающий дела», в ранний период Монгольской империи — высокий чрезвычайный пост, связанный прежде всего с судебной практикой; обычно доверявшейся членам императорского рода или выходцам из гвардии великого хана – *кэшика*. При Хубилае был формализован и включён в состав чиновой иерархии (см. [ЮШ, цз. 85, с. 181]). Ряд авторов считают китайское определение калькой с монгольского *зарга́ч* Jargoj I, «судья» (см. [Золотая Орда, т. 3, с. 330]).

[37] Алашань, горы в совр. Внутренней Монголии и Нинся-Хуэйском автономном районе, к тому времени – важная область в составе Тангутского государства.

[38] В 1606 г. Чэнь Бан-чжань 陳邦瞻 (1557–1623) завершил работу над очень добротной «Юань ши цзи-ши бэнь-мо» 元史紀事本末 («Описание дел [из] “Истории Юань” с корня до верхушки»), которая, как и положено произведениям данного жанра, ставила перед собой задачу последовательного изложения истории наиболее важных исторических процессов периода: они в силу хроникального характера «Юань ши» (особенно «Основных записей») в оригинале оказались разбросаны по разным главам. Автором было выделено 27 подобных проблем (каждому посвящён один цзюань). Работа крайне полезна при изучении многих сюжетов юаньской истории, но наши вопросы для книги оказались слишком маргинальны.

[39] Название в данном случае – и ряде тех, что встретятся ниже, – можно понимать и как отсылку к конкретному памятнику – «Юань ши». Впрочем, многие из авторов не столько желали исправить недостатки существующей «Истории Юань», сколько рассчитывали на присвоение этого названия (вместе с местом среди официальных историй) собственному творению (об этом чуть ниже).

[40] Юаньское 薩里 /saˇ lǐˇ/ [Pulleyblank, p. 271, p. 188]. Стоит ли видеть здесь авторскую интерпретацию именования асов, форму, взятую им из неизвестного нам источника, или что-то иное – сказать трудно.

[41] Как известно, в практике китайской историографии к тому времени уже были случаи присвоения этого статуса новым, более совершенным изводам существующих хроник. В числе официальных историй видим «Старую книгу о Тан» («Цзю Тан шу» 舊唐書, 945 г.) и «Новую книгу о Тан» («Синь Тан шу» 新唐書, 1060 г.), а также «Старую историю Пяти династий» («Цзю У-дай ши» 舊五代史, 974 г.) и «“Записи историографа” о Пяти династиях» («У-дай ши цзи» 五代史記), также известна как «Новая история Пяти династий» («Синь У-дай ши» 新五代史, 1073 г.).

[42] Говоря о цинском изучении «Юань ши», стоит упомянуть любопытную работу Ван Хуй-цзу 汪輝祖 (1731–1807), историка, правоведа и моралиста «Юань ши бэнь чжэн» 元史本證 («Основные освидетельствования “Истории Юань”»), поставившего себе задачу исправить ошибки и дополнить упущения «Юань ши», а также собрать разные формы имён, под которыми один и тот же персонаж упоминается в разных главах хроники. Автором было сделано более 3 700 исправлений и заметок (собранных в 50 цзюаней), что внесло немалый вклад как в дальнейшее изучение «Юань ши», так и в изучение периода в целом. Однако важных «освидетельствований» по нашему сюжету там сделано не было.

[43] Большой гармонии – очевидно, Вэй Юань не рассматривал возможности фонетического, а не смыслового восприятия исходного термина.

[44] Очевидно, описка при передаче графически близкого знака *гу* 谷. Не исключено, что Вэй Юань полагал, что на самом деле здесь говорится о, без сомнения, лучше знакомых ему таджиках.

[45] Как видно, Вэй Юань решает опустить упоминание неясного «*Боцзы-балыка*» (как и столь же туманного «города Чёрного Леса» несколько выше) и связать Х*отосы*-хана с канглы, которых однозначно трактует как кипчакское племя.

[46] То есть в широтном направлении, с востока на запад и обратно.

[47] *Ли* во времена Юань – ок. 561,6 м. Конечно, перед нами поэтический оборот, но в целом он не слишком гипертрофированно оценивает протяжённость похода.

[48] «Стремительный гром», который «раскалывает горы» (*по шань* 破山) упоминается в «Чжуан-цзы» 莊子 (ЧЦ, цз. 2, т. 1, с. 96). Возможно, эрудированный читатель мог увидеть тут намёк на преодоление участниками похода Кавказского хребта – как мы видели, в весьма художественной, даже сказочной манере описанной, например, в биографии Субэдэя – может быть, эта версия существовала и сама по себе.

[49] Перед нами цитата из фразы, завершающей одиннадцатую главу «Суньцзы» 孫子 «Девять местностей» (*Цзю ди* 九地): «Вот потому – в начале [будь] подобен домашней девице: враг откроет [тебе] дверь; потом [же будь] подобен вырвавшемуся кролику: враг не поспеет [дать] отпор» 是故始如處女：敵人開戶；後如脫兔：敵不及拒 [СЦ, цз. 11, с. 266] (перевод Н. И. Конрада см. [Конрад, с. 42]). Вероятно, читатель должен был тут самостоятельно догадаться, что данное сравнение говорит не только о скорости героев, но и о том, что враги не успели дать им отпор. Отметим, что сравнение героя-воина с кроликом для западного читателя, привыкшего к тому, что это животное – символ трусости, кажется странным – но оно, очевидно, не было таковым для древних и средневековых китайцев.

[50] И здесь, и в следующей строчке возможно и единственное число.

[51] Ляохай – наименование юго-восточной части совр. пров. Ляонин. Собрание также именовалось «Дунбэй цун-шу» 東北叢書 («Северо-восточное собрание»),

было подготовлено в 20-х гг. XX в. и вышло в 1933–1936 гг. в Мукдене под общей редакцией Цзинь Юй-фу 金毓绂 (1887–1962) во многом как одна из манифестаций самоценности Маньчжурии – в данном случае в культурном смысле. В собрании было собрано 380 цзюаней различных источников, посвящённых истории Маньчжурии, Японии, Кореи и прилегающих регионов.

[52] Ошибка автора или резчика. Правильно *Сюнь-сы-гань* 尋思干, Самарканд (ср. [ЮШ, цз. 1, с. 4]).

[53] До этого места информация о стране кипчаков взята из биографии Токтоха (Тактака, *Ту-ту-ха* 土土哈) в цз. 128 «Юань ши» (за исключением того, что там расстояние от Китая определено в 30 тыс. *ли*). Оттуда же взята информация о предках кипчакского правящего дома (см. [ЮШ, цз. 128, с. 247]).

[54] История бегства меркитского вождя Худу к кипчакам и информация о *Ху-лу-су-мане*, сыне *И-на-сы*, также, очевидно, взята из цз. 128 «Юань ши» (см. [ЮШ, цз. 128, с. 247]) (этот фрагмент биографии частично переведён Е. И. Кычановым [Кычанов 2002а, с. 78]). Упоминается об этом и в «Сокровенном сказании» – там указано, что в год коровы к кипчакам бежали сыновья Тохтоа-беки Худу и Чилаун, против которых был отправлен Субэдэй (см. [Сокровенное сказание, § 198–199, с. 93–95]). Впоследствии Субэдэй разгромил их на реке Чуй (см. [Сокровенное сказание, § 236, с. 118]). «Сокровенное сказание» трактует этот год коровы как 1205 г., но, кажется, правильнее вариант 1217 г. – а победа над меркитами Субэдэя (в реальности Джучи – и на реке Чем (Эмба)) должна датироваться 1218 г. (подробнее см. [Atwood, p. 38–45; Хаутала, с. 648–650]).

[55] Отметим форму имени, отличную от биографии Субэдэя самого Вэй Юаня. В остальном Вэй Юань, очевидно, пытается упростить историческую картину, полагая, что правители восточных кипчаков ульберли, знакомые нам по биографии Токтоха, и те, с которыми неподалёку от Кавказа воевал Субэдэй, – это одни и те же люди. Увы, это не так – кипчаки были крайне разнородным и совсем не централизованным народом со множеством правителей.

[56] «Железная повозка» Субэдэя описана и в «Сокровенном сказании» (см. [Сокровенное сказание, § 199, с. 95]).

[57] Имеется в виду авангард.

[58] Описание этой «меркитской» кампании почти дословно повторяет биографию Субэдэя в «Юань ши» – но там речь идёт о действиях в Хорезме и преследовании хорезмшаха Мухаммеда, в итоге скрывшегося на острове в Каспийском море [ЮШ, цз. 121, с. 235]. Возможно, Вэй Юаня сбило с толку то, что преследуемый правитель в «Юань ши» именуется *ме-ли* 滅里 (от араб. ملك *ma.lik*, «царь»), – и автор посчитал, что, возможно, речь идёт о вожде *ме-ли-цзи* – меркитов.

[59] Эта информация о признании власти Чингис-хана кипчакским вождём *Ху-лу-су-манем* (а затем и его сыном *Бань-ду-ча* – см. ниже) также взята из упоминавшейся нами биографии Токтоха (см. [ЮШ, цз. 128, с. 247]).

[60] О покорении и вообще дальнейшей судьбе кипчаков ульберли см. [Хаутала, с. 655–656].

[61] *Гань* – очевидно, описка автора или резчика вместо правильного (и графически очень близкого) *во* 斡.

[62] Букв. «К западу от Реки». Земли к западу от великой дуги Хуанхэ, частое обозначение территорий бывшего тангутского государства – прежде всего, нынешнего Нинся-Хуэйского автономного района *Нин-ся хуй-цзу цзы-чжи цюй* 寧夏回族自治區.

[63] Традиционное именование Индии, делившейся на Восточную, Западную, Северную, Южную и Центральную. Термин основан на переосмыслении индийской космологии, делящей мир на пять «островов». Используется, в частности, в описании путешествия Сюань-цзана 玄奘 (Чэнь И 陳禕, ок. 602–664) (см., например, [Да Тан, шан, цз. 2, с. 93; Сюань-цзан, с. 57]).

[64] Обычно Внутренним морем китайские словари именуют Каспийское. Судя по всему, здесь автор понимает под морем *Куань-дянь-цзи-сы* Аральское море (обычно именуемое Солёным морем *Сянь хай* 鹹海).

[65] Очевидно, перед нами попытка объяснить расхождения версии биографий Исмаила и Субэдэя, одна из которых располагает столкновение с асами (живущими, видимо неподалеку от грузин) перед походом на Русь, а другая – после (в биографии Субэдэя проход через земли асов завершает описание кампании).

[66] Таким образом, работа вышла раньше труда Вэй Юаня – но написана была заметно позже.

[67] Он именует его *А-ли Мао-си-эр* 阿黎毛夕耳, а его книгу – *Ка-ми-эр-у-то-тай-бай-эр-ли-кэ* 喀密兒伍脫台白兒力克, что лишь отдалённо напоминает оригинальное al-Kāmil fit-Tārīkh, однако перевод названия, приводимый Хун Цзюнем (*цзюй ши* 聚史 «собранные истории»), вполне совпадает с исходным «Полным сводом истории». Хун Цзюнь указывает, что шесть томов издания хранятся во французской столице. Всё это (включая не вполне уверенные транскрипции арабских слов) говорит о том, что, возможно, он – самостоятельно или с чьей-то помощью – работал с каким-то изданием арабского оригинала. Стоит, однако, отметить, что ко времени составления книги Хун Цзюня уже вышел русский перевод выдержек из труда Ибн ал-Асира, выполненный В. Г. Тизенгаузеном (1884) (см. [Сборник, с. 1–45]), причём выдержки эти как раз, помимо прочего, касаются западного похода Джэбэ и Субэдэя (Хун Цзюнь особенно отмечает Ибн ал-Асира для изучения этих событий) – но про это издание Хун Цзюнь ничего не пишет.

[68] Хун Цзюнь информирует читателя, что книга Абу-л-Гази была переведена на французский «русским *Дай-мэй-сан* 戴美桑» – имеется в виду Петр Иванович Демезон (Jean Jacques Pierre Desmaisons) (1807–1873), савоец, перешёдший из сардинского подданства в русское, который и правда перевёл на французский этот важный источник [Histoire des Mogols].

[69] Насколько нам известно, первый китайский перевод работы д'Оссона (с многочисленными дополнениями к тексту оригинала) был подготовлен замечательным учёным, учеником Поля Пеллио Фэн Чэн-цзюнем 馮承鈞 (1887–1946)) и появился уже много после смерти Хун Цзюня – в 1934 г. [ДСМГШ].

[70] Отцом д'Оссона был Игнаций Мурад-хан Тосунян (1740–1807), армянин из Перы, поступивший переводчиком в шведское посольство в Блистательной Порте, где вскоре стал доверенным лицом, а в 1782 г. – послом. Ему удалось получить не только шведское подданство, но и дворянство, а также заслуженную репутацию знатока Османской империи, чьей истории он посвятил семитомный труд, замеченный современниками. Сын его также совмещал научную карьеру с дипломатической и в 1828 г. украсил семейный герб баронской короной.

[71] Не исключено, что здесь Хун Цзюнь ориентировался на русский термин.

[72] Пассаж является почти дословным переводом из д'Оссона: «Une armée géorgienne était prête à défendre ce royaume; Tchépé se mit en embuscade avec cinq mille hommes; Soüboutaï s'étant présenté à l'ennemi, tourna le dos à la première charge, et l'attirant à sa poursuite, le fit tomber dans le piège. Cette armée géorgienne, forte de trente mille hommes, fut en grande partie détruite» («Грузинская армия была готова защищать это царство; Джэбэ устроился в засаде с пятью тысячами человек; Субутай, показавшись

врагу, показал спину при первой же атаке, и маня их преследовать его, заставил врага попасться в западню. Эта грузинская армия в тридцать тысяч человек была по большей части уничтожена» – здесь и далее перевод наш. – *С.Д.*) [D'Ohsson, p. 260–261].

[73] Д'Оссон не пишет об этой неудаче – зато о ней упоминает Ибн ал-Асир. В дальнейшем нам встретится ещё ряд подобных мест – не исключено, стало быть, что Хун Цзюнь использовал труд арабского историка не только в изложении Д'Оссона.

[74] История приводится Ибн ал-Асиром (и д'Оссоном [D'Ohsson, p. 262]) – но, в отличие от него, Хун Цзюнь называет присланных не послами, которых монголы обманом заставляют вести их через горы, а проводниками, которых убийство одного из них лишь должно заставить тщательнее выбирать путь. В этом он, возможно, следует Абу-л-Гази, к чьей версии его описание событий ближе всего.

[75] Как видно, Хун Цзюнь системно отказывается от традиционных транскрипций в пользу более адекватных фонетически (по крайней мере, по его мнению).

[76] Текст речи достаточно близок к тексту и Ибн ал-Асира и д'Оссона («Nous sommes Turcs, comme vous, et vous vous alliez contre vos frères avec des peuples étrangers! Faisons la paix; nous vous donnerons autant d'or et de riches vêtements que vous pouvez en désirer» (Мы тюрки, как вы, и вы объединяетесь против ваших братьев с чуждыми народами! Заключим мир; мы вам дадим столько золота и богатых одежд, сколько вы можете пожелать») [D'Ohsson, p. 263]).

[77] Это, конечно, отсылка к «Юань ши» – правда, Хун Цзюнь предлагает понимать фразу несколько иначе – неожиданность появления монголов связывается им не со сказочно пробитой через горы дорогой, а с тем, что половцы не ожидали удара от монголов, уверивших их в своём дружелюбии, и те, воспользовавшись этим, внезапно вышли из неудобных для сражения предгорий и обрушились на врага.

[78] Это описание Судака, помещающее его в район Босфора, объясняется неверным пониманием текста (или перевода текста) Ибн ал-Асира: «Прибыли они к городу Судаку; это город Кипчаков… [лежит] на берегу Хазарского моря… Это море Хазарское есть то море, которое соединяется с Константинопольским проливом» [Золотая Орда, т. 1, с. 26]. Несмотря на ошибку, описание Хун Цзюня здесь гораздо вернее, чем у д'Оссона, который ошибочно полагает, что монголы атаковали Судак уже после Калки [D'Ohsson, p. 269].

[79] О притворном бегстве монголов сказано у Ибн ал-Асира, за которым в целом следует автор, – но тот не указывает точной продолжительности боя (говоря о «нескольких днях»); о сражении «в течение одной недели» пишет Рашид ад-Дин.

[80] Это, конечно, авторская интерпретация оборота «осматриваясь и петляя» из «Юань ши».

[81] Отметим отличие транскрипции от предыдущего фрагмента – там, вероятно, Хун Цзюнь следовал за Ибн ал-Асиром, а здесь использует привычный вариант китайских источников.

[82] Кажется, черкесов Хун Цзюнь упоминает, следуя за д'Оссоном [D'Ohsson, p. 262], – Ибн ал-Асир в этом контексте упоминает лезгин.

[83] Любопытная фраза, которая требует дополнительных разбирательств. Имя Котяна Хун Цзюнь мог узнать у д'Оссона (который называет его Coutan [D'Ohsson, p. 266]), в свою очередь узнавшего это имя у Н. М. Карамзина (см. [Карамзин, с. 136]), опиравшегося на данные летописей (см., например, [Суздальская, л. 229 об. –230, ст. 504]). Вообще, стоит отметить, что в изложении интересующих нас событий д'Оссон явно следует Н. М. Карамзину (и ссылается на него). Во времена Хун Цзюня уже существовали очень близкие к оригиналу (по крайней мере, в интересующей нас части) немецкий [Geschichte] и французский [Histoire] переводы

«Истории государства российского» – но, кажется, Хун Цзюнь не был с ними знаком – в отличие от д'Оссона. При этом Хун Цзюнь не только снабжает Котяна родственными связями с погибшими, но и сообщает в сноске, что Котян – это, конечно, *Хо-то-сы*-хан из биографии Исмаила, а вот к *И-на-сы* из биографии Токтоха он никакого отношения не имеет, поскольку кипчакские вожди, от которых происходил Токтох, правили совершенно иной частью кипчаков, нежели Котян. Возможно, здесь стоит видеть дискуссию с Вэй Юанем, который, как мы помним, предпринимает попытку объединить этих кипчакских правителей, – в таком случае Хун Цзюнь был знаком с его версией, несмотря на то что работа Вэй Юаня была опубликована гораздо позже. Впрочем, Вэй Юань отождествлял *И-на-сы* с *Юй-ли-цзи*, а не с Котяном, про которого ему ничего не было известно, и возможно, что перед нами не дискуссия с Вэй Юанем, а опровержение чуть иной (но связанной) гипотезы, популярной среди части коллег Хун Цзюня, но не отразившейся в известных нам текстах.

Что касается указаний на родство Котяна с *Юй-эр-гэ* и *Та-ха-эром*, то эта информация, нигде более в источниках не содержащаяся (более того, нам известно, что у Котяна и Юрия были разные отцы), указывает нам на ещё один источник Хун Цзюня – изданную в 1872 г. в Бреслау «Историю монголов, или татар» родившегося в Бранденбурге силезского богослова и пастора Отто Вольфа (1794–1877), совершенно забытую ныне (во многом из-за огромного количества содержащихся там выдумок и неточностей), но некогда довольно известную [Wolff]. Находкой этой книги и установкой её связи с текстом Хун Цзюня мы всецело обязаны Роману Хаутала. Именно О. Вольф пишет о «Jurge Kontschakowitz und Daniel Kotjanowitz, ersterer ein Bruder, der zweite ein Sohn des Khan Kotjan» («Юргий Кончакович и Даниил Котянович, первый – брат, а второй – сын хана Котяна») [Wolff, s. 100].

[84] Столица государства хорезмшахов Ургенч была взята и разрушена монголами в апреле 1221 г., после чего эти земли стали частью улуса Джучи [Бартольд, с. 548].

[85] Источник этой любопытной информации о контактах Джэбэ и Субэдэя с Джучи после первых побед над аланами и половцами, а также о получении ими от него значительной помощи было бы интересно определить. В цз. 4 своего труда, посвящённом Джучи, Хун Цзюнь говорит об этом более подробно:

时太祖將命哲别、速不台北征奇卜察克，循裏海之西以往，而大軍皆在東南，不相應。乃命术赤仍東駐鹹海裏海間以遙為聲援。

В это время Тай-цзу предполагал приказать *Чжэ-бе* [и] *Су-бу-таю* отправиться на север карательным походом [против] *ци-бу-ча-кэ*, [они] обошли с запада Внутреннее море, чтобы продолжить [поход], а большие войска все были на юго-востоке, не [могли] согласовываться друг с другом. Тогда приказал *Шу-чи* по-прежнему [находиться] на востоке и иметь ставку между Внутренним морем и Солёным морем (Аральским морем. – *С.Д.*), дабы издалека быть гласной помощью [ЮШИВЧП, цз. 4, л. 4а].

В авторском комментарии Хун Цзюнь отмечает, что не нашёл информации об этом «также и в западных книгах» (то есть нет её и в книгах китайских), но нелепо предположить, чтобы столь небольшой отряд, каким располагали Джэбэ и Субэдэй, действовал в таком отдалении от основных сил без всякой поддержки. Можно бы предположить, что это построения самого Хун Цзюня, опирающиеся на его личный военный и жизненный опыт, а не на данные источников. Но всё несколько сложнее. О помощи, оказанной отряду двух полководцев Джучи, довольно близко к тексту Хун Цзюня («übergab er dem Dschebe und Ssubugetai den größten Theil seiner Truppen» («он передал Дшэбэ и Субугетаю большую часть своих отрядов»)) пишет О. Вольф [Wolff, s. 100–101]. Почему же Хун Цзюнь не только не упоминает свой немецкий источник, но и прямо пишет, что в западных книгах такой информации нет? Не потому ли, что дурная слава Вольфа была ему известна, но он не нашёл в себе силы отказаться от столь подходящих подробностей?

[86] О взятии монголами Астрахани источники не сообщают (умалчивает об этом и сам Хун Цзюнь в описании кампании в «Основных записях»), более того, обычно считается, что Астрахань была основана только во времена Золотой Орды, в числе первых описаний – сведения Ибн Баттуты, посетившего город в 1334 г. [Зайцев, с. 9–11]. Предположения о существовании здесь поселения в более ранние времена доказать затруднительно.

Однако о взятии монголами Астрахани пишет знакомый нам О. Вольф, датирующий это сомнительное событие ноябрём 1222 г. и даже указывающий на то, что монголы перешли Волгу по льду [Wolff, s. 101]. Заимствуя у него гипотезу, Хун Цзюнь, в отличие от Вольфа, подробно обосновывает её в комментарии к тексту. С его точки зрения, именно Астрахань скрывается за загадочным городом *Бо-цзы-ба-ли*, который упоминается в биографии Исмаила в «Юань ши». Автор весьма остроумно объясняет это название как «город персов», указывая, что именно персы издревле составляли заметную часть торговавших в Астрахани купцов. С его точки зрения, последние строки указанного сообщения «Юань ши» несут следы неумелой правки оригинального текста некомпетентными авторами-составителями летописи – минскими историками, которые, запутавшись, заменили кипчаков на канглы, а описание похода на Астрахань (*Бо-цзы-ба-ли*) поместили после рассказа о сражении с русско-половецким войском.

[87] Переход монголами Дона, равно как и разделение монгольского войска надвое, кажется, не отмечен ни в одном источнике – кроме книги О. Вольфа, которому Хун Цзюнь здесь следует почти дословно [Wolff, s. 101].

[88] Повторный разгром кипчаков, асов и иных племён, с которыми монголы сталкивались после преодоления Кавказа, нигде более, насколько нам известно, не описан (в том числе и в «Основных записях» труда Хун Цзюня, где, судя по всему, он предпочитал воздерживаться от изложения наиболее рискованных гипотез), кроме О. Вольфа, который бесстрашно помещает среди разгромленных монголами «остатки хазар, венгров, касогов, абхазов» [Wolff, s. 101], – надо отдать должное, по крайней мере в этом Хун Цзюнь ему не следует.

[89] В примечании Хун Цзюнь утверждает, что в «Сокровенном сказании» Крым именуется *Са-цзи-цы* 撒吉剌, но в доступном нам тексте (как иероглифической транскрипции монгольского текста, так и в китайском переводе) такого термина, кажется, нет. Из числа стран и народов, перечисленных в цитировавшемся нами § 262 «Сокровенного сказания», к этой форме ближе всего Сасут (саксонцы или Саксин) (в варианте текста в китайской транскрипции – *са-су-*^{mu} 撒速惕; см. [Юаньчао би-ши, с. 514]), но, разумеется, разница всё равно слишком велика. Возможно, в распоряжении Хун Цзюня был ошибочный или просто иной вариант текста. Сацзи-цы посвящён параграф в главе труда Хун Цзюня о северо-западных землях [ЮШИВЧП, цз. 26 (шан), л. 40–41]; там утверждается, что после прихода русских этот город, размещённый на одноимённой реке, стал называться Симферополем. Возможно, Хун Цзюнь счёл созвучным название р. Салгир, на которой стоит Симферополь (до прихода русских именовавшийся Ак-Мечеть).

Также стоит отметить, что фонетически (юаньское 撒吉剌 /saˇ kiˇ tsʰẓ̀/ [Pulleyblank, p. 271, p. 140, p. 64]) *Са-цзи-цы* довольно близок к Саксину, о проходе через который монгольского войска (но на обратном пути) говорит Ибн ал-Асир: он также мог стать одной из основ построений автора.

[90] О Мстиславе Галицком (Удатном), его родстве с Котяном и подготовке русских к походу Хун Цзюнь, возможно, узнал у д'Оссона [D'Ohsson, p. 266].

[91] Ли Вэнь 李溫 (Ли Цуй 李潍) (833–873, правил с 859 г.).

[92] Вставка с ретроспективой русской истории (впрочем, гораздо более пространная, чем у Хун Цзюня) может быть найдена и у О. Вольфа – и тоже именно после рассказа о бегстве Котяна на Русь [Wolff, s. 101–104].

[93] В комментариях Хун Цзюнь отмечает, что именно Мстислав Киевский – это «большой *Ми-чи-сы-лао*» из «Юань ши».

[94] Именно этого князя автор считает «малым *Ми-чи-сы-лао*» из «Юань ши». Стоит отметить, что исходным вариантом в данном случае, кажется, была форма Святославлиевич (Святославлич). Стоит отметить, что ни летописи (в описании этих событий), ни Н. М. Карамзин, ни тем более д'Оссон отчества Мстислава Черниговского (как и киевского князя) не сообщают (В. Н. Татищев называет его Всеволодовичем [Татищев, с. 215]). Зато эти отчества сообщает О. Вольф [Wolff, s. 105] – правда, в форме «Mstislaw Swätoslawitsch» – так что былинная форма «Святославлич», сразу напоминающая о «Слове о полку Игореве», может быть объяснена либо личной позицией Хун Цзюня (например, вызванной знакомством со «Словом о полку Игореве»), либо чьим-то сторонним советом.

[95] Это очень созвучно с летописным «и створиша съвѣт҃ сице. лучше бы ны єсть приѧть ѫ на чюжеи земли. нежели на своєи» («и собрали совет, [решив] так: лучше бы нам встретить их на чужой земле, чем на своей») [Академическая, л. 230, ст. 505]. Этот пассаж отсутствует у д'Оссона, но наличествует у Н. М. Карамзина [Карамзин, т. 2, с. 136–137], у которого, конечно, его взял О. Вольф [Wolff, s. 105].

[96] Н. М. Карамзин именует Юрия Георгием [Карамзин, с. 140]; д'Оссон – суздальским князем «Georges» [D'Ohsson, p. 266]. Именование князя Юрием Вторым почерпнуто Хун Цзюнем у О. Вольфа [Wolff, s. 103].

[97] Про число послов молчат летописи – но и Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 137], и д'Оссон [D'Ohsson, p. 267] называют число 10.

[98] Ср. с летописным «тогда оувѣдавше Татарове что идуть кн҃зи Рүс҃стии. противү им҃. и прислаша послы кь кнѧземъ Рүс҃скымъ. се слышимъ. wже противү намъ идете послүшавше Половець. а мы вашеи земли не заѣхомъ. ни городовъ ваших ни селъ. нї на вас҃ приидохомъ. но приидохомъ Бг҃омъ попүщени на холопи наши. и на конюси свои. на поганыѧ Половци. а возмите с нами миръ. а намъ с вами рати нѣтү. wже бѣжать к вамъ Половци и вы беите w҃толе а товаръ ємлите себѣ. занеже слышахомъ ѣко и вамъ многа зла творѧт҃. того же ради мы их w҃селе бьємъ.» («тогда узнали татары, что против них идут русские князья, и прислали послов к русским князьям: "Ныне слышим, что идёте против нас, послушав половцев, но мы вашей земли не занимали, ни городов ваших, ни сёл. Не на вас пришли, но пришли, посланные Богом на рабов наших, на конюхов своих, на поганых половцев. Заключите с нами мир, у нас с вами войны нету, а если побегут к вам половцы, то вы оттуда бейте их, а товары берите себе, поскольку слышали мы, что и вам они много зла творят, поэтому же мы их отсюда бьём"») [Академическая, л. 230 об. –231, ст. 505]. Вариант, изложенный Хун Цзюнем, кажется ближе к варианту д'Оссона «Les Mongols, dirent-ils, n'avaient aucun mauvais dessein contre les Russes; ils n'en voulaient qu'à leurs voisins; les Russes devaient profiter d'une occasion aussi favorable, pour se venger des ravages de ce peuple déprédateur; ils n'avait qu'à s'unir contre lui avec les Mongols; ils partageraient avec eux ses dépouilles; sous le rapport même de la religion, ils devaient préférer l'alliance des Mongols, adorateurs d'un seul Dieu, à celle des Captchacs qui étaient des idolâtres» («Монголы, сказали они, не имели никаких дурных целей против русских; они желали от них только того, что желают от соседей; русские должны бы воспользоваться столь счастливой возможностью, чтобы отомстить за разорения этого хищнического народа; они должны только объединиться с монголами против него; они бы разделили с ними то, что после них останется; даже с точки зрения религии они должны бы предпочесть союз с монголами, почитателями единого Бога, союзу с кипчаками, которые были идолопоклонниками») [D'Ohsson, p. 266–267]. Версия О. Вольфа ближе к летописи и Н. М. Карамзину [Wolff, s. 106].

Кажется, именно от д'Оссона берёт начало иногда встречающаяся в литературе версия, согласно которой монголы пытались убедить русских в необходимости

союза исходя из сходства вер. Возможно, своего рода источником здесь стоит считать Ибн ал-Асира, который указывает, что монголы взывали к вопросам веры, уговаривая кипчаков разорвать союз с аланами.

[99] Ни в одном источнике (а также у Н. М. Карамзина или д'Оссона) не сказано, что князья не поверили монголам, поскольку знали о том, что точно таким же способом когда-то были обмануты половцы. Но об этом пишет О. Вольф [Wolff, s. 107] (правда, не оформляя как прямую речь русских); видимо, именно ему следует Хун Цзюнь.

[100] Ср. с летописным «и прислаша Татарове второє послы гл҃ще. аще єсте послγшали Половець. а послы наши єсте избили а идете противγ намъ. то вы поидѣте а мы вас҃ не замаємъ ничимъ. то всѣмъ намъ Бг҃ъ. и w҃пγстиша послы их» («и прислалы татары вторых послов, сказавших: "раз вы послушали половцев, а послов наших убили и идёте против нас, то идите, а мы вас ничем не затронули, потому над всеми нами Бог". И отпустили их послов») [Академическая, л. 231, ст. 505]. Д'Оссон вовсе не пишет о втором посольстве. Версия Хун Цзюня, кажется, даже более беллетристичная, чем изложение Н. М. Карамзина («Итак, вы, слушаясь половцев, умертвили наших послов и хотите битвы? Да будет! Мы вам не сделали зла. Бог един для всех народов: Он нас рассудит» [Карамзин, с. 137]). В авторском комментарии со ссылкой на некую «русскую историю» (*э ши* 俄史) приводится ещё один вариант речи послов – совершенно неясного происхождения:

非誑，我已誓於天矣！決不相犯，請勿用兵。

[Это] не обман, мы уже дали обет Небу! Решили не нападать друг на друга, просим не использовать [против нас] воинов!

Спасительный Вольф на этот раз не помогает нам – его версия очевидно является переводом текста Н. М. Карамзина: «Ihr habt den Polowzern Gehör gegeben und unsere Gesandten erschlagen. Ihr wollt den Krieg, wohlan, er soll euch werden! Nie haben wir euch bisher Leid zugefügt; nun aber richte der Gott, welcher über alle Welt regieret, zwischen uns und euch» («Вы послушали половцев и перебили посланных нами. Вы хотите войны, так пусть вам будет! Мы никогда доселе не причиняли вам вреда; так пусть рассудит Бог, который правит над всем миром, между нами и вами») [Wolff, s. 107].

[101] О желании Котяна (чьё имя почему-то дано здесь в иной транскрипции, чем раньше) убить и вторых монгольских послов Хун Цзюнь, вероятно, прочёл у О. Вольфа – правда, тот пишет только о том, что убить вторых послов желали половцы [Wolff, s. 107]. О том, что их предлагали убить «половецкий князи и Мстислав Мстиславич», пишет В. Н. Татищев – но источники его данных нам неизвестны [Татищев, с. 216].

Интересно и предположение о том, что стороны вели переговоры о грядущем сражении, которое в данном контексте выступает как своего рода «божий суд», – кажется, весь остальной рассказ указывает на то, что русские наткнулись на главные силы монголов достаточно неожиданно (об этом же, кажется, говорят и летописи (см. [Академическая, л. 232 об., ст. 507]) – а также, вполне определённо, арабские и персидские источники). Возможно, это авторская трактовка речи вторых послов, призывающих Бога решить, кому быть побеждённым.

[102] Летопись говорит о тысяче воинов [Академическая, л. 231 об., ст. 506]. О десяти тысячах в авангарде под командой галицкого князя пишет и В. Н. Татищев (см. [Татищев, с. 216]). Вероятно, именно у него эту цифру у него почерпнул О. Вольф [Wolff, s. 107].

[103] О смерти Гемябега (Семябега) пишет летопись (см., например, [Академическая, л. 231 об., ст. 506]) и Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 138]; у д'Оссона этой информации нет. Форма имени ближе к сообщаемой В. Н. Татищевым (Гамябек) [Татищев, с. 216] и следующим за ним О. Вольфом (Hamabek) [Wolff, s. 107].

[104] В комментарии Хун Цзюнь поясняет, что эта река течёт на юго-запад и впадает в Азовское море. Также он пишет, что преследование заняло десять или тринадцать дней. Отметим, что Суздальская летопись говорит про восемь дней [Академическая, л. 232, ст. 507], Новгородская первая летопись – про девять [Новгородская, л. 98, с. 63]; ей, очевидно, следует и Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 138]). Мусульманские источники дают цифру в 12 дней – и именно к этим данным, вероятно, восходит второй вариант Хун Цзюня. Первый же, видимо, объясняется ошибкой О. Вольфа, который пишет, что преследование длилось 10 дней согласно Рашид ад-Дину (это не так) и 12 – согласно Абу-л-Гази [Wolff, s. 107].

[105] В русских источниках подсчёт сил (неизвестно на чём основанный) содержится только у В. Н. Татищева – но у него получается 103 тыс. (и 89 950) только русских полков – плюс до 50 тыс. половцев (кажется, больше обещанных, чем наличествовавших) [Татищев, с. 216]. Цифру в 82 тыс. приводит О. Вольф [Wolff, s. 107].

[106] Разделение русских войск на две главных части в этом составе указано в летописях; говорится, что каждая из частей имела свой стан (см., например, [Новгородская, л. 98–98 об., с. 63]), – но нигде (в том числе у О. Вольфа) не говорится об их делении на северный и южный. Согласно летописи, с Мстиславом Киевским было только два князя – его зять Андрей и Александр Дубровский [Академическая, л. 233 об., ст. 508]. Черниговский князь, кажется, не участвовал ни в столкновении с татарами галицких полков, ни в обороне укреплённого лагеря киевлян – его полки находились в числе тех, которые только подходили к месту, когда галицкие войска были уже разбиты, и оказались вовлечены в бегство в беспорядке отступающими галичанами и половцами.

[107] Летописи, кажется, указывают в качестве причины самостоятельных действий Мстислава Удатного не его славолюбие, а плохие отношения между ним и киевским князем («не повѣда имъ зависти ради бѣ бо котора межи их велика» («не сообщил им из-за зависти, которая между ними была велика»)) [Академическая, л. 232 об., ст. 507]. О том, что Мстислав «желал один воспользоваться честию победы», пишет Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 138], за которым это повторяют д'Оссон [D'Ohsson, p. 267] и О. Вольф [Wolff, s. 107], на которых, вероятно, опирается Хун Цзюнь.

[108] Согласно летописям, Мстислав стал станом уже после пересечения р. Калки [Академическая, л. 232 об., ст. 507].

[109] Откуда взялась эта земля и какой топоним здесь подразумевается, нам неизвестно. При этом для Хун Цзюня этот момент имеет немалое значение – в комментарии он пишет, что эта *Хай-эр-сан* и есть *Те-эр-шань* (Железные горы), где сражения с русскими размещает биография Исмаила в «Юань ши», – таким образом, добавлением этих сведений автор объясняет странность информации этого источника, который при такой трактовке не размещает русских на востоке Кавказа, а сообщает название местности, где и правда произошла битва с русскими дружинами.

[110] Ср. с летописным «половци побѣгоша. и потопташа бѣжаща станы кнз҃и Рүсскых. а кнѧзи не оуспѣша w полчитисѧ противү имъ. и смѧтошасѧ вси полци Рүсстии» («половцы побежали и потоптали, убегая, станы русских князей, а князья не успели построиться против них, и смешались все полки русские») [Академическая, л. 233, ст. 508]. Д'Оссон (в отличие от Н. М. Карамзина) пишет только о бегстве половцев [D'Ohsson, p. 267]; о том, что при этом бегстве половцами были расстроены русские полки, за Н. М. Карамзиным повторяет О. Вольф [Wolff, s. 108] – вероятный источник Хун Цзюня.

[111] Эпизод с ладьями описан в летописях – Суздальская говорит о том, что, переправившись через Днепр, Мстислав Удатный «повелѣ жещи ѧ а иныѧ сѣчи и w҃ринүти w҃ брега. боæсѧ по себѣ погонї w҃ Татаръ» («повелел жечь их, а иные порубить

и оттолкнуть от берега, боясь погони за собой от татар») [Суздальская, л. 234, ст. 509]; Новгородская первая летопись говорит только о том, что по его приказу ладьи были отпущены от берега [Новгородская, л. 99 об., с. 63]. Ни одна из летописей, кажется, не связывает с этим его поступком гибели тех, кто не успел на переправу (хотя это более чем вероятно) – но об этом пишет О. Вольф [Wolff, s. 109]. Д'Оссон ошибочно указывает, что всё это произошло при переправе через Калку [D'Ohsson, p. 267], – возможно, именно поэтому Хун Цзюнь здесь избегает уточнения, о какой реке идёт речь. В последовательности изложения автор следует д'Оссону, который (вероятно, вслед за Н. М. Карамзиным) сначала говорит о бегстве Мстислава Удатного, а затем – о судьбе Мстислава Киевского (летописи и О. Вольф поступают наоборот).

[112] Ср. с летописным «великїи кнзъ Мьстиславь Кїевьскїи видѧ се зло не движесѧ никакоже с мѣста» («великий князь Мстислав Киевский видя это зло, нисколько не сдвинулся с места») [Академическая, л. 233 об., ст. 508]. Не сомневаются в осведомлённости киевлян и Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 139] с д'Оссоном [D'Ohsson, p. 268].

[113] О трёхдневной осаде не пишет Н. М. Карамзин, но пишет Новгородская первая летопись [Новгородская, л. 98 об., с. 63] и д'Оссон [D'Ohsson, p. 268].

[114] В комментарии Хун Цзюнь утверждает, что именно эти два главных эпизода сражения описаны в биографии Субэдэя, который «единожды сразился и подчинил» русских – по его мнению, под сражением стоит понимать победу над Мстиславом Удатным, а под «подчинением» последовавшую затем капитуляцию Мстислава Киевского.

В целом рассказ Хун Цзюня близок к летописному, где также говорится про трёхдневную осаду и обманное предложение о выкупе, однако летописи (а вслед за ними Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 139] и О. Вольф [Wolff, s. 108]) описывают событие подробнее, обвиняя в непосредственном исполнении обмана воеводу бродников Плоскиню [Академическая, л. 233 об., ст. 508]. Д'Оссон утверждает, что инициаторами переговоров о выкупе были русские, а монголы лишь обманно согласились на это [D'Ohsson, p. 268]. Ни один из известных нам источников ничего не говорит про отрезанные уши – при этом о таком статистическом обычае монголов источники сообщают довольно часто (см., например, [Джувейни, с. 185]).

[115] О том, что черниговский князь был осаждён вместе с киевским, пишет О. Вольф [Wolff, s. 108].

[116] Ср. с летописным «а кнзи има издавиша и. подкладше под доскы. а сами верхꙋ сѣдше wбѣдати и тако кнзи животъ свои скончаша» (а князей, взяв, придавили, и подложили под доски, а сами сверху сели обедать, и так князья окончили свои жизни») [Академическая, л. 233 об. –234, ст. 508]; близкое описание есть и у д'Оссона [D'Ohsson, p. 268]. Даже слова, избранные Хун Цзюнем, кажутся реминисценцией летописного описания.

[117] Как мы видели, согласно летописям, Михаил Черниговский погиб при бегстве к Днепру. Мы уже отмечали, что, вероятно, точная судьба князя не была известна на Руси, но гораздо логичнее кажется предположение, что к Джучи был отправлен киевский князь как самый высокопоставленный из захваченных князей. Иной выбор мог быть сделан только если киевский князь, например, был тяжело ранен – но крайне сомнительно, чтобы у Хун Цзюня могли быть столь точные данные, об источнике которых он бы при этом не сообщил. Вероятнее всего, в своём выборе Хун Цзюнь следует О. Вольфу, ссылающемуся на А. Гобиля [Wolff, s. 108], у которого, отметим, сообщается только имя казнённого Джучи русского князя – *Mitchisela* [Gaubil, p. 41]. Как видно, д'Оссон это сообщение А. Гобиля проигнорировал.

[118] Ср. с летописным: «а иных кнзеи гонѧчи до Днѣпра. ѕ. оубиша. (…) а иного воæ когождо десѧтыи прїиде. и Александръ Поповичь тꙋ оубиенъ быс съ инѣми. о. храбровъ» («а иных князей гнали до Днепра, шестерых убили (…), а из иных вои-

нов каждый десятый пришёл, и Александр Попович тут убит был с другими семьюдесятью храбрецами») [Академическая, л. 234, ст. 509]. Стоит отметить, что список «княжеских» потерь в летописях этим фрагментом далеко не исчерпывается – здесь перечислены лишь князья, убитые монголами при преследовании до Днепра (что не было учтено Хун Цзюнем). Эту фразу близко к тексту летописи пересказывает Н. М. Карамзин [Карамзин, с. 138–139], за которым следует О. Вольф [Wolff, s. 108]; д'Оссон в своём изложении опускает информацию о «70 храбрах» [D'Ohsson, p. 268–269], превратившихся у китайского историка в вельмож-*хоу*.

Латинские источники оценивают потери русских в цифру от 100 тыс., из которых 40 тыс. приходится на киевские полки, с пятьюдесятью князьями (Генрих Латвийский) до 200 тыс. русских и половцев (Риккардо). Увы, в сообщении C. de Bridia никаких численных оценок не содержится.

[119] История с походом Василько содержится в Лаврентьевской летописи, обрамляя почти всё изложение столкновения с монголами: «и послашасѧ в Володимерь к великому кнѧзю Юргю. сн҃у Всеволожю. просѧ помочи ɣ него wн же посла к ним҃ бл҃гочтиваго кнѧзѧ Василька сн҃овца своєго. Костѧнтиновича с Ростовци. и не оутѧну Василко прити к ним҃ в Русь (…) Се же слъшавъ Василко. приключьшеєсѧ в Руси. възвратисѧ w҃ Чернигова схраненъ Бо҃мь и силою крс҃та чс҃тнаго. и млт҃вою wц҃а своєго Костѧнтина. и стр҃ыѣ своєго Георгиѣ. и вниде в свои Ростовъ славѧ Ба҃ и сл҃ую Бц҃ю.» («и после во Владимир к великому князю Юрию, сыну Всеволода, прося помощи у него, он же послал к ним благочестивого князя Василька Константиновича, своего племянника из Ростова. И не сумел Василько прийти к ним на Русь (…). Тут услышал Василько о случившемся на Руси, возвратился от Чернигова сохранён Богом и силой честного креста, и молитвою своего отца Константина и своего дяди по отцу Георгия и вошёл в Ростов, славя Бога и святую Богородицу») [Лаврентьевская, л. 153 об., ст. 446–447]. Д'Оссон, вслед за Н. М. Карамзиным [Карамзин, с. 140], пишет об этом, но без упоминания имени Василька [D'Ohsson, p. 269]. Стоит отметить не вполне объяснимую форму транскрипции слова «Ростов».

[120] Здесь, кажется, Хун Цзюнь следует О. Вольфу, который пишет о «ungeheures Schrecken» («ужасающем страхе»), в котором пребывала вся Русь, перед лицом татарской угрозы уповавшая только на милость небес [Wolff, p. 109].

[121] Вероятно, Хун Цзюнь путает Новгород Святополчский (ныне городище Святополч близ села Витачёва Киевской области), чьё разорение упомянуто в летописи [Академическая, л. 234, ст. 509] и у д'Оссона [D'Ohsson, p. 269] и который гораздо ближе к Киеву, чем к Чернигову, с Новгород-Северским Черниговской области – в этом он следует О. Вольфу [Wolff, p. 109].

[122] Русские летописи молчат относительно сроков, в течение которых монголы оставались на Руси. Ибн ал-Асир датирует поход монголов на Булгар (последовавший после русской кампании) концом 620 г. хиджры (он завершился 23 января 1224 г.).

[123] Истоки информации об этом даре, видимо, стоит искать во второй биографии Субэдэя, где, впрочем, достаточно ясно сказано о десяти тысячах лошадей, преподнесённых Субэдэем Чингис-хану (естественно, с той оговоркой, что китайский язык позволяет понять «десять тысяч» как «десятки тысяч»). Данная же цифра одаривания, скорее всего, взята Хун Цзюнем у О. Вольфа [Wolff, p. 109], который, опираясь на совершенно неизвестные источники, не только даёт общую цифру, но и подробно расписывает, каких мастей были лошади, подаренные Чингис-ханом Джучи (20 тыс. – белые, а также в яблоках, рыжие и проч.), а вовсе не вернувшейся из похода армии Субэдэя и Джэбэ. Вообще же о наградах вернувшимся источники молчат – за исключением Абу-л-Гази, который, впрочем, по сравнению с О. Вольфом обидно неподробен.

[124] Не забываем, что перед нам биография именно Джэбэ.

[125] Об этом последнем походе Джэбэ против канглы, кажется, ничего не известно. Возможно, этот поход – попытка Хун Цзюня объяснить плохо укладывающуюся в общую картину информацию о походе на канглы в биографии Исмаила в «Юань ши» (хотя до того, как мы помним, он обвинял минских историков в том, что они по невежеству подставили в текст канглы вместо кипчаков). В принципе, данные биографии Исмаила в «Юань ши» позволяют предположить, что поход на канглы, взятие *Бо-цзы-ба-ли* и сражение с *Хо-то-сы*-ханом произошли независимо от предыдущего похода Джэбэ и Субэдэя.

[126] Существуют и иные, более поздние издания, например 1934 г., кажется, вышедшее под редакцией историка Мэн Сэня 孟森 (1869–1938) (по крайней мере, им написано предисловие) [МУЭШЦ 1934]. Издание это почти вдвое больше первого (несмотря на одинаковое количество глав), как в текст, так и в комментарии внесено множество изменений. Несмотря на то, что Мэн Сэнь утверждает, что все исправления и дополнения были сделаны с полным уважением к наследию покойного автора и во исполнение его желаний, у нас нет окончательной уверенности, что они последовательно и повсеместно отражают авторскую позицию, а не являются «лучшей версией Ту Цзи», из лучших побуждений созданной Мэн Сэнем более чем через десять лет после смерти автора. Поэтому нами было принято решение не принимать его во внимание, остановившись как на объекте анализа на первом, собственном издании Ту Цзи.

[127] Название может быть переведено и как «Записи об истории монголов», но мы полагаем, что в контексте историографии сочетание знаков *ши цзи* 史記 у подавляющей доли читателей должно было вызывать стойкую и однозначную ассоциацию с одноимённым трудом Сыма Цяня 司馬遷 (ок. 145 г. – ок. 86 г. до н. э.), основоположника жанра стандартной истории.

Отдельно отметим оригинальность Ту Цзи в вопросе выбора транскрипций.

[128] В примечании автор указывает, что эти события произошли зимой между годами *жэнь-у* и *гуй-вэй*.

[129] Знак *у* 兀 в позиции, где можно было бы ожидать *кэ* или *гэ* (*ци-бу-ча-у* 乞卜察兀 вместо *ци-бу-ча-кэ, мэн-у-эр* 蒙兀兒 вместо *мэн-гэ/гу-эр*) относится к авторским (или, возможно, диалектальным) особенностям цзянсусца Ту Цзи.

[130] В комментарии автор поясняет, что точной даты этого сражения источники не сообщают, но она должна была произойти весной или летом.

[131] В четвёртом знаке, скорее всего, ошибка резчика, должен стоять знак *ла* 剌.

[132] Здесь Ту Цзи использует наименование «Крыма», предложенное Хун Цзюнем. Трудно сказать, была ли у него также версия «Сокровенного сказания» с этим вариантом названия или он доверял предшественнику.

[133] В примечании Ту Цзи добавляет, что в обычном толковании (*су ши* 俗釋) – это горы Кавказ (*Гао-цзя-со шань* 高加索山).

[134] Как ни удивительно, несмотря на то, что история перехода монголов через Кавказский хребет подробно изложена Хун Цзюнем, Ту Цзи, упоминая Дербент, всё же выбрал исходную фантастическую версию о пробитии монгольскими войсками дороги через горы.

[135] В комментарии Ту Цзи отмечает, что видел на картах реку *Бу-гань* 布干 к северу от Дербента, и предполагает, что именно она может здесь называться рекой *Бу-цзу*. На современных картах такую реку нам найти не удалось, но на дореволюционных река Бугань и правда имеется (см. [Орографическая]).

[136] В комментарии автор поясняет, что *Ми-чи-ти* – это имя, а *Сы-лао-фу* – фамилия.

[137] Вероятно, опечатка – *ван Ха-ли-чи* вместо просто *Ха-ли-чи*.

[138] В комментарии Ту Цзи поясняет, что по-русски *но-вэй-чи* означает «сын такого-то», так что один Мстислав был сыном *Ло-му*, а другой – *Сы-ва-то*. Нельзя не отметить, что Ту Цзи, конечно, гораздо менее чуток к иноземным словам (особенно, кажется, русским), чем Хун Цзюнь, – в его транскрипциях гораздо больше ошибок.

[139] Источники такого именования Юрия / Георгия / Гюргия, вероятно, стоит искать в первой биографии Субэдэя из «Юань ши» – там под годом *синь-чоу* 辛丑 (13.02.1241–1.2.1242) рассказано о разгроме и захвате Субэдэем (вероятно, во время великого Западного похода монголов) довольно загадочного «главы области *у-лусы* (русских. – *С.Д.*) Е-ле-бань» (*у-лу-сы бу чжу Е-ле-бань* 兀魯思部主也烈班) [ЮШ, цз. 121, с. 235]. Е. И. Кычанов полагает, что речь идёт о Данииле Романовиче Галицком [Кычанов 1999, с. 165–167], – вероятно, именно необходимость в данном случае считать, что в китайской транскрипции отражено не имя, а отчество русского князя, привело его и к тому, чтобы видеть в описании битвы на Калке «Мстиславичей». В любом случае *Е-ле-бань* не имеет никакого отношения к событиям 1223–1224 г. и указывает лишь на ещё одну гипотезу Ту Цзи, который, видимо, хотел сделать *Е-ле-баня* 1241 г. несколько более фундированным и понятным читателю персонажем.

[140] У Хун Цзюня всё это приписывается Мстиславу Удатному. Возможно, изменения сделаны ради обоснования отправки к Джучи и казни именно Мстислава Черниговского.

[141] Как видно, Ту Цзи считает это названием двух городов, а не одного.

[142] В комментарии Ту Цзи указывает, что Чингис-хан наделил сыновей уделами только на двадцатом году правления (1225), так что сообщение Хун Цзюня слишком поспешно.

[143] Напомним, что в биографии Джэбэ Ту Цзи выбрал иную версию перехода монголов через Кавказ.

[144] В комментарии Ту Цзи соотносит Крым с Чёрным Лесом (*Хэй-линем*) биографии Исмаила из «Юань ши». Кажется, именно ему впервые пришла в голову эта прекрасная идея.

[145] Отметим предлагаемую автором смену ролей.

[146] В комментарии Ту Цзи указывает, что это то же самое, что *Хай-эр-сан*, – таким образом, он соглашается с мнением Хун Цзюня, хотя и не упоминает его (несколько презрительно именуя, как и всех прочих предшественников, «старыми повествованиями» (*цзю чжуань* 舊傳); трудно в этой связи не отметить ещё раз, насколько Хун Цзюнь отличается от своих коллег по цеху – как минимум пониманием важности точности отсылки).

[147] В комментарии Ту Цзи добавляет, что канглы, вероятно, жили у северо-восточных берегов Каспия. Как видим, здесь, совершенно не смущаясь противоречием самому себе, автор не упоминает ни о какой второй экспедиции Джучи против канглы.

[148] Отметим иную, чем в остальных главах труда Ту Цзи транскрипцию, повторяющую «Юань ши».

[149] Фраза может быть понята как утверждение, что к Джучи были отправлены оба князя. В принципе, текст биографии Исмаила в «Юань ши» может допускать такое толкование, хотя отсутствие маркера множественности отправленных к Джучи князей-тёзок несколько странно.

[150] Как видно, и Кэ Шао-минь не отвергает возможности отправки Джучи нескольких пленных князей.

[151] Этот приказ Кэ Шао-минь относит к 15-му году правления Чингис-хана (1220) [СЮШ, цз. 3, с. 377].

[152] Могулистан – название прежде всего современного северного Синьцзяна и окрестностей во времена правления там чагатаидской династии – в XIV–XVII вв. Во времена Чингис-хана, насколько нам известно, термин ещё не существовал.

[153] Этот фрагмент добавлен Кэ Шао-минем прежде всего для того, чтобы указать, что поход полководцев против кипчаков был частью общего плана среднеазиатской кампании и именно их успех должен был стать венцом всей войны в регионе. Это несколько поднимает статус похода, который обычно описывается как своего рода разведка боем, во многом собственное решение Джэбэ и Субэдэя.

[154] Отметим, что здесь Кэ Шао-минь более чётко выражает своё мнение касательно количества пленённых и доставленных Джучи князей, а также аккуратно обходит вопрос о помощи, направленной Джучи двум полководцам в ходе похода.

[155] Интересно, что этот назидательный сюжет из «Юань ши» не заинтересовал никого из предшественников Кэ Шао-миня.

[156] Как видим, автор противоречит сам себе – или неправильно понимает значение термина Могулистан.

[157] Нельзя не отметить, что Кэ Шао-минь следует за Хун Цзюнем даже в необъяснимой вариативности именования Котяна.

[158] Как видим, Кэ Шао-минь принял предположение Ту Цзи, отождествляющее Крым с Чёрным Лесом в биографии Исмаила в «Юань ши».

[159] В данном случае, в отличие от предыдущего, Кэ Шао-минь исправляет ошибку Хун Цзюня в транскрипции имени Котяна.

[160] Здесь Кэ Шао-минь следует Хун Цзюню и не упоминает о возможной отправке Джучи двух князей, о чём прямо говорил в других главах.

[161] Здесь, буквально повторяя за Хун Цзюнем, Кэ Шао-минь не ошибается в именовании городов – в отличие от биографии Джэбэ.

[162] Замечательный французский китаевед Леон Вигер (Léon Wieger, 1856–1930) прославился увесистыми томами переводов самых разнообразных исторических, философских и религиозных текстов – не всегда, впрочем, так уж близких к оригиналам.

[163] Стоит отметить, что это, возможно, ещё один аргумент в пользу домонгольского (тюркского) происхождения этого топонима.

[164] С изрядной долей спекуляции можно предположить, что это же название, но в другой иероглифической транскрипции, могло стать заголовком стихотворения Елюй Чжу – хотя, увы, рассказы о походе, отразившиеся в «Юань ши», не оставляют впечатления, что именно сражение с русскими особенно запомнилось его участникам. Впрочем, по сообщению C. de Bridia можно составить и иное представление об этом.

[165] При этом нельзя не отметить, что подобное удавление без пролития крови в целом вполне может найти параллели в монгольской традиции – проливать кровь, согласно монгольским верованиям, не следовало даже при убое скота. Однако такое «попадание» может объясняться не осведомлённостью о судьбе пленных, а просто знанием традиций противника, что не так уж невероятно.

ORCID: 0000–0001–8907–250X

А. В. Акулич[*]

«Применительно к местным условиям государственной и гражданской жизни китайцев»: празднования лунного Нового года и Пасхи в период расцвета православного миссионерства в Китае (1900–1917 гг.)

Аннотация. В статье приводится сравнительный анализ адаптаций православного праздника Пасхи и китайского праздника лунного Нового года для китайской православной общины в период её бурного развития в 1900–1917 гг. Эти празднества не только удовлетворяли духовные потребности православных китайцев, но и стремились создать положительный образ православной общины и религии с целью привлечения новых слушателей. Особый акцент делается на роли китайского православного клира.

Ключевые слова: Китай, православная миссия, Иннокентий Фигуровский, Бэйгуань

Anastasiia V. Akulich[**]

«Fitting the Local Conditions of the Official and Civic Life of the Chinese»: Celebrations of the Easter and the Lunar New Year in the Heyday of the Orthodox Christian Mission in China (1900–1917)

Abstract. The article contains the comparative analysis of the adaptation of the Christian Orthodox holiday of Easter and the Chinese holiday of the Lunar New Year for the Chinese Orthodox Christian community in the

[*] ***Акулич Анастасия Владимировна***, аспирант исторического факультета Манчестерского университета (Манчестер, Великобритания), anastasiia.akulich@manchester.ac.uk

[**] ***Akulich Anastasiia Vladimirovna,*** Ph. D. Candidate, History Department, The University of Manchester (Manchester, Great Britain), anastasiia.akulich@manchester.ac.uk

© Акулич А. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

period of its rapid development in 1900–1917. These celebrations not only met the religious and cultural demands of the Orthodox Chinese Christians, but also aimed to communicate a positive image of the Orthodox community and religion to their non-Christian neighbours to attract new audiences. Particular attention is paid to the role of the Chinese Orthodox clergy.

Keywords: China, Orthodox Christian mission, Bishop Innokentii Figurovskii, Beiguan

«В Китае новолетие празднуется с такой же, если не с большей, торжественностью, как у нас в России Пасха. Не только всякая работа и торговля прекращается, но и приостанавливается даже движение поездов и пароходов. Большинство китайцев проводит ночь на 1-е число 1-го месяца во бдении и уже с 12 часа ночи начинается торжественное празднование нового года, – поклонение Небу, пускание ракет, сожжение фейерверков, поздравления между чиновниками, поклонение таблицам предков и проч. Наши христиане, само собой разумеется, не могут не праздновать своего гражданского праздника, но необходимо устроить так, чтобы это празднование было для них освящено и проникнуто духом церковности» [РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 8013, л. 1–2].

В рапорте, поданном в Синод 22 января 1908 г. по старому стилю (4 февраля 1908 г. по новому стилю), глава Российской духовной миссии в Китае епископ Иннокентий (Фигуровский, 1863–1931)[1] сравнил два ключевых для православных китайцев праздника – Пасху и Новый год по традиционному календарю. Он также описал проблему адаптации китайского праздника Нового года для китайских верующих, желавших просить высшие силы о благополучии в наступающем году в форме, не противоречащей православному учению. В изучении процесса адаптации особого внимания заслуживает период 1900–1910-х гг., когда небольшая православная китайская община увеличилась более чем в десять раз. Данная статья содержит некоторые предварительные наблю-

[1] Епископ Иннокентий (Иннокэньтии Фэйгулофусыцзи 英諾肯提乙 • 費古羅夫斯基, в миру – Иван Аполлонович Фигуровский) – миссионер, выпускник Санкт-Петербургской духовной академии, 18-й глава Пекинской духовной миссии в 1896–1931 гг., титулярный епископ Переяславский в 1902–1918 гг., епископ Пекинский и Китайский в 1918–1921 гг., с 1921 г. – архиепископ, с 1928 г. – митрополит.

дения о данном процессе, а также сравнение его с празднованием православного праздника Пасхи в этой миссии.

Проблема адаптации христианских религиозных практик к китайской среде сейчас особенно актуальна. Возрождение христианства в Китае с начала реформ 1980-х гг. дало повод для многих социологических, религиоведческих и исторических исследований. Притом в ответ на работы Пола Коэна [Cohen 1984] фокус исследовательского внимания сместился с миссионеров на китайцев-христиан и священников. Потому стали особенно интересны процессы адаптации и китаизации христианства. Например, профессор Бостонского университета Юджению Менегон описал локализацию католического христианства в юго-восточной китайской провинции Фуцзянь начиная с прибытия туда иезуитов в конце XVI в. [Menegon 2009]. Николас Стандаэрт описал конкретно смешение китайской и католических традиций в отношении похорон в период до спора о китайских ритуалах поклонения предкам и Конфуцию. Хотя ни похороны, ни поклонение предкам не имеют прямого отношения к теме данной статьи, модель межкультурного общения, предложенная Стандаэртом [Standaert 2008], в некоторой степени повлияла на анализ, изложенный далее. В 2017 г. вышел сборник статей по теме китаизации христианства под редакцией профессора Манчестерского университета Чжэн Янвэнь 郑扬文 [Zheng 2017]. Сборник рассматривал данную проблему с точки зрения и католической, и протестантских христианских конфессий. К сожалению, православное христианство в этом сборнике не было представлено. В нём также не было дискуссий об обрядовой стороне христианства, изучение которой особенно важно, так как в исторических источниках религиозные взгляды большинства православных китайцев не представлены, но их религиозное поведение может и должно быть изучено.

В русскоязычной историографии о проблемах приспособления христианства к китайским условиям писал А. В. Ломанов [Ломанов 2002]. Л. А. Афонина описала поминовение православных китайцев, убитых во время Ихэтуаньского движения (*Ихэтуань юньдун* 義和團運動) в 1900 г. [Афонина 2017; Афонина 2021; Afonina 2018]. Афонина подробно сравнивала поминовение пра-

вославных жертв ихэтуаней с празднованиями дней святых в православии, чтобы продемонстрировать, что китайские мученики не были канонизированы в начале XX в, хотя миссионеры и выражали на это свои надежды [Святые мученики 1911, с. 18]. Процесс их канонизации и Русской православной церковью, и Русской православной церковью за границей начался только в 1990-х гг. [Афонина 2017]. Работы Афониной представляют огромное значение для истории китайской православной общины; однако в начале XX в. День всех святых мучеников православной церкви, установленный для поминовения китайцев, не праздновался за пределами Пекина, потому на этом примере невозможно говорить об адаптации этого праздника к условиям китайской православной общины. Дискуссия об адаптации возможна для таких важных праздников, как православная Пасха и китайский Новый год.

Данная статья представляет собой сравнительный анализ адаптации двух этих праздников. Анализ будет проведён с учётом контекста бурного развития миссионерского движения и христианства в Китае 1900–1910-х гг., описанного такими историками, как Д. Х. Бэйс, Р. Данч и В. Г. Дацышен [Дацышен 2007; Bays 2011; Dunch 2011]. Кровавые события 1900 г. не остудили миссионерский пыл протестантских, католических и православных проповедников. Несмотря на опасливое отношения дипломатических миссий к активному прозелитизму[2], это был период бурного развития китайского христианства и участия китайских христиан в обсуждении реформ и обновления политического режима, экономической системы и сферы образования в Китае. Протестантские и католические проповедники участвовали в открытии первых китайских университетов, распространяли знания о современных научных исследованиях, экономических, политических

[2] Например, агент министра финансов С. Ю. Витте (1849–1915) на Дальнем Востоке действительный статский советник Д. Д. Покотилов (1865–1908) с опасением писал об активной деятельности русского епископа. Его поддерживал и министр иностранных дел Российской империи граф В. Н. Ламздорф [РНБ. Ф. 1457, оп. 1, д. 218, л. 3, 4]. Агенты британской короны в Китае также скептически отзывались об активном прозелитизме и даже считали включение прав европейцев на миссионерскую деятельность в международные договоры ошибкой, утверждая, что населения Китая к христианству склонности не имеет, а активный прозелитизм только вызывает международные конфликты [Young 1970, с. 232–235].

и образовательных практиках в Китае. Христиане-китайцы проявляли себя в современных сферах профессиональной деятельности, таких как западная медицина, наука, местное самоуправление и образование. Некоторые из них не понимали нужды в разделении христиан на конфессии и пытались найти случаи для межконфессионального общения, которые будут рассмотрены подробнее ниже. Лунный Новый год в 1908 г. предоставил подобный случай.

В январе 1908 г. китайцы – проповедники православной миссии в Пекине в Бэйгуань 北館 (Северное подворье) получили приглашение посетить празднование Нового года в пекинском отделении Американской протестантской миссии (American Board of Commissioners for Foreign Missions). В приглашении говорилось, что празднование должно продемонстрировать добрые отношения между китайцами-христианами разных конфессий. Православные миссионеры так прокомментировали данное приглашение:

«Христиане китайцы, постоянно увеличивающиеся в числе, сознают уже себя силой, которая сплотившись могла бы дать серьёзный отпор неприязненным действиям нового язычества, индифферентизма китайской интеллигенции и чиновничества. В виду этого среди китайцев христиан различных исповеданий и фракций возникла мысль вступить на путь единения, определяемый единством интересов – самозащиты и осуществления евангельской заповеди о единении верных. В самом деле, для китайца не существует исторических оснований для разделения исповеданий и совершенно непонятно для них, как люди с одним и тем же Евангелием в руках могут идти далеко не одним и тем же путём и даже во многом быть непримиримыми врагами. <…> Пресвитерианская фракция Американской миссии в Пекине составили программу для собрания представителей христианских обществ, на коем они хотя бы один раз в году один час провели вместе, чем показали язычникам, что имеют общение между собою и, таким образом опровергли бы ложное мнение будто бы христиане различных исповеданий и фракций менее дружны между собою, чем христиане с язычниками» [Новый год у китайцев христиан 1908, с. 2].

Таким образом, это новогоднее собрание имело своей целью усилить межконфессиональные связи между китайцами-христи-

анами и продемонстрировать эти связи их соседям других вероисповеданий. Выбор Нового года для этой единственной в году встречи не случаен. Новый год в Китае был временем не только празднований, семейных собраний и фейерверков, но также и утверждения связей между дальними родственниками, соседями и коллегами. Первые дни нового лунного года были наполнены визитами младших к старшим родственникам, подчинённых к начальникам, друзей и коллег друг к другу [Doolittle 1876, с. 203–210; Smith 1899, с. 200–210; Johnson 2009, с. 62–63, 90–91]. Визиты эти носили настолько поголовный характер, что даже русские миссионеры не могли избежать участия в них. Миссионерское издание давало советы новым миссионерам, как вести себя во время подобных визитов: «В самый день нового года можно лишь обменяться визитными карточками, а видеть хозяина дома едва ли удастся европейцу по причине большого количества визитёров, а также не советуется и потому, что в этот день у китайцев принято делать поклонение старшему и это поклонение (троекратное) совершается языческое с характером обоготворения человека» [О поздравлениях и подарках 1909, с. 29–30].

Как следует из этой заметки, русские миссионеры не возражали против участия в новогодних поздравлениях, но не принимали участия в тех их элементах, которые они считали «языческими». Опубликованная несколькими годами позднее заметка опять повторяет данный тезис:

«13-го Января по ст. стилю китайцы справляли наступление нового года; в этот день ученики в школах и рабочие китайцы были освобождены от учебных занятий и работ. Литургия началась позже обыкновенного, в 8 час. утра, так как китайцы по обычаю проводили эту ночь в бодрствовании. К литургии пришло много православных китайцев, как проживающих в Миссии, так и посторонних; все в праздничных одеждах; многие из них ставили свечи перед иконами Спасителя и Божией Матери. После литургии о. Наместник служил соборне новолетний молебен частью на китайском языке, частью на славянском. Заметно было повышенное, радостное настроение китайцев. Христиане-китайцы, конечно, привыкли уже справлять христианские праздники. В новый год

христиане-китайцы не исполняют, конечно, языческих религиозных обычаев, но считают своим долгом посетить родных и знакомых с поздравлениями и пожеланиями счастья» [Из жизни миссии 1914, с. 17].

Православные миссионеры стремились разделить эти два элемента новогоднего празднества и заменить «языческий» православным. Епископ Иннокентий подавал рапорт в Синод как раз для благословения перевести новолетний молебен на китайский язык. При этом, как описывал сам начальник миссии, подобный молебен уже несколько лет подряд служился в Китае на церковнославянском языке:

«Я не мог собрать точных сведений о том, как наша миссия относилась к этому ранее, до моего назначения в Китайскую миссию, но, кажется, отношение это было неодинаково и совершенно безразлично. Мною было заведено обыкновение совершать в этот день торжественное богослужение с молебном, и церковь всегда была полна молящихся и это был почти единственный день, в который христиане имеют обычай ставить свечи к иконам. Но меня всегда смущало несоответствие молебных прошений с тем положением, в котором находится наша православная община в Китае, поэтому, и имея в виду то, что наше духовенство из китайцев хорошо понимает по-славянски, в настоящем году я хотел отменить служение новогоднего молебна и ограничиться только соборным служением литургии. Христиане остались этим очень недовольны и просили меня о том, чтобы молебен неотложно совершался, на что я не мог, конечно, не дать своего согласия» [РГИА, ф. 189, оп. 189, д. 8013, л. 1–2]. На этих основаниях преосвященный Иннокентий просил разрешения перенести молебен, положенный на новолетие, на китайский Новый год, перевести его на китайский язык, а также внести в текст молебна изменения «применительно к местным условиям государственной и гражданской жизни китайцев» [РГИА, ф. 189, оп. 189, д. 8013, л. 2].

Ответ на рапорт начальника пекинской миссии был отрицательным. Члены Синода не нашли возможным перенести службу и поручили главе Пекинской миссии любые предлагаемые в службе изменения предоставить на одобрение [РГИА, ф. 796,

оп. 189, д. 8013, л. 3]. Несколько последующих лет миссионерская газета не печатала описаний новогодних празднеств среди православных китайцев. Однако в 1914 г. в рубрике «Хроники церковной жизни» была напечатана заметка, процитированная ранее [Из жизни миссии 1914, с. 17]. Возможно, в это время шёл процесс перевода службы на китайский язык, а также обсуждения её со Святейшим Синодом, получения одобрения на перенесение новогодней службы на китайский Новый год. К сожалению, автор этой статьи следов такой переписки ещё не нашла. Также существует вероятность, что эти шесть лет новогодние богослужения проходили, но не упоминались в рапортах, а потому члены Синода о них просто не знали.

Особенно интересным в этой ситуации кажется положение православных священников – подданных Поднебесной империи. Их в это время в миссии было немного. Первый священник «из китайцев» священномученик Митрофан Ян Цзи 楊吉 (1855–1900) был убит во время Ихэтуаньского восстания в июне 1900 г. Его сын отец Сергий Чан Фу 常福 (1880–1937) был рукоположен в 1904 г. и служил в этот период в Пекине. Отец Сергий часто произносил воскресные и праздничные проповеди и поучения, навещал пекинских христиан по главным праздникам, исповедовал и причащал их [Сяо 2007, с. 213; Сяо 2008, с. 170]. Отец Михаил Тан Юнфу 唐永福 (?–1918) был рукоположен в 1908 г. и окормлял приход в Юнпинфу 永平府, на северо-западе столичной провинции Чжили 直隸. Отец Михаил Ло Минчжи 羅明志 (1883–1957) был также рукоположен в 1908 г. и служил в городе Тунчжоу 通州 (теперь район Пекина). Кроме того, в миссии было два китайца-дьякона: Фёдор Ду Жуньчэнь 杜潤臣 (1886–1965)[3] и Василий Ду Ханьчэнь 杜韓臣. Первый китаец-монах Иннокентий (в миру Иван Фан 范 (Фань)), сын катехизатора Иннокентия Фана, также убитого в 1900 г., принял постриг в 1905 г. и стал иеродьяконом в 1907 г. В женской общине первой китаянкой-инокиней стала монахиня Фива (в миру Пелагея Ло Шучжэнь 羅淑貞; 1880–1957), сестра отца

[3] Также иногда упоминается в источниках как Фёдор Дэ, потому что происходил от русских казаков Дубининых, которые переводили свою фамилию на китайский как Дэ 德 или Ду 杜. В 1950–1965 гг. – епископ Симеон Шанхайский.

Михаила Ло Минчжи, принявшая постриг в декабре 1905 г. В миссии также служили многие китайцы-катехизаторы и учителя. В 1907 г. было открыто катехизаторское училище, в которое набирали лучших учеников из школ в Пекине, Шанхае и Вэйхуэйфу 衛輝府 в провинции Хэнань. Миссионеры говорили, что китайцы-священники хорошо знали русский и церковнославянский языки, значительная часть преподавания велась на русском языке монахами – членами миссии.

Отец Сергий, наиболее старший и опытный из китайцев-священников, представлял православных христиан на новогоднем собрании в пресвитерианской миссии. Православные миссионеры об этом писали так: «От православных китайцев Священник о. Сергий Чан прочитал приветствие, им самим искусно составленное из трилогий стихами. Основная мысль его та, что для нас, служителей Нового Завета, всё должно быть вечно ново, не будем стариться… Нужно испытать по Евангелию – как стереть старый налёт, чтобы обнаружить пред целым миром истину нашей веры. К этому о. Сергий присовокупил поздравление с новолетием Китайскому Императору, и всему собранию, а певчие пропели несколько концертных вещей» [Новый год у китайцев христиан 1908, с. 4–5]. Поздравление отца Сергия, китайское по форме и христианское по содержанию, в миниатюре передаёт то понимание празднования Нового года по лунному календарю, которое описывал в своём рапорте преосвященный Иннокентий. При этом представляется особенно важным, что такое сообщение было передано именно священником-китайцем. Китайцы были в большинстве на этом новогоднем собрании, и таким образом христианство приобретало менее иностранные формы. Китайцы-священники при этом обретали большую субъектность и даже некоторую независимость от их русских начальников. Например, в тот же Новый год русский посланник отдельно поздравил православное китайское духовенство и лично встретился с его представителями [Хроника церковной жизни 1908].

Такое повышенное внимание к китайскому духовенству может быть объяснено его возрастающим значением для православного миссионерства в данный период. Православная община

в Китае росла, а русского духовенства прибывало немного; многие из них, приехав и пробыв в миссии только короткое время, снова уезжали в Россию. Приехав в Пекин, русский миссионер должен был выучить китайский язык, что для многих оказывалось крайне сложной и даже невыполнимой задачей. Часто причиной трудностей в изучении китайского языка назывался возраст. Уже с конца XVIII в. миссионеры говорили о необходимости посылки в Пекин молодых и образованных миссионеров, способных к изучению языков [Головин 2013, с. 114]. Такие же требования к будущим миссионерам предъявлял и тогда ещё архимандрит Иннокентий (Фигуровский) в своём первом отчёте о состоянии пекинской миссии в 1897–98 гг. [РНБ, ф. 1457, оп. 1, д. 218, л. 3–4]. Недаром вскоре после приезда Фигуровского в миссию многие старые миссионеры, не способные или не желающие выполнять амбициозные миссионерские задачи, поставленные перед ними новым начальником, предпочли уехать из миссии. Архимандрит Иннокентий требовал от миссионеров не только тщательного изучения китайского языка, но также и сдачи обязательного экзамена по этому предмету.

Однако к середине 1900-х гг. требования начальника миссии по изучению китайского языка русскими миссионерами несколько снизились. В открытом письме «К русским инокам», опубликованном в «Китайском благовестнике», православном журнале «Колокол» и нескольких других православных изданиях и предлагавшем монахам присоединиться к миссии, писалось: «Не надо непременно учить китайский язык, не надо непременно говорить поучения, даже не надо домогаться священного сана, есть проповедники, есть и учителя, есть и священники из туземцев, но везде есть недостаток хорошей жизни, сердечного руководства, хозяйского наблюдения, наконец молитвы непрестанной, благоговения, послушания, терпения» [К русским инокам 1911, с. 8]. Из этого заявления можно сделать два вывода. Во-первых, на руководящие должности миссионеры всё ещё предпочитали приглашать русских монахов. Во-вторых, такие прикладные части миссионерской работы, как преподавание в школах и поучения, всё больше доверялись китайским священникам, катехизаторам и учителям.

В отличие от большинства их соотечественников китайцы-священники понимали текст славянской литургии и потому, как и русские монахи, знали о несоответствиях содержания молебна с положением православной общины. Эти несоответствия, вероятно, были вызваны перенесением службы с одного времени года на другое. При этом для них как для китайцев было важно в новогодний период просить высшие силы о благополучии своей семьи в наступающем году. Китайцы, не принадлежавшие к христианским конфессиям, в это время года жгли фейерверки и петарды, чтобы отпугнуть злых духов, приносили жертвы в форме еды и специальных бумажных денег предкам и богам богатства [Из жизни миссии 1914, с. 17; Feuchtwang 2003, с. 55–56; Johnson 2009]. Женщины часто молились бодхисаттве Милосердия Гуаньинь 觀音 о рождении детей. Христианам участвовать в подобных ритуалах возбранялось. Но как же им тогда было отгонять болезни и с надеждой смотреть в наступающий год? Вероятно потому они так настойчиво и просили преосвященного Иннокентия, чтобы молебен обязательно был проведён. Возможно, конечно, что епископ Иннокентий просто использовал такой риторический приём, чтобы сделать свою просьбу более убедительной. Однако представляется сомнительным, что он так старался перевести службу для праздника, не имевшего для него самого как для русского такого глубокого культурного значения, как для китайцев.

Праздником, имевшим чрезвычайное значение для русских миссионеров, была Пасха. Этот важнейший из всех православных праздников, конечно, отмечался в Пекине со времён основания там православной миссии. С разрастанием православной миссии в начале XX в. празднование православной Пасхи среди китайцев достигло небывалых масштабов, сравнительно с предыдущими периодами жизни миссии. Тем не менее миссионеры всё ещё старались отпраздновать её так, как они бы делали это дома, в России. Например, в заключении описания пекинской Пасхи 1910 г., миссионер писал: «Так отпразднована в сем году Пасха в отдалённом Китае. Отраднее всего русскому сердцу то, что сии великие дни праздновали так, как и в России» [Пасха в Китае 1910, с. 24]. Подобные ассоциации вызывали в миссионерах ностальгические

чувства и разговоры. В 1913 г. член миссии иподьякон Владимир Спасский (1884–?) так описывал разговор за разговением: «За обедом чувствовалась простота обращения и любовь Владыки и братии, все непринужденно делились своими воспоминаниями о далёкой нашей родине и радовались, что Господь привёл так прекрасно и торжественно встретить сей великий праздник в далёком языческом Китае, где уже идолопоклонство ослабело и померкло перед светом Христианского учения» [Спасский 1913, с. 6–7]. Пасха, конечно, праздник не только русский, но общехристианский, а потому международный. На празднование Пасхи на станциях миссии в Шанхае, Пекине и Бэйдайхэ 北戴河 приезжали не только русские и китайцы, но также греки и сербы [Встреча Пасхи в Китае 1912; М. К. 1906; Олейников 1905; Отделение Пекинской духовной миссии в Шанхае 1904].

В 1905 г. семнадцать греков приехали на празднование Пасхи в архиерейскую резиденцию в местечке Цзиньшаньцзуй 金山嘴 неподалёку от популярного морского курорта Бэйдайхэ. Место это было куплено главой миссии в конце 1890-х гг. вскоре после его возвращения из Японии. Морской климат Бэйдайхэ считался более благоприятным для здоровья, чем пыльный Пекин, а потому курорт был популярен среди иностранных миссионеров. В резиденции были разбиты сады, огороды, построена церковь. Смотреть за церковью был нанят китайский сторож по фамилии Тан. В 1900 г. во время Ихэтуаньского восстания миссионерская станция была разрушена, а сторож с двумя сыновьями убежали. Однако восстановительные работы в Бэйдайхэ были начаты ещё до отъезда главы миссии в Петербург за средствами для более масштабных восстановительных работ. Руководить работами из Пекина был послан послушник Григорий Олейников, который в 1904 г. принял постриг с именем Христофора.

О приезде греков из Шаньхайгуаня 山海关 в Бэйдайхэ монах Христофор писал так: «Светлое Христово Воскресение мы встретили и провели весьма радостно. Кроме православных китайцев, которых прибыло к празднику Пасхи более 10 человек, к нам приехало ещё греков 17 человек. Я весьма был обрадован приездом китайцев и греков из Шаньхайгуаня. С Божьею помощью

всё устроилось хорошо, разместил я как китайцев, так и греков на кратковременный отдых в разных помещениях. В 6 часов вечера начался звон и в церковь собрались все приехавшие богомольцы. Надев мантию, я, после обычной молитвы, начал читать Деяния Св. Апостолов, а затем чтение передал Грекам, которые читали попеременно с китайцами, так что чтение, то было по-гречески, то по-китайски и продолжалось до 12-ти часов ночи. В 12 часов я облачился в стихарь и дал иконы некоторым грекам и китайцам, и все отправились с крестным ходом вокруг церкви» [Олейников 1905, с. 22]. Таким образом, в церковной службе и китайцы, и греки, и русское духовенство принимали активное участие вместе, создавая возможность для общения на религиозной почве.

После службы и разговения такое общение и случилось: «После обеда был чай, на который были приглашены и православные китайцы. Ко мне обратился учитель Пётр Тын с вопросом по церковной практике: – Почему греки покупают свечи, ставят на подсвечники, держат в руках и даже давали некоторым китайцам, а православные китайцы этого не делают? Я вкратце сказал, что при крещении каждого китайца мы учим также о свечах, даём понятие о них, – что свечи служат символом нашей чистой жертвы Богу и как горящая свеча должны гореть наши сердца к Богу… Но китайцы всё забывают <…> Тогда Пётр Тын сказал китайцам: вот мы все видели, как поступают православные и когда приходят в церковь, – что делают, так и мы, китайцы, принявшие православие, должны поступать подобно грекам, затем указал, что греки не пользуются во время своего приезда от нас разными удовольствиями, а напротив, как вы сами видите, привезли с собой всё, даже и нам дают гостинцы, – в этом-то и заключается любовь христианская» [Олейников 1905, с. 23]. Следует отметить, что православная миссия в Китае имела собственное свечное производство и даже поставляла свечи православным пленным в Японию во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. Во время крестных ходов и похоронных процессий и русские, и китайцы обычно держали в руках зажжённые свечи. Православные китайцы, как было упомянуто выше, также зажигали свечи в церкви на лунный Новый год, вероятно имитируя традицион-

ное сожжение благовоний, запрещённое для христиан. Однако практика зажигания свечей во время молитвы в другое время не была распространена среди православных китайцев, в отличие от православных русских и греков. Православная Пасха создала случай для международного общения, дала возможность православным китайцам сравнить и дополнить свой репертуар православных обрядовых действий, мотивировала разговор о христианской этике.

Однако некоторые православные в Китае праздновали Пасху слишком далеко от своих соотечественников. В таких случаях ностальгия могла легко превратиться в хандру. Художник миссии, уроженец Новгородской губернии послушник Фёдор Власов (1870–?) так писал из Вэйхуэйфу в провинции Хэнань: «Последний день великого поста. Страстная суббота. В России в этот день усиленно готовятся к пасхе: запекают окорока, пекут куличи, готовят пасхи, красят яйца и проч.; в церквах торжественное богослужение. Я несколько раз тяжело вздохнул, вспомнив эти радостные дни в России, а я вот здесь, в глуши Китая, один с китайцами встречаю Воскресшего Христа!

Вот уже восьмой месяц, как я откомандирован сюда и восьмой месяц не видал ни одной души русского народа; кажется, не по мне была эта должность – грустная, тяжёлая, среди буддизма дикого народа. Я новоначальный послушник, недавно отстал от мира, где привык к разгульной жизни, а теперь сразу забит в самую глубь буддизма, не успев получить подготовки. Чувствую, что это дело не моё, это дело монаха-ревнителя, миссионера. Но, увы!.. миссионеров здесь нет! Миссионеры все в России проповедуют Христа среди христиан, среди русских, на своём языке, при полных удобствах жизни. Там и карета удобнее, и лошадь хорошая, и пища, и кров, всё приличное…» [Власов 1909а, с. 16–17]. Миссионер Власов оказался сильнее в своей вере и способнее к прозелитизму, чем он сам о себе думал. Спустя несколько лет он принял постриг с именем Смарагд и продолжил активную миссионерскую деятельность [Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии 1912, с. 2–4], да и православная община в Вэйхуэйфу развивалась достаточно успешно.

Спустя несколько лет его коллега иеродьякон Иннокентий писал о Пасхе в Вэйхуэйфу со значительно большим энтузиазмом: «5-го Апреля сего года собрались к нам на подворье наши православные христиане, человек около пятидесяти, и наши ученики, приблизительно в том же числе, встречать св. Пасху. В субботу днём мы украсили церковь бумажными фонарями. Все были одеты в праздничные одежды, а ученики – в чистенький кафтан и коричневый жилет; у всех почти одинакового покроя и цвета. На клиросах певчие были в полном сборе – около двадцати человек. Служба началась ровно в двенадцать часов ночи. Сначала мы обошли кругом церковь с крестным ходом, с пением "Воскресение твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небесех". Я был в стихаре, с кадилом, крестом и трёхсвечником в руке, а народ был со свечами. В это время пускались ракеты» [Фан 1914].

Причина унылого настроения Власова может быть объяснена его следующим опубликованным письмом: «От постной пищи в великом посту я немного приболел и пришлось обратиться к доктору. Доктор здесь есть только в английской миссии. Я туда и отправился» [Власов 1909b, с. 19]. Миссионеры разных миссий находили, что китайская пища плохо усваивалась их организмом. Английские миссионеры-медики часто рекомендовали козье молоко для восстановления здоровья, потому многие миссии держали козу. И православным, и католическим миссионерам сложнее всего приходилось во время поста. Некоторые католические миссионеры даже отказывались держать пост, говоря, что это невозможно в китайских условиях. Их миссии в таких случаях указывали на китайцев-буддистов, следовавших вегетарианской диете круглый год.

Отношение к вегетарианству и конкретно к китайскому религиозному вегетарианству у миссионеров было неодинаковым. Ранние католические миссионеры считали, что неофитам следует от вегетарианства полностью отказаться как от символа их прежней веры. В их отчётах XVII в. описывались споры с буддистами, в которых они доказывали, что у животных, в отличие от людей, нет души и созданы они были для употребления в пищу, а потому их убийство не греховно [Brockey 2008, с. 132–133, 299, 313]. Неко-

торые миссионеры даже требовали от новообращённых китайцев-католиков доказать их отказ от буддизма и переход в христианство поеданием мяса [Harrison 2013, с. 26–27, 30–31]. При этом держание католического поста считалось практикой, подходящей только для зрелых, опытных китайцев-католиков. Отказ от вегетарианских практик, случалось, помогал китайцам-христианам избежать наказания, особенно когда местное правительство путало католическое христианство с запрещённой в Китае вегетарианской сектой Белого лотоса и другими подобными группами [Menegon 2009, с. 75]. Похожие аргументы всё ещё иногда работали и после запрета католического христианства в Китае в 1724 г. [Entenmann 1996, p. 15].

Отрицательное отношение к вегетарианству как символу популярных в Китае сектантских религиозных течений встречалось и среди протестантских миссионеров. Миссионеры британской межконфессиональной China Inland Mission под предводительством протестанта-методиста Хадсона Тэйлора, бывало, требовали от новообращённых китайцев не только уничтожения домашних алтарей и объектов поклонения, но и употребления в пищу мяса как символа отступления от своей старой религиозной идентичности [Austin 2007, с. 11–14]. Бэйс связывает подобные действия протестантских миссионеров с тем фактом, что многие ранние китайцы-протестанты переходили в христианство из запрещённых в Китае сект 邪教 (*се-цзяо*) [Bays 1982]. Секты эти могли быть буддийского толка, таким, например, был упомянутый ранее «Белый лотос», но могли быть и некоторой смесью буддийских, даосских и других популярных верований и практик. Некоторыми своими элементами эти секты походили на христианство, были в них и организованные местные структуры (приходы), и встречи для молитвы (или распева сутр), и совместные ритуальные действия, и вера в конец света, в загробную жизнь и в возможность спасения. Многие из подобных подпольных религиозных структур преследовались китайским правительством. При этом христианство обладало всеми этими элементами и после Опиумных войн середины XIX в. защищалось европейскими дипломатами, миссионерами и даже армиями. Потому среди миссионеров распространилось убеждение, что китайские сектанты переходили в христианство только для

защиты, а своих прежних верований не оставляли. Потому миссионеры и устраивали им испытания[4].

Русские миссионеры относились к вегетарианству менее отрицательно. Возможно, это объяснялось тем, что исторически их миссией было поддержание религиозной жизни среди потомков православных казаков, оказавшихся в Пекине в конце XVII в., а не обращение китайцев-буддистов. Потому, говоря о посте, миссионеры не боялись сравнивать его с местными китайскими вегетарианскими практиками. Например, в 1910 г. миссионеры писали: «С древних времён и до настоящего времени в Китае соблюдается обычай поста. Начиная от императора и кончая простым народом, все, в известные дни и при известных случаях, постятся, но в простом народе этот обычай более укоренился и распространён. Император и чиновники накануне принесения жертв в храмах неба, земли, предков и Конфуция непременно постятся. Пост состоит не только в пище, но и даже в некотором скромном убранстве жилищ, в одежде, воздержании от излишества в разговорах и осторожности в поступках» [Реферат по поводу несоблюдения некоторыми христианами поста 1910, с. 11]. При этом соблюдение поста, даже среди язычников, миссионеры в этом докладе ассоциировали с добродетелью и заботе о ближних, так, например, говорилось, что заботливые сыновья и жёны соблюдают пост при болезни соответственно родителей и мужей, а также «есть некоторые добродетельные люди, которые постятся всю жизнь не ради чего-нибудь, а просто считая это добрым делом. Эти люди не едят ничего того, что имеет жизнь или кровь, дабы, так сказать, не быть причиною отнятия чужой жизни. Обычай этот перешёл от буддистов; его исполняют большей частью женщины, хотя есть и мужчины» [Реферат по поводу несоблюдения некоторыми христианами поста 1910, с. 12–13].

При этом православное духовенство всё же старалось отличить православный пост от буддистского вегетарианства. Потому вскоре в «Китайском благовестнике», периодическом издании при

[4] Более о недоверии к китайским христианам и духовенству у Альберта У [У 2016].

православной миссии в Китае, была опубликована статья, объясняющая различия между этими практиками: «Пост известен во всех религиях; но не везде он одинаково понимается. Нельзя считать пост как-бы подарком Богу, ради которого Бог прощает грехи самого-ли просящего или близких ему людей. Пост есть лекарство против страстей, он освобождает волю человека от рабства греху и направляет её к исполнению заповедей Божьих» [Пост в православной церкви 1910, с. 17]. Понимание поста как подарка явно отсылает к китайской традиции поста как способа успокоить и умиротворить высшие силы. Так, например, в Китае местное правительство могло запретить забой скота и употребление в пищу животных продуктов в периоды засухи или наводнений с целью угодить божественным силам и восстановить равновесие в Поднебесной. Несмотря на это, похоже, что русские миссионеры в Китае начала XX в. не возражали против ассоциаций между православным постом и буддийским вегетарианством [Реферат по поводу несоблюдения некоторыми христианами поста 1910, с. 12–13]. Это их отношение кажется особенно удивительным на фоне их отрицательного отношения к буддизму в целом. Например, собирая деньги на православный собор в Пекине, русские миссионеры возражали против буддийского храма в Санкт-Петербурге[5], говоря что он «осквернит» город Святого Петра [Буддийское капище 1915].

Сложно сказать, держало ли большинство православных китайцев пост и насколько убедительными были для них доводы российских миссионеров. Две группы православных китайцев, которые, скорее всего, блюли пост, были учениками и рабочими православной миссии, поскольку в Пекине все ученики школ миссии и большая часть рабочих получали еду от миссии [Сяо 2014, с. 135]. Значительное уменьшение калорийности их пищи было испытанием даже для верующих китайцев. Например, в 1910 г. миссионеры писали: «На страстной неделе все работали до Среды включительно. Со Среды же стали приготовляться к достойному принятию Св. Таин. Редкий печальный звон, длинные службы,

[5] Петербургский дацан Гунзэчойнэй строился в Старой Деревне в 1909–1915 гг. под предводительством буддийского деятеля Агвана Доржиева (1853–1938).

протяжное пение, пост весьма утомили православных китайцев, что доказывали бледность лиц, вялость движений, поникшие головы, замечавшиеся у каждого встречного. Для поддержания бодрости и для развлечения их, Владыко задал урок всем ученикам, ученицам и даже некоторым рабочим выучить к Пасхе петь пасхальный канон и для всего время определено было с 10 ч. у. до 12, т. е. до обеда. Певчие были разделены на три партии, к каждой партии приставлен особый регент. Пели или все вместе или порознь возбуждая между собой соревнование. Это так понравилось всем, что забыли усталость и тяготу дня, так что печаль переложилась в радость. Теперь ждали только Праздника праздников, Св. Пасхи» [Пасха в Китае 1910, с. 22].

В Страстную Субботу многие оглашенные крестились. Вечером ученики школ миссии читали «Деяния святых апостолов», а гости наслаждались садом миссии, освещённым газовыми фонарями и китайскими бумажными фонариками, украшенными иероглифами, ассоциировавшимися с христианством. Таким образом, в украшениях присутствовали китайские элементы. Веточки ароматной китайской сосны использовались вместо вербы в Вербное воскресенье, а после для украшения церквей и икон в страстную и пасхальную седмицы. В ночь со Страстной Субботы на Пасхальное Воскресенье ворота миссии были открыты, так что не только православные китайцы, но и их соседи-нехристиане могли посетить миссию, полюбоваться садом и иллюминацией. В 1911 г. в Бэйгуане впервые появилось электричество, в пасхальную ночь главная Успенская церковь была ярко освещена электрическими лампочками, так что верующие могли хорошо рассмотреть росписи на стенах храма, законченные годом ранее [Пасха в Китае 1910, с. 22]. В 1913 г. миссионеры украсили колокольню миссии крестом из разноцветных электрических лампочек [Спасский 1913, с. 4]. Этот крест вызвал небывалый интерес у православных китайцев и гостей миссии, многие залезали на колокольню, чтобы поближе рассмотреть его.

В полночь вокруг церкви совершался Крестный ход, который сопровождался запуском ракет и фейерверков, традиционным элементом некоторых китайских празднеств. Таким образом, это впе-

чатляющее зрелище совмещало элементы и китайской, и православной традиций, а также демонстрировало, какими весёлыми могли быть православные праздники, привлекая китайцев-нехристиан слушать проповедь. Во время подобных празднеств в православной миссии в Пекине китайским духовенством или катехизаторами всегда произносилась проповедь, иногда с использованием проекторов, которые опять же, будучи технической диковинкой, привлекали новых слушателей. Таким образом, православная миссия привлекала к себе новых слушателей, не ведя проповедь на улицах, считавшуюся некоторыми миссионерами в то время опасной и неэффективной.

За службами в Пекине следовал концерт в епископской резиденции, после которого преосвященный Иннокентий выходил на веранду христосоваться со всеми членами общины и раздавать им крашеные яйца. Разговлялись духовенство и верующие раздельно: духовенство в архиепископской трапезной, верующие – в школьной столовой. Однако поскольку русские гости, когда они присутствовали, присоединялись к епископу и духовенству, то разделение получалось по национальному признаку. Вероятно, в миссии не было достаточно просторного помещения, которое бы вместило всех желающий разговеться вместе.Также возможно, что разделение объяснялось различными вкусами в еде. Многие миссионеры того времени жаловались на то, как китайская пища отрицательно влияла на их здоровье, епископ Иннокентий в отчёте о миссионерской поездке на юге Китая в 1902–1903 гг., например, сетовал на необходимость употреблять китайскую пищу. Миссия не только закупала иностранные продукты, но имела свои огород, виноградники, пасеку, молочную ферму и т. д. Потому, вполне возможно, кухня миссии готовила два разных обеда для разговения: один для русских, другой для китайцев. Также, вероятно, в китайском обеде использовалось мясо, которое насельниками Успенского монастыря не употреблялось даже и не во время поста.

Несмотря на эти причины, такая привычка разговляться отдельно, вполне вероятно, подчёркивала разделение между верующими и духовенством. К тому же не совсем ясно, где разговлялось китайское духовенство. Описания трапезы под предводи-

тельством архиерея Иннокентия не упоминают китайцев-священников, притом разговоры часто шли о Пасхе в России и на Афоне, которых китайцы-священники лично не знали, и часто на русском языке. Несмотря на хорошее знание русского языка, вполне возможно, китайское духовенство было «не в своей тарелке», если разговлялось с русскими миссионерами. Разговляться по отдельности было не принято в приходах, которыми руководили китайцы-священники или катехизаторы. Например, в Юнпинфу отец Михаил Тан не только разговлялся вместе со своею паствою, но и паства принимала активнейшее участие в организации празднования Пасхи. Этот факт кажется особенно значимым, если учесть, что миссионерская станция в Юнпинфу была не так далека от архиерейской резиденции и миссионерского стана в Бэйдайхэ, в котором брат Христофор отделял своих русских и греческих гостей от китайцев и принимал пищу с первыми[6].

Посланные пекинской миссией в далёкие станы китайцы-учителя и катехизаторы пытались организовать празднования Пасхи, основываясь на примере тех, в которых они принимали участие в Пекине. В организации подобных празднований также принимали участие особенно активные члены местной православной общины. Например, в городке Сяньтаочжэнь 仙桃镇 в провинции Хубэй два местных торговца основали православную школу и обратились к миссии с просьбой прислать учителя и катехизатора. Пекинская миссия послала туда учителя по имени Амвросий и семинариста катехизаторского училища Тарасия Го. Вскоре этот миссионерский стан навестил миссионер архимандрит Симон (Виноградов) (1876–1933), который писал о деятельности Го следующее: «По словам Тарасия в Пасху у них было большое торжество, какого по отзывам местных жителей, здесь не видывали.

[6] Известны случаи, когда русские миссионеры, особенно если они миссионерствовали в одиночку, разговлялись вместе с китайским приходом. Например, так было с послушником Фёдором Власовым и с архимандритом Авраамием (Часовниковым) (1864–1918), когда он приехал провести пасхальную службу в Тяньцзинь. Священник отец Павел Фигуровский, во время своей службы в Шанхае описывает, как его русские гости покидали подворье после службы, а китайцы оставались на завтрак «в китайском вкусе», но неизвестно, ел ли с ними отец Павел. Обратных случаев, когда китаец-священник или катехизатор не ел со своей паствой, не было найдено.

Я уже писал, что Тарасий приобрёл здесь к себе расположение. В числе его друзей есть и почтенные люди. Они просили Тарасия устроить пасхальное торжество по Пекинским обычаям и по своей инициативе приготовили для хода трубача, ракеты и прочее. Тарасий уставил учеников в ряды, дал им свечи; один из христиан нёс икону Воскресения, а Тарасий с Василием пели. Так как нельзя обойти только нашу фанцзу, то ход шёл по улице и проулкам. Таким образом торжество Воскресения Христова громогласно было возвещено в Сянь-тао-чжен» [Виноградов 1911]. Таким образом, и местные православные деятели, и посланный из Пекина катехизатор работали вместе, чтобы организовать празднование православной Пасхи по примеру пекинской. При этом получившееся в результате празднество имело в себе и китайские (трубач, ракеты), и православные (свечи, иконы, пение) элементы, которые вместе, судя по всему, произвели положительное впечатление на нехристианское население городка.

В последующие годы Пасха в Сяньтаочжэне продолжала привлекать внимание местных жителей, многие из которых присоединялись к празднествам. Например, в 1914 г. монах Тертий (имя Тарасия после пострига в декабре 1913 г.) писал: «Накануне Пасхи собрались в Сяньтаочжен христиане (крещённые и готовящиеся ко крещению) из всех окрестных селений, кроме Фынкоу [Фэнкоу 峰口]. Фынкоуские христиане пригласили меня на второй день Пасхи, и в этот день у них было праздничное собрание, – собралось более ста пятидесяти человек. Из прочих же мест – из Хэй-люду [黑流渡], Синь-коу [辛口], Чжан-тан-коу [長倘口], Лу-гуань-мао [Лугуаньмяо 路官廟], Да-фу-цзе [Дафуцзэ 大福澤], Лоу-цзуй [剄嘴] – собирались в Сяньтаочжэнь, – всего более четырёхсот человек. Во время хода в пасхальную ночь христиане шли с фонарями и флагами, ученики – со свечами, а я и учителя несли св. иконы. Постороннего народа собралось несколько тысяч. Местные солдаты также присоединились к нам и в порядке сопровождали ход. Всего наше торжество встретило полное сочувствие и в язычниках» [Го 1914]. Судя по этому описанию, празднование Пасхи возбудило в местных жителях интерес к православию. Возможно, Брат Тертий именно подобными действами, совмещавшими и китайские, и православ-

ные традиции религиозных празднеств, гарантировал успех своей проповеди христианства в окрестностях Сяньтаочжэнь. В том же письме Го рапортовал о почти что двух тысячах «христиан и сочувствующих». Эти заявления подтверждаются и докладами русских миссионеров [Виноградов 1912, с. 4–10; Из жизни миссии 1914, с. 10–17], несмотря на то, что они весьма критически подходили к осмотру станов миссии, руководимых китайцами.

Таким образом, православные празднества в Китае носили смешанный характер. Они, несомненно, сохраняли православную обрядовость важную часть православной духовной жизни, которую и миссионеры понимали как особенно привлекательную для китайцев [Гертович 1905, с. 13–14]. При этом православные праздники часто дополнялись китайскими элементами, в украшениях и в фейерверках, в языке службы и в музыкальном сопровождении крестного хода. К сожалению, большинство православных китайцев не были грамотны и не оставили записей о своих личных впечатлениях об этих праздниках. Однако, судя по приведённым выше описаниям русских миссионеров и китайского клира, подобные праздники не только создавали положительное впечатление о православии у соседей миссии, но и привлекали новых слушателей для священников и катехизаторов. Таким образом, они не только укрепляли православную веру в китайцах-христианах, но и помогали православию распространяться в Китае. Традиционно историки христианства в Китае говорили о том, как христианство разрушало циклы местных праздников, потому как миссионеры уговаривали христиан не участвовать в них ни лично, ни финансово. Так как эти фестивали были важными институтами местной жизни, особенно в сельском Китае, от такого неучастия паттерны социальных связей страдали и рвались, что усиливало социальное напряжение и даже вызывало конфликты [Litzinger 1996, с. 45–50; Clarke 2013, с. 84]. Однако праздники, как показала эта статья, могли служить не только источником конфликта, но и инструментом объединения и повышения интереса к христианству среди китайского населения. Они также ставят под сомнение утверждения некоторых исследователей о несовместимости православия и китайской культуры [Дай 2018, с. 61; Тун 2007, с. 326–327].

Источники и литература

1. Афонина 2017 – *Афонина Л. А.* Китайские православные мученики 1900 г.: анализ исторических источников и церковное почитание // Общество и государство в Китае. Т. XLVII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 598–635.

2. Афонина 2021 – *Афонина Л. А.* Восстание Ихэтуаней и православные Мученики в Китае. Москва: Наука, 2021.

3. Буддийское капище 1915 – Буддийское капище в Петрограде и православный храм в Пекине // Китайский благовестник. 15 Октября 1915. Вып. 13/14. С. 1–4.

4. Виноградов 1911 – *Архимандрит Симон (Виноградов).* 20-го Апреля в Сянь-тао-чжэн // Китайский благовестник. 1 Мая 1911. Вып. 6. С. 25–26.

5. Виноградов 1912 – *Архимандрит Симон (Виноградов).* Обозрение станов Миссии в провинциях Ху-бэй, Цзян-си и Хэ-нань в 1912 году // Китайский благовестник. 15 октября 1912. Вып. 7. С. 4–12.

6. Власов 1909a – *Власов Ф. М.* Корреспонденция. (*Из Вэй-хуй-фу*) Пасха в глуши Китая // Китайский благовестник. 15 мая 1909. Вып. 7/8. С. 16–19.

7. Власов 1909b – *Власов Ф. М.* От постной пищи… // Китайский благовестник. 15 Мая 1909. Вып. 7/8. С. 19–22.

8. Встреча Пасхи в Китае 1912 – Встреча Пасхи в Китае // Китайский благовестник. 15 апреля 1912. Вып. 4. С. 6–10.

9. Гертович 1905 – *Гертович А.* Поездка в Юн-пин-фу на освящение храма // Известия Братства православной церкви в Китае. Вып. 2/3. 10 мая 1905. С. 10–14.

10. Го 1914 – *Монах Тертий (Го).* Письмо монаха Тертия из м. Сянь-тао-чжэнь Архимандриту Симону // Китайский благовестник. 15 апреля 1914. Вып. 7/8. С. 33.

11. Головин 2013 – *Головин С. А.* Российская Духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск: БГПУ, 2013.

12. Дай 2018 – *Дай Гуйцзюй* 戴桂菊. 20 шицзи 20–50 няньдай Эго чжу Хуа дунчжэнцзяо чуаньцзяоши туань минъюнь бяньцянь 20世纪20–50年代俄国驻华东正教传教士团命运变迁 (Перипетии судеб Российской православной миссии в Китае в 20–50-х гг. XX в.) // Элосы сюэ кань 俄罗斯学刊 (Журнал «Русистика»). 2018. № 45(8). С. 51–63.

13. Дацышен 2007 – *Дацышен В. Г.* Христианство в Китае: история и современность. Москва: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.

14. Из жизни миссии 1914 – Из жизни миссии // Китайский благовестник. 15 марта 1914. Вып. 5/6. С. 10–17.

15. К русским инокам 1911 – К русским инокам // Китайский благовестник. 15 апреля 1911. Вып. 5. С. 7–9.

16. Ломанов 2002 – *Ломанов А. В.* Христианство и китайская культура. Москва: Восточная литература, 2002.

17. М. К. 1906 – *М. К.* Шанхай Гуань 17 Апреля 1906 // Известия Братства православной церкви в Китае. 15 мая 1906. Вып. 27/28. С. 23–27.

18. Новый год у китайцев христиан 1908 – Новый год у китайцев христиан в Пекине // Китайский благовестник. 15 марта 1908. Вып. 13. С. 1–5.

19. О поздравлениях и подарках 1909 – О поздравлениях и подарках // Китайский благовестник. 15 октября 1909. Вып. 17/18. С. 29–30.

20. Олейников 1905 – *Монах Христофор (Олейников).* Пей-тай-хо, 17-го Апреля // Известия Братства православной церкви в Китае. 1 августа 1905. Вып. 11/12. С. 22–25.

21. Отделение Пекинской духовной миссии в Шанхае 1904 – Отделение Пекинской духовной миссии в Шанхае (Окончание) // Известия Братства православной церкви в Китае. 1 июня 1904. Вып. 5. С. 7–9.

22. Пасха в Китае 1910 – Пасха в Китае // Китайский благовестник. 1 июня 1910. Вып. 5. С. 21–24.

23. Пост в православной церкви 1910 – Пост в православной церкви // Китайский благовестник. 15 Марта 1910. Вып. 3. С. 17–19.

24. Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии 1912 – Праздник Всех Святых Мучеников и юбилей Миссии // Китайский благовестник. 10 июня 1912. Вып. 4(5). С. 1–14.

25. РГИА. Ф. 796, оп. 184, д. 5210, л. 3–4, 6–7, 35–38 – Российский государственный исторический архив. Ф. 796, о. 184, д. 5210, л. 3–4, 6–7, 35–38.

26. РГИА. Ф. 796, оп. 189, д. 8013 – Российский государственный исторический архив. Фонд 796, опись 189, д. 8013.

27. РНБ. Ф. 1457, оп. 1, д. 218, л. 3–4 – Российская национальная библиотека. Фонд 1457, опись 1, дело 218, листы 3–4.

28. Реферат по поводу несоблюдения некоторыми христианами поста 1910 – Реферат, читанный на собрании Братства православной церкви в Китае, по поводу несоблюдения некоторыми христианами поста // Китайский благовестник. 1 Марта 1910. Вып. 2. С. 11–13.

29. Святые мученики 1911 – Святые мученики // Китайский благовестник. 1 Июля 1911. Вып. 8. С. 13–18.

30. Спасский 1913 – *Спасский В. С.* Страстная неделя и светлое Христово воскресение в Китае 1913 г. // Китайский благовестник. 15 Июня 1913. Вып. 5. С. 1–7.

31. Сяо 2007 – *Сяо Юйцю* 肖玉秋. 19 шицзи ся баньци Эго дунчжэнцзяо чжу Бэйцзин чуаньцзяоши туань цзунцзяо ходун фэньси 19世纪下

半期俄国东正教驻北京传教士团宗教活动分析 (Анализ религиозной деятельности Российской православной миссии в Пекине во второй половине XIX в.) // Шицзу цзиньсяньдай ши яньцзю 世界近现代史研究 (Исследования Новой и Новейшей мировой истории). 2007. № 4. С. 207–221.

32. Сяо 2008 – *Сяо Юйцю* 肖玉秋. 20 шицзи чу Эго дунчжэнцзяо чжу Бэйцзин чуаньцзяоши туань цзунцзяо ходун фэньси 20世纪初俄国东正教驻北京传教士团宗教活动分析 (Анализ религиозной деятельности Российской православной миссии в Пекине в начале XX в.) // Шицзу цзиньсяньдай ши яньцзю 世界近现代史研究 (Исследования Новой и Новейшей мировой истории). 2008. № 5. С. 167–184.

33. Сяо 2014 – *Сяо Юйцю* 肖玉秋. 1917 нянь цянь Эго чжу Бэйцзин чуаньцзяотуань баньсюэ ходун яньцзю 1917年前俄国驻北京传教团办学活动研究 (Исследование образовательно-организационной деятельности Российской миссии в Пекине до 1917 г.) // Цзинань сюэбао (Чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань) 暨南学报（哲学社会科学版）(Вестник Цзинани (Философские и общественные науки)). 2014. № 7. С. 130–137.

34. Тун 2007 – *Тун Сюнь* 佟洵. Дунчжэнцзяо цзай Бэйцзин дэ чуаньбу юй сяован юаньинь дэ чутань 东正教在北京的传布与消亡原因的初探 (Предварительные исследования причин распространения и исчезновения православия в Китае) // Цзиду цзунцзяо яньцзю 基督宗教研究 (Исследования христианской религии). 2007. № 1. С. 312–328.

35. Фан 1914 – *Иеродьякон Иннокентий (Фан).* Из Вэй-хуй-фу // Китайский благовестник. 15 Апреля 1914. Вып. 7/8. С. 34.

36. Хроника церковной жизни 1908 – Хроника церковной жизни // Китайский благовестник. 15 марта 1908. Вып. 13. С. 29.

37. Afonina 2018 – *Afonina L. A*. Chinese Orthodox Martyrs of 1900: Survey of Historical Sources and Church Veneration // International Journal of Sino-Western Studies. June 2018. No. 14. P. 45–72.

38. Austin 2007 – *Austin A*. China's Millions: The China Inland Mission and Late Qing Society, 1832–1905. Grand Rapids: Wm. B. Eerdmans Publishing Co., 2007.

39. Bays 1982 – *Bays D. H.* Christianity and the Chinese Sectarian Tradition // Ch'ing Shih Wen-t'i. June 1982. № 4(7). P. 33–50.

40. Bays 2011 – *Bays D. H*. New History of Christianity in China. Hoboken: Wiley-Blackwell, 2011.

41. Brockey 2008 – *Brockey L. M.* Journey to the East: The Jesuit Mission to China, 1579–1724. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2008.

42. Clarke 2013 – *Clarke J.* The Virgin Mary and Catholic Identities in Chinese History. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2013.

43. Cohen 1984 – *Cohen P. A.* Discovering History in China: American Historical Writing on the Recent Chinee Past. New York: Columbia University Press, 1984.

44. Doolittle 1876 – *Doolitle J.* Social Life of the Chinese: with some accounts of the religion, government, educational, and business customs and opinions. With special but not exclusive reference to Fuchao. Volume 2. New York: Harper & Brothers Publishers, 1876.

45. Dunch 2011 – *Dunch R.* Fuzhou Protestants and the Making of a Modern China, 1857–1927. New Haven: Yale University Press, 2011.

46. Entenmann 1996 – *Entenmann R. E.* Catholics and Society in Eighteenth Century Sichuan // Christianity in China: From the Eighteenth Century to the Present / Ed. by Daniel H. Bays. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 8–23.

47. Feuchtwang 2003 – *Feuchtwang S.* Popular Religion in China: The Imperial Metaphor. London: Routledge Curzon, 2003.

48. Harrison 2013 – *Harrison H. K.* The Missionary's Curse and Other Tales from a Chinese Catholic Village. Berkeley: University of California Press, 2013.

49. Johnson 2009 – *Johnson D.* Spectacle and Sacrifice: The Ritual Foundations of Village Life in North China. Cambridge: Harvard University Press, 2009.

50. Litzinger 1996 – *Litzinger C. A.* Rural Religions and Village Organization in North China: The Catholic Challenge in the Late Nineteenth Century // Christianity in China: From the Eighteenth Century to the Present / Ed. by Daniel H. Bays. Stanford: Stanford University Press, 1996. P. 41–52.

51. Menegon 2009 – *Menegon E.* Ancestors, Virgins & Friars: Christianity as a Local Religion in Late Imperial China. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 2009.

52. Smith 1899 – *Smith A. H.* Village Life in China: A Study in Sociology. New York: Fleming H. Revell Company, 1899.

53. Standaert 2008 – *Standaert N.* The Interweaving of Rituals: Funerals in the Cultural Exchange between China and Europe. Seattle: University of Washington Press. 2008.

54. Wu 2016 – *Wu A. M.* From Christ to Confucius: German missionaries, Chinese Christians, and the Globalization of Christianity, 1860–1950. Cumberland: Yale University Press, 2016.

55. Young 1970 – *Young L. K.* British Policy in China, 1895–1902. Oxford: Clarendon Press, 1970.

56. Zheng 2017 – Sinicizing Christianity / ed. by Zheng Yangwen. Leiden: Brill, 2017.

ORCID: 0000-0002-9232-0436

Е. Н. Наземцева[*]

Из истории русского православия в Синьцзяне: сложная судьба храма в г. Урумчи

Аннотация. Статья раскрывает малоизвестную страницу истории русского православия в китайской провинции Синьцзян – судьбу православного храма в Урумчи. Закономерным следствием развития экономических и политических связей России и Китая во второй половине XIX – начале XX в. явилось образование в Китае российской диаспоры и распространение православия. В Синьцзяне российско-китайские контакты были особенно тесными. Уже в конце XIX в. на территории провинции появляется первый православный храм, основой для которого послужило деревянное китайское здание. Позже был возведён каменный православный храм в Урумчи. Однако его строительство оказалось связано с многочисленными техническими и финансовыми трудностями, которые были преодолены благодаря деятельности российских консулов. Возведение каменного православного храма в столице Синьцзяна свидетельствовало об укреплении российских позиций в провинции и в регионе в рассматриваемый исторический период.

Ключевые слова: Китай, Синьцзян, русская диаспора, православие, храмы, Российская духовная миссия, консулы, А. А. Дьяков

Elena N. Nazemtseva[**]

From the History of Russian Orthodoxy in Xinjiang: the Difficult Fate of the Temple in Urumqi

Abstract. The article reveals a little–known page in the history of Russian Orthodoxy in the Chinese region of Xinjiang – the fate of the Orthodox church in Urumqi. A natural consequence of the development of economic and political

[*] ***Наземцева Елена Николаевна,*** д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), elenanazz@mail.ru

[**] ***Nazemtseva Elena Nikolaevna,*** Dr. Hab. (History), Leading Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), elenanazz@mail.ru

© Наземцева Е. Н., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

ties between Russia and China in the second half of the XIX – early XX centuries was the formation of the Russian diaspora in China and the spread of Orthodoxy. In Xinjiang, Russian-Chinese contacts were particularly close. Already at the end of the nineteenth century, the first Orthodox church appeared in Xinjiang, making use of wooden Chinese building. Later, a stone Orthodox church was erected in Urumqi. However, its construction turned out to be associated with numerous technical and financial difficulties, which were overcome thanks to the activities of the Russian consuls. The construction of a stone Orthodox church in the capital of Xinjiang testified to the strengthening of Russian positions in the province and in the region during the historical period under consideration.

Keywords: China, Xinjiang, Russian diaspora, orthodoxy, churches, Russian Spiritual Mission, consuls, A. A. Dyakov

Развитие российско-китайских отношений в XIX – начале XX в. способствовало формированию на территории Китая российской диаспоры. В пограничных с Российской империей провинциях Китая возникали и динамично развивались русские крестьянские поселения, торговые фактории, открывались российские консульства. В особенности быстро это происходило в Маньчжурии и Синьцзяне. В Маньчжурии – благодаря строительству Китайской восточной железной дороги, в провинции Синьцзян – как следствие интенсивных торговых связей провинции с Российской империей и переселенческого движения русских крестьян из России в Восточный Туркестан во второй половине XIX – начале XX в. В результате русские общины в Синьцзяне сформировались в Кашгаре (кит. Кашигаэр 喀什噶尔), Чугучаке (кит. Тачэн 塔城), Кульдже (кит. Инин 伊寧), Шарасумэ (кит. Чэнхуасы 承化寺) и Урумчи (кит. Дихуа 迪化) – там, где находились российские консульства. Среди крестьян, обосновавшихся в Синьцзяне, было много этнических русских, преимущественно старообрядцев, купечество в основном представляли русские подданные мусульмане – татары, казахи, киргизы.

Формирование русских общин в Синьцзяне содействовало распространению православия в этом регионе Китая. Однако из-за преобладающего влияния ислама, китайского и тибето-монгольского буддизма этот процесс был медленным.

Тема православия в Китае изучалась довольно подробно [Андреева 2001; Головин 2013; Дацышен 2007; Дацышен 2010; Ива-

нов 2005; Коростелёв, Караулов 2019; Курто 2012; Смирнова 2016; Чжан Фань 2015 и др.]. Однако специальных исследований о православии в провинции Синьцзян не так много, что связано с ограниченностью источниковой базы – малочисленными архивными данными, редкими личными свидетельствами [Бармин, Петякшина 2016; Добротушенко 2014; Добротушенко 2017; Комиссарова 2007; Лю Лэй 2010; Петякшина 2015]. Кроме того, часто в имеющихся работах рассматриваются общие вопросы развития православия в провинции и практически отсутствуют конкретные сведения о православных храмах, их архитектуре, особенностях.

По разным данным, первая русская православная церковь в провинции Синьцзян появилась в Кульдже в период оккупации русскими войсками Илийского (кит. Или 伊犁) округа Синьцзяна. Церковь располагалась в китайском деревянном строении, была освящена в 1872 г. во имя святого пророка Илии [Священник Дионисий Поздняев]. Настоятелем церкви в 1873 г. являлся о. К. Седачев [Окороков, Окорокова 2022, с. 498]. Первое изображение этой церкви появилось в журнале «Нива» [«Нива» 1879, № 41, с. 815].

В церковно-административном отношении храм в то время входил в состав Томской епархии. Однако русское население Кульджи довольно быстро увеличивалось, и вскоре деревянный храм перестал отвечать потребностям русской общины города и Илийского округа в целом. Было принято решение о строительстве нового каменного здания. Новый каменный храм был заложен в 1875 г. и освящён 17 марта 1877 г. по благословению Туркестанского архиепископа Софония, в ведение которого отошёл этот приход. В кульджинском храме были собраны списки многих чтимых русских икон. Пожертвования сделали Александро-Невская, Троице-Сергиевская и Почаевская Лавры, Валаамский и Соловецкий монастыри, Курская Коренная обитель, Нилова пустынь, Новгородский Софийский собор, Пафнутьево-Боровский монастырь, Иосифо-Волоцкий, Макарьевский, Спасо-Бородинский и другие монастыри. Всего было пожертвовано около 45 икон [Священник Дионисий Поздняев]. Однако, по данным В. Г. Дацышена, это здание было разрушено в 1883 г. «фанатично настроенными» китайскими войсками после возвращения Россией Китаю оккупирован-

ного ранее русскими Илийского края [Дацышен 2007, с. 126]. В то же время консул Н. В. Богоявленский отмечал, что церковь была разобрана «исключительно вследствие недостаточного надзора», так как китайцы никакими русскими зданиями не воспользовались, а разобрали их себе на постройки [Богоявленский 1906, с. 109].

К 1915 г. на территории российского консульства в Кульдже уже был новый православный храм, «куда был назначен иеромонах Серафим» [История Российской Духовной Миссии 1997, с. 364]. Очевидно, что это было уже третье здание православного храма в Кульдже. Затем в 1925 г. церковь из помещения при уже советском консульстве была перенесена в другое здание, а на пожертвования православного населения в 1937–1938 гг. в Кульдже построена новая церковь – храм святителя Николая Чудотворца. Она просуществовала до 60-х гг. XX в. Именно сюда из Суйдуна (кит. Суйдин 綏定) была перенесена почитаемая верующими чудотворная икона Табынской Божией Матери, в 1920 г. вывезенная атаманом Оренбургского казачьего войска А. И. Дутовым из России после Гражданской войны [История Российской Духовной Миссии 1997, с. 368].

Во второй половине 1940-х гг. большой Кульджинский православный храм был отремонтирован и перестроен. Рядом была выстроена колокольня. Интересно, что некоторые служащие советских учреждений (Слюнин, Соколов, Курышев, Иванов) наравне с верующими белыми эмигрантами посещали православную церковь в Кульдже и были членами Кульджинской православной общины [РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 844, л. 343]. Следует отметить, что именно Кульджа стала главным центром православной жизни русских в Синьцзяне. Это было обусловлено численностью русской общины в Илийском округе провинции, которая, по сравнению с другими округами Синьцзяна, была наибольшей[1].

[1] Китайские исследователи, основываясь на статистических данных провинциального правительства, приводят следующие цифры: во всех городах Синьцзяна насчитывалось в 1916 г. 15 481 человек жителей, имевших русское гражданство, в том числе в Или – 7130, в Чугучаке – 160, в Урумчи – 460 [Лян Чжэ 2016, с. 146]. Из доклада консульства СССР в Илийском округе следует, что к 1927 г. в ходе эмиграции из России и миграции из других регионов Синьцзяна численность бывших подданных Российской империи в Илийском округе составила около 10 тыс. человек [АВП РФ, ф. 2, оп. 9, п. 117, д. 14, л. 32].

По свидетельству Н. В. Богоявленского, во второй половине XIX в. при русском консульстве в Чугучаке также имелась православная церковь, но во время мусульманского восстания она была разорена, а её здание разобрано [Богоявленский 1906, с. 334]. Интересно, что здание русского консульства в Чугучаке также было разобрано, но не китайцами, а пограничными русскими крестьянами. Вновь консульство было открыто после 1882 г. [Богоявленский 1906, с. 342]. Однако храм так и не был восстановлен, остатки здания использовались сначала для хозяйственных нужд китайскими властями, затем как госпиталь отступившими в Синьцзян белогвардейскими частями. Тем не менее, по некоторым данным, с середины 1920-х гг. до середины 1950-х гг. в Чугучаке совершались богослужения в Никольском храме [Петякшина 2015, с. 132].

Имелся православный храм и в Кашгаре, однако достоверных сведений о нём пока нет [Окороков, Окорокова 2022, с. 496].

В столице провинции – Урумчи долгое время храма не было. Да и православная община была маленькой (несколько десятков человек). Тем не менее в 1903 г. по инициативе консула Н. В. Богоявленского[2] была предпринята постройка православного храма при российском консульстве в Урумчи [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 427, л. 401; Богоявленский 1906, с. 339].

Сам Н. В. Богоявленский отмечает, что храм строился на территории консульского сада на собранные русскими подданными деньги: «церковь уже подведена под крышу, но внутри ничего ещё не сделано, так как нет денег». Консул надеялся на уже приехавшего в Урумчи священника, который мог бы, по мнению Богоявленского, закончить строительство церкви [Богоявленский 1906,

[2] В современной литературе, посвящённой истории православия в Синьцзяне, приводятся ошибочные сведения относительно того, кто являлся инициатором строительства храма в Урумчи. В частности, Д. Поздняев приводит версию о том, что инициатором являлся консул А. А. Дьяков [История Российской духовной миссии 1997, с. 365]. Впоследствии эту версию, ссылаясь на Д. Поздняева, повторили и другие исследователи [Бармин, Петякшина 2016, с. 18–19]. В работе Окороковых вообще приводятся сведения о двух православных храмах в Урумчи [Окороков, Окорокова 2022, с. 503]. Однако это ошибка, которая допущена из-за непроверенных авторами сведений об одном и том же храме, приведённых из разных источников. В нашей статье приводятся сведения, основанные на материалах переписки МИД Российской империи и Святейшего Синода.

с. 339]. По данным Окороковых, это был храм Сошествия Святого Духа [Окороков, Окорокова 2022, с. 503].

Рис. 1. Храм в г. Урумчи [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 5]

Но судьба этого храма оказалась весьма непростой. Изначально не были согласованы смета расходов на строительство и проект храма. В результате средств на его строительство не хватило, кроме того, были выявлены серьёзные дефекты проекта, в частности возникла угроза обрушения уже построенного здания, и строительство было прекращено [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 427, л. 401]. В то же время современные китайские исследователи утверждают, что прихожане могли посещать этот храм, а площадь его зала составляла 110 кв. м [Лян Чжэ 2016, с. 146].

В 1906 г. начальником Пекинской миссии Преосвященным Иннокентием Переславским[3] в его рапорте от 7 октября было воз-

[3] Имеется в виду митрополит Иннокентий (Фигуровский) – епископ Русской православной церкви, в 1902–1918 г. – титулярный епископ Переяславский, начальник 18-й Русской духовной Миссии в Пекине; 6 апреля 1902 г. царским указом начальнику Русской духовной миссии в Пекине было положено именоваться Переславским, по соответствию с его предшественником – святителем Иннокентием (Кульчицким), назначенным в Китай в 1721 г. Архиерейская хиротония происходила 3 июня 1902 г. в Троицком соборе Александро-Невской Лавры, наместником которой когда-то был его предшественник. 13 августа во главе 34 миссионеров прибыл в Пекин. В дальнейшем на протяжении трёх десятилетий возглавлял Православную церковь в Китае [История Переславской епархии; Дацышен].

буждено ходатайство о передаче строящейся в Урумчи церкви в полное ведение Миссии, с отводом в её вечное владение усадебной земли в размере одной десятины для устройства здесь миссионерского стана. При этом еп. Иннокентий выражал готовность принять на средства миссии достройку церкви и снабжение её всем необходимым, а также постройку дома для причта [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 427, л. 402].

30 октября 1908 г., по поручению императорского российского консула в г. Урумчи надворного советника Н. Н. Кроткова, специальной особой комиссией был составлен акт, в котором перечислялись дефекты этой постройки. В докладной записке, представленной Н. Н. Кротковым в начале 1909 г. директору Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД барону К. К. фон Буксгевдену от 2 февраля 1909 г. за № 79, Кротков просил «во избежание катастрофы» прекратить строительство храма и отдать его на слом [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 2а].

В результате переписки между Священным Синодом и МИДом просьба консула была удовлетворена и принято решение прекратить дальнейшее строительство храма «как за недостатком потребных для сего средств, так и главным образом, по ненадёжности, произведённой до сего времени постройки, угрожающей падением». В то же время МИД считал желательным устройство в Урумчи небольшой домовой церкви и предлагал для этого выделить ежегодную сумму на её содержание, а также на содержание иеромонаха, для чего поручил российскому консулу в Урумчи представить смету расходов. Но сам МИД отказался выделять средства на постройку домовой церкви, её содержание, выдачу жалования священнику и просил о выделении на это средств у Святейшего Синода [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 427, д. 401].

Однако Синод, обсудив это дело и учитывая, что к 1909 г. число православного населения г. Урумчи составляло всего 60 человек, 8 октября 1909 г. постановил закрыть церковь в Урумчи и прекратить её дальнейшее строительство. В то же время Синод не был против передачи недостроенной церкви в ведение Пекинской миссии, на что в 1910 г. испрашивал разрешения у МИД [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 427, л. 402].

Рис. 2. Алексей Алексеевич Дьяков [Генеалогический форум ВГД]

Лишь в 1913 г. усилиями другого российского консула в Урумчи А. А. Дьякова дело о судьбе православного храма возобновилось[4]. Он изучил всю предыдущую историю храма, отразившуюся в переписке консульства с МИДом и Священным Синодом и составившую целое «дело № 45»о храме в консульском архиве. А. А. Дьяков не согласился с выводами Н. Н. Кроткова о необходимости снесения храма. Более того, он был возмущён подходом Кроткова к его судьбе. В своём донесении директору Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД от 23 ноября 1913 г. он писал: «…я вижу только беспощадную критику бывшего здешнего консула надв[орного]сов[етника] Н. Кроткова по отношению к вышеупомянутому православному храму. И не встречаю в этом деле за № 45 ни одного следа, в котором бы сказывалось желание вышеназванного бывшего консула прийти на помощь к сему строению,

[4] Дьяков Алексей Алексеевич (1876 –?) – консул в Урумчи (с 1909 г.).

которое он, г. Кротков, столь беспощадно забраковал. Верующий православный христианин не должен бы отнестись столько критически к делу доведения вышеназванного храма до благополучного конца». Дьяков признавал малочисленность православной общины в Урумчи. По его данным – всего «не более сорока пяти» человек, и «означенный недостроенный храм, конечно, велик по своим размерам». На тот момент там находились сам Дьяков, его супруга, русская служанка, офицер конвойного взвода и около пяти русских коммерсантов, не живущих постоянно в Урумчи. Однако он справедливо считал, что «меньше по размерам этот храм уже сделать нельзя», но катастрофы избежать можно «и из означенного не доведённого до конца строения можно, при усердии, сделать вполне благолепный храм для нас: горсточки православных здесь в городе Урумчи». Дьяков был категорически против слома храма и в своём донесении восклицал: «Нет, храм не нужно отдавать на слом!» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 2а].

Консул предлагал использовать на достройку храма оставшиеся после начала строительства храма и хранившиеся в консульстве средства – 2741 руб. 55 копеек. Кроме того, он собрал комиссию, которая его поддержала и предложила решение для корректировки проекта и ликвидации обрушения храма: комиссия предлагала снять верх здания – до карниза над окнами. Затем из снятого сверху кирпича сложить в местах трещин стен особые устои – подпорки, крышу для лёгкости сделать деревянную. Предлагалось также завершить строительство колокольни: над выстроенной колокольней достроить деревянный верх, облицевав его досками и выкрасить. Над всем зданием положить железные связи. Пол также планировалось сделать деревянным [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 2б].

В течение 1914 г. А. А. Дьяков планировал достроить храм и даже «завести колокольный звон». Оформить иконостас консул надеялся с помощью благодетелей: «И мы, православные здесь, могли бы наконец увидеть церковь божию, слышать звон колоколов – почти в самом центре Азии, в минуты житейских горя и невзгод прибегнуть с молитвою к утешению пред св[ятыми] образами православной нашей церкви» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 2б].

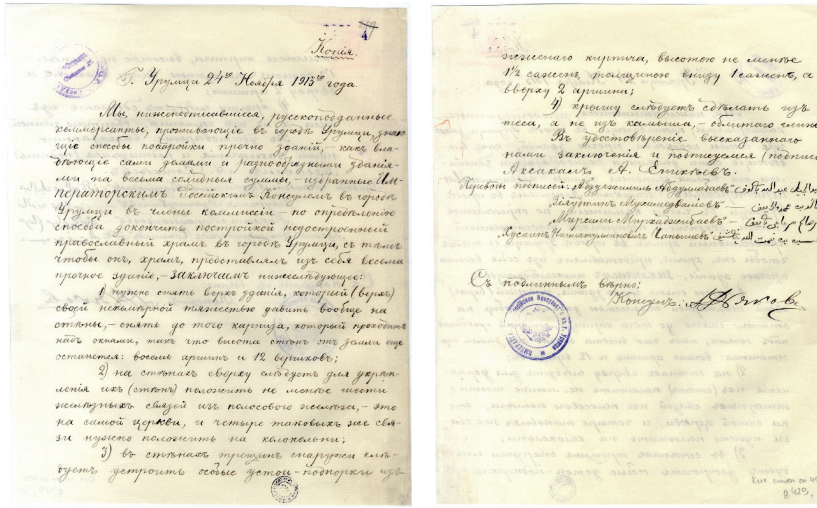

Рис. 3. Заключение комиссии по храму
[АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 4, 4об.]

Интересно, что А. А. Дьяков считал, что настоятелем в новом храме должен быть священник из белого духовенства. Он обосновывал это тем, что позитивный образ священнослужителя в регионе очень важен, а присланные за границу «чёрные» монахи из-за скуки часто злоупотребляли спиртным. Для Урумчи же подобные случаи «особенно вредны, так как на нас, русских, смотрят три народности: китайцы, дунгане и наши мусульмане-правоверные», соответственно, образ пьющих священнослужителей мог негативно сказаться на престиже Российской империи в крае. Кроме того, Дьяков настаивал на священнике, у которого была бы семья, которая также будет способствовать формированию положительного образа русского священнослужителя в глазах местных жителей. Единственное, на что Дьяков просил дополнительные средства, – на постройку дома для семейного священника, дома для псаломщика и сторожки для церковного сторожа [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 3].

А. А. Дьяков обосновывал необходимость достройки храма не только его важностью для местных православных, но и поли-

тическими причинами. По его мнению, наличие церкви в столице Синьцзяна выделило бы представителей Российской империи в христианскую общину, «а то мы, затёртые в самой толще язычества, не имеем известного облика». У мусульман же в Урумчи имелась большая мечеть «с высоким минаретом, с которого четыре раза в день муэдзин поразительно звучным голосом кричит свой "намаз", и вся наша фактория вереницей тянется в мечеть на его (муэдзина) неистовый крик». По мнению Дьякова, «этому мощному призыву нужно сопоставить звон колоколов на колокольне православного храма. И чтобы на нём также сиял позлащённый православный крест, как блестит на минарете серповидный полумесяц» [АВП РИ, ф. 143, оп. 491, д. 429, л. 2б].

В результате урумчинский храм был достроен, но постоянного священника там всё же не было. Все богослужения совершал приезжавший специально из Кульджи иеромонах Серафим. После окончания Гражданской войны в России и установления советско-китайских отношений имущество консульства бывшей Российской империи перешло Советскому Союзу. В Урумчи было открыто генеральное консульство СССР. Советские дипломаты хотели сделать из расположенной на территории консульства церкви клуб, но категорически против этого выступили не только представители русской эмиграции в Синьцзяне, но и китайское руководство провинции[5]. В результате храм оставили в покое [История Российской духовной миссии 1997, с. 366].

Более того, имели место случаи, когда на территорию церкви и советского консульства пускали русских эмигрантов и даже служили там службы. Так, 3 марта 1929 г. у ворот генерального консульства русскими эмигрантами была устроена демонстрация в связи со смертью одного из вождей белой эмиграции – великого князя Николая Николаевича (1856–1929). Она сопровождалась

[5] Вероятно, это связано с тем, что многие русские военные эмигранты, а также некоторые служащие бывших консульств Российской империи в Синьцзяне были близки с руководством провинции и даже находились на службе губернатора, в частности А. А. Дьяков. Соответственно, они имели возможность влиять на принимаемые китайским руководством решения, в том числе относительно их взаимоотношений с советскими представителями в провинции. А. А. Дьяков этим активно пользовался, продолжая таким образом борьбу с «советами».

негативными выкриками по адресу советской власти и сотрудников консульства. Следует отметить, что демонстрацией руководил А. А. Дьяков, который не принял новые российские власти и стал активным борцом с СССР. В демонстрации также принимали участие русские эмигранты, находившиеся в провинции. Среди них – К. И. Дубровский, М. В. Кузнецов, А. Д. Педашенко, А. И. Полещук, А. И. Проскуряков, Н. А. Ананьин и др. Демонстранты требовали открыть ворота консульства для того, чтобы войти в церковь и отслужить панихиду по умершему. Их требование было выполнено. Между тем ещё накануне, 27 февраля, генеральным консульством было сделано предупреждение о недопустимости служб в церкви. После панихиды демонстранты продолжили свою акцию против советских властей и их представителей. По этому поводу генеральное консульство СССР выразило официальный протест китайским властям. Несмотря на это никто из участников демонстрации так и не был привлечён к ответственности [АВП РФ, ф. 100, оп. 13, папка 20, д. 27, л. 24–25].

Внутриполитические события Синьцзяна 1930–1940-х гг. и начавшаяся агрессия Японии против Китая прервали связь Пекинской Духовной Миссии с провинцией, и сведения о православной жизни в этот период практически отсутствуют. Отъезд русских из Синьцзяна в СССР в 1950-е гг. предопределил угасание православной жизни в провинции. Последними настоятелями храма в Урумчи являлись священник И. Милонский и о. Софроний. Однако, по данным Д. Поздняева, в 1957 г. о. Софроний служил в Свято-Духовском храме Урумчи, но располагался храм уже в бывшем магазине [Священник Дионисий Поздняев]. Возможно, к этому времени первое здание храма Сошествия Святого Духа, строительство которого началось в 1903 г., уже было утрачено, однако это не точно.

В 1991 г. по ходатайству православного населения Урумчи правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) построило взамен разрушенного храма новый – в честь Святителя Николая Мирликийского. На нём установлена табличка с надписью на трёх языках – уйгурском, китайском и русском – «Урумчинская Православная Церковь». Однако священника в ней до сих

пор нет, а храм не освящён. 17 июля 2002 г. временное архипастырское попечение о пастве в СУАР было возложено на архиепископа Астанайского и Алма-Атинского при координации исполнения данных решений с отделом внешних церковных связей РПЦ. Богослужения в храме проходят каждое воскресенье, а также по большим праздникам. Служит староста из русской общины. Очень редко (раз в несколько лет) в Урумчи, как и в другие города провинции, приезжают православные священники из Казахстана, России или Австралии для того, чтобы совершить таинства для местных прихожан.

Так описывает убранство нынешнего храма в Урумчи О. В. Кладова: «Церковь затерялась в лабиринте старых улочек города, в той его части, где преобладает уйгурское население. Небольшое здание ничем бы и не отличалось от остальных, если бы не единственная маковка с небольшим крестом. Чтобы попасть туда, нужно миновать немного заброшенный парк и завесу чада уйгурских тандыров. […] Нехитрое убранство и обстановка храма состоят из традиционного распятия, немногочисленных икон, столиков, одновременно служащих подсвечниками, люстры, свечного прилавка. За исключением пасхального времени, в храме никогда не бывает много народу, поэтому тесного молельного зала с лихвой хватает для размещения всех желающих совершить молитву. Богослужение происходит каждое воскресенье при помощи старенького музыкального центра. Пожилые прихожане (таких большинство), их дети и внуки ставят свечи, молятся. Мне слышится родная речь вперемешку с китайской. […] Мужчины же в храме появляются редко, за исключением пары активистов общины, один из которых – церковный староста. На них лежит уход за храмом, коммуникация с различными государственными ведомствами и организация хозяйственных дел. После службы происходит традиционное чаепитие на втором этаже храма. На стол ставится выпечка разных кухонь: русской, китайской, уйгурской» [Кладова 2019].

В последние годы, по данным китайских исследователей, в Урумчи наметилось возрождение православия, что выразилось в праздновании потомками русских православных праздников. Однако это является скорее следствием подъёма интереса представителей современной русской общины Синьцзяна к своим нацио-

нальным корням, чем стремления к религии [Лян Чжэ 2016, с. 151]. В то же время необходимо учитывать, что современная русскоязычная диаспора в Синьцзяне невелика – всего 8,5 тыс. человек [Баженова, Островский 2016, с. 88].

Таким образом, история православия в провинции Синьцзян в целом и история отдельных православных храмов на её территории остаётся до сих пор малоизученной. Имеющиеся данные противоречат друг другу, часто неточны, отсутствуют сведения о священнослужителях в Синьцзяне, политике китайских властей в отношении русской диаспоры и русской православной церкви в этом регионе в целом. Возможно, привлечение новых источников по данной теме, в частности китайских, будет способствовать воссозданию объективной и более полной картины развития православия в этом важном регионе Китая и, в свою очередь, содействовать российско-китайскому диалогу в культурном и политическом плане.

Источники и литература

Архивы

1. АВП РИ – Архив внешней политики Российской империи
2. АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
3. РГВА – Российский государственный военный архив

Литература

1. Андреева 2001 – *Андреева С. Г.* Пекинская духовная миссия в контексте российско-китайских отношений, 1715–1917 гг. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. М., 2001.

2. Баженова, Островский 2016 – *Баженова Е. С., Островский А. В.* Синьцзян – горизонты нового Шёлкового пути. М.: Изд-во МБА, 2016.

3. Бармин, Петякшина 2016 – *Бармин В. А., Петякшина Е. А.* Становление и развитие православной жизни в западном Китае (XX – начало XXI вв.) // Макарьевские чтения: материалы XI международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2016. С. 18–19.

4. Богоявленский 1906 – *Богоявленский Н. В.* Западный Застенный Китай: Его прошлое, настоящее состояние и положение в нём русских подданных. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1906.

5. Генеалогический форум ВГД – Генеалогический форум ВГД. URL: https://forum.vgd.ru/file.php?fid=228238&key=401566579 (дата обращения: 24.07.2022).

6. Головин 2013 – *Головин С. А.* Российская духовная миссия в Китае: Исторический очерк. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2013.

7. Дацышен 2007 – *Дацышен В. Г.* Христианство в Китае: история и современность. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007.

8. Дацышен 2010 – *Дацышен В. Г.* История Российской духовной миссии в Китае. Гонконг: Православное братство святых Первоверховных апостолов Петра и Павла, 2010.

9. Дацышен – *Дацышен В. Г.* Фигуровский // Проект «Синология.Ру: история и культура Китая». URL: https//www.synologia.ru/ a/Фигуровский (дата обращения: 19.07.22).

10. Добротушенко 2014 – *Добротушенко Е. В.* Православие в китайском Синьцзяне в 50-е гг. XIX – 1960-е гг. / Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы IV Международной научно-практической конференции. North Charlston: Create Space Independent Publishing Platform, 2014. С. 32.

11. Добротушенко 2017 – *Добротушенко Е. В.* К вопросу о развитии православия на северо-западе Китае в начале 1950-х гг. // Вестник БГУ. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2017. Вып. 4. С. 78–84.

12. Иванов 2005 – *Иванов П. М.*, свящ. Из истории христианства в Китае. М.: Институт востоковедения РАН; Крафт+, 2005.

13. История Переславской епархии – История Переславской епархии. Веб-сайт Переславской епархии. URL: https://preparhia. ru/istoriya-pereslavskoj-eparhii/ (дата обращения 19.07.22).

14. История Российской Духовной Миссии в Китае 1997 – История Российской Духовой Миссии в Китае. Сборник статей. М.: Издательство Свято-Владимирского Братства. 1997.

15. Кладова 2019 – *Кладова О. В.* Русский храм в дыму уйгурских очагов // Независимая газета. 03.12.2019. URL: https://www. ng.ru/ng_religii/2019–12–03/16_477_style.html (дата обращения: 21.07.2022).

16. Комиссарова 2007 – *Комиссарова Е. Н.* Духовная жизнь русской эмиграции в Синьцзяне как один из факторов социальной адаптации // Макарьевские чтения. Материалы шестой международной конференции г. Горно-Алтайск, 21–23 ноября 2007 г. Горно-Алтайск: ГАГУ, 2007. С. 206–217.

17. Коростелёв, Караулов 2019 – *Коростелёв В. А.*, *Караулов А. К.* Православие в Маньчжурии (1898–1956): Очерки истории / Под ред. О. В. Косик. М.: ПСТГУ, 2019.

18. Курто 2012 – *Курто О. И.* Современные проблемы православной церкви в Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 3. М.: ИВ РАН, 2012. С. 343–355.

19. Лю Лэй 2020 – *Лю Лэй.* Русские и православие в Синьцзяне: основные вехи истории // Современная научная жизнь. 2020. № 6. С. 147–154.

20. Лян Чжэ 2016 – *Лян Чжэ.* Православие в контексте современного российско-китайского взаимодействия (1949–2015 гг.). М.: РУДН, 2016.

21. Окороков, Окорокова 2022 – *Окороков А. В., Окорокова М. А.* Русские православные храмы в Китае. М.: Институт Наследия, 2022.

22. Петякшина 2015 – *Петякшина Е. А.* Русские в Синьцзяне (из истории православной церкви в Восточном Туркестане второй половины XIX – XX века // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. Tomsk Journal LING & ANTHRO. 2015. 3(9). С. 128–135.

23. Священник Дионисий Поздняев – Священник Дионисий Поздняев. История Православной Церкви в Синьцзяне. Веб-сайт «Православие в Китае». URL: http://www.orthodox.cn/localchurch/ pozdnyaev/app3_ru.htm (дата обращения: 19.07.22).

24. Смирнова 2016 – *Смирнова И. Ю.* Между Западом и Востоком: из истории церковно-дипломатических отношений на Ближнем и Дальнем Востоке. М.: РОССПЭН, 2016.

25. Чжан Фань, Фомина 2015 – *Чжан Фань, Фомина М. Н.* Китайское религиоведение о православии в современном Китае. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2015.

ORCID: 0000-0003-2935-7794

А. И. Кобзев[*]

Гибель Титаника советского китаеведения

Аннотация. Русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его псевдомарксистскому и европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «ве́дение» означает в первую очередь «управление», а не «знание». Связанная с этим лингвистическим фактом и до сих пор внятно не объяснённая претензия руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР привела в 1960 г. к переименованию первого и упразднению второго. Авторитетные специалисты опубликовали несколько версий этого странного происшествия, которые, однако, страдают фактическими неувязками и лишены документальных подтверждений. В статье выдвинута гипотеза, объясняющая демарш руководства КНР обострённым идеологической полемикой сочетанием двух факторов: советским осуждением традиционного востоковедения как буржуазной науки с гегемонистскими интенциями и назначением директором Института китаеведения высокопоставленного сотрудника спецслужб С. Л. Тихвинского, ассоциировавшегося с такого рода востоковедением. В свою очередь, руководство СССР само развернуло в 1960 г. антикитайскую кампанию, в ходе которой ликвидировало НИИ, созданный для изучения достижений КНР.

Ключевые слова: востоковедение, синология, китаеведение, ориентализм, Институт китаеведения, Институт востоковедения, Институт Дальнего Востока, С. Л. Тихвинский

Artem I. Kobzev[**]

The Wreck of the Soviet China Studies ‘Titanic’

Abstract. The Russian term “vostokovedeniye” (“Oriental studies”) can maximally correspond to its pseudo-Marxist and Eurocentric understanding

[*] ***Кобзев Артём Игоревич,*** д-р филос. наук, профессор, зав. отделом Китая Института востоковедения РАН (Москва), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

[**] ***Kobzev Artem Igorevich,*** Dr. Hab. (Philosophy), Professor, Head of China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

© Кобзев А. И., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

as “Western concepts of the East”, since “védeniye” means, first of all, “management”, and not “knowledge”. Associated with this linguistic fact and still not clearly explained, the Chinese leadership's concern about the names of the Institute of Oriental Studies and the Institute of Chinese Studies of the USSR Academy of Sciences led in 1960 to the renaming of the former and the abolition of the latter. Authoritative experts have published several interpretations of this strange incident, which, however, suffer from factual inconsistencies and are devoid of documentary evidence. The article puts forward a hypothesis that explains the demarche of the PRC leadership by a combination of two factors aggravated by ideological controversy: the Soviet condemnation of traditional Oriental studies as a bourgeois science with hegemonic intentions and the appointment of a senior intelligence officer S. L. Tikhvinsky, who was associated with this kind of Oriental studies, as the director of the Institute of Chinese Studies. In turn, the leadership of the USSR itself launched an anti-Chinese campaign in 1960, during which it liquidated the research institute created to study the achievements of the PRC.

Keywords: Oriental studies, Sinology, Orientalism, Occidentalism, Institute of Chinese Studies, Institute of Oriental Studies, Institute of the Far East, S. L. Tikhvinsky

В ходе бурной дискуссии о востоковедении [Кобзев 2021, с. 2], вызванной публикацией в 2006 г. русского перевода знаменитой книги Э. В. Саида (E. W. Said, 1935–2003) «Ориентализм. Западные концепции Востока» [Said 1978; Саид 2016], его сторонник, ветеран отечественной индологии, д-р ист. наук Л. Б. Алаев предался воспоминаниям о ситуации с данной проблематикой и терминологией в советском прошлом: «Справедливости ради стоит отметить, что негативное отношение к слову “востоковедение”, “ориенталистика”, “oriental studies” появилось и стало крепнуть задолго до блестящей книги Саида, в период распада колониальных империй в середине XX в. Причём это проявилось не только на Западе и в странах третьего мира, но и в Советском Союзе. Среди востоковедов всё большую роль стали играть учёные из самих так называемых восточных стран, и для них называть ту науку, которой они занимались, “востоковедением” было весьма странно. Регулярно проводившиеся международные конгрессы востоковедов были переименованы в “Международные конгрессы по изучению Азии и Северной Африки”, а Институт востоковедения Академии наук

СССР накануне очередного конгресса в 1960 г., который проходил в Москве, был переименован в Институт народов Азии, при этом из него был выделен Институт Африки. А журнал "Проблемы востоковедения" получил новое название: "Народы Азии и Африки"» [Алаев 2016, с. 8].

Таковы были практические выводы, а теоретически востоковедение стало предметом критики как «колонизаторско-расистская» и «буржуазная» наука в Советской России уже в 1920-е гг. Руководитель Центра по изучению России и Евразии Манчестерского университета Вера Тольц (V. Tolz) показала, что эта концепция повлияла на взгляды Э. В. Саида через труды египетско-французского социолога-марксиста А. Абдель-Малека (Anouar Abdel-Malek, 1924–2012), прямо ссылавшегося на статью «Большой Советской Энциклопедии» [Тольц 2013]. Советские пропагандисты от науки явно переборщили с поношением востоковедения, и их филиппики в 1950-е гг. проникли в умы марксистов не только Ближнего, но и Дальнего Востока. Тогда «Большая Советская Энциклопедия» активно переводилась в КНР [Сулянь 1953–1959] и очевидно сформировала сугубо негативный взгляд на западное востоковедение, который через пять лет бумерангом вернулся в СССР.

Именно русский термин «востоковедение» может максимально соответствовать его раскритикованному советскими марксистами в 1920-е – 1950-е и Э. В. Саидом в 1970-е гг. европоцентристскому пониманию как «западных концепций Востока», поскольку «ве́дение» ныне означает в первую очередь «управление», а не этимологически исходное «знание», которое «Большим академическим словарём русского языка» указано в качестве второго и устарелого значения данного слова [Большой 2005, с. 373–374]. Очевидно, что «ве́дение» преобразовалось из «знания» в «управление» прежде всего в административной среде (см., например, [Словарь 1985, с. 241–242]), где то и другое в идеале взаимосвязываются как две стороны одной медали, однако на самой большой этимологической глубине оно знаменовало наивысший вид управления – «провидение, промысел, чудодейственную силу; колдовство, чародейство, знахарство» [Словарь 1975, с. 44, 50].

То ли самостоятельно всплывшая из языкового подполья, то ли злонамеренно выдвинутая, то ли казуистическая, то ли малограмотная трактовка «востоковедения» и «китаеведения» в смысле инверсий «ве́дение Востоком» и «ве́дение Китаем» послужила на излёте «великой дружбы» коммунистических гигантов основанием или поводом для претензии не рядовых востоковедов Востока, а руководства КНР к названиям Института востоковедения и Института китаеведения АН СССР, вследствие чего на фоне формировавшегося десятилетия негативизма по отношению к востоковедению в 1960 г. первый был переименован в Институт народов Азии, а второй вообще упразднён (см. [Афиани 2008, с. 31–38; История 2008, с. 39–57; Институт 2018, с. 76–79]).

По справедливому заключению специально занимавшегося данной проблемой В. Ц. Головачёва, «активная, но недолгая деятельность Института китаеведения, внезапно закрытого в 1960 г., остаётся малоизвестной страницей истории» [Российское 2018, т. 3, с. 9]. Ещё большую драматичность этому удивительному факту придало то, что вместе с ликвидацией Института китаеведения лишился директорского поста занимавший его всего полгода д-р ист. наук, профессор и будущий академик С. Л. Тихвинский (1918–2018).

Он первым в 2006 г. опубликовал объяснение загадочного происшествия, что, видимо, было связано с празднованием в том же году фальшивого 50-летнего юбилея Института Дальнего Востока РАН, где С. Л. Тихвинский обосновался с 1993 г. (подробно об этом – ниже). По его версии, причиной стало волюнтаристское решение главы СССР Н. С. Хрущёва (1894–1971), в свою очередь вызванное «телеграммой из нашего посольства в КНР, в которой сообщалось о беседе советника-посланника Н. Г. Сударикова летом 1960 г. с одним китайским руководителем среднего ранга. Китайский собеседник в весьма раздражённом тоне упрекал советское руководство в великодержавном шовинизме, мотивируя свой упрёк существованием в Москве двух институтов: “ведающего делами Китая” и “ведающего делами других стран Востока” (так он истолковывал название институтов китаеведения и востоковедения Академии наук СССР). Вместо того чтобы объяснить китай-

ским руководителям истинное значение названий обоих научных центров, Н. С. Хрущёв, к тому времени ещё пытавшийся избежать открытой полемики с Мао Цзэдуном, принял такое "страусовое" решение» [Тихвинский 2006, с. 317]. Свою версию этого события, названного «пертурбацией», С. Л. Тихвинский почти дословно повторил через три года в дважды изданном интервью для проекта «Китаеведение – устная история», и она приобрела официальные черты, в частности будучи воспроизведённой в юбилейных публикациях 2018 г., посвящённых 200-летию Института востоковедения [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 359; Чудодеев 2018, с. 430; Институт 2018, с. 77–78].

Но за год до интервью 2009 г. он выпустил в свет очерк «Образ России в Китае» (М., 2008), переизданный в 6-м томе его «Избранных произведений» (М., 2012), где уточнил сообщение о китайском собеседнике Н. Г. Сударикова (1913–2000), по-прежнему не назвав его имя, а также вопреки предыдущему рассказу поведал о разъяснении ему смысла слова «ведение»: «[…] в одной из бесед с советником-посланником Посольства СССР в Пекине Н. Г. Сударикова, один видный чиновник аппарата Президиума Китайской академии наук обвинил Советский Союз в проведении агрессивной политики против Китая и других стран Востока, мотивировав это обвинение тем, что в Москве существует "Институт, ведающий делами Китая" (Институт китаеведения АН СССР) и "Институт, ведающий всеми остальными странами Востока" (Институт востоковедения АН СССР). Попытка Н. Г. Сударикова разъяснить вызывающе поведшему себя аппаратчику от науки, что слово "ведение" в названии этих двух институтов не имеет ничего общего с "заведованием", "управлением", а означает лишь "научное изучение" этих стран [sic]. Однако его китайский собеседник покинул посольство, оставаясь при своём мнении, видимо, отражавшем настроение его более высокого руководства» [Тихвинский 2012, с. 164].

В этих воспоминаниях С. Л. Тихвинский сообщал о пребывании в должности директора института в течение года, с 1960 по 1961 г., что соответственно отражено в специальной биобиблиографической литературе [Милибанд 2008, кн. II, с. 469], хотя проти-

воречит данным других авторитетных справочников (см., например, 3-е изд. «Большой советской энциклопедии»), юбилейных статей о нём и комментариев в сборнике с его интервью, где сказано о существовании Института китаеведения и директорстве в нём С. Л. Тихвинского лишь до 1960 г. [Титаренко, Ипатова 2006, с. 10; Титаренко, Ипатова 2008, с. 9–10; Российское 2014, с. 32, 442, 475; Российское 2018, т. 1, с. 32, 442, 476]. Ещё большую неясность породило приуроченное к 90-летию С. Л. Тихвинского юбилейное жизнеописание, в котором его близкий последователь академик В. С. Мясников сообщил, что юбиляр возглавил институт в 1959 г. [Мясников 2008, с. 78]. Через десять лет эту сомнительную дату повторил ученик С. Л. Тихвинского к. и. н. Ю. В. Чудодеев [Чудодеев 2018, с. 430]. Тогда же в написанной по гранту РФФИ итоговой публикации к 100-летнему юбилею уже почившего учёного известный петербургский синолог д. и. н. Н. А. Самойлов ограничился лишь указанием, что он «в 1960 г. был назначен директором Института китаеведения АН СССР», ничего не сказав о времени окончания этой миссии [Самойлов 2018, с. 21].

Определённую ясность сюда внесло издание в 2008 г. фестшрифта к 90-летию С. Л. Тихвинского с архивными документами по истории Института китаеведения, неоспоримо показавшими, что юбиляр был его директором в два раза меньше указанного им срока, т. е. ровно полгода: с 22 января по 21 июля 1960 г. Более того, из этих документов выяснилось, что решение о ликвидации Института китаеведения было принято ещё раньше и зафиксировано Постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1960 г. [История 2008, с. 53].

Однако 8.12.2021 на 51-й научной конференции «Общество и государство в Китае» В. Ц. Головачёв отметил, что в личном деле С. Л. Тихвинского, хранящемся в архиве ИВ РАН, окончание его директорства маркировано 1961 годом. Обращение к этим документам, видимо ставшим источником искажений в справочной литературе, выявило ещё большую путаницу. В них присутствует полный разнобой и с начальной, и с конечной датой рассматриваемого события. В одной из анкет С. Л. Тихвинский собственноручно указал, что был директором Института китаеведе-

ния с 1.01.1960 по март 1961, хотя в деле содержится постановление Президиума АН СССР № 93 от 22.01.1960 о его назначении, поступившее в Институт китаеведения 28.01.1960 и предписывавшее ещё последующее утверждение в должности Общим собранием АН СССР, что совершенно исключает удивительную новогоднюю дату 01.01.1960. Начальная дата 22.01.1960 фигурирует и в других документах личного дела (дополнении к личному листку по учёту кадров, справке), правда в сочетании с иной конечной датой 1.5.1961, которая также отличается от указанной самим С. Л. Тихвинским. Последнюю явно навеяло его утверждение заместителем директора Института народов Азии 31 марта 1961, а майскую дату – дополнительное назначение и. о. заведующего Отделом Китая, тогда же образованным. Несмотря на весь этот разнобой первичные документы ясно показывают, что с 22.07.1960 по 31.03.1961 С. Л. Тихвинский был и. о. заместителя директора Института народов Азии, а не директором уже не существовавшего Института китаеведения.

За столь странным для академического делопроизводства туманом, покрывающим серую зону от закрытия Института китаеведения 22.7.1960 Постановлением Президиума АН СССР № 684 до формирования Отдела Китая 1.05.1961, скрыта ещё одна прозаическая реальность, состоящая в том, что превращение из директора в заместителя директора и и. о. заведующего отделом влекло за собой заметное уменьшение зарплаты: с 6000 (600 после деноминации 1.01.1961) до 550 рублей (на половину оклада м. н. с. без степени). Судя по документам, эта материальная потеря произошла на девять месяцев позже моральной, т. е. только 1.05.1961, а до того у С. Л. Тихвинского сохранялся оклад директора ликвидированного института, что и могло послужить основанием для возникновения некорректных дат.

Безусловно, ликвидация Института китаеведения явилась отнюдь не актом умиротворения Мао Цзэ-дуна (1893–1976), что легче всего было бы произвести простым разъяснением смысла названия института и его задач, а напротив, одним из элементов развёрнутой весной 1960 г. Н. С. Хрущёвым партийно-идеологической и политико-экономической кампании против китайских

отступников и лично «великого кормчего». «21 апреля 1960 г. ЦК КПСС направил коммунистическим и рабочим партиям документ, в котором взгляды китайской стороны подверглись критике. […] 16 июля в ноте советского правительства руководству КНР отмечались многочисленные факты нарушения китайской стороной договорных обязательств в отношении советских специалистов. […] С 28 июля по 1 сентября 1960 были отозваны на родину 1390 находившихся в КНР советских специалистов» [Усов 2017, с. 191–192]. «Очевидно, что советский лидер был к тому времени резко настроен против Мао Цзэ-дуна и китайского руководства в целом из-за усилившихся разногласий и отзыв специалистов был своеобразной местью» [Бажанов 2013, с. 245]. В промежутке между этими акциями в рамках очередного съезда Румынской рабочей партии (20–25.06.1960) прошло Бухарестское совещание коммунистических и рабочих партий социалистических стран (24–26.06.1960), где Н. С. Хрущёв на всех заседаниях в присутствии представителей 51 партии публично осудил китайских товарищей, используя «совершенно недопустимые, оскорбительные выражения», «морально потрясшие» читавшую их стенограмму д. и. н. А. И. Картунову [Российское 2018, т. 3, с. 176].

Совершенно ясно, что летом 1960 г. он уже не «пытался избежать открытой полемики с Мао Цзэдуном» и тем паче не принимал «страусовых» решений под влиянием своего главного оппонента в мировом коммунистическом движении. Скорее наоборот, в той накалённой обстановке импульсивный Н. С. Хрущёв мог назло Мао Цзэ-дуну закрыть совершенно синофильский институт. Более того, можно даже предположить, что само неожиданное назначение такого глубокого знатока внутренних слабостей китайского лидера и его окружения, как С. Л. Тихвинский, директором Института китаеведения в начале 1960 г. уже явилось компонентом начинавшейся антикитайской кампании. Симптоматично, что ранее, в апреле 1956 г., когда как раз готовилось создание Института китаеведения, а С. Л. Тихвинский ждал нового назначения, ему, уже доктору наук и са́мому, казалось бы, выигрышному кандидату на должность директора, такое предложение не поступило. Это особенно странно в сопоставлении с его собственным объяс-

нением причины получения данной должности через четыре года: «я был назначен директором, потому что был в то время единственным китаеведом – доктором исторических наук» [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 360], ибо в 1956 г. он был тем более вне конкуренции. Столь же удивительно заявление министра иностранных дел В. М. Молотова (1890–1986) о трудоустройстве «единственного китаеведа – доктора исторических наук» в конце апреля 1956 г.: «В Китай Вас посылать также нецелесообразно, поскольку каких-либо сложных для нас вопросов в отношениях с Китаем нет» [Тихвинский 2006, с. 271]. Согласно такой бюрократической логике назначение С. Л. Тихвинского директором Института китаеведения в 1960 г. знаменовало собой не что иное, как появление «сложных вопросов в отношениях с Китаем».

Поэтому за допущенными им фактографическими сбоями, возможно, стоит привычка опытного спецслужбиста не разглашать никакие государственные секреты или личная обида маститого китаиста, лишённого должности, а его версия, чисто мемуарная и никак не документированная, не может считаться полностью достоверной. Полное отсутствие ссылок на какие-либо документы и объективные свидетельства при объяснении весьма серьёзной политико-дипломатической и научно-идеологической «пертурбации» со стороны С. Л. Тихвинского, бывшего начальником Историко-дипломатического управления МИД СССР и членом Комиссии по изданию дипломатических документов при МИД СССР, выглядит более чем красноречивым молчанием.

Сознательный или бессознательный камуфляж присутствует также в продолжении процитированного рассказа С. Л. Тихвинского о работе в Институте китаеведения с соответствующими территориальными перемещениями из Китайского (ныне Китайгородского) проезда в Хохловский переулок, а «потом в район сельхозвыставки – ВСНХ» [Российское 2014, с. 359; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Если этот институт действительно размещался по первым двум адресам, то последний (указанный весьма расплывчато и с ошибочной привязкой к ВСНХ вместо ВСХВ, или ещё точнее ВДНХ, поскольку речь шла о событиях после её переименования в 1959 г.) принадлежал совсем другому учреждению – Институту

марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, где на улице Вильгельма Пика в доме № 4 располагался закрытый Отдел Китая, который, по воспоминаниям максимально информированного участника событий д. и. н. Л. П. Делюсина (1923–2013), «был создан по решению ЦК КПСС в 1965 г.» и официально назывался «Отделом истории при Институте экономики мировой социалистической системы АН СССР», но «занимался вопросами сугубо современного Китая и поставлял всякие справки для ЦК КПСС, МИД СССР, КГБ и т. д.» [Российское 2014, с. 138; Российское 2018, т. 1, с. 138]. Его первым руководителем стал С. Л. Тихвинский, в 1964–1965 гг. являвшийся заместителем директора Института экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), образованного летом 1960 г. в соответствии с ликвидировавшими Институт китаеведения Постановлениями Совета Министров СССР № 723 от 29 июня 1960 г. и Президиума АН СССР № 684 «Об организации Института народов Азии и Института экономики мировой социалистической системы Академии наук СССР» от 22 июля 1960 г. [История 2008, с. 53–54]. Этот закрытый отдел, по сообщению работавшего в нём д-ра ист. наук В. Г. Гельбраса (1930–2018), секретно располагался в отдельном флигеле с выделенной территорией и милицейским постом, а «легальной академической структурой» стал путём преобразования в 1966 г. в Институт Дальнего Востока АН СССР [Российское 2017, с. 139, 140; Российское 2018, т. 2, с. 139, 140].

Руководство закрытым Отделом Китая получилось у С. Л. Тихвинского столь же загадочно кратким и затуманенным в его памяти, как и в случае с Институтом китаеведения. С этой секретной должностью связана очередная ошибка в дате. Согласно собственноручно заполненной анкете из личного дела в ИВ РАН С. Л. Тихвинский был заместителем директора ИЭМСС АН СССР с апреля 1964 по декабрь 1965 г., однако в авторитетном справочнике главного библиографа ИВ РАН С. Д. Милибанд (1922–2017) его пребывание на этом посту датировано 1963–1965 гг. [Милибанд 2008, кн. II, с. 469, стб. 2], т. е., подобно директорству в Институте китаеведения, увеличено на год, что, возможно, возникло из-за смешения с датой образования Отдела истории при ИЭМСС АН СССР, который, по данным синолога-архивиста к. и. н. А. С. Ипатовой (1933–

2021), был создан во главе с С. Л. Тихвинским именно в 1963 г. [Ипатова 2017, с. 173].

Авторитетные учёные обнародовали и другие версии, представляющие более высокопоставленный источник недовольства, нежели «китайский руководитель среднего ранга» или «видный чиновник аппарата Президиума Китайской академии наук». Чуть позже С. Л. Тихвинского, в том же 2006 г., свидетель события (научный сотрудник и аспирант Института китаеведения и Института народов Азии в 1956–1964 гг.) В. С. Мясников опубликовал своё, в целом похожее, но в деталях отличающееся, воспоминание и почти дословно его повторил в аналогичном интервью 2010 г. [Российское 2014, с. 442, 475; Российское 2018, т. 1, с. 442, 476]. Справедливо не выходя за пределы 1960 г., он утверждал следующее: «После завершения работы проходившего в Москве XXV международного конгресса востоковедов [1960] Н. С. Хрущёв совершил "второе закрытие". Первым было закрытие учебного института [МИВ в 1954], в котором готовили востоковедов, теперь же было принято решение закрыть Институт китаеведения АН СССР. Основанием для таких действий было донесение одного из работавших в Пекине дипломатов Н. Г. Сударикова, в котором он сообщал о высказанном Мао Цзэдуном в одной из бесед с ним неудовольствии тем, что в СССР создан Институт китаеведения. По мнению Мао Цзэдуна, изучают только колониальные и зависимые страны, а зачем изучать Китай, строящий социализм? Конечно, дело был[о], скорее всего, не в этом, а в том, что начались серьёзные разногласия между руководствами двух государств. Мао Цзэдун решил ослабить научное обеспечение политики СССР на китайском направлении. Н. С. Хрущёв же сделал поспешный вывод, что если научный институт чем-то вызывает недовольство в Пекине, то его следует принести в жертву. Дальнейший ход показал, что это была одна из ошибок Н. С. Хрущёва. Через два года после снятия Н. С. Хрущёва со всех постов Институт был восстановлен как Институт Дальнего Востока АН СССР. Тогда же, в 1960 г., большинство сотрудников Института китаеведения перешли в Институт народов Азии (как тогда стали именовать Институт востоковедения), где был создан комплексный Отдел Китая под руководством бывшего директора Института китаеве-

дения, известного историка и дипломата, проф. С. Л. Тихвинского, ставшего одновременно и заместителем директора Института народов Азии Б. Г. Гафурова» [Мясников 2006, кн. 2, с. 579–580].

Однако XXV международный конгресс востоковедов проходил в Москве 9–16 августа 1960 г., т. е. через полмесяца после закрытия Института китаеведения, а Отдел Китая под руководством С. Л. Тихвинского в Институте народов Азии был сформирован только к 1 мая 1961 г.

В 2008 г. директор Архива РАН (2003–2018) канд. ист. наук В. Ю. Афиани также весьма странным образом без какого-либо документального подтверждения указал на Мао Цзэ-дуна как инициатора пагубной акции: «Есть сведения и о том, что против существования в СССР специального института, занимавшегося изучением проблем прошлого и настоящего Китая, высказался сам "великой кормчий". Мао Цзэдун посчитал его создание "вмешательством во внутренние дела" Китая» [Афиани 2008, с. 37].

В интервью 2009 г. также для проекта «Китаеведение – устная история» Л. П. Делюсин, бывший в 1959–1965 гг. ответственным работником ЦК КПСС, изложил схожую версию закрытия Института китаеведения с важной дополнительной информацией о недовольстве им и со стороны советского правительства: «Такая ситуация являлась следствием того, что в период "Великой дружбы" требование прекратить "вмешательство во внутренние дела Китая", высказанное советскому послу китайским руководством, в Москве восприняли как указание к действию: нашлись "доброжелатели" в Китае, которые нашёптывали "великому кормчему", что китаеведение – наука колонизаторов, и великий китайский народ не должен никому позволять себя "ведать". Я, конечно, в принципе был против закрытия Института китаеведения. Но Институт-то закрыли, ибо от Н. Г. Сударикова – временного поверенного в делах СССР в КНР была телеграмма, что китайцы возмущались наличием в Москве подобного научного подразделения. Надо сказать, что и наше руководство было недовольно сотрудниками этого института: в журнале Института китаеведения – "Советском китаеведении", поскольку это был научный, а не публицистический журнал, в период дружбы писались определённые статьи, в кото-

рых отмечались отнюдь не только положительные моменты во всех сферах жизнедеятельности Китая и КПК» [Российское 2014, с. 137–138; Российское 2018, т. 1, с. 137–138]. Затем Л. П. Делюсин сообщил ещё один важный факт: Н. С. Хрущёв требовал избегать упоминания Китая в названии китаеведческого учреждения, отчего и появился занимающийся Китаем НИИ, закамуфлированный под Институт Дальнего Востока АН СССР / РАН [Российское 2014, с. 138; Российское 2018, т. 1, с. 38]. В целом эти свидетельства глубокого знатока предмета подтверждают не меньшую, если не большую, чем у китайской стороны, заинтересованность советской стороны в упразднении Института китаеведения.

Вслед за С. Л. Тихвинским, В. С. Мясниковым и Л. П. Делюсиным в том же проекте принял участие в 2013 г. академик М. Л. Титаренко (1934–2016), в 1957–1965 гг. учившийся и работавший в КНР, а с 1965 по 1985 г. бывший сотрудником ЦК КПСС. В его дважды опубликованном интервью повторены лингвистическая версия и ссылка на Мао Цзэ-дуна, но повышен уровень предъявления им претензии до посла СССР в КНР, коим в 1960 г. был С. В. Червоненко (1915–2003), и понижен уровень ответственности за советскую реакцию с Н. С. Хрущева до члена Президиума и секретаря ЦК КПСС в 1957–1961 гг. Н. А. Мухитдинова (1917–2008): «Институт китаеведения, который был создан, он существовал всё время в разных вариантах: то его переименовывали в Тихоокеанский институт, то его вливали в Институт востоковедения, то его “выливали” и создавали Институт китаеведения… Но потом до председателя Мао дошла весть о том, что в СССР в 1956 году путём отщепления от Института востоковедения был создан Институт китаеведения и что существует журнал “Советское китаеведение”. Очевидно, какой-то не очень грамотный знаток русского языка доложил председателю Мао, что в Советском Союзе существует институт по РУКОВОДСТВУ Китаем. Слово “ведение” было переведено в смысле “руководство”, а не в смысле “изучение”, “исследование”, у него же два смысла. Председатель Мао воспринял это очень нервно, пригласил нашего посла и высказал всё, что он по этому поводу думает. Сказал: “Мы предоставляем вам информацию, разве вам этого недостаточно?” Посол сказал, что, конечно, достаточно. После чего в Москву ушла

телеграмма о том, что возникло вот такое-сякое дело: китайские товарищи очень недовольны. После того, как Хрущёв получил телеграмму, последовало указание разобраться. А тогда науку у нас курировал "великий мудрец восточный", узбекский товарищ Мухитдинов – тот, который был в Президиуме ЦК КПСС. Было предписано "разобраться и принять меры". Товарищ Мухитдинов разобрался и принял меры: закрыли Институт китаеведения, Институт востоковедения, который в Сокольниках находился и где готовили страноведческие кадры по Китаю и другим странам» [Российское 2017, с. 473; Российское 2018, т. 2, с. 473].

Однако тут имеет место очевидный анахронизм в соединении «двух закрытий», по выражению В. С. Мясникова, и Н. А. Мухитдинов явно не был причастен к ликвидации МИВа в 1954 г., поскольку до конца 1957 г. работал в Узбекистане.

В подобном и уже трижды опубликованном интервью ещё одного внешнего наблюдателя, находившегося в 1953–1960 гг. в КНР, в конце 1960 – начале 1961 гг. в Москве, а затем в Польше и в 1967 г. поступившего на работу в Институт народов Азии, д-ра ист. наук С. Кучеры (1928–2020) представлен максимально краткий и категоричный, но, увы, безымянный вариант приведённых версий: «Закрытие Института китаеведения, которое тоже произошло по политическим причинам, было ошибкой. Оно было обусловлено влиянием китайцев, я точно это знаю. Китайцы поставили вопрос так: зачем вам этот институт? Если вам что-нибудь будет нужно, то мы для вас сделаем. А поскольку отношения были хорошими, то решили прислушаться к китайским товарищам. Это была глупость» [Синологи 2013, с. 65; Российское 2014, с. 211; Российское 2018, т. 1, с. 211].

Вместе с упомянутыми коллегами по Институту китаеведения интервью для «Китаеведения – устной истории» в 2009 г. дал ещё один непосредственный свидетель его закрытия, работавший там и в Институте стран Азии в 1957–1962 к. и. н. Ю. М. Гарушянц (1930–2012), который возложил ответственность за китайский демарш на премьера Госсовета КНР Чжоу Энь-лая (1898–1976), а не Мао Цзэ-дуна: «Тогда приехал Чжоу Энь-лай и говорит: у нас нет такого института по изучению Советского Союза, а зачем вам Институт

китаеведения? И нас всех разогнали» [Кобзев 2012, с. 34–35; примеч. 32; Российское 2014, с. 55, примеч. 19; Российское 2018, т. 1, с. 55, примеч. 19; Кобзев 2016, с. 582, примеч. 2]. Однако Чжоу Энь-лай приезжал в Москву на XXII съезд КПСС в октябре 1961 г., когда Институт китаеведения уже более года не существовал.

На 52-й научной конференции «Общество и государство в Китае» 18 мая 2022 г. после доклада на данную тему автора этих строк профессор Пекинского университета иностранных языков Ли Ин-нань 李英男 (И. А. Ли) поделилась предположением, что лингвистический аргумент против Института китаеведения мог выдвинуть поверхностно знакомый с русским языком, но считавший себя его знатоком зловещий руководитель китайских спецслужб и заместитель председателя ЦК КПК Кан Шэн 康生 (Чжао Жун 趙容, 1898–1975).

Таким образом, все рассмотренные версии имеют те или иные дефекты. Исходя из этого и учитывая известные факты, более правдоподобной представляется совсем иная гипотеза. Институт китаеведения существовал с 1956 г. и в течение четырёх лет не вызывал никакого неудовольствия руководства КНР. Более того, он был выделен из Института востоковедения для приоритетного изучения братской социалистической страны на пике «великой дружбы» и служил одним из её главных символов. На волне судьбоносных решений XX съезда КПСС (14–25.02.1956) первый секретарь ЦК КП Таджикистана д-р ист. наук и таджикский академик Б. Г. Гафуров (1908–1977) активно включился в кампанию критики Института востоковедения, возглавлявшегося членкором АН СССР А. А. Губером (1902–1971), и в результате сам занял в нём директорское кресло, после чего тут же в начале августа обратился в ЦК КПСС и лично к влиятельным партийным бонзам, занимавшимся околонаучной идеологией и внешней политикой, Д. Т. Шепилову (1905–1995) и М. А. Суслову (1902–1982) с предложением выделить из Института востоковедения институт, изучающий Китай [Афиани 2008, с. 34–35].

За этим, на первый взгляд, странным стремлением известного своей рачительностью хозяина уменьшить собственное новообретённое хозяйство официально стояла советская теория и пар-

тийная практика принципиального размежевания «двух наук» на основе разделения «двух миров» – социалистического и капиталистического, разница между которыми считалась даже большей, чем между Востоком и Западом, или как минимум приравнивалась к таковой. В последовавшей затем записке вице-президента АН СССР, академика К. В. Островитянова (1892–1969) в ЦК КПСС от 27 августа 1956 г. инициировалось создание абсолютно прокитайского института, предназначенного «улучшить научно-исследовательскую работу по изучению достижений Китайской Народной Республики в деле построения социализма, успехов великого китайского народа в хозяйственной и культурной жизни» [История 2008, с. 40].

Причём его название тщательно выбиралось и в ходе организационного процесса неоднократно менялось. В исходном предложении Б. Г. Гафурова речь шла об Институте Китая и Монголии, в записке К. В. Островитянова – об Институте Китая, а в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 20 сентября 1956 г. – об Институте по изучению истории, экономики и культуры Китая [История 2008, с. 42]. Последнее название вызвало замечание самого члена Президиума ЦК КПСС Л. М. Кагановича (1893–1991). После месячных партийно-академических обсуждений и согласований Президиум АН СССР Постановлением № 571 от 26 октября 1956 г. учредил Институт китаеведения [История 2008, с. 43–47].

Весьма вероятно, что руководство КНР раздражило не существование столь дружественного НИИ, по задачам напоминающего современный Институт Конфуция, а именно назначение его директором С. Л. Тихвинского – кадрового сотрудника органов госбезопасности, много лет (1939–1950) работавшего под дипломатическим прикрытием, конспиративно занимаясь разведывательной и вербовочной деятельностью, в Китайской Республике при враждебном Гоминьдане, а затем (1950–1957) в таких центрах империализма, как США, Великобритания и Япония [Петров 2010, с. 843–844]. В условиях разгоравшегося в 1960 г. конфликта между СССР и КНР китайские власти вполне могли счесть, что при подобном руководителе исследования Института китаеведения сблизятся с работой спецслужб. Показательно, что после этого С. Л. Тихвин-

ский действительно возглавил секретный Отдел Китая в ИЭМСС и уже не посылался дипломатом в КНР, хотя в 1967 г. получил ранг Чрезвычайного и Полномочного посла.

Ранее его появление на 23-м Международном конгрессе востоковедов в Кембридже (21–28.8.1954) и 7-й Конференции молодых китаеведов в Дарэме (28.8–2.9.1954) вызвало международный скандал, поскольку «молодой китаевед в штатском» был опознан как разведчик, с 1953 по 1956 г. являвшийся резидентом МВД/КГБ в Лондоне под прикрытием должности советника Посольства СССР в Великобритании. Разумеется, через полвека сам С. Л. Тихвинский представил своё появление на этих международных форумах результатом возобновления прерванных сталинскими репрессиями «научных контактов между советскими и иностранными востоковедами» [Тихвинский 2006, с. 257–258; Российское 2014, с. 360; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Однако хорошо известно, что в те времена даже простые учёные из СССР, участвуя в подобных мероприятиях, были обязаны заниматься идеологической пропагандой и сбором политической информации, а затем об этом письменно отчитываться. Что касается С. Л. Тихвинского как высшего офицера спецслужб (подполковника ГБ с 16.8.1943), то в его обязанности входил контроль за научными и прочими контактами с иностранцами «представительной делегации СССР из 21 востоковеда во главе с А. А. Губером» [Тихвинский 2006, с. 257; Российское 2014, с. 360; Российское 2018, т. 1, с. 360]. Возможно, конфуз с советскими востоковедами в Великобритании стал одной из причин замены партийным функционером Б. Г. Гафуровым академического историка А. А. Губера на посту директора Института востоковедения, где он продержался лишь два года.

Очевидно, что «младший социалистический брат» ожидал увидеть у «старшего социалистического брата» во главе изучающего его академического института профессионального учёного, а не кадрового разведчика и лингвистический аргумент мог быть использован или придуман какой-то бюрократической инстанцией только для приличия либо даже прямо указывал на родственность «ве́дения» с «разведыванием». Сама гиперкритика в СССР традиционного востоковедения создала почву для возникновения

в «коммунистической семье братских народов» подозрения, что «старший брат» попытается этим испытанным веками «империалистическим инструментом» подчинить себе «младшего брата» и превратить его из субъекта в объект истории. Не исключено также, что весьма искушённый в аппаратных играх, многоопытный бюрократ Б. Г. Гафуров предвидел такой исход дела и, подыгрывая начальству, понимал, что отторгнутое от его института подразделение вернётся в родную гавань с прибытком.

Кроме того, легко допустить неслучайность указания М. Л. Титаренко на Н. А. Мухитдинова, который «по-восточному» мог содействовать Б. Г. Гафурову в возвращении Института китаеведения либо сам хотел его возглавить по примеру старшего товарища, бывшего прежде и одновременно с ним таким же руководителем среднеазиатской республики в составе СССР. Видимо, бюрократическая логика той эпохи предполагала, что как экономика должна быть экономной, так и востоковедение – удел представителей Востока. Косвенным подтверждением последнего предположения может служить тот факт, что через девять лет после С. Л. Тихвинского, в 1966 г., Н. А. Мухитдинов тоже оказался на руководящей должности в Государственном комитете по культурным связям с зарубежными странами при Совете Министров СССР.

Когда же обольстительный мираж «великой дружбы» рассеялся и противостояние двух коммунистических гигантов дошло до пролития братской крови в боестолкновениях на советско-китайской границе 2–15 марта 1969 г., уже 28 марта того же года Постановление Президиума АН СССР № 263 вновь преобразовало Институт народов Азии в Институт востоковедения, однако Институт китаеведения не был восстановлен, поскольку уже с 1966 г. существовал заменивший его Институт Дальнего Востока АН СССР. В советское время он «постепенно превратился в специализированное учреждение по “критике маоизма”, которой занимались десятки его сотрудников (в шутку прозванных в научных кругах “китобоями”), публикуя свои труды в многочисленных открытых, но чаще всего закрытых изданиях» [Лукин 2015, с. 760].

Многолетний заместитель директора ИДВ РАН д-р экон. наук А. В. Островский совсем недавно дал самую откровенную

и устрашающую оценку глобальных последствий рассмотренного события: «После закрытия Института китаеведения многие китаеведы вынуждены были сменить профессию, вузы практически перестали выпускать специалистов со знанием китайского языка, а специалистам со знанием китайского языка находились лишь места стюардесс на международных линиях или референтов со знанием английского языка в торговых организациях. В марте и августе 1969 г. произошли вооружённые столкновения на границе. В этот момент в США с подачи квалифицированных китаеведов и советологов увидели возможность ещё больше обострить отношения между СССР и КНР. В результате в 1972 г. США и КНР подписали "Шанхайское коммюнике", по итогам которого СССР пришлось готовиться к войне на два фронта. Суммарные расходы на оборону на границе с Китаем составили примерно два годовых бюджета СССР. Экономика СССР не выдержала напряжения. Бездумная ликвидация Института китаеведения АН СССР в 1960 г. стала одним из важных факторов, способствующих распаду СССР впоследствии» [Круглый стол 2022, с. 11–12].

Согласно нашей гипотезе ликвидация Института китаеведения была не столько бездумной, сколько злонамеренной акцией, к которой привело столкновение противоположных интересов руководителей КНР и СССР. В полемическом угаре первые, восприняв советское осуждение традиционного востоковедения как буржуазной науки с гегемонистскими интенциями, заподозрили в назначении новым директором института высокопоставленного сотрудника спецслужб соответствующее началу острого конфликта формирование враждебного разведывательно-пропагандистского центра, а вторые лишили Китай даже знаков научного внимания, закрыв НИИ, созданный для изучения достижений КНР.

Нужда в Институте китаеведения по прошествии 60 с лишним лет после его исчезновения не только никуда не делась, но и обострилась настолько, насколько с той поры увеличилось значение Китая. Более того, эвфемистическое название Института Дальнего Востока, призванное суеверно скрыть сакраментальное имя «раскольнического» государства, ныне выглядит идеологическим анахронизмом и алогичным дублированием в соотношении с назва-

нием Института востоковедения, который, безусловно, также занимается Дальним Востоком как неотъемлемой частью Востока. Кроме того, новый и. о. директора Института Дальнего Востока, являющийся профессиональным филологом, д-р филол. наук К. В. Бабаев в конце 2021 г. объявил это название ошибочно воспринимаемым как относящееся лишь к российскому Дальнему Востоку и инициировал его переименование в Институт Китая и современной Азии, что, однако, вновь может побудить китайцев задуматься: не исключают ли их из Азии или из современности, и по зрелом размышлении сделать очередной политико-лингвистический реприманд.

Подобные манипуляции с фактами, отточенные в идеологической и коммерческой борьбе, стали коронным номером некоторых руководителей Института Дальнего Востока, дошедших до произвольного переписывания его собственной истории. Как было отмечено выше, в 2006 г. развернулась фантастическая кампания по искусственному удревнению генеалогического древа института для празднования его 50-летия вместо положенного согласно обычному календарю и здравому смыслу 40-летия. По устному свидетельству А. В. Островского, волшебное прибавление целого десятилетия имело банальную причину: Академия наук согласилась финансировать только совсем «круглый» 50-летний, а не «полукруглый» 40-летний юбилей. Выцыганенное празднество вылилось в пышные торжества, сопровождавшиеся выпуском мемориальных публикаций и даже медали с надписью «ИДВ РАН 50 лет. 1956–2006». Благоразумно не обозначивший себя автор Предисловия в юбилейном издании «Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН)» обосновал пересмотр общепринятой даты основания института новонайденным происхождением от безвременно почившего предка: «Ровно полвека назад, в 1956 г., постановлением Президиума Академии наук СССР был создан Институт китаеведения, преобразованный в последствии (так в оригинале. – *А.К.*) в Институт Дальнего Востока» [Предисловие 2006, с. 5]. Однако в начале первой же статьи данного сборника директор института М. Л. Титаренко и его ведущий научный сотрудник А. С. Ипатова фактически опровергли эту конъюнктурную версию утверждением, что не в 1956, а «в 1966 г. начал свою деятельность Институт Дальнего Востока АН

СССР, который был образован на основе Отдела истории, созданного несколькими годами ранее по инициативе С. Л. Тихвинского в структуре Института экономики мировой социалистической системы АН СССР» [Титаренко, Ипатова 2006, с. 10], а не Института китаеведения или Отдела Китая, созданных в структуре Института востоковедения / Института народов Азии АН СССР. В сентябре 2021 г. и. о. директора ИДВ А. А. Маслов как доктор исторических наук восстановил историческую справедливость и празднованием его 55-летнего юбилея отверг выдуманное происхождение от многострадального Института китаеведения (подробно см. [Шабалин 2022]), а в декабре 2022 г. по инициативе автора этих строк еще более многострадальный журнал «Советское китаеведение» возродился в ИКСА под названием «Российское китаеведение».

В свою очередь, терминологически реабилитированное в СССР отечественное «востоковедение» уже в новой России официально присоединилось к мировой «ориенталистике» (Oriental studies, Orientology, Orientalism, Orientalia), что засвидетельствовало превращение журнала «Советское востоковедение» (1955–1959) / «Проблемы востоковедения» (1959–1961) / «Народы Азии и Африки» (1961–1990) в «Восток /Oriens», наименование выпускаемой с 2001 г. серии трудов Института восточных культур и античности РГГУ (ныне Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ) «Orientalia et Classica» и создание в 2018 г. к 200-летию Института востоковедения международного журнала «Ориенталистика» («Orientalistica»).

Источники и литература

1. Афиани 2008 – *Афиани В. Ю.* «В целях глубокого и всестороннего изучения достижений и опыта…» Из истории советского китаеведения в 1950-е гг. // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 31–38.

2. Алаев 2016 – *Алаев Л. Б.* Ориенталистика и ориентализм. Почему книга Эдварда Саида не имела успеха в России // Ориентализм vs Ориенталистика / Отв. ред. и сост. В. О. Бобровников, С. Дж. Мири. М.: Садра, 2016. С. 16–26.

3. Бажанов 2013 – *Бажанов Е. П.* От дружбы через конфронтацию к нормализации. Советско-китайские отношения с 1949 и до 1991 г. // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. С. 217–298.

4. Большой 2005 – Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич. Т. 2. М.; СПб.: Наука, 2005.

5. Институт 2018 – Институт востоковедения РАН – прошлое и настоящее: к 200-летию / Ав.-сост. Д. В. Дубровская. М.: ИВ РАН, 2018.

6. Ипатова 2017 – *Ипатова А. С.* Связь времён сохраняется. Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) (Из личных воспоминаний и по документам Архива РАН) // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 167–176.

7. История 2008 – История Института китаеведения в документах (1956–1960 гг.) / Публ. В. Ю. Афиани, А. С. Ипатова // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 39–57.

8. Кобзев 2012 – *Кобзев А. И.* Последнее интервью Ю. М. Гарушянца // Общество и государство в Китае. Т. XLII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2012. С. 31–40.

9. Кобзев 2016 – *Кобзев А. И.* Драмы и фарсы российской китаистики. М.: ИВ РАН, 2016.

10. Кобзев 2021 – *Кобзев А. И.* Научный статус востоковедения и судьба российской китаистики // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 6. С. 77–104.

11. Круглый стол 2022 – Круглый стол «Китаеведение современной России» // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 1. С. 1–33.

12. Лукин 2015 – *Лукин А. В.* Возвышающийся Китай и будущее России (Работы о Китае и российско-китайских отношениях): Сборник статей. М.: Международные отношения, 2015.

13. Милибанд 2008 – *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь. Кн. I, II. М.: Вост. лит., 2008.

14. Милибанд 2009 – *Милибанд С. Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь. Дополнения и указатель. М.: Вост. лит., 2009.

15. Мясников 2006 – *Мясников В. С.* Квадратура китайского круга: избранные статьи. Кн. 1, 2. М.: Вост. лит., 2006.

16. Мясников 2008 – *Мясников В. С.* Академик Сергей Леонидович Тихвинской. К 90-летию со дня рождения // Восточный архив. № 18. 2008. С. 75–84.

17. Петров 2010 – *Петров Н. В.* Кто руководил органами госбезопасности, 1941–1954: Справочник. М.: Мемориал, Звенья, 2010.

18. Предисловие 2006 – Предисловие // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН) / Отв. ред. А. В. Островский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 5–6.

19. Российское 2014 – Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. Т. 1. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014.

20. Российское 2017 – Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. Т. 2. М.: ИВ РАН, 2017.

21. Российское 2018 – Российское китаеведение – устная история: Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв.: в 3-х тт. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1, 2, 3. М.: ИВ РАН, МАКС Пресс, 2018.

22. Саид 2016 – *Саид Э. В.* Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Міръ, 2016.

23. Самойлов 2018 – *Самойлов Н. А.* Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение эволюции образа России в Китае // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 7 (176). С. 20–26.

24. Синологи 2013 – Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов / Сост. С. В. Дмитриев. М.: ИВ РАН, 2013.

25. Словарь 1975 – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2 / Гл. ред. *С. Г. Бархударов*. М.: Наука, 1975.

26. Словарь 1985 – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 2 / Гл. ред. Ю. С. Сорокин. М.: Наука, 1985.

27. Сулянь 1953–1959 – Сулянь да бай-кэ цюань-шу сюань-и 蘇聯大百科全書選譯 («Большая Советская Энциклопедия» в избранных переводах). 30 тт. Пекин, Шанхай: Издательства «Ши-дай», «Минь-цзу», «Жэньминь», «Сань-лянь» 時代出版社, 民族出版社, 人民出版社, 三聯書店, 1953–1959.

28. Титаренко, Ипатова 2006 – *Титаренко М. Л., Ипатова А.* С. Учёный, патриот, дипломат // Люди и идеи (К 50-летию ИДВ РАН) / Отв. ред. А. В. Островский. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 9–21.

29. Титаренко, Ипатова 2008 – *Титаренко М. Л., Ипатова А. С.* Жизнь большая и яркая: к 90-летию академика С. Л. Тихвинского // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского / Гл. ред. М. Л. Титаренко. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 5–30.

30. Тихвинский 2006 – *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Кн. 5: Воспоминания дипломата и заметки историка: автор о себе, своих коллегах – историках и дипломатах. М.: Наука, 2006.

31. Тихвинский 2006а – *Тихвинский С. Л.* Институт китаеведения АН СССР (1956–1960) // Институт Дальнего Востока: годы, люди, труды. Информ.-библиограф. справочник / Сост. В. П. Журавлёва, А. С. Ипатова, О. Н. Попова. М.: ИДВ РАН, 2006. С. 7–15.

32. Тихвинский 2012 – *Тихвинский С. Л.* Избранные произведения. Кн. 6. Дополнительная. М.: Наука, 2012.

33. Тихвинский 2016 – *Тихвинский С. Л.* Институту Дальнего Востока РАН 60 лет // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2014–2015. М.: ИДВ РАН, 2016. С. 410–417.

34. Тольц 2013 – *Тольц В.* «Собственный Восток России»: политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский периоды. М.: НЛО, 2013. URL: http://history.org.ua/LiberUA/978-5-4448-0058-4/978-5-4448-0058-4.pdf (дата обращения: 03.01.2022).

35. Усов 2017 – *Усов В. Н.* Китайская Народная Республика в 1949–1960 гг. // История Китая с древнейших времён до начала XXI века: В 10 т. Т. VIII: Китайская Народная Республика (1949–1976) / Отв. ред. Ю. М. Галенович. М.: Наука, 2017. С. 19–347.

36. Чудодеев 2018 – *Чудодеев Ю. В.* Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН // Ориенталистика. 2018. Т. 1, № 3–4. С. 424–458.

37. Шабалин 2022 – *Шабалин В. И.* От юбилея к юбилею (Письмо в редакцию) // Проблемы Дальнего Востока. 2022. № 4. С. 89–97.

38. Said 1978 – *Said E. W.* Orientalism. L.: Routledge & Kegan Paul, 1978.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ORCID: 0000-0002-9055-6234

Н. В. Руденко[*]

Осенний синологический симпозиум: обзор конференции «История, культура и язык Китая» (ИВ РАН, 27–28 октября 2022 г.)

Аннотация. Статья представляет собой обзор научной конференции «История, культура и язык Китая», прошедшей 27–28 октября 2022 г. в Институте востоковедения РАН при поддержке Международной издательской компании «Шанс». Изложено краткое содержание прочитанных докладов, в общих чертах описан ход конференции, а также приведены сведения о её участниках и их аффилиации.

Ключевые слова: Китай, китайский язык, китайская культура, история Китая, литература Китая, история российско-китайских отношений, «Общество и государство в Китае», китаеведение, критика, переводоведение

Nikolai V. Rudenko[**]

Autumn Sinological Symposium: Review of the Conference «Chinese History, Culture and Language» (IOS RAS, October 27–28, 2022)

[*] ***Руденко Николай Владимирович,*** канд. филос. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), nikolay_rudenko@mail.ru

[**] ***Rudenko Nikolai Vladimirovich,*** Ph. D. (Philosophy), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), nikolay_rudenko@mail.ru

© Руденко Н. В., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Abstract. The article reviews Conference «Chinese History, Culture and Language» held at the Institute of Oriental Studies RAS on October, 27–28 supported by Shans International Publishing Company. It briefly describes the contents of the presentations, the general course of the conference and provides information about the participants and their affiliations.

Keywords: China, Chinese language, Chinese culture, Chinese history, Chinese literature, history of Russian-Chinese relations, State and Society in China, Sinology, critique, translation studies

27–28 октября в Институте востоковедения РАН состоялась научная конференция «История, культура и язык Китая», организатором которой выступил отдел Китая ИВ РАН при поддержке Международной издательской компании «Шанс». Центральными для докладов и обсуждений стали проблемы перевода с древнего и современного китайского языка, актуальные вопросы преподавания китайского языка и литературы, а также история российско-китайских отношений.

Открыл конференцию **зав. отделом Китая ИВ РАН А. И. Кобзев**, во вступительном слове выразив благодарность компании «Шанс» за поддержку и подчеркнув её значительный вклад в благородное дело издания и восстановление культуры перевода научной литературы. После этого выступающим были представлены нововышедшие книги отдела Китая, среди которых – переводы таких трудов, как «Духовные основы китайской культуры» Лоу Юй-ле (издание «Шанса»), «Хрестоматия прекрасной добродетели Китая» Су Шу-яна, «Самый ранний Китай» Сюй Хуна и «Гуманитарный дух даосизма» Чэнь Гу-ина, а также подготовленное А. Д. Дикарёвым, А. И. Кобзевым и Е. С. Скрыпник издание «Полвека конференции “Общество и государство в Китае”. Исторический очерк и аналитический указатель». А. И. Кобзев подчеркнул, что традиционная роль отдела Китая ИВ РАН – продвижение научных стандартов классической синологии в публичном поле – в настоящее время становится ещё более актуальной на фоне сокращения поддержки научных исследований при одновременном обилии в СМИ китаеведческой экспертизы сомнительного качества. Также было объяснено название конференции с точки зрения цивилизационного подхода: именно история, культура и язык являются ключевыми

составляющими цивилизации. Наконец, выступающий поставил вопрос о назревшей необходимости учреждения новой российской ассоциации китаеведов, некоторые соображения по поводу чего были ранее озвучены представителями издательства «Шанс», и призвал к широкому обсуждению данного начинания, предложив расширить охват потенциальной ассоциации до китаистов в целом как более общей категории, включающей в себя не только учёных-китаеведов и преподавателей китайского языка, но также переводчиков, дипломатов, коммерсантов, религиозных деятелей и т. д., то есть всех специалистов, профессионально связанных с Китаем и обладающих достоверной информацией о нем.

После этого с обращением выступил **заместитель директора ИВ РАН по научной работе В. Ц. Головачёв**, поблагодаривший участников конференции и компанию «Шанс», особо отметив при этом выдающийся состав докладчиков и актуальность заявленных тем, а также выразив надежду, что настоящая конференция станет регулярным осенним мероприятием, составив достойную пару с традиционно весенней старейшей отечественной синологической конференцией «Общество и государство в Китае».

Завершил серию приветственных слов **генеральный директор компании «Шанс» г-н Му Пин** 穆平, в формате видеообращения пожелавший участникам конференции успешных исследований и плодотворной работы и отметивший, что сотрудничество с синологами и преподавателями китайского языка очень важно для реализации задач компании, особенно в трудных условиях пандемии коронавируса. Выступающий подчеркнул, что в текущей ситации особую актуальность обретает создание платформы для профессиональной коммуникации, которая позволила бы лучше понять потребности российской аудитории в издании научной литературы о Китае, в том числе переводной, а также заверил, что компания «Шанс» сделает всё от неё зависящее для развития такого рода платформы и выразил надежду на поддержку коллег в этом начинании.

Научные доклады утренней секции под председательством А. И. Кобзева начались с выступления **М. Ю. Ульянова (ИСАА МГУ)** о новом полном переводе на английский язык исторической хро-

ники «Комментарий Цзо к Чуньцю», или «Чуньцю Цзо-чжуань» 春秋左传 (Zuo Tradition Zuozhuan. Commentary on the "*Spring and Autumn Annals*". Tr. and intr. by Stephen Durrant, Wai-yee Li, David Schaberg. 2016). Докладчик отметил как сильные стороны перевода, так и некоторые его недостатки: к первым относится приближенность к оригиналу и наличие параллельного иероглифического текста, ко вторым – краткость комментария и его общая ориентация на китайский комментарий Ян Бо-цзюня 楊伯峻 (1909–1992), из-за чего некоторые важные понятия и исторические реалии эпохи Чуньцю (771–453) остались нераскрытыми; кроме того, не всегда оказались указаны пересечения с другими историческими источниками. Доклад дал повод поставить вопросы о необходимости переводов классических памятников, оптимальной форме подачи перевода и комментария к нему, а также выделении элементов структуры текста. Кроме того, желательным было названо выполнение в ходе перевода источниковедческих и текстологических исследований, анализа наиболее важных содержательных особенностей памятника с позиции профессиональной специализации переводчика: историка, литературоведа, историка философской мысли.

Продолжил заседание **К. М. Барский (МГИМО МИД РФ)** с докладом об интеллектуальном бэкграунде первых дипломатов КНР, в котором отметил, что несмотря на бесспорное влияние Советского Союза на дипломатию Китайской Народной Республики в первые годы её существования, данный фактор был далеко не единственным и в значительной степени также определялся национально-культурными особенностями и традициями, которые требуют изучения и в наше время. К ним, в частности, докладчик отнёс морализаторский характер внешней политики КНР, опору на ценности китайской культуры, тактическую гибкость при стратегической твёрдости, а также приоритет общих принципов над буквой конкретных актов и договорённостей. Далее внимание аудитории было привлечено к образованию ведущих политических деятелей КНР: так, Мао Цзэ-дун 毛泽东 (1893–1976) и Чжоу Эньлай 周恩来 (1898–1976) получили классическое китайское образование (первый – в уездной школе, второй – на дому), а западными

философско-политическими идеями увлеклись уже позже, в студенчестве, в результате они получили возможность обрести представление как о собственной культуре, так и об актуальной мировой политической системе, что позволило им сформировать адекватное видение места Китая в мире. Хорошо знакомы с зарубежными идеями были и другие крупные дипломатические деятели КНР, обучавшиеся за рубежом (в Японии, Германии, СССР): Ван Цзя-сян 王稼祥 (1906–1974), Цяо Гуань-хуа 乔冠华 (1913–1983) и др. Отдельно выступающий отметил высокий процент военачальников среди дипломатов КНР, что связано, по его мнению, с традиционным представлении о дипломатии как одной из форм войны.

В продолжение дипломатической тематики **В. Ю. Захаров (МИД РФ, ШОС)** осветил непростой период восстановления двусторонних отношений между СССР и Китаем в области культуры в 80-х гг. Данный процесс начался с поездок заведующего первым Дальневосточным отделом МИД СССР М. С. Капицы (1921–1995), за которым последовало направление в Китай малых художественных коллективов музыкантов, певцов, артистов балета с выступлением в посольстве и Центральной консерватории и театрах Пекина. Затем по инициативе советской стороны в Китае состоялись выставки русской и советской живописи из собраний Третьяковской галереи и иных – особый успех при этом имела выставка живописи И. И. Левитана (1860–1900) из собраний музеев Поволжья. Кроме того, расширение контактов с китайскими издателями способствовало изданию в Китае русских и советских писателей и проведению тематических выставок в посольстве во время визитов советских и российских лидеров. Одновременно с этим стороны начали обмены в области циркового искусства, а в Китае была создана сеть любительских хоров русской и советской песни, были возобновлены выступления в КНР на межгосударственной и коммерческой основе ансамблей им. Александрова, МВД СССР, «Березка», а также ансамбля Игоря Моисеева. Таким образом, по мнению докладчика, к концу 80-х годов сторонам удалось максимально насытить содержание культурных связей и тем самым подготовить полноформатную нормализацию двусторонних отношений во всех областях.

В прозвучавшем далее докладе **Т. Г. Семёновой (МИД РФ)** был дан краткий экскурс в историю развития обучения практическому применению китайского языка в дипломатическом ведомстве с XVIII по XXI в. Она отметила, что постепенное расширение внешних связей российской империи способствовало увеличению числа используемых во внешнеполитическом ведомстве языков: так, обучение китайскому языку для нужд Коллегии иностранных дел началось с учреждения Духовной миссии в Пекине в 1715 г., после чего начиная с 1739 года в России начали открываться первые школы китайского языка, в которых преподавали люди, прошедшие практику в Пекинской миссии, а в 1823 году при Азиатском департаменте МИД было открыто учебное отделение для восточных языков. Широкомасштабное же преподавание китайского языка в дипломатическом ведомстве началось с середины 1930-х гг. и продолжается по сей день. Докладчик подчеркнула, что распад Советского Союза поставил перед ведомством новые задачи и, преодолев сложный период 90-х гг., Высшие курсы иностранных языков МИД РФ успешно продолжают начатое 200 лет назад дело подготовки специалистов, владеющих китайским языком.

Выступление **А. Н. Алексахина (МГИМО МИД РФ)** было посвящено проблеме соотношения слова и иероглифа, которая была названа ключевой для преподавания китайского языка. Была кратко освещена история формирования в Китае общедоступного для населения стандарта устного языка, а также подчеркнут основополагающий вклад в решение этой задачи проекта «Пинь-инь цзы-му» 拼音字母 (букв. «Буквы с приставленным звучанием»); кроме того, докладчик поделился с аудиторией воспоминаниями об изучении диалекта хакка и общении с известным лингвистом В. М. Солнцевым (1928–2000) и историком китайской философии А. Е. Лукьяновым (1948–1921). Отвечая на вопрос А. И. Кобзева, не является ли диалект хакка языком, а не диалектом, докладчик согласился с таким терминологическим уточнением.

Завершилась утренняя секция докладом **А. В. Семёнова (Дипломатическая академия МИД РФ)** о преподавании китайского языка как языка профессиональной деятельности в неязыко-

вом вузе. Выступающим была подчёркнута произошедшая в этом процессе смена парадигмы закрытости образования с акцентом на приобретение знаний посредством грамматически-переводного метода на парадигму открытости образования и приоритет практического использования китайского языка посредством коммуникативного метода. В результате этого знание китайского языка стало означать умение говорить на нём, понимание же текста на китайском языке было вытеснено на периферию учебного процесса в неязыковом вузе, вследствие чего выпускники зачастую могут общаться на заданные профессиональные темы, но испытывают непреодолимые затруднения при чтении профессиональной литературы. По мнению докладчика, данная проблема приобретает особую актуальность в связи со сложной политической и экономической обстановкой в мире и частичным закрытием Китая из-за ковидных ограничений, что постепенно приводит к «суверенизации образования», то есть смене его парадигмы с глобальной на локальную, из чего вытекает необходимость проведения широкой дискуссии для определения того, какой уровень китайского профессионального языка требуется в России, и выработки на этом основании рекомендаций для программ обучения китайскому языку профессиональной деятельности в неязыковых вузах.

Вечерняя секция первого дня под председательством **С. В. Дмитриева (ИВ РАН)** стартовала с доклада **Т. Г. Завьяловой (Сибирский институт управления (РАНХиГС), Новосибирск; НГУ)** об идентификации переводческих ошибок и методах их диагностики. Представленная методика оценки перевода была разработана и апробирована докладчиком в ходе преподавания курса «Аналитический перевод» в Новосибирском государственном университете. Был выделен ряд общих оцениваемых свойств перевода – его полнота, точность, а также функциональная адекватность; кроме того, предложено разделить процесс оценки ошибок на несколько этапов – с точки зрения текста китайского, текста русского, а затем – с точки зрения соответствия между ними. Подробно ознакомиться с критериями ошибок можно на схеме ниже:

В развитие темы переводческих трудностей и методов работы с ними **В. М. Рыбаков (ИВР РАН)** привлек внимание аудитории к тому факту, что ни в отечественном, ни в западном востоковедении до сих пор не существует общепринятой и общепонятной системы перевода старокитайских наименований учреждений и должностей на другой язык. Между тем административная система традиционного Китая была одной из самых проработанных в мировой истории, играла важнейшую роль в жизни страны, занимала огромное место в китайской социально-политической и философской мысли, и практически ни одна современная работа по собственно китайский истории не может обойтись без упоминаний тех или иных административных терминов. В результате, по мнению докладчика, современная наука теряет очень важный пласт смыслов, теряет культурологический аспект бюрократии, лишает себя всякой возможности увидеть и понять, как сами тогдашние китайцы видели задачу и значение того или иного учреждения или должностной функции. В завершение В. М. Рыбаков сформулировал несколько основополагающих принципов, на которых должна в будущем строиться работа по системной ликвидации этого серьёзного упущения современной синологии, и на ряде конкретных примеров продемонстрировал, как на практике могут применяться эти принципы.

О. А. Бонч-Осмоловская (ИВР РАН) подняла проблему понимания средневековыми китайцами теории жанра и связанную с этим проблему корректного перевода жанровых маркеров. Ею была отмечена важность рассмотрения китайских жанров в историческом контексте, учитывая их идеологическую направленность в исторической динамике, поскольку одни и те же жанровые маркеры могли применяться в разное время и в разных традициях для обозначения совершенно разных типов произведений. Докладчик высказала мнение, что поскольку в Китае доминируют не внутрилитературные критерии жанров (такие как объём, ритм и тематика произведений), а внелитературные (автор и его групповая принадлежность, время и место написания произведения), следовательно, жанр здесь является не только классификатором, но в значительной степени и ключом к пониманию тех или иных культурных явлений, а классификация на основании одних лишь формальных признаков представляется малопродуктивной. В ходе выступления были перечислены основные средневековые произведения, в которых затрагивается проблема жанра, – «Суждения о литературе» («Лунь-вэнь» 論文) Цао Пи 曹丕 (187–226), «Литературные оды» («Вэнь-фу» 文賦) Лу Цзи 陸機 (261–303), «Литературные [устремления] сердца и вырезание драконов» («Вэнь-синь дяо-лун» 文心雕龍) Лю Се 劉勰 (465?–520?), «Описание и обсуждение течений и отделений литературных статей» («Вэнь-чжан лю-бе чжи-лунь» 文章流別志論) Чжи Юя 摯虞 (250–300), «Предисловие к литературному изборнику» («Вэнь-сюань сюй» 文選序) Сяо Туна 蕭統 (501–531), а также «Проникновение в историю» («Ши-тун» 史通) Лю Чжи-цзи 劉知幾 (661–721). Наконец, была освещена проблема различения структурно-функционального жанра *ти-цай* 體裁 и выразительного стиля *вэнь-ти* 文體.

В докладе **М. Л. Лепнёвой (независимый исследователь)** была рассмотрена терминология жизнеописаний буддийских монахов в «Генеалогии светильника школы Люй-цзун» («Люй-цзун дэн-пу» 律宗燈譜, 1765 г.). Отмечено, что при подведении итогов жизненного пути монаха наряду с общей продолжительностью жизни указывается длительность периода с момента пострига и до смерти, а также периода с момента принятия полных обетов и до смерти;

причём как в первом, так и во втором случае могут использоваться различные термины, значение которых было установлено путём сопоставления с информацией из повествовательной части жизнеописаний. Согласно выводу докладчика, такой анализ позволяет подтвердить или скорректировать значения соответствующих терминов, приводимые в буддологических словарях.

Доклад **П. Д. Ленкова (РГПУ им. Герцена, Санкт-Петербург)**, посвящённый проблемам перевода терминологии в позднедаосских текстах на примере синкретической школы Цюань-чжэнь 全真 («Всеобъемлющая истина»), или Цюань-чжэнь-цзяо 全真教 («Учение всеобъемлющей истины»), главным образом основывался на тексте «Лунмэнь синь-фа» 龍門心法 («Закон сердца-сознания [согласно традиции] Лунмэнь») Ван Чан-юэ 王常月 (?–1680). Специфика подобных позднедаосских текстов, по мнению докладчика, состоит в использовании как собственно даосских, так и буддийских, и конфуцианских терминов, то есть в синкретизме / синтезе на всех уровнях системы – доктринальном, психотехническом и дискурсивном. На примере категории *фа* 法 была рассмотрена проблема выбора уместной для перевода терминологии, которая зачастую должна одновременно задействовать и буддийские коннотации («дхарма»), и общелексические («закон, образец»). Докладчик предложил следующие принципы перевода терминологии позднедаосских текстов: 1) по возможности переводить термины на русский язык и оставлять без перевода только не имеющие аналогов в русской и европейской интеллектуальной истории; 2) «обратные» переводы (например, с китайского на санскрит) допустимы, но не следует ими злоупотреблять; 3) при выборе слова для перевода следует учитывать прежде всего понятность текста для читателя, мыслящего на языке перевода; 4) если термин связан с одной из самостоятельных традиций (даосизм, конфуцианство, буддизм) и весь переводимый фрагмент написан в определенном стиле, это указывает на предпочтительность выбора для перевода слова, связанного с этой традицией, однако не отменяет пункта 3; 5) при подозрении на сознательную полисемию в китайском тексте следует давать остальные релевантные варианты перевода в примечаниях/комментариях.

Проблему перевода даосской терминологии развила **И. В. Белая (ИВ РАН)**, посвятившая свой доклад исполненным даосской лексикой стихотворениям, приписываемым Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182), одной из видных представителей вышеупомянутой школы Цюаньчжэнь. Было продемонстрировано, что данные произведения зачастую являются, по сути, зашифрованной инструкцией к самосовершенствованию, понятной только даосскому адепту. К примеру, под «тигром» подразумевалась пневма-*ци*, под «драконом» – дух-*шэнь*, а под «истинным логовом» (*чжэнь-сюэ* 真穴) – область между грудей у женщин. По мнению докладчика, стихотворная форма использовалась даосами во многом из мнемонических соображений, для лучшего запоминания практик.

Завершил первый день конференции доклад **Ли Ин-нань** 李英男 **(Пекинский университет иностранных языков (*Бэйцзин вай-го юй дасюэ* 北京外国语大学))** о китайской военной драме «Озеро Чанцзинь» («Чанцзинь-ху» 長津湖), ставшей лидером домашнего кинопроката в 2021 г. Сюжет картины посвящён одному из ключевых сражений Корейской войны, произошедшему 27 ноября – 13 декабря 1950 г. между силами ООН и китайскими добровольцами. Докладчик отметила, что несмотря на очевидное влияние Голливуда, в китайском кинематографе всё ещё остаются заметными элементы советского военного кино. Были рассмотрены общественные отклики на фильм – как одобрительные, так и критические, причём критика главным образом вызвана несоответствием сюжета историческим реалиям (к примеру, сценами не существовавшей в реальности бомбардировки американской авиацией китайского г. Шэньяна). Кроме того, выступавшая обратила внимание на рост в Китае на волне популярности фильма интереса к историческим книгам и сборникам воспоминаний о Корейской войне, что говорит о социальном запросе на историческую правду и всё более явном стремлении общества отойти от излишней мифологизации событий в угоду идеологическим целям.

Второй день конференции открыл блок докладов, посвящённых Древнему Китаю, – модератором утреннего заседания выступил **Н. В. Руденко (ИВ РАН).** В первом докладе секции **С. Ю. Рыков (Институт философии РАН)** поделился размышлениями об основ-

ных стратегиях перевода древнекитайских философских текстов, трудности которого вызваны главным образом грамматической неопределённостью, лаконизмом стиля, широтой семантики и богатством лексики. Были выделены основные персоналии, внесшие вклад в разработку соответствующих проблем (К. Харбсмайер (1946 г. р.), В. С. Спирин (1929–2002), А. М. Карапетьянц (1943–2021), А. И. Кобзев (1953 г. р.)), а также рассмотрены разнонаправленные переводческие векторы европейской традиции – стремление передать текст автора, как он бы заговорил, если бы язык перевода был его родным (Н. П. Д'Абланкур, 1606–1664), либо передать текст автора максимально таким, какой он есть на языке оригинала, средствами своего языка (И. Г. Гердер, 1744–1803). Докладчик предложил определение научности перевода как свойства, сочетающего упорядоченность (включает экономность, последовательность и эксплицитность) и аналитизм; кроме того, был выдвинут ряд рекомендаций для публикуемых научных переводов, а также отмечен значительный потенциал онлайн-технологий для его стандартизации и популяризации этих стандартов.

Т. А. Сафин (ИВ РАН) попытался представить, как должно выглядеть идеальное издание древнейшей китайской эпиграфики (надписей на гадательных костях), а именно: содержать эстампаж (или фотографию) и прорисовку, максимально точную передачу древнего текста в модернизированной графике (при том, что довольно часто известное слово записывается нестандартным иероглифом и при издании текста его автоматически меняют на более привычный), транскрипцию в древнекитайских чтениях, глоссирование и перевод, а также учитывать контекст надписи. Было продемонстрировано, какие ошибки могут возникать при недостаточном внимании к эстампажу или контексту, а также при отсутствии транскрипции. Слушателям был предложен образец цитирования надписей на гадательных костях в научной работе, охарактеризованный докладчиком как далекий от идеального, но вполне пригодный для практического применения.

Доклад **С. В. Дмитриева (ИВ РАН)** был посвящён проблемам перевода и публикации эпиграфических текстов на чжоуской бронзе (*цзинь-вэнь* 金文) и имел историографически-прикладной

характер. Докладчик подробно рассмотрел важнейшие публикации переводов чжоуской эпиграфики на западных и русском языках, наиболее актуальные издания текстов (корпуса) – как в традиционном «бумажном», так и в цифровом формате, а также охарактеризовал основные словари, на которые можно опираться при работе с этими специфическими текстами.

Особое оживление аудитории вызвал доклад **В. В. Круглова (МГИМО, МПГУ)** «Рефлексия на исследование нумерологической традиции Древнего Китая», представленный в форме видеозаписи и посвящённый критике в адрес нумерологических исследований не названного по имени «авторитетного исследователя», фигурировавшего в докладе под кратким обозначением «АИ», что было объяснено стремлением «соблюсти все тонкости научной корректности и профессиональной этики». Примечательно, что соавтором данного выступления был назван покойный научный руководитель докладчика А. М. Карапетьянц. В частности, В. В. Круглов высказал мысль о том, что «манипуляции с в общем небольшими по величине числами при наличии возможности подсчёта разных объектов и в разных сочетаниях всегда позволяют получить результаты, кажущиеся осмысленными», а также о «представлении в имеющихся работах некоторого здания, возведенного трудом не одного человека, как собственного сооружения, которое оставляет за другими лишь право на фундамент и архитектурные украшения», что «получилось благодаря изъятию из него достаточно важных частей, сконструированных другими, а здание, как известно, из-за этого теряет необходимую устойчивость». В ходе обсуждения доклада А. И. Кобзев пояснил, что аббревиатура «АИ» подразумевает его инициалы, поскольку процитированные фрагменты были взяты из его монографии «Учение о символах и числах в китайской классической философии» 1994 г., после чего достоянием общественности стали некоторые вненаучные обстоятельства и мотивы докладчика, предшествовавшие данному выступлению, подробно о которых см. ниже.

В завершившем секцию докладе **М. Е. Кравцовой (независимый исследователь)** был предпринят анализ первых трёх строф знаменитой древнекитайской поэмы «Ли сао» 離騷 («Скорбь отвер-

женного / Столкновение со скорбью») из собрания «чуских строф» (*чу-цы* 楚辭) и были показаны две их альтернативные интерпретации, восходящие к комментаторской традиции и оставшиеся в силе в современном китайском чуцыведении. В первой из них этих строфы рассматриваются в качестве своего рода преамбулы к каноническому жизнеописанию Цюй Юаня 屈原 (340? – 278? до н. э.) из «Записок историографа» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145? – 86? гг. до н. э.), что предопределило восприятие образа литературного героя как молодого аристократа, наслаждающегося жизнью: на этой интерпретации основываются и русскоязычные переводы (поэтические переложения) «Ли сао» А. А. Ахматовой (1889–1966), А. И. Гитовича (1909–1966) и А. И. Балина (1890–1937). Во второй версии акцентируется факт принадлежности литературного героя к духовной элите общества царства Чу 楚: приведенные в тексте детали его внешнего облика, а именно элементы одеяния, позволяют предположить, что это сказано о человеке, воспитанном в уединении и занимавшемся духовным совершенствованием, а также, возможно, постигавшем учения и практики, связанные с обретением бессмертия. В русле данной версии автор поэмы поднимает два вопроса: почему и зачем молодой человек, подготовляемый для постижения высших духовных ценностей и обретения индивидуального «спасения», решает «спасать мир»? И насколько возможно участие в государственных делах «идеалиста», не имеющего никаких подлинных знаний о реалиях политической (придворной) жизни и жизни общества в целом за пределами его «духовного мира»? На взгляд докладчика, столкновение идеалистического мировосприятия и «суровой правды жизни» как раз и составляет главную трагедию литературного героя как непосредственно «Ли сао», так и других произведений-*чу-цы*.

Финальное, вечернее заседание второго дня провёл **М. Ю. Ульянов (ИСАА МГУ)**. В докладе **В. Э. Шереметовой (Санкт-Петербургский политехнический университет)** была предпринята попытка выделить виды надписей на ханьских погребальных рельефах, а также определить закономерности их расположения на рельефе в зависимости от функций. Кроме того, была приведена статистика, наглядно показывающая региональное распростране-

ние нанесения надписей на погребальные плиты. Помимо положения надписи на рельефе также рассматривались типы наносимых изображений и их сюжетов. Ханьские рельефы были сопоставлены с послеханьскими для определения характерных отличий, что позволило проследить дальнейшую тенденцию в закономерностях изображений и надписей на погребальных рельефах.

А. Э. Терехов (ИВР РАН; Санкт-Петербургский политехнический университет) продемонстрировал и исследовал ошибку средневекового китайского историка Ло Ми 羅泌 (1131–1189/1203) в переводе с древнекитайского, что привело к возникновению нового персонажа мифологизированной истории. В сочинении Ло Ми «Великая история» («Лу-ши» 路史), посвящённому древнейшей истории Китая, упомянут правитель Цы-минь 次民 / Цы-ши-минь 次是民, о котором сообщается только факт его смерти, однако в результате обращения к апокрифу «Мин-ли сюй» 命歷序 («Последовательность периодов [правления, установленных Небесным] повелением», I–II в.) выяснилось, что средневековый историк неверно интерпретировал в древнем источнике конечное служебное слово *е* 也 и в действительности фраза *цы минь мо* 次民没 означает не «Цы-минь сгинул», а «следом народ сгинул» и повествует о завершении эры, в которую люди начали жить в пещерах. При обсуждении Т. А. Сафин предположил, что иероглиф *мо* здесь может иметь не общее значение «погибнуть», а более конкретное – «утонуть», ассоциирующееся с мифом о потопе.

Н. А. Орлова (ИВ РАН) представила промежуточные итоги шестилетнего проекта по поэтическому переводу четверостиший *цзюэ-цзюй* 絕句 («оборванные строки») Бо/Бай Цзюй-и 白居易 (772–846) – одного из трёх крупнейших поэтов Китая эпохи Тан (618–907), в России известного в основном по ритмизированным, но не рифмованным переводам Л. З. Эйдлина (1909/1910–1985). Так, в 2017 г. вышел сборник из ста таких четверостиший в переводе Н. А. Орловой, удостоенный в 2018 г. в Китайском культурном центре в Москве премии в номинации «поэзия» на III конкурсе переводов «Вдумчиво всматриваемся в Китай» (букв. «Разборчиво вчитываемся в Китай», «Пинь-ду Чжун-го» 品读中国) Посольства КНР в РФ, а с 2018 по 2020 гг. при поддержке фонда

РФФИ (ныне РЦНИ) (проект № 18–012–00316) А. И. Кобзевым и Н. А. Орловой было проведено исследование жизни и творчества Бо Цзюй-и и осуществлен поэтический перевод трёхсот его четверостиший, в 2023 году в издательстве «Нестор-История» готовится к изданию монография «Триста четверостиший *цзюэ-цзюй* Бо Цзюй-и: исследование и перевод». Докладчик также сформулировала принципы, которым следовали переводчики: 1) четверостишия расположены в хронологическом порядке с указанием места и времени написания; 2) к переводу прилагаются оригиналы, сверенные по изданию «Бо Цзюй-и ши-цзи цзяо-чжу» 白居易詩集校注 («Собрание стихов Бо Цзюй-и со сверкой и комментариями»), составленному Се Сы-вэем 謝思煒 в 2015 г.; 3) критически учитываются все предыдущие переводы и комментарии; 4) максимально поддерживается равенство «иероглиф = слово», т. е. в строке желательно иметь пять или семь слов; 5) сохраняется четырёхстрочная структура, строка иногда разбивается на две полустроки цезурой, вторая полустрока начинается со строчной буквы; 6) используются разные схемы рифм и стихотворные размеры, традиционные для русской просодии; 7) максимально сохраняются параллелизмы китайского оригинала, имена, должности, топонимы и числительные; 8) названия растений и животных уточняются и переводятся; 9) реалии, персоналии, топонимы и другие термины подробно комментируются. По мнению Н. А. Орловой, такой подход позволяет максимально полно отразить, с одной стороны, формальные особенности «оборванных строк» *цзюэ-цзюй* (их лаконизм, параллелизмы и композиционные особенности), а с другой – содержательные особенности поэзии Бо Цзюй-и (фактологичность, биографичность и контекстность).

Поэтологический блок выступлений продолжил **А. И. Кобзев (ИВ РАН; РГГУ)**, отметивший, что поэзия в Китае издревле считалась высшим проявлением не только литературы и искусства, но и образованности и просвещённости, т. е. культуры в целом, поэтому исследование и перевод китайской поэтической классики – необходимый компонент синологии. Докладчик привёл в пример слова В. Г. Грубе (W. Grube, 1855–1908), который утверждал, что в эпоху Тан китайская цивилизация достигла наивысшего раз-

вития именно благодаря поэзии, обретшей совершенную форму и окончательно превратившейся из народной в художественную. Напротив, Л. З. Эйдлин, проводя в 1949 г. параллель между образованием КНР и «молодым танским государством», вслед за Ху Ши 胡適 (1891–1962), которого ранее за это порицал, и Го Мо-жо 郭沫若 (1892–1978), которого за это же восхвалял, утверждал, что специфику стихов эпохи Тан составляет не изощренная форма, а «новое содержание», почерпнутое из народной поэзии, вершиной чего стало творчество «народного поэта» Бо Цзюй-и. С критикой этой идеологизированной позиции и построенной на ней практики содержательного и формального (вплоть до отсутствия рифмы) упрощения в переводе стихов Бо Цзюй-и сразу же выступил В. М. Алексеев (1881–1951). Данная полемика возобновилась в России через шесть с лишним десятилетий и привлекла к себе внимание китайских учёных: подход В. Г. Грубе и В. М. Алексеева нашёл развитие в изучении, комментировании и переводе четверостиший *цзюэ-цзюй* Бо Цзюй-и А. И. Кобзевым и Н. А. Орловой; отстаивая его, А. И. Кобзев подробно разобрал и опроверг критические замечания Ли И-цзиня 李逸津 (1948 г. р.) к переводам Н. А. Орловой двух четверостиший «Отражаясь в зеркале» («Чжао цзин» 照鏡) и «Ответ весне» («Да чунь» 答春).

Р. В. Берёзкин (ИВ РАН; Фуданьский университет, Китай) в своём докладе вынес на обсуждение аудитории вопросы о необходимости новых переводов уже переведённых текстов, о границах соблюдения принципа единообразного перевода одного китайского слова одним русским словом, а также о минимально необходимой стилистической обработке буквального перевода. На примере «Записок о беседке Пьяного старца» («Цзуй-вэн тин цзи» 醉翁亭記) Оуян Сю 歐陽修 (1007–1072) докладчик отметил и объяснил расхождения между его собственным переводом и классическим переводом В. М. Алексеева.

Н. В. Руденко (ИВ РАН) посвятил доклад поэтизации в процессе научного перевода стихотворений и критически рассмотрел противоположные точки зрения по этому вопросу, после чего предложил методику совмещения научной корректности с художественной стилизацией при поэтическом переводе с китайского.

В качестве примера был приведён авторский поэтический перевод фрагмента-вступления к эссе Ли Чжи 李贄 (1527–1602) «Суждения о навях и духах» («Гуй-шэнь лунь» 鬼神論), представляющего собой обширную цитату из «Канона стихов» («Ши-цзин» 詩經). Для минимизации ущерба научной корректности перевода вследствие поэтизации подстрочника докладчик предложил следующие рекомендации: во-первых, использовать стихотворный размер «с запасом» – дабы в целях поэтизации можно было ограничиваться лишь добавлением, а не трансформацией и сокращением подстрочника, во-вторых – брать в квадратные скобки добавленное переводчиком (таким образом, в идеале при прочтении текста без учёта добавленного читатель будет иметь перед собой кондиционный подстрочник), в третьих – добавлять в целях поэтизации только то, что следует из контекста и ему не противоречит, то есть фактически не содержит качественно новой информации по сравнению с оригиналом. В частности, допустимыми были признаны добавления синонимов и синонимичных выражений, а также вопросов, ответами на которые является имеющаяся в оригинале информация.

Выступление **А. Б. Старостиной (ИВ РАН; РГГУ)** поставило вопрос о том, как следует действовать исследователю раннесредневековой прозы-*сяошо* при отсутствии критического издания. Сложность работы с данными текстами состоит в том, что многие из них сохранились в разной степени целостности и оказались рассеяны по различным сборникам в различных вариациях, в связи с чем при их переводе приходится либо брать за основу какую-либо из редакций, либо сводить воедино все доступные версии, руководствуясь в спорных моментах теми или иными соображениями (фактически создавая при этом критический текст). По мнению докладчика, в этом процессе незаменимыми для современного исследователя являются как всевозможные справочники, так и электронные инструменты текстуального анализа и оцифрованные корпусы произведений: важно вместе с тем осознавать, что в большинстве случаев реконструировать изначальную версию текста в принципе невозможно – возможно лишь зафиксировать те или иные вмешательства на разных этапах его бытования.

Финальный доклад конференции, с которым выступила **В. Б. Виногродская (ИКСА РАН)**, был посвящён сборнику досуговой литературы на вэньяне «Тени ускользающих снов» («Ю-мэн ин» 幽夢影), представляющему собой комплекс из 219 афористических высказываний Чжан Чао 張潮 (1650–1707?), 580 «критических замечаний» (*пин-дянь* 評點) 125 авторов, четырёх предисловий и четырёх послесловий. Было отмечено, что аллюзий в основном тексте относительно немного, они являются органичной составляющей этого стиля, представлены в широком спектре разной степени явности и особенно часто используются в «критических замечаниях», а их активное применение обусловлено потребностью в создании и осознании нового общего культурного кода так называемыми «литерати» (образованным слоем) того времени. Одновременно с расширением границ текста и его семантическим и стилистическим обогащением аллюзии, по мнению докладчика, сужают аудиторию текста, однако при этом укрепляют чувство общности, превращая читательскую аудиторию в интеллектуальное сообщество.

Таким образом, можно заключить, что конференция «История, культура и язык Китая» прошла более чем успешно – практически каждое выступление сопровождалось оживлёнными дискуссиями, которые не утихали в перерывах и продолжались до самого позднего вечера на торжественном фуршете после завершения основной программы. Хотелось бы надеяться, чтобы пожелание В. Ц. Головачёва о регулярном проведении этого осеннего синологического симпозиума претворилось в жизнь, – ведь как вечны смены времён года, так вечны и проблемы перевода, так неизменно актуальны и вопросы преподавания китайского языка и литературы, а также китайско-российских отношений.

А. И. Кобзев[*]

Квадратура Круглова, или Новые похождения Чичикова

Аннотация. Статья представляет собой отклик на выступление В. В. Круглова на конференции «История, культура и язык Китая» (Москва, ИВ РАН, 27–28.10.2022), а также критический разбор его организационной, научной и околонаучной деятельности за последнее время: статьи, опубликованной в «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика» (2021. Т. 13. № 2); кандидатской диссертации, помимо ошибок и нелепостей содержащей явный плагиат; её скандальной защиты в диссертационном совете СПбГУ; организации в карьерных и корыстных целях Ассоциации преподавателей китайского языка с присвоением себе не существующей в ней должности; издания в 2022 г. учебника «Дипломатия. Китайский язык» с сомнительными грифами и вопреки негативным отзывам рецензентов; захвата тиража второго издания монографии А. М. Карапетьянца «Раннекитайская системология» и других самоуправных действий.

Ключевые слова: В. В. Круглов, А. М. Карапетьянц, А. Г. Сторожук, О. А. Масловец, Ассоциация преподавателей китайского языка

Artem I. Kobzev[**]

Kruglov's Quadrature, or The New Adventures of Chichikov

Abstract. The article is a response to the speech of V. V. Kruglov at the conference «Chinese History, Culture and Language» (Moscow, Institute of Oriental Studies RAS, 27–28.10.2022), as well as a critical analysis of his recent organizational, scientific and near-scientific activities: his article published in the "Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies" (2021.

[**] ***Кобзев Артем Игоревич,*** д-р филос. наук, профессор, зав. отделом Китая Института востоковедения РАН (Москва), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

[**] ***Kobzev Artem Igorevich,*** Professor, Dr. Hab. (Philosophy), Head of China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), chinares@ivran.ru, arkobzev@gmail.com

Vol. 13. No. 2); his Ph. D. thesis, which in addition to errors and absurdities contains obvious plagiarism; its scandalous defense in the dissertation council of St. Petersburg State University; his organizing of the Association of Chinese Language Teachers for career and selfish purposes and occupying a non-existing position in it; his publication of the textbook «Diplomacy. Chinese Language» in 2022, which contains dubious vultures and was published despite the negative reviews; the seizure of the circulation of the second edition of the monograph by A. M. Karapetyants "Early Chinese Systemology" and other arbitrary actions.

Keywords: V. V. Kruglov, A. M. Karapetyants, A. G. Storozhuk, O. A. Maslovets, Chinese Language Teachers Association

За полвека участия в десятках, а может быть даже сотнях, самых различных научных конференций я услышал, пожалуй, самое удивительное выступление под претенциозным названием «Рефлексия на исследование нумерологической традиции Древнего Китая». Прежде всего, загадочен его жанр. Согласно «Большому академическому словарю русского языка» (т. 23. М., 2014, с. 638–639), «рефлексия» – это «размышление о своём душевном состоянии, анализ своих мыслей, переживаний; самоанализ», из чего логически следует, что под критикуемым предавшимся рефлексии В. В. Кругловым, но интригующе не названным по имени «авторитетным исследователем» должен подразумеваться он сам. Казалось бы, прекрасный пример самокритики начинающего ученого, который при недавней попытке стать авторитетным исследователем древнекитайской нумерологии испытал сокрушительный разнос своей слабенькой и сомнительной, как осетрина второй свежести, диссертации со стороны нескольких весьма сведущих специалистов (см. ниже их отзывы). Далее, сразу насторожило обозначение в качестве соавтора безусловного авторитета в указанной теме А. М. Карапетьянца (1943–2021), который не мог быть ничьим соавтором почти через год после смерти. Поскольку в выступлении прозвучало высказывание о «сексуальной озабоченности», невольно возникла мысль о некрофильской склонности выступающего. Но он и сам предстал лишь в записи, а не в живом виде или хотя бы в живом эфире, что навеяло предположение о его профессиональной самоликвидации от стыда, дематериализующем

себя присоединении к соавтору и отправке коллегам своего покаянного завещания, тем более что физическое отсутствие на конференции и на рабочих местах ранее объяснялось длительной и серьёзной болезнью. Однако перед зрителями предстала вполне здоровая и сытая физиономия скорее мнимого, чем реального больного.

Надо признать, что отечественная китаистика уже сталкивалась с подобным духовидением и обращением за поддержкой к мертвым авторитетам из-за полного отсутствия таковой среди живых коллег. Например, А. А. Крушинский объявил свои исследования всё той же древнекитайской нумерологии результатом «промыслительного путеводительства» со стороны Хуй Дуна 惠棟 (1697–1758), умершего почти за 200 лет до его рождения, а К. И. Шилин утверждал, что согласовал свои писания с самим Карлом Марксом (1818–1883).

Однако эти предположения о современной калиостровщине или чичиковщине прервало прозрение: «авторитетный исследователь», с недалеким намеком обозначенный аббревиатурой АИ, – вовсе не сам юный некрофил, заклинатель духов и любитель мертвых душ, а организовавший данную конференцию Артём Игоревич Кобзев, и следовательно, всё отдающее дешевой литературщиной видеопредставление являет собой не акт мистического покаяния, а заурядную фигу в кармане. Прозрение было вызвано узнаванием автором этих строк собственных утверждений, нелепо выраженных и глупо прокомментированных далеко ушедшим во всех смыслах видеоперсонажем, ранее не замеченным в таких профессиональных знаниях «нумерологической традиции Древнего Китая», которые позволяли бы критиковать кого-нибудь кроме самого себя. Отсутствие каких-либо ссылок на имена и публикации не позволяет серьёзно обсуждать столь самонадеянное словоблудие в недоброй памяти стиле «если кто-то кое-где у нас порой», но зато побуждает вскрыть его мутный и токсичный источник.

Обратившись к Мнемозине, я вспомнил, что впервые о сотканшемся из ниоткуда Хлестакове от синологии услышал в сентябре 2020 г., когда этот дотоле ничем не отметившийся в китаеве-

дении персонаж со столь же говорящей фамилией, буйной фантазией и неуемными амбициями вдруг сам себя выдвинул в Совет Европейской ассоциации китаеведения (EACS Board) и, разумеется, с треском провалился. Однако, не угомонившись, он колобком перекатился в родные пенаты и весной следующего года уже сам себя возвел в официально не существующий и потому разноименный ранг исполнительного директора или главы Исполнительного комитета другой ассоциации, как потом оказалось только что созданной для осуществления его личных карьерных планов, а именно: Ассоциации преподавателей китайского языка, с помощью которой предполагалось всё-таки прорубить окно в Европу уже не в одиночку, а с группой товарищей, за что, как известно, больше дают. Затея удалась, и в октябре 2021 г. новорожденное российское дитя вступило в одноименную европейскую ассоциацию, что показало признаки хорошо проработанной стратагемы, а не просто болезненной склонности к членству в ассоциациях у начинающего комбинатора, который заявляет о себе как о «члене Всемирной Ассоциации китайских исследований (WACS), Европейской Ассоциации китайских исследований (EACS), Европейской Ассоциации преподавателей китайского языка (EACT), Испанской Ассоциации восточноазиатских исследований (AEEAO), Германской Ассоциации китайских исследований (DVCS), Общества российско-китайской дружбы, Ассоциации учителей иностранных языков г. Москвы (направление «Китайский язык»), РОО “Ассоциация победителей олимпиад”» (см.: https://www.mgpu.ru/personal/kruglov-vladislav-vladislavovich/; обращение 5.11.2022). На том же сайте МГПУ в разделе «О себе» он самозванно представил себя «главой Исполнительного комитета Ассоциации преподавателей китайского языка», хотя такая должность не предусмотрена уставом данной организации, согласно п. 6.3 которого у нее имеется председатель Исполнительного комитета, являющийся одновременно её президентом. О лёгкости присвоения себе и другим чинов, званий и степеней таким «главой Исполкома» свидетельствует, например, зачисление в Попечительский совет Ассоциации «доктора философских наук» С. М. Аникеевой, этой степенью явно не обладающей.

На волне успеха подобной ярмарки тщеславия эффективный менеджер по торговле пустотой, которую предлагали «лопать» прожорливые футуристы, хищения чужой должности и членства во всех доступных ассоциациях В. В. Круглов в паре с заезжей венской китаянкой Цзягу Рихтер стал проталкивать в печать совместный «учебно-методический трёхъязычный комплекс» «Дипломатия. Китайский язык», который, однако, профессиональные рецензенты из Дипломатической академии МИД и Новосибирского государственного университета сочли некондиционным и забраковали (см. ниже рецензии), но это ничуть не убавило пыл гиперактивного профессионального соавтора, пишущего в основном вместе со старшими товарищами и несмотря на разносную критику пробившего свой недозрелый плод в печать в 2022 г., даже снабдив его самопальными грифами как якобы апробированного в «Венском университете, Венской дипломатической академии, МГИМО МИД России и Институте стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова» (ср. ниже сообщение его прямой начальницы О. А. Масловец).

Главные учредители инспирированной им мертворожденной ассоциации, по собственному признанию «близкие ему люди» А. М. Карапетьянц, А. Г. Сторожук (см.: https://gazeta.mgimo.ru/articles/Kruglov_chinese, обращение 5.11.2021), а также сам В. В. Круглов, сыграли свои главные роли в этой самодеятельной постановке через год: первый, правда уже будучи покойным, предстал в качестве научного руководителя последнего при изготовлении диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук с малограмотным названием «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань (“Повествование привязанных слов”) и её проекция на фразеологию современного политического дискурса» («Си-цы чжуань» не трактат, а часть трактата «И цзина» / «Чжоу и», и в любом случае это название должно кавычиться или курсивиться), второй же возглавил диссертационный совет, в котором эта сомнительная продукция не без проблем и нарушений прошла защиту. О зашкаливающем невежестве и беззастенчивом словоблудии автора псевдодиссертации свидетельствуют буквально все её параметры. К примеру, одновременно

целью и материалом своего «исследования» он безумно объявил «рассмотрение существующих синоптических списков традиционной китайской философии и культуры» («Терминология …», с. 9, 11), отнес к этим же материалам словарь «Хань-юй чэн-юй као-ши цы-дянь» 汉语成语考释词典, входящий в название которого бином *као-ши* 考释 ошибочно транскрибировал как *као'и* и неправильно перевел словом «комментарии» вместо «исследование и толкование/комментирование» (с. 11), а в списке литературы топонимическое определение издательства «Хэйлунцзянское» вообще передал на смеси французского с нижегородским как «Хэй Лонгдзяньское» (там же, с. 162, № 143).

Само обращение в диссертационный совет СПбГУ москвича, выпускника и преподавателя МГИМО, магистранта и преподавателя МГПУ, магистранта, преподавателя и соискателя ИСАА МГУ, скрывшегося в другой город как черт от ладана от собственных вузов, своей профильной кафедры китайской филологии и диссовета ИСАА, должно было вызвать подозрение и пристальное внимание у принимающей стороны, обязанной в таком случае как минимум привлечь к рассмотрению диссертации специалистов по её теме, прямо названных в ней самой. Однако это сделано не было, и, видимо, неслучайно, поскольку настоящие знатоки «Си-цы чжуани» с «проекциями» могли высказать много неласковых слов. Тем не менее и при подобном маловысоконаучном режиме наибольшего благоприятствования на диссертацию пришли три совершенно разгромных отзыва более чем компетентных специалистов, однако почему-то ни они в целом, ни представленные в них критические замечания не были оглашены на защите, что не только явилось явным нарушением стандартной процедуры, но и обессмыслило сам термин «защита».

Несмотря на очевидную любому специалисту правоту этой нелицеприятной критики, доказавшей несоответствие представленного текста надлежащим требованиям к диссертации, ранее мне не хотелось высказываться о последней, поскольку её украшало имя моего самого близкого коллеги и замечательного ученого А. М. Карапетьянца, с которым я сотрудничал и дружил около полувека. Достаточно сказать, что при жизни ему удалось издать

лишь две научные монографии: «У истоков китайской словесности» (М., 2010) и «Раннекитайская системология» (М., 2015), обе из которых были изданы в основанной мною и руководимой в качестве председателя редколлегии академической серии «Corpus Sericum», а во второй монографии я еще был ответственным редактором и автором предисловия. Поэтому абсурдные инсинуации со ссылкой на А. М. Карапетьянца, прозвучавшие 28 октября 2022 г. в Зале учёных советов ИВ РАН, кажутся бесстыдством и безрассудством, рассчитанным на невежд и граничащим с безумием.

Одновременно этот петушиный наскок смешон, напоминая неумелый выстрел новобранца в самого себя, ибо значительная часть злополучной диссертации является прямым заимствованием из моих же работ, о чём можно судить хотя бы по следующему признанию автора: «Исходным материалом для дальнейшего исследования послужил синоптический список А. И. Кобзева, который при его составлении ставил “задачу реконструкции имманентного облика понятийно-категориального аппарата традиционной китайской философии” [Духовная культура Китая, 2011, с. 76]» («Терминология…», с. 23). Правда эти «дальнейшие исследования» трудно отделимы от плагиата и одновременно свидетельствуют о непонимании диссертантом элементарных вещей, например что такое «синоптический список» и чем понятие отличается от слова.

К примеру, первый и главный вывод диссертации сформулирован так: «В ходе исследования терминологического аппарата древнекитайского трактата “Сицы чжуань” мы пришли к следующим выводам: 1. Синоптические списки традиционной китайской философии и культуры, составленные Джозефом Нидэмом, Чэнь Юнцзе, У И, А. И. Кобзевым и А. М. Карапетьянцем, служат методологической основой исследования терминологического аппарата древнекитайских памятников» (там же, с. 48). Однако в природе не существует не только никаких «синоптических списков традиционной китайской философии и культуры», но и синоптических **списков категорий и основных понятий** традиционной китайской философии и культуры Дж. Нидэма, Чэнь Юнцзе (точнее Чэнь Жун-цзе 陳榮捷, 1901–1994), У И (吳怡, 1939 г. р.) и А. М. Карапетьянца, потому что их подразумеваемые списки не являются

синоптическими. Проблема не только в том, что всю информацию о них диссертант почерпнул не из трудов указанных авторов, а из их изложения в моих публикациях на данную тему, которой я занимаюсь более сорока лет и к первому коллективному обсуждению которой привлек ведущих отечественных синологов ещё в 1983 г. (см.: Народы Азии и Африки. 1983, № 3, с. 61–95), но гораздо более в том, что он её не понял даже в научно-популярном изложении энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 1. М., 2006/2011, с. 66–81). Весьма показательно, что в разделе «Литература на китайском языке» списка литературы его так называемого исследования («Терминология…», с. 162–165) нет ни одного издания с указанием страниц в отличие от изданий на русском и западном языках в других разделах. Это легко объясняется тем, что все соответствующие публикации ничтоже сумняшеся переписаны из библиографии к моей статье «Категории и основные понятия китайской философии и культуры» в энциклопедии «Духовная культура Китая» (т. 1, с. 81), где страницы не указаны, и вряд ли наш скороспелый «исследователь» держал их в руках. Да и описания западных работ в диссертации страдают многочисленными ошибками, вызывающими сомнение в реальном знакомстве с ними.

Историография проблемы в ней представлена настолько халтурно, что впору заподозрить автора в невменяемости. Достаточно взглянуть на начало этого полубреда: «В 1950-е годы историк китайской философии Чэнь Юнцзе предложил синоптический список из 112 знаков в 74 позициях [Chan Wing-tsit, 1963]. Основным отличием от других синоптических списков было расположение всех центральных понятий традиционной китайской философии в связанном тексте, где прослеживается тесная взаимосвязь всех терминов. Версия, на которую мы ссылаемся, представляет собой документ в шесть листов (1952), хранящийся в отделе китайских исследований Бодлеановской библиотеки (Оксфорд), а публикация в виде монографии вышла гораздо позже – в 1963 году» («Терминология…», с. 21). Во-первых, очень странно, говоря о 1950-х годах, ссылаться на публикацию 1963 г. Во-вторых, этой публикации, далее обозначенной кодом [Chan Wing-tsit, 1963] (там же, с. 213), нет в списке литературы ни на русском (с. 150–166), ни на английском языке

(с. 330–347). В-третьих, ранее, на с. 7, в качестве этого же источника названа также отсутствующая в списке литературы «*Книга-источник по китайской философии*» Чэнь Юнцзе 1956 г., и, кстати, там же «специальным философским словарем, издаваемым в КНР» назван «*Словарь Цыхай*» (написание авторское), который, как известно, не является «специальным философским» и стал издаваться задолго до образования КНР. Далее, в английском варианте диссертации, на с. 201, эта «книга-источник» возникает под своим оригинальным наименованием «Chan Wing-tsit "A Source Book in Chinese Philosophy" (1956)», и в тексте появляется ещё один объявленный базовым источник для построений диссертанта «Chan Wing-tsit (1956)» (там же, с. 204), равно как и предыдущий, не указанный в списке литературы. В-четвёртых, последний содержит лишь одну статью Чэнь Жун-цзе: Chan Wing-tsit. Basic Chinese Philosophical Concepts. *PEW*, 1952, vol. 2, No. 2 (там же, с. 161, 341), о которой диссертант, очевидно, узнал из моих работ и которую вряд ли читал, равно как и антологию "A Source Book in Chinese Philosophy", которая впервые увидела свет в 1963 г. и в этом издании упоминалась в книге А. М. Карапетьянца «У истоков китайской словесности» (с. 474), откуда он ее, видимо, и срисовал, не удосужившись в нее заглянуть и даже поленившись раскрыть в диссертации аббревиатуру PEW. Его заявление о «синоптическом списке из 112 знаков в 74 позициях» не соответствует ни одному из этих вариантов. Вовсе не синоптический список Чэнь Жун-цзе, действительно опубликованный в статье 1952 г., состоит из 115 знаков в 77 позициях. А в приложении к его антологии есть только список переводов 19 китайских философских терминов (Chan Wing-tsit. A Source Book in Chinese Philosophy. Princeton, N.J.; London, p. 783–791). В-пятых, никак библиографически не описанная и нигде не опубликованная некая версия на шести листах 1952 г. из Бодлеановской библиотеки продолжает оставаться загадкой, а утверждение, что она в 1963 г. вышла в виде монографии, – полная ерунда. В-шестых, голословное заявление об этой таинственной версии, будто её «основным отличием от других синоптических списков было расположение всех центральных понятий традиционной китайской философии в связанном тексте, где прослеживается тесная взаимосвязь всех

терминов», ни на чём не основано и кажется ошибочным переносом характеристики, которую дал моей версии А. М. Карапетьянц: «100-элементный список категорий, предложенный А. И. Кобзевым (в уточненном виде опубликован в [ДКК (т. е. «Духовной культуре Китая». – *А.К.*), т. 1, 2006]), несомненно можно считать исходным, а принципы, на которых он построен, – основополагающими. Здесь впервые достигнуты высокая степень структурированности, достаточно полное указание взаимосвязей и разумная ограниченность» («У истоков китайской словесности», с. 115).

В этой связи хотелось бы также спросить уважаемых оппонентов и рецензентов, как может кандидат филологических наук писать о «переводе понятий» (там же, с. 24, примеч. 9) и о том, что «помимо общепринятого значения “небо”, у понятия 天 *тянь* есть ещё, по крайней мере, пять значений» («Терминология …», с. 45), – когда даже школьнику известно, что переводятся слова и предложения, а не понятия, и значения присущи словам, а не понятиям? Но еще хуже этой безграмотности простота, которая, в свою очередь, хуже воровства.

Обманутым и обобранным также оказался пожилой и тяжело болевший последние годы, а потому утративший бдительность к киднепингу и схематозу научный руководитель диссертанта, у которого он как у президента Ассоциации преподавателей китайского языка умыкнул должность председателя Исполнительного комитета, переименовав в несуществующую должность его главы или директора. Но это цветочки по сравнению с некорректным заимствованием творческого наследия заслуженного профессора МГУ, что, к примеру, легко заметит любой отечественный ицзинист, взглянув на приложенное к диссертации «Переложение древнекитайского трактата “Сицы чжуань” («Повествование привязанных слов») на русский язык» (там же, с. 169–189), которое сначала было названо переводом (там же, с. 30, примеч. 9), а потом, видимо для конспирации, – переложением и представляет собой закамуфлированный синонимическими заменами некоторых слов соответствующий перевод А. М. Карапетьянца, в чём можно убедиться, заглянув в одну из его вышеупомянутых книг («Раннекитайская системология», с. 362–363). Даже эта ядовитая «ягодка»

свидетельствует о неистребимой и глупой халтурности, ибо механически позаимствованный у А. М. Карапетьянца перевод термина *чжуань* 傳 словом «повествование» тут же противоречит его переводу в названиях всех остальных «Десяти крыльев» «И цзина» словом «комментарий» («Терминология …», с. 11), позаимствованным из других источников и по забывчивости иногда применяемым к «Си-цы чжуани» (там же, с. 24), уж не говоря о неспособности правильно перевести и понять в данном произведении элементарное сочетание *ши ю ба* 十有八 (буквально «десять с восьмью», т. е. 18), которое представлено обессмысливающим контекст числом 28 (там же, с. 175).

На первой же странице очень странного, совершенно не похожего на сочинение А. М. Карапетьянца и подписанного за шесть дней до его смерти, отзыва научного руководителя на диссертацию повторено сказанное в ней же на с. 17: «В ходе работы автор собрал обширный материал в архивах Оксфорда, Парижа и Санкт-Петербурга, исследовал мавандуйский список Сицы чжуань в г. Чанша (КНР)». Во-первых, А. М. Карапетьянц был высокообразованным учёным и грамотно писал название «Си-цы чжуань» в кавычках, без дезориентирующего слияния двух первых слов и со склонением последнего (см., например, «Раннекитайская системология», с. 362, 399, 562). Во-вторых, в диссертации нет никаких внятных результатов от «собрания обширных материалов в архивах Оксфорда, Парижа и Санкт-Петербурга». В-третьих, нет никакой нужды безумно отправляться на край света в эпицентр пандемии за мавандуйским списком «Си-цы чжуани», который за полвека со времени своего обнаружения многократно публиковался. А вот что точно следовало сделать, так это указать его конкретную публикацию, которую должен был использовать диссертант, поскольку имеются расхождения в транскрипциях и реконструкциях ветхой рукописи более чем двухтысячелетней давности. Однако «собиратель обширного материала», видимо, сам не понимал, что писал или переписывал, до такой степени, что даже не удосужился указать в списке литературы диссертации о «Си-цы чжуани» хоть какую-нибудь публикацию данного памятника.

Подобные нечистоплотные и неумелые экзерсисы я обнаружил ещё весной 2021 г., когда из «Вестника СПбГУ» получил на рецензию статью не названного, но легко опознаваемого автора, в которой наряду со всяческим елеем в мой адрес присутствовали и беззастенчивые заимствования из моих трудов, а также разного рода ляпсусы. Всё это я отразил в прилагаемой ниже нелицеприятной, но опять же из уважения к А. М. Карапетьянцу смягченной рецензии. Эта статья под несуразным названием «Бытийно-динамические понятия традиции “Ицзина” и модель их лингвокультурологического анализа» с небольшими исправлениями вышла в «Вестнике Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика» (2021. Т. 13. № 2, с. 252–266) и стала одной из главных публикаций, передающих содержание диссертации В. В. Круглова.

На том специальная операция «Ассоциация», плавно перешедшая в спецоперацию «Диссертация», завершилась, мавр сделал своё дело, и утратившая президента А. М. Карапетьянца Ассоциация преподавателей китайского языка чуть было не приказала своим членам долго жить, поскольку всякая деятельность прекратилась, а членские взносы и прочие поступления исчезли при попустительстве опытного в ресторанном бизнесе бухгалтера и по совместительству матери «исполнительного директора» О. Ю. Владимировой (см. ниже отчёт Контрольно-ревизионной комиссии). «Милый друг маменька» ещё раньше своего «исполнительного директора» и по совместительству сына применила технику оживления покойников имени «магистра белой практической магии» Ю. А. Лонго выслав в налоговую инспекцию финансовый отчёт Ассоциации за подписью её умершего президента А. М. Карапетьянца (см. ниже сообщение О. А. Масловец). Пропал и прихватизированный не по возрасту резвым дитятей опубликованный под эгидой Ассоциации в 2021 г., но скрытый даже от её соучредителя и нынешнего президента Т. В. Ивченко тираж второго издания «Раннекитайской системологии». При его подготовке от меня как ответственного редактора и автора предисловия ушлые издатели сначала потребовали безвозмездной передачи эксклюзивного авторского права, а потом согласились на неэксклю-

зивное. Печальнее же всего не это полудетское хитрованство, а отсутствие до сих пор у заинтересованных читателей давно вышедший в свет прекрасной книги, которую неверный и недостойный ученик её автора зачем-то положил под спуд.

Бесславно увядшая Ассоциация разочаровала и своего «исполнительного директора», который побудил её члена и главного китайского партнера Международную издательскую компанию «Шанс» создать ещё одну ассоциацию, хотя и эта ловкая затея провалилась, так как ООО «Шанс» в июле 2022 г. зарегистрировало Ассоциацию китаеведения и преподавания китайского языка в качестве собственного подразделения, что не соответствует ни обычному смыслу слова «ассоциация», ни его определению в ст. 123 ГК РФ. Тем не менее от имени этой квазиассоциации неугомонный Круглов в виде злонамеренно, но бессмысленно говорящей головы проник на конференцию «История, культура и язык Китая», где первоначально предполагалась презентация очередной ассоциации. При наведении справок о столь странном поведении выяснилось, что наш оборотистый колобок, де-юре уйдя в многомесячную болезнь, де-факто укатился совсем далеко, за океан, где то ли организует очередную ассоциацию уже по-чапаевски в мировом масштабе, то ли совсем не по-чапаевски скрывается от мобилизации, то ли сказывается в нетях, банально оттягивая конец своего пребывания на основном рабочем месте в МГИМО, где не замечен ни в директорстве, ни в исполнительности. Надо иметь особый талант склочника и разгильдяя, чтобы всего лишь через год работы в альма-матер умудриться получить два выговора за бездельничанье и обман от поначалу весьма благожелательного к нему начальства и, в частности, завкафедрой О. А. Масловец, которую сам называл «близким мне человеком» (см.: https://gazeta.mgimo.ru/articles/Kruglov_chinese, обращение 5.11.2021; а также документы ниже). Видимо, злостный нарушитель трудовой дисциплины счёл слишком скромной для себя должность простого преподавателя при обладании уже несколькими директорскими постами, пусть даже фантазийными или эфемерными (кроме Исполнительного комитета Ассоциации ещё и Центра языков стран Европы и Азии Школы Центра педагогического мастерства Москвы).

В итоге предполагаю, что экранное явление профессионального прохиндея Круглова в облике плоского от наукообразных потуг Шарикова вызвано по-детски высосанной из пальца обидой на меня как руководителя отдела, где работают взыскательные критики его диссертации. Как известно, каждый понимает в меру своей испорченности.

К прискорбию, отечественная китаистика несмотря на беспрецедентно высокий уровень взаимоотношений её субъекта с объектом испытывает тяжёлые времена. При отсутствии должной поддержки со стороны государства у настоящей науки ослабевает иммунитет, и в неё всеми правдами и неправдами пытаются проникнуть не на шутку разгулявшиеся шарлатаны, шаманы и шайтаны, уже образовавшие в СМИ и околонаучной публицистике свою собственную квазикитаистику и парасинологию. В этом диком поле прославились свои герои, конкурирующие со знаменитыми литературными персонажами (см., например: Востоковед Маслов – сын лейтенанта Шмидта нашего времени // http://maslov-shmidtsson.blogspot.com/). Поскольку место Остапа Бендера здесь уже занято, а в сходстве с Хлестаковым или Шариковым вне конкуренции Н. Н. Вавилов («Коля с ксивой», см.: https://horigy.livejournal.com/2196.html обращение 5.11.2021), наш герой более всего напоминает юного Павлушу Чичикова, который начал карьеру с того, что «сильно надул» продвинувших его учителя и начальника. Как и у гоголевского махинатора, его карьера не задалась, и 6 февраля 2023 г. он был с позором уволен из МГИМО.

Приложение

РЕЦЕНЗИЯ на статью «Бытийно-динамические понятия традиции Ицзина и модель их лингвокультурологического анализа»

Статья посвящена весьма интересной и глубокой теме, постановка и исследование которой с начала 1980-х гг. знаменовали собой серьёзный прорыв в отечественной синологии. Затем она получила достойное академическое признание и соответствующую

словарно-энциклопедическую фиксацию, но не утратила научной актуальности, гораздо более существенной, чем кажется автору, нацеленному на «раскрытие подтекста политических речей председателей КНР» (с. 3). Поэтому рецензируемая статья достойна опубликования, но только после устранения довольно значительно числа разного рода недостатков.

Прежде всего хотелось бы большего количества ссылок на источники, из которых автор почерпнул свои мысли и высказывания. Например, выдвинутый в первых строках без ссылки, т. е. как вполне самостоятельный, тезис «Подробное описание и глубокое изучение основных категорий позволяет понять философскую систему в целом» (с. 2) является парафразом положения, которым начинается часто цитируемая автором, правда почему-то без названия, статья А. И. Кобзева «Категории и основные понятия китайской философии и культуры»: «Точное и полное понимание смысла категориального аппарата той или иной философской системы равнозначно её пониманию как таковой» (Духовная культура Китая: энциклопедия. [Т. 1:] Философия М.: Вост. лит, 2006. С. 37). Другой пример без кавычек: «… из-за автохтонности и внутрикультурной органичности гомогенного развития этот понятийный аппарат совпадает с естественным языком в форме классического китайского языка вэньянь» (с. 3), – ср.: «…этот лексикон в силу своей автохтонности и предельной внутрикультурной органичности гомогенного развития практически совпадает с естественным языком, разумеется, в его письменном и литературном, а следовательно, достаточно искусственном варианте – *вэньяне*» (там же). Далее автор написал: «Можно привести следующие примеры подобных списков», – но привел только те примеры, которые ранее были приведены А. И. Кобзевым, и никак не указал на данный факт. Среди этих примеров он загадочно отметил, что «Чэнь Юнцзе предложил синоптический список из 112 знаков в 74 позициях», который «представляет собой документ в 6 листов, хранящийся в отделе китайских исследований Бодлеановской библиотеки (Оксфорд)» (с. 3–4), но сослался на издание: Chan Wing-tsit. Basic Chinese Philosophical Concepts // PEW. 1952, vol. 2, № 2, – в котором приведен набор, состоящий из 115 знаков в 77 позициях.

Автор декларирует: «Красной нитью в данном исследовании проходит тезис о том, что понятия традиционной китайской философии имеют рациональное конкретно-научное содержание» (с. 4), – однако это слишком сильное утверждение, требующее не «красной нити», а доказательств и пояснений, о какой конкретной науке идёт речь. Автор тут же утверждает: «В частности, проекция данного подхода была реализована в синоптическом списке А. М. Карапетьянца в работе "К проблеме категорий традиционной китайской культуры", воспроизведенной в монографии "У истоков китайской словесности"», – но в указанном тексте А. М. Карапетьянц вовсе не выразил подобной точки зрения, заявив лишь, что «система категорий традиционной китайской культуры может рассматриваться как некоторая система мировоззрения» (с. 114), а от таковой до конкретной науки очень большое расстояние. Неверно утверждение автора: «Ведь любой синоптический список есть не что иное, как система определенного числа объектов, "составляющих компактные структуры и допускающих алгебраическую (геометрическую) схематизацию и превращение в симметричный орнамент"» [9, с. 17]. В нем процитировано определение А. М. Карапетьянцем не любого синоптического списка и вообще не списка, а системологии – весьма специфической древнекитайской науки, которая, разумеется, не сводима ни какому списку, даже самому синоптическому.

В расчётах автора присутствует двойная бухгалтерия. С одной стороны, он исходит из «100 понятий синоптического списка, предложенного А. И. Кобзевым» (с. 5), т. е. в действительности 140 понятий в 100 позициях, а с другой стороны, приводит статистику по разделу «Онтология» этого списка исходя из его 37 понятий, хотя в нем всего 28 позиций из 100.

Желательно избавиться от таких темных выражений, как «культурный код», «мировоззренческие константы», «системный свод», «философско-культурные пласты» (с. 2–3) или уж их определить. Стоило бы определить и главную категорию автора – «бытийно-динамические понятия», поскольку непонятно, почему таковыми являются 人 *жэнь* 'человек', 故 *гу* 'основание', 中 *чжун* 'центр, середина, равновесие'.

Архаичным представляется обращение за этимологиями рассматриваемых иероглифов к словарю 2000-летней давности «Шо-вэнь цзе-цзы» 说文解字. Для решения этой задачи существуют гораздо более современные справочники. Из фразы «Ли цзи» о человеке, в котором «соединяются нави и духи» 鬼神之会, совершенно необоснованно сделан вывод: «Слияние духа и души означает, что у человека есть душа, и его дух может быть бессмертным» (с. 8–9). Бессмертие этого «духа», а точнее «духов», еще надо доказать.

В тексте довольно много неверных формулировок. Выражение «Так как этот памятник составляет 64 гексаграммы» (с. 2) означает нечто противоположное действительности: «И цзин» не составляет 64 гексаграммы, а составлен ими. Столь же странна фраза «Систему, состоящую из оригинального текста Ицзина и сопровождающих его текстов, мы будем называть “Канон Перемен”» (с. 2), так как «Канон перемен» – это не условное обозначение «И цзина», а буквальный перевод. Неточным является высказывание «А. И. Кобзев придерживается идеи автохтонности понятийного аппарата китайской философии и культуры» (с. 5), поскольку А. И. Кобзев исходит из такого факта, а не идеи. Некорректно говорить о «переводе понятий» или «записи понятий» (с. 7), ибо понятия как идеальные сущности передаются, а переводятся или записываются слова как материальные объекты. Утверждение «Представители всех школ убеждены, что в человеческой природе есть элементы добра» (с. 9) ложно, поскольку, например, Сюнь-цзы и легисты говорили об отсутствии добра в природе человека. Следующее утверждение «И если человек будет развивать в себе эти качества, он может стать мудрецом» (с. 9) также неверно в силу того, что добро не тождественно мудрости. Из доказываемого, хотя и не требующего доказательства заявления о «разграничении Конфуцием человека и морали (дэ)» сделан неверный вывод с таким же неправильным отождествлением морали и разума: «Хотя человечество добродетельно, здесь добродетель интерпретируется как разум или идеал человека» (с. 10). Декларативное заявление, что дао в «Десяти крыльях» «имеет трансцендентное значение» (с. 13), нуждается в доказательстве и, скорее всего, неверно.

Неточен и ряд переводов. Например: «Туань чжуань» (彖传) {«Комментарий высказываний»}, «Шогуа чжуань» (说卦传) {«Комментарий суждений о триграммах»} (с. 2, примеч. 1), хотя правильнее переводить «туань» 彖 как «суждение», а «шо» 说, напротив, как «высказывание». На одной и той же с. 2 название «Сицы чжуань» (系辞传) переведено и как «Комментарий приложенных слов», и как «Повествование привязанных слов». Далеким от оригинала выглядит перевод из «Лунь юя»: 道之以德 ‘руководить народом посредством дэ’ (с. 10), поскольку в приведенной фразе отсутствует «народ» и термин 道 имеет смысл, отличный от принятого самим автором в его определении. Чтобы переводить термин 王 *ван* «царь» сочетанием «мудрый правитель» (с. 10), необходимы пояснения, тем более что в другом месте (с. 14) он просто транскрибирован. Неточен перевод из комментария Ван Би: 德者，得也。常得而无丧 «Дэ означает выигрыш. Это постоянная выгода без потерь» (с. 11), где один и тот же термин 得 *дэ* «достижение» переведен по-разному и оба раза неверно. *Чжун шэн* 众生 – это не «все люди» (с. 16), а «всё живое».

Текст не до конца вычитан, встречаются такие ляпсусы, как «преднемеренность» вместо «преднамеренности» (с. 2), «Культорология» (с. 5) вместо «Культурология», «праведность практикует добродетель» (с. 10). Следует унифицировать написание терминов, например «дао» и «дэ», пишущихся то с прописной, то со строчной буквы. Во фразе «Человек может стать Буддой благодаря своему просветлению» (с. 9) слово «будда» следует писать со строчной буквы. Неясно, почему название произведения «И цзин» в отличие от других названий пишется без кавычек.

Зав. отделом Китая ИВ РАН
д-р филос. наук, проф. А. И. Кобзев
28.02.2021

Псевдопрофессионализм и психопатия

Письмо в редакцию ОГК заведующего кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков МГИМО МИД России

О. А. Масловец

Концепция современного мира, в котором мы все живем, в отличие от концепций мира древнего или средневекового предполагает некий совокупный результат коренных изменений нового типа, характеризующийся как прогресс и связанный с качественным улучшением жизни человека. Вместе с этими стремительными экономическими и технологическими изменениями бытия, по логике вещей, должно следовать и становление человека не только разумного, но и нравственного, духовного. Однако после периода погружения в материальную сторону жизни и торжества материализма «период более очищенный и направленный к духовности», о котором писал Н. А. Бердяев, так и не наступил, а жизнь продолжает демонстрировать нам образцы очень далекого от идеального явления под названием «Человек духовный», и что самое удивительное, в среде, где ты меньше всего ожидаешь такое встретить, а именно в среде образовательной, научной и конкретнее – китаеведческой.

К сожалению, реалии современного мира таковы, что для нахождения на такой важной службе, как воспитание и образование молодого поколения, осуществление научной деятельности, нужно лишь обладать определёнными компетенциями и соответствовать формальным требованиям и нигде, ни в каких документах не указываются такие важные качества, как порядочность и чистоплотность. Чем больше у тебя регалий, наград, высоких должностей – тем больше шансов прослыть великим «профессионалом». Ключевое слово здесь «прослыть», поскольку для такого рода «профессионала» очень важна именно оценка окружающих. Все его силы направлены на формирование нужного обществен-

ного восприятия, а вся компетентность (образованность), говоря словами автора моего любимого произведения на китайском языке «Четыре типа друзей» («Пэнъю сы син» 朋友四型) Юй Гуанчжуна 余光种, заключается в том, чтобы не дать понять людям компетентным, что он некомпетентен.

Именно с таким «профессионалом» мне «выпала честь» встретиться и на своём собственном опыте понять смысл этого определения одного из типов людей. Таковым «профессионалом» является Круглов В. В., он же кандидат филологических наук с 31 мая 2022 г. (несмотря на то, что защита состоялась 31 мая 2022 г., заключение Апелляционной комиссии – 23.09.2022 г., а Приказ № 10042/1 от 26.09.2022 «Об отказе в удовлетворении апелляции и возобновлении процедуры рассмотрения вопроса о выдаче диплома кандидата наук» вышел только 27.09.2022 г., он же Ph. D. (диплом также не предоставлен), он же начальник отдела «Языковой центр» (протокол 1 общего собрания учредителей о создании Ассоциации преподавателей китайского языка от 15 марта 2021 года), он же «с ноября 2020 года занимает пост директора Центра языков стран Европы и Азии Школы Центра педагогического мастерства» (с личной страницы сайта МГПУ, на сайте ЦПМ никакой информации о нем нет), он же главный тренер сборной по китайскому языку ЦПМ, он же глава Исполнительного комитета Ассоциации преподавателей китайского языка, он же «другие должности» на кафедре ЮНЕСКО МГУ имени М. В. Ломоносова, Института стран Азии и Африки, но в других источниках он указан как старший преподаватель этой же кафедры или сотрудник и т. д. Должностей и званий очень много, впрочем как и мест работы, а в погоне за количеством, как все мы знаем, страдает качество, вот и наш «профессионал» страдает путаницей в должностях и других регалиях и не совсем разборчив в их указании.

Не так давно вышел в свет учебник «Дипломатия. Китайский язык», подготовленный В. В. Кругловым и его китайско-австрийским соавтором Цзягу Рихтер. На титульном листе учебника указано: «Допущено Федеральным учебно-методическим объединением по укрупненной группе специальностей и направлений подготовки 58.00.00 “Востоковедение и африканистика”» в качестве

учебного пособия / учебника для высших учебных заведений, ведущих подготовку по направлению 58.00.00 «Востоковедение и африканистика». Гриф ФУМО свидетельствует о том, что данный учебник (учебное издание) отвечает требованиям соответствующего образовательного стандарта, примерной основной образовательной программе и другим требованиям, установленным ФУМО при проведении экспертизы учебных изданий.

Помимо этого, на учебнике имеется гриф-одобрение Ассоциации преподавателей китайского языка.

При запросе подтверждающих документов – выписки из протокола о присвоении грифа ФУМО и грифа Ассоциации – соавтором учебника В. В. Кругловым ничего предоставлено не было, впрочем, ни на одной встрече членов Ассоциации учебник этот и не обсуждался, да и логотип МГИМО был указан без заключения соответствующего договора с юридическим отделом. Есть подтверждающие документы или нет – неважно, главное для такого типа людей – вовремя пустить пыль в глаза. Способность этого человека лгать по поводу и без него порою удивляет, и всё равно кто перед ним стоит – коллега или руководитель высокого звена, специалист по учебно-методической работе или заведующий, студент или проректор – лжёт он с одинаковым мастерством и без зазрения совести, даже не думая о том, что эти факты легко проверить и доказать обратное.

24 статьи, 12 книг, 128 докладов на конференциях, 10 тезисов докладов, 4 НИР, 1 научный отчёт, 29 наград, 13 членств в научных обществах, 51 стажировка, 34 членства в программных комитетах, 1 диссертация, 5 учебных курсов, 11 выступлений в СМИ. Вот такой богатый багаж имеет наш «профессионал» (информация взята с сайта «ИСТИНА», https://istina.msu.ru/profile/kruglov_vladislav/). У «профессионала» нет времени на обычную трудовую рутину, нет времени ездить на работу, но есть время провести калькуляцию всех своих достижений, с зашкаливающей скрупулезностью подсчитать всё и не упустить ни одной детали, с завидной скоростью обновляя всю информацию, причем сделать это на всех сайтах имени себя любимого, демонстрируя настоящий акт самовлюблённости. Конечно же, у человека разумного встаёт вопрос, как такое

возможно при таком количестве мест работы и таком молодом возрасте, особенно поражает количество докладов – 128 – и количество наград – 29, а также необыкновенная страсть к математике, и можно было бы порекомендовать В. В. Круглову пройти переподготовку и стать математиком, но математика не в тренде и, соответственно, не представляет для «профессионала» интерес, а вот секрет – как всё успеть – прост, нужно оформить лист временной нетрудоспособности и находиться на нем несколько месяцев, пока твои честные и порядочные коллеги ведут и свои занятия, и занятия «профессионала». А «профессионал» в это время принимает самое активное онлайн-участие во всех конференциях, которые проходят по всей нашей стране и за рубежом в огромном количестве, нисколько не стесняясь выступать сразу после своего непосредственного руководителя по своему основному месту работы, ведь такому «профессионалу» и море по колено.

Ещё одно доброе и важное дело, к которому прикоснулась рука «профессионала», было испорчено – это Ассоциация преподавателей китайского языка. Учреждение такой Ассоциации было инициативой большого количества российских китаистов на круглом столе в рамках Первой международной научно-практической конференции «Китайский язык: актуальные вопросы языкознания, переводоведения и лингводидактики», которая прошла в 2019 году в МГИМО МИД России. Но чем дальше эта идея развивалась и близилась к осуществлению, тем понятнее становилось, что это важное дело не большой части китаистов, а личная амбициозная цель великого «профессионала», где есть лишь одно верное мнение и воля одного человека. Наш «профессионал» проявлял незаурядные способности к манипулированию – кто с ним – тот молодец, практически все как один выполняли его распоряжения, кто не согласен – тому голову с плеч, и понятно, что все хотят остаться при своей голове, и даже невозможно осуждать за это людей, но именно благодаря такому соглашательству и, я бы даже сказала, попустительству из-за боязни испытать на себе гнев «профессионала» такие «профессионалы» набирают силу и преисполняются абсолютной уверенностью в своей безнаказанности, а хорошему делу приходит конец. Так вышло и с Ассо-

циацией. Поскольку В. В. Круглову важна лишь ширма, которую он и получил, став главой Исполнительного комитета, вопросы юридического, финансового и профессионального функционирования Ассоциации его не сильно беспокоили, все предложения, которые выдвигались по организационным вопросам деятельности Ассоциации, игнорировались, либо отвергались. После отказа со стороны В. В. Круглова предоставить учредительные документы Ассоциации, вся информация была взята с платного сервиса. Все документы Ассоциации – протоколы общих собраний – не подписаны, существует несколько абсолютно различных версий протоколов, в которые внесены серьёзные изменения, не соответствующие содержанию протоколов, которые озвучивались на 1-м общем собрании. Это подлог, который легко доказывается в суде, поскольку есть видеозапись всего общего собрания вместе с выбором комиссий и назначением ответственных лиц.

На общем собрании (во время торжественного открытия) был выбран бухгалтер Ассоциации – Владимирова О. Ю. (мать Круглова В. В.), коим она и числилась всё время до января 2022 г., когда было созвано внеочредное собрание учредителей. И опять собрание было созвано только на условиях В. В. Круглова, в месте и во время, которые он выбрал. На собрании учредителей мною были заданы ряд вопросов о юридическом статусе и финансовом положении Ассоциации, на которые ни В. В. Круглов, ни Владимирова О. Ю. ответить не смогли, но при этом в ход опять пошли манипулятивные техники, обвинения в неуважении к памяти А. М. Карапетьянца. При этом Владимирова О. Ю. сообщила, что подготовила и отправила финансовый отчёт в налоговую инспекцию за подписью уже почившего человека (Карапетьянца А. М.), после чего, естественно, отчёт не был принят и вернулся из налоговой обратно. Владимирова О. Ю. также сообщила о том, что снимает с себя обязанности бухгалтера. Видеозапись мероприятия учредителям предоставлена не была. На сегодняшний день никакой финансовой отчётности о деятельности Ассоциации нет, куда исчезли средства, поступившие как членские взносы, – неизвестно. Никакой деятельности Ассоциация не вела, за год не было проведено ни одного мероприятия, не был разработан сайт и не было

реализовано ни одно из направлений деятельности Ассоциации, о которых громогласно заявлялось на торжественном открытии, и это не потому, что члены Ассоциации не хотели этого делать, а потому, что власть была узурпирована даже не президентом, а главой исполкома.

История с переизбранием президента Ассоциации тянулась вплоть до апреля 2022 г., сознательно затягивалась Кругловым В. В. В итоге 3 апреля состоялось общее собрание членов, на котором он как глава исполнительного комитета должен был выступить с отчётом о работе и предоставить все документы для финансового отчёта руководителю контрольно-ревизионной комиссии Дондоковой М. Ю. В итоге на собрание он официально не явился, документы для отчёта не предоставил, а Дондоковой М. Ю. пришлось делать отчёт в ситуации полного отсутствия отчётной документации. В этот же день прошли выборы, в ход которых он также вмешивался, наблюдая за процессом с чужой учётной записи и ведя переписку с секретарём этого общего собрания, указывая, кто может голосовать, а кто – нет, чей голос учитывать, а чей – нет.

Всё время существования Ассоциации глава Исполнительного комитета, он же наш «профессионал», прикрываясь именем А. М. Карапетьянца, президента Ассоциации, разъезжал по всей стране и открывал региональные филиалы, прославляя себя, заводя новых приверженцев. Здесь нужно отметить ещё одну характерную черту «профессионала» – он может быть прекрасным в общении человеком, льстить и играть на слабостях собеседника, обладать своеобразным шармом, который не оставлял никого равнодушным. Однако были и те, кто не соглашался и выражал недовольство и даже высказывал своё мнение, – на такие случаи у него свои методы – жёсткие и очень агрессивные. Есть странная особенность у нашего «профессионала» – получение удовольствия от скандалов, интриг, оскорблений, запугиваний и полное отсутствие эмпатии.

Наш «профессионал» безусловно одержим идеей власти – то количество должностей и регалий, которое не должны пропустить организаторы различных мероприятий, зашкаливает. Причём власть понимается им как то, что позволит в одиночку

управлять большим количеством людей и наживаться на них, а также – постоянно находиться над ними, чтобы назначать или снимать людей с должностей просто потому, что ему так захотелось. Пока ты ещё молод и статус твой не так высок, можно заручиться поддержкой высокостатусного человека, для «профессионала» – это незазорно. Секрет в том, чтобы выставить это фото в нужный момент в нужном месте. Вот и у меня возник вопрос к этому тяжело больному подчиненному, третий месяц находящемуся на листе временной нетрудоспособности, с которым я неожиданно столкнулась на полях конференции, проходившей в РГГУ. Вопрос: «Зачем на последнем слайде презентации к своему докладу на тему: “Межкультурное измерение лингвострановедения России и Китая” (тут, конечно, возникает вопрос и к самому названию доклада, какую единицу измерения автор будет использовать?) помещать своё совместное фото с высокопоставленным чиновником и с учебником “Дипломатия. Китайский язык” в руках, как это связано с темой доклада»?

Но где проще всего можно реализовывать свои амбиции и жажду власти – конечно, в общении с детьми и студентами. Об абсолютном непрофессионализме здесь свидетельствуют две статьи, вышедшие одна за другой на платформе Яндекс и в незапрещённой ещё тогда соцсети Facebook. Обе были удалены В. В. Кругловым после их обнародования, обе статьи были написаны родителями детей школ № 1517 и № 548 «Царицыно», обе описывали грубое и непрофессиональное обращение с детьми. Сканы статей сохранились у вашего покорного слуги.

В общем, подводя итог, следует заметить, что фактов «псевдопрофессионализма», непорядочности и нечистоплотности такое количество, что одной заметки недостаточно для того, чтобы полно охарактеризовать героя, а характеристики личности нашего «профессионала», такие как склонность к манипулированию, импульсивность вкупе с безответственностью, самовлюблённость, ложь по поводу и без, внешний шарм, отсутствие раскаяния, жажда острых ощущений, агрессия, тяга к власти, полное отсутствие эмпатии – всё это очень напоминает симптомы клинического психопата. А кем ещё, если не психопатом, может быть человек, кото-

рый, в отсутствие своего непосредственного руководителя путем обмана заполучив ключ от его кабинета, работает там, за его рабочим столом, с его компьютером, где хранится конфиденциальная деловая информация, есть доступ во все личные и рабочие электронные почты; кем, если не психопатом, может быть человек, который рассылает письма руководству, ставя в копию посторонних людей (из мира китаистики) и отель «Марриотт» (трижды!), поливая грязью своего руководителя и требуя назначить себя заведующим кафедрой; кем ещё, если не психопатом, может быть человек, который, забыв сдать журнал группы после рабочего дня, присылает его в фирменном пакете отеля «Националь». В общем, редкий и очень печальный случай клинический психопатии одного начинающего китаиста.

Приложение 1

Служебная записка О. А. Масловец от 23.12.2021

Проректору по кадровой политике
МГИМО МИД России
Морозову Владимиру Михайловичу

Уважаемый Владимир Михайлович!

Нижеследующим сообщаю о факте нарушения трудовой дисциплины преподавателем кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Кругловым В. В. 22 декабря Круглов В. В. отсутствовал на рабочем месте в течение всего рабочего дня, не поставив меня в известность о причине его отсутствия. Факт отсутствия выяснился сегодня, в связи с чем была подготовлена детализация рабочего времени, которая подтверждает его отсутствие. По факту отсутствия был подготовлен акт о нарушении трудовой дисциплины, с которым Круглов В. В. был ознакомлен. Объяснительная записка, предоставленная Кругловым В. В. и причина его отсутствия, указанная в ней, не снимает с Круглова В. В. ответственности за отсутствие на рабочем месте. 16 декабря по факту его отсутствия на рабочем месте в октябре в связи с его отъездом в командировку, который был выявлен мною недавно, с Кругловым В. В. была проведена воспитательная беседа, в ходе которой он был предупрежден, что подобное отношение к исполнению трудовых обязанностей является недопустимым. В ходе беседы Круглов В. В. извинился за такое отношение к трудовым обязанностям и пообещал, что подобного больше не случится. Тем не менее 22 декабря на рабочем месте он снова отсутствовал. При этом 22 декабря Круглов В. В. сообщил в электронном сообщении специалисту кафедры Васильевой М. А., что он был в университете, но очень торопился и убежал из университета, не зайдя на кафедру, что является ложью.

Прошу принять меры дисциплинарного воздействия в виде выговора.

Прилагаю акт о нарушении трудовой дисциплины, детализацию рабочего времени преподавателя Круглова В. В. с 22.12.2021 г 00.00 часов по 23.12.2021 г 15.14 часов, объяснительную Круглова В. В., документ, подтверждающий его отсутствие, присланный по электронной почте 23.12.2021 г. в 17.26 часов.

23.12.2021 г.
Заведующий кафедрой Масловец О. А.

Приложение 2

Служебная записка О. А. Масловец от 10.01.2022

Проректору по кадровой политике
МГИМО МИД России
Морозову Владимиру Михайловичу

Уважаемый Владимир Михайлович!

Нижеследующим сообщаю о ряде фактов нарушения трудовой дисциплины преподавателем кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Кругловым В. В. (в штате, 0.5 ставки).

16 декабря от преподавателей кафедры поступила информация о жалобах студентов на то, что преподаватель Круглов В. В. не проводит учебные занятия. В этот же день мною была проведена беседа с Кругловым В. В. о недопустимости такого халатного отношения к исполнению должностных обязанностей. В ходе беседы Круглов В. В. сообщил, что в это время участвовал в конференциях, а все пропущенные занятия провел. Тем не менее никаких заявлений об участии в конференциях и переносе занятий заранее Круглов В. В. не предоставил и руководство кафедры не было оповещено. 17 декабря им были подготовлены заявления (задним числом) о переносе и восстановлении пропущенных пар в связи с отъездом для участия в конференциях. Данные заявления мною не подписаны. Все эти заявления находятся у меня. 22 декабря он вновь отсутствовал на рабочем месте, о чем я сообщила в служебной записке от 23 декабря 2021 г.

27 декабря мною была подготовлена служебная записка о детализации рабочего времени преподавателя Круглова В. В. с 29 сентября по 27 декабря 2021 г. Детализация рабочего времени выявила ряд грубейших нарушений трудовой дисциплины преподавателем Кругловым В. В.

29 сентября	Отсутствовал во время пар на рабочем месте выход на работу в 15.15. Пары по расписанию – с 9.00
с 6.10 по 9.10	лист временной нетрудоспособности
с 11.10 по 13.10	отсутствовал на рабочем месте
15.10	опоздание на 13 минут (пары с 9.00)
16.10	отсутствовал на рабочем месте
20.10	отсутствовал на рабочем месте
21.10	отсутствовал на рабочем месте
22.10	опоздание на 26 минут (пары с 9.00)
27.10	отсутствовал на рабочем месте
28.10	отсутствовал на рабочем месте

29.10	отсутствовал на рабочем месте (Дистант по приказу ректора)
30.10	
3.11	
10.11	
с 11.11 по 13.11	лист временной нетрудоспособности
17.11	отсутствовал на рабочем месте
27.11	опоздание на 10 минут (пары с 10.35)
2.12	опоздание (приход со звонком)
4.12	опоздание на 6 минут (пары с 10.35)
8.12	1-я пара – онлайн. Пару вел пару в дороге; пришел в университет во время 1-й пары в 10.07.
10.12	опоздание на 1 минуту (пары с 9.00)
11.12	опоздание на 1 минуту (пары с 10.35)
15.12	1-я пара – онлайн. Пару вел в дороге; пришел с опозданием на 4 минуты на 2-ю пару (пара с 10.35), пришел – в 10.39
18.12	опоздание на 7 минут
22.12	отсутствовал на рабочем месте
23.12	опоздание на 5 минут

Преподаватель Круглов В. В. прошел конкурсный отбор в декабре 2020 г. и был избран на должность преподавателя на 3 года. Большую часть рабочего времени в 1 семестре Круглов В. В. отсутствовал на рабочем месте (либо по листу временной нетрудоспособности, либо без объяснения причин). Я также уверена, что во время действия листа временной нетрудоспособности Круглов В. В. находился за границей, однако доказать эти факты не могу.

Считаю выявленные факты свидетельством полного неуважения к руководству вуза и доказательством грубейших нарушений дисциплины. Преподаватель Круглов В. В. не оправдал оказанного ему доверия при принятии его в штат МГИМО МИД России.

Помимо этого, в Москве и других регионах он уже известен как скандальная личность. Круглов В. В. работает одновременно в большом количестве учебных учреждений. О нем пишут разгромные статьи на различных информационных платформах (Яндекс, Фэйсбук), обозначая его как преподавателя МГИМО. Все это бросает огромную тень на репутацию нашей кафедры и МГИМО в целом.

Прошу принять самые строгие меры дисциплинарного воздействия.

Прилагаю детализацию рабочего времени преподавателя Круглова В. В. с 29.09.2021 г по 27.12.2021 г

10.01. 2022 г.
Заведующий кафедрой Масловец О. А.

Приложение 3

Служебная записка О. А. Масловец от 18.02.2022

Проректору по кадровой политике
МГИМО МИД России
Морозову Владимиру Михайловичу

Уважаемый Владимир Михайлович!

Нижеследующим сообщаю о ряде фактов нарушения трудовой дисциплины преподавателем кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Кругловым В. В. (в штате, 0.5 ставки).

1. Преподаватель Круглов В. В. не внес своевременно коррективы в журнал учета работы ППС. Журнал заполнен им еще в начале учебного года. Информация, имеющаяся в журнале, не соответствует действительному и фактическому проведению им занятий, консультаций, зачетов и экзаменов (в процессе детализации рабочего времени преподавателя за 1 семестр были выявлены многочисленные нарушения трудовой дисциплины – прогулы более 20% учебных занятий). Тем самым Круглов В. В. нарушил пункт 2.7 Трудового договора, согласно которому преподаватель «обязан добросовестно выполнять должностные обязанности в соответствии с учебным планом, расписанием занятий, индивидуальным планом и Уставом Университета, а также приказы и распоряжения своего непосредственного руководителя», а также «Положение о планировании и учете работы профессорско-преподавательского состава МГИМО МИД России», согласно которому, «…выполнение учебной нагрузки регулярно фиксируется преподавателем в индивидуальном журнале; … журналы учета работы ППС и итоговые отчеты о выполненной учебной нагрузке кафедры предоставляются в Учебный отдел: не позднее 27 января… ». О факте нарушения составлен акт от 9 февраля 2022 г., с которым Круглов В. В. был ознакомлен 11 февраля, поскольку только в этот день присутствовал на рабочем месте.

2. Круглов В. В. не сдал своевременно письменные работы студентов (контрольные срезы) за 1 семестр. Согласно «Положению о кафедре МГИМО МИД России» письменные работы обучающихся являются формой отчетности и хранятся на кафедре в течение 1 года. О факте нарушения составлен акт от 10 февраля 2022 г., с которым Круглов В. В. был ознакомлен 11 февраля, поскольку только в этот день присутствовал на рабочем месте.

Вопросы о необходимости соблюдения трудовой дисциплины, о своевременном заполнении журналов успеваемости и журналов учета работы ППС (до конца 2021 г.), о своевременной сдаче письменных работ (кон-

трольных срезов) обучающихся (до конца 2021 г.), о недопустимости отсутствия на рабочем месте по неуважительным причинам обсуждался на трех заседаниях кафедры – 27 декабря 2021 г., 14 января 2022 г. и 27 января 2021 г.

Также следует отметить, что начиная с **28 декабря 2021 года** по **6 февраля 2022 года** включительно преподаватель Круглов В. В. отсутствовал на рабочем месте. Об этом свидетельствуют результаты детализации рабочего времени преподавателя. Круглов В. В. за обозначенный период посетил МГИМО **1 раз – 24 января**. В этот день он находился в отделе кадров. На рабочем месте (на кафедре) в этот день он отсутствовал.

15 января Круглов В. В. должен был принимать экзамен в магистратуре, но с 13 января по 23 января преподаватель оформил лист временной нетрудоспособности (3-й лист временной нетрудоспособности за первый семестр). Вместо Круглова В. В. в качестве экзаменатора был назначен другой преподаватель.

25 января 2022 г. сразу после закрытия листа временной нетрудоспособности Круглов В. В. посредством электронной почты уведомил меня в виде двух заявлений (были присланы сканы) о том, что 28 января 2022 г. он планирует уехать в командировку, а с 25 по 28 января 2022 г. он хочет работать онлайн. Я ознакомила Круглова В. В. с порядком оформления командировок, графиком и режимом работы вуза. Мои письма Круглов В. В. проигнорировал. На заседании кафедры 27 января он присутствовал онлайн, поскольку с 27 января до начала отпуска находился в городе Владивостоке, полностью игнорируя все распоряжения заведующего кафедрой, связанные с учебно-методической работой, а также регламенты оформления командировок и режим работы вуза.

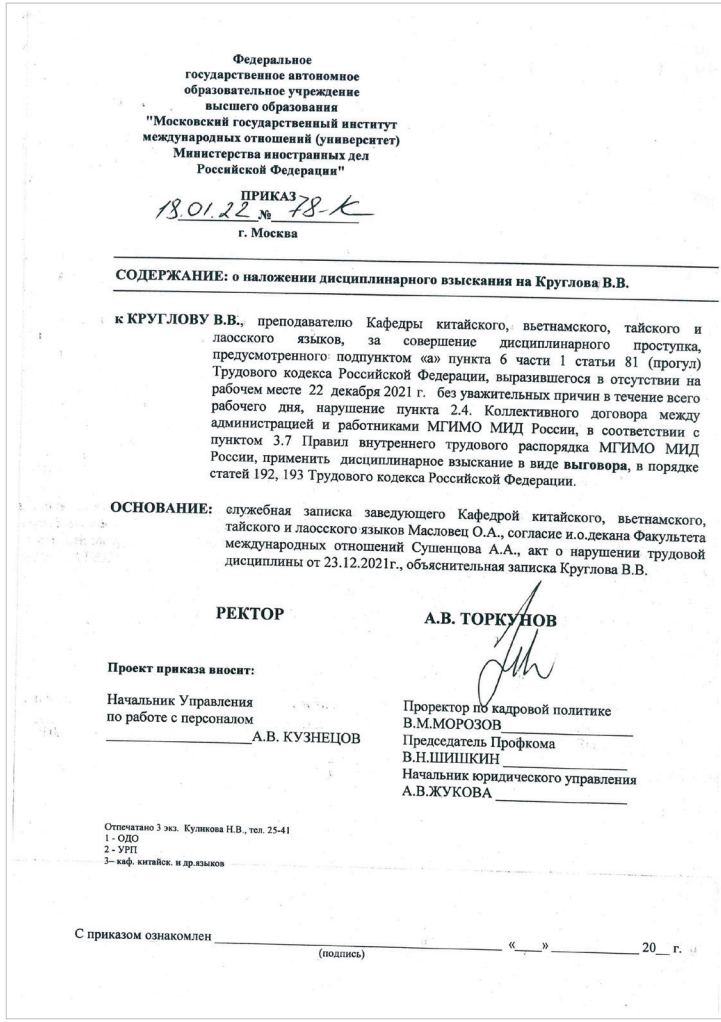
По факту несвоевременной сдачи учебно-методической документации кафедры прошу принять меру дисциплинарного воздействия в виде выговора.

К служебной записке прилагаю 2 акта о нарушении трудовой дисциплины Кругловым В. В., объяснительные Круглова В. В. от 18.02.2022 г., детализацию рабочего времени преподавателя Круглова В. В. с 10.01.2022 г 00.00 часов по 30.01.2022 г., копию служебной записки на имя Шкваренко С. И., сканы заявлений Круглова В. В., скан моего ответа, информационное сообщение о конференции в г. Владивостоке, сканы фотографий, подтверждающие его участие.

18. 02. 2022 г.
С уважением,
заведующий кафедрой китайского,
вьетнамского, тайского и лаосского языков
МГИМО МИД России Масловец О. А.

Приложение 4

Приказ № 78-К от 18.01.2022

Федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
"Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации"

ПРИКАЗ
18.01.22 № 78-К
г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: о наложении дисциплинарного взыскания на Круглова В.В.

к КРУГЛОВУ В.В., преподавателю Кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, за совершение дисциплинарного проступка, предусмотренного подпунктом «а» пункта 6 части 1 статьи 81 (прогул) Трудового кодекса Российской Федерации, выразившегося в отсутствии на рабочем месте 22 декабря 2021 г. без уважительных причин в течение всего рабочего дня, нарушение пункта 2.4. Коллективного договора между администрацией и работниками МГИМО МИД России, в соответствии с пунктом 3.7 Правил внутреннего трудового распорядка МГИМО МИД России, применить дисциплинарное взыскание в виде **выговора**, в порядке статей 192, 193 Трудового кодекса Российской Федерации.

ОСНОВАНИЕ: служебная записка заведующего Кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Масловец О.А., согласие и.о.декана Факультета международных отношений Сушенцова А.А., акт о нарушении трудовой дисциплины от 23.12.2021г., объяснительная записка Круглова В.В.

РЕКТОР **А.В. ТОРКУНОВ**

Проект приказа вносит:

Начальник Управления
по работе с персоналом
_____А.В. КУЗНЕЦОВ

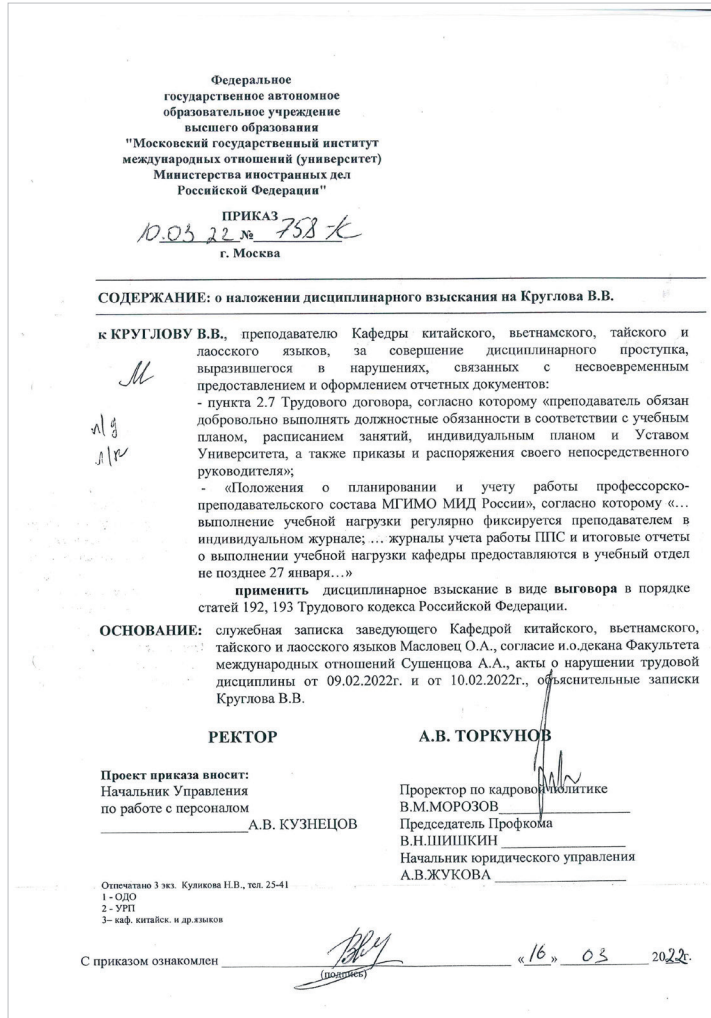
Проректор по кадровой политике
В.М.МОРОЗОВ_____
Председатель Профкома
В.Н.ШИШКИН _____
Начальник юридического управления
А.В.ЖУКОВА _____

Отпечатано 3 экз. Куликова Н.В., тел. 25-41
1 - ОДО
2 - УРП
3– каф. китайск. и др.языков

С приказом ознакомлен _____ «___» _____ 20__ г.
(подпись)

Приложение 5

Приказ № 758-К от 10.03.2022

Федеральное
государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
"Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел
Российской Федерации"

ПРИКАЗ
10.03.22 № 758-К
г. Москва

СОДЕРЖАНИЕ: о наложении дисциплинарного взыскания на Круглова В.В.

к КРУГЛОВУ В.В., преподавателю Кафедры китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков, за совершение дисциплинарного проступка, выразившегося в нарушениях, связанных с несвоевременным предоставлением и оформлением отчетных документов:

- пункта 2.7 Трудового договора, согласно которому «преподаватель обязан добровольно выполнять должностные обязанности в соответствии с учебным планом, расписанием занятий, индивидуальным планом и Уставом Университета, а также приказы и распоряжения своего непосредственного руководителя»;
- «Положения о планировании и учету работы профессорско-преподавательского состава МГИМО МИД России», согласно которому «… выполнение учебной нагрузки регулярно фиксируется преподавателем в индивидуальном журнале; … журналы учета работы ППС и итоговые отчеты о выполнении учебной нагрузки кафедры предоставляются в учебный отдел не позднее 27 января…»

применить дисциплинарное взыскание в виде **выговора** в порядке статей 192, 193 Трудового кодекса Российской Федерации.

ОСНОВАНИЕ: служебная записка заведующего Кафедрой китайского, вьетнамского, тайского и лаосского языков Масловец О.А., согласие и.о.декана Факультета международных отношений Сушенцова А.А., акты о нарушении трудовой дисциплины от 09.02.2022г. и от 10.02.2022г., объяснительные записки Круглова В.В.

РЕКТОР **А.В. ТОРКУНОВ**

Проект приказа вносит:
Начальник Управления
по работе с персоналом
_____А.В. КУЗНЕЦОВ

Проректор по кадровой политике
В.М.МОРОЗОВ_____
Председатель Профкома
В.Н.ШИШКИН _____
Начальник юридического управления
А.В.ЖУКОВА _____

Отпечатано 3 экз. Куликова Н.В., тел. 25-41
1 - ОДО
2 - УРП
3– каф. китайск. и др.языков

С приказом ознакомлен _____ (подпись) «16» 03 2022г.

Приложение 6

Отчет Контрольно-ревизионной комиссии Ассоциации преподавателей китайского языка

На наш запрос о документах необходимых для составления отчета поступил пакет материалов общей доступности. Документы, предоставленные контрольно-ревизионной комиссии для составления отчета:

1. Свидетельство о постановке на учет российской организации в налоговом органе по месту ее нахождения;
2. Свидетельство о государственной регистрации некоммерческой организации
3. Протокол № 1 Общего собрания учредителей о создании Ассоциации преподавателей китайского языка от 26 апреля 2021 года;
4. Устав Ассоциации преподавателей китайского языка;
5. Выписка из Единого государственного реестра юридических лиц;
6. Лист записи Единого государственного реестра юридических лиц в отношении юридических лиц;
7. Приказ № 2 о назначении Круглова В. В. Председателем Исполнительного комитета Ассоциации преподавателей китайского языка от 31 мая 2021 года;
8. Уведомление о переходе на упрощенную систему налогообложения;
9. Опись почтового отправления на сумму 40 рублей; 388.44; 20 и 408.44.
10. Уведомление Ассоциации преподавателей китайского языка ОКПО, дата формирования 14.07.2021
11. Заявление об открытии банковского счета в Сбербанке. Привязан номер телефона Круглова В. В., электронная почта указана Карапетьянца А. М.
12. Положение о порядке приема в члены «Ассоциации преподавателей китайского языка», утвержденного Решением Общего собрания членов «Ассоциации преподавателей китайского языка» № 2 от «4» июня 2021 года;
13. Карточка настройки ПО для представления отчетности «Таксоком»;
14. Уведомление ООО «Таксоком» о том, что Заявление на оказание услуг зарегистрировано 12.07.2021 г.
15. Уведомление ООО «Таксоком» о заключении Лицензионного договора на использование программного обеспечения «Онлайн-Спринтер» от 12.07.2021.

16. Уведомление ООО «Таксоком» от 12.07.2021.
17. Уведомление ООО «Таксоком» от 12.07.2021.
18. Уведомление ООО «Таксоком» от 12.07.2021.
19. Счет на оплату № TX01149616 от 09 июля 2021 г. на сумму 2400.
20. Заявление о подключении к электронному документообороту.
21. Счет ООО «Таксоком» № ZZ00031626 от 09.07.2021 на сумму 5280.00.
22. Счет № 2 от 24.09.2021 г. Членские взносы от ООО «Международная издательская компания «Шанс» 15 000 руб.
23. Счет № 1 от 13.09.2021 г. Членские взносы от ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова» 15 000 руб.
24. Договор об оказании услуг в области информационных технологий (ИТ) от 24.12.2021.
25. Счет за предоплату за оказание услуг по Договору об оказании услуг в области информационных технологий от 24.12.2021 на сумму 45 000 руб. (без подписи Карапетьянца А. М.).
26. Акт сдачи-приемки результатов оказанных услуг (выполненных работ) (не подписан Карапетьянцом А. М.).
27. Чек Букатова Н. Д. на сумму 45 000 руб.
28. Квитанция о приеме налоговой декларации (расчета) в электронном виде 14.07.2021 в 19.16.33.
29. Квитанция о приеме налоговой декларации (расчета) в электронном виде 14.07.2021 в 19.20.14.
30. Квитанция о приеме налоговой декларации (расчета) в электронном виде от 03.10.2021.
31. Уведомление № 2775 о неисполнении обязанности по представлению налоговой декларации (расчета) от 03.08.2021.
32. Обращение о предоставлении документов в налоговую.
33. Оплата 134.47 $ от 1.11.2021, чек на английском языке, не указано за что.

В вышеперечисленных документах указаны лишь два документа, свидетельствующие о членских взносах на сумму 30 000 рублей, и чеки на общую сумму 53 630,91 рублей.

Данные о работе бухгалтера не поступили. Запрос на все необходимые документы был отправлен как в электронном виде на адрес Ассоциации преподавателей китайского языка (rus.teach.wen@gmail.com), продублирован на номер вотсап председателя Исполнительного комитета Ассоциации, а также отправлен на почтовый адрес Ассоциации преподавателей китайского языка, г. Москва, 4 Вятский переулок, дом 18, кор-

пус 3, помещение 3, 1 этаж. В связи с тем, что по данному адресу находится жилой дом, курьер не смог найти данный адрес, доставка не увенчалась успехом.

Согласно тем документам, которые были отправлены мне председателем Исполнительного комитета Кругловым В. В., а именно Протоколу № 1 Общего собрания учредителей о создании Ассоциации преподавателей китайского языка от 26.04.2021 г. по юридическому адресу организации проходило заседание с участием Ивченко Т. В., Карапетьянца А. М., Колпачковой Е. Н., Круглова В. В., Масловец О. А., Митькиной Е. И., Сторожука А. Г., Ульяновой К. А., Хамаевой Е. А.

Согласно вышеуказанному документу, пункту 7, Контрольно-ревизионной комиссией Ассоциации преподавателей китайского языка выбраны три человека: Ивченко Т. В., Сторожук А. Г., Ульянова К. А, председателем контрольно-ревизионной комиссией назначен Ивченко Т. В. Документ подписан Председателем Общего собрания учредителей Ассоциации преподавателей китайского языка, Карапетьянцом А. М. и Секретарем Общего собрания учредителей Ассоциации преподавателей китайского языка Кругловым В. В. В этой связи возникает вопрос о правомерности моей работы в контрольно-ревизионной комиссии. Замечу, документ составлен с грубыми нарушениями и с юридической точки зрения не легитимный, так как не подписан всеми участниками собрания, а имеющиеся подписи поставлены на последней странице. Кроме того, избрание меня на эту должность было 20 марта 2021 г. вместе с избранием президента Ассоциации после Открытия Ассоциации на первом всеобщем собрании всех членов включая коллег, присоединявшихся дистанционно. Все вышеуказанные факты ставят под сомнения легитимность имеющихся на данный момент сканов документов.

В связи с тем, что по словам председателя исполнительного комитета в полном объеме оригиналы документов для составления отчета будут предоставлены только новоизбранному президенту Ассоциации, а также с учетом того, что нет возможности получить исчерпывающую информацию о финансовой деятельности организации, прошу предоставить дополнительный срок в 14 дней после предоставления новым президентом всех соответствующих документов и данных о финансовой деятельности организации для подготовки отчета контрольно-ревизионной комиссии. При получении документов за 14 дней комиссия оповестит всех членов Ассоциации о проведении дополнительного общего собрания для принятия отчета за прошедший год и сметы на следующий рабочий год.

Что касается непосредственно работы Исполнительного комитета и финансовой отчетности, просим пояснить, на какой стадии находятся работы по созданию сайта, заказ оплачен на сумму 45 000 руб.

За 2 недели нами, контрольно-ревизионной комиссией, была подана отчетность в Министерство юстиции о продолжении деятельности. Была возможность закрыть отчет в налоговую в необходимый срок и отчет о деятельности. К сожалению, вынуждены отметить факты затягивания процесса, которые привели к штрафу нашей организации, сумму штрафа готовы указать в итоговом отчете.

На данный момент перечень форм отчетности нашей организации (согласно официальному сайту Федеральной службы государственной статистики):

1. Сведения о наличии и движении основных фондов (средств) некоммерческих организаций, годовая, **с 15 февраля по 1 апреля** 2021 год.

2. Сведения о деятельности социально ориентированной некоммерческой организации, годовая, **не позднее 1 апреля после отчетного года**, 2021 год, при отсутствии хозяйственной деятельности в отчетном периоде разделы 1 и 5 формы обязательны для заполнения. Если организация не относится к социально ориентированной необходимо предоставление официального информационного письма,

3. Сведения об объеме платных услуг населению, годовая, **с 1 февраля по 1 марта 2021 год**, по форме за отчетный период в случае отсутствия наблюдаемого явления обязательно направление респондентом подписанного в установленном порядке отчета по форме, незаполненного значениями показателей («пустого» отчета по форме). Во всех представляемых отчетах такого вида должен заполняться исключительно титульный раздел формы, а в остальных разделах не должно указываться никаких значений данных, в том числе нулевых и прочерков,

4. Сведения о выполнении научных исследований и разработок, годовая, **16 февраля – 11 апреля после отчетного периода**, 2021 год, Форма предоставляется при выполнении в отчетном периоде научных исследований и разработок. В случае отсутствия наблюдаемого явления (выполнения научных исследований и разработок) в отчетном периоде предоставляется подписанный в установленном порядке отчет по форме, не заполненный значениями показателей («пустой» отчет по форме). Во всех представляемых отчетах такого вида должен заполняться исключительно титульный раздел формы, а в остальных разделах не должно указываться никаких значений данных, в том числе нулевых и прочерков,

5. Сведения о выполнении научных исследований и разработок, Квартальная, **с 1-го по 20-е число месяца, следующего за отчетным кварталом**, Отчетные кварталы 2022 года, Форма предоставляется в территориальный орган Росстата при выполнении в отчетном периоде научных исследований и разработок. Если в отчетном периоде научные исследования и разработки не выполнялись, то предоставляется подписанный в установленном порядке отчет по форме, не заполненный значениями показателей («пустой» отчет по форме), в котором должен быть заполнен только титульный раздел,

6. Сведения о численности и заработной плате работников, месячная, **не позднее 15 числа после отчетного периода**, Отчетные месяцы 2022 года, по форме за отчетный период в случае отсутствия наблюдаемого явления обязательно направление респондентом подписанного в установленном порядке отчета по форме, незаполненного значениями показателей («пустого» отчета по форме). Во всех представляемых отчетах такого вида должен заполняться исключительно титульный раздел формы, а в остальных разделах не должно указываться никаких значений данных, в том числе нулевых и прочерков,

7. Сведения о неполной занятости и движения работников, квартальная, **не позднее 8 числа после отчетного квартала**, Отчетные кварталы 2021 года, по форме за отчетный период в случае отсутствия наблюдаемого явления обязательно направление респондентом подписанного в установленном порядке отчета по форме, незаполненного значениями показателей («пустого» отчета по форме). Во всех представляемых отчетах такого вида должен заполняться исключительно титульный раздел формы, а в остальных разделах не должно указываться никаких значений данных, в том числе нулевых и прочерков,

8. Сведения об инвестиционной деятельности, годовая, **15 февраля – 1 апреля**, 2021 год, по форме за отчетный период возможно направление респондентом подписанного в установленном порядке отчета по форме, не заполненного значениями показателей («пустого» отчета по форме). Во всех представляемых отчетах такого вида должен заполняться исключительно титульный раздел формы, а в остальных разделах не должно указываться никаких значений данных, в том числе нулевых и прочерков.

В связи с вышесказанным прошу общее собрание членов Ассоциации преподавателей китайского языка решить следующие вопросы:

1. Юридический адрес организации должен быть таковым, чтобы корреспонденцию можно было оставить. Как показала практика, не вся корреспонденция доходит до Ассоциации.

2. Утвердить (еще раз) состав Контрольно-ревизионной комиссии и ее председателя. В свою очередь, хочу сказать, что, чувствуя долю своей ответственности, готова довести работу по составлению отчета за 2021 год и за 2022 год, поскольку уже начали глубокое погружение во все тонкости дела. И уже когда мы отладим процесс, передать все коллегам.

3. Утвердить/определить список учредителей организации и их функции.

4. Утвердить/определить список исполнительного комитета и его функции, срок полномочий.

5. Необходимо утвердить условия и порядок приема в Ассоциацию по коллективному членству (например, БГУ, «Шанс»).

Нужно собрать все расходы (банк может предоставить выписку бумажную, по требованию президента Ассоциации):

1. Аренда помещения или оплата юр адреса,
2. Обслуживание расчетного счета в банке,
3. Госпошлины и почтовые расходы,
4. З.п. членам ассоциации,

Нужно собрать доходную часть:

1. Членские взносы,
2. Коллективные членские взносы,

Важные моменты:

1. У нас упрощённая система налогообложения, по доходам, 6 процентов.

Это значит, сумму дохода надо умножить на 6 и заплатить в бюджет. Именно дохода. Членские взносы не являются доходом.

2. Счет в Сбербанке привязан к определённому номеру телефона, приходят смс на вход и подписание платежей. Необходимо сменить, надо утвердить чей номер будет привязан.

3. Расчетный счёт привязан к карте. Карту заменить или отвязать.

4. Сметы и план на год утверждает Исполнительный комитет.

5. Самое главное – высший руководящий орган – Общее собрание членов.

6. В течении месяца после регистрации, согласно документам, должно было внесено 35 т. р. Но со странной формулировкой. От всех учредителей. Их список не нашла.

7. Ассоциация обязана публиковать отчёт ежегодно, об использовании своего имущества.

8. Исполнительный комитет утверждает сметы и план на год.

9. Общее собрание можно собирать раз в 2 года, Исполнительный комитет собирается 1 раз в 6 месяцев.

Необходимо провести собрание уполномоченного органа, где необходимо:

1. освободить от полномочий действующего председателя с указанием причины и избрать нового,

2. заполнить форму Р14001 с приложением на действующего председателя (ставите цифру на прекращение полномочий), на нового председателя и на заявителя.

Заявителем является новый председатель, и он пойдет к нотариусу.

В Минюст подать:

1. форму Р14001 в 2 экз. – 1 экз. нотариальный, 1 просто подписанный заявителем

2. протокол уполномоченного органа – 2 экз.

3. копия устава – заверенная заявителем

4. копия свидетельства о смерти

Документы в Минюст необходимо подать в трехдневный срок с момента принятия решения уполномоченным органом.

Председатель
Контрольно-ревизионной комиссии
Дондокова М. Ю.
3 апреля 2022 г.

Т. Г. Завьялова[*]

Мемуар

Кот диктует про татар мемуар.
В. В. Высоцкий

Сколько себя помню, всегда считала, что переходить на личности в научном или педагогическом дискурсе – кране недостойное занятие. Кроме того, учитывая особенности ситуации, повод для создания этого опуса, а также особенности персонажа, решила создать новую литературную форму, чтобы не использовать такие хорошо известные, как кляуза или донос. Поэтому пусть будет «мемуар». Подошёл бы и бурлеск, но не сильна, оставлю для более талантливых литературно.

С самим г-ном Кругловым я дела имела мало, впечатления от общения остались самые неприятные. Краткая фабула в моём исключительно личном восприятии выглядит нижеследующим образом.

На конференцию, посвященную юбилею руководителя нашей кафедры востоковедения, приехал Артемий Михайлович Карапетьянц в сопровождении никому не известного молодого человека и женщины азиатской наружности. Для нас не было ничего удивительного – у уважаемого человека может быть свита. Должен же кто-то за презентацией следить, в конце концов. Но как оказалось, это были авторы учебника «Дипломатия. Китайский язык» (М.: ВКН, 2022) – В. В. Круглов и Цзягу Рихтер. Рукопись учебника нам с коллегами отдали на рецензию.

Здесь бы я хотела показать более широкий исторический контекст процесса рецензирования на нашей кафедре учебных пособий, планируемых к публикации другими вузами. Это была не первая и не единственная рецензия, сделанная нашей кафед-

[*] ***Завьялова Татьяна Георгиевна,*** старший преподаватель Новосибирского государственного университета, sunjing2006@mail.ru

рой и лично мной. Я не буду перечислять новосибирские вузы. В 2004 году, на конференции преподавателей китайского языка, которую проводил ИСАА при МГУ, мы познакомились с Ириной Владимировной Войцехович. Именно тогда я узнала про прекрасный учебник «Китайский язык. Общественно-политический перевод» – внешнюю рецензию на уже изданный учебник Ирина Владимировна попросила написать меня сама. Кстати, после этого я ездила на практику смотреть, как проводит занятия Александр Федорович Кондрашевский, – его учебник мы также до сих пор используем на кафедре.

Так как предлагаемый на рецензирование учебник шёл под грифом МГИМО, мы ждали примерно такого же уровня профессионализма. Были сильно разочарованы. Из уважения к Артемию Михайловичу написали мягкий, но категорически отрицательный отзыв. Теоретически у нас были готовы советы для авторов, как издать этот текст без особо сильной правки. Например, не называть «учебником», а отнести к учебно-методическим материалам к соответствующему курсу. Были и другие советы дидактического и пропедевтического характера, которые мы подготовили. Поэтому и согласились на встречу в Zoom'e, чтобы все спокойно и конструктивно обсудить. Диалога не получилось. И г-н Круглов, и г-жа Цзягу Рихтер пытались нам объяснить, что рецензию надо переделать на положительную, что мы ничего не понимаем в преподавании китайского языка и вообще не имеем права судить об их учебнике, поскольку не обладаем учёными степенями … были ещё высказывания на грани личных оскорблений, перечислять не буду, к делу не относится. Тем не менее именно мне как человеку, который якобы ни уха ни рыла не понимает в китайском языке (по мнению наших визави), пришлось переводить всё происходящее на китайский язык для г-жи Цзягу Рихтер почти синхронно, чтобы она понимала происходящее. Г-н Круглов не успевал и не мог. Не добившись желаемого, на следующий день г-н Круглов побежал к заведующей кафедрой востоковедения Е. Э. Войтишек жаловаться на нас. Тайком и не поставив нас с коллегами в известность.

В теории тут бы должен быть занавес.

Но тогда получится простая кляуза, чего я всеми силами пытаюсь избежать.

Само по себе всё вышеизложенное не имеет смысла, если относиться к В. В. Круглову как к случайному явлению от науки и педагогики. Тем не менее после более тщательного размышления можно сформулировать гипотезу, что личности, подобные нашему персонажу, – это скорее не уникальная самозародившаяся форма востоковедной жизни, а вполне закономерный продукт плохой работы всей системы, который заставляет очень серьёзно задуматься, а не прогнило ли у нас всё до такой степени, что и реанимации не подлежит.

Насколько я понимаю, в процессе издания учебного пособия тем или иным вузом должны быть как минимум пройдены следующие шаги: обсуждение в соответствующем структурном подразделении (ученом совете), внутреннее обсуждение готового текста, внутреннее рецензирование, после чего – приглашение внешних рецензентов. Просто изо всех сил пытаюсь промолчать про проверку на плагиат, хотя бы посредством общедоступных поисковых интернет-систем.

У меня большой вопрос: а были ли честно и добросовестно пройдены все процедурные шаги?

Не менее большой вопрос к законности запроса на внешнее рецензирование: а были ли предоставлены соответствующие документы и протоколы руководству нашей кафедры? Я не видела ничего, но мне может быть и не положено. Или если Артемий Михайлович поддерживает, то можно и без стандартной процедуры и предоставления соответствующей документации обойтись? Или у нас почти как по Оруэллу: все преподаватели китайского языка равны, где некоторые чуть более равны, чем остальные? Тогда ещё один вопрос: а как попасть в эту выделенную группу?

Очень бы хотелось, чтобы научное и педагогическое сообщество задумалось о проблеме профессиональной и просто общечеловеческой целостности, о профессиональной этике или хотя бы о той красной линии, за которую точно нельзя переходить ни при каких условиях.

Страшно жить на белом свете, господа!
А вот теперь занавес!

Приложение 1

Рецензия Т. Г. Завьяловой, Ю. А. Азаренко, Н. Ш. Николаевой на учебник: Рихтер Цзягу, Круглов В. В. «Дипломатия. Китайский язык»

Подготовка высококвалифицированных специалистов в области китайского языка в сфере высшего профессионального образования должна отвечать не только требованиям соответствующих нормативных документов и учебных программ, но и современным тенденциям развития общества и рынка труда востоковедов. Важной составляющей для обеспечения этих условий является внедрение в образовательный процесс профессиональной лексики, в том числе в сфере дипломатической службы и системе современных международных отношений.

С этой точки зрения, идея создать соответствующее учебное пособие заслуживает всяческой поддержки – в настоящее время действительно отсутствуют издания подобного плана. Необходимо также отметить новаторский подход авторов, учитывающий не только факты китайского языка для соответствующей профессиональной сферы, но и привлечение соответствующих англоязычных эквивалентов.

К сожалению, на этом достоинства представленного на рецензию текста заканчиваются и замысел авторов создать «учебно-методический трёхъязычный комплекс» пока далек от воплощения. Рецензенты отмечают следующие недостатки:

1. Совершенно непонятен статус представленного текста с методологической и методической точки зрения. Иногда авторы называют свою разработку «учебником», иногда – «учебно-методическим комплексом». Однако это разные сущности. Рецензенты не настаивают на том, чтобы авторы учебника дополнительно изучили соответствующую методологическую литературу, но советовали бы посмотреть если и не нормативные документы собственного вуза, то хотя бы определение учебника, которое даётся в энциклопедиях.

2. Исходя из названия учебника невозможно понять, на изучение чего он направлен, к какой учебной дисциплине относится. С его помощью будет изучаться теория дипломатии и международных отношений на китайском языке? Профессиональная лексика китайского языка в области дипломатии и международных отношений? Далее также остается неясным, какой аспект в преподавании языка должно обслуживать данное сочинение. У рецензентов сложилось впечатление, что по преимуществу письменный перевод. Но представленный (достаточно скудный) набор упражнений решает совершенно другие цели.

3. В построении учебника не соблюдены такие обязательные принципы подбора материала как переход от простого к сложному, сквозная структура учебника, повторяемость изученных фактов языка, кольцевая структура методических указаний, отсылающая к повторению пройденного и т. д.

4. Представленный на рецензию текст терминологически безграмотен. В предисловии (некорректно, на взгляд рецензентов, названное «методической запиской») необходимо унифицировать используемые термины в соответствии с принятыми российскими филологическими, педагогическими и пропедевтическими традициями. В основном тексте также встречается неудачное использование терминологии. Например, в «лексических таблицах» (назначение и принцип наполнения которых непонятен), идущих после основных текстов, одна из граф называется «слово». На наш взгляд, здесь наиболее подходит термин «лексическая единица», так как представлены не только слова, но и словосочетания.

5. С методологической точки зрения предлагаемая модель организации учебного процесса представляется фантазийной, не имеющей опоры на реальную педагогическую практику и абсолютно невыполнимой. Опыт работы на старших курсах со схожим материалом показывает невозможность выполнить соответствующие учебные задачи за рекомендуемое количество часов. 8–10 часов на прохождение одного урока представляется нереальным с учетом необходимости освоения многочисленных узкоспециализированных терминов и устойчивых словосочетаний на трёх языках, анализа длинных текстов и разбора их переводов. К тому же пред-

полагается, что обучающийся должен научиться и адекватно переводить тексты. Отметим, что ключей к переводу не прилагается, что делает невозможным использование учебника изучающими китайский язык самостоятельно или в условиях отсутствия преподавателя, профессионально занимающегося переводом текстов изучаемой тематики.

6. Также следует наиболее четко структурировать методические рекомендации, так как преподавателю непонятно, как работать. Не ясна цель упражнений («обсуждение терминов»), задания не обеспечивают усвоение всего материала и контроль его усвоения.

7. Дополнительные тексты перенасыщены неизвестной обучающимся лексикой, которая не будет в дальнейшем использоваться. Разумно снабдить словником.

8. Отсутствуют лексико-грамматические комментарии, хотя используются конструкции письменного языка.

9. Цитаты из китайской классики на вэньяне необходимо дать если и не в переводе на русский язык, то хотя бы в варианте на современном китайском языке. Рецензентам непонятно, с какой целью привлекается этот материал в и без того перегруженном тексте.

10. Приложением к учебнику могут выступать подборки неадаптированных аудиовизуальных материалов по изучаемым темам (использование которых следует, вероятно, согласовать с правообладателями), однако прямые отсылки на сторонние ресурсы Интернет недопустимы (как минимум в связи с тем, что невозможно гарантировать сохранение их доступности на постоянной основе). «Мультимедийная часть» – ещё один из примеров неудачного названия структурного элемента разработки. Цель просмотра видеоматериалов согласно формулировке заданий – «проверка навыков» синхронного, последовательного перевода, реферирования и аннотирования, но использование данного учебника не формирует эти навыки.

11. Неудачен выбор форматирования текста, в частности следует пересмотреть межстрочный интервал, не давать курсивом иероглифы.

В целом представленная к рецензированию разработка «Дипломатия. Китайский язык» не отвечает, на взгляд рецензентов, требованиям, предъявляемым к учебнику, ни с филологической, ни с методологической точки зрения. Требуется серьёзная переработка всего текста. В представленном виде рекомендовать к печати данную разработку невозможно.

Азаренко Юлия Анатольевна,
старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ
Завьялова Татьяна Георгиевна,
старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ
Николаева Насима Шайхетдиновна,
старший преподаватель кафедры востоковедения ГИ НГУ

Приложение 2

Рецензия А. В. Семенова на учебник Рихтер Цзягу, Круглова В. В. «Дипломатическая служба. Китайский язык»

Представленная авторами Цзягу Рихтер и В. В. Кругловым работа является первой в России попыткой разработать профессиональный учебник по китайскому языку для старших курсов языковых и неязыковых вузов, которые обучаются по общегуманитарным программам бакалавриата и магистратуры по профилю «Международные отношения». Предлагается использовать учебник и для обучения студентов-стажеров из Китая, которые приезжают по программам обмена. Особенность учебника – это трилингвизм, его выполнение на трёх языках: русском, китайском и английском.

Материал учебника, предложенный авторами, задаёт высокую планку для обучающихся, то есть соответствует высшим уровням иноязычной коммуникативной компетенции (по китайскому языку – HSK 5–6 или новый HSK 7–9, а по английскому – C1–C2).

Как считают авторы, овладение предъявляемым учебником позволит обучающимся свободно реализовывать все виды речевой деятельности (аудирование, говорение, чтение и письмо) в области

объявленной тематики, а также получить навыки профессионального перевода.

Структура учебника включает методическую записку, 16 основных уроков, приложение 1 (Сводную таблицу специальной лексики) и приложение 2 (Официальные сайты российских государственных ведомств).

Каждый урок состоит из 6 разделов: основной текст урока, лексика, тексты для чтения, дополнительные справочные материалы, упражнения и мультимедийная часть. Прохождение одного урока предполагается за 8–10 академических часов. Весь курс учебника рассчитан на 180 академических часов, в том числе самостоятельная работа студентов и контрольные работы.

Темы, которые охватывает учебник, представлены в 16 уроках:

Урок 1. «Дипломатия и дипломатический язык»;

Урок 2. «Органы внешних сношений»;

Урок 3. «Дипломатические ранги»;

Урок 4. «Документы дипломатической практики»;

Урок 5. «Двусторонняя дипломатия»;

Урок 6. «Консульская служба»;

Урок 7. «Многосторонняя дипломатия и её институты»;

Урок 8. «Международное правовое регулирование как одна из задач многосторонней дипломатии»;

Урок 9. «Международные конференции. Основные формы и методы многосторонней дипломатии»;

Урок 10. «Механизмы региональной многосторонней дипломатии»;

Урок 11. «Экологическая дипломатия»;

Урок 12. «Экономическая дипломатия»;

Урок 13. «Военная дипломатия»;

Урок 14. «Научно-техническое сотрудничество»;

Урок 15. «Культурная дипломатия»;

Урок 16. «Публичная и народная дипломатия».

Контроль над прохождением материала, по предложению авторов, необходимо проводить в виде 6 срезов, причём в каждый срез включается материал 3 уроков. Зачет по материалам 1–8 уроков, экзамен – по всему учебнику.

Проверка материала включает:

1) фрагменты лексико-грамматических упражнений;

2) по 5 предложений на перевод с русского на китайский и китайского на русский;

3) 1 задание на «контент-анализ» (вопрос по материалу урока).

В Приложении 1 представлена Сводная таблица лексики пройденных уроков, а в Приложении 2 – официальные сайты государственных структур РФ.

* * *

В связи с первым опытом разработки профессионального учебника на китайском языке (а в данном случае, как заявлено авторами, на трёх языках), мне хотелось бы выдвинуть ряд критических замечаний в отношении предъявленной работы.

1) Название «учебник» в заглавии работы вряд ли соответствует её реальному содержанию. В современной методике «учебник» – это систематическое изложение основ знаний в определённой области и на современном уровне науки; или основной комплекс материалов для достижения программных образовательных целей по учебной дисциплине.

Иными словами, учебник по дипломатической службе на китайском языке необходимо должен системно и полно раскрыть все вопросы, связанные с дипслужбой (см., например, оглавление учебника по Дипломатической службе РФ):

РАЗДЕЛ I. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА КАК ВИД ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Глава 1.1. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

1. Зарождение российской дипломатии и дипломатической службы
2. Дипломатическая реформа Петра I: переход к европейской модели дипломатической службы
3. Дипломатическая служба в послепетровские времена
4. Внешнеполитический аппарат российской империи конца XIX – начала XX в.
Контрольные вопросы
Литература

Глава 1.2. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА
Контрольные вопросы
Литература

Глава 1.3. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
1. Государственная служба: статус, принципы, функции
2. Политическая нейтральность и профессиональная ответственность государственного служащего
Контрольные вопросы
Литература

РАЗДЕЛ II. СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Глава 2.1. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОРГАНЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ РОССИИ
1. Министерство иностранных дел Российской Федерации, его статус и задачи
Оперативная работа центрального аппарата МИД России
Контрольные вопросы
Литература

Глава 2.2. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ДИППРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ, КОНСУЛЬСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ И ИХ ПЕРСОНАЛА
1. Понятие и принципы правового статуса загранпредставительства Российской Федерации
2. Неприкосновенность помещений и порядок ее обеспечения
3. Свобода сношений с аккредитующим государством
4. Основные иммунитеты и привилегии средств передвижения
5. Иммунитеты и привилегии персонала дипломатических представительств и консульских учреждений
Контрольные вопросы
Литература

Глава 2.3. ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА: СТАТУС, ФОРМЫ И МЕТОДЫ СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1. Классификация дипломатических представительств
2. Персонал дипломатического представительства
3. Дипломатический корпус
4. Посольство Российской Федерации: его структура и функции

5. Вопросы межгосударственного обмена
Контрольные вопросы
Литература

Глава 2.4. КОНСУЛЬСКАЯ СЛУЖБА И ЕЕ ФУНКЦИИ
1. Установление консульских отношений и создание консульских учреждений
2. Консульские функции
3. Консульские отношения со странами – участницами СНГ
Контрольные вопросы
Литература

Глава 2.5. ОСОБЕННОСТИ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ В СПЕЦИАЛЬНЫХ МИССИЯХ И ПОСТПРЕДСТВАХ РОССИИ ПРИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
1. Постоянные представительства и специальные миссии: правовой статус, формы и приоритеты
служебной деятельности
2. Постоянные представительства Российской Федерации при международных организациях системы ООН
3. Постоянные представительства Российской Федерации при региональных организациях
5. Дипломатическое представительство Российской Федерации на форумах новых международных структур
Контрольные вопросы
Литература

РАЗДЕЛ III. ПРОХОЖДЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Глава 3.1. РАБОТНИК ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ: ПОНЯТИЕ, СТАТУС, КОМПЕТЕНЦИЯ
1. Работник дипломатической службы и его социально-правовой статус
2. Профессионально-личностные качества работника дипломатической службы
3. Особенности работы с молодыми специалистами
Контрольные вопросы
Литература

Глава 3.2. ПОНЯТИЕ И ОСОБЕННОСТИ ПРОХОЖДЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
1. Прохождение дипломатической службы и его правовая база
2. Планирование – основа оптимизации системы прохождения дипломатической службы

3. Государственная должность дипломатической службы и порядок ее замещения
4. Ротация дипломатических служащих
Контрольные вопросы
Литература

Глава 3.3. БЕЗОПАСНОСТЬ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
1. Безопасность как проблема дипломатической практики
2. Современные проблемы безопасности и пути их решения
3. Антитеррористическая безопасность
4. Обеспечение безопасности МИД России и его аппарата
Контрольные вопросы
Литература

РАЗДЕЛ IV. КАДРЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ: ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ, СТИЛЬ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ, МАТЕРИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

Глава 4.1. ОРГАНИЗАЦИОННО-КАДРОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
1. Кадровая ситуация в системе дипломатической службы
2. Департамент кадров МИД и его основные функции
3. Формы и методы профессионального совершенствования работников дипломатической службы
4. Резерв как форма работы с кадрами дипломатической службы
Контрольные вопросы
Литература

Глава 4.2. СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ И ЕГО РОЛЬ В ОПТИМИЗАЦИИ СЛУЖЕБНЫХ ОТНОШЕНИЙ
1. Понятие стиля служебных отношений
2. Классификация стилей служебной деятельности
3. Основные характеристики оптимального стиля служебной деятельности
4. Пути овладения эффективным стилем служебных отношений
Контрольные вопросы
Литература

Глава 4.3. ДЕНЕЖНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТНИКОВ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
1. Должностной оклад государственного служащего системы МИД России
2. Система надбавок к должностному окладу

3. Финансирование денежного содержания на дипломатической службе
Контрольные вопросы
Литература

РАЗДЕЛ V. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ФОРМЫ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ

Глава 5.1. ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ
1. Информация и ее роль в системе государственного управления
2. Требования к дипломатической информации
3. Источники информации
4. Обработка информации
Контрольные вопросы
Литература

Глава 5.2. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И КУЛЬТУРНАЯ РАБОТА МИД РОССИИ И ЕГО ЗАГРАНПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВ
1. Экономическая дипломатия
2. Культурная дипломатия
Контрольные вопросы
Литература

Глава 5.3. ПРОТОКОЛЬНАЯ СЛУЖБА
1. Понятие дипломатического протокола
2. Дипломатические приемы: подготовка и проведение
3. Визиты на высшем уровне: категории и форматы
4. Разработка единых протокольных норм приема иностранных делегаций в 70–80-е годы
5. Основные положения государственной протокольной практики Российской Федерации
Контрольные вопросы
Литература

Глава 5.4. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ СЛУЖБА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ
1. Государство и СМИ: нормативно-правововая база и принципы взаимодействия
2. Основные направления и формы работы пресс-службы МИД России
3. Опыт деятельности пресс-служб российских дипломатических представительств за рубежом
Контрольные вопросы
Литература

Глава 5.5. ДОКУМЕНТАЦИОННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕПИСКА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

1. Организация и значение документационного обеспечения дипломатической службы
2. Составление и оформление документов в системе дипломатической службы
3. Систематизация документов и контроль за их исполнением
4. Дипломатическая документация и дипломатическая переписка
Контрольные вопросы
Литература

Учебник на иностранном языке должен раскрывать базовые особенности изложения профессиональных тем на иностранном языке и давать научные комментарии в области языковых, речевых, коммуникативных, дискурсивных, социокультурных и межкультурных компетенций. В комплекс учебника должна быть включена книга для преподавателя и книга для самостоятельной работы студентов. Поэтому данная работа скорее относится к расширенным учебным пособиям, охватывающим несколько отдельных тем.

Название «Дипломатическая служба» гораздо уже, чем темы, предложенные в работе (см. выше оглавление учебника по дипломатической службе). Настоящий учебник скорее соответствует названию «Дипломатия».

Более того, понятие «дипломатическая служба» является конкретным, не бывает дипслужбы в общем, то есть существует, например, дипслужба РФ, или Китая, или США. Заглавие учебника – «Дипломатическая служба», а тексты – в основном связаны с дипслужбой Китая.

2) Трёхъязычность вызывает большой вопрос.

Во-первых, в этом случае все тексты должны иметь аутентичные переводы на трёх языках.

Во-вторых, система упражнений тоже должна быть на трёх языках;

В–третьих, материалы аудирования также должны включать тексты на трёх языках для перекрестной работы.

Для профессионального трёхъязычного учебника необходимо согласование на трёх кафедрах: тематического согласо-

вания – кафедры дипслужбы, языкового – кафедры китайского языка и кафедры английского языка. Необходима переподготовка преподавателей китайского языка по программе «китайский-английский».

3) Цели авторов учебника недостаточно ясно выражены. Авторы пишут: «Целью учебника является комплексное формирование умений и навыков в сфере дипломатической службы и международных отношений на китайском языке». Какие умения и навыки на китайском языке в сфере дипслужбы авторы имеют в виду? А как быть со знаниями по данной тематике?

В методической записке не упоминаются ФГОС, которые являются юридической основой для составления учебника, и компетентностная модель как научно-теоретическая база современной учебной литературы.

4) Данный учебник не отвечает одному из важных дидактических принципов – доступности. Авторы сами задают высокие требования: высшая ступень китайского языка HSK 5–6 и английского языка C1–2. Это означает свободное владение как китайским, так и английским языком (что соответствует профессиональному уровню ВКИЯ). Кто из студентов старших курсов российских вузов обладает таким уровнем? Возможно, такой уровень легче достичь при изучении английского языка (хотя сомнительно), но студенты старших курсов даже МГИМО вряд ли имеют такой уровень! Я не говорю о преподавателях!

Иными словами, говоря о профессиональном языке, мы не должны сводить уровень владения им к имеющимся усредненным уровням коммуникативной компетенции. На наш взгляд, при соответствующей методике с текстами на тему дипслужбы соответствующего объема вполне могут совладать студенты 3–4 курсов, не имеющие высших уровней HSK.

5) Если, по мнению авторов, входные требования к освоению учебника – HSK 5–6, то необходимо выделить в 4-х видах речевой деятельности те виды, которые соответствуют свободному владению языком:

а) обратить внимание на профессионализацию 4-х видов речевой деятельности,

б) использовать не только профессиональный перевод (ведь это учебник не только по профессиональному переводу!!), а все виды реферирования, аннотирования, комментирования,

в) через весь учебник должны проходить не только лексико-грамматические упражнения и переводы, но и практические задания, характерные для дипслужбы (посольская и консульская переписка, основные дипломатические документы, составление справок и т. д.),

г) на проверочные, контрольные, экзаменационные работы необходимо выносить практическое умение составить дипломатический или консульский документ,

д) для отработки навыков профессионального говорения необходимо составить ситуации общения и предложить реальные задачи дипслужбы для практического решения,

е) увязать материалы аудирования с темами учебника и разработать методику работы с профессиональным аудированием (кроме стандартного перевода!), исходя из профессиограммы дипломатического работника,

6) продумать структуру урока.

Почему предтекстовые упражнения с лексикой идут в таблице после основного текста, причём лексика часто не связана с основным текстом?

Почему нет лексико-грамматического комментария, где разбираются наиболее сложные лексические и грамматические случаи?

Почему нет тематического комментария? Неужели студенты знают все необходимые понятия по теме?

Есть сводная лексическая таблица, но нет ключевых слов по теме?

По новым требованиям к учебной литературе 3-го поколения в начале каждого урока выделяются задания для студентов:

– что должны знать?
– что должны уметь?
– какие навыки должны получить?

В конце урока эти задания проверяются!

Почему нет тестов для проверки знаний и умений?

7) Дополнительная справочная литература необходима, когда поставлены специальные вопросы в расширение пройден-

ного материала. Если нет специальных заданий для данной литературы, то она бесполезна.

8) Из профессиональных заданий предложен лишь перевод, причём с объяснениями для студентов 3 курса! Авторы декларировали уровень HSK 5–6. Это же свободное владение языком и знакомство с основами перевода!

9) В мультимедийной части авторы проверяют последовательный и синхронный перевод? Как будто каждый первый может синхронно переводить видеоматериалы? Где комплекс упражнений для этих видов перевода?

10) Объем учебника рассчитан на 180 учебных часов работы. Для неязыкового вуза на 4 курсе при 10 часах в неделю – это занятие только этим учебником, на остальные аспекты времени не хватит. Как быть с программой по китайскому языку, куда могут входить и входят и другие языковые аспекты профессиональной деятельности?

11) Тематическое содержание данного учебника соответствует названию «Дипломатия» или «Дипломатия КНР»

12) Организация контроля, на наш взгляд, не соответствует уровню профессионального учебника. Необходимо, как было сказано выше, перестроить контроль над письменным и устным решением практических и профессиональных задач.

13) Приложение 1. Сводная таблица специальной лексики – важный компонент учебника, но кроме перевода хорошо бы добавить объяснение лексики на китайском и на английском.

14) Приложение 2 вызывает вопрос: почему в трёхъязычном учебнике представлены официальные источники только России, а где Китай, где англоязычные страны?

Тексты в основном взяты из китайских источников, а ссылок на источники нет.

В целом при дальнейшей работе над данным проектом с учётом вышеуказанных замечаний у авторов может получиться достойный профессиональный учебник китайского языка по выбранной тематике.

11 августа 2021 года
Зав. кафедрой восточных языков
Дипломатической Академии МИД РФ, к. и. н. А. В. Семенов

*Т. А. Сафин**

Огласить нельзя зачитывать: об апелляции на защиту В. В. Круглова

В Москве не хотели её напечатать по двум причинам:
первая, что смысл в стихах неясен
и много стихов топорной работы,
другая, что предмет стихов несвойствен нашей земле.
Я еду теперь в Петербург просить о издании её в свет,
ласкаяся, яко нежный отец своего дитяти

А. Н. Радищев.
«Путешествие из Петербурга в Москву»

31 мая 2022 года в СПбГУ состоялась защита диссертации Владислава Владиславовича Круглова «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса»[1]. Ознакомившись с данной работой, несколько сотрудников отдела Китая ИВ РАН (я сам, а также Н. В. Руденко и С. В. Дмитриев) пришли к выводу, что данная работа не соответствует уровню кандидатской диссертации. Мы изложили свои аргументы в отзывах, которые были опубликованы на сайте СПбГУ[2] и с которыми читатель может ознакомиться далее.

Поскольку основные факты, указанные в отзывах, являются очевидно неопровержимыми и разгромными для диссертанта, председатель диссертационного совета А. Г. Сторожук предпочел «сохранить лицо» и не зачитывать их перед публикой, аргументиро-

* ***Сафин Тимур Альфредович,*** канд. ист. наук, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва); доцент кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (ИОН РАНХиГС, Москва), tamerlane93@yandex.ru

[1] URL: https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/641-kruglov-vladislav-vladislavovich.html (дата обращения: 09.11.2022).

[2] Там же.

вав это большим количеством поступивших отзывов[3]. Стоит отметить, что зачитывание вслух отзывов – стандартная практика в ходе присуждения научных степеней, но есть несколько нюансов. Порядок присуждения учёных степеней, принятый Минобрнауки, прямо предписывает, что в ходе заседания: «оглашаются … поступившие в диссертационный совет отзывы на диссертацию и автореферат диссертации. При наличии значительного количества положительных отзывов … учёный секретарь с согласия членов диссертационного совета вместо оглашения делает их обзор с указанием отмеченных в них замечаний. Отрицательные отзывы на диссертацию или автореферат диссертации зачитываются полностью»[4]. Максимум, что позволяет такая формулировка, – сократить положительные отзывы, негативные же необходимо зачитывать от корки до корки. Но диссертационные советы СПбГУ не подчиняются данному приказу, руководствуясь собственным Положением, которое гласит, что: «Председатель Диссертационного совета оглашает поступившие на Диссертацию отзывы, включая внешние»[5]. Таким образом, на заседании по диссертации В. В. Круглова негативные отзывы нужно было не «зачитывать полностью», а «оглашать».

На первый взгляд, Положение СПбГУ даже жестче, чем приказ Минобрнауки. Слово «огласить» значит «прочесть вслух» (см. рис. 1 и 2), а значит председатели диссертационных советов СПбГУ должны в ходе заседания зачитывать вслух все отзывы, как негативные, так и положительные, без возможности сократить пересказ последних (что допустимо в обычных, ВАКовских советах). На практике же, как

[3] Всего поступило 15 отзывов: пять – от членов диссовета, и десять внешних; негативными были три внешних отзыва.

[4] Приказ Министерства образования и науки РФ от 10 ноября 2017 г. № 1093 «Об утверждении Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», раздел VI «Проведение заседания диссертационного совета при защите диссертации», п. 38. URL: http://ivo.garant.ru/#/document/71825906/paragraph/172:0 (дата обращения: 09.11.2022).

[5] Положение о совете по защите Диссертации в Санкт-Петербургском государственном университете на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Приложение № 2 к Приказу № 11181/1 от 19.11.2021 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»), разд. IV «Проведение заседания Диссертационного совета при защите Диссертации», п. 20. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/20211119_11181_1.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

оказалось, представители СПбГУ могут использовать эту формулировку для того, чтобы не зачитывать отзывы в принципе.

ОГЛАСИ́ТЬ, -ашу́, -аси́шь; -ашённый (-ён, -ена́); *сов., что.* **1.** Прочесть вслух для всеобщего сведения, объявить (офиц.). *О. проект резолюции. О. приказ, указ.* **2.** Разгласить, сделать известным (устар.). *О. чужую тайну.* **3.** *чем.* Наполнить громкими звуками. *О. лес криками.* ‖ *несов.* **оглаша́ть,** -а́ю, -а́ешь. ‖ *сущ.* **оглаше́ние,** -я, *ср.* (к 1 и 2 знач.).

Рис. 1. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – С. 443.

ОГЛАСИ́ТЬ, ашу́, аси́шь, *сов.* (*к* оглашать). **1.** *что.* Прочесть вслух для всеобщего сведения, гласно объявить содержание чего-н. (какого-н. документа). *О. показания свидетелей. Секретарь огласил резолюцию.* **2.** *что.* Разгласить, сделать что-н. известным всем, повсюду (устар.). *О. чужую тайну.* **3.** *кого-что.* Объявить в церкви (имена вступающих в брак; церк.). *О. жениха и невесту.*

Рис. 2. *Ушаков Д. Н.* Толковый словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2013. – С. 388.

В связи с тем, что председатель диссертационного совета А. Г. Сторожук в ходе заседания лишь перечислил поступившие отзывы, но не огласил их, мною было принято решение подать апелляцию на решение Совета (текст Апелляции прилагается далее, а также доступен на сайте СПбГУ)[6], рассмотрение которой прошло 20-го сентября 2022 года на Восточном факультете СПбГУ. Несмотря на то, что авторы и диссертации, и апелляции проживают в Москве, заседание было назначено очное (хотя норматив-

[6] URL: https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/641-kruglov-vladislav-vladislavovich.html (дата обращения: 09.11.2022).

ные документы позволяют провести его дистанционно). Впрочем, признаю: незапланированная поездка в Санкт-Петербург является приятным событием, а перенос заседания в онлайн был мною запрошен уже после издания приказа о проведении заседания. Ещё одной трудностью на пути к апелляции стал почтовый адрес отдела по обеспечению деятельности диссертационных советов СПбГУ, который на сайте указан так: «Санкт-Петербург, 6 линия В. О., д. 11, каб. 27, 28», но судя по доступным в интернете картам, по этому адресу располагается… Андреевский собор. Отношение к СПбГУ, вероятно, имеют какие-то из соседних корпусов (11В или 11Д), но мои неоднократные запросы по электронной почте об уточнении литеры остались без ответа. Поскольку адрес был заведомо указан не вполне корректно, почтальон не смог вручить получателю письмо с текстом апелляции. Ещё через несколько дней я дополнительно запросил информацию по e-mail и получил следующий ответ: «На текущий момент у сотрудников отдела по обеспечению деятельности диссертационных советов отсутствует информация о факте поступления по почте в СПбГУ указанных Вами документов». Да неужели? Потребовалось несколько этапов общения по телефону, дабы сотрудники отдела забрали письмо из отделения, впрочем, сделали они это более чем оперативно. Стоит сказать, что аналогичная ситуация сложилась и в мае, при подаче отзывов, но тогда сотрудники опубликовали на сайте скан-копии не дожидаясь получения оригиналов по почте. Несмотря на эти небольшие замечания, сотрудники отдела оперативно отвечали на запросы, и апелляция была успешно принята, за что им большое спасибо.

Сама апелляция прошла в соответствии с регламентом, за одним небольшим исключением: автор диссертации на заседании не присутствовал, что, по правилам, должно автоматически означать перенос заседания на другую дату. Но В. В. Круглов письменно обратился с просьбой рассмотреть апелляцию в его отсутствие, на что присутствующие (включая меня) возражать не стали. В ходе заседания я озвучил аргументы, представленные в тексте апелляции, и предложил, в соответствии с имеющимися правилами, назначить повторное заседание диссертационного совета для устранения нарушений. Однако комиссия избрала линию защиты,

согласно которой… нарушений не было! Члены комиссии обосновывали это тем, что слово «огласить», оказывается, не обязательно трактовать в значении «зачитать вслух», как гласят толковые словари. Аргументация сводилась к следующему:

Во-первых, по утверждению секретаря комиссии А. А. Родионова, в электронной версии словаря Ушакова, на которую я сослался в тексте апелляции[7], якобы есть некое иное значение слова «огласить», позволяющее не зачитывать отзывы. Впоследствии мне не удалось найти такого значения по указанной ссылке, а точную формулировку А. А. Родионова я, к сожалению, не могу воспроизвести (по состоянию на 09.11.2022 видеозапись заседания апелляционной комиссии на сайте СПбГУ не выложена, более того, по правилам необходимо лишь «вести» аудиовидеозапись, но прямо не предписывается выкладывать её). В ходе заседания я ещё раз зачитал все значения слова «огласить» из двух толковых словарей, но у комиссии был и другой аргумент.

Якобы толковые словари не являются обязательными нормативными документами, поэтому их трактовкам следовать не обязательно. Членов комиссии (включая кандидата юридических наук М. В. Чернову) отнюдь не смутило, что в нормативных документах и судебной практике данный термин также понимается вполне однозначно, и если закон требует что-либо огласить (например, ст. 276, 281, 285 УПК РФ), то в суде соответствующие документы будут именно зачитаны. Уверен, это прекрасно известно госпоже Черновой как минимум, а вероятно и остальным членам комиссии тоже. Например, ст. 285 УПК РФ гласит: «Протоколы следственных действий, заключение эксперта, данное в ходе предварительного расследования, а также документы, приобщенные к уголовному делу или представленные в судебном заседании, могут быть на основании определения или постановления суда оглашены полностью или частично, если в них изложены или удостоверены обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела»[8]. Вряд ли кто-либо сможет убедить судью в том, что при оглашении протоколов следствен-

[7] URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc (дата обращения: 17.08.2022).

[8] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/83863aaea9bb48318450127eef6153417acb7017/ (дата обращения: 09.11.2022).

ных действий зачитывать их не обязательно, достаточно лишь заявить об их наличии в распоряжении суда. Сослаться в споре с судьей на заключение апелляционной комиссии СПбГУ тоже не получится: аргументы комиссии в нем, к сожалению, не отражены[9].

В-третьих, у председателя комиссии О. И. Редькина возник вопрос о том, когда были составлены процитированные мной в ходе заседания словари (я использовал обновленные издания 2006 и 2013 годов), но каких-либо более актуальных словарей он при этом не назвал.

На этом спор о смысле слова «оглашать» был закончен, и присутствующие приступили к обсуждению других вопросов. Председатель диссертационного совета А. Г. Сторожук уверил комиссию в том, что члены Совета успели перед защитой ознакомиться с содержанием критических отзывов, что весьма прискорбно. У меня была некоторая надежда на то, что присуждение степени кандидата наук за диссертацию В. В. Круглова могло произойти просто по недосмотру. Но нет, члены Совета понимали, какого качества работу они защищают.

Встала проблема масштабов, поскольку диссертационный совет оказался буквально завален положительными отзывами на работу Круглова, реальное оглашение которых потребовало бы очень много времени. Судя по данным о прошедших защитах на сайте СПбГУ, обычно дело ограничивается обязательными отзывами от членов диссовета (пять или чуть больше); иногда к ним добавляются один-два внешних отзыва, редко – больше[10]. Но на защиту Круглова внешние положительные отзывы прислали сразу семь (!) человек из нескольких стран, включая Ричарда Хо, который не предоставил данных о своем образовании и назвался «бывшим регистратором» (!) Китайского университета Гонконга[11]. Теоретически можно представить ситуацию, при которой диссертант может организовать ещё более массовое «забрасывание» комиссии поло-

[9] URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/zakl_appelyatsiya_safin_kruglov.pdf (дата обращения: 09.11.2022).

[10] URL: https://disser.spbu.ru/dissertatsionnye-sovety-spbgu/proshedshie-zashchity-dissertatsij.html (дата обращения: 09.11.2022).

[11] URL: https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/641-kruglov-vladislav-vladislavovich.html (дата обращения: 09.11.2022).

жительными отзывами (количество которых не регламентируется), зачитать которые будет действительно невозможно. Эта проблема существует, и остается лишь надеяться, что правила защиты диссертации в СПбГУ когда-нибудь будут приведены в соответствие с нормами Минобрнауки, которые позволяют не зачитывать положительные отзывы полностью.

Член диссертационного совета А. С. Аврутина задалась вопросом: почему все критические отзывы пришли из отдела Китая ИВ РАН, и призвала присутствующих подумать над тем, что это может означать. Действительно, «географический» аспект проблемы интересен (но в ином ключе). На первый взгляд, известность диссертанта поражает воображение: на его работу самостоятельно, добровольно и независимо прислали внешние положительные отзывы аж семь специалистов из Санкт-Петербурга, Казани, Владивостока, Турции, Германии, Австрии и Китая! Очевидно, мы имеем дело с широко известным персонажем. Но обращаю внимание читателя на следующий факт: проживая в Москве, Круглов не только уехал защищаться в Санкт-Петербург, но и не смог заручиться положительными отзывами ни от сотрудников ИСАА МГУ (где учился), ни от сотрудников МГИМО (где работал), ни из МГПУ (где проходил курсы повышения квалификации). Не потому ли как раз, что в этих местах он хорошо известен? Отсутствуют отзывы таких московских специалистов, как А. И. Кобзев, В. А. Плунгян, Я. Г. Тестелец (на которых ссылается в своей работе диссертант). В Москве (если не считать негативных откликов ИВ РАНа) отзыв на работу Круглова дали только в ИДВ РАН и малоизвестном МГОУ (Областном университете), причем это «внутренние» отзывы членов Совета.

Впрочем, один отзыв из ИСАА МГУ всё же был: речь идет об отзыве научного руководителя диссертанта, А. М. Карапетьянца, и это – отдельная история. Дело в том, что Артемий Михайлович заверил свою подпись 20 декабря 2021 года:[12] за несколько дней до своей смерти (26.12.2021), более чем за месяц до подачи Кругловым документов в диссертационный совет СПбГУ (дата на заявлении –

[12] URL: https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/641-kruglov-vladislav-vladislavovich.html (дата обращения: 09.11.2022).

09.02.2022)[13] и вскоре после своей внезапной женитьбы (что обернулось отдельной историей с правами наследования), находясь при этом, по воспоминаниям хорошо знавших его людей, уже далеко не в лучшей форме, как физически, так и психологически. Ситуация эта окутана разными слухами, равно как и участие в ней Круглова, но слухам – место в кулуарах, а не в печати.

Видимо, изначально защиту планировалось провести раньше, в ИСАА. Об этом свидетельствует не только расхождение в датах, но и то, что в отзыве Карапетьянца указан шифр специальности 10.02.22 – «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии». По такой специальности проходят защиты в диссовете при ИСАА МГУ имени М. В. Ломоносова за номером МГУ.10.03. А в Петербурге Круглов защищался под другим шифром: 5.9.6. – «Языки народов зарубежных стран (китайский язык)». Остается лишь гадать, по какой причине Круглов побрезговал своей alma mater как местом защиты диссертации (или, может, всё было ровно наоборот?) Интересно и то, что по правилам СПбГУ «Научный руководитель/консультант предоставляет письменное согласие на безвозмездное выполнение функций научного руководителя/консультанта, а также согласие на обработку своих персональных данных и размещение их на сайте СПбГУ»[14]. Очевидно, Артемий Михайлович такого согласия не давал и в принципе дать не мог. К сожалению, мы уже не можем спросить его личное мнение по этой ситуации. А очень хотелось бы…

Предсказуемо апелляция завершилась отказом: нарушений не найдено, степень – присудить. Более того, был создан прецедент, позволяющий в принципе не зачитывать никакие отзывы на заседании диссоветов (посмотрим, станет ли это нормальной для СПбГУ практикой). Не смог вживую огласить своего мнения и Артемий Михайлович Карапетьянц. Но что здесь можно сказать? Подобные процессы любят тишину.

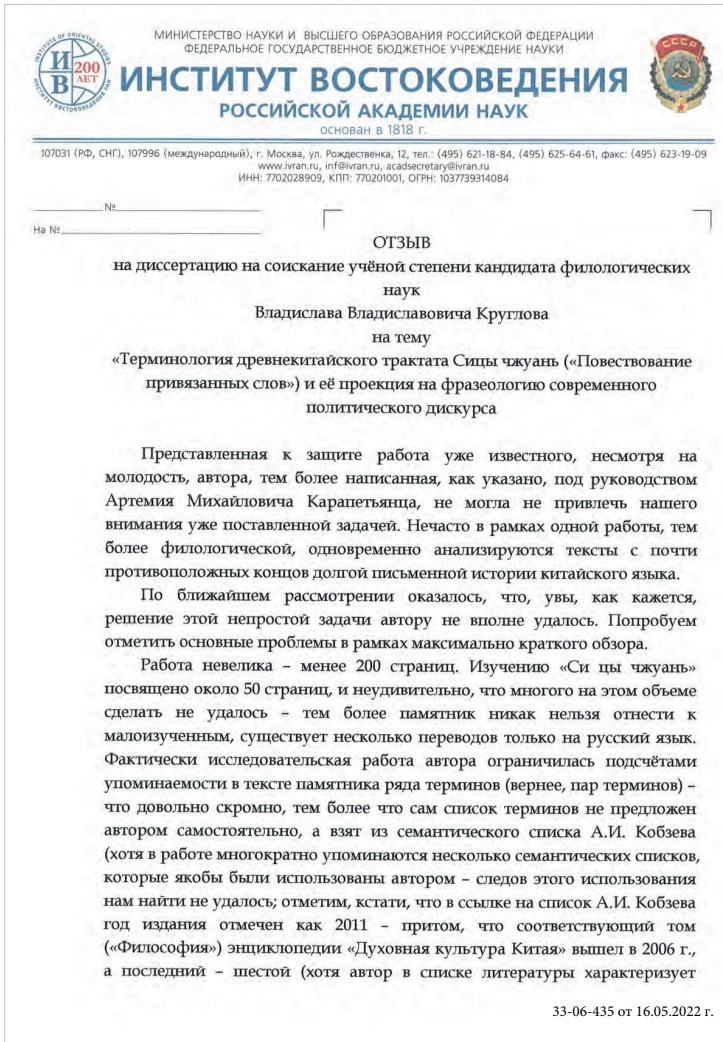
---

[13] Там же.

[14] Порядок присуждения учёной степени кандидата наук, учёной степени доктора наук в Санкт-Петербургском государственном университете (Приложение № 1 к Приказу № 11181/1 от 19.11.2021 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»), разд. III «Представление и защита диссертаций», п. 12.5. URL: https://spbu.ru/sites/default/files/20211119_11181_1.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

Приложение 1

Отзыв С. В. Дмитриева на диссертацию В. В. Круглова

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ), 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

№
На №

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание учёной степени кандидата филологических наук
Владислава Владиславовича Круглова
на тему
«Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и её проекция на фразеологию современного политического дискурса

Представленная к защите работа уже известного, несмотря на молодость, автора, тем более написанная, как указано, под руководством Артемия Михайловича Карапетьянца, не могла не привлечь нашего внимания уже поставленной задачей. Нечасто в рамках одной работы, тем более филологической, одновременно анализируются тексты с почти противоположных концов долгой письменной истории китайского языка.

По ближайшем рассмотрении оказалось, что, увы, как кажется, решение этой непростой задачи автору не вполне удалось. Попробуем отметить основные проблемы в рамках максимально краткого обзора.

Работа невелика – менее 200 страниц. Изучению «Си цы чжуань» посвящено около 50 страниц, и неудивительно, что многого на этом объеме сделать не удалось – тем более памятник никак нельзя отнести к малоизученным, существует несколько переводов только на русский язык. Фактически исследовательская работа автора ограничилась подсчётами упоминаемости в тексте памятника ряда терминов (вернее, пар терминов) – что довольно скромно, тем более что сам список терминов не предложен автором самостоятельно, а взят из семантического списка А.И. Кобзева (хотя в работе многократно упоминаются несколько семантических списков, которые якобы были использованы автором – следов этого использования нам найти не удалось; отметим, кстати, что в ссылке на список А.И. Кобзева год издания отмечен как 2011 – притом, что соответствующий том («Философия») энциклопедии «Духовная культура Китая» вышел в 2006 г., а последний – шестой (хотя автор в списке литературы характеризует

33-06-435 от 16.05.2022 г.

энциклопедию как пятитомную) – в 2010 г.). Более того, выводы, к которым приходит автор в рамках этой операции, не вполне ясны, а призванный, видимо, проиллюстрировать метод, подробный анализ пары «земля-небо» производит крайне странное впечатление реферативности внезапным и ненужным использованием транскрипции Уэйда-Джайлса (что автор зачем-то несколько раз подчеркивает), а также опорой на данные словаря «Шо вэнь», которые, конечно, ценны – но отстоят от начал использования обоих знаков примерно на столько же, на сколько составление этого словаря отстоит от нас. Такой анализ годился бы для китайского студента-первокурсника (не лингвиста и не филолога, конечно) – но выглядит странно в работе ученика Артемия Михайловича.

В остальном эта часть работы, кажется, состоит из довольно хорошо известных (и в основном действительно разумных) данных.

Гораздо подробнее – вторая часть, посвящённая анализу использования конструкций чэн-юй в речах китайских лидеров. Не будем сомневаться в том, что этот предмет исследования достоин внимания – хотя, конечно, странно не увидеть в списке литературы статьи В.М. Алексеева о важности изучения переводов на китайский язык трудов Ленина – кажется, случаи близки, хотя Василий Михайлович писал свою статью в «Правде», спасая свою жизнь – в данном же случае, надеюсь, до подобного драматизма далеко. Данная глава довольно подробно анализирует использование некоторых из этих специфических оборотов в речах Мао Цзэ-дуна, Дэн Сяо-пина и Си Цзинь-пина, однако, строго говоря, единственным выводом из главы становится вывод, что для правильного понимания современного китайского текста необходимо анализировать использующиеся в нём фразеологизмы – вывод абсолютно верный, но, кажется, не вполне новый. Автор не объясняет, почему именно «ицзинистические» чэн-юи выбраны им в качестве объекта исследования и чем они принципиально отличаются от иных чэн-юев – ведь их много, и, кажется, существуют памятники гораздо более «чэн-юеёмкие» - например, «36 стратагем», который состоит из крайне употребимых чэн-юев полностью. Подсчёты частотности использования оборотов у разных политиков не вполне показательны, поскольку не дана информация о количественном и жанров соотношении, даже о полноте использованных корпусов.

Нельзя не отметить и удивительное умолчание автора о, возможно, главном обстоятельстве, которое стоит учитывать, анализируя и сравнивая применение этих оборотов в «Си цы чжуани» и речах лидеров КПК – это различие языков, на которых написаны эти тексты – в первом случае перед нами древнекитайский, а во втором – путунхуа. Совершенно очевидно, что

в древнекитайском тексте древнекитайские обороты будут вести себя (и должны быть анализированы) иначе, нежели оные в иноязычном окружении, в котором они неизбежно превращаются в нерасчленимые фразеологические обороты, чьё значение часто довольно мало коррелирует с языковой информацией, содержащейся в знаковых последовательностях. Кажется, про это хотя бы стоило сказать – не говоря уж о том, чтобы применить эти соображения при анализе. В итоге же создаётся впечатление, что значение и правила работы рассматриваемых конструкций в «Си цы чжуани» и речах китайских политиков примерно одинаковы – это обескураживает. Такой подход, опять-таки, иногда можно встретить в китайских публикациях (не особенно научного свойства) – но здесь встретить его было странно.

Необходимо указать и на то, что работа лишена обзора источников и историографии – некоторые (но далеко не все) недостатки этого выбора мы уже указали выше – в частности, читателю может быть не вполне очевидна степень разработанности исследуемых сюжетов и состояние источниковой базы (можно ли писать работу по древнему тексту, ни словом не обмолвившись о его текстологии, тем более учитывая некоторые недавние находки китайских археологов?).

Не лишена работа и досадных ошибок- например знак *сянь* 賢 на протяжении всего текста транскрибирован как *шэн*.

Без сомнения, представленная к защите работа демонстрирует базовые компетенции автора, но, как кажется, на несколько недостаточном уровне для кандидатской диссертации, тем более защищённой под руководством Артемия Михайловича. По всей вероятности, это следствие спешки или иных субъективных обстоятельств – но увы, мы анализируем именно текст, а не контекст.

Мне думается, что для присвоения учёной степени работа нуждается в доработке.

К.и.н., с.н.с. отдела Китая Института востоковедения РАН,

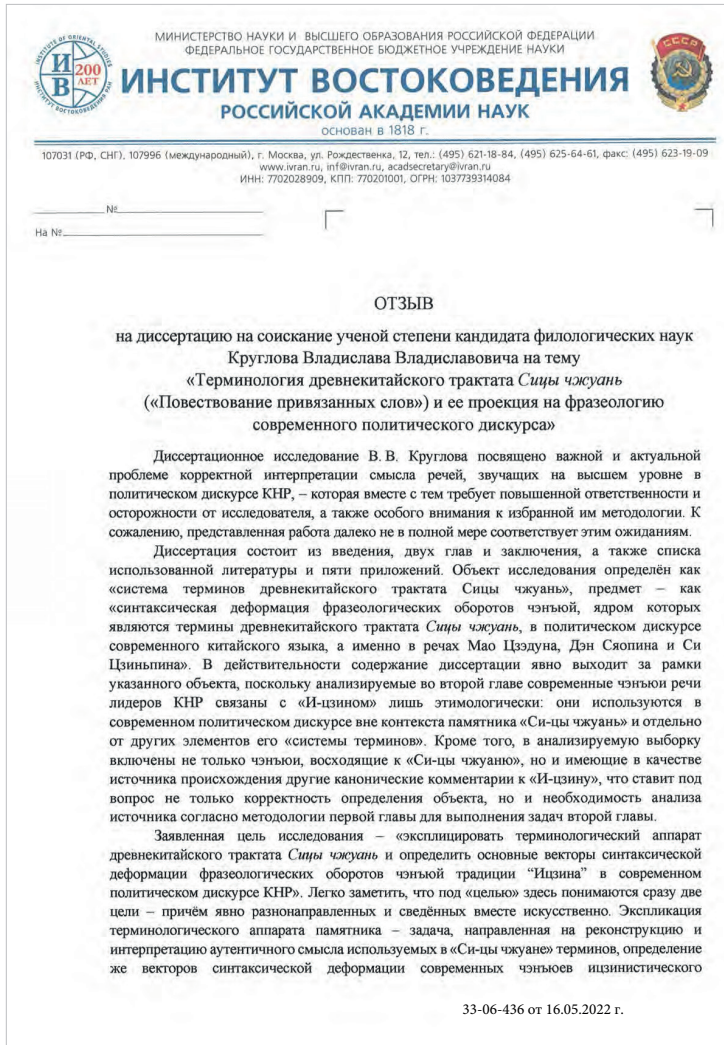
С.В. Дмитриев

16.05.2022

Подпись Дмитриев С.В.
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав.отделом кадров Горнова И.Ф.
«16» 05 2022 г.

Приложение 2

Отзыв Н. В. Руденко на диссертацию В. В. Круглова

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ), 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

№
На №

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Круглова Владислава Владиславовича на тему «Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса»

Диссертационное исследование В. В. Круглова посвящено важной и актуальной проблеме корректной интерпретации смысла речей, звучащих на высшем уровне в политическом дискурсе КНР, – которая вместе с тем требует повышенной ответственности и осторожности от исследователя, а также особого внимания к избранной им методологии. К сожалению, представленная работа далеко не в полной мере соответствует этим ожиданиям.

Диссертация состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка использованной литературы и пяти приложений. Объект исследования определён как «система терминов древнекитайского трактата Сицы чжуань», предмет – как «синтаксическая деформация фразеологических оборотов чэнъюй, ядром которых являются термины древнекитайского трактата *Сицы чжуань*, в политическом дискурсе современного китайского языка, а именно в речах Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина». В действительности содержание диссертации явно выходит за рамки указанного объекта, поскольку анализируемые во второй главе современные чэнъюи речи лидеров КНР связаны с «И-цзином» лишь этимологически: они используются в современном политическом дискурсе вне контекста памятника «Си-цы чжуань» и отдельно от других элементов его «системы терминов». Кроме того, в анализируемую выборку включены не только чэнъюи, восходящие к «Си-цы чжуаню», но и имеющие в качестве источника происхождения другие канонические комментарии к «И-цзину», что ставит под вопрос не только корректность определения объекта, но и необходимость анализа источника согласно методологии первой главы для выполнения задач второй главы.

Заявленная цель исследования – «эксплицировать терминологический аппарат древнекитайского трактата *Сицы чжуань* и определить основные векторы синтаксической деформации фразеологических оборотов чэнъюй традиции "Ицзина" в современном политическом дискурсе КНР». Легко заметить, что под «целью» здесь понимаются сразу две цели – причём явно разнонаправленных и сведённых вместе искусственно. Экспликация терминологического аппарата памятника – задача, направленная на реконструкцию и интерпретацию аутентичного смысла используемых в «Си-цы чжуане» терминов, определение же векторов синтаксической деформации современных чэнъюев ицзинистического

33-06-436 от 16.05.2022 г.

происхождения подобной реконструкции не требует, что ясно демонстрирует вторая глава, в которой для определения синтаксической принадлежности чэньюя и его значения надобности в обращении к тексту «И-цзина» не возникает (об этом будет сказано ниже).

Среди задач обращает на себя особое внимание следующая: «... рассмотреть существующие синоптические списки традиционной китайской философии и культуры и на их основе сформировать семантическое поле наиболее частотных терминов древнекитайского трактата *Сицы чжуань*». Из этой формулировки остаётся неясным, каким образом на основе нескольких синоптических списков предлагается сформировать семантическое поле «Си-цы чжуаня», если их несколько и они, следовательно, неодинаковы по составу? Предлагается ли отбирать понятия по каким-то критериям либо просто включить все понятия из всех найденных списков? Однако, как выясняется, вопросы эти неактуальны, поскольку на с. 23 мы видим, что автор при выделении терминов «Си-цы чжуаня» использовал лишь один синоптический список А.И. Кобзева из энциклопедии «Духовная культура Китая», а об остальных – только рассказал, что прямо противоречит выводу раздела 1.1, который гласит:

«Для комплексного описания терминов необходимо привлечение нескольких синоптических списков, так как их авторы опираются на разные философские традиции, и методология описания основных категорий различается. В фокусе данного исследования оказались наиболее авторитетные синоптические списки отечественных (А.М. Карапетьянц, А.И. Кобзев) и западных (Чэнь Юнцзе, Джозеф Нидэм, У И) синологов, что предопределяет достаточно точную и комплексную интерпретацию всех выведенных на основе количественных подсчетов терминов».

В действительности применение автором единственного списка Кобзева свелось к подсчёту того, сколько раз в «Си-цы чжуане» употребляются те или иные понятия из данного списка, однако никакой исследовательской интерпретации за этим не последовало – то есть не было продемонстрировано самое главное для доказательства научной полезности предлагаемой методологии: какие выводы об источнике мы можем сделать на базе данных подсчётов.

Труды А.И. Кобзева были, по всей видимости, использованы автором и в качестве основы для собственного текста на с. 20–21 (статья «Категории и основные понятия китайской философии и культуры» из энциклопедии «Духовная культуры Китая», том «Философия»). Объективности ради, автор не ограничивается данными этой статьи и расширяет, а порой и уточняет их, однако не вызывает сомнений, что основная канва и логика раздела была беззастенчиво скопирована оттуда. Насколько это близко к рерайту, или переписыванию чужих материалов своими словами, судить диссертационному совету, я же хотел бы привести лишь один фрагмент для наглядности:

Диссертант:

«В первую очередь **из-за автохтонности и внутрикультурной органичности гомогенного развития этот терминологический аппарат совпадает с естественным языком** в форме классического китайского языка **вэньянь**, что и задает рамки первого уровня. На следующем уровне ставятся **более узкие рамки**, что сокращает **наборы терминов от нескольких тысяч до нескольких сотен**. Можно привести следующие примеры подобных списков. В работе китайского философа **У И** упоминается **2600 философских терминов** [Wu Yi, 1986, с. 11], в «**Большом философском словаре» (“Чжэсюэ дацыдянь”) содержится 1147 словарных статей** [Большой философский словарь, 1985], а в толково-энциклопедическом словаре “**Цыхай**” представлено **217 статей** в рамках философского дискурса [Цыхай, 1961]».

А.И. Кобзев:

«В широком смысле этот **лексикон в силу своей автохтонности и предельной внутрикультурной органичности гомогенного развития практически совпадает с естественным языком,** разумеется, в его письменном и литературном, а следовательно, достаточно искусственном варианте — **вэньяне**. В более **узком смысле** лексикон традиционной китайской философии представляет собой **набор терминов — от нескольких тысяч** (таков же словарный минимум естественного языка; см. ниже о данных **У И** относительно **2600 терминов) до нескольких сотен**. В одно из изданий популярнейшего толково-энциклопедического словаря "**Цы хай**" вошло **217 словарных статей** по данной тематике. Лексический состав этого промежуточного уровня определяется совершенно условно в зависимости от избранной степени подробности отражения языковых особенностей многовековой философской традиции. К примеру, **в авторитетном «Большом философском словаре» ("Чжэсюэ да цыдянь") представлено 1147 терминологических статей**, являя таким образом среднюю величину по отношению к указанным лимитам в 217 и 2600 единиц».

Историографический обзор (с. 7–9) и теоретическая основа (10–11) ограничивается перечислением фамилий исследователей и заглавий их трудов и практически не включает какой-либо содержательной характеристики вклада каждого из них – то есть освещение степени разработанности научной проблематики диссертации вряд ли можно назвать удовлетворительным. Материалом исследования, по словам автора, «послужили пять томов политических речей Мао Цзэдуна, три тома выступлений Дэн Сяопина и три тома сочинений Си Цзиньпина «О государственном управлении». Увы, информации, позволяющей оценить репрезентативность выборки материала для анализа, явно недостаточно: не указан ни процент от общего числа опубликованных работ лидеров КНР, который составляют проанализированные сборники речей, ни объём этих текстов в сравнении друг с другом, ни средняя частота употребления ицзинистической фразеологии на единицу текста – а ведь все эти параметры способны кардинально повлиять на итоговые выводы.

Ключевой для работы термин «экспликация» не пояснён – а поскольку в положениях, выносимых на защиту, утверждается, что без применения понятия «структурный параллелизм», экспликация терминологической системы «Си-цы чжуаня» невозможна, это весьма затрудняет оценку корректности данного положения. Вполне возможно, речь идёт о банальной интерпретации – но тогда неясно, на каком основании утверждается принципиальная невозможность какой бы то ни было интерпретации без обращения к структурному параллелизму. Не дано определение и другого важного термина – «проекции», вынесенной в заглавие работы. Если под ней понимается экстраполяция аутентичной терминологической системы отдельных древнекитайских памятников на современный политический дискурс, это едва ли может быть признано оправданным и продуктивным: так, если интерпретировать чэньюй «каждый занимает своё место» (*гэ дэ ци со* 各得其所), проецируя значение данного сочетания из «Си-цы чжуаня», где это говорится о рынке, который устроил Шэнь-нун, научив людей торговать, в результате чего произошёл обмен товарами и все вещи обрели свои места, результат подобного семантического переноса в современный политический дискурс будет заведомо абсурден. Кроме того, сам автор в работе практически не пользуется термином «проекция», что вызывает сомнения в удачности формулировки темы.

Отдельные вопросы вызывает использование автором термина «деформация» применительно к чэньюям. Напомним, что чэньюй, по определению, избранному автором, – это «устойчивое фразеологическое словосочетание, построенное по нормам классического китайского языка вэньянь, семантически монолитное, с обобщенно-переносным значением, носящее экспрессивный характер и способное выступать как самостоятельный член

предложения». То есть – это лексическая сущность совсем иной природы, чем оригинальные сочетания иероглифов в контексте «И-цзина», от которых произошли данные чэнъюи. Однако далее автор определяет «синтаксическую деформацию чэнъюев» как «трансформацию формы и синтаксической роли … чэнъюй, первоначально представляющих собой самостоятельные синтаксические комплексы, в современном китайском языке».

Налицо теоретическое противоречие: коль скоро чэнъюи понимаются согласно определению автора и изначальные сочетания иероглифов из «И-цзина» чэнъюями не были, ибо не были устойчивым фразеологическим сочетанием, то как можно говорить здесь о деформации чэнъюев? Чтобы что-то могло деформироваться, оно, очевидно, сначала должно сформироваться. Таким образом, по факту во второй главе мы наблюдаем не модели синтаксической деформации чэнъюев в современном политическом дискурсе, а различные синтаксические роли чэнъюев в современном китайском языке на примере употреблений этих чэнъюев в политическом дискурсе. Насколько это ново с филологической точки зрения – оставляю на суд уважаемого диссертационного совета.

Ещё одним ярким примером вольного обращения с терминологией является неразграничение автором цитаты и фразеологизма, в результате чего в заключении второй главы утверждается, что «несмотря на то, что большинство рассмотренных фразеологических оборотов было использовано в сборнике речей только один раз, это не снижает важности и места «Канона перемен» в современном общественно-политическом дискурсе». Здесь можно провести такую аналогию: необходимо ли нам реконструировать аутентичную терминологическую систему «Слова о полку Игореве», чтобы адекватно понять выражение «растекаться мыслью по древу» в современном политическом тексте, считая это выражение цитатой и, соответственно, понимая «мысль» как «мысь» – то есть белку, – или достаточно банального обращения к словарю фразеологизмов современного русского языка? Здравый смысл подсказывает, что второго – достаточно, а первое – вовсе не обязательно, поскольку изначальная цитата к настоящему времени уже стала фразеологизмом современного языка, зафиксированным в словаре, остальное – вопросы этимологии, а не актуального значения. Обратное необходимо специально доказывать, чего автором сделано не было.

Отмеченная сомнительность отождествления цитаты из «И-цзина» и фразеологизма ицзинистического происхождения делает не вполне уместными справедливые слова М.В. Софронова о том, что «цитата является своего рода ключом к пониманию текста, который открывает ему доступ в мир высоких значений обыденных слов», а также о том, что «функция цитаты в любой ее форме является в китайском тексте традиционной культуры средством трехсторонней коммуникации автора современного текста, цитируемого классического текста и читателя» (с. 142). Увы, наличие в фокусе настоящего исследования как цитат, так и китайского текста традиционной культуры применительно к чэнъюям ицзинистического происхождения в современном политическом дискурсе остаётся лишь принять на веру.

Сама квалификация ряда чэнъюев как «чэнъюев ицзинистической традиции» также не кажется бесспорной: некоторые из отмеченных в таком качестве сочетаний именно в виде, зафиксированном впоследствии в чэнъюях, в «И-цзине» не употребляются вовсе (например, «закрыться-запереться, себя держать» *би-гуань цзы-шоу* 闭关自守 и «вина велика, зло предельно» *цзуй да э цзи* 罪大恶极), другие – употребляются также во множестве других произведений древнекитайской философской традиции. К примеру, чэнъюй «каждый занимает своё место»: такое выражение действительно имеется в «Си-цы чжуане», но также они употребляется, например, в таких классических философских и исторических трудах, как «Лунь-юй» и «Чунь-цю фань-лу», – и уже в них нисколько не отсылает к ицзинистической проблематике, а означает только буквальное «каждый занимает своё место» (у Конфуция – это оды и гимны при правильном музыкальном

порядке, у Дун Чжун-шу – сотни чиновников в правильно выстроенной системе государственного управления). Весьма распространённым является в древних текстах и выражение «подобно этому, и только» (*жу цы эр и* 如此而已), тогда как в «Си-цы чжуане» в такой формулировке оно вообще не употребляется.

С учётом этого несколько неоправданным кажется безусловное доверие словарю, возводящему происхождение данных чэнъюев к «И-цзину»: критический подход и дополнительная аргументация в пользу включения тех или иных чэнъюев в выборку здесь были бы весьма кстати. Соответствующий список приведён в Приложении 4, и по многим позициям он выглядит не очень убедительно: принадлежность к ицзинистической традиции зачастую иллюстрируется лишь совпадением одного-двух иероглифов в чэнъюе и каком-либо отрывке из «И-цзина», как, например, в пунктах 5, 11, 25.

Научная новизна диссертации определена, в частности, следующим образом: «Впервые устанавливается лингвокультурологическая связь между древнекитайскими трактатами и современным политическим дискурсом КНР сквозь призму лингвистического анализа фразеологических оборотов традиции "Ицзина" в программных речах Мао Цзэдуна, Дэн Сяопина и Си Цзиньпина». Связь эта, однако, проявляется на поверку только в констатации автором происхождения ряда чэнъюев от «И-цзина» и ни в чём более; новой эта информация не является – автор воспользовался уже имеющимися данными об этимологии чэнъюев из китайского словаря.

Среди положений, выносимых на защиту, имеется следующее: «Адекватная экспликация терминологического аппарата древнекитайских трактатов может быть произведена только с опорой на синоптические списки традиционной китайской философии и культуры» (с. 14). Отчего же только? Разве доказано, что это единственный путь? Совершенно неясно, зачем непременно обращаться к общему списку при реконструкции частной терминологической системы конкретного памятника: это, безусловно, может оказаться полезным, но в равной степени может и увести исследователя в сторону, если источник является крайне специфичным. Аналогичное недоумение вызывает и положение, согласно которому «применение понятия структурного параллелизма необходимо для схематизации текста "Си-цы чжуань" и последующей экспликации» (там же): разве даже гипотетически невозможно схематизировать и эксплицировать терминологию памятника иначе, не пользуясь понятием структурного параллелизма?

Потенциально интересным с научной точки зрения может быть названо следующее положение: «в политическом дискурсе современного китайского языка возрастает частота использования четырёхсложных фразеологических оборотов» (с. 14-15). Однако доказывается это, увы, не сколько-нибудь репрезентативной статистикой частоты употребления чэнъюев в политических выступлениях, устных и печатных, а лишь сравнением этих употреблений в отдельных сборниках речей Мао, Дэна и Си – хотя это только три человека и три сборника, то есть разница в результатах может объясняться всего лишь индивидуальными личностными особенностями и / или особенностями подборок. Стоит ли говорить, что для доказательства этого положения совершенно не нужно заниматься экспликацией терминологической системы памятника «Си-цы чжуань» – и достаточно только посчитать частоту употребления чэнъюев в динамике в соответствующих материалах.

Все же остальные положения – либо неоправданно безапелляционны, либо самоочевидны и доказательства не требуют, в связи с чем едва ли могут быть названы новым словом в данной исследовательской области.

Теоретическая значимость работы позиционируется как «разработка методологии выявления терминологического аппарата классических китайских трактатов». Непосредственную реализацию данной методологии мы видим на с. 40, где автор выделяет

на основе обнаруженных параллелизмов 40 оппозиционных пар терминов и объявляет их «ядром терминологического аппарата памятника». Однако непонятно, на каком основании делается это утверждение – как минимум потому, что не доказано, что термины непременно должны входить в такого рода структурные оппозиции. В качестве примеров «внеоппозиционных» терминов из того же «Си-цы чжуаня» можно привести одни из важнейших терминов древнекитайской философии *шэн* 聖 «святомудрый» и *сянь* 賢 «достойный», которые в итоге остаются за рамками «терминологического ядра» просто потому, что им не случилось вступить в парные отношения. При этом тот же *шэн* встречается в «Си-цы чжуане» целых 20 раз и, кстати, входит в синоптический список А.И. Кобзева (раздел «Социология», №94), которым руководствовался диссертант при выделении ключевых понятий «Си-цы чжуаня». Таким образом, абсолютизация роли параллелизмов, как и практическая любая крайность, представляется весьма пагубной для адекватной реконструкции терминологической системы памятника.

Кроме того, неясно, на каком основании диссертант утверждает, что без схематизации не просто неудобно, а именно «невозможно» извлечь из текста эти пары, кодировка которых является не более чем вспомогательным инструментом, применению которого предшествует стандартная интерпретация исследователем грамматической структуры в каждом конкретном случае «вручную». Дальше – больше: «необходимым» объявляется уже и цветовое обозначение различных видов оппозиций, что аргументируется «невозможностью» отражения на уровне морфологического глоссирования позиций «Семантическая соотнесённость компонентов» и «Отношения между компонентами», – несмотря на то, что парой страниц выше автор сам представил в таблице 1 способ кодировки, в котором эти параметры отражаются отдельными буквами и раскраски не требуют.

Отношения между элементами оппозиционных пар подразделяются диссертантом на антонимические, синонимические и смежные. Увы, определения последним не даётся, причём исходя из таблицы, такое отношение имеет, например, пара «низменное – высокое» (*бэй-гао* 卑高) – хотя, казалось бы, перед нами чистейший пример антонимической связи; также к такой связи относится, напротив, вполне синонимичная пара «роды – группы» (*лэй-цюнь* 类群). Таким образом, критерии данного разделения не вполне ясны.

Далее в первой главе подробно, пофразово описывается грамматическая структура памятника и оппозиционных пар – однако всё это, с некоторыми дополнениями, есть расшифровка уже данных выше обозначений, что в значительной степени делает их излишними. В завершающем главу разделе 1.4 даётся анализ оппозиционных терминов «небо» и «земля» – при этом непонятно, почему выбрана именно эта пара, а другие оставлены за скобками, а также что нового позволил обнаружить данный анализ, чего не было известно о ней ранее. Более того, содержание данного раздела трудно охарактеризовать иначе как устаревшее, в высшей степени неаккуратное с точки зрения терминологии и потому дезинформирующее читателя: к примеру, походя заявляется о трансцендентности Неба у Чжуан-цзы, о выступлении Небес в качестве оптимальной модели поведения для людей, а также о бессилии людей изменить решения Небес, каковой параграф почему-то озаглавлен «Сверхреальность за пределами знания» (о возможности влиять на небесное предопределение “тянь-мин” см., например, статью А.И. Кобзева «Мин» в энциклопедии «Духовная культура Китая», том «Философия»). Откровенно говоря, вызывает недоумение сама необходимость включения этого раздела в текст диссертации, не только из-за низкой кондиционности излагаемого, но и потому что он представляет собой не что иное, как справочный материал реферативного характера, который куда более уместен в энциклопедии, а не в исследовательской работе. Ссылок на соответствующие статьи «Духовной культуры Китая» было бы вполне достаточно.

Резюмируя, предлагаемые в первой главе подробнейшим образом описанные действия, условные кодировки и описания, увы, не дают сколь-либо ощутимого прироста для научного знания. Не было показано ни одного примера того, как предлагаемая методология позволяет не просто сделать более наглядной уже проведённую ранее интерпретацию грамматической структуры текста, а выделить из неё новое знание, не говоря уже о том, что не была доказана безальтернативность этой методологии для корректной реконструкции терминологии памятников древнекитайской философии.

Почти все выводы первой главы – по сути своей не являются полученными в результате исследования. Так, представление о синоптических списках как о методологической основе (вывод 1) было принято автором в качестве исходных позиций для исследования, а не было установлено в ходе работы с материалом, равно как и представление о том, что количественный и качественный анализ позволяет эксплицировать терминологический аппарат «Си-цы чжуаня» (вывод 2). То же самое можно сказать и о выводах 5, 6, 7, 8, 9, 10. По сути, исследовательский «выхлоп» первой главы сводится к установлению того, какие термины из синоптического списка А.И. Кобзева более всего представлены в «Си-цы чжуане» (причём в самом выводе почему-то из этого списка выброшены разделы «Методология» и «Гносеология и праксиология», хотя в самой главе они упомянуты). Вопрос о том, каким образом этот результат способен помочь в анализе современных чэнъюев, – остаётся открытым.

Авторская классификация чэнъюев, представленная во второй главе, никак не прокомментирована, что несколько затрудняет понимание того, что понимается под каждым из видов. Это усугубляется тем, что некоторые чэнъюи входят сразу в несколько видов – к примеру, «поддерживать это с постоянством» (*чи чжи и хэн* 持之以恒), входящий и в группу атрибутивно-деформированных, и в группу адъектно-деформированных; уже упомянутый *гэ дэ ци со*, попавший одновременно в число и комплементарно-деформированных, и предикативно-деформированных, и не подвергшихся деформации, и т. д. Таким образом, видимо, правомернее здесь говорить о различных видах синтаксической роли чэнъюев, а не о чэнъюях различных видов.

Далее следует занимающее примерно половину (!) собственно исследовательской части диссертации (с. 66–140) цитирование оригиналов и опубликованных переводов фрагментов речей лидеров КНР, в которых встречаются «чэнъюи идеологической традиции», местами с критическими комментариями и исправлениями диссертанта и последующей разбивкой фраз с чэнъюями на глоссы: при этом ни для одного проанализированного чэнъюя не делается попытки произвести интерпретацию с учётом оригинального текста древних канонов, несмотря на то, что это объявляется обязательным условием для адекватного перевода. Исправление некорректных опубликованных переводов – дело во многом полезное, однако, очевидно, ещё не предоставляющее нового научного знания, что является обязательным требованием для работы, представленной на соискание учёной степени.

Стоит сказать несколько слов и о критике диссертантом опубликованного в 2014 г. перевода речей Си Цзинь-пина, выполненного группой неназванных переводчиков из КНР. Ряд фрагментов в нём действительно вызывают вопросы и более или менее аргументированно исправляются автором. Однако некоторые из претензий представляются откровенно надуманными: так, термин *цюньчжун*, вполне адекватно переведённый в этом издании как «массы», во фразе *цюнь-чжун шо* «в массах поговаривают», диссертант отвергает небрежным «естественнее было бы перевести “в народе говорят”»; а перевод *ганьбу* как «кадры» – и вовсе без всякой аргументации, словами «лучше перевести как “чиновник” или “должностное лицо”». Подобное однозначное предпочтение стандартных китайско-русских соответствий марксистской терминологии субъективному ощущению

«естественности» в контексте филологического исследования вызывает некоторое недоумение. Пользуясь случаем, представляется уместным отослать автора к монографии Джулии Страусс «State Formation in China and Taiwan: Bureaucracy, Campaign, and Performance» 2020 г. (с. 37–43), где подробно освещается, как и когда слово *ганьбу* вошло в терминологию КПК и почему оно означает именно «кадры», а не «чиновники» и «должностные лица»: в частности, в данной работе показано, что *ганьбу* – это заимствование французского слова «кадр» через японский или русский.

Вывод второй главы о том, что «ицзинистическая фразеология в форме квартномных оборотов чэнъюй часто используется в речах политических лидеров КНР и сохраняет философский подтекст» (с. 144, последующие выводы – см. с. 145) нельзя назвать обоснованным хотя бы потому, что критерии частоты и редкости использования сформулированы не были, равно как не был проявлен и какой-либо философский подтекст рассмотренных высказываний.

На схожих основаниях нельзя признать удовлетворительным и следующий вывод – о том, что «проблемой контекстного анализа ицзинистических терминов в общественно-политическом дискурсе является многозначность данных лексических единиц, решение которой лежит в рассмотрении этих лексем в составе чэнъюев с привлечением источника происхождения фразеологизмов». Выбор нужного значения из множества с помощью привлечения источника происхождения чэнъюя, как уже сказано, продемонстрирован в работе не был; как и трудности в интерпретации чэнъюев в политическом дискурсе, связанные с их многозначностью.

Вывод 3 о структурно-семантических характеристиках чэнъюев не был получен и доказан в ходе исследования, а является его исходной позицией, принятой на базе уже существующей научной литературы о чэнъюх.

Вывод 4 о «междискурсивности, которая проявляется в симбиозе повседневно-разговорного стиля и общественно-политического дискурса, где фразеологические обороты становятся неотъемлемой составляющей» никак не вытекает из содержания диссертации: примеры такой междискурсивности в тексте не приведены, она не доказывается, а лишь декларируется в одном отрывочном предложении на с. 58, что не даёт возможности считать её выводом данного исследования.

Вывод 5 о том, что «филологическим каркасом для общественно-политического дискурса китайского языка являются классические каноны и трактаты, составляющие «Четверокнижие», «Пятиканоние» и «Тринадцатикнижие», является воспринятым из научной литературы, а не полученным в результате исследования результатом.

Вывод 6 о том, что «использование ицзинистической фразеологии существенно увеличилось в речах Си Цзиньпина по сравнению с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином» мог бы быть признан результативным, если бы не отмеченная выше проблема репрезентативности выборки.

Вывод 8 о том, что «ицзинистические чэнъюи сохраняют свою внутреннюю синтаксическую целостность, поэтому в большинстве контекстов они выступают в качестве определений к группе слов “причина”, “явление”, “результат”», оставляет в недоумении насчёт причинно-следственной связи между сохранением синтаксической целостности и выступлении в качестве определения к группе слов «причина», «явление» и «результат». Собственно, неясно даже, что это за группа слов, поскольку в тексте диссертации по этому поводу никаких пояснений не даётся.

В заключении диссертации сказано, что «при анализе переводов политических речей Си Цзиньпина было обнаружено много неточностей при передаче семантики фразеологических оборотов чэнъюй на русский язык, поскольку не учитывались факторы этимологического значения и источников происхождения» (с. 149). Утверждение о том, что именно по этой причине переводчиками речей председателя Си были допущены ошибки в переводе ничем не подкреплено: за всю вторую главу автор ни разу не обратился к

оригинальному контексту «И-цзина» в целях определения и аргументации корректного перевода. Напротив, гораздо чаще при корректировке перевода чэнъюев совершался отход от оригинальной формы фразеологизмов, характерной для древних памятников, в угоду стилистическому благозвучию согласно контексту политической речи – то есть движение производилось в диаметрально противоположную сторону.

Любопытно и другое: автор не критикует и не корректирует советские переводы речей Мао Цзэ-дуна и Дэн Сяо-пина, более того, высказывает в их отношении одобрение, называя профессиональными, – хотя авторы этих переводов, очевидно, не использовали предложенную диссертантом методологию экспликации терминологической системы памятников древнекитайской философии. Из этого следует, что либо эта методология не является необходимой для адекватного перевода, либо она не является новацией автора – в любом случае налицо противоречие с декларируемыми выводами настоящей работы.

Здесь нужно сказать, что само по себе обращение к оригинальному контексту памятников-источников при переводе чэнъюев, безусловно, является полезным для адекватной передачи как формы, так и содержания этих фразеологизмов. Однако для того чтобы доказать необходимость такого обращения для адекватного перевода современных политических текстов, недостаточно отдельно реконструировать терминологию памятников-источников чэнъюев и отдельно показать употребления этих чэнъюев в современном тексте; необходимо также продемонстрировать, как именно проведённая реконструкция и учёт оригинального значения выражения, ставшего позже чэнъюем, позволяет более адекватно перевести данный чэнъюй в тексте современном.

Поскольку сделано этого не было, заключение автора на с. 142 о том, что «перевод большинства фразеологических оборотов требует контекстуального анализа и обращения к первоисточнику, точнее к памятнику или традиции, откуда произошел тот или иной фразеологический оборот» воспринимается голословным. В диссертации буквально нигде не демонстрируется, каким образом экспликация аутентичной терминологии «Си-цы чжуаня» позволяет лучше понять употребляемые в речах политических лидеров КНР ицзинистические чэнъюи по сравнению с банальным обращением к современному словарю чэнъюев. А если качественной разницы здесь нет – сомнительна и продуктивность предлагаемой методологии анализа древнекитайских трактатов для декларируемых целей.

Разнообразные огрехи технического характера в работе также представлены. Так, в рамках одного предложения названия памятников, переданный транскрипцией, то склоняются, то нет, и на с. 26 мы видим подобный разнобой в рамках одного предложения: «В. С. Спирин констатировал сходство “Сицы чжуань” и “Дао дэ цзина”». Встречаются и неверные транскрипции: *шэн* вместо верного *сянь* 賢 «достойный» (с. 41) *цзяньчши* вместо правильного *цзяньчи* 坚持 «придерживаться» (с. 74), *чжэнь* и *чжэньцзы* вместо *дин* 钉 и *динцзы* 钉子 «гвоздь» (с. 83), *фэнцзы* вместо правильного *фэньцзы* 分子 «элементы» (с. 130) и др. Приведённая лишь в двух (!) местах диссертации транскрипция Уэйда-Джайлза к «небу-*тянь*» и «земле-*ди*» ради «более экономной по времени навигации по компендиумам» в одном из случаев также дана ошибочно – вместо правильного «t'ien» – «t'ieu».

В переводе «Си-цы чжуаня» автор периодически отходит от декларируемого принципа учёта структурного параллелизма без каких-либо пояснений, к примеру при переводе фрагмента 11411 на с. 44:

範圍天地之化而不過，
曲成　　萬物而不遺，通乎晝夜之道而知。

«[Они] моделируют преображения Неба и Земли и не заблуждаются, изгибаясь, формируют тьму вещей и не оставляют их, проникают в Дао дня и ночи и знают». Здесь следовало бы отразить параллелизм *фань-вэй* 範圍/ *цюй-чэн* 曲成 и переводить эти сочетания,

например, как «моделируют и обрамляют / изгибаются и формируют», а не как «моделируют / изгибаясь, формируют». Также порой не выделяются квадратными скобками некоторые добавленные автором в переводе слова, отсутствующие в оригинале, см. ту же с. 44:

以言乎天地之間，則備矣。

«Если ими [Переменами] говорить о том, что находится между Небом и Землей, то все будет в наличии». В скобки следовало бы поместить отсутствующие в оригинале «находится» и «всё». Где-то в переводе допущены и более существенные для понимания смысла пропуски, к примеру снова на той же с. 44:

廣大配天地…

«Обширное и великое соответствуют Небу…»

Корректно: «Обширное и великое соответствуют Небу и Земле». Пропущен важнейший термин, анализу которого в паре с Небом диссертант посвятил целый раздел. Кроме того, явные огрехи терминологического характера имеет перевод цитаты из «Шу-цзина», приведённый на с. 45:

予惟小子，不敢替上帝命。天休於寧王，興我小邦周，寧王惟蕆用，克綏受茲命

«Я, Шао-гун, всего лишь маленький человек и не смею отдавать приказы вместо Неба. Небеса благословляют Чжоу Вэнь-вана и помогают нашему маленькому государству возвыситься». В действительности оригинальное выражение *ти шан-ди мин* 替上帝命 означает не «отдавать приказы вместо Неба», а «отдавать приказы вместо Шанди», то есть верховного предка / предков. Следующий же за этим переводом тезис «Здесь Небеса интерпретируются как Бог, обладающий высшей властью и способный контролировать судьбы людей, и, значит, как воплощение богов, Создатель и высший Дух» содержит столько безосновательных утверждений, что об этом впору писать отдельную статью.

Что же в сухом остатке? В первой главе диссертант перевёл не единожды и не первый десяток лет как уже переведённый на русский язык «Си-цы чжуань», добавил к этому переводу подробное пофразовое описание его грамматической структуры и закодировал это описание авторской системой условных обозначений, после чего привёл местами сомнительные, местами давно и хорошо известные данные справочного характера о двух употреблённых в этом тексте общих для китайской философии терминах «небо» и «земля». Затем во второй главе автор продемонстрировал, как чэньюи, происхождение которых возводится к «И-цзину» (не только к «Си-цы чжуаню»), употреблялись в речах политических лидеров КНР, при этом никак не показав, как учёт оригинального контекста «И-цзина» позволяет более адекватно интерпретировать эти чэньюи в новом, современном контексте. Обе части исследования, таким образом, будь они отделены друг от друга, нимало бы не потеряли и не приобрели в научной ценности, что красноречиво свидетельствует о степени органичности их соединения и концептуальной консистентности работы в целом.

С учётом всего вышесказанного, к сожалению, не представляется возможным заключить, что диссертация отвечает требованиям, предъявляемым к подобного рода диссертационным сочинениям, и, соответственно, рекомендовать присуждения диссертанту искомой степени кандидата филологических наук.

кандидат философских наук,
научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН

14.05.2022 Н. В. Руденко

Подпись Руденко Н.В.
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав. отделом кадров
«16» 05 2022

Приложение 3

Отзыв Т. А. Сафина на диссертацию В. В. Круглова

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
основан в 1818 г.

107031 (РФ, СНГ), 107996 (международный), г. Москва, ул. Рождественка, 12, тел.: (495) 621-18-84, (495) 625-64-61, факс: (495) 623-19-09
www.ivran.ru, inf@ivran.ru, acadsecretary@ivran.ru
ИНН: 7702028909, КПП: 770201001, ОГРН: 1037739314084

№_____
На №_____

ОТЗЫВ

на диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук Круглова Владислава Владиславовича на тему «Терминология древнекитайского трактата *Сицы чжуань* («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса»

Диссертация В. В. Круглова посвящена проблеме перевода устойчивых сочетаний – чэньюй - в речах политических лидеров КНР, состоит из введения, двух глав и заключения, а также списка использованной литературы и приложений.

Прежде чем перейти к более частным деталям рассматриваемой диссертации, обратимся к списку положений, выносимых на защиту:

1. Адекватная экспликация терминологического аппарата древнекитайских трактатов может быть произведена только с опорой на синоптические списки традиционной китайской философии и культуры.
2. Для схематизации текста древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и последующей экспликации его терминологического аппарата необходимо применение понятия структурного параллелизма.
3. Ядро терминологического аппарата трактата Сицы чжуань составляет совокупность оппозиционных терминов, комплексное лингвокультурологическое описание которых включает в себя как лексикографические параметры, так и характеристики их контекстных использований в философском дискурсе.
4. В политическом дискурсе современного китайского языка возрастает частота использования четырёхсложных фразеологических оборотов 15 чэнъюй, источником которых является китайская каноническая литература; при этом происходит их грамматикализация и синтаксическая деформация.
5. Адекватный и эквивалентный перевод на русский язык китайских фразеологизмов, используемых в современном политическом дискурсе КНР, возможен только при учете их этимологического значения и источников происхождения.

33-06-443 от 16.05.2022 г.

Бросается в глаза тот факт, что тезисы из пунктов 1–4 отнюдь не являются новыми для науки. Они сформулированы предшественниками диссертанта, на которых он активно ссылается (В.С. Спириным, А.М. Карапетьянцем, А.И. Кобзевым и т.д.) В тексте работы я не увидел каких-либо значимых дополнений к выводам указанных исследователей, которые являлись бы результатом работы самого автора. Не новым является и пункт №5 о необходимости учитывать «этимологическое значение и источники происхождения» чэньюев при переводе современных текстов. Это признает на с. 52 и сам автор, цитируя работу И. В. Войцеховича, у которого этот тезис выражен в форме разделения на «прозрачные» (понятные без обращения к первоисточнику) и «глухие» (не понятные без знания первоисточника) чэньюи. Более того, в ходе своего исследования автор не доказывает, а практически опровергает этот тезис: во второй главе чэньюи в речах лидеров КНР переведены без какого-либо обращения к тексту древнего памятника Сицы чжуань, что оставляет читателя в недоумении: зачем нужна была работа по его анализу? Таким образом все положения, выносимые автором на защиту, лишены как научной новизны, так и весомых доказательств.

Интересно, что в разделе «теоретически основы» на с. 10 автор упоминает современных лингвистов М. М. Бахтина, В. А. Плунгяна и Я. Г. Тестельца, но в самой работе ни разу на них не ссылается. В плане лингвистики работа строится на совершенно иных теоретических основах, в первую очередь – работах В. С. Спирина и А. М. Карапетьянца, выводы которых не признаются практически никакими другими лингвистами (за исключением их учеников).

Недоумение вызывает работа автора с древними памятниками. Автор ссылается практически исключительно на переводные версии древних текстов (различного качества) не считая нужным исправлять недочеты предшественников. Например, на с. 45 фраза 不敢替上帝命 бу гань ти Шан-Ди мин (не осмеливаюсь приказывать вместо Шан-Ди) переведена как: «не смею отдавать приказы вместо Неба». Несмотря на то, что в оригинале речь идет совсем не о Небе, а о божестве Шан-Ди, автор не считает нужным исправлять эту оплошность и присовокупляет сведения о Шан-Ди к анализу термина «небо» (*тянь*). Конечно, культы неба и Шан-Ди связаны друг с другом, но полностью смешивать их нельзя. Когда же дело доходит до не переведенных на русский язык памятников, дело принимает серьезный оборот.

Ссылаясь на словарь Шовэнь цзецзы, автор пишет: «地 (地) [di; ti] {ди} ‘земля’ <…> Согласно «Шовэню», это «земля, поверхность, на которую блюют все живые существа. 二 изображает поверхность земли и то, что под ней, | - растущее из-под земли растение, 也 дает звучание»; «земля, которая рождает все сущее. Верхняя и нижняя горизонтали рисуют землю, а вертикальная символизирует растения, пробивающиеся к свету из ее недр» [Сюй Шэнь, 2014, с. 404].» Во-первых, автор смешивает две словарные статьи: перед нами толкование не знака *ди* 地, а знака *ту* 土, который записывает слово *ту* с синонимичным значением «земля». У знака *ди* 地 тоже есть красивое философское толкование, но это следующая за *ту* 土 словарная статья, и автор ее, видимо, не заметил. Во-вторых, перевод «*поверхность, на которую блюют все живые существа*» комичен и не имеет никакого отношения к действительности. Здесь идет фонетическое глоссирование: *ту* 土 «земля» толкуется через свой омоним *ту* 吐 «плевать», и конструкция *ди чжи ту шэн у чжэ* 地之吐生物者 может переводиться только как «выплевывание землей живых существ», т. е. земля порождает («выплевывает») все живое. Дальше идет текст: «*эр сян ди чжи ся, ди чжи чжун* (二象地之下、地之中): «*эр* 二 изображает то, что под землей и то, что внутри земли», причем Дуань Юйцай в *Шовэнь цзецзы чжу* пишет, что *ся* 下, скорее всего, ошибочно вместо *шан* 上 (т. е. должно быть «поверхность земли и внутренность земли»). А

утверждение «也 дает звучание» – это уже из следующей статьи про *ди* 地, где, разумеется, уже описывается фоноидеограмма с фонетиком.

Эти проблемы автор маскирует за намеренно усложненным, наукообразным текстом, затрудняющим восприятие работы. Примечательно, что стремление использовать как можно больше необычных терминов приводит к конфузам: например, введенный и подробно объясненный на с. 4 необычный термин «синограф» (вместо «иероглиф» или «логограмма») автор далее нигде не использует. В целом, с прискорбием необходимо констатировать, что работа практически не имеет научной значимости и при ее написании автор не продемонстрировал компетенций, необходимых для присуждения степени кандидата наук.

кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН

Т. А. Сафин
14.05.2022

Подпись Сафина Т.А.
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав. отделом кадров
16 05 2022 г.

Приложение 4

Заключение диссертационного совета по защите диссертации В. В. Круглова

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА

по защите диссертации Круглова Владислава Владиславовича на тему: «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) и состоявшейся в СПбГУ 31 мая 2022 г.

По результатам защиты и обсуждения диссертационный совет в составе Сторожука А.Г., доктора филологических наук, СПбГУ (председателя); Аврутиной А.С., доктора филологических наук, СПбГУ; Завьяловой О.И., доктора филологических наук, Институт Дальнего Востока Российской академии наук; Лобановой Т.Н., доктора филологических наук, Московский государственный областной университет; Гордея А.Н., доктора филологических наук, Минский государственный лингвистический университет, Беларусь, заключил, что представленная Кругловым В.В. диссертация на тему: «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса» соответствует установленным Порядком присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук, критериям оценки диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык).

Диссертационный совет (протокол проведения защиты прилагается) принял решение присудить Круглову Владиславу Владиславовичу ученую степень кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык).

Пункт 11 Порядка присуждения Санкт-Петербургским государственным университетом ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук соискателем ученой степени не нарушен.

Председатель диссертационного совета Сторожук А.Г.

31.05.2022

33-07-81 от 01.06.2022 г.

Приложение 5
Апелляция Т. А. Сафина на решение диссертационного совета

Ректору Санкт-Петербургского государственного университета
проф., д.ю.н. Николаю Михайловичу Кропачеву

Заявитель:
Сафин Тимур Альфредович
кандидат исторических наук,
научный сотрудник отдела Китая
Института востоковедения РАН
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12
+7 (495) 621-18-84
tamerlane93@yandex.ru

Диссертант:
Круглов Владислав Владиславович
Заключение диссертационного совета
No 33-07-81 от 01 июня 2022 г.
(председатель: проф., д.ф.н. А.Г. Сторожук)

АПЕЛЛЯЦИЯ

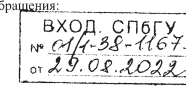
на решение диссертационного совета о присуждении учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран (китайский язык)

31 мая 2022 года в СПбГУ состоялась защита диссертации Круглова Владислава Владиславовича на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран (китайский язык) на тему: «Терминология древнекитайского трактата Сицы чжуань («Повествование привязанных слов») и ее проекция на фразеологию современного политического дискурса».

По результатам защиты и обсуждения диссертационный совет принял решение присудить В.В. Круглову учёную степень кандидата филологических наук, о чём диссертационным советом составлено заключение, зарегистрированное 01 июня 2022 г. за номером 33-07-81.[1]

В ходе защиты был нарушен п. 20 разд. IV «Положения о совете по защите Диссертации в Санкт-Петербургском государственном университете на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Приложение №2 к Приказу № 11181/1 от 19.11.2021 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»).[2] Раздел IV (Проведение заседания Диссертационного совета при защите Диссертации), п. 20 гласит: «Председатель Диссертационного

[1] URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/zakl_kruglov.pdf (дата обращения: 17.08.2022).
[2] URL: https://spbu.ru/sites/default/files/20211119_11181_1.pdf (дата обращения: 17.08.2022).

совета оглашает поступившие на Диссертацию отзывы, включая внешние». Глагол «огласить» недвусмысленно трактуется толковыми словарями русского языка в значении «зачитать вслух документ». Например, «Толковый словарь русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова дает следующее определение: «Прочесть вслух для всеобщего сведения, гласно объявить содержание чего-н. (какого-н. документа; офиц.)»[3] Тем не менее в ходе заседания председатель лишь перечислил поступившие внешние отзывы, но не огласил их, о чем свидетельствует запись заседания, выложенная на сайте СПбГУ (хронометраж: 30 мин. 00 сек. —32 мин. 40 сек.)[4]

Всего на сайте СПбГУ выложено 15 отзывов на диссертацию Круглова В.В.[5] Три из них (Сафина Т.А., Руденко Н.В. и Дмитриева С.В.) являются отрицательными. По мнению указанных авторов, работа Круглова В.В. содержит целый ряд принципиальных ошибок и не соответствует требованиям, предъявляемым к диссертации на соискание ученой степени кандидата наук. Последствия того, что эти отзывы не были оглашены в ходе заседания диссертационного совета, сводятся к следующему. Во-первых, нам неизвестно, ознакомились ли члены совета с этими отзывами. Не исключено, что аргументы Сафина Т.А., Руденко Н.В. и Дмитриева С.В. могли бы повлиять на решение совета. Во-вторых, диссертант никак не отреагировал на критику, указанную в отзывах.

На основании того, что в ходе заседания 31.05.2022 был нарушен п. 20 разд. IV «Положения о совете по защите Диссертации в Санкт-Петербургском государственном университете на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» (Приложение №2 к Приказу № 11181/1 от 19.11.2021 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете»), прошу отменить решение диссертационного совета о присуждении Круглову Владиславу Владиславовичу ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. — Языки народов зарубежных стран (китайский язык).

С уважением,
Сафин Тимур Альфредович. 18.08.2022

Подпись Сафина Т.А
УДОСТОВЕРЯЮ
Зав.отделом кадров Романова Т.В
«18» августа 2022 г.

[3] URL: http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp (Дата обращения: 17.08.2022).
[4] URL: https://rutube.ru/video/f103ad9acc92695cf83f9a6f95cd3532/ (Дата обращения: 17.08.2022).
[5] URL: https://disser.spbu.ru/zashchita-uchenoj-stepeni-spbgu/641-kruglov-vladislav-vladislavovich.html (Дата обращения: 17.08.2022).

Приложение 6

Заключение апелляционной комиссии о результатах рассмотрения обращения Т. А. Сафина

ЗАКЛЮЧЕНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ КОМИССИИ

о результатах рассмотрения обращения Сафина Тимура Альфредовича (Вх. № 01/1-38-11679 от 29.08.2022), кандидата исторических наук, научного сотрудника отдела Китая Института востоковедения Российской академии наук в порядке Апелляции на решение диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 от 31.05.2022 № 1 о присуждении учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) Круглову Владиславу Владиславовичу

Апелляционная комиссия, утвержденная приказом СПбГУ от 06.09.2022 № 9305/1 «Об утверждении состава Апелляционной комиссии по рассмотрению обращения Сафина Т.А.» в составе:

Редькина О.И., доктора филологических наук, профессора, заведующего Кафедрой арабской филологии СПбГУ (председателя Апелляционной комиссии);

Родионова А.А., кандидата филологических наук, доцента Кафедры китайской филологии СПбГУ, первого заместителя декана Восточного факультета СПбГУ (секретаря Апелляционной комиссии);

Черновой М.В., кандидата юридических наук, начальника Отдела правового обеспечения учебной деятельности Юридического управления, СПбГУ (члена апелляционной комиссии),

открыла свое заседание в соответствии с приказом СПбГУ от 08.09.2022 № 9372/1 «О проведении заседания Апелляционной комиссии по рассмотрению обращения Сафина Т. А.» в 11:00 20 сентября 2022 по адресу: Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9-11, лит. В, ауд. 191 по рассмотрению обращения Сафина Т.А. в порядке Апелляции на решение Диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 от 31.05.2022 № 1 о присуждении учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) Круглову Владиславу Владиславовичу.

Соискатель ученой степени Круглов В.В. отсутствовал, при этом он был надлежащим образом и своевременно извещен о дате, месте и формате проведения заседания Апелляционной комиссии, в связи с чем от него поступило заявление с просьбой о проведении заседания в его отсутствие.

От членов Апелляционной комиссии возражений против продолжения заседания Апелляционной комиссии в отсутствие Круглова В.В. не поступило, и было принято единогласное решение о продолжении заседания Апелляционной комиссии в отсутствие Круглова В.В.

Апелляционная комиссия единогласно проголосовала за решение о принятии к рассмотрению по существу обращения Сафина Т.А. в порядке Апелляции на решение диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 от 31.05.2022 № 1 о присуждении учёной степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) Круглову Владиславу Владиславовичу (далее – Апелляция Сафина Т.А.).

РК N 33-07-142 от 20.09.2022

Апелляционная комиссия при рассмотрении Апелляция Сафина Т.А. по существу выслушала заявителя Сафина Т.А., председателя диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 Сторожука А.Г., члена диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 Аврутину А.С., получила ответы на все поставленные вопросы, изучила имеющиеся материалы и пришла к выводу, что оснований в тексте рассматриваемой Апелляции (обращения, поданного в порядке Апелляции), которые могли бы лечь в основу отмены решения диссертационного совета СПбГУ А5.9.6.22.2692 от 31.05.2022 № 1 о присуждении учёной степени кандидата филологических наук по научной специальности 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский язык) Круглову В.В. не установлено, в связи с чем Апелляционная комиссия рекомендует ректору или уполномоченному им должностному лицу:

1. Отказать Сафину Т.А. в удовлетворении Апелляции (обращения, поданного в порядке Апелляции (Вх. № 01/1-38-11679 от 29.08.2022).

2. Возобновить процедуру рассмотрения вопроса о выдаче Круглову Владиславу Владиславовичу диплома кандидата наук.

Результаты открытого поименного голосования:

Всего в голосовании приняли участие 3 члена Апелляционной комиссии, из них:

«ЗА» – 3

«ПРОТИВ» – 0

«ВОЗДЕРЖАЛСЯ» – 0.

Председатель
Апелляционной комиссии О.И. Редькин

Секретарь
Апелляционной комиссии А.А. Родионов

20.09.2022

ПОЗДРАВЛЯЕМ

К 60-летию
Валентина Цуньлиевича Головачёва

18 августа 2022 г. отметил юбилей Валентин Цуньлиевич Головачёв (Валентин Лю, Лю Юй-вэй 劉宇衛) – историк, организатор науки и переводчик-синхронист, сын известного китаеведа Лидии Ивановны Головачёвой (1937–2011), автор более чем 140 научных статей, переводов и нескольких монографий по истории, источниковедению и историографии Китая, истории российского китае-

ведения и востоковедения, крупнейший российский специалист по истории Тайваня.

Валентин Цуньлиевич в 1984 г. окончил Восточный факультет ДВГУ, в 1984–1987 гг. работал на кафедре всеобщей истории исторического факультета ДВГУ, где преподавал историю стран Азии и Африки. Диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Этнические процессы и этническая политика в государстве Северная Вэй (IV–VI вв.)» защитил в 1992 г. в ИСАА МГУ. В период с 1996 по 2004 г. работал шеф-редактором русской службы «Международного радио Тайваня». В отделе Китая Института востоковедения РАН Валентин Цуньлиевич работает с 2004 г., в 2012–2020 гг. являлся завсектором Новой и Новейшей истории Китая и руководителем межотдельского Центра тайваньских исследований, с 2020 г. – заместитель директора ИВ РАН по науке.

С 2008 г. Валентин Цуньлиевич курирует российскую часть международного проекта «Китаеведение – устная история», являясь ответственным редактором серии книг, в которых опубликованы интервью с ведущими российскими синологами. Большинство опубликованных интервью были записаны и прокомментированы Валентином Цуньлиевичем, более половины из них переведены на китайский язык; публикации, посвящённые интервью, собранным в рамках проекта, выходили не только в России, но и в Гонконге, КНР, Монголии и на Тайване.

Валентин Цуньлиевич с теплотой относится к младшему поколению исследователей, оказывая им всемерную поддержку и помощь в их научных изысканиях. Все его ученики с благодарностью вспоминают время, когда им довелось писать исследовательские работы под его чутким руководством.

Уважаемый Валентин Цуньлиевич, примите от Ваших многочисленных коллег сердечные поздравления с юбилеем! Мы желаем Вам крепкого здоровья, бодрости духа, оптимизма, неизменного успеха в делах, долгих лет научного творчества и несомненного счастья души! Пусть накопленный жизненный опыт и мудрость помогут достичь Вам новых высот!

Коллектив отдела Китая, друзья и коллеги

Монографии В. Ц. Головачёва

1. *Головачёв В. Ц.* «Экскурсия на Формозу». Этнографическое путешествие П. И. Ибиса. – М.: ИВ РАН, 2019. – 276 с.: ил., прил.

2. *Головачёв В. Ц.* Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии (XVII–XXI вв.) / Отв. ред. А. Д. Дикарёв. – М.: ИВ РАН; МАКС Пресс, 2018. – 320 с.

3. *Лю Юй-вэй* 劉宇衛 (Головачёв В. Ц.), *Молоцзякэфу* 莫洛賈科夫 (Молодяков В. Э.). Жибэнь тунчжи шидай дэ Тайвань: эвэнь шиляо юй яньцзю 日本統治時代的台灣: 俄文史料與研究 (Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке) / Гл. ред. Чжун Шу-минь 種淑敏, пер. на кит. Чэнь Юнь-юй 陳韻聿. – Тайбэй: Чжунъян яньцзююань Тай-ши-со 中央研究院 臺史所 (Академия Синика, Институт истории Тайваня), 2018. – 174 с.

4. *Головачёв В. Ц., Молодяков В.* Э. Тайвань в эпоху японского правления: источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор. – М.: ИВ РАН, 2014. – 120 с.

5. *Головачёв В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О.* Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов. – СПб.: Наука, 2011. – 320 с.: ил.

6. *Лю В.* Тайваньское радио спросили: 100 ответов слушателям Международного радио Тайваня. – М.: Муравей, 2005. – 256 с.

Российское китаеведение – устная история

1. Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами. XX–XXI вв. / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. Т. I. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2014; Т.II. М.: ИВ РАН; Крафт+, 2017. 2-е изд., испр. и доп. Т. I–III. М.: Изд-во «МАКС Пресс», 2018. – 496 с. + 576 с. + 480 с.

2. Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. Т. IV / Отв. ред. В. Ц. Головачёв. – М.: ИВ РАН, 2020. – 488 с.

К юбилею Ларисы Петровны Черниковой

Лариса Петровна Черникова – старший научный сотрудник отдела Китая ИВ РАН, известный специалист по истории российской эмиграции на Дальнем Востоке, отмечает свой юбилей.

Жизнь и научная деятельность Ларисы Петровны прекрасно отражают глобальные исторические процессы конца XX – начала XXI в. Она родилась в семье ленинградских блокадников в Уфе, в период перестройки и переосмысления исторического процесса России XX в. окончила исторический факультет Башкирского государственного университета им. 40-летия Октября в 1990 г., училась в аспирантуре и работала преподавателем на историческом факультете БашГУ. В 1997 г. защитила кандидатскую диссертацию в докторском совете Уральского государственного университета по теме «Политика протекционизма и Консервативная партия Великобритании в 1846–1851 гг.».

Как китаист юбиляр сформировалась во время длительной стажировки в Шанхае и Сучжоу с 1998 по 2005 г., когда рос-

сийские учёные получили возможность прямого и более полного взаимодействия с миром и доступ к зарубежным архивным материалам. Обучаясь китайскому языку в Хуадунском (Восточно-китайском) педагогическом университете (1998–2000, 2001–2002), Лариса Петровна начала исследовать историю российской эмиграции в Китае и на Дальнем Востоке. Эта тема, развитая благодаря сотрудничеству и совместным проектам с такими ведущими историками и переводчиками Китая, как Александр Ван Чжичэн (подготовка перевода на русский язык его работы «История русской эмиграции в Шанхае» («Шанхай э-цяо ши» 上海俄侨史)), переводчиками-русистами Бэй Вэньли, Лю Юйцинь, Пань Чэньлун, Си Тин, Лю Синьтао и другими, осталась главной в её научном творчестве до сих пор.

По возвращении в Россию Лариса Петровна продолжила преподавательскую деятельность в Башкирском государственном университете, получив должность доцента (2008 г.). В 2007–2008 гг. она работала над грантом «Урал» по теме «Образование и судьбы диаспор народов Башкортостана в Китае и странах Юго-Восточной Азии в XX в. (часть «История татар и башкир в Китае в первой половине XX века»). С 2012 по 2014 г. преподавала в Уфимском государственном институте экономики и сервиса, на кафедре зарубежного регионоведения. Несколько лет Лариса Петровна преподавала историю российско-китайских отношений в МФТИ, записав цикл интересных видеопрограмм.

С 2014 г. по настоящее время она старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Работа в отделе Китая дала ей возможность опубликовать более 50 научных статей: Лариса Петровна ввела в научный оборот большой комплекс материалов, раскрывающих деятельность Фёдора Шаляпина на Дальнем Востоке, судьбу оркестра Лундстрема, политику Советского Союза в отношении «харбинцев»-репатриантов, а также стала одной из первых исследовательниц этнических групп многонациональной русской эмиграции.

В целом на данный момент она опубликовала более 140 работ, из которых 90 посвящены тематике русского зарубежья, в том числе четыре монографии и одно учебное пособие. Лариса Петровна

выступала с докладами на множестве российских и международных научных конференций, она – активный популяризатор научных знаний в средствах массовой информации, приглашенный эксперт многих радио (Радио России) и телепередач (НТВ).

Научные интересы Ларисы Петровны распространяются на российско-китайские отношения, историю и развитие китайского этноса, русскую эмиграцию в Китае, русско-китайские контакты и ментальность, культуру России в Китае и культуру Китая в России, репатриацию из Китая (1900–1979), в особенности «харбинцев» и репрессии против них, этно-конфессиональные группы в составе русской эмиграции в Китае, Монголии, Корее, Японии, этнокультурные контакты различных этносов в России/СССР и зарубежье.

Поздравляем замечательного преподавателя и неутомимого историка-архивиста, очаровательную женщину, отзывчивого человека Ларису Петровну Черникову с юбилеем и желаем ей ещё бóльших творческих успехов, полной реализации обширных научных проектов, крепкого здоровья и неизменного благополучия!

Коллектив отдела Китая, друзья и коллеги

Основные публикации Л. П. Черниковой

1. *Ван Чжичэн*. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэньлонга и др.; вступ. ст. Л. П. Черниковой [Куратор проекта – Л. П. Черникова]. – М.: Русский путь: Русское зарубежье, 2008. – 576 с.

2. *Черникова Л. П.* Советские торговцы и эмигранты-предприниматели 1920-х гг. Маньчжурия (КВЖД) – Желтый Вавилон (Шанхай) // «Бублики для республики»: Исторический профиль НЭПманов / Под ред. Хазиева Р. А. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2005. – 224 с.

3. *Вольская Н. П., Черникова Л. П.* Русские вчера и сегодня: особенности национального характера: учебное пособие по коммуникации в русской среде для иностранцев. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 117 с.

4. *Черникова Л. П.* Гастроли Ф. И. Шаляпина по Дальнему Востоку оказались роковыми… (по материалам периодической печати в г. Шанхае). – Уфа: РИЦ БашГУ, 2008. – 161 с.; 2-е изд., доп. – Уфа: Вагант, 2011. – 151 с.

5. *Черникова Л. П.* «Русский Китай» от Второй мировой войны до наших дней. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 358 с.

6. *Черникова Л. П.* Джаз-оркестр Олега Лундстрема в воспоминаниях маэстро, его коллег, учеников и современников. –Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. – 300 с.

7. *Хисамутдинов А. А. и др.* Русские в Китае. Исторический обзор. – Шанхай–Москва: Координационный совет соотечественников в Китае, 2010. – 572 с.

8. *Черникова Л. П.* Мост в прошлое везунчика-барона (Штрихи к портрету русского писателя-эмигранта Павла Северного). – Уфа: Вагант, 2011. – 117 с.

IN MEMORIAM

ORCID: 0000–0002–5207–0057

*Л. П. Черникова**

Китаевед, сотрудник Института востоковедения Г. В. Мелихов (жизнь, работа, исследования)

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Г. В. Мелихова, китаиста, учёного и эмигрантоведа, советского гражданина, более 20 лет прожившего в Китае и оставившего в памяти реалии этой страны и жизнь российской эмиграции на Востоке.

Ключевые слова: Мелихов Г. В., Китай, маньчжурский вопрос, русско-китайские отношения, русская эмиграция и советские граждане в Китае, репатриация, быт и нравы Харбина и Маньчжурии

*Larisa P. Chernikova***

Georgy V. Melikhov: China Scholar, Research Associate at the Institute of Oriental Studies (Life, Work, Research)

Abstract. The article is devoted to the life and work of G. V. Melikhov, a Sinologist, scientist and émigré scholar, a Soviet citizen who lived in China for more than 20 years and remained faithful to the ideals of his adolescent years.

* ***Черникова Лариса Петровна,*** канд. ист. наук, старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), larisa-che@mail.ru

** ***Chernikova Larisa Petrovna,*** Ph. D. (History), Senior Research Associate, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), larisa-che@mail.ru

© Черникова Л. П., 2023; © ФГБУН ИВ РАН, 2023

Keywords: Melikhov G. V., China, the Manchu question, Russian-Chinese relations, Russian emigration and Soviet citizens in China, repatriation, life and customs of Harbin and Manchuria

Список сокращений

БРЭМ: Бюро русской эмиграции в Маньчжурской империи
ГАХК: Государственный архив Хабаровского края

Георгий Васильевич Мелихов (1930, Харбин – август 2019, Москва) – советский и российский историк, китаевед и эмигрантовед. Он родился в Маньчжурии, в семье инженера и преподавателя Харбинского политехнического института (ХПИ). Родителями Георгия Васильевича были выходцы из Маньчжурии – мама и отец родились в пос. Бухэду на КВЖД. Отец всю жизнь учился и совершенствовался, эти качества унаследовал и сын. Судя по рассказам Г. В. Мелихова, в дальнейшем родители расстались, и мальчик остался с матерью, вскоре вышедшей замуж за коммерсанта в Харбине, отчим хорошо относился к Георгию. Мальчику нужно было учиться, и его поездки в «Захарбинье» к старшим родственникам за Хинган – бабушкам и дедушкам – временно прекратились (потом он опишет своё детство и быт крестьян и казаков в своей первой книге) [Мелихов 1991, с. 51; Мелихов 1994а, с. 115–117]. Он отлично учился в Лицее Святого Николая и позднее – в Харбинском политехническом институте, в обязательных программах которых было изучение китайского языка. По политической принадлежности Г. В. Мелихов относился к советской части харбинцев-железнодорожников, позднее – к советским служащим Пекина. Тем не менее поскольку советские граждане и эмигранты жили смешанно друг с другом, дети учились в разных школах – советских и эмигрантских, а потом дружно шли в кино смотреть советские фильмы (в Маньчжурии демонстрировались фильмы Голливуда и из СССР) – можно сказать, что нередко мировоззрение складывалось тоже «смешанное». В большинстве случаев вся молодёжь мечтала получить гражданство какой-либо страны, советские школьники – гражданство СССР (гражданство СССР ещё не давалось, оно могло быть получено при въезде в страну).

Во второй половине 1940-х – середине 1950-х гг. российская эмиграция покидала Китай, да и советским служащим нужно было также думать о своём будущем. В ХПИ Георгий учился на электромеханическом факультете, при этом руководствовался соображениями о будущей деятельности в СССР: по возвращении на родину, скорее всего, будут востребованы именно технические специальности. Однако учёбу (с сентября 1948 по декабрь 1949 г.) он не окончил в связи с бурными событиями гражданской войны и победой КПК в Китае.

После провозглашения КНР в октябре 1949 г. Китаю остро понадобились специалисты со знанием иностранных языков и особенно иностранцы со знанием китайского языка. Так юный студент стал преподавателем русского языка и культуры в Пекинском Народном университете Китая (1949–1951), преподавателем русского языка и переводчиком на курсах русского языка в Главном управлении тыла НОАК (Народной освободительной армии Китая) (1951–1952), преподавателем русского языка в Пекинском государственном университете, одновременно – учителем русского языка в вечерней школе Министерства культуры КНР (1952–1955). Но Родина оставалась притягательной и важной целью в жизни россиян в стремительно изменявшемся Китае: наряду с советскими специалистами, прибывавшими в Новый Китай с начала 1950-х гг., существовали советские «наполовину» – советские граждане за границей. Юноша понимал всю пропасть между ним и настоящими советскими людьми, пережившими тяжелейшую войну и грандиозную Победу над фашизмом. Очень хотелось стать своим в среде этих героических людей.

Перед отъездом в СССР в мае 1955 г. Г. В. Мелихов женился на своей избраннице, такой же советской гражданке Таисии Васильевне Тешиной. Они прожили в счастливом браке 20 лет[1]. Тешины [ГАХК b] также были большой патриархальной семьёй (два сына и три дочери), рано попавшей в Маньчжурию (в 1901 г.). Глава дома – выходец из купеческой семьи, занимавшейся рыбными промыслами; в Китай приехали с целью расширения своих торговых пред-

[1] В 1958 г. у них родился сын Юрий.

приятий. Ими был открыт магазин, построена коптилка, приобретён собственный дом в Харбине (Короткая ул., 12). «Высокое социальное положение, – писал Г. В. Мелихов о тесте, – превосходные условия жизни не позволили развиться в этом человеке чертам какого-то экстремизма; политикой он более не занимался, но отличался демократическими взглядами. Ушёл в личную жизнь, в охоту, которая, наверное, отняла половину его жизни. Как исключительно честный и добросовестный работник, всю жизнь получал хорошее вознаграждение за свой труд» [ГАХКа; Мелихов 1991, с. 45]. Позднее клан Тешиных также переехал в СССР, расселившись по восточным окраинам страны (прибыли когда-то из Забайкалья в Китай и вернулись туда же, растворившись в сельской жизни страны Советов).

В «Тематической базе данных БРЭМ» («Главное бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи») имеется личное дело самого Георгия Васильевича Мелихова, его отца и родных [ГАХК b].

В мае 1955 г. молодые супруги репатриировались в СССР, они были полны надежд на новую жизнь и участие в восстановлении разрушенной экономики страны. Возвращение в СССР пришлось на самый разгар кампании по целине и залежным землям (комплекс мероприятий по увеличению производства зерна в СССР в 1954–1965 гг. путём введения в оборот обширных целинных земельных ресурсов в Казахстане, Поволжье, Урале, Сибири, на Дальнем Востоке и в Крыму)[2]. «…Что бы там ни случалось и несмотря на все

[2] В 1954 г. февральско-мартовский пленум ЦК КПСС принял постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Госпланом СССР было намечено распахать в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и в других районах страны не менее 43 млн га целинных и залежных земель. Целина стала комсомольско-молодёжной стройкой: туда отправляли студентов на время летних каникул, в сезонные командировки – механизаторов. На целине только в первые два года было создано 425 зерновых совхозов, аграрные гиганты создавались и позже. Благодаря экстраординарному сосредоточению средств и людей, а также природным факторам новые земли в первые годы давали сверхвысокие урожаи, а с середины 1950-х годов – от 1/2 до 1/3 всего производимого в СССР хлеба. Однако в неурожайные годы на целине не могли собрать даже посевной фонд, в результате нарушения экологического равновесия и эрозии почв в 1962–1963 годах настоящей бедой стали пыльные бури. Освоение целины вступило в стадию кризиса, эффективность её возделывания упала на 65%.

трудности, целинный хлеб оставался самым дешёвым», – писал Н. С. Хрущёв в своих мемуарах [Хрущёв 1994, с. 91–114].

Их отправили на целину у самой границы с Казахстаном, в зерновой совхоз Варненского района Челябинской области. Жизнь в общежитии-бараке на целине и работа по изготовлению саманных кирпичей из глины, навоза и соломы – вот чем пришлось заниматься молодым оптимистам. А мечта была – быть полезными Родине! Казалось, что жизнь может пройти в забытом Богом и цивилизацией тёмном углу, без приложения сил и талантов. Нет, с этим мириться упрямый харбинец не мог. Как бы то ни было, этому периоду молодая семья отдала несколько лет своей жизни[3].

Производство кирпича в колхозе им. Кирова

В колхозе им. Кирова Тигильского района организовано кирпичное производство. Звено Эвачан Тыковны уже изготовило 17 тысяч штук. К 20 сентября будет сделано всего 50 тысяч штук. Здесь же организован обжиг кирпича. Уже обожжено 5000 штук. Лучшей производственницей является т. Квач Тиавика.

Рис. 1. Пример газетных публикаций о достижениях ремесленников-кирпичников [Корякский большевик 1951].

[3] Выражаем надежду, что найдутся ещё исследователи-энтузиасты биографии Г. В. Мелихова и его многочисленного клана, информация по освоению русскими китайской Маньчжурии также ещё ждёт своего историка.

С 1955 по 1959 гг. Георгий Васильевич предлагает свои знания переводчика с китайского и подрабатывает внештатно переводчиком в некоторых центральных издательствах Москвы (Географгиз, Гослитиздат, Молодая гвардия, Детгиз) [Чжуан 1959; Головачёв 2021, с. 313–323]; успеху этой деятельности способствовали инициативность молодого переводчика и эрудита, его переписка с издательствами, активная жизненная позиция, непримиримость к бытовым недостаткам жизни, критика лености низовых руководителей. После нескольких поездок в Москву и встреч с будущими своими преподавателями из МГУ быстро понял, что в СССР необходимо получить советский документ об образовании; диплом ХПИ, справки об обучении за границей совсем не котировались. С этой проблемой сталкивались все бывшие «харбинцы»: ты мог свободно говорить на иностранных языках, но на рынке труда в СССР требовалось предъявлять исключительно советский документ об образовании.

Временно покинув семью, которая осталась в колхозе, молодой Мелихов становится студентом Института восточных языков при МГУ (1961–1964). Ещё во время учёбы, будучи прекрасным знатоком китайского языка, он становится техническим сотрудником (набор текстов, технический перевод и т. д.) Института китаеведения, после 1959 г. – Института народов Азии / Института востоковедения, где проработал с 1959 по 1970 г.

«Важным событием в развитии отечественного китаеведения в научно-организационном плане, – пишет Ю. В. Чудодеев, – стало создание в 1956 г. Института китаеведения в рамках АН СССР. Институт китаеведения отделился от Института востоковедения АН СССР, вобрав в себя не только большую часть кадрового состава Отдела Китая, но и некоторых сотрудников, владеющих китайским языком, из ряда других практических организаций СССР – Министерства иностранных дел, Министерства внешней торговли и др. Среди работавших в те годы во вновь созданном институте были Р. В. Вяткин, Л. И. Думан, Б. Н. Занегин, Н. М. Калюжная, М. Г. Прядохин, М. И. Сладковский, Г. Д. Сухарчук, В. Ф. Сорокин, Г. П. Гуревич, А. М. Григорьев и др.» [Чудодеев 2018, с. 424–460]. Был в составе специалистов и Г. В. Мелихов. Институт начал выпускать журнал «Советское китаеведение».

Рис. 2. Г. В. Мелихов в 1959 г. Фото из его личного дела в архиве ИВ РАН

Как раз во время обострения советско-китайских отношений (конец 1950-х – середина 1960-х гг.), по признанию Г. В. Мелихова, ему пришлось принять участие в активной полемике с маоистами и много печатать статьи по истории маньчжур, по русско-китайским отношениям, обсуждать вопросы первенства проникновения в дальневосточный регион китайцев и русских [Мелихов 2014]. «Естественно, – говорил он, – по территориальным вопросам я был на советской стороне. При этом был объективным учёным. Халтурные вещи или политические спекуляции я не мог писать. У меня была очень серьёзная исследовательская база» [Мелихов 2014, с. 125].

Вспоминая работу в Институте китаеведения, Г. В. Мелихов тепло говорил о своих коллегах: Л. С. Переломове, О. Е. Непомнине, Ю. М. Гарушянце, С. И. Кучере, Л. И. Головачевой, А. А. Бокщанине и других [Мелихов 2014, с. 122]. В целом с 1960 до конца 1980-х гг. Г. В. Мелихов опубликовал в разных сборниках около 14 крупных статей по теме русско-китайских пограничных отношений. Китайская исследовательница Ван Ци опубликовала в КНР работу «Проблема восточного участка китайско-российской границы», которая на русском языке вышла в 2011 г. В своей книге она перечислила все сколь-нибудь значимые для китайской стороны статьи Г. В. Мелихова. В книге представлена картина изучения проблемы Восточ-

ного участка китайско-российской границы в исторической науке на протяжении длительного периода времени. Важная часть работы посвящена исследованию трактовки учёными-историками двусторонних договоров и их значения для урегулирования пограничных вопросов между Китаем и Россией. В книге впервые давалась систематизация точек зрения китайских, российских и западных учёных по данной проблематике. Это было первое столь полное историографическое исследование [Ван 2010].

В течение всей научной деятельности Г. В. Мелихов опубликовал около 200 статей и 10 монографий; он всегда был активным участником научных конференций, особенно значимых международных. Параллельно с активной работой в институте он работал над темой дипломной работы – о приграничных вопросах русско-китайских отношений, научным руководителем его был Лазарь Исаевич Думан. С этой поры основной темой его научных изысканий станут русско-китайские отношения и маньчжурская история [Алексеев, Мелихов 1984, с. 57–71; Бокщанин и др. 1977; Мелихов 1981, с. 115; Мелихов 1982, с. 18–70; Мелихов 1993, с. 94]. Закончив Институт восточных языков МГУ в 1964 г., Г. В. Мелихов становится младшим научным сотрудником Института восточных языков, тогда же перевозит жену и сына в Москву. Проживала семья в общежитии, как и большинство молодых сотрудников научных учреждений того времени.

В 1968 г. Георгий Васильевич защитил кандидатскую диссертацию по теме: «К истории освоения Цинской империей периферии Северо-Восточного Китая (1583–1689)».

Касаясь вопроса преемственности востоковедных кадров, Г. В. Мелихов говорил: «Вообще, сегодня китаеведение не будет развиваться школами. Оно будет прирастать индивидуальными учёными… Нет больших учителей. Где они теперь, к сожалению? …Школа Тихвинского – это моя школа. Я никогда не забуду такого, например, эпизода: во время обсуждения в рабочей группе вопросов, звучала критика самого Тихвинского. И вот человек, тогда уже доктор наук, такой большой учёный, сидит – красное лицо, красная шея – сидит и пишет, пишет, записывает все замечания. Вот, как вёл себя Тихвинский! …Мне также запомнилось, как во время

своего выступления Тихвинский произнёс: “Вот, здесь сейчас сидят будущие кандидаты и доктора наук”… Нам, молодым, это приятно было слышать, и это не пустяк, это был вдохновляющий стимул!» [Мелихов 2014, с. 126].

В 1960-е гг. в связи с международной обстановкой произошёл фактический разрыв советско-китайских отношений. В 1960 г. был закрыт Институт китаеведения, и все китаисты перешли в разные институты, Георгий Васильевич – в Институт народов Азии. В феврале 1967 г. из КНР были эвакуированы семьи советских дипломатов, безопасность которых на китайской территории было трудно гарантировать. В марте 1969 г. на острове Даманском произошли кровавые вооружённые столкновения со многими жертвами и фактами зверств по отношению к раненым советским пограничникам и надругательствами над телами погибших. Летом 1969 г. в связи с обострением обстановки из Пекина были эвакуированы некоторые правительственные учреждения, а из Маньчжурии – стратегически важные промышленные предприятия. Всё это приводило к фактическому застою в китаистике и отсутствию перспектив для научной карьеры. Эти обстоятельства вынудили Г. В. Мелихова покинуть Институт народов Азии.

В 1970 г. Г. В. Мелихов неожиданно для всех перешёл в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), с должности младшего научного сотрудника – сразу на должность старшего научного сотрудника. Это было связано и с более высоким статусом (и увеличением зарплаты), но главным образом – с улучшением жилищного вопроса: получение отдельной квартиры дало возможность стабильно продолжать научную работу, уверенность в своих силах и новые перспективы.

В 1974 г., наконец, была опубликована монография по кандидатской диссертации Г. В. Мелихова, куда вошли новые важные документы, подтверждающие правоту избранной им позиции[4].

[4] В книге на китайских документах раскрывалась политика маньчжурского государства на Дальнем востоке в конце XVI–XVII в., история консолидации маньчжурских племён и характер взаимоотношений маньчжур и народностей Приамурья и Приморья, система управления Северо-Востоком и хозяйственное освоение этого района цинскими властями. Описывалась агрессия Цинской империи в 80-х годах XVII в. против русских владений в Приамурье.

Рис. 4. Маньчжуры на Северо-Востоке, XVII в. /
Ред. Мясников В. С., Думан Л. И. М.: Наука, 1974. 248 с.

В Институте мировой экономики Мелихова привлекли к изучению проблемы международных отношений на Дальнем Востоке между СССР, США, Китаем, Японией, в том числе в Юго-Восточной Азии.

В целом в ИМЭМО исследования международных отношений рассматривались в ракурсе заинтересованности в отношениях с Китаем, работа открыла для Г. В. Мелихова мир известных учёных-международников и практиков (Н. Н. Иноземцева, Е. М. Примакова и др.). В этом мире мировой экономики и международных отношений Георгий Васильевич проработал почти десять лет. Казалось бы, всё было хорошо: карьера, квартира, семья. Но в 1975 г. внезапно скончалась его супруга Таисия Васильевна[5], позже, уже в 1980-е годы, при трагических обстоятельствах погиб их сын (1958 г. р.). Все эти обстоятельства и усталость от политики заставили Г. В. Мелихова снова резко изменить свою жизнь, поменяв ещё одно место работы[6].

[5] Она работала переводчицей, владела английским, французским, китайским и японским языками.

[6] Второй женой стала москвичка Людмила Васильевна, с которой Мелихов прожил 40 лет до конца своей жизни. В этом браке растил как свою дочь супруги от первого брака.

В 1979 г. Г. В. Мелихов поступил на работу в Институт истории СССР, где продолжил изучать историю русско-китайских отношений под руководством А. Л. Нарочницкого (1907–1989). В 1979–2016 гг. он дорос со старшего научного сотрудника до ведущего научного сотрудника Института истории АН СССР (Института российской истории РАН), который считался в СССР «главным» институтом Академии наук.

Рис. 5. Главное здание Института истории РАН, г. Москва

Рис. 6. Мелихов Г. В. Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991

В Институте истории Мелихов написал и защитил в 1988 г. докторскую диссертацию «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке, 40-е – 80-е гг. XVII в.», в которой затронул и пограничные, и общие исторические вопросы. Вообще в стенах этого института он проработал до 2016 г. и написал целую серию книг о Маньчжурии и российско-китайском приграничье [Мелихов 1974]. Последние 20 лет были посвящены главному делу его жизни – реставрации истории русского Харбина и Маньчжурии, первой из которых стала изданная в 1991 г. книга о русской эмиграции «Маньчжурия далёкая и близкая» [Мелихов 1991; Мелихов 1994а, с. 116].

История харбинцев в СССР оказалась стёрта из памяти целых поколений советских людей. Книги Г. В. Мелихова открыли

этот «мир новых знаний» о жизни россиян в Маньчжурии и Китае, став своеобразным «окном в Азию». Действительно, уникальный опыт детства и юности Г. В. Мелихова дал ему возможность ещё с ранних детских воспоминаний начать летописание истории русской эмиграции в Китае – которое было совершенно уникальным явлением в истории стран и народов. Постепенно «распутывая» клубок фактов и явлений из этого периода жизни соотечественников в Китае, он начал важные исследования русской эмиграции и советских людей в Китае, в Маньчжурии, к которым социально и политически принадлежал. В конце 1980-х – 1990-е годы интерес к русской эмиграции был как никогда велик, но, к сожалению, о советских гражданах в Китае практически никто не упоминал: страна ощущала конец советской эпохи, и судьбы советских людей в Зарубежье как-то отошли на второй план.

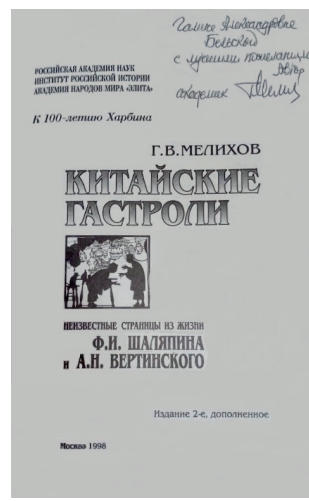

Рис. 7. Китайские гастроли: неизвестные страницы из жизни Ф. И. Шаляпина и А. Н. Вертинского. М.: Институт Российской истории РАН, 1998. 132 с.

В своих работах Г. В. Мелихов не только изобразил конкретные явления российской эмиграции в разные периоды исторической действительности, но и смог сформулировать ряд теорети-

ческих вопросов историографии. Как он писал в одной из своих работ, он использовал разнообразные жанры – такие как научно-популярный, мемуарный, социальный и т. д. По мнению китайского учёного Цюй Сюэпина, «Георгий Васильевич старательно и ответственно занимался любимым делом и стал великолепным специалистом в этой отрасли. Он является историком по международным отношениям, по истории и культуре русской эмиграции в Китае, по российско-китайским и советско-китайским отношениям. Всё это благодаря его мудрости и упорству, все достижения Мелихова – результат начала его жизни и деятельности в Харбине» [Цюй 2016, с. 46]. «Самое нелёгкое, – продолжает китайский автор, – занять историку такую позицию, когда в изложении сложной истории наших стран находится версия, которая может быть принята историками обеих стран» [Цюй 2016, с. 47]. Многие китайские историки отмечают объективность оценок Г. В. Мелихова[7].

В вышедшей в середине 2000-х гг. монографии о русско-китайских отношениях о Мелихове написано: «Уроженец Харбина – доктор исторических наук Г. В. Мелихов в своей монографии "Маньчжурия далёкая и близкая", во многом основанной на личных наблюдениях и воспоминаниях, отмечал важную культурную и просветительскую роль, которую играл Харбин "в широком взаимообогащении и взаимовлиянии двух великих культур – русской и китайской". По мнению Г. В. Мелихова, "не существовало никаких искусственных перегородок между русским и китайским населением", все достижения русской и европейской науки, техники, культуры становились достоянием как русского, так и китайского населения. Г. В. Мелихов приводит примеры взаимного заимствования опыта и приёмов выращивания различных сельскохозяйственных культур, а КВЖД, по его мнению, "была построена и функционировала в интересах двух соседних народов"» [Россия и Китай 2013, с. 78].

Во второй половине 1980-х гг. наша страна переживала огромные социальные перемены, в столице была создана «Ассоци-

[7] К ним относятся вышеупомянутый Цюй Сюэпин, профессор ШАОН Александр Ван Чжичэн, молодое поколение китайских историков, проходящих обучение в современной России, лучше знакомых с российской историографией.

ация харбинцев в Москве». Г. В. Мелихов стал одним из её главных «моторов». С 1984 г. Георгий Васильевич был действительным членом Русского географического общества, а с 1993 по 1997 г. – председателем Ассоциации «Харбин–Москва»; было издано два сборника «Харбинцы в Москве» [Харбинцы в Москве 1997] с биографиями бывших земляков, ставших москвичами. Некоторые журналисты и малознакомые с темой люди немного удивлялись деловой активности Мелихова: по сравнению с другими репатриантами из Китая, он был слишком уверен в себе, слишком «звёзден», не боялся обращаться в различные административные инстанции, вёл себя как настоящий харбинский, а ныне – московский старожил. Лавировал, не поддаваясь на провокационные точки зрения: на встречи Ассоциации приезжали старые харбинцы из Австралии, США, Новой Зеландии, других стран; в то же время основной «костяк» Ассоциации составляли советские харбинцы, прожившие трудную, непростую, но вполне счастливую жизнь в СССР. Старые люди с разными убеждениями – между ними не должно было быть столкновений, противоречий, жизнь была прожита так, как предлагали обстоятельства. «Нет никакой истины, кроме той, что все мы – родом из Харбина», – говорил Георгий Васильевич. Он знал о Китае, о международных отношениях и внутренних противоречиях китайского социума больше своих однокашников, был гораздо осведомлённее своих друзей – «русских харбинцев» – о русской эмиграции, понимал глубже, видел бóльшие горизонты, хотя многое осознал уже в СССР.

Очередная его книга, хронологически доведённая до начала 1930-х гг., обращала внимание читателей и соратников по проживанию в Китае на международный расклад жизни, на самые трудные обстоятельства, невидимые невооружённым глазом простой русско-советской и белоэмигрантской молодёжи тех лет [Мелихов 2007]. С болезнью и постепенным отходом Мелихова от активной общественной жизни работа в Ассоциации харбинцев стала затихать, и сегодня многие уже говорят, что этой организации в Москве практически нет.

Несмотря на эти печальные, но естественные обстоятельства, вспоминая «русского харбинца» Г. В. Мелихова, мы помним его

энергию, целеустремлённость, желание учиться всю жизнь. В своё время он «с удовольствием учился китайскому языку, и учёба у него не прерывалась даже во время японской оккупации» [Цюй 2016, с. 45]. «Добродушие и интернационализм харбинцев, – говорил Г. В. Мелихов, – вызвали у меня интерес к Китаю с детства и на всю жизнь» [Цюй 2016, с. 45].

Рис. 8. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

О самом Мелихове написано немало [Ван 2007; Мелихов 2014; Мелихов ИРИ; Цюй 2016; Чернобаев 2005], но более всего о себе и о своём понимании русской эмиграции он рассказал сам (особенно в книге «Белый Харбин»). Так, в предисловии он писал: «Эта книга… – [в которой использован] жанр научно-популярный – жанр безыскусных воспоминаний, живых зарисовок из общественной, театральной, музыкальной и литературной жизни – и не только Харбина, но и линий КВЖД, разных «мелочей», даже шуток – т. е. того, что обычно не входит в строго научную историческую работу. Отсюда и содержание книги гораздо шире, чем те вещи и события, о которых я писал когда-либо прежде, но при всём том она не охватывает, конечно, всех сторон эмигрантской

жизни в Маньчжурии. И, к сожалению, многое я вынужден оставить за рамками повествования. Видимо, по рассматриваемому периоду можно написать ещё несколько книг… Мне жаль также, что я не мог назвать здесь имена десятков людей – наших отцов и дедов, учителей и профессоров, врачей, инженеров, строителей, живших и трудившихся в эмиграции в Маньчжурии и Китае, людей достойных, широко известных, внёсших большой вклад в развитие этой страны… Высокий пример отцов и дедов был исключительно важен для молодого поколения российской эмиграции, и можно утверждать, что оно выросло на нём…

На сохранении и развитии каких традиций я делаю упор в своей книге? Прежде всего – традиций национальных – каждого народа. Поэтому здесь упоминаются и рассматриваются различные национальные колонии, существовавшие в эмигрантском Харбине. Далее, опыт совместного проживания, в течение десятков лет в Маньчжурии, в частности в Харбине, представителей 35 народов и национальностей – уникален и поучителен и может быть использован в современных условиях на нашей Родине. При этом ни одна национальная колония (включая и многочисленную японскую в период марионеточной империи Маньчжоу-диго) не жила изолированно и замкнуто от других, не было никаких внутренних границ, никаких сеттльментов – колонии жили, друг друга обогащая.

Каждая вносила свой ощутимый эксклюзивный вклад в общественную и культурную жизнь всех «маньчжурцев», формируя тот удивительный сплав различных культур, прежде всего – восточных, что является характерной чертой облика харбинцев – русских жителей многонационального города Харбина, где всё это проявляло себя наиболее ярко и выпукло… Но многонациональный Харбин потому и называют «русским», что объединяющим все национальности и национальные культуры были здесь русский язык и русская культура. И история. И не потому, что я историк и история на Дальнем Востоке исключительно интересна и в подлинных деталях до сих пор малоизвестна, а потому, что каждый человек должен знать историю своего народа, а история белой эмиграции, причудливо переплетающаяся с историей других народов, – это тоже частица новейшей истории России…

Здесь на Востоке российская эмиграция в повседневном общении завязывала узы дружбы, являлась продолжательницей, преемницей традиций тесной дружбы между русским и восточными народами – Китая, Кореи и Японии – в течение тех долгих и многих лет, когда Россия советская, советский народ были лишены возможности прямого общения с народами Востока. В этих условиях русский язык и русская культура именно белой эмиграции стали той связью, которая не позволяла этой дружбе ослабнуть, а то и заглохнуть вовсе. И эти сохранившиеся дружеские связи сослужили и сегодня немалую службу в установлении добрых отношений Российской Федерации с Китаем, Японией и Кореей. Вот, кажется, и всё, что я хотел предварительно сказать…» [Мелихов 2003].

Рис. 9а, б. Г. В. Мелихов в рабочем кабинете
и во время дискуссии на конференции

21 августа 2019 г. на девяностом году жизни покинул мир сильный, светлый и талантливый человек, старейшина общины «русских харбинцев», известный китаевед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Георгий Васильевич Мелихов (1930–2019). Его научный и человеческий вклад в науку необычайно интересен, плодотворен и творчески неординарен.

Светлая память большому ученому!

Избранные труды

(частично цит. по: Личное дело Г. В. Мелихова. Научный архив ИВ РАН, г. Москва. Автобиография. Л. 5–5об. 30 июня 1959 г.; Список научных трудов и изобретений. Мелихов Георгий Васильевич. Л. 15–18)

1. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чжоу Ян. Антинародная, антиисторическая идеология и антиреалистическое искусство (Обсуждение фильма «Жизнь У Сюня») // Вопросы идеологической борьбы в современной китайской литературе и искусстве. Сборник ст.

2. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чэнь Тянь-хуа, Кан Ю-вэй, Гун Цзы-чжэнь и др. // Материалы по китайской идеологии нового времени (подготовляемой Институтом философии АН СССР).

3. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Кэ Лань. Бессмертный Ван Сяо-хэ: Повесть / Кэ Лань, Чжао-цзы; ил.: Л. Кравченко. – М.: Детгиз, 1957. 208 с.

4. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чжоу Эр-фу. Ребята из деревни Силюшуй. Повесть. М.: Детгиз, 1959.

5. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Сюань Фэн. Как Лай-хун пасла гусей. Повесть. М.: Детгиз, 1959.

6. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чжуан Вань-фан. Культура чая. – М., 1959.

7. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чжан Сюань. Мореходство в древнем Китае. – Москва: Географгиз, 1960. 71 с.

8. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Прудовое рыбоводство: пер. с кит. М.: Изд-во с.-х. лит., журн. и плакатов, 1961. 272 с.

9. *Мелихов Г. В.* Новые материальные памятники Тайпинского государства // Вопросы истории. № 6. 1956. 0,3 а. л.

10. *Мелихов Г. В.* Материалы по истории китайской идеологии нового времени. Перевод и комментарии. 10 а. л. рукопись.

11. *Мелихов Г. В.* История географической науки в древнем Китае. 6 а. л. Рукопись.

12. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Чжан Сюань. Мореходство в древнем Китае. Пер. с кит. Географгиз, 1960. 4 а. л.

13. *Васильев Л. С., Мелихов Г. В.* Журнал «Лиши цзяосюэ» и проблема реформы преподавания истории в школах КНР // Преподавание истории в школе. № 1. 1960. 0,6 а. л.

14. *Васильев Л. С., Мелихов Г. В.* Материалы по истории китайской культуры в журнале «Вэньу» за 1959 г. // Народы Азии и Африки. № 2. 1961. 0,6 а. л.

15. *Мелихов Г. В.* (перевод с кит.). Шэнь Ко, Мэнцибитань. Отрывки из трактата. Рукопись.

16. *Мелихов Г. В.* Пэй Сю и история китайской картографии // Конференция аспирантов и молодых научных сотрудников. Тезисы докладов. М., без изд., 1963. 0,3 а. л.

17. *Ду И-син, Мелихов Г. В.* Документы и материалы периода «Сто дней реформ». Перевод и комментарии. Рукопись. 6 а. л.

18. *Мелихов Г. В.* К истории колонизации маньчжурами территории Северо-Восточной окраины Цинской империи в XVII в. // Конференция аспирантов и молодых учёных Института Народов Азии. Тезисы докладов. М., без изд., 1964. 0,75 а. л.

19. *Мелихов Г. В.* «Бацитунчжи» как исторический источник // Конференция аспирантов и молодых учёных Института Народов Азии. Тезисы докладов. М., без изд., 1966. 0,3 а. л.

20. *Мелихов Г. В.* Некоторые вопросы начального этапа консолидации маньчжурской народности (1583–1644). Рукопись // Конференция аспирантов и молодых учёных по истории Дальнего Востока. Доклад. 1966. 0,75 а. л.

21. *Мелихов Г. В.* К истории Нингуты в XVII в. // Спецбюллетень Института Народов Азии. № 2. 1,5 а. л.

22. *Мелихов Г. В.* Некоторые вопросы консолидации маньчжурских племён при Нурхаци и Абахае (1591–1644) / Маньчжурское владычество в Китае. Сб. ст. АН СССР. Ин-т народов Азии; отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1966. С. 111–116. 1,4 а. л.

23. *Мелихов Г. В.* К истории проникновения маньчжур в бассейн Верхнего Амура в 80-х годах XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае: Сб. ст. АН СССР. М., Наука, 1966. С. 113–127).

24. *Акатова Т. Н., Линь Кюн-и, Машкина И. Н., Мелихов Г. В.* Рабочее движение в Китае. Революция 1924–1927 гг. Сб. док. профсоюзного движения и др. материалов. М., Гл. ред. вост. лит-ры, изд. Наука, 1968. 2 а. л.

25. *Мелихов Г. В.* Советская историография русско-китайских отношений в XVII в. // Межвузовская научная конференция. Доклад. М., без изд., 1966. 1,5 а. л.

26. *Мелихов Г. В.* Переводы статей китайских историков // Специальный бюллетень. М., без изд., 1966. 2 а. л.

27. *Мелихов Г. В.* «Правдивые записи» о правлении маньчжуро-цинских государей («Шилу») как ценнейший источник по истории Китая // Конференция аспирантов и молодых учёных Института Народов Азии АН СССР. Тезисы докладов. М., без изд., 1967. 0,3 а. л.

28. *Мелихов Г. В.* «Бацитунчжи» как основной источник по военной организации маньчжур / Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., без изд., 1967. 0,5 а. л.

29. *Мелихов Г. В.* Ян Бинь и его труд «Любянь цзилюэ» («Записки об Ивовом палисаде») / Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. М., без изд., 1967. 0,5 а. л.

30. *Мелихов Г. В.* Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1403–1424 гг.) / Китай и соседи (в древности и средневековье). М., Наука, 1970. Институт востоковедения (Академия наук СССР). 275 с. 1,5 а. л.

31. *Мелихов Г. В.* О чиновничестве маньчжурских «восьми знамён» // Конференция аспирантов и молодых учёных Института Народов Азии. Тезисы докладов. М., без изд., 1968. 0,3 а. л.

32. *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. 507 с. С. 62–84. 2,0 а. л.

33. *Мелихов Г. В.* К истории освоения Цинской империей периферии Северо-Восточного Китая (1583–1689 гг.). Автореферат соискат. дисс… канд. ист. н. М., 1968. 1 а. л.

34. *Мелихов Г. В.* Завоевание монголами империи Цзинь / История Сибири. Т. 2. 0,8 а. л.

35. *Мелихов Г. В.* Северо-Восток под властью монгольских феодалов / История Сибири. Т. 2. 0,8 а. л.

36. *Мелихов Г. В.* Политика первых минских императоров в отношении Северо-Востока / История Сибири. Т. 2. 0,8 а. л.

37. *Мелихов Г. В.* Влияние традиционных китайских форм на структуру центрального государственного аппарата у маньчжур до 1644 г. / Симпозиум «Роль традиций в истории Китая». Тезисы докладов. М., без изд., 1968. 0,3 а. л.

38. *Мелихов Г. В.* Политика маньчжур в отношении племён и народностей Дальнего Востока в XVII в. 1 а. л.

39. *Мелихов Г. В.* Система управления Восемью знамёнами как часть государственного аппарата у маньчжур. 0, 5 а. л.

40. *Мелихов Г. В.* Основные этапы формирования государственности у маньчжур // Конференция аспирантов и молодых учёных Института Народов Азии. Тезисы докладов. М., без изд., 1969. 0,3 а. л.

41. *Мелихов Г. В.* «Дэ Цин личао шилу» как исторический источник / Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Проблемы истории и экономики. М., без изд., 1969. 0,8 а. л.

42. *Мелихов Г. В.* Внешняя политика и захватнические войны Цинской империи в XVII в. (колл. монография: Думан Л. И., Бокщанин А. А., Ермаченко И. С., Мелихов Г. В.). Рукопись. 40 а. л.

43. *Мелихов Г. В.* Биография Лантаня. Перевод и комментарии / Документы по русско-китайским отношениям. Т. 2. Рукопись. М., Институт Дальнего Востока, 1969. 2,0 а. л.

44. *Мелихов Г. В.* «Пиндин лоча фанлюэ» («Высочайшая стратегия усмирения русских»). Перевод и комментарии / Документы по русско-китайским отношениям. Т. 2. Рукопись. М., Институт Дальнего Востока, 1969. 3,5 а. л.

45. *Мелихов Г. В.* Ивовый палисад как граница Цинской империи на Дальнем Востоке // Вопросы истории. № 8. 1981. С. 115–123. 1,0 а. л.

46. *Мелихов Г. В.* Территориальная экспансия Китая на Дальнем Востоке. М., гл. ред. вост. лит-ры изд. Наука, 1969. 16 а. л.

47. *Мелихов Г. В.* Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.) // Китай и соседи в древности и средневековье. М., 1970. С. 251–271.

48. *Мелихов Г. В.* Экспансия Цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII веках // Вопросы истории. 1974. № 7. С. 55–73.

49. *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.

50. *Мелихов Г. В.* Установление власти монгольских феодалов в Северо-Восточном Китае // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 62–84.

51. *Дао дэ цзин* (опыт стихотвор. пер. В. Перелешина) / Публ., вступ. ст. Г. В. Мелихова // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 3. С. 144–161.

52. *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с. (2-е изд., М.: Наука, 1994. 317 с.).

53. *Мелихов Г. В.* Христианский союз молодых людей в Харбине // Проблемы Дальнего Востока. № 6. 1996. С. 118–122.

54. *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

55. *Мелихов Г. В.* Русский Харбин: взаимовлияние и взаимопроникновение культур сопредельных стран // Дальний Восток России – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества. Хабаровск, РИО ДВГНБ (Дальневосточная государственная научная библиотека), 1998. С. 175–177.

56. *Мелихов Г. В.* Китайские гастроли: неизвестные страницы из жизни Ф. И. Шаляпина и А. Н. Вертинского: к 100-летию Харбина. Изд. 2-е, доп. М.: ИРИ РАН, 1998. 132 с.

57. *Мелихов Г. В.* Послесловие об И. Г. Баранове // *Баранов И. Г.* Верования и обычаи китайцев / Сост. К. М. Тертицкий. М.: Муравей гайд, 1999. 300 с. С. 296–297.

58. *Мелихов Г. В.* «Харбинцы» в Израиле (ассоциация «Игуд Иоцей Син») // Диаспоры. М., 2000. № 1/2. С. 260–278.

59. *Мелихов Г. В.* Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с.

60. *Мелихов Г. В.* Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы // Труды ИРИ РАН. Вып. 6 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., ИРИ РАН, 2006. С. 120–139.

61. *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский путь, Викмо, 2007. 320 с.

62. *Мелихов Г. В.* Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. (Домыслы и факты) // Труды ИРИ РАН. Вып. 8 / Российская академия наук, Институт российской истории; отв. ред. А. Н. Сахаров, сост. Е. Н. Рудая. М.: Наука, 2009. С. 190–209.

Дополнительная литература

1. *Ковалевская Н.* «Русский Харбин»: от крушения к надежде // Российские вести. 2004. № 14. С. 21.

2. *Кузнецова А. А.* Ежедневное чтение // Знамя. 2004. № 4. С. 233–238.

Источники и литература

1. Алексеев, Мелихов 1984 – *Алексеев А. И., Мелихов Г. В.* Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья // Вопросы истории. 1984. № 3. С. 57–71.

2. Ван 2007 – *Ван Сяо-минь*. Моя история началась в Харбине (пер. Би Сяо-хун) // Партнёры. Берега дружбы. 20.04.2007.

3. Ван 2010 – *Ван Ци*. Проблема Восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных учёных / Пер. с кит. Ю. Семёнова. М.: Русская панорама, 2010. 174 с.

4. Бокщанин и др. 1977 – *Бокщанин А. А., Мелихов Г. В., Думан Л. И., Ермаченко И. С.* Внешняя политика государства Цин в XVII веке / Отв. ред. Л. И. Думан. М.: Наука, 1977. 385 с.

5. ГАХК а – ГАХК, база данных БРЭМ. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 108.

6. ГАХК b– ГАХК, база данных БРЭМ. Ф. Р-830. Оп. 3. Д. 46.

7. Головачёв 2021 – *Головачёв В. Ц.* «Конечно, я всё же был "другой"». Памяти китаеведа Георгия Васильевича Мелихова (1930–2019) // Вестник ИВ РАН. 2021. № 2. С. 313–323.

8. Мелихов 1966 – *Мелихов Г. В.* К истории проникновения маньчжур в бассейн Верхнего Амура в 80-е годы XVII в. // Маньчжурское владычество в Китае / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1966. С. 113–127.

9. Мелихов 1974 – *Мелихов Г. В.* Маньчжуры на Северо-Востоке в XVII в. М.: Наука, 1974. 248 с.

10. Мелихов 1981 – *Мелихов Г. В.* Ивовый палисад – граница Цинской империи // Вопросы истории. № 8. 1981. С. 115–123.

11. Мелихов 1982 – *Мелихов Г. В.* О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания Китая (40–80-е годы XVII в.) // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М.: Мысль, 1982. С. 18–70.

12. Мелихов 1991 – *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далёкая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с.; 2-е изд. М.: Наука, 1994. 317 с.

13. Мелихов 1993 – *Мелихов Г. В.* [Предисловие] // *Рязановский В. А.* К вопросу о влиянии монгольской культуры и монгольского права на русскую культуру и право // Вопросы истории. № 7. 1993. С. 56–57.

14. Мелихов 1994 a – *Мелихов Г. В.* Маньчжурия далёкая и близкая // Вопросы истории. № 5. 1994. С. 116.

15. Мелихов 1994 b – *Мелихов Г. В.* [Вступление] // *Пушкарёв С. Г.* Донское казачество и Московское государство в XVII веке // Вопросы истории. № 11. 1994. С. 115–117.

16. Мелихов 1997 – *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

17. Мелихов 2003 – *Мелихов Г. В.* Белый Харбин: середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 440 с. // Электронная библиотека RoyalLib.com. URL: https://royallib.com/read/melihov_georgiy/beliy_ harbin_seredina_20_h.html#0 (дата обращения: 20.11.2020).

18. Мелихов 2007 – *Мелихов Г. В.* Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский путь; Викмо-М, 2007. 320 с.

19. Мелихов 2014 – *Мелихов Г. В.* // «Российское китаеведение – устная история». Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. Т. 1. М.: ИВ РАН, ООО Крафт+, 2014. 496 с.

20. Мелихов ИРИ – Мелихов Георгий Васильевич // Веб-сайт Института российской истории РАН. URL: https://iriran.ru/melihov (дата обращения 01.01.2020).

21. Корякский большевик 1951 – Производство кирпича в колхозе им. Кирова // Корякский большевик. № 143. 1951. 18 августа.

22. Россия и Китай 2013 – Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений / Под ред. А. В. Лукина. М.: Весь Мир, 2013. 704 с.

23. Харбинцы в Москве 1997 – Харбинцы в Москве: биографические очерки в двух выпусках. М.: Ассоциация «Харбин», 1997.

24. Хрущёв 1994 – Мемуары Н. С. Хрущёва // Вопросы истории. 1994. № 12. С. 91–114.

25. Цюй 2016 – *Цюй Сюэпин.* Профессор Г. В. Мелихов – историк русской эмиграции в Китае // Инновации в науке: сборник статей по материалам LVI международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2016. № 4 (53). С. 44–49.

26. Чернобаев 2005 – *Чернобаев А. А.* Мелихов Георгий Васильевич // Историки России XX века: Биобиблиографический словарь. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2005. С. 42–43.

27. Чжуан 1959 – *Чжуан Вань-фан*. Культура чая / Пер. с кит. Г. В. Мелихова. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 352 с.

28. Чудодеев 2018 – *Чудодеев Ю. В.* Становление и развитие китаеведения в Институте востоковедения РАН // Ориенталистика. 2018. Т. 1. № 3–4. С. 424–460.

Наталия Павловна Свистунова
(12.06.1930 – 6.09.2022)

С болью в сердце извещаем о кончине прекрасного человека, уникального учёного, легенды отечественного китаеведения, лауреата Премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга (2021) – Наталии Павловны Свистуновой, проработавшей в Институте востоковедения (в его различных ипостасях) невероятные почти 65 лет – с 1957 по 2021 г.

Наталия Павловна родилась в Москве в семье военного инженера, крупного специалиста в области авиации. В 1953 г. с отличием окончила отделение Востока исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, защитив под руководством В. Н. Никифорова дипломную работу «Аграрная реформа 1947 г.». С 1953

по 1957 г. училась в аспирантуре МГУ у Л. В. Симоновской, подготовила работу по аграрной политике первых десятилетий империи Мин. В 1957 г. поступила на работу в Институт китаеведения АН СССР и вскоре была направлена в Китай для обучения в аспирантуре Пекинского университета. Научным руководителем Наталии Павловны стал профессор Шан Хун-куй 商鸿逵 (1907–1983), один из крупнейших китайских учёных XX в., ведущий специалист по истории империй Мин и Цин, непревзойдённый знаток старого Китая и Пекина. В 1960 г. подготовленный Наталией Павловной конспект диссертационной работы был одобрен учёным советом Пекинского университета, и она вернулась в Москву.

В мае 1960 г. Институт китаеведения вошёл в состав Института народов Азии АН СССР (в 1970 г. переименован в Институт востоковедения АН СССР) – так Наталия Павловна стала сотрудником отдела Китая. В 1962 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в.». В 1987–1989 гг. Наталия Павловна снова проходила стажировку в Китае – год в Пекинском университете и год – в Народном университете Китая.

Главным трудом Наталии Павловны, вписавшим её имя в самые главные списки российской и мировой науки, стал первый в мире полный комментированный перевод минского кодекса законов *Да Мин люй* 大明律 – важнейшего памятника традиционного китайского права, имевшего юридическую силу на протяжении почти пятисот лет. Первый том перевода вышел в 1997 г., последний, четвёртый, – в 2019 г. Именно в этих томах ярче всего проявился талант Наталии Павловны как знатока китайского права старого Китая, крайне специфического языка, на котором составлены его тексты, – и всего богатейшего исторического контекста. В 2021 г. за этот труд Наталия Павловна была удостоена Премии РАН им. С. Ф. Ольденбурга.

В своей работе как автора, так и переводчика Наталия Павловна не признавала никакой приблизительности, никакой неточности, незаконченности – всё, что публиковалось ею, было выверено до последней запятой, до нюансов формулировок, до выбора синонимов. Именно поэтому опубликовано ею немного – о чём

можно только сожалеть, поскольку никто не ориентировался в минских источниках – исторических, экономических, правовых – так, как она. Она очень многого не успела. Но всё равно её работы (особенно переводы) – невероятно прочный, многократно выверенный, безукоризненно надёжный фундамент, на котором, конечно, должно вырасти достойное здание нового изучения китайского традиционного права – но вырастет ли?

С 1994 по 2005 г., в тяжелейшее время, Наталия Павловна взяла на себя огромный труд редактирования сборников «Общество и государство в Китае» – и не только, судя по всему, спасла этим старейшее китаеведное издание, но и подняла на высочайший уровень качество публиковавшихся там материалов, безжалостно, невзирая на чины и звания, не боясь ссор и обид, отсеивая сырые, непервоклассные, несовершенные работы. Ни один, даже самый близкий человек, не мог надеяться на снижение проходной планки – он мог рассчитывать лишь на внимание редактора, на многочасовую совместную работу по доведению текста до приемлемого уровня. Впрочем, в этом Наталия Павловна не отказывала и любому автору, который был готов работать над своим текстом и самим собой, – несмотря на крайнюю занятость и стремительно ухудшающееся зрение. Нынешняя редколлегия «Общества и государства» видит себя продолжателем редакторских традиций и стандартов, заложенных тогда Наталией Павловной. Многие года она поддерживала нас как наставник – теперь, надеемся, как дух-покровитель.

Наталия Павловна не была простым в общении человеком, «дамой, приятной во всех отношениях». Вовсе нет. Она не могла смириться с человеческими недостатками и слабостями, не считала возможным прощать их, презирала их – как в себе, так и в других; но сама при этом недостатков была почти лишена – и как человек, и как учёный. Равных ей вокруг было слишком мало. И потому порой она могла быть резкой, желчной, высокомерной, резонёрствовать. Редко шла на компромиссы в жизни и никогда – в науке. Совсем не могла, не умела простить обмана, фальши, недобросовестности. Она занимала в отделе Китая, в Институте востоковедения, да и в российском китаеведении в целом особое место – Немезиды, безжалостного, нелицеприятного камертона, чьи похвалы редки,

а замечания обязательны к исполнению. Для неё самой рецензентов, да и достойных читателей – почти не было. И ей в науке было довольно одиноко.

Всего два года назад в юбилейной статье мы писали: «Стаж её неустанной работы в Институте востоковедения превышает историю существования самого института в его современном виде и приближается к "трудовому стажу" нынешней английской королевы. Как и Елизавета II, Наталья Павловна всегда – символ, но не нерушимости монархии, а более важных вещей – незыблемости основ человеческой и научной честности. Она – явленный образец последовательности, принципиальности и бескомпромиссной требовательности ко всем – и прежде всего к себе». Кто мог знать, что это сравнение, оказывается, не просто фигура речи. Повсюду уходит столь дорогое нашему сердцу прошлое, уходит сама жизнь.

Неумолимое время навсегда разлучает нас с нашими учителями, наставниками, старшими коллегами, образцами. Не у кого спросить совета, не к кому прислониться. Но – помнить.

С. В. Дмитриев

Публикации о Наталии Павловне Свистуновой

1. К 85-летию Н. П. Свистуновой // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2015. – С. 1016–1022.

2. К 90-летию Наталии Павловны Свистуновой // Общество и государство в Китае. Том L. Ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 9–12.

3. *Дризе Ю.* Энциклопедия проступков. В законодательстве средневекового Китая отразилась реальная жизнь // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. – 17 декабря 2021 г. – № 51 (1697). – С. 14.

Избранная библиография

Переводы

1. Установления о соли и чае / Пер., вст. ст. и комм. Н. П. Свистуновой; отв. ред. Р. В. Вяткин. – М.: Наука, 1975. – 279 с.

2. Свод законов Великой династии Мин с комментариями и дополнительными постановлениями: законы [по ведомству] церемоний / Введ., пер. и комм. Н. П. Свистуновой // Народы Азии и Африки. – 1982. – № 1. – С. 115–127.

3. Минское законодательство о государственном аппарате и делопроизводстве / Пер. с кит., вступ. и коммент. Н. П. Свистуновой // Народы Азии и Африки. – 1984. – № 6. – С. 100–114.

4. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 1 / Пер. с кит., иссл., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1997. – 573 с. – (Памятники письменности Востока; CXIII. 1).

5. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 2 / Пер. с кит., иссл., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 1997. – 573 с. – (Памятники письменности Востока; CXIII. 1).

6. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 3 / Пер. с кит., введ., прим. и прил. Н. П. Свистуновой / Отв. ред. С. Кучера. – М.: ИФ «Восточная литература», 2012. – 444 с. – (Памятники письменности Востока; CXIII, 3).

7. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (*Да Мин люй цзи цзе фу ли*). Ч. 4 / Пер. с кит., введ., примеч. и прил. Н. П. Свистуновой. – М.: Изд-во вост. лит., 2019. – 550 с. – (Памятники письменности Востока; CXIII, 4).

Монография и статьи

1. Аграрная политика минского правительства во второй половине XIV в. / Отв. ред. Л. В. Симоновская. – М.: Наука, 1966. –168 с.

2. Гибель государства Южных Сунов // Татаро-монголы в Азии и Европе / Отв. ред. С. Л. Тихвинский. – М.: Наука ГРВЛ, 1970. – С. 271–293 (Изд. 2-е, пер. и доп.: М.: – Наука ГРВЛ, 1977. – С. 282–305).

3. Об исторических взглядах Цзянь Боцзаня и их критике в КНР // Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. – М.: Наука, 1971. – С. 217–231 (2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1981. – С. 291–305).

4. Обзор дискуссии о формах земельной собственности в феодальном Китае // Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. – М.: Наука, 1971. – С. 82–100 (2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1981. – С. 73–90).

5. Казённое ремесло танского периода (VII–X вв.). Структура, сырьё, рабочая сила // История и культура Китая. Сборник памяти акад. В. П. Васильева / Отв. ред. Л. С. Васильев. – М.: Наука, 1974. – С. 249–274.

6. Обзор журнала «Минские исследования» (Ming Studies, Minneapolis, 1976, № 2 // Общественные науки за рубежом: Сер. 9. Востоковедение и африканистика. – 1978. № 3. – С. 204–208.

7. State-run workshops in the Tang period (7th–10th Centuries) // China: state and society / Ed. council: Fedoseev P. N. (chairman) et al. – Moscow: Nauka, 1985. – Pp. 64–93.

8. Обзор дискуссии об азиатском способе производства // Общественные науки в КНР / Редколл.: Делюсин Л. П. (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1986. – С. 370–404.

9. О значении выражения «юнь цю лян» из минского свода законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–2 / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. – М.: Наука ГРВЛ, 1986. – Ч. 2. – С. 86–91.

10. Соляная монополия при династии Мин (1368–1644 гг.): система управления // Восемнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–2 / Отв. ред., ред. и сост. А. И. Кобзев. – М.: Наука ГРВЛ, 1987. – Ч. 2. – С. 89–96.

11. О нескольких специфических терминах из «Да мин люй цзи цзе фу ли» (К проблеме перевода средневековых китайских источников) // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–3 / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. – М.: Наука ГРВЛ, 1990. – Ч. 1. – С. 182–187.

12. Об императорской фамилии в минском своде законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Двадцать первая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–3 / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов, соред. О. В. Зотов. – М.: Наука ГРВЛ, 1990. – Ч. 3. – С. 31–50.

13. Некоторые соображения о разделе «Таблицы» минского свода законов («Да Мин люй цзи цзе фу ли») // Двадцать вторая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–3 / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов. – М.: Наука ГРВЛ, 1991. – Ч. 1. – С. 164–177.

14. Император в своде законов // Двадцать четвёртая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 1–2 / Отв. ред., ред. и сост. А. Н. Хохлов. – М.: Б. и., 1993. – Ч. 1. – С. 89–98.

15. Рабство в Китае в XIV–XVII веках по материалам Свода законов династии Мин «Да Мин люй цзи цзе фу ли» // Двадцать пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1994. – С. 20–38.

16. Из истории соляной монополии в Китае: создание и функционирование системы *кайчжун* в период правления Чжу Юань-чжана // Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство

в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1995. – С. 47–69.

17. Краткий очерк истории создания минского кодекса (*Да Мин люй*) // Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1996. – С. 72–88.

18. Загадки статьи четвёртой минского кодекса («Да Мин люй») // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. Ч. 1–2 / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова.– М.: ИВ РАН, 1998. – Ч. 1. – С. 128–141.

19. Некоторые проблемы семейно-брачных отношений в периоды Цин и Мин (по материалам законодательных кодексов) // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: ИД «Муравей», 1999. – С. 79–95.

20. Об одном частном казусе и некоторых общих проблемах законодательства династий Юань и Мин // XXX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2000. – С. 44–58.

21. К вопросу о неоднородности чиновничества в минскую эпоху и переводе названий некоторых его групп на русский язык // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2001. – С. 71–90.

22. Законы о наследовании в минских кодексах *Да Мин лин* и *Да Мин люй* // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. – С. 88–115.

23. К вопросу о переводе и интерпретации китайских источников: на примере законодательных статей о частной внешней торговле в минскую эпоху // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2003. – С. 70–80.

24. Несколько замечаний о переводе Тан люй шу и // XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2004. – С. 259–288.

25. Организация государственной почтовой службы в Минской империи (23.I.1368–25.IV.1644) // XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2005. – С. 126–150.

26. *Се тянь-цзюнь* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М. Л. Титаренко,

Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2007. – С. 565–566.

27. Об интерпретации одного пассажа из танского и минского кодексов законов // XL научная конференция «Общество и государство в Китае» / Гл. ред. А. А. Бокщанин, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. – М.: ИВ РАН, 2010. – С. 123–129.

28. «Финансовая реформа» 1404 года: её истоки и последствия // XLI научная конференция «Общество и государство в Китае»/ Гл. ред. А. А. Бокщанин, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2011. – С. 128–142. (Учёные записки Отдела Китая, вып. 3).

29. Термин 里老 *ли лао* в *Да Мин люй цзи цзе фу ли* (к проблеме перевода) // XLII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Гл. ред. А. И. Кобзев, сост. и отв. ред. С. И. Блюмхен. – М.: ИВ РАН, 2012. Ч. 1–3. – С. 288–299. – (Учёные записки Отдела Китая; вып. 6; т. 1).

30. Глава 18 «Разбой и воровство» «Законов Великой династии Мин» // 47 научная конференция «Общество и государство в Китае». Т. XLVII. Ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2017. – С. 108–226. – (Учёные записки Отдела Китая; вып. 23).

31. Защита человеческой жизни в праве минской эпохи: перевод главы 19 «Законов Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений» (Да Мин люй цзи цзе фу ли) // 48 научная конференция «Общество и государство в Китае». Том XLVIII. Ч. 2. – М.: ИВ РАН, 2018. – С. 479–522. – (Учёные записки Отдела Китая; вып. 28).

32. Из истории минского законодательства: кодекс «Да Мин лин» // 50 научная конференция «Общество и государство в Китае». Том L. Ч. 1. – М.: ИВ РАН, 2020. – С. 156–185. – (Учёные записки Отдела Китая; вып. 34).

Редакторская работа

1. Историческая наука в КНР / Отв. ред. Р. В. Вяткин, Н. П. Свистунова. – М.: Наука, 1971. – 303 с. (2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1981. 357 с.).

2. Роль традиции в истории и культуре Китая / Ред. Л. С. Васильев, В. Н. Никифоров, Н. П. Свистунова. – М.: Наука, 1972. – 376 с.

3. Двадцать пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1994. – 311 с.

4. Двадцать шестая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1995. – 353 с.

5. Двадцать седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: Б. и., 1996. – 258 с.

6. XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. Ч. 1–2. – М.: ИВ РАН, 1998. – 474 с.

7. XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Отв. ред. и сост. Н. П. Свистунова. – М.: ИД «Муравей», 1999. – 325 с.

8. XXX научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2000. – 255 с.

9. XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2001. – 272 с.

10. XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. – 366 с.

11. XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2003. – 286 с.

12. XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2004. – 304 с.

13. XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае» / Сост и отв. ред. Н. П. Свистунова. – М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2005. – 311 с.

Трудовая книжка

Фамилия Свистунова

Имя Наталия

Отчество Павловна

Год рождения 1930

Образование: начальное, среднее, высшее
(подчеркнуть)

Профессия историк

Подпись владельца Трудовой книжки

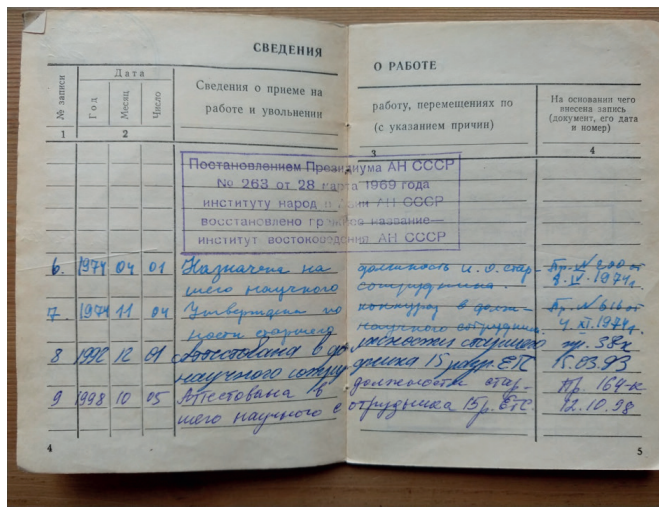
Свистунова

Дата заполнения Трудовой книжки

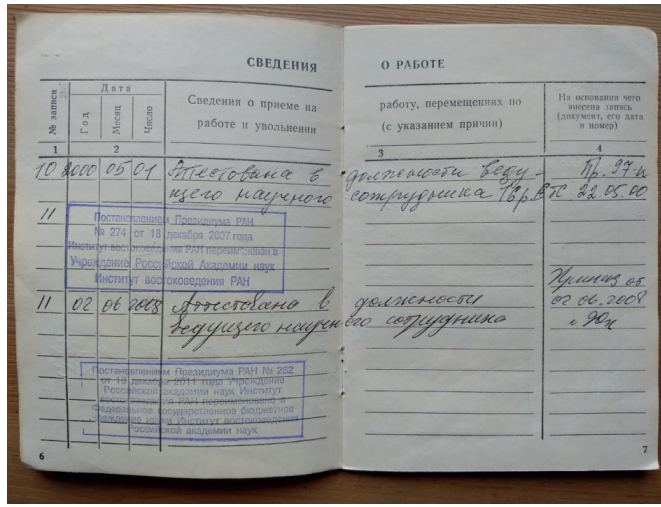
12 сентября 1972

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Сведения о приеме на работу и увольнении	О работе: работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
1	1948	по	1953	Учеба в Московском Государственном Университете им. М.В.Ломоносова		Диплом Ж № 783249
2	1953	по	1960	Учеба в аспирантуре МГУ и техническом Университете.		данные отдела
	1957	01	21	Институт	Китаеведения АН СССР	Пр. 11-з/1958
3.	1960	09	8	Младший научный сотрудник		Пр. 20-з от 19/IX 1960
4	1961	05	1	Откомандирован в порядке перевода в Институт Народов Азии АН СССР		Пр. 119 от 10/V 1961г.
				Институт	Народов Азии АН СССР	
5.	1961	05	1	Зачислена в порядке перевода младшим научным сотрудником		Пр. 119 от 10/V 1961г.
				См. на обороте.		

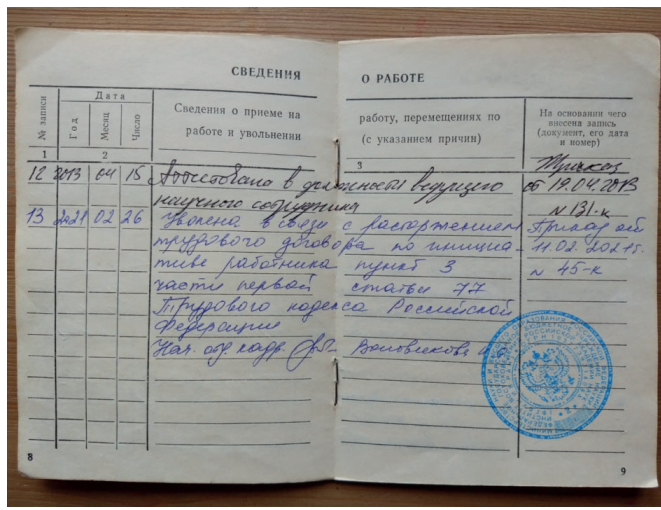

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Сведения о приеме на работу и увольнении	О работе: работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
				Постановлением Президиума АН СССР № 263 от 28 марта 1969 года институту народов Азии АН СССР восстановлено прежнее название — институт востоковедения АН СССР		
6.	1971	04	01	Назначена на должность научного	должность н.с. ст. сотрудника.	Пр. №200-к 4.V.1971г.
7	1971	11	04	Утверждена по конкурсу старшим	по конкурсу в должности старшего сотрудника	Пр. №616-к от 4.XI.1971г.
8	1992	12	01	Аттестована в	должность 15 разр. ЕТС	Пр. 382-к 15.03.93
9	1998	10	05	Аттестована на	должность ст. сотрудника 15 р. ЕТС	Пр. 164-к 12.10.98

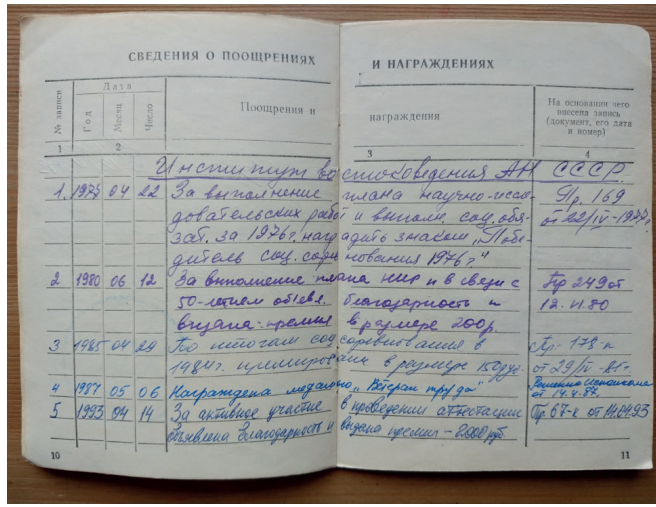
СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	4
10	2000	05	01	Аттестована в	должности ведущего	Пр. 97-к
				нього научного	сотрудника Тар.разр.	от 22.05.00
11	Постановлением Президиума РАН № 274 от 18 декабря 2007 года Институт востоковедения РАН переименован в Учреждение Российской Академии наук Институт востоковедения РАН					
11	02	06	2008	Аттестована в	должности	Приказ от
				ведущего научно	го сотрудника	02.06.2008
						г. 90-к
	Постановлением Президиума РАН № 262 от 15 декабря 2011 года Учреждение Российской академии наук Институт востоковедения РАН переименовано в Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук					
6						7

СВЕДЕНИЯ О РАБОТЕ

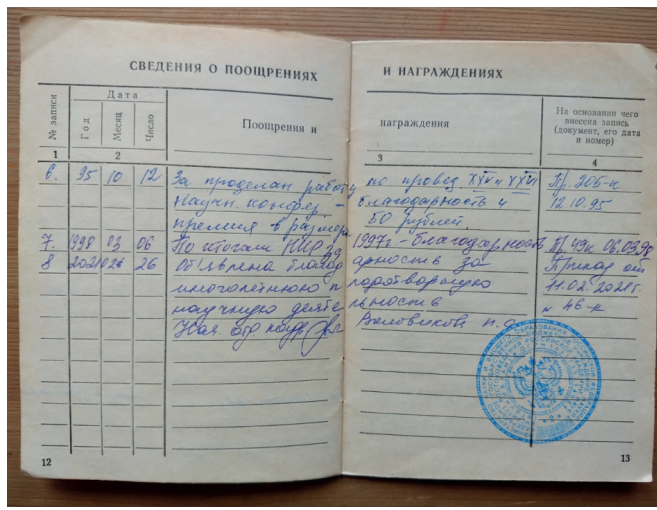
№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Сведения о приеме на работе и увольнении	работу, перемещениях по (с указанием причин)	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1	2				3	
12	2013	04	15	Зачислена в	должности ведущего	Приказ от
				научного сотрудника		19.04.2013
						№ 131-к
13	2021	02	26	Уволена в связи с расторжением		Приказ от
				трудового договора по инициа-		11.02.2021 г.
				тиве работника пункт 3		№ 45-к
				части первой статьи 77		
				Трудового кодекса Российской		
				Федерации		
				Нач. отд. кадр. [illegible]	Вилькова	
8						9

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1		2		3	4
			21	[illegible]	[illegible]
1.	1975	04	22	За выполнение	сообщения АН СССР
				дополнительных работ	плана научно-иссл.
				Забот. за 1976 г. нагр.	и внешн. сод. обяз-
				диплом сод. сорев.	ательств знаком "Побе-
					дитель соц. соревнования 1976 г."
2	1980	06	12	За выполнение плана НИР и в связи с	Пр 249-к
				50-летием обл.сов.	12.VI.80
				Вынесена благодарность и	
				премия в размере 200 р.	
3	1985	04	29	По итогам соц	Пр. 178-к
				соревнования в	от 29/IV-85г.
				1984 г. премирован	Решение президиума
4	1987	05	06	Награжден медалью	от 14.V.85г.
5	1993	04	14	За активное участие	Пр. 67-к от 14.04.93
				Вынесена благодарность и	

10 11

СВЕДЕНИЯ О ПООЩРЕНИЯХ И НАГРАЖДЕНИЯХ

№ записи	Дата: Год	Дата: Месяц	Дата: Число	Поощрения и награждения	На основании чего внесена запись (документ, его дата и номер)
1		2		3	4
6.	95	10	12	За проделан работу	по проведению XVI и XVII
				Научн. конф. -	Пр. 206-к
				премия в размере	12.10.95
					50 рублей.
7.	1998	05	06	По итогам КПР	1997г - благодарность
8	2021	02	26	05 времени благо	Пр. 43-к 06.03.98
				многолетнюю п	за
				научную деяте	Приказ от
				[illegible]	11.02.2021г.
					№ 46-к

12 13

CONTENTS

Source Studies

Vinogrodskaya V. B.
Coordinative Compound Words
in Classical Chinese and in the Russian Translation 8

Kolnin I. S.
Comparison of the Text of *Daoyi zhilüe* 島夷誌略
("A Brief Account of Island Barbarians"; 1349/1350)
with the Surviving Fragments of the First Edition of *Daoyi zhi* 島夷誌
Preserved in *Min shu* 閩書 ("The Book of Min"; 1619)..... 20

Zotova A. B.
Women's Analects: What was a Woman Taught in the Celestial Empire? 43

Lapin P. A.
Rong Hong, the Organizer of a New Education in China,
and the first Chinese students in the USA (1871–1881)..... 54

Literature & Art

Berezkin R. V.
Autobiographical Features in the "Biography of the Hermit One
Among Six" by Ouyang Xiu (1070): Translation with Preface..... 72

Tkach P. M.
The Problem of a New Interpretation of Shi Nai'an's Novel "The Water Margin".... 107

Odinokova P. S.
Scattered Notes at a Rainy Window..... 136

Burdonov I. B.
The Path of One Poem: from Li Hua to Gumilyov,
Through Times and Countries 150

Dorofeeva N. A.
Vertinsky in Chinese Emigration..... 205

Politics and Economics

Andreeva S. G.
From the diplomacy to a war: Certain Aspects
of the China-Japan Relations with Regards to Korea in the Early 1890s 249

Larin A. G., Lukin A. V.
Chiang Ching-kuo's Life in the USSR and the Formation of His Worldview..... 297

Perminova V. P.
"New remembering" of the War of Resistance in China
and its Influence on Relations Between Beijing and Tokyo in 1990s..... 341

Afonaseva A. V.
About the PRC's Institutions for Working with the Chinese Diaspora..... 371

Zhilkibaev S. N.
China and Russia Counter-Sanctions Regime: Economic and Legal Analysis 387

China and Russia

Astaykin A. A.
"They Did Not Have Time to Prepare for the Battle":
Princes of Rus', the Polovtsians and the Mongols in the Campaign
and the Battle on the Kalka Rivers, 1223 AD 399

Dmitriev S. V.
The Battle on the Kalka River (1223) in Chinese Chronicles
(on the Main Patterns and Stages of the Studies in the History
of Mongol Empire in Old China) 448

Akulich A. V.
"Fitting the Local Conditions of the Official and Civic Life of the Chinese":
Celebrations of the Easter and the Lunar New Year in the Heyday
of the Orthodox Christian Mission in China (1900–1917) 534

Nazemtseva E. N.
From the History of Russian Orthodoxy in Xinjiang:
the Difficult Fate of the Temple in Urumqi 561

Kobzev A. I.
The Wreck of the Soviet China Studies 'Titanic' 577

Scientific Life

Rudenko N. V.
Autumn Sinological Symposium: Review of the Conference
"Chinese History, Culture and Language" (IOS RAS, October 27–28, 2022) 601

Kobzev A. I.
Kruglov's Quadrature, or The New Adventures of Chichikov 620

Appendix. Review by A. I. Kobzev on the Article
"Ontological-dynamic Concepts of the I Ching Tradition
and the Model of their Linguocultural Analysis" 633

Maslovets O. A.
Pseudoprofessionalism and psychopathy 638

Appendix 1. Official Letter from O. A. Maslovets dated 12/23/2021 646
Appendix 2. Official Letter from O. A. Maslovets dated 10/01/2022 647
Appendix 3. Official Letter from O. A. Maslovets dated 18/02/2022 649
Appendix 4. Order № 78-K dated 18/01/2022 651
Appendix 5. Order № 758-K dated 10/03/2022 652
Appendix 6. Report of the Chinese Language Teachers
Association Control and Audit Commission 653

Zavyalova T. G.
Memoire 660

Appendix 1. Review by T. G. Zavyalova, Yu. A. Azarenko,
N. Sh. Nikolaeva on the textbook: Richter Jiagu, Kruglov V. V.
"Diplomacy. Chinese Language" 663
Appendix 2. Review by A.V. Semenov on the Richter Jiagu
and V. V. Kruglov's textbook "Diplomatic Service. Chinese Language" 666

Safin T. G.
Announce but Read Out:
About the Appeal for V. V. Kruglov's Defense 677
Appendix 1. Review by S. V. Dmitriev on the V. V. Kruglov's Dissertation 685
Appendix 2. Review by N. V. Rudenko on the V. V. Kruglov's Dissertation.... 688
Appendix 3. Review by T. A. Safin on the V. V. Kruglov's Dissertation 698
Appendix 4. Conclusion of the Dissertation Council for the Defense of the V. V. Kruglov's Dissertation..... 701
Appendix 5. T. A. Safin's Appeal Against the Decision of the Dissertation Council 702
Appendix 6. Conclusion of the Appeal Commission regarding to the Appeal by T. A. Safin..... 704

Congratulations

Celebrating the 60th Anniversary of Valentin Tsunlievich Golovachev..... 706
Celebrating the Anniversary of Larisa Petrovna Chernikova 709

In Memoriam

Chernikova L. P.
Georgy V. Melikhov: China Scholar, Research Associate at the Institute of Oriental Studies (Life, Work, Research) 713
Dmitriev S. V.
Nataliya Pavlovna Svistunova (12.06.1930 – 06.09.2022) 737

Contents..... 749

目录 752

目录

文献史料学

维诺格罗德斯卡娅·维·布
文言文与译文中的“合成词” 8
科尔宁·伊·谢
《岛夷志略》与《闽书·岛夷志》初版遗存片段的对比 20
佐托娃·阿·鲍
“女子的《论语》”：天下之女以何为教？ 43
拉宾·帕·安
清代中国新教育组织者容闳和第一批赴美中国学生（1871–1881年） 54

文学与艺术

别列兹金·罗·弗
欧阳修《六一居士传》（1070年）的自传特征（序文和译文） 72
特卡奇·彼·马
施耐庵《水浒传》新解问题 107
奥迪诺科娃·波·谢
《雨窗漫筆》 136
布尔多诺夫·伊·鲍
李华《海上明》之道：穿越时空国度 150
多罗费耶娃·娜·阿
侨居中国的维尔廷斯基 205

政治与经济

安德烈耶娃·斯·根
从外交到战争：1890年代初期中日关系关于朝鲜的若干方面 249
拉林·亚·格，卢金·亚·弗
蒋经国在苏联的生平及其世界观的形成 297
佩尔米诺娃·薇·亚
二十世纪90年代中国抗战记忆“更新”及其对北京与东京关系的影响 341
阿福纳西耶娃·阿·弗
负责与中国侨民合作的中华人民共和国机构 371
日尔基巴耶夫·萨·努
中俄反制裁制度：经济、法律分析 387

中国与俄罗斯

阿斯泰金·安·阿
“其不及时备战”：俄罗斯国王、波洛韦次人和蒙古人在卡尔卡河上的征战（1223年） 399
德米特里耶夫·谢·维·(谢德照)
中国史籍中的卡尔卡之战（1223年）：论古代中国记载蒙古帝国历史的主要趋势和阶段 448
阿库利奇·阿·弗
“适应中国人的国务与公民生活本地条件”：
在华东正教传教鼎盛期的农历新年和复活节庆祝活动（1900-1917年） 534
纳泽姆采娃·叶·尼
俄罗斯东正教在新疆历史的一段事件：乌鲁木齐教堂的苦难命运 561

科布杰夫·阿·伊(科雅琼)·
苏联中国学泰坦尼克号沉没 577

科学生活

鲁坚科·尼·弗(鲁登寇)
秋季汉学研讨会:“中国历史、文化和语言”会议概述
（俄罗斯科学院东方学研究所, 2022年10月27-28日） 601
科布杰夫·阿·伊(科雅琼)
不成方圆的克鲁格洛夫:乞乞科夫新历险记 620
附录。阿·伊·科布杰夫对
“易经传统的存在动态概念及其语言文化分析模式”论文的评论 633
伪职业主义和精神病态:莫斯科国立国际关系学院汉语、
越南语、泰语和老挝语系主任奥·阿·马斯洛韦茨来信。 638
附录(一)。2021年12月23日奥·阿·马斯洛公函 646
附录(二)。2022年1月10日奥·阿·马斯洛公函 647
附录(三)。2022年2月18日奥·阿·马斯洛公函 649
附录(四)。2022年1月18日 №78-K 命令 651
附录(五)。2022年3月10日 №758-K 命令 652
附录(六)。汉语教师协会监督与审计委员会的报告 653
扎维亚洛娃·塔·格·(孙静)
回忆录 660
附录(一)。塔·格·扎维亚洛娃、尤·阿·阿扎伦卡、纳·沙·尼古拉
耶娃对项佳谷、弗·弗·克鲁格洛夫《外交·汉语》教科书的评论 663
附录(二)。亚·弗·谢苗诺夫对项佳谷、
弗·弗·克鲁格洛夫《外交职务·汉语》教科书的评论 666
萨芬·季·阿·(桑金木)
宣布可不朗读:对弗·弗·克鲁格洛夫论文答辩的上诉 677
附录(一)。谢·维·德米特里耶夫对弗·弗·克鲁格洛夫论文的评论 685
附录(二)。尼·弗·鲁坚科对弗·弗·克鲁格洛夫论文的评论 688
附录(三)。季·阿·萨芬对弗·弗·克鲁格洛夫论文的评论 698
附录(四)。论文委员会关于弗·弗·克鲁格洛夫论文的断定 701
附录(五)。季·阿·萨芬关于论文委员会断定的上诉 702
附录(六)。上诉委员会对季·阿·萨芬上诉的断定 704

庆祝

瓦伦丁·存礼耶维奇·戈洛瓦乔夫诞辰 60 周年 706
拉里萨·彼得罗夫娜·切尔尼科娃诞辰 709

In Memoriam

切尔尼科娃·拉·彼
汉学家、东方学研究所员梅利霍夫·格·瓦(生活、工作、研究) 713
德米特里耶夫·谢·维·(谢德照)
娜塔莉亚·帕夫洛夫娜·斯维斯图诺娃·(12.06.1930 – 6.09.2022) 737
Contents 749
目录 752

Научное издание

Серия «Учёные записки Отдела Китая»
Выпуск 43

ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО В КИТАЕ
Том LII

Сборник статей

Редактор *Н. В. Руденко*
Верстальщик *Н. В. Макеева*
Корректор *С. В. Кирюхина*

Общероссийский классификатор продукции ОК 034-2014 (КПЕС 2008):
58.11.12 – Книги печатные профессиональные, технические и научные

Подписано в печать ??? г. Формат 60×90/16
Усл. печ. л. 43,8. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН)
Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12

Архив-каталог книг ФГБУН ИВ РАН – на сайте https://book.ivran.ru

КНИГИ
BOOKS IOSRAS
ИВ РАН

Сообщения об опечатках, ошибках и неточностях, обнаруженных в книгах, изданных ФГБУН ИВ РАН, отправлять на адрес электронной почты izd@ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4
Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru